

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОГО РОМАНА

АЙБЕК

*Священная
кровь*

П. КАДЫРОВ

Алмазный пояс

А. ЯКУБОВ

Совесть

РОМАНЫ

Перевод с узбекского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1988

ББК 84 У37
А 36

Художник
ВЛАДИМИР АЛАДЬЕВ

4702620201—389
А $\frac{\quad}{083(02)—88}$ 345—88
ISBN 5—265—00096—8

© Состав и оформление. Издательство
«Советский писатель».
1988

ОТ ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОСТИ

Три романа под одной обложкой. Три автора, каждый со своим художественным почерком, своими красками, своим видением мира. Айбек — это классика узбекской советской литературы, Пиримкул Кадыров и Адыл Якубов — ее нынешний день. Учитель и ученики? Скорее, зачинатель и последователи. Ибо, при всех индивидуальных особенностях таланта, А. Якубов и П. Кадыров во многом продолжили поиски старшего мастера. Правда, в иное время, в иных условиях.

Внутренние, духовные связи между авторами этой книги очевидны отчетливо. Сам творческий пример Айбека оказался заразительным для его коллег. Все трое, например, с равным увлечением обращались и к современности, и к истории. Все трое отдали много сил изучению эпохи так называемого восточного ренессанса. Выстроив их произведения по хронологии событий, мы получим в итоге как бы некое совокупное исследование. Сцеплены биографии реальных действующих лиц, созвучны их мечты, надежды, устремления. Так, А. Якубов рассказал в своей книге о трагической фигуре правителя средневекового Самарканда, философа, математика, астронома Улугбека (роман «Сокровища Улугбека»). Герой Айбека, крупный политический деятель и величайший поэт Средней Азии Алишер Навои, формировался под несомненным воздействием опыта и просветительских идей своего венценосного предка (роман «Навои»). И наконец, П. Кадыров посвятил свой роман «Звездные ночи» ученику Навои и прямому потомку Улугбека — лирику, историку и полководцу Захириддину Бабуру.

Столь же знаменательна и преемственность другого рода. Айбек в своей «Священной крови» воскресил быт старого, предреволюционного Ташкента. Спустя несколько десятилетий П. Кадыров даст своей книге «Алмазный пояс» симптоматический подзаголовок «Ташкентский городской роман». И, разумеется, речь здесь пойдет уже о нынешнем поколении горожан. То в Ташкенте, то в сельской глубинке совершается действие романа А. Якубова «Совесть».

Короче говоря, соседство трех произведений под одной обложкой по-своему оправдано. Оно оттеняет не только различие манер, но и движение истории, трансформацию человеческих забот, интересов, конфликтов.

Но сначала о «Священной крови». Опубликованный в конце тридцатых годов, этот роман стал важной вехой в биографии молодой узбекской прозы, свидетельством укрепления в ней позиции социалистического реализма.

Сейчас уже трудно восстановить чувство яркости, свежести, новизны, которые вызвала в ту пору работа Айбека. Оно шло и от колоритных картин прошлого, и от узнаваемости характеров, и от самого писательского мастерства. Неотъемлемыми атрибутами так называемого восточного повествования издавна считались цветистость, фольклорная гиперболичность, пристрастие к романтическим приключениям, странствиям, подвигам. Впрочем, едва ли стоит относиться к этим чертам с заведомым предубеждением. На разных этапах литературного процесса они могут играть различную роль. Все зависит от природы писательского дарования. Да и в романе Айбека слышится диалог с традицией. То же похищение Гульнар из байского дома, те же скитания батрака Юлчи в поисках любимой, тот же поединок с байским наемником Кара-Ахмадом. И все же интонация произведения иная. Иная в принципе. Создавая «Священную кровь», Айбек ориентировался на опыт Горького, его уроки. И это горьковское начало сказывалось и в прозрачности языка, и во внимании к человеку из народа, к душевному миру труженика, и в искусстве социального, классового анализа действительности.

Да, главный герой романа Юлчи — обыкновенный крестьянский парень. Трудолюбивый, добродушный, искренний и доверчивый. Попав в дом своего богатого родственника, ташкентского купца Каримбая, он готов служить хозяину не за страх, а за совесть. Не гнушаясь самой черной работой, не требуя никаких привилегий.

И сам конфликт романа вызревает, развивается в процессе столкновения этой душевной чистоты с миром алчности, ханжества, насилия.

Работа Айбека многопланова и многообразна по своим коллизиям. Она открывает как бы поперечный разрез тогдашнего Ташкента. От вершины социальной пирамиды до ее подножья. Писатель ведет нас то в богатые особняки нового города, то в жалкие лачуги старого, неспешно, обстоятельно присматривается к жизни кузнецов и сапожников, батраков и хозяев, купцов и приказчиков. И что ни слой, то свои нравы, проблемы, заботы. Одни — у могущественного Мирзы-Каримбая, ворочающего капиталами, бдительно следящего за пляской цен, за действиями конкурентов, другие — у поденщика Шакасыма, оставшегося без крова, без работы и без куска хлеба. Одни — у избалованной, изнывающей от праздности байской дочери Нури, другие — у ее служанки Гульнар, униженной, приравненной к рабыне.

Они кажутся бесконечно далекими от нас, сегодняшних, эти запечатлен-

ные зорким взглядом художника картины минувшего. Купеческие загулы в шикарных ресторанах. Ревнивое соперничество жен, оспаривающих расположение мужа и свое первенство в семейной иерархии. Затхлый, застойный быт ичкири (женской половины дома), где все укрыто от посторонних, сковано бесчисленными регламентациями и запретами. Гомон базарных носильщиков, готовых надрываться за гроши. Всевластие пристава, помыкающего инородцами. Арханка? Но все это было еще за четверть века до появления романа, все это страницы нашей истории, страницы, объясняющие закономерность и неизбежность революционных перемен.

Айбек создает в «Священной крови» поразительно красочную панораму действующих лиц, типов поведения. Изображая классовое расслоение общества, он далек от нивелировки характеров, от унылого схематизма. У каждого из его героев своя психология, свои запросы, своя манера держаться. Одно дело — Мирза-Каримбай с его патриархальными замашками, с его претензиями на роль опекуна, наставника, другое — отец Танти-байбачи, погрязший в скупости, боящийся истратить на себя хотя бы копейку из своего несметного состояния, и совсем иное — молодой коммерсант Хаким, рекламирующей свою причастность к просвещению, жаждущий реформ, поощряющий газеты и журналы. И так же, как богачи, неодинаковы в романе и неимущие. Если отчаявшийся Шакасым лишь бессильно сетует на свою участь, если Ярмат всецело уповаает на хозяев, их покровительство, их подачки, то сапожник Шакир уже открыто ропщет на власти. Однако сквозь неповторимое, индивидуальное, личное неизменно проступает и общее, классовое. Ибо как бы ни спорили Каримбай и его сыновья, как бы ни враждовали другие купцы, все они едины в защите своих прибылей, в своем презрении к голытьбе.

Писатель строит свой роман на контрастах идеалов, нравственных норм, представлений о долге, чести, порядочности. И Юлчи в его повествовании принадлежит особая роль. Это не просто центральный герой, это еще и связной меду остальными персонажами.

Как дальний, хотя и обедневший родственник, этот явившийся из киш-лака юноша допущен в дом ташкентского купца. Перед его глазами проходят вереницей и тайные страсти, и тайные грехи, и тайные махинации хозяев. Как поденщик он делит все тяготы существования с такими же подневольными горемыками. Вместе с ними батрачит от зари до зари, вместе с ними испытывает голод и холод, нужду и лишения. Отсюда двойственность его положения, отсюда и сложность духовного самоопределения.

В первых главах романа Юлчи еще преисполнен доверия к своему дяде, к его мудрости, его сентенциям: «Если буду стараться, мне будет не плохо. Они ж родственники,— хоть других, может, и пощипывают, меня не обидят. Сколько дядя говорил со мной, сколько советов надавал». Да и как иначе, таков обычай, таков закон шариата, предписывающий почитать старших. И все же эта идиллия в отношениях недолговечна. При всей своей безропотности, покладистости Юлчи не может одобрить ни бесцеремонного увольнения несчастного Шакасыма, ни унижения дехкан, которым в последнюю очередь доставалась вода для полива. И чувство справедливости исподволь подтачивало доверие к медоточивым речам Каримбая, привычку к послушанию.

Лейтмотив «Священной крови» — пробуждение сознания и достоинства

труженика. Пробуждение, которое совершается под воздействием горьких уроков самой действительности. И на байском поле, и в доме кузнеца Каратая, и в мастерской сапожника Шакира — повсюду Юлчи наблюдает одно и то же: страдания людей, их бесправие, зависимость от торговцев, беспросветную нужду. И все увиденное, услышанное рождает безотрадный вывод: «Торговцы сидят в своих лавках, укутавшись в дорогие шубы, в суконные теплые халаты. Дома их ожидает сытная еда. Дети их обуты, одеты, в тепле. Заботы редко сгоняют улыбку и довольство с их лиц. А бедный люд всю жизнь трудится и никогда не ест досыта».

Впрочем, герой книги недолго остается на позициях пассивного созерцателя. Его ум, его сердце все болезненнее откликаются на каждый случай попрания человечности, произвола, извращения духовных ценностей. Жизнь дяди и его семьи предстает в романе как насквозь лицемерная, проникнутая двойной моралью: для себя и для окружающих. Восхваляя священные узы родства, Мирза-Каримбай отказывается в помощи обнищавшей матери Юлчи. Проповедуя благочестие, он, в канун семидесятилетия, намеревается взять в жены невесту своего батрака, совсем юную Гульнар. Так под ударами обстоятельств рушатся патриархальные иллюзии молодого героя. И когда мулла Абдушукур распространяется о мусульманском братстве, о том, что «нет баев и бедняков, батраков и хозяев. Все мы туркестанцы, дети мусульман», Юлчи возражает убежденно: «Верно, все мы мусульмане, живем мы в одной стране. Но Мирза-Каримбай — мусульманин-хозяин, а я — мусульманин-батрак. Этого нельзя скрыть».

Два события становятся в «Священной крови» катализатором протеста юноши. Первое — издевательство над любимой и ее свадьба с престарелым хозяином. Второе — начавшаяся империалистическая война. Как ни различны эти события по своему масштабу и характеру, они смыкаются в сознании Юлчи, обретают некий общий знаменатель. Оба замешены на лжи, фарисействе, преступлении. Обманута и оклеветана Гульнар, которую вынудили покориться сластолюбивому Каримбаю. Обманут и весь узбекский народ, которому белый царь дал в свое время обещание освободить от военной службы. И если одно событие стало личной трагедией молодого батрака, то второе заставило ощутить трагедию тысяч обездоленных. Ведь бан где подкупали, где липовыми справками сумели уберечь своих детей от мобилизации, дехкане же должны были провожать сыновей под ружье.

И бунт Юлчи против ненавистного Каримбая, против его коварства сливается с бунтом против несправедливого мироустройства, против бесчеловечности хозяев.

Писатель не форсирует искусственно духовного раскрепощения своего героя, не превращает его в убежденного, профессионального революционера. Его Юлчи, хотя и побывавший в тюрьме, хотя и встретившийся там с большевиком Петровым, только-только постигает азы политграмоты, законы классовой борьбы. Но одно он уже усвоил прочно: «Во многих городах и селениях бедный люд начинает требовать свои права. В открытый бой с баями и тиранами вступает народ!» И гибель при штурме полицейского участка не была напрасной. Она звала к отмщению, к действию, к мужеству: «Не за себя — за народ кровь пролил. Эта кровь самая чистая, самая благородная. Это — священная кровь».

Конечно, в романе Айбека есть и романтические излишества, и любовные разоблачения, конечно, образ большевика Петрова отмечен некоторой бесплотностью. Но не забудем, что в ту пору был молод не только автор, молода была и вся узбекская проза. И теперь, спустя полвека после выхода романа, ясно видишь, какую важную роль сыграл он в развитии и обогащении историко-революционного жанра, в исследовании национального характера.

Он очень значителен, творческий вклад писателя в литературу родной республики. Стихотворения, поэмы, повести и романы. И среди них такие шедевры, как историческое повествование «Навои», как книга «Детство». Однако и прозаический дебют Айбека — роман «Священная кровь» не затерялся, не померк на этом фоне. Напротив, он по праву занял место рядом с такими этапными свершениями: как «Рабы» С. Айни, «Минувшие дни» А. Кадыри и другими.

* * *

Что же касается двух других авторов сборника, то их литературный путь начался уже в пятидесятые годы, когда слава Айбека была в самом зените.

Адыл Якубов, Пиримкул Кадыров... Эти имена часто стоят по соседству в критических статьях об узбекской литературе последних десятилетий. И действительно, в творческих биографиях романистов немало общего. Оба они писали о буднях деревни, о современном городе, о молодежи. Для каждого из них характерен пристальный интерес к сложной, противоречивой диалектике традиционного и нового, к истокам народной этики и культуры. И тот и другой с увлечением работают в историческом жанре.

Включенные в настоящий сборник романы «Совесть» А. Якубова и «Алмазный пояс» П. Кадырова созданы во второй половине семидесятых годов. И тогда же они вызвали широкое читательское внимание остротой анализа жизни республики, смелостью, открытостью разговора о наболевшем. Смелостью, которая тем более заслуживает уважения, что в узбекской литературе тех лет была сильна инерция «парадного многописания», что принципиальные, критические тенденции встречались в стыки.

Опубликованный в 1977 году роман «Совесть» сохраняет в себе устойчивые, генетические признаки прозы А. Якубова.

Как и в предыдущих своих работах — романе «Трудно быть мужчиной» и повести «Птица жива крыльями», — художник создает прихотливую композиционную структуру, где у каждого персонажа есть своя партия, где каждый поочередно попадает в фокус лучей.

Как и прежде, он равно внимателен и к событийной, и к психологической канве.

Как и прежде, увлечен расследованием случившегося.

Однако, говоря о преемственности, я имею в виду не повторы, а углубление.

Роман «Трудно быть мужчиной», посвященный деревне военных лет, завершался поражением карьериста и демагога Эртаева. Провожая на фронт новобранцев, майор Клыч торжественно обещал: «Они будут добывать на

фронте врага. Но и мы, их отцы, не будем сидеть здесь без дела. К их возвращению мы должны очистить наш воздух от карьеристов, стяжателей, которые присосались к советской власти, к партии. И мы сделаем, обещаем это вам, сыновья!..»

Увы, духовный собрат приспособленца Эртаева, один из героев романа «Совесть» — Джамал Бурибаев, благополучно вынырнул сухим из воды. Даже побывал в кресле замминистра. Да и теперь, в семидесятые годы, он весьма влиятельная персона. Как-никак начальник республиканского управления «Сельхозтехники».

Концепция действительности в новом произведении А. Якубова обрела многомерность, стала более трезвой и конфликтной.

Вспомним «Трудно быть мужчиной». Там картины военных лет лишь изредка перебивались отступлениями в прошлое персонажей. Причем самое близкое — в первые годы колхоза.

Хронологическое пространство «Совести» объемнее, вместительнее. Корни нынешних столкновений уходят в толщу лет. В скованности, подавленности Фазилат — отзвук потрясений войны. Ведь это тогда циничный Джамал Бурибаев обманом разлучил ее с любимым, растоптал веру в людей, в чистоту и добро. А профессор Нормурад Шамурадов? Еще в тридцатые годы он испытал предательские удары, нанесенные бывшим учеником Вахидом Мирабидовым. Она до сих пор памятна, эта крикливая статья под хлестким заголовком «Невежество или злой умысел?».

Отшумевшие, канувшие в небытие страсти? Однако Вахид Мирабидов по-прежнему процветает, по-прежнему выдает конъюнктурные поделки за фундаментальные научные открытия. Хотя и стал осторожнее, обрел респектабельность, академический лоск.

И не сегодня, не вчера началось противоборство Нормурада и Кудратходжи. Его исток — годы революции, когда сын бедняка и сын богатого торговца стали по разные стороны баррикады, его разгар — классовые битвы дней коллективизации. И теперь, обводя глазами скромную комнату профессора, состарившийся, спившийся, но ничего не забывший Кудратходжа насмешливо замечает: «Нормурад-ишан делал революцию, верой и правдой служил советской власти больше пятидесяти лет, и вот награда... За твою верную пятидесятилетнюю службу наградили этой сырой, хе-хе-кельей!»

Кудратходжа оценивает смысл прожитого величиной материальных приобретений и утрат.

Нормурад — величиной и величием совершенного.

Герои узбекского писателя словно бы включают в ту страстную полемику о предназначении человека, о целях самоосуществления, которую ведут в романе эстонца П. Куусберга «Капли дождя» Андреас Яллак и Эдуард Тынуярт, а в романе литовца М. Слуккиса «На исходе дня» — Наримантас и Казюкенас. И так же, как там, точкой отсчета, критерием истины служат идеалы Октября.

Настоящее в «Совести» — это итог и рубеж. На его территории проблемы, унаследованные от минувшего, встречаются с нынешними, преломляются в них. Так повествование о современности насыщается чувством истории, выливается в разговор о движении народной судьбы.

В шквальные дни разносов и проработок, вызванных статьей Мирабидова, профессор Шамурадов узнает о существовании тогда еще мало-

известного ленинского документа — декрета об освоении Голодной степи. «Вот эта-то птица счастья, неожиданно прилетевшая от самого Ленина, и спасла его».

Стечение обстоятельств, конечно, случайное. Но сам эпизод из числа ключевых. Писатель неустанно поверяет мысли, побуждения, поступки персонажей ленинскими нормами, ленинскими принципами.

С отчетливой установкой на синтез связана в романе и масштабность изображения. А. Якубов стремится рассмотреть современность целостно, в нерасторжимости мировоззренческих, этических, трудовых и семейно-бытовых коллизий. Сюжетные тропы прочно соединяют город и село, столичный научно-исследовательский институт и колхоз, райком партии и полевой стан хлопкоробов. И все же основа повествования — будни узбекского кишлака, его обитателей.

Все действующие лица романа Якубова — партийные работники, хозяйственники, ученые, механизаторы — так или иначе сгруппированы вокруг председателя Атакузы, образуют его, так сказать, естественную ауру. Куда бы ни заходил секретарь райкома Шукуров в столице или областном центре, он всюду замечал протянувшиеся «незримо нити... связей» Умарова. Нити, скрученные из родственных отношений, приятельства, услуг. Колебание любого волокна этой густой сети взаимозависимости вызывает неизбежный волновой эффект.

Для аспиранта Хайдара Атакузы не просто отец, но еще и могущественный покровитель. Человек, для которого не существует невыполнимого: «Несколько лет назад отец сказал: «Кончишь институт, устрою в аспирантуру». И устроил. И еще сказал: «Руководителем твоим будет самый авторитетный ученый». И добился своего! И вот теперь Атакузы вместе с Вахидом Мирабидовым разрабатывает стратегию предстоящей защиты, программу банкета. Такое сотрудничество обоюдовыгодно. И ответное одолжение тоже весомо: колхоз должен выдвинуть книгу Вахида на республиканскую премию.

А отношения Нормурада с Атакузы? Они порой на грани разрыва. Из-за худосочной диссертации Хайдара, из-за урочища Минг-булак. Однако даже истончившаяся грань непреодолима. Ведь Атакузы — единственный племянник, единственный родственник профессора, его опора в одинокой старости.

На мой взгляд, писатель иногда перебарщивает по части сюжетных хитросплетений. В самом деле: сын Атакузы Хайдар влюбляется в дочь Джамала Бурибаева, а сын Бурибаева сватается к дочери Атакузы. Жена секретаря райкома Шукурова оказывается дочерью Вахида Мирабидова. Переселившись из Ташкента в родной кишлак, Нормурад Шамурадов застаёт там и давнего друга юности, соратника по борьбе Прохора Поликарпова и столь же давнего антагониста Кудратходжу.

Думается, что такая концентрация случайностей — а я перечислил далеко не все — изрядно превышает допустимую. А. Якубов словно не доверяет возможностям магистрального конфликта и потому стремится обрамить его занимательными интригами, затейливой вязью неожиданностей.

Между тем история взлета и падения знаменитого колхозного председателя выразительна и без подобных архитектурных излишеств.

Мы знакомимся с Атакузы Умаровым накануне его юбилея. Пятьдесят лет — это и пора зрелости, и пора итогов. Что ж, у председателя нет оснований сетовать на пролетевшие годы: «Начал руководителем небольшого колхоза, потом постепенно, один за другим, присоединил несколько соседних. И, пожалуйста, вот он уже во главе гигантского хозяйства. Одни только хлопковые поля — больше трех тысяч гектаров! А какой поселок построил! Не уступит иному городу, прославил имя Атакузы на всю страну. Чего еще не хватает?.. Разве только одного — Золотой Звезды».

Так-то оно так. Только прежде замыслы председателя и сбывались легче, и принимались с благодарностью. Теперь же осечка за осечкой. Председатели соседних колхозов считают себя обойденными и обделенными, односельчане ропщут на его крутой нрав, на самоуправство. На защите диссертации Хайдара не кто другой, а родной дядя нанес удар в спину, выступил с возражениями.

С этих недоумений, обид начинается в «Совести» самоанализ Атакузы Умарова. И параллельно возникает нарастающий встречный иск к герою, разворачивается, говоря словами Нормурада, выяснение того, что «происходит с Атакузы... Когда, где растерял он простые человеческие чувства? Когда успел стать таким черствым, бессердечным?».

Словом, излюбленная А. Якубовым ситуация разбирательства, дознания. Учет различных точек зрения: Нормурада, лесника Прохора Поликарпова, механизатора Наимджана... И все это без спешки, без предвзятости, с готовностью выслушать и упреки, и оправдания. Ибо далеко не прост Атакузы. Как говорит секретарь райкома Шукуров, «голову с ним можно сломать. То эгоист, способный убрать с дороги любого, то, посмотришь, одинокий путник, уставший от тягот нелегкой дороги...».

Одни догадки лежат на поверхности: зазнайство, вера в свою непогрешимость, наивное упование на то, что победителей не судят.

Другие — глубже. В текучке повседневности произошло незаметное отождествление понятий добра и пользы, дружбы и выгодных знакомств.

Во время войны юный Атакузы возмущался хищничеством, нечистоплотностью Джамала Бурибаева. Теперь он не прочь породниться с ним. Ведь от начальника «Сельхозтехники» столько зависит! И с Вахидом Мирабидовым, оклеветавшим дядю, Атакузы на дружеской ноге. Сам выбрал его в наставники сыну, прельстившись положением, титулом, хваткой этого дельца.

В прежние годы председатель колхоза умел разделить чужое горе, быть рядом с теми, у кого беда. Ныне же он «ходил только к самым влиятельным в кишлаке людям — к «нужным».

Писатель точен и в этих сопоставлениях, и в постановке диагноза. Да, прагматизм, да, неразборчивость в средствах. Где в согласии с законами, а где и вопреки им герой романа добивался рекордов, получал средства, чтобы благоустроить поселок, соорудить школы, ясли, Дворец культуры. И если что-то мешало, мог пренебречь справедливостью, прижать недовольных, отхватить кусок у соседей.

Одним из первых в литературе своей республики А. Якубов уже тогда, в семидесятые годы, заговорил о явлениях беззакония, коррупции, пока-

зухи, о растлевающем воздействии атмосферы вседозволенности на сознание и души людей. В том числе и таких незаурядных, как Атакузы Умаров.

Возведенный на пьедестал принцип успеха чреват неизбежным смещением нравственных критериев. Обхаживая Вахида Мирабидова, Атакузы искренне хотел помочь сыну. Но помощь эта обернулась для Хайдара бедой: утратой самостоятельности, иждивенчеством. Намереваясь строить комплекс в Минг булаке, председатель опять-таки планировал выгоды: дополнительные тонны мяса, статьи в газетах, славу передовика. Но то — на одной чаше весов, а на другой — неучтенные, неподсчитанные убытки: уничтожение горных лесов, сотен родников, гибель красоты, «чуда, созданного самой природой».

Казалось бы, приговор автоматически запрограммирован. Типовая, чуть ли не банальная история. Секретарь райкома Шукуров «не раз встречал раисов, которые на первых порах работали с размахом, поднимали отсталое хозяйство. А потом похвалы, поощрения, «пример для других» — и потерял человек голову, занесся... Конец зазнавшихся раисов бывал обычно печальным. Их непоколебимая вера в силу власти и денег терпела крах. Не всякого можно подкупить, и далеко не всегда можно даже с помощью денег обойти закон».

Но это — по схеме, по трафарету. А в случае с Атакузы шаблонная логика если и срабатывает, то как-то нутужно, с перебоями, одышкой, оговорками. Недаром старый Нормурад, несмотря на нескончаемые стычки с племянником, все же защищает его в предсмертном обращении к райкому партии.

В повести «Птица жива крыльями» поэт Убай, приехавший расследовать жалобы на председателя, пасует перед подобным же казусом: «Я привык белое называть белым, а черное — черным. А тут все как-то боком».

Такое же недоумение прорывается и в «Совести»: «Как непонятно устроена жизнь! Светлое так часто соединяется в ней с темным».

Есть в романе А. Якубова весьма примечательный эпизод. Встреча раиса с бригадой, работающей на степной целине. Сколько раз отражала эта бригада натиск песчаных бурь, расчищала засыпанные поля, пересевала их! Сколько раз звучали в ее честь похвалы и апплодисменты! А герои газетных очерков как ютились, так и уютятся в землянках. Без электричества, без водопровода. С утра и до вечера под палящим солнцем. То подвели снабженцы, то обманули строители. И Атакузы, сдерживая подступающую ярость на разгильдяйство, заверяет: «Но теперь говорю твердо, в последний раз: разобьюсь, а будет в этом году у вас жильё! Если не умру, если доживу до зимы, сдержу свое слово».

И уж можно не сомневаться — сдержит. Правдами или неправдами, подношениями или угрозами, не мытьем, так катаньем, но добьется своего. А правила, инструкции? Так не каяться же потом перед бригадой: мол, фондов нет, лимиты исчерпаны, поставщики подкачали. Кроме почтения к инструкции, есть еще и стыд перед людьми, перед девушками, которые возвращаются с поля в землянки, есть еще и совесть, боль души. Вспоминая предупреждения Шукурова, Атакузы мысленно протестует: «Упрекаете в ловкачестве? Законы нарушаю? Наведите порядок, планируйте разумно,

обеспечьте всех как надо, тогда и говорите!.. Еще не родился на свет председатель, который может выдать план без минеральных удобрений. И инженера такого не сыщешь, чтобы без запчастей заставил бесперебойно работать машины. Слушать клязников слушают, а план, между прочим, не снижают. Ни одной тонны не сбрасывают с плана!»

Образ секретаря райкома написан с некоторой скованностью, недоговоренностью. Иными словами, без той художественной свободы, которая воплотилась в характере председателя.

Атакузы весь на виду. Вот он — со своим внутренним миром, со своей хитростью и со своей наивностью, своей пронизательностью и беспринципностью. Шукуров более замкнут, сдержан, осторожен. И показан он скорее в сфере рассуждений, нежели поступков и чувств.

Такая скованность пера хоть и отчасти, но объяснима. Шукуров — новый человек в районе. А в этом положении есть и свои преимущества, и свои минусы. Конечно, свежий глаз еще не притерпелся к рутине. Со стороны, как известно, виднее непорядки, упущения, махинации. Но долгий ли срок отпущен секретарю, чтобы наблюдать со стороны?.. К сожалению, у героя А. Якубова еще мало собственного опыта действия, преодоления. Отсюда уязвимость благородного максималистского пафоса. Увещевая Атакузы, Шукуров сплошь и рядом не может предложить конструктивного решения. И тогда сквозь морализаторство прорастают сомнения. После поездок по колхозам «Шукуров стал больше понимать и Атакузы, и других райсов. Вот он, секретарь райкома, требует от них хлопка, беспрекословного выполнения плановых заданий... А сам в глаза не может им посмотреть. И как помотришь, когда требовать требуешь, а дать то, что нужно для того же хлопка, не можешь. Не сами ли мы толкаем райсов на обходные пути?..».

В этом столкновении аргументов жизни формируется отношение к персонажу, рождается объективная нравственная оценка. Писатель не амнистирует эгоистических замашек председателя, прагматического небрежения этикой. Но он отграничивает вину от беды, распознает за противоречиями личности питающие их противоречия действительности. Как ни горек для Атакузы людской суд, боль, причиненная им, целительна. Она разбивает душевную очерствелость, инерцию растворения в конъюнктуре, заставляет прислушиваться к мнению окружающих, соизмерять сиюминутные расчеты с логикой правды и совести.

Современная действительность, изображенная в романе, изменчива, подвижна. Ее течение то и дело вскипает на коварных порогах, созданных карьеризмом, потребительством, приспособленчеством, экономическими неурядицами, неразумным вмешательством в природу... Но та же действительность властно утверждает высокие нравственные нормы, гуманистические идеалы и ценности. И потому дает осечку практика Атакузы. И потому оказываются несостоятельными принципы Вахида Мирабидова. За свою капитуляцию перед Джамалом Бурибаевым Фазилат заплатила годами страданий и унижений. «Неужели у дочки жизнь будет такой же горькой, как и у матери?» — со страхом думает она. Однако Латофат уже чужда вынесенная из прошлого психология покорности, повиновения судьбе. И в независимости ее характера, в гордом сознании достоинства личности тоже сказывается время, его поступь.

Роман А. Якубова чуток к сложности бытия, сложности внутреннего мира личности. Его пафос — в познании реальных конфликтов, реальных проблем и противоречий, свойственных нашему сегодня. И может быть, поэтому так заметна искусственность развязок. Писатель словно бы торопится перевоспитать одних и покарать других, «неподдающихся». Преступление, совершенное Кадырджаном — его машина сбила человека, — как бы передает нить расследования из авторских рук в руки органов правосудия. Но происшествие, в котором наряду с Кадырджаном замешаны Мирабидов и Бурибаев, — случайность. Ее могло и не быть. Неотвратим же и подлинно действителен тот нравственный суд, который ведется в произведении от имени и с позиций совести, гражданского мужества.

Ну что ж, они есть у Адыла Якубова, эти «накладные расходы», эти срывы в добродетельную назидательность. Но перед нами не врожденные пороки манеры, а болезни быстрого творческого роста.

* * *

Роман «Совесть» можно по справедливости рассматривать как итоговый по отношению ко всему предшествующему творчеству Адыла Якубова.

Такое же значение для писательской биографии Пиримкула Кадырова имеет его роман «Алмазный пояс» (1975—1982).

Здесь, в этом произведении, словно бы встречаются, сходятся воедино основные мотивы прежних работ художника. Будь то размышления о взаимодействии моральных норм прошлого и настоящего (роман «Черные глаза», повесть «Наследие») или беспокойство о гармонии человека и окружающей среды, о защите природы (повесть «Вольность»). Хотя следует сказать, что эти традиционные раздумья обрели теперь новое качество, новое звучание.

В отличие от предыдущих работ П. Кадырова роман «Алмазный пояс» — сугубо городской. Городской по своим производственным коллизиям (архитектор Аброр Агзамов проектирует ташкентские парки, а его жена, Вазира, — станции метро). Городской по своему фону, пейзажу: кварталы многоэтажных домов, интерьеры института, автомобильные заторы на улицах, магазинная толчея. Городской по своему ритму: эта вечная спешка, эти подпирющие друг друга заботы, этот страх не успеть, опоздать.

Как и М. Слущикс в «Поездке в горы и обратно» или Ю. Трифонов в «Обмене», П. Кадыров воссоздает атмосферу стресса, нервного перенапряжения. Пошаливает сердце у Аброра, внезапно падает в гипертоническом кризе Вазира. Да и как не подскокнуть давлению: дерготня на службе, раздоры с родственниками, морока с детьми. Однако ракурс исследования в «Алмазном поясе» все же несколько иной, нежели у М. Слущикса и Ю. Трифонова. Многоплановая структура произведения органически соединяет в себе производственные и семейно-бытовые линии. Органически, потому что сами служебные, творческие, домашние заботы героев тесно переплетены.

В центре внимания автора — три поколения семьи Агзамовых. Точнее — три несхожих жизненных уклада. Сравнение опыта старших и младших дает различные точки отсчета, позволяет судить о беге времени, нравственных

обретениях и утратах. И внешние обстоятельства — перестройка разрушенного подземной стихией Ташкента — становятся катализатором личностных конфликтов, полемики о счастье и долге. Ибо захватывающие планы реконструкции узбекской столицы, к которым причастны Аброр и Вазира, затрагивают судьбы тысяч людей. Кому-то они несут радость и надежду, а кому-то горечь прощания с устоявшимся.

Вот и для родителей архитектора Агзамова предстоящий переезд из их глинобитного домика оборачивается нешуточным потрясением. Легко ли расстаться со своими яблонями, своим виноградником, с журчащим под окнами арыком, с ухоженным тенистым двориком. Умом старый Агзам-ата «понимал правоту сына. Общую правоту. Но горько было сознавать старику, что его Аброр и его Вазира как раз из тех людей, чья работа, оказывается, делает неизбежным разрушение их милого дома, в котором прошла долгая, но ведь не кончающаяся сегодня-завтра жизнь. И потом, не вся правда за Аброром, не вся!»

Роман П. Кадырова и являет собой попытку осмыслить сложность, многозначность правды, непредвзято взглянуться в доводы отцов и детей, отфильтровать непреходящее от конъюнктурного, наносного. «Прощание с Матёрой» на городской лад? Пусть так. Мотивы произведения В. Распутина действительно слышны в «Алмазном поясе», хотя и в другой интерпретации. Да и чем не Матёра — исконная ташкентская махалля? Свой быт, свои обычаи, свои правила добрососедства. И в конце концов, не просто переселение занимает автора, а судьба традиционных ценностей, контекст их взаимодействия с настоящим.

Стихия полемики, дискуссии охватывает все повествование П. Кадырова.

Спорят между собой Вазира и ее свекровь Ханифа, Аброр и его антагонист Шерзод Бахрамов. Горячие перепалки возникают то на ученых советах, то на производственных совещаниях. Различные по своей подоплеке, эти конфликты устремлены тем не менее в некое общее русло — к размышлениям о духовном богатстве личности, о гармоническом развитии общества.

Право, не так уж трудно понять раздражительность, взвинченность Вазиры. Горячка на службе, лавина чертежей, хаос в доме, воцарившийся после временного переезда родителей мужа. И в этой-то неразберихе свекровь ухитрилась затеять подготовку к бешик-тою — празднику в честь малыша, появившегося на свет у ее дочери.

Она и впрямь деспотична, своенравна, старая Ханифа. Ей словно нет никакого дела до усталости, замороженности Аброра и Вазиры. Что ни день, то новые выдумки и распоряжения. Оповестить ближних и дальних родственников, купить для каждого подарки, заполучить музыкантов, позаботиться о плове чуть ли не на полсотни гостей. И вся эта морока — в угоду обычаю, ритуалу. Ну не блажь, не каприз ли?

Пожалуй, в былые времена писатель безоговорочно принял бы сторону Вазиры. Темпераментными доводами в ее защиту кувально-таки полнил давний роман «Черные глаза». Исповедуясь в своих прегрешениях перед женой, Маминджан ссылается в том числе и на залопучный ритуал бешик-тоя: «У нас все внимание было направлено на празднование тоя, по сути дела бесполезного. Тут мы заботились о чести семьи, нимало при этом не заботясь

о здоровье матери, давшей жизнь нашему ребенку. Ее здоровье не имело никакого отношения к чести семьи!.. Тысяча проклятий тем, кто научил нас так понимать честь и достоинство!»

Однако теперь П. Кадыров не спешит с проклятиями. Иными, более зрелыми стали критерии пользы. И неспроста отец напоминает Аброру, что праздник в честь новорожденного, тот самый бешик-той, «кует спаянность людскую, пока она не остыла, пока родня радуется прибытию на свет нового человека. В нашем народе всячески почитают родителей, почитают старших. А начинается все с почитания детей, новорожденных. Сначала родители и бабушки-дедушки показывают пример, как высоко надо уважать достоинство пусть крошечного, но человека...».

В давних, отшлифованных веками народных установлениях писатель видит не сковывающее, но обязывающее начало, те этические принципы, в которых воплощен опыт человеческой солидарности, принципы, которые как прежде, так и теперь противостоят разобщающей, эгоистической морали.

Уж на что «современен», раскован младший брат Вазиры Алибек. Никакой приверженности традициям, никакой зависимости от них. Уважать стариков — «один из противных восточных предрассудков». Обзаводиться детьми — значит ущемлять собственную свободу, добровольно пригвозждать себя к дому, кухне, хозяйству. Но праздная, вольная жизнь этого парня пуста, никчемна. Она не приносит счастья ни ему, ни его близким.

Подобно Алибеку демонстративно отрешивается от традиций и преуспевающаяий архитектор Шерзод Бахрамов. Под флагом индустриального стиля он готов засыпать землей древние арыки, спрямить русла рек, заковать берега в асфальт и бетон, застроить ташкентские кварталы стандартными многоэтажными коробками. Благо сегодняшняя техника позволяет это сделать быстро и без особых хлопот. Но кипучая деятельность Шерзода разрушительна по своим последствиям. Исчезает самобытная красота города, неповторимость его силуэта, воцаряется унылое однообразие.

Специфика романа видится мне не столько в самой постановке проблемы традиций, сколько в масштабности ее осмысления, в широте разговора о взаимодействии старого и нового. Разговора актуального, наполненного беспокойством о связи времен, о сохранении и приумножении красоты мира.

Герой «Алмазного пояса» недаром восхищается дальновидностью древних ташкентских мастеров. Сооружая арыки и каналы, они не калечили природу, а умело, искусно приспособивались к ней: «Они знали свою землю, свои холмы и взгорья, они вроде бы и не препятствовали естественному, природному течению реки, лишь поправляли его, делая нерукотворное рукотворным, чуть расширив, или чуть углубив, или несколько спрямив речное русло... Чудесна эта близость Бозсу к человеку, древний канал-река — будто прирученный олень».

В опыте своих предшественников Аброр Агзамов ищет примеры естественности градостроительных решений. Естественности, основанной на согласии с природой, понимании ее языка, ее законов.

Казалось бы, директор института Сайфулла Рахманович руководствовал-

ся самыми добрыми намерениями, предлагая украсить реконструированную центральную площадь голубыми елями, березами и крымской сосной. Тем самым он хотел придать ландшафтной архитектуре торжественное, интернациональное звучание. Однако его замысел эффектен лишь внешне, на бумаге. Ибо голубые ели и крымские сосны неизбежно зачахнут на яростном солдечке, а люди будут обходить выжженное пространство стороной. И не местничество защищает Аброр Агзамов, ратуя за типичные для Средней Азии чинары и карагачи, а здравый смысл, уважение к рекомендациям науки и практики.

Есть в романе П. Кадырова богатый по своему подтексту эпизод. Новоселы микрорайона словно бы возрождают дух привычной ташкентской махалли. То тут, то там появляются в тени деревьев любовно застеленные одеялами помосты для отдыха, для неторопливых бесед. И хотя по мере застройки дворы становились все более тесными, узкими, помосты эти не исчезали. Старики все-таки ухитрялись отводить площадку, чтобы «можно было проводить по обычаю свадьбы и другие многолюдные торжества».

У Шерзода Бахрамова такая самодеятельность вызывает лишь раздражение и досаду. Аброр Агзамов видит в ней знак естественной человеческой тяги к общению.

Первый идет наперекор чаяниям людей, наперекор укоренившимся нормам, наперекор особенностям природы. Второй опирается на эти чаяния, нормы, особенности.

Отсюда разгорающийся конфликт убеждений, творческих принципов.

Однако именно Шерзод Бахрамов, хвастливо рекламирующий свою раскрепощенность, предстает в романе действительным пленником традиций. Только традиций иного рода, выпестованных той моралью, что поднимала на щит чины, привилегии, богатство. Выдавая свою племянницу замуж, он по-торгашески взыскивает с будущих родственников и калым, и угощения. И столь же мастерски владеет он древним искусством интриги, наветов, коварных ударов из-за угла. Высмеивая предрассудки, «восточные каноны», герой ставит под сомнение не столько архаику, сколько святыни — такие понятия, как верность, чистота, порядочность.

Что же касается Аброра, то, советуясь с историей, внимая ее наставлениям, он думает о будущем, о сохранении и приумножении доброго, светлого на земле, и прежде всего в человеческих душах: «Когда души стольких людей разведает эгоизм, равнодушие, корыстолюбие, нежелание хоть чуточку утруждать себя не для себя, разве мы не должны все больше и больше ценить традицию хашара (то есть безвозмездного коллективного труда.— Л. Т.)?.. Да-да, иные хорошие народные традиции мы и сегодня бездумно называем предрассудками, не ценим, как должно».

Книга П. Кадырова чутко аккумулирует в себе тревожные вопросы нашей повседневности. Она обращена к явлениям, может быть и не новым, но по-новому значимым, по-новому обострившимся сейчас. Ведь небывалый рост технической мощи делает особенно хрупкой, беззащитной окружающую среду с ее лесами, парками, реками и ручейками. Ведь те же индустриальные

методы строительства могут вызвать (и вызывают подчас) удручающее всевластие стандарта, уничтожение неповторимого, уникального. А заботы о комфорте, благополучии, материальном достатке? Они могут быть и правомерными, но могут спровоцировать и уродливую, агрессивную психологию потребительства, превращающую человеческие отношения в сугубо утилитарные, подчиненные интересам личной выгоды, личного преуспевания.

Этическая позиция писателя последовательна и неуступчива. Но вдохновляется она отнюдь не патриархально-консервативными заповедями, не идеализацией старины. И не в прошлом ищут герои «Алмазного пояса» ключ к решению нынешних экологических, творческих, моральных проблем, а в настоящем, в тех перспективах и возможностях, которые открывает эпоха социализма.

Заклинаниями о неизбежности конфликта между природой и научно-технической революцией, между уникальностью и унификацией, нравами старших и молодых писатель противопоставляет идею гармонии, синтеза. Идею отнюдь не утопически-мечтательную, а скорее рациональную, практическую, совпадающую с велениями эпохи. Механистические «или — или», которыми неустанно манипулирует Шерзод Бахрамов, сплошь и рядом поверхностны и обманчивы. Та же любовь к русскому языку вовсе не означает пренебрежения родным. Тот же интернационалистский подход — отрицания национальных корней и истоков. Та же необходимость в реконструкции старых городов — бесцеремонного уничтожения своеобразной культурной экологии. А критерии истины — они в красоте, естественности, во всем том, что делает нашу жизнь ярче, содержательнее.

П. Кадыров пишет Аброра Агзамова как натуру беспокойную, увлеченную, искреннюю. Это творческое начало реализуется не только в архитектурных проектах героя, в его умении эстетически освоить каждую складку, каждую шероховатость ландшафта, соединить искусство со строгими, математически выверенными рекомендациями науки. Оно присутствует в самих размышлениях о жизни, о совести, о человеческих отношениях, о духовном мире современника. И жаль, что писатель не всегда удерживается на философской высоте анализа, подчас перегружает повествование малозначительными подробностями быта.

Узбекская литература 20—30-х годов с энтузиазмом воспевала преобразования, реконструкцию, ломку. И столь же горячо обличала она отжившее, сметенное вихрем революции (вспомним, например, «Священную кровь» Айбека).

П. Кадыров не подвергает сомнению эти позиции, но уточняет их, вносит поправку на время, на мироощущение 80-х годов.

Преобразования? Но не вопреки природе, а в союзе, в содружестве с ней.

Новаторство? Но не в ущерб гуманистическим ценностям прошлого.

А традиции, они ведь тоже требуют дифференцированного отношения. Иные из них, вскормленные веками эксплуатации, бесправия, гнета, подлежат безоговорочному отрицанию. Другие же, вобравшие в себя лучшие свойства народной души, становятся органической частью социалистической морали. И хотя Аброр Агзамов не раз выслушивает нотации за этнографические увлечения, за оглядку на старину, все-таки именно он воплощает в «Алмаз-

ном поясе» подлинно современное сознание. Осмотрительное, опирающееся на науку, ответственное за красоту земли и нравственное здоровье человека.

А. Якубов и П. Кадыров касаются в своих произведениях разных граней нашей действительности. Город и деревня, экология и нравственность, критика вседозволенности и защита культурного наследия. Но, отличаясь по стиливой манере, по характеру проблематики, оба романа созвучны в своем пафосе. Оба обращены к совести человека, к его ответственности за землю, за красоту, за чистоту наших идеалов, за сохранение и приумножение духовных богатств народа. Собственно говоря, этими заботами живет сегодня и вся узбекская литература, выходящая на новый виток своего развития.

Л. Теракопян

АЙБЕК
Священная
КРОВЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Время за полдень. Июльское солнце залило степь огненным зноем. Раскаленный воздух струился бесцветным, чуть заметным глазу пламенем... Редко встретишь в такую пору путника на широкой степной дороге: терпеливо покачиваясь в седле в такт ленивым движениям худой, замороженной лошаденки, запряженной в тяжелую четан-арбу, проедет возвращающийся из города дехканин в спущенном до самого носа старом войлочном колпаке; просеменит на ишаке седовласый старик — продавец винограда, охрипший от непрерывных «хых-хых», подкрепляемых ударами голых, заскорузлых пяток; пропылит по дороге стайка оборванных, чумазных ребят с перекинутыми за спину горшками из-под распроданного кислого молока...

Жара прибывала. Не чувствовалось даже слабого дуновения ветерка. Пыль, поднятая арбой, долго висела в воздухе, искрами раскаленного железа прилипала к лицу, затрудняла дыхание.

Зной сморил даже рослого, крепкого джигита, оказавшегося в дороге в эту пору. По виду — кишлачный житель, привычный и к жаре, и к холоду, он размашисто шагал, утопая крупными ступнями в хлюпкой, горячей пыли. Торопясь добраться до места, нетерпеливо спрашивал редких прохожих и проезжих:

— Далеко еще до Топ-Кайрагача?

— Порядочно. Первый гузар за мостом.

Длинная, с открытым воротом рубаха и полосатый халат джигита были совсем мокрыми. Время от времени он с досадой отдирал рубаху, прилипавшую к потному телу, часто встряхивая подолом.

За первым же мостом действительно начинался гузар. По сторонам дороги расположились одна против другой две чайханы, мясная лавка, к ней прикорнула маленькая мелочная лавчонка; на улице мусор, но зато она щедро полита водой, от беспорядочно разросшихся старых корявых талов падает густая тень.

Джигит опустил на широкий деревянный помост чайханы по левой стороне улицы. Полой халата он вытер запыленное, потное лицо, положил около себя небольшую сумку и попросил чаю.

Чайханщик, щуплый, сухощавый человек с узким безбородым лицом, сидел, приподняв худые костистые плечи, рядом с помятым, не раз чинившимся и ни разу не чищенным огромным самоваром. Его мало интересовали случайные гости, которые заходили и, выпив чайник чаю, уходили из чайханы. Он то проводил грязной, черной

от сажи тряпкой по боку самовара, то принимался перетирать пиалы и чайники, брал пиалу, тысячу раз побывавшую у него в руках, тарасил глаза, будто видел ее впервые, и сердито ворчал: «Ну как тут не дивиться людскому терпению! Да лучше бы мне провалиться в самоварную трубу и сгореть вместо углей! Чтобы от безбородого Джаббара осталась только горсть золы! Разве это дело, разве это жизнь? Вот и у этой дряни края выщербились. И та вон треснула!..»

— Эй, молодой арбакеш! — вдруг закричал он какому-то подростку. — Отведи подальше коня, а то возьму и соберу весь помет в твою тюбетейку!

Наконец чайханщик с глухим стуком поставил перед джигитом чайник с отбитым и надставленным белой жостью носиком и облупленную, с выщербленными краями пиалу.

Народу в чайхане было мало. Поодаль от джигита сидели два дехкана средних лет. Они толковали между собой, жалуясь на плохой сбыт овощей, на недостаток тягла. Один из них, прервав беседу, принялся рукояткой плети торопливо чесать себе загорбок, другой, показав на свой поношенный сапог с коротким, не больше четверти, рваным голенищем, сказал:

— Это когда обновим? Ты говоришь о тягле! Ото всего дехканского хозяйства никакого толку. У дехкан сил не осталось.

— Э, брат, была бы голова цела, — успокаивал его сосед.

В углу чайханы, прислонившись к стене, дремал казах, одетый, несмотря на жару, в толстый суконный халат. Приоткрыв глаза, он грубовато потребовал:

— Подай шилим!

Чайханщик, не торопясь, взял чилим, в котором оставалась одна зола, положил в него раскаленный уголек и поднес казаху.

— Докуривай, докуривай, — проговорил он насмешливо. — Чтоб ни пылинки не пропало из того, за что ты заплатил!

Казах, как заправский курильщик, попытался сделать глубокую затяжку, но тут же отвернулся и сердито проворчал:

— Ни капли дыма! Ты худший из людей, добра тебе не видать!..

Джигита мучила жажда, и он пил торопливо, часто дуя на горячий чай. Опорожнив чайник, юноша бережно отделил от спрятанной в поясе мелочи несколько медяков, бросил их в пиалу и тотчас встал. Некоторое время, однако, он стоял в нерешительности: не знал, в какую сторону направиться. Потом, хотя и убедился в сварливом нраве чайханщика, подошел к нему.

— Вы не знаете, где тут усадьба Мирзы-Каримбая?

— А зачем тебе?

— Хотел повидаться.

— Хм... Мирзу-Каримбая не то что здесь — во всех четырех концах Ташкента знают. — Чайханщик вытянул левую руку и указал на один из переулков: — Во-он на ту улицу сворачивай. Большущие, издали заметные ворота. Искандер Зулькарнайн таких крепостей не строил!

Оглядев джигита с головы до ног, чайханщик прибавил с завистью:

— И крепок же ты, братец. Сила так и прет из всего тела! Откуда будешь, не из Сайрама ли? Везет нашему баю!..

Его перебил чей-то голос из глубины чайханы:

— Сплюнь! Сглазишь, пагубник! Мне бы так сказал — я бы тебе все зубы выбил.

— Да, если бы у меня были зубы, а у тебя сила нашлась, ходячая ты немощь,— съязвил чайханщик.

Джигит простодушно улыбнулся и вышел из чайханы.

Когда он поравнялся с огромными, выкрашенными зеленой краской, тяжелыми, резными воротами, сердце его часто забилося. Одна половина ворот оказалась открытой. Он издали заглянул во двор: прямо против него на обширной супе в тени высокого карагача сидел, обмахиваясь платочком, старик в белоснежной рубахе, с маленькой белой бородкой.

Сердце юноши забилося сильнее: «Как подойти к этому человеку, которого знает весь Ташкент?» Он робко вошел в ворота, в десяти — пятнадцати шагах от супы почтительно сложил на груди руки и с поклоном проговорил:

— Ассалям-алейкум!

От смущения голос его прерывался, звуки с трудом выходили из горла.

Старик не двинулся с места. Приставив руку к глазам, он некоторое время по-стариковски всматривался в гостя, затем проговорил негромко:

— Подойди, подойди, мой свет. Чем могу помочь?

Юноша подошел ближе, положив сумку на землю, протянул старику большие, сильные руки. Потом несмело присел на краешек супы, опустил голову. «Куда я попал? — промелькнула у него мысль.— Мирза-Каримбай это или нет? Может быть, это другой бай?»

Старик, заметив смущение юноши, спросил снова:

— Так с чем пришел, сын мой? Расскажи...

Джигит поднял голову, взглянул на старика и улыбнулся.

— Мирза-Каримбай вы будете?

Старик кивнул головой.

— Я пришел из Ходжикента.

— Из Ходжикента?

— Я сын вашей племянницы Хушрой.

— Э-э...— Мирза-Каримбай чуть пошевелился.— Племянницы моей Хушрой-биби сын, говоришь? Хвала тебе, хвала! Спасибо, что навестил, племянник. Как мать, здоровья ей и благополучия, где бы она ни была! Как звать тебя, племянник?

— Зовут меня Юлчи. Мать, слава богу, жива-здорова. Вам привет передавала.

— А отец, э-э... Шерали, как, здоров?

— Отец умер. Уже больше двух лет...

Мирза-Каримбай легонько коснулся руками бородки, делая вид, что произносит слова заупокойной молитвы.

— Очень хороший был человек, бедняга: скромный, правдивый,

рассудительный. Одно время он часто навещался. И здесь, и в городе у меня бывал. А ты приезжал когда-нибудь?

— Помню, будто еще маленького отец с матерью как-то привозили меня.

Старик стал вспоминать прошлое. Он рассказал, как после смерти его старшей сестры остались две девочки-сиротки, из которых старшая — Хушрой — жила у отца, а младшую — Аим-биби — взял на воспитание он, Мирза-Каримбай; вспомнил, как эта младшая неожиданно умерла перед самой своей свадьбой, а Хушрой-биби тоже не посчастливилось: после смерти отца дядья выдали ее замуж в кишлак, за Шерали. Все это Юлчи уже сотни раз слышал от матери. Потом старик умолк и медленно, словно погружаясь в дремоту, закрыл маленькие живые глаза. Он забыл и кишлачную Хушрой-биби, и ее скромного, трудолюбивого покойника-мужа, и неожиданно появившегося, рослого и сильного, как лев, племянника.

Он размышлял о разных коммерческих комбинациях, которые с помощью банков рассчитывал провести в ущерб интересам своих конкурентов, о своих отношениях с должниками. Должников бай делил на три группы. С одними он будет по-прежнему поддерживать торговлю, так как у них есть капитал и хорошие связи — «руки длинные», как любил говорить старик, придет время — он с них за малое получит многое. Других припугнет, а потом спустит им залежавшуюся на складе мануфактуру по хорошей цене. Третьих... о, этим он покрепче прижмет хвост и заставит плясать, как обезьян... Потом он вспомнил о договоре на поставку хлопка, который был заключен недавно его старшим сыном Хакимом с русскими фирмами. Раскинув умом и еще раз убедившись, что в этом деле нет никакого риска, а прибыль потечет рекой, бай от удовольствия еще крепче зажмурил глаза.

Юлчи, конечно, не мог знать, почему это столь словоохотливый дядюшка вдруг закрыл глаза и погрузился в молчание. Он даже забеспокоился: «Видно, моим приходом недоволен». Однако, несколько освоившись, юноша смелее стал присматриваться и к старику и ко всему окружающему.

Мирза-Каримбай, несмотря на маленький рост и тонкие старческие руки, выглядел еще свежим и крепким. Он не очень полный, но и не худой. Небольшое, с хитрецей лицо его залито ярким, как гребень петуха, румянцем; белая борода и усы — чистые, расчесанные...

Каждый уголок квадратного двора, площадку побольше танана, привлекал внимание юноши. Посредине двора — супа и хауз. Над супой карагач в два обхвата, с огромной шарообразной кроной, в тени которой — ни одного солнечного пятнышка. У хауза — три близко посаженные друг к другу яблони с переплетающимися ветвями. На одной из них яблоки уже отливают желтизной; на другой — крупные, с кулак величиной, но еще совсем зеленые, взглянешь на них — и на зубах появится оскомины, а рот наполнится слюной; ветви третьей под тяжестью обильных красных плодов склонились к самому хаузу, — несколько яблок плавают в воде, рубинами горят на солнце. Шагах в двадцати за хаузом — большая открытая беседка с ярко раскрашенными колоннами, поднятая над землей на высоту челове-

ческого роста. Вокруг беседки — цветник. Среди мелких цветочков, нежно переливающихся на солнце всеми красками радуги, высятся, отливая огнем драгоценной парчи, бархатно-красные мальвы.

Юлчи еще осматривался с любопытством, как вдруг из калитки внутреннего двора с веселым гомоном выбежала стайка ребят — мальчиков и девочек, одетых во все чистое, нарядное. Самый старший из них — хорошенький мальчик лет десяти, в бархатной тюбетейке оливкового цвета, — поставил на землю ловушку с большой серой крысой, открыл дверку. Жирная крыса тотчас выскочила наружу и, тяжело подпрыгивая, побежала к воротам. Ребята с громким улюлюканьем погнались за ней. Вскоре от ворот донеслись торжествующие, радостные крики и возглас: «Обольем керосином и подожжем!»

Старый бай открыл глаза. Он погрозил внучатам пальцем и прикрикнул:

— Не балуйте со спичками, эй! — Потом, чтобы несколько загладить свою невнимательность к забытому племяннику, ласково обратился к нему: — Так, значит, нашел-таки нас, племянник. Да, расспрашивая да переспрашивая, говорят, и Мекку находят... Эй, Айниса! — окликнул бай болезненно-бледную девочку, стоявшую несколько в стороне от ребят. — Позови бабушку.

Вскоре от калитки послышался женский голос:

— Что такое?

— Иди сюда! — поманил рукой старик.

— Там же посторонний...

— Родня... Сын Хушрой, — пояснил бай.

— Какой Хушрой? Усохнуть моей памяти... А-а, из кишлака, что ли?

К ним медленно подходила женщина лет пятидесяти восьми, среднего роста, полная, с широким, уже поблекшим и обрюзгшим лицом. Юлчи поднялся ей навстречу, почтительно поздоровался, передал привет от матери. Спесивая старуха, даже не дослушав гостя, обратилась к мужу:

— Это сын вашей кишлачной племянницы? С гору вырос джигит! Он и в детстве крупненький был... Я припоминаю его.

Мирза-Каримбай велел жене принести угощение. Только после этого старуха мимоходом взглянула на Юлчи с притворной сердечностью, за которой проскальзывало плохо скрытое пренебрежение, справилась о здоровье его домашних.

Бай, часто отдуваясь, принялся жаловаться на жару.

Немного погодя старуха вынесла поднос с угощением и чайник чаю. На подносе оказалось четыре маленьких хлебца и две кисти скороспелого винограда, изрядно поклеванного птицами. Юлчи протянул старухе сумку, которую принес из дома:

— Вот... Мать передала... курут...

— Ах, милая, жертвой мне стать за нее! — старуха брезгливо взяла сумку кончиками пальцев. — И зачем ей, бедняжке, было утруждать себя...

Ребята, услышав, что в сумке курут, окружили старуху:

— Бабушка, мне один!

— Бабушка, дай мне побольше!

Старуха, насулившись, прикрикнула на внучат, но в конце концов вынуждена была развязать сумку. Скривив губы, она сердито заворочала:

— Ах, козлята озорные! На курут из цельного молока смотреть не хотите, а из-за этих камешков спорите. Смотрите, какой жесткий, зубы обломаете. Этот курут все кишки вам порвет. Бой-бой, уморят меня эти ребята!

Заметив, что гость покраснел, бай, недовольный бестактностью жены, отвернулся и, чтобы прекратить болтовню старухи, сдержанно проговорил:

— Ну, довольно, иди в ичкари, уши заболели от твоей стрекотни.

Юлчи сидел, низко опустив голову: ему было обидно; он вспомнил, как мать собирала курут по соседям, как радовалась, вручая подарок для богатого дяди.

Бай разломил один хлебец, пододвинул поднос Юлчи.

— Бери, племянник, перекуси с дороги.— Старик помолчал.— Помнится, был у вас клочок земли. Уцелел он?

— Нет,— ответил Юлчи, несмело взяв с подноса кусочек хлеба,— земля продана.

Мирза-Каримбай был человеком жадным до земли. Если кто-либо из дехкан или землевладельцев оказывался в затруднительном положении, он обязательно сам или через посредников старался прибрать его землю к рукам. А бывало, когда дело касалось участка, граничившего с его угодьями, владелец и не думал продавать землю, но старик все равно добивался своего. Если нужно было, он ни перед чем не останавливался, не считался ни с честью, ни с совестью, ни с законом. Однако участок Юлчи, тем более уже проданный, не мог интересовать старика, поэтому он пустился в разглагольствования:

— Нехорошо получилось, племянник. Говорят: кто землю продает — не мужчина, мужчина земли не продаст, какая б ни была причина. Вот раскуси ядро этих слов... Видели мы много таких, что продавали землю. Все они рано или поздно становились нищими. Верно, землю они продают за деньги, наличными, со звоном пересчитывают. Деньги, конечно, отец всех вещей. Деньги, говорят, стану крепость придают, голову венцом украшают. Деньги — это крылья! С такими крыльями с запада на восток пролетишь, везде знакомых, товарищей найдешь, друзей-приятелей заведешь. Денежный человек — он и в Москве, и в Варшаве побывает. А без денег — попробуй-ка сдвинуться с места! Бе-э, куда там!.. Вот что значат деньги, племянник! Однако я очень расхвалил деньги. И в земле много хорошего есть. Земля — родить может. Воткнешь в землю ветку, она примется, зазеленеет, и, смотришь, дерево в обхват толщиной выросло. Деньги — тоже родят. Очень много родят, быстро родят. Особенно в нынешние времена деньги плодovitыми стали. Но деньги удержать трудно, легко проесть, расстрясти зазря. Деньги что птичка: чуть приотпустил — и упорхнули из рук. А земля и родит, и для денег арканом служит. Кто землю покупает — полнеет, кто продает — хиреет. Вот раскуси ядро этих слов, племянник!

— Нужда, дядя...— Юлчи в два глотка опорожнил пиалу остывшего чая.— Отец целый год пролежал больной. Хлеб не уродился. Что сделаешь, если руки коротки...

Мирза-Каримбай перебил:

— Овца под одной и той же шкурой сколько раз худеет и снова жиреет,— сказал он назидательно.— В жизни человека иной раз бывают и трудные дни. С этим мириться надо. Лет, кажется, тридцать пять назад — ну да, это было в тот год, когда я открыл лавку в торговом ряду,— на мою долю выпало тяжкое испытание. Иногда, бывает, и купцы попадают в затруднительное положение, только тебе этого не понять. Мне понадобились деньги, а где их взять? В местечке Ракат мне досталось от отца три танапа земли. Обрабатывали ее чайрикеры — издолщники. Кое-кто из родни и друзей советовали мне продать эту землю. Запомни, племянник: когда нужно, друзья не подхватят тебя под руки, не вытащат из грязи. Я никогда не верю друзьям. На советы все они проворны. А почему, спросишь? Потому что советовать — самое легкое дело: язык болтается, только и всего... Я никого не послушал. Прикинул умом так, прикинул этак и в конце концов нашел выход. Вытащил из сундуков жены наряды, собрал вещи, что держались только ради украшения дома, и все это превратил в деньги. Сам знаешь — женщины падки до нарядов и безделушек, а то, что у них в сундуке лежит, и самому небу не доверят. Жена плакала, причитала. «Глупая,— говорю ей,— даже навоз в земле — лучше богатства, что гниет в сундуке...» Жена — раба мужа, племянник! Мужчина, устраивающий свои дела сообразуясь с желаниями и мнением жены, не человек... Дела мои потом поправились, и земля уцелела.

— Другого выхода не было, дядя,— оправдывался Юлчи.— У вас были вещи, вы их продали, а у нас, кроме клочка земли, не на чем глазу остановиться. Я не сидел сложа руки: стадо пас, на поденщину ходил, конюхом был. Мать колосья собирала. В кишлаке прожить трудно. Жили мы, свыкшись и с голодом и с холодом. Одно только нас тревожило: у отца на шее был долг. Небольшой, меньше тридцати рублей. Когда отцу стало совсем плохо, он забеспокоился: «Пока глаза мои не закрылись, рассчитаться бы с долгом, чтобы в могиле лежать спокойно. Будет ли Юлчи хозяйствовать, сумеет ли он прокормить семью и отдать долг?» — сказал он матери. Вот и пошла земля наша за бесценнок. Да мы рады были, что хоть расплатились и за нами не пропало чужое.

— А-а, вон как, говоришь...— Мирза-Каримбай вытянул по ковру ноги и, растирая их, продолжал: — Тогда другое дело. Долг — скверная штука, племянник. Чтобы разделаться с долгом, человек не только землю — себя в рабство продать обязан. Худшие из людей те, что пьют глаза на чужое. Есть такие: у самого нет ничего, а он только и делает, что зарится на чужое добро. Не желает мириться с тем, что он бедняк, хочет послаще поесть, получше одеться. Если у тебя есть ум, племянник, даже копейку чужую бойся присвоить. И сто тысяч рублей — деньги, и копейка — деньги. Ты каждую мелочь у бога проси. Даст он — хорошо, не даст — не сетуй, благодари небо

и судьбу, будь честным бедняком. На том свете тебе все зачтется... Что же ты? Бери хлеб, ешь виноград.

Юлчи был очень голоден. Он вышел из кишлака еще ночью по холодку и за все время пути съел одну-единственную лепешку, которую завернул в пояс, уходя из дому. Однако Мирза-Каримбай, из купеческого ли «хорошего тона» или просто по привычке, искрошил лепешку очень мелко. Возьмет Юлчи кусочек, тут же его проглотит, а протягивать часто к подносу руку — совестно. Простой кишлачный парень, он хоть и не особенно разбирался в тонкостях городских приличий, все же, помня наставления матери, счел за лучшее сдержаться в присутствии богатого родственника и очень скоро отодвинул поднос.

Мирза-Каримбай молчал. Он изучал племянника, размышлял о причинах, которые могли заставить юношу явиться к нему. «Положение у них скверное, — думал бай. — Жить в кишлаке без земли, без тягла — муки смертные терпеть. Разве зря пойдет молодой человек разыскивать забытую родню матери? Нет, он пришел в расчете пожить у меня одеждой, деньгами. Его, конечно, мать послала. Женский нрав и привычки известны. Соберутся три-четыре соседки, и она уже, наверное, начинает хвалиться, мол, в городе у меня богатый дядюшка, в доме у него как в сказочном дворце, и перед каждым, кто захочет войти, ветерок открывает все двери. Вот и надумала послать сына. Хорошо еще, что сама не пришла. Сколько бы слез уже пролила, жалуясь на свою горькую жизнь. А юноша, кажется, не глуп — с умом и видный, здоровый...»

Мирза-Каримбай был человеком, как говорят, «отведавшим змеиного сальца». Он хитер, лукав и опытен в отношениях с людьми, нетруслив и осмотрителен во всех делах. Благодаря этим качествам он, сын скромного мелкого торговца, за маленький рост и проворство получивший в молодости прозвище «Читтак» — синичка, настолько быстро поднимался в гору, что его вскоре стали называть не «Каримчиттак», а «ваша милость Мирза-Каримбай». Теперь он один из первых богачей Ташкента; у него два оптовых мануфактурных магазина, в старом и новом городе, несколько больших и малых магазинов и лавок по разным городам Туркестанского края; вокруг Ташкента он в разных местах имеет землю, сады. Его старший сын — Хаким-байбача — ведет крупную торговлю хлопком.

Бай много повидал в своей жизни. Он имел дело с людьми из разных городов и различных слоев общества, у него было много приказчиков, рабочих, батраков, арендаторов, чайрикеров. Старик умел быстро распознавать людей и гордился этим, хотя и не хвалился вслух перед другими (он очень не любил хвастовства).

Вот и сейчас перед ним сын бедной племянницы. Бай долго с ним беседовал о разных вещах и не заметил в молодом человеке никакого изъяна. Его стройный и сильный стан, широкий лоб, полные глубокой сердечности и искренности большие умные глаза, выпиравшая из-под запыленного халата широкая грудь, мускулистые руки, кишлачная простота и прямота высказываний (эту особенность в бедных людях бай считал большой добродетелью) — все в нем

нравилось баю. «Крепкий джигит, хлеб-соль за ним не пропадет»,— думал он.

Однако во всем облике Юлчи чувствовались скрытая смелость и гордость. Это не понравилось баю, и он, вспомнив народную пословицу «К незнакомому коню сзади не подходи», по своей осторожности решил: «Если этот молодец попросится на работу, я его сначала испытаю. Окажется хорошим,— оставляю. А покажет себя ленивым или нечистым на руку — выпрожаю».

— Племянник,— осторожно обратился он к Юлчи,— подумал я и вижу: живется вам не сладко. Что ты намерен делать — возвращаться в кишлак?

Юлчи не знал, что ответить баю. Провожая его из дому, мать наказывала просить у богача дяди работы. Сказать сейчас, что намерен возвратиться, значит, завтра-послезавтра нужно будет отправляться в кишлак. Тогда мать обидится, упрекнет: «В таком большом доме и места себе не нашел, вернулся, растяпа». Сказать: «Хочу остаться, дайте какую-нибудь работу» — не позволяла гордость. Когда старик повторил свой вопрос, Юлчи ответил:

— Если найду в Ташкенте работу, может, и останусь.

Мирза-Каримбай, пощипывая кончик бороды, тихонько рассмеялся:

— Где же ты так вот сразу найдешь работу в городе? Поживи пока здесь. Если суждено тебе, останешься у нас, а нет — отправишься в свой кишлак или еще куда. Откуда нам знать сейчас, где аллах пошлет тебе хлеб насущный!

— Воля ваша,— согласился Юлчи.

Мирза-Каримбай не спеша поднялся. Прошептав обычное: «Ё расулуллах»,— он сошел с супы, сунул ноги в аккуратные, тонкой работы капиши, блестящие так ярко, словно их только что принесли из лавки, и, поскрипывая ими, не по годам прямой и горделивый, как петух, направился к внутренней половине двора. В этот момент через ворота, таща за собой на веревке упиравшегося изо всех сил человека, во двор ворвалась большая черная корова. Бай испуганно отскочил в сторону. Человек уперся ногами, откинулся всем корпусом и с трудом остановил корову.

— Никакой силе не справиться с этой блудницей! — сказал он баю и, заметив Юлчи, остановил на нем любопытный взгляд.

Бай улыбнулся.

— Ярмат, этот юноша — мой племянник. Знакомься и приучай его к делу.

Старик направился в ичкари.

Ярмат отвел корову в дальний угол, привязал ее к дереву у дувала и только потом подошел поздороваться с Юлчи.

Из калитки выглянул бай:

— Живей седлай лошадь, Ярмат! Сын поедет в город приглашать гостей.

— Если так, надо бы сначала клевера нажать,— почесал затылок Ярмат.

— Э-э, теперь уже поздно.

— Я могу нажать,— вызвался Юлчи.— Где у вас клевер?

Мирза-Каримбай улыбнулся, довольный такой готовностью племянника, и, не сказав больше ни слова, ушел во внутренний двор.

— Так, значит, гостя на работу ставить будем,— заговорил Ярмат, направляясь со двора вместе с Юлчи.— Что ж, старик, говорят, приедет — лишний рот к плову, а молодой — в помощь дому.

Ярмат шел рядом с Юлчи, болтая будто со старым знакомым. Это был высокий, крепкого сложения человек лет сорока пяти, на лице чуть заметные следы оспы, борода и усы с изрядной сединой. Низко, на самых бедрах, повязанный поясной платок и нарочито небрежная походка говорили о желании подражать самым завзятым уличным щеголям и выдавали в нем бедняка, из тщеславия старавшегося казаться не тем, кем он был на самом деле.

Они подошли к клевернику, занимавшему танапов пять земли.

— Вот и мой клевер,— подбоченившись, указал одними глазами Ярмат.— Если вы охотник до перепелок, то ловите их только здесь!

— Клевер ваш собственный? — взглянул на Ярмата Юлчи.— Хороший клевер — высокий и густой!

— Ха-ха-ха!..— расхохотался Ярмат и, передав Юлчи серп, пояснил: — В доме Мирзы-Каримбая-ата я работаю уже шестнадцать лет, паренек. А раз так, то какие могут быть разговоры: «наше», «ваше». Мало ли пролито моего пота на этом клевернике? Эх-хе! Я как-нибудь покажу потом — большую часть земель бая я сам своими руками обработал и заставил зазеленеть... Начинайте жать вот отсюда. Клевера потребуетса целая арба. Сегодня четверг, а в канун праздника у нас никогда не обходится без гостей. Слышали — ожидают Хакима-байбачу с его друзьями-приятелями. А если еще и братец их Салим-байбача со своей компанией пожалуют, тогда вы увидите чудеса: лошадьми будет занят весь двор, и клевер только подавай!

Юлчи внимательно оглядел серп и принялся за работу. Ярмат, считавший себя непревзойденным жнецом, некоторое время наблюдал за ним, стараясь найти хоть какой-нибудь недостаток в работе. Однако его опытный глаз не заметил ничего такого, к чему можно было бы придрасться. Напротив, в быстроте, например, Юлчи даже показал превосходство над ним.

— Неплохо! — вынужден был признаться Ярмат.— Будто парикмахер голову бреет: под самый корень режете... Ну, я пошел.

В клевернике — духота; казалось, весь свой жар в течение дня солнце скапливало именно здесь. При каждом взмахе серпа лицо жнеца обдавал горячий, душный воздух. Юлчи обливался потом, но жал старательно, не поднимая головы. Острый серп в его умелых руках легко, с приглушенным треском подрезал пучки густого, местами полегшего клевера.

Работа увлекла Юлчи. Юноша повеселел. «Дядя, должно быть, справедливый человек,— думал он.— Взять хотя бы Ярмата — вон сколько лет проработал. А работник — не раб, без выгоды жить не станет. И по разговору он, похоже, доволен. Работал я у многих в кишлаке, поработаю и здесь. Если буду стараться, мне худо не будет. Потому — они родственники и, хоть других, может, пощипывают, меня

не обидят. Дядя вон сколько говорил со мной, сколько советов дал. Теперь дела мои должны поправиться: мать и брат с сестрой не будут нуждаться. Надо только работать хорошенько...»

Занятый такими размышлениями, Юлчи незаметно нажал клевера. Потом сгреб его в кучки и, захватывая могучими руками огромные охапки, стал переносить на байский двор.

Солнце уже спряталось, но дневной свет еще не погас. Ласковая тишина летнего вечера лишь время от времени нарушалась мычанием коров или телят да редким, тотчас смолкавшим чириканьем птиц. Все кругом было охвачено дремотной усталостью и истомой...

На байском дворе — никого, кроме Юлчи. Два мальчика, только что беззаботно игравшие здесь, при его появлении убежали в ичкари. Юноша присел на край супы, опустил голову и задумался. Думал он о матери, о братишке и сестренке, оставшихся далеко, в глинобитной кишлачной мазанке.

Вдруг с улицы донесся приглушенный пылью топот лошадиных копыт. Юлчи вскочил, побежал к воротам. Схватив за повод буланого красавца коня, он помог сойти седоку. Это был старший сын Мирзы-Каримбая — Хаким-байбача — надменный на вид человек лет сорока, среднего роста, большеголовый, с черными, закрученными штопором усами, с быстрым, пронизательным взглядом карих глаз, одетый поверх чесучового камзола в шелковый полосатый халат.

Хаким-байбача соскочил с коня, смахнул лапами халата пыль с сапог, затем, уже направляясь в ичкари, не глядя на Юлчи, небрежно на ходу пробормотал:

— Мне Ярмат говорил о тебе, племянник. Сегодня к нам приедет много народу. Хорошенько приглядывай за лошадьми, родня!

Вслед за хозяином начали прибывать и гости. Юлчи привязывал коней к деревьям и специально вбитым в стены кольцам. Несколько лошадей были отведены на конюшню. Затем он, подобно челноку ткача, долго сновал между калиткой ичкари и беседкой, подавая гостям то наполненные сладостями подносы, то чай, то шурпу в больших чашках — касах, то целые блюда пельменей, один запах которых вызывал спазмы в его голодном желудке.

Ярмат возвратился из города пешком, усталый, поэтому у лошадей тоже пришлось хлопотать одному Юлчи. Уже в темноте юноша присел на супе с Джурабаем — кучером одного из гостей, приехавшего в пролетке, — утолил голод остатками угощений, потом расстелил прямо на голой земле старую подстилку, найденную где-то Ярматом, подложил под голову охапку зеленого влажного клевера и быстро уснул.

II

Летняя ночь коротка. Кажется, чуточку соснул Юлчи, а открыл глаза — уже светает. Воздух был чист и прохладен. То там, то здесь слышались первые голоса птиц. Юлчи поднялся. Умылся из арыка, прошелся по двору.

Ласковый утренний ветерок забавлялся игрой красок в цветнике, разносил от беседки аромат цветов.

В беседке на шелковых одеялах, погрузив головы в мягкие белоснежные подушки, спали гости: кто посапывал, кто тихонько посвистывал носом, а иные громко храпели. Особенно усердствовали последние. Казалось, что они жестоко спорили друг с другом: только один возьмет высокую ноту, как вслед вступает второй.

Посреди двора, на сиденье новой, покрытой черным лаком пролетки, согнувшись пополам, спал кучер Джура. Из-под мышки у него торчал длинный кнут.

Юлчи прошел в конюшню. Лошади заржали,— они давно закончили с кормом и нетерпеливо били копытами. Юноша подбросил им клевера. Потом взял лопату с метлой и принялся за уборку конюшни.

Юлчи с детства любил лошадей, и ухаживать за ними было для него удовольствием. Здесь же были собраны породистые, редкостные кони всех мастей. В народе о таких лошадях говорят: на них можно под облаками летать. Юлчи осмотрел коней, обмел каждого с головы до ног чистым веником, пригладил руками шерсть, расчесал гривы.

Сытые кони заблестели, словно омытые водой, и стали еще более красивыми.

Поднялся и Джура. Он подошел к своему коню, привязанному в отдельном стойле, ласково похлопал его, приговаривая:

— У, родной ты мой! Как здоровье? Хорошо ли отдохнул? Не жалеет ли чего душа твоя, мой каренький?

— Выспались, Джура-ака? — спросил Юлчи.

— Э-э, братец! — Джура зевнул, широко раскрыв лишенный передних зубов рот. — Разве у таких, как мы с тобой, при жизни есть время выспаться? После смерти — другое дело.

— Это правда!

— А ты, видно, тоже любишь лошадей. Да?

— Еще бы! — засмеялся Юлчи. — Лошадь — лучшая тварь на земле. Очень люблю!

— Если бы они от этого стали твоими... — вздохнув, заметил Джура.

— Да-а... — протянул Юлчи. — Но, говорят, хорошее намерение — уже наполовину богатство. Когда-нибудь и я своего коня заседлаю. Может, он не будет ни легуном, ни скакуном, пригодным для улака и скачек, но будет хорошим работягой.

Джура пожал плечами и безнадежно махнул рукой, показывая, что он-то уже ни на что не надеется. Поймав присосавшуюся к лопатке лошади желтую «собачью» муху, он выругался, раздавил ее каблуком сапога, потом засучил рукава и, негромко мурлыча что-то себе под нос, принялся за дело.

Юлчи задержался у стойла, залюбовавшись конем. Джура заметил это, расправил спину, обвел взглядом конюшню.

— Буланный хозяина твоего тоже хорош! — проговорил он. — Если ты знаешь толк в лошадях, конь этот из тех самых буланных, о которых рассказывают в сказках.

— А ваш? — засмеялся Юлчи.

Джура любовно провел ладонью по крупу коня.

— О нем и говорить нечего! — с гордостью сказал он. — Это первый из первых. Равного ему не сыскать. Посмотрел бы ты, как он бежит! И старый и малый глаз оторвать не могут! Заприметят издали и провожают, пока не скроется... Стой, стой! Что, мухи нападают, каренкий? Сейчас мы их в ад спровадим... — Расправившись с мухами, Джура продолжал: — Только, надо сказать, у человека часто бывает дурной глаз, братец. Как-то стою на Иски-Джува, жду хозяина. Базарный день, народу много. Все на лошадь глаза пялят... Подходит один седобородый — раньше он барышником был. Оперся на посох, устался на коня. «Живу, говорит, я со времени Малляхана кокандского, сын мой. Видел много и ханских и байских коней, много прошло их через мои руки. Но этот — не конь, а душа живая! Чей он? Сколько стоит?» «Сожрал ты мне коня!» — подумал я и говорю ему: «Другого бы на твоём месте кнутом хватил, а тут седины твои приходится уважать...» И что бы ты думал? На другой день заболел мой конь! У меня чуть душа не выскочила. Хорошо еще, кроме меня, никто не заметил. Хозяин-то в лошадях и на просяное зернышко не смыслит... — Джура вздохнул. — Ходить за чужой скотиной самое трудное дело, братец. Что случится — беда на твою голову. Хозяин у меня шумливый. Даже самый смирный человек и тот, как только разбогатеет, начинает забываться. Знаем мы! А над кем и поглумиться, как не над работником?.. Так вот, что же мне, думаю, делать? Голова пошла кругом. Побежал я к знахарю-мулле. Слышал, что крепко помогает его заговор... Стой, стой! Сейчас я тебя, дорогой, начищу так — будешь блестять, что девушка после бани... Да, пришел я к мулле и что, думаешь, сказал ему? «В нашем, говорю, доме заболел один бедняга. Видно, джинны душат. Идемте, пошепчите, может, исцелит ваш заговор...» — «Хорошо», — отвечает мулла и отправился со мной. Пришли мы. Веду его в конюшню, говорю: «Почтенный, вот наш больной». А мулла смеется: «Ничего, говорит, в этом особого греха нет. Вчера мне пришлось читать молитву над коровой». Мулла прочитал молитву. Пошептал, подул, поплевал на стороны. Сказал: «Сглаз это. Обкуришь еще исыком — пройдет». Вручил я ему за труды свой собственный целковый. Ушел он. А мне опять не спится. Ровно в полночь бегу к своей старухе матери... У меня, братец, всего только и родни, что одна мать. Мне уже сорок лет. И ни жены, ни детей. Бобылем, можно сказать, прожил свой век... Мать моя тоже ловка насчет того, чтобы от сглазу полечить, пошептать, поплевать направо-налево. Разбудил я старуху. «Вставай, говорю, показывай свои чудеса!» Рассказал ей все. Пошли мы. Зимняя ночь, холод. Земля скользкая что стекло. Мать-бедняга падала не раз. Ну все же добрались кое-как... До рассвета и она успела пошептать над конем... Уж не знаю, кто из них помог, только выздоровел конь... Так-то, брат, — заключил свой рассказ Джура. — Но, говоря по правде, нам, кучерам и конюхам, трудно, очень трудно... Ну-ка, стань в сторонку, желанный, — ласково обратился Джура к коню. — Дай брюхо тебе почистить...

Солнце уже поднялось довольно высоко. Гости встали, оделись и, весело болтая, разгуливали вокруг цветника.

Джура, покончив со своими делами, смело подошел к ним, кое с кем даже обменялся парой-другой слов, затем, отпросившись у хозяина, вышел на улицу. Юлчи же присел на корточки под деревом, на берегу арыка, подальше от гостей. Он не только подойти к ним — даже смотреть в ту сторону стеснялся. Их разговоры, поведение, обращение — все казалось ему чуждым и непонятным.

Из калитки внутренней половины дома вышел Мирза-Каримбай. Юлчи вскочил, поздоровался с ним. Бай пробормотал обычное «ваалейкум» и, даже не взглянув в его сторону, прошел к гостям. Немного погодя он вернулся, позвал Юлчи:

— Идем-ка со мной, племянник.

Бай легко перепрыгнул через арык и пошел впереди. Новые лаковые капиши его мягко поскрипывали, легкий шелковый халат сиял, переливаясь на солнце разноцветными огнями, вспыхивал искрами, от которых рябило в глазах.

Через маленькую калитку они вышли в сад. Юлчи показалось, что он попал в рай. Сад был огромный. Больше двух танапов земли занимал виноградник. Под высокими, уходящими вдаль сводами его свободно могла пройти кокандская арба. Зеленые листья винограда шевелились под ветерком, блестели на утреннем солнце. Вдоль высокого дувала, окружающего сад со всех четырех сторон, росли персиковые деревья. Ветки их под тяжестью плодов, несмотря на подпорки, лопались, клонились к самой земле. За виноградником начинался большой яблоневый сад. Юлчи удивился: все деревья, в какую сторону ни взгляни, стояли ровными, как по нитке, рядами и на одинаковом расстоянии друг от друга. Яблони низкорослые, а плоды крупные, хотя еще зеленые. Кроме этого, в саду было много груш, урюка, айвы, джиды.

Когда обошли сад, Мирза-Каримбай остановился и с улыбкой спросил:

— Есть у тебя желание поработать, племянник?

— Я привык работать, — просто ответил Юлчи.

— Вот и хорошо. Надо будет прочистить в саду с двух сторон зауры. Затем хорошенько прополоть виноградник. Но об этом я между прочим упомянул. Сейчас для тебя есть другое дело. Пойдем покажу.

При выходе из сада они столкнулись с незнакомым Юлчи молодым человеком. Он был тонок, бледен, с узкими глазами и густыми, сросшимися бровями на низком лбу. Незнакомцу было не больше двадцати пяти лет, но испитое лицо делало его старообразным. На нем были новенькая вышитая тюбетейка, длинный чесучовый камзол с отворотами и накладными карманами и новые, шегольские сапоги.

Молодой человек остановился.

— Этот джигит — ваш племянник, отец? — спросил он Мирзу-Каримбая и тут же обратился к Юлчи: — Как жив-здоров? Благополучно ли прибыл? Рад, рад... — Притворно улыбаясь, молодой человек протянул Юлчи кончики пальцев и в ту же минуту скрылся в саду.

Юлчи догадался, что это младший сын Мирзы-Каримбая — Салим-байбача.

Неподалеку от клеверника Мирза-Каримбай остановился.

— Видишь эти пни? — заговорил он, внимательно взглянув на Юлчи. — Здесь была роща из карагача и тополя. Прошлый год ее вырубili. Теперь ты должен выкорчевать пни, расчистить землю.

— С этого и начинать? — спросил Юлчи, окидывая взглядом вырубку.

— Да-да. Это очень нужное дело. Во-первых, освободится земля. А земли тут немало. Без четверти танап примерно. После ты хорошенько вскопаешь весь участок, на одной половине посадишь морковь, на другой — картошку. Вот мы и будем обеспечены на зиму. А потом, смотри, сколько тут дров! Если все эти пни аккуратно выкопать и расколоть, получится немало топлива. А без топлива, свет мой, никакой котел не закипит. Если всякую мелочь покупать на базаре, даже казна царя Соломона не выдержит, племянник. Хозяйство надо вести умеючи. Хорошенько обкапывай, чтобы корней в земле не оставалось. Понял?

Юлчи утвердительно кивнул головой.

После завтрака Юлчи принес кетмень, топор и принялся за дело. Он был привычен ко всякой тяжелой работе, но корчевать пни ему еще не приходилось. Пней было много, торчали они близко друг от друга. А земля — что камень! Обдумав, с какой стороны начать, Юлчи прежде всего взялся окапывать самые большие пни.

Кетмень отскакивал с коротким, глухим звоном. Земля дробилась и далеко разлеталась по сторонам. Юлчи понимал, что лучше было бы землю вокруг пней полить водой и подождать, пока она размякнет, но продолжал долбить, чтобы не терять времени и не вызвать недовольствия дяди. У него пересыхало в горле, он подходил к арыку, пил воду и снова брался за кетмень. Скоро он сбросил мокрую от пота рубаху.

Земля понемногу поддавалась силе. Юноша постепенно приспособился. Глубже земля становилась мягче, и дело пошло быстрее. Обнажился первый большой пень. Юлчи взял топор и принялся обрубать и выдирать из земли толстые корни. Неожиданно он увидел какую-то девушку, стоявшую неподалеку, у края клеверника, и украдкой наблюдавшую за ним. Вместо паранджи на голову у нее накинут рваный легкий халат. Одета она в старенькое, но чисто выстиранное белое ситцевое платье. На ногах — поношенные галоши. Рядом у ног ее стояло ведро.

Юлчи ни на минуту не оторвался от дела. Но, когда он, взмахивая топором, выпрямлялся, взгляд его каждый раз невольно обращался в сторону клеверника и останавливался на девушке. «Чья она, откуда и куда идет?»

Девушка была настоящей красавицей. Высокая ростом, очень юная, тонкая и стройная, как молодая таловая ветвь. Солнце горело в завитках ее волос, спадавших на лоб и виски. А белое нежное личико, казалось, само излучало свет.

Юлчи бросил топор и, смахнув со лба пот, смелее посмотрел на

девушку. Та смутилась и закрыла лицо халатом. С минуту она стояла не шелохнувшись, затем быстро наклонилась, подняла ведро и обочиной клеверника пошла к байскому саду. Юлчи, застыв на месте, не отрывал от нее глаз. Немного погодя девушка обернулась, бросила на него мимолетный взгляд, и юноша скорее почувствовал, чем увидел, ласковую, застенчивую улыбку на ее лице. Когда девушка скрылась между деревьями, у Юлчи почему-то вырвался глубокий, из самого сердца вздох. Он нехотя перевел взгляд на пень, торчавший у его ног, и снова принялся за работу.

Солнце приближалось к зениту. Воздух пылал. Не слышно было ни лая собак, ни пения птиц. Все живое попрягалось в тень, дремало. А Юлчи, разрывая кетменем грудь земли, корчевал пень за пнем, голые плечи и спину джигита жгли прямые, отвесные лучи. Уже давала себя знать усталость, от голода временами подступала тошнота. «Наверное, забыли обо мне, захопотавшись с гостями,— подумал Юлчи.— Ни чая, ни хлеба никто не несет».

Ровно в полдень показался Ярмат с чаем и лепешками. Он еще издали сердито крикнул:

— Бросай скорей! Сгореть можно на таком солнце! — Ярмат окинул взглядом развороченную землю, уже выкорчеванные огромные корявые пни и покачал головой: «Ну и могучий джигит!»

Они устроились в прохладной тени дерева. Ярмат разломал лепешку и, протянув Юлчи пиалу с чаем, посочувствовал ему:

— Это самая проклятая работа. Она изматывает человека.

— Верно,— согласился Юлчи.— Но для молодого, здорового парня — ничего.

Ярмат тяжело вздохнул и, растянувшись на зеленой траве, принялся обмахивать грудь полкой халата.

— А вы, похоже, совсем утомились, ухаживая за гостями, а, Ярмат-ака? — пошутил Юлчи.

— Э-э, что гости... — ответил Ярмат.— За гостями хозяева сами ухаживают. Я уже сколько дел сегодня переделал! Нагрузил арбу навоза и отвез на главный участок. На обратном пути навалил клевера — у одного казаха взял: должен был нам тысячу снопов. Вечером или завтра утром по холодку отвезу его на городской наш двор. А клевер! Каждый сноп больше обхвата! И достался почти даром! Хозяин договорился еще ранней весной и уплатил казаху деньги вперед.

— Богатые люди,— заметил Юлчи,— каждую мелочь заготавливают вовремя, и все достается им по дешевке. Это только бедняки покупают, когда приходит крайняя нужда, и переплачивают втридогога.

— Верно. Справедливые слова.

— Значит, у дяди и в других местах земля есть? — спросил Юлчи.

— Здесь — только место для отдыха в летнюю пору. Главный наш участок — подальше к горам, отсюда больше часа езды. Там хлопковые поля. Работают на них батраки и поденщики. Эхе, ты еще ничего не знаешь! Хлопком особенно интересуется старший сын хозяина — Хаким-байбача. Он только тем и занят, что скупает его и в

Ташкенте, и в Фергане. Мне все их дела известны. Я же говорил вчера, что работаю здесь уже шестнадцать лет. В тот год, как я пришел сюда, бог послал мне дочь, а сейчас она уже невеста. Других детей у меня больше нет, а дочке дай бог долгой и счастливой жизни — будет кому поминальную свечу по мне зажечь...

«Не его ли это дочь?» — вспомнил Юлчи о девушке. Он налил в пиалу чаю и поставил перед Ярматом:

— Пейте. Вы сами ташкентский?

Ярмат приподнялся на локоть, отхлебнул два-три глотка чая.

— Я из-под Самарканда,— заговорил он.— Родился в кишлаке, рано остался сиротой. И чем только не занимался! Все ремесла пере-пробовал, кроме воровства. После нанялся в работники к одному самаркандскому баю. Он был другом вашего дяди. Когда дядя бывал в Самарканде, он обязательно заезжал к нам. Проработал я три-четыре года, и хозяин мой — жизнь его оказалась короткой — умер. Все имущество осталось малым ребятам. Появилось и еще много разных наследников. Богатство — будто водой размыло. В эту пору вдруг приезжает теперешний мой хозяин. На обратном пути он захватил и меня. Потому — знал мою честную работу... Да, жизнь течет быстрее, чем вода в арыке. Сколько лет прошло, а мне кажется, что все это было только вчера.

Юлчи внимательно слушал. Ярмат, опорожнив пиалу, продолжал:

— Мне известны все тайны этой семьи. И радость, и горе — все дело с ними. Я знаю и гостей их, и родню. Известно мне и состояние хозяина. Дядя твой — большой богач. Особенно прибавилось у него богатства за последние пять-шесть лет. Такова, видно, воля аллаха: богатство, если оно приходит, то приходит, разливаясь рекой... Вот так, братец! Я — свой человек в этом доме. Я и отца вашего знал, раза два беседовал с ним, сегодня вспомнил.

— Вы, наверное, хорошую годовую плату получаете от хозяина? — спросил Юлчи и выжидающе посмотрел на Ярмата.

Ярмат помолчал. Уставившись в землю, он некоторое время вертел в руках тыквенную табакерку, словно обдумывал ответ. Потом медленно заговорил:

— Ей-богу, я никогда не рядился и не просил чего-нибудь за свою службу. Заплатят по совести, думаю, и так живу. Зиму проводим в клетушке рядом с хозяином, а лето — под навесом, вон за тем садом. Иной раз попробуешь чего-нибудь из хозяйского котла, а то свой котелок кипятим. Хоть и не жирно, зато свое. Жена зиму и лето работает в хозяйской ичкари: стирает, убирает в доме, печет хлеб, стегает одеяла, вышивает в приданое для хозяйской дочери сюзане, платки, ткет паласы. Э, разве может быть на свете чего-нибудь больше, чем работы. Так вот и живем день за днем. Есть так есть, а на нет — и спроса нет. Трудная жизнь настала, братец. Бывало, верблюжьих орешки по дороге валялись, а теперь и они — как лекарство для глаз, даром не найдешь. Мало ли сейчас таких, что, нуждаясь в куске хлеба, нищенствуют по улицам? Избави бог от этого...

Ярмат, заложив под язык щепоть наса, умолк. Юлчи отдышал, опустив усталую голову.

Вдруг, нарушив безмолвие раскаленного воздуха, послышались звуки песни. Прелестью и свежестью весны повеяло от мелодии, от чистого и звонкого голоса певца. Юлчи даже зажмурился от удовольствия.

Песня долетела издалека, с байской половины. Чтобы не нарушить очарования, Юлчи ни о чем не спросил Ярмата. Весь отдавшись звукам, он плотнее закрыл глаза и еще ниже опустил голову. Душа юноши, казалось, медленно таяла в песне, а нежный, ласкающий сердце голос как бы высасывал усталость из всех его жил...

Песня кончилась. Но через минуту взвилась снова. Тот же голос звенел уже иной мелодией, расцветал иными красками, горел иной страстью, еще более захватывающей душу...

Когда замерли в воздухе последние отзвуки и этой песни, Юлчи не вытерпел:

— Какой голос! В жизни не слышал такого! Это у дяди поют? Ярмат сплюнул табак, снисходительно улыбнулся:

— Да, у нас.

— Вчера певца не было слышно. Наверное, сегодня днем приехал?

Ярмат рассмеялся:

— Этот певец известен на весь свет. Голос его — единственный из единственных. Но сейчас его здесь нет.

— Как же так? — удивился Юлчи. — Если его нет, откуда песня?

— Верно, певца нет, а песня есть, — продолжал смеяться Ярмат. — Штuku такую граммофоном зовут, видал?

— Нет. А что это такое?

— Голос певца переводят на отдельные кружки вроде тарелочек. Положат потом такую тарелочку на машину, покрутят ушко. Тарелочка начнет вертеться быстро-быстро, и польются песни, зазвенят дутары, тамбуры. Прямо как живой человек...

— Дурачите меня, думаете: кишлачный простак поверит, мол? — нахмурился Юлчи.

— Зачем мне тебя дурачить? Умом-мудростью можно всего добиться. Вот конку в городе раньше таскали лошади. А теперь конка без лошадей бегаёт. А почему — без лошадей? Все наука, мудрость. Так и граммофон. Он, должно быть, из Фарангистана появился. Недавно один знающий человек рассказывал: у них, говорит, по части всяких ремесел искусные мастера есть. Среди баев граммофон теперь модой стал. На пирушках поставят его посредине и наигрывают. Не веришь — вечером могу показать.

Вдруг послышался другой голос. Кто-то быстро-быстро говорил — то по-мужски басом, то по-женски тоненько, то, словно младенец, тянул: ынга, ынга...

Юлчи удивленно глянул на Ярмата.

— Это Абдулла, знаменитый комик. Сейчас он в граммофоне потешается, — пояснил Ярмат.

— Товба! — только и мог сказать Юлчи. Он взял кетмень и молча принялся за работу.

Ярмат собрал чайник, пиалы и, уходя, крикнул:
— Живой будешь — в Ташкенте еще и не таких чудес насмотришься, паренек!..

III

Гости с аппетитом съели мастерски приготовленное жаркое, выпили сверх того по большой касе «кабульской» шурпы и сидели в беседке, тяжело отдуваясь. Когда Ярмат полил водой двор, гости перешли в тень карагача на просторную супу. Там, облокотившись на большие пуховые подушки, они расположились на шелковых одеялах, разостланных по краям мягкого красного ковра, и пили чай. Пили много и жадно, стараясь утолить жажду. Жара и переполненные желудки особенно томили толстяков. Среди восьми гостей непомерно тучными были двое: недавно разжившийся и так же быстро растолстевший владелец хлопкового завода Джамалбай и потомственный «бай-калян» — великий бай, скотовод Султанбек. Расположившись на противоположных сторонах супы, оба толстяка часто обменивались дружескими шутками, подсмеиваясь над своей полнотой.

Большинство гостей были людьми среднего возраста — от тридцати до сорока лет. Потягивая густой чай, они говорили о торговле, о женщинах, о банковских делах. «Гвоздем» беседы были анекдоты о скупости одного известного ташкентского бая: собравшиеся здесь, видимо, считали себя людьми щедрыми, чуть ли не равными легендарному Хатамтаю...

Из внутренней половины двора вышел Мирза-Каримбай.

— Всем ли довольны? Не скучаете ли? — любезно обратился он к гостям, присаживаясь на супу.

Из уважения к старику гости сделали попытку подобрать ноги и сесть, как того требовало приличие.

— Располагайтесь, располагайтесь свободно, как вам удобнее, — запротестовал бай. — В летнюю пору посидеть вольно за городом — самый лучший отдых...

Беседа расстроилась: анекдоты о Джупом бае были исчерпаны, а говорить при старом человеке о женщинах было неприлично.

Султанбек, посапывая, начал дремать.

— Мулла Абдушукур, — обратился к одному из гостей Мирза-Каримбай, — расскажите, какие новости на свете. Давно не приходилось беседовать с вами.

Абдушукур — худощавый человек лет тридцати пяти, в очках, с сухощавым смуглым лицом и впалыми висками, с небольшими усами, настолько старательно закрученными, что тоненькие стрелки их чуть не касались ноздрей. Одет он по последней моде — в короткий камзол. Среди гостей Абдушукур был единственным, о ком можно было сказать: «В кошельке у него медный пятак, зато он поговорить мастак».

В предместье Ташкента Аския у отца Абдушукура был клочок земли. На этом клочке они всей семьей выращивали помидоры, редиску, лук, капусту, морковь. Старания главы семьи были направлены на

то, чтобы доставить свой товар на рынок по возможности раньше и продать его подороже. Абдушукур некоторое время помогал отцу, но впоследствии избрал себе другой путь. По окончании начальной духовной школы он перешел в медресе и поселился в одной из предназначенных для студентов каморок. Постоянно нуждаясь, он проучился четыре года. Потом влечение к духовным наукам у него остыло, карьера имама перестала его прельщать, и он, не закончив учения, ушел из медресе.

Мечта выехать для продолжения образования в Стамбул или Египет не была осуществлена из-за недостатка средств, и Абдушукур некоторое время оставался без дела. Потом с помощью своего дяди, слывшего «деловым человеком», он поступил писцом к одному баю и выехал с ним в город Токмак. Там перешел на службу к татарскому купцу и уехал в Казань. За три года жизни в Казани Абдушукур завел знакомства среди татарских купцов, дружил с купеческой молодежью, приобрел привычку читать газеты и журналы. Возвратившись в Ташкент, он стал выдавать себя за одного из «просвещенных» и «прогрессивно мыслящих» мусульман, высказывался за открытие так называемых новометодных школ. Полагая, что этим способствует «пробуждению нации», сочинял бесцветные, неглубокие по мысли и корявые по форме риторические стихи. Татарских религиозных деятелей Мусу Богиева и Ризаитдина Фахритдинова он считал великими учеными, а перед турецким литератором Ахмедом Мидхатом преклонялся и считал его гением и светочем знаний. Читать по-русски Абдушукур не умел, но объяснялся довольно бойко. Этому он научился еще в ту пору, когда вместе с отцом ходил в «новый город» продавать зелень.

Одни называли Абдушукура «законником» — адвокатом, другие «безбожником». В настоящее время он был приказчиком, другом и советчиком Джамалбая. В гости он приехал вместе со своим хозяином на пролетке.

Абдушукур вынул из нарядной коробки с надписью «Роза» папиросу, но, прежде чем закурить, постарался удовлетворить любопытство Мирзы-Каримбая:

— Таксыр! На свете много интересного. Обо всем, что происходит в мире, ежедневно сообщают газеты.

Путая последние известия со старыми, Абдушукур сообщил несколько интересных, на его взгляд, фактов. Когда он заговорил о войне на Балканах, Мирза-Каримбай, любивший слушать рассказы о войнах и сражениях, сейчас же перебил его:

— Какое царство с каким воевало?

Абдушукур в душе пожалел этого богатого мусульманина, ничего не знающего о таком важном событии, однако не подал виду и терпеливо рассказал, какие государства воевали и каков был конец войны.

— Царство Булгарское и еще как... Юнан, говорите? Какие трудные названия! — заметил один купец.

Абдушукур продолжал:

— Халиф всего мусульманского мира, его святейшество султан

Турции оказался одиноким в этой войне, войска их святейшества потерпели жестокое поражение. Эти поистине трагические события, уронившие престиж ислама, произошли только вследствие разобщенности мусульман и отсутствия согласия между ними. Если мы, мусульмане, не высвободимся из тины невежества, не встанем на путь прогресса, не укрепим взаимного согласия, то в ближайшее время христиане доберутся и до наших святых мест. Они не остановятся даже перед тем, чтобы взять под обстрел из своих пушек святыни Мекки и Медины.

— Предрешать что-либо заранее — ошибочно, Абдушукур,— внушительно возразил Мирза-Каримбай.— Все, что ни совершается — совершается по воле аллаха.

Тоненьким женским голоском в разговор вмешался мануфактурист Халыкбай — невзрачный, немощный на вид человек:

— Вы, Абдушукур, из тех, кто умеет отличить белое от черного. Только и вам не следует забывать, что милостью аллаха нога кяфира никогда не может приблизиться к святыне Каабы, а не то чтобы захватить ее или взять под прицел из пушек! Ведь каждому правоверному мусульманину известно — там священная могила Мухаммеда-Алайхи-салама! А сколько там покоится великих святых! Это место охраняет сам аллах. Я простой человек, но даже и я понимаю — говорить надо о том, что мыслимо и возможно.

— Разве может попасть пушка в дом божий?! — присоединился к разговору торговец фарфоровой посудой Таджихан-байбача.— В прошлом году возвратился из паломничества по святым местам мой дядя. По словам этого почтенного человека, через могилу пророка даже голуби не смеют перелетать. Подлетят, поклонятся и облетают стороной.

— Великий грех сомневаться в милости и покровительстве всемогущего аллаха,— пробормотал Мирза-Каримбай.

Медленно шевеля толстыми, мясистыми губами, заговорил Султанбек:

— Сказать по правде, в наше время много всякого болтают. Но во всей этой болтовне ни смысла, ни смака. Только голова болит. Отчего это — не знаю. Может, наступили последние времена и уже явились Вэ-джудж и Ме-джудж! — Султанбек окинул взглядом присутствующих, раздумчиво поковырял в носу и, превозмогая одышку, продолжал: — Появилось много всяких молокососов, — он бросил насмешливый взгляд в сторону Абдушукура. — Вот Абдушукур их хорошо знает. Эти молокососы на каждом шагу лезут со своими вздорными советами. Недавно сию я со своими приятелями. Разговор зашел о тоях. Я рассказал о своем намерении устроить осенью этого года той по случаю обрезания сына. Друзья надавали мне много хороших советов. Однако в нашем квартале завелся один блудливый козел. Тоже постоянно читает газеты. И что бы вы думали этот ублюдок сказал? «Султанбек-ака, говорит, вы, согласно шарияту, устройте мавлюд-той. Чтобы это послужило примером всему народу. А я потом напишу в газету, мол, такой богатый и всеми уважаемый человек, как Султанбек, обрезание сына сопроводил

устройством мавлюд-той». — «А что это за той, братец?» — спрашиваю его. А он: «Пригласите, говорит, два-три десятка людей, попросите прочитать мавлюд — молитву, которая читается в день рождения пророка. Это и будет той по шарияту...» Меня даже в жар бросило от его слов. «Я не поминки, говорю, собираюсь справлять, а той! Той в честь сына! Три кобылицы, говорю, и двадцать одного барана зарежу! С барабанным боем, с карнаями три дня пировать буду. Отцы-деды мои, говорю, задавали пиры по неделям!..» Так вот, зачем эти молокососы вмешиваются в чужие дела? Читай себе газету, если есть охота. А когда мне вздумается устроить большой той — не мешай. Я сделаю это ради своего собственного сына, буду расходовать свои собственные деньги. У меня свои привычки, свои желания. Да и как этот молокосос, даже не нюхавший пыли во дворе медресе, стал вдруг знатоком шарията? Если по шарияту положено устраивать мавлюд-той, то почему об этом ничего не говорят наши улемы. И еще меня огорчает то, что им верят даже некоторые из наших баев и молодых купцов. Вот сын Азимаходжи — Турсун-байбача — тоже хлопочет об открытии новой школы. Недавно приходит к нам и давай меня обхаживать. «Один сын у меня учится в кары-хана — в начальной духовной школе, — говорю ему, — другого я отдал в русскую школу на Хадре. Все. Довольно!»

Султанбек, утомившись от такой длинной речи, тяжело облокатился на подушку и принялся вытирать пот с толстой красной шеи и с круглого, как точильный камень, лица.

— Для наших сыновей довольно и школы на Хадре. Какая же еще школа нужна?.. — поддержал Султанбека один из купцов.

У Абдушукура так и чесался язык вывязаться в спор. Он уже приготовился было дать обстоятельное разъяснение насчет устройства тоев по-новому, высказаться по поводу улемов, шарията и школ, но тут в разговор вступил Хаким-байбача.

Старший сын Мирзы-Каримбая говорил спокойно, рассудительно. Он не стал возражать против новых школ, но высказал пожелание, чтобы в этих школах было уделено побольше времени изучению «благородного корана». О тоях же байбача сказал так:

— Шариятом, слышали мы, расточительность не одобряется. Однако пока от улемов нет прямых указаний насчет тоев, придавать какое-либо значение разговорам молодежи не следует. Блюстителю шарията являются отцы народа, и только они. Молодым следует выбросить из употребления слова «прогрессист», «консерватор», в деле просвещения народа надо идти рука об руку с нашими улемами и сохранять перед ними необходимую почтительность. Вмешиваться в дела шарията, помимо улемов, значит вносить раскол в народ, разрушать устой ислама. Последствия от этого могут быть только самые дурные. — Хаким-байбача обернулся к Абдушукуру: — Никогда не задевайте в спорах наших улемов, Абдушукур!

Абдушукур собрался было выступить с целой проповедью, но теперь счел за лучшее промолчать. Он лишь улыбнулся в ответ и кивком головы выразил согласие со словами Хакима.

Минутное молчание нарушил Салим-байбача.

— Не мало грехов водится и за нашими улемами,— сказал он, взглянув на брата.— Вместо того чтобы бороться с ересью, они потворствуют ей. Не запрещают расточительности в расходах на тои и пиршества, а, наоборот, сами любят ходить с тоя на той и щеголять шелковыми и парчовыми халатами. Молодежь говорит: «Деньги, которые наши баи тратят на тои, лучше пустить в торговлю, передать на устройство театров». И правильно! Улемы всех, кто читает газеты, называют «кяфирами», но это же просто невежество.

Гости мало придали значения словам Салима, но все заметили, что Мирза-Каримбай нахмурился и опустил голову, явно недовольный сыном.

— Брат наш Салим,— сказал Хаким-байбача,— болтает все, что ни придет в голову. Товарищи его из этих самых молокососов.

Салим промолчал. Он сидел, небрежно играя золотой цепочкой своих часов.

— А что это такое — театр? Цирк, что ли? — спросил Абдушукура чаоторговец Садриддин.

— Нет, это совсем не то, Садриддин-ака! — охотно пояснил Абдушукур.— Если вы хоть раз побываете, то поймете, что это настоящая школа!

— Видел я театр,— пыхтя и отдуваясь, заговорил хлопковик Джамалбай.— Абдушукур уговорил меня, и я пошел... Вы называете это школой, Абдушукур! А что это за школа? Где там учителя, ученики? Показали, как какой-то неграмотный мальчишка стал босяком, и все?

— Может быть, не школа, а показ поучительных примеров,— заметил кто-то.

— По-моему, ни то, ни другое,— продолжал Джамалбай.— И, если говорить правду, цирк во много раз интереснее. У них для меня только всего и интереса было — посмотрел игру Абдушукура. Я его и не узнал вовсе. Нарядился в пестрый халат, прицепил длинную бороду, то ли имама, то ли ишана представлял. И что главное — даже голос изменил... У кого он только научился так ловко изменять голос? Ну, будто совсем другой человек! А вообще я чуть не умер от скуки, пока досмотрел до конца. Одни только разговоры. Нет, один раз побывал — и довольно. Теперь они и тени моей около своего театра не увидят.

Джамалбай оглядел всех и зычно рассмеялся.

— Человек за свою жизнь всего насмотрится,— задумчиво почесывая лоб, заметил Мирза-Каримбай.— Раньше в дни праздника показывали кукольные представления, были «палатки фантазии». Теперь, выходит, только названия увеселениям переменяли.

— Наш театр еще молодой, нет умелых, опытных артистов,— начал объяснять Абдушукур.— Вот в культурных странах, говорят, театры на большой высоте. И там, слышно, умеют ценить их. Недавно мне случилось беседовать с одним русским адвокатом. Когда он рассказал о театрах в Москве и Петербурге, я рот разинул.

— Там другое дело,— заметил Хаким-байбача.— В Петербурге дворец белого царя, и там к месту быть всяким удивительным вещам.

— Неужели и царь посещает театры? — спросил кто-то Абдушукура.

— Конечно, посещает.

— Эх-ха!.. — воскликнули одновременно несколько гостей, выражая этим свое крайнее удивление.

Абдушукур принялся было расхваливать дворцовые театры, которых он даже во сне не видал, но в это время Ярмат расстелил дастархан и объявил, что готов нарын. Гости поднялись и, разминая занемевшие от долгого сидения ноги, разошлись — кто руки мыть, кто по другим надобностям.

IV

Юлчи собрался грузить на арбу сваленный в углу конюшни навоз, чтобы отвезти его на хлопковый участок. Прошло уже три недели с тех пор, как юноша пришел в поместье Мирзы-Каримбая. Все время он исправно выполнял приказания дяди, выказывал не только старание, но и умение во всякой работе. Теперь бай предложил ему отправиться на главный участок — на обработку хлопковых полей.

Юлчи вынес первый мешок навоза и уже собирался свалить его на арбу, но Ярмат остановил юношу, крикнув издали:

— Сегодня на участок не поедем!

— Почему?

— Арба понадобилась. Жена вашего дяди вместе с невестками собралась к сватам на родины.

— А дядя сердиться не будет?

— Ответ за это пусть держит сама хозяйка. Что ж, пусть прогуляются и бедняжки женщины. А мы поедем завтра.

Юлчи поставил мешок у стены конюшни и присел на небольшой супе у ворот. Ярмат принялся приводить в порядок арбу: вылил на нее не менее десятка ведер воды, тщательно обмел веником. Приготовив арбу, он взялся за лошадь: надел сбрую, украшенную блестящими бляхами, вплел в гриву красные ленты, запряг, обошел вокруг, проверил, все ли на месте, красиво ли, подправил кое-где упряжь, потом застелил арбу толстой кошмой, а поверх разостлал одеяло. Все движения Ярмата свидетельствовали о желании устроить женщин как можно лучше и удобнее. Он очень любил возить по гостям хозяйских жен и детей, обставляя поездки пышно и гордился тем, что это дело поручалось ему. Вот и сейчас видно было, что он рад случаю, хотя радость свою старался не показывать перед новым работником и даже хмурил брови. Юлчи посмеивался, наблюдая за этим большим ребенком.

Когда арба была готова, Ярмат с озабоченным видом побежал за сарай. Через минуту он показался с маленькой лесенкой, старательно приставил ее к задку арбы и, заложив руки за спину, застыл в ожидании.

Женщины, как всегда, замешкались. Наконец они показались в калитке. Первой, пыхтя и отдуваясь, бормоча на каждой ступеньке лесенки неизменное «бисмилла», взобралась и уселась на арбу одетая

в дорогую шелковую паранджу жена Мирзы-Каримбая; за ней, одна — в синей, другая — в голубой бархатной парандже, уселись обе невестки — жены Хакима и Салима. Двор наполнился щебетом и восклицаниями женщин, капризными голосами ребятишек.

Юлчи по одному поднял ребят, усадил их между женщинами. Ярмат вынес из внутренней половины двора несколько корзин фруктов, сдобных лепешек и завернутое в скатерть большое медное блюдо с готовым пловом, распространявшим аппетитный запах.

Арба была заполнена до отказа. Ярмат еще раз осмотрел ее со всех сторон, затем проворно вскочил на лошадь. Сидел он точно мальчишка, которому впервые доверили быть арбакешем, — важно, избоченившись и задрав нос.

— Чу! — Ярмат ударил по лошади плеткой и, не оборачиваясь, крикнул Юлчи: — Эй, джигит! Закончишь вчерашнюю прополку!

Прежде чем приняться за прополку, Юлчи вышел на гузар побрить голову. Старик парикмахер, расположившийся у чайханы по правой стороне улицы, усадил его на скрипучий, готовый развалиться табурет, обернул шею заскорузлым от грязи полотенцем и, сбрызнув голову арычной водой, принялся растирать ее сухими костлявыми пальцами. Растирал он долго. Вокруг роем гудели мухи. Они липли к ногам, к лицу, лезли к носу, в уши. Юноша еле дождался окончания бритья. Поднявшись с табурета, он с облегчением вздохнул.

Опустив в сложенную горстью руку старика полтеньги, Юлчи уже хотел вернуться на байский двор, как вдруг заметил груженную дынями арбу, остановившуюся перед горбатым мостом через арык. Мост был выложен толстыми корявыми дрючками. Дехканин толкал арбу, упираясь плечом в ступицу, понукал коня, но все старания его были напрасны — конь не двигался с места. Юлчи поспешил на помощь. Положение, однако, не изменилось: старый и очень худой конь, опустив голову, только беспомощно поглядывал на людей гноящимися глазами. Арба тоже была ветхая, чиненая-перечиненая, с кусками шин на ободьях, с разболтанными потрескавшимися спицами, скрепленными проволокой и полосками жести.

Юлчи покачал головой.

— Дехкан-ака, осторожнее, — предупредил он, — арба ваша ненадежная...

— Знаю, братец, — согласился дехканин, — но что поделаешь! В город надо.

Юлчи передал повод какому-то мальчишке, а сам прошел ко второму колесу.

— Взяли, дехкан-ака! — подал он сигнал дехканину и, налегши на ступицу, крикнул: — Чу-э, животина!

Конь рванулся из последних сил и вскарабкался на мост. Но тут что-то хрястнуло, и арба осела. Конь остановился. Из-под арбы послышался жалобный голос дехканина:

— Плохо дело, ось сломалась...

Весь в пыли, дехканин вылез из-под арбы, поправил опустившийся на глаза колпак, полой халата вытер пот с морщинистого лба. В его глубоко запавших глазах Юлчи увидел безысходное

горе. По лицу, скуластому, обожженному солнцем, катились капли, и не разобрать было — пот это или слезы.

— Не горюйте, братец! — похлопал Юлчи дехканина по плечу. — Не беда: арбы ломаются и чинятся.

— Были бы лошади и арба свои, с кручи свались — не страшно. Чужое все, братец. Своего тягла нет у меня. Дыни вот поспели, гнить начали... У соседа на день попросил арбу с конем. Думал хоть несколько десятков свезти на базар и ребятам из одежды купить кое-что — совсем голые ходят. Эх... Несчастье, видно, по пятам за мной ходит!

Собрался народ: кто жалел, а кто просто так глазел. Подоспел и лавочник гузара, шустрый паренек лет семнадцати. Он быстро и жадно оглядел дыни.

— Ну, дехкан-ака, попробуем сторговаться? Давайте руку... Конь ваш — под хвост загляни, насквозь светится, звезды видно. Да и арба времен Алми-сака, к тому же поломалась. До города вам теперь не добраться. Сколько вам дать за дыни?

Продолжая бойко тараторить, лавочник схватил руку дехканина. Тот, расстроенный, придавленный несчастьем, некоторое время молча смотрел на арбу, на дыни. Потом тяжело вздохнул и тихо проговорил:

— Четырнадцать рублей дадите...

— Четырнадцать рублей? Э-э, вы что, только проснулись, видно? Так расскажите ваш сон воде¹.

— В городе слова не скажут, за восемнадцать возьмут. Выхода нет, потому только и сказал. Взгляни на дыни — каждая с верблюжьей головой! Самые отборные!

— До города вам не добраться, — грубо напомнил лавочник. — А дыни — вижу. Так себе — средние. Хорошими окажутся — народ будет есть и вас же благословлять. Не для себя беру. И потом, кто его знает — на одной грядке разные дыни вылезают. Я хоть и не дехканин, а понимаю... Три целковых дам...

— За восемьдесят дынь?! Три рубля! — дехканин даже отвернулся.

— Будьте же справедливы, баккал-ака! — крикнул Юлчи.

Его поддержали и другие:

— Верно, надо по совести!

Лавочник сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал гнуть свое:

— Я о вашей же пользе думаю. Арба-то чужая, видно? А я дыни свалю здесь же. Вон там кузница Ташпулата. Знаете, наверное? Он большой мастер в починке арб. Получите за дыни деньги — почините арбу. У хозяина не будет причины обижаться на вас. Да вы ему можете и не говорить, чтоб при случае не укорил.

Оказавшись в безвыходном положении, дехканин понемногу сбавлял цену и дошел до семи рублей. Из опасения, что может подойти какой-нибудь конкурент, лавочник тоже начал набавлять по

¹ Рассказывать сон воде — переносное: рассказывать небылицы. По примете, если утром хороший сон рассказать воде — он исполнится.

теньге. Заговорив дехканина до изнеможения, он в конце концов вынудил его согласиться на четыре с половиной рубля.

Даже занявшись прополкой, Юлчи долго не мог успокоиться. Он взмахивал кетменем, но мысли его были заняты дехканином. «Как чудно устроен свет! — думал юноша. — В любом месте у дехкан дела нескладны. Земля есть — тягла нет, тягло есть — земли нет. А у многих — ни тоя, ни другого. Вот, к примеру, я... Да теперь куда ни глянь — везде такие. Взять хотя бы этого дехканина. Сколько он трудов, сколько забот вложил! И не один, вместе со всей семьей трудился. А добро все равно что по воде пустил. Хуже еще: все досталось этой лисе — лавочнику... Ну и бессовестный! Такого мошенника я еще не встречал... Что теперь дехканин скажет семье, детям? Спросят о покупках! И вот вместо тоя — поминки, как говорят!..»

Юлчи вспомнил о своей семье. «Уходил я — в доме пусто было: ни горстки муки, ни ложки сала. Чем они живут там?.. Осенью возьму у дяди денег и пошлю им, — решил Юлчи. — Только он прижимист, положе. Не пожадничал бы, не обманул бы...»

Покончив с прополкой, Юлчи прошел во двор и прилег на супу. Десятилетний сынишка Хакима-байбачи, Рафик, вынес ему лепешки. Какая-то женщина, скрывая лицо, протянула в калитку из внутренней половины двора чайник чаю. Юлчи догадался, что это дочь дяди.

Юноша встал и принялся за чай. К нему подсел Рафик. Мальчик был оставлен дома как самый старший и очень скучал. Чтобы развлечь его, Юлчи срезал молодую ветку тала, сделал маленький свисток:

— На, попробуй! Свисток получше, чем у миршаба.

Рафик поднес свисток к губам, подул в него. Раздался резкий свист. Мальчик даже рассмеялся от удовольствия.

Юлчи нашел толстый камыш, вырезал из середины длинный, побольше четверти, кусок, вычистил его внутри, проделал несколько дырочек.

— А это тебе свирель, — сказал он, протягивая игрушку Рафику.

Свирель тоже играла хорошо, но скоро сломалась. Мальчик похвастался:

— У меня дома есть настоящая свирель!

— Правда? А ну, покажи.

Рафик побежал в ичкари и через минуту возвратился со свирелью.

Свирель была действительно настоящая — тонкой работы, отделана серебром.

— Это тебе отец купил? Дброгая, наверное? — спросил Юлчи.

— Нет. Один раз к нам пришло мно-о-го музыкантов. Весь вечер тут играли. Один из них и подарил мне эту свирель. А играть я не умею. Дедушка запрещает: «Ты что, говорит, музыкантом собираешься быть?»

Юлчи улыбнулся.

— А-а... Сыграть, что ли? — предложил он.

— А вы умеете?

— Немножко.

Юлчи приложил свирель к губам. В чистом, прозрачном воздухе заколыхались волны нежных звуков, и, казалось, все вокруг вдруг ожило, заулыбалось.

Глаза Рафика широко раскрылись: «Как хорошо играет этот батрак!»

Юлчи и в самом деле играл неплохо. Еще в детстве, когда ему пришлось пасти кишлачное стадо, он хорошо научился делать свирели и из степного камыша, и из разных пород горных деревьев. За игрой он коротал время и в бескрайних степях, и в горах, опустившись на корточки, либо прилегли где-нибудь под скалой или на берегу ручья. Затем он подучился немного этому искусству у своего однокишлачника. Тот когда-то был хорошим флейтистом, но потом ослеп и сидел безвыходно дома.

Юлчи закончил песенку и, улыбаясь, посмотрел на Рафика: ну как, мол, хорошо? В это время из ичкари неожиданно раздался голос девушки:

— Рафик, кто это играл?

— Юлчи-ака...

— А-а?! Нет, правда?

— Правда. Посмотрите: кроме нас, тут никого нет.

Из калитки показалась голова девушки и сразу же скрылась. Немного погодя девушка заискивающе-ласково попросила:

— Скажи, пусть еще сыграет...

Юлчи помедлил, затрудняясь в выборе, потом сыграл еще одну кишлачную мелодию и вернул свирель мальчику. Подложив руки под голову, он устало растянулся на супе.

Со времени прихода в поместье дяди Юлчи ни разу не выпался как следует. Каждый день он вставал на работу до рассвета и кончал только с наступлением темноты. Вот и сейчас — только юноша закрыл в дремоте глаза, как откуда-то издали послышался крик той же девушки:

— Эй, в саду прорвалась вода! Бегите скорей, запрудить надо!

— Сейчас, сейчас... — Юлчи вскочил и, схватив кетмень, побежал.

— Рафик, посиди на супе! Чтобы не уташил чего кто-нибудь из прохожих! — услышал он голос девушки, когда подбегал к садовой калитке.

Юлчи обошел сад, осмотрел запруды арыков, но нигде не заметил даже признака прорыва воды. Крайне удивленный, он еще ходил, осматриваясь, по саду, когда в винограднике что-то зашуршало и вслед, откуда-то неподалеку, послышался дрожащий смехом, возбужденный голос девушки:

— Да вон же, под персиком!

— Ах, это? — рассмеялся Юлчи. — Ничего. Это не страшно, сестрица. Она чуть журчит.

Юлчи повернул к выходу из сада и неожиданно увидел девушку: та стояла под высоким сводом виноградника, прислонившись к

подпорке. Юноша покраснел от смущения и, стараясь не смотреть в ту сторону, ускорил шаг.

— Куда же вы убегаете, Юлчи-ака? Разве вам не скучно одному?

Сердце Юлчи сильно забилося. Он нерешительно остановился, не смея оглянуться.

— Вот, возьмите винограду... Совсем спелый... Не обижайте отказом,— сказала девушка и залилась таким озорным смехом, от которого затрепетало бы сердце любого джигита...

Юлчи не верил своим ушам. Опасливо оглянувшись вокруг, он с беспокойством подумал: «Вот так девушка?! Где же стыд у нее? Это в самом деле дочь дяди или другая какая?.. Тавба!» И все-таки повернулся, точно был вынужден подчиниться непонятной ему, но неотвратимой силе, и пошел на зов, медленно передвигая непослушные ноги.

На вид девушке лет семнадцать-восемнадцать. Она была среднего роста, с полной грудью. Несколько широковатое смуглое лицо и чуть приплюснутый нос не только не нарушали общего впечатления милотности, но, казалось, даже красили девушку. Маленькие карие глаза, опущенные длинными черными ресницами, горели каким-то странным, немного пугающим огнем скрытой своевольной страсти. На ней — шитое в сборку платье из белого шелка. Рукава платья засучены до локтей; на тонких кистях упругих рук сияли два золотых браслета со змеинными головками. Две толстых иссиня-черных косы падали на грудь, стекали до самого пояса. Пробивавшиеся через листья виноградника лучи солнца играли на шелковом платье, вплетались в косы, жгуче переливались на браслетах.

Юлчи подошел к девушке, запросто, по-кишлячному вытер концом рукава вспотевший лоб, краснея до ушей, взял из ее рук кисть черного спелого винограда. Ради приличия он бросил в рот одну-две виноградинки и стоял, не находя слов и не смея поднять глаз.

Чтобы ободрить его, девушка торопливо справилась о здоровье своей «кишлячной тетушки», засыпала его вопросами, что он делал в кишляке? Понравилось ли ему здесь? Надолго ли он решил остаться в их доме?

Юлчи, не поднимая глаз, отвечал коротко и часто невпопад. В голове юноши возникала все время одна и та же мысль: «Какая она озорная!» Понемногу в душу этого простого, стыдливого кишлячного парня закрался страх. Ему казалось, что из-за каждого дерева за ними наблюдают тайком, подстерегают каждое их движение. Он повернулся, чтобы уйти, но девушка тихонько взяла его за руку, затем вдруг приподнялась на цыпочки и поцеловала в губы...

Юлчи отшатнулся, пугаясь пробежавшего по всему телу трепета. Чужим хрипатым голосом проговорил:

— Довольно, сестрица! Мне работать надо... Да и нехорошо это... — и заспешил к выходу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

В характере дочери Мирзы-Каримбая — Нуринисы — преобладали, уживаясь между собой, легкомыслие и коварство. «Шумливая что мешок с орехами, веселая девушка», — говорили о ней женщины, мало с ней знакомые. Однако близко знавшие Нури были другого мнения и остерегались ее. Богатство отца и баловство со стороны вздорной, спесивой матери развили в девушке гордость, высокомерие и своеволие. Если при отце и братьях Нури еще сдерживалась, то в их отсутствие она почитала себя «старшей в доме», капризничала, ссорилась по всякому поводу и вступала в пререкания не только с невестками, но и с матерью. Неудержимая веселость часто сменялась у нее столь же необузданным гневом.

Нури любила наряды и украшения. У нее были целые шкатулки золотых венцов, золотых и серебряных серег, колец, браслетов, подвесок для кос, треугольных медальонов для талисманов. Два раза в год в дни годовых праздников Нури, расфранченная, надевала все эти украшения, чуть ли не с пуд весом, и красовалась в них на смотринах невест, удивляя и вызывая зависть девушек из менее зажиточных семей.

Лутфиниса, обожавшая дочь, все недостатки Нури принимала за ее достоинства и старалась как можно больше урвать от богатства мужа на приданое своей любимице — «младшенькой». Мечтая выдать ее замуж с подобающей их положению пышностью и великолепием, она уже много лет собирала для дочери редкие украшения, заказывала мастерицам дорогие платья. Сундуки Нури были переполнены десятками дорогих сюзана, расшитых подстилок, простыней, поясных платков и другим добром, которого хватило бы на убранство трех-четырех комнат, но Лутфинисе и ее дочери все казалось мало.

Все чувства и мысли Нури были заняты замужеством. Вот уже два-три года она только и мечтает о свадьбе. В ичкари между женщинами идут об этом бесконечные разговоры, точно свадебный той должен состояться не сегодня завтра. Невестки чуть не каждый день сообщали Нури радостную новость: «Атабай человека подослал. Хочет сватать вас за младшего сына». Или: «От Мусабекowych скоро сваты придут. Жених, говорят, настоящий красавец!..» Нури обычно делала вид, что все это ее мало интересует, и отвечала: «Я рада подольше оставаться под материнским крылом. Со свадьбой можно и не спешить». Однако сердце ее готово было разорваться от радости. Ей уже чудились звуки карнаев, сурнаев, смех женщин на веселых «тартышмачак»; ночами она подолгу мечтала, рисуя заманчивые картины будущего. Но радостная весть не оправдывалась, жених, несмотря на богатство Мирзы-Каримбая, почему-то не сватался, и через несколько дней невестки принимались шашептывать уже о каком-нибудь другом «красавце байбаче»...

Мирза-Каримбай тоже любил дочь, но, как истый мусульманин, не показывал этого и говорил с ней мало. Поручая что-нибудь, ска-

жет иногда: «Верблюжонок мой, сделай то-то и то-то», и только. Бай хорошо знал: долг каждого правоверного — выдать дочь в тринадцать-четырнадцать лет, и сердце его последнее время часто омрачалось заботой: Нури пошел уже восемнадцатый год. Однако неудачное замужество старшей дочери заставляло Мирзу-Каримбая быть осмотрительным и разборчивым; он считал, что жених должен быть из богатой, уважаемой семьи и в то же время отличаться умом, деловитостью, хорошим воспитанием. Часто случалось так, что жених приходился по душе ему, но казался неподходящим Хакиму и Салиму, а в женихе, понравившемся сыновьям, находил какой-нибудь недостаток сам Мирза-Каримбай.

У Нури была страсть — подсматривать за гостями и друзьями братьев и вообще молодыми людьми через дувал ичкари, в шелку калитки или откуда-нибудь из-за деревьев. Много раз ей удавалось наблюдать и за Юлчи, после того как он появился в поместье. В сердце девушки вспыхнуло непреодолимое влечение к этому рослому, стройному юноше, она решила повидаться с ним тайно и выжидала удобного случая. Случай такой наконец представился, и Нури, оставшись дома одна, мастерски сумела добиться исполнения своего желания.

Со дня встречи в саду, в винограднике, когда она бросилась на грудь Юлчи и сорвала с губ юноши вынужденный поцелуй, Нури не переставала думать об этом простом и стыдливом парне — сыне забытой кишлачной тетки. Повторить свидание ей не удалось — наутро Юлчи отправили на главный участок, и вот уже две недели Нури грустит: вернется Юлчи не скоро, а самой поехать на главный участок нельзя.

Однажды она решилась даже заговорить о нем с матерью:

— Айи, сына бедной тетки заставили жить вместе с поденщиками, с бездомными бродягами. У отца совсем нет жалости. Своего родственника он мог бы оставить работать и здесь...

Мать, не подозревавшая об истинных чувствах дочери, равнодушно ответила:

— Таковую родню, дитя мое, лучше держать подальше. Чем он лучше других? Пришел работать и пусть работает. Отцу лучше знать, где кого поставить.

Между тем Юлчи очень быстро освоился на новом месте. С батраками и поденщиками он сошелся с первого же дня пребывания на главном участке и понравился всем своей простотой, сдержанностью в разговоре, рассудительностью, силой и независимостью в отношениях с Ярматом.

С Ярматом рабочие не ладили. Он, правда, жил с ними вместе, питался с ними из одного котла и средства к жизни, как и они, добывал своим трудом, но, считая себя доверенным хозяина, подчас обращался с батраками грубо, и к нему относились, как к чужаку. В глаза не противоречили, но за спиной подсмеивались над ним, даже поругивали: «Хозяйский дворняжка! И чего он так нос задирает?..»

Юлчи вместе с другими вставал на работу с рассветом. Закусив

в полдень, они снова шли в поле и работали дотемна. А иной раз, когда наступало время полива, не было покоя и ночью: воду приходилось гнать издалека. Юлчи иногда сам, а иногда прихватив кого-нибудь на помощь, пригонял воду на участок, попутно исправляя множество запруд.

Вода никогда не приходила спокойно. На ее пути возникали ссоры, ругань, драки. Даже самые тихие и обычно кроткие люди, если возникал спор из-за воды, нередко прибегали к помощи кулаков и кетменей.

Юлчи не любил этих ссор. Однажды он уступил очередь какому-то дехканину, согласившись, что сам польет попозже. За это Ярмат обозвал его при всех простаком и разиней.

— Джигит,— говорил он,— должен быть отчаянным и настойчивым: упал, землю зубами грызи, но поднимись. А это что — отдать другому кусок из собственного рта?! Уступить воду человеку, засеявшему редькой клочок земли с циновку!.. Эх-е! Знаешь, сколько денег вложено в наш хлопок! Это понимать надо.

— Дехканин — седой старик, бедняк. У него ничего нет, кроме клочка посева,— спокойно возразил Юлчи.— Он уже две недели не может добиться воды. Сколько крови испортил, бедняга. Я и уступил ему очередь и получил от него благословение.

— Молодец! Очень хорошо! — насмешливо прищурился Ярмат.— Не гонись, говорят, за золотом, гонись за благословением. Но можно ли из-за благословения наносить вред хозяину?

— Какая беда, если мы польем немного позже? — нахмурился Юлчи.— Никакой!.. А у этого бедняги мог погореть посев. Человек со всей семьей ждет не дождется урожая. Не уродится — они голодными, раздетыми останутся. Нам воды хватает, а дехкане нуждаются в ней, очень нуждаются.

Ярмат, однако, не сдавался.

— Мы прежде всего обязаны думать о выгоде нашего благодетеля,— настаивал он.— Воды сейчас мало, и лучше полить пораньше.

Юлчи ничего не ответил, хмуро отвернулся.

Тут, видимо, не стерпев, в разговор вмешался поденщик-кашгарец Алиахун. Сплюнув только что заложенный нас, он гневно сказал Ярмату:

— А вас, видно, крепко настроил хозяин. Вода — дар божий! И весь народ должен пользоваться ею поровну. По-моему, байский хлопок поливается даже с излишком.

— Молодец, Алиахун! Пусть покарает меня святой Аппакходжи, если в словах твоих есть хоть доля неправды! — поддержал Алиахуна другой поденщик.

Упрямый Ярмат, однако, не сдавался и продолжал ворчать. Батрак Шакасым, сидевший до этого молча, понуро опустив голову, вдруг выпрямился и, глядя в упор на Ярмата, заговорил дрожащим голосом:

— Что вы так тревожитесь за хозяина? Мирза-Каримбай никогда от нас в убытке не был! Хлопка мы с каждым годом даем

все больше, доходы от него растут тоже. Иначе бай не размахнулся бы так с посевом. Вон слава о Хакиме-байбаче разнеслась по всему свету, а почему? Если говорить по совести, Ярмат-ака, слава его растет на несчастье таких вот батраков, как мы. Сами знаете, уже четыре года, как я здесь. Покоя не ведаю, головы от работы не поднимаю. И все-таки вместо одного халата у меня не стало два. До сих пор зимой и летом я таскаю одни и те же чарики. Вот жена моя слегла, головы не может поднять с подушки. А в кармане у меня нет и медного гроша, чтобы покормить беднягу чем-нибудь вкусным. Конечно, хозяин даст, но в долг... А мы уже испытали это: чем к хозяину в долги залезать, лучше с лютой бедой повстречаться... Прежде чем корить, надо и об этом подумать, Ярмат-ака!

Шакасым отряхнул полы халата, вскинул на плечо кетмень и, не оглядываясь, зашагал к своему шалашу на противоположную сторону байского поля.

Батраки и поденщики молчали. Сказанное Шакасымом разбередило в душе каждого из них старую, наболевшую рану.

Ярмат минуту-две глядел вслед ушедшему. Видно было, что слова Шакасыма и у него вызвали невеселое раздумье.

— И все-таки стенать и вопить — нехорошо, — проговорил он так, словно отвечал на собственные мысли. — Каждый смертный должен терпеливо переносить все, что предначертано ему свыше. Так создан мир...

Эта привычная формула как бы вернула Ярмата к действительности. Он потянулся к табакерке и уже обычным своим покровительственным тоном сказал:

— Юлчи, поторопись, братец, с водой!

II

Лето шло на убыль, по утрам все прохладней становился воздух, но в полуденную пору солнце еще жгло так жаростно, точно на головы людей с неба лились потоки белого пламени.

В один из таких ясных, жарких дней Ярмат, обычно ведавший приготовлением пищи, несколько запоздал. Солнце уже подкатилось к самому зениту, а сигнала на отдых все не было. Юлчи, голый до пояса, с обмотанной платком головой, упорно продолжал взмахивать кетменем, но Алиахун, работавший рядом, не выдержал; он тяжело перевел дух и, стирая пот со своего широкого, кофейного цвета лица, проговорил:

— Нет больше сил, Юлчи-палван! И в брюхе пусто. Ярмат твой, муж блудницы, видно, уморить нас хочет.

— Время еще не подошло, Ахун.

— Нет, прошло уже. Брюхо мое, что хорошие часы, правильно показывает.

Проработав еще с полчаса, Юлчи с Алиахуном вскинули на плечи кетмени и направились к стану.

В верхнем конце байского участка была довольно высокая насыпная площадка, обсаженная джидой. Она-то и служила станом

для батраков и поденщиков. Отсюда хорошо было видно все байское поле. Пять больших развесистых деревьев джиды в любое время дня покрывали площадку густой тенью и хоть на короткое время дарили покой и прохладу измученным тяжелой работой людям.

Алиахун, как только ступил на площадку, тотчас достал сложенную между ветвей джиды какую-то рвань, служившую ему и халатом и подстилкой, раскинул ее в тени и растянулся, широко разбросав ноги. Отдохнув немного, он поднялся, вытащил из грязной, засаленной от пота тюбетейки иголку, раздобыл откуда-то нитку и принялся чинить усеянную заплатами рубаху. Юлчи присел рядом на корточки, наблюдая за работой новоявленной «швей».

Вскоре подошел к стану молодой киргиз Ораз, а за ним притащились и другие поденщики. Все они растянулись где попало. Некоторые, не в силах вымолвить слова, устало дремали. Ораз, прислонившись к стволу джиды, по привычке тут же потянулся за самодельной маленькой домброй.

Юлчи полюбил киргиза. Он проводил с ним почти все вечера, беседуя и слушая его домбру.

Оразу было семнадцать лет, когда один бай-скотопромышленник, приезжавший ежегодно для закупок на Каркару, нанял его за восемь рублей в год и привез в Ташкент. Три года проработал Ораз у своего первого хозяина и, хоть привык ко всяким лишениям, не выдержал побоев; когда до срока возвращения на родину оставался всего один год, он ушел от купца и нанялся батраком к богатому землевладельцу. Но оказалось, что и этот бай не лучше первого. Прожив у нового хозяина два года, он снова вынужден был уйти. Так Ораз мыкал горе у порогов многих баев и все не мог возвратиться домой. Наконец, год назад он нанялся батраком к Мирзе-Каримбаю. Одежда на Оразе была рваная, но сам он был парень красивый, веселый и общительный. Он так хорошо говорил по-узбекски, что, если бы не узкие глаза и немного скуластое крупное лицо, никто никогда не принял бы его за киргиза.

Ораз любил подшучивать над Алиахуном. И на этот раз, побренчав на домбре, он обратился к кашгарцу:

— Алиахун, нам давно бы надо было подыскать какую-нибудь хозяйственную старушку. Очень хорошо, что она сама объявилась. Вы и мне штаны почините!

Загрубелые, привыкшие к кетменю руки Алиахуна плохо владели иглой. Весь поглощенный необычным для него занятием, с сосредоточенно-прищуренным глазом, он делал крупные неумелые стежки и ворчливо ронял в ответ на шутку короткие фразы:

— Ты еще младенец... Ходи без штанов, в одной рубашке...— Кашгарец подвернул непослушный уголок заплаты.— Пропади она, бродячая жизнь... Надоело. Не чинить — значит с рубахой расстаться... Бедность гоняет человека... из страны в страну. Думал: приоденусь... скоплю в поясе десяток-другой царских бумажек... вернусь в родной край... А все далек от цели... Будь оно пожелает, это скитание! Дома я и в руках не держал иглы... Никогда, ей-богу!.. Жена там осталась

у меня что красная роза...— Алиахун хлопнул себя по лбу.— Вах, вах, несчастная моя голова! Ей-богу, что красная роза! Вспомню — сердце кровью обливается... А тебя, Ораз-бай, какие ветры принесли сюда из степей? Кто остался там у тебя? Невеста, зазноба?.. Э, кому ты нужен, бобьль!

Ораз рассмеялся:

— А у тебя жена вправду есть или только разговоры одни?

Алиахун скривил губы: неужели, мол, я стану врать! — и с шутилым пренебрежением посмотрел на Ораза:

— Чудак! Сказал же тебе — как красная розочка!.. Кашгарские девушки и молодичицы — они все что спелые яблоки. Да что ты можешь понимать в этом, степняк!..

Ораз рассмеялся снова.

— Степь моя лучше тысячи городов, Ахун! И девушки у нас веселье и приветливые. Ласковым словом, милой улыбкой заставляют они огнем пылать сердца джигитов. В степи я каждый день с девушками гулял. Хоть и молод был, была и у меня любимая. Очень красивая девушка, певунья-девушка! Теперь она уже, наверное, замуж вышла, детей народила. А когда я покидал аул, вышли мы вечером в степь и долго сидели там, обнявшись. Плакала она, плакал я. Остаться нельзя было, отец запродавал меня баю и деньги забрал — надо было кормить, одевать семью...— Ораз тряхнул головой, сдвинул на затылок войлочную шляпу.— Отправимся, Ахун, ты — в Кашгар, а я — в Каркару!

— Пешком, что ли, дурень? Денег нет...

В разговор вмешался молчавший до этого поденщик:

— Да, все дело в деньгах. Мне не довелось видеть тридцать земель, но тридцать городов белого царя я прошел. Для бездомного батрака-бродяги и от земли до неба — один шаг, как говорится. Так жил только Шах-Машраб: выйдет вечером из ворот одного города, а к утру входит в ворота другого.

— Это потому, что он был святой человек, — перебил поденщика Ярмат, подошедший с бурно кипевшим черным кумганом.— Когда Шах-Машраб отправлялся в дорогу, всемогущий аллах сам сокращал ему путь.

— А почему он мой путь не сокращает?! — вскричал Ораз.

— В наше время все пути коротки только для людей денежных, — продолжал поденщик.— Я много где побывал и многое повидал. Для богача, скажем, и в пустыне рай, а для бедняка... Вы хвалите каждый свой край, а будь вы там сыты, разве пришли бы сюда? Ведь правда? Вот я — здешний, ташкентский. А какой от этого толк! Вот мне уже на тридцать четвертый перевалило, а я еще не женился. Увижу женщину, разум теряю. Старуха мать измаялась в поисках невесты. В какую дверь ни сунет голову, спрашивают: купец он, дом есть, сад есть? Поденщиков, батраков, ремесленников и за людей не считают в наше время...

— Ничего удивительного. Торговые люди — это цвет страны, братец! — вставил Ярмат.

— А мы, что же, колючки, выходит! — вырвалось у Юлчи.

Чтобы прекратить этот разговор, Ярмат поспешил разостлать перед рабочими дастархан.

— Давайте-ка чай пить,— проговорил он ворчливо,— работа не ждет. Вечером наговоритесь. Языки и уши при вас и никуда не денутся.

Батраки и поденщики вставали один за другим, усаживались в кружок. Поднялся и Алиахун. Он расправил широкую волосатую грудь, с минуту смотрел в даль, дремлющую в истоме, и вдруг звонким голосом запел:

В путь-дорогу, помню, выезжал я,
Милая в дверях рукой махнула.
«Ты когда вернешься, друг?» — спросила,
С карих глаз слезу рукой смахнула.

Много дней любимой не видал я.
Каждый день «Еще увижу!» — думал,
Помнил крепко, не терял надежды,
«С каждым часом срок мой ближе», — думал...

Все оживились. Одобряли песню, хвалили голос Ахуна.

Вдруг за деревьями послышались мужской плач и всхлипывания. Все с удивлением обернулись в ту сторону. С покрасневшими от слез глазами подошел Шакасым — он сегодня не выходил на работу, сидел в своем шалаше возле больной жены.

— Скончалась моя страдальица, моя горемычная! Сейчас на руках у меня душу отдала. О, горе мне!..

От волнения у всех сдавило горло. Над площадкой нависло гнетущее молчание. Наконец сначала Алиахун, а за ним и другие принялись утешать Шакасыма, выражать ему сочувствие.

— Ты поскорее сообщи отцу-матери,— посоветовал Юлчи.

— Нет у нее, бедняги, никого, сиротой выросла. Оба мы с ней бездомные.— Шакасым еще горше заплакал, затем, пересилив слезы, попросил Ярмата: — Нельзя ли раздобыть у хозяина хоть немного денег? Сегодня до вечера надо похоронить ее. Можно ли в такую жару держать тело в шалаше, да еще при малом ребенке?

— Дни жаркие, до завтра оставлять нельзя,— поддержал его Ораз.

Ярмат в смущении покачал головой и принялся пощипывать свою реденькую маленькую бородку.

— Хозяин в городе,— проговорил он наконец,— а пока из города обернешься — и день кончится. Сегодня похоронить не успеете...

Юлчи с досадой возразил:

— Деньги, наверное, и у хозяйки найдутся.

— Есть у нее, знаю, да скупа она,— пробормотал Ярмат.— Кисей на саван дала бы, и то большое дело.

Алиахун поднял руку.

— Друзья, неужели не поможем товарищу? — глухо воскликнул он.— Много ли надо, чтобы похоронить бедного человека? Могильщи-

кам два целковых, мулле — две кредитки, обмывальщикам — рубль — и всего дела! Шакасым еще успеет залезть в долги. Главные расходы, сами знаете, придут потом...

— А как же с поминками, Ахун-ака? — неуверенно проговорил Шакасым, взглянув на кашгарца. — Что видела несчастная женщина на этом свете?.. По крайней мере похоронить надо по-человечески, пусть хоть душа ее порадуетя!

— Поминки потом устройшь! — Ахун отвернулся, пошарил в своем рваном халате, вытащил хрустящую трехрублевую бумажку, бросил ее в круг. — Вот... это моя доля...

Поднявшись, кашгарец быстро зашагал прочь.

Все были глубоко взволнованы отзывчивостью Алиахуна. Ярмат покачал головой: он-то хорошо знал, что эти деньги кашгарец сам недавно взял в долг у хозяина под заработок.

Киргиз Ораз развернул поясной платок, вынул аккуратно завязанный (и кто знает, сколько времени хранившийся там) целковый, несмело положил его рядом с трешницей Ахуна.

— Всем нужны деньги, не обойтись без них даже мертвым! — вздохнул поденщик-ташкентец и, вынув завернутый в пояс штанов бязевый мешочек, отсчитал рубль серебром и медяками.

Если бы у Юлчи были в эту минуту деньги, он отдал бы все, но у него не было даже стертого медяка. Юноша чувствовал себя неловко перед товарищами, и в то же время ему хотелось обнять и расцеловать каждого из них. Простые и с виду грубые, они казались ему в эту минуту самыми добрыми, самыми великодушными людьми во всем свете.

Ярмат собрал лежавшие на скатерти деньги, зажал их в руке.

— Все остальные заботы я беру на себя — всякие там тряпки и мелочь я мигом раздобуду. Вы кончайте пить чай и принимайтесь за работу. А ты, Шакасым, отправляйся в свой шалаш. Я скоро вернусь, только соберу женщин, которые окажутся поблизости. Без них в этом деле не обойтись.

— Вашу доброту я и на том свете не забуду! Только довелось бы мне помочь вам не в горе, а на тое. — Шакасым вскочил и побежал к своему шалашу.

Перед ужином, уже в темноте, поденщики и батраки опустили на колени и, молитвенно сложив на груди руки, склонили головы. Юлчи прочел как умел коротенькую суру, которой еще в детстве научила его мать. Когда он кончил, все простерли руки, поминая душу усопшей.

За ужином никто не проронил лишнего слова. Один из поденщиков сказал только:

— Чистой души женщина была. Земля легко поддавалась, раскрывая для нее просторную могилу...

III

Солнце давно зашло. Темнота над землей быстро сгушалась, воздух становился прохладней, а на небе все ярче разгорались звезды.

Юлчи набросал на площадку побольше сена, расстелил поверх него халат и прилег под джидой, заложив руки под голову.

Самое горячее время полевых работ миновало, поденщики были распушены. На участке до сбора хлопка были оставлены, кроме Юлчи, только Шакасым и Ораз.

Шакасым тотчас после работы отправился в шалаш, а киргиз сидел на корточках, прислонившись к джиде, и брэнчал на своей домбре.

Среди томительного безмолвия наступающей ночи струны домбры звучали как-то особенно печально.

Юлчи подумал: «Вот если бы свирель, и я сыграл бы. Всю грусть и тоску по родному очагу вот так же излил бы в тишине этой ночи...»

Мысль о свирели как-то сама собой вызвала в сознании Юлчи образ Нури и встречу с ней в саду. Вспомнив, как Нури прильнула к нему, как трепетало под тонким шелковым платьем горячее тело девушки, как он бежал от нее, Юлчи улынулся: «Озорная... Балует...» Тут ему вспомнилась и другая девушка, та, что издали одарила его милой, искренней улыбкой на второй день после приезда в поместье дяди, когда он корчевал пни под палящими лучами солнца. Стараясь оживить в памяти нежные черты ее лица, с первого взгляда запечатлевшиеся в сердце, джигит думал: «Чья она? Доведется ли еще встретиться с ней?..»

— Шакасым опять анаши хватил,— заговорил Ораз, перестав брэнчать.— Чуешь, вонь по всему полю, а? Бой-бой!.. Фу...

Прохладный ночной ветер доносил снизу, со стороны шалаша Шакасыма, тошнотворный запах анаши. Юлчи, повернувшись к Оразу, недоуменно спросил:

— Зачем он курит эту пакость?

— Кто его знает... Трудно ему. Бедность... А тут еще и жены лишился...

— Напрасно он так. Анаша когда-нибудь доведет его до беды.

— Не сегодня завтра наступит зима, Юлчи, а куда ему тогда деваться, что делать с малым сынишкой?

— Анаша делу не поможет!

Они молчали.

Из темноты вынырнул верховой.

— Вы здесь? Как дела? — раздался голос Ярмата.

Привязав лошадь к дереву, Ярмат подсел к Юлчи. Он попросил Ораза сходить за арбузом и, когда тот ушел, передал Юлчи новое распоряжение хозяина:

— Завтра поедем к Танти-байбаче. Человек этот доводится зятем нашему хозяину. Такой отчаянный — увидите, сами удивляться будете! По-настоящему его зовут Мирисхак-байбача, а Танти — это прозвище. Доставлю вас туда и назад.

— Значит, я надолго останусь там? — растерянно спросил Юлчи.

— Не-ет... Поедете помочь на несколько дней. Земля его здесь недалеко. Немного ниже нашей...

Ораз принес и положил перед Ярматом большой арбуз.

— Кушайте,— сказал он с явной насмешкой.— Нам это не подходит... на голодный желудок...

— Что, разве провизия кончилась? И не варили вовсе?

— По-вашему, чтобы варить, кроме воды, ничего не нужно? — усмехнулся Юлчи.— Или вы думаете, что мы из тыквы могли масло выжать, Ярмат-ака!

Ярмат промолчал. Нашупав на поясе ножны, он вытащил нож, разрезал арбуз. Одну половинку оставил себе, другую пододвинул Юлчи и Оразу.

Неожиданно тишину ночи разорвала дробь барабана и бубна. Ярмат так и застыл с поднесенным ко рту на лезвии ножа куском арбуза.

— Это не у Тогана-чавандоза, Ораз?

— Ясно — у него.

— Чавандоз, пропасть ему, понимает толк в жизни,— завистливо вздохнул Ярмат.— Вот это человек, Юлчи,— всю жизнь проводит на пирушках и на улаках! Сколько раз спину ломал, ребра, ноги. Лицо его в шрамах и царапинах — и все на улаке. Человек сорок приятелей имеет, таких же, как сам, с огоньком в сердце....— Ярмат прислушался.— Это у них...

— Богат, наверное, очень? — равнодушно проговорил Юлчи.

Ораз подтвердил:

— Земли и воды много. Батраков и чайрикеров — тоже. Каждый день отправляет на базар десяток арб с овощами и фруктами. Я его хорошо знаю. Он приятель моего прежнего хозяина. Батраки у него на харчи не обижаются, но зато, если Чавандоз разозлится, бьет их всех без разбора — и молодых и старых. У него поэтому никто и не живет долго.

— Короче говоря, порядочный пес,— заключил Юлчи.

Пирушка, видимо, все больше разгоралась; к грохоту бубна присоединились выкрики нескольких десятков голосов.

Ярмат покончил с арбузом и неожиданно предложил:

— Сходим, джигиты? Сказать правду, я на крыльях готов лететь туда.

— Чтобы среди риса курмаком выглядеть,— возразил Юлчи.

— Пойдешь, Ораз?

— Нет.

Ярмат пристал к Юлчи:

— Пойдем, братец, будь другом! Посидим где-нибудь в сторонке, посмотрим, потешимся. Для киргиза лишь бы домбра -- он и доволен.

Ярмат поднялся и чуть не силой потащил за собой Юлчи.

Им пришлось проделать в темноте немалый путь, прежде чем они достигли места пирушки. И чем ближе и яснее слышались крики и шум, тем сильнее было нетерпение Ярмата.

Как только они вошли через широкие ворота во двор, Ярмат отделился от Юлчи и заспешил вперед, чуть склонив голову, со сложенными на груди руками.

Прямо против ворот на ярко освещенной площадке Юлчи увидел высокого, невзрачного на вид, костистого человека. Это был сам

хозяин. Выпятив грудь и приподняв для важности правое плечо, Чавандоз то и дело отдавал распоряжения многочисленным слугам.

Ярмат протянул хозяину для приветствия руки, но они повисли в воздухе. Надменный Чавандоз сделал вид, что не заметил нового гостя. Ярмат, однако, не выказал ни смущения, ни растерянности. Вытянув шею, он осмотрелся, заметил себе место в кругу зрителей, уселся и, засучив рукава, принялся вместе с другими хлопать в ладоши в такт бубна.

Юлчи не захотел тесниться среди гостей и зевак. Он прислонился к толстому тополю и, стоя, через головы сидевших в кругу людей стал наблюдать за происходившим.

Пирушка проходила с обычным шумом, гвалтом и дикими выкриками. Около ста человек, усевшись, образовали круг. Тесно сгрудившись, точно притянутые друг к другу цепями, их окружали стоявшие. Тут были и подростки, и взрослые парни, и даже старики. Все они собрались из окрестных усадеб.

Барабанщики и бубнисты, обливаясь потом, колотили словно в забыты. Они то склонялись почти до самой земли, то вдруг встряхивали бубны, изворачиваясь всем станом, выпрямлялись и поднимали их высоко над головой.

Между тем в кругу зрителей творилось что-то неопишное. Со всех сторон раздавалось отчаянное хлопанье в ладоши, хриплые возгласы. Люди, доведенные до последней степени возбуждения, били себя в грудь, не жалея глоток, кричали: «Балли».

По кругу носился шестнадцатилетний бача — мальчик-танцор. Мальчик был бледен, тонок и строен. На нем развевался шелковый, отливающий разноцветными огнями, полосатый халат. Стан его низко, на самых бедрах, повязан синим, шелковым же, платком. На ногах хромовые сапожки. Легко и бесшумно порхал он в них по мягким, пушистым коврам.

По двору, громко переключаясь, сновали исполнявшие приказания хозяина прислужники. Слепили глаза развешанные по деревьям большие яркие лампы. В одном углу двора с треском и гулом горел костер; временами, разрывая черную пелену ночи, от него вскидывались к небу длинные огненные языки. На деревьях легкой занавесью дрожали отблески пламени.

Первая часть пира закончилась невыразимо частой дробью барабана, последним бешено-быстрым кругом бачи и слившимися в сплошной рев одобрительными криками толпы. Люди тотчас же рассеялись по двору, чтобы промочить водой охрипшее от азартных выкриков, пересохшее горло.

Через несколько минут на площадку выбежала красивая девушка. Барабаны и бубны замедлили темп, загремели тише и мягче. Девушка двигалась по кругу, сопровождая танец тонкими, едва уловимыми движениями плеч и кокетливыми жестами рук. На ней было длинное, красного шелка платье, парчовая безрукавка; на голове шелковая, оранжевого цвета косынка. Бесчисленные, мелко заплетенные длинные косички опускались на спину и при малейшем движении извивались черными змейками. Девушкой этой был все тот же бача.

«Вот шайтаны, как здорово нарядили!» — подумал Юлчи и так же безмолвно, но уже с интересом стал следить за танцем.

Вдруг — бах! — из круга, резко отдавшись в ушах, прогремел выстрел.

Все сразу вскочили, зашумели, подталкиваемые страхом, давя друг друга, бросились врассыпную. На месте осталось лишь несколько человек.

Бача, спотыкаясь и падая, метнулся к хаузу, окруженному тополями. Вслед за ним, сжимая в руке револьвер, кинулся одетый в чекмень толстяк.

— Не стреляйте!.. Спасите!.. — раздался крик из хауза.

Юлчи в один прыжок очутился около буяна, крепко стиснул ему руку с револьвером, загнул за спину. Револьвер с глухим стуком упал на землю. Толстяк ругался, напрягая все силы, пытался вырваться из рук Юлчи.

— Ты кто такой? — орал он. — Прочь! Застрелю! Обоих вас уложу рядом в одну могилу! Пусти!

Буян старался дотянуться до револьвера. Юлчи схватил его в охапку и оттащил подальше от хауза. Тут подоспел Чавандоз с несколькими приятелями. Толстяка кое-как уняли и куда-то увели.

Народ понемногу начал возвращаться. У всех только и разговору было что о происшедшем скандале:

— Чудно! За что он его?

— Видно, не угодил чем-то бача, он и обозлился. Известно — горячий человек, к тому же пьяный.

— Не пришло, значит, время помирать, жив остался мальчишка.

— Прямо у меня над головой бухнул, как из крепостной пушки.

Юлчи снова отошел под тополь. Откуда-то вдруг появился Ярмат и сердито толкнул его в бок:

— Пошли!

Юлчи хмуро взглянул на него и зашагал следом.

Несколько минут оба шли молча. Первым заговорил Ярмат:

— Порядочный человек не станет соваться куда ни попало! — сказал он с раздражением. — Поднялся скандал — убежать надо: голодно брюхо, зато не зудят в ухо. За кого заступился? За какого-то бачу! А вдруг пристрелили бы тебя, тогда что?..

— Будьте же справедливы, Ярмат-ака, — перебил его Юлчи. — На моих глазах какой-то полоумный пьяница убивает человека, а я должен смотреть? Верно, жизнь — сладкая штука, и всякий дорожит ею, но ведь у каждого и жалость должна быть в сердце. Мальчик — он мальчик и есть. Родные, наверное, по бедности продали его в бачи. А может, он круглый сирота. По нужде пошел по этому пути. Вы сами были без памяти от его танцев, а теперь порочите... и пожалеть не хотите...

— Да знаешь ли ты, с кем сцепился?

— Нет. Кто этот пес?

— Вот тебе и раз! Это же Танчи-байбача, зять твоего дяди!

Юлчи громко расхохотался, затем повернулся к Ярмату:

— Ну, кто бы он ни был, этот глупец! Я ведь и ему сделал добро — от убийства удержал. Только как же нам быть теперь, Ярмат-ака, может, не поедем завтра к Танти? Такие люди очень злопамятны.

Ярмат ничего не ответил, он был явно не в духе.

Юлчи же, наоборот, был доволен своим поступком. Там, во дворе Чавандоза, многие хвалили его, одобрительно и дружески кивали ему. А если этот поступок не понравился таким трусливым людям, как Ярмат, ну и пусть...

Они уже достигли своего стана, и Юлчи растянулся на постели, когда вдали вновь загремели барабаны. Пир у Тогана-чавандоза продолжался.

IV

Время близилось к вечеру. Танти-байбача, проспав после вчерашней пирушки весь день, вышел наконец из калитки ичкари на внешнюю половину двора. В течение нескольких минут он прохаживался взад-вперед, поглаживая круглый живот, затем подошел к хаузу, умылся, прилег на супе, крикнул:

— Камбар, носи чилим!

Камбар, только что возвратившийся с поля, принес тонкой работы чилим, ярко блестящий начищенной медью, раскурил его, подал Танти.

— Хозяин, — с развязностью доверенного слуги заговорил он. — Сегодня мы хорошо поработали. Джигит, присланный вашим тестем, оказался очень старательным.

— Ага, прибыл? Хорошо! Тесть мой знает толк в делах. У него все батраки хорошо работают. Это только ты ничего не знаешь, кроме еды.

Камбар хотел было возразить что-то, но увидел Юлчи, твердо шагавшего с кетменем на плече, и указал на него хозяину:

— Вот он идет.

Юлчи еще издали узнал Танти, однако нисколько не смутился, поставил кетмень к дувалу, смело прошел к хаузу, не торопясь умылся, снял поясной платок, развернул его, спокойно утерся и только после этого подошел поздороваться с байбачой.

— Не уставать тебе, джигит! Садись, — предложил Танти, внимательно с ног до головы оглядывая парня.

Юлчи спокойно уселся против байбачи. Танти усмехнулся:

— На вчерашней пирушке был? Ты тот самый силач джигит?

— Это был я, — признался Юлчи.

Байбача покачал головой, словно сожалел о происшедшем.

— Пропади оно, это пьянство, — проговорил он и натужно рассмеялся. — Хе-хе-хе... Наделал я шума...

В разговор вмешался Камбар.

— У вас, хозяин, нигде без скандала не обходится, — ухмыльнулся он. — По-настоящему вас следовало бы назвать «Тупалан-байбача».

Танти отмахнулся от него и продолжал, обращаясь к Юлчи:

— От первой пули бачу спас бог, от второй — избавил ты. Иначе застрелил бы: очень я разгорячился — выпил крепко.

— А за что вы в него, беднягу, пулей метнули? — спросил Юлчи.

Байбача помолчал, прищурил большие, но уже тускнеющие, с сеткой тоненьких красных жилок глаза и равнодушно ответил:

— Не помню. То ли он не подхватил протянутую мною пиалу с чаем, то ли бровью не так повел, только чем-то обозлил меня, проклятый... Ну ладно, былым делам, говорят, прощенье. Как наши посевы, хороши?

— Очень хорошие. Особенно картошка и морковь. Богатый урожай получите.

— Да? А мне вот этот колченогий говорил, — кивнул байбача на Камбара, — что он чем-то там засеял клочок земли, да я, признаться, и не заглянул туда ни разу. Сказать правду, сам я в хозяйстве ничего не смыслю. Во всем положился вот на него, на колченогого. Он хромой, но руки у него счастливые. Ни один год не было плохого урожая. Верно, Камбар?

Камбар — шутник и говорун, действительно при ходьбе волочивший одну ногу, — притворно нахмурился, топорща редкие, светло-желтого цвета, волоски бровей.

— Вы хоть при гостях калекой меня не называйте, Мирисхак-ака. А ну, давайте-ка наперегонки, попробуем, кто кого!

— Подсыпь табаку, колченогий. Шуток не понимаешь... — Танти-байбача взглянул на Юлчи. — И верно, я сам надивиться не могу — хромой, а летит быстрее ветра. К тому же весельчак и работает исправно. Но вся беда — колченогий. Ха-ха-ха!..

— Мои ноги, хозяин, с изъязном, да они помогают цвести земле. А у вас хоть и в порядке все, да вы, кроме как чилим потягивать, ни к чему не способны! — Камбар протянул байбаче запроваженный чилим. — Вот курите...

Танти-байбача, окутавшись облаком дыма, уже серьезно сказал:

— Садись на жеребчика, поезжай в город. Привезешь две бутылки коньяку. Быстро! Аскар-палван придет с компанией. Понял?..

— Эх-хе! Большая, значит, игра будет. Желаю вам удачи. С выигрыша и мне что-нибудь перепадет. Только жеребчика нет, Мирисхак-ака, маленький Чавандоз уехал на нем на улак.

— Садись на иноходца.

Во двор, ведя на поводу заседланную новеньким седлом красивую каурую лошадку с бусами и тумарами на лбу, вошел крепкий, загорелый мальчуган лет тринадцати-четырнадцати. Это и был маленький Чавандоз, сын Танти-байбачи — Абиджан. Мальчик старался держаться солидно, но по всему видно было, что он из тех баловней-любимчиков, кого обычно называют «балованный барашек».

Передав лошадь Камбару, мальчуган принялся стряхивать пыль с одежды. Танти окликнул его:

— Сын! Чей обогнал?

— Рыжий Таира-купчака. Нашему малютке оказалось не под силу тягаться с ним.

— Э-э, Абидджан,— усмехнулся Камбар,— а я думал с козлом вернетесь, котел готовил. Выходит, все зря — у вас пустая потеха только.

— Подожди, Камбар, еще понадобится твой котел,— ответил Абидджан заносчиво.

— Нет, уж видно,— насмешливо протянул Камбар.— Для того чтобы улака на полном скаку захватить, надо быть настоящим чавандозом. И силу надо иметь, братец мой Абидджан!

Отпустив подругу, Камбар привязал жеребчика к столбу. Потом взял у хозяина деньги и, подседлав иноходца, отправился в город.

Гости Танти-байбачи приехали поздно вечером. Их провели на айван, обращенный в сторону клеверника.

До возвращения Камбара прислуживать пришлось Юлчи. Больше всего надоедал ему сам Танти-байбача. «Чилим!» — поминутно кричал он с айвана. Чилим стоял рядом с Танти, но его надо было заправить заново табаком, разжечь, поднести... Байбача затынется раз — и накурится, а через минуту требует снова.

Когда приехал Камбар, Юлчи прошел к супе и в темноте растянулся на разостланной там пыльной кошме. Через некоторое время к нему подсел и Камбар, неожиданно появившийся с блюдом остывшего плова.

— Игра началась... У хозяина даже чилим из памяти вылетел. Теперь можно и отдохнуть.

— А во что они играют? — спросил Юлчи.

— В кумар,— тихо ответил Камбар.

— Что вы говорите? Гости вовсе не похожи на игроков. Все в чалмах, будто муллы!

— А кого вы считаете игроками? — пробормотал Камбар, только что положивший в рот первую щепотку плова.— Уличных удальцов, что ходят с открытой грудью и повязывают из шегольства по паре поясных платков? Нет, настоящие игроки — это сыновья бородатых чалмоносцев — ишанов. Целую неделю они пьянствуют, играют в кумар, а по пятницам как ни в чем не бывало появляются на молениях.

— Чудо! — удивился Юлчи.— Ишаны мечут альчики!

— Они и в карты играют. Это тот же кумар, даже, пожалуй, похуже... Хэ, а как они пьют! Глодают, будто верблюды, пробывшие целую неделю без воды в пустыне. Буза ли, водка ли, мусалас ли, коньяк — ничем не брезгают, было бы только спиртное.

— Короче говоря, это последние развратники,— заключил Юлчи. Беседу их прервал Танти:

— Чилим, колченогий!..

Окрики хозяина начинали раздражать Юлчи. «Будто у бедняги имени нет! — промелькнула у него мысль.— Это уже не шутка, просто байбача за человека его не считает».

Камбар бросил в блюдо взятую щепоть плова, вскочил и побежал на зов. Бегал он действительно проворно, точно и не хромал вовсе.

«Трудно ему на побегушках,— подумал Юлчи.— Стараются не показать своей хромоты, так и привык бегать рысцой...»

— Вы меня ждете? Напрасно. Плов, наверное, остыл уже. Принимайтесь! — заговорил Камбар, снова подсаживаясь к Юлчи.— Карман хозяина, кажется, опустел,— сообщил он.— Не везет, видно. Весь год не вылезает из проигрыша. При его богатстве это пока не заметно, но тем хуже будет конец. Тогда глаза его от удивления сами собой раскроются, будто стручок маша. При такой расточительности, друг мой Юлчи, и золотых гор не хватит.

— А чем занимается ваш байбача? — полюбопытствовал Юлчи.— Неужели он только и знает, что проедает нажитое?

— Занятие? — Камбар рассмеялся.— Кончайте с пловом, потом расскажу.

Когда блюдо было опорожнено, Камбар вытер его пальцами, облизал их, отодвинул блюдо в сторону, подсел ближе к Юлчи и начал свой рассказ:

— Какие там занятия! И на пятак нет у него дела. Со всякими делами он покончил еще лет пятнадцать назад, с тех самых пор, как умер его отец. Я работаю у этого человека только четыре года, но живем мы с ним в одном квартале, и мне все про него известно. Отец хозяина был большим баем. За свою жизнь он накопил несчетное богатство. Пять-шесть лавок и магазинов, да еще земля, да несколько участков и домов в новом городе... Старик умер, а сын теперь все проедает: скачки с улаком, вечеринки, пирушки, постоянные гости... Собираются муллы, ишаны, баи, игроки-кумарбазы. Каждый день — нарын, пельмени, плов. Вот скоро в город перееедем, и что только там будет! Сынишка у него, сами видели, в четверть ростом, а он женить его хочет. Сговор был, когда еще девчонка в люльке качалась... И мальчишка весь в отца. Ни читать, как говорится, ни писать, ни песен складывать. Ходил несколько месяцев в русскую школу на Хадре, потом сбежал. Потому — голова у него занята лошадьми, скачками, вечеринками с компанией таких же, как сам, байских сынков. Короче говоря, отец с сыном вместе проедают богатство. Слышно, осталось у них не больше трети всего богатства. Да они и это по ветру пустят.

— Чилим! — послышался сильный голос Танти.

Камбар оборвал рассказ, поспешил к хозяину. Возвратившись через минутку, он сообщил шепотом:

— На кону ворох денег. И все хрустящие бумажки с портретом белого царя! Взглянул я — в глазах зарябило. Вот бы мне пару таких! Куда бы ни пришел, встречали бы с уважением: «Пожалуйста, почтенный Камбар, пожалуйста!» А сейчас — где там! — только и слышишь: «Эй, колченогий! Эй, калека, эй, безногий!»

— Хозяина прозвали Танти-щедрым. А вам он оказывает свою щедрость, Камбар-ака? — спросил Юлчи.

— Щедрость его не для таких, как я,— ответил Камбар.— Он ничего не жалеет для себя и для своих друзей-приятелей. «Танти» его прозвали люди, которые едят и пьют на его гулянках. А мне он дает харчи да одежду справляет, когда совсем истреплется. Иногда

и денег немного выпросишь. Только насчет деньжат скуповато. Знаете, говорят, из чужих рук и птичка не наедается. Заведется какой целковый, смотришь, туда-сюда — и уже нет, упорхнул из рук...— Камбар вздохнул.— Эх, деньги! Купить бы хоть пару тананов земли. таких бы дел наделал я, что твой сахар! Видели, сколько земли я засеял? И все сам!.. Каждый год десятками арб собираю урожай для хозяина.

— Одни трудятся, сеют, а выгоду от этого другие имеют,— ответил поговоркой Юлчи.— Была б у вас земля: труд ваш — и выгода вся ваша. Копите деньги, Камбар-ака, и покупайте себе участок.

— Где там! Копейки лишней не отложишь. Хозяйский порог, будь он проклят, такой — его не перепрыгнешь!..

Послышался раздраженный голос хозяина:

— Эй, колченогий! Тащи лекарства!

— До мусаласа очередь дошла? — спросил Юлчи.

— Сейчас начну заливать горло ишанов прямо из корчаги,— рассмеялся Камбар, исчезая в темноте.

Юлчи прилег на кошме и укрылся узкой подстилкой от седла. В нос ему ударил запах сырости и конского пота. Уснуть мешали шум и пьяные выкрики игроков. Он долго переворачивался с боку на бок и только было задремал, как услышал над головой шепот Камбара:

— Спите?

— Нет.

— Выпьете? Очень вкусный мусалас.

— Не надо. Я еще никогда не пробовал.

— Хи-хи-хи...— тихонько рассмеялся Камбар, укладываясь рядом с Юлчи. От него несло винным перегаром.— Если пить понемногу, вреда не будет,— заговорил он через минуту.— Бывает так, Юлчибай, что сердце вот-вот разорвется, белый свет темной ночью кажется. Тогда тайком от хозяина я выпиваю одну-две пиалы. Иногда он и сам даст. Он же меня и приучил. Раньше я капли в рот не брал. Но подумаешь порой, и покажется, что хозяин прав: жизнь коротка и надо где можно пользоваться удовольствиями в этом недолговечном мире. Вот его отец не пропивал, не проедал и все равно богатства не унес на горбу в могилу.

— Скупой был? — не поднимая головы, спросил Юлчи.

— О, из тех, что прокляты всеми святыми! Прославился своей скупостью и жадностью. Знатный бай, большую торговлю вел коженными товарами, а посмотришь на него — подумаешь, что это бедный ткач или латальщик обуви. Зимой и летом на ногах — тяжелые капиши из толстой кожи. На голове — грязная, пропитанная потом чалма. Халат — рваный. Ходил он всегда, уставившись в землю. Увидит старую подкову, ржавый гвоздь, пуговицу или другую какую-нибудь дрянь, обязательно поднимет. «Когда-нибудь, скажет, пригодится». Как-то, я был еще подростком, он у меня выманил два гвоздя, поднятых на дороге.

— Ну, это вы, наверное, выдумали,— не поверил Юлчи.

— Выдумал?! Э-э, то, что я рассказал,— лишь капля в море! Вот слушайте. Каждый год осенью он привозил сюда, в поместье, ребят нашего квартала и заставлял сгребать опавшие листья. Помню, приехал как-то с ребятами и я. Собрали мы листья, плотно набили в мешки. А к вечеру подул сильный ветер. Мы, ребята, смеемся, радуемся, глядя, как ветер подхватывает оставшиеся на деревьях листья и поднимает их к самому небу. А бай беспокожно топчется около деревьев, как курица, обжегшая ноги, ругается. «Отец,— спрашиваем мы,— чем вы недовольны?» А он нам: «Немало, говорит, нескладных дел бывает и у бога. Вот смотрите, смотрите, какой убыток! Ни одного листочка не осталось на моих деревьях, все унесены в небо».

— Вот жадный дурак!

— Погодите, я еще не все рассказал. Вы можете подумать, что это сказка, а это истинная правда. Он никогда не ел ни плова, ни нарына, ни пельменей, ни казы. «Плов,— говорил он,— как гвозди, царапает мне желудок, а казы — тоже не по мне». И каждый день разрешал своим домашним готовить только болтушку из пшена. Сын бая, мой хозяин, после того как женился, начал кормиться по-лучше, но тайком. Деньги на расходы воровал у отца. Покушает сам повкусней, а для старика велит приготовить какую-нибудь жидкую похлебку. Как-то раз бай возвратился домой раньше обычного, да еще привел с собой какого-то близкого родственника. Сидят они во дворе, беседуют, ждут похлебки. Вдруг старик видит — в углу двора, из-под сложенных там нескольких снопов сена, показался дым. «Что это?» — вскричал он и бегом туда. Раскидал сено, смотрит, а под ним котел. Поднял крышку — на него пахло вкусным запахом плова. Старика все стало ясно... Понимаете: женщины, притушив угли, накрыли было плов париться, а тут показался бай. Они с испуга и завалили очаг сеном. Бай возвратился на прежнее место. Трясется весь как в лихорадке. Родственник пытается успокоить его: «Не расстраивайтесь. Слава богу, вы богатый человек. Если и кушал, то ваш родной сын. В вашем доме уже давно готовят в двух котлах: один для вас, другой для себя. Простите их». Ну и всякое такое. Выслушал все это старый бай, опустил голову да как заголосит. «Мне, говорит, уже семьдесят. Пятьдесят лет я копил богатство. Не пил, не ел сладко, не одевался чисто. Вся жизнь моя прошла в заботах и лишениях. А ради чего? И вот я плачу о своей глупости, родня!»

— Спихватился-таки, стореть его могиле.— удивился Юлчи.

— Спихватился, да поздно. Одной ногой он уже в могиле стоял. Умер, не прожив после этого и года... Ну вот, теперь скажите: кто из них умнее — отец или сын?

— Дураки оба. Один умер от жадности, другой подохнет от излишества.

Камбара снова позвал хозяина. Юлчи закрыл глаза. Но спал он беспокойно. То ему снилось, что скелет старого бая грызется с голодными собаками из-за костей на кладбище; то бредилось, будто бай, высунув из могилы длинный язык, облизывает пустой, еще горячий котел из-под плова...

Как только до Нури дошли слухи, что Юлчи отправлен на работу к Танти, она решила, что представляется удобный случай исполнить давнишнее свое желание. Не раздумывая долго, она сказала, что очень соскучилась по сестре и что ей, кстати, хочется побывать на бахче, прихватила с собой Рафика и отправилась из дому.

И вот уже три дня, как Нури у сестры. Девушка ждет не дожидается случая встретиться с Юлчи. Накинув на голову вместо паранджи что-нибудь легкое, она каждый день по нескольку раз обходит сад, бывает на бахче, но сделать следующий, самый трудный и решительный шаг у нее не хватает смелости. Юлчи с утра до ночи работает то на огороде, то на бахче и всегда бок о бок с Камбаром, поэтому подойти к нему близко Нури не решается. Да и место здесь неудобное для встречи: дувалов нигде нет, кругом открытое, широкое поле. На несчастье, и Танти-байбача, против обыкновения, сидит все время дома, никуда не отлучается. Каждый день у него гости, каждый день на внешнем дворе пьянство, шум, гам...

На четвертый день поздно вечером Танти-байбача приказал сыну:

— Выйди, скажи этому... э, как его... Юлчи — пусть ложится на айване. Одежда, подушки, ковры — все осталось там, а Камбара сегодня не будет.

Услышав это, Нури обрадовалась. Надежда на свидание, уже чуть теплившаяся в ее душе, вдруг вспыхнула снова, грудь обожгло огнем долго сдерживаемых желаний. Чтобы скрыть свое волнение, Нури принялась старательно помогать сестре по дому. Затем быстро постелила детям, уложила их, кого лаской и добрым увещанием, а кого и просто силой. И сама легла вместе с ними, а не рядом со старой сватьей, как обычно.

Поминутно задыхавшаяся при ходьбе беременная сестра Нури — Умыниса, с большим, уже выпиравшим даже из-под широкого платья животом, покончила наконец с хлопотами по дому, потушила лампу и ушла в свою комнату к мужу. Однако ребята еще долго озорничали — кувыркались, бросались подушками, стягивали друг с друга одеяла. После строгого окрика старухи они утихомирились было, но тут одна из девочек попросила:

— Бабушка, расскажите нам сказку!

Ее поддержали другие.

— Бабушка, милая, расскажите про хитреца плешивого!

— Лежите тихо! И ночью покоя не даете! — старуха завернулась в одеяло и затихла.

Ребята начали приставать к Нури. Девушке было не до сказок, но, чтобы отделаться поскорее, она загадала несколько загадок. Получилось, однако, так, что ребята отгадывали ее загадки, даже не дослушав до конца, а Нури не могла припомнить ни одной из трудных — все они вылетели у нее из головы. Дети подняли девушку на смех и расшалились снова. Старая сватья, уже задремавшая было, заворчалась.

Вдруг Абиджан громко выкрикнул очень неприличную загадку. Ребята захихикали, Нури, не сдержавшись, тоже фыркнула. Рассерженная старуха обругала мальчугана и прикрикнула на девушку. Дети наконец умолкли. Набегавшись за день и нашалившись, они уснули...

А девушке не спалось. Тело поминутно обдавало жаром, сердце билось сильно и часто. «Идти или не идти?» — спрашивала себя Нури, то радуясь удачному случаю и горя от нетерпения, то вздрагивая от страха.

Нури чутко прислушивалась, но не могла разобрать — спит старуха или нет. Старой сватьи девушка боялась: беззубая, сгорбившаяся, та любила подглядывать за всеми и была догадлива и хитра; если у нее зародится хоть чуточку подозрения, она легко доберется до истины.

Из-за тополей медленно поднялась луна. Осветила деревья, придала им волшебный, призрачный вид. Безмолвные ночи при лунном свете казались еще более глубоким.

Старуха начала похрапывать. Нури долго еще лежала, беспокойно прислушиваясь. Потом тихонько встала, вздрогнув от ночной прохлады, сорвала с колышка жакетку, быстро оделась. Тут ей вспомнился спрятанный в нише узелок, который она захватила для Юлчи. На цыпочках прошла она к нише, в темноте перевернула чайник; задрожала вся, на мгновение застыла на месте. Но никто не проснулся...

Прижимая узелок под мышкой, Нури бесшумно выскользнула во двор. Без капишей, босая, сделала несколько неслышных шагов. Остановилась. Пугливо оглянулась вокруг, прислушалась и, все так же мягко ступая, засемила к калитке.

У дувала мирно жевала жвачку корова. Бурая шерсть ее при лунном свете отливала золотом. Заслышав осторожные шаги, корова лениво подняла голову, равнодушно взглянула на проходившую мимо девушку и тяжело вздохнула.

Нури протянула руку к цепи калитки, но тут же отдернула. «Загремит цепь, заскрипит калитка, проснется старуха, что я скажу ей? Как оправдаюсь?.. Скрипит эта калитка или не скрипит?» Она пожалела, что до сих пор не обратила на это внимания. Наконец решилась — будь что будет! — тихонько опустила цепь, осторожно приоткрыла калитку и проскользнула на внешнюю половину двора.

Открытая площадка до супы ярко освещена луной. Здесь даже пыль отливала мягким серебристым блеском. Но дальше — дальше все было покрыто дымчатой кисеей полутени и пестрело неровными бликами лунного света. В этот час и величавые карагачи, бросавшие на землю большие темные пятна, и даже тянувшиеся к небу высокие тополя — все казалось таинственным и внушало девушке безотчетный страх. Ей чудилось, что на всей площади до самого айвана кружились и плясали бесплотные джинны.

Стараясь не глядеть по сторонам, Нури быстро пробежала пугавшее ее пространство, взошла на айван и опустилась на корточки

у изголовья спавшего богатырским сном Юлчи. Картина ночи, минуту назад таинственная и страшная, сразу же изменилась. Теперь все окружающее стало понятным, знакомым и милым. Лучи луны, пробиваясь сквозь листья двух персиковых деревьев, росших рядом с айваном, тихо дрожали на лице юноши, перемежаясь с тенями. Нури положила руку на грудь джигита, другой тихонько погладила лоб.

Юлчи вздрогнул, открыл глаза, резко поднял голову:

— Кто тут?

— Это я... Нури. Тише, Юлчи-ака... Тише...— Нури приблизила свое лицо к лицу юноши.

— Вы?.. Здесь?! — изумленный и взволнованный, прошептал Юлчи.— Зачем вы пришли сюда? Что с вами будет, если узнают? Да и зачем я вам? Я ведь только батрак...

— Ну и что ж, разве батрак не человек? Вы наш родственник...— От холода и от волнения Нури дрожала.— Какой вы хороший! — зашептала она.— Я только из-за вас и приехала к сестре. Когда узнала, что вы здесь, готова была на крыльях лететь сюда. Вот уже третий день я у сестры. И сердцем, и душой с вами, только видеться не могла. И вот... пришла...

Блики лунного света зайчиками играли в волосах девушки, на ее лице, на руках, придавали ее облику еще неведомую для Юлчи прелесть.

По особенному, загадочному блеску в глазах Нури, по ее прерывистому дыханию юноша чувствовал, что пришла она сюда не просто поболтать о пустяках. Юлчи близко склонился к девушке и пристально посмотрел ей в глаза.

— Так ли? — чуть слышно прошептал он дрожащими губами.— Ради меня приехали?

— Только ради вас...

Нури тихо склонила голову на плечо Юлчи. Рука джигита обвилась вокруг талии девушки, к самому сердцу его прижалась упругая грудь.

Луна. Чарующее безмолвие. Только прохладный ветерок шепчется с листьями, ласково перебирает волосы девушки...

Перед тем как уйти, Нури протянула Юлчи узелок.

— Что это?

— Пустяк. Новую рубаху принесла вам. Денег надо, Юлчи-ака? Говорите, не стесняйтесь!

Юлчи бросил узелок к ногам девушки. Он тяжело дышал.

— Унесите... Мне ничего не нужно. Ни рубахи, ни денег! Заработаю своими руками... Сейчас же возьмите, сестра!

— Я же для вас старалась. Тайно попросила одну соседку сшить. Спрячьте куда-нибудь. Поедете на главный участок, там оденете. Не обижайте меня, Юлчи-ака. Возьмите...

Нури мигом добежала до калитки, осторожно проскользнула во внутренний двор, на цыпочках взошла на терраску.

Старуха спала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Запоздавшая зима наверстывала упущенное. Снега еще не было, но холод крепчал с каждым днем; по утрам крыши и оголенные ветви деревьев белели пушистым инеем.

Семья Мирзы-Каримбая давно перебралась в город.

Небольшая по площади внешняя мужская часть двора городских владений бая со всех четырех сторон окружена постройками: всякого рода службами, айванами, навесами. Сюда же выходили украшенные искусной резьбой высокие сводчатые двери и большие, со стеклами в целый лист, окна дома, на водосточных трубах которого гордо красовались жестяные петушки: это покои для гостей.

В одном из покоев, богато отделанном внутри красками и лепными украшениями, обычно отдыхал, возвращаясь из магазина, сам Мирза-Каримбай. По заведенному им порядку, с сыновьями, невестками и внучатами он встречался только за общим столом, да и то когда не было гостей.

Сегодня Мирза-Каримбай возвратился с базара рано. Отбыв послеполуденную молитву в «Женской мечети» на Иски-Джува, он сразу же направился домой и теперь сидел на шелковых одеялах, протянув ноги к теплому сандалу.

Прикинув раза два на счетах засевшие в голове цифры торгового оборота по магазину, бай надел очки и принялся перелистывать старинное собрание нравоучительных рассказов «Четыре дервиша». (Мирза-Каримбай был не прочь почитать на досуге и порой брался за «Мудрые изречения» Ахмада Яссави.) Но не успел он просмотреть и несколько страничек, как в комнату вошел Хаким-байбача, вернувшийся из деловой поездки в Фергану.

Байбача почтительно поздоровался с отцом, затем аккуратно отвернул полы суконного халата и присел к сандалу.

Мирза-Каримбай закрыл книгу: дело прежде всего!

— Вернулся? Так скоро?

— Приехал я еще утром. Задержался в банке.

Байбача рассказал, что ему удалось купить несколько тысяч пудов первосортного хлопка по цене второго и частью даже третьего сорта; что им, кроме того, оставлены деньги на покупку еще восьми тысяч пудов. Затем передал отцу приветы от его друзей — кокандских баев и деловых людей.

Расспросив до мелочей о подробностях поездки, бай остался доволен делами сына.

— Это называется удачей! Насчет своих закупок ни слова никому не говори. На свете нет дела более тонкого, чем торговое дело. Отец-покойник мелочную лавку имел, а и то, бывало, сколько за день морковки, луку продаст, никому, даже в семье, не скажет.— Мирза-Каримбай взглянул на сына и дробно рассмеялся: — Хе-хе-хе...

— Отец, нам теперь хлопковый завод бы построить! — чуть

подавшись к сандалу, заговорил Хаким-байбача. — Раз я стал хлопковиком, без завода никак нельзя. В Коканде, в номерах, я познакомился с одним русским инженером. Советовался с ним. И теперь, если бы вы дали свое согласие, лучше и быть не могло.

Мирза-Каримбай откашлялся, согласно кивнул головой:

— Это дело хорошее. И я, пожалуй, раньше тебя о нем думал! Только надо малость потерпеть. — Бай помолчал и, глядя прямо в глаза сыну, хитро усмехнулся. — Может статься, нам не нужно будет и утруждать себя постройкой. Может, мы готовый, на полном ходу завод к рукам приберем. И очень задешево приберем!

— Эх, вот это было бы дело! — Хаким-байбача облизнул сразу пересохшие губы.

Мирза-Каримбай продолжал:

— Только ты все, что я сказал, держи про себя. Хлопковый рынок — это, к примеру, все равно что река в разлив. Бросаться так, вдруг — не годится. Надо сначала разведать глубокие и мелкие места. Вижу я: многие в этой реке идут ко дну, иные, угодив в водоворот, соломинкой мечутся, протягивают руки, вытащить просят. А какой же храбрец расщедрится их выручать! Эх-хе... Я ведь член правления банка, сын мой, и секреты хлопковиков мне все известны.

— Тонет, отец, мелкота. А у кого мощна потолще и спина покрепче, у тех дела чем дальше, тем выше взмывают.

Мирза-Каримбай рассмеялся:

— Отец у тебя есть, потому и хребет твой крепок и силен.

— В торговом деле вы самый смелый человек. Среди мусульман, видит бог, нет смелее вас. А если и есть, то очень мало. Не понимаю, чего вы опасаетесь, почему медлите с заводом? — с заметной досадой сказал Хаким-байбача.

— Что же тут чудного? На торговле мануфактурой у меня борода побелела, и если мне не быть смелым, то кому же тогда? А что до завода...

Старик снял очки в золотой оправе, положил их на сандал. С минуту оба молчали.

— Я уже однажды наметил тебе дорогу, — снова заговорил бай. — Ее пока и держись, не сходи. Хлопок покупай из первых рук. Деньги раздавай дехканам зимой. Дехкане — разуты, раздеты, стеснены в средствах. Им нужны деньги. Вот ты и опутай их деньгами. Зимой они пойдут на все твои условия. И осенью, сын мой, весь хлопок будет твой. Вот, пока лучше этого пути нет.

— Да ведь я так и делаю, отец.

— А ты сильнее размахнись!..

Открылась дверь. Склонившись и, уже на пороге протягивая руки для приветствия, вошел Абдушукур.

— Сидите, сидите! Я ненадолго, только проведать, — предупредил он, почтительно пожимая руки хозяевам и подсаживаясь к сандалу. — Как здоровье, отец?

— Хвала аллаху...

— Вас что-то давно не видать в городе, Хаким-ака? — блеснул Абдушукур глазами в сторону байского сына.

— В Коканде был.

— Как, довольны поездкой?.. Очень хорошо! Радость друзей — моя радость. Не так ли, отец? — с почтительным поклоном обратился Абдушукур к старику.

Мирза-Каримбай промолчал. Он вовсе не был доволен приходом этого «газетного читачи и хвастуна», прервавшего их деловую беседу, и сидел хмурый, опустив голову. Но Хаким был вежлив и предупредителен с Абдушукуром, — байбача надеялся установить через него выгодные денежные и торговые связи с его хозяином и другом Джамалбаем.

На низком столике сандала был разостлан дастархан, поставлен поднос с фруктами, сладостями, фисташками. Комната наполнилась паром от кипевшего самовара. Абдушукур колол фисташки, наслаждался крепким чаем. Продолжая непринужденно беседовать, он вынул из внутреннего кармана тоненькую книжку в желтой обложке и протянул ее Хакиму:

— Вот, собственно, цель моего посещения. Здесь восхваляют вашу милость, и я поторопился принести, показать вам.

— «Айна», — прочитал Хаким-байбача название книжки и начал ее перелистывать.

Мирза-Каримбай подозрительно взглянул на Абдушукура:

— Это еще что такое?

— Это журнал, отец, сборник такой, — ответил Абдушукур. — Выходит он в Самарканде два раза в месяц и распространяется среди просвещенных, передовых людей... Какая в нем надобность? — Абдушукур мягко улыбнулся. — Цель журнала — наставлять на путь истины нашу мусульманскую нацию, просвещать ее светом духовных и всякого рода полезных мирских наук. Редактор журнала — редкостный человек, достигший совершенства в науке.

Мирза-Каримбай покачал головой:

— Удивительные времена! Разные слова появляются: «журнал», «сборник»... Да есть ли от них польза? Вот появилось слово «банк». Видим — польза от него, выгода очень большая. Появилось слово «вексель». И это, видим, очень нужная вещь. «Кредит», «процент», «завод», «компания» и немало других слов — все это крайне полезные вещи. А ваши? «Сборник» и еще что — «журнал»!.. Тавба!

— Таксыр, — заторопился пояснить Абдушукур, — коренной смысл полезных слов, которые вы изволили только что перечислить, именно и раскрывается в этом сборнике... Читая его, ваши сыновья приобретут еще более обширный опыт в делах и обогатятся умением извлекать еще большую прибыль из вещей, почитаемых вами за полезные.

Заметив, что Хаким никак не может отыскать нужное место, Абдушукур попросил журнал, быстро перелистал его и снова протянул байбаче:

— Вот, читайте, Хаким-ака!

Хаким-байбача склонился над книжкой. Через минуту лицо его расплылось в улыбке. Он захихикал, довольный, и взглянул на отца.

— Читайте вслух, что там пишут? — заинтересовался и Мирза-Каримбай.

Байбача протянул журнал Абдушукуру:

— Прочитайте вы.

Тот прокашлялся и с чувством начал:

— «Один из благороднейших наших баев — щедрых сторонников прогресса и ревнителей просвещения, мулла Хаким-байбача, сын Мирзы-Каримбая из Ташкента, пожертвовал «Айне» десять рублей. Наш журнал приносит ему глубокую благодарность и надеется, что такая щедрость послужит великим примером для всех почтенных баев-мусульман».

Мирза-Каримбай рассмеялся, потряхивая бородкой.

— Понятно,— сказал он, не скрывая своего удовольствия,— получили десять целковых, как тут не похвалить!

— Нет, отец,— вежливо возразил Абдушукур.— Деньги эти попадут не в карман кому-нибудь. Журналу не хватает средств на бумагу, печатание и другие расходы, ведь «Айна» печатается в очень небольшом количества. Возможно, даже приносит убыток редактору.

Глаза Мирзы-Каримбая заиграли.

— Убыток! Зачем же он выпускает книгу, этот ученый?

— У него высокая цель, отец,— служение культуре. Он стремится просветить мусульман, открыть им глаза,— ответил Абдушукур.

— Правду говорят — бог каждому посылает какую-нибудь пользу. Кому нужна эта самая культура? И что это за штука такая? — снова разгорячился старик.— Хвала аллаху, глаза у нас у всех открыты, каждый из нас при своем деле, и каждый по своим стараниям получает и хлеб насущный. Под рукой белого царя живем мы спокойно и благоустроено... А тут культу-у-ра!

— Верно, под сенью его величества мы живем спокойно, мирно,— согласился Абдушукур.— Но мы считаем, что в нашу жизнь необходимо внести некоторые преобразования. Надо уничтожить все вздорное, вредное, что мешает процветанию ислама. В старых школах наши дети не получают должного образования. В новых школах мы намерены наряду с благородным кораном ввести преподавание и таких полезных предметов, как география, история, счет. Если бы наши баи уделили школам некоторую толику внимания, иначе говоря, оказали бы им посильную материальную помощь, то мы, мусульмане Туркестана, в ближайшее время стали бы в ряду культурнейших наций мира.

— Хорошо, а кто будет учиться в этих школах? — спросил бай.

— Дети мусульман.

— Э-э! Дети каких-то там Ишматов-Ташматов будут учиться, набираться ума-разума, а баи деньги плати? — Мирза-Каримбай усмехнулся.— Если мальчишка учится, то польза от этого ему самому, его отцу-матери. И все расходы пусть несут те, кто хочет обучать детей. У баев есть свои дела, свои заботы. А потом, братец мой Абдушукур, сколько бай ни делай добра, благодарности от простолюдина все равно ему не дождаться. Это уже известное дело.

— Преобразования, конечно, необходимы,— рассудительно заговорил Хаким-байбача, постукивая пальцами по краю подноса.— Неве-

жества у нас много. Европейцы подчас дивятся, глядя на нас. Но если те науки, что вы собираетесь вводить в новых школах, не противны шариаху и если на это последует благословение улемов, то каждый отец ради своего сына будет помогать школе сколько в его силах. В старых школах ребята каждый четверг приносят учителю хлеб или хлебные деньги. Помимо этого, с учеников собираются деньги на циновки, на уголь, праздничные деньги. Этот обычай надо сохранить. Пусть и в новых школах дети вместо хлеба приносят каждую пятницу по пяти, по десяти копеек. Таким образом, по пословице «капля по капле — и озеро наполняется», учителю будет собрана порядочная сумма.

— Поддерживать в надлежащем состоянии школы, отвечающие требованиям нашего века, таким путем будет трудно, чтобы не сказать невозможно,— вежливо пояснил Абдушукур.— Допустим, что мы встали на этот путь. Однако многие отцы даже и трех-пяти копеек в неделю дать не в состоянии.

— На руке пять пальцев, и все они разные,— возразил Хаким.— Одному суждено быть ученым, образованным, другому — поденщиком, носильщиком. Так устроен свет.

— Если каждый пойдет учиться, кто же будет пасти скот? — уже раздраженно сказал Мирза-Каримбай.— Для поденщика, мастерового, батрака было бы сыто брюхо — и довольно с него! Каких чудес можно ожидать от их детей, если они даже кое-чему подучатся? Иное дело дети из состоятельных семей. Для них прилично быть и в школе, и в медресе.

Абдушукур молчал, не находя, что возразить баю. «И в самом деле! — думал он, запивая сладким чаем миндаль.— Тщетно помышлять об учении для детей простого народа, тогда как даже дети именитых купцов только и знают, что шлаться по улицам, играть в альчики или стравливать собак. Нет, сначала надо обучить современным наукам детей баев — столпов общества. За ними — сила. Великая честь будет для нас, если в течение десятка лет мы сумеем дать трех-четырех докторов, двух-трех адвокатов, несколько депутатов в Государственную думу. В сущности, будущее Туркестана принадлежит купцам и другим состоятельным людям. Поэтому об их-то детях и надо думать в первую очередь».

Убрали дастархан. Подошло время предвечерней молитвы, и все трое поднялись, чтобы совершить омовение. Молитва читалась здесь же, обязанности имама исполнял Абдушукур. Затем было подано большое блюдо плова. Мирно беседуя, хозяева и гость поели, и Абдушукур вскоре откланялся.

Когда он надевал в передней галоши, Мирза-Каримбай окликнул его:

— Мулла Абдушукур, завтра свадьба моей слабенькой¹. Прошу пожаловать.

— Поздравляю! Благодарю, конечно, приду.

¹ Слабенькая (заифа) — так по старому обычаю называли дочерей при разговоре с посторонними.

В узкий, непроходимый для арб и обычно глухой тупичок сегодня вошла жизнь.

Первым здесь появился Ярмат. Вышел он ранним утром и еще старательно подметал улочку метлой, тщательно засыпал землей и заравнивал все ямки, а мимо к воротам байского дома уже потянулись женщины — в одиночку и группами, с детьми и без детей.

На Ярмате была новая, но явно не по голове, нескладная тюбетейка, да и сам он напоминал в этот час человека, неожиданно получившего высокий чин и еще не освоившегося с новым положением: он непомерно задирает нос, все движения его были исполнены неестественной, будто взятой напрокат, торжественности, а на лице застыло выражение тупой важности и гордости.

Когда улочка была подметена, Ярмат разогнал шумную ватагу соседских ребятишек, затеявших здесь игру в альчики, и затем принялся носить воду из хауза во дворе мечети. Встречая людей, по его мнению, достойных, он непременно пригласил: «Прошу пожаловать на той!» — будто торжество, ожидавшееся в доме бая, было и его торжеством.

Время раннее. Еще ничего не слышно о караване с дарами жениха, еще не вышел из покоя хозяин той — Мирза-Каримбай, а движение и гомон в тупике все нарастали и нарастали. Толпа за толпой — девушки, молодые женщины, старухи в бархатных, канаусовых, бенаресских паранджах всех цветов шли и скрывались в воротах байского двора. Многие вели с собой ребятишек, пришедших, с перьями филина на шапках. На подносах, на блюдах, в корзинах женщины несли жаркое, пельмени, слоеные пирожки, тонкие, испеченные на сале лепешки, всевозможные фрукты, фисташки, миндаль.

Со стороны ичкари доносились непрерывный гомон и смех женщин, плач грудных детей, шум, гам. Даже Ярмат, видевший на своем веку не один байский той, проходя по переулку с ведрами, удивлялся: «Столько женщин, столько детей! Где они разместятся? А сколько приношений?!»

Завидев Юлчи, показавшегося в начале улочки, Ярмат закричал ему издали:

— Эй, Юлчибай! Иди, иди. Вот удача тебе — прямо на той попал!

— Что за той, Ярмат-ака? — с удивлением спросил Юлчи, подходя ближе.

— Э-э, ты еще ничего не знаешь? — в свою очередь удивился Ярмат. — Сегодня начинается той дочери нашего хозяина, Нуринисы. Великий той!.. — с хвастливой гордостью объявил он и зачастил: — Арбу у въезда в тупик, на большой улице оставил? Хорошо. Отведи коня в конюшню и быстрее сюда. Работы — уйма!

Юлчи все время был занят на полевых работах, жил на хлопковом участке и потому о свадьбе Нури до сих пор ничего не слышал. Последнее время он перевозил хлопок на склад, дважды в день приезжал в город, но не хотел показываться на глаза хозяину и на ночь возвращался обратно. Только сегодня, после первой же ходки, он зашел повидаться с хозяином — надо было подковать лошадь и перетянуть шины.

Неожиданное известие взволновало Юлчи. Правда, в сердце юноши

все еще жил образ девушки, которую он только однажды видел в поместье Мирзы-Каримбая, но он не забывал и горячих, страстных речей Нури. «Если бы девушка меня не любила, — часто думал он, — разве стала бы она гоняться за мной, искать встречи где-то в чужом доме? Разве вышла бы она ко мне ночью, рискуя своим добрым именем и честью?» Услышав о свадьбе Нури, Юлчи почувствовал какую-то неясную обиду и грусть, точно его незаслуженно унизили и оскорбили. Сам всегда искренний и прямой, он и в других не мог допустить подлости и пытался найти оправдание девушке. «Что могла сделать бедная Нури? — размышлял он. — Могла ли девушка сказать отцу-матери, что любит другого? Да еще кого: бедняка работника!.. Ясно, она никому не открыла своего сердца. Затаила свое горе... Был бы я сыном какого-нибудь бая, она если не родным, то другому кому из близких намекнула бы. А сейчас, наверное, забилась куда-нибудь в угол и плачет горько... Впрочем, кто знает. Купеческий сын, пожалуй, хорош собой. Свахи, наверное, так расхвалили его, что Нури и позабыла обо мне. Любовь таких балованных девушек что вешний снег: повалит густо-густо и тут же тает».

Как только Юлчи вышел из конюшни и показался в переулке, Ярмат тотчас передал ему коромысло и ведра. Обращаясь к Мирзе-Каримбаю, важно прохаживавшемуся по улочке в дорогой лисьей шубе, он сказал с угодливым смехом:

— Бай-ата, сегодня мы, наверное, вычерпаем половину хауза!

Бай, будто и не слышав, ничего не ответил. На приветствие Юлчи он также пробурчал что-то неразборчивое.

В полдень по улочке с криками «Той прибыл, той!» засновали уличные ребятишки. В начале тупика показались согнувшиеся под тяжестью огромных мешков два возчика и несколько соседских парней. Ярмат, увлекая за собой Юлчи, побежал им навстречу. В подарок к тою жених прислал пятнадцать тяжело нагруженных разным добром арб...

С криками, с шумом и смехом возчиков по обычаю обсыпали мукой, те сразу стали похожи на мельников. Под бляение двух десятков баранов, под ругань и шутки возчиков и парней, под крики махаллинских ребят арбы были быстро разгружены. Добро начали переносить на байский двор. Целые арбы муки, риса, мешки миндаля, фисташек, десятки корзин халвы, полсотни ящиков с разными фруктами...

Под арбами, точно муравьи, ползали ребятишки, собирая все, что просыпалось на землю. Несколько подростков догадались прорезать пару мешков, вскрыть один из ящиков и принялись под шумок набивать карманы фруктами и миндалем.

Их проделку заметил Ярмат.

— И что за бессовестный народ! Эй, тебе говорю, не дырять мешок! — заорал он.

Кто-то из возчиков попытался обратить все в шутку:

— Это же дары для тоя. Дай полакомиться!

Парни, помогавшие переносить добро, обиделись:

— Даром, что ли, мы ломаем спины вашими мешками!

«В самом деле, что тут такого, если ребята полакомятся? — подумал Юлчи. — Стоит ли из-за такого пустяка рычать на людей!»

Неожиданно подошел Хаким-байбача. С ним был смазливый молодой человек, разодетый, видно, из очень богатой семьи. Хаким нахмурил брови, явно недовольный шумом и тем, что на пути к дому собралась толпа плохо одетых людей. Он грубо выкрикнул:

— Это еще что такое? Места своего не знаете?

Ребята бросились врассыпную. Попятились и остальные. У арб остались только возчики да Ярмат с Юлчи. По адресу байбачи с разных сторон посыпались неместные эпитеты и даже ругань.

Сали-сапожник, пристроившийся со своей немудреной работой под дувалом, напротив, встал на сторону ребят:

— Молодцы! Так и надо. Раз той, зачем же страшать, разгонять народ!

Хаким-байбача, точно он и не слышал слов «простолюдина», зашагал к дому, глядя прямо перед собой и никого не замечая.

Вслед ему с другой стороны улицы послышался насмешливый хохот сапожника.

Ярмат пугливо оглянулся и покачал головой.

— Можно ли выказывать такое неуважение к сыну богатого и почитаемого всеми человека! — сказал он с укоризной и тут же прибавил уже сердито, видимо обидевшись за хозяина: — Когда только вы ума-разума наберетесь, Сали-ака?

— Ума-разума? — блеснул на него глазами Сали. — Не только ум — мы и силы свои вон таким отдали. — Сапожник кивнул в направлении тупика. — А они нас теперь и за людей не считают.

Ярмат не нашелся что возразить. Юлчи подумал: «И верно! Я им родственник, а байбача и на меня посмотрел так, словно на пустое место...»

Дары, присланные женихом, были перенесены на байский двор. Через час после этого начали прибывать гости — купцы и духовные лица, приглашенные из других частей города. Их встречали, расположившись на скамейках, поставленных в два ряда по одну и по другую сторону улочки, сам Мирза-Каримбай, имам приходской мечети, купцы и другие состоятельные люди квартала. Гости из «торговых людей» были, как и подобает им, внешне скромные, а на самом деле их распирало от скрытой гордости и спеси. Блюстители религии, наоборот, выступали важно, с нарочитой медлительностью и величием.

Сопровождаемые ловкими, расторопными и сладкоречивыми тойбаши, знатные гости торжественно следовали дальше, в первую мужскую половину байского двора. Через некоторое время они столь же церемонно возвращались, поглаживая маслившись после жирного плова бороды и внушительно отрывивая. У каждого под мышкой был большой узел с лепешками, фруктами, сладостями. Особенно объемистыми были узлы улемов и ишанов.

До простых людей квартала черед еще не дошел. Если в улочке вдруг появлялся какой-нибудь чапан, глаза тойбаши начинали метать искры. Беднягу, обладателя чапана, ненароком, по простоте душевной зашедшего раньше положенного времени, незаметно оттирали к дувалу, шипели: «Почему такая прыть?!» — и так же незаметно впихивали в какую-нибудь соседскую калитку. Мирза-Каримбай в этом отношении

был особенно строг, он заранее предупредил всех тойбаши: «Чтоб никакого нарушения порядка! Каждый должен быть принят в свое время, в своем месте и соответственно его положению и сословию!»

На долю Юлчи выпало прислуживать знатым гостям. Среди такого множества важных людей юноша чувствовал себя очень стесненно: ему все казалось, что он нечаянно толкнул кого-то или наступил кому-то на ногу. Особенно злило Юлчи то, что в покоях, отведенных для пира, было так тихо, точно их залило водой. Все гости говорили шепотом, а у тойбаши словно языки поотрезали: между собой они объяснялись только знаками, распоряжения давали только движениями рук и глазами — подать столько-то блюд плова, принести столько-то подносов фруктов. Ходить здесь нужно было быстро, но бесшумно, руки освободились — сейчас же почтительно сложи их на груди. Даже чайником или чашками загреметь нельзя... Когда выпадала свободная минута, Юлчи отходил к порогу, отчужденно поглядывал на гостей «великого тоя» и думал: «Это не той, а поминки!.. Не понимаю, чем тут можно гордиться и хвастать?..»

III

Освободившись от хлопот по тою, Юлчи прошел в людскую — небольшую хибарку, которая была приткнута в дальнем, глухом углу двора и потому бросалась в глаза среди других построек.

Уже стемнело. Юноша зажег маленькую лампу с отбитым до половины стеклом и сидел одинокий и всеми забытый.

Хибарка была низкая и сырая. На высоком месте¹ ее по земляному полу была разостлана полусгнившая черная кошма; ближе к двери — пол голый. В стенной нише стоял старый ящик, на нем два рваных одеяла и грязная жесткая подушка, набитая шерстью. Здесь ночевали батраки, приезжавшие по какому-либо делу из загородных владений бая.

Юлчи попал в людскую впервые. Занятый обслуживанием гостей, а еще больше по своей застенчивости, юноша, несмотря на обилие угощений на тое, остался полуголодным. Он сидел на кошме, прислонившись спиной к холодной глинобитной стене, и думал: «Что за люди живут в этом доме? Каждый занят только самим собой, а у всех вместе только и заботы — показать свое богатство и важность. Вот я — родственник, а сыт ли я, голоден ли, никто из хозяев даже и не вспомнит...»

Появилась голова Салима-байбачи, не решавшегося войти в это темное, грязное помещение.

— Ты здесь, Юлчибай?

— Ассалам! — из вежливости Юлчи поднялся. — Что же вы так и не показали на тое, Салим-ака?

— В магазине был, — невнятно пробормотал байбача. — Ярмата сейчас нет, — ты заложи фаэтон, съездим в одно место.

— Фаэтон? — широко раскрыл глаза Юлчи.

— А, ты еще не видел? Это как у извозчиков. Уже целый месяц

¹ Высокое место — почетное место в доме, то же, что передний «красный» угол.

ездим. Новый конь, новый фазтон. Он в большом сарае. Сумеешь запрячь?

— Попробуем.

— Давай быстрее!..

...Фазтон остановился на одной из улиц нового города, у подъезда одноэтажного здания, из окон которого лился яркий электрический свет. По обе стороны подъезда выстроился длинный ряд извозчицких колясок.

Салим-байбача сошел с фазтона и, бросив на ходу: «Жди меня здесь!» — быстро взбежал по ступенькам крыльца и скрылся за дверью.

Ночь была темная, туманная. Редкие фонари скупо освещали широкую прямую улицу тусклыми, холодными лучами.

— Как живешь, братец? — легонько толкнул кто-то Юлчи.

Юлчи по голосу узнал Джуру — кучера Джамалбая.

— А, Джура-ака, здоровы ли? — обрадовался он и протянул для приветствия руку.

Джура, окинув внимательным взглядом коня, затем фазтон, спросил:

— Когда купили? Конь мелковат, кажется.

— Говорят, недавно. Я первый раз выезжаю. До этого, наверное, Ярат-ака гонял.

— Скверное это занятие. Будешь скучать, томиться, поджидая хозяина, дрожать на холоде как осенний лист.

— Куда это мы приехали? — поинтересовался Юлчи.

— О, это «седьмое небо». Сюда не каждый может попасть... — Заметив недоуменный взгляд Юлчи, Джура прибавил: — Здесь то самое место, где наши молодые бай развеивают отцовские денежки...

— Ну, что закажем? — спросил Салим-байбача.

— А что покрепче. Я — за коньяк, — ответил хлопковик Джамалбай.

— Нет, я пью красное, — возразил Салим.

Джамалбай, заскрипев стулом, пошевелинулся грузным своим телом, оперся мясистыми руками о стол, покрытый белой скатертью, склонился к Абдушукуру:

— Таби шума? Говорите, Абдушукур!

— Я... — засуетился Абдушукур. — Я и сам не знаю, что мне больше подойдет. Доктора предписывают мне коньяк. Пусть будет коньяк.

Салим-байбача пошутил:

— Вы всегда чокаетесь с Джамалом-ака. Составьте хоть раз компанию мне — пейте красное!

— Человек этот — мой благодетель и наставник, — серьезно ответил Абдушукур.

— Интересно! Каким это образом безграмотный человек, не умеющий поставить своей подписи, может быть наставником такого ученого человека, как вы? — хитро прищурил глаза Салим.

¹ На это всего-то вы и способны?

Абдушукур улыбнулся.

— Из истории известно, что многие святые были людьми неграмотными. Даже пророк наш не был умудрен грамотой, Салимджан!

— О, Абдушукура не переговоришь, его сам бог скроил для разговоров,— отдуваясь, рассмеялся Джамалбай.

Официант принес коньяк и красное вино, а немного погода подал шашлык по-кавказски.

С каждым выпитым стаканом все больше краснели лица приятелей, живой разматывался клубок беседы.

— Пейте, Салимджан, пейте, Абдушукур! — воскликнул Джамалбай.— Короткую жизнь на этом свете надо провести как можно веселее и слаще. Вчера мы малость сыграли в карты, а потом здорово выпили. Так я обскакал там даже одного московского фабриканта — выиграл у него четыре тысячи и в выпивке оставил далеко позади, ей-богу! Он все удивлялся: «Неужели, говорит, мусульмане так пьют? Ну-ка, пейте, пока, как говорится, не остыло».

Абдушукур, довольный тем, что он сидит в ресторане, доступном только богачам, на память начал читать по-персидски рубаи Омара Хайяма.

Вина! Чтоб даже прах мой — даже он! —
Был винным ароматом напоен.
Чтоб путник, у моей могилы проходя,
Был ароматом винным опьянен!

Заметив, что его собутыльники не все поняли, Абдушукур поспешил разъяснить им смысл рубаи.

Джамалбай похвалил:

— Очень занятная песня! Только почему вы сложили ее по-таджикски, а не по-своему?

— Извините, это не по-таджикски, а по-персидски, и не песня, а рубаи... Рубаи поэта Омара Хайяма,— ответил Абдушукур.

— Ах, вон как! — рассмеялся Джамалбай.— Ну, разумеется, для вас сложить что-нибудь похожее так же трудно, как выжать воду из камня. Но вы, мулла Абдушукур, все же попытайтесь, может, что и получится...— Джамалбай передохнул, опрокинул в рот стакан коньяку.— А он, видно, лучше меня пьяница был, этот таджик, как его... Омар Бахрам, кажется?.. Ну ладно, ладно, я немного ошибся. Пусть будет Омар Халлам. А вот вы только и умеете: «Откроем глаза! Будем наслаждаться в цветущем саду науки! Срывайте с глаз завесы невежества!..» А у кого из нас глаза закрыты этими самыми завесами! У меня? У Салимджана? У Хакима-байбачи? Да и все наши баи разумные люди. Они потому и разбогатели, что у них ум есть. Не так ли, Салимджан?

— Глаза у нас открыты, Джамалбай-ака, верно,— вмешался в разговор Салим-байбача.— Но все же между грамотным, ученым купцом и неученым есть разница. Грамотный бай сам разбирается во всем, редко ошибается в делах.

— Это, пожалуй, правильно,— согласился хлопковик.— Взять в пример хотя бы меня. Дела у меня идут неплохо, но в правилах ком-

мерции я разбираюсь мало. Законов не понимаю. Затвердил, встречаясь с русскими, десяток мудреных слов, их в случае чего и пускаю в дело. Детей своих мне хотелось бы учить, да боюсь, не пошатнулись бы в вере.

— Джамалбай-ака, — прищурил пьяные глаза Салим, — если крепко держаться веры ислама и бережно хранить в сердце установления шариата, можно учиться современным наукам, и никакого вреда от этого не будет. Вот сын Саидалима-ака учится в большой школе, называют ее гимназией. И ходит он в школу в фуражке. Вы понимаете: в фуражке!

— Не может быть! — заиграл белками глаз Джамалбай. — Чтоб сын мусульманина и носил фуражку!

— Носит, это я хорошо знаю. Но зато дома он не пропустит за день ни одного из пяти намазов. — Салим поднял стакан. — Выпьем!

— Апельсинов, коньяку!

— Бутылку марсалы!

Абдушукур легонько тронул хлопковика за плечо:

— Разрешите, Джамалбай... одну минуту. Хочу дать маленькое пояснение... Я уже много раз говорил вам, хотя, к сожалению, в разъяснении моих истинных намерений еще не имею должного успеха. Главная идея вашего покорного слуги такая — повторяю это еще раз: наши бай, бай-мусульмане, должны полностью завладеть национальным капиталом. Иначе говоря, вся торговля в Туркестане должна быть в руках наших баев. Пусть они сами отправляют отсюда свои товары в Москву, в Варшаву и другие города и сами же привозят товары оттуда. Я хочу сказать: надо прижать хвосты всем посредникам — еврейским и русским купцам. Но, чтобы добиться могущества национального капитала, Джамалбай-ака, необходимо знать экономические науки. Необходимо быть сведущим во всем, не отставать от веяний времени. Верно, разумные деловые люди у нас есть, и число их множится. Однако этого не достаточно. Надо растить культурных купцов, знакомых с коммерческими науками! Понятны ли вам теперь стремления вашего покойного слуги? Выпьем за национальный капитал.

— За просвещенных коммерсантов! За национальный капитал! — поднял бокал Салим-байбача.

Появилась новая бутылка коньяка, марсала и ваза с апельсинами. Джамалбай еще держался бодро, но глаза Абдушукура глядели уже тупо. Салим-байбача после двух новых бокалов марсалы опьянел. Он безудержно болтал, перемигивался с женщинами.

Жизнь в ресторане кипела. Не умолкая гремела музыка, прибывали новые посетители — хорошо одетые русские купцы и чиновники. Немало тут было и купцов-татар. Бай-туркестанцы занимали всего несколько столов. За одним, заставленным пивными бутылками, столом дремал подвыпивший брат скотовода Султанбека — Арсланбек. Посредине зала, между двумя русскими женщинами, положив на стол тубетейку, сидел сын бая-заводчика — Миркамиль. Он то закидывал ногу на ногу и, морща маленькое, пьяное и без того невзрачное лицо, неумело закуривал папиросу, то подносил женщинам вино и сам выливал им в рот, нашептывая что-то и хихикая. Он вел себя так, будто в ресторане

никого больше не было. За столом в углу расположились четверо широкоплечих крепышей в нескладно сшитых одеждах из дорогих тканей, по-видимому, токмакские или алмаатинские купцы. Эти тоже вели себя так, словно были у себя на складе или собрались на дружескую вечеринку. За их столом, заставленным бутылками, не прекращался громкий хохот. Особенно весел и разговорчив в этой компании был пожилой человек в большой чалме, с белоснежной бородой, но с молодым, как у юноши, румяным лицом.

Салим-байбача усадил рядом с собой какую-то женщину — круглолицую, широкоплечую, с высокой грудью. Женщине было уже за тридцать лет, однако, набеленная, нарумяненная и подпудренная, она казалась гораздо моложе.

— Шампанского! — распорядился байбача.

— Ой, не надо, не надо! — жеманно протестовала женщина.

— Еще чего? Что заказать из сладостей? — еле выговаривая русские слова, бормотал пьяный Салим.

Джамалбай облизнул губы.

— А она -- ничего... Не плоха! — похвалил он и наклонился к Абдушукуру. — Абдушукур, подмигните еще какой-нибудь красавице.

— У этой женщины была приятельница. Очень симпатичная. — Абдушукур оглянулся вокруг. — Они только что были вместе.

— А вы? Вы тоже не отставайте!

— Я полюбуюсь вашими красотками — и с меня довольно.

— Э-э, может ли брюхо быть сытым от одного запаха еды? — рассмеялся Джамалбай и повернулся к женщине. — Мадам, пей, пей, довольна будешь.

— Интересно, — заговорила женщина, кокетливо щуря голубые глаза, — мусульмане или совсем не пьют, или, если уж начнут, не удержишь. Удивительный вы народ — азиаты...

Чокнувшись с Салимом, а затем и с остальными, она выпила шампанского и, кокетливо играя глазами, приняла на себя роль хозяйки: сама наливала мужчинам вино, настойчиво угощала. Пробежав глазами меню, заказала самые дорогие кушанья, вина. Говорила она без умолку и, может быть, потому, что он казался ей самым солидным и в то же время щедрым и простодушным, обращалась чаще всего к Джамалбаю. Многих ее шуток хлопковик не понимал. Он показывал женщине толстый красный язык, покачивал головой и просил Абдушукура:

— Послужите мне за толмача. Насмехается, что ли, надо мной эта красотка?

— Нет, она влюбилась в вас. Все ее чувства и помыслы заняты вами.

— Какая там любовь! Тут зацепка — деньги... Есть у тебя деньги — всем будешь нравиться, тебя и ангел обнимет. Наше время — время денег... Спросите, как звать эту красавицу?

— Анна, — ответил Абдушукур.

К столу подошла женщина — молодая, высокая, красиво и со вкусом одетая. Женщина с улыбкой наклонилась к Анне, о чем-то долго шептала. Потом обе рассмеялись, и она собралась было отойти, но

Джамалбай схватил ее за руку, пододвинул свободный стул и, хлопая ладонью по сиденью, несколько раз настойчиво повторил:

— Садись, мадам, садись!

Женщина с минуту колебалась, потом молча, нерешительно присела. Анна нахмурилась, вздохнула. Во взгляде ее промелькнуло выражение ревнивого недовольства.

Снова посыпались заказы, появились новые кушанья, вина, вазы с гранатами и яблоками. Попойка разгоралась.

Подняв верх фазтона, Юлчи прикорнул на холодном, обитом кожей сиденье. Сильный мороз жег лицо, больно шипал за уши. Немели пальцы ног, в пустом желудке, казалось, гулял холодный ветер.

Время далеко за полночь. На улице — ни души, если не считать полицейских да одного-двух пьяненьких прохожих. Только около ресторана все еще не замирало движение. Подъезжали и отъезжали извозчики, слышалось щебетанье женщины на незнакомом для Юлчи языке, смех мужчин...

Джуря долго рассказывал все, что знал и слышал о попойках и кутежах хозяев. Потом предупредил: «Можешь спать. Сегодня хозяева будут здесь до рассвета». Он свернулся на своей коляске и умолк. Но Юлчи — потому ли, что его беспокоил голод, или с привычки — уснуть не мог.

Неожиданно послышался сиплый, пьяный голос:

— Юлчибай, ты здесь?

Юлчи встрепенулся:

— Салим-ака? Что, поедем?

— Не т-то-торопись!

Юлчи выпрыгнул из фазтона. Салим-байбача стоял в трех-четыре шагах, обняв дерево, — его стошнило. Пошатываясь, он подошел к Юлчи, схватил его за руку:

— Ид-дем! Сейчас же! Фа-фазтон будет стоять. В-волки его и-не съедят.

Не обращая внимания на протесты Юлчи, упрямый, подвыпивший байбача потащил его, крепко вцепившись в рукав халата.

Когда они вошли в шумный, залитый светом зал, у Юлчи закружилась голова — так ослепительно ярок был свет и так все здесь было для него необычно. Ошеломленный и растерянный, юноша на миг задержался у двери и потерял из виду Салима. Он беспомощно озирался по сторонам, разыскивая хозяина, и очень обрадовался, когда взгляд его нечаянно натолкнулся на Абдушукура, который подавал ему какие-то знаки. Пересилив робость и смущение, юноша подошел к столу, но, как только опустился на указанный ему стул, снова растерялся и сидел, не смея поднять глаз.

Салим-байбача налил полный стакан вина, поставил его перед Юлчи:

— Пей! И принимайся за еду!

— Благодарствую, я не пью.

— Джуре покажи только выпивку — с крыши прыгнет. Ты промерз на улице — пей, джигит! — снисходительно проговорил Джамалбай.

Но Юлчи пить не стал. У него и к еде пропала охота. Он взял только палочку остывшего шашлыка.

Обе женщины — Анна и Мария — бесцеремонно рассматривали парня, перешептывались, посмеиваясь над его простотой и скромностью. Мария, наполнив стакан густым красным вином, встала, подошла к нему.

— Вино яхши, яхши,— говорила она, поднося стакан к губам Юлчи.

Ощувив запах вина, тот сморщил лицо, покачал головой:

— Нет, не буду!

Мария спросила у Абдушукура, как по-узбекски «пей», и продолжала настаивать:

— Ич, геркулес, вино яхши...

Чтобы не показаться смешным, Юлчи взял стакан, в два глотка опорожнил его и вытер ладонью губы. Женщины громко рассмеялись. Анна, не желая отставать от Марии, тоже попыталась угостить Юлчи; она уговаривала его с такими ужимками, будто он был малым ребенком. Юлчи резким движением руки отстранил стакан и даже отвернулся.

В это время кто-то толкнул его в спину. Джигит оглянулся: за ним стоял высокий, полный старик с окладистой бородой и прямыми, подрезанными в скобку волосами, блестящими, точно смазанные маслом. Юноша принял его за русского купца.

Старик что-то говорил сердито и указывал на дверь. Юлчи вспыхнул, поднялся, но Салим-байбача приказал ему остаться и бросил старику несколько слов по-русски. Тот пожал плечами, точно хотел сказать: «Это не в моей воле», но потом вдруг смягчился и, довольный, даже ухмыльнулся в бороду.

Абдушукур успокоил Юлчи:

— Сиди. Старик согласился получить «на чай». Это швейцар, по нашему — привратник.

Салим-байбача, поддерживая одной рукой локоть Анны, поднял бокал:

— Выпьем!

Джамалбай все еще держался бодро. Толстыми, мясистыми пальцами он поглаживал то изящные, тонкие руки, то колени Марии.

Под влиянием выпитого вина женщины перестали стесняться, держали себя вольно. Глаза их горели, щеки рдели румянцем; без умолку болтали, смеялись.

Абдушукур теперь пил мало, зато много ел. Он прислушивался к беседе за соседним столом. Там сидели двое: один — уже пожилой, по виду знатный человек или коммерсант, а может быть, и то и другое вместе, второй — средних лет, в пенсне, изысканно одетый. Абдушукур принял его за инженера.

— Смотрите! — говорил инженер. — У этих азиатов заводятся европейские порядки. Вот богатые люди пьют вместе со своим слугой, а может быть, даже рабом. Демократия!

Чиновник тоном знатока возразил:

— Нет, азиаты, безусловно, низшая раса. Они абсолютно не-

восприимчивы к цивилизации. Я уже двадцать лет живу в этой жаркой стране и достаточно хорошо изучил психологию здешнего народа. Очень низки по своему развитию. Но у них есть и некоторые особенности, еще не освещенные наукой. Судя по моим наблюдениям, у них, например, довольно развито чувство прекрасного. Они любят цветы. Идет — одежда грязная, рваная, а за ухом цветок. Любят песни, танцы. Но все они трусы, все коварны. Верите ли, среди них вы не найдете ни одного откровенного, искреннего человека!

— Многие восторгаются музыкой и мелодиями дикарей, негров например. А какова музыка у этих? — спросил инженер.

Чиновник опорожнил бокал, вытер губы и бороду салфеткой и уверенно пояснил:

— Возьмут в руки блюдо какое-нибудь или поднос и начинают греметь и орать. От такой «музыки» мы с вами за десять верст убежим. Но слушают они с исключительным вниманием. Есть и музыкальные инструменты, но очень примитивные. У них, между прочим, глупейшая привычка: сидеть на полу, поджав ноги. Для нас это мученье, а для них, видите ли, отдых! В местном доме, пусть это будет бедняк или богач, имеется одна пиала, из которой все пьют по очереди. Две пиалы — это уже нарушение обычая и почитается за великий грех...

— Василий Иванович! — обратился инженер, отпив глоток вина и положив в рот кусочек бифштекса. — В этих местах я новичок. До сих пор не видел даже азиатской части Ташкента. Откровенно говоря, один я побаиваюсь туда идти. При всей любви к цветам и музыке здешний народец остается диким. Вчера я получил из Петербурга письмо. Жена беспокоится, просит быть осторожным. Если вам позволяет время, не откажите побывать со мной на досуге в старом городе.

— Охотно... Вы попадете в средние, а может быть, даже и в более ранние века. Увидите дикие, но прекрасные картины!.. Это особенно интересно для вас, для петербуржца... Возвратитесь в столицу, расскажете о своих впечатлениях. О, я уверен, это прозвучит там как сказка...

Абдушукура так и подмывало вмешаться в разговор, предложить свои услуги петербуржцу, но он никак не мог найти удобного предлога. К тому же внимание его было привлечено только что поданным новым блюдом.

Салим-байбача окончательно опьянел. Сам он пил мало, но делал все новые и новые заказы. Стол их был загроможден целыми батареями бутылок, тарелками, всевозможными приборами. Анна и Мария кокетничали, хохотали, пили сами и уговаривали пить баев.

От шума и музыки, от винного перегара, запаха духов и пудры у Юлчи кружилась голова. Он озирался по сторонам, точно вдруг очутился в незнакомом мире, где все — и обстановка и люди — было чуждым и даже враждебным. Ему казалось, что все, находившиеся в зале, разглядывают его, недоумевают: «Зачем ты здесь? Знай свое место!»

Из головы юноши не выходил случай со стариком, указавшим ему на дверь. Тогда он остался, покоровшись воле хозяина, хотя сердце его готово было разорваться на сорок кусков, а теперь не знал, как бы по-

скорее сбежать. Он проклинал в душе Салима, ругал себя за то, что подчинился подвыпившему байбаче.

Решившись наконец, Юлчи незаметно встал из-за стола, пробрался к двери и выскользнул на улицу. Холодный ветер, ударивший в лицо, показался ему ласковым поцелуем. Он подошел к дремавшему коню, обнял его за шею; расчесывая пальцами гриву, гладил по голове и доверчиво, как другу, шептал:

— Тебе холодно? Холодно, дорогой мой?..

IV

Юлчи проснулся рано. Крупные хлопья снега бились в маленькое оконце людской, через разбитое стекло залетали внутрь. Старая кошма, на которой спал Юлчи, отсырела, противно пахла прелью и овечьим потом.

Юлчи поднялся, набросил на плечи тонко стеганный ватный халат, надел уже изрядно послужившие другим батракам старые, стоптанные сапоги с опойковыми голенищами и со сплошными, грубыми, как лубок, союзками, подвязался поясным платком и отправился на конюшню. Он сгреб навоз, почистил ясли и уже принялся резать на сенорезке клевер, когда в конюшню вошел Ярмат. Оказалось, что хозяин распорядился оставить арбу на пару дней в городе: назавтра предстояла свадьба и арба могла понадобиться.

Подседлав коня, который ходил в арбе, Ярмат повел его к выходу. Затем обернулся, подозвал Юлчи:

— У старшей хозяйки есть поручение. Она наказала было мне, да у меня спешное дело, и я сослался на тебя. Зайди к ней. Да не забудь!

Юлчи миновал крытый проход, ведущий в ичкари, постучал кольцом калитки.

— Позови старшую хозяйку, — попросил он мальчика, выбежавшего из ичкари на стук.

Вскоре к калитке медленно, вперевалку подошла Лутфиниса, одетая в дорожную, крытую черным бархатом шубу и теплый пуховый платок.

— А, Юлчибай!

— Здравствуйте, тетя! Поздравляю с тоем! У вас ко мне дело?

— Да, — Лутфиниса понизила голос почти до шепота. — Запрягай коляску. Говорят, где-то неподалеку есть знахарь. И будто наговор того человека самый верный... Нури к нему поедет. Только смотри никому об этом ни слова... Лучше всего съездить сейчас, пока дядя твой на базаре.

— Хорошо, тетя, хорошо.

Юлчи повернулся было, но Лутфиниса остановила его.

— Постой, не спеши. Подойди-ка сюда. Коляску подашь вон в тот переулок, рядом. Нури подойдет туда: соседи чтоб не осудили. Для них, сгинуть им, не доступны — худо, и переступи — не люблю. Понял?

— Сейчас будет готово, тетя.

Юлчи поджидал Нури в условленном месте. «Не уловка ли это? — думал он. — В самом деле, поездка к знахарю, наговор — это, конечно, только повод... Девушка, наверное, хочет повидаться со мной. Она ведь

очень хитрая и смелая... все может... А вдруг она скажет: «Я люблю тебя. Отец с матерью насильно выдают меня за какого-то байбачу. А мне никого не надо, кроме тебя...» Что тогда делать? Что я ей отвечу?»

Юлчи и верит и не верит своим догадкам. Фантазия рисует ему картины их бегства, ярких, необычайных приключений. А он смотрит на холодное, хмурое небо, швыряющее на землю хлопья снега, и только тяжело вздыхает...

Из переулка напротив, скрытая под шелковой, вишневого цвета паранджой, торопливо вышла Нури. Не поднимая чачвана, девушка оглянулась по сторонам и затем уже подошла к фазтону:

— Где вы запропали, Юлчи-ака? Неужели до сих пор работа в поле не кончилась?

— Работа всегда найдется. Да и не в моей воле жить там, где хочу,— негромко заметил юноша.

— Вот и свадьба моя пришла. И так неожиданно... Хорошо, что вы подоспели.— Девушка тихонько рассмеялась.

— Садитесь в коляску,— потухшим голосом предложил Юлчи, подбирая вожжи.

— Подождите. Должна подойти женщина... будет сопровождать меня.

Нури уселась в коляску и принялась жаловаться:

— Как назло, снег пошел. Ехать за наговором по такой погоде! А все выдумки матери. Ей бы только ворожить!.. Сидела я в тепле, а тут... Ну его, знахаря этого...

Юлчи вспомнил свои недавние раздумья, сомнения и невольно расхохотался.

— Чему вы смеетесь? — настороженно спросила Нури.

Юлчи замялся было, но быстро нашелся:

— Так просто, сестрица. Чего на свете больше всего? Смеха да слез. Плакать джигиту не к лицу, вот я и смеюсь.

Нури поняла его по-своему:

— Знаю... Вспомнили ту ночь... Теперь смеетесь. Что ж, смейтесь...

— Нет, нет!.. Не думайте так!..

К ним, скользя и спотыкаясь, приближалась женщина в старой, рваной парандже.

— Сгинуть бы и снегу и капишам моим, еле добежала. Нури-ай¹, вы очень, видно, чисто вылизали сегодня дно горшка?²

— Нет, тетушка Хайри, совсем не лизала,— рассмеялась Нури.

— Коляска у вас какая мягкая, а! Сидишь, как на плюшевом одеяле. Прямо души улада! — тараторила женщина, усаживаясь рядом с Нури.

Миновали Хадру и Ахун-гузар. Следуя указаниям тетки Хайри, Юлчи свернул в узкую улочку и остановил лошадь перед покосившейся калиткой какой-то полуразвалившейся хибарки. Женщины тотчас скрылись за калиткой.

¹ Ай (луна) — употребляется как постоянная приставка к женским именам, а при фамильярно-ласковом обращении может быть прибавлена к любому женскому имени.

² Примета к снегу или дождю.

Снег уже покрыл толстым слоем крыши, пригнул ветви деревьев и все сыпал и сыпал. Неподалеку суежилась кучка ребят. Одежка на всех еле держится; у иных через рваные голенища ичигов свисают грязные портянки, иные же и вовсе в старых галошах или капишах, из которых вместо портянок точала по бокам солома. А лица у всех радостные, возбужденные,— первый снег преобразил неприглядную улочку и принес для них новые игры. В переулке звенели крики, смех.

Часть ребят, разделившись на две партии, играла в снежки. Человек пять-шесть катили в сторонке большущий, выше своего роста, снежный шар. Мальчишки поминутно дули на замерзшие руки, совали пальцы в рот и под мышки...

Юлчи с интересом наблюдал за игрой ребят. От волнений и дум, занимавших его полчаса назад, когда он поджидал Нури, не осталось и следа. Теперь для него все стало ясно. Девушка, не так давно шептавшая ему горячие слова любви, даже не считала нужным скрывать свою радость, что выходит замуж за другого.

Поведение Нури, понятно, задело самолюбие джигита. Но он трезво смотрел на жизнь, хорошо понимал свое положение в доме Мирзы-Каримбая и с самого начала сомневался в искренности чувств Нури. Он нашел, что такой конец вполне естествен.

Юлчи смотрел на ребят и вспоминал свое детство, кишлачных товарищей. Он тоже рос живым, как огонь, и веселым. Как и все кишлачные ребята, он с ранних лет пошел на работу, но находил время и для игр. Особенно в зимнюю пору... Только там, в кишлаке, игры затевались не в таких вот узеньких, тесных улочках, а на широкой, открытой площади. Там была высокая, покрытая зеркальным льдом гора, с которой скользили, кувыркались, летали на санках...

Брошенный чьей-то не очень меткой рукой крепко умятый снежный комок, видимо, сделал перелет, скользнул по голове Юлчи, сбил набок тубетейку. Среди мальчишек послышался смех. Рассмеялся и Юлчи. Ребята после этого осмелели, подошли ближе. Поблескивая глазами, они любовались коляской, конем. Эх, вот бы сесть в такую арбу, припустить рысака и, покрикивая: «Пошт, пошт!» — прокатить по городу, удивляя прохожих. Кое-кто из ребят старался дотянуться до лошади, другие трогали и поглаживали коляску: из чего она сделана — такая блестящая?

Возле фаятона завязалась оживленная беседа. На Юлчи посыпались вопросы:

— За сколько купили такую арбу, ака? — поинтересовался, видимо, самый бойкий из ребят.

— Об этом надо спросить у хозяина, мне откуда знать, — рассмеялся Юлчи.

Кто-то из мальчишек с ребяческой прямоотой пояснил:

— Была бы коляска его собственная, ака не носил бы такой старый халат и такие рваные сапоги.

— А что, отсюда... ну вот прямо отсюда до Шейхантаура скоро можно доехать? — полюбопытствовал третий, шустрый, быстроглазый мальчик.

— Не успеешь и глазом моргнуть.

— А до нашего двора? — вырвалось у кого-то из ребят.

Улицу огласил звонкий хохот:

— Откуда этому человеку знать, где твой двор?

Ребята весело хохотали. Вздрагивая всем своим крупным телом, вместе с ними смеялся и Юлчи.

По-прежнему проклиная снег и свои капиши, из калитки вместе с Нури вышла тетка Хайри. Нури, прежде чем опуститься на сиденье, стоя в фазтоне, высвободила руки, украшенные парными золотыми браслетами, поправила паранджу. А тетка Хайри уже докучливо зудела:

— Нури-ай, я для вас послужила, теперь и вы для меня постарайтесь. Шепните вашей матери: дайте, мол, ей аршина четыре ситца. Это на шаровары мне. Только смотрите не забудьте, дай вам бог до старости дожить вместе с вашим суженым.

Нури досадливо отмахнулась:

— Обещала же, зачем тысячу раз напоминать!

— И этому джигиту дай бог хорошую невесту,— продолжала тараторить тетка Хайри, показывая на Юлчи.

— А мне послужить ему на тое,— громко рассмеялась Нури.

Юлчи, будто он ничего не слышал, взмахнул длинным кнутом:
— Чу!

Снег, подгоняемый ветром, сыпал прямо в лицо. А в ушах звенели голоса оставшихся позади ребят.

Дома Юлчи распряг коня, отвел его в конюшню и прошел в людскую. Он забился в угол, подальше от разбитого окошка. От стен хибарки несло сыростью, плесенью, холодом. Во дворе тысячами белых мотыльков кружились хлопья снега. Завывал ветер. Громко каркали вороны, радовавшиеся зиме и снегу...

А Нуриниса прошла в комнату матери, выложила из кармана заговоренные знахарем щепотку чая, несколько кусков сахара, присоединила к ним рубашку для первой брачной ночи (тоже с наговором) и «приворот» — листок бумаги, исчерченный с обеих сторон вдоль и поперек какими-то буквами, таинственными знаками, линиями, от которых, по словам знахаря, в сердце жениха должна была загореться неугасимая вечная любовь, завязала все это в платок и спрятала в известное ей укромное место.

Покончив с этим, Нури принялась бродить по комнате. Не зная, чем занять себя, она осмотрела сшитые к свадьбе одеяла, подушки. Девять плюшевых и девять шелковых одеял были сложены так, что верх стопы поднимался до самого потолка. А напротив возвышалась гора белоснежных пуховых подушек... Вчера при виде редких и дорогих подарков, присланных женихом, загорелись завистью глаза даже у самых сдержанных женщин. Слава об этих дарах теперь унеслась, наверное, по всему городу. Но добро это было уложено в сундуки, и у Нури не было желания пересматривать все снова. Нури взяла только маленькие золотые часики с длинной цепочкой и с бриллиантами на крышке,

осмотрела их со всех сторон, приложила к уху. Послышалось размеренное «чик-чик, чик-чик». Но, как неграмотному книга, часы ничего ей не говорили. Вчера она хотела попросить кого-нибудь показать, как ими пользоваться, и потом раздумала: «Останемся вдвоем с мужем в красивой убранный комнате, он сам научит за веселой беседой и шутками».

Исполненная самых радужных надежд и заманчивых мечтаний, Нури не знала, как убить этот последний день, отделявший ее от долгожданного счастья. Однако в присутствии матери, невесток и других женщин она скрывала свои чувства: лицо ее было печально, глаза томно прищурены, точно и в самом деле ее угнетала предстоящая разлука с отчим домом и она далека была от всех радостей той. Невестки и близкие знавшие Нури женщины догадывались, что все это лишь притворство, но легковверная Лутфиниса страдала, глядя на дочь, и изливала свое горе перед каждой попадавшейся на глаза гостьей.

Осторожно открыв дверь, в комнату вошла молоденькая девушка с полным совком горячих углей для сандала. Это была дочь Ярмата Гульнар,— высокая, стройная. Лицо ее, белое, нежное, с мягким, незаметно сужающимся к низу овалом, светилось ясной, почти детской улыбкой, тонкие брови казались нарисованными, а глаза — большие, карие, с выражением задумчивого удивления — отражали в своей глубине весеннюю чистоту девической души, сияли из-под длинных, густых ресниц умом, благородством и ласковой теплотой. Но одета была Гульнар в обычную одежду батрачки: на плечах — короткий, на тонкой ватной подкладке камзол из простой бумажной ткани, под камзолом — выцветшее ситцевое платье, на голове — красный, давно вылинявший ситцевый платок, на маленьких ножках — грубые поношенные капиши...

— Скучаете, Нури-апа? — спросила Гульнар, высыпая угли в сандал.

— Истомилась я. Кажется, сердце кровью истекло, — недовольно проворчала Нури. — С самого утра одна сижу. И ты, чтоб тебя, хоть бы раз заглянула сюда. Я и чаю еще не пила и крупинки в рот не брала.

— Зачем обманывать? Вы же куда-то ездили, только сейчас вернулись, — улыбнулась Гульнар.

— А ты все присматриваешься, до всего доискиваешься, тихоня, — неприязненно бросила Нури. — Дай быстрее умыться. Неси теплой воды!

— Вода готова, сейчас принесу, — покорно, но без всякой робости ответила Гульнар. — Что сделаешь, Нури-апа, с самого рассвета даже не присела. Комнаты полны женщин, каждой надо чаю поднести. А там кушанья подать, за ребятами присмотреть. Покои на первом дворе приборала — старшая хозяйка велела...

— Отец дома? — оборвала девушку Нури.

— Нет. Из мужчин только Юлчибай-ака в людской. — Гульнар стыдливо улыбнулась. — Я не знала, потом нечаянно увидела его — и бегом сюда. О калитку ударилась, чуть голову не проломил.

— Нарочно, наверное, показала, — скривила губы Нури. — Ты ведь дошла, хоть и молодая.

Гульнар пожалела о своей откровенности и начала оправдываться:

— Вот умереть мне, сестрица, если нарочно! Подождите, знаете, как это было?..— Гульнар опустила на корточки перед сандалом и продолжала: — Прибрала я все комнаты, вынесла во двор одеяла, выбыла. Потом там же, на месте, вымыла и перетерла всю посуду. И вот нечаянно глянула на окно людской, а там Юлчибай-ака стоит. Я бегом к калитке. Вот и все. «Нарочно!» Как это так — нарочно?

Нури поинтересовалась:

— А раньше видела его?

— Издали, раз или два, тоже случайно.

— Нравится он тебе?

— Оставьте, сестрица, что за разговор! — Гульнар покраснела и торопливо вышла из комнаты.

Нури опять осталась одна. В памяти девушки вдруг возникла картинка короткой встречи с Юлчи жарким летом в саду. Затем она вспомнила жуткие и сладостные минуты свидания осенней лунной ночью на айване. Губы ее дрогнули, а сердце забилося так, будто эти мгновения снова только вот сейчас были пережиты. А потом душу ее охватил страх: как это она тогда сохранила себя? Чья честность, разум и самообладание спасли ее от позора?.. Если бы и джигит так же легко поддался тогда увлечению, разве могла бы она мечтать о такой свадьбе? Нет! Ей пришлось бы или покончить с собой, или бежать куда-нибудь с батраком и нищенствовать, выпрашивая кусок хлеба.

При мысли о нужде, о бедности Нури вздрогнула. Радуюсь за себя, подумала: «Он хороший, честный джигит. Один у него недостаток — бедность. Ах, почему он не байбача!..»

Свадьба была справлена на редкость пышная, богатая и шумная. Незадолго до наступления сумерек в начале улочки, ведущей к дому Мирзы-Каримбая, оповещая о прибытии жениха, разнеслись звуки четырех карнаев и шести сурнаев. Обычно даже самых тщеславных женихов из байбачей сопровождали только две пары музыкантов: два с карнаями и два с сурнаями. А тут — целых пять пар!

Всполошился весь квартал. На крышах домов по обеим сторонам переулка замелькали фигуры женщин и девушек в накинутых наспех паранджах и халатах. А через минуту уже все крыши были заполнены любопытными. Даже древние старухи, способные только целыми днями занимать место у сандала, и те не утерпели: не будучи в силах забраться на крышу, они карабкались на старые, покосившиеся дувалы, только бы взглянуть на этот «подобный ханскому» той.

По старинному обычаю в улочке состоялся «бой» между сторонами: две кучки самых отчаянных озорников ребятишек — одни от квартала невесты, другие со стороны жениха — сошлись на кулачки, потузили друг друга, повозились в снегу. Однако, когда, глядя на ребят, в кулаки стали поплывывать и кое-кто из взрослых парней, с увещаниями выступили старики, и мир был быстро восстановлен.

Толпа щегольски разодетых молодых из самых именитых людей торгового ряда, окружив жениха, проследовала через высокие ворота на первую, мужскую половину двора. Здесь среди наступившей на вре-

мя тишины престарелый имам совершил обручальный обряд. Затем жениха обсыпали конфетами, зерном и серебром и вместе с его друзьями и приятелями пригласили в богато убранные покои для гостей.

А Нури после обряда снова провели в отдельную комнату на женской половине. Невесту окружала толпа подруг — девушек из таких же почтенных семей. На ней было шелковое платье, длинное и широкое, сшитое по-старинному (мать запретила ей в такой торжественный день надевать «модные платья»), голову покрывал большой шелковый платок с вышитыми на нем приличными к случаю двестишиями, на ногах — мягкие, как шелк, цветные ичиги. Грудь Нури распирало от радости, но она, как и во все последние дни, старалась казаться грустной и печальной. И даже когда кто-то из подруг шутя заметил, что Нури во время обряда поторопилась с ответом о своем согласии, она не рассмеялась вместе со всеми, а, разыгрывая из себя наивную простушку, сказала:

— Откуда мне было знать? Я побоялась рассердить почтенного имама и ответила, не дожидаясь, когда он спросит в третий раз...

Угощение жениха, по обыкновению, продолжалось недолго. Окруженный толпой сопровождающих, жених, одетый в длинный, до пят, широкий, расшитый золотом халат, в большой белой чалме, увенчанной красивым золотым венцом, под сотрясающие воздух звуки карнаев и сурнаев вышел из ворот и уже открыто, не прячась, проследовал по переулку. Комнаты ичкари снова наполнились женщинами. Настало время готовиться к провадам невесты. Лутфиниса со вздохами и причитаниями прежде всего велела окурить Нури от сглаза исырком.

Когда Нури, в легкой шубе из лисьих лапок, скрытая под тяжелой паранджой из золотой парчи, вышла из ичкари, женщины высыпали на большой байский двор. Здесь невесту встретил Мирза-Каримбай. Благословляя дочь, он прочел молитву. Голос бая дрожал от волнения, казалось, что старик нарочно растягивает слова, но женщины, точно они чувствовали нетерпение невесты, как только руки бая коснулись бороды, тотчас окружили Нури и в один взмах распростерли над ней широкий, дорогой фаляк¹.

Невеста была готова следовать к свадебному каравану. Песенницы ударили в бубны, завели «Яр-яр!». Песню подхватили десятки женских голосов. Никто из гостей не заметил, как под этот шум вспыхнула короткая ссора между хозяевами. Лутфиниса попросила мужа отправить дочь на фазтоне в сопровождении невесток:

— Разве не лестно будет, если заговорят в народе: «Кто это?» — «Да это же дочь такого-то!»

Бай решительно возразил:

— Пусть едет, как люди, на арбе.

— Вай! Что же мы, хуже Алиходжабая? — запричитала Лутфиниса. — Он проводил свою дочь на парном фазтоне, запряженном двумя аргмаками!

— Довольно! — прикрикнул на нее Мирза-Каримбай. — Зазнайство никого не приводило к добру. Я не вижу причины отступить от ста-

¹ Фаляк — полог.

рины. И время сейчас не такое. Народ начнет осуждать. Скажут, баи совсем сбесились. Как ты не понимаешь этого, глупая!

Свадебный караван состоял из семи арб. В них, кроме невесты с матерью, разместились близкая родня и женщины из богатых домов. Бедные родственницы и женщины, привыкшие объедаться на соседских тоях и поминках, толкаясь в темноте, отправились пешком.

Конем передней крытой арбы, в которую усадили невесту с матерью и жен Хакима и Салима, управлял Юлчи. Он покачивался в седле в такт шагу коня и усмеялся: как чудно складывается жизнь? Девушку, от которой впервые услышал слова любви, он сам теперь везет, чтобы передать в руки другому!

Когда выехали на широкую, мощенную булыжником улицу, Ярмат, большой охотник до всякого рода шумных развлечений, хлестнул лошадь, пытаясь обогнать первую арбу. Юлчи, будто он только этого и ждал, тоже ударил по коню и отпустил поводья. Началась общая скачка всего свадебного каравана. Улицы наполнились грохотом арб, выкриками возниц, звонким «Яр - яр!» женщин.

Юлчи, разгорячившись, хлестнул коня так, что тот взвился на дыбы и чуть не оборвал гужи. Но в это самое время кучка каких-то подростков перегородила веревкой дорогу. Юлчи еле остановил лошадь.

— Тетя! — крикнул он, обернувшись к арбе. — Порадуйте ребят.

Преградившие дорогу кричали:

— Не жалейте, давайте побольше!

— Без выкупа не пропустим!

Лутфиниса достала из узла пару тубетеек, присоединила к ним пятирублевку и протянула Юлчи. Обрадованные таким подарком, ребята пожелали хозяйке:

— За свадьбой свадьбу справлять вам, тетушка!

Немного погодя караван вынужден был задержаться снова: из чайханы выбежали несколько взрослых парней и перегородили дорогу наскоро связанными поясными платками.

Ярмат разозлился, крикнул сзади:

— Что это за шутки! Гони, дави их!

Однако Юлчи сердито оборвал его:

— В этом же самый интерес тоя!

А парни требовали:

— Покажи свою щедрость, мать!

Лутфиниса снова протянула две тубетейки и еще десять рублей деньгами.

В квартале жениха ребята тоже пытались задержать караван, но опоздали, и дело кончилось только шумом и криками.

Наконец свадебный караван прибыл на место. Возницы помогли женщинам сойти с арб и принялись переносить приданое невесты.

Посредине двора жениха горел большой костер. Как только во двор вошла невеста в сопровождении толпы женщин, вокруг костра начались игры, песни, пляски. Лучшие ташкентские песенницы завели веселую, живую свадебную: «Яблокам, гранатам твоим слава! Саду-огороду твоему слава!» Звонко загремели разогретые у огня бубны. Песенницы пошли в танце вокруг костра.

Нури стояла под распростертым над ней фаляком, окруженная толпой молодых женщин своего квартала. Она с увлечением слушала песни, украдкой из-под чиммата¹ наблюдала за танцующими. Если бы не ребята из квартала жениха, очень уж добросовестно исполнявшие обычай испытывать характер невесты, она, пожалуй, позабыла бы даже о предстоящей встрече со своим нареченным, которую ожидала с большим нетерпением. Мальчишки — ростом с вершок, а щипались очень больно. Пробрется такой озорник между женщинами, ущипнет невесту — и бежать. Нури стискивает зубы, чтобы не вскрикнуть громко, и только порой у нее вырывается невольное приглушенное «ох». На ее счастье, ребята ошибались или озоровали и вместо невесты щипали всех, кто попадался под руку.

Игры у костра закончились около полуночи. После этого невесту со двора провели в просторную комнату, передний угол которой был отделен белым пологом. Здесь женщины разделились на два стана: сторона невесты встала у порога, сторона жениха — перед пологом. Оба стана готовились к борьбе. Согласно обычаю, с обеих сторон вперед вышли «богатыри»: со стороны невесты, перевязавшись поясом, выступила приземистая, круглая, как ступа, женщина, незнакомая Нури, со стороны жениха — сваха, высокая, мужского склада, здоровенная старуха с пучком жиденьких серых волос на подбородке. «Богатыри» закатили рукава, схватились за руки. Им на помощь бросились остальные; тянули каждый в свою сторону, цепляясь вожакам за пояса, за полы. Комната наполнилась шумом, выкриками, смехом. Если у кого-нибудь срывались руки, все остальные теряли равновесие и валились друг на дружку.

После того как обе стороны, потрудившись от души, достаточно показали свою стойкость, сторона невесты, уважая мужское достоинство жениха, начала понемногу уступать. Сторона жениха перетянула «противника» на несколько шагов. Тут по знаку свахи над головами женщин раскинули другой, огромный, почти во всю комнату, фаляк. Из-за полога, прикрываясь тяжелым парчовым халатом, вышел жених. Сваха тотчас провела его под фаляк к невесте. Жених схватил Нури за правую руку, крепко обнял за стан. Поднатужившись, оторвал ее от земли и затем, спотыкаясь на каждом шагу (видно, ноша была не по нему), скрылся за пологом. Здесь он осторожно опустил невесту на постель, покрытую плюшевым одеялом, а сам присел рядом, скрестив по-мужски ноги.

Нури казалась смущенной; она отвернулась, опустила голову, прикрыла лицо кисейным платком. Жених — потому ли, что он стеснялся, или, может быть, ожидал от кого-нибудь знака, — сидел молча.

— Как жарко!.. — будто про себя, тихонько проговорила Нури.

Жених обнял ее одной рукой, второй откинул платок, ласково прошептал:

— Вы довольны, джаным?

Шуря глаз и кокетливо улыбаясь, Нури обернулась. С минуту она смотрела в ослабившееся, щуплое, с жидкими рыжеватыми усиками

¹ Чиммат — покрывало, опускающееся низко на лицо.

личико своего суженого, затем медленно опустила голову и чуть приметно вздохнула...

Женщины, уставшие за время борьбы, несколько утомнились, шум в комнате стих, однако исполнение установленных обычаев правил проходило своим чередом: за «поглаживанием волос» следовало «гляденье в зеркало», затем «радость на родинах» и многие другие, и это служило забавой собравшимся чуть ли не до самого рассвета.

На следующий день, после оживленного, шумного завтрака, снова началось веселье. Во дворе ичкари стали в круг песенницы и танцовщицы. На мужской половине пировали и развлекались друзья и приятели жениха. Молодежь поглядывала через щели, а некоторые, самые нахальные байбачи, даже приоткрывали калитки ичкари и помахивали хрустящими кредитками, зазывая к себе танцовщиц. Старухи шикали на них, ругались, прогоняли.

Незадолго до полудня бородатая сваха вывела молодую невесту «на поклон». Нури в дорогой бенаресской парандже, серебром отливавшей на солнце, остановилась у порога и чуть склонила голову. Лицо ее было прикрыто десятком шелковых платков. Сваха положила на голову Нури правую руку и мужским басом, нараспев провозгласила:

— Ассалам, ассалам! Мухаммаду совершеннейшему салам! Биби-Фатиме салам! Четверем друзьям — сподвижникам пророка салам! Свекрови салам! Деверям старшим и младшим салам!

Так как свекор был болен, то из мужской половины двора вышел старший брат жениха. Все посторонние женщины отвернулись, прикрываясь кто платком, кто рукой. Брат, не глядя по сторонам, быстро прошел через двор ичкари, положил на голову невестки длинную сторублевую кредитку и так же быстро скрылся в калитке. Бородатая сваха ловко подхватила деньги, сунула их в карман и затем открыла Нури. Женщины вмиг расхватили платки, которыми было прикрыто лицо невесты, — все верили, что они приносят счастье. Свекровь осыпала невесту конфетами, серебром, и, пока ребяташки и взрослые чуть не в драку собирали их, старая сваха увела усталую, равнодушную ко всему Нури в комнату.

Во дворе и на террасах было выставлено напоказ приданое невесты, которому дивились все гости. А в комнатах шло угощение — здесь блюдо за блюдом подавались кушанья, сладости.

Перед вечером Лутфинниса зашла проститься с Нури. Старуха с первого же взгляда заметила, что дочь невеселая.

— Что с тобой, доченька? Ты будто не в себе? — спросила она с тревогой.

Нури, стараясь сдержать готовые брызнуть слезы, попыталась улыбнуться:

— Не беспокойтесь, аи. Это от усталости...

Лутфинниса, успокоенная, шепотом на ухо передала дочери несколько последних советов и направилась к двери.

V

Юлчи и Ораз, низко склоняясь над ямой, заменявшей очаг, старались развести огонь. Они дули с двух сторон непрерывно, чуть не касаясь

вытянутыми губами дров, но сырые дрова только шипели, потрескивали и исходили клубами едкого дыма. Дыма было так много, что в нем терялся даже огонек чирака, обычно хоть слабо, но освещавшего жилище батраков.

Юлчи и Ораз задыхались, кашляли:

— Пуф-пуф...

— Пуф-пуф... Кха-кха!..

Шакасым лежал в дальнем углу, прижимая к груди сынишку, стараясь согреть его и усыпить. Он не выдержал и прохрипел из темноты:

— Задушил дым. Откройте дверь! Не подохнем от холода!

— Постой, разгорится же когда-нибудь этот проклятый огонь!

— Пуф-пуф! Ох, дым мне до печенок добрался!

— Довольно! Довольно, говорю, киргиз! — Шакасым закашлялся. — Ваши дрова не загорятся даже среди лета. Сейчас я раздобуду сухих.

На этот раз Шакасыма поддержал и Юлчи:

— В самом деле, бросай, Ораз, я ослеп от дыма. — Протирая слезившиеся глаза, Юлчи на ощупь отыскал дверь и распахнул ее настежь.

Помещение, в котором ютились батраки, служило раньше складом для клевера. В нем -- ни очага, ни окон, ни потолка; с крыши свешивались черные от копоти метелки камыша.

Дым расходился медленно. Юлчи вышел наружу, чтобы немного отдышаться.

Над полями в далекой выси, будто только что раскрывшиеся коробочки хлопка, сияли звезды. Полная луна стояла в самом зените и казалась недвижимой. Под ее лучами белый зимний покров вспыхивал мириадами золотистых искр на открытой поляне, горел бесчисленным множеством аметистовых звездочек там, где голубели тени от оголенных деревьев. При лунном свете скрадывалась даже невзрачность хижины батраков, а наклепленные кем-то и забытые коровьи кизяки на ее стенах казались причудливым орнаментом.

Юлчи прохаживался взад-вперед, поскрипывая подмерзшим снегом, и полной грудью вдыхал морозный воздух.

В двери показался Шакасым.

— Э-ха! — воскликнул он глухим, простуженным голосом, взглянув на небо, и заспешил куда-то на поиски сухих дров.

Юлчи, будто он только и ожидал ухода Шакасыма, тотчас вернулся в помещение. В нос ему ударил прогорклый дымный запах.

— Дверь откроешь — холодно, закроешь — задохнуться можно, а, Ораз? — проговорил он, усаживаясь рядом с другом и поджимая под себя ноги.

— Здесь собаку привяжи — и та не выдержит, — сердито сказал Ораз. — Боюсь, как бы еще не рухнул и не придавил нас этот проклятый хлев.

Юлчи еще ближе наклонился к другу:

— Скажи спасибо, Ораз, и за такую жизнь.

— Вот чудак, да может ли быть хуже этого?

— Послушай-ка, что я скажу, — Юлчи понизил голос. — Когда я

отправлялся сюда, меня вызвал бай и говорит: «Передай Шакасыму, пусть ищет другое место. Он больше мне не нужен. Если можно, завтра с первой же ходкой и свежи его в город...» Что нам делать, как сказать ему об этом?

Ораз тяжело вздохнул:

— И подлый же человек твой дядя! Столько лет заставлял на себя работать, сгори его дом, а теперь выбрасывает на улицу. Да еще среди лютой зимы!

— Хозяин, конечно, не прав, — кивнул головой Юлчи. — Он знает только свою выгоду, думает, наверное: Шакасым остался теперь с ребенком на руках и не сможет работать, как прежде. Попытался было я заступиться: «Подождите, — говорю ему, — хоть до весны. В поле и на Шакасыма работы хватит, без дела лежать не будет». Куда там! И слушать не хочет.

— Заплатит он ему что-нибудь? — спросил Ораз.

— Говорит, что все расчеты между ними покончены.

Ораз выругался:

— Этот скряга не только за харчи и одежду — за воду высчитает!.. Юлчибай, ты пока ничего не говори Шакасыму. Я сперва попробую подыскать для него какое-нибудь место и сам исподволь подготовлю его. — Ораз подумал с минуту и снова вздохнул. — Работает он по-богатырски. Да все равно трудно будет пристроить его сейчас.

— Верно. Старики не зря говорят: «У очага тесно зимой, вставай да иди домой!» А куда он пойдет в такую пору, да еще с ребенком? — с грустью проговорил Юлчи. — Ты все же попытайся договориться с кем-нибудь из окрестных баев. А потом уже скажешь Шакасыму.

— В округе много баев. Но, знаешь, какие они сейчас поставят условия? До весны помоями кормить будут, а весной и летом за эти помои работать заставят. Для баев батрак дешевле ишака! — Ораза от негодования бросило в жар, он скинул с плеч халат и молча устоял на мерцавшую в темноте коптилку. Между бровями у него залегла резкая складка.

— Дада! — послышался жалобный голос ребенка.

Нельзя было понять — во сне ли мальчик закричал или же проснулся от холода. Юлчи вскочил, подсел к нему, ласково погладил по головке:

— Спи, спи, богатырь!

— А ты и гостинца не привез для него с тоя, — упрекнул друга Ораз.

Юлчи махнул рукой:

— Пропади он, этот той. Я завтра ему халвы привезу.

Вошел Шакасым с охапкой дров:

— Ну, разжигайте костер. Совсем сухих нашел!..

Все трое склонились над очагом. Через минуту пламя костра озарило серые глиняные стены, черные от копоти метелки камыша, свисавшие с крыши, красными отблесками заиграло на лицах повеселевших людей.

— «Жаркий огонек что милый муженек», — сказала когда-то одна женщина. И верно! — рассмеялся Шакасым.

— Зимой для бедняка костер — и халат, и постель, и плов.

— А я, как только увижу вечером далеко в поле костер, вспоминаю родной аул,— задумчиво проговорил Ораз.

Шакасым, весело поглядывая на огонь, попросил его:

— Ну-ка, киргиз мой, бери свою домбру да затягивай песню. А тем временем и чай вскипит.

Ораз снял с колышка домбру, некоторое время медленно, будто нехота перебирал струны. Потом увлекся и, чуть прикрыв глаза, запел грустную степную песню. Юлчи и Шакасым слушали, тихонько покачивая головами...

Черный кумган, стоявший у костра, вдруг загредел крышкой, бурно закипел. Юлчи отставил кумган, бросил в него щепотку чая. Пока чай заваривался, сполоснул пиалы.

— Еще бы горсть изюма, и был бы у нас настоящий пир,— проговорил Шакасым, принимая от Юлчи пиалу.

Ораз отложил домбру. Согревшись горячим чаем, батраки ожили, заговорили. Особенно весел был в этот вечер Шакасым. Он рассказывал смешные анекдоты о похождениях Насреддина-афанди и первый же смеялся над ними. Рассказывал он так мастерски, что Юлчи и Ораз, слушая его, покатывались со смеху.

Когда костер догорел и рубиновые угли стали покрываться налетом серого пепла, Шакасым потушил свет и пробрался к сынишке. Юлчи и Ораз, завернувшись в халаты, прилегли у костра.

Помещение наполнила густая тьма. На дворе завыл ветер.

— Опять стало холодно,— послышался из темноты голос Шакасыма.

Юлчи, стараясь укрыть под халатом свое большое тело, ответил:

— Это не людское жилье, а ледник... Ледник!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Вот уже около трех месяцев Нури живет с человеком, которого раньше не видела, не знала и даже имя его услышала от старшей невестки только накануне тоя. Как и всякая мусульманская девушка, она и не подумала противиться тому, что ее выдавали за незнакомого. Какой в этом смысл? Раз сговор состоялся и закреплен фатихой, ей больше ничего не оставалось делать, как покориться судьбе. Сговор, закрепленный фатихой,— это уже наполовину венчание. После сговора обе стороны лишаются почти всех прав на отказ от свадьбы. Обычно отцы и матери вступающих в брак, чтобы «не нарушить фатихи», стараются не замечать даже явные недостатки своих будущих невесток и зятьев.

Были у Нури и другие причины не тревожиться о своей судьбе. Она знала, что ее не выдадут за какого-нибудь бедняка,— это было яснее ясного. Отец и братья не считали достойными не только бедняков, а даже и людей среднего достатка. Поэтому они могли породниться

только с кем-либо из самых знатных баев Ташкента. Не тревожилась Нури и насчет жениха. Если в голове у нее порой и возникали вопросы: «Какой же он из себя? С кем из знакомых можно было бы его сравнить?» — то получалось всегда так, что ответ являлся сам собой и самый благоприятный.

И вот Нури в новой семье. Ее свекор — Наджмеддинбай — очень богат. У него два больших парфюмерных магазина — один в старом, другой в новом городе. Сам он ослеп от старости и уже три года не выходит из дома, но дела семьи в надежных руках — все старания и помыслы его старшего сына Абдуллабая и младшего, мужа Нури, Фазлиддина-байбачи, направлены на то, как бы приумножить отцовское богатство.

И мужская и женская половины дома застроены большими помещениями. Двор ичкари с трех сторон ограничен огромным зданием, опоясанным во всю длину террасой; к четвертой стороне примыкает вишневый сад. Во всех комнатах — ковры, ниши в стенах заполнены горами подушек и одеял, коваными сундуками, полки заставлены дорогой посудой, китайским фарфором. Особенно роскошно обставлена комната Нури: новому человеку могло показаться, что он попал в магазин дорогих вещей.

Завтраки, обеды и ужины в этой семье проходят в строгом, раз и навсегда установленном порядке и в определенное время. В доме ежедневно готовится много сытных и вкусных блюд. Но гости здесь бывают редко. При Нури не было еще ни одной пирушки.

У Нури две свекрови — одна родная, другая мачеха. От старшей жены Наджмеддинбая родился Абдуллабай, от младшей — муж Нури, Фазлиддин. Старшая — «неродная» свекровь — спесивая старуха лет шестидесяти, полная, высокого роста. Она стремится прибрать к рукам хозяйство и держать в повиновении всю женскую половину. Родная свекровь Нури — маленькая, худощавая, лет сорока пяти, еще хорошо сохранившаяся, миловидная женщина. С виду она скромна, молчалива, ласкова, а на самом деле себе на уме.

Уже на второй или третий день Нури пришлось быть свидетельницей стычки между женами бая. По обычаю, накинув прозрачное тюлевое покрывало, Нури должна была приветствовать всю семью, начиная от стариков и кончая грудными ребятами. Неродная свекровь обиделась: «Почему она тебе первой кланяется?» Младшая строптиво ответила: «Вам первой кланялись жены вашего сына!» И они крепко поссорились.

Жены старого бая бранились по всякому пустяку. Но чаще всего причиной ссор было стремление обеих распорядиться хозяйством и нежелание ухаживать за слепым мужем.

Старшая обычно начинала так: «Ты же больше меня любила с ним. И на одну ночь, бывало, не расставалась. Вот и ухаживай. Что ж ты забросила его на старости?»

Младшая не уступала: «Ты — первая его жена. Он ничего не делал без твоего совета. Ты, бывало, чашки похлебки не дашь мне, чтоб кулаком по голове не стукнуть. Хозяйство прибрала к рукам. Только толстеть бы тебе, а о муже и думать не хочешь!»

Абдуллабай, как и отец, имел двух жен. Старшая — Айсара — лет тридцати пяти, болезненного вида, всегда печальная, тоненькая, изящная женщина, еще не утратившая былой красоты. Несмотря на слабость здоровья, она много работает, а все свободное время отдает детям. Каждый вечер, усадив вокруг сандала своих ребят, она читает им старинные повести: «Принцесса Диллирам-прекрасная», «Молодой джигит», «Санабар». Соперница ее — Марьям-хон, русская женщина лет двадцати восьми, — белолицая, высокая, с ясными голубыми глазами.

Марьям-хон попала в этот дом девятнадцатилетней девушкой. Звали ее Марией. Родилась она в Москве в бедной семье, рано осталась сиротой и вынуждена была устраивать свою жизнь сама, надеясь только на свои силы. В Ташкент она приехала с одной купеческой семьей в качестве няни. Здесь-то и увидел ее Абдуллабай.

Желание Абдуллы жениться на русской девушке вызвало много разговоров. Но Абдуллабай добился того, что Мария в присутствии имама квартала прочла символ мусульманской веры, и бракосочетание было совершено по шариату. Собственно, Наджмеддинбай и дал свое согласие на такой из ряда вон выходящий брак только на этих условиях.

Марию одели в мусульманскую одежду, заставили выучить на память несколько молитв и сур из корана. Одну ее не пускали даже за порог дома. Так в течение нескольких лет она стала «настоящей мусульманкой». Если бы не голубые глаза и русые волосы, никто бы не подумал, что она русская. Ни языком, ни привычками — ничем не отличалась теперь Мария от других женщин ичкари. Без напоминаний аккуратно совершала она все пять намазов в день, старательно соблюдала посты. Принималась ли она за какое-нибудь дело или садилась за стол — она никогда не забывала сказать ставшее привычным «бисмилла». Не менее старательно Марьям-хон соблюдала и все обычаи. Закутавшись в бархатную паранджу и набросив на лицо длинную сетку чачвана, она, как и другие узбекские женщины, ходила в гости, посещала тои, поминки, родины.

В Москве, в детстве, Мария училась в школе и кое-что читала. Она до сих пор знала на память некоторые стихи Пушкина, Лермонтова, однако, живя в ичкари, она не видела ни одной русской книги. Однажды знакомая татарская девушка, побывав у нее в гостях, забыла какой-то русский роман. Марьям-хон в тот же вечер стала читать его. Но вошел Абдуллабай и, рассердившись, изорвал книгу в клочки.

— Такие сочинения развратят тебя, приведут к отступничеству от веры! — кричал он.

Марьям пыталась доказать упрямому мусульманину, что чтение русской книги не может угрожать религии, но безуспешно.

— Есть единственная книга, — строго сказал Абдуллабай, — это книга аллаха — Коран! Другие книги и за книги не считай, цена им всем — грош. Если у тебя есть желание читать Коран, я научу тебя сам.

Некоторое время Марьям-хон тайно перечитывала обрывки русских книг и газет, попадавшие в дом в виде пакетов, но после отказалась и от них.

Первые годы Марьям никак не могла свыкнуться с тем, что у мужа есть вторая жена. Но с течением времени она свыклась и с этим и, по примеру других женщин ичкари, то мирилась со своей соперницей, то ссорилась снова.

Во время одной из таких ссор Нури пошутила:

— Опять между вами черная кошка пробежала!

Марьям-хон, чтобы позлить Нури, в свою очередь пообещала ей:

— Подождите, мы и вам подыщем соперницу!..

Это было сказано в шутку, и все же сердце Нури с тех пор нет-нет да и встрепенется: «В этом доме брать двух жен стало обычаем. А вдруг мой муж вздумает пойти по отцовской дорожке, что я буду делать?.. Эх, за кого я вышла!..»

Фазлиддин и в самом деле несколько не походил на тех джигитов, образы которых рисовались когда-то девическому воображению Нури. Она была глубоко разочарована еще в день свадьбы, когда под шум и смех разгоряченных борьбой женщин очутилась за брачным пологом и впервые взглянула на мужа. А ведь с тех пор прошло немало времени и недостатки байбачи стали для нее еще яснее.

Правда, Фазлиддина нельзя было назвать безобразным — молодой, лет двадцати трех, среднего роста, подвижный, с быстрым взглядом карих глаз. И одевался он прилично, не хуже других купеческих сыновей, хотя и без шегольства. Но все-таки в нем чего-то не хватало, чувствовалось какое-то, на первый взгляд будто бы и незаметное, нарушение пропорций, точно у недоноска, который в самом начале своего существования был лишен нормальных условий развития. Он был какой-то хилый, шупленький, лицо непропорционально узкое с недоразвитым подбородком, усы жиденькие, рыжеватые, почти бесцветные, глаза маленькие, бегающие.

Каждое утро в одно и то же время, ни минутой раньше, ни минутой позже, Фазлиддин без завтрака уходил в магазин, а в сумерки, как правило, возвращался домой, обедал обязательно в семье и затем шел проведать отца. Лишь после вечерней молитвы он проходил в свою комнату и со стариковскими вздохами усаживался к сандалу напротив Нури и сидел молча, опустив голову. Часто, возвратившись к себе, Фазлиддин закрывал дверь, опускал на окна шторы и допоздна считал деньги. При этом он хмурил брови и что-то бормотал про себя. Закончив счет, байбача завязывал деньги в большой платок и передавал узел жене:

— Положи в сундук, завтра Абдулла-ака заберет. — Потом протягивал ногу и кивком головы приказывал Нури снять ичиги.

В один из вечеров, когда Фазлиддин, опустив голову, по своему обыкновению, дремал у сандала, Нури не вытерпела и в первый раз рассердилась:

— Неужели вы не можете поговорить со мной о чем-нибудь? Что это — сидите скорчившись, будто нищий, потерявший суму! Посмотришь на вас — сердце кровью обливается!

Фазлиддин виновато осклабился, обнажив редкие кривые зубы; не меняя положения, кротко сказал:

— Ты обижаешься? Напрасно. Подумай, со сколькими людьми мне

приходится говорить за день! Так почему же и не помолчать, не отдохнуть дома?

— В магазине у вас есть приказчики, — горячо заговорила Нури. — Пусть они работают, занимают покупателей. А вы будьте хозяином, сидите и наблюдайте. Вам можно попозже прийти, пораньше уйти. Вы знатные богачи. Заведите себе фазтон, пользуйтесь радостями жизни.

— Верно, мы крупные бай, — согласился Фазлиддин, снимая тюбетею и очищая ее от невидимых пылинков. — Наше богатство не только фазтон — и автомобиль поднимет. Но богатство-то отцовское! Я пока прибавил к нему очень мало. Дай срок, прибавлю еще и сразу заставлю заговорить о себе. Все хорошо в свое время. Однако и тогда в магазин все-таки я буду уходить рано и возвращаться поздно. Что поделаешь, такой обычай у нас, купцов. Другим нельзя доверять. Если бы я мог со всем управиться, я не держал бы ни одного человека... Но иного выхода нет — всюду сам не поспеешь. Сейчас трех приказчиков держим — и то трудно приходится.

— У вас все помыслы в торговле. Вы и во сне торгуете да деньги считаете, — усмехнулась Нури.

Фазлиддин смущенно опустил голову.

— Я, кажется, сплю спокойно.

— Где там!

— А что ж, может быть, — согласился байбача. — Рыба и плавает в воде, и спит в воде. Ничего удивительного, если я, плавая в торговле, и сплю в торговле. Ну хорошо, стели постель, — Фазлиддин помолчал и набожно вздохнул. — О боже всемилостивый, не оставь меня в своих щедротях!..

Нури никогда и в голову не приходило, что у нее может быть такой муж. «И это джигит, байбача! Что мне в его богатстве!..» — злилась и роптала она на свою судьбу. Однако, чувствуя себя бессильной что-либо изменить, Нури запрятала свою обиду глубоко в сердце и ни с кем, даже с матерью, не обмолвилась об этом ни одним словом.

...К полудню во дворе не осталось и следа от выпавшего ночью снега. Земля на солнцепеке поднималась словно тесто, дышала легким, быстро исчезающим паром. С крыш по жестяным водосточным трубам журчала вода. Она падала в подставленные под трубы ведра и пузатые глиняные кувшины, пела звонкими голосами веселых струй и озорной трелью частых крупных капель. А голубое небо было такое чистое и такое ясное, что от него не оторвать глаз.

Нури открыла окно. Лучи солнца залили ковры, заиграли на китайском фарфоре, на серебряных кувшинах, на гладкой светлой трубе граммофона, но все это давно уже наскучило молодой женщине, и она ничего не замечала.

В дальнем конце двора неожиданно показалась девушка, закутанная в старенькую паранджу. Нури, истомившаяся от скуки, обрадовалась ей, как дорогой, желанной гостье, бросилась навстречу в переднюю.

— Что такое, Гульнар? Почему вы пропали без вести? — заговорила она, вводя девушку в комнату.

— Зима, холод, грязь, Нури-ала. Что, соскучились? — Гульнар

сбросила паранджу, протянула Нури завернутое в скатерть блюдо.— Блинчики с рубленным мясом,— пояснила она.

Нури капризно повела плечом:

— Здесь тоже часто и вкусно готовят блинчики. Ты всякий раз с чем-нибудь приходишь. Больше никогда ничего не приноси!

— Это старшая хозяйка — с пустыми, говорит, руками не ходи,— и заставила взять,— оправдывалась Гульнар.

Нури окинула девушку внимательным взглядом:

— Неужели мать не нашла тебе других ичигов? Смотри, в них стыдно на люди показаться!

— Ничего, никто не увидит,— усмехнулась Гульнар.— Я прямо от вас и домой. Да кто станет смеяться над дочерью бедняка!

— Хоть бы починить отдала их!

— Отец говорил, Юлчибай-ака починит, да ему, видно, все некогда. Сердце Нури дрогнуло.

— Разве Юлчи в городе? — оживилась она.

— Давно уже.

— И умеет чинить обувь?

— Отец говорит, он сам починил себе сапоги. Ходил в мастерскую Шакира-ата — сапожника, потому что своего инструмента нет.

Обычно, когда Гульнар приходила, Нури поручала ей какую-нибудь работу по дому. Но сегодня она усадила девушку к сандалу, разостлала дастархан и принялась расспрашивать.

Гульнар сообщила Нури все домашние новости. Рассказала, как скучает по дочери Лутфиниса, как часто видит ее во сне и потом целыми днями не отводит глаз от калитки, поджидая ее в гости. Затем передала наказ матери — в следующую пятницу обязательно быть вместе с Фазлиддином на пирушке, которую намерен устроить Хаким-бай-бача.

— На этой неделе я и сама собиралась побывать у вас. Уже целый месяц не видела матери, хоть один вечер хотела провести с ней,— сказала Нури.

— А еще через неделю и Салим-ака собирается пирушку устроить.

— Вот и хорошо,— рассмеялась Нури,— будет предлог побывать у вас еще раз.

Незаметно разговор снова перешел на Юлчи. Нури хотелось как можно больше знать об отношении к нему Гульнар. Девушка говорила откровенно, ничего не скрывая. Она рассказала, что стирала Юлчи белье, починила ему халат и рубашку, что Юлчи часто бывает у них и Ярмат подолгу беседует с ним на терраске.

Нури притворилась равнодушной.

— Юлчибай хороший джигит, верно,— сказала она, украдкой наблюдая за девушкой.— Тебе он нравится?

Гульнар вспыхнула, некоторое время смотрела растерянно, не зная, куда девать глаза. Расспросы Нури, и особенно последний, уже дважды повторенный вопрос, вызвали в душе девушки неясные подозрения. Она сразу стала сдержаннее в разговоре и очень скоро попросила отпустить ее домой.

Проводив Гульнар, Нури долго сидела, задумавшись. Она снова

отдалась воспоминаниям прошлого лета. Разгоряченное воображение влекло ее к новым, связанным с опасностью, запретным наслаждениям...

II

Юлчи уже три недели в городе. Каждый день он доставляет со склада в магазин Мирзы-Каримбая десятки и сотни кип товара, сгружает его там, вскрывает, складывает в высокие, чуть не до потолка, штабели и снова уезжает.

Старогородской магазин Мирзы-Каримбая находился в оптово-мануфактурном ряду. Этот ряд, в пять-шесть крупных лавок и магазинов с каждой стороны, занимает узкий крытый переулочек и примыкает к рядам торговцев шелком. Здесь нет ни обычной базарной толкотни, ни шума. Здесь не заметишь разницы между обычным и базарным днем. Под крышей этого темного переулка всегда и неизменно властвует торжественная тишина.

За прилавками магазинов оптового ряда можно видеть только строгих длиннородых стариков евреев и их расторопных, подвижных сыновей да застывших в молчаливой неподвижности — точно на молитве в мечети — баев-мусульман, с виду скромных и учтивых, а в действительности надменных и кичливых, плутоватых и до крайности жадных.

В этом ряду не увидишь пестро одетой толпы, не заметишь суетливости и спешки, не услышишь хлопанья по рукам и обычного: «Дай бог попользоваться!» Из каждой лавки тут можно слышать только один звук: шак-шук, шак-шук — шелканье счетов. Покупатели, появляющиеся здесь, с лицемерной учтивостью, негромко приветствуют хозяев. Купцы же выкладывают перед ними не куски ситца или сатина, а огромные, толстые альбомы образцов. Гости перелистывают эти «книжки», по лоскуткам отбирают что нужно и увозят затем товар целыми арбами. Отсюда товары расходятся по окрестным кишлакам, аулам, по городам — в Чимкент, Сайрам, Аулие-Ата.

В неказистом на вид, но обширном, заполненном товарами магазине постоянно находятся сам Мирза-Каримбай и Салим-байбача. Они договариваются с покупателями о цене, о количестве товара, а остальное, что нужно, делает уже сладкоречивый, умелый приказчик Саидмурад.

В свободное время Саидмурад безмолвно стоит где-нибудь в углу, почтительно сложив на груди руки. Особенно учтиво и кротко, точно мюрид перед своим ишаном, держит он себя с Мирзой-Каримбаем.

Хаким-байбача то появляется в лавке в сопровождении нескольких покупателей, то, пошептавшись с отцом, снова исчезает на некоторое время. Он всегда торопится. В его разговоре, в движениях чувствуются стремительность и напористость.

Мирза-Каримбай иногда усаживается на стуле за прилавком. Чаще же всего, как это и приличествует доброму мусульманину, он, скрестив ноги и откинувшись на тюки мануфактуры, располагается в конце прилавка на специально разостланном коврике и неторопливо, по одному пропускает меж пальцев черные блестящие шаррики четок.

В полдень в тишине оптово-мануфактурного ряда раздается гортанное «Гарчча-май!» — такое звонкое и резкое, что, кажется, оно пронзает насквозь крышу. В переулке появляется продавец лепешек с огромной круглой корзиной на голове — приземистый, будто придавленный тяжелым грузом, с короткой жилистой шеей и в сдвинутой на самые брови засаленной тубетейке. Продавец оставляет баю две сдобных лепешки с анисом и продолжает свой путь.

Точно в назначенное время в магазин с двумя чайниками чая входит подручный соседнего чайханщика — еще подросток, но и в походке и в манере держать себя уже старательно копирующий повадки уличных удалцов. Мальчик ставит перед баем чай, вынимает из-за уха огрызок карандаша, отмечает на столбе магазина очередной «алиф» и бесшумно исчезает.

Доставляя со склада мануфактуру, Юлчи ежедневно бывал на базаре, иногда в ожидании очередного распоряжения дяди засиживался в магазине, и перед ним понемногу начали раскрываться тайны рынка и духовный облик людей, плавающих по изменчивым бурным волнам реки, называющейся торговыми. За шумом толпы на базарных площадях и в торговых рядах, за звоном золота и серебра, за шелестом бумажных кредиток юноша понемногу научился видеть жизнь. Он часто был невольным свидетелем счастья и неудач, взлетов и падения купцов, видел, как горели и терзались в этом аду ремесленники и дехканы — все те, для кого единственным средством существования был труд.

Юлчи до многого еще не дошел, многое казалось ему непонятым и таинственным. Но постепенно жизнь сама приоткрывала перед ним все новые и новые тайны. Вот, например, некоторые очень прилично одетые люди, появляясь в магазине, почему-то уже с порога почтительно скрещивали на груди руки и подходили к хозяину с униженными поклонами. Мирза-Каримбай, против обыкновения, обращался с такими людьми грубо, корил их, заставлял бледнеть и трепетать перед ним.

Как-то одному молодому человеку, зашедшему в магазин, бай сказал: «Ну, грамотей, почему вы нарушили условия? Или вы думаете, что у нас нет острого шила, каким запугивает вас тот еврей, с которым вы тайком завели дела? О, у нас еще поострее найдется! Сумеет проучить вас!..»

Юлчи недоумевал: при чем тут какое-то шило, и только через несколько дней понял смысл этой угрозы. Большинство покупателей, погрузив товар на арбы или на верблюдов, тут же доставали похожие на кирпичи, крепко связанные пачки кредиток и рассчитывались, вручая деньги Салиму-байбаче. Но некоторые брали товар и уезжали, ничего не заплатив. Однажды какой-то торговец зашел в магазин, взял десять кусков мануфактуры и тут же скрылся. Юлчи удивленно спросил Салима:

— Смотрите, он бежал без оглядки! А как же с деньгами?

Салим-байбача рассмеялся, показал джигиту хрустящую белую бумагу и бросил ее в ящик.

— Вот и все,— сказал он.— Это называется векселем. Придет срок — уплатит.

— А если заупрямится? — недоуменно спросил Юлчи.

— Мы его сумеем прижать так, что глаза на лоб полезут! Потеряет дом, разорится, — спокойно пояснил Салим-байбача.

— Понял, понял! Это и есть то самое шило, которым грозился дядя. Третьего дня приходил один, а он ему: мы, говорит, вам шило воткнем. Шило...

— Бэ! Что шило! — скривил губы Салим-байбача. — Это отравленная стрела, а может, и еще что похуже... Это огонь — он сжигает дотла!

Юлчи ничего не сказал. Он вскочил на лошадь, и колеса его арбы загромыхали по булыжнику мостовой.

Стояли жестокие сухие морозы, какие бывают в Ташкенте раз в два-три года и держатся всего по несколько дней. Однако по случаю базарного дня торговые ряды были заполнены густыми толпами народа. Большинство людей одето бедно. У многих головы по уши заматаны обрывками ветхой чалмы, а то и просто старым женским платком, босые ноги обернуты грязными тряпками.

Больших трудов стоило Юлчи проехать через ряды, где продавались тюбетейки. Здесь была настоящая давка. Очень много женщин. Их жалкую одежду не могли скрыть даже паранджи; а горе, заботы и тревогу на лицах можно было увидеть даже сквозь самые густые сетки чачванов. Дрожание рук, протягивающих тюбетейки, приглушенные, полные уныния голоса, худоба — все говорило о бедственном положении этих тружениц, иглой добывающих скудные средства к существованию.

Юлчи выехал на мучной базар, к большой соборной мечети. Площадь здесь была забита оборванной голодной бедной с мешками, с сумками. Хитрые и ловкие, грубые и крикливые торговцы охотились за горемыками, пришедшими сюда купить горсть муки, работали руками, зубами, глазами, орудовали своими весами с камнями, заменяющими гири.

А у мечети ряды нищих: убогие старухи, попрошайки-мальчики, грязные оборванные дервиши.

Юлчи охрип от беспрерывных «пошт-пошт!» и еле выбрался с базара. Голову юноши сверлила мысль: «Кто имеет деньги, у того есть свои «шилья» и свои «стрелы». И добро бы они кололи ими только друг друга! Если поглядишь да пораздумаешь, оказывается, все их шилья и стрелы втыкаются в конце концов в народ, в ремесленников, дехкан, поденщиков, батраков... Купцы сидят в своих лавках, укутавшись в дорогие шубы, в суконные теплые халаты. Дома их ожидает сытная еда, они всегда довольны, веселы. Дети их обуты, одеты, в тепле. А бедный люд — всю жизнь трудится и никогда не ест досыта. Недаром говорят: сытому — смех, голодному — слезы. Я каждый день перевожу сотни тюков материи, а себе не могу справиться теплого халата...»

Размышляя таким образом, Юлчи не заметил, как подъехал к складу. Здесь он погрузил товар и отправился в обратный путь.

Нахлестывая коня, Юлчи быстро проезжал Хадру. Вдруг он резко потянул повод: у аптеки, прижавшись к стене, сидел Шакасым и, бормоча что-то жалобным голосом, просил у прохожих милостыню!.. По тому,

как он прижимался к стене, как робко, не поднимая глаз, обращался к прохожим, было видно, что он страдал и готов был умереть со стыда.

Юлчи с минуту растерянно глядел на Шакасыма. «Если окликнуть, бедняга еще больше застыдится. Да и я как буду смотреть ему в глаза? Хоть бы деньги были при мне, помог бы. Ничего нет!» Он ударил лошадь, но через несколько шагов снова остановился: «Э, будь что будет!» Юлчи спрыгнул с седла и негромко позвал:

— Шакасым-ака!

Шакасым поднял голову, нерешительно оглянулся. Узнав Юлчи, шаркая опорками чариков, подошел — как был — со сложенными на груди руками.

— Как живешь? — стараясь придать голосу бодрость, спросил Юлчи.

— Что скрывать, братец... Вот, видишь... — Шакасым разжал руку и показал несколько медяков. Глаза его наполнились слезами. — Что поделаешь? Зима, холод... Ребенок... Я всего только два дня... Только два дня... Небо далеко, земля жестка...

— Ораз же пристроил вас к какому-то баю-скотоводу?

— Погореть бы этому баю! Прожил я у него около двух месяцев. Потом он прогнал меня. Как только таких людей земля терпит!..

— Терпит, видно, потому что принимать брезгует. Вы не обижайтесь, но, если говорить правду, нищенство — последнее дело. Работать надо. Какая бы работа ни была... А где сынишка?

— Отдал в приемыши одному бездетному. А насчет работы — где она? Вот солнце пригреет, на поденщину пойду. Чем нищенствовать, лучше умереть. Тысячу раз лучше!..

— Весны не ждите. Снег сгребайте, воду носите чайханщикам. Завтра-послезавтра я зайду, где вы будете?

— Вон в той чайхане найдешь меня. Ну поезжай, поезжай. Ты ведь тоже под чужой волей ходишь...

Юлчи был так взволнован, что забыл и про коня, на котором ехал, и про мануфактуру, которую вез. Неожиданно сзади что-то затрещало, лошадь резко пошатнулась в сторону и остановилась. В ту же минуту послышался чей-то грубый окрик:

— Эй, где глаза у тебя? Что ты за арбакеш!..

Юлчи вздрогнул, оглянулся — оказалось, что его арба зацепилась осью за колесо другой, встречной арбы и сломала несколько спиц.

...Дня через три Юлчи устроил Шакасыма погонщиком на маслобойню. С хозяином маслобойни Юлчи познакомился, покупая у него жмых для байских коров. Тот вместо платы обязался кормить Шакасыма и предоставить ему угол для жилья, а при хорошей, добросовестной работе пообещал еще и «чаевые».

Шакасым принял эти условия как великую милость.

III

Вечерело. Юлчи сидел один у ворот хозяйского двора. В узеньком переулке, который в ту пору обычно оглашался звонкими голосами ребят, — ни души. Переулок сплошь залит непролазной грязью, здесь не

только затевать игры — по делу и то надо было пробираться осторожно, шаг за шагом, прижимаясь к дувалу.

Покосившиеся, крытые камышом и глиной хижины и полуразвалившиеся дувалы по обеим сторонам переулка являли в сумерках невыразимо печальную картину. Они заставляли думать о бедности, о постоянной нужде, гнездившихся рядом, в самом близком соседстве с богатыми хоротами огромного байского двора...

Шагах в двадцати скрипнула калитка. Через минуту мимо Юлчи, коснувшись паранджой его колен, в байские ворота прошла девушка, ведя на аркане корову. Это была Гульнар. Она с матерью ухаживали за хозяйской коровой, но доили ее всегда на глазах самой Лутфинисы.

Сердце юноши востепенулось и застучало так, словно хотело вырваться из груди. Теперь Гульнар для Юлчи уже не прежняя незнакомка, которая изредка вспоминалась ему с прошлого лета. Нет, теперь эта девушка стала для него самой дорогой и самой близкой на свете!

Впервые счастье улыбнулось Юлчи в тот день, когда он возил Нури к «самому надежному» знахарю. Немного отогревшись после поездки, он поднялся, прошелся по людской и вдруг остановился перед окошком: во дворе, неподалеку от людской, сидела на корточках девушка и мыла на снегу посуду. Юлчи прильнул к окну. Заметив его, девушка вспыхнула, вскочила и, промелькнув перед глазами падучей звездой, вмиг исчезла.

А через день они встретились снова. Произошло это вот как. В день свадьбы Нури тетка позвала Юлчи на женскую половину кипятить чай — женщинам трудно было справляться с двумя огромными самоварами. Еще истари было заведено, что в день свадьбы в ичкари чай для гостей кипятят мужчины. Даже самые фанатичные и самые ревнивые мужья не видели в этом отступления от обычаев и нарушения благочестия. К тому же дело это обычно поручалось работнику, а ведь работник в глазах хозяина только наполовину человек.

Юлчи прошел в ичкари. Устроившись в одном из дальних уголков обширного двора, он занялся самоварами.

Во дворе сновало много бедно одетых женщин, обслуживавших гостей. Среди них была и Гульнар. На этот раз на ней был, правда уже поношенный, бекасамовый камзол. На голове — новый платок, на ногах — почти новые ичиги и галоши. Она все время торопилась. Распорядительницы тоя и другие женщины постарше без стеснения подходили к Юлчи, но девушка все время держалась поодаль. Чай она принимала не прямо от него, а через руки других подавальщиц. Чтобы не стеснять девушку, Юлчи старался не смотреть в ее сторону.

— Гульнар, — подзадоровали ее подавальщицы, — ну что, он съест тебя? Подойди поближе. Джигит — настоящий сокол!.. На тое нечего стесняться.

Постоянная спешка и беготня с чайниками чая для гостей, с водой для омовения почтенным наставницам религиозных школ и женам ишанов вынуждали Гульнар подходить к Юлчи все ближе. Она уже не закрывала лицо кончиком платка, только отворачивалась, когда приближалась к нему, иногда взглядывала на юношу и порой чуть заметно улыбалась.

Комнаты и даже террасы ичкарИ были переполнены женщинами. Здесь также во всем чувствовалась твердая рука Мирзы-Каримбая с его правилом: «Каждый должен быть принят в свое время, в своем месте и соответственно своему положению». Все гости были разделены хозяйкой на три группы: первая — это жены ишанов, казиев и пожилые женщины из самых знатных домов; вторая — жены баев, купечества, а также женщины, чем-либо полезные хозяйке. Обе эти группы располагались в чисто прибранных и богато обставленных комнатах ичкарИ. Сюда подавались все лучшие и самые дорогие угощения, сладости, фрукты. Третью группу составляли те, которых в доме бая презрительно называли «рваные паранджи». Это приглашенные только ради приличия бедные родственницы, соседи. Они располагались на террасах, теснясь у нескольких специально для этого случая поставленных сандалов. Сюда на старых ржавых подносах подавали изъеденный шашелем урюк, джиду, местную карамель, такую липкую, тягучую, что прилипнет к небу — и хоть щипцами отрывай, и наскоро испеченные лепешки, такие тонкие: дунь на нее — и, как говорится, до самой Бухары улетит.

За порядком в ичкарИ наблюдала хозяйка тоя Лутфиниса. Около полудня она вышла во двор, передала Юлчи большую пачку чая, поманила Гульнар и, когда девушка подошла, зашептала обоим:

— Это самый лучший чай. У меня сидят жены ишанов, жена и невестка Тураходжабая, дочери Мухамедшариф-казия. Им надо заварить покрепче. Поняли? Ты, доченька Гульнар, когда будут просить чаю из моей комнаты, шепотком предупреждай об этом Юлчи.

Гульнар и Юлчи понимающе улыгнулись, и эта улыбка сразу сблизила их. Девушка подходила теперь чуть не каждую минуту. А Юлчи всякий раз со смехом спрашивал: «Для ишан-айим? Для жены Шарифа-казия? Или — для тетушки Хайри?» — «Самый густой», — отвечала Гульнар нежным, смеющимся голоском и, принимая чайник, так глядела на джигита, что у него замирало и таяло сердце.

Семена любви, запавшие в душу Юлчи холодным зимним днем, с тех пор проросли, распустились и, согретые теплом юношеских надежд и сладостных грез в долгие бессонные ночи, расцвели пышным цветом. Но думает ли о нем девушка? Найдет ли его любовь хоть слабый отклик в ее сердце? Этого Юлчи не знал. Часто Гульнар, как сегодня, закутавшись в паранджу, проходила мимо него, иногда он, сидя на терраске с Ярматом, совсем близко слышал ее голос. Но лицо девушки и ее глаза со дня свадьбы Нури сияли и улыбались ему только в мечтах.

Сумерки сгущались. Темные провалы калиток проглатывали одного за другим прохожих, возвращавшихся из мечети с вечерней молитвы. Небо хмурое, над городом ни одной звездочки. В темноте растаяли деревья, дома, дувалы.

Юлчи смотрел перед собой в темноту, а перед его глазами во всех подробностях вставал день свадебного пира в ичкарИ. Он видел Гульнар, ее лучистые глаза, светлую улыбку, и ему казалось, что тот пасмурный зимний день был самым светлым днем в его жизни...

Мечты Юлчи прервал неожиданно прозвучавший из темноты голос:

— Где тут дом Мирзы-Каримбая?

Юлчи вскочил — голос показался ему знакомым:

— Кто это? Не вы ли, Ишбай-ака?!

— Юлчи? Вот когда довелось тебя увидеть!

Они поздоровались. Ишбай жил в кишлаке по соседству с Юлчи, работал чайрикером и, несмотря на бедность, по мере сил помогал его семье. Юлчи пригласил гостя в людскую, но тот отказался:

— Хозяин прислал в город с кладью. Я оставил все в караван-сарай и побежал разыскивать тебя. Еле нашел. Теперь надо поскорее возвращаться.

— Хоть парой слов перемолвимся. Расскажите, как живут мои родные! Идемте! — уговаривал Юлчи.

— Нет. Не могу, — стоял на своем Ишбай. — Домашние твои все здоровы. Мать привет передавала. Братишка работает на мельнице Курбан-аксакала. Живется им трудновато. Да в кишлаке сейчас все так. Мать просила денег прислать хоть немного. Если есть, давай, пусть малость подкормятся.

Юлчи опустил голову, снял тубетейку и по кишлачной привычке почесал затылок.

— Вы хорошо знаете, Ишбай-ака, что живу я здесь ради матери и брата с сестрой. Но сейчас при мне нет и медного гроша. Придется просить у бая.

— В спросе, говорят, беды нет. Ничего зазорного не будет, если и попросишь. Дитя не заплачет, мать не покормит. Ведь бай сродни тебе, сделает, наверное, снисхождение. — Ишбай понизил голос. — Только ты сразу все не бери. Возьми часть, а остальное пусть лучше хранится у хозяина. В голодном доме и катык, говорят, не успеваешь закиснуть — сколько ни пошли, все проедят.

— Ладно. — Юлчи хлопнул Ишбая по плечу. — Завтра попрошу и постараюсь отнести вам. Где вы будете, на хлебном базаре, что ли? — Юлчи подумал и прибавил: — Ну, а если не выйдет, тогда попожже пошлю. Найду надежного человека.

— Правильно. Так и сделай, братец мой. Посылать надо только с надежным человеком. Нельзя верить всякому, хотя бы и однокишлачнику. В теперешнее время правый глаз — левому враг...

Они, стоя, поговорили немного, и Ишбай ушел.

Поздно вечером Юлчи направился к баю. Подойдя к хозяйской двери, он заколебался. Бедняку даже свое заработанное трудно просить. К хозяину надо подойти вовремя: бывает, он не в духе, злой, сердитый, бывает — веселый и добрый. Наконец решившись, Юлчи осторожно открыл дверь.

Мирза-Каримбай, обложенный со всех сторон подушками, сидел у прикрытого атласным одеялом сандала. Не меняя положения, он взглянул на племянника:

— Заходи, дорогой, заходи. По какому делу?

Юлчи, постеснявшись пройти по ковру в грязных сапогах, отвернул ковер, опустился на колени почти у самых дверей и объяснил, зачем пришел. Мирза-Каримбай выслушал его и долго сидел молча с закрытыми глазами. Потом чуть приподнялся, облокотился на сандал.

— Что у бабьей породы ум короток, давно всем известно, племянник, — заговорил он тоном наставника. — Нельзя сказать, чтобы и мать

твоя — Хушрой-биби — отличалась умом. Достаточно послать один раз — и готово, она будет просить денег каждую неделю. Ей захочется вкусно поесть, сладко попить, а потом пожелает завести и по второй смене одежды. Одним словом, она забудет, что иногда надо и потерпеть, и потеряет всякую меру. Если хочешь послушать моего совета и быть человеком, никогда не принимай близко к сердцу жалобы женщины.

— Моя мать не такая, — осторожно возразил Юлчи. — Она женщина трудолюбивая. Прошло уже восемь месяцев, а она до сих пор ни копейки еще не просила. Я, дядя, хочу только, чтобы мать и брат с сестрой не надоедали с нуждой другим...

Бай, точно он и не слышал возражения племянника, пропуская меж пальцев бороду, продолжал:

— Деньги добывать трудно, но уметь расхотовать их с толком еще труднее. Собственно, в этом и заключается вся суть. Терпеливость и воздержание, умение довольствоваться малым — вот что спасает от нужды бедного человека! У моего порога работало немало людей всякого сословия и положения. И почти все они погрязали в долгах. Один работник прожил у меня целых девять лет и все не мог раздаться с долгом. Так и сбежал, бросив рваные чарики. Двадцать рублей за ним осталось. Значит, и на том свете придется ему ответ держать... Ты мне свой... Потому и советую тебе — никогда не подставляй шею под ярмо долгов. Понял?

Юлчи слушал дядю хмурый. Когда тот кончил, он неохотно кивнул головой и продолжал сидеть молча.

Бай долго о чем-то размышлял. Потом пошарил по карманам, вынул пятирублевую бумажку, положил ее на сандал. Немного подумав, прибавил еще трехрублевку, затем еще целковый и бросил деньги на ковер перед Юлчи:

— Шесть рублей пошли. А три — при себе оставь на расход. Да передай матери, чтоб на эти деньги пшеницы купила. Жизнь и пропитание от самого Адама на пшенице, на хлебе держится. Сам праотец Адам, в первый раз вспахав землю, посеял пшеницу. Это — благословенное зерно. Из пшеницы можно сварить кожду, а смолов ее на муку — аталу, лапшу — одним словом, тридцать два разных кушанья можно сготовить. Вот что значит пшеница. А мать пусть, по одеялу глядя, протягивает ноги, понятно?

Юлчи взял деньги и со стесненным сердцем молча вышел от бая. Он подумал: «Чтоб получить девять рублей, пришлось выслушать девяносто нравоучений. Видно, если я не буду твердым, то от своего заработка получу только огрызки».

Спать ему не хотелось, и он, хотя время было уже позднее, вышел на улицу.

В этом квартале было два человека, которые пришли по душе Юлчи. Один — кузнец Каратай, другой — сапожник Шакир-ата. С Каратаем он подружился, подковывая в его кузнице хозяйских лошадей и починая арбу, а в мастерскую Шакира-ата заходил попросить инструмент, чтобы своими руками починить себе обувь. Старик никогда не отказывал и относился к юноше как к родному сыну.

Юлчи потянуло к сапожнику. Пройдя мимо тускло светившегося

окошка мастерской, заклеенного промасленным листом бумаги, он открыл легкую дверь:

— Здравствуйте! Не уставать вам, отец!

— Заходи, сын мой,— сапожник привычным движением чуть приподнял очки. — Давно ты не показывался.

Шакир-ата сидел в углу мастерской за толстым, ровно срезанным чурбаном. Это был старик лет шестидесяти пяти, худой — кожа да кости, с лицом несколько продолговатым и лбом, изрезанным глубокими морщинами, с жидкой небольшой бородкой. С пятнадцати лет, работая сначала учеником, затем подмастерьем, а потом и самостоятельным мастером, он привык сидеть целыми днями согнувшись, и теперь спина его совсем сгорбилась. Весь облик этого человека говорил о том, что жизнь его была полна трудностей, тяжких забот и постоянной нужды.

Мастерская — тесная, с низким потолком, с тонкими каркасными стенками. Все углы завалены старыми колодками, обрезками кожи, чашками и банками с сапожным клеем, тряпками для подкладок и прочим хламом. Свежего человека сразу обдавало чадом от большой висячей лампы.

Ученик мастера — четырнадцатилетний Юлдаш — сидел у окошка. Нажимая изо всех сил, он разглаживал натянутые на правило маленькие ичиги (Шакир-ата был мастером по детской обуви). Потом вычернил их сажей и принялся за окончательную отделку. Ичиги, сшитые из тонкой, кустарной выделки кожи, начинали понемногу блестеть — «принимали вид».

В переднем углу мастерской сидел сын Шакира-ата Тахирджан. Он, как слышал Юлчи, уже продолжительное время болел чахоткой. В прошлом стройный, красивый, теперь Тахирджан высох будто соломинка. На лице у него — ни кровинки. В умных карих глазах — сознание обреченности. Он беспрерывно кашляет, коротко и резко. Откашлявшись, долго не может отдышаться. Плечи его в это время приподнимаются, худые лопатки выпирают еще больше.

Юлчи очень жалел этого человека и всегда пытался отвлечь его от тяжелых мыслей. На этот раз он тоже сказал ему несколько дружеских слов.

Тахирджан устало улыбнулся: он ежедневно слышал десятки подобных утешений, и число их становилось тем больше, чем быстрее таяло его тело.

— Болезнь моя неизлечима, братец. Она с каждым днем все ниже пригибает меня к земле. И ни один день не приносит мне облегчения. Любое лекарство оказывается для меня ядом. — Тахирджан закашлялся, закрыл глаза, с трудом отдышался и продолжал: — Если болезнь излечима, даже чистая вода помогает — и человек выздоравливает. А я от лекарств только слабею и делаюсь вялым...

Шакир-ата ласково посмотрел на сына:

— Не говори так, сын мой. Неверие и отчаяние — это от дьявола. Аллах для каждой болезни сотворил лекарство. Только сейчас не стало знающих лекарей. В старое время были Ибн-Сина, Лукман-хаким. Они знали средство от каждой болезни. Для Ибн-Сины, к примеру,

была бы у больного жива душа — и довольно, он вылечивал. Обо всем этом, сынок, я слышал и знаю — в старинных книгах так пишут.

— Да, но где же найти таких лекарей? — грустно усмехнулся Тахирджан.

— Их нет, сынок, — Шакир-ата тяжело вздохнул. — Эх... все теперь испортились, все развратились. Лекари стали обманщиками. Поэтому-то сейчас и заговоры и лекарства не помогают. Теперь об исцелении только аллаха, создателя нашего, молить надо.

— Аллах гнев свой ко мне проявил, а вот милость, видно, скрывает, — безнадежно махнул рукой Тахирджан.

Шакир-ата, явно недовольный сыном, пристально посмотрел на него через очки.

— Не поддавайся соблазну неверия, сын мой! — сказал он строго.

По морщинистому лицу старика разлилась тень глубокой печали. В мастерской наступило молчание. Слышно было только, как мальчишечка, занятый уже новой заготовкой, непрерывно шмыгал носом.

Юлчи приходилось слышать, что страдающим такими «затяжными» болезнями, как у Тахирджана, помогает вольный воздух степей и гор. Он посоветовал:

— Тахир-ака, скоро весна, поезжайте в горы. Свежий ветер и чистый воздух, как самое лучшее масло, пойдут вам на пользу. Что волосинку из теста, вытянет из ваших жил всю болезнь. Потом хороший кумыс там будете пить. Горный кумыс — он совсем другой.

— Верно, очень верно! — согласился больной. — Горный воздух, кумыс, зелень весны — лучшее лекарство для моей болезни. Об этом мне говорил и ученый доктор. Но что поделаешь? Ехать в горы нужны деньги. Кто мне приготовит там даровой кумыс и мясо? А положение наше — сами знаете... — Покашливая, больной кивнул на старика и обвел взглядом мастерскую.

Юлчи не сдавался:

— Можно что-нибудь придумать... Подождите, вот Зияходжибай, он одного с вами квартала. К тому же вы с ним соседи, калитки ваши рядом, одна к другой прилепились, не так ли? А у него в Чимкентских горах много баранов, лошадей. Вчера сын его хвалился: у нас, мол, столько-то косяков лошадей, в них столько-то кобыл, столько-то жеребцов!.. Я прямо рот разинул. Понимаете, кумыса, говорит, столько, что не успевают выпивать! — Юлчи взглянул на больного. — Сыновья Зияходжибая там бывают, вот вместе и поехали бы. По-соседски...

Тахир горько рассмеялся и покачал головой:

— Вы здесь новый человек, братец мой Юлчи. И вы совсем не знаете нрава здешних людей.

— Ну, а попросить если...

В разговор вмешался Шакир-ата.

— Знаешь, Юлчи, — сказал он, не отрываясь от работы, — недаром говорят: «Чем протягивать руку к хлебу алчного, лучше умереть с голоду!» Понимаешь смысл этого? Вот! Ты говоришь, лошади и бараны Зияходжибая все горы и степи заполонили? И летом кумыса некуда девать? Верю. Да только какая польза от этого нам с тобой? Ну, допустим, я по нужде пойду к баю с покорной просьбой. Думаешь, этот

сын распутницы так и согласится? Нет! Скорее у собаки кость выпросишь, чем какой-нибудь пустяк у этого скряги! — Старик минуту молчал. Набрал в рот воды, сбрызнул голенище ичига и, расправляя его, продолжал: — Чем больше я беднею, тем Зияходжи больше радуется, Юлчибай!

Юлчи удивился:

— А какое у него может быть зло против вас?

— Зла нет, а дурной умысел есть. Двор его примыкает к нашему. Но для него он мал. Вот бай и задумал прибрать к рукам мой клочок земли, застроить его и жить привольно... Знаю я. Он давно зарится. Я зубами и руками держусь за свое убежище, и потому бай было поостыл. А вот как только Тахирджан заболел и нас придавила нужда, он опять навострил уши, бессовестный. Даже людей подсылал, выведывал мои намерения. Вот теперь сам и подумай — выходит, чем хуже болезнь Тахирджана, тем больше радости ему, подлому. — Старик затряс головой и вдруг закричал так, будто перед ним стоял Зияходжибай: — Да я и с ноготь своего места тебе, мужу развратницы, не уступлю!..

Юлчи пожалел, что своими неудачными утешениями только растравил сердечную рану старика и его больного сына. Но разве он мог знать, что так получится!..

В мастерскую без стука вошел высокий угрюмый человек лет сорока пяти в надвинутом по самые брови казахском малахае:

— Не уставать вам, мастер!

— Пожалуйте, Икрамбай. Присаживайтесь, — радушно пригласил гостя старик.

Икрамбай опустил на корточки, прислонился к стене, снял с головы малахай и молча принял за вертеть его в руках.

Тахирджан, виновато взглянув на Юлчи, тихо сказал:

— Устал я. Пойду домой.

Покачиваясь от слабости, он поднялся и, опираясь на палку, заплетаясь шагами направился к выходу.

Икрамбай, словно он только сейчас заметил больного, окинул его безучастным взглядом, равнодушно спросил:

— Как здоровье?

— Спасибо, — ответил Тахирджан чуть слышно. Дрожащей рукой больной открыл дверь и вышел, не оглянувшись на гостя.

Юлчи до сих пор ни разу не встречал Икрамбая в своем квартале. Одежда на госте была грубая, нескладно сшитая, но зато новая, добротная. Видно было, что он человек с достатком. Из дальнейшего разговора Юлчи понял, что Икрам — разъездной торговец и оптовый заказчик Шакира-ата, что он дал старику вперед деньги под ичиги и теперь пришел за товаром.

Шакир-ата со свойственным должникам смирением, расточая благословения Икраму и его детям, униженно сообщил, что сейчас он в состоянии дать только десять пар ичигов.

Икрамбай возмутился:

— Денег я вам давал на сорок пар ичигов? На сорок! А спрашиваю только двадцать. Было бы, конечно, лучше, если бы вы сразу отдали

все и рассчитались. Но трудно требовать то, чего нет. Вот и отдавайте все, сколько есть готовых.— Торговец кивнул на разложенные в ряд около Шакира-ата ичиги, блестящие свежей отделкой.

Старик снова начал упрасивать, пустил в ход все свое красноречие:

— Я был близким другом твоего покойного отца. Хоть в память его смилюйся, сын мой. Ты, слава богу, из торговых людей. Не ремесленник убогий, как я. Если рассказывать обо всех моих горестях, их ни в какую книгу не вместить. Большой сын, невестка да три внука. И все они на попечении у меня — старика. Завтра среда. Базарный день. Оставь мне десять пар. Продам, и этим прокормимся пока. Хоть ради голодных моих внучат окажи милость, дай отсрочку дней на десять... на неделю.

— У каждого свои заботы, отец! О пропитании беспокоитесь не вы один,— холодно заметил Икрамбай.

Юлчи сидел молча, низко опустив голову. Грубость и холодное упрямство торговца раздражали его. Он хмурился, пощипывал кончиками пальцев жиденькие, только-только пробивающиеся усы и думал: «Словами такого разве преймешь? Схватить бы его поперек и вышвырнуть на улицу. Только старику от этого едва ли будет легче. Все равно этот живоглот сдерет с него. Да еще и к ответу притянет. Потому на его стороне сила — деньги. А за беднягу старика кто заступится!..»

Старик сделал еще одну попытку смягчить торговца:

— Я имел дело со многими купцами. И ни одного даже на копейку не обманул. Мое за ними пропадало, а ихнее — нет... Я согласен питаться одной водой. Тысячу раз согласен! Но даже на чужую соломинку не позарюсь... На той неделе непременно получишь. Непременно!

Икрамбай усмехнулся:

— Эти ваши разговоры — ни к чему. В наше время никто не допустит, чтобы другой присвоил его добро. Ну давайте, мне пора. Спать хочется, глаза слипаются. А завтра с рассветом в кишлак отправляться.

Шакир-ата снова заговорил о своей нужде. Жаловался он не только на свою судьбу, а и на бедственное положение всего ремесленного люда. Рынки, говорил он, заполнены фабричными товарами, кустарные изделия идут за бесценок, и многие мастера «складывают свои колодки и инструменты» — разоряются... Однако жалобы старика только ожесточили Икрамбая.

Юлчи не вытерпел, гневно взглянув на торговца, сказал:

— От слов старика и камень растаял бы! Вы заберете двадцать пар ичигов, а целая семья должна котел пустой водой полоскать. Надо же и совесть иметь. Не колите шилом высохшую от работы грудь старого человека.

Икрам даже не взглянул в сторону Юлчи.

— Я свое спрашиваю. К чужому кошельку рук не протягиваю,— равнодушно проговорил он.

Шакир-ата поднялся. Растирая занемевшие коленки, он принялся отсчитывать ичиги. Поставив их попарно перед Икрамом, старик с дрожью в голосе сказал:

— Бери, сын мой, торопись забрать свое добро!..

Торговец встал, потянулся, зевнул. Потом сосчитал ичиги и, отделив пять пар, отложил их в сторону:

— Пусть эти пять пар останутся вам. Не обижайтесь, отец.

У старика задрожали губы.

— Забирай все! Чем скорее рассчитаюсь, тем лучше. Может ли обижаться человек на то, что разделяется с долгом? Радоваться надо!

— Мы с вами земляки, мастер. Мы еще понадобится друг другу. К следующей неделе приготовьте еще пятнадцать пар. Если хотите, я могу вам и кожу доставить. Ну ладно, об этом потом поговорим. Всех вам благ!

Забрав пятнадцать пар ичигов, торговец вышел.

Старик старался казаться спокойным и даже бодрым, но было заметно, что он сильно расстроен. Он не находил инструментов, лежавших рядом, рука его, шарившая в поисках колодки, несколько раз попадала в клейстер, на кончике крючковатого, с широкими ноздрями носа блестели капли пота.

У мальчика-ученика уже слипались глаза, но он, чтобы не огорчать мастера, старательно тачал голенище очередного ичига, разводил и сводил руками, поскрипывая навощенной дратвой.

В мастерской становилось холодно. Ветер напирал на тонкую дверь, гремел промасленной бумагой окошка.

Юлчи пора бы и уходить, но неловко было оставлять Шакирата в такую минуту. Чтобы отвлечь старика от горестных мыслей, он спросил:

— Значит, завтра — на базар, отец?

— Если ремесленник в среду не побывает на базаре и ничего не продаст, у него целую неделю руки будут связаны, — ответил Шакир-ата. — Хотя дела мои и неважные, да какой-нибудь выход найдем.

— А как же вы их поправите — ваши дела? Ведь этот дурак все вам испортил.

Старик смочил слюной кусок кожи, помолчал и пояснил:

— Продадим оставшиеся пять пар ичигов, купим ниток, воска, клею, лаку. Так? Затем, дома у меня есть немного кожи. Правда, подошвы нет. Но и тут выход найдем. Ты хочешь знать — какой? В прошлом году я сшил себе пару ичигов. Ткач, говорят, без поясного платка, а гончар — без кувшина, — слышал небось? Поносил я те ичиги три дня на праздник и спрятал. Ну вот, мы их продадим и подошвы купим. Дела наши и поправятся. Но что в котле варить — не могу пока придумать, сынок. Плова мы не едим. Для нас был бы маш или пшено да репа — и довольно. Не так много и денег надо, чтобы котелок наш кипел целую неделю.

Шакир-ата тяжело вздохнул, вдруг схватился за сведенную судорогой ногу и, охая, принялся растирать ее.

— Отец, может, вам денег дать, чтоб котелок ваш кипел? — Юлчи потупился. — Немного... три рубля.

Старик, склонив набок голову, долго смотрел на джигита поверх очков. В его взгляде были и растроганность и глубокая благодарность.

— Спасибо, сынок! Дай бог дожить тебе до ста лет, внуков и правнуков вырастить. Денег мне ты не давай. Заработал в поте лица и расходуй на себя. А для меня и слова твои дороже золота. Потому ты укрепил ослабевший дух мой.— Шакир-ата ударил кулаком себя в грудь.— Этот старик каких только невзгод не видел! А сегодняшняя — разве трудность? Пустяк! Эта седая голова много перевидала и еще много увидит. Аллах Тахирджана бы исцелил — вот мое желание...

Шакир-ата снял очки, вытер слезы и снова принялся за работу. Боясь обидеть старика, Юлчи не стал настаивать.

— Будет нужно, спросите, я найду. Хорошо?

— Если очень большая нужда случится, тогда другое дело.

Шакир-ата еще раз поблагодарил юношу и от всей души пожелал ему счастья и удачи в жизни.

Юлчи вышел на улицу. Резкий ветер засвистел в ушах, швырнул ему в лицо острыми как иглы снежинками.

Скользя и спотыкаясь в темноте о кочки на застывшей дороге, Юлчи направился к себе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Нури с каждым днем все больше разочаровывалась в мужа. Сильно преувеличивая его недостатки, она, особенно в последнее время, видела в нем одно плохое. О чем только не думала она, оставаясь одна, — даже развестись собиралась. Но все ее планы и поводы для развода, такие хорошие на первый взгляд, при более глубоком размышлении оказывались никуда не годными. Разве согласится Мирза-Каримбай развести дочь с таким зятем, как Фазлиддин! Нури понимала, что это невозможно. Тогда сердце ее устремилось к запретным удовольствиям. Так как она крепко верила в силу богатства, то путь тайных наслаждений казался ей самым доступным и удобным. Окончательно она пришла к такому решению в тот день, когда свекровь сообщила ей о предстоящем отъезде Фазлиддина в Москву.

Вечером, когда Фазлиддин после продолжительной беседы со старшим братом Абдуллабаем зашел к себе, Нури с притворной обидой сказала:

— Говорят, вы в Москву собираетесь. А почему я ничего не знаю?

Фазлиддин, усаживаясь на свое постоянное место у сандала, улыбнулся:

— Мне самому только сегодня стало известно. Я должен поехать вместо брата.

— Когда?

— Завтра-послезавтра...

— А что вы будете делать в Москве?

— Торговать, душа моя. И настоящая торговля, и настоящая

прибыль только там, в Москве... Что привезти тебе из Москвы? Приказывай!

Нури кокетливо склонила голову:

— Возвращайтесь благополучно, больше мне ничего не надо.

— Я привезу тебе таких подарков, каких ты и во сне не видела. Самых дорогих, самых удивительных вещей привезу.

— Невестку, говорят, смотри, когда в дом прибудет, а приданое — когда развернут. Пока не привезете, не поверю.

Весь этот вечер Фазлиддин был весел и разговорчив, часто смеялся Нури, чтобы не упустить удобного случая, решила пойти на хитрость. Она сделала печальные глаза, чуть отвернулась и, вздохнув, негромко сказала:

— Вот вы все богатством своим хвалитесь. А я плохо верю в это богатство. Не знаю, за что только вас называют московскими баями¹. Вы, наверное, и торгуете-то на чужие деньги...

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся Фазлиддин. — Это мы работаем на чужие деньги?! Сыновья Наджмиддинбая?!

— Откуда мне знать, — равнодушно ответила Нури. — Мне так кажется...

Слова жены задели самолюбие Фазлиддина. Он пристально взглянул на Нури:

— Это почему же, а?

— Не похожи вы на баев. У вас даже работника в доме нет, женщины сами дрова рубят... Мы часто сидим без воды — некому принести. — Нури отвернулась снова.

— Так вот ты чем хочешь нас укорить? — покачал головой Фазлиддин.

— А что, не правда? Вот вчера я рубила дрова... даже руки заболели. — Нури издали показала свои изнеженные ладони. — Можно ли обойтись без работников в такой большой семье?

Фазлиддин сделал серьезное лицо.

— Верно, один работник нужен, — степенно, по-стариковски заговорил он. — Только трудно найти честного, совестливого человека. Работник должен быть таким, чтобы он иголки хозяйской не смел тронуть, чтобы ни души, ни тела не жалел для хозяина. Сказал ему: умри — он должен умереть, сказал: воскресни — должен воскреснуть. А где такого возьмешь? Трудно узнать, что внутри у человека. Смотришь — по наружности будто ангел, а на самом деле в нем сидит богопротивный шайтан. У нас много лет работал один старичок — бездомный бедняк. Золотой человек! И со всей работой справлялся, и предан был, точно купленный за деньги раб. Зато и отец отплатил ему добром за добро... Не видел бедняга ничего хорошего при жизни, так после смерти дождался.

— Что же сделал для него отец?

— Похоронил как следует, когда он умер. Не бросил просто в яму, как это делают с чужими. А зарезал барана, поминки устроил. Я сам

¹ Московский бай — бай, который вел торговые дела с Москвой, с московскими купцами.

около года каждый четверг читал Коран по покойнику. А можно ли сделать человеку большее добро?

— Вы сказали правду. Работник должен быть как раб,— согласилась с мужем Нури.— А такого не сразу найдешь. Один работать ленив, другой приврать любит, третий — вор. Конечно, надо выбрать проверенного человека.

— Вот-вот! — кивком головы выразил свое одобрение Фазлиддин.— Именно проверенный человек нужен. А где его найдешь?

На щеках Нури проступил румянец.

— Вы только разрешите, я сама найду,— вдруг сказала она.— У отца есть работник, что хотите — и смиренный, и честный. Вот с места не сойти, если лгу! Работает за троих. К тому же он наш родственник. Будет сыт, одет, обут,— и довольно с него. Мы его и возьмем, хорошо? Только, если пообещали, не отказывайтесь от своих слов!

— Ладно,— ответил Фазлиддин.— Но отдадут ли они такого хорошего раба?

— Мне? — воскликнула Нури.— Обязательно отдадут!

Нури еще долго говорила с мужем, старалась быть приятной ему, хотя думала совсем о другом. Она радовалась, что задуманный ею план может осуществиться так скоро. Муж храпел, а она долго еще лежала с открытыми глазами и все мечтала...

II

Гульнар толкнула калитку, вошла во двор. Лицо ее было бледно, губы дрожали. Она сбросила паранджу на обрывок кошмы на терраске, прислонилась к столбу и некоторое время стояла растерянная, с блуждающим взором.

Мать ее, Гульсум-биби,— худощавая, тихая женщина лет сорока, занятая на терраске починкой одежды, подняла голову и нежно посмотрела на дочь:

— Напугалась чего-нибудь?

Гульнар едва пошевелила губами:

— Нет...

— Голова заболела?

— Нет...

Девушке хотелось остаться одной. Она с трудом оторвалась от столба и медленно побрела в дом.

Вот уже несколько месяцев Гульсум-биби замечает, что дочь ее часто грустит, ищет уединения. Не находя других причин, Гульсум сваливала все на бедность: у дочери нет нарядов, не говоря уже о коврах, сюзане, нет ни вершка ткани на приданое. «Стыдитесь подруг, бедняжка,— думала она.— Потом, в такие годы ей бы веселиться, а она только и знает что спину гнет на хозяйской работе: стирает, за короной присматривает, детей нянчит. А может, у нее хворь какая? — беспокоилась мать.— Кроме бога, нет у меня защиты, пусть же он сохранит мое единственное сокровище!»

На этот раз Гульсум-биби всю вину свалила на мужа: «Подохнуть тебе, такому отцу! Только и знает твердит: «Выдам дочь за бая, за

земельного, хотя бы она была у него и второй женой». Сгинуть твоим желанием, дочь мою на огне хочешь сжечь! А дочка — она ведь разумница — догадывается об его поганных намерениях, вот и горюет, страдает. Сам, подохнуть ему, малаем служит, а тоже гордится, важничает. Сколько сватов выпроводил: один, видишь ли, низкого рода, другой — ремесленник, третий, говорит, арбакешит — горе тешит. Вот хотя бы мать молодого плотника — сколько раз уже навевывалась!.. Лежит у меня сердце к этому парню. У человека в руках цветок, а не ремесло! Сам холостой, дом есть, место готовое. Чего бы еще надо? Так он еще причину нашел: «Судьба дочки, говорит, не в моей воле, а в руках благодетеля моего и отца — бая. Он сам и жениха ей выберет и выдаст...» Сгинуть тебе, а не отцом быть! Чужой — всегда чужим останется. Счастлива будет моя дочь или высохнет от тоски и горя — для Мирзы-Каримбая все равно. Чужой он нам, чужой и есть!»

Гульнар вошла в маленькую, темную — с одним окошком, — сырую комнату, все убранство которой состояло из старой кошмы, нескольких шербатов пиал на полке, старого сундука да пары ситцевых покрытых заплатами, одел в нише, протянула ноги к сандалу и прилегла на кошму. Минуту назад, возвращаясь от подруги безлюдным переулком, она, чтобы лучше видеть дорогу, откинула чачван и вдруг лицом к лицу столкнулась с Юлчи. Девушка вздрогнула, торопливо закрылась. Но Юлчи все же успел увидеть ее. Живые, выразительные глаза и широкое мужественное лицо джигита осветились какой-то особенно теплой, ласковой улыбкой. Гульнар, скользя и разбрызгивая грязь, бросилась к дому. У калитки она остановилась, чтобы перевести дух, но, сколько ни старалась, все же не могла скрыть от матери свое волнение.

Гульнар крепко полюбила Юлчи. При одном имени его сердце девушки начинало биться чаще и сильнее. Чувство это зародилось с того памятного дня, когда им вместе пришлось обслуживать хозяйских гостей. Первое время Гульнар не понимала, что творилось с ней. Но тревога в сердце с каждым днем нарастала, и девушка, до этого знавшая о любви только по сказкам, начала понимать истинную причину своих страданий. После свадьбы Нури она ни разу не посмела встретиться с Юлчи и обменяться с ним хоть двумя-тремя словами: боялась родителей, боялась посторонних глаз. Как она будет смотреть людям в лицо, если о ней начнут говорить, что она стала чьей-то любовницей? Ведь молодую девушку так легко оклеветать. В то же время ей не давала покоя еще одна мысль — а вдруг отец скажет: «Мирза-Каримбай нашел жениха, готовься к свадьбе, жена!» Ведь это может случиться, отец слушается бая во всем!..

Со двора послышался голос Ярмата, потом — овечье бляенье. Приподнявшись, девушка посмотрела в окно: отец привязывал к тутовому дереву большого, жирного барана. Халат на нем до самого пояса захлюстан, даже на бороде и лице брызги грязи.

— Где твоя дочь? — крикнул Ярмат Гульсум-биби.

Гульнар вскочила, на ходу сунула ноги в капиши и выбежала во двор.

— Подай воды!

Гульнар налила в глиняный кувшин воды, протянула отцу.

— Полей! — Ярмат присел на край террасы, подставил грязные сапоги и принялся жаловаться: — Ох, помираю, дочка! Гнать одного барана — это мученье. Даже самому великому грешнику в судный день бог не придумает такого наказания! Пройдет два шага и остановится среди улицы, в самой грязи. Будто ноги пригвоздили ему к земле. Сколько ни бейся — ни с места! За шею тащишь — упирается, сзади под курдюк подталкиваешь — тоже. А какой у него курдюк, видала? Пуда полтора сала выйдет! До костей салом оброс! Да, полакомятся завтра охотники до нарына!

— Всю жизнь так, — усмехнулась Гульсум-биби. — Вы мучаетесь, а лакомиться будет кто-то.

Ярмат обернулся, хмуро посмотрел на жену и сердито закричал:

— Что?! Больше ничего не нашла сказать, глупая женщина?! Ты лучше спросила бы, за сколько куплен баран, напомнила бы мне: попроси, мол, у хозяйна голову, печенку, ребуху... Да, пожалуй, и нарына завтра отведаем. Этого ты не подумала, а?

— А что нам дадут, кроме объедков? — заметила Гульнар, мельком взглянув на мать.

Непочтительное вмешательство дочери еще больше рассердило Ярмата. Хмуро поглядывая то на жену, то на дочь, он покончил с мытьем сапог, затем умылся сам, напился чаю и велел жене идти на байский двор.

— Хозяйка зачем-то звала, — сердито пояснил он и затем прибавил: — А сюда сейчас подойдет Юлчи, надо засветло зарезать барана, прибрать мясо, сало.

Гульнар вдруг оживилась и поспешила поддержать отца:

— Верно! Лучше пораньше со всем управиться. В темноте что за работа. И Хаким-байбача, наверное, будет торопить.

Ярмат смягчился. Он велел подать нож, брусок, вымыть большие глиняные корчаги под мясо. Гульнар вмиг все приготовила. Потом прошла в комнату и опустилась на колени перед окном: отсюда она могла видеть своего джигита.

III

Нури пришла к своим в полуденное время в пятницу. Одета она была очень нарядно. На руках по несколько пар золотых браслетов, на пальцах бриллиантовые кольца, поверх плюшевой жакетки парчовый камзол, отливавший разноцветными огнями, будто сотканный из золота и серебра... При ее появлении в комнатах ичкари поднялась суматоха. Раньше всех подбежала мать. Дрожащими руками она обняла дочь, поцеловала ее в лоб. Затем гостью окружили невестки и не меньше десятка женщин-родственниц. Каждая справлялась о здоровье, желала благополучного возвращения из Москвы мужа. Нури, однако, была скучна и молчалива. Рассеянно слушая болтовню женщин, она нехотя выпила две пиалы чаю, потом встала, вышла во двор, заглянула на кухню. Там она застала Гульсум-биби и еще двух

женщин-соседок. Гульсум пекла в тандыре лачира для шурпы. Две соседки суетились у очага. В большом котле для нарына варилась жирная колбаса из конины, во втором — баранье мясо.

Нури снова вышла во двор. Увидев пробежавшую мимо Гульнар, она окликнула девушку, поговорила о каких-то пустяках и вдруг спросила:

— Кто у вас дома?

— Недавно там были отец с Юлчи, — ответила Гульнар и хотела уйти, но Нури остановила ее и, чему-то улыбаясь, предложила:

— Пойдем туда. Если мужчины на терраске, мы посидим в комнате. Я утомилась здесь — суматоха, шум, ребята...

От удивления Гульнар не сразу нашлась что сказать. В девичестве Нури очень редко заглядывала в их хибарку. А если и заходила случайно, то даже не присаживалась к сандалу, брезгуя их одеялами и подушками. «Видно, после замужества нрав у нее изменился!» — подумала девушка и, обрадованная, спросила:

— Правда, вы не шутите, сестрица? А старшая госпожа ничего не скажет?

Нури не ответила. Она подошла к террасе, накинула чью-то паранджу похуже и, ласкаясь к матери, сообщила ей о своем намерении.

Лутфиниса выпучила глаза:

— Что с тобой, доченька! Кто ты и кто они? Зачем тебе ходить по лачугам работников? Неужели тебе у матери плохо? Или я не так приветила родную дочь? Если хочешь, велю приготовить место в отдельной комнате. Сбрось эту паранджу!

— Ничего не надо, айи, — ласково сказала Нури. — Устала я с проводами вашего зятя. И здесь шум, гам. Мы посидим и поговорим с Гульнар. Она мне споет что-нибудь.

— Ох, бой-бой! Ну, как знаешь, дитя мое. Только долго не засиживайся... Да смотри, — добавила Лутфиниса совсем тихо, — вшей не наберись!

Гульнар провела Нури к себе, разостлала одеяло и усадила ее, подложив под спину подушку. Девушка сегодня была счастлива. Вчера, когда Юлчи помогал отцу разделять баранью тушу, она через окошко несколько раз встретила с его взглядом, полным любви и ласки. Глазами и молчаливыми улыбками они рассказали друг другу о том, что хранилось у обоих глубоко в сердце.

И сейчас Гульнар очень хотелось взглянуть в окно на Юлчи, который сидел на терраске, по-богатырски скрестив ноги, и чинил конскую сбрую. Однако боязнь вызвать подозрение у Нури заставила ее побороть это желание. Она смеялась, говорила о разных мелочах, старалась развлечь гостью.

Нури слушала невнимательно и часто отвечала невпопад. Несколько раз она, томно склонив голову, бросала взгляд на терраску. Заметив рассеянность гостыи, умолкла и Гульнар.

Неловкое молчание это было нарушено приходом Ярмата.

Ярмат давно жил в доме и был доверенным слугой, поэтому Нури при нем не закрывалась, как и Гульнар не пряталась от Мирзы-Каримбая.

Довольно потирая руки и улыбаясь, Ярмат опустился на колени в двух шагах от сандала:

— Здоровы ли, сестрица Нури? Спасибо, что перешагнули порог нашей хижины. Сердце мое от радости готово прыгнуть выше самых высоких гор. Спасибо, спасибо! Я вас любил и люблю больше, чем свою дочь. Вот и отблагодарили — вспомнили Ярмата и пришли...

Нури, не вставая с места, холодно поздоровалась. На вопросы навязчивого работника она отвечала короткими «да» или «нет». Тогда Ярмат стал обращаться к дочери. Он без умолку болтал, рассказывал, как свекор Нури — Наджмеддинбай когда-то построил на свои средства мечеть, какая обширная торговля у Фазлиддина-байбачи. Наконец он поднялся и, молодежато выпрямившись, направился к двери.

Гульнар попросила:

— Принесите тесто, я тоже буду его крошить, чтоб помочь женщинам.

— Осталось уже немного, дочь моя. Сейчас Юлчибай освободится и покрошит. Вы лучше посидите поговорите. Ну, я пошел к гостям.

Нури посмотрела в окошко и, как только за Ярматом закрылась калитка, попросила:

— Я проголодалась. Сходи, Гульнар, скажи матери, пусть пришлет чего-нибудь. Фисташек побольше захвати. А может, ты там нужна. Сходи узнай.— Нури вздохнула, поправила волосы, шаль.

— Я — с радостью! Давно бы сказали, сестрица.— Гульнар вскочила, проворно накинула паранджу.

Нури осталась одна. Первой ее мыслью было выйти на терраску к Юлчи. Но она тут же раздумала: «Увидит Гульнар или Ярмат — опозорюсь. Что же делать?» Нури снова села к сандалу. Сердце ее учащенно билось, губы пересохли. Наконец она решила: «Открою окно и поговорю. Если войдет кто-нибудь, скажу, душно в комнате, потому и открыла...»

Юлчи только было собрался крошить тесто, как вдруг открылось окно. Он поднял голову — перед ним разодетая, сияющая золотом и драгоценными камнями стояла Нури. Юноша застыл от неожиданности, лицо его залилось румянцем.

— Здоровы ли, веселы ли? — смущенно проговорил он, склоняясь над тестом.

Нури кокетливо рассмеялась:

— Мне всегда весело. А увидела вас — и еще веселее стало.— Боясь упустить время, она сразу же заговорила о том, ради чего пришла в лачугу батрака: — Юлчи-ака, я хочу забрать вас отсюда.

— Куда же это? — не понял Юлчи.

— К себе... К нам... — поправилась она.— Нам нужен такой человек, как вы. Работа у нас в тысячу раз легче. Вы не откажетесь, да? Я вам только добра желаю.— Покусывая кончик волос своей длинной косы, Нури выжидающе смотрела на Юлчи чуть прищуренными глазами.

Юлчи ответил не сразу. «Эге, муж-байбача уже наскучил, видно! — подумал он.— Ненадолго же хватило тебе твоей радости. Теперь приглядывай меня в работники, чтоб играть как с малым ребенком.

Понятно!..» Уйти от Мирзы-Каримбая значило расстаться с Гульнар. А для Юлчи одна улыбка Гульнар была дороже всех радостей жизни. Подняв голову, он сказал мягко:

— Не трогайте вашего бедного родственника, оставьте его в покое. Я живу здесь, и у меня есть свои маленькие надежды. Вам работник нужен? Я могу найти. Есть на примете один верный человек.— Юлчи бросил нож, приложил руку к сердцу.— А меня оставьте.

— Юлчи-ака, у нас вы скорее добьетесь исполнения ваших надежд и желаний. Что вам нужно? Деньги, чтобы кормить ваших родных в кишлаке, хорошая одежда? Если вы будете у нас работать, вы все это получите от меня! — Нури вызывающе рассмеялась.

— Я не пойду, если бы вы даже вздумали увести меня насильно. Счастье не только в деньгах и в одежде. Деньги я заработаю...

— А в чем же еще?

— Об этом позвольте мне знать,— тихо, но твердо сказал юноша.

Нури была растеряна. Она никак не ожидала, что этот батрак откажется от ее заманчивого предложения.

— Оказывается, вы очень упрямый и своевольный. Но рано или поздно вы должны будете согласиться!..

Нури сердито захлопнула окно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

На женской половине двора Наджмеддинбая расцвели черешни. Теплый воздух был наполнен пьянящим запахом цветов. В белой кипении их, пронизанной лучами яркого солнца, роились и звенели тысячи пчел и весенних жучков.

Аисты давно прилетели; где-то на соседней крыше слышалась детская песенка:

Пришла весна,
Аисты прилетели,
Крылья их стали
Как листочки бумаги —
слиняли...

Под черешней, на широкой деревянной кровати с выкрашенной голубой решеткой, на мягких одеялах полулежит, облокотившись на подушку, Нури.

Напротив, в десяти шагах от нее, стирает белье Гульнар. Не отрываясь от работы, девушка то запоет тихонько, то перекинется словом-другим с Нури. Сегодня она особенно хороша. Под лучами весеннего солнца отливают серебром ее белые, точеные руки с засученными выше локтя рукавами, горят черные косы, вздрагивают длинные, густые ресницы.

Время от времени к ним подходит свекровь Нури. Она не может нахвалиться девушкой:

— Мешки золота-серебра сыпь на тебя, Гульнар, и то мало. Пошли аллах тебе счастья и удачи в жизни! Спасибо отцу-матери — научили тебя работе, уму-разуму...

Нури почувствовала в словах свекрови укор себе, пренебрежительно скривила губы:

— Пронади оно, золото-серебро, если его сыпать к ногам каждого... Что оно — пыль?

— Вай, Нуриниса, — выразительно повела бровью свекровь, — знаешь, в старину говорили: девушке не трон золотой пожелаю, а счастья с мизинчик дай... Может, и Гульнар счастье улыбнется. Войдет она невесткой в хорошую семью, вот тебе и золото-серебро.

— Не хвалите так, тетушка-сватья. А то зазнаюсь и стирать не захочу, — ответила со смехом Гульнар и уже серьезно добавила: — Найдется какой-нибудь бедняк и для дочери батрака. Был бы хороший да умный — и довольно.

У Нури не было желания ни говорить, ни шевелиться. После разговора с Юлчи она не находила покоя, то теряла всякую надежду и ей становилось все безразлично, то злилась и придумывала новые хитрости. Каждый раз, когда на память приходил Юлчи, сердце ее загоралось обидой и гневом. «Какой-то малай в доме моего отца — и не обращает на меня внимания! — возмущалась она. — Чем он гордится, почему привередничает? Ну, побоялся тронуть меня в девичестве... А теперь чего ему бояться! Нет, тут что-то не то. Я все раз-узнаю, все раскрою!»

Нури лениво сошла с кровати. Упершись руками в бока и высоко задрав голову, она, точно невестка в гостях, стала медленно прохаживаться вдоль ряда черешен нарочно на виду у хлопотавшей по двору свекрови. Всем своим видом она говорила: «Стерпишь — терпи, а не стерпишь — широкая тебе улица! Мать меня не для работы родила. С кем ты меня сравниваешь? Гульнар — одно, а я — другое!»

Нури обошла широкий двор, сад, остановилась около Гульнар, снисходительно спросила:

— Уморилась?

— Нет. Я и побольше этого стирала.

— Вот придет твой пачча...

— А когда он придет?

— Давно бы должен быть... Вот придет он, я найму себе прислугу и работника.

— Особенно нужна вам прислуга, — согласилась Гульнар.

Нури стояла, держась за ветку черешни, и чуть приметно усмехалась.

— В работники Юлчибая хочу взять, — сказала она, пристально сверху вниз глядя на Гульнар. — Он испытанный человек. Что ты на это скажешь?

Гульнар на миг подняла голову, посмотрела на Нури и снова склонилась над корытом. Девушка ничего не сказала, но Нури и без слов поняла, что кроется за этим молчанием; Гульнар побледнела губы ее вздрагивали.

— Что ж ты молчишь? — насмешливо спросила Нури. — Разве

плохо будет, если Юлчибай перейдет к нам? Он мой родственник. Я буду хорошо платить ему. Тетка в кишлаке узнает — обрадуется. Обязательно заберу Юлчи. Да он и сам на крыльях прилетит.

— Хорошо... Порадуйте вашу тетушку. А мы — что ж... — дрожащими губами выговорила Гульнар и отошла с бельем к веревке.

Глядя ей вслед, Нури значительно кивнула головой и рассмеялась.

Вечером Гульнар возвращалась домой, низко опустив голову, погруженная в невеселые думы. Мир казался ей беспросветно темным. Она знала характер Нури: если та чего захочет, обязательно добьется. «Зачем ей понадобилось совать свой нос в мужские дела? — тревожно думала девушка. — Работника пусть ищет муж. И разве нет других, кроме Юлчи? А потом, с каких это пор Нури стала так заботиться о забытой кишлачной тетке и ее сыне? Нет, тут что-то неладно... Нури еще в девушках была ветреной. Бывало, такое скажет, что слушать стыдно...»

Девушка пришла домой совсем разбитая. Мать сообщила ей, что завтра утром они должны будут выехать в загородное поместье. Но Гульнар встретила эту новость безразлично.

Ярмат с семьей ежегодно переезжал в поместье месяца на два раньше хозяев, чтобы к их приезду привести в порядок сад, двор, хозяйство. Вместе с отцом и матерью там с утра до ночи работала и Гульнар.

Незадолго до часа вечерней молитвы пришел Ярмат. Он сказал, что завтра будет занят другими делами и приедет в поместье только вечером, а женщин с утра повезет Юлчи. При этом известии дым печали, застлавший сердце Гульнар, начал рассеиваться. Она легла в постель, но, хоть и утомилась за день, не сомкнула глаз — все ждала рассвета.

II

Юлчи сидел на облучке фаэтона, хмуро поглядывал на низкие, мрачные ворота незнакомого двора, за которыми часа полтора-два назад скрылся Салим-байбача, и думал: «Что ему делать в этом глухом месте? Какая нужда была на ночь глядя выезжать из дому?..»

Со стороны ворот неожиданно послышался чей-то возглас:

— Юлчибай!

Юлчи поднял голову, расправил усталые, натруженные за день плечи, обернулся на зов: от ворот к нему подходил старший зять Мирзы-Каримбая — Танти-байбача:

— Что ты здесь делаешь, Юлчи?

— Привез Салима-ака, — стараясь скрыть раздражение, ответил Юлчи.

— Салима? А где же он?

— Уже часа два, как скрылся за этими воротами.

— Ага, понятно! — Танти, пьяно покачнувшись, обернулся к старику, сидевшему на табуретке в тени ворот. — Так-то, значит, вы преданы мне, а, Шамурад? Мой кошелек уже кажется вашему хозяину тощим.

Нашли на Асальхон покупателя с более толстой мощной, а мне другой товар — попроще — подсунули? Ладно, ладно!..

Старик вскочил с табуретки и засеменил к Танти со сложенными на груди руками.

Байбача продолжал, передразнивая:

— «Было ли хоть раз так, чтобы она не нашлась для вас, братец мой Мирисхак! Были бы деньги — они вам из арш-аалла доставят ее. За деньги я ключи от рая раздобуду и передам вам из рук в руки!..» А выходит, ключи - то другому в руки попали, а?..

Старик униженно кланялся, лопотал что-то в свое оправдание. Танти досадливо отмахивался:

— Знаем! Знаем теперь!..

Юлчи заметил этого человека еще с вечера, когда они подъехали к воротам. Старик тогда сидел на своей табуретке посредине тротуара и, так же вот униженно раскланиваясь, вскочил навстречу Салиму. Старик было лет под шестьдесят; белая борода всклокочена и спутана, словно мелкие корни вывороченного бурей карагача; на плечах — длинный, с рукавами камзол, видно шитый когда-то из хорошего, дорогого материала, но сейчас потертый и засаленный до блеска, на ногах — потрескавшиеся и облупившиеся от времени лаковые ичиги и рваные галоши.

Старик все продолжал оправдываться:

— Гюльандом — розоликая пери. Меда Асальхон вы отведали. Теперь другие пусть доедают воск, а вы наслаждайтесь ароматом розы. Разве мы не знаем вашего вкуса?..

— Ладно. Довольно. Мы еще поговорим, — грубо перебил старика байбача. — А пока идите и передайте вашему хозяину: пусть приготовит корзину с вином и пивом. Что мне надо — вас не учить.

Старик попятился и засеменил к воротам. Танти-байбача рассмеялся.

— Знаешь, кто это такой, Юлчи? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Это знаменитый Шамурадбай! Когда-то слава о нем гремела и в Ташкенте и в Фергане. Он был пиром¹ людей, предпочитавших заботам жизни ее радости. Царствовал в этом дворце наслаждений. А потом разорился и, как видишь, оказался у его порога.

Байбача подошел к фонарю фазтона, взглянул на часы:

— Сейчас одиннадцать. Салим скоро не выйдет. Отвезешь меня...

Юлчи не успел ничего ответить, как Танти-байбача повернулся и скрылся в воротах...

Танти кутил с самого полудня. Проигравшись в кумар в компании каких-то приезжих самаркандских баев, он несколько дней сидел дома без гроша в кармане. Но сегодня ему повезло: удалось за хорошие деньги продать одну из своих лавок, и он после завершения сделки решил повеселиться. Танти взял парного извозчика и, развалясь на мягком сиденье, прежде всего отправился в новый город. Проехался по залитым весенним солнцем улицам, обсаженным деревьями, зеле-

¹ П и р — наставник, духовный отец.

неющими свежей листвой, прокатил мимо памятника генералу фон Кауфману.

Здесь прогуливались несколько офицеров, подтянутых, с лихо закрученными вверх усами, с грудью, выпяченной так, словно каждый из них только что глотнул воздуха и шел, стараясь сдерживать дыхание. Танти-байбача тотчас же изменил позу. Будто выполняя какую-то важную обязанность, он принялся раскланиваться на обе стороны: сначала описывал головой небольшую дугу, затем поднимал ее и снова низко склонял уже вместе со всем корпусом.

Отдав таким образом дань «хорошему тону», Танти повернул извозчика и поскакал в старый город прямо в этот глухой переулок...

Юлчи соскочил с козел, несколько раз прошелся перед воротами. Что делать? Отказать Танти — значило обидеть его, поехать с ним — может рассердиться Салим.

Из ворот вышел Танти-байбача вместе с закутанной в паранджу женщиной, а след за ними с тяжелой корзиной, позванивавшей бутылками, — Шамурадбай. Танти велел поставить корзину в фэзтон и тотчас усадил женщину.

Юлчи начал было возражать, ссылаясь на то, что не предупрежден хозяин, но Танти-байбача рассердился:

— Брось! Хозяин — я. Придет время — я так встряхну за ворот твоего Салима... Садись... Погоняй!

Не доезжая Чор-Су, Танти велел Юлчи сворачивать в узкий тупик по левой стороне улицы. Когда коляска остановилась, байбача помог женщине сойти, затем, указывая на корзину, коротко приказал Юлчи:

— Неси!

Просунув в щель палку, байбача сбросил цепь, накинутую с внутренней стороны, раскрыл тяжелые ворота. Миновав темный крытый навес, Танти открыл дверь михманханы, прошел в комнату, зажег лампу. Юлчи, следовавший за ним, поставил корзину с вином у окна и отошел к двери.

Танти-байбача опустился на одеяло, ухарски сдвинув на висок тюбетейку, крикнул в дверь:

— Заходите, душа моя!

На пороге показалась молодая женщина лет двадцати. Это была Гюльандом. Она уже успела сбросить паранджу в передней и оказалась в широком атласном платье, в тонкой шелковой косынке и лаковых сапожках на низком каблуке.

Гюльандом действительно была красавицей. Высокая, стройная, с полной грудью и с тонким лицом; лицо смугловатое, точно подернутое легким загаром, и глаза — большие, внимательные и грустные. От нее веяло свежестью, красотой и изяществом — видно, «дом наслаждений» еще не успел наложить на ее облик своей дьявольской печати.

Прошелестев платьем, Гюльандом остановилась рядом с Танти, внимательным взглядом чуть прищуренных глаз посмотрела на Юлчи, кивнула в его сторону.

— Братец, видно, из простых кишлачных джигитов. Это хорошо.

Там, где простота,— там и сердечность. А я вот попала между знатных и... оказалась здесь.

— Что, в плохое место попали? Смотрите!..— Танти-байбача повел вокруг рукой, указывая на убранство комнаты.

Гюльандом окинула взглядом михманхану и, не скрывая иронии, сказала:

— Чудно! Неужели это вы сами со своей ветреной головой столько добра нажили?

Юлчи невольно рассмеялся. Танти-байбача только ухмыльнулся, приняв слова Гюльандом за шутку.

Гюльандом, кивнув байбаче, вышла зачем-то в переднюю. Юлчи тоже повернулся было к двери, но Танти остановил его:

— Не торопись уезжать, успеешь еще. Поддай-ка вон ту бутылку с красной головкой, выпьем.— Байбача помолчал, наблюдая за Юлчи, и вдруг ударил кулаком по колену.— А Салиму и Хакиму я еще наступлю на горло! Я терплю, пока старик не свалился, а закроет глаза — я их прижму! Они стараются лишить меня жениной доли наследства. Но я не сплешаю!

Юлчи подал Танти бутылку.

— Зачем раньше времени шум поднимать? — спокойно заметил он и снова повернулся к двери.— Ну, я поехал.

— Подожди, не торопись. Выпей пиалу!.. Не хочешь? Тогда вот это возьми! — Байбача вынул из кармана серебряный целковый и бросил его на ковер.

— Благодарствую, Мирисхак-ака. Только мне это ни к чему... я не возьму...

Танти рассердился:

— Погляди сюда, глупый! Зачем нос задираешь? Ты должен ценить деньги, потому — ты бедняк. Запомни — так ты не разживешься и никогда не будешь человеком. В наше время без денег не проживет и ангел. Если нужно, ради денег, как говорят, цыгану ишака не брезгуй напоить. Вокруг тебя все денежные люди. Вот дядя твой, Хаким, Салим, я и еще много баев. Склоняйся перед ними, оказывай им почет, и они тебя по головке гладить будут, озолотят. Знаю, ты не такой. Потому и советую: брось эту привычку! Возьми деньги!..

Юлчи сделал шаг к Танти-байбаче. Губы его дрожали.

— Спасибо за совет, Мирисхак-ака. Но, говорят, честь джигита дороже денег. Я хоть и мало добываю, но зато добываю честно, своим трудом.

Танти-байбача выпил пиалу вина, кивнул на дверь в переднюю.

— Эту красавицу видел? — сказал он насмешливо.— Она дочь такого же, как мы, мусульманина. Сейчас я для нее ничего не пожалею. Но если огорчит чем — вышвырну и еще лучшую найду. Вот! И все дело в деньгах. Ее с родителями тоже сила денег разлучила!.. Это у тебя все молодость, молодечество. Брось!

— По-моему,— горячо возразил Юлчи,— дело не только в деньгах. Дело и в людях. Вернее, в денежных людях. Вот все добро, что вы сделали для дочери бедняка! — он указал на корзину с вином и, даже не попрощавшись, шагнул через порог михманхану...

Улицы были темные, безмолвные. Редко где слышался свисток или колотушка какого-нибудь одинокого караульщика.

Юлчи гнал лошадь, не замечая дороги. Душа юноши кипела негодованием. Он очень жалел, что не ответил Танти еще резче. «Деньги для них — все. Мужчины их круга покупают за деньги честь жен и дочерей бедняков, а женщины — честь мужчины. Вот и Салим-байбача, наверное, обнимает за деньги дочь какого-нибудь бедняги... А его жди. Всю ночь без сна, а завтра с утра надо отправляться в поместье...»

Вспомнив о предстоящей поездке с семьей Ярмата, Юлчи повеселел. Он оглянулся вокруг: фаэтон катил по Урде, а над вершинами высоких тополей, выглянув из-за легкого облачка, уже повис серебряный осколок луны...

III

...Арба выехала за город. Домашний скарб семьи Ярмата умещался в нескольких узлах, на арбе было просторно, и Гульнар с матерью удобно расположились в передке.

Юлчи, счастливый тем, что везет любимую девушку, весело понукал коня и тихонько напевал какую-то песенку.

Гульнар, закутанная в паранджу, дрожащим от волнения голосом иногда перекидывалась словом-другим с матерью, но с Юлчи заговорить не смела, да и никак не могла найти предлога. Вчерашний разговор с Нури все еще тревожил сердце, но она старалась отогнать печальные мысли.

Ослепительно ярко сияет солнце. Воздух чистый, прозрачный. Над головой ясное голубое небо. А вокруг куда ни глянь — празднично одетая земля: зеленеют холмы, цветут сады; яблони, персиковые и урюковые деревья кажутся со стороны огромными букетами. На полях то там, то здесь дехкане ковыряют омачами землю, подгоняя ударами палок тощих, усталых волов. Возле самой дороги какой-то паренек рыхлит свою полосу кетменем. Время от времени он останавливается, звонким голосом затягивает песню. Ему подпевают птицы в садах. А подалее, на холмах, одиноко бродит мальчик-пастух...

Сгрузились они неподалеку от байского дома в маленьком дворике, окруженном невысоким дувалом. Посредине двора — открытый навес. Гульнар с матерью тотчас принялись подметать двор и раскладывать по местам свои пожитки.

Когда покончили с самым необходимым, Гульсум-биби велела поставить чай. В маленьком арычке рядом с дувалом воды не оказалось. Гульнар накинула на голову вместо паранджи материнский камзол, взяла ведра и отправилась к головному арыку. Шла она по прошлогодней тропинке. Вокруг — молюдая весенняя зелень, вдали — синие горы, все знакомые с детства места...

Гульнар вдруг остановилась: на берегу арыка стоял Юлчи и поясным платком вытирал лицо — он только что умылся.

Девушка на мгновенье задумалась — идти или вернуться? — и пошла вперед.

Юлчи посторонился, несмело предложил:

— Оставьте здесь ведра, Гульнар, я принесу.

Гульнар стыдливо отвернулась:

— Спасибо, я привыкла сама. Да и вы устали, наверное.

— Устал? — улыбнулся Юлчи. — Нет, Гульнар, мне еще стыдно устать. Особенно сегодня... когда я помогаю вам...

— Правда? — тихо спросила девушка. — Или это вы так, чтобы сказать что-нибудь приятное?

— Верьте, Гульнар, слова мои от чистого сердца.

Гульнар зачерпнула мутноватой воды, поставила ведра на берег арыка.

— Верю, — сказала она. — Все говорят, что вы любите правду и... хорошо работаете... Так хорошо, что я боюсь, как бы вас не забрали другие...

— Не понимаю, Гульнар, о чем вы? — Юлчи невольно шагнул к девушке. — Кто меня может забрать?

Гульнар чуть повернулась, на один миг приоткрыла лицо.

— Сказать вам?.. Нури-апа хвалилась: Юлчи, говорит, обязательно будет работать у нас. — Гульнар вздохнула. — Правда, уходите?

— Эх-ха, вон о чем вы? — улыбнулся Юлчи. — Нури-апа, наверное, во сне видела меня своим работником. Пусть же она прежде расскажет свой сон воде. Никуда я не уйду, хоть в цепи закуют и силой будут тащить! Верно, здесь у дяди нет ни дня покоя. Можно, конечно, найти место лучше. Но я не хочу...

— Почему? Каждый ищет, где ему спокойнее и легче. — Гульнар украдкой взглянула на джигита. — У Нури-апа хорошее место.

Юлчи замялся, помолчал немного.

— Если я прямо скажу, не обидитесь?

— Почему я должна обижаться? Может, даже обрадуюсь, кто знает...

— На вас не могу наглядеться, от вас не хочу уходить, Гульнар!..

Сердце Гульнар забилося часто-часто. Она отбросила камзол с лица и, сама того не замечая, шагнула к Юлчи. На длинных и густых ресницах девушки утренней росой заблестели слезинки.

— Правда? Правда, Юлчи-ака?

— Правда, Гульнар! Вы не верите мне?

— Я... не знаю. — Девушка на миг опустила глаза, потом радостно взглянула на Юлчи: — Нет, верю!.. Я вам верю больше, чем себе. Вы правдивый, открытой души джигит... знаю...

Юлчи привлек девушку, дрожащей рукой нежно погладил ее по волосам. Оба они, любящие и счастливые, долго глядели друг другу в глаза...

IV

Нури по себе судила о нравах и поведении всех девушек и женщин и была уверена, что между Юлчи и Гульнар есть тайная связь. «Это она вскружила голову Юлчи, встала помехой на пути моих желаний, — решила Нури. — Только эта батрачка радуется раньше времени. Как она смеет! Да я ей глаза выцарапаю, подлой рабыне! Ее ли дело увлекаться любовью!..»

Нури не стала долго раздумывать и дня через два побежала к своим. «Вот расскажу обо всем Гульсум, тогда увидишь, как заниматься шашнями!» — думала она.

Острая досада охватила Нури, когда оказалось, что семья Ярмата уже выехала в загородное поместье, но она не отступила от задуманного и решила разоблечь девушку с помощью своей матери.

После угощения Нури с матерью остались вдвоем и по обыкновению принялись перешептываться, делясь новостями. Лутфиниса, охая и вздыхая, жаловалась на невесток. Изливала перед дочерью все свои обиды и огорчения, рассказывала обо всем, что случилось за последнее время в семье и у родни.

Нури, чуть ли не с детства привыкшая к сплетням и пересудам, слушала с большим вниманием. Она то смеялась, то сердилась вместе с матерью, то поучала ее.

Наконец Лутфиниса умолкла. Тогда «книгу злословия и клеветы» раскрыла и без запинки принялась читать дочь. Заговорив о Гульнар, Нури придала своему голосу особую таинственность. Озираясь по сторонам, словно ворона, опасаящаяся за свою добычу, она зашептала:

— Жаль, Гульсум-апа нет. Надо было бы кое-что рассказать ей. Вы тут сидите, айи, и не знаете, какие дела творятся у вас под боком!

— Э-э! — насторожила уши Лутфиниса, еще ближе придвигаясь к дочери.

— Гульнар, подохнуть бы ей, оказалась настоящей развратницей!

— Что?! Что ты говоришь? — заиграла белками глаз Лутфиниса.

— Совсем, говорю, развратилась! С Юлчи вот так связалась. — Нури крепко сцепила указательные пальцы перед глазами матери. — Любятя они... И, по-моему, Юлчи тут не виноват. Во всем виновата эта чертовка... Гульнар. Если девушка навязывается сама, джигит разве откажется!

— Вай, подохнуть бы ей маленькой! — Лутфиниса поджала губы, покачала головой. Старуха так была уверена в словах дочери, что даже не сочла нужным спросить, откуда Нури знает эту новость. — Ах, бесстыжая! А если родит?! — вдруг вспыхнула она, будто пламя на ветру.

Нури не думала, что дело могло пойти так далеко, но промолчала.

— Хотя бы не понесла! — продолжала мать, хрипя и мучаясь от одышки. — Ну и девушка, зачахнуть ей! Ну и распутная! А посмотришь — с виду как будто скромная, разумная...

— Такие-то, айи, всегда развратные. В груди у них шайтан сидит, — ответила Нури.

— Правду говоришь, доченька, правду, — поспешила согласиться Лутфиниса. — Ты вот шумливой росла, словно мешок с орехами. И сестра твоя была веселая и озорная. А обе, слава богу, выросли чистыми и непорочными, что сахар, завернутый в бумажку. Глаза ваши лица мужчины не видали... Конечно, Гульнар низкого рода, оно и сказывается. Кто у нее отец? Кто мать? Малай и рабыня... Порода-то низкая, вот и тянет в грязь. Вот что, Ярмат пусть пока не знает. А Гульсум я шепну на ушко. «Дочь свою, скажу, выдавай куда-нибудь на сторону, пока не поздно. Ищи, скажу, ровню».

Нури помолчала, задумавшись. Она теперь боялась, как бы мать не разболтала обо всем в семье. «Если отец и братья узнают, они прогонят Юлчи. Тогда я уже не смогу взять его к себе в работники и останусь с ним навсегда. Да и Юлчи в гневе может рассказать о наших встречах и опозорить меня».

Она тронула колено матери.

— Аи, вы смотрите не расскажите отцу и братьям. И невестки не должны об этом знать. Зачем поднимать в доме шум из-за какой-то батрачки? Расскажите только Гульсум. Ладно?..

— Подожди, Нури,— нетерпеливо перебила дочь Лутфиниса.— А почему бы им не выдать Гульнар за Юлчи, раз они уже спугались? Так принято: если девушка свихнулась, ее выдают за ее любезного.

Такого предложения со стороны матери Нури никак не ожидала. Она сначала растерялась, но быстро нашлась и возразила:

— Не говорите пустого. Юлчи пришел к нам работать, и пусть работает. У него ни денег, ни места своего здесь нет, и сам еще совсем молодой — зачем ему жена? Как говорится: «Мышь и так чуть пролезет в нору, зачем же ей еще решето к хвосту привязывать?» Через пять-шесть лет он в своем кишлаке женится.— Нури решительно взмахнула рукой.— Об этом и рта не раскрывайте! Кто знает, может, Юлчи-бая мы возьмем в работники. Зять ваш очень хвалил его, спрашивал: «Не уступят ли они этого парня нам?»

— Да я думала только соединить этих двух беспутных,— оправдывалась мать.— Ты верно говоришь. И отец твой не любит, когда работники женятся. Раз Гульнар испорченная девушка, лучше будет, если она исчезнет подальше с глаз. Найдет какого-нибудь босняка по себе.

Лутфиниса тяжело поднялась и, схватившись за спину, охая и приговаривая на каждом шагу «Товба!», направилась совершать омовение.

V

Уже две недели Гульнар вместе с отцом и матерью с утра до ночи работает в саду. К приезду хозяев в поместье все должно цвести и блистать как в раю.

А сад прекрасен. Каждый уголок его радуется своей особой прелестью. Целыми днями в нем не прекращается веселая игра солнца и легкого ветерка, цветов и зелени. В арыках серебрится вода. Хауз, отороченный зеленой травкой, переливает мелкой рябью и кажется наполненным не водой, а светом. Яблони, вишни, персики — все плодовые деревья слились в один сплошной цветник, поднятый высоко над землей. В конце сада беспрестанно трепещут выстроившиеся в ряд высокие, стройные тополя. Поют птицы, поет вода в арыках, поют листья на деревьях, и вместе с ними поет Гульнар. Поет она тихо, чуть слышно. Большой грех, если посторонние хотя бы издали услышат голос девушки... При отце и при матери Гульнар и на это не решилась бы. Но сейчас она одна. Мать ушла в город к хозяевам. А отец запряг лошадь и уехал куда-то по спешному делу.

Гульнар поднимает освобожденные из-под земли виноградные лозы и тонкими лентами талового лыка привязывает их к дугам подпорок. Девушке радостно, девушке весело. Вот уже несколько дней в груди у нее не грусть и не печаль, а светлые надежды.

Вдруг со стороны главных ворот послышался знакомый голос: — Ярмат-ака!

Сердце Гульнар затрепетало. Взволнованная, она только на миг застыла на месте. Потом побежала, непокрытая, с развевающимися по ветру косами. Миновала внутренний двор, устремилась к воротам — и тут увидела Юлчи: он входил во двор, ведя в поводу коня.

Девушка остановилась, отступила за калитку, но оставила приоткрытой одну створку, чтобы видеть Юлчи. На губах ее, свежих, как бутон розы, расцвела улыбка.

А джигит стоял в нескольких шагах от калитки и, поглаживая шею коня, отвечал ей ласковым взглядом.

— А где Ярмат-ака?

— Отец уехал куда-то на арбе. Наверное, за подпорками для винограда.— Девушка улыбнулась.— Вы откуда? Вас не слышно и не видно.

— Я на главном участке,— не отрывая глаз от Гульнар, взволнованно заговорил Юлчи.— Работы много. От хозяина каждый день приходят новые и новые приказы: делай так, делай вот этак... Но мысли мои и сердце мое здесь, в этом саду... Приехал я с надеждой услышать ваш голос. Да вот — на счастье и увидел вас...

Гульнар, застыдившись, опустила голову.

— Не за этим приехали. Дело, видно, какое-нибудь есть...

Юлчи подошел к ней совсем близко:

— Правда, только ради вас приехал. Людям сказал, что за кетменем поеду. Кетменей у нас и в самом деле не хватает. Пожалуй, увезу кетмень Ярмата-ака.

— Вынести? — Гульнар уже прямо взглянула на Юлчи.

— Несите.

Юлчи успел загореть от солнца и степного ветра. И это очень шло к нему. Гульнар казалось, что джигит, стоявший перед ней, силой и мужеством мог бы поспорить со львом. Но вместе с этим в глазах его девушка видела любовь и нежность.

Принимая кетмень, Юлчи тоненько сжал руку девушки. Некоторое время он восхищенно смотрел на нее, не в силах выразить словами переполнявшие сердце чувства. Потом широкое, мужественное лицо его вдруг осветилось теплой, ласковой улыбкой:

— Помнишь, что говорила в тот день?

«Да, да!» — ответила она кивком головы и застенчиво улыбнулась. А вслух прошептала:

— Помню.

Губы их слились. В крови, казалось, растаяло и заструилось по жилам горячее весеннее солнце...

Легкой рысью выехал Юлчи на соседний холм и оглянулся на оставшийся позади сад. Глаза его отыскивали Гульнар. Светлое платье девушки белело издали в лучах солнца чистым, нетронутым снегом.

И вся она — высокая и стройная, будто прозрачное видение, — то вспыхивала, то вновь потухала среди цветов и зелени. Юлчи следил за ней, пока она, как сказочная пери, не скрылась в гуще сада. Затем тронул коня и поехал медленным шагом.

А сердце Гульнар после неожиданной встречи не вмещало нахлынувшей радости. Отдавшись думам о любимом, девушка не заметила, как подвязала целую грядку виноградника, как наступил вечер. Она забыла даже вскипятить себе чаю.

Когда приехал отец, Гульнар разожгла огонь, поставила варить обычную постную шурпу.

Перед тем как свариться шурпе, возвратилась из города и Гульсум-биби. Вид у нее был больной и усталый. Гульнар еще никогда не видела мать в таком состоянии.

— Что случилось, айи, вам нездоровится?

Гульсум-биби ничего не ответила, только взглянула на дочь злыми глазами, прошла под навес, сбросила паранджу и пластом растянулась на кошме.

Из сада подошел Ярмат, спросил, что нового в доме хозяев. Не получив ответа, вспылил, обрушился на жену с руганью.

Дрожь как в лихорадке, Гульнар кое-как налила шурпы. Гульсум-биби даже не притронулась к еде. Девушка через силу проглотила две-три ложки. Ярмат же, накрошив в свою миску черствого хлеба, быстро опорожнил ее, затем пододвинул к себе нетронутую миску жены.

— Злая собака! — ворчал он. — От твоих насупленных бровей холодом веет.

— Мама устала, зачем вы ругаетесь? — заступилась Гульнар за мать.

— Что, на ней пахали в городе? Устала она, подохнуть ей! — сердито закричал Ярмат.

Гульсум-биби продолжала неподвижно лежать на кошме.

Как только зашло солнце, Гульнар, хоть ей и не до сна было, легла в постель, укрылась с головой одеялом и долго плакала.

Наутро, едва открыв глаза, она сразу же взглянула на мать: лицо Гульсум-биби было таким же хмурым и злым, как и вчера.

Чтобы не попасться на глаза матери, девушка поспешила к арыку, кое-как умылась, утерлась концом платка и тотчас заторопилась в сад на работу, но Гульсум-биби остановила ее:

— Подожди, не спеши. Пока отца нет, поговорить надо с тобой, провалиться тебе! Ты отравила мне сердце! — Гульсум-биби вскочила с кошмы и проворно закрыла на цепь калитку.

Гульнар застыла посреди двора. Гульсум-биби грубо схватила ее за руку, потащила под навес. Задыхаясь от гнева, спросила:

— Сколько месяцев ребенку, провалиться тебе? — и пнула девушку носком капиша.

— Что? Как вам не стыдно! — вскричала Гульнар, ударяясь головой о столб.

— Тише, не кричи!.. Опозорила ты меня, голову мою до самой земли пригнула, подохнуть бы тебе маленькой! Говори, когда связа-

лась... Когда сошлась с этим, с Юлчи, порази его стрелой молнии.

Гульсум-биби повалила дочь и принялась щипать ее, точно щипцами. Но Гульнар не чувствовала боли.

— Это клевета! Боже, прими душу мою! Кто защитит меня, если родная мать поверила такой клевете!

Девушка рыдала, кулаками била себя по голове, по лицу.

— Какая клевета? В чем клевета? — шипела Гульсум-биби, с остервенением дергая дочь за ухо. — Ты же сама призналась Нури, а Нури сказала матери. Я все знаю. Чуть с ума не сошла. Не помню, как добралась из города.

Услышав имя клеветницы, Гульнар вырвалась, вскочила и в иступлении закричала:

— Ложь! Все ложь! Нури сама распутница. Я ничего ей не говорила! Я чиста, айи, чиста!.. Я еще не потеряла ума, стыда-совести. Я не такая бесстыдница, как Нури! — Девушка повалилась на пол.

Гульсум-биби не сдавалась:

— Правду говори, все равно смерть тебе! Скажу отцу — он тебе голову оторвет... и Юлчи... обоих вас изничтожит... Хоть перед смертью правду скажи!

Гульнар продолжала рыдать и биться мокрым от слез лицом о грязную, пыльную кошму. Она твердила одно:

— Ложь! Ложь! Ложь!

Отчаяние дочери смягчило сердце Гульсум-биби.

— Ложь? Как мне верить тебе? — говорила она, уже не в силах сдерживать слез.

Содрогаясь от рыданий, Гульнар подняла от кошмы голову:

— Не верите — дайте Коран, я поклянусь на Коране! Потом можете убить меня. Все равно перед богом я предстану чистой, с открытым лицом. А не верите — после узнаете, что я не виновата.

Захлебываясь от слез, девушка обняла мать. Гульсум-биби оттолкнула ее, запричитала:

— Ах, где же смерть моя?.. Убила ты родную мать! Зачем только я родила тебя! И Юлчибай тоже — говорили, что он хороший, и самой он мне нравился. Стирала ему, латала. А он что наделал!

Гульнар вскочила, в упор посмотрела на мать опухшими и покрасневшими от слез глазами и с неожиданной смелостью выкрикнула:

— А Юлчи чем виноват? Я люблю его. Это правда. А остальное все — ложь, клевета!

— Люблю-у?! — Гульсум-биби снова вспыхнула гневом. — Где ты научилась таким словам? Вот это и есть, что ты стала беспутной!

Но Гульнар уже осмелела. Сознание правоты придало ей силы.

— Айи,— заговорила она,— верьте, я чиста. Я сохранила себя! Хотите, пойдите к Нури, к старшей хозяйке. Пусть Нури при мне скажет, что я ей говорила. Верно. Они — хозяева. Но им, видно, мало того, что мы на них батрачим, они хотят и имя наше очернить! — Гульнар схватила мать за руку. — Идите! Я не могу стерпеть этой клеветы. Не бойтесь их, айи, пусть прогонят нас, что ж с того? С голоду не пропадем, мы привыкли к нужде. Проживем и без них... Не пойдете?

Бойтесь? Тогда я сама пойду, одна. И пристыжу Нури. Пристыжу не клеветой, а правдой!

Гульнар отпустила руку матери, метнулась к ичигам, торопливо принялась обуваться.

Гульсум-биби подбежала, крепко схватила ее за руку:

— Уймись, не будь такой опрометчивой!

— Нет, не могу снести такой клеветы! — вырываясь, выкрикнула Гульнар.

Гульсум смягчилась:

— Так, значит, все это неправда? Значит, между вами... ничего такого не было? — с облегчением спросила она.

Гульнар обняла мать, прижалась к ней и заговорила взволнованно:

— Аيي, ну что мне делать? Что мне делать, если даже вы не верите? Разрезать ножом грудь и показать вам сердце? Почему вы им верите, а меня считаете обманщицей?

Гульсум-биби уже ласково гладила голову дочери.

— Успокойся, доченька, — говорила она сквозь слезы. — Если Нури наклеветала, пусть ее судит бог. Когда-нибудь она будет наказана. Не поднимай шума, нехорошо получится, если отец узнает. Я сама пойду в город, поговорю с хозяйкой и пристыжу Нури.

Гульсум-биби усадила Гульнар, сняла с нее ичиги. Отдохнув немного, велела ей идти на работу и сама, не дожидаясь, направилась к саду. Через несколько шагов она обернулась и строго предупредила:

— С этой минуты даже думать перестань о Юлчи, слышишь!

Гульнар печально вздохнула.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Юлчи продолжал работать у Мирзы-Каримбая. Летом он сгорал на солнце, глотал пыль, зимой терпеливо переносил холод и непогоду. Он пахал, поливал, косил, возил на поле навоз, доставлял в город хлопок, развозил по магазинам мануфактуру, был за кучера... Он не считался со временем, не знал ни пятниц, ни других праздников. Полную лишений и тяжелого труда жизнь скрашивала ему одна надежда, одна мечта — Гульнар... Любовь к Гульнар привязала Юлчи к дому Мирзы-Каримбая и держит его вот уже третью зиму...

Гульсум-биби, скрыв сплетню от Ярмата, долгое время строго следила за дочерью, но ничего предосудительного ни в поведении Гульнар, ни в поведении Юлчи не замечала. И Нури, видимо остерегаясь разоблачения Юлчи, больше не поддерживала своей клеветы, хоть и заставляла к обоим глубокую ненависть.

Гульнар шел восемнадцатый год. Как и все мусульманские девушки, она не смела проявлять открыто ни веселья, ни радости, не имела права дать волю своему голосу — ни запеть, ни даже заговорить громко. Перед отцом и матерью, перед знакомыми и посторонними, перед мужчинами и женщинами — перед всеми она должна была быть немой.

Но любовь порой придавала девушке силы и смелости. Правда, очень редко она украдкой выходила из дому и где-нибудь подальше от людских глаз виделась с Юлчи. И эти короткие минуты свидания, заполненные несколькими ласковыми словами да блеском горевших любовью глаз, были для Гульнар великим счастьем.

Ярмат все чаще задумывался над тем, как бы пристроить дочь в «подходящую» семью. Дело это он доверил Мирзе-Каримбаю, надеясь на него больше, чем на себя, и сам пока ничего не предпринимал. Но он твердо решил, что зимой выдаст дочь, и уже несколько раз заговаривал с баем о свадьбе своей «слабенькой».

Мирза-Каримбай отвечал ему по-разному: «Чего ты спешишь? Одна дочь у тебя, придет время — выдашь». Или: «Надо выбрать жениха. Найдется человек — бедный ли, богатый, но способный вынести на своих плечах дом и хозяйство, тогда и устроим той. Потерпи». Осенью неожиданно умерла жена Мирзы-Каримбая — Лутфиниса, болевшая сердцем. Ярмат после этого не посмел докучать баю разговорами о свадьбе дочери и только про себя думал: «Надо бы по возможности хоть сойтись с каким-нибудь подходящим человеком и устроить стговор. А со свадьбой можно было бы подождать и до весны...»

Удрученный смертью хозяйки, он и дома редко когда вспоминал теперь о своих планах выдать дочь и тем радовал Гульнар. Девушка надеялась, что мать в конце концов сжалится над ней и уговорит отца выдать ее за Юлчи прежде, чем тот найдет какого-нибудь другого жениха.

Гульнар не знала да и не могла знать, что судьба готовила ей и ее возлюбленному тяжкие испытания...

II

Мирза-Каримбай принимал у себя в покоях отчет своего приказчика Махамадрасуля, скромного человека лет сорока, с виду похожего на муллу. Махамадрасуль служил в приказчиках уже много лет, работал на многих баев. В прошлом году Мирза-Каримбай обратил на него внимание, переманил к себе и назначил приказчиком в мануфактурную лавку в городе Аулие-Ата.

Махамадрасуль имел немалый опыт в торговом деле и не терялся перед хозяевами при отчетах. А сейчас он сидел перед сандалом, опустившись на колени, и, несмотря на холод в михманхане, краснел и потел.

Перед отъездом из Аулие-Ата Махамадрасуль, целую ночь не смыкая глаз, шелкая костяшками счетов, подытоживал торговые записи в своих тетрадах. Там ему казалось, что все обстоит отлично, и он рассчитывал на хороший прием. А получилось наоборот — не успел он после приветствия присесть на одеяло, как хозяин обрушился на него:

— Почему вы приехали без моего разрешения? — И, не дожидаясь ответа, жестко продолжал: — Здесь никто вас не ждал. Шесть месяцев назад я вызывал вас, мы поговорили. Если бы снова понадобились, я дал бы знать письмом или телеграмму отбил бы. Что пользы сновать между Аулие-Ата и Ташкентом? Запомните раз и навсегда: коль скоро

вы у меня служите, каждое дело вы должны начинать только с моего согласия. Самовольства я не потерплю...

Махамадрасуль, не поднимая головы и не опуская почтительно сложенных на груди рук, начал оправдываться:

— Бай-ата, здесь, похоже, произошло какое-то недоразумение. Прежде всего, меня сюда Салимджан-ака вызвали. Можете у них у самих спросить. Затем, здесь, в Ташкенте, как вам известно, у меня семья. Мне передали, что богоданном моим детям — сыну с дочкой — занездоровилось. Приняв в соображение все это и руководствуясь желанием Салимджана-ака, я и отправился в путь.

— Бэ! — насмешливо протянул бай. — А кто он — Салимджан? Что он понимает? Пока глаза мои смотрят, вы должны знать только меня! Разве дело — закрывать лавку лишь потому, что о семье соскучился? И затем поездка в Ташкент — разве она даром обойдется? Расходы на дорогу, подарки детям... Ну хорошо, раз приехали — поговорим. Если желаете, вот счеты. — Бай взял с полки счеты, прокатил их по ковру к Махамадрасулю и прибавил: — Для нас-то все равно. Мы и без счетов умеем обходиться.

«Сегодня бай, видно, с левой ноги встал», — подумал Махамадрасуль. Он некоторое время сидел, низко опустив голову. Потом провел рукой по лбу и начал отчитываться. Но говорил он уже неуверенно, пальцы его дрожали и так же неуверенно откладывали костяшки счетов. Отчет в присутствии иронически улыбающегося и лукаво поглядывающего бая, который не упускал из виду даже самой последней мелочи и бросал поминутно ядовитые замечания, проходил не так гладко, как предполагал Махамадрасуль. Лишь твердая уверенность в правильности своих расчетов помогла ему не растеряться окончательно.

Закончив отчет, Махамадрасуль открыто взглянул на бая.

— Вот, бай-ака, каково положение дел, — скромно проговорил он. — По-моему, оно неплохо.

Мирза-Каримбай, захватив бороду в горсть, усмехнулся:

— Неплохо? А мы такое положение дел считаем очень плохим. Сознайтесь: ведь Аулие-Ата — страна казахов, — наверное, вы там увлекались больше нарынком, чем делами, а? Скажу прямо, братец мой Махамадрасуль. Если я открываю лавку и наполняю ее товарами, то я делаю это ради прибыли. Недаром говорят: если супру прогрызут мыши, просыпется мука. У вас именно так и получилось. Верно, вы в своем отчете все показали правильно, но у меня есть и свои расчеты. И мои — всегда будут вернее. Вам известно, что приказчики у меня есть во многих местах — в Чиназе, в Коканде, в Чимкенте... Я могу их видеть, могу и не видеть, однако дела каждого из них мне известны. Я всегда обо всем знаю, и от меня они ничего никогда скрыть не смогут. И вы ничего не скроете.

Слова бая были несправедливы, и все-таки Махамадрасуль сидел смущенный, не зная, куда девать глаза. Он старался приумножить богатства бая, жил вдали от семьи, экономил на одежде, стеснял себя в пище. И вот его же обвиняют в пристрастии к нарынку! В своей жизни Махамадрасуль много слышал от баев напраслины, но обида, нанесен-

ная ему Мирзой-Каримбаем, стрелой вонзилась в сердце. Он уже готов был призвать хозяина к справедливости, но бай в это время заметил стоявшего под окном незнакомого человека и сделал ему знак войти.

Человек открыл дверь, но постеснялся пройти дальше и остановился на пороге. Одежда на нем была поношенная, забрызганная грязью. Сам он выглядел простоватым, добродушным кишлачным жителем.

Мирза-Каримбай подозрительно оглядел его, спросил:

— Кого вам надо?

Вошедший смущенно пробормотал, что он однокишлачник Юлчи, вынул из поясного платка письмо, бросил его баю. Смущенно потоптался у порога и, хлопнув дверью, вышел.

Бай развернул написанное на чайной обертке, сложенное вчетверо письмо, надел очки; держа бумагу против окна, пробежал по ней глазами. Некоторое время он сидел молча, шевеля губами, наконец сунул письмо под стоявший на сандале пустой поднос.

Махамадрасуль, не зная, что может означать молчание хозяина, не решался высказать ему свои возражения.

Минутное безмолвие нарушил сам бай.

— Махамадрасуль, — заговорил он по-прежнему строго, — я даю человеку мясо, сало, приправу и приказываю приготовить мне вкусную шурпу. Человек готовится шурпу, но снимает сверху жир, съедает мясо, а мне приносит голые кости и воду... Поняли? Как это будет по-вашему? Подумайте!

Бай, довольный своей мудростью, добродушно рассмеялся, потряхивая бородкой, но тут же, словно спохватившись, замкнулся и снова стал строгим и неприступным. Махамадрасуль почувствовал себя окончательно оскорбленным. При всей своей учтивости он не мог сдержаться, поднял голову и обиженно сказал:

— Бай-ата, не следовало бы вам возводить такую напраслину на беспомощного своего слугу, который трудится ради вас как преданный раб. И жир, и мясо, и вода той шурпы достались вам. Чего же вы еще хотите? Я работал добросовестно и несколько не злоупотреблял вашим доверием. Многие расходы, которые по договору должны быть отнесены на вас, я принял на себя. По-моему, с тех пор, как люди научились торговать, никто не видел такой выгоды. Прибыль увеличилась в восемь-девять раз.

Мирза-Каримбай по-прежнему смотрел строго, но заговорил негромко, тоном отеческого наставления:

— Прибыль, братец мой, должна быть больше не в девять, а в десять — пятнадцать раз. Вы понимаете, какое сейчас время? Война-а! Цены на мануфактуру повышаются чуть не каждый час: утром одна цена, а вечером уже другая...

Махамадрасуль все еще с обидой заметил:

— В Аулие-Ата я каждый день прислушиваюсь к новым ценам.

— Так и должно быть! — одобрил бай. — Цена каждый день до крыши скачет и будет скакать, пока не кончится война, затеянная белым царем. Я сейчас прекратил продажу мануфактуры большими партиями. Если сегодняшняя прибыль — мясо, то завтрашняя, наверное, будет чистым салом. Сейчас товар быстро разбирают и за налич-

ные, а вы много продали в кредит. Как по-вашему, должен я сердиться за это? — Бай помолчал. — Вот что: поскорей взysкивайте с казахов долги! Не могут внести деньгами — берите пшеницей. И потом, если мои слова заделали вас, братец мой, не обижайтесь. Я говорил для вашей же пользы... Ну, добро, приходите завтра в лавку, мы еще потолкуем.

— Хорошо, хорошо, бай-ата. Да приумножится ваше состояние!

Махамадрасуль со сложенными на груди руками, пятясь, отступил к порогу, тихонько прикрыл за собой дверь.

Бай некоторое время смотрел ему вслед, затем отвернулся, скользнул взглядом по письму, но, видно, тотчас забыл о нем и потянулся за счетами.

III

Юлчи сидел на корточках, прислонившись к столбу кузницы — открытого с двух сторон навеса с растрепанной камышовой крышей и черными от копоти и угольной пыли стенами, — и неторопливо беседовал со своим другом, кузнецом Каратаем.

Каратай стоял рядом с горном, у наковальни, бил молотом по красному от накала куску железа, то сплющивал его, то оттягивал, то загибал. Задорно постукивая в такт маленьким молоточком, ему помогал тринадцатилетний сынишка его Халтай.

Каратаю на вид тридцать восемь — сорок лет. Это большеголовый, широкий в кости, приземистый человек с толстыми, сильными кистями рук. Он привлекал Юлчи своим постоянством, смелостью и прямоотой суждений, а также тем, что, несмотря на годы, сохранил в сердце огонь молодости и отваги. Они дружили уж около двух лет. В свободное от работы время Юлчи часто заходил к кузнецу, откровенно делился с ним своими радостями и огорчениями. Иногда к их беседе присоединялся и Джумабай, брат кузнеца, холостой парень, работающий на очистке трамвайных путей.

Юлчи только что принес из соседней чайханы чайник чаю, наливал понемногу в пиалу, не торопясь пил сам или протягивал Каратаю. Между делом они, как и всегда, обменивались новостями, перебрассывались короткими фразами. Только когда Каратай сунул в горн новый кусок железа и в кузнице смолк перестук молотков, Юлчи заговорил о самом главном, из-за чего пришел сегодня к другу. Он рассказал, что в ближайшее время собирается как следует потолковать с Мирзой-Каримбаем, выяснить, что причитается ему за два с половиной года работы, а потом через кого-нибудь осведомить бая о своем желании жениться на Гульнар и попросить его замолвить слово перед упрямым Ярматом.

Каратай, потирая изрытый глубокими морщинами лоб, поддержал друга:

— Верно, палван. Если не втянуть в это дело бая, тебе трудно будет добиться какого-нибудь толка. Этот выродок Ярмат метит высоко сесть. Оно понятно: в нынешнее время люди льнут к тем, у кого больше дурных денег. А денежки, они сторонятся карманов таких, как мы, и сами стараются попасть в мощну какого-нибудь бая. Там, видно, им теплее, спокойнее и безопасней...

— Да, деньги бояться карманов бедняков,— согласился Юлчи.— А баям особенно война помогает — из каждого рубля десять делает. Все торговцы сейчас ходят наострив уши, только пройдет какой-нибудь слух — как сразу на всем базаре вскочат цены. И так каждый день. Вот наш хозяин, смотри, как у него дела развернулись. Даже лежалый товар покупатели берут нарасхват. Деньги текут к нему, как мука по мельничному лотку.

Каратай, наклонившись к Юлчи, зашептал:

— Война белого царя богатым принесла радость, а народ совсем нищим сделала. Возьми хоть таких, как я,— кузнецов, ремесленников. Дела наши — фиит! — Каратай как-то по-особенному присвистнул.— Все, братец, кое-как перебиваются, лишь бы с голоду не умереть.— Кузнец оглянулся и зашептал еще тише: — Говорят, под белым царем пол шатается. Слышно, русский народ против войны. Положение-то, оказывается, везде одинаковое. Война всюду с бедных последнюю шкуру содрала.— Каратай выпрямился и уже громко закончил: — Ты дальше этой зимы не откладывай. И обязательно своего дядю-бая проси. Замолвит он два слова — Ярмат твой и не пикнет...

— Сама Гульнар, кроме меня, ни о ком и слышать не хочет,— похвалился Юлчи.— Но она — девушка, связана волей отца. А если бай возьмется за дело, конечно, все должно пройти гладко.

Каратай сунул в бочку с водой зашипевший кусок железа и снова обернулся к приятелю:

— По-моему, Мирза-Каримбай хоть и живоглот, а тебе поможет. Что он теряет? Сосватает дочку своего батрака за своего же родственника, который также честно служит ему, и сделает он это не за счет своего кармана... Это — одно. И второе: если Ярмат выдаст дочь на сторону, какая от этого польза баю? А если он женит на Гульнар тебя, ты будешь еще больше привязан к его дому. Ясно — баю это выгодно. Не так ли? — кузнец взглянул на Юлчи и усмехнулся.

— Это ты брось,— возразил Юлчи.— Не только год или месяц — мне и дня лишнего не хотелось бы у него жить. Покончим с делом, а там видно будет, где наша доля...

Каратай хитро подмигнул:

— Знаю. Понимаю. Надоело цепи таскать. Но сейчас ты пока погуще наобещай баю. Ты простой, откровенный человек, а он хитер и лукав. Вот и тебе надо быть похитрее. Если он по веточке ходит, ты сумей по листочку пройтись. Тогда и будешь в выигрыше!

Юлчи громко рассмеялся. Он протянул руку, похлопал друга по плечу и, полный самых радостных надежд, напевая вполголоса какую-то песенку, направился в байский двор.

Время было под вечер. Несколько подростков стравливали двух собак. Лай взъерошенных, озлобленных псов и крики мальчишек заполняли узкое пространство между дувалами.

Юлчи, ни на что не обращая внимания, продолжал широко шагать по кочковатой, подмерзшей улице.

— Эй, джигит!

Услышав знакомый голос, Юлчи поднял голову: навстречу ему шел Шакир-ата.

— Тебя только что разыскивал какой-то однокишлячник,— предупредил сапожник.— Виделся ты с ним? Я ему рассказал, как найти твой двор.

Еще ранней осенью, встретив одного земляка, Юлчи послал с ним для матери двадцать рублей денег и с тех пор никаких вестей из дома не получал. Он ускорил шаг.

Войдя в ворота, юноша увидел Мирзу-Каримбая, занятого омовением. Когда хозяин поднялся, Юлчи спросил у него о земляке. Бай вытер лицо, затем молча, жестом руки пригласил его следовать за собой.

В михманхане Мирза-Каримбай, по своему обыкновению, уселся к сандалу. Некоторое время он молчал, потирая лоб ладонью. Видимо, затрудняясь, с чего начать, покусывал кончик бороды. Потом сказал:

— Тебе письмо есть. Но оно принесло нерадостные вести.— Бай отодвинул поднос, протянул Юлчи листок бумаги.— Ты разумный джигит и покоришься воле аллаха...

— Что за известие? — взволнованно спросил Юлчи.

Мирза-Каримбай вздохнул:

— О, суетный, бренный мир!.. Ты лишился матери, племянник...

— А! — только и мог произнести побледневший Юлчи.

Мирза-Каримбай снова заговорил о необходимости покориться воле аллаха, о том, что смерть над каждым держит свой меч; напомнил, что умирают даже пророки и святые. Но Юлчи ничего не слышал. Могучий стан джигита согнулся под тяжестью горя. Мысли его были там, в родном кишлаке.

Добрая, нежная мать! Ради счастья и благополучия детей она трудилась, не зная и покоя, и отдыха. До последнего вздоха она, наверное, вспоминала его — Юлчи... Как счастливый, невозвратный сон проходили перед глазами Юлчи дни и годы, прожитые вместе с матерью. Вот последнее из воспоминаний...

Мать провожала его в город. Со слезами на глазах она благословила сына, но не остановилась у порога, а, накинув на голову легкий халат, вышла вслед за ним на тихую кишлячную улицу и проводила его до большой дороги. Ее сердце не хотело расставаться с сыном, рвалось вместе с ним, видно, чуяло недоброе.

Юлчи, наконец, тяжело вздохнул, поднял голову.

— Когда же?..— спросил он, не в силах произнести слово «умерла».

— Уже неделя прошла. Ты теперь каждый день читай Коран в память о ней. Для души умершего нет ничего лучше.

Юлчи ничего не сказал. Крепко сжимая в руке письмо, он вышел во двор. Сердце его разрывалось от горя. Он не сдержался и заплакал навзрыд, роняя крупные слезы.

IV

Было серое зимнее утро. Густой туман давил грудь, стеснял дыхание. Гульнар с матерью завтракали, примостившись к сандалу. На облезлом подносе лежала похожая на глиняный колобок ячменная лепешка, горсть червивого сушеного урюка. Мелкие угли только на минуту согрели сандал и угасли.

Гульнар, закутавшись в старый ватный халат, нехотя откусывала

лепешку, разливала чай из самодельного самовара, переделанного соседним медником из большого кумгана.

С улицы вошел Ярмат. Поеживаясь, он присел к сандалу, загрузившими пальцами отер заиндевевшие мокрые усы, принялся за чай.

— Остыл,— недовольно проворчал он.— Если в зимнее время не попить горячего чаю...

Гульсум-биби напомнила о том, что в доме ни полена дров, ни горсти угля, не на чем лишний раз вскипятить самовар.

— Каждый год одно и то же. Летом готовишь горы топлива, а теплом зимою наслаждаются хозяева...

Ярмат оборвал жену:

— Не болтай зря! Если попрошу у хозяина, без топлива не останемся. Сохранил бы аллах от смерти!..— Ярмат помолчал.— Вот проводили Юлчи... Вы, наверное, еще ничего не знаете...

— Куда проводили? Зачем? — вздрогнула Гульнар.

— Мать у него умерла,— пояснил Ярмат, мельком взглянув на дочь.— Вчера вечером письмо пришло. Только что проводил его в кишлак. Если быстро пойдет, поздно ночью будет дома.

— Не оставь ее, аллах, своими милостями, от смерти не уйдешь,— вздохнула Гульсум-биби.

Ярмат строго взглянул на дочь.

— Трудно будет Юлчи,— сказал он.— Младший брат, подросток, у кого-то работает и себя прокормит. А вот сестра пятнадцати лет... Куда ей деваться?

— Бедняжка! — участливо воскликнула Гульсум-биби.— Несчастной девушке будет труднее всех. Матери нет, один брат здесь, другой там, оба в людях. Что только Юлчи будет делать с ней?

— Не знаю,— пожал плечами Ярмат.— Может, там, в кишлаке, замуж выдаст, может, сюда привезет. Мне он ничего не говорил. Хозяин, наверное, посоветовал что-нибудь...

Гульнар больше в разговор не вмешивалась. Горе, свалившееся на плечи Юлчи, опечалило и ее. К горлу девушки подступали слезы. Боясь выдать себя, она встала и тихонько вышла во двор. Здесь, одна, она попыталась представить себе идущего в кишлак джигита: гордая голова опущена, в глазах глубокая скорбь, он одиноко шагает по укрытой снегом степи... Вот если бы вместе они шли через холмы и овраги, она делила бы с ним горе, утешала бы, ласкала его.

Послышался голос Ярмата:

— Гульнар, где ты!

— Я здесь! — торопливо откликнулась девушка. Чтобы скрыть слезы, она бросилась на кухню, принялась умываться холодной как лед водой.

Ярмат подошел к двери кухни, предупредил:

— Вся работа теперь на мне одном. Я вернусь поздно. Ты немного погода пройди в мужскую половину. Надо подмести и прибрать в михманхане.

— А там никого нет?

— Кому же там быть? Все разошлись по делам.

— Хорошо, отец.

...Гульнар убрала одну комнату; вынесла во двор одеяла, выбила их; подмела пол, вытерла тряпкой блестящие, отполированные шкафы красного дерева, большие и малые китайские вазы, расставленные по нишам. Затем перешла во вторую. Это были покои самого Мирзы-Каримбая. На сандале лежали оставленные им очки и перламутровые четки. Гульнар положила их на полку, потом открыла окна и принялась подметать пол, то и дело откидывая за спину длинные черные косы.

Неожиданно во дворе послышались чьи-то шаги. Гульнар выглянула в окно: по двору, направляясь к двери михманханы, проходил Мирза-Каримбай. Проворно застегнув камзол на все пуговицы, девушка продолжала мести. А когда Мирза-Каримбай вошел в комнату, посторонилась и, прижавшись к стене, чуть слышно проговорила:

— Ассалям!

— А, девушка-цветок! Ты здесь, моя беленькая?!

Бай приветливо посмотрел на Гульнар, потом прошел в глубь комнаты, добродушно улыбаясь, пояснил:

— Забыл одну вещицу — человек на сохранение оставил. Пришлось вернуться.

Мирза-Каримбай со звоном отпер стоявший в нише тяжелый железный сундук, накрытый сверху паласом, достал что-то, поспешно спрятал в карман и снова запер сундук.

Гульнар, ожидая, когда уйдет хозяин, стояла, по-прежнему прижавшись к стене. Ей было стыдно. С того времени, как умерла старая Лутфиниса, она по приказу матери старалась как можно реже попадаться баю на глаза и сейчас, оставшись с ним наедине, от смущения не знала, куда девать себя.

Бай остановился посреди комнаты, внимательно оглядел девушку.

— Беленькая моя, как же ты плохо одета, а! — заговорил он мягко. — Почему Ярмат мне ничего не сказал, не попросил? А мать как? Она получше одета? Не стыдись, говори прямо, моя беленькая. Почему отворачиваешься? Бой-бой, чего это ты застыдилась? Расскажи, как вы живете, чего у вас не хватает. Если вы мне не будете говорить, то кому же! Я ведь вам — отец родной.

Удивляясь такой заботливости хозяина, девушка стыдливо потупилась.

— Живем мы по-прежнему, — почтительно ответила она. — Сами знаете...

— Мне некогда проверять, дочь моя. Да одному и не усмотреть за всем, — сказал бай, сделав шаг в сторону девушки. — По-прежнему — значит плохо? Ну, а теперь обязательно должны жить хорошо. Отец твой уже сколько лет мне служит. Когда он поступил, ты была еще младенцем, а может быть, и в утробе матери. Не помню, много времени прошло. Отец твой хорошо работал, дочь моя, не буду скрывать. И вот теперь он будет вознагражден за его труды, я выведу вас в люди.

Бай, прищурив глаза, снова оглядел девушку с ног до головы, облизнул губы.

Лицо Гульнар горело от стыда, но было неприлично стоять молча, когда хозяин пообещал сделать столько добра семье, и она, не поднимая глаз, сказала тихо:

— Вашей доброты мы не забудем...

Проставив веник к стене, девушка повернулась, принялась было стирать пыль с этажерки, но бай позвал ее:

— Подойди сюда, дочь моя, я тебе покажу кое-что.

Гульнар покраснела еще больше, оглянулась на старика, но не двинулась с места.

Бай снова открыл сундук, достал какой-то узелок.

— Иди сюда! — поманил он рукой и улыбнулся.

Девушка нерешительно подошла. Бай развязал узелок.

— Видишь? Вот это — жемчуг. Это вот — горит — бриллиант. А это — яхонты, изумруды...

На ладонях старика сияли разноцветными огнями драгоценные камни — один красивее и ярче другого.

Девушка невольно залюбовалась:

— Это жемчуг, говорите? Какой чистый! У Нури-апа был такой!

— Все это настоящее, дочь моя! У меня плохих вещей не бывает! — с гордостью заявил Мирза-Каримбай, потом чуть приметно подмигнул и рассмеялся: — Возьми вот это ожерелье, попробуй надень. Все это ведь делается для девушек и женщин. И тебе будет очень к лицу. На, бери, примеряй, — говорил бай и сыпал драгоценности в горсть Гульнар.

Девушка некоторое время любовалась украшениями. Но вдруг вспомнила Юлчи, одиноко шагавшего где-то по снежной степи, и глаза ее затуманились.

— Нет, я не стану надевать, бай-ата. Посмотрела, и довольно. Возьмите. — Она протянула драгоценности Мирзе-Каримбаю.

— Вот глупая! Чего стыдишься? — Старик впился в Гульнар жадным, прилипчивым взглядом слезящихся глаз, потряхивая бородкой, возбужденно говорил: — Ну хорошо, хорошо. Сейчас не надевай... Положи в карман, спрячь, после, дома, наденешь.

— Что? — удивилась девушка.

— Чего ты стесняешься, цветок мой? Это я тебе отдаю. Возьми, спрячь!

Гульнар даже отступила на шаг.

— Нет, не надо! Я никогда такого не носила, бай-ата. — Она взяла веник и, чтобы не пылить, принялась тихонько мести.

Мирза-Каримбай, повторяя: «Твоя воля, дочь моя, твоя воля», — куда-то спрятал драгоценности, затем медленно и неохотно вышел из комнаты.

«Нрав бая, похоже, лучше стал. Раньше он был скупым, нелюдимым, — думала Гульнар, убирая комнаты хозяина. — Отец говорил, что богатство его через край переливается, а что ему делать с ним? Зачем оно ему? Видно, к старости одумался, о добрых делах вспомнил. Хорошо, если он будет добрым к отцу и к Юлчи».

Перед глазами девушки снова засияли драгоценности. Она готова была раскаяться, что ничего не взяла. Но тут в ее сознании зашевелилось какое-то смутное подозрение, и она подумала: «И хорошо сделала, что не взяла. На душе спокойнее».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Хаким-байбача, в дорогой бобровой шапке и в синем суконном халате, степенно, не глядя по сторонам, возвращался из магазина. На повороте к дому его встретил эликбаша Алимхан.

— Мулла Хакимджан, сделайте такое одолжение, зайдите к нам,— пригласил он приятным, вкрадчивым голосом, легонько пожимая руку байбачи.

Хаким, полагая, что это обычная любезность, ответил:

— Спасибо, Алимхан-ака. Я, пожалуй, пройду домой.

— Нет, мой байбача,— значительно улыбнулся эликбаша,— я хочу сказать вам пару слов по секрету. Пожалуйте, жертвой мне стать за вас.

Хаким-байбача пожал плечом и нехотя последовал за Алимханом. Миновав темный, крытый проход, они по крутой дощатой лестнице поднялись на балахану. Крытая камышом и глиной, балахана снаружи была невзрачной, но внутри оказалась хорошо отделанной. Потолок украшен фресками, правда уже потемневшими от времени, но, видно, исполненными рукой опытного мастера. Ниши — ганчевые, по-старинному расположенные клетками одна над другой. Посреди комнаты разостлана новая ярко-красная кошма, подальше, на высоком месте,— уже подержанный чистый ковер. Вокруг сандала — новые одеяла.

Хаким-байбача присел к сандалу и откинулся на услужливо подложенную сзади подушку. Эликбаша осторожно снял тонкий суконный чекмень, повесил на колышек в стене аккуратно свернутую белую чалму. Потом заторопился вниз, в жилую половину дома, за угощением.

Алимхан был щеголеватым, хорошо сохранившимся для своих лет человеком. Ему было уже под шестьдесят, но никто не смог бы дать более пятидесяти. Заметно поседевшая борода его и усы были всегда аккуратно подстрижены, расчесаны, приглажены. Одевался он хорошо и со вкусом. На пальцах — кольца с крупными камнями. Были у него и часы, и, разговаривая с кем-либо, он то и дело поигрывал свешивавшейся на грудь серебряной цепочкой.

Какого-либо определенного дела Алимхан не имел. Одно время он занимался мелкой торговлей, но уже давно забросил ее. Алимхан был из тех людей, которые, не утруждая себя заботами, умеют неплохо устроить жизнь. Хитрый и изворотливый, он был великим мастером во всякого рода темных делах. Взять в долг деньги и присвоить, составить подложный документ и отобрать у какого-нибудь простака землю или двор с постройками — для Алимхана обычное дело.

Особенно развернулся Алимхан с тех пор, как стал эликбаша. В этой должности он бессменно состоял уже двенадцать лет и, несмотря на жалобы бедноты в казыхане и в другие учреждения, неизменно преуспевал в своих мошеннических проделках. И все потому, что он был в близких, почти приятельских отношениях со всеми имамами, улемами, мальами и крупными баями своего квартала, особенно с Мирзой-Каримбаем.

«Талантам» Алимхана не было счета. Как элликбаши, он любил и умел распорядиться где надо и неизменно присутствовал на всех тоях, поминках, совал свой нос во все дела, с головой уходил в споры, скандалы и тяжбы жителей квартала — одних тяжущихся помирит, других сам стравит. Во всех случаях он защищал не правого, а богатого и щедрого на взятки. Если умрет кто-нибудь из денежных или многоземельных людей, он обязательно перессорит наследников. А потом начнет ловить рыбу в мутной воде и большую часть имущества оттягает себе. Завсегдатай всяких веселых компаний и вечеринок, Алимхан сам никогда никаких пиров не устраивал.

Оставшись один, Хаким-байбача припомнил все известные ему проделки Алимхана, еще раз удивляясь ему и преклоняясь перед его ловкостью. Приглашение на балахану вызвало в нем подозрения. «Нужно быть осторожным, — рассуждал байбача. — Он, похоже, придумал какую-нибудь новую каверзу. Может, совета хочет спросить? Нет, он никогда ни у кого советов не спрашивал. В чем же дело? Если попросит денег, конечно, скажу, что нет».

Алимхан поставил на сандал поднос, полный фруктов и сладостей. Потом внес бурно кипевший самовар, налил чаю. С обычной для него лживостью он пригласил гостя откусать. Хаким-байбача положил в рот маленький, с урюковую косточку, кусочек лепешки, давая понять хозяину, что он не располагает временем.

— Говорите, Алим-ака...

— Не торопитесь, я давно имел желание побеседовать с вами. Прошу! — Алимхан жестом указал на поднос и принялся не торопясь распространяться о войне. Все известные ему новости он передавал таким тоном, будто сам только что прибыл с фронта. Рассказывал всякие небылицы о немецкой артиллерии, аэропланах и еще о каком-то «непостижимом уму» оружия врага.

Хаким-байбача, интересовавшийся известиями о войне, невольно заслушался. Потом и сам втянулся в беседу. Он выложил все, что слышал от русских, татарских и еврейских купцов о событиях в России, о пошатнувшемся положении царской власти.

Оба собеседника в меру своего разумения старались подыскать доказательства несостоятельности подобных слухов. Каждый из них просил аллаха о даровании победы царю и его армии.

После этой увлекательной беседы, растянувшейся на целых полчаса, Хаким-байбача снова выразил нетерпение. Элликбаши помолчал с минуту, обдумывая, с чего начать обещанные «пару слов».

— Мулла Хаким, есть одно очень тонкое дело. — Алимхан улыбнулся. — Но благое дело. Прежде чем приступить к нему, я счел за необходимость посоветоваться с вами. Если будет угодно аллаху, вы не только выскажете свое мнение, но и примете на себя руководство...

— Говорите. На хорошее дело я всегда готов. — Хаким-байбача взял из серебряного портсигара папиросу, зажал в губах, протянул портсигар Алимхану, потом выжидающе уставился на хозяина.

— Как известно, Хаким-байбача, о мужчине никогда нельзя сказать, что он постарел, подряхлел. Творец вселенной силой своего могущества мужчину создал основательно, совершенно. Бриллианты муж-

ской силы неиссякаемы... Не правда ли?..— Алимхан, будто молодой щеголь, ухарски зажал дымившую папиросу в уголке губ и продолжал: — Вот уже четыре месяца, как умерла ваша добрая матушка. Не кажется ли вам, что нашего благодетеля и отца женить надо? Годы его порядочные, верно, но он еще очень бодр. Сердце его — сердце джигита. Я это хорошо знаю. Он еще не отстранился от дел, любит веселые беседы, часто бывает у друзей... Короче говоря, по всему видно, что Мирза-Карим-ата еще понимает толк в удовольствиях нашего бренного мира и желает еще долго вкушать от этих удовольствий. А коль скоро дело обстоит именно так, нам необходимо прислушаться к желаниям этого человека. Вот я и думаю: вы — старший сын, я — один из его друзей, возьмемся и общими силами поженем его... Доброе бы дело было, а?..

Элликбаши улыбнулся и в ожидании ответа Хакима-байбачи легонько поглаживал усы.

— Очень хорошо, — охотно согласился Хаким, — я и сам об этом подумывал. Неплохо было бы найти подходящую смирную женщину, чтобы она могла присмотреть за отцом, воды для омовения подать, постель приготовить. — Байбача взглянул на собеседника. — Алимхан-ака, отец говорил об этом с вами? Или вы по-дружески сами заботу проявляете?

Элликбаши налил гостю чаю, откусил маленький, с горошину, кусочек сахара, отпил глоток сам.

— Первым заговорил об этом ваш отец, — не торопясь начал он. — С неделю назад мы долго беседовали с ним. Но я до сих пор никак не мог вас встретить в таком месте, чтобы поговорить с глазу на глаз. Впрочем, это ничего, — с добрым делом, говорят, никогда не поздно. Только, я уже говорил вам, мулла Хаким, что у бая-ата нашего молодое сердце. А он хочет, чтобы сердце его еще больше помолодело. Поняли? Так что о женщине, которая бы годилась только воды подать, и речи быть не может, братец мой!

Хаким-байбача покачал головой, помолчал, пощелкивая пальцами о край подноса.

— Молодую жену хочет взять, говорите? Чудно!

— Намерения вашего отца, пожалуй, еще посерьезней, — подхватил элликбаши. — Он хочет нецелованный цветок сорвать. А что вы на это скажете? Я готов преклониться перед этим человеком. Пользоваться всеми благами жизни в этом бренном мире больше, чем кому бы то ни было, подходит именно вашему отцу. — Алимхан таинственно понизил голос. — Не стану от вас скрывать, наш Мирза-Карим-ата хочет жениться на девушке!

У Хакима от удивления глаза полезли на лоб:

— На девушке! Правда? Тавба!

— Хэ-хэ-хэ! — мелко рассмеялся элликбаши. — В словах моих даже с кончик иголки нет лжи, байбача. Я ведь в этом деле, можно сказать, не больше как толмач. Жених наш и на девушку уже намекнул, какая пришлась ему по сердцу. Так что перевяжитесь поясом старания, байбача, и думайте, как лучше удовлетворить желание отца. Ого, дел тут много! Вы, оказывается, нрава своего отца не знаете, а?..

Хаким-байбача был взволнован.

— Чья же она, эта будущая наша мать? — нетерпеливо спросил он.

— У вас под боком, Ярмата дочь! — весело ответил элликбаши.

— А?! Что вы говорите? Такое мне и в голову никогда не могло прийти!

Байбача даже побледнел. Он нервно закурил новую папиросу, почти грубо спросил:

— Разве нельзя найти другой... девушки?!

— На этот счет ваш отец высказал такие соображения: «Она выросла у нас, на моих глазах. Смирная, испытанная...» Однако, мне кажется, дело не только в этом. Девушка, видно, ярким пламенем горит перед его очами. Похоже, что душа его очень склонна к ней. Во всяком случае, мне так показалось. Оно и понятно, красивая девушка всякому, как солнце, греет сердце. Девичья порода — то же красное яблоко: увидишь, как яблоко отливает на солнце, плавая в воде, и даже нагнуться забудешь, протянешь к нему руку... Так что вы скажете, байбача? Если мы соединим дочь Ярмата с вашим отцом, не будет ли она на месте, как бриллиант в гнездышке на кольце?

Хаким не ответил. Низко опустив голову, он задумался. Байбача был в обиде на отца. Особенно его злило то, что отец выбрал именно Гультар.

Алимхан, известный своим сладкоречием рассказчик на пирах и вечеринках, разошелся. Он говорил о чувствительной натуре Мирзы-Каримбая, о пользе женитьбы стариков на девушках; часто облизывая губы, живописал прелести девушек и наслаждения, какие они могут доставить. Хаким-байбача наконец не выдержал, вскочил с места:

— Ну, я пошел.

Элликбаши загородил ему дорогу:

— Хаким-байбача, наш благодетель твердо порешил это дело. Вам ли жалеть для родного отца дочь какого-то батрака? Вы разумный молодой человек, не мне вас учить. Одно должен напомнить: исполнение желаний отца — ваша святая обязанность. Как бы там ни было, сын — раб отца.

— Хорошо, что я должен делать? — не глядя на Алимхана, спросил байбача.

— От вас требуется совсем немного: осторожно разъяснить дело младшему брату, сестре... и еще кто там у вас есть, подготовить их, чтобы не было никакой обиды... И все. А насчет тоя постараться — это уж я сам...

Хаким-байбача не сказал ни «да», ни «нет», холодно распростился и ушел.

Возвратившись к себе, Хаким даже не взглянул на игравших во дворе ребятшек, которые бросились было к нему с криками «дада», и прошел прямо в свою богато обставленную, недавно покрашенную в голубой цвет комнату. В доме было холодно, но он не присел, как обычно, к сандалу, а, не раздеваясь, бросился на новую, блестящую никелем кровать, купленную только ради украшения дома. Он долго лежал и думал.

Хаким-байбача понимал, что помешать отцу, отличавшемуся твер-

достью характера, жениться на девушке невозможно, тем более что для этого не было никаких оснований. Но ему было очень неприятно, что отец женится на Гульнар. Когда Гульнар выросла и расцвела первой девичьей красотой, Хаким-байбача сам заглядывался на нее. Но взять ее в жены он вначале не решался. Во-первых, если человек, уже имеющий детей, берет вторую жену, то в семье неизбежны ежедневные ссоры. Байбача боялся, что ему придется постоянно видеть нахмуренные лица жен и выполнять обязанности казняя по разбору скандалов между ними. Во-вторых, он считал, что женитьба на дочери батрака, как бы девушка ни была красива, нанесет ущерб его гордости и доброму имени.

Позже Хаким придумал выход, казавшийся ему вполне надежным и безупречным. Выход был такой: он переселит под каким-нибудь предлогом семью Ярмата в один из городов Ферганы, хотя бы в Коканд, где он чаще всего бывает, и там женится на Гульнар. Одна жена в Ташкенте, другая — в Коканде. Они не смогут встречаться друг с другом, и не будет никаких раздоров. Об этой женитьбе мог бы никто и не знать вовсе. А сам он жил бы то в Ташкенте, то в Коканде.

Когда байбача собрался всерьез приступить к выполнению задуманного, умерла мать, и он вынужден был отложить дело до весны.

Хаким-байбача снова и снова раздумывал над созданным положением. Осуществить сейчас прежний план — значило навлечь на себя гнев отца. Байбача очень жалел, что так долго проявлял нерешительность и упустил время. Выхода никакого не было. Теперь ему волей-неволей приходилось отказаться от Гульнар.

Жена байбачи Турсуной принесла на китайском блюде баранье мясо, жаренное с яйцами.

— Вставайте, остынет, — предупредила она, ставя блюдо на сандал.

Хаким вздохнул, поднялся с кровати. Поел немного, отодвинул блюдо, спросил жену:

— Салим дома?

— Ушел за доктором или за табибом. Сынишка его Шавкат что-то заболел.

— Вернется, скажи ему, пусть обязательно зайдет ко мне, — распорядился байбача. Он спрятал ноги под сандал и укутался теплым одеялом.

Салим-байбача застал брата крайне озабоченным. Хаким давно уже судился с одним человеком из-за земельного участка, и Салим подумал, что суд вынес решение не в пользу брата.

— Вы огорчены, что случилось? — заботливо спросил он.

— Отец собирается жениться. Что ты на это скажешь? — сразу приступил к делу Хаким-байбача.

— Так скоро? Не дождавшись даже первых поминок?

Хаким-байбача махнул рукой.

— Умерла — схоронена. Пусть будет уготовано ей место в раю... Я говорил с элликбаши. Старик ему все поведал.

— Ну что ж! Пусть поищет. Если найдет порядочную женщину, бездетную, пожилую, — пусть сватает.

Хаким-байбача выразительно посмотрел на брата, усмехнулся и покачал головой.

— Что?! Он хочет жениться на молодой? — догадался Салим.— Тавба! Его ровесники сидят дома и знают только четки да молитвы! — Салим-байбача сердито хмыкнул и даже отвернулся.

— Отец наш, оказывается, еще бодр,— осторожно начал разъяснять Хаким-байбача.— На старости лет ему еще раз захотелось вкусить от радостей жизни. Почему же мы должны препятствовать ему? А потом, нрав отца ты знаешь. Кто сумеет удержать его, если он что задумал?.. Не волнуйся, брат, я тебя позвал на совет,— Хаким понизил голос.— Знаешь, отец задумал стать зятем Ярмата. Собирается жениться на Гульнар!..

Салим-байбача даже привскочил от неожиданности. Он гневно ударил кулаком по сандалу, чуть не свалив стоявшую на нем большую лампу. Не в силах выговорить слова, он долго сидел, уставившись на брата. Левое веко его нервно подергивалось.

— Что ты так дрожишь? — стараясь казаться спокойным, сказал Хаким-байбача.— Воля отца — воля аллаха. Отец хочет жениться на девушке — пусть женится, хочет взять Гульнар — пусть берет. Не будем ему препятствовать, не будем огорчать старика...

— Гульнар, наша рабыня, будет нам матерью! А убогий Ярмат — дедушкой! — заорал Салим.

— Тише. Тише ты! — успокаивал брата Хаким.— Женщины ульшат — сколько разговору будет. Не женится на Гульнар, так возьмет дочь какого-нибудь другого бедняка. Какая порядочная семья выдаст девушку за старика, обросшего внуками.

— Девушка ли, вдовушка ли, Гульнар ли, другая ли — это все равно. Я против женитьбы отца на молодой.

Салим вскочил и зашагал по комнате. Через минуту он подошел к сандалу, взял из портсигара папиросу. Позабыв о спичках, нетерпеливо, обжигая брови, прикурил от лампы. Остановившись над братом, заговорил:

— Понимаете, о чем я беспокоюсь, брат? Молодая жена начнет ценить одного за другим. Придет время, отец умрет, и лягушата Гульнар поднимут головы. У них найдутся покровители, защитники. Все богатство будет разделено, не знаю, на сколько частей. А делить на всех — и гору растащить можно. И тогда семья Мирзы-Каримбая зачахнет, потеряет силу. Вы об этом подумали?..

Мысли Хакима-байбачи до сих пор были заняты другим и об этой стороне дела он действительно не думал. К тому же материально он чувствовал себя достаточно прочно. Часть денег он пустил в оборот тайно от отца и брата и сумел приобрести порядочный капитал, принадлежащий лично ему. Но теперь и перед его глазами замелькала гурьба ребятишек — неродных братьев и сестер. Он опустил голову на руки и долго сидел молча. Наконец, словно утомившись от размышлений, вздохнул и тихо сказал:

— Горячиться — этого мало. Ты выход найди. Чтобы и шашлык не подгорел, и вертел остался цел.

Салим-байбача не ответил. Кусая от злости ногти, он нервно зашагал по комнате, поминал отца, Ярмата, Гульнар словами одного другого крепче и острее.

Хаким-байбача остановил брата:

— Подожди, не изводишь напрасно. Лучше посоветуй что-нибудь.

— А что вы на это скажете?..— Салим неожиданно опустился на колени возле сандала, присел на пятки и зашептал: — Если отец до женитьбы все имущество, землю и прочее запишет на нас и скрепит печатью... потом пусть берет кого хочет.

Хаким-байбача быстро взглянул на брата. Облегченно вздохнул, ухмыльнулся в усы.

— Очень бы хорошо! Многие так делают. Только не обидит ли это старика?

— А чего тут обидного? — возразил Салим.— Он ведь для нас наживал богатство. Если старик твердо решил жениться на Гульнар, он не должен отказать нам в этой просьбе. А не пойдет на такие условия — я никак не согласен...

Хаким пожал плечами:

— Какая польза от того, что ты будешь против? Только отца прогневишь. Он все равно сделает так, как задумал. Но мысль твоя хороша. Я завтра же дам знать отцу об этом условии через элик-баши. Какой ответ будет, сказать не могу. Но, во всяком случае, уговорить попытаюсь... Вот что, брат, я дня через три-четыре уезжаю в Фергану. Так ты тут не обижай и не сердь старика. Хорошо?

Салим-байбача, раздраженный уступчивостью и уклончивостью брата, хотел было ответить резкостью, но в это время отворилась дверь и вошел Танти-байбача. Оба брата с заметным смущением поднялись ему навстречу.

— Я, кажется, помешал вашей беседе? Здравствуйте!

Не снимая шубы, Танти присел к сандалу. Внимательно оглядел братьев:

— Отчего вы смутились? Случилось что? Все ли у вас благополучно?

— Благополучно, благополучно...— в один голос торопливо ответили братья.

— А я к вам с радостной вестью,— горделиво заявил Танти-байбача.— Вашему племяннику Абиджану бог послал сына! Раскошеляйтесь на суюнчи!

— Ого, очень хорошо! Поздравляем с внуком!

— В шестнадцать лет уже сына имеет Мирабид, а? Тавба!

— Маленький отец!

— А мы еще смолоду дедушками стали,— шумно расхохотался Танти.

Салим-байбача ехидно рассмеялся:

— Вот наш отец и правнуком обзавелся. Теперь он должен большой той устроить...

Хаким-байбача промолчал и только строго взглянул на брата.

Турсуной и Шарафатхон сидели у сандала и делились друг с другом своими горестями. Сегодня они узнали, почему их мужья — Хаким и Салим-байбача — уже в течение трех дней были такими хмурыми и неласковыми. Желание свекра жениться казалось для обеих большим несчастьем. Ведь только недавно они избавились от сварливой свекрови, которая считала себя единственной хозяйкой в доме, постоянно требовала почитания и преклонения. Но еще больше их расстроило намерение старика взять Гульнар.

Позабыв на время взаимную вражду, они говорили о неожиданно нагрянувшей на них беде. «Гульнар — девушка-рабыня, — рассуждали они. — Кто наши отцы? Самые известные баи Ташкента. И разве рабыня может быть нам свекровью? Гульнар хоть она и низкого рода, но красива собой. Чтоб угодить молодой жене, старик обязательно поставит ее над нами. А ей того и надо — как любимая жена она станет делать все, что ей вздумается. Нас отстранит от всего и на наших же головах, как говорится, будет орехи колоть. Дочь бедняка, она должна быть жадной на добро. Все самое ценное в доме она постарается прибрать к рукам, а мы останемся ни при чем. Перед свекром мы и рта раскрыть не сможем. Мужья наши тоже не посмеют перечить отцу... Если бы старик женился на пожилой женщине, тогда другое дело: мы бы сговорились и общими силами отшвырнули бы ее от всего, как подушку...»

Со стороны ворот послышался громкий плач Нури. Снохи зашевелились и побежали встречать золовку.

После смерти матери Нури приходила к своим очень часто. В первые дни она казалась действительно убитой горем, но очень скоро примирилась с судьбой, по-прежнему была способна хохотать по всякому пустяку, хотя каждый раз при посещении отцовского дома по обычаю начинала плакать и причитать от самых ворот. Как же! Иначе соседи могли подумать: «Дочь Мирзы-Каримбая оказалась черствой и легкомысленной!» Войдя во двор ичкари, Нури опускалась на корточки на террасе и, закрыв лицо платком, выла и причитала, хотя на глазах у нее не появлялось ни слезинки. Турсуной и Шарафатхон были несказанно рады смерти свекрови, но тоже старались как можно протяжней и жалобней вторить главной плакальщице.

Так было и на этот раз. После «плача» Турсуной и Шарафатхон провели золовку в дом и тотчас принялись нашептывать ей о намерениях старика. Нури при первых же словах невесток вся затряслась как в лихорадке, глаза ее загорелись бешенством.

— Где Гульнар? — рванулась она. — Задушу! Сейчас же задушу!..

Обе невестки поблдедели. «Ведь мужья наказывали им пока молчать об этой тайне. Они наперебой принялись успокаивать золовку:

— Не подымайте шума, отец обидится. Осторожней надо. Упадите братьям в ноги, плачьте, умоляйте их, только не говорите, что слышали от нас! Скажите: сама найду для отца подходящую женщину...

Весь остаток дня Нури ходила по дому словно помешанная. Ве-

чером, когда пришел Салим-байбача, она бросилась перед ним на колени, обняла ноги, принялась вопить. Салим поднял сестру, усадил ее к сандалу.

— Мне еще тяжелей, чем тебе, — сказал он с дрожью в голосе. — Но что пользы вопить, Нури? Мы все — рабы отца. Я не говорю, чтобы ты смирилась совсем. Но... рот пока зажми. Что будет — увидим. Воля отца...

— Какой он отец? — вскричала Нури. — Еще не остыла земля на могиле матери, а он уже вздумал жениться на батрачке! Как я могу терпеть? Чтоб подлая рабыня да была старшей в нашем доме?! Знаю, эта распутница, подохнуть ей, сама сбила отца с пути!..

Салим-байбача зло рассмеялся. Потом заставил сестру утихомириться, сделал знак жене выйти и принялся разъяснять свою мысль о завещании.

На следующее утро Нури, не желая мириться с выбором отца, нашла какую-то старуху, пообещала одеть ее с головы до ног и попросила проводить себя к надежной ворожее. Старуха потащила Нури к известной «колдунье с бубенцами».

Они миновали квартал Шор-тепе на окраине города, спустились в глубокий овраг и вошли в небольшой одинокий двор, окруженный старыми, полуразрушенными дувалами и покрытый плешинами солончаковых пятен. Посреди двора, чернея дуплом, стоял огромный древний тал с голыми, беспорядочно разросшимися корявыми ветвями.

Нури шла впереди. При ее появлении вороны, во множестве сидевшие на ветвях тала, тревожно закаркали. Когда Нури приблизилась к маленькой, с цинкову, терраске, из угла, гремя цепью, поднялся большой лохматый пес. Нури отшатнулась, бледная, прижалась к старухе и с ужасом оглянулась по сторонам, будто очутилась ночью одна на кладбище.

Пес отрывисто рывкнул и снова улегся на прежнее место. В ту же минуту черная, закопченная дверь высокого, как крепость, но уже ветхого глинобитного дома бесшумно открылась и на пороге показалось какое-то необычайно странное существо, очень похожее на скелет, обтянутый кожей. Это и была колдунья. Возраст ее невозможно было определить. Лицо сморщенное, с провалившимися щеками. Глаза маленькие, как бусинки, сидели глубоко и горели мрачным, наводящим страх огнем. Из-под черного платка свисали грязные, засаленные волосы, такие же густые, длинные и растрепанные, как у пса.

Держась за дверное кольцо тонкими, костлявыми пальцами, колдунья долго всматривалась в лицо Нури, потом, волоча по земле подол длинного темного платья, сделала два шага ей навстречу.

Нури, боясь приблизиться, поздоровалась с колдуньей издали. Затем, волнуясь, бессвязно рассказала о цели своего посещения. Колдунья молча кивнула на дверь и первой вошла в дом.

В помещении было холодно и темно, как в зиндане. Колдунья скрылась за белешей в дальнем углу комнаты занавесью. Немного погодя оттуда послышался ее скрипучий голос:

— Закройте дверь. Покровители мои боятся света...

Когда дверь была закрыта, Нури, ничего не видя вокруг, опустилась на корточки. Вдруг из угла раздались звуки бубна, увешанного бубенцами. Нури вздрогнула и закрыла глаза.

Бубен то звучал глухо и монотонно, то вдруг рассыпался стремительно частой, сумасшедшей дробью, перезвон же бубенцов рушился со всех сторон, множимый эхом голых стен. Казалось, что в бубен бьет сам дьявол, пролетающий темной ночью над страшными кручами, а под его зловещую музыку танцуют увешанные погремушками юркие джинны.

К жутким звукам бубна скоро присоединились и хриплые подвыванья колдуны:

— Йо Султан! Йо чилтан! Ху-ху-ху!..

Колдунья выла и бормотала долго. Она то умоляла о чем-то джиннов, то смеялась диким, нечеловеческим смехом...

Нури и в самом деле казалось, что она находится в жилище злых духов и что духи эти окружают ее со всех сторон. Она не смела открыть глаз. Голова у нее кружилась, на лбу выступил холодный пот.

— Идемте, Нури-ай!

Нури услышала голос старухи, своей спутницы, как сквозь сон, но тотчас вскочила и, не помня себя, спотыкаясь, бросилась к выходу. Во дворе, словно очнувшись после страшного кошмара, она с облегчением вздохнула, хотя в ушах ее все еще слышались зловещие звуки бубна.

Немного погодя во двор вышла колдунья. Она прошамкала, что джинны «порвали нити, связывающие сердца Гульнар и Мирзы-Каримбая»; широко разинув рот с парой полусгнивших зубов, зевнула так, что на месте сморщенного лица оказался черный провал, затем вынула из-под полы и передала Нури зашитый в тряпицу комочек величиной с орех. В узелке, по ее словам, были могильная земля, обломок ржавого ножа, щепочка от табута, кусочек мыла, ноготь мертвеца и еще многое другое. Каждое из этих средств должно было накликать на Гульнар беду: могильная земля заставит ее скорее смешаться с прахом; от обломка ножа сердце Гульнар должно затвердеть как железо и покрыться ржавчиной; мыло поможет, чтобы девушка растаяла без следа; губительная же сила щепочки табута и ногтя мертвеца была ясна сама по себе.

Колдунья посоветовала зарыть узелок под порогом Гульнар и еще добавила, что нужно взять комочек теста, скатать его в колобок наподобие человеческой головы и непрерывно втыкать в него сорок иголок, отчего Гульнар почувствует сильные головные боли и вскоре умрет.

Нури сунула страшной старухе десять рублей и заторопилась домой, чтобы поскорее выполнить все ее советы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Ярмат вошел к себе во двор и остановился около жены, занятой приготовлением мешанки для байской коровы. Лицо его расплывалось в довольной улыбке, во всем облике сквозило нетерпение поделиться какой-то большой неожиданной радостью. Он спросил, где Гульнар.

Услышав, что дочь только что ушла на хозяйский двор, Ярмат наморщил лоб и распорядился:

— Скажи, пусть пока не ходит туда!

Гульсум-биби вопросительно взглянула на мужа.

Ярмат позвал жену на терраску.

— Садись,— строго приказал он. Потом присел сам и заговорил торопливо, не в силах больше сдерживать себя: — Я только сейчас от элликбаши. Очень интересные новости пришлось мне услышать, жена. Ты знаешь, что за человек наш элликбаши? Это отец всего квартала! Все, начиная от семилетних ребят и кончая семидесятилетними стариками, встречают его саямом, с почтительно сложенными на груди руками. Это человек высокой чести и единственный из единственных в беседе. Законы знает!

У Гульсум-биби больше не хватало терпения. Внимательно всматриваясь в лицо мужа, она спросила:

— А для чего он звал вас? Что-нибудь хорошее?

— Хорошее! Такое хорошее, что, кажется, и во сне нам не снилось! Сейчас все по порядку расскажу.— Ярмат строго взглянул на жену.— Только ты и пикнуть не смей, а то так и швырну тебя с террасы!

— Сгинуть вашей злости, постоянно вы с угрозами!

Ярмат нахмурился:

— У женщины ума меньше, чем у курицы, никак нельзя не припугнуть... Так вот, значит, элликбаши позвал меня. Беседа с мудрым человеком — чистая улада. Скажет что — и ни в одной книге того не найти, до чего все разумно... Ну и мастер же говорить! Сидим, беседуем.

Перед нами дастархан, как положено. Сахар, леденцы, фрукты, сладости — счета нет... Беседуем мы, жена, а он ловко так подвел и говорит: «Такого счастливого отца, как вы, и на свете нет!» Я от удивления даже рот раскрыл. А он ласково поясняет: мол, это не мои слова, а вашего хозяина. Хозяин будто бы позвал его к себе и начал расхваливать меня... Одним словом, благодетель наш — бай-ата — передал: пусть, говорит, Ярмат не пожалеет своей дочери...

— Для кого же это? — удивилась Гульсум-биби.

— Фу, будто на танбуре быку на ухо сыграл, темная ты женщина! — краснея от злости, повысил голос Ярмат.— Для кого же могло быть! За себя просит бай-ата...

Гульсум-биби даже привскочила от неожиданности, хлопнула себя сразу по обеим коленям и заговорила быстро, не давая Ярмату вставить слова:

— Сгинуть вашему баю! Стыда, совести не знает? На старости ум за разум зашел, видно! Три дня назад у него правнук родился. Вай, подохнуть ему, безбожнику!..

Ярмат поднял кулаки:

— Молчать! Чтоб и голоса твоего не слышно было! Тебя, видно, не было в тот день, когда бог всех разумом оделял!

— Что же вы ответили? — дрожа от негодования, выкрикнула Гульсум-биби. — За семидесятилетнего старика решили единственную дочь отдать?! Тоже — отец!..

Ярмат точно копьём пронзил жену сердитым взглядом:

— Эй, послушай ты, сорока крикливая! Не семьдесят ему, а шестьдесят пять. Какой он старик? А хоть и старый, так он будет пободрей нас с тобой. Не кляни, а слушай: Мирза-Каримбай — человек, осененный милостью божьей. Столько добра, столько богатства, доброе имя! Плохо ли, если дочь моя попадет в такой дворец? О том, что он стар, ты подумала, а об этом забыла...

— А если бы отказали, бай язык вам отрезал бы? — глухо проговорила Гульсум-биби.

— Язык он не отрежет, а может сделать еще хуже. Появится обида, недовольство — вот что главное. А к чему порогу пойду я потом со своими пожитками? Беднякам, что мыкаются без пристанища, в наше время и счета нет. Ты подумала об этом? Если в твоей незрелой тыкве есть хоть капля мозга, не реви, злосчастливая. Той, что начинается слезами, может слезами же и кончиться. Радуйся и готовься!

— Как же не плакать! Ох, глаза бы мои вытекли, ничего не видеть бы мне!.. — рыдая, говорила Гульсум-биби. — Погореть его богатству. Байские сыновья, невестки, дочь жизни не дадут Гульнар. Я знаю их нрав. То-то последние три-четыре дня они так изменились. У каждого будто яд каплет с языка. Теперь я поняла почему. Вот как они ее встречают с самого начала! — Гульсум вытерла подолом слезы. — Вы рано радуетесь. Пельмени сырыми подсчитываете. Верно, они богаты. Очень богаты. Только не дадут они покоя Гульнар. Байский дворец тюрьмой для нее будет. Разве не нашлось бы для нашей дочери подходящего человека? Вот Юлчи. Джигит — по горе ударит, гора в порошок рассыплется. Такой не дал бы дочери моей голодать. И Гульнар склонна к нему. Что мне скрывать от вас...

Ярмат вскочил с места. Хватаясь за ворот рубахи, бормоча гневно «Тавба!», забегал по терраске. Потом снова принялся кричать на жену:

— Не болтай пустого! Кто такой Юлчи? Простой мальчик. А я еще не видел, чтобы какой-нибудь батрак вышел в люди. Дура! Покличь овцу: «Мох-мох!» — и та поймет, а с тобой говорить — напрасно слова тратить. Перестань выть!.. — Ярмат сделал несколько шагов к калитке, потом вернулся и заговорил уже мягче: — Не разболтай раньше времени соседям. Я уже дал слово Алимхану-ака. А слово отца — та же помолвка. Гульнар послушается, ты ей скажи, объясни, посоветуй. Это уже от тебя зависит. Дочь у нас разумная, зря шума поднимать не станет.

Оставшись одна, Гульсум-биби то принималась проклинать бая и мужа, то жаловалась на злую свою судьбу, страстно молила бога о помощи. Больше всего терзал ей сердце предстоящий разговор с Гульнар: она, мать, должна была сообщить дочери такую недобрую весть, да еще утешать и уверять, что это долгожданное счастье!

Гульнар пришла только к вечеру. Она казалась усталой и печальной. Гульсум-биби хотела было отложить объяснение до завтра, но девушка сама вынудила ее открыть сердце. Еще не сбросив паранджи, она с удивлением спросила:

— Вы плачете, айи? Что случилось, поругались с отцом?

— Ну его, обидел он меня,— заговорила Гульсум, стараясь казаться бодрой.— Снимай паранджу, присаживайся ко мне. Я расскажу тебе о своем горе...

Гульнар сняла паранджу, повесила ее на колышек и присела рядом с матерью.

— Дитя мое, ты не ходи больше к хозяевам. Отец приказал...

— Только и всего? Ах, если бы я вовсе не видела этого дома! Но разве можно! Работы много, сами зовут.— Гульнар немного помолчала.— Айи, вы замечаете — в доме бая последнее время надо мной смеются, издеваются... Когда я подхожу — смолкают. А Нури-апа как змея — так и хочет ужалить. Хорошо, что она сегодня домой ушла. Ух, очень я разозлилась... А почему отец не велел мне ходить туда?

Прежде чем ответить, Гульсум-биби заговорила о бедности в семье, о том, что отцу становится тяжело, что единственная надежда поправить дела — это замужество Гульнар.

— О чем вы, айи? Говорите прямо! — встревожилась девушка.

— Дитя мое, если не станешь беречь и посыпать солью рану твоей слабой, несчастной матери, не заставишь обливаться кровью ее сердце, я расскажу тебе новость, какую принес твоей отец.

Гульсум-биби посмотрела на дочь добрыми, полными слез глазами.

— Говорите, айи, говорите скорей! Что случилось? Вы дрожите?

Мать не смогла удержать себя от слез. Рыдая, она передала дочери страшное известие.

Гульнар без чувств уронила голову на колени матери. Долго лежала неподвижно. Потом вдруг, не поднимая головы, закричала в отчаянии:

— Айи! Просите у бога смерти мне!.. Смерти, айи...— и снова умолкла.

II

Сын Шакира-ата умер от чахотки. Сноха, бросив детей, вышла замуж.

После всех этих несчастий старик еще более сгорбился, стал хуже видеть. Он, хоть и работал с прежним терпением и упорством, не мог уже своим трудом прокормить оставшихся на его руках внучат. Оставив за собой лишь ветхую лачугу и мастерскую, большую

часть двора он вынужден был продать. В довершение всех бед какой-то сапожник сманил у него помощника-ученика и этим вовсе подсек беднягу.

Сегодня Шакир-ата, обычно засиживавшийся за работой с раннего утра и до позднего вечера, вышел из мастерской задолго до полудня. Прижимаясь к дувалам, осторожно переставляя длинный посох и повторяя на каждом шагу привычное «по пирим», он выбрался наконец из безлюдного переулка, залитого жидким месивом грязи и рыхлого бурого снега, и остановился на перекрестке недалеко от кузницы Каратая. Здесь он некоторое время по-стариковски всматривался, опираясь на посох, затем, убедившись, что в кузнице нет посторонних, подошел, уселся на глиняную завалинку у стены и, отдышавшись, заговорил:

— Судьба — что хамелеон. Смотри, мой свет, как изменчив ее круговорот! Один руками звезды с неба хватает, а другой до своего кармана не дотянется — руки коротки... Когда мир, говорят, пришел с поклоном к Шахмашрабу, тот дал ему под зад пинка. И очень хорошо сделал! Мир коварный, он стоит того...

— Что еще случилось, отец? — нетерпеливо спросил Каратай, любивший краткость и прямоту речи. — Сноха вышла замуж, бросила вам ребят? Слышал. Но что поделаешь? В наши дни у всех от забот головы вспухли. Белый царь, похоже, всех решил погубить. Сгинуть ей, этой войне! Голод, дороговизна...

Шакир-ата недовольно стукнул посохом о землю.

— Я ему о садах, а он о горах. Когда Тахирджан уже в земле, стану ли я думать о невестке! Война, говоришь? Что, царь, сидя на троне, нужду-горе видит, как мы с тобой? — Шакир-ата умоляюще поднял руку. — Эй, да приостанови ты ради святого Давида, своего покровителя, этот звон-перезвон!

— Рад исполнить ваше желание! — Каратай приостановил работу и, улыбаясь, обернулся к старику.

— Мирза-Каримбай женится, слышал об этом, беспечный ты человек?

— А мне-то что? — удивленно поднял брови кузнец.

— Погоди, дай сказать до конца. Ты спроси — на ком? На дочери Ярмата!

Шакир-ата, будто в припадке, затряс головой.

Каратай сразу помрачнел, задумался.

— Я за Юлчи болею душой, — продолжал старик. — Он любит эту девушку. Известно тебе?

Каратай утвердительно кивнул.

— Знаю. А правда ли то, что говорят насчет Мирзы-Каримбая? Кто вам слазал?

— Ты же знаешь, старуха моя иногда ходит по домам, знахарством занимается. Что делать — бедность... Так вот, вчера пошла она лечить байского внука и там слышала. Язык бая, как ножницы портного, остер: уговорили Ярмата, согласился уже. Не успеешь оглянуться — и свадьбу проведут... А Юлчи нет. Да и вернется если, что сделает? Молодой, одинокий, бедняк...

— Ну и бессовестный, ну и пес! — принялся ругать бая Каратай.— Поганая ворона! На цветок еще не распутившийся позарился, а! И все деньги. Обезумел, стыд, совесть забыл! Сейчас только прошел с базара, нос задравши. Хватить бы молотом, размозжить бы подлому голову...

— О, это было бы доброе дело! Да разве можно! — Шакир-ата оперся на посох, поднялся, нерешительно сказал: — Придет Юлчи из кишлака, не знаю, сумеем ли мы что-нибудь ему посоветовать...

— А вдруг они все до его приезда обделают? — встревожился кузнец.

Старик кивнул головой.

— Подумай, Каратай! Поддержи Юлчи. Не оставляй его. Чтоб в горе не согнулся джигит, голову бы не опустил.— Шакир-ата вздохнул, на глазах его показались слезы.— О, неразумный, нелепый мир! Каратай, не найдется ли у тебя хоть полтеньги? Нет наса, с утра тынет...

Каратай покачал головой. Огорченный тем, что он не в состоянии даже такой мелочью помочь бедному старику, которого любил и уважал, как отца, кузнец поспешно высыпал из табакерки остатки наса, завернул в клочок бумаги, протянул Шакиру-ата. Старик поблагодарил и, тяжело опираясь на посох, вышел из кузницы.

Недолго после него пробыл в кузнице и Каратай. Гнев на бая и беспокойство за судьбу Юлчи и девушки мешали ему работать. Наскоро закончив самое необходимое, он вышел, загородив кузницу со стороны улицы легкой циновкой.

III

Три дня Гульнар провела в адских мучениях. С тех пор как мать сообщила ей страшную весть, она не переставала плакать.

Если бы девушка не любила! Если бы мысль о неравном браке хотя бы на мгновенье, как случайный обрывок тучи, когда-нибудь прежде промелькнула бы в ее сознании, затуманив ясные очи, может быть, новость, сообщенная матерью, и не поразила бы ее душу своей неожиданностью. Подобно многим и многим особенно красивым девушкам из бедных семей и Гульнар, возможно, приняла бы известие о предстоящем браке с Мирзой-Каримбаем как веление рока, как печальную необходимость и неизбежное, как смерть, зло, смирилась бы и покорно склонила голову перед волей отца. Но девушка всем сердцем, всем своим существом любила джигита, который казался ей олицетворением силы, мужества и мужской красоты. И поэтому, когда перед ее умственным взором возникал старик со слезящимися глазками, с трясущейся при каждом слове козлиной бородкой, в ее душе, как пламя, вспыхивал гневный протест...

Но на что и на кого могла рассчитывать Гульнар? Ведь без разрешения родителей она не имела права даже переступить через порог калитки. На мать? Но ведь именно мать, сама обливаясь слезами, уговаривает ее покориться судьбе. На отца? Но что говорить об отце, когда он желание старого сластолюбца принимал как осо-

бую милость и почитал за счастье и для дочери и для всей семьи!..

Ярмат за последние дни стал совсем другим. Он даже походку переменял: заложив руки за пояс, он как-то не ходил, а семенял по-перепелиному, точно боялся спугнуть птицу счастья, неожиданно спустившуюся на его плечо. Возвращаясь к себе от хозяйна-зятя, он говорил шепотом или давал знать о своих желаниях знаками. При обращении с домашними на лице его вместо обычной суровости теперь большей частью разливалось выражение заискивания и мольбы. В руках у него частенько шелестели новенькие кредитки, каких он никогда не держал за всю свою жизнь. Слезы дочери его мало беспокоили. Он считал их обычными для всех девушек, выдаваемых замуж.

Гульсум-биби сначала плакала вместе с дочерью, но затем поняла бесполезность сопротивления железной воле судьбы и смирилась. Хотя материнское сердце ее и терзалось тревогой, она теперь все свои старания направила к тому, чтобы успокоить дочь, ласкала, уговаривала ее, все время твердила «слова, начертанные в книге», когда-то слышанные ею от жены ишана: «Женщин, страдающих и скорбящих в этом мире, в судные дни сама дочь пророка Мухаммеда Фатима-биби поведет в рай...»

Гульнар все время думала о Юлчи и с нетерпением ждала его. Иногда ее пугала мысль: «Откуда мне знать, может быть, он уже вернулся? Может, и он, как я, забился в какой-нибудь угол со своим горем?..»

Юлчи! Хотя бы на миг встретиться с ним, склонить ему на грудь голову, послушать, как бьется его сердце. Посоветоваться, как вырваться из этого капкана!.. Но где он? Как узнать это? В доме нельзя даже упоминать его имени. И не только при отце, даже при матери. Ведь и для матери она теперь уже «чужое добро», а Юлчи здесь — только посторонний...

Короткий зимний день показался Гульнар бесконечно долгим. Но и вечер не принес ей утешения. Через окно уже было видно, как голые вершины деревьев окрасились в предзакатный багрянец, как в чистом морозном воздухе над крышами соседних домов медленно поплыли голубоватые волны дыма, а в сознании девушки неотступно стоял все тот же вопрос: «Где Юлчи? Как мне узнать это?..»

Неожиданно до слуха Гульнар дошел негромкий шепот. Девушка невольно прислушалась. Гульсум-биби, сидевшая у сандала, горько жаловалась: «Несчастливая судьба моя. Надеюсь, что к калитке моей под музыку карнаев и сурнаев с друзьями-товарищами придет зять, обсыпят его серебром¹. Я надену ему на голову венец с султаном из филиновых перьев... А тут, видишь ли, придут только дамла-имам с суфи, прочтут что положено, и я, злосчастная, дочь свою — принцессу, как старуху какую-нибудь, должна буду проводить без свадебных песен, без веселья, без радости, молча, будто воды в рот набравши...»

¹ Свадебный обычай.

Сердце Гульнар затрепетало. Девушка поняла, что скоро будет свадьба, что мужчины уже договорились и отец, должно быть, предупредил обо всем мать.

Гульнар быстро отошла от окна, присела на корточки у очага рядом с умолкшей матерью, порывисто прижалась к ней, точно этим движением хотела выразить все свое горе.

— Аи, попросите отца, пусть не торопится, — умоляюще заговорила она. — Пусть прислушается и к желанию единственной дочери. Еще хоть немного поживу с вами в бедности. Не хочется расставаться. Раньше я не любила эту нашу хибарку, а теперь... Теперь этот старый дом наш мне кажется лучше всяких пышных байских хором!

— Ох, дитя мое, если бы отец твой прислушивался к моим словам!.. Приходит — и всякий раз приносит какую-нибудь новость: эликбаши так сказал, эликбаши вот этак сказал... Ух, смерть моя! — Гульсумбиби умолкла, взглянула на дочь, вздохнула тяжело: — Посмотри на себя в зеркало. За три дня стала такой, будто три года болела. Не убивайся так, доченька. Такая участь не только на твою голову. Одни выходят за молодых, а другие за... иных-прочих. Бог, видно, звезду твою к этому направил. Что поделаешь?..

— Сгинуть той звезде моей, аи! Не загоревшись, потухла она. На голову мою бедой упала... Аи, вы меня еще хоть дней пять-шесть не отрывайте от себя. Это моя последняя просьба...

Мать и дочь долго плакали. Огонь в очаге медленно покрывался пеплом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Время близилось к часу последней вечерней молитвы. Каратай съел поданную женой жидкую машевую кашу и молча сидел у сандала, уставившись на тусклый огонек чирака. Его босые, полуголые ребятишки, поднимая пыль, кувыряясь на старой кошме, ездили верхом друг на дружке, смеялись, шумели. Но он ничего не слышал и не замечал.

Последние дни горячий нравом кузнец почти забросил работу. Он что ни час придумывал все новые и новые планы, стараясь помочь как-нибудь своему другу Юлчи.

Обо всем, что происходило в доме Мирзы-Каримбая, кузнец узнавал через жену Шакир-ата — Кумры-ай. Живая, говорливая старуха под разными предлогами ежедневно бывала в байском доме, осторожно выпытывала у женщины новости и передавала мужу, а тот — Каратаю.. И все же они до сих пор не могли выяснить, когда будет свадьба. Так как в подобных случаях обычно все делалось скрытно, что называется «в рукаве», то беспокойство Каратая росло с каждым днем. Он надумал было, если свадьбу назначат на этой неделе, подослать к Гульнар свою жену и, договорившись таким путем, увезти ее в кишлак к Юлчи или в другое место. Но потом у него возникли

сомнения — поверит ли девушка словам какого-то незнакомого ей человека? — и он отказался от этого плана, а решил наутро отправиться в кишлак и привезти поскорей Юлчи, чтобы действовать сообща.

В двери показалась жена кузнеца, хлопотавшая по дому.

— Выйди, кто-то стучит в калитку.

Каратай вышел. У калитки стоял Юлчи. Оставив его во дворе, кузнец поспешил в комнату, велел жене посидеть пока на терраске, успокоил детей и позвал гостя.

Юлчи присел к сандалу между ребятами, уставившимися на него любопытными глазенками. Пятилетний Тургумбай, всматриваясь в широкие плечи джигита, наконец не вытерпел:

— Кто сильнее будет, вы или отец? — спросил он и, застеснявшись, спрятал голову под одеяло, прикрывающее сандал.

Юлчи, добродушно посмеиваясь, похлопал мальчика по спине:

— Отец твой посильнее будет, племянник.

Каратай расспрашивал о жизни кишлака, о брате, о сестре Юлчи. Вытащил из-под сандала чайник чаю, разостлал дастархан, положил две ячменные лепешки. Юлчи рассказал, что приехал вместе с сестрой, что сестру он оставил у хозяев, а сам поспешил сюда навестить приятеля.

Кузнец долго крепился, не желая расстраивать джигита. Но скрывать происшедшее было невозможно — не терпело время. «Не сказать, — рассуждал он, — Юлчи, оставаясь в неведении, может завтра же выехать по какому-нибудь делу в поместье бая или еще куда».

Старшего сынишку Каратай выпроводил к матери на терраску. Младшие уже спали, растянувшись тут же у сандала. Только один, моргая длинными ресницами, старался прогнать сон, уже застилавший его черные блестящие глазенки.

— Юлчи, дорогой мой, — заговорил кузнец, — я истомился, ожидая тебя со дня на день. Завтра с утра в кишлак к тебе собирался. Хорошо, что ты сам подрос и зашел сегодня...

— Так соскучились за десять дней? — улыбнулся Юлчи. — Или еще что?..

— Соскучился... и потом... — Каратай замаялся, упершись кулаком о сандал, наклонился к другу. — Тут одно неладное дело вышло. Тебя касающееся. Только... Ты ведь крепкий что железо. Стерпишь. Настоящий джигит, я считаю, тот, в кого молния ударит, а он на ногах устоит.

— Что случилось? — встревожился Юлчи.

Каратай помолчал, сорвал с головы тибетейку, бросил на сандал и, не в силах тянуть дальше, заговорил прямо:

— Ты ведь любишь Гульнар? Она тебя тоже любит. К примеру, вы как Тахир и Зухра в сказке... Так вот, видишь ли, между белой и красной розой выросла колючка. А дальше понимай сам.

Кузнец наклонился над сандалом. Потом уголком глаза взглянул на джигита. Юлчи внешне спокоен, но пиала в его руках заметно дрожала. Не поднимая головы, он спросил тихо:

— Кто он? Расскажи...

— Бай, дядя твой, вздумал жениться! — Каратай не сдержался и зло выругался.

Юлчи согнулся еще больше, поставил пиалу. Меж бровей у него вздулась вена, глаза потемнели.

— Вот до чего может дойти жестокость и надругательство над человеком, Каратай-ака! Хуже этого голова не придумает! — Джигит весь задрожал от гнева.— Он ведь знал, что я люблю Гульнар, подлый старик!

— Знал?! — воскликнул пораженный Каратай.

— Знал. Прошлым летом приехал он на поле посмотреть хлопков. Повел я его по участку. Видит — урожай богатый, каждый куст, будто коралловыми ожерельями, обвешан коробочками. Доколен остался. Все похлопывал меня по плечу. Осмотрев поля, уселся он с нами, с батраками и поденщиками, пить чай. Всех насмешил разными забавными историями. Он же, как лиса, хитрый. Когда нужно, и пошутить умеет с батраками. Начал подшучивать и надо мной. «Юлчи, говорит, около тебя много казахов работает. Ты привык к ним. Выбери какую-нибудь девушку-казашку, будешь работать и песни ее слушать». — «Есть у меня на примете одна. Зачем же мне на других заглядываться?» — отвечаю ему и мигнул на Ярмату. Он сразу же догадался. «Вон как, племянник!» — говорит и смеется. Потом однажды осенью видел он, как я разговаривал с Гульнар в саду... — Юлчи ударил кулаком по колену. — Знал, собака! Такой подлости с его стороны мне и во сне не снилось. Голову ему сорвать мало!..

— Бессовестный! — возмутился Каратай.— А впрочем, все они, баи, такие. Честный, правильный человек, видно, поэтому и не может никогда разбогатеть.

— Честь, совесть? Деньги — вот их честь! И совесть, и сила...

Юлчи стремительно вскочил. Каратай схватил его за руку:

— Подожди, что ты надумал?

Джигит остановился, обернулся к другу. Взгляд его потеплел.

— Надо узнать, как Гульнар... — В голосе Юлчи послышались нотки грусти.— В ней я не сомневаюсь, но... кто знает. Может, отец с матерью принудили, и она смирилась...

— Верно,— согласился кузнец.

Юлчи тяжело вздохнул:

— Только вот как встретиться с ней?..

— Да-а... — Каратай молчал, раздумывая.— Ты вот что... Иди-ка сейчас спать. Ты устал, наверное, да и время уже позднее. А завтра пошли к Ярмату свою сестру. Девушка, если она любит тебя, и к сестре твоей должна отнестись с доверием. Сестра и узнает, что у нее на сердце. Если девушка согласна, тогда сговоритесь, выберете ночь потемнее и скроетесь. А если нет, махнешь рукой — и все.

Юлчи ничего не сказал. Он нагнулся к сандалу, жадно выпил остывший чай и направился к двери.

— Ты не спеши, не горячись. Делай все так, чтобы не вызвать подозрения,— посоветовал Каратай, провожая друга со двора.— А если нужна будет помощь, скажи...

В густой темноте ночи ярко горели звезды. Кругом — тишина. Только под ногами, словно кусочки битого стекла, похрустывали подмерзшие комочки уличной грязи. Шагая в темноте один, Юлчи еще глубже почувствовал тяжесть неожиданно свалившегося на его голову горя. Ему казалось, что в его груди кипит обида и горечь всех обездоленных и униженных, обманутых в лучших своих надеждах и гонимых жизнью. Душу джигита охватили гнев и жажда мести: всю эту жизнь, чуждую чести и совести, правды и справедливости, весь этот ненавистный порядок — все рушить, топтать, жечь!

Время было уже близко к полуночи. Юлчи не хотелось идти на байский двор. Дом Мирзы-Каримбая казался ему теперь хуже тюрьмы. Людская, в которой он проводил вот уже третью зиму, сырость и холод, полусгнившие кошмы, рваные одеяла, испещренный трещинами и заклепками чайник, безвкусная жидкая бурда на обед — все это до сих пор скрашивалось только мечтами о Гульнар и надеждами на счастье... А теперь?..

Юлчи опустился на небольшую супу у входа в придел мечети. Долго сидел, сжимая руками пылавшую голову, терзаясь тяжкими думами. Затем внезапно вскочил и зашагал к дому Гульнар. Его влекло непреодолимое желание взглянуть на дом, где томилась плачущая девушка, хотелось поцеловать стены, за которыми она проводила бессонные ночи...

Он не сделал и десяти шагов, как из темноты раздался короткий тревожный возглас:

— Кто?

Джигит вздрогнул от неожиданности, остановился.

— Это я, Юлчи.

К нему подошел Ярмат.

— Юлчи?! — подозрительно всматриваясь, спросил он. — Когда ты вернулся?

— Сегодня вечером. Чего вы так испугались?

— Ходишь не вовремя... — грубо ответил Ярмат, беспокойно озираясь вокруг, будто искал кого-то в темноте.

Юлчи схватил холодную, дрожащую руку отца Гульнар.

— Ярмат-ака, что случилось? Вы что-то скрываете от меня!

— Я, кажется, уже рассудок теряю. Бог меня наказал! Юлчи, скажи правду: с тобой здесь никого не было?.. Ты сам что тут делаешь?..

Юлчи не знал, что и подумать. Обняв Ярмата за плечи, он спросил взволнованно:

— Что вы так дрожите? Какая беда приключилась? Говорите скорей!

Ярмат вдруг всхлипнул, сквозь слезы у него вырвалось:

— Дочь у меня пропала.

— Как? Когда?

— Я Салима-байбачу... Ох, нет... Хакима-байбачу отвозил на вокзал. Проводил в Фергану. Час тому назад вернулся, а дома — никого. Дверь — настезь... Немного погода подошла тетка твоя Гульсум-биби. Она у хозяев была. «Где дочь?» — спрашиваю. «Дома,

говорит, была, куда ж ей деться!» Обыскали все — нет. Куда пойдет она в такую темь? Юлчи, скажи правду, ты... не знаешь?

— Какая подлость! Какая подлость! — выкрикнул Юлчи и вдруг поник головой, прислонился к железной ограде мечети и застыл, словно окаменел.

Ярмат потянул его за рукав, хрипло зашептал:

— Вижу, ты не виноват... Но, пожалуйста, никому ни слова!... — Скользя и падая, старик бросился в темноту за поворотом.

Исчезновение Гульнар, как молния, поразило Юлчи. Долго и неподвижно стоял он у ограды мечети. Только звук трещотки ночного сторожа над самым ухом заставил его встрепенуться. Он резко отмахнулся от шутника и тихонько побрел по улице.

Калитка Ярмата оказалась запертой. Со двора, будто там вымерли все, не доносилось ни звука. Это еще больше расстроило Юлчи. Ему стало жалко родителей Гульнар; из боязни молвы они вынуждены были скрывать свое горе, переживать его взаперти. Он тяжело вздохнул и, не переставая думать о Гульнар, безотчетно побрел дальше.

Из всех предположений, возникавших в его сознании, Юлчи остановился на двух: или Гульнар покончила с собой, или ее похитили. «Обо мне долго не было вестей, — рассуждал он. — Девушка потеряла надежду свидеться и решила лучше умереть, чем достаться старому баю. Скрывшись в темноте ночи, она могла броситься в омут или удушить себя где-нибудь на пустыре». По телу Юлчи пробежали мурашки. Перед глазами из темноты вставали картины одна страшней другой. «А может быть, ее похитили? Но кто мог? С какой целью?» При мысли о похищении кулаки джигита невольно сжались. Ах, если бы эти злодеи хоть чем-нибудь выдали себя! Тогда, будь у них хоть сотни рук, он сумел бы с ними один расправиться!..

В глубокой печали Юлчи обошел несколько кварталов. Он внимательно присматривался ко всему, прислушивался к каждому звуку.

Мороз усиливался. От холода сжалось тело, заоченели ноги в затвердевших, как камень, сапогах. Юлчи, однако, ничего не чувствовал и продолжал бродить по глухим, притихшим улицам.

Над городом поднялся медный осколок луны. Юлчи вышел на берег Анхора. Вода уныло плескалась о закраины, таинственно поблескивала под тусклыми холодными лучами. В ветвях голых деревьев на берегу посвистывал ветер. Юлчи долго всматривался в сумрачные, ко всему равнодушные волны и вдруг с ужасом подумал: «Кто ее может похитить из дома? Скорее всего, она бросилась в воду. Анхор от них недалеко...» И Анхор, к которому он каждый день приводил поить лошадей, теперь показался ему страшным и грозным.

Разговаривая сам с собой, Юлчи как помешанный долго бродил по берегу. Лишь когда слышались крики петухов в соседних дворах и возгласы муэдзинов с ближайших минаретов, он тихо побрел к дому кузнеца.

* * *

Ярмат подошел к дому эликбаши и долго, до боли в суставах колотил кулаком в калитку. Дом стоял далеко в глубине двора. Время было позднее, все спали. Среди мерзлых уличных кочек Ярмат

ощупью нашел камень и принялся стучать снова. Наконец через щель калитки скользнул луч света. Ярмат с облегчением вздохнул, вытер рукавом вспотевший лоб.

Из-за калитки послышался сонный, недовольный голос эликбаши:

— Кто там?

Как только Ярмат отозвался, зазвенела цепь, открылась одна створка калитки. Ярмат протиснулся в узкий крытый проход. Придерживая одной рукой полы накинута на плечи тяжелой шубы, эликбаши посветил коптившей лампой, заспанными глазами оглядел Ярмата, пробурчал:

— Что за шум? В полночь...

Ярмат, словно прося прощения, сложил на груди покрытые грязью руки и запричитал:

— Несчастье обрушилось на мою голову, Алим-ака! Дочь пропала. Куда исчезла, не знаю...

— А-аа? — заспанные глаза Алимхана сразу широко раскрылись. — Рассказывай, как это она могла пропасть!..

Ярмат беспорядочно, но подробно рассказал о случившемся. Эликбаши слушал, устремив глаза в одну точку, и недовольно хмыкал. Когда Ярмат умолк, он передал ему лампу, затем плотнее запахнул полы шубы, поправил на пальцах кольца и спросил:

— Дочь твоя не была согласна? Плакала?

— Плакала. Все девушки перед свадьбой понемногу плачут. Обычай этот со времен Фатимы-биби остался...

— Плачут по-разному, — сердито перебил эликбаши.

Ярмат виновато согласился, закивал головой.

— Хорошо. Кого же ты подозреваешь? — строго спросил Алимхан.

Ярмат растерянно молчал, не зная, что ответить.

— Дочь твою или увез кто, или она сама сбежала, сговорившись с кем-нибудь заранее. Ты все-таки на кого можешь подумать?

— Кто знает... — нерешительно ответил Ярмат. — Признаться, я сначала подозревал Юлчи. Помните, работник бая. Он уезжал в кишлак и сегодня вернулся. Только вот так, сразу трудно что-нибудь сказать. Потом как бы стыдно не было...

— Почему трудно? — сердито прикрикнул эликбаши. — Откуда тебе знать, что это не он сделал? Ну, не было его, а сегодня приехал — и вот случилось. Ты ему пока ничего не говори, а последи за ним.

Вытирая грязной рукой слезы, Ярмат начал умолять:

— Я обездоленный бедняк, научите меня, укажите дорогу!.. Она — единственная дочь, глаза мои, сердце мое... — старик заплакал снова.

— Плакать и причитать нечего, — решительно оборвал эликбаши. — Пока держи все в тайне, спрячь в своем сердце. Пройдет день-два, выяснится — жива ли твоя дочь, мертва ли она. Я тоже не буду сидеть сложа руки. Только чтобы разговору не было. Скажи жене, пусть прикусит язык. Хозяевам — никому ни слова. Придумай что-нибудь. Скажи, что дочь к подруге погостить ушла, и все. Слышишь?

А кого будешь подозревать, с того глаз не спускай, по следам ходи. Вот, можешь идти, завтра утром заглянешь...

Придавленный тяжелыми думами, Ярмат вышел на улицу и медленно зашагал к дому.

II

После завтрака Танти-байбача, закутавшись в лисью шубу, вышел на улицу. Он немного прошелся в сторону базара, потом вспомнил, что по случаю праздничного дня магазин Мирзы-Каримбая будет закрыт, и повернул к тестю, надеясь найти Салима-байбачу дома.

В квартале Мирзы-Каримбая навстречу Танти откуда-то вынырнул Алимхан-эликбаши. Они поздоровались, так как издавна были знакомы. Эликбаши, ухмыляясь, зашептал ему на ухо:

— Байбача, позвольте вашему покорному рабу задержать вас на минуту. Есть одно очень тонкое дело.

Он схватил Танти за руку и потащил к своему дому.

Тучный Танти-байбача не пожелал подниматься по крутой лестнице на балахану. Тогда Алимхан из предосторожности притворил калитку, и они остановились в полутемном крытом проходе.

— Я вас слушаю, Алимхан-ака.

Эликбаши почтительно тронул плечо байбачи и зачастил шепотом:

— Мы хотели выдать за вашего почтенного тестя дочь Ярмата. Вы, наверное, осведомлены на этот счет?

Танти утвердительно кивнул:

— Все было готово. Мы собирались через два-три дня справить свадьбу. Но вчера девушка вдруг исчезла. Не знаю — на небо взлетела, не знаю — сквозь землю провалилась. Если об этом узнает бай-ата, он будет очень огорчен.

— Ё аллах! Девушка скрылась из своего собственного дома!.. Тавба! Нехорошее дело, Алимхан-ака.

Эликбаши, не отрывая внимательного взгляда от собеседника, продолжал:

— Так вот, братец мой Мирисхак, пусть все это останется между нами. Но вы должны мне помочь. Где бы ни была девушка, ее надо найти. Как по-вашему, у кого должен быть ключ от этой тайны?

Танти-байбача был заметен смущен, но он пожал плечами и, не поднимая глаз, с деланным недоумением сказал:

— Что я, святой? Трудно сказать, где она. Если у нее был возлюбленный, может быть, она, воспользовавшись удобной минутой, бежала с ним в какой-нибудь город. В нынешнее время все девушки своевольны. Где найдешь теперь прежних — послушных и благовоспитанных!

Эликбаши снова тронул плечо байбачи.

— У меня есть некоторые подозрения, о них я скажу только вам,— заговорил он озабоченно.— Вы ведь знаете, Салим-байбача был против этого дела. Причина понятна — бай отказался завещать сыновьям свое имущество. Когда я сообщил ему об отказе бая, он даже обозлился. Отцу, говорит, никогда не жениться на этой девушке,

вот увидите! Обдумав все, я и пришел к выводу... Не знаю, может быть, это пустые подозрения, искушение шайтана...

Танти решительно запротестовал:

— В Салиме и на волосок не сомневайтесь! Совесть его чиста. Верно, когда отец отказался отписать им имущество, он гневался, горячился по молодости. Но я его убедил, и он выбросил из своего сердца обиду. Байбача вне подозрений... Ну, я ухожу. А вы, Алимхан-ака, примите все меры. Я тоже помогать буду. Нельзя огорчать старика. Да, нехорошо получилось... Всего вам доброго!

Приложив руку к сердцу, Танти распрошался с элликбаши и быстро удалился.

Придя в дом тестя, Танти-байбача прошел прямо в комнату Салима. Там сидела одна Нури. Она разостлала для зятя одеяло, присела на корточки у сандала и принялась жаловаться на отца за его намерение жениться, на братьев за их нерешительность. Танти старался ее успокоить и уговаривал идти домой, чтобы напрасно не расстраиваться здесь. Нури, будто она ничего не слышала из того, что говорил ей зять, вскочила, схватила с сандала какой-то круглый ком и, стоя, торопливо принялась втыкать в него иголки. Танти-байбача удивился:

— Что это?

— Это? — Нури злобно рассмеялась и, не прерывая своего занятия, пояснила: — Это — голова Гульнар. Вот так я убью ее. Душа и голова ее как камень — столько колю, а ей хоть бы что. Послала мальчика — узнай, говорю, больна Гульнар или она по-прежнему здорова. И что бы вы думали? Оказывается, она от радости, что выходит за бая, отправилась развлекаться к какой-то своей подруге!.. А кто может быть ей подругой? Такая же рабыня, как и она!

— Пусть развлечется! Это хорошо, — бормотал Танти-байбача, еле сдерживая улыбку. — Нури, а какая польза в твоём колдовстве? Нехорошо, если узнает кто... Где Салим? Позови-ка его сюда.

Нури спрятала в карман свои колдовские принадлежности и, бормоча проклятия, направилась к выходу, но в двери столкнулась с Салимом. Увидев зятя, байбача поспешно выпроводил сестру, плотно прикрыл за ней дверь, метнул взгляд в окно и только тогда присел к сандалу. По всему было видно, что он чем-то обеспокоен.

— Держитесь смелее, — негромко предупредил его Танти-байбача. — К чему эта суетливость? Вы одним своим видом раскроете тайну и разоблачите себя. Дело начато удачно. Так же гладко надо довести его до конца. А для этого прежде всего нужна смелость. Вас уже и сейчас кое-кто подозревает...

Салим-байбача побледнел, губы его дрогнули, в глазах промелькнул страх. Срывающимся голосом он спросил:

— Кто подозревает?

— Алимхан-элликбаши.

У Салима перехватило дыхание. Он молча облокотился на сандал и опустил голову на руки.

— Да вы не бойтесь. У него только подозрения, — успокаивал

шурина Танти.— Подозревать — это одно, а схватить за шиворот на месте — другое.

Танти-байбача посоветовал Салиму по возможности избегать Алимхана, а при встрече держаться смело, высказывать сожаление и огорчение по поводу происшедшего.

Салим-байбача пытался взять себя в руки, но это ему плохо удавалось. Озираясь то на дверь, то на окно, он зашептал:

— Я очень боялся, что тайна раскроется здесь же, на месте. Но мы начали дело в счастливый час. Девушка была одна. Кругом тишина, темь. И люди ваши оказались настоящими молодцами. Из таких, что без лестницы с неба звезды могут хватать. Я диву дался: ни шума, ни суетливости... Теперь-то, конечно, самая большая опасность миновала. И я отомстил отцу. Пусть теперь сам на себя обижается, старый потаскун. Отверг наши условия, вот я и наказал его...— Салим-байбача передохнул и обратился к зятю:

— Пачча, теперь бы поскорее приглушить голос этой девицы или спроводить ее куда-нибудь...

Танти-байбача долго думал, покручивая ус. Потом тихо, будто рассуждал сам с собой, сказал:

— Ее заживо похоронить надо... Иначе рано или поздно она подаст свой голос.

— Этого никак нельзя допустить! — встрепенулся Салим-байбача.

Танти помолчал, внимательно посмотрел на шурина.

— Салимджан, вы знаете — это очень трудно. Для вас я, конечно, сделаю. Но вместе с этим я и вам должен поставить одно условие...

— Что за условие? — встревожился Салим.

— Условие мое такое.— строго, даже требовательно заговорил Танти.— В дальнейшем вы всегда должны действовать со мной заодно, и, если я приду к вам с какой-нибудь нуждой, вы не должны мне отказывать... Идет? — Танти протянул руку.

Салиму все стало ясно. Он понял, что с этого момента отдает себя во власть зятя. Теперь ему придется беспрекословно выполнять все требования Танти, и в первую очередь, конечно, не отказывать в деньгах. Иначе преступление его будет раскрыто и он будет опозорен. Оказывается, спасаясь от снега, он попал под ливень. Но выхода не было, раскаиваться — поздно. Байбача пожал протянутую руку и заискивающе проговорил:

— Вы не только зять мне, вы мой друг и старший брат.

Танти принял независимый вид. Зажав в губах папиросу, он встал и вышел, наказав Салиму помалкивать, пока Ярмат сам не поднимет шума. Он шагал по улице довольный и гордый. Мог ли он ждать такой удачи? Теперь Салим не больше как его раб.

Позавчера Салим-байбача пришел к Танти и стал жаловаться на отца. Он говорил, что старик не только отказался отписать имущество, но разгневался, стал поносить братьев и угрожать им всякими карами. Танти-байбача щедро подливал гостю вина. К гневу прибавилось опьянение. Салим грозился отомстить отцу. Тут Танти-байбача со смелостью подвыпившего человека предложил ему вы-

красть и спрятать Гульнар. Расходившийся Салим согласился. И вот вчера двое мошенников — доверенных Танти, с помощью самого Салима-байбачи, — бесшумно и ловко утащили девушку из дома...

«А что от этого потерял Танти? — рассуждал Танти-байбача. — Ничего. Только выиграл. Не завтра послезавтра я заполучу от шурина тысяч десять... Подпишется на векселе — и достаточно. Его подпись — наличные деньги».

Танти зашагал по улице, довольный своей удачей. Случайно взгляд его задержался на сгорбленной фигуре бедно одетого человека, шедшего впереди. «Ярмат!» В каком-то уголке сердца байбачи шевельнулось что-то и защемило. Он невольно отвел глаза. «Тяжело, видно, ему, бедняге. Умрет дитя на глазах — поплачешь, попричитаешь, но — грудь земли жестока — в конце концов смиришься. А тут единственная дочь вдруг исчезла! И никогда не узнает, умерла ли она, жива ли... Человек он неплохой, верный слуга своего хозяина. Таких уже не часто встретишь...» Танти взглянул на сгорбленную спину Ярмата. «А что, если взять его за руку, привести к дочери и сказать: «Бери ее. Но знать обо всем должен на земле только ты, а на небе — один бог! Идите!...» Это было бы по-настоящему добрым делом, а?..» Вдруг перед глазами Танти как наяву возникла шестая бумага, длинная — раза в два длиннее сторублевой кредитки, а на бумаге — подпись Салима. И вспыхнувшая было в душе байбачи искра простого человеческого чувства тотчас погасла, захлестнутая волной алчности. Девушка должна была стать жертвой ради того, чтобы Танти имел возможность оседлать спину своего шурина. К тому же у Танти, когда он предлагал похитить Гульнар, была и другая мысль: байбача сам рассчитывал потешиться девушкой, пока не наскучит. «Не я, так другой, — рассуждал Танти, шагая вслед за отцом Гульнар. — Со мной ей даже лучше будет, чем с этим беззубым женихом. А что касается добрых дел... говорят, дверей к милости аллаха много. Не через одну, так через другую как-нибудь проберусь и я. Можно будет, например, пожертвовать ковер для мечети. В этом случае обо мне и добрая слава пройдет в народе...» Танти тихонько рассмеялся — до того удачной показалась ему эта случайная мысль. Байбача ускорил шаги и обогнал Ярмата, даже не ответив на его приветствие.

Выйдя на Чарсу, Танти зашел в чайхану, посидел там, покурив чилим. Домой возвращаться не хотелось, он постоял с минуту в раздумье и направился к своему закадычному приятелю Джандарвагонщику.

Джандар принял Танти в одном из покоев михманханы — большого, еще не вполне оконченного и отделанного дома на первой, мужской половине двора. Это был мужчина высокого роста, с острым, пронизательным взглядом, с лицом таким же черным, как и его борода. Одет он был с претензией на моду. Танти познакомился с Джандаром год тому назад, и с тех пор они каждую неделю встречались в дружеской компании.

Совсем недавно Джандарвагонщик служил на побегушках у разных баев-купцов и был небогатым человеком, но в течение последних

двух лет он вдруг разжился, скопив огромные богатства. Занимался Джандар оптовой хлебной торговлей, за что и получил прозвище «вагонщика», то есть человека, отправляющего товар вагонами. Постоянное повышение цен на хлеб в связи с войной, вызвавшее острую нужду среди трудового народа, для Джандара, наоборот, послужило источником обогащения. Близкие друзья, хорошо осведомленные в делах «вагонщика», между собой называли его «военным баем», то есть баем, разжившимся во время войны. В течение каких-нибудь двух лет Джандар приобрел себе большое загородное поместье, построил огромный дом в городе. Сыновья его, не так давно бегавшие по улице в рваных штанах, теперь летали по городу на «колесах шайтана», иначе говоря — на велосипедах. У Джандара завелись связи среди русских чиновников, дружбой и знакомством с ним теперь не брезговали даже самые знаменитые баи. В доме у него каждый день резали по барану, поэтому в его хоромах постоянно, как мухи, кружились имамы, ишаны, улемы. Духовенство расхваливало Джандара как «примерного мусульманина»; джадиды превозносили его как «радетеля интересов родины и нации» (Джандар пожертвовал средства на десяток парт для школы своего квартала). Джандар обскакал всех баев в разгуле. О его пирах в поместье рассказывались легенды; он содержал несколько бачей, которые жили при нем под видом писцов и приказчиков...

Танти-байбача снял шубу, уселся на одно из атласных одеял, разостланных вокруг сандала. Джандар сам вынес из соседней комнаты большой поднос с угощениями. Разломив несколько белых сдобных лепешек, замешенных на чистых сливках, он накрошил целое блюдо казы. Затем, выразив свою радость по поводу прихода Танти, сообщил, что сегодня к нему должны собраться несколько близких друзей для хорошей пирушки с музыкой, с песнями.

— Сегодня ты должен побыть со мной. Мы устроим здесь добрый пир Джамшида. Вот уже сколько времени мне пришлось довольствоваться компанией важных сановных чалмоносцев — улемов, мударрисов, аглямов. Опротивело. До смерти надоедливые все они. Говорят, что шарият каждый волосок на сорок частей разделит, и это похоже на правду, друг мой. Заспорят из-за какого-нибудь пустяка и разведут канитель на целый день. Допусти их — раздерутся как петухи. Приходится вмешиваться и уверять, что права и та и другая сторона, и только тогда они кончают свою перебранку, разыгрывая ничью. По-настоящему опротивело.

— Что же, для тебя это неплохо, ума-разума наберешься, — рассмеялся Танти-байбача. — Скоро и сам любого улема заставишь удирать с первого же «клевка», как хороший боевой петух.

Джандар-вагонщик поморщился:

— Э, от их разговоров в голове и «алифа» не прибудет. Сказать правду, сам я, хвала аллаху, мусульманин, но их болтовня и перебранка мне вовсе не нравятся... Спрашивается, для чего же тогда я им позволяю бывать у себя, устраиваю угощения? А для того, что эти болтуны захотят — человеку побиение камнями устроят, захотят — прославят его до небес. Зайдут они в мой дом, полижут моей

соли, выйдут из калитки в блестящих халатах, и никакой крикун после этого рта против меня открыть не посмеет. А ты же сам знаешь, трудно найти человека, чтобы он был без греха. Э, что говорить об этом! Знаешь, друг, проводим мы ночью наших гостей и махнем в город на прогулку. Подцепим самых расчудесных барышень и погуляем вдвоем в свое удовольствие. А? Руку, удалец!

В другое время Танти-байбача и не подумал бы отказываться от такого заманчивого предложения. В последнее время у него заметно поубавилось «пороху». От отцовского наследства оставалось не больше трети, и он, чтобы иметь возможность вести прежнюю разгульную жизнь, вынужден был лебезить перед такими преуспевающими богачами, как Джандар-вагонщик, и подпевать им в их затеях. Однако на сегодня у байбачи были свои планы. Собственно, он и пришел к Джандару с заранее обдуманной целью. Пока тот распространялся о своем времяпрепровождении, Танти думал о Гульнар. «Джандар будет рад такому редкостному дару,— размышлял байбача.— Он не только поможет мне заживо схоронить девушку, но в случае необходимости сумеет и замазать рот кому надо». Руководствуясь такими соображениями, Танти и решил впутать в это дело Джандара-вагонщика. Он отпил из фарфоровой пиалы глоток чаю и загадочно посмотрел на приятеля.

— В город мы не поедем, Джандар. Вечером я хочу свезти тебя в одно место. Вот где ты поблаженствуешь!

Лицо Джандара-вагонщика расплылось в довольной улыбке:

— Эх, масла тебе в уста, это правда?

— Правда. Место такое — собаку привяжи, и та не выживет. Но есть там девушка — ангел!

Джандар-вагонщик восторженно вскрикнул:

— Девушка, говоришь? Значит, лет на десять помолодеем!.. А что, если ее сюда привезти или еще куда-нибудь доставить?

— Сейчас трогать ее с места — дело очень трудное. Попозже, может быть, легче будет...

— Ладно! В богатых хоромах, на шелковых коврах мы попирали. В беседе с девушкой в таком месте, где не проживет собака, тоже есть свой интерес. Мирисхак, за тебя не только богатство — душу в жертву принести мало. Девушка, говоришь, а?.. Выпьем, друг, предварительную...

Джандар проворно вскочил, подошел к шкафу, достал бутылку коньяка.

Вошли гости. Вагонщик, прежде чем поздороваться с ними, налил каждому по стакану. Все чокнулись и стоя выпили.

III

Было еще темно, когда Юлчи пришел к Каратаю и рассказал о случившемся. Кузнец, крепко сжав губы, задумался. Потом сказал, что хочет побродить и попытаться уловить конец этого клубка, и куда-то скрылся.

Не зная, что предпринять и не находя себе места, Юлчи вышел

вслед за ним и бесцельно побрел по городу. Иногда, словно забывшись, он останавливался, подолгу стоял посреди улицы. Искры последних надежд угасали в нем с каждой минутой, сердце все больше наполнялось отчаянием.

В полдень Юлчи зашел в чайхану, надеясь встретить там Каратая. В чайхане было много народу. Примостившись в сторонке, джигит сидел, низко опустив на руки голову, не обращая внимания на несмолкавший в табачном дыму людской говор. Проворный чайханщик поставил перед ним чайник чаю. Считая неудобным отказываться, Юлчи налил пиалу, но пить не стал и продолжал сидеть неподвижно, уронив голову. Вдруг кто-то хлопнул его по плечу. Юлчи нехотя оглянулся — перед ним стоял Камбар-колченогий, работник Танти.

— Заснули вы, что ли, среди белого дня, да еще в таком шуме! — подсаживаясь, рассмеялся Камбар.

Юлчи молча протянул ему налитую пиалу. После первой встречи в поместье Танти они виделись в летнее время довольно часто и подружились. Но сегодня Юлчи встретил своего приятеля без обычного радостного оживления.

— Что случилось? Хозяин обидел? — наклонился к другу Камбар. — Я решил поприбавить пятницу, вышел, увидел вас, и сердце чуть не разорвалось от радости, а вы вон как встречаете!

— Мы с вами давно не виделись, — негромко ответил Юлчи, — а на голову человека часто обрушиваются всякие заботы и беды.

— Это верно. У бедняка всегда что-нибудь неладно — у него и в годовой праздник печаль, и в обыкновенную пятницу горе. Только, если все принимать близко к сердцу, с ума можно сойти. Забота и слона в нитку вытянет... А скажите все-таки: отчего вы побледнели, что вас так расстроило? — Камбар в один глоток опорожнил пиалу, взглянул на джигита и рассмеялся.

Смех его болезненно отозвался в сердце Юлчи. Камбар заметил это, наклонился к нему и загадочно прошептал:

— У меня есть средство от вашей болезни! — Он выпрямился и с самодовольной ухмылкой поглядел на джигита.

— О чем это вы? — недоверчиво спросил Юлчи.

— Ладно! Хотя вы от меня и скрыли, а я скрывать не стану. — Камбар снова понизил голос. — Вы как-то признавались мне, что любите дочь Ярмата-ака, не правда ли? И вот девушка вчера ночью неожиданно исчезла. А? Вы об этом горюете?

Юлчи так был ошеломлен, что не мог вымолвить слова.

— Мне все известно! — похвалился Камбар. — Найдется ли во всех семи поясах земли следопыт искуснее колченогого Камбара! — Он подозрительно оглядел посетителей чайханы и продолжал: — Вчера в сумерки к нам пришли два парня. Я их знаю — жулики. Хозяин позвал их в михманхану, наглухо закрыл дверь. «Тут что-то есть», — думаю и, будто ни о чем не догадываясь, продолжаю работать во дворе. Не прошло и минуты — парни вышли. Потом показался пьяный Салим-байбача и тоже скрылся. Я хотел было последить за ними, но побоялся: как бы, думаю, хозяин не заметил. В полночь

загремела калитка. Открыл я. Смотрю — стоит старик извозчик, мошенник, каких мало. Знаю, все воровские дела через него делаются. Я к нему: «А, дедушка, говорю, не уставать вам!» А он мне: «Если можно, говорит, сейчас, а нет, то завтра пораньше скажи своему хозяину, что деликатный груз я благополучно и без помехи доставил. Пусть денег побольше готовит». — «Что за груз?» — спрашиваю. Он молча тронул было коня, но я остановил его. «Подожди, говорю, не торопись. Что ты от меня скрываешь? Джигиты и байбача с тобой же были! Ну! Что хитришь? Знаю, говорю, рассказывай!» — «Ишь ты, — отвечает, — колченогий хитрец, пронюхал уже! — И поясняет: — Девушку, говорит, выкрали, тут из одного квартала. Кажется, дочь работника этого самого байбачи, что с нами был. Только ты, говорит, смотри и не дыхни!» Я догадался: Ярмата дочь выкрали! Так ведь, а?.. Но зачем она им понадобилась — этого не пойму. Однако знаю: хозяйва наши — последние развратники. И, думается мне, с нехорошей целью затеяли они это дело. Вот я и решил оповестить вас.

Все, о чем рассказывал Камбар, проходило перед глазами Юлчи как страшный сон. Не дослушав до конца, джигит вскочил и метнулся на улицу. Боясь, как бы он в гневе не натворил беды, Камбар побежал вслед за ним, схватил за руку, потащил в укромное место. Там он сказал, что девушку можно освободить, так как она, вероятно, находится у одного из тех негодяев, что заходили к Танти.

— Говорите — где? — схватил его за руку Юлчи.

Камбар, поколебавшись, сказал:

— Я, пожалуй, сам вас проведу.

— Нет, Камбар-ака! — решительно возразил Юлчи. — Этот мерзавец Танти-байбача может потом обидеть вас. Я пойду один.

Камбар назвал квартал, перечислил все узенькие улочки и тупики, по каким следовало идти, описал калитку, для ясности даже начертил ногтем на дувале план.

— Если спутаете, спросите тихонько какого-нибудь мальчишку, где дом Карахмада...

— Это точно, что она там? — нетерпеливо перебил Юлчи.

— По-моему, обязательно должна быть там.

Юлчи повернулся и быстро зашагал.

Камбар окликнул его:

— Подождите!

— Что еще?

— Нож при вас есть? На всякий случай, для предосторожности...

— Мать же приучила меня ножи носить, — коротко ответил Юлчи.

Камбар пожал плечами, но настаивать не стал.

Через полчаса Юлчи добрался до нужного квартала. Это было глухое место на самой окраине города. Следуя указаниям Камбара, он свернул в один из многочисленных тупиков. По обе стороны тянулись полуразрушенные дувалы, только в конце тупика виднелась низенькая калитка. Юлчи подошел, толкнул ее — калитка оказалась запертой. Он оглядел дувал, постоял, подумал и осторожно постучал. Калитка открылась, на пороге, загородив вход, показался здо-

ровенный мрачный детина, большеголовый, с отросшими, как хвост котенка, бровями; на лице видны давнишние шрамы — следы драк и поножовщины.

— В чем дело?

— Пусти! — твердо сказал Юлчи.

Глаза мужчины, стоявшего на пороге, вспыхнули.

— Что ты, как отбившийся от стада теленок, суешь голову в первые попавшиеся ворота? Кто ты?

— Мне нужен Караахмад! — сказал Юлчи, надвигаясь на мужчину.

— Я — Караахмад, — вызывающе ответил тот и показал пальцем на порог калитки. — На этом месте человеческие головы разбиваются, братец мой! Зачем тебе мой дом, что он — в приданое твоей матери достался?

У Юлчи не оставалось никаких сомнений, что Гульнар здесь. Он понял, что разговаривать бесполезно. Резким движением схватил он Караахмада за ворот халата, рванул его с порога калитки и прижал к дувалу. Тот ответил сильным ударом кулака в грудь. Юлчи устоял и, в свою очередь, часто заработал крепкими и тяжелыми, как толкачи, кулаками — бил в лицо, в грудь, в живот противника.

Борьба была беспощадной, без свидетелей, без всякой надежды на то, что кто-нибудь разнимет... Оба только кричали отрывисто. У обоих арканами вздулись на шее жилы, в железо превратились мускулы рук и ног, кровью налились глаза. Схватившись за пояса, они долго водили друг друга, пытаясь обмануть и завалить. Наконец Юлчи изловчился, ударил изо всей силы Караахмада головой. Потом сжал ему левой рукой, как тисками, горло, напрягая силы, повалил противника и придавил всей тяжестью своего тела. В руке Караахмада блеснул нож. Юлчи схватил его руку, вывернул ее, прижал к земле. Нож выпал из ослабевших пальцев. Юлчи отбросил его далеко в сторону, прохрипел:

— Кричи, вопи о помощи, если не стыдно!

Лицо Караахмада было покрыто кровью и грязью, глаза потускнели и закатились. Юлчи слегка отпустил ему горло. Караахмад с хрипом вздохнул и больше не пытался сопротивляться.

Юлчи резко спросил:

— Девушка здесь?

— Здесь, — ответил Караахмад. — Кто она тебе, сестра?

— Я люблю эту девушку, — гордо ответил Юлчи. — Зачем вы ее выкрали?

Караахмад непристойно выругался.

Юлчи нахмурился.

— Кого ты?

— Того... байбачу...

— Так зачем же вы ее все-таки выкрали?

— Не знаю. Ничего не знаю. Спроси у купеческих сынков!

Юлчи отпустил Караахмада, поднялся, подобрал нож:

— Вставай!

Опираясь на правую руку, Караахмад медленно встал и сплюнул кровью.

— Смелый ты,— сказал он почти дружелюбно.— Побил Караахмада. Да еще как! Ничего не скажешь. А за смелого человека я сам готов голову положить. Ты любишь эту девушку? Бери ее! На нее даже взгляд ничей не упал. Верь мне! — Караахмад потрогал левую руку.— Кажется, немного повредил. Ну ничего. Заходи.

Юлчи вытер полой халата лицо и, словно преподносил подарок, протянул Караахмаду его нож:

— Возьми!

Тот некоторое время стоял в нерешительности. Потом медленно протянул руку. Обезображенное лицо его неожиданно расплылось в улыбке:

— Золотой джигит ты, оказывается! Теперь я понял, с кем имею дело.

Караахмад сунул нож за голенище и повел Юлчи к дому.

— Сестра, прикройся! — крикнул он издали.

Юлчи вслед за ним прошел в глубину обширного, с ветхими постройками двора, густо обсаженного деревьями. Караахмад направился в дальний угол двора, где стояла женщина, закрывшая лицо концом большого вязаного платка. Юлчи остановился поодаль.

— Ой, помереть мне, что с тобой?! — послышались причитания женщины.— Кто это искровенил тебе лицо? И халат весь в грязи. Тысячу раз говорила тебе: брось эти темные дела!..

Караахмад пробормотал что-то и прошел дальше. Остановившись у небольшой лачуги, он жестом позвал Юлчи, передал ему ключ, а сам отошел в сторону. Трясущимися руками Юлчи отпер замок, резким толчком раскрыл сразу обе створки двери. Внутри было темно.

— Гульнар! — позвал он тревожно.

Из дальнего угла к нему с криком бросилась девушка.

Прижавшись к груди любимого, Гульнар заплакала. Юлчи нежно обнял ее за плечи, подвел к двери. Девушка некоторое время вглядывалась в него влажными от слез глазами, затем, будто испугавшись чего-то, снова прижалась к нему, обвила его шею руками. Часто и глубоко вздыхая, словно стараясь освободиться от переполнявшего сердце волнения, она говорила:

— Глазам не верится! Вас вижу... ох, а я уже потеряла надежду! Где мы, Юлчи-ака? Кто этот мошенник? Зачем он меня выкрал?.. Сижу вчера вечером одна. Мать у хозяев, отец не знаю где... Вдруг врываются два здоровенных мужчины. «Вай!» — успела я крикнуть — и больше ничего не помню. Потом пришла в себя: рот завязан, я завернута во что-то плотное. Слышу, везут на извозчике... Ох, еле жива осталась! Сколько может вытерпеть душа человека! Я пыгалась убить себя здесь. Душила себя. Не сумела. Старалась что-нибудь другое придумать — и вдруг вы! Откуда? Будто с неба, Юлчи-ака!

Юлчи не сводил с девушки глаз. Гульнар похудела. Лицо бледное, глаза усталые. Пережитое наложило свой отпечаток на весь ее

облик. Но Юлчи казалось, что красота девушки, побывав в огне скорби, стала еще более яркой. Ласково глядя голову Гульнар, он коротко рассказал обо всем, что знал. Заметил, что главный виновник, видимо, не Караахмад, а кто-то другой, хотя еще непоняно, кто именно.

Участие в этом деле Танти и Салима вызвало удивление и гнев девушки. Она проклинала их за все, что ей пришлось выстрадать. Заметив под глазом Юлчи синяк, Гульнар испугалась:

— Что это? Ой, и на ухе кровь!

— Это мы с Караахмадом пошутили немножко. Идем поскорей отсюда.

Джигит переступил порог.

— А у меня ни капишей, ни паранджи, ни платка нет,— спохватилась Гульнар.— Без платка еще ничего, но как я выйду на улицу без паранджи?

— Э-э...

Юлчи смутился. Отправляясь на розыски, он даже не подумал об этих вещах, будто, выкрадывая Гульнар, ее обязательно должны были обуть и одеть. Пришлось позвать Караахмада. Грузно ступая, тот подошел и остановился поодаль. Лицо его, даже отмытое от грязи и крови, было безобразное, лоб в шишках, щеки в кровоподтеках, один глаз заплыл совсем, под другим огромный синяк.

— Бессовестный! — крикнула Гульнар, прячась за дверь.

Караахмад смущенно опустил голову:

— Не обижайтесь, сестрица...

Юлчи рассказал ему о возникших затруднениях. Караахмад принес рваную паранджу.

— Вот и все. Сестра и эту самому небу не доверяет,— нарочно пошутил он, передавая паранджу Юлчи.

— Хорошо. Я оставлю залог.

— Это ни к чему. Стоит она не больше тениги. Но вещь необходимая. Носить этот намордник — один из законов мусульманства. Завтра или сам принесешь, или передашь с кем-нибудь.

— Спасибо.

Караахмад снова скрылся и через минуту-две принес и бросил к ногам Юлчи пару капишей. Капиши при падении загремели, точно сухие щепки. Юлчи взял один, хотел расправить ссохшийся верх, но сгнившая наполовину кожа не выдержала и прорвалась, палец джигита высунулся наружу.

Юлчи, Караахмад, а вслед за ними и выглядывавшая из-за двери Гульнар невольно рассмеялись...

— Я дам денег, найди хоть у соседей что-нибудь получше. Чтоб можно было надеть на ноги,— попросил Юлчи Караахмада.

— Чудной ты! Последние с ног, что ли, кто снимет? Тут живут одни только нищие. Бери свою пару под крыло и улетай отсюда, сокол! Не задерживайся здесь долго!

Караахмад отошел в сторону.

Гульнар кое-как надела капиши, закуталась в рваную паранджу и вместе с Юлчи покинула лачугу.

Когда они выбрались на людную улицу, Юлчи, чтобы не дать повода мусульманам подумать о них дурное, пошел шагов на пять впереди девушки. Гульнар едва попевала за ним. Она рада была бы птицей лететь за любимым, но после всего пережитого чувствовала сильную слабость. Мешали быстрой ходьбе и капиши: чуть не на каждом шагу они увязали в грязи, соскальзывали с ног. Девушка нагнется, наденет, а через минуту повторится то же самое.

На половине пути Юлчи выбрал место, где было поменьше прохожих, и остановился.

— Куда вас отвести? — тихо спросил он. — Домой? Говорите прямо, Гульнар, не стесняйтесь.

Гульнар прислонилась к дувалу, и, хотя лицо девушки было скрыто паранджой, джигит чувствовал, как велико было ее волнение.

— Не стесняйтесь, говорите. Все зависит от вашей воли, — повторил Юлчи.

— Домой возвращаться я не хочу, — твердо ответила Гульнар. — Пойдемте куда-нибудь в другое место, там и поговорим обо всем.

Юлчи готов был здесь же, на улице, припасть к ногам этой чистой, скромной, но такой смелой и решительной девушки. И даже этого казалось ему мало, чтобы выразить чувство преклонения перед смелым сердцем и большой любовью Гульнар.

Несказанно радуясь своему счастью, Юлчи пошел дальше. Дорогой он раздумывал, где и как устроить Гульнар. Самым подходящим местом был дом Каратая или Шакира-ата. Но оба жили недалеко от Мирзы-Каримбая. Опасно, могут узнать. Отправляться сейчас прямо в кишлак невозможно: Гульнар устала, нет одежды. Юлчи решил отправиться на маслобойню, где работал Шакасым. Это через два-три квартала от дома Мирзы-Каримбая, и, пожалуй, другого, более удобного места не найти.

Из предосторожности Юлчи шел кружным путем, глухими, безлюдными переулками. На место он привел Гульнар только на закате.

В первом дворе маслобойщика — хозяина Шакасыма, кроме маслобойни, сарая для клевера и конюшни, была еще маленькая каморка, прижавшаяся в дальнему углу между двумя дувалами. В ней и жил Шакасым.

Юлчи нашел Шакасыма в конюшне: тот был занят приготовлением корма лошадям на ночь. Даже не поздоровавшись с другом, джигит шепотом торопливо сообщил ему о своих намерениях. Уставший за день, Шакасым не все понял из того, что говорил Юлчи, но смысл его просьбы уловил сразу.

— Девушка уже здесь? — с удивлением спросил он. — Так что же медлить? Проведи ее в мою лачугу. Закройтесь изнутри на цепь и никуда не показывайтесь.

Хибарка Шакасыма была тесной, но довольно теплой, Гульнар присела на старое одеяло, разостланное поверх истрепанной циновки. На дворе еще не смеркалось, но в лачуге не было ни одного окна, и потому, когда закрыли дверь, ее заполнила тьма. Юлчи чиркнул спичкой, нашел свечу, зажег ее, пристроил в донышко перевернутой пиалы и поставил на сандал.

Шакасым, не заходя внутрь, протянул в дверь чайник чаю и две лепешки.

Сердца Гульнар и Юлчи были переполнены радостью. Она светила в их глазах, сияла в улыбках. Молодые люди, позабыв обо всем на свете, не могли насмотреться друг на друга. Огарок свечи, чуть мерцавший в убогой хижине, казался обоим ясным весенним солнышком.

Гульнар, волнуясь, принялась рассказывать о событиях последних дней. Говорила о наглости и бесстыдстве Мирзы-Каримбая, о темном, забитом отце, о том, как она плакала целыми днями и ночами, ожидая возвращения Юлчи. Джигит делился своими переживаниями, рассказывал, как ему удалось отыскать ее след.

Снаружи снова постучали. Юлчи вскочил и чуть приоткрыл дверь.

Шакасым передал еще чайник чаю, две лепешки и тарелку черного изюма.

— Надо бы по такому случаю плов сделать, — сказал он, — но, братец, сам знаешь, — бедность. Почтите малое за многое...

Юлчи поблагодарил друга. Молодые люди с аппетитом приняли за скромное угощение — оба они почти целые сутки ничего не брали в рот. Юлчи спросил, не послать ли Шакасыма в харчевню за пирожками или пельменями, но Гульнар сочла это лишним. Девушка заботливо наливала джигиту чай, счастливыми глазами оглядывала тесную каморку.

— Попросите вашего друга не пожалеть для нас этой хижины. Мы бы зажили здесь спокойно! — улыбнулась она.

Юлчи рассмеялся, но ничего не успел ответить: в следующую минуту по лицу девушки пробежала тень.

— Нет, — проговорила она с грустью, — ваш товарищ каморки своей не пожалеет, но другие... Они рады были бы и любовь нашу разбить...

Так же думал и Юлчи. Он сказал, что ни в одном даже самом глухом уголке Ташкента они не смогли бы жить в безопасности и что, если Гульнар согласна, им надо как можно скорее скрыться из этих мест.

Гульнар смело взглянула в глаза джигита:

— Какое бы место вы ни выбрали, оно и для меня будет самым лучшим на свете. Мне вот и эта хижина очень нравится... А домой я уже не вернусь. Пусть Мирза-Каримбай нос себе откусит от злости.

Молодые люди весело рассмеялись.

— Я думаю о своем кишлаке, — заговорил Юлчи. — Правда, теперь дома у меня там нет. Сосед израсходовался на похороны матери, на устройство поминок. Надо было расплатиться с ним. Пришлось дом с усадьбой продать. Дешево, всего за сто двадцать рублей, но что поделаешь. Рассчитался с долгом, сестре кое-что из одежды справил, и еще рублей тридцать осталось. На первое время нам хватит. Кишлак — моя родина, там я вырос, без крова не останемся. А дальше, если все будет благополучно, и хозяйством обзаведемся. Все зависит от вашего решения, Гульнар...

Живое девичье воображение Гульнар яркими красками нарисовало ей их будущую жизнь, полную труда и лишений, но спокойную и счастливую. Девушка одобрила мысль Юлчи.

— Мы навсегда останемся в кишлаке,— сказала она.— Оба будем работать. Я хорошо шью тибетейки. Умею шить мужскую, женскую и детскую одежду. В нашем квартале меня мастерицей звали! — Гульнар проговорила это полушутя-полусерьезно, но с заметной гордостью.— И сестра ваша будет всегда с нами. Ах, как мне хочется увидеть ее!

Юлчи слушал Гульнар, и будущее представлялось ему безоблачно-светлым, залитым солнцем. Он подсел к девушке и бережно обнял ее. Гульнар доверчиво склонилась на грудь джигита.

— Бедная мать! Одна останется.— неожиданно заговорила она с грустью.— Не будет даже знать, жива я или нет... Ох, она не перенесет такого горя! Хоть бы раз взглянуть на нее, обнять на прощанье...

— Тетушку Гульсум, конечно, надо бы повидать... Только... не знаю...— Юлчи умолк, не договорив.

— Нет, не пойду,— решительно сказала Гульнар.— Отец может узнать. Лучше так сделать: когда народ уляжется, вы сходите к Каратаю-ака, отнесите паранджу и капиши, чтобы их вернули хозяину. Взамен принесите другую паранджу и другие капиши. Ведь завтра на рассвете мы отправимся, да? А вечером Каратай-ака под каким-нибудь предлогом пошлет к нашим свою жену, чтобы тихонько, тайком от отца предупредить, что я сбегала с вами. Тогда мать не так сильно будет беспокоиться. Правда?

Юлчи не мог нарадоваться уму, смелости и самоотверженности своей возлюбленной. Он охотно согласился с Гульнар. Не зная, как выразить чувства благодарности и любви, он привлек девушку, прижал к своей груди ее голову, не отводя глаз от нее, пообещал:

— Как только устроюсь на новом месте, я обязательно приеду в город. Получу с хозяина что мне следует, заберу в кишлак сестру, а если тетушка Гульсум пожелает, привезу и ее.

У Гульнар, утомленной всем пережитым, слипались глаза. Юлчи осторожно уложил ее на подушку, накрыл одеялом. Долго сидел он рядом, не отрывая глаз от любимой. Потом переставил свечу на полку и, стараясь не скрипнуть дверью, вышел во двор.

Время уже близилось к полуночи, но в маслобойне еще виднелся огонек. Юлчи остановился на пороге, прислонившись к косяку. Его обдало смешанным запахом жмыха, конской мочи и навоза. В углублении стены была пристроена маленькая лампа с черным от копоти стеклом. При ее слабом свете джигит увидел двух лошадей, беспрерывно ходивших по кругу медленным, размеренным шагом. Животные были смиренные — в прятки меж ногами играй, и хвостом не махнут,— но Юлчи казалось, что в полутьме глаза их горели дикой злобой. Вместе с лошадьми, привычно помахивая длинным кнутом, так же медленно кружился Шакасым. В этом деле между ло-

шадьми и человеком — никакой разницы: и человек и лошади одинаково придавлены одной и той же одуряюще-однообразной работой — днем и ночью непрерывное кружение в полутьме, в зловонии. Только на человеке лежала еще и ответственность: он должен был как можно больше выжать для хозяина масла и, кроме того, ухаживать за лошадьми.

Шакасым остановил лошадей, окликнул Юлчи:

— Ну рассказывай, что все это значит? Что ты бродишь сам не свой, будто сирота, которому подарили новое платье?..

Убедившись, что в маслобойне, кроме них, никого нет, Юлчи рассказал Шакасыму обо всем, что произошло, и посвятил его в свои планы. Шакасым, как мальчишка, слушающий интересную сказку, даже рот раскрыл. Вспомнив о работе, он тронул лошадей и уже потом, сквозь скрип маслобойки и монотонный стук копыт, крикнул:

— Молодец, добился своего! Если звезды ваши светят рядом, человек вас разлучить не сможет!

Не переставая кружить вместе с лошадьми, Шакасым, как всегда, стал проклинать свою жизнь. Говорил, что все хозяева похожи один на другого — ни у кого из них нет совести. Жаловался, что дышит постоянно навозом, а питается только жмыхом, что не может выбрать времени проведать сына...

Жалобы Шакасыма несколько омрачили радость Юлчи. Но он не стал утешать друга, а прямо сказал ему:

— Что пользы хныкать здесь, в маслобойне! Если другие вас унижают, так вы хоть сами знайте себе цену. Надо уметь постоять за себя.

Шакасым, может быть, потому, что он не расслышал слов друга, не ответил и молча продолжал шагать по кругу.

Юлчи вышел из маслобойни, остановился посреди двора, взглянул на небо. Из темноты, ласково мигая ему, мерцали звезды. Джигит решил, что к Каратаю идти еще рано. Он вернулся в каморку, тихонько приподнял уголок одеяла, взглянул на лицо девушки. Гульнар крепко спала. Дыхание было частое, прерывистое, но Юлчи не обратил на это внимания. Он заботливо поправил на девушке одеяло и присел у нее в ногах, прислонившись к стене.

В голове Юлчи теснились мысли о теплой одежде для Гульнар, о том, как бы поскорее и незаметно выбраться из города. Он смотрел на девушку, и сердце его наполнялось гордостью и счастьем влюбленного, вопреки всем препятствиям соединявшегося со своей возлюбленной. Через некоторое время его начал одолевать сон. Он противился, протирая глаза, но, в конце концов, не заметил, как прикрыл веки и уронил голову на грудь.

Сквозь сон до слуха Юлчи дошли какие-то странные звуки — не то бред, не то стоны. Он вздрогнул, открыл глаза, испуганно подумал: «Кажется, я долго спал!»

Свеча догорела и потухла. Нашарив на полке новую, он зажег ее и со свечой в руке склонился над Гульнар. Девушка разметалась, одеяло сползло на грудь, лицо горело ярким горячечным ру-

мянцем; дышала она прерывисто, с каким-то свистящим хрипом, тонкие ноздри ее вздрагивали. По телу Юлчи пробежали мурашки. Он тронул рукой лоб девушки — как огонь!..

Гульнар раскрыла горевшие болезненным блеском глаза. Застыдившись, потянула одеяло, прикрыла грудь.

Язык Юлчи не повернулся выговорить: «Вы больны?» Он с участием спросил:

— Что с вами, джаным?

— Ох... все тело горит... — задыхаясь, ответила Гульнар, чуть шевеля пересохшими губами.

— Простудилась, наверное. Ничего, это пройдет.

— Сильно простудилась, — слабым голосом пожаловалась девушка. — Я еще утром заметила... Там... как его... Ну, в этой лачуге... было очень холодно... А на мне только легкая жакетка... Как же мы теперь отправимся? Вы все приготовили? Не знаю, дойду ли я... такая?

— Что, очень тяжело?

— Все тело болит... Ох, согнуть ей, злая судьба... как же нам быть?

Гульнар высвободила из-под одеяла руку, протянула ее Юлчи. Джигит легонько сжал ее руку и нежно поцеловал горячие пальцы.

— Сначала вам выздороветь надо, Гульнар. Ни о чем пока не думайте, лежите спокойно, поправляйтесь... Если потребуется, я на руках отнесу вас на край земли. Но сейчас... сами понимаете. В степи холодно, ветер... Хуже бы не надумать...

— Хотя бы немного передохнуть мне. А то сил нет. Измучаю я вас... А они не узнают, что мы здесь?

Глаза Гульнар наполнились слезами. В этой новой свалившейся на них беде она обвиняла себя, свою слабость. По щекам ее, пылавшим жаром, одна за другой катились жемчужные капельки.

Юлчи, пристроив свечу на полке, над головой девушки, нежно вытирал ей слезы, пытался утешить:

— Не плачьте, не надо... Успокойтесь...

— Не могу остановить, сами бегут... Юлчи-ака, за что они нас мучают? За что такая жестокость? Почему этого подлого бая и его сыновей не проглотит земля?

Джигит сжал кулаки:

— Проглотит! Не проглотит — заставим!

Гульнар смотрела на него глазами, полными глубокой веры и преданности, и нежно гладила по щеке горячей рукой.

На двери снаружи загредел обрывок цепи. Послышался приглушенный голос Шакасыма. Юлчи поднялся, вышел к нему.

— Скоро рассвет. Сейчас самое удобное время для отъезда, — заговорил Шакасым, стуча зубами от холода. — Я соснул в клеверном сарае и вот вышел, думаю — надо проводить влюбленных.

Юлчи с горечью сообщил другу, что девушка заболела. Шакасым, поеживаясь от холода, с минуту молчал.

— Конечно, столько страха, мучений перенесла,— немудрено и заболеть. А девушки, они народ нежный... Да, неладное дело. Жар, говорите, а?

— Горит вся. Сил нет подняться.— Юлчи взглянул на небо.— Вот-вот светать начнет... Я беспокоюсь, Шакасым-ака, Ярмат с хозяином не нападут на след?

— А куда же денешься? На носилках, что ли, понесешь? Оставься пока. Днем сидите смирно. Хозяину я как-нибудь отведу глаза. Иди, иди к ней. Открывать будешь, если постучу три раза. Утром пораньше попытаюсь найти лекарство.

Юлчи рассказал, как найти дом и кузницу Каратая, попросил Шакасыма повидаться с ним.

— Ладно,— согласился Шакасым и направился к конюшне.

Юлчи вернулся в каморку.

Из ичари показался хозяин Шакасыма — Парпи-ходжа, по прозвищу Маслобойщик. Перемежая охи и вздохи, с обычным «Йо алла!», «Йо казилходжат!» он принялся бродить по двору.

Парпи-ходжа любил вставать на рассвете и после омовения бродить по двору, осматривать свое хозяйство, подбирать пучки сена, случайно упавшие, когда лошадям несли корм. Когда он подошел к конюшне, Шакасым крикнул:

— Сегодня, хозяин, вы что-то еще раньше встали?

— Йо алла! — протянул Парпи-ходжа вместо ответа и, нагибаясь под ноги лошадям, стал подбирать клочки сена, выпавшие из кормушки.

Шакасым пошутил:

— Каждый день на рассвете вы тысячи раз повторяете свое «Йо алла!», а хоть раз слышали, чтоб аллах отозвался «А!»?

— Если ты искренне возносишь хвалу,— строго сказал Парпи-ходжа,— аллах никогда не ответит «А!», он обязательно скажет «слушаю». Но и этого ты никогда не услышишь ухом, а можешь только познать разумом. Потому — аллах свои благодеяния окажет рано или поздно... на этом ли, на том ли свете...

Шакасым рассмеялся:

— Мне он, видно, никак не хочет сказать «слушаю». И, если хотите знать, я еще не видел никаких его благодеяний.

— Не будь неблагодарным. Потому-то и масла у тебя мало выходит! — рассердился Парпи-ходжа.— Почаще поминай имя аллаха, и он на том свете щедро осыплет тебя своими милостями...

— Лучше бы он хоть наполовину, да оказал бы их на этом свете.

— Символ веры почаще вспоминай, нечестивец! Что тебе мутная вода этого бренного мира! Подумай о кристально чистом источнике рая, глупец!

— Говорят, сегодняшняя требуха лучше завтрашнего курдючного сала, хозяин.

— Довольно болтать! — прикрикнул Парпи-ходжа и, по-стариковски заложив руки за спину, чуть сторбившись, скрылся в ичари.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

Участники пира в доме Джандара-вагонщика к вечеру, мертвецки пьяные, свалились кто где сидел. Танти-байбача проснулся около полуночи. Тяжелую, как глиняный кувшин, голову давила противная тупая боль. В горле пересохло. Танти, кряхтя, поднялся на ноги, пошатываясь, направился к выходу. Посередине михманханы споткнулся о Джандара, упал. Снова поднялся. Отчаянно ругаясь, кое-как выбрался на воздух и отправился домой.

Дома, выцедив без передышки целый чайник крепкого холодного чая, он сдвинул рукой готовый расколется от боли лоб и тут вспомнил, что назавтра условился свезти Джандара к Гульнар. «О, птичка в надежной клетке,— подумал он.— Завтра побываем. Теперь она, наверное, уже присмирела».

На следующий день, как только стемнело, Танти-байбача вместе с Джандаром-вагонщиком отправился к Караахмаду. У порога калитки чернела фигура хозяина.

Пожалуйте, почтенные! — Караахмад протянул для приветствия руки, но прибывшие в темноте, должно быть, не заметили этого жеста.

— Мы в гости к тебе. Этот человек — мой друг,— сказал Танти-байбача, указывая на Джандара.

— Очень хорошо,— пробормотал Караахмад, но с места не двинулся.

— Мы хотели поразвлечься с девушкой, мой дорогой. Тебя ведь нечего учить.

— Ради веселой беседы приехали к тебе, палван! — поддержал своего друга и Джандар-вагонщик.

Караахмад смерил его недружелюбным взглядом.

— Здесь вовсе не такое место, почтенные байбачи! — уже со злостью сказал он.— Что вы нам поручали? Выкрасть девушку и на некоторое время припрятать. Не так ли?

— Ну и что же из этого?..

— Сказать прямо,— перебил Караахмад,— девушки здесь уже нет. Вчера она упорхнула из моих рук. Не знаю, в каком она теперь саду, в каких горах...

Танти-байбача изменился в лице.

— Не болтай, Караахмад! — оборвал он.— Какой храбрец мог увезти ее из сокровенного места, охраняемого таким дэвом? К тому же я предупреждал тебя, что нужно быть осторожным, дело очень тонкое.

— Не верите — зайдите понщите,— грубо ответил Караахмад.

У Танти перехватило дыхание. Он повернулся к Джандару, хотел что-то сказать, но только промычал, затем, опомнившись, гневно спросил Караахмада:

— Кто он, тот силач, что с тобой справился?

— Какой-то джигит... Они, похоже, давно знались.

Караахмад рассказал о вчерашней драке, но о том, что противник оказался сильнее его, промолчал. Отговорился тем, что не захотел поднимать лишнего шума и отдал девушку. Он был доволен, что встретился с Танти в темноте. Иначе один вид распухшей физиономии мог бы положить конец его славе уличного героя.

Танти трясся от злости. Он боялся разоблачения и в то же время досадовал, что не удалось потешить друга редкостной забавой. Байбача принялся всячески корить джигита. Но Караахмад, уже получивший с Танти за услугу порядочную сумму, теперь не стеснялся. С грубостью уличного бродяги он сказал насмешливо:

— Больше таких дел мне не поручайте, байбача. Прежде, чем за такое дело браться, надо, сняв тубетейку, обдумать все хорошенько... Мы вам не воробья выгащили из гнезда — живого человека выкрали из закрытого двора и на извозчике по такому большому городу сумели провезти. Во всем виноваты вы сами. Видно, язык не сумели придержать...

Танти-байбача резко повернулся и, не простившись, пошел вслед за Джандаром-вагонщиком. Дорогой приятели не обмолвились ни одним словом. Джандар, холодно простившись, повернул к своему кварталу. Танти-байбача некоторое время задержался на перекрестке. «Что же это за джигит? С кем она зналась? — раскуривая папиросу, думал он. — Кто сумел раскрыть тайну?» Не находя ответов на эти вопросы, он торопливо зашагал к Салиму-байбаче.

II

Утром Шакасым доставил завернутые в клочок бумаги засушенные цветы какой-то пахучей травы, велел заварить их в кипятке и этим настоем поить Гульнар. Юлчи два раза приготавливал лекарство и аккуратно поил больную.

К вечеру Гульнар полегчало, жар начал спадать, дыхание стало ровней. У нее даже появился аппетит; она поела машевой похлебки, которую где-то умудрился приготовить Шакасым. На лице девушки снова заиграла улыбка, и она тихо разговаривала с Юлчи.

Гульнар, хоть была слаба, настанвала, что им надо этой же ночью покинуть город. Юлчи, чтобы не отравать от дела Шакасыма и не навлечь на него гнев хозяина, решил сам пойти на розыски арбы и повидаться с Каратаем.

Прошло больше часа, как ушел Юлчи. Задумчиво глядя на огонек свечи, Гульнар сидела у сандала и неторопливо заплетала растрепавшиеся во время горячки косы. Вдруг кто-то с силой толкнул дверь. Снаружи послышались приглушенные голоса. Гульнар замерла.

— Открой!

Стучали все громче и настойчивее. Дрожащим голосом Гульнар спросила:

— Кто там?

— Это я! Убитый горем твой отец!

— Отец?! — вырвалось у Гульнар. Растерянная и вдруг осла-

бевшая, девушка с мольбой проговорила: — Пусть Юлчи придет, потом...

Голоса за дверью смолкли. Гульнар дрожала от страха, мысленно упрекала себя: «Почему мы не бежали вчера! Они, наверное, схватили Юлчи».

Из-за двери послышался чей-то незнакомый голос:

— Откройте, дочь моя! Мы и Юлчи позовем. Отец хочет сказать вам пару слов, узнать вашу волю и желания. Умная, благовоспитанная девушка никогда не ослушается своего отца. Если вы будете противиться, он все равно одним пинком откроет дверь и войдет. А разве это хорошо будет?

— Доченька,— снова заговорил Ярмат,— мы с матерью и так придавлены горем. Или ты совсем убить нас хочешь?..

При нападении о матери глаза Гульнар наполнились слезами. Она встала, еле передвигая ноги, подошла к двери, сняла цепь. Так же медленно возвратилась на место и села, беспомощно опустив голову.

Вошел Ярмат. Прикрыв за собой дверь, он присел перед дочерью на корточки. Минуту сидел так, не отрывая скорбного взгляда от лица девушки, дрожащей рукой гладил ее по голове. Слезы обильно текли по его щекам, по бороде.

— Слава аллаху, довелось увидеть... жива... моя дочь. Тебя не узнать! Ты ли это, прежняя Гульнар?

— Я хворала, отец,— не поднимая головы, еле слышно ответила девушка.

— И из-за этого ублюдка Юлчи ты перенесла столько страданий, доченька! Где он, проклятый? Где он? Я ему покажу! Я ему!..

— Подождите! — волнуясь, перебила Гульнар.— Почему вы хотите наказать Юлчи? Он ни в чем не виноват. Скажите ему спасибо. Он спас меня от смерти. Если хотите наказать, так наказывайте купеческих сынков!

— Но кто же, как не Юлчи, сбил тебя с пути! — вскрикнул Ярмат.— Кто довел тебя до этого!

Снаружи послышался тот же незнакомый мужской голос:

— Ярмат, я хочу войти.

Ярмат приказал дочери:

— Закройся!

Девушка прикрылась концом одеяла.

В каморку вошел Алимхан-эликбаши. Он присел на корточки неподалеку от Гульнар, окинул хибарку брезгливым взглядом и, погладив аккуратно расчесанную бороду, хмуро сказал:

— Не затягивай разговора, Ярмат. Теперь все ясно. Этот шайтан Юлчи обманул ее и заставил бежать из дому. Мой тебе совет: бери дочь и скорее отправляйся домой. А Юлчи никуда от нас не денется. И наказывать его будешь не ты, а я сам!.. Вставайте, дочь моя,— голос эликбаши сразу стал вкрадчивым.— Не печальтесь отца вашего с матерью. По молодости, не подумавши хорошенько, вы и так принесли им много беспокойства. Идите домой, склоните голову к ногам ваших родителей и попросите у них прощения!

— Слушай, дочь! С тобой говорит сам эликбаши — отец наш... Не позорь меня перед людьми. Ты одна у меня, поэтому, жалеючи тебя... — Ярмат уже говорил, еле сдерживая готовое прорваться наружу раздражение.

Узнав, что перед ней эликбаши, Гульнар решила рассказать все и во что бы то ни стало оправдать Юлчи.

— Вы эликбаши? — спросила она, блеснув одним глазом из-под одеяла. — У меня есть к вам жалоба.

— Говорите, — неохотно ответил Алимхан.

Гульнар, волнуясь, начала рассказывать все, что с ней произошло.

Ярмат вскочил, даже не дослушав дочь:

— Неужели все это правда? Что я сделал плохого этим байба-
чам?.. Да я!..

— Молчать! — прикрикнул на него эликбаши. — Глупец! У тебя горшок вместо головы! Как ты можешь верить девушке, сбившейся с пути шариата? Все это хитрость, обман, коварство! Я не позволю клеветать на таких уважаемых людей, как Танти и Салим-байбача. Люди эти благородные, и на сердце у них — ни пятнышка. Какая им польза выкрадывать девушку? Знаю, те воры — приятели Юлчи.

— Ложь! — гневно выкрикнула Гульнар. — Юлчи ни в чем не виноват! Когда он меня освободил, он спрашивал: куда я пойду? Я сама сказала, что не хочу домой. Он и привел меня сюда. Мы дали обещание жить вместе. Этого я ни от кого не скрываю.

Эликбаши нахмурился. Он понял, что волю беглянки можно сломить лишь угрозами и силой.

— Девушка, вы по-хорошему пойдете домой или нет?

— Не пойду, — решительно заявила Гульнар. — Я не хочу выходить за бая, за старика... Лучше смерть!..

Эликбаши задыхался от гнева:

— Не топчите шариат! Я пока жалею вас, но если вы не послушаетесь меня, я заставлю народ побить вас камнями. Пусть это послужит в назидание другим девушкам и честным женщинам. К своевольницам шариат не знает милости!

— Ладно, убивайте! — крикнула Гульнар.

— Ярмат, да ты человек? Ты — отец или ком навоза?! — заорал эликбаши. — Взваливай на плечи дочь!.. — Хлопнув дверью, он выскочил наружу.

Ярмат схватил девушку под мышки, поволок ее из помещения.

— Убейте! — рыдая, кричала Гульнар.

Когда Ярмат с дочерью скрылись за калиткой, эликбаши принял свой обычный степенный и важный вид.

— Видали? — обратился он к Парпи-ходже. — Неразумное дитя! Я ее пристроил за самого богатого из баев, а она сбежала с каким-то босяком. Отворачиваться от своего счастья, а?! Какая неблагодарность!.. Спасибо вам за услугу, вы достойный мусульманин. Откуда нам было узнать? Если бы вы не предупредили, они и впрямь убежали бы куда голова клонит... Однако обо всем этом никому ни слова! Пусть останется между нами. Понятно?

Эликбаши вышел на улицу. Парпи-ходжа долго семенил за ним и угодливо нашептывал на ухо:

— Я один из уважаемых людей в своем квартале. Алимхан-ака. Благодарение аллаху, до сих пор имя мое ничем не запятнано. Скрывать в моем доме беглую девушку?! Разве можно такое стерпеть? Слава аллаху, я мусульманин. У меня волосы дыбом встали, когда я заметил. Я считал Юлчи порядочным джигитом. Он все время брал у меня жмых для байской скотины и дружил с моим батраком. А теперь вижу — совсем он безнравственный человек, этот Юлчи, подохнуть бы ему маленьким!.. А спросите, как я их заприметил? Вчера возвращаюсь после вечерней молитвы, а из щелки в двери худжры огонек виднеется. Этот мой бык — Шакасым — в маслобойне. «Ишь ты!» — думаю себе. Подошел тихонько, прислушался. Женский голос... и разговор такой... подозрительный. Заглянул я в щелку, вижу — Юлчи и с ним какая-то взрослая девица. Опять прислушался, и тут мне все стало ясно. Это дочь Ярмата! Всю ночь я незаметно подслеживал. Девушка потом прихворнула... Я и об этом знаю!.. Ярмат — мой старый знакомый и тоже истинный мусульманин. Хоть и бедняк, а разум и совесть имеет. Сколько лет брал у меня жмых! Я хотел сразу побежать к нему. А потом: «Нет, — думаю, — дай подалее закину аркан». И сегодня днем оповестил вас. Только просил, чтобы приходили вечером. Потому — нехорошо, если в доме среди дня шум поднимется. Не правда ли? Ну вот, теперь, слава богу, дело уладилось. А был бы Юлчи, он, наверное, скандал устроил бы...

Казалось, Парпи-ходжа никогда не кончит свою болтовню. Эликбаши остановил его:

— Всего доброго! Благодарствую.— Он ускорил шаги и скрылся в темноте.

* * *

От маслобойщика Алимхан отправился прямо к Мирзе-Каримбаю. Он сказал, что невеста, возвращаясь от подруги, у которой гостила, немного простудилась, и попросил дня на три отложить свадьбу. Мирза-Каримбай, которому не терпелось еще раз вкусить от радостей этого «недолговечного мира», начал было возражать, но в конце концов согласился с доводами эликбаши и уступил.

С тайной мыслью подхлестнуть жадность Ярмата, который мечтал пристроить дочь и самому выбиться в люди, а вместе с этим и подсластить горечь девушки, лишившейся любимого, Алимхан посоветовал завтра же отослать Ярмату все, что было предназначено в дар невесте.

Бай приглашал посидеть побеседовать, но эликбаши, сославшись на неотложные дела, простился и вышел на улицу. Он торопился повидаться с Ярматом, чтобы дать наказ строжайше охранять дочь, и попутно еще раз втолковать ему, насколько бессмысленны обвинения, возводимые на Танти и Салима. Кроме того, эликбаши опасался, что Юлчи, лишившись такой красивой девушки, может поднять скандал, и считал необходимым быть все время на улице, чтобы в случае чего немедленно принять необходимые меры.

Обдумывая, как бы поискуснее подойти к Ярмату с доказательствами невинности обоих байбачей, Алимхан прохаживался у ворот байского двора, как вдруг в крытом проходе послышались шаги, и в следующую минуту в калитке показалась чья-то тень.

— Салимджан?

— Нет, это я...

Появление Танти было очень кстати. Алимхан обрадовался, тотчас подхватил байбачу под руку, отвел его в глубь переулка и шепотом объявил:

— Нашлась наша невеста, братец мой Мирисхак!

У Танти перехватило дыхание. Однако он быстро взял себя в руки и, притворившись, что ему ничего не известно, негромко спросил:

— Где же она была, эта беглянка?

— Байбача, — не скрывая насмешки, зашептал эликбаши, — скажать прямо — не справились вы с этим делом. Для таких дел нужна ловкость, ну и еще... осмотрительность, благоразумие и умение нужны. Вы зайдите к Салимджану и предупредите его: пусть прикоротит руки и больше не пытается! Это — первое. А потом, пусть особенно не беспокоится. Что до нас — мы и рта не раскроем. Мы знаем, на кого свалить вину. Только пусть не забудет потом мою доброту. В конце концов, это дело серьезное...

Танти-байбача не нашелся, что сказать. Зажав в губах папиросу, долго чиркал спичками, с трудом прикурил. Заметив при свете спички на лице байбачи смущение и растерянность, эликбаши ухмыльнулся. Рассказывать, что девушку из ловушки освободил Юлчи, он не нашел нужным. На прямой вопрос Танти, кто же сумел их обвести, ответил коротко:

— Один ловкий джигит.

Танти-байбача принялся оправдывать Салима, а заодно и себя:

— Алимхан-ака! Салим просто хотел подшутить над отцом. Я тоже, говоря правду, нашел эту шутку уместной. Но, клянусь богом, это была только шутка! Правда, несколько грубоватая. Заставлять краснеть Салима — нехорошо. Так что вы держитесь вашего слова...

— Слово мое — крепкое! Лишь бы он не забыл моей доброты. — Алимхан пожал руку байбачи и заторопился к дому Ярмата.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

I

Вот уже месяц, как Гульнар, измученную допросами и упреками, выдали за Мирзу-Каримбая.

Ни великолепие байского дома, ни богатство и пышность убранства комнат не могли утешить молодую женщину. И люди этой семьи, и вещи в доме — все казалось ей чужим, враждебным. Перед ее взором вставала убогая хижина, в которой она провела с Юлчи

всего один день и ночь. И темное, тесное жилище Шакасыма с его жалкими лохмотьями представлялось ей теперь несказанно дорогим и желанным. Часы, проведенные с Юлчи, были самыми светлыми в ее жизни.

В мечтах Гульнар не расставалась с джигитом. Она мысленно говорила с ним, склоняла голову на его широкую грудь, и порой молодой женщине чудилось, будто он нежно гладит ей волосы, не отрываясь смотрит на нее, словно хочет передать взглядом то, чего не рассказать словами...

Единственным утешением для Гульнар в ее нерадостной жизни была Унсин, сестра Юлчи,— рослая, по-кишлачному простая и душевная девушка лет шестнадцати, со смуглым чистым лицом и по-детски веселыми, озорными глазами. Чертами лица, голосом и даже некоторыми жестами она напоминала молодой женщине Юлчи.

Жены Хакима и Салима — Турсуной и Шарафатхон — превратили Унсин в рабыню. Девушка нянчила их детей, стирала, прибирала в комнатах, выполняла всякую черную работу. Гульнар же проявляла к ней искреннее участие. Она часто зазывала Унсин к себе и старалась задержать ее подольше. Расспрашивала об их кишлаке, о доме, о матери, забывая обо всем на свете, слушала рассказы девушки о Юлчи.

Унсин часто спрашивала Гульнар:

— Почему не видно брата? Куда дядя послал его?

Молодая женщина всякий раз спешила перевести разговор на другое, крепилась, старалась скрыть невольные слезы. Иногда у нее появлялось желание открыться Унсин во всем, но она сдерживала себя, боялась расстроить девушку печальным рассказом.

Был вечер. Крупные снежные хлопья мотыльками бились в запотевшие стекла окон. Во дворе, кувыряясь по белому пушистому снегу, играли дети. Гульнар и Унсин, как дружные сестры, тихо беседовали, сидя у сандала.

Вдруг открылась дверь, и мальчик лет восьми, дуя на покрасневшие от холода пальцы, крикнул Унсин:

— Вас Юлчи-ака зовет! Там, в мужской половине.

Гульнар вздрогнула, вскочила вместе с Унсин, точно Юлчи звал их обоих. Лицо ее выражало смущение и растерянность, в глазах застыло глубокое страдание; и вся она трепетала, как тонкая молодая ветвь.

Заметив на себе удивленный взгляд Унсин, молодая женщина в изнеможении опустилась на прежнее место и чуть слышно прошептала:

— Идите... скорее! Брат ждет...

II

В тот памятный вечер, когда он оставил Гульнар одну в каморке Шакасыма, Юлчи отправился прямо к Каратаю. Вместе они сходили к одному арбакешу, хоть и с трудом, договорились с ним. Затем условились, что Каратай прихватит для Гульнар капиши, паранджу

и еще какую-нибудь одежду потеплей и к полночи подъедет на арбе ко двору Парпи-ходжи.

Часам к десяти Юлчи возвратился во двор маслобойщика. Заглянул в темную хижину, позвал:

— Гульнар! Гульнар!

Ответа не было. Джигит, встревоженный, побежал к маслобойне. Вызвал Шакасыма, нетерпеливо спросил громким шепотом:

— Что случилось? Куда исчезла девушка?

Шакасым стоял перед ним, виновато опустив голову и согнувшись чуть ли не вдвое. Тяжело вздохнув, он рассказал все, как было. Юлчи некоторое время стоял, прислонившись к двери маслобойни, затем, точно угрожая кому-то, поднял сжатые кулаки и бросился на улицу.

В те дни им владели только гнев и желание мести. В голове возникли самые смелые планы отомстить виновникам всех его несчастий. Однако Каратай не одобрял его намерений. Кузнец узнал, что эликбаши усиленно разыскивает джигита и что к этому делу привлечена даже полиция, и старался доказать, что сейчас любая попытка выручить Гульнар и рассчитаться с врагами будет бесполезна и безрассудна. Юлчи крепя сердце вынужден был согласиться с другом. Целый месяц он скитался по городу, не являясь в дом Мирзы-Каримбая, и только сегодня решил навестить сестру.

...Увидев брата, поджидавшего ее у двери людской, Унсин пустилась к нему бегом. Юлчи крепко обнял сестру. Он заметно изменился — похудел, черты лица его стали строже. Меж бровей залегла глубокая складка, лоб прорезали первые морщинки.

Припав к нему на грудь, девушка спрашивала:

— Братец, почему вас не слышно и не видно? Что с вами? Вы хворали? Я очень соскучилась. Каждую ночь во сне вас вижу...

Юлчи провел сестру в людскую. Оба уселись на клочке кошмы.

— Как тебе живется, Унсин, в этом доме? Побудешь пока здесь?

Унсин удивленно посмотрела на брата:

— А вы?

— Я ушел отсюда навсегда, — твердо сказал джигит.

— Тогда я тоже не останусь, братец. — Унсин задумчиво вертела на левой кисти простенький серебряный браслет, оставшийся после смерти матери. — Не подумайте, что от тяжелой работы бегу. Работы я не боюсь. А просто — не хочу.

— Почему?

Унсин взглянула на брата добрыми, печальными глазами.

— Если бы все здешние были хорошими, разве вы так сразу ушли бы? Они вас обидели, наверное, братец, не скрывайте. — Унсин вздохнула. — Правда, Гульнар-апа — добрая. Я до седых волос хотела бы служить ей. Она меня, как родная сестра, любит. Бывают же такие хорошие женщины! Обнимает, утешает, как маленькую. Только... нет, все равно не останусь. А Гульнар-апа... я не забуду ее...

Юлчи не сомневался, что Гульнар крепко полюбит Унсин и что сестра будет для нее единственной отрадой. Не желая обрекать любимую на тяжкое одиночество, он решил пока не забирать сестру.

Да и не нашлось еще подходящего места, где можно было бы пристроить девушку.

— Почему же все-таки ты не хочешь оставаться? Только потому, что я ушел?

Унсин опустила голову:

— Я боюсь...

— Кого? — насторожился Юлчи.

Лицо девушки вспыхнуло стыдливым румянцем.

— Салим-ака, — ответила она, не поднимая головы. — Увидит одну, пристаёт... Дурное говорит...

Юлчи стиснул зубы. Поднялся, помог встать сестре. Ласково погладил девушку по голове, по плечу.

— Иди, родная, в ичкари, собирайся. Когда позову, выйдешь. Уйдем отсюда сегодня же. Не печалься.

Тяжело ступая, он вышел со двора и остановился за воротами. Снег все сыпал. Снежинки цеплялись за брови, за ресницы, прилипали к щекам, таяли и скатывались мелкими капельками. Юлчи стоял, не замечая этого, и задумчиво смотрел на занесенное снегом пустую-щее гнездо аиста на одном из минаретов мечети.

Серенький зимний вечер, тихий и грустный. Плохо одетые люди, выбрав голову в плечи и дрожа от холода, торопятся по домам. Вот Барат-веничник. Он, видно, не сумел продать свои веники и возвращался с вязанкой на спине и с пустой сумкой для продуктов за поясом. А вон высокий, похожий на привидение нищий. Он стоит у калитки Барата и надрывным, напоминающим рыдания голосом просит подать ему кусок хлеба...

В конце переулка показался Салим-байбача. Плотно запахнувшись в щегольской, черного сукна, чекмень, он шел с раскрытым зонтом, не глядя по сторонам.

Проходя мимо Юлчи, он окинул его недружелюбным взглядом:

— Где запропал? Думаешь, просить будем?

— Байбача! — крикнул ему Юлчи.

Салим остановился, складывая зонт, повернул к Юлчи побледневшее лицо.

— Не ори, глупец! У меня уши есть...

Юлчи шагнул к байбаче, крепко схватил его за руку:

— Сам ты глупец!

В глазах Салима вспыхнули злые огоньки. Это что такое?! Какой-то малай кричит на него, говорит ему «ты»! Байбача размахнулся, но Юлчи перехватил руку, встряхнул — и зонт упал в снег.

— Бесстыжий! На беззащитных девушек заглядываешься.

Салим-байбача злобно оскалился:

— Пусти руку? Кто твоя сестра? Дочь падишаха? Пусти, горюю!.. От моего хлеба-соли взбесился, собака!

Джигит стиснул челюсти, размахнулся и изо всей силы ударил байбачу в грудь. Салим отлетел на несколько шагов и свалился в снег. Юлчи подскочил, носком сапога ударил его в бок.

Из ворот выбежал Ярмат. Стараясь удержать джигита, он кричал:

— Юлчи, эй, разум ты проглотил, что ли? Стыдно!

Подбежало несколько человек случайных прохожих. Общими силами они кое-как оттащили джигита.

Салим стоял, схватившись рукой за грудь. Он не скупился на ругательства, но приблизиться к Юлчи не решался.

Ярмат отряхнул его чекмень и под руку повел к дому.

— Подожди! Не я буду, если не продырявлю тебе лоб из пистолета! — обернувшись, пригрозил байбача.

— Не верещи! — крикнул Юлчи. — Тащи свою железную пулялку!

В толпе послышался смех.

Кадыр-штукатур тронул джигита за плечо:

— Остерегайся, сын мой. Время теперь чье? Ихнее, байское. Для них и застрелить человека ничего не стоит. От денег бесятся. Это не люди — змеи. Хуже! Это скорпионы, порожденные змеями. Бедняк для них — ничто. — Штукатур оглядел собравшихся. — Верно я говорю?

Вокруг закивали головами:

— Верно, верно!

— До каких же пор они нас душить будут, отец?! — сжал кулаки Юлчи.

— Вот я и говорю — до каких же пор? — в свою очередь спросил штукатур.

Народ понемногу разошелся.

Город заливала муть пасмурных сумерек. Юлчи постоял на тихой, безлюдной улице и возвратился на байский двор.

Окна покоев Мирзы-Каримбая были ярко освещены. Джигит открыл дверь и, выдержав хмурый взгляд бая, без приглашения опустился на ковер. С минуту оба молчали, глядя друг на друга полными ненависти глазами. Мирза-Каримбай приподнялся, оттолкнул большую пуховую подушку, подложенную под бок, положил на сандал четки.

— Где ты пропадаешь, беспутный? Думаешь, работа ждать будет? Чем держать такого работника, лучше собаку завести!..

— Не кричите, — угрюмо повторил Юлчи. — Я долго слушался, терпел. А теперь — довольно!

Глаза Мирзы-Каримбая потемнели.

— Кто это научил тебя таким речам?

— Ваша несправедливость, жестокость научили!

— Жестокость! — заорал бай. — Ты неблагодарный пес! Я считал тебя за родного, за близкого. Кормил тебя, одевал, обувал.

— Задаром, что ли? — нагнувшись к баю, выкрикнул Юлчи. — В бороде у вас ни одного черного волоса, а вы лжете. Стыдно! «Одевал», видите ли? Вот моя одежда! Уж не говорю о сапогах, халате, — я в этом доме даже новой тибетейки не износил!.. «Кормил!» А чем? В вашем котле жирно готовили, а наша еда известная — хуже покоев! Скажу коротко: я от вас ухожу. Заработанное отдадите — и кончено!

Мирза-Каримбай сидел молча, насупив брови. Резкая перемена в Юлчи подтвердила его прежнюю догадку: внезапное исчезновение джигита сразу же после возвращения из кишлака, конечно, свя-

зано с замужеством Гульнар. Бай знал, что Юлчи любит девушку, но не придавал этому особого значения. «Обиды его ненадолго хватит,— думал он,— вернется и снова примется за работу». Но вышло по-иному. Жалко было упускать из рук такого «добраго раба», но Мирза-Каримбай понимал, что теперь обещаниями его не удержишь. Махнув рукой, точно прогонял собаку, он крикнул:

— Вон!

— Не гоните, сам уйду,— холодно сказал Юлчи.— Только рассчитайтесь сначала.

— Какой расчет? — выпучил глаза бай.

— Я честно работал два с половиной года. За это время получил всего около сорока рублей. Разве это все? Где же ваши обещания?

— Обещания?.. Хм... глупец! Мало ли дают обещаний хозяева, чтобы подзадорить работника. Разве может умный человек верить всяким обещаниям!

— Хорошо, лишнего мне не надо. Уплатите, что положено по обычаю.

— А сорок рублей не деньги? Больше и копейки не дам! — Бай откинулся на подушку.— Предъявляй иск, если сумеешь.

Ответ бая не был для Юлчи неожиданностью. В последнее время у него не раз возникало сомнение, что хозяин рассчитается с ним по совести. Было только обидно, что он оказался таким простаком и дал себя обмануть. Но мог ли он горевать сейчас о деньгах, когда ему пришлось расстаться с Гульнар — солнцем его жизни. Юлчи казалось позорным вступать в пререкания из-за денег, да еще с тем, кто в его глазах был самым низким и подлым человеком на свете. Джигит резко поднялся, подошел почти вплотную к Мирзе-Каримбаю и презрительно бросил:

— Тебе бы не жениться, а в навозе копать, старый петух!

Бай не пошевелился, не изменил позы, только лицо его налилось кровью и исказилось злобой.

Хлопнув дверью, Юлчи вышел во двор. В длинном темном проходе, ведущем в ичкарю, Унсин передала ему узелок со своими скудными пожитками — поношенной ватной жакеткой, ситцевым платьем и оставшейся после смерти матери шалью. Поправляя паранджу, она зашептала:

— Гульнар-апа плакала. Обняла меня, поцеловала. «Пусть, говорит, брат не отправляет вас далеко. Почаще навещайте меня...» И вам привет передавала. Пусть, мол, не забывает. У ней много есть чем поделиться с вами. «Потом, говорит, расскажу». Бедная...

Юлчи тяжело вздохнул.

— Пойдем, сестрица! — устало сказал он.

Они шли, мягко ступая по рыхлому снегу. Нетронутая снежная белизна несколько рассеивала темноту ночи. Кругом — мертвая тишина, безлюдье.

На углу Юлчи остановился. Куда пойти? «Тесно у очага зимой, вставай да иди домой!» — вспомнилась ему пословица. А где у него

дом? Почти три года таскал он байское ярмо. И что получил? Очутился на улице!..

Унсин уже донимал холод. Она топала ногами, дышала на коченеющие пальцы рук. Нетерпеливо поглядывала на брата.

— Идем, родная! — неожиданно сказал Юлчи и направился в один из переулков. Но шагал он почему-то медленно, иногда даже останавливался.

Унсин шла вслед, дивилась нерешительности брата и думала: «Неужели в таком большом городе не найдется места? Покойная мама все надеялась, что Юлчи заработает у богатого дяди много денег, поправит дом, земли купит... Где же все это?»

Юлчи приоткрыл дверь и заглянул в мастерскую Шакира-ата. Он знал, что зимними вечерами здесь часто собирались друзья мастера. Кто-нибудь из грамотных читал сказания о военных подвигах древних героев, вроде «Ахмада-занчи», «Рустам-застана», а остальные слушали.

На этот раз в мастерской, кроме Шакира-ата, никого не было. Юлчи шагнул через порог.

— Заходи, мой ягненок! — приветливо, как всегда, встретил его сапожник.

Заметив за спиной джигита скрытую под паранджой женскую фигуру, старик с недоумением посмотрел на него, будто хотел спросить: «Что еще случилось?»

— Отец, это моя сестра, — объяснил Юлчи. — Наверное, слышали, из кишлака недавно привез. Не хочу, чтобы у бая жила.

— И хорошо сделал, сынок. Голубь, говорят, с голубем, род — с родом. Понимаешь, в чем тут смысл? Верно, они родня. Но к своему роду тебя не причисляют. Потому — они денежного рода. Правильно я сказал?.. Э, да что говорить, ты и сам испробовал. Лучше чужой-посторонний, чем такая родня. Самого, говорят, нет — и глаза нет. Без тебя станут они измываться над девушкой...

— Ваша правда, отец, — согласился Юлчи. — Нельзя ли сестре пока пожить у вас?

Шакир-ата отложил работу, снял очки, добрыми глазами взглянул на Юлчи.

— Ты давно сын мне, а эта слабенькая будет мне дочерью. Слава богу, найдется одеяло, подушка. Есть сандал. Иногда он теплый, иногда холодный, но есть. С нехватками как-нибудь справимся. Старухе моей доченька будет помощницей, а сиротам сына — сестрой.

Юлчи не знал, как и благодарить старика. На глазах джигита заблестели слезы. Он схватил Унсин за руку:

— Сними чачван! Вот твой отец. Уважай его, почитай, слушайся.

Унсин откинула чачван, застеснявшись, опустила глаза и тихо промолвила:

— Как родная дочь от всего сердца буду служить вам, атаджан! Старик встал.

— Идем, дочь моя, отведу тебя к старухе. Она добрая...

Юлчи подошел к Унсин:

— Сестра, почитай этих людей как родных. Помогай бабушке, Шакиру-ата. Он один. Где дратву ссучить, где ичиги на правило натянуть — дело это не хитрое. Приучайся поскорее и будешь ему помощницей.

Унсин обняла брата, взяла с него слово навещать ее почаще и пошла за стариком.

Оставшись один, Юлчи задумался. Чтобы прокормить себя и помогать Унсин, надо было завтра же подыскать работу. Он развязал поясной платок, пересчитал деньги, оставшиеся от продажи дома. Оказалось пятнадцать рублей. Когда вернулся Шакир-ака, джигит положил перед ним все деньги. Старик обиделся:

— Спрячь их. Ложка похлебки найдется для девушки. Возьми, говорю, спрячь, джигиту нужны деньги.

Юлчи денег не взял.

— Все, что я добуду,— ваше, отец! Зачем мне деньги...

Шакир-ата просил его остаться заночевать. Юлчи отказался.

Пообещав завтра-послезавтра наведаться, он простился со стариком и вышел.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

I

Из Ферганы возвратился Хаким-байбача. В первый же день он зачем-то спросил Юлчи. Ярмат сказал, что Юлчи давно не работает, а на расспрос удивленного Хакима уклончиво ответил:

— Не знаю, Хаким-ака. Сманил ли его кто, или сам, возгордившись, встал на путь бродяжничества, ничего не знаю.

Юлчи был испытанным, расторопным работником, и Хаким заинтересовался этим делом. Жена ему рассказала, что Юлчи, возвратившись из кишлака с сестрой, неожиданно исчез. Потом, также неожиданно появившись, избил при людях Салима-байбачу... Не доверяя словам жены, Хаким-байбача обратился за разъяснениями к брату. Салим, конечно, свалил все на Юлчи. Он сказал, что Юлчи оскорбил отца, обвиняя его в присвоении заработка.

Как? Простой батрак посмел поднять руку на его брата! Оскорбить отца!.. Хаким-байбача был вне себя от гнева. Разве можно допустить, чтобы на честь семьи Мирзы-Каримбая упала даже пылинка! Он укорил брата за то, что тот до сих пор ничего не предпринял, чтобы дать урок зарвавшемуся малаю, и решил примерно наказать Юлчи.

На второй день после полудня Хаким пригласил к себе эликбаша. Угостил его сначала жарким из фазанов и горных рябчиков, затем, когда дастархан был завален всевозможными сладостями, фруктами, сдобными лепешками с каймаком, сам потчевал гостя крепким чаем.

Хаким-байбача вначале занимал гостя рассказами о своих пирушках с ферганскими друзьями, о том, как два его приятеля в Коканде

сбравались между собой в пышности и богатстве тоев по случаю обрезания сыновей, об угощениях, улаках, играх и веселье на этих тоях. Затем он заговорил о войне. Выразил сожаление, что руки у белого царя оказались недостаточно длинными.

Эликбаши уверял хозяина, что война обязательно закончится победой белого царя. В доказательство он привел такие соображения:

— В истории, иначе говоря, со времен алайхисаляма и до нынешнего времени было три справедливых падишаха: Нуширван, Гарун-аль-Рашид и великий падишах — Николай. Справедливые же падишахи, байбача, никогда побеждены быть не могут. А если еще и мы, мусульмане Туркестана, опоясавшись поясом благородного рвення и преданности, побольше окажем помощи белому царю, враг будет разгромлен скорее и победа будет полнее...

— Дай бог, чтобы сказанное вами оправдалось,— пожелал Хаким.— Однако не следует забывать, что добиться единодушной поддержки белого царя мусульманами не такое легкое дело. Последнее время среди народа заметно увеличилось число дурных людей.

Тут байбача сослался на случай с Юлчи, с возмущением рассказал о «недостойном поведении» джигита и, в конце концов, прямо попросил примерно наказать оскорбителя.

Алимхан хитро улыбнулся и опустил глаза.

— Да, Юлчи — джигит не безупречный, это верно,— согласился он.— Я знаю всех жителей квартала. Кто как живет, как себя ведет, у кого какая болезнь, какая беда на сердце — мне все известно. Знать — это моя обязанность. Бывают, конечно, и среди эликбаши такие, что не знают своих людей. Но они — эликбаши только по званию...

— Алимхан-ака, мы все преклоняемся перед вами! — поспешил заверить гостя байбача.— Вы действительно истинный, я бы сказал — совершенный эликбаши. Но вам недостает одного — плети. При этом условии жители махалли все как один стали бы более благомыслящими.

Эликбаши рассмеялся:

— Плети мы еще успеем пустить в дело, мой байбача. Но время сейчас особенное, тонкое. Среди населения множится недовольство. Многие не хотят мириться с бедностью и дороговизну, например, принимают не за наказание аллаха, а все сваливают на баев. Ворам, жуликам и проходимцам счета нет. Хорошо еще, что доверенные лица белого царя и полиция — большие мастера своего дела. С помощью плетей, а когда нужно — сабель, револьверов и ружей, они сдерживают народ. А иначе, сохрани аллах, народ давно бы уже голову поднял.

Хаким-байбача заявил, что причину волнений и беспокойства в народе следует искать в оскудении веры, в небрежении к делу воспитания народа со стороны мулл и улемов. Эликбаши вполне согласился с этой мыслью, и в конце концов оба они пришли к такому решению: Хаким-байбача устроит по матери поминки. Будут приглашены все видные ташкентские улемы, мударрисы, а также более влия-

тельные из джаидов. Угощение, безусловно, должно быть богатым и обильным. И тут-то они и поставят перед собравшимися вопрос о воспитании народа, об устройстве проповедей в мечетях после молитв...

— Байбача, — сказал эликбаши, — задуманное вами должно принести хорошие плоды. Во-первых, это полезно для народа, потому что путь, какой вы укажете народу, должен привести к миру и согласию. А потом, это полезно и для вас. Большие русские начальники будут очень довольны. Ваших стараний они не забудут...

Хаким-байбача самодовольно ухмыльнулся. Возможность сблизиться с важными господами льстила его самолюбию. Он так раз мечтался, что чуть не забыл о Юлчи. Но эликбаши напомнил ему:

— Так как же с этим ублюдком, с Юлчи? Что вы хотели бы сделать?

— Да, чуть не забыл. — Хаким-байбача помолчал, почесал лоб. — Что с ним делать? Я и сам не знаю. Был бы он приличным человеком, можно было бы подать в суд или просто вызвать и заставить извиниться. А с ним... Не устроить ли, Алимхан-ака, так, чтобы его посадили? Что вы скажете?

— Да, было бы, конечно, лучше, если бы он сгинул с глаз, — неопределенно ответил эликбаши.

— Возьмите на себя это дело, Алимхан-ака.

Эликбаши некоторое время сидел молча, отхлебывая мелкими глотками крепкий чай. Он имел вид человека, оказавшегося в большом затруднении. Наконец, все с тем же выражением озабоченности на лице он сказал:

— Мой байбача! Это очень трудное дело. Верно, Юлчи — юноша нехороший. Но нам еще ни разу не пришлось заметить его с узлом чужого добра. На острие его ножа еще никто не видел крови. Чтобы исполнить ваше желание, надо обвинить Юлчи в чем-либо. А это не шутка! Однако ваш покорный слуга предпочтет взять на себя любые трудности, только бы не оставить втуне вашу просьбу.

Хаким-байбача поспешил выразить гостю свою благодарность, и они снова заговорили о предстоящих поминках и о совещании с улемами и джаидами.

II

Наступила самая холодная пора зимы. Заработок найти трудно. Поденщины, полевых работ нет.

Юлчи не стал долго раздумывать. Обвязался поверх поясного платка веревкой длиной в два рѣзыха и направился на самое оживленное место базара. С одной стороны — лавки торговцев фарфоровой посудой, с другой — торговый ряд парфюмерных и аптекарских товаров, дальше «Гульбазар», где торгуют сладостями. Рядом площадь. Ржанье лошадей, грохот арб, рев верблюдов, ругань возчиков, выкрики лепешечников — все смешалось здесь в один непрерывный гул, от которого у непривычного человека голова шла кругом.

На узеньком грязном тротуаре, опустившись на корточки, сидели в ряд носильщики. Юлчи протискался сквозь толпу и присел в этом ряду последним. Носильщик впереди хмуро посмотрел на него и молча отвернулся.

В ряду сидело около двух десятков человек. Среди них — несколько бледных, худых подростков. Были и сгорбившиеся старики, которым, казалось, не только тяжести — и самих себя таскать не под силу. У всех на плечах обрывки веревок. Одежда рваная, грязная; иные вместо халатов завернулись в чумалы из грубой домотканой шерсти. Ни на одном из них не было сапог: у одного на ногах рваные капиши, из которых выглядывали пучки рисовой соломы; у другого старые галоши, привязанные к ногам бечевкой, а иные и просто обмотали ноги тряпками. Все посинели от холода, грязными, огрубелыми пальцами беспрестанно чесались, шарили в своих лохмотьях.

Носильщики угрюмо молчали, только глаза у всех беспокойно бегали, высматривая ношу. Если к одному подходил наниматель, вскакивал весь ряд и каждый наперебой предлагал свои услуги...

Просидев на этом месте часа два и не дождавшись работы, Юлчи поднялся и пошел кружить по базару. Таял снег, в узких проходах и переулках торговых рядов — потоки мутной воды и жидкой грязи.

По базару толпами ходили бедно одетые люди. Они куда-то торопились, толкали друг друга, переругивались. В глазах у всех — забота и озлобление.

Юлчи медленно обходил торговые ряды. Вот где товары, вот где деньги! Но все это байское. Баи торжественно восседают в своих больших и малых лавках, магазинах. У народа война иссушила силы, подтянула животы, а купцов она засыпала золотом, и животы их стали еще более объемистыми.

В первый день Юлчи посчастливилось доставить кладь в три-четыре места. Освободился он только поздно вечером и заработал семьдесят копеек. Пятьдесят он истратил на еду, а остальные спрятал в пояс: «Это доля Унсин».

Так Юлчи стал носильщиком. Каждый день до вечера он бродил по базару, доставлял в разные концы города груз или же сопровождал верблюдов с топливом и кормом для скота (казахи, привозившие на продажу древесный уголь, кизяки, сено, обычно плохо знали город). Ночевал он то в кузнице Каратая, то в чайханах. Ежедневно, а иногда через день Юлчи заходил к Шакиру-ата навестить Унсин и передать ей то, что сумел отложить в пояс из своего заработка.

Однажды Юлчи с хлебного базара нес мешок пшеницы для какого-то старика. В квартире «Кар Ягды» он вслед за стариком вошел в узкий двор, окруженный со всех сторон высокими новыми домами и напоминающий тесный ящик.

Юлчи свалил пшеницу за камышовую перегородку на кухне, собрался было уходить, когда из двери напротив вышел улыбающийся Абдушукур. Юлчи поздоровался.

— Это ваш двор, мулла-ака? — спросил он.

Абдушукур утвердительно кивнул головой.

— Вот когда мы с вами встретились, — усмехнулся Юлчи. — У хозяев бываете?

— Бываю иногда, — ответил Абдушукур, с любопытством оглядывая джигита. — Ну, расскажи, как же ты стал носильщиком?

— А для меня быть носильщиком — дело более подходящее, — усмехнулся Юлчи. — Вот получил со старика мелочь и пошел. Никто меня за полу не держит. Хоть вечер и ночь спокоен...

— Это что за ответ? — скривил губы Абдушукур. — Ты правду скажи. Не ужился?

Джигит открыто посмотрел в глаза Абдушукура.

— Сказать правду — притеснений и жестокостей не выдержал, мулла-ака. Я ведь тоже человек. Сколько можно терпеть издевательства! Впрочем, что говорить об этом. Искать среди хозяев хорошего человека — все равно что искать яйцо сказочной птицы анка. Хозяева, они хоть обличем и разные, а сердцем все одинаковые. Знаем, на себе испытали, мулла-ака.

Абдушукур пригласил Юлчи зайти в комнату. Его заинтересовали слова этого простого джигита, глаза которого, как он думал, были закрыты «пеленою невежества». Захотелось узнать, что думает Юлчи о Мирзе-Каримбае и его сыновьях.

Вслед за Абдушукуром Юлчи вошел в михманхану. Постеснявшись наследить грязными сапогами, он отвернул край кошмы и присел на корточки у порога.

Комната была небольшая, но светлая и чисто прибранная. На сандале несколько газет, на полках стопки книг. На стене против двери портреты двух каких-то военных в турецких фесках: один — солидный, с пышной бородой, второй — помоложе, сухошавый, с тщательно закрученными усами.

Чтобы джигит случайно не увидел кого-нибудь из женщин, могущих выйти во двор, Абдушукур опустил шторы на окнах, потом подсел к сандалу, скользнув глазами по открытому газетному листу, взглянул на Юлчи:

— Так. Ну, расскажи, в чем же ты видишь жестокость нашего бая-ата? Послушаем и предоставим рассудить разуму, кто из вас прав, кто не прав...

Юлчи не любил жаловаться и перед каждым раскрывать сердце. Но сейчас он почувствовал какую-то внутреннюю потребность высказаться.

Абдушукур был человеком образованным, сведущим. Может, он объяснит, почему на свете так много несправедливости, и поможет советом. Юлчи рассказал, что пришлось ему пережить за последние два с половиной года. Даже открыл перед Абдушукуром некоторые страницы своей несчастной любви. Затем, волнуясь, заговорил о положении вообще всех батраков, поденщиков, чайрикеров.

Абдушукур внимательно выслушал Юлчи. Аккуратно сложив газеты, отодвинул их на угол сандала, усмехнулся:

— И все? Где же тут притеснения, жестокость? — Глаза и поднятые брови Абдушукура выражали недоумение. — Только из-за

этого ты обиделся на бая и нашел, что лучше быть носильщиком? О горе, до чего мы дожили! Горе тебе, несчастный Туркестан!

Удивленный этими восклицаниями, Юлчи сделал попытку объясниться.

— Мулла-ака,— сказал он,— занятие носильщика правда не дело. Я люблю пахать, работать кетменем, умею заставить цвести землю. Но где же хоть клочок земли? Нет у меня ее в кишлаке, нет и в городе! А на хозяйской земле я теперь и кетменя не подниму. Закалялся работать батраком. Человек может обмануться один раз. Я буду трудиться, пот проливать, а кто-то, сидя в холодке, пользоваться моим трудом! И ко всему этому — оскорбления, унижения. Где же тут справедливость?

Абдушукур некоторое время сидел молча, покусывая ноготь большого пальца. Потом, как бы раздумывая над каждым словом, сказал:

— По-моему... темной ты, братец мой. Разум твой, очевидно, вследствие твоей неграмотности не в состоянии разобраться во многих вещах...

Юлчи вздохнул:

— Рос я в людях. В детстве был пастухом, подбирал колосья. Да в кишлаке у нас и школы не было...

— По-моему,— строго продолжал Абдушукур,— о темноте твоей можно судить уже по тому, что ты говоришь: бедняки, баи, хозяева, батраки. Откуда такие слова? Это же самое настоящее невежество! По-моему, бессмысленно делить людей на баев, бедняков, хозяев, батраков. Все мы туркестанцы, иначе говоря — дети мусульман. И только! У всех у нас одна задача, одна обязанность — забыть о расприх и работать дружно, рука об руку. Нет больше греха, чем сеять среди мусульман смуту и рознь. А в каждом твоём слове — семя смуты. Понял?

Минуты две-три Юлчи сидел смущенный, даже растерянный. Но потом собрался с мыслями, поднял голову и уже посмотрел на Абдушукура, которого до сих пор называл уважительно «мулла-ака», насмешливо сдвинув бровь.

— Значит, я должен сунуть шею в хозяйское ярмо, работать сколько есть сил, а они — содрали с меня шкуру и вон со двора?! Как собаку?! Нищенствовать по улицам... А потом — почему вы говорите, что нет баев, нет бедняков? Верно, мы все мусульмане и живем в одном краю. Только Мирза-Каримбай — это одно, а я другое. Есть мусульмане хозяева, а есть — батраки. Можно ли полой прикрыть луну? Так почему же мои справедливые слова вы считаете смутной?

— Пойми ты!..— размахивая руками, начиная раздражаться, заговорил Абдушукур.— Пойми же ты наконец — чьи баи, чьи хозяева? Это же наши баи — мусульмане. Пусть они крепнут, пусть товары их находят хороший сбыт — вот чего надо желать, джигит! Вера наша предписывает не рознь и смуту, а согласие. Понимаешь? Слава аллаху, среди наших баев есть справедливые и щедрые люди. Они раздают беднякам положенный закят, одевают раздетых. Вражда к баям — это от невежества, братец мой!

Абдушукур торопливо закурил папиросу и жадно затянулся.

Юлчи, чуть прищурив насмешливые глаза, покачал головой.

— Щедрые бай?! — джигит рассмеялся. — Где они? Мне не приходилось таких встречать, мулла-ака. Может быть, и найдется один-два... чудачки какие-нибудь. Но милостыня их — капля в море. Бай обдирать бедняков мастера — то вы лучше меня должны знать. У баев есть такая игра — «плутовство по закону». Я сам, своими глазами видел и до сих пор не могу надивиться такому надувательству. Прошлым постом Мирза-Каримбай велел Ярмату заложить коляску. Потом послал за суфи нашей мечети. Пришел суфи, Мирза-Каримбай и говорит ему: «Эта лошадь и коляска ваши, отдаю их вам по закяту. Ну-ка, говорит, садитесь, прокатитесь в ней». Суфи, усмехаясь, сел в коляску. Ярмат тронул лошадь. Проехались они по главной улице и вернулись. Бай подошел к суфи, — тот еще сидел в коляске, — показал ему десятирублевую бумажку и тихонько: «Продайте, говорит, мне вашу лошадь с коляской. Вот вам их стоимость». И сунул суфи десятирублевку. Я тогда не понял, что это значит. Делают всерьез, а похоже на детскую игру. Наутро спрашиваю у Ярмата. «Это, — говорит Ярмат, — задача закята при помощи «законного плутовства». И все объяснил мне. «Лошадь, говорит, с коляской стоят пять тысяч. Бай для видимости передал их суфи, а потом снова купил за десять рублей. Этим самым бай-ата наш освободился от закята с капитала — в двести тысяч рублей...» Видали! С капитала в двести тысяч рублей — десятирублевка закята! Ярмат и тот удивлялся. А он-то знает все байские проделки. «Хозяин, говорит, всегда отделяется от закята с помощью разных хитростей. Но в этом году он обставил дело на редкость ловко!..» Если бы я этого не видел, не поверил бы. — Юлчи помолчал. — Хорошо, допустим, даже бай будут отдавать закят правильно. Только ведь лучше умереть, чем жить милостыней! Или вы хотите весь народ сделать нищими, попрошайками?

Абдушукур ответил не сразу и минуты две сидел, стараясь не смотреть на Юлчи.

— Конечно, — согласился он, — и среди наших баев есть люди невежественные. Многие из них еще не понимают своего долга. Таким надо постепенно разъяснять, что они должны быть отцами народа. Но главное — дело в согласии, в единодушии, братец мой. Вносить смуту — нехорошо. Каждый должен знать свой долг, свое место. У нас есть просвещенные люди, осведомленные о том, где что делается на свете. Они ищут путей исцеления всех наших ран, недугов. Они обязаны думать о средствах против нужды и скорбей народа. А тебе что до всего этого? Занимайся себе своим делом. Неумелой рукой подкрашивать брови — и глаз можно выдавить. Несчастному Туркестану торговые люди нужны!

Юлчи охватил гнев. «Выходит, ты и есть один из тех просвещенных!» — чуть не выкрикнул он, но сдержался. И у этого-то человека он собирался спросить совета, как истребовать у бая свое заработанное! «Да он же не больше как глашатай воли баев, — думал Юлчи. — Не зря они угощают его и поят чаем в своих хоромáх... «Бай — отцы народа!» Оказывается, мне надо желать, чтобы их дела

шли успешно, а! Да голова у него или пустая кубышка?..» Юлчи встал, коротко обронил:

— Добро!

Трудно было понять, сказал ли он это на прощанье, мол, «добро, всего хорошего!», или же отвечал на свои мысли, рассуждал сам с собою: «Ладно. Что будет дальше, увидим!»

Абдушукур приподнялся было, чтобы проводить гостя, но раздумал и снова сел.

Близился вечер. Юлчи решил на базар не возвращаться. Зашел в одну из многочисленных чайхан, уселся на дощатом помосте. Прислонившись к столбу, устало вытянул ноги, потребовал чаю.

Какой-то рослый дервиш в высокой, конусообразной шапке стоял посреди чайханы и, закрыв глаза, звучным басом тянул газели Машраба. Ему звонко подпевал мальчик лет десяти. Певцы, собрав несколько медяков, скрылись.

Юлчи неторопливо отхлебывал горячий чай, перебирал в памяти все, что говорил ему Абдушукур, и мысленно возражал почтенному «мулле-ака».

Вдруг кто-то толкнул его в спину. Юлчи поднял голову — все, кто был в чайхане, стояли с покорно сложенными на груди руками, с испуганными глазами. А в нескольких шагах от него — грузный, рыжий полицейский пристав с усами, торчащими вверх точно два меча, поднятые над головой преступника.

Этот «тура» часто и неожиданно появлялся в местах скопления «азиатов». Разразившись «молниями» гнева и показав перед «азиатами» свою власть, он так же неожиданно уходил. Особенно зачастую он по чайханам и усилил строгость после того, как началась война.

Под злым взглядом пристава Юлчи встал, медленно сошел с деревянного настила, но рук на груди не сложил. Пристав резко шагнул к Юлчи. Со всего размаха ударил по открытой груди джигита толстой, туго сплетенной ременной камчой. Конец плети впился в голую шею. Казалось, не тело, а душу рванула камча. Юлчи вздрогнул. Кулаки его сжались. Однако он не сдвинулся с места. Глаза пристава метали зеленые искры. Шея его напряглась, лицо покраснело.

Какой-то старик, кланяясь и прижимая к груди руки, путая узбекские и искаженные русские слова, униженно заговорил:

— Таксыр, ман беноват. Пожалиска, пожалиска. Бала порятка сапсим билмайди. Кечиринг!..¹

Старик умолк и показал на свою белоснежную бороду, будто хотел сказать: «Сделай уважение моим летам!»

Пристав грубо заорал на него.

Юлчи не выдержал.

— Спасибо, отец,— сказал он, обращаясь к старику.— Но не годится кланяться ядовитой змее, которая тебя ужалила!

¹ Господин, я виноват. Пожалуйста, пожалуйста. Сынок порядков совсем не знает. Простите.

— Прощения проси, сын мой. Не тягайся с тиранами! — тихо проговорил старик.

— А что я такого сделал? За камчу просить прощения?

Юлчи поднялся на деревянный настил и уселся на свое прежнее место. Разъяренный такой непокорностью, пристав размахнулся и снова ударил джигита, стараясь угодить по лицу. Юлчи быстро вскинул руку и ловко схватил конец камчи. Пристав безуспешно дергал плеть, не переставая сыпать русские и узбекские ругательства. Он зло и подозрительно оглядывал находившихся в чайхане людей, вероятно, думал: «Не сговорились ли все эти азиаты, если парень решился на такую смелую выходку?»

Юлчи заметил этот взгляд. Он обвел взглядом чайхану: у многих на лицах гнев и ненависть, но в то же время в глазах проглядывал страх, а те, что стояли ближе к выходу, уже приготовились к бегству.

«Из-за меня могут пострадать ни в чем не повинные люди», — подумал джигит. Опустив камчу, он медленно поднялся.

В чайхане было тихо. Только перепелки нетерпеливо бились в клетках, подвешенных к потолку, шуршали крошечными ножками о лубяные доньшки. Из клеток на стоячие усы полицейского, на его выпяченную грудь сыпались просинки и мелкий перепелиный помет. Пристав ничего не замечал. Резким взмахом руки он приказал людям сесть. Потом сердито крикнул что-то по-русски, обращаясь к Юлчи. Тот покачал головой, давая знать, что не понимает. Мишраб, стоявший за спиной пристава, перевел:

— Говори, как зовут тебя и кто твой отец!

Когда Юлчи назвал себя, пристав и мишраб значительно переглянулись. Мишраб подскочил к Юлчи, схватил его за руки:

— Очень хорошо, что ты попался! Я тебя уже третий день разыскиваю!

— Вяжите, бейте, кровопийцы! — закричал Юлчи.

Пристав приказал:

— Пошел!

Мишраб подтолкнул Юлчи и кивнул на дверь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

I

В чистом, сияющем голубизной небе пролетели горделивые журавли. Снова весна... С каждым днем все сильнее припекало солнце. По краям земляных крыш убогих мазанок, над растрепанными, полустлевшими застрехами зазеленели яркие коврики травы. Немного позже среди зелени начали вспыхивать кроваво-красные маки. Украсились гроздьями нежно-белых цветочков и две ветви, торчащие на корявом стволе старой дуплистой груши в маленьком дворике Шакирата.

В этом убогом дворике-тумаре со старой грушей уже два с поло-

виной месяца жила Унсин. Старик и старуха привыкли к ней как к родной. Полюбили девушку и их осиротевшие внучата. Старуха теперь спокойно уходила по своим знахарским делам — в доме было кому и за ребятами присмотреть, и обед приготовить. Унсин охотно возилась с ребяташками, была ласкова с ними, мыла их, обстирывала, чинила рваные рубашонки. К вечеру она ставила на огонь котелок, варила затируху, заправленную салом, или машевую похлебку. А главное — она помогала старику.

Один, без ученика, Шакир-ата за неделю мог приготовить всего несколько пар ичигов. На деньги, вырученные за них, сапожник покупал шевро, подошвы, нитки, клей, воск — все, что надо было для работы. На хозяйство же оставались гроши. Часто, возвращаясь с базара, старик еще с порога швырял пустую сумку и с гневом и горечью говорил:

— Цена на кожу опять подскочила, никак наперед не угадать и не угадаться. А припасы — куда там! Не то что риса или маша — даже пшена не сумел купить. Видно, бог находит, что для нас и пшениная похлебка излишняя. Эта война — сущая беда на нашу голову. Сгинуть бы и герману и турецкому султану, хоть мы его и величаем халифом всей земли, сгинуть бы и самому белому царю. Приданое матери, что ли, не поделили они!..

Но вот старику стала помогать Унсин. Первое время она сучила и вошила дратву. Потом стала насаживать ичиги на правила, покрывать их черной сажей и лаком. Наконец она упросила старика научить ее шитью. Шакир-ата показал ей, как держать шило, как действовать парными иглами. Проворные руки девушки быстро освоились с работой. Примостившись на низенькой табуретке во дворе или жилой комнате, Унсин прилаживала на коленях правило и ловкими, быстрыми движениями строчила голенища, да так, что даже старому мастеру приходилось удивляться ровности и аккуратности строчки. Скоро они разделили труд: старик в мастерской кроил заготовки, а Унсин в ичкари шила. Дела начали поправляться. Теперь Шакир-ата, заготовив для помощницы все необходимое, большую часть дня занимался починкой обуви, и заработок прибавился.

Унсин выросла в труде и лишениях, поэтому жизнь и работа у сапожника вовсе не тяготили ее. Только вот если бы с ней был брат!.. Мысль о Юлчи не покидала девушку. Руки ее были заняты работой, а сердце болело. Обычно ясное, милостивое личико омрачала печаль...

Когда Юлчи был носильщиком, он приходил почти каждый вечер, расспрашивал Унсин, подбадривал ее и обязательно оставлял немного денег, которые девушка передавала потом Шакиру-ата. Но где же он теперь — любимый брат ее? В какой томится стороне, в какой темнице?

Неожиданное исчезновение Юлчи принесло девушке и обоим старикам много волнений и горя.

— Что же это такое, доченька? — часто повторял старик, покачивая головой. — Взрослый, разумный джигит — и вдруг даже тени своей не показывает!

Иногда, может быть желая утешить девушку, а может, потому, что и в самом деле так думал, он прибавлял:

— А впрочем, джигиты — они все такие необузданные. Видно, с каким-нибудь приятелем счастья искать отправился, беспутный!

Правду им рассказал Каратай долгое время спустя. С тех пор Унсин плачет. Горюет и Шакир-ата.

— Сохрани его аллах от жестокостей тиранов! — твердил старик.

А Каратай бегал по городу, надеясь разузнать, какая участь постигла его друга после ареста.

Еще живя в доме Мирзы-Каримбая, Унсин замечала, что брат переживает какое-то горе. После, беседуя каждый день с Гульнар, она начала догадываться, что красивая молоденькая жена бая и Юлчи любят друг друга. Но лишь перебравшись к Шакиру-ата, Унсин от старухи услышала печальную повесть о любви Юлчи и Гульнар. Рассказ тетушки Кумри глубоко взволновал девушку и заставил ее страдать за брата. А теперь ко всему Юлчи арестовала полиция.

«Отчего он такой несчастный? — думала Унсин. — За что они мучают его — такого красивого, такого хорошего, умного, доброго?»

Девушка проклинала и Мирзу-Каримбая, и его сыновей, и полицейских. Гульнар же она полюбила всем сердцем. Она знала, что молодая женщина тревожится за Юлчи, тоскует по нему, сама скучала по Гульнар, но из отвращения к дому Мирзы-Каримбая навещала ее редко, хотя и жила в одном квартале.

Свет весеннего солнца, не вмещаясь в синем море небес, заливал мир. Цветы старой груши сияли как чистый, нетронутый снег.

Разостлав во дворе кошму, Унсин сидела на своей низенькой табуретке и шила ичиги. В мастерской, которая была отделена от двора тонкой каркасной стеной, работал Шакир-ата. До ушей Унсин оттуда долетали звуки песни. Старик пел слабым, дребезжащим голосом. Временами песня обрывалась, через стенку слышалось «пуп-пуп» — и вслед частые: тук-тук-тук. Это Шакир-ата обрызгивал изо рта водой растянутую на доске кожу и затем железной колотушкой ровнял складки.

Потом снова звучала песня, такая же печальная, как и вся жизнь старика. Это, пожалуй, была даже не песня, а жалобные рыдания одинокого, несчастного человека, у которого смерть уже врывала кусок сердца.

О моя жизнь — пустыня серая,
Не видать бы тебя, не видать!
Стоны протяжные сердца бедного
Не поднять до небес, не поднять.

Неправда, обиды мне грудь истерзали,
Спину согнули в горб...
Плачу — в пустыне никто не услышит,
Никто не уйдет мою скорбь.

Старухи дома нет. Ребятишки убежали на улицу. Где-то звонко чирикают воробьи. Унсин, склоняясь над ичигом, слушает безрадостную песню, со скрипом пропускает меж пальцев липкую, навощенную

дратву. Когда она училась шить, этот сухой звук раздражал ее. Но сейчас она уже не замечает ни скрипа, ни неприятной липкости дратвы.

Закончив заданный урок, Унсин выпрямилась, встала с табуретки, взглянула на крыши соседских хибарок. С наступлением весны там часто показывались соседские девушки. Украсив листьями тала косички на лбу, они переходили с крыши на крышу, часто усаживались на мазанке Шакира-ата, болтали и перебрасывались шутками с «девушкой-сапожником». На этот раз на крышах никого не было. Унсин долго бродила по двору, терзаясь одиночеством.

Возвратилась старуха. Заметив, что сегодня Унсин печальнее, чем всегда, тетушка Кумри посоветовала ей пройтись, рассеяться. Девушка накинула паранджу, но пошла не к соседям — к Гульнар, поделиться горем.

Миновав длинный крытый проход в правой, мужской, половине двора Мирзы-Каримбая, Унсин заглянула через калитку в ичкари. Через открытые настезь окна комнаты напротив доносились смех и громкие возгласы: там за веселой беседой сидели жены Хакима и Салима-байбачи с какими-то разодетыми молодыми женщинами. На террасе и в комнате Гульнар было тихо. Присмотревшись, Унсин увидела через окно Гульнар и быстро прошла через двор.

Молодая женщина встретила Унсин на терраске. Без слов, с глазами, сиявшими искренней радостью, она долго обнимала девушку. А в комнате ласково пожурила Унсин:

— Знаете, как я здесь одинока. Близо живете, а не навещаетесь. Сама сходила бы к вам, да не могу. Порог переступить не имею права...

Не желая обидеть Гульнар, девушка не стала говорить, что не любит этот дом, а сослалась на занятость: старуха уходила на несколько дней и не на кого было оставить ребят.

Молодая женщина расстелила у окна одеяла, усадила девушку рядом с собой. Унсин заметила, что она выглядела еще печальнее, чем прежде, и решила было не упоминать о судьбе брата. Но Гульнар, как всегда, первая заговорила о Юлчи.

Неожиданно на терраске послышались чьи-то шаги, в сенях показалась жена Салима-байбачи — Шарафат. Не заходя в комнату, она притворно-ласковым тоном, жеманно растягивая слова, позвала:

— Гульнар-ай, идемте же, гости обидятся. Они ведь только ради вас пришли. Это жены почтенных, уважаемых людей, а вы будто пренебрегаете...

Гульнар поднялась и, сделав несколько шагов к Шарафат, мягко ответила:

— Я уже виделась с ними. Вам и без меня там весело. А у меня, видите, тоже гостья.

— Все это только отговорки. Подумаешь — важная гостья! Ха-ха-ха... Вы все-таки зайдите, Гульнар. А Унсин пусть пока займется чем-нибудь, поработает немного.

Шарафат помолчала. Потом, насмешливо посматривая то на Гульнар, то на Унсин, спросила:

— Унсин, есть ли известия о твоём буйне-брате? Беспутный... Как он смел задевать русских чиновников! Бедняк, немущий, волочил бы себе свои рваные чарики и сидел смирно. А теперь сгниет в тюрьме. Так ему и надо!..

Унсин сидела, понурившись.

Гульнар вернулась к окну, опустилась рядом с ней.

— Не горюйте, Унсин. Когда брат ваш освободится, вы придёте и пристыдите потом тетю Шарафат...

Слова молодой женщины придали девушке смелости. Она подняла голову и открыто посмотрела в глаза Шарафат:

— Тетя, брат мой сидит не за то, что взял чужое или ограбил кого. Он хоть и бедняк, а унижаться не умеет. Его посадили за правду, за смелость...

— Тоже герой! — скривила губы Шарафат. — А ты хоть и киш-лачная, а порядочная хвастунья...

Надменно вскинув голову, Шарафат вышла.

Гульнар с облегчением вздохнула.

— Видали? — она взглянула на Унсин, словно хотела сказать: «Как тяжело мне жить в этом доме, среди этих людей!»

— Да, трудно, — разгадав её мысли, подтвердила Унсин.

Гульнар расстелила скатерть с угощениями, потом вышла во двор, принесла чайник чаю. Ей не хотелось ни есть, ни пить, но ради гостей она отведала то того, то другого, настойчиво угощая девушку. Унсин, однако, выпила только пиалу чая и свернула скатерть.

Взглянув через окно во двор, Гульнар подседа ближе к Унсин.

— Унсин-ай, — заговорила она тихо, — я давно думала посоветоваться с вами об одном деле...

Унсин внимательно взглянула на Гульнар. Молодая женщина продолжала:

— В наше время кто богат, того только и слушают. Знаете, если бы в то дело вмешался кто-нибудь из баев, вашего брата можно было бы легко освободить. Что, если вам повидаться с Хакимом-ака и попросить его? Расскажите ему, что Юлчи арестован из-за пустяка, что вы остались одна на чужой стороне... Может, он и сжалится над вами... Попросит русских чиновников... Я думала-думала и, кроме этого, ничего не могла придумать. Как бы там ни было, они все-таки родня вам. Хаким-байбача, видать, не такой, как его отец и младший брат. Может, и смилуется. Только... — взволнованная, Гульнар перевела дыхание, — я боюсь, не будет ли в обиде на нас Юлчи-ака, когда узнает. Он их всех не любит. Но другого выхода нет. А нам — лишь бы его освободить!.. Хаким-байбача сейчас в отъезде. Вот он приедет...

Склонив голову на руку, Унсин долго молчала. Наконец решилась:

— Ладно, Гульнар-апа, — сказала она тихо. — Пусть брат потом обижается на меня. Я скажу ему, что сама все придумала...

— Только выйдет ли что из этого? Они, кажется, сами и натравили на брата полицейских... Шакир-ата говорил...

— Натравили?! — удивилась Гульнар. — Не знаю. Может быть,

Салим-байбача? Ваш брат побил его... Слыхали, что говорит его жена?

Унсин не стала противоречить, лишь выразила сомнение, скоро ли вернется старший сын Мирзы-Каримбая.

— Хакима-байбачу я ни разу не видела. Что он за человек — не знаю. Но когда он придет? А что, если я попрошу дядю? Он всегда ласков со мною, называет не иначе как «моя племянница». Может, только на словах. Попробую попросить его. Что вы на это скажете, Гульнар-апа?

По лицу Гульнар пробежала тень. Да, ждать Хакима долго. Но и не хотелось, чтобы Унсин обращалась к старику. Ведь именно он был главным виновником всех несчастий. Он нанес Юлчи тяжкую обиду, разлучил их. И вдруг сестра Юлчи пойдет теперь к нему с такой просьбой!

Молодая женщина ничего не ответила. Она ласково погладила девушку по голове, затем встала и тихонько вышла во двор.

Унсин подумала, что своим предложением обидела Гульнар, и теперь раскаивалась. «Хорошо, — решила она, — придет Хаким-байбача, я попрошу его. Пусть будет так, как сказала Гульнар-апа».

Комната была сплошь устлана коврами; в больших нишах, возвышаясь чуть не до потолка, сложены атласные и шелковые одеяла, в нишах поменьше — кованные, разукрашенные цветной жестью сундуки; на полках дорогая посуда. В другое время и в другом месте вещи эти, возможно, и привлекли бы внимание Унсин. Здесь же они давили и угнетали ее.

Девушка уже собиралась уходить, но в прихожей показалась хозяйка. Молодая девушка вошла в комнату, не присаживаясь, горячо заговорила:

— Вы правы, Унсин, другого пути нет. Просите старика. Он всех в городе знает и все может сделать. Я была против, да... ладно, просите... Я уверена, брат ваш не согласился бы на это, но что поделаешь? Когда освободится, он отомстит им за все обиды. Если мне удастся повидать его, я сама скажу, что надо делать... Сегодня же и просите, Унсин. Здесь же, при мне. Старик не знает ни милости, ни жалости, а все же... Ладно, попытаемся!

...Мирза-Каримбай пришел незадолго до часа вечерней молитвы. Унсин поднялась и, почтительно сложив на груди руки, стала в сторонке. Бай снял чалму, халат, передал их жене. Потом надел на голову тюбетейку, уселся на одеяло и только после этого взглянул на Унсин:

— Ты здесь, племянница? Садись, садись...

Старик помолчал. Потом посмотрел на часы, окликнул Гульнар:

— Эй, поторопись с обедом!

Гульнар подошла к полке за посудой, глазами сделала знак девушке: «Начинайте, говорите!»

Унсин не сразу нашла нужные слова. Наконец дрожащим голосом проговорила:

— Дядя, я нарочно вас дожидалась...

— Меня? — старик поднял голову, с недоумением взглянул на

девушку. — Ты все еще там, у этого... сапожника? Брат твой сумасбродным, неразумным оказался.

— Плохой ли он, хороший ли он — он родной вам. И работал у вас сколько лет... Я одна осталась, дядя, пришла просить вас: помогите освободить брата. Вас все уважают. Русские начальники послушают вас. Не откажитесь замолвить два-три слова. Этим вы душу матери порадуете, дядюшка!

Девушка едва выговорила последние слова, ее душили рыдания.

Бай минуту сидел молча.

— Брат твой глупый, сумасбродный джигит, — проворчал он. — Разве можно шутить с нашими начальниками и чиновниками! Они добра нам желают, требуют только порядка и уважения к себе. Потому — они правители, а мы подданные. Я сам перед каждым чиновником скрещиваю на груди руки. Слышишь, я — сам! А брат твой кто — голодранец...

— Юлчи-ака, видно, по молодости поступил так. Он не терпит обид. Нрав такой у него. В память матери, ради меня помогите, дядя!

Старик усмехнулся:

— Есть, племянница, старая поговорка: «Коршун хоть и хищник, но ему не сравняться с соколом». Что такое твой брат? Что он может значить здесь? В кишлаке среди своих сверстников — он храбрый, и всякие безобразия его могли оставаться безнаказанными. А здесь — большой город. Это Ташкент!.. Да тебе, племянница, и незачем добиваться освобождения этого беспутного. Так он и не исправится. Вот посидит в тюрьме, проучат его там, он посмирнеет, как ишак муллы, образумится и когда-нибудь освободится и придет. Так что пусть посидит, племянница Унсин.

Девушка молча плакала. Гульнар, стоявшая в коридоре, не выдержала, вошла в комнату, присела на корточки около Унсин.

— Неужели вас не трогают слезы бедной сироты? — смело заговорила она. — Кто у нее есть, кроме вас? Сердце у вас тверже камня... Вы хотя бы ласково поговорили, утешили девушку...

Мирза-Каримбай побледнел. Занкаясь от злости, заорал:

— Т-ты ч-чего вмешиваешься? Д-дура!.. Кого я жалеть должен?! У него есть друзья — какой-то мошенник-кузнец. Пустомеля Шакир! Пусть они его и выручают...

Гульнар вскочила, почти крикнула:

— Вы бесчувственный человек! — и выбежала в коридор.

Вслед за ней поспешила и Унсин. На пороге она обернулась, дрожа от волнения, сказала:

— Сколько лет заставляли брата работать — ничего не заплатили ему. А теперь в тюрьме сгноить хотите! Когда-нибудь и вас бог накажет!..

За дверь девушка обняла Гульнар и горячо прошептала:

— Не горюйте, сестрица. Пройдут черные дни, увидим и мы солнышко. Я вас не забуду...

Она нагнула паранджу. Чтоб во дворе никто не заметил ее слез, тут же опустила чачван и бегом пустилась к калитке.

Прошел месяц. Все это время Гульнар чувствовала себя еще более одинокой. Она сердилась на свою простоту и доверчивость, упрекала себя: «Мне ли было не знать о жестокости бая и его сыновей! Как я могла надеяться, что эти люди помогут освободить Юлчи, если они сами же засадили его и желают, чтобы он сгнил в тюрьме?! Бедная Унсин!..»

Гульнар очень хотелось повидать девушку. Но Унсин больше не показывалась. Молодая женщина понимала: у сестры Юлчи не было причины сердиться на нее, и все-таки болела душой и тосковала.

В течение всего месяца Гульнар часто чувствовала недомогание. Это послужило для нее хорошим предлогом: вместо лекарей она вызвала к себе жену Шакира-ата. Оставшись наедине со старухой, молодая женщина расспросила ее об Унсин. Таким путем она узнала, что девушка из-за постоянных нехваток вынуждена была помогать Шакиру-ата в шитье ичигов. Сердце Гульнар заняло: сестра Юлчи никогда ни одним словом не обмолвилась о своей нужде, она была горда, как и ее брат.

Когда тетушка Кумри собралась уходить, Гульнар завернула в платок отрез атласа на три платья и сунула ей под паранджу:

— Продайте на расход, бабушка. Только Унсин ничего не говорите, чтоб не обиделась.

Через неделю она снова вызвала старуху и передала ей для продажи часть своих нарядов.

Дни становились все жарче. Во дворе, со всех четырех сторон окруженным постройками, было душно. Семьи Салима и Хакима-байбачи уже переехали в поместье. Сегодня Ярмат пригнал в город арбу, чтобы перевезти дочь.

Мирза-Каримбай, уходя утром в магазин, предупредил, чтоб его не ждали,— вечером на извозчике он приедет прямо за город. В большом доме, кроме Гульнар, никого не осталось.

Готовясь к переезду, молодая женщина отложила все, что надо было взять за город; собрала лишние вещи, посуду, заперла в сундуки. Работа эта казалась ей бессмысленной, ненужной. Утомившись, она вышла из комнаты и одиноко бродила по двору ичкари.

Занятая своими печальными размышлениями, Гульнар не заметила, как вышла в мужскую половину. Ровный четырехугольник двора, расчерченный дорожками, выложенными из жженого кирпича, томился в дреме под жарким солнцем. Где-то в дупле жалобно пищали воробышата, на крыше сиротливо ворковал голубь. Высокие двери обеих михманхан заперты, окна закрыты тяжелыми ставнями.

Взгляд Гульнар упал на прижавшуюся в дальнем углу двора людскую. Тонкая тесовая дверь и сломанная рама небольшого оконца невзрачной лачуги были распахнуты. Гульнар вошла вовнутрь. На нее пахнуло сыростью. Стены, потолок, даже паутина в углах покрыты копотью. В помещении пусто. Только на деревянном колышке, вбитом в стену, висела старая, запыленная тюбетейка.

Гульнар сняла тюбетейку, выбила пыль, поднесла к окну. Тюбе-

тейка Юлчи! Она несказанно обрадовалась, словно нашла самую редкостную вещь на свете. Приложила тюбетейку к глазам, затем крепко прижала к губам. Сердце молодой женщины сладко заняло. Комнатка, казалось, ожила и посветлела, а в памяти, как наяву, возникло недавнее прошлое. Однажды зимним вечером... С каким страхом она тогда вошла в эту каморку! В темноте они провели всего несколько минут... Перед Гульнар как живой встал Юлчи. На мгновение ей почудилось, что она слышит могучее дыхание джигита, ощущает на губах огонь его поцелуя.

Гульнар прислонилась к стене у окошка и стояла так целый час, отдавшись воспоминаниям. Во дворе — тишина. Только время от времени слышался все тот же жалобный писк воробышат в гнезде да воркование голубя...

Вдруг молодая женщина вздрогнула — в животе у нее что-то шевельнулось, толкнуло в правый бок. Чувствуя, как закружилась голова, подкашиваются ноги, Гульнар схватилась за косяк окошка и закрыла глаза. В ее сознании, перебивая одна другую, заметались тревожные, горькие мысли: «Несчастный ребенок! Торопится появиться на свет, чтобы семенить за внуками и правнуками старого отца... Если бы ты был ребенком Юлчи, я давно бы уже поведала ему о тебе и радовалась бы, получив от любимого суюнчи. В тот день, когда ты впервые увидел бы свет, когда впервые прозвенел бы твой детский голосок, мы собрали бы в нашей хижине простых кишлачных женщин и устроили бы маленький праздник. А теперь... Вот я, твоя мать, забыла о тебе. И ты сам напомнил о своем существовании, дитя старого Мирзы-Каримбая. Дитя, которое будет младше его правнука!..»

Со стороны ичкари послышался голос Ярмата. Спрятав подмышку тюбетейку, Гульнар, спотыкаясь и утирая слезы, побежала на зов.

— Где ты пропадаешь? В доме столько добра, а двери все нараспашку. Какая ты беззаботная, дочь моя! — недовольный, упрекнул Ярмат.

Гульнар промолчала. Она вошла в комнату, открыла один из сундуков и спрятала тюбетейку на самое дно.

Кряхтя и обливаясь потом, Ярмат принялся грузить вещи на арбу. Он заставил дочь выносить из дома разную мелочь, помогать ему завалить на спину тяжелые тюки.

Когда все было погружено, Гульнар попросила отца позвать Унсин. Ярмат, сплюнув нас, проворчал:

— Какую Унсин?

— Не знаете разве...

— А, эту, сироту...

Ярмат неохотно направился к воротам.

Через некоторое время во двор ичкари вбежала Унсин.

— А я и не знала, что вы переезжаете, — запыхавшись, проговорила она, обнимая Гульнар. — Я бы помогла вам уложиться.

Гульнар повела девушку в комнату. Всюду — огромные, обитые жестью сундуки, ящики, стопы ковров, одеял, вороха подушек, разная посуда.

— Неужели все это повезете? — удивилась Унсин.

Гульнар улыбнулась.

— Разве столько добра поместишь на одну арбу? Отец говорит, в доме наберется самое малое полтора арба. Вчера отвезли пять арб да сегодня вот нагрузили одну.— Молодая женщина вздохнула.— Но все это лишнее, ненужное, Унсин. Для меня дороже всего этого добра одна старая тибетейка...

Унсин не поняла последних слов, мельком взглянула на Гульнар, но спросить почему-то постеснялась. Гульнар же промолчала о находке, чтобы не берeditь рану девушки.

Они присели рядышком на один из сундуков и, как бывало прежде, тихонько разговаривали. Гульнар просила сообщить ей, если будут какие вести от Юлчи или вдруг сам он выйдет на свободу. Она обещала под разными предлогами присылать в город мать, через нее и можно будет передавать новости.

Ярмат уже несколько раз звал дочь. Они обнялись. Гульнар вынула из кармана серебряное колечко с простым красным камешком, сказала, еле сдерживая слезы:

— Это мне купила мать, когда я была еще девушкой. До замужества я его постоянно носила. Возьмите... Если брат освободится, передайте ему. Пусть бережет мой подарок...

Гульнар передала кольцо девушке, еще раз обняла ее. Они накинули паранджи, спустили чачваны и вышли на улицу.

Ярмат запер на замок все двери, усадил дочь на арбу, тронул лошадь. Унсин некоторое время шла вслед, затем на углу остановилась и долго провожала их взглядом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

I

Жаркий, безветренный день. Пестрят на солнце цветы у беседки, отливает глянец листва деревьев в саду.

Распорядившись полить двор водой, Салим-байбача расположился на супе у хауза, в тени карагача. Под ним сложенное вчетверо шелковое одеяло, голова покоится на большой пуховой подушке в белоснежной наволочке.

День был праздничный — пятница. Хаким-байбача и Мирза-Каримбай разъехались по знакомым в гости.

Приятели Салима тоже должны были собраться у одного известного молодого купца. Компания подобралась веселая, пирушка предстояла шумная, поэтому Салим еще с утра велел заседлать для себя каракового иноходца. Но на иноходце уехал старший брат, а в коляске — сам Мирза-Каримбай. Оставался резвый, но неказистый на вид конь, и Салим-байбача был в нерешительности: то приказывал оседлать, то, негодуя, снова отменял свое распоряжение — прилично ли ему показываться на таком коне среди гордых купеческих сынков...

Из калитки внутреннего двора выглянула Шарафат. Удивляясь, что муж все еще дома, она подошла к супе:

— Вы же раньше всех собирались! А вот уже и жарко стало!..

— Принеси чаю,— оборвал жену Салим, не поднимая головы.

Шарафат принесла чайник чаю, налила в пиалу, поставила перед мужем и присела на край супы. Обмахиваясь белым шелковым платком, довольная, что муж не прогоняет ее, принялась болтать: жаловалась, что в доме много хлопот, что Гульнар до крайности возгордилась, никого не признает, часто сказывается больной.

— А что с ней? Она похудела — наша молодая мать,— насмешливо сказал Салим-байбача.

— Все это не больше как баловство и притворство! Ломается перед отцом. Только вчера была рабыней, а сегодня матерью всей семьи стала. Вот и доказывает нам: «Стерпите — терпите, а нет — широкая вам улица!» Это не вслух, а про себя, на сердце.— Шарафат перевела дух, оглянулась кругом и продолжала, понизив голос: — Правда, некоторые женщины, когда понесут, слабеют, голова у них кружится... Только какая же это болезнь! А Гульнар не успела забеременеть — каприз за капризом...

— Что ты говоришь? — встрепенувшись, поднял голову Салим-байбача.

Шарафат усмехнулась, чиркнула пальцами по животу, будто на домбре сыграла.

Салим устался на жену:

— Правда?

— А зачем мне врать? Я давно заметила. Да сейчас она и сама не скрывает. Как скроешь, когда живот вспух!

Салим побледнел, сердито отодвинул пиалу, откинулся на подушку. Шарафат встала.

— Подождите,— усмехнулась она.— Это только первая ласточка. Скоро эта змея окружит нас целым выводком братцев и сестренок...

Довольная, что угодила своим разговором мужу, Шарафат, уверенно ступая толстыми ногами, направилась в ичкарни.

Салима-байбачу всего корежило, как после укуса змеи. То, что с первых дней женитьбы отца угнетало его только как предчувствие надвигавшейся опасности, теперь стало неотвратимой реальностью.

Уставившись неподвижным взглядом на ясное голубоватое зеркало хауза, Салим-байбача думал: «Кто такая Гульнар? А я поссорился из-за нее с отцом. Мучился страхом, когда выкрадывал. Потом, чтобы все прикрыть, задаривал. Зятю одному дал пять тысяч! Да элликбаши — две. Эти шакалы, конечно, и дальше не оставят меня в покое. Недавно зять снова намекнул, что нуждается в порядочной сумме. И я должен молчать, терпеть... Эта Гульнар стала подпилком, который рано или поздно подточит мою жизнь. Гордится, что стала во главе семьи Мирзы-Каримбая, ни с кем не разговаривает. А родит — начнет прибирать к рукам богатство... Это не женщина, а шайтан! Первую каплю ее хитрости и коварства мы уже попробовали. Остальное придется испытать, когда родится ее первенец! Молодая красивая

жена так закружит голову отцу, что мы, как мыши, удирающие от кота, будем метаться, не находя норы, где бы спрятаться.

Тяжело громыхнув, раскрылись большие ворота. Во двор, ведя в поводу коня, запряженного в новенькую рессорную тачанку, вошел Фазлиддин. С тачанки, подобрав полы бархатной паранджи, осторожно сошла Нури.

Салим-байбача поспешил навстречу гостям. Справился о здоровье сестры, пожал руку зятю. Нури тонким шелковым платочком отерла пот с располневшего румяного лица, отряхнула от пыли паранджу. Потом обнимая и целуя выбежавших ребят, скрылась в ичкари. Фазлиддин распряг лошадь, привязал ее к дереву, затем снял шелковый халат, встряхнул его и, следуя за Салимом, прошел на супу.

Они разговорились. Фазлиддин сказал, что Нури останется здесь, погостит несколько дней. А сам он завернул по пути — едет посмотреть сад, который они с братом намерены купить.

Салим-байбача удивился:

— Какой это глупец надумал продавать усадьбу, когда уже начали поспевать фрукты и засеяны поля?!

— Нужда, — пояснил Фазлиддин. — Один бедняк из нашего квартала был должен нам что-то около трехсот рублей. Несколько лет не платил. Мы тоже не очень настаивали. Этой весной он умер. За хозяина остался паренек один — совсем еще мальчишка, а остальные и совсем мелюзга. Вчера брат Абдулла поймал его, прижал покрепче. Когда подсчитали, то оказалось, что долгу с процентами набежало ровно восемьсот рублей...

— Темный народ! — вставил Салим. — Дождался, когда за рубль три пришлось платить! Не знают, что деньги родят и родят молча, без стонов, без детского крика. Эх, беспечные люди!..

— Народ наш действительно беззаботный, — рассудительно заметил Фазлиддин, с аппетитом поедая виноград. — Многие запутываются в долгах. Ходит себе — тубетейка набекрень и сам не заметит, как по горло увязнет. Накинешь ему на шею петлю, потянешь, а он и ткнулся носом в землю. Нитка, зацепившая за ногу, обернется арканом, а тоненькая проволочка — толстой цепью, и считай — пришла гибель... Мальчишка тот растерялся. Восемьсот рублей долга для нас с вами не деньги. А для человека, у которого и медного гроша нет в кармане, они так же страшны, как для грешника волосяной мост в аду. «Поезжайте, — говорит этот паренек, — посмотрите. Если подойдет, возьмите мой сад». Нам не очень нужен этот клочок земли. И брат не торопился с истребованием долга. У них ведь и в городе есть усадьба с домом, и на хорошем месте. Да мешает одна закавыка: этого джигита могут скоро забрать на тыловые работы. А оттуда когда он вернется, да и вернется ли, кто его знает?.. По этой причине и пришлось поторопиться.

— Если сад хороший, конечно, лучше взять, — посоветовал Салим-байбача. — Да, царский указ принес немало хлопот.

— В народе суматоха пошла. Куда ни пойдешь, везде только и разговору, что о мобилизации на тыловые работы. Среди дехкан и ремесленников беспокойно. Оно и понятно — пойдут ведь их сыновья...

В указе говорится о тыловых работах, а по-моему, Салим-ака, это только для отвода глаз. Заберут джигитов и прямо под пули погонят. Вот посмотрите потом.

— Не знаю, твердо не могу сказать, что именно будет,— немного подумав, заговорил Салим-байбача.— Но подчиняться указу надо. Заставят ли наших людей рыть окопы или дадут винтовки и погонят их в сечу — это во власти белого царя. Мусульмане Туркестана уже столько лет спокойно живут под его защитой, и теперь будет неблагодарностью уклоняться от долга. Если в такое тяжелое время мусульмане проявят преданность и протянут правительству руку помощи, то последствия для нас могут быть самые благоприятные. Когда враг будет побежден, баи Туркестана предстанут перед властью с чистым сердцем и ясным лицом. И вполне возможно, царь расширит наши права. Но прежде надо оказать властям помощь. Это наша первейшая обязанность.

— Вы, оказывается, сторонник выполнения указа, Салим-ака. А по-моему,— нерешительно заявил Фазлиддин,— все же следовало бы малость выждать, прежде обдумать хорошенько, обсудить...

Салим возразил:

— Дело ясное, сколько ни думай. К тому же это не только мое мнение. Третьего дня на этом самом месте был совет. Собрались до двадцати человек — все уважаемые люди: почтенные друзья брата Хакима, затем улемы, джадиды. Совещались до полуночи. Обсудили со всех сторон. Под конец все сошлись на тех мыслях, какие я сейчас высказал. Теперь остается только дружно призвать народ к беспрекословному выполнению указа.

— Брат Абдулла такого же мнения,— сказал Фазлиддин.— А для меня все равно, Салим-ака. Я с теми, кто возьмет верх. Лишь бы не задевали веру ислама да не препятствовали торговле — и довольно. А больше — что нам еще надо? Торговля ведет народ к благоденствию, вера же ислама наставляет людей на истинный путь...

Солнце скрылось за дальними тополями. Небосвод вспыхнул золотым пламенем. Тополя пылали в самом центре зарева. Но воздух оставался неподвижным. Было душно.

Фазлиддин-байбача, увлекшись разговором, съел много жирных пирожков с мясом, поэтому пельменей ел мало, но зато выпил несколько пиал густо заваренного чая. Утолив жажду, он пошел запрягать лошадь. Салим-байбача изъявил желание проехаться вместе с зятем.

По переулку они ехали медленно, чтобы не поднимать пыли. Перед самым выездом на большую дорогу навстречу им попался сосед Салима — небогатый дехканин Абдухалык-ака. Старик сошел на обочину дороги и поднял руку, прося байбачей остановиться.

— Ну, что скажете? — крикнул Салим, когда коляска остановилась.

Абдухалык подбежал, вытирая с лица пыль и пот.

— Я только что из города, байбача,— перевозмогая одышку, взволнованно заговорил он.— Моего сына Абдусамата ни за что ни про что в солдаты записали.

— Кто записал? — спросил Салим, избегая встречаться взглядом со стариком.

— Старшие нашего квартала... Прямо ошеломили меня. У меня один-единственный сын, как зрачок в глазу! — Абдухалык с мольбой смотрел то на Салима, то на Фазлиддина. — Как я буду жить без него? Вы люди знающие, умеете отличать черное от белого, научите меня, что мне делать? Салимджан, свет мой, вся надежда на вас...

— Отец, — холодно заговорил Салим, — пир этот для всех, ваш Абдусамат не один идет. Поработает он несколько месяцев и вернется. Дальние края посмотрит. А ваше дело молиться за него и ждать. Что я могу сделать? Все мы подданные белого царя, и надо беспрекословно выполнять его волю.

— Пир для всех, говорите? — усмехнулся старик. — Бэ!.. В нашем квартале есть люди — по три, по пять сыновей имеют. И джигиты все здоровенные, как львы. А их никто не тревожит. Нет, тут что-то не так. Несправедливость обижает меня. Таращат глаза на тех, кто за себя постоять не может. Если бы смотрели, не разбирая, бая ли это сын или бедняка, муллы ли, ишана или другого кого, думаю, что не забрали бы моего Абдусамата. Он же и ростом-то с воробья...

В разговор вмешался Фазлиддин. Наклонившись к старику, он мягко сказал:

— Отец, у вас седые волосы. А старые люди говорят: что знает седобородый, не знает и пери. Надо же понимать — на руке пять пальцев, и все они не одинаковы. Так же и с людьми. Какое вам дело до других? Думайте о себе. Если все станут цепляться за полы сыновей, кто тогда на тыловые работы пойдет.

Абдухалык растерялся. Он хотел что-то возразить, но Салим-байбача, незаметно толкнув зятя, шепнул:

— Погоняйте!

Тачанка тронулась и с веселым перестуком колес покатила, оставляя позади себя облако пыли.

Они разыскали сад, остановились у калитки, сплетенной из таловых прутьев. Навстречу им вышел застенчивый юноша, оказавшийся хозяином сада. Он провел прибывших на участок, присел на пенек и невесело опустил голову.

Салим и Фазлиддин медленно пошли по саду, будто прогуливались в городском парке. Солнце зашло, но было еще светло. Участок понемногу заливало вечернее безмолвие. Тихо покачивались верхушки деревьев.

В саду было восемь длинных рядов виноградника. Дуги подпорок были прочные, лозы аккуратно подвязаны, гряды прополоты. Урожай зрел обильный. Виноградных кистей было больше, чем листьев. Салим-байбача прошел от начала до конца два ряда, Фазлиддин же похозяйски обошел весь виноградник, даже запомнил, сколько в нем сортов винограда. Потом они осмотрели огород: грядки кукурузы, моркови, лука. По краям, вокруг всего участка, росли фруктовые деревья: яблони, персики, груши, алыча, джида — всего по счету Салима-байбачи шестьдесят три, а по счету Фазлиддина — семьдесят корней. Весь участок был окружен, правда, низким и старым, но еще вполне прочным

дувалом. Площадь участка Салим-байбача определил в три с половиной танапа, а Фазлиддин — в три. Салим уверял зятя:

— Сад стоит десять танапов. Все здесь готово. Хозяин приготовил плов, вам только кушать осталось, Фазлиддин!

Обменявшись мнениями, Фазлиддин и Салим подошли к юноше. Около него, удивленно и тревожно поглядывая на незваных гостей, стояли очень схожие с ним два мальчика лет десяти и лет двенадцати — видимо, младшие братья. Юноша сделал им знак уйти.

— Сад неплохой, но и не из таких, чтобы можно было позавидовать, не так ли, Салим-ака? — Фазлиддин мельком взглянул на Салима и продолжал, уже обращаясь к хозяину: — Но что поделаешь! Надо как-то помочь вам разделаться с долгом. По нынешнему времени найти денег труднее, чем повстречаться со смертью. Если бы мы потребовали наличными, это было бы непосильно для вас. Придется взять сад. Завтра приезжайте в город, там переговорите с моим братом и покончите с делом. Хорошо?

— Ты разумный джигит, стараешься покрыть долг отца, — похвалил юношу Салим. — Это хорошо с твоей стороны. И душа отца будет спокойна, и сам ты среди товарищей будешь ходить петухом. Долг пригибает голову человека к земле.

Юноша медленно встал с пенька. Не поднимая глаз, дрогнувшим голосом сказал:

— Мы жили этим садом. Приезжали сюда, как только сходил снег, и трудились до глубокой осени всей семьей как муравьи. Много труда вложили. — Юноша вздохнул и еще ниже опустил голову. — Что только будет с матерью?.. Она еще не знает...

— Сад твой мы не насильно берем, братец! — с укором, переходя на «ты», сказал Фазлиддин. — Отсчитай восемьсот рублей, и делу конец. Сад у тебя останется, и мать не будет огорчена...

Юноша минуту-две стоял молча, ковыряя носком сапога землю. Наконец поднял голову.

— Урожай этого года должен остаться нам. Мы его своим трудом вырастили. Земля пусть будет ваша, только нас до осени отсюда не трогайте. На этом условии — ладно, я согласен. Лишь бы избавиться от угроз вашего брата Абдуллы...

— Я же сказал, — резко оборвал юношу Фазлиддин, — завтра приедешь в город, и там обо всем условимся. Урожай, говоришь... Раз земля отходит нам, значит, и урожай наш. Все, что здесь выросло, выросло из земли. Впрочем, поговоришь с братом...

В разговор вмешался Салим.

— Нет, Фазлиддин, — заявил он с видом знающего человека. — Урожай с огорода должен остаться этому юноше. Кукуруза, морковь, еще что там есть? Да, да. Все принадлежит ему. А что касается фруктов — они должны быть все ваши, Фазлиддин. Ну, в крайнем случае, если окажете снисхождение, фрукты можно поделить пополам...

— Да, мы еще не видели двора, — вспомнил Фазлиддин.

Юноша пояснил:

— Во дворе — дом, терраса и маленькая хибарка. Все старое, но еще крепкое...

— Хорошо. Не буду смотреть, верю тебе на слово.

Юноша не пошел провожать за калитку. В сумерках наступающего вечера он скрылся среди деревьев. Может быть, ему хотелось скорее остаться одному, чтобы без свидетелей смягчить слезами обиду и горечь предстоящей утраты.

Фазлиддин сел в коляску, попрощался с шурином и отправился в город. Салим тропинкой пошел напрямик к своему поместью.

II

По земле разлилась прохлада. Между кроной карагача и вершинами двух яблонь, склонившихся над хаузом, ярко сияли звезды. Тишину ясного летнего вечера подчеркивал негромкий стрекот сверчков.

Салим-байбача расположился на супе, придвинув лампу, просматривал мусульманскую газету, оставленную кем-то из участников недавнего совещания по поводу царского указа.

Легкие ночные бабочки носились вокруг лампы, ударялись о горячее стекло, трепетали нежными крылышками, теряя пыльцу, падали на ковер и застывали неподвижно.

Со стороны калитки ичкари послышался скрип капишей. Байбача обернулся — из темноты показалась Нури.

Салим подобрал ноги:

— Садись, Нури-ай.

— Что вы здесь прячетесь? Хотя бы ради моего приезда в ичкари посидели. Жметесь тут один, втихомолку...

Нури присела около брата.

— Ты ведь не одна,— усмехнулся Салим.— Там мать твоя Гульнар...

Достаточно было одного упоминания о Гульнар, чтобы Нури, как всегда, загорелась гневом.

— И-ых! — выдохнула она со злостью и отвернулась.

Помолчав минуту, Нури принялась за обычные свои жалобы. То повышая в гневе голос, то по знаку Салима понижая его до шепота и со злостью хлопая себя по коленям, она говорила:

— Всею виной вы и Хаким-ака! Если бы вы тогда покрепче уперлись, отец не женился бы на Гульнар. Бесхарактерные вы оба! Даже имущество не сумели взять в свои руки. Вот и радуйтесь: теперь над вами рабыня верховодит... Чудно! Большой прикидывается. Все это ложь! Все это притворство и зазнайство — не больше... Ух! Я еще не видела такой ловкачки!.. А она довольна, радуется. Да и чего ей горевать? Сразу же родить собралась, собака! Слыхали? Теперь всю отцовскую казну приберет к рукам...

— Вся вина на отце,— глухо возразил Салим-байбача.

— Об отце и не говорите. Можно б было — и не глядела бы на него! Только из-за вас приезжаю сюда.

Салим зло рассмеялся:

— Сорок иголок, которыми ты колдовала, не помогли, видно!

— Чего только я не перепробовала! От Гульнар, похоже, все несчастья бегут.

Из темноты загудел и камнем ударился о лампу жук. Отпрянув, он упал на грудь Нури, крупным яхонтом заблестел на белом шелке платья. Нури испуганно вздрогнула, резким движением руки сорвала жука, швырнула его в темноту.

— Ух, боюсь я всех этих жуков-козявок!..

Салим зевнул и опустил на подушку. В голове байбачи промелькнула мысль: «А неплохо было бы еще больше разжечь Нури против махечи».

Нури наклонилась к брату, таинственно прошептала:

— Салим-ака, прочтите вот это...

— Что прочитать? — Салим приоткрыл глаза.

Нури развернула узелок на конце платка, протянула брату сложенный листок бумаги.

— Нашла у Гульнар в сундуке. Что за письмо, думаю...

«Не бросила еще старой привычки шарить везде,— ухмыляясь, подумал Салим.— Раньше по сундукам сдох лазила, теперь к махече заглядывает».

Однако при первом же взгляде на письмо лицо байбачи стало серьезным.

— Читайте вслух.

Нури еще ближе наклонилась к брату. Но Салим-байбача промолчал и продолжал читать про себя. Вот что было в письме:

«Зрачок глаза моего, бедный друг мой Юлчибай!

Судьба моя, видно, чернее темной ночи. Ах, лучше бы мне не родиться, лучше бы не видеть вас. В тот день, когда я ждала вас в каморке Шакасыма-ака и надеялась скоро улететь с вами в кишлак, будто несчастье, нагрянул отец мой с эликбаша. Они силой утащили меня домой. Бессильно перо описать, бессилена рассказать язык все то, что мне пришлось перенести. Вот уже месяц и десять дней, как я горю в огне разлуки. Нет у меня крыльев, чтоб улететь из байской темницы к вам, нет здесь ни одной доброй души, чтоб помочь мне. Вы были единственным моим другом, моим солнцем, но злая судьба нас разлучила. Недавно я лишилась и Унсина. Когда узнала, что она уходит, мне стало еще тяжелее. Хотелось умолять, просить, чтобы она осталась, но я не могла идти против желания девушки и вашего, да и тяжело мне было видеть, как женщины этого дома мучают ее непосильной работой. Ладно, пусть Унсин-ай будет с вами. Одинока я и несчастна, но сердце мое, думы мои с вами. День и ночь только и живу воспоминаниями о вас, мой друг, мой батыр. Знаю, сердце ваше также заливают река печали. И единственное мое желание — хоть раз повидаться с вами, перемолвиться хоть парой слов. Если вы не забыли своего несчастного друга, то, прочитав это письмо, пришлите через Унсин-ай весточку, утешьте мое больное сердце. Привет вам от вашей Гульнар. Привет вам, Юлчи-ака, и от пишущей это письмо девушки с глазами, полными слез, и стонущим сердцем...»

Это письмо действительно было написано по просьбе Гульнар. Однажды к ней пришла подруга детства — Зайнаб, девушка грамотная. Гульнар посвятила подругу в тайну своей любви к Юлчи.

В сердце Зайнаб тоже была незажившая рана. Незадолго до дня

свадьбы, проболев всего несколько дней, умер ее горячо любимый жених. Отец Зайнаб уже получил за нее калым и теперь, по обычаю, должен был выдать дочь за младшего брата умершего — за худосочного, кривонного подростка.

Посоветовавшись с подругой, Гульнар решила послать Юлчи письмо. Зайнаб написала его под диктовку молодой женщины. Но пока Гульнар придумывала, как передать письмо, Юлчи был арестован.

Сегодня Нури зашла в комнату Гульнар, увидела в замочной скважине одной из шкапулок забытый ключ и решила посмотреть, не подарил ли отец Гульнар что-нибудь тайно от семьи. Здесь она и нашла злополучный листок.

Салим-байбача бережно сложил письмо:

— Как попала тебе в руки эта штука? Очень интересное письмо! Если бы ты нашла кувшин с золотом, и то я не обрадовался бы так.

— Вы сначала расскажите, что интересного в нем, кто писал, кому? — нетерпеливо спросила Нури.

— Так пишут только развратные женщины — вот тебе и весь смысл письма... — Салим-байбача крепко зажал в руке листок, серьезно продолжал: — С этим я многое сумею сделать. Эта бумажка послужит мне хорошей защитой, она и преступление обратит в доброе дело. А может, и больше... Вот увидишь!

Слова Салима еще больше разожгли любопытство Нури. Она настойчиво просила брата прочесть ей письмо, на все лады клялась, что никому ничего не скажет. Но в это время возвратился из гостей Мирза-Каримбай. Старик направился прямо к супе, и разговор пришлось прервать.

Нури встала, холодно поздоровалась с отцом. Бай опустил на супу и, облокотившись на подушку, предложенную Салимом, ласково заговорил с дочерью. Нури вынуждена была присесть, но держалась отчужденно и отвечала неохотно.

Салим-байбача, боясь выдать свою радость, поднялся, отошел в сторону и стал прогуливаться по двору.

Теперь для него все было ясно. Гульнар любит Юлчи. Он же, наверное, и освободил ее от Караахмада. В свое время Салим пытался узнать имя джигита, выручившего Гульнар, с тем чтобы избаловать девушку в безнравственности. Но тогда он вынужден был отказаться от этого намерения: побоялся, что джигит и Гульнар смогут объяснить освобождение какой-нибудь случайностью, а он будет разоблачен как участник похищения. Теперь же — о, теперь другое дело! Во-первых, Юлчи в тюрьме. Во-вторых, и это самое главное, — у него в руках обличительное письмо. Теперь за старое нечего бояться. Сейчас он может смело сказать: «Я знал давно о безнравственности Гульнар и вынужден был так поступить потому, что считал развратную девушку не парой отцу!...»

III

На следующий день, возвратившись из города, Салим-байбача расположился на террасе во внутреннем дворе. Двор загородного поместья Мирзы-Каримбая окружали три дома: в одном из них, с тер-

расой, построенном на городской манер, жил Салим; второй, такой же, занимал Хаким-байбача; в третьем, старинной постройки, с новой беседкой на крыше, помещался сам Мирза-Каримбай.

Во дворе было тихо. Нури с женой Хакима, Турсуной, вышли в сад прогуляться по холодку. Старших детей тоже не видно. Маленькие спали в люльках, подвешенных к деревьям.

Шарафат принесла мужу большую чашку жирной мясной шурпы, обильно заправленной луком. Салим-байбача справился об отце. Шарафат сказала, что старик недавно куда-то отлучился, затем спросила мужа, не нужно ли ему еще чего, и тоже ушла в сад посплетничать с Нури.

Салим ходил в дом, принес бутылку коньяка, припрятанную за посудой в нише, с аппетитом закусывая жирными кусками бараньего мяса, наполовину выпил ее, пока ужинал. В голове байбачи зашумело, ему стало жарко. Он поднялся и стал прохаживаться по двору, обмахиваясь платком и часто поглядывая в сторону дома, в котором жил отец.

Вчерашней ночью Салим долго размышлял над тем, как воспользоваться письмом Гульнар. Вначале байбача радовался, полагая, что клочок бумаги, случайно оказавшийся в его руках, поможет ему сразу избавиться от всех бед, и в первую очередь от мачехи и будущих сонаследников. Однако, пораздумав более основательно, он пришел к выводу, что письмо, правда, даст ему возможность положить конец вымогательствам зятя и эликбаша, но использовать его против Гульнар будет рискованно: отец из соображений престижа едва ли решится поднимать шум, а может и просто не поверить, и тогда для него, Салима, уже не будет иного выхода, как уйти из дома.

Днем Салим-байбача случайно проходил по рядам, где торговали аптекарскими товарами. Внимание его привлек седобородый старик, сидевший в темной лавчонке, обложенной большими и малыми мешочками и сумочками со всякими снадобьями и зельем.

Еще не зная, когда и для чего он может ему пригодиться, Салим купил у старика яд. Но, как только пакетик оказался у него в руках, мысль о преступлении возникла в сознании байбача как-то сама собой и с тех пор уже ни на минуту не давала ему покоя.

В калитке показалаась Гульсум с чашкой хорди — рисового супа, приготовленного для больной дочери. Она заглянула в комнату Гульнар. Потом поднялась в беседку. Оставила там чашку, сошла вниз; взяла подойник и отправилась к хлеву.

«Вот удобный случай!..» — решил захмелевший Салим. Он еще раз взглянул на отцовскую беседку, убедившись, что там никого нет, быстро поднялся наверх. Вынул из внутреннего кармана бумажный пакетик, дрожащими руками высыпал его содержимое в миску, торопливо размешал ложкой и помчался по лестнице вниз.

Навстречу ему шла с охапкой белья Гульнар. Она посторонилась.

— Где отец? — в замешательстве спросил Салим.

— Он в отлучке, — ответила Гульнар, не оборачиваясь.

Возвратившись к себе на террасу, Салим допил остатки коньяка.

Помутневшие глаза байбачи невольно тянулись к беседке. Он дрожал как в ознобе. Но это были не мучения совести, а боязнь разоблачения.

Салим бросился в калитку, засновал взад-вперед по двору ташкары. «А вдруг я поторопился? Может быть, надо было выждать более удобного случая?»

Байбача каждую минуту ожидал беды. Однако в ичкари по-прежнему было тихо и спокойно.

От конюшни, через двор, прошел Хаким-байбача.

Ожидание становилось невыносимым. Салим махнул рукой: «Э, будь что будет!..» — отвязал еще потного каракового иноходца и через минуту, опережая поднявшуюся в узком переулке пыль, выехал на большую дорогу.

...Гульнар поднялась в беседку, сложила белье и устало опустилась на разостланное поверх ковра одеяло. Увидев принесенный матерью суп, по ее вкусу обильно заправленный кислым молоком, она отставила чашку в сторону, так как любила хорди остывшим. Потом подошла к перилам открытой с двух сторон беседки и долго смотрела вдаль.

Солнце зашло, но пылающее море заката, меняя краски — от золотисто-оранжевой до кроваво-красной у самого горизонта, — еще колыхалось на небосклоне. Уже нельзя было разглядеть дувалов, разделявших усадьбы. Сады, виноградники и поля сливались в сплошную, уходящую в бесконечность темно-сизую пелену. Над усадьбами кое-где поднимались струйки дыма. Они вытягивались, становились похожими на прозрачные синеватые облачка и медленно-медленно таяли в воздухе. Вон налево за клубился еще дымок над чьим-то шалашом. А направо, в конце участка Мирзы-Каримбая, застыл недвижно стройный ряд высоких прямых тополей с остроконечными верхушками. Под ними однажды слушали нежный шепот тополевых листьев, купавшихся в серебристом лунном свете. Сердца их были тогда переполнены радостью свиданья, цветы их желаний и надежд пышно распускались и тянулись ввысь, и им хотелось целовать звезды от счастья! А теперь?.. Теперь те цветы крепко обвил дикий вереск и увядшие лепестки их осыпались на почерневшее сердце...

Темнота, как и печаль Гульнар, все больше сгущалась. Кое-где уже вспыхивали искры звезд. Снизу, со двора, доносился смех женщин и детей. Затем послышался строгий окрик Хакима-байбачи, — он приказывал, чтоб поставили самовар.

Невестки, лишённые теперь возможности взвалить на Гульнар, как прежде, самую тяжелую работу, называли ее за глаза «гордячка» и «притворщица». На самом же деле Гульнар, насколько хватало сил, помогала по дому. Вот и сейчас ноги молодой женщины дрожали от слабости, но она спустилась вниз и принялась ставить самовар.

Вся семья собралась на одной террасе. Гульнар сполоснула и вытерла пилы, принесла самовар, начала разливать чай. Она не любила встречаться с домашними, но по обычаю вынуждена была выходить к общему столу.

Попили чай. Ребята кто дремал сидя, кто, растянувшись, уже спал.

Невестки ушли готовить постели. Собрал дастархан и посуду, Гульнар поднялась к себе. Зажгла лампу, долго сидела неподвижно.

Внизу, во дворе, — тишина. Мирза-Каримбай не вернулся. Молодая женщина была рада, что старик задержался, и пожалела, что не оставила на ночь мать. Сейчас звать было уже поздно.

Она постелила постель. Перед тем как лечь, вспомнила об остывшей еде. В течение дня, кроме утреннего чая, в доме готовили два раза, но молодая женщина сегодня ни к чему не притронулась. К тому же не хотелось обидеть мать. Гульнар взяла чашку с супом, принялась есть большой деревянной ложкой. Не съев, однако, и половины, она почувствовала резь в желудке. Отодвинула чашку, задула лампу и тяжело опустилась на подушку.

Немного погодя у Гульнар закружилась голова, и звезды, казалось, еле мерцали, точно сквозь пелену тумана. А желудок будто рвал кто безжалостно и жевал, причиняя страшную боль.

«Что со мной? — испугалась Гульнар. — Никогда такого не было! От беременности, что ли? Нет, это что-то другое!..»

Молодая женщина, опираясь на локти, наклонилась через перила беседки в сторону сада. Ее тошнило, душили непрерывные спазмы, казалось, все внутренности подступили к горлу. Ноги подкашивались, по телу пробегали судороги. Она опустилась на ковер и ползком кое-как добралась до постели. А во дворе — ни звука.

«Если позвать кого, потом будут смеяться», — подумала Гульнар. Но с каждой минутой ей становилось все хуже, от боли уже захватывало дыхание. Она не вытерпела и закричала:

— Мать! Позовите мать!

Через некоторое время наверх с лампой поднялась Турсунуй.

— Что, испугались? Можно ли в полночь тревожить всех только из-за того, что остались одна? — ворчливо заговорила невестка, но, приблизив к лицу Гульнар лампу, вдруг испуганно вскричала: — Ой, что с вами? Вы корчитесь вся... Скорпион укусил?

Гульнар не ответила.

— Сейчас разбужу Хакима-ака, он позовет тетушку Гульсум! — заторопилась Турсунуй и, оставив лампу, побежала вниз.

Пришли Хаким-байбача, Гульсум-биби, Нури. Но Гульнар уже была без памяти.

— Доченька, что болит у тебя? Взгляни на меня, цветок мой! — запрочитала Гульсум-биби.

Услышав родной голос, молодая женщина медленно открыла глаза, показала слабой рукой на чашку:

— Поела — и... худо мне стало...

У нее снова появились корчи, лицо и губы посинели, глаза наполнились ужасом.

— Яд! — вдруг вскрикнула Гульсум-биби... — Кто же отравил тебя, стрела молнии ему в голову?.. Ах, я несчастная! Это яд, яд!.. — кричала она не своим голосом.

Хаким-байбача рванул Гульсум за плечо, выкатив глаза, заорал:

— Замолчи, бессовестная тварь! Кому нужно ее травить? Чтоб я не слышал этого больше! Всякая болезнь от бога! А она — яд!.. — Хаким

пристально посмотрел на помертвевшую Гульнар, потом хмуро взглянул на Нури.— Сейчас пошлю Ярмата-ака за табибом.

Байбача спустился вниз. Вслед за ним побежала и Нури. Она с первого взгляда поняла, что Гульнар отравлена, и догадалась, что сделал это Салим.

«Зачем он так поторопился? — досадовала Нури.— Почему не поручил мне? Я так бы все обделала, что никакой табиб не догадался бы».

— Воды... Воды!..— Гульнар хваталась за грудь, за горло, металась в постели.

Турсуной побежала за водой. Гульсум осталась у дочери, растерянная и беспомощная.

Гульнар, преодолевая позывы к рвоте, через силу проговорила:

— Это яд... Салим подсыпал. Где он? Кроме него, сюда никто не входил...

— Ты видела? Он был здесь! — дико закричала Гульсум-биби, прижимая дочь.

— Да... Жизнь моя и без того была отравлена. Теперь избавлюсь... Он в тюрьме... Я умираю... не пришлось увидеть... Так и осталось неисполненным мое желание. Айи... Прощайте, айи...

Гульнар затихла.

Гульсум-биби вдруг вспомнила об одном средстве: когда-то она слышала, что от яда помогает овечий помет. Его надо истолочь, развести в воде и поить больную, процедив через тряпку. Она не сбежала, а скатилась по лестнице во двор. Прихрамывая, побежала к хлеву. Набрала в темноте горсть помета, высыпала в чашку с водой и, на бегу разминая его, бросилась наверх.

У изголовья больной с чашкой воды в руке стояла растерянная Турсуной. Старуха метнулась к постели и вскрикнула: в полуоткрытых глазах Гульнар уже погасла жизнь. Гульсум прижала к груди дочери сморщенную, худую руку. Потом отшатнулась и, подкошенная, свалилась на пол. Вопль ее потряс тишину ночи...

IV

На седьмой день, как положено обычаем, по Гульнар справили поминки. Наутро Ярмат и Гульсум сходили на могилу дочери. Передав могильщику плов, лепешки и деньги на свечи, они прошли к свежему холмику, насыпанному под большим тутовым деревом на краю кладбища. Обнимая могилу и прижимаясь к земле мокрыми щеками, они долго плакали. Наконец, обессиленные от слез, возвратились под навес.

Было решено, что Гульсум-биби уедет к себе на родину. Получилось это неожиданно. К ним случайно зашел самаркандский родственник, сын старшей сестры Гульсум. Простой кишлачный парень этот высказал им искреннее участие и нашел, что сейчас самое лучшее — это отправить убитую горем тетушку к его матери. Гульсум была против отъезда. Она говорила, что сначала проведет все положенные обряды, а потом готова отправиться хоть в могилу. Но, в конце концов уступив настояниям мужа, вынуждена была согласиться.

Ярмат пересчитал деньги, которые по копейке, по пятаку в течение десятка лет собирал «про черный день». Оказалось около ста сорока рублей. Деньги он вручил племяннику на расходы.

К хозяевам Ярмат не пошел. В эти дни он не мог и не желал никого из них видеть. Он вообще стал неузнаваем. Рачительный слуга и преданный раб Мирзы-Каримбая, верно служивший ему почти двадцать лет, теперь он ни за что не хотел браться. Целые дни проводил в угрюмом молчании где-нибудь в дальнем углу двора или у себя под навесом, словно вынашивал какую-то тяжелую думу.

В доме бая к смерти Гульнар отнеслись холодно. Все решительно отвергали возможность злого умысла, ссылаясь на волю судьбы. Однажды Мирза-Каримбай сам заговорил об этом с Ярматом. Пришел под навес и сказал, словно о чем-то предупреждая:

— Гульнар умерла своей смертью. А со смерти какой может быть спрос? Я сам очень горюю. Но подозревать здесь что-либо нечистое — нехорошо. За это и ответить можно.

Ярмат промолчал, но так взглянул на хозяйна, что тот невольно попятился.

После отъезда Гульсум-биби Ярмат почувствовал себя еще более одиноким и несчастным. Терзаясь горем и раскаянием, он как безумный целыми днями бродил по тем местам, где в рабском труде поседела его голова, где он закопал в землю не только лучшие годы своей жизни, но и единственную дочь.

Как-то вечером он зашел на байский двор. У больших ворот стоял запряженный фазтон. На козлах, в ожидании кого-то из хозяев, неподвижно застыл недавно нанятый кучер Игамберды. Ярмат спросил:

— Куда собрался?

— Салим-ака в Скобелев, кажется, уезжает. Надо отвезти на вокзал.

Ярмат посмотрел на кучера, на мягкое сиденье фазтона, помолчал минуту, как бы раздумывая над чем-то, и неожиданно предложил:

— Ты займись чем-нибудь другим. Я сам отвезу. Кстати, и дело у меня есть на вокзале.

Старик уселся на место кучера.

Немного погодя с чемоданом в руке из ичкари вышел Салим. Прежде чем сесть в фазтон, байбача закурил и при свете спички увидел Ярмата.

— А, старина! Не утерпел, самому захотелось проводить? — заговорил он, явно заискивая. — Вам бы надо еще на покое побыть — трудно перенести такое горе... Ну ладно, раз решили, погоняйте быстрей, опоздать могу.

Колеса неслышно катили по мягкой пыли дороги. Салим-байбача был в хорошем настроении, говорил без умолку. Он рассказал, что пробудет в Скобелеве недели две, потом поедет в Петербург, а после окончания войны обязательно отправится путешествовать за границу. Он расчувствовался, даже посоветовал Ярмату написать письмо Гульсум-биби в Самарканд, чтобы она не задерживалась там и возвращалась поскорее.

Ярмат молчал. Возле глубокого обрывистого оврага, подходившего почти к самой дороге, он неожиданно остановил лошадь.

— Потерялось что-нибудь? — спросил Салим-байбача.

Ярмат не ответил. Он соскочил с козел, нагнулся, будто искал что на дороге, и когда приблизился к Салиму, прохрипел страшным, чужим голосом:

— Ты, видно, меня старым ишаком считаешь, сын собаки? Если смел, покажи свою силу. Вот тебе! — Он с размаху ударил Салима ножом в грудь и снова прохрипел: — Ты отравил мне сердце, а я твою искромсаю!

Острый нож еще раз по рукоятку вошел в грудь Салима. Байбача сгорбился и застыл без движения. Конь, почуяв кровь, беспокойно захрапел.

Ярмат вытащил нож, далеко отшвырнул его. Неторопливо, с ужасающим хладнокровием стащил за ноги труп байбачи с коляски, подволок к краю оврага и сбросил с кручи. Тяжело вздохнув после этого, он подошел к коню, отвел его с дороги, привязал к одинокому дереву. Потом опустился на корточки, обтер пылью окровавленные руки, поднялся, погладил коня, нетерпеливо грызшего удила, и зашагал в темноту.

Он шел без дороги, как безумный шептал:

— Что я сделал? Преступление это или справедливая кара? Борода уже поседела, а я руку в крови обагрил. Вот она, все еще липнет на пальцах... Нет, я у дочери спрошу. Скажи мне, родная, скажи, Гульнар моя! Я ведь только перед тобой виноват, и давно виноват. Скажи: правильно я поступил? Если этой крови мало, еще пролью! Эта кровь — только первая капля. Кровь всей семьи этих извергов, кровь тысячи таких, как они, не стоит и одного твоего волоска! Знаю это, знаю, доченька, и всех их уничтожу! Отец твой теперь не боится. Они теперь уже не хозяева мне. Хватит, поездили на моей спине. Теперь — довольно! Глаза мои открылись, Гульнар. Только очень поздно открылись они, ослепнуть им, — когда сердце мое уже отравлено ядом. А ты была моим сердцем, Гульнар. Раньше бы открыться им, глазам моим, тогда бы я не отдал тебя, мое сердце, на растерзание волкам!.. Как же я предстану перед тобой, когда аллах позовет нас при кончине мира? Доченька, прости! Прости твоего заблудшего слепого отца! Я кровью запянул руки, чтоб ты простила меня... Беленькая моя, Гульнар моя, прости... О горе мне, горе!.. Бедная дочь... Проклятая жизнь!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

I

На рассвете Юлчи вышел из темной, заброшенной мельницы. Он был очень голоден. Но первой его заботой было — где снять отросшую в тюрьме бороду и побрить голову? В кармане нет даже

стертого медяка. Он примостился на вросшем в землю старом жернове и долго ломал голову... Продать — нечего. Сапоги пропали в тюрьме. Рванный халат? Но кто возьмет его? Разве только старьевщик на базаре! Да если бы и удалось продать, то в чем он останется? В одной рваной рубахе?..

«Э, нашел о чем горевать!» — махнул рукой Юлчи. Но тут же снова задумался, вспомнив о том удивительном русском, с которым вместе сидели и вместе бежали из тюрьмы.

«Где он теперь? Удалось бы ему благополучно добраться до Москвы. Я и не спросил, за сколько дней поезд до Москвы доходит... В товарном вагоне, говорит, поеду... Нет, он не пропадет. Голова у него на месте. Он из таких, что в мельницу под жернова угодит — все равно невредимым выйдет... Только с харчами, пожалуй, трудно будет — у него тоже ни гроша».

В памяти Юлчи встало все, что связано было с его новым другом, начиная с первой встречи в тюрьме.

Через три-четыре дня после ареста Юлчи в камеру к нему ввели какого-то русского. Истомившийся в одиночестве, джигит встретил его открытой дружеской улыбкой.

«Вот бы знать язык, побеседовать!» — промелькнула у него мысль.

Русский понравился Юлчи с первого взгляда. Это был среднего роста человек, широкоплечий, с сильными руками, лет тридцати пяти — сорока. Из-под его потрепанной фуражки выбивались завитки густых темно-русых волос. Во взгляде, в спокойных, медлительных движениях чувствовались сила и уверенность.

Русский бросил на край нар небольшой сверток в старом одеяле и внимательно оглядел Юлчи с ног до головы.

— Яхши! — проговорил он густым басом. Потом подложил под голову сверток, прилег на нары и долго лежал, думая о чем-то своем. Время от времени он бросал на Юлчи осторожные, только уголками глаз, взгляды.

Юлчи тоже присматривался к своему соседу. Особенно удивило джигита невозмутимое, даже какое-то насмешливое спокойствие этого человека: русский не проявлял ни страха, ни смущения; он вошел в камеру и расположился на нарах с таким видом, точно по пути завернул в чайхану на перекрестке и прилег отдохнуть на широкой дощатой супе.

«Интересно, — думал джигит, — кто он? За что попал сюда? Судя по виду, по одежде, он рабочий человек».

Заметив на себе осторожный, изучающий взгляд русского, Юлчи почувствовал смущение. У него явилось желание объяснить, что попал он в тюрьму случайно, а не за какой-либо дурной поступок. Некоторое время он сидел, наморщив лоб, перебирал в памяти немногие известные ему русские слова. Потом вдруг просветлел, припомнив нужное:

— Твоя мастеровой?

Русский понял, кивнул головой, улыбнулся.

— Моя завод работай, — пояснил он.

Юлчи сразу оживился.

— А маники бойда работ ясайди!¹ — джигит вскочил с нар, выдернул из прорехи халата клочок ваты, бросил его на пол и взмахами рук изобразил работу кетменем в поле.

Русский опять заулыбался, знаками объяснил, что понял.

Так прошел у них весь первый день.

Наутро новый товарищ Юлчи подпорол край одеяла, достал какую-то тонкую книжку и принялся внимательно читать ее про себя. Когда за дверьми слышались шаги или голоса, он проворно прятал книгу, потом снова брал ее и читал, не отрывая глаз. Юлчи быстро сообразил: прислушивался или наблюдал через глазок за коридором и, когда нужно, предупреждал соседа. Тот благодарил — прикладывал руку к груди. А джигит досадовал на свою неграмотность.

«Вот этот русский книгой занят, губы его порой шевелятся — он говорит с ней. А я не могу. Эх, слепота моя!..»

В тот день они узнали и научились произносить фамилии друг друга. Фамилия русского — Петров...

Скоро они уже были связаны тесной дружбой. Петров относился к Юлчи как к родному сыну. Заботился о нем, объяснял как умел тюремные порядки.

Первое время им очень мешало плохое знание языка. Но эта трудность понемногу исчезала, отступая перед желанием поговорить, обменяться мыслями. Вначале им приходилось прибегать к помощи жестов и знаков, но постепенно запас слов увеличивался, и они стали говорить не только о простых, обыденных вещах, а и о более сложном.

Однажды, разговорившись, Юлчи рассказал Петрову, как неудачно и несчастливо сложилась у него жизнь. Потом заговорил о других батраках, о дехканах, пожаловался, как тяжело жить трудящемуся человеку, в то время когда бан, прибрав к рукам землю, воду и все богатства, бесается от жира.

— Бедным людям везде нелегко, — заметил Петров и рассказал Юлчи о себе.

Родился он в деревне, в бедной крестьянской семье. Четырнадцати лет он вынужден был расстаться с родным домом и отправиться на заработки.

— А я с девяти лет уже пас чужие стада, — доверчиво вставил Юлчи.

Петров улыбнулся.

— Пасти-то и я примерно в эти годы начал, да в наших краях скота на всех подпасков не хватало.

В Ростове Петров поступил учеником на завод. Там же, испытав на себе всю тяжесть подневольного труда, он сошелся с большевиками.

Пытливый, живой ум джигита жадно хватался за все новое; он перебил рассказчика:

— А кто это такие — большевики?

Петров задумался, как бы понятней объяснить, и ответил самыми простыми словами:

¹ А я у бая работаю.

— Они борются за то, чтобы отнять у баев землю, воду, власть и все отдать беднякам...

— Как — отдать?! — привскочил Юлчи.— Когда?

— Ты слушай и не перебивай,— спокойно, с лаской в голосе остановил джигита Петров.

1905 год Петров встретил с винтовкой в руках вместе с большевиками. После этого жизнь его проходила в арестах, ссылках, побегах, в революционной борьбе. Два года назад он приехал в Ташкент, работал в железнодорожных мастерских. Арестовали его за антивоенную агитацию и за попытку организовать забастовку.

Юлчи слушал своего нового друга, сидя на корточках и стиснув голову руками. Перед ним открывался новый мир — мир борьбы и подвигов, труда и упорного движения к великой, благородной цели.

Когда Петров кончил, он поднял голову и сказал очень серьезно, но с дрожью в голосе, выдававшей внутреннее волнение:

— Как только выйду отсюда, убью Мирзу-Каримбая и потом — полицейского, который меня арестовал.

Петров улыбнулся:

— В твои годы я тоже так думал, да какой толк от этого? Убьешь одного — придет другой, а ни земли, ни воды у тебя не прибавится.

— Как же быть? — воскликнул джигит.

— А ты — потише,— остановил его Петров. Он достал из-под одеяла свою книжку.— Вот здесь хорошо сказано, правильно сказано.

Юлчи покачал головой:

— Не умею.

— Это не страшно, что не умеешь,— научимся!

С присущей ему настойчивостью и выдержкой Петров принялся обучать джигита русской грамоте. Тоненькая книжка служила для Юлчи азбукой и словарем, расширяющим запас русских слов, и учебником нового понимания жизни.

Учение давалось трудно. Порой он потел больше, чем в знойные дни с кетменем в поле. Но подходил его друг, окутанный облаком махорочного дыма, склонялся к нему, ободряюще хлопал по плечу:

— Яхши! Совсем хорошо получается.

И неуверенность исчезала. Юлчи чувствовал себя бодрым, счастливым и улыбался по-детски чисто и ясно.

А по ночам он долго не мог уснуть. Мысли — смелые и острые, как алмаз,— не давали покоя. Да, конечно, богатство послано Мирзе-Каримбаю не богом. Оно добыто потом и кровью Ярмата, Юлчи, Шакасыма, Ораза. И как он сам не догадался об этом раньше?.. Юлчи часто вспоминал свой разговор с Абдушукуром, и всякий раз губы его кривила усмешка. Нет! Не помогать надо баям накапливать богатство, а гнать их с земли, от воды. Люди кетменя и омача, кузнецы и сапожники должны свергнуть владычество баев, а заодно и их покровителя — белого царя. Где взять сил? А русские рабочие! А Петров!.. Он говорит, что у него много товарищей. Есть даже сильнее и умнее, чем он сам...

Да, дни, проведенные в тюрьме, не прошли для Юлчи даром... Но что

теперь делать?.. Жить, как учил Петров. А с чего начать?.. В мыслях и на словах это получалось просто, а вот на деле...

«С маленького надо начинать» — так говорил Петров. Вот Каратай. Между ним и баями, вместе с их защитниками — полицейскими, начальниками, столько же сходства, сколько между огнем и водой. Дальше, брат его, Джумабай, — на трамвайных путях работает, крепкий парень. Есть еще Барат с хлопкоочистительного завода. Шакасым — слаб. А вот старый Шакир-ата, пожалуй, пригодится, поможет советом.

Юлчи встал с жернова, выпрямился, оглянулся вокруг. Солнце уже позолотило верхушки верб, росших вдоль Анхора. По старому, зеленому от плесени мельничному желобу, разбрасывая серебряные брызги, с шумом стремилась вода. О людях здесь напоминала лишь узенькая тропинка на противоположном крутом берегу реки.

«Забрался в такое место, что и нищему не догадаться!» — усмехнулся джигит и осторожно вынул спрятанный в рукаве мелко исписанный клочок бумаги.

С этой запиской он должен пойти к Андрееву — рабочему-большевику, другу Петрова. Петров наказывал: не держать записку при себе, идти с ней к Андрееву только тогда, когда минет опасность слежки, и по возможности изменив наружность.

Юлчи потрогал выросшую в тюрьме бородку: «Пожалуй, лучше не брить, с ней труднее узнать».

Он поднялся и бодро зашагал берегом Анхора. Записка открывала перед ним двери к новым людям, в новую жизнь.

Через некоторое время Юлчи вышел к дощатому мосту. Улица за мостом была знакомой: здесь, неподалеку, в доме хлопковика Джамалбая жил его давнишний знакомый Джура.

Навстречу начали попадаться люди — конные и пешие, старики и молодые. Многие сторонились, бросая на джигита подозрительные взгляды.

Немного погодя Юлчи остановился перед возвышавшимся среди мазанок бедноты двухэтажным домом, побеленным известью. Он прошел через ворота во двор, заглянул в маленькую лачугу, притулившуюся к высокому дувалу рядом с конюшней, и остановился в нерешительности — в помещении никого не было.

В это время в двери конюшни с лопатой и метлой в руках показался Джура. Он остановился на пороге, удивленно и недружелюбно посмотрел на Юлчи. Джигит улынулся и шагнул навстречу приятелю:

— Не уставать вам, Джура-ака! Не узнаете? Не пугайтесь...

— Хэ, да ты тот самый, прежний Юлчи? Такой образины не только человек — лошадь испугается и понесет!

Они поздоровались, прошли в лачугу. Юлчи еще не кончил рассказывать о своих приключениях, как Джура нетерпеливо перебил:

— Словом, освободили тебя?

— Какое там освободили! Бежал...

— Из тюрьмы?! — заиграл белками глаз удивленный Джура.

Юлчи кивнул головой.

Джура предостерегающе поднял руку:

— Ты теперь берегись. Тебя обязательно будут разыскивать. Хотя огорчаться из-за этого не стоит — везде найдутся свои люди, не выдадут. Мы здесь и не в тюрьме, а горя повидали. Возьми меня — что я видел за это время? Шея моя и не привязана, а не свободна. Здесь — та же тюрьма, хоть и без решеток. Дороговизна, голод. А ко всему этот ублюдок, которого белым царем называют, указ выпустил, рабочих требует. Видно, сил не хватает на войну!..

— Рабочих требует? Это куда же? — не понял Юлчи.

Джура рассказал все, что знал о мобилизации на тыловые работы.

— Выходит, новое несчастье на голову бедноты, — нахмурился Юлчи.

— Верно, спасибо твоему родителю, верно! — вскочил Джура. — На меня раньше всех покупатель нашелся! Хозяин хотел послать меня вместо своего племянника!.. «Подохнуть мне, если мать родила меня для вас!» — думаю себе. — Джура помолчал, затем с некоторым смущением проговорил: — Работы много у меня. Ты здесь располагайся и сиди себе спокойно... Я сейчас...

Джура бросил шепотку чаю в кумган на очаге, положил перед Юлчи лепешку и посоветовал никуда не отлучаться до вечера. Юлчи ответил, что собирается искупаться в Анхоре. Джура дружески пожурил его за неосторожность, но в конце концов сунул в руки джигита обмылок, молча указал на маленький, с пятак, замочек от двери и вышел, торопясь по своим делам.

После чая Юлчи отправился к Анхору. Облюбовал место поглубже, разделся и бросился в освежающую прохладу потока. Окунувшись несколько раз, он выбрался на мель, принялся мылить голову, тело. Только тут он заметил, как сильно похудел, как выпирают его крупные кости.

Узкий Анхор не давал простора, но джигит сильными, широкими бросками, вспенивая воду, поплыл вдоль берега. С десяток белых уток, скользивших по воде впереди него, испуганно закричали, хлопая крыльями, кинулись в разные стороны.

С каждым взмахом рук Юлчи все больше ощущал легкость в теле, чувствовал, как мускулы его наливаются прежней силой. Вокруг тишина и покой. Прохожих нет. На берегу Анхора среди верб пасутся две белые козы. Время от времени они настороженно взглядывают на джигита, потряхивая бородами, и снова прячут головы в зелени.

Солнце поднялось высоко, но лучи его, скользившие меж листьями, здесь не припекали, а только ласкали тело...

Юлчи оделся и легко зашагал вдоль берега. Он не пошел в душную, темную лачугу Джуры. Ему хотелось побывать среди людей, разузнать новости, увидеть Унсин, услышать что-нибудь о Гульнар. Но прежде надо было раздобыть какую-нибудь мелочь на ужин. Махнув рукой на предостережения Джуры, он торопливо направился к базару.

Солнце палит отвесными лучами. Камни жгут ноги. Пыль. Трудно дышать. Базарный гомон и шум в самом разгаре. Люди озлоблены,

грубы. От всех пахнет потом. У всех на языке жалобы на дороговизну, нужду, на мобилизацию.

Юлчи посчастливилось доставить поклажу в несколько мест и заработать немного денег. Вечером усталый джигит забежал к Джуре, отдал ключ и отправился к сестре. Дорогой на добытые за день гроши купил две тонких лепешки и немного винограда.

В сумерки, уже неподалеку от места, джигит, присмотревшись, увидел впереди себя Шакира-ата: постукивая посохом, старик медленно шел вдоль узенькой улицы по направлению к дому. Юлчи обрадовался, ускорил шаг:

— Здоровы ли, отец?

Старик вздрогнул, поднял голову. Не находя слов, он молча обнял джигита, костлявыми руками погладил его плечи. Затем суетливо засеменял к дому и еще с порога калитки крикнул:

— Доченька, готовь мне подарок! Брат твой!

Унсин выпорхнула навстречу и со слезами кинулась на шею брата.

— Не плачь, родная, не плачь! — успокаивал ее Юлчи дрожащим от волнения голосом.

Тетушка Кумри поклонилась джигиту издали, поздравив его с освобождением и пожелав долгой жизни.

Унсин быстро расстелила во дворе кошму, зажгла лампу. Юлчи, усадив к себе на колени внучат Шакира-ата, дал каждому по кисти винограда. Обрадованные, дети повисли у него на плечах.

Юлчи спросил старика, как живет. Шакир-ата пожаловался на трудность времени, а о себе сказал так:

— Горе за горем, сынок. Но мы еще кое-как таскаем свои чарики. По правде говоря, нас кормит Унсин. Ичиги, какие она шьет, только в руках держать да любоваться. Прямо играют! Такой способной и работающей, такой учливой и доброй девушки во всех семи поясах земли не найти.

Слова старика обрадовали Юлчи. Он хотел было похвалить сестру, но Унсин вдруг исчезла. Через минуту она выбежала из дома, подошла к Юлчи, сняла с него старую, грязную тюбетейку и надела новую, любовно вышитую ею для брата. Юлчи снял тюбетейку, поднес к лампе, полюбовался красивым узором, снова надел и поблагодарил сестру. Ему показалось, что девушка чем-то опечалена.

— О чем ты грустишь? Ведь я вернулся здоровый и невредимый.

Девушка опустила глаза:

— Ничего, это я так...

Унсин и в самом деле была печальна. Третьего дня здесь узнали о смерти Гульнар. Весть эта потрясла девушку, и сейчас она не знала, как рассказать обо всем брату.

Шакир-ата сходил за Каратаем. Женщины скрылись в доме. Друзья крепко обнялись, затем уселись за чай и начали беседу.

Отвечая на вопрос Юлчи, Каратай заговорил о тяжелом положении ремесленников и всех, кто трудом добывал себе кусок хлеба.

— Если и дальше так будет продолжаться, — сказал он, — народ начнет умирать с голоду.

Юлчи внимательно выслушал кузнеца, потом наклонился к друзьям и заговорил, понижая голос:

— По-моему, все бедствия от того, что жизнь у нас устроена несправедливо. Подумайте сами: кучка баев — хозяева всех богатств. Несчетное же множество бедного трудового люда — голые, босые... Кто трудится, проливает пот, в котелке голуку воду варит. А баи богатеют от их трудов, набирают и без того тугую мошну, бесятся от богатства. Вот от этого и все бедствия, в этом и вся суть. Хорошо, а что же делать, спросите? Скажу: жалобами, слезами и хныканьем не изменить жизнь. Чтобы освободиться от рабства, к борьбе надо быть готовым. Надо раскрыть глаза народу. Если мы, трудящиеся, выступим все сообща, то наверняка повалим и всех баев и самого кровопийцу Николая. Трудовой народ сам тогда будет распоряжаться своими делами. Я слышал — так думают русские рабочие, мастеровые. Они уже много лет идут этой дорогой, и нам надо следовать за ними. Что вы на это скажете?..

Кузнец и Шакир-ата некоторое время молчали, раздумывая. Наконец Каратай дружески хлопнул Юлчи по плечу:

— И добрая же голова у тебя, братец мой Юлчи! Золотая голова! Все, что сказал ты, — истинная правда. И насчет русских рабочих — тоже верно. Русские рабочие — большая сила. Они народ знающий — все машины они заставляют вертеться. И если русские рабочие так думают, то у нас с ними должна быть одна дорога.

Юлчи долго рассказывал о своем новом друге Петрове. Шакир-ата слушал, не сводя глаз с джигита.

— А твои мастеровые, видно, очень бывалые, отчаянные люди! — воскликнул он, когда Юлчи умолк.

— Да, смелый народ, решительный, — подтвердил кузнец. — Недавно мне пришлось видеть одного на улице... Так что бы вы думали? Он среди белого дня на глазах у народа ударил по лицу какого-то начальника из полиции!..

— Неужели? — изумился старик.

— Рабочие идут и против войны, и против Николая, и против буржуев! — с гордостью за своих новых друзей сказал Юлчи.

— Буржуев, говоришь? Это кто же такие? — заинтересовался старик.

— Петров всех баев буржуями называл, — объяснил Юлчи. — Он так говорил: «И узбеки, и русские — все одинаково терпят от буржуев, от баев, значит. Уничтожим, говорит. Николая и буржуев — и русских и мусульманских — и все дела поручим вести своим людям — рабочим, дехканам. Вот тогда и жизнь улучшится...» Тут, отец, большие дела. Пораздумаешь над каждым словом, и на сердце радостно станет, потому — мысли эти правдивые, простые и понятные...

— Удивительное время настало! — шептал про себя Шакир-ата. — Чтоб трудящемуся человеку и самому быть хозяином своей доли, а? Товба!.. А я весь свой век прожил, как в темном закуте. Только и знал — гнуть спину на какого-нибудь жадного зверя... — Старик вздохнул, посмотрел на Юлчи, на Каратая. — Что ж, поживите хоть вы, молодые. Перестраивайте жизнь. Поворачивайте все по-своему.

— И повернем! — горячо отозвался кузнец. — Юлчи-палван правду сказал. Кому нужны бай? Кому нужен царь? Кому нужна война? Какая польза от нее народу? Только одни муки. А бай больше прежнего разжирили... Вот на тыловые работы записали только сыновей бедняков — новая беда на наши головы. Брата моего забирают, Юлчибай. И без того нужда задавила, голова кругом идет, а тут еще забота. Ух!..

Успокоившись, Каратай положил на плечо Юлчи руку:

— Тебе, палван, опасно оставаться в городе. Надо устраиваться где-нибудь на окраине.

Джигит хотел было возразить, но когда к мнению кузнеца присоединился и старик, он согласился. Только спросил:

— Куда же мне направиться?

Каратай предложил:

— На Тахтапуле у меня есть старушка тетка. Одинокая. Пойдем к ней.

Каратай поднялся. Юлчи проводил его на улицу и позвал Унсин. Ему очень хотелось расспросить сестру о Гульнар. Однако, когда Унсин подошла, джигит не осмелился раскрыть перед ней свое сердце. «Может быть, сама заговорит», — понадеялся он. Но девушка о Гульнар ни словом не обмолвилась. Она только пожалела, что брат так скоро уходит, и пообещала завтра-послезавтра навестить его.

Юлчи простился с Шакиром-ата и направился к калитке. Старик крикнул ему вслед:

— Эй, огненный джигит! Те слова твои — чистое золото. Только ты не делись ими с кем попало!

— Я для того и из тюрьмы бежал, отец, чтобы передать их людям!..

II

Юлчи проснулся, когда солнце стало припекать ему голову. Он огляделся вокруг. В маленьком, чисто подметенном дворике — тишина. На двери низенькой мазанки — цепь. Одинокое бродит по двору курица, такая же старая, как и бабушка Саодат — хозяйка этой хибарки, приветливо встретившая джигита поздней ночью.

Юлчи встал, оделся. Арыка во дворе не было. Он умылся уже согревшейся на солнце водой из жестяного чайника, стоявшего на терраске.

Вчера при свете маленькой лампы Юлчи не разглядел как спит старуху, — она улеглась в постель еще до ухода Каратая. Однако по голосу ее, по шуткам он понял, что бабушка Саодат приветливая, разумная и, пожалуй, даже смелая женщина.

Узнав, что Юлчи бежал из тюрьмы, она сказала: «Свет мой! Этот дом считай своим домом. Ты для меня все одно что Каратай. А может быть, и лучше. Кузнец мой часто подсмеивается надо мной: тетушка, говорит, у вас дверь всегда колом подперта. И это верно, только смотря для кого. Имама с суфи, начальства да еще трех-четырех человек гузарских живоготов я избегаю. А хорошим людям я всегда рада».

Юлчи обошел безмолвный дворик. Из каждого уголка здесь проглядывали нужда и бедность, но везде было чисто, все было аккуратно прибрано. У дувала — маленький, площадью с циновку, цветничок — георгины, ночные красавицы, петушинные гребешки, мята, чебрец.

Мысли Юлчи были заняты Гульнар. «Свыклась ли она, смирилась ли со своей судьбой? Может быть, уже забыла меня? Гульнар, а?! Нет, не могла забыть!.. Что она сейчас делает? Взглянуть бы на нее хоть раз или хоть голос услышать бы... Кого послать к ней? Унсин никогда не была в загородном поместье бая, да и далеко... Пойти самому?.. Стану бродить вокруг поместья, она и знать не будет. А бай случайно увидит — ей же хуже сделаю: ее взаперти будут держать. Бай — он такой...»

Открылась калитка. Волоча длиннополюю паранджу, с пустой корзиной на голове во двор вошла бабушка Саодат.

— Проголодался, наверное, львенок мой? — заговорила старуха, сбрасывая паранджу и ставя корзину на терраску.— Сейчас чай вскипачу.

Бабушка Саодат — худощавая, костистая старуха с крючкова-тым носом и по-мужски решительными движениями. Маленькие глаза ее, несмотря на годы, еще сохраняли живой блеск.

— Где были, мать? — спросил Юлчи.

Старуха разожгла маленький самовар, подошла к джигиту и заговорила густым, не по-женски низким голосом:

— Заботы, сын мой. Я — хлебопек. Вон, на кухне, у меня большущий тандыр. Не видал?.. Еще до солнца я просеяла муку, замесила тесто. Пока тесто подошло, развела огонь в тандыре. Потом наделала лепешек. А к тому времени и тандыр накалился. Испекла — и одну корзину уже успела продать на гузаре. Попью чаю, еще понесу...

— И давно вы так живете? — поинтересовался Юлчи.

— Покойный муж мой был поденщиком,— ответила Саодат.— Того, что он добывал за лето, не хватало на зиму. Потом заболел и совсем отошел от работы. Пришлось кормить его. Лет уже двадцать будет — умер он. Детей мне не довелось иметь, сынок. Вот так и перебиваюсь своим трудом, чтоб не унижаться ни перед кем. Одно время шила тюбетейки, потом одеяла стегала, очуры для штанов ткала. А теперь для таких дел глаза не годятся.

— Ну, а от лепешек остается что-нибудь?

— Бывает так, бывает этак...— Старуха повернулась, положила в самовар щепок.— Иной раз один убыток. Продашь хлеб, пойдешь на базар, цена на муку опять поднялась. А у меня и капиталу-то всего на один пуд муки... Вся польза, сын мой,— с базара хлеб не покупаю. За день остается пара лепешек для себя — и то богатство...

После чая Юлчи предложил старухе снести и продать очередную корзину хлеба. Бабушка Саодат уложила в корзину аккуратными рядами несколько десятков еще не остывших лепешек. Юлчи подхватил ношу, отправился на базар.

На первый взгляд на базаре все казалось обычным. В чайханах, как и всегда, звякали крышки чайников, кричали в клетках перепелки. В торговом ряду препирались с покупателями лавочки и

мясники. Глухо брякая подвешенными на шею тяжелыми медными бокалами, проходили верблюды. Но во взглядах и в движениях людей было заметно беспокойство и смятение. Как только речь заходила о мобилизации на тыловые работы, слышались негодующие выкрики, жалобы на притеснение, нужду, бесправие. Гнев, казалось, готов был вспыхнуть в любую минуту.

Юлчи, пользуясь каждым удобным случаем, разъяснял людям, кто настоящие виновники их нужды и несчастий. Говорил, что война, которую ведет царь, нужна и выгодна только баям. Потом снова принимался выкрикивать:

— Эй, лучшие лепешки! Самые лучшие лепешки!

Распродав лепешки, он оставил корзину на сохранение старику, вязавшему на берегу арыка веники, а сам пошел бродить по базару в поисках заработка. Ему удалось подрядиться сделать одному человеку десять тысяч сырцового кирпича. Затем подвернулся торговец, которому надо было отнести на Урду мешок молотого табаку.

У трамвайной остановки Юлчи опустил ношу на тротуар, чтобы передохнуть. Тут он заметил, что прохожие начали оглядываться, подталкивать друг друга, о чем-то перешептываться. Шурясь от солнца, Юлчи посмотрел в ту сторону.

В нескольких шагах от него посередине улицы трое полицейских — один русский спереди и двое узбеков сзади — с обнаженными шашками вели Ярмата. Старик шел сгорбившись, с низко опущенной головой — видно было, что человек придавлен большим несчастьем.

Глаза Юлчи широко открылись, он побледнел. Не сдержавшись, крикнул:

— Ярмат-ака!

Ярмат медленно поднял голову, увидел Юлчи. Посмотрел на него печально и как-то виновато и слабо махнул рукой, будто хотел сказать: «Все кончено!»

Окинув джигита подозрительным взглядом, полицейские прошли мимо.

Юлчи с минуту стоял растерянный, потом торопливо взвалил на спину мешок и последовал за полицейскими. Он шел, не отрывая взгляда от сгорбившейся фигуры отца Гульнар, и думал: «Что старик мог сделать плохого?.. Был преданным рабом своего хозяина, и вот — никто за него не заступился... Это новое горе для Гульнар. Что бы там ни было, Ярмат отец ей...»

На Урде Юлчи сбросил ношу и, даже позабыв о плате, пошел дальше. Он отстал только тогда, когда стало ясно, что Ярмата ведут в тюрьму.

Домой он вернулся вечером. Бабушка Саодат, опустившись на корточки у маленького, с тубетейку, очага, варила ужин. Взглянув на джигита, она испугалась.

— Что случилось, мой львенок? Полицейские, погореть им, на след напали? Гнались за тобой?

Юлчи не ответил. Он присел на край терраски и опустил голову на руки.

Старуха подошла к нему, ласково заговорила:

— Отчего ты дрожишь, сынок? Скажи мне. Ушел ты, я глаз не сводила с калитки: вот подойдет — нет, вот покажется — нет. Сколько раз на гузар ходила. Расспрашивала людей. Что случилось? Опять тебе тюрьма грозит? Скажи, сынок, успокой мое сердце.

Когда Юлчи возвращался домой, на него обрушилась новая беда. Он встретил одного из бывших приказчиков Мирзы-Каримбая, и тот рассказал ему о событиях последних дней: о смерти Гульнар, о том, что Ярмат, подозревая Салима в отравлении дочери, три дня назад убил байбачу и скрылся, а сегодня каким-то образом был задержан.

— Тюрьмы я не боюсь, мать, — не поднимая головы, глухо заговорил Юлчи. — Не боюсь ни виселицы, ни пули. Тюрьма! А чем лучше тюрьмы такая жизнь? Весь белый свет стал мрачнее любого зиндана! Куда ни глянь — темно, куда ни глянь — яд каплет. До каких же пор я буду пить яд?!

— Что ты болтаешь? — с укоризной сказала старуха. — В твои годы самая пора веселиться да радоваться. Правда, на свете много печали, много скорби, много обездоленных. А в нынешнее время и вовсе — стон стоит от жалоб и горя. У одного куска хлеба нет, а у другого целыми котлами сало варится. Один за медным грошем гонится, а другой угорает от запаха денег. Но так устроен белый свет, сынок. Одному светло — другому темно, одному тепло — другому холодно. Да ты не думай об этом, не принимай близко к сердцу... Ты молодой, здоровый. Работай, веселись, обзаведись товарищами. Радость и веселье к лицу в твою пору, сынок!

— Верно, мать, я молод и здоров, — согласился Юлчи, — но сердце мое навеки потеряло самую большую радость. — И он откровенно, как матери, рассказал бабушке Саодат о своей несчастной любви.

Старуха с материнским сочувствием выслушала джигита и глубоко вздохнула:

— О, злой, изменчивый мир! Грудь народа кровью залита, душа печалью истерзана... Для такого джигита и не нашлось капли счастья!..

Чтобы не обидеть хозяйку, Юлчи принял от нее деревянную чашку с постной, обильно приправленной зеленью похлебкой, без всякого желанья съел две-три ложки. Потом заговорил о сестре. Сказал, что намерен выдать ее замуж, если найдется честный, работающий джигит, и попросил бабушку Саодат, когда Унсин зайдет, подготовить ее исподволь.

Бабушка Саодат посоветовала:

— С выбором жениха торопиться не следует, сынок. Прежде надо разузнать, какие у него отец с матерью, какое его занятие-мастерство, а потом уже говорить о свадьбе.

— Лишь бы джигит был честный и старательный — и довольно, — сказал Юлчи. — Про богатство, про дома и усадьбы узнавать нечего... Может, у вас знакомые есть?

— Близко ли, далеко ли — хорошие джигиты найдутся. А все-таки разглядеть и выбрать надо, сынок.

— Хорошо, выбирайте, приглядывайтесь, мать. Я и Шакиру-ата и Каратаю тоже накажу.

Бабушка Саодат отодвинула миску.

— Сдается мне, что с делом этим ты порешил только сегодня. Скажи, сынок, почему так торопишься?

— Не знаю, мать, что еще может обрушиться на мою голову, что придется повидать глазом. Одно ясно: мне рано искать покоя, не время думать о веселье, забавах.— Юлчи встал, выпрямился во весь рост, заговорил гневно: — До каких пор нас будут душить, терзать безнаказанно? Можно ли терпеть дальше?! Нет, пока жив — я не успокоюсь. Я покажу им!

Старуха долго испытующе смотрела на джигита, покачала головой, вздохнула:

— Насчет забав да веселья — прости, сынок. Я ошиблась. Ты не из таких, оказывается.— Бабушка Саодат тоже встала и торжественно, словно благословляя, произнесла: — Иди, сынок, ради народа иди в огонь, в воду. Такому джигиту все по плечу...— Старуха прислушалась.— Подожди, что это за шум?

Юлчи вдруг сорвался с места, выскочил со двора и побежал к гузару.

Толпа мужчин и женщин сгрудилась в тесной улочке. Слышны хриплые выкрики мужчин, проклятия скрытых под паранджами и чачванами женщин. Юлчи смешался с толпой.

Шумели две явно враждебные стороны: эликбаши — средних лет, щуплый; с узкими, плутовато поблескивавшими глазами, рядом с ним три молодых человека и старик, — судя по одежде и разговору, местные бай. А остальные — видно, беднота квартала. Старик бай, хоть лицо его и подергивалось злобой, старался говорить спокойно, сдерживая знаками и жестами разгорячившегося эликбаши. Но тот ничего и никого не хотел признавать. Молодых он ругал собаками, пожилых, не стесняясь, обзывал дураками, выжившими из ума стариками. Он зажимал от шума толпы уши и кричал:

— Что это за цыганский табор? О чем галдите? Десять раз, сто раз говорил вам и еще раз повторяю: из нашего квартала в мардикеры пойдут пятнадцать человек. На всякий случай мы наметили двадцать джигитов. На список их еще не брали и по начальству не сообщали. Из-за чего же смута? Подождите, я проучу вас! Тысячу раз вопите «дад» — все равно бесполезно! Вы подданные его величества белого царя и обязаны дать своих сыновей. Вот и все.

Толпа в ответ зашумела:

— Не дадим!

— Подохнуть вашему царю, замучил, тиран! — выкрикивали женщины.

— Вон как! — взвизгнул эликбаши.— Теперь я жалеть не стану! Только услышу еще от кого такие слова — сейчас же в участок сообщу!

— Хоть в Сибирь ссылай, если сможешь! — угрожающе выкрикнул какой-то джигит.

— Эй, подожди-ка! — Из толпы вышел высокий, крепкий старик, босой, в грязном войлочном колпаке. Поблескивая белками глаз, он

поднял руку, громко заговорил: — А те двадцать джигитов — чьи они, чьи сыновья? У купца Махамаджана — пять сыновей, у Шаюнуса-карвана — семеро, у Азимбая, который чаем торгует, — трое. Из них хоть одного записали? Нет! А что они — на земле родились или с неба прилетели? Они от войны попользовались, из мелких торговцев знатными богатеями стали. Им есть за что идти. Вы хотите послать только сыновей таких дехкан, как я, сыновей пастухов и ремесленников, а? То пинали нас, оттирали к сторонке, никто не слушал наших жалоб, воплей, а теперь сыновья наши потребовались?

Худой юноша, по виду ремесленник, протискался вперед, крикнул:

— А почему ваши братья остались в стороне, элликбаши? Это справедливо?

Юлчи дрожал от радостного возбуждения. Народ заговорил, поднял голову. Кругом слышались те самые слова, которые он хранил в сердце и собирался рассказать людям. Значит, он не один, у него много друзей — таких же угнетенных и униженных, готовых бороться с тиранами и угнетателями. Он почувствовал себя так, будто только сейчас вышел из темной, вонючей тюрьмы на чистый воздух в ясный весенний день.

— Община! — хмуря нависшие брови, внушительно заговорил старик бай. — Слава аллаху, мы все мусульмане, дети одного отца, сыны одного квартала. Каждый день мы приветствуем друг друга салямом, и когда настанет час, нас всех отнесут на одном и том же табуте. Нам нужно быть дружными. Коли мы, как шилом, станем тыкать пальцами: почему тот не дает своего сына, почему этот остался в стороне? — между нами возникнет распря. Разделять: тот бай, этот бедняк — большой грех. Все мы — рабы аллаха. Одному дано на этом свете, другому воздастся на том. Каждый здравомыслящий человек должен понимать, что честная бедность много почетнее богатства. К тому же в нашем квартале и нет их — знатных баев. Я, что ли, знатный? Или Шаюнус-карван? Каждому свой карман лучше знать. Однако мы не смотрим, по мере своих сил помогаем властям... Мусульмане! Покиньте путь богопротивного шайтана, сбивающего вас на путь непокорности!

— Не прибедайтесь! — закричал старый дехканин. — В Ташкенте двенадцать ворот, выйди из любых, спроси: чья земля? Земля Курбана-ходжи, скажут!

Крики мужчин и проклятья женщин нарастали.

— Говоришь, надо помогать власти, — и помогайте, а нас не трогайте!

— Мы сами нуждаемся в помощи!

Лицо элликбаши переконилось злобой.

— Расходитесь! — заорал он.

Какая-то женщина подошла к нему вплотную и в упор угрожающе крикнула:

— Сейчас же вычеркни моего сына!

Элликбаши занес над головой женщины руку, но ударить не решился, а только визгливо выкрикнул:

— Убирайся, потаскуха!

Люди вздрогнули, переглянулись. Вдруг в воздухе поднялись десятки кулаков. На эликбаши и его друзей посыпались удары. Старик бай кое-как выбрался. Остальных толпа смяла.

В это время вдаль показался имам. Он бежал, неуклюже путаясь в полах длинного халата, и писклявым голосом кричал:

— Эй, мусульмане! Эй, народ общины!

Но слова его потонули в общем гуле, не оказав никакого действия. Тогда он бросился в толпу, начал разнимать людей.

Первыми начали отходить пожилые, а за ними молодежь. Эликбаши и его приятели, перепачканные в пыли, сплевывая кровь, со слезами, с помощью имама поднялись с земли. Лоб эликбаши был в ссадинах, из носа текла кровь, один глаз закрыт багровой опухолью. Имам встряхнул от пыли свалившуюся в суматохе чалму, торопливо намотал ее на голову и обратился к прихожанам со словами увещевания. Он говорил, что надо денно и нощно молиться об избавлении страны от бедствий, о том, что все трудности можно облегчить, вознося хвалу аллаху. Заметив, однако, что люди слушают его без обычного внимания и уважения, а некоторые даже явно посмеиваются, имам прекратил проповедь и, забрав своих подзащитных, торопливо направился к мечети. Эликбаши обернулся, прикрывая одной рукой заплывший глаз, второй погрозил толпе. Юноша-ремесленник крикнул ему вслед:

— Подожди, в другой раз почище отделаем!

С минарета послышался голос суфи, призывавшего к предвечерней молитве. Люди начали было расходиться, но Юлчи остановил их звонким, взволнованным возгласом:

— Люди! Не поддавайтесь уговорам! Стойте твердо! Если все бедняки будут держаться заодно, кто посмеет взять их сыновей? Баи не зря ратуют за царя. Он — их защита. Баи помогают царю, царь помогает баям. Земля ихняя, вода ихняя, власть ихняя... Их слова везде находят отклик. А жалобам и воплям бедноты — грош цена! — Юлчи говорил не очень связно, но горячо. Тишина, наступившая в толпе, внимание людей ободрили его. Он продолжал: — Война наполнила кошельки баев, не правда ли? Так пусть они и посылают своих сыновей! Братья, подумайте, разве это жизнь? До каких пор мы будем терпеть? До каких пор будем умываться кровью, покорно преклонять колени? Поднимем наш голос. Добьемся своих прав — или умрем!.. Возмущение не в одном вашем квартале. Сейчас во многих городах и селах бедный люд начинает требовать свои права. В открытый бой с тиранами и угнетателями вступает народ!..

Задыхаясь от волнения, Юлчи прислонился к дувалу и так стоял некоторое время, оглядывая людей, словно спрашивал: «Верно я говорю?»

Двое или трое из толпы, пугливо озираясь, спешили прочь. Остальные тесно обступили джигита. Женщины, приоткрывая чачваны, с интересом поглядывали на него издали, не смея подойти ближе. Кто-то в толпе сказал:

— Горячий джигит, пламенный. Устами народа говорит.

Молодые парни, окружавшие Юлчи, несмело стали расспрашивать его. Джигит отвечал просто и откровенно, и на перекрестке завязалась беседа словно между давнишними друзьями...

III

Летнее утро... Солнце играет над верхушками густых верб.

Юлчи вышел из дома пораньше, чтобы успеть до жары сделать лишнюю сотню кирпичей.

Со стороны верхнего квартала, направляясь к гузару, бежала толпа мужчин. За ними спешили несколько женщин в старых, потрепанных паранджах.

Юлчи остановился. Люди сгрудились у моста. Послышались иступленные вопли женщин:

— Дад! Где конец насилию?

Покрывая голоса женщин, раздался громовой бас одного из мужчин — плечистого, обожженного солнцем, одетого в лохмотья:

— Вперед, джигиты, вперед! Постоим за себя!

Толпа хлынула через мост.

Народу на гузаре было еще немного. Проклятья женщин, смелые возгласы мужчин напугали торговцев. Чернобородый бакалейщик, занятый поливкой тротуара у только что открытой лавки, застыл с ведром в руке, но тут же, опомнившись, поспешно скрылся за прилавком. А люди вначале нерешительно, потом все увереннее начали присоединяться к выступавшим.

Юлчи протиснулся вперед. Сердце джигита билось в груди, точно молот о наковальню. Он понял, что настал день, когда угнетенные и обиженные крепко схватят за ворот своих насильников.

Толпа все увеличивалась. Усилились вопли, восклицания, плач женщин.

Какой-то старик с белоснежной бородой распростер руки и, будто благословляя народ, во весь голос закричал:

— Собирайтесь, храбрецы! Собирайтесь! Газават! Газават!

Из чайханы выбежали два каких-то уличных парня. Сложив на груди руки, они поклонились старику. Тот благословил их. Парни, схватившись за ножи, висевшие у них на поясах, гордо оглядели окружавших.

Юлчи приблизился к старику:

— Отец, а каков смысл газавата?

— Сын мусульманина,— возмутился старик,— и не понимаешь?!

— Не совсем...

— Верблюжонок мой, по исламу газават — война мусульман с неверными. Умрешь — мучеником за веру станешь, убьешь — героем-победителем будешь. Такова по священным книгам война правоверных.

— Нет, отец! — выкрикнул Юлчи.— Наша война будет иная. Не все мусульмане одинаковые. Разве среди мусульман нет волков? И зубы их не такие же острые, как зубы других волков? Нет, мы будем истреблять всех волков! Так ли я говорю, люди? Наша борьба —

это борьба за освобождение! За уничтожение всех волков, всех насильников, кровопийц!..

Из толпы с разных сторон послышались возгласы:

— Верно!

— Справедливые слова!

Измученный словами Юлчи, старик схватился за ворот рубахи.

— Астагфирулла! — только и мог выговорить он.

Юлчи побежал в свой квартал, собрал бедняков, которых только вчера призывал к борьбе, беседуя на перекрестке. В толпе оказалась и бабушка Саодат.

Они вышли к гузару. Направились к Хадре. Мужчины шагали, расправив грудь, гордо подняв голову. Женщины беспрестанно слали проклятья царю и его приспешникам.

Толпа росла. Из кварталов, из узеньких улочек и переулков выходили и присоединялись группы молодежи, стариков, женщин.

Народ шел смело, густой шумной массой. Изредка встречались полицейские. Когда-то полицейские наводили страх на старого и малого, теперь же они сами трусливо жались к дувалам и прятались от глаз толпы. А люди, осознав свои силы, шли, не обращая на них внимания.

Юлчи рассчитывал, что восставшие направятся в новый город к дому губернатора. Но толпы народа, стекавшися со всех сторон, сворачивали к полицейскому участку на Алмазаре. В глазах простых людей это было самое черное, самое страшное учреждение. Оно олицетворяло всю власть. Все притеснения, насилия, издевательства ежедневно, ежечасно исходили именно из этого проклятого места. Мимо полицейского участка люди всегда проходили с трепетом.

«Хорошо, пусть пожар начнется отсюда!» — подумал Юлчи и, подбадривая людей, заторопился к Алмазару.

Неожиданно до слуха джигита донесся чей-то окрик:

— Юлчи-бай!

Юлчи обернулся: неподалеку на тротуаре с газетой под мышкой стоял Абдушукур. Рядом с ним какой-то стриженный «под польку» и одетый по моде молодой байбача в легком пальто полуевропейского фасона.

Юлчи неохотно сошел с мостовой.

Байбача усмехнулся, небрежно поигрывая стеклом. Абдушукур строго хмурил брови.

— Куда вы все направились? — спросил он. — Куда ты ведешь людей? Это невежество, безумие! — Абдушукур уже кричал, брызгая слюной. — Что понимает это стадо баранов? Что понимаешь ты? Есть люди образованные, которые заботятся о благе народа... А ты зачем путаешься?

— Что же надо делать по-вашему, братец ученый? — насмешливо спросил Юлчи.

— Вернуть людей! — взвизгнул Абдушукур. — Я уговариваю, останавливаю народ, а такие невежды и безумцы, как ты, тянут толпу вперед. Одумайся! Его величество белый царь оказался в этой войне в большом затруднении. Можем ли мы, туркестанцы, совершить преда-

тельство? Услышали про войну и побледнели! Трусые, а не джигиты!

— Все? У меня нет времени заниматься болтовней! — поднял голос Юлчи. — Знайте, народ будет устраивать свои дела, как сочтет лучшим. Он не нуждается в таких маклерах, как вы. Я-то вас хорошо знаю. Вы хотите остановить народную бурю? Хотите заглушить голос народа? Попробуйте!.. Этот буран так вас подхватит, что вы и места на земле не найдете. Вам очень хочется воевать за царя? Что ж, забирайте вот этого байбачу — вашего приятеля — и отправляйтесь, дорога открыта. А наша война будет иная. Воевать мы будем и с теми, кто сосет кровь из народа, и с вами — их прихлебателями!

Юлчи резко повернулся. Через десяток шагов он натолкнулся еще на одного увещателя. Этого отчитывала какая-то пожилая женщина с подобранной до пояса паранджой, без капишей, в рваных ичигах, из которых выглядывали запыленные пальцы ног:

— Я пришла из самого Юнус-абада. Почему я должна вернуться? Хватит, досыта хлебнули горя! Хоть пушку заряжайте мной, а я буду кричать: пошли аллах погибель вашему белому царю Николаю! Вернуться, говоришь? Если ты мужчина, иди вперед, дорогу показывай!

— Правильно, мать! — поддержал женщину Юлчи. — Идем. Не отступай. Нам нечего бояться!

На Алмазаре перед зданием полицейского участка собралась огромная толпа. А народ все прибывал и прибывал. Особенно много закутанных в старые, потрепанные паранджи женщин...

Пробираясь вперед, Юлчи оглядывал площадь. Вот они — дехкане, чайрикеры, батраки, городские ремесленники, рабочие и их отцы, матери, испытавшие на себе всю жестокость насилия, грабежа, издевательств!

В воздухе стоял мощный гул. Со всех сторон слышны исступленные вопли женщин, гневные возгласы мужчин:

— Погибель на эту войну!

— Сил нет больше терпеть!

— Пусть сыновья баев идут на тыловые работы!

В толпе Юлчи столкнулся с Каратаем. Рядом с кузнецом стоял Ораз. С трудом пробравшись к ним, Юлчи обнял друга-киргиза, которого давно уже не видел.

Каратай толкнул Юлчи:

— Вон смотри — Хаким-байбача! Душа у него, видно, к горлу подступила — вот-вот выскочит!

Закусив губу, Юлчи устремил на Хакима полный ненависти взгляд. Тот стоял несколько поодаль от толпы с каким-то русским чиновником в пенсне. Байбача был бледен, во всех его движениях чувствовался страх. Он то окидывал взглядом толпу, то наклонился к чиновнику и что-то говорил ему...

Ораз шепнул что-то Каратаю и будто между прочим заметил:

— Надо бы и Хакима спровадить туда, куда отправился его братец Салим!

Юлчи крепко сжал руку друга.

— Подожди, мы их всех подтянем на одну веревку. А сейчас идем, чтобы не отстать от народа.

Ворота полицейского участка были наглухо закрыты. Мужчины, женщины, цепляясь за окрашенную зеленой краской решетку, пытались проникнуть внутрь.

Юлчи со своими друзьями навалились на одну половину ворот. К ним на подмогу бросились десятки людей. Ворота с треском распахнулись. Толпа бросилась вовнутрь и, захлестнув обширную площадь двора, задержалась у выбеленного здания участка. Двери канцелярии были заперты. Через окна видны искаженные страхом и злобой лица полицейских, миршабов.

Ярость восставшего народа все нарастала. Крики мужчин, возгласы женщин, казалось, поднимались до самого неба. Джигиты сжимали кулаки, старики потрясали посохами, женщины в иступлении отбрасывали чачваны.

— Сюда выходите, живоглоты!

— Мы распорем вам животы!

— Долой тирана-царя!

— Долой баев!

Несколько миршабов во главе с усатым полицейским выскочили из помещения. Похабно ругаясь и размахивая плетками, они пытались оттеснить толпу.

Передние попятались. Надо было действовать.

— Бей! — крикнул Юлчи и, как тигр на добычу, рванулся на полицейских. Двумя ударами он повалил двух миршабов.

Народ с криком бросился на других. Но из окон раздались выстрелы, и благодаря этому измятым кулаками и пинками миршабам удалось скрыться в помещении.

В двери, в окна канцелярии полетели камни, обломки кирпичей. Со звоном посыпались осколки стекол.

Неожиданно дверь канцелярии распахнулась, и на крыльце появился усатый, грузный и злой пристав Мочалов в сопровождении двух полицейских чиновников, бледных, с перекошенными от страха лицами.

Пристав резким движением руки потребовал тишины. Один из чиновников сделал попытку разъяснить смысл «высочайшего указа». Но шум и крики заглушили его слова. Снова со всех сторон полетели камни, кирпичи. Какая-то распаленная гневом женщина вцепилась в одного из чиновников, рванула его с крыльца. Близ стоявшие свалили его, потащили в толпу. Какой-то молодой джигит с непокрытой головой, с горевшими ненавистью глазами проворно выхватил из ножен чиновника шашку.

В этот момент по знаку Мочалова из окон канцелярии прогремел залп. В народ посыпались пули. Упали две женщины. Одна застыла на нижней ступеньке крыльца, другая, комкая худыми, изможденными руками паранджу и чачван, свалилась на кирпичи. Какой-то чернобородый, бедно одетый человек, зажимая правой рукой плечо и закрыв от боли глаза, опустился на корточки. Меж его пальцев проступила кровь.

Толпа попяталась, отхлынула от крыльца.

Едва над головой зазвенели пули, Юлчи почувствовал, как весь он наливается бурной, клокочущей силой, а сердце его охватывает неудержимая ярость. Горящими глазами он оглядел народ: во взглядах людей — жгучая ненависть, в руках Каратая, Ораза и многих других холодно поблескивают ножи, руки женщин сжимают камни.

В народе нарастала новая волна гнева:

— Стреляйте! Убивайте!

— Пусть земля поглотит тирана!

— Не дадим своих сыновей кровопийце-царю!

Юлчи решительно шагнул вперед. Вместе с первыми рядами подступил к двери канцелярии. Вслед хлынула застывшая было на миг волна народа. Еще один из царских прислужников был смят. Остальные успели скрыться. Дверь канцелярии снова захлопнулась.

Топтаться во дворе было бесполезно. Надо было врываться через окна и двери внутрь. Юлчи искал глазами своих друзей: Каратай яростно орал что-то в толпе джигитов, Ораз ожесточенно бросал камень за камнем в окно канцелярии, — ни тот, ни другой не услышали его призыва. Увидев неподалеку группу мужчин своего квартала, Юлчи решил позвать на помощь их.

Пробиваясь сквозь толпу, джигит вдруг остановился: среди множества женщин он увидел девушку. Она то приподнимала чачван, то вовсе отбрасывала его, вставала на носки, озиралась по сторонам. На ресницах ее жемчужинами блестели слезы. При первом взгляде Юлчи показалось, что он видит Гульнар: овал лица, разрез глаз, тонкие изогнутые брови — все напоминало ему любимую. Джигит закрыл глаза и даже покачнулся — в сердце его будто вонзилось что-то острое, грудь задила волна скорби.

«Гульнар, возлюбленная моя! Нет тебя. Нет тебя на этом празднике народном, празднике джигитов!»

Со всех сторон послышались новые взрывы криков и возгласы:

— Полицмейстер! Казаки!.. Не теряйтесь, джигиты! Бейте их, удалцы!

Юлчи метнулся к передним рядам, увидел полицмейстера, стоявшего на крыльце в окружении казаков.

Полицмейстер Колесников пытался говорить, но в ответ ему загремел грозный клич:

— Бей тирана!

Десятки рук протянулись к полицмейстеру. Он выхватил револьвер. Казаки дали залп, вслед поднялась беспорядочная стрельба. Сразу упало несколько убитых и раненых, но восставшие все рвались к крыльцу.

Юлчи ринулся на высокого бородатого казака, оглушил его ударом кулака, одним рывком выхватил у него клинок. Поднял высоко над головой горевшую белым пламенем шашку, бросился за убегающим в канцелярию полицмейстером.

Вдруг, будто схваченный судорогой, джигит застыл на мгновение, потом, все еще крепко сжимая клинок, согнулся и медленно опустился на землю.

Немного погодя он открыл глаза. Над ним — чистое голубое небо, яркое солнце; как сквозь глухую стену слышен шум толпы. На дерево напротив взбирается какой-то мужчина. Юлчи узнал в нем Ораза — киргиз обрезал телефонные провода...

Страшная боль пронизывала все тело джигита, но он еще кипел гневом, пытался бороться. Крепко стиснув зубы, опираясь на руки, он оторвал голову от земли, приподнялся, но в глазах у него потемнело, и он свалился снова...

Юлчи лежал, обливаясь кровью, но не терял сознания. Душой и мыслью он был с восставшим народом. В ушах его торжественной музыкой звучал грозный ропот толпы — это были гневные голоса многих тысяч братьев, отцов, матерей, грудью вставших против баев, против всех тиранов и насильников.

Кто-то подошел к нему, погладил рукой лоб, позвал:

— Юлчи-бай! Лучше бы мне умереть, твоему брату! Эх, друг, старый мой друг!..

Джигит открыл глаза — над ним склонился Каратай.

Каратай и Ораз подняли Юлчи; с трудом выбравшись из толпы, быстро зашагали прочь. В квартале Диван-беги они вошли в какой-то заброшенный двор и осторожно уложили Юлчи в полуразрушенной лачуге.

— Друг, ну как ты? Воды дать?

Вопрос Каратая остался без ответа.

Юлчи был мертв...

Каратай прикрыл лицо друга поясным платком. Ораз снял и расстелил халат, на него уложили тело. Каратай ножом разрезал окровавленную рубаху, обнажил грудь Юлчи: на левой стороне вокруг раны густо запеклась кровь...

До наступления темноты друзья в горестном молчании сидели на безлюдном тихом дворе. Потом Ораз отправился к знакомому арбаке-шу, вернулся на арбе, застеленной несколькими снопами рисовой соломы. В темноте они уложили Юлчи на арбу, прикрыли соломой и с большой осторожностью поехали к бабушке Саодат.

Унсин, слышавшая о восстании, о стрельбе, об арестах, опасаясь за брата, под вечер прибежала с сынишкой Каратая на Тахтапуль. Бабушка Саодат, вместе с другими женщинами ходившая к полицейскому участку, подробно рассказала девушке о событиях. Обе они очень беспокоились за Юлчи.

Неожиданно во двор вбежал Каратай. Беспокойно оглядываясь назад, кузнец скороговоркой предупредил:

— Пожалуйста, прошу — не поднимайте голоса! — и снова скрылся.

Женщины застыли, предчувствуя беду. Но только когда внесли Юлчи и уложили на подстилку, они поняли страшную истину.

Каратай послал Ораза за Шакиром-ата, а сам остался в хибарке. Он сидел неподвижно, лишь время от времени поднимая голову, чтобы унять женщин, если они начинали громко плакать.

При свете лампы Юлчи лежал такой же спокойный, гордый и

красивый, каким был при жизни. Глаза, казалось, вот-вот откроются, губы зашевелиятся, и он заговорит...

Унсин рвала на себе волосы, до крови царапала щеки. Но разве это могло хоть чуточку облегчить ее страдания? И разве могли слезы омыть сердце, залитое скорбью?

Обнимая любимого брата — ее друга и единственную опору в жизни, Унсин прижималась щеками к кровавой ране. Не действовали на нее ни уговоры Каратая, ни ласки старухи. Девушке казалось — ее жизнь не стоит и одной минуты жизни брата.

Пришел Шакир-ата. Каратай с Оразом отправились на кладбище. На случай, если бы могильщик отказался ночью копать могилу, они захватили с собой кетмень.

Шакир-ата, опустившись на колени у изголовья Юлчи, долго и горько плакал. Потом обратился к Унсин, по-отечески ласково погладил ее по голове.

— Доченька моя, родная, доченька! Не убивайся так. Ты умница, девушка, поймешь: смерть Юлчи — не простая смерть. За кого пролил кровь твой брат? Не за себя — за народ, за всех обиженных и обездоленных кровь свою он пролил. Эта кровь самая чистая, самая благородная. Это — священная кровь!.. Доченька, брат твой был мужественным джигитом. Честным джигитом. И он честно и мужественно умер. Кровь Юлчи не пропадет даром. Потом ты поймешь, доченька. Придет время, я умру, а ты вспомнишь и скажешь: «Шакир-ата правду говорил!» — Старик тяжело вздохнул. — Не горюй, доченька. Я для тебя — отец. Старуха — мать. В кишлаке у тебя есть брат. Есть у тебя и такой друг, как Каратай. Все мы тебя любим.

Унсин так и не успела передать брату колечко, которое ей когда-то дала Гульнар. Она вынула его из кармана, поцеловала и надела на мизинец Юлчи.

Ровно в полночь Юлчи уложили в табут. Шакир-ата, Каратай и Ораз прочли молитву. Звать джигитов квартала было опасно. Каратай и Ораз вдвоем подняли табут. Бабушку Саодат еле уговорили остаться дома. За табутом шли Шакир-ата и Унсин.

В непроглядной темноте, в глубоком, горестном безмолвии друзья уложили Юлчи в могилу и забросали ее землей, поклявшись отомстить насильникам. Потом, простившись со стариком и Унсин, они ушли. Им нужно было хотя бы на время скрыться.

Унсин долго плакала. Она то клала на могилу голову, то прикидала к ней грудью, не в силах утешить безмерную скорбь.

Когда начали тускнеть и гаснуть звезды, Шакир-ата взял девушку за руку, поднял с могилы и повел домой.

Шли они тихо. Когда достигли половины пути, на горизонте загорелись яркие, красные как кровь лучи. Приветствуя восходящее солнце, в зелени садов запели птицы.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А й — луна.

«А й н а» («Зеркало») — журнал, издававшийся до Октябрьской революции.

А л а й х и с а л я м — один из эпитетов Мухаммеда.

А л л а к — торговец мукой.

А л и ф — первая буква арабского алфавита; в арифметике — единица; в данном случае своеобразная запись отпущенного товара.

А л м и с а к — символический образ первобытного человека; в р е м е н а А л м и с а к а — времена Адама, допотопные времена.

А к а (старший брат) — почтительная форма обращения к старшему по возрасту или положению.

А н а ш а — наркотик для курения.

А р б а к е ш — извозчик.

А р ш а - а л л а — престол всевышнего.

А с к е р — воин, солдат.

А с т а г ф и р у л л а — господь с вами.

А т а (отец) — при обращении к старшему употребляется и как приставка, выражающая особое уважение.

А т а л а — мучная похлебка.

Б а з з а з - м а л у — фактурщик.

Б а з м — пир.

Б а к к а л — лавочник, бакалейщик.

Б а л а х а н — каркасная надстройка над первым этажом дома.

Б а л л и — браво, молодец.

Б и б и — тетя.

Б и б и Ф а т и м а — жена пророка Мухаммеда.

Б у з а — хмельной напиток из закваски проса.

В а а л е й к у м — и вам мир.

В э ж у д ж и М э ж у д ж — то же, что Гог и Магог.

Г а н ч — вид алебастра.

Д а д а — тапа.

Д а с т а р х а н — скатерть; скатерть с угощением.

Д ж а д и д — человек, который хотел преобразовать общество путем культурной реформы.

Д ж а м ш и д — персидский царь, славившийся разгульной жизнью.

Д ж а н ы в а р — животное; в отношении животного ласка или похвала.

Д у т а р — двухструнный музыкальный инструмент с длинным грифом.

Д у с т — друг, браво, молодец.

Д э в — громадное мифическое существо.

Е л л а — о боже!

Е к а з и л х а д ж а т — о всевышний судия!

Ё п и р и м — о наставник мой!

Ё р а с у л ь у л л а — о святой пророк!

З а к я т — милостыня в размере $\frac{1}{40}$ части доходов, которую баи-мусульмане должны раздавать беднякам.

З а у р — канава.

З и к р — моление с участием ишана.

И м а м — духовное лицо, руководящее молением в мечети.

И с к а н д а р З у л ь к а р н а й н (Двурогий) — Александр Македонский.

И ш а н — духовное лицо.

И ч к а р и — женская половина двора.

И с к и - Д ж у в а — название одной из частей старого Ташкента.

И с р ы к — гармола.

К а в у ш — кожаные калоши.

К а з ы — конская колбаса.

К а п — мешок из грубой домотканой шерсти.

К а р в а н — содержатель постоянного двора.

К а р н а й — духовой музыкальный инструмент — длинная прямая медная труба.

К а р ы — человек, знающий весь Коран наизусть.

К а р ы х а н а — начальная духовная школа.

К о к а н д с к а я а р б а — арба на двух высоких колесах.

К у м г а н — высокий медный чугунок или чугунный кувшин для кипячения воды.

К у м а р (кимар) — азартная игра в альчики.

К у р б а н - б а й р а м — мусульманский праздник жертвоприношения.

К у р т — засушенный творог в форме шариков.

К у р м а к — сорняк.

К я ф и р — неверный, человек иной веры.

Л а ч и р а — тонкие лепешки, употребляемые вместо гренков.

Л у к м а н - х а к и м — древний врач.

Л ю т ф и — узбекский поэт-классик.

М а в л ю д — молитва в честь рождения Мухаммада.

М а х а л л я — квартал.

М а ш к и ч и р и — узбекское национальное блюдо, приготавливаемое из маша; каша.

М а ш р а б , ш а х - М а ш р а б — узбекский поэт-классик.

М и р ш а б — полицейский.

М у д а р р и с — преподаватель медресе.

М у л л а — человек, окончивший медресе.

М у с с а л л а с — натуральное виноградное вино.

М у х а м м а д — пророк.

М у э д з и н — служитель при мечети, возглавляющий с минарета часы молитвы.

М ю р и д — ученик ишана, шейха или пира.

Н а м а з — совершаемые пять раз в день обязательные молитвы у мусульман.

Н а м а з - а с р — вечерняя молитва.

Н а с — особым способом приготовленный молотый табак.

Н а р ы н — национальное блюдо из мелко нарезанного мяса и кусочков раскатанного теста.

П а л в а н — силач, богатырь.

П а ч ч а — муж старшей сестры, зять.

П и р — духовный наставник.

Рахмат — благодарю.
Рубан — четверостишие.
Скобелев — город в Фергане.
Супа — глиняное возвышение для отдыха.
Супра — подстилка, на которой сеют муку и замешивают тесто.
Сура — глава Корана.
Сурнай — народный музыкальный инструмент; род кларнета.
Суфи — служитель мечети, призывающий к молитве.
Суюнчи — подарок за радостную весть.
Табнума — каково ваше желание? (*перс.*)
Табиб — лекарь.
Табут — носилки, на которых относят мертвых на кладбище.
Тавба — восклицание, выражающее крайнее удивление.
Таксыр — господин.
Танбур — струнный национальный музыкальный инструмент с длинным грифом.
Танап — $\frac{1}{8}$ часть гектара.
Тандыр — специальная печь для выпечки мучных изделий — лепешек, самсы.
Танти — щедрый.
Тартышмачак — женская свадебная игра в перетягивание, обычно между сторонами жениха и невесты.
Ташкари — мужская половина дома.
Таньга — серебряная монета в 20 копеек.
Тиллягаджак — позолоченная металлическая подвеска, которую носили в волосах около ушей в качестве украшения.
Тиллякаш — позолоченная металлическая подвеска, надеваемая на лоб в качестве украшения.
Тойбаш — распорядитель на свадьбах.
Тумар — талисман, амулет.
Тупалан — буян.
Тура (тюря) — господин, человек высокого происхождения.
Улак — конноспортивное состязание, на котором участники состязания вырывают друг у друга козлиную тушу.
Улема — ученый-богослов.
Фаранг — искусный.
Фарангистан — Франция.
Фатиха — краткая молитва-благословение, которой закрепляется сговор между сторонниками жениха и невесты; краткая молитва, приуроченная к какому-либо случаю.
Хазрат — господин, святой, величество.
Хайнт — мусульманский праздник.
Хауз — водоем.
Хатамтай — легендарный богач, отличающийся щедростью.
Хуфтан — время для предсонной молитвы.
Чавандаз — искусный наездник.
Чайрикер — издольщик.
Чапан — халат.
Чачван — покрывало для лица, сотканное из конских волос, носимое женщинами с паранджой.

Ч и л и м — кальян.
Ч и р а к — масляный светильник.
Ч и т т а к — синица.
Ч и л я к и — ранний сорт винограда.
Ш а х и д — умерший за веру.
Ш е й х — духовный наставник.
Э л л и к б а ш и — старшина квартала.
Ю н а н — Греция.
«Яр-яр» — свадебная песня.
Я с а в и — поэт-мистик.

Пиримкул
Кадыров

**Алмазный
подс**

*Ташкентский
городской
роман*

Перевод с узбекского Ю. Суровцева

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнечный круг медленно выкатывался из-за Чаткальских гор.

Аброр встречал восход на балконе. С третьего этажа казалось, будто огненный диск, вернее — верхний его край, сжался, приостановился в настороженном выжидании, а потом быстрыми-быстрыми лучами-выплесками пошел зажигать бесчисленные железные и шиферные крыши, бетонные и асфальтовые пространства громадного города, который давно уже проснулся, заполнив улицы разноцветными потоками автомашин.

На стали и стекле свет сверкает — нестерпимо глазу. И, падая на сочную зелень, растворяется в мощной кроне столетних чинар и дубов, нежно переливаясь золотисто-желтыми оттенками на цветущей джиде; медовый ее аромат утренний ветер разносит далеко окрест. Урюк, миндаль, персик и яблони отцвели еще в апреле; недавние майские дожди омыли их листья, уже по-летнему темные. Высокие кусты граната сверху трудно отличить от сплетений виноградных лоз, лишь ярко-красные колокольчики гранатовых соцветий выделяются, словно вспышки раскаленных угольков, среди буйной зелени. Их алые бархатистые цветочки боятся холода и темноты; ночью, сжавшись, смыкают лепестки, а утром от прикосновения солнечных лучей снова оживают, широко раскрывая свое ярко-красное лоно навстречу свету и теплу.

Все выше над головой поднимается солнце, диск его становится все меньше и ярче. Глаза не выдерживают ослепляюще яростного полыханья огня, и приходится отойти в тень.

Всю ночь Аброр просидел над чертежом древнего канала Бозсу, что когда-то протекал в этих, ныне бетонно-асфальтовых просторах. А что было до канала? Две

тысячи лет назад вместо зеленого оазиса была выжженная солнцем нескончаемая степь, безводная и бесплощадная.

Да, здешнее солнце щедрое, и зелень майская густа и живительна, но уже в середине мая кончаются дожди, потом неделями на небе не отыщешь ни облачка, до самой осени стоят ясные, безжалостно жаркие и сухие дни. Человек тогда ищет спасенья в тени деревьев. А деревья ждут спасенья от воды, проточной, поливной, которая ныне покорила людям.

Эта тысячелетняя взаимозависимость человека и природы стала для Аброра теперь путеводной нитью в сложном лабиринте давнего замысла.

Зеленый оазис Ташкента... Зеленая капелька жизни, зажженная некогда в степи, постепенно расширялась и превратилась наконец в море зелени... Спасенная жизнь вдвойне дорога. Каждый куст, каждое дерево словно тянется к человеку, доверяя свою судьбу, полагаясь на его добрую волю и добрый ум, разумно направляющий поток воды для спасения всего живого...

— Папа, мы опаздываем! — послышался обеспокоенный голос дочери.

Аброр, прервав свои раздумья, увидел ее уже внизу, у подъезда.

Да, пора спускаться. Он должен был отвезти жену в аэропорт, на московский рейс.

Лишь до первого перекрестка хватило сил удержать в себе то особое чувство, которое пришло к нему там, на балконе. А дальше... его подхватил и понес поток машин... Внимание, внимание, он должен собраться с мыслями, а не то или светофор прозеваешь, или тебя зацепят, или ты кого-нибудь стукнешь... И надо поторапливаться, времени оставалось в обрез, а путь от Юнусабада через центр города немалый.

Наконец миновали железнодорожный вокзал, оттуда до цели не столь далеко, благо что аэропорт ташкентский в черте города. «А мы, ташкентцы, порой из-за этого ворчим, выражаем недовольство...»

Ага, вот и железнодорожный переезд, теперь-то уж совсем рядом.

Аброр прибавил газу, желая скорей пересечь тускло поблескивающие рельсы, но резко-тревожно замигал красным семафор, и полосатый шлагбаум неожиданно быстро — так показалось — опустился перед «жигуленком». Аброр успел тормознуть — колеса взвизгнули,

машина вильнула, качнулась вперед, едва не налетев на шлагбаум.

Поезда не видно, а в железнодорожной будке пронзительно надрывался звонок. Продолжал раздражающе мигать красным семафор.

Вазира, сокрушенно вздохнув, взглянула на крохотные наручные часы.

— Ах, чтоб ему пропасть! Опоздаем теперь... Лучше бы через путепровод ехать!

Аброр с силой дернул за ручной тормоз. В душе кипело раздраженное нетерпение.

— Может, еще через Бешагач надо было ехать? — съязвил он, назвав дальний район города.

— Через Бешагач — нет, а если бы через улицу Руставели, наверняка бы успели. А сейчас регистрация заканчивается...

Пошел-поплыл мимо нескончаемо длинный, тяжелый поезд. Неторопливо двигались цистерны, платформы, груженные бревнами, штабелями досок, уставленные ярко-красными тракторами.

— Смотри-ка, папа, и машины! — почти выкрикнул восторженный непоседа Зафар с заднего сиденья. — Такие же, как у нас, «Жигули»!

Аброр промолчал. Малика поправила братишку:

— Не такие. Это другая марка.

— Почему? Ты-то откуда знаешь?

— У нашей машины две фары. А у тех «Жигулей» по четыре.

Медленно проплыла еще одна открытая платформа.

— Бульдозеры! — уже забыв о «Жигулях», выкрикнул Зафар.

Вазира не отрывала глаз от платформ и красных вагонов.

— И чего это он длинный такой?.. Конца-краю не видно!

А Зафару, наверное, хотелось, чтобы поезд был еще длинней и ехал бы как можно медленней: столько интересных вещей он вез. Аброр сидел неподвижно; было видно, что он не торопится.

Но вот наконец полосатый шлагбаум дрогнул и стал подниматься. Вишневые «Жигули» тут же юркнули через железнодорожное полотно... И вскоре Аброр остановил машину у самого входа в здание аэропорта.

Застекленный зал регистрации пассажиров был переполнен.

— Вещи Малика принесет!

Вазира выскочила из машины и, на бегу стараясь вытащить из сумочки билет и паспорт, устремилась в зал.

Аброр нарочито спокойно высадил детей, замкнул на ключ дверцы, открыл багажник. Рядом с чемоданом лежал длинный черный футляр. Чертежи Вазиры. Аброр взял легкий футляр за ручку и передал его Малике. Сам понес темно-коричневый кожаный чемодан. Был он не так уж и велик, но очень тяжел. Аброр уловил аромат хандаляков. «Без подарков не может!» — разозлился он на жену.

Они уже входили в стеклянные двери, когда откуда-то сверху раздался голос диктора: «Заканчивается посадка в самолет, вылетающий рейсом шестьсот тринадцать до Москвы. Повторяю: заканчивается...»

Вазира была в толпе, что облепила окошко регистрации и проем с круглыми весами для взвешивания багажа. Нетерпеливо выхватила у Аброра чемодан, сама толкнула его на весы.

— Повезло, мое место осталось за мной! А места опоздавших продают тут же... Желающих ой как много было, но добрые попутчики нашлись, не допустили...

Аброр огляделся. Сразу узнал высокого статного мужчину, стоявшего неподалеку у стойки спиной к ним.

— Мой билет регистрируют...

— Что, и Бахрамов летит? — голос Аброра на какой-то миг стал словно жестяным...

Было время, когда они вместе учились в институте и Аброр называл своего сверстника только по имени Шерзод. Потом произошло много такого, из-за чего он стал называть сокурсника только по фамилии. И вот сейчас Аброр увидел в руках Шерзода паспорт Вазиры. Аброр насупил, опустил взгляд.

Когда-то этот самый Шерзод чуть не женился на Вазире. Отец Шерзода, человек с положением, солидный, сумел через своих людей даже заручиться предварительным согласием родителей девушки. Но не ее согласием, нет! Аброр до сих пор не может спокойно вспоминать о тех днях: сколько пришлось им с Вазирой вынести, прежде чем удалось помешать намерениям родителей.

Вазира почувствовала настроение мужа. Отдышалась, мирно заговорила, указывая глазами на курившего в сторонке мужчину средних лет с портфелем в руках:

— Они с Шерзодом вдвоем летят...

«Говорит, будто только что узнала...» Аброр стал еще более хмурым, прервал жену:

— Ну уж коль Бахрамов так старался сохранить за тобой место, значит, он заранее знал, что вы втроем полетите!

«Может, он и знал, да я ничего не знала, — хотела было возразить Вазира, но сдержалась. — Оправдываться? Зачем?» Глядя прямо в глаза Аброру, спросила как отрезала:

— А это имеет значение?

Тут с паспортом и билетом Вазиры в руках подошел Шерзод.

— Посадка уже закончилась, трап могут ведь и убрать... О, Аброр...

На лацкане модного светлого пиджака Шерзода блестяла медаль лауреата республиканской премии. Недобро сжатые губы Аброра приятного разговора не сулили, да и некогда было разводить церемонии. Однако Шерзод постарался придать голосу невозмутимую корректность:

— Аброр Агзамович, я приветствую вас.

Аброр сдержанно кивнул в ответ.

Вазира взяла у Шерзода свой паспорт с билетом и поспешно спрятала их в сумочку. Заторопились к выходу. До трапа московского самолета идти было довольно далеко — через центральный аэровокзал.

— Если бегом, то успеем! — энергично предложил Шерзод.

В свои сорок лет он был еще строен. Вазира невольно окинула взглядом грузное тело мужа.

— Ну, здесь попрощаемся, — сказала она и первой обняла сынишку.

Он ласково прижался к матери и успел прошептать ей на ухо:

— Привези мне самоходку, ну, танк такой...

— Хорошо. А Малике, конечно, туфли на платформе?..

Малика с готовностью кивнула и тут же бросилась матери на шею:

— Мапочка, возвращайся поскорей!

Вазира забрала у дочери футляр. Подошла к Аброру, положила мужу на плечо руку с сумочкой. Аброр догадался, что жена хочет поцеловать его, и слегка наклонил голову. Вазира приподнялась, коснулась губами щеки Аброра.

— Ну, счастливо оставаться! Вечером я позвоню из Москвы. Пока...

Шерзод отвернулся. Счастливая пара! Хорошая семья! Ну да ладно, еще посмотрим...

Шерзод и Вазира бросились наконец догонять мужчину с портфелем.

Вазира поспешала уже не так легко, как в молодые годы, да и высокие каблуки заставляли ее семенить; Шерзод на бегу забрал у Вазиры сумочку и футляр.

Они добежали как раз, когда аэродромная служба собиралась откатывать от борта самолета трап. Получив свою порцию упреков, поднялись по ступенькам, проскочили в дверь.

Попутчик Шерзода сразу же сел на первое свободное место. А Шерзода с Вазирой бортпроводница, видно, приняла за мужа и жену и провела их в третий салон, усадив рядом в самом хвосте самолета.

Домой Аброр возвращался взбудораженный и разозленный донельзя. То прибавлял скорость, то резко тормозил, на поворотах машину заносило и раскачивало. Испуганные Малика и Зафар, прижавшись друг к другу на заднем сиденье, молча следили за отцом.

У Аброра все еще стояла в глазах недавняя картина: бегущие рядом к самолету Шерзод Бахрамов и Вазира.

Ну и ловкач этот Шерзод! Сначала оформлял билет, мусолил в руках паспорт Вазиры, а потом вообще забрал ее сумочку. Аброр и дергался, и цепенел, как человек, под чью рубашку заползла оса. Вот-вот укусит... Разумеется, в самолете незнакомые люди будут принимать Вазиру за жену элегантного Шерзода. Оса под рубашкой нещадно ужалила Аброра, и на миг он просто забыл, что сидит за рулем стремительно едущей машины. Перед ним у очередного перекрестка вспыхнул желтый свет. Аброр сильнее нажал на газ. Новенькая «Волга» с белоснежными складчатыми шторками по заднему стеклу пронеслась перед самым носом «Жигулей». Она имела право пронзительно просигналить: дорога была ее, «Жигулям» следовало переждать. Сработал неведомо какой рефлекс, — Аброр успел сбавить скорость, иначе... Стало вдруг страшно. За детей...

Аброр попытался взять себя в руки, провел языком по пересохшему нёбу, ладонь положил на грудь, на сердце, готовое, кажется, вот-вот выскочить, рывком расстег-

нул ворот рубашки. «Хорошо еще, милиционера на перекрестке не оказалось», — постарался успокоить он себя. На минуту придержал машину у тротуара, после того как остался позади чертов перекресток.

Перед следующим перекрестком Аброр тихо остановил машину, обернулся к детям:

— Сейчас отвезу вас домой, а сам поеду на работу. — Порылся в кармане, достал зубчатый ключ и протянул его дочери: — Малика, за дверь отвечаешь ты.

— Но ведь и мне скоро в школу, папа.

— Когда будешь уходить, ключ оставишь Зафару. Мальчик обрадовался:

— Конечно, я ведь во вторую смену.

— А если я вернусь, ты еще не придешь домой, где я тогда ключ возьму? — спросила девочка.

Зафар недоуменно замолк.

Включился зеленый свет. Аброр быстро тронул машину с места и, не отрывая взгляда от дороги, бросил:

— Ключ, Зафар, не забудь соседям оставить.

— Вот правильно... Ладно, папа.

— Малика, в холодильнике вчерашний плов. Разогрей, и поешьте перед школой.

— Папа, а можно я себе потом яичницу сделаю? — Зафару хотелось быть взрослым, самостоятельным.

— Сам? Нет, к плите не подходи. Если Малика вернется пораньше, она тебе и пожарит.

Аброр старался отвлечь себя разговором о предстоящих детям заботах, сосредоточить внимание на дороге, но оса из-под рубашки все еще не вылетала. Понятно, он злится зря, из-за пустяка, ведет себя глупо, недостойно, — подумаешь, Шерзод побежал вместе с женой, помог ей оформить билет... А Вазира при прощании так доверчиво и нежно прикоснулась к щеке мужа, к его собственной щеке, черт возьми, а не щеке Шерзода, а если и посмотрела на него, на Аброра-муженька, строго, так иначе и не могло быть, коли муженек напыжился при виде старого соперника, словно индюк. Ему надо было вести себя спокойно, с достоинством, ведь не зеленый же он юнец, в конце концов, — сорокалетний, да и с Вазирой пятнадцать лет прожили, вон дети уже какие, даже стыдно перед ними за глупую, недостойную ревность!

Но что тут поделаешь, ежели проклятушая эта оса угнездилась в каких-то труднодоступных извилинах мозга, в темных уголках души? Он вроде матрешки —

сидят в нем, скрываются друг в друге несколько разных Аброров. И один из них, самый, может, изначальный (из первобытных генов!), укрылся и жалит другого Аброра. «Не муж, а тряпка... спешил, дуралей, гнал машину... для чего?! А чтоб вручить свою драгоценную на попечение соперника... дал ему отличный шанс для реванша». В прежней, довоенной ташкентской махалле такого мужа настоящие мужчины выгнали бы из своего круга как недостойного! В прежней... На старом Востоке мужчина, что и говорить, возомнил о себе невесть что — женщина соглашалась веками сидеть во внутренней, закрытой для чужих глаз части дома, а когда выходила на улицу, то с головы до пят закрывалась паранджой. Мало того, даже голоса ее не должен был слышать чужой мужчина. Считалось, что тот может насладиться если не ее красотой, то нежностью голоса, а отдать хотя бы капельку нежности другому — значит, нарушить обет верности.

Тьфу ты, наваждение! Уж к нему-то, Аброру, к его семье эдакое никак не относится... А вот поди-ка, внутри матрешки жил, оказывается, еще и старый, «восточный» Аброр. Вековой инстинкт... гены? Пусть так, но его жена должна быть безукоризненно честной, преданной. И чтоб никто не имел никакого, ни малейшего повода в том усомниться!

А Вазира летит сейчас в Москву вместе с Шерзодом, который (Аброр это знал наверняка) сделает все для того, чтобы поселиться с Вазирой в одной гостинице, повести ее в ресторан, в театр... Ну и что? Вазира может постоять за себя. Он верит ей! Но оса все жалила и жалила... Шерзод хитер, опытен, и сколько возможностей теперь у него будет, чтобы одержать победу над ним, над Аброром!

Растревоженный, въехал он во двор своего пятиэтажного кирпичного дома, «шедевра архитектурной мысли», как горько шутил подчас. А двор-то еще лучше! Обломанные деревья, перекопанный, развороченный траншеями и ямами центр двора, громоздящиеся кучи земли, клубы пыли вокруг гигантов самосвалов. «Вот оно, лицо Шерзода без маски...» — подумал Аброр.

Два года назад Вазира могла еще добиться, чтобы Аброр, забыв давнее, пошел к Шерзоду, однокашнику, решать деликатный вопрос, который касался благоустройства целого жилого квартала. Это сейчас она и на аркане не смогла бы затащить Аброра в роли просителя

в ответственный кабинет товарища Бахрамова. Но два года назад... Аброр подумал, что давнишнее соперничество безвозвратно ушло в прошлое, тем более что Шерзод женился на дочери министра и теперь сам стал солидным начальником, имеющим веский голос в делах коммунального городского строительства.

Живо припомнилось, как важно Шерзод сидел тогда в глубине просторного кабинета за большим столом с четырьмя телефонами. Перед ним, явно робея, двое проектировщиков разворачивали только что вычерченные эскизы. Шерзод, недовольный тем, что кто-то без доклада открыл дверь, хмуρο глянул на вошедшего. Но, увидев Аброра, заулыбался, повернулся в удобном кресле, поднялся и шагнул навстречу. Одновременно — удивительное дело! — на лице его сохранилось и пренебрежение к подчиненным.

— Как освобожусь, вызову, — буркнул им Шерзод, пожимая руку Аброру.

Проектировщики забрали со стола чертежи, вышли из кабинета. К креслу Шерзод не вернулся. Он усадил Аброра по одну сторону приставного столика, а сам сел по другую.

«Принимает по всем правилам. Начальник!» — мысленно усмехнулся Аброр. Вслух сказал:

— Вот пришел, по делам нашей махалли...

— Ты... по делам махалли? — недоверчиво переспросил Шерзод.

Аброр стал объяснять, что их микрорайон построен на месте старой махалли. Прежние жители из глинобитных домиков переселились в современные дома. Но люди эти испокон веков привыкли к чистому воздуху, к жизни во дворе. Вот они и в новом микрорайоне стали устанавливать в общих, объединяющих по несколько пятиэтажных дворах деревянные помосты, стелить на них одеяла и отдыхать в тени деревьев. Во дворах, бывает, и шумные свадьбы играют, празднества справляют, как всегда многолюдные, с карнаями и сурнаями, с грохотом бубнов.

— ...А для новых микрорайонов, — вставил Шерзод, — все эти карнаи и сурнаи не совсем уместны, так?

— Ну, я бы так не сказал. Разве старые махалли не были, по сути, своеобразными микрорайонами своего времени?

— Были, разумеется... Но лучше старые обычаи

похоронить под снесенными глинобитными стенами ма-
занок. Разве ты иначе думаешь?

— Плохие обычаи... да, их надо бы похоронить. Но
ведь есть и хорошие. Я лично люблю бас карная. Напевы
сурная, ритмы дойры — все это, по-моему, очень подхо-
дит Ташкенту. Где еще такое услышишь? А неповтори-
мость звуков и красок... разве ими не должны мы доро-
жить? — в тон Шерзоду спросил Аброр.

— Да какая там неповторимость? Каждый летний
день десятки свадеб во всех концах города. В ход идут
микрофоны. Карнаи ревут — стекла дрожат. В Ташкен-
те и без них шуму хватает. Будь в моей власти, я бы эти
карнаи просто запретил в больших городах!

— Ну да, я и забыл, ты ведь еще в студенческие
годы увлекался джазом.

— Увлекался, а что? Сейчас вот весь мир увлека-
ется поп-музыкой...

— Но зачем весь мир-то унифицировать под джаз
или поп-музыку? Пусть там — джаз, здесь — карнай и
сурнай, пусть — каждому свое.

— Да ладно, хватит об этом. Я тебя слушаю... да-
вай по делу.

Аброр снова стал говорить, что его дело-то и состоит
в том, чтобы их микрорайон приобрел своеобразие.
Архитектурные шедевры — коробки — уже возведены,
тут ничего, как говорится, не попишешь. Но общий двор
можно еще решить более интересно. Сухие бетонные
лотки, по которым не текла вода, со двора уже убрали.
Сделали небольшие арыки с живыми зелеными бере-
гами. Рассадили по двору цветы и деревья, этаким
традиционный для восточного землеустройства чорбог —
«четыре сада». В определенной его точке — клумбы
с четырьмя разновидностями цветов. На краях взметну-
лись тенистые деревья — пирамидальные тополя и чи-
нары: двор-то немалый по площади. Нашлось в нем
место, как велит обычай, и для фруктовых — черешни,
персика, айвы. И в середине спортплощадка — там дети
резвятся целый день. И все это было сделано методом ха-
шара — своего рода субботник древности, когда беско-
рыстно, безвозмездно вся махалля благоустраивает об-
щий, или, как шутя сказал Аброр, — «хашарили».

— Все? — на лице Шерзода изобразилось вежливое
удивление.

«Не все, увь, не все». Были, конечно, и такие, кто не
признает никакого хашара, закроется в своей квартире и

живет так, что даже соседей по лестничной клетке знать не хочет... Но большинство жителей привыкли в сухом и жарком климате проводить свободные часы во дворе, под открытым небом, они-то работали сообща.

— Да, — еще добавил Аброр, — в прежней махалле был свой знаменитый хлебопек — отличные умел делать лепешки, и тандыр его славился. Землетрясением его хозяйство было разрушено, хлебопек сменил профессию, сел за баранку поливочной машины. А как только в новом-то дворе соорудили тандыр, нынешний водитель «поливалки» тут как тут, занимается теперь хлебопечением по совместительству...

— Чего ты мне без конца ваш двор расписываешь? — перебил его Шерзод.

— Потому что сейчас весь этот двор — и чорбог, и площадка, и помосты, и тандыр — под угрозой.

— Это еще почему? Кто тебе сказал?

— Кооперативщики... Они хотят в нашем дворе построить еще один свой шедевр. И это не проекты. Уже бурили шурфы во дворе, образцы грунта брали. Я стал выяснять, вот ниточка и привела меня к тебе.

Шерзод сосредоточенно потер лоб.

— Точно?.. Ну что ж, давай проверим.

Он встал из-за маленького столика, зашел за свой рабочий стол, выдвинул один из ящичков. Порылся в нем, извлек план микрорайона, где жил Аброр. Развернул. Быстро прочитал большой розоватый план-скатерть, обвел пальцем кружок на нем.

— Ага... понятно... вот здесь, между этими тремя пятиэтажными домами, в самом деле много свободной земли.

Зазвонил телефон. Аброр глянул на красного, черного, голубого и стального цвета аппараты, но который из них звонит — не разобрал. Шерзод различал их по «голосам», сразу поднял голубую трубку.

— Перезвоните минут через десять, — приглушенно сказал он, положил трубку на место. Обернулся к Аброру. — Понимаешь, прежние проектировщики в суматохе после землетрясения не особенно задумывались об экономии земли под застройку... — Вряд ли это было справедливо, но Аброр промолчал. — Город, таким образом, растянули на огромную площадь. Теперь мы по возможности сокращаем интервалы между зданиями. Сейчас каждая пядь городской территории, как говорится, на вес золота. На этот счет, сам знаешь, вышло спе-

циальное постановление. Так что приходится... уплотнять.

— Уплотнять надо, но с умом, — не вытерпел Аброр. — Учитывая и другие постановления. Надо строить так, чтобы в каждом общественном дворе были площадки для зелени, для детей, для спорта... Теперь куда нам их девать?

— Они... останутся. Двор-то у вас во-о-он какой! Кооперативный домик займет только часть двора.

— Да какую там часть? Вот посмотри расчеты — я прикинул.

На листочке, извлеченном Аброром из внутреннего кармана пиджака, было точно указано, сколько места займет сам новый дом, сколько площади двора окажется под колесами машин и строительных механизмов, уйдет на коммуникации подземные и наземные.

— Да, невеселая картина, — вынужден был признать Шерзод и не удержался — в сердцах ругнул своего предшественника, главу учреждения, в котором было столько разноцветных телефонов. — Чем они только в свое время думали, недотепы?! А теперь вот мучайся, ломай голову. Нет ничего хуже, чем чужие ошибки исправлять!

— Исправить их можно, Шерзод. Я готов тебе показать, где в микрорайоне можно кооперативный дом поставить.

Шерзод склонился над планом-скатертью:

— А ну, покажи.

Аброр взял со стола карандаш, показал.

— Вдоль магистра-али, — протянул Шерзод разочарованно. — Кооператив не согласится.

— Почему?

— Шумно очень. А кооператив государству наличными платит. Сейчас кооперативам во всем идут навстречу.

— Создавать удобства одним ценой неудобств других?

— Вообще-то говоря... ты прав... Примерно... Я-то был бы не против... Но...

Еще в студенческие годы Шерзод очень часто вставлял в свою речь «вообще-то говоря» и «примерно». Аброр вспомнил об этом, по-товарищески усмехнулся:

— Давай, Шерзод, побоку стародавнее «вообще-то говоря», а? Мы же с тобой сами с усами, как-никак специалисты. Оба понимаем: будет вопиюще неверно, и по-человечески, и по-архитектурному говоря, — Аброр

чуть не засмеялся, — если дом этот окажется посреди нашего общего двора. Так ведь?

— Примерно...

— А раз так, тебе по плечу предотвратить ошибку. Доводов достаточно. А дом кооперативный найдем где поставить — не обидим их, не бойся.

— А проект готовый пересматривать, привязку менять — разве это легко?

— Понимаю, и без того у тебя забот полон рот. Поэтому я пришел специально. Прошу от имени всей махалли. Вазира меня уверяла, что только ты спасешь наши деревья, наш чорбог, наш уют. (Сколько раз потом Аброр казнил себя за это упоминание имени Вазиры!)

— Ну, уж я от роли спасителя не в силах отказаться. Постараемся убрать от вас кооперативный дом...

— Не «примерно», не «вообще говоря»? — шутливо спросил Аброр.

Шерзод тоже заулыбался:

— Нет, точно.

— Значит, по другим инстанциям могу не ходить?

— Зачем? Если не осилю этого вопроса, тогда дам знать, вместе пойдем.

Обменялись сокурники крепким мужским рукопожатием, и Аброру подумалось, что отношения их теперь будут безоблачными, что когда-нибудь позовет он Шерзода с женой, министерской дочкой, к себе в гости.

Прошло с того дня лето, минула осень, пролетела зима. Выкопанные во дворе траншеи завалили, разговоры о строительстве дома вроде бы сошли на нет. «Молодец, Шерзод, сдержал-таки свое слово!» — думал Аброр.

Но прошлой весной, когда листва на деревьях только начала распускаться, Аброр увидел однажды, как в их дворе, оглушительно гудя мотором, деловито трудится экскаватор. От игровой площадки — он и сам иногда в редкие часы отдыха становился рядом с молодыми под волейбольную сетку — следа не осталось, там котлован глубиной уже в человеческий рост. Одна из траншей почти добралась до тандыра, земля из-под его основания осыпалась, и закопченная печь беспомощно накренилась, готовая рухнуть. Неподалеку, в саду-чорбоге строители подготавливали место для установки подъемного крана, — бедная трава, бедные деревья! Рельсы под кран хотели проложить там, где в этом году вперые должны были дать плоды черешня и айва.

Рабочий в брезентовой спецовке уже взял в руки топор, направился к деревьям, но его остановил подбежавший жилец.

— Эй, погоди!.. Я член домкома, слышишь? Мы столько труда положили, чтобы деревца прижились, зазеленели, а ты их рубить собрался...

— Интересные люди! Кто же это разбивает сады на строительной площадке?

— Закончилось строительство, понимаешь? Откуда вы тут взялись? — Член домкома оглянулся, заметил Аброра, махнул рукой в его сторону. — Вот он пускай подтвердит... Аброр-ака, вы же связывались с тем учреждением. Говорили: «Убедил я их». Мы вам поверили и успокоились. А что же получается?!

— Урибай-ака, меня твердо заверяли...

— Так бегите поскорей к тому, кто заверял, пусть он остановит несправедливость, пусть топор отведет.

Аброр видел, насколько далеко зашла подготовительная работа и каким быстрым темпом она вдруг пошла — ее теперь не остановишь. Тем не менее поднялся к себе на третий этаж и сразу позвонил Шерзоду в управление. Никто не ответил. Аброр разыскал по справочнику номер домашнего телефона Шерзода. Звонок оторвал Бахрамова от хорошо приготовленного плова, и плов этот, как тут же заявил Шерзод «уважаемому Аброру Агзамовичу», хозяину приятно было бы с ним, уважаемым, разделить.

Аброр рассказал о случившемся. Шерзод сначала помолчал, пытаясь удалить языком застрявшие меж зубов кусочки мяса.

— Вот тебе и раз, неужели?.. — произнес он наконец. — Ну и ну!.. А я-то всю зиму, вообще говоря, тормозил это дело! И надо же, уехал в отпуск, а заместитель мой дал делу ход... Ну да ты знаешь этих пайщиков, люди наличными платят...

— Но почему ты раньше мне ничего не сказал? Я бы мог пойти в другие инстанции! Ты ведь тоже хотел действовать...

— Толку не было бы. Проект прошел утверждение в верхах.

— Но ведь и «верхам» можно было разъяснить положение, они же тебе поручили строительные дела.

— Не получилось, не получилось... Теперь ничего уже изменить нельзя. Вмешались люди, с которыми шутки шутить не стоит.

— И среди этих людей твой свояк?

— Какого свояк?

— Тот, кому нужна в этом доме трехкомнатная квартира!

— Я бы не советовал вам, товарищ Агзамов... ставить вопрос таким образом. Если мой свояк и получит квартиру, то на вполне законных основаниях.

— Законы ты хорошо знаешь. Но вот порядочности у тебя нет. И чувство товарищества тоже. Оказывается, верить тебе — все равно что болото за твердый асфальт принять!

Несколько дней подряд Аброр и Уринбай-ака тревожили различные организации, имеющие отношение к новой стройке. Их выслушивали, но... время оказалось безнадежно упущенным, а произведенные затраты слишком велики.

Железная махина крана продолжала деловито урчать, в определенные промежутки времени оглашая двор напряженно пронзительным звоном. Невредимыми остались деревья, высаженные людьми под самыми балконами, все остальное пространство двора, обнесенное высоким деревянным забором, теперь превратилось в пыльную строительную площадку, где грохотали бульдозеры и самосвалы...

И до этого случая жизнь угалкивала Аброра с Шерзодом. Группа архитекторов, спроектировавших новые ташкентские кварталы, была выдвинута на соискание республиканской премии. В первоначальном списке кандидатов Аброр был. В печати лестно упоминалось и его имя, что, конечно, поднимало настроение. Был в списке и молодой архитектор Хатам Юлдашев. Потом предварительный список начал расти, однажды Аброр обнаружил в нем фамилию Бахрамова. А когда решили список соискателей выстроить в алфавитном порядке, Бахрамов вошел в первую тройку, а Юлдашев стал замыкающим.

Аброр, как член институтского совета, готовил документы и характеристики кандидатов. Характер «уточнений» ему не нравился, но окончательно все стало ясно, когда директор института (он же и руководитель совета) однажды сообщил, что по положению на одну премию можно выдвинуть группу только из шести человек. А седьмым по списку числится Юлдашев, он, мол, еще молод, всего тридцать четыре, оставим на следующий раз, у него все впереди, ну и так далее. Эти слова директор произносил, как показалось Аброру, при

гробовом молчании членов совета. Но стоило директору кончить, и молчание поспешил нарушить сторонник Шерзода Бахрамова. Он, конечно, поддержал предложение, а потом снова наступило тягостное безмолвие. Директор жестко спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Аброр поерзал на стуле, уперся взглядом в пол. Он молчал и чувствовал себя при этом последним человеком, малодушным, алчным, бессовестным. Как много сил, энергии, таланта отдал Хатам Юлдашев этому проекту, выдвинутому на премию! По сути, это ведь он, Юлдашев, был мотором всей их рабочей группы, его обойдут, а Шерзод Бахрамов, не сделавший и десятой доли...

Словно издалека Аброр услышал голос директора.

— Ну, если нет других предложений...

Презрение к себе стало непереносимым, удушающим. Аброр поднял руку и глухо произнес:

— Юлдашева предлагаю оставить... Мне неловко это говорить. Но другие почему-то молчат, тогда я должен сказать...

И Аброр стал говорить об огромном вкладе Юлдашева в их общую работу, о его идеях, истинно творческих, а вот товарищ Бахрамов... многие ведь знают, что Шерзод почти отвык работать как зодчий... долгими часами склоняться над чертежной доской, днем и ночью искать новые решения — на это ему не хватает ни времени, ни выдержки, ни, прямо сказать, способностей. Он больше любит сидеть за столом с разноцветными телефонными аппаратами, посредством которых поддерживает «нужные контакты». И за это — в первую авторскую тройку?

— Мне стыдно... Предлагаю вместо Шерзода Бахрамова поставить Хатама Юлдашева.

Самого Шерзода на заседании совета не было — он уже тогда работал в другом учреждении, рангом повыше. Но на защиту Шерзода поднялся сам директор. Иронически взглянув на Аброра, директор заметил:

— Быть самоотверженным по отношению к нашему коллеге Юлдашеву похвально. Но товарищ Аброр Агзамов хочет доставать каштаны из огня чужими руками: он проявляет самоотверженность за счет Шерзода Исламовича Бахрамова...

Аброр понял, что, сказав о творческой немощи Бахрамова, он нечаянно задел и своего директора, который

тоже давно не держал в руке чертежных инструментов. Выдвигал идеи, а потом становился во главе «коллектива авторов».

— Сайфулла Рахманович, я говорю не только о технических решениях — не помню случая, чтобы Бахрамов подавал нашему авторскому коллективу и оригинальные идеи, хотя бы в общей форме...

— Нет, нет, товарищ Агзамов, вы все-таки припомните поговорку: «Ножом ударь сперва себя и, если не будет больно, ударь другого».

Ах, так!.. А молчаливые коллеги, видимо, и в этом согласны с директором? Аброр вспыхнул:

— Хорошо. Если товарищи считают необходимым выдвинуть Юлдашева вместо меня, то я буду только рад за него...

До сих пор он помнит, что от этих слов не испытал тогда никакой радости. Через минуту-другую почувствовал обжигающую боль. Не из-за премии, нет. (И Юлдашев, и Бахрамов получили-таки премию, а Аброр по своей воле ее лишился.) Не столько из-за потери премии было ему больно и досадно. Больше оттого, что необдуманно своим выступлением проиграл еще одно сражение с Шерзодом Бахрамовым.

Шерзод и его сторонники до сих пор при всяком удобном случае напоминают Аброру — то косвенно, а то и прямо, — мол, помни поговорку: кто роет яму другому, сам туда попадает...

Сегодня в аэропорту Аброр не мог не увидеть лауреатской медали на пиджаке Шерзода. Предполагал, видно, Бахрамов, что встретится с ним, с Аброром. Не без умысла нацепил медаль, не без умысла. Вызвать растерянность и зависть у Аброра — это у Шерзода со студенческих лет заветное желание. Со студенческих лет, когда Аброр и Шерзод частенько сражались за шахматной доской и когда каждый неудачный ход Аброра вызывал радость соперника, почти неприличную.

Ну, а он сам, Аброр, совсем чист в отношении своем к Шерзоду? Не завидует ли однокашнику? Иногда Аброра даже удивляло постоянство того душевного напряжения, с которым он следит за Шерзодом. Чуть только зарубцевалась ранка, нанесенная бахрамовскими притязаниями на Вазиру, — так эта история с премией! Притупилась и эта боль — так на тебе, будто назло, около дома, можно сказать — под носом, развернулась эта стройка кооперативного дома!

Чисто и просторно было во дворе раньше. А сейчас «Жигули» у подъезда не поставишь. Домой приходится добираться через горы земли, груды булыжника, с осторожностью шествуя вдоль деревянного забора.

— Зафар, не вздумай на самокате по улице разъезжать!

— А где же мне кататься? — спрашивает Зафар, вылезая из машины и недовольным взглядом окидывая деревянный забор. — Здесь стройка...

— А тротуар?

Дети привыкли к простору двора, им, конечно, тесно на этой полоске грязного асфальта между стеной дома и высоченным деревянным забором. Но Зафар покорно соглашается:

— Хорошо, папа... До свидания!

Аброр взглянул на часы — он уже опаздывает на работу — и поспешно отъехал. Асфальтовая дорожка, огибая дом, выводила к магистрали. Но за углом, поперек дорожки, стал землеройный трактор — готовили траншею под водопровод. Аброр дал задний ход, собираясь объехать дом с другой стороны, но тут из-за деревянного забора, натужно урча, вылез тяжелогруженный самосвал. В его кузове горой-конусом возвышался свежесвынутый грунт, из-под колес летели комки глины. Увесистый ком ударил в капот «Жигулей», брызгами запачкал лобовое стекло. Аброр затормозил, стал осторожно вылезать из кабины — не ругаться с водителем самосвала (тот уже удалялся, устилая за собой путь песком и глиной), а просто очистить стекло от этого «бахрамовского ошметка», как выругался он в сердцах. И снова ожило перед глазами недавнее: бегущие к самолету, совсем рядом — Вазира и Бахрамов... Снова в душе колыхнулась давняя гнетущая злость...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Самолет летел над плотными слоями облаков, в совершенно чистом, залитом ослепительным солнечным сиянием небе.

Было покойно и приятно.

Откинули укрепленные на спинках кресел столики, приступили к завтраку, поданному на легких голубоватых подносах.

Шерзод, стараясь не задеть соседку, протянул руку за пластмассовым стаканчиком с чаем. Вазира заметила, как на безымянном пальце его руки блеснуло обручальное кольцо.

Курица была мягкой, рис хорошо проваренный. Вазира сказала:

— Неплохо, правда? Во всяком случае, Аэрофлот кормит вкусней, чем иные рестораны. Или это мне только кажется?..

— Да нет, вы правы. Мне тоже нравится. — Шерзод готов был поддержать разговор о еде.

— А вот чай похуже, верно?

— Вообще-то говоря... да, — согласился Шерзод и тут же рассмеялся. «Вообще-то говоря». Вообще-то говоря, он бы хотел перевести беседу в другое русло.

Белозубая улыбка очень шла Шерзоду, молодила его. Правда, над висками волосы немного поредели, да и под глазами появилось немало морщин. Брови тоже утратили былую мягкость, заметно отросли и погубели.

Вазира не успела отвести взгляд — Шерзод перехватил его. Чувство приятной успокоенности, естественности оставило их. Вазира ела курицу совсем бесшумно. Шерзод сначала допил чай, потом тоже взялся за курицу.

— А в самом деле — ни чего!..

— Вы помните, Шерзод, как на Чимгане мы делали шашлык из куропаток?

— Где? — Шерзод повернулся в кресле, насколько позволял это сделать столик, прямо взглянув в сверкающие черные глаза Вазиры.

— А у Двенадцати ключей! Я-то вот помню.

«Не меня, Аброра помнит», — подумал Шерзод. Ведь это Аброр тогда настрелял горных куропаток-кекликков, а шашлык ели все, и все от души нахваливали охотника и повара.

— Знаем, знаем, — усмехнулся Шерзод, — ваш супруг из удачливых охотников.

Прозрачный намек на бывшее соперничество за нее, Вазиру? Аброр оказался победителем. Но почему же Шерзод улыбнулся так снисходительно? Дело далекого прошлого, не таких, мол, красавиц потом видели?

Вазира почувствовала, что вот-вот начнется тот серьезный разговор, которого опасалась и от которого, как она понимала женским чутьем, уйти было нельзя.

Самолет мягко и незаметно сделал вираж; яркий луч

солнечного света из иллюминатора сдвинулся к креслам и упал на лацкан пиджака Шерзода. Лауреатская медаль отразила его, и луч жарко стрельнул в глаза Вазиры... Снисходительный тон — скажи пожалуйста... Да ее Аброр тоже мог бы стать лауреатом, не выступи в защиту Юлдашева так благородно и так... неуместно.

Вазира тщательно вытерла руки салфеткой. Повернулась снова к собеседнику.

— Но зато вы оказались в числе удачливых лауреатов!

— Ваш муж хотел лишить меня и этого.

— Потому и был наказан судьбой. Нет, кроме шуток, я считаю, что в той деликатной ситуации Аброр повел себя не вполне тактично. Я ему говорила об этом.

Будто в доказательство искренности своих слов, Вазира протянула руку к Шерзоду и тронула его лауреатский значок. Приятны, что тут скрывать, приятны были ему и слова ее, и нежное прикосновение.

— Я восхищен вашей независимостью, Вазира! Право же, Аброр еще должен до вас дорасти.

Вазира чувствовала, как настойчиво Шерзод отделяет ее в разговорах от мужа. И тем настойчивее, чем дальше уносил ее от Аброра самолет. Ей почему-то стало боязно.

— Кое в чем и я долгуна дорасти до него.

— Я так не думаю... [?] все-таки, примерно, в чем? Вазира ответила не сразу.

— В совестливости. В умении болеть душой за других... Ведь Юлдашев получил тогда премию только благодаря Аброру...

— Да, как в газетах пишут, самоотверженный герой нашего времени. В самоотверженности, вообще говоря, ему не откажешь.

Шерзод произнес свою колкость так высокопарно-иронично, что видно было, сколь высоко он ставил себя по сравнению с Аброром.

— Вам бы, Шерзод, не мешало занять хотя бы частичку его самоотверженности.

— Не очень-то помогает она в деле. Даже в борьбе за добрую, гуманную цель.

— Вы не правы, и жизнь это уже доказала.

— В чем конкретно?

— Тот кооперативный дом... помните... Несправедливо, да и плохо, безграмотно поставили его. Аброр очень надеялся на вас.

— Надеяться легко, — пожал плечами Шерзод.

Во что бы ему эта безоглядная решительность и настойчивость обошлась? Со столькими людьми пришлось бы в жаркие споры вступать, кое с кем схватиться не на шутку. Да и в чью-то немилость попасть. Из-за чего, вообще-то говоря? «И что мне такое хорошее сделал Аброр, чтобы я, оправдывая его надежду, опрометчиво ринулся в огонь?»

Шерзод не сказал всего этого, но по лицу его Вазира уловила мысленно произнесенное. «В самом деле, в каком долгу он перед Аброром?» — подумалось и ей.

Стюардесса собрала подносы.

Откидной столик — теперь на место, в прорезь мешка на спинке переднего кресла; свое кресло откинуть назад, самому расслабиться, чуть вытянуть ноги.

Покойно и приятно.

— Поверьте, Вазира, — голос Шерзода звучал мягко, убеждающе, — я всеми этими обидами по поводу жилищного строительства сыт по горло. Им конца-краю не будет. Никогда. Для кого-то делаешь добро, но тем самым кому-то другому причиняешь зло... Потому-то я сейчас на другую работу и перешел.

— Да, я слышала, вы получили повышение. Поздравляю!

— Спасибо, Вазира!.. Только я ведь не из-за должности... Вы знаете, конечно, что землетрясение вывело из строя всю прежнюю систему водоснабжения Ташкента.

— Так уж всю? Земля разверзлась и все арыки проглотила?

Арыки не арыки, но, по мнению Шерзода, лучше осваивать безводную степь, нежели благоустраивать большой город. Что степь! Чистый лист бумаги, на котором пиши или рисуй что хочешь. А чтобы перестроить коммуникации большого города, надо сначала — да, не иначе! — разрушить старое до основания. Тут под землей целый мир: реки холодной и горячей воды, газ, канализация, электрокабели. Чтобы заново все переоборудовать, весь город на поверхности вдоль и поперек перероешь... А эти старые арыки! Пусти в них воду, так она сразу и в свежестрытые траншеи норовит. Вода проникает под новые дома, фундаменты начинают давать осадку сверх нормы. Аварии, скандалы... Представьте себе: каналы Бозсу, Салар, Бурджар, Кукчинский канал, Карасу, Жанггох, Чорсу, Ботирма, Кайирма, Ялангач. А еще Тал-арык, Румол-арык, Гурунч-арык.

— Диковинные названия, я их все и не знала, — удивилась Вазира.

О, есть арыки с еще более потешными названиями... В той стороне, где лежит канал Карасу, есть арык, который называется Пулемас, — значит, не требующий денег. Шерзод подсчитал, во сколько примерно обойдется бетонирование его русла, и оказалось — около миллиона рублей! Вот тебе и Пулемас — эдакую прорву денег слопать готов! А тех средств, которые выделяет горсовет, и на закуску для теста не хватит, не то что на пироги. Поэтому он, Шерзод, и обратился за помощью к богатым родственникам — в Министерство водного хозяйства («Вон впереди сидит наш попутчик с портфелем... он и есть один из богатых родственников»).

Рассказывал Шерзод внимательно, и слушать его было интересно. Временами Шерзод заглядывал в глаза Вазиры, не переставая дивиться, какие они у нее угольно-черные. А ресницы? Как и раньше, в годы студенческие, — густые и нежные, и брови шелковистые. Смотреть на Вазиру, будто исподтишка изучать ее лицо было для Шерзода томительным, но и непреодолимо влекущим удовольствием. Завоевать душевное ее расположение, а не просто приударить за миловидной женщиной — вот чего ему хотелось.

— Вообще говоря, ха-фум, тяжкий это труд — поддерживать систему орошения. Ведь есть же края, где когда нужно идут дожди, где сам бог круглое лето дает влагу всему зеленеющему, всему растущему. А тут без рукотворных каналов ничего не вырастет! Да к тому же — выкопал канал, выкопал арык, и мучайся потом с ними, ухаживай как за капризницей какой-нибудь.

— Зато у нас и накопился тысячелетний опыт в этом. — Вазира улыбнулась. — Как мой муж любит говорить, опираться, опираться нужно на живые традиции народа... Сейчас много говорят о ландшафтной архитектуре. Она ведь тоже — народное творчество, вы не находите?

Шерзоду показалось, что Вазира опять нарочно помянула Аброра. Говорить с этой женщиной было приятно, однако беспокойно.

— Ваш муж тем самым доказывает... можно сказать откровенно? Не обидитесь?

— Нет, нет, пожалуйста, скажите!

— Доказывает тем самым... свою ограниченность,

свой консерватизм! Он застрял в узких рамках национальных традиций...

— Как вы умеете перегибать палку, Шерзод! И какой вы, оказывается, злой!

— Вазира, вы же дали слово не обижаться.

— Да, но Аброр совсем не заслужил таких обвинений.

— Заслужил, заслужил... Я знаю, ваш муж защищал диссертацию по ландшафтной архитектуре, он добивается, чтоб ему дали кафедру ландшафтной архитектуры. Ходил даже в министерство с таким предложением... И опять почему-то меня прилетал к фактам — не буду скрывать, и такое случается! — неразумного, торопливого «покорения природы».

Вазира вновь ощутила, какой опасный поворот приобретает их разговор.

— Кто вам такое сказал, Шерзод? Неужели вы думаете, что Аброр за вашей спиной...

— Ханум, я ничего плохого не думаю, я говорю только о фактах.

«В конце концов эти постоянные стычки Аброра с Шерзодом мне надоели», — подумала Вазира. И мужу и ей они приносят только неприятности. Может быть, удастся за время поездки в Москву пусть немного, но смягчить конфликт, хотя бы рассеять осложняющие его недоразумения, а женское чутье ей подсказывало, что недоразумения эти происходят из-за бывшего соперничества двух мужчин.

«Как она простодушно верит, что сумеет одним махом помирить нас», — подумал Шерзод и припомнил недавний свой разговор об Аброре в министерстве, в кабинете одного начальника...

Бахрамову, как авторитетному эксперту, была дана целая кипа предложений и объяснительных к ним записок, поступивших из института, который занимался проблемами градостроительства. Бумаги подписал директор института, но составлены они были, судя по характеру идей, в них излагаемых, Аброром Агзамовым. Во всяком случае, при его активном участии. В бумагах, например, настойчиво проводилась мысль о необходимости для Ташкента открыть кафедру ландшафтной архитектуры. Аргументы напоминали статьи и выступления Аброра, знакомые Шерзоду. Поначалу он даже спросил себя, а не лучше ли будет поддержать Агзамова, поскорей ушел бы на эту кафедру, занялся бы

теорией — все подальше от той области, в которой они уже сталкивались и столкнутся, как чувствовал Шерзод, еще не раз, и по-крупному. Но Шерзод Бахрамов рассудил, что данное решение было бы опрометчивым: Аброр Агзамов при его энергичности мог укрепиться и предстать не только основателем новой кафедры, но чуть ли не зачинателем нового направления градостроительства, городского благоустройства. У Агзамова могут появиться последователи, и с удесятенной силой он будет, конечно, нападать на то, что делает Бахрамов, в том числе на дорогую сердцу Шерзода идею бетонирования всех водных артерий Ташкента. Нет, надо опередить Аброра!

...Шерзод не без удовольствия припомнил и сейчас, сидя в мягком, удобном кресле самолета, как сумел тогда тонко и сдержанно, бесстрастным, ровным голосом доложить министерскому начальнику, что идея, конечно, неплохая, помечтать о подобной кафедре можно, но открывать ее еще преждевременно.

— Во-первых, сейчас всюду идет борьба за экономию, в частности за сокращение штатов, а тут сколько потребуется... гм... зрителей и просто сторожей за ландшафтами. Во-вторых, сама ландшафтная архитектура как научная дисциплина только начала у нас формироваться. Даже в Московском архитектурном институте эту кафедру, вообще говоря, открыли совсем недавно.

— Но именно там Агзамов кончал аспирантуру и защищал кандидатскую, — возразил начальник.

— Да, отдельные специалисты в Москве есть, они-то и помогли ему.

— Но тут вот написано, что в Киеве работает такая кафедра. А в Болгарии и Чехословакии существуют даже факультеты ландшафтной архитектуры.

— Что с того? В буржуазных странах есть специальные институты подобного профиля. Богатые миллионеры строят себе замысловатые виллы, разбивают сады на берегах океанов и морей или возле разных ниагар. Им как раз нужно побольше ландшафтных архитекторов. А нам увлекаться этой роскошью... — Шерзод пожал плечами.

— Шерзод Исламович, когда-то, в двадцатые годы, галстук считался буржуазным пережитком. Вы-то не помните, но был и такой «классовый подход»... Мы

сейчас с вами ездим на собственных машинах, а в довоенное время это тоже многие считали непозволительной роскошью... Жизнь учит отличать ненужное от неосуществимого в данный момент, а преждевременное — от становящегося необходимостью.

Шерзод почти весело хохотнул тогда, как бы признавая свое поражение в споре, касающемся столь высоких материй.

— Вы правы, вы правы... Ландшафтная архитектура должна служить нашему трудовому народу. Это искусство мы не должны отдать на откуп капиталистам. Это и наше перспективное искусство! Вот почему я от души поздравил Агзамова, когда он защитил диссертацию.

— А вы его хорошо знаете?

— Как же, пять лет учились вместе.

— Он перспективный работник?

— Мы однокашники, я должен защищать его и поддерживать.

Если ты хочешь напасть на кого-то, сделай вид, что вроде защищаешь и поддерживаешь его, — маневр старый, проверенный, дающий потом преимущество в падении. Шерзод так убедительно произнес последнюю фразу, что начальник попался на крючок.

— Я не имею в виду ваши приятельские отношения, но... Агзамов... человек... нуждающийся в защите? От кого, от чего его защищать?

— Он очень способный, но, вообще говоря, с заггибами...

— В какую сторону?

— В сторону национальной ограниченности... абсолютизации национальных традиций... Скользкие интерпретации, понимаете?

— Значит, вы и в этом защищаете его...

— От него самого... Приходится критиковать. Товарищески, но... В идейных вопросах на компромисс я не иду.

Такой ответ явно тогда понравился собеседнику Шерзода. Начальник задумался, начал листать-перелистывать присланные бумаги.

— Так. Значит, по ландшафтной архитектуре у нас один специалист... этот самый Агзамов... И такой специалист, что... Один в поле не воин, а?

— Потому я решил сказать, что пока мы только можем мечтать и о настоящей нашей ландшафтной

архитектуре, и о соответствующей кафедре. Сейчас открыть такую кафедру мы не готовы.

— Ну вот что: набросайте-ка мне вкратце ваши аргументы, чтобы я мог доложить дело министру.

Шерзод заколебался: доверительный разговор с глазу на глаз и письменное заключение эксперта, которое будут читать многие, в том числе, возможно, и сторонники идеи Аброра... Разница, черт возьми, существенная.

Теперь-то, в аэрофлотском кресле, он улыбнулся умиротворенно, припомнив свой встревоженный вопрос тому начальнику:

— За своей подписью?

Начальник понимающе усмехнулся:

— Да нет, без подписи. Для моего... для внутреннего пользования.

И Шерзод изложил свои аргументы в «служебной шаргалке», без подписи; да он при этом чувствовал неприятную тяжесть на душе, но постарался успокоить себя: пройдет, пройдет, как проходит тяжесть похмелья. И тяжесть легко и быстро оставила его; мало того, душа настроилась на мажорный лад, будто он выиграл еще одну шахматную партию у Агзамова. Да, да, Шерзод сумел лишить подвижности фигуры Аброра. Ищи не ищи выход, бейся даже головой об стенку, а кафедре ландшафтной архитектуры мат, неизбежный и неотвратимый...

Ах, Вазира, милая Вазира, — Шерзод повернулся в кресле, поймал вопрошающий взгляд Вазиры, — наивная, милая женщина, которая рассчитывает на свою былую власть над ним, Шерзодом, на власть своей поблекшей, хотя, не будем скрывать, еще вовсе не увядшей красоты... Вазира все еще верит, что одними разговорами сможет помирить его с Аброром. Ну пусть, пусть верит, ему нравится наивность таких симпатичных женщин...

После долгой паузы Шерзод ответил Вазире, что разговоры о кафедре, которую пробивал Аброр, шли повсюду — на факультете и в министерстве; вполне допустимо, конечно, предположить, что об интригах Аброра ему, Шерзоду, умышленно нагнали.

— Вы ведь читали его книгу? — спросила Вазира с надеждой черетянуть Шерзода на свою сторону.

— Да, читал! — как бы поддаваясь ей, ответил Шерзод.

— Ну, припомните, Шерзод, о каких краях там идет речь?

О каких? Да о многих. Об орошаемых землях Казахстана и Украины, Туркменистана и Ставропольщины.

Шерзод перечислил.

А Вазира добавила, что Аброр не раз ездил по этим землям, изучал постановку проблем ирригации, Вазира была на защите в Московском архитектурном институте, ученые говорили тогда о всесоюзном значении работы Агзамова.

— Разве национальная ограниченность в этом, Шерзод? — спросила вдруг неожиданно резко Вазира.

— Я с вами не спорю, ханум, относительно успеха вашего супруга в Москве, но в Ташкенте, вообще говоря, он уж очень цепляется за старые традиции.

Аброр требует сохранить зеленые берега старых арыков, он был бы прав лет эдак пятьдесят назад. Тогда почти не было водопроводов, да и многоэтажных домов... сколько их было? Люди пили из арыков воду и потому содержали их в чистоте. «Осквернить арык — все равно что осквернить отчий дом или скатерть-дастархан», — такое убеждение не случайно, конечно, возникло. Арыки аккуратно чистили вручную. Сколько труда на это уходило! А сейчас всюду канализация, вода в трубах, и о чистоте арыков мало кто думает. Бросают туда всякий мусор, отбросы. Чистить их некогда и некому. Экономия общественного труда предполагает сокращение профессий, основанных на ручном труде, разве не так? Арыки стали... рассадниками антисанитарии, и только! Зачем же теперь цепляться за них? Потому он, Шерзод, и ратует за то, чтобы прежние арыки повсюду заменить бетонными водопроводами.

Вазира видела такие лотки в Голодной степи. Они там действительно экономят воду, облегчают труд. Их там не хватает, за ними охотятся. Но в Ташкенте в каждом новом дворе сколько лишних бетонных лотков установлено! Бетон, бетон... Экономика, урбанизация... Но бетон ведь — он тоже дорогой! Его не хватает. Особенно велика нужда в бетоне у метростроевцев Ташкента. А тут масса бетонных лотков без воды, потому что старая, еще махаллинская, арычная сеть разрушена, а новая не налажена. Вокруг бетона ничего не растет. А по обеим сторонам арыка всегда трава, цветы, тутовник. А потому и воздух возле арыка чище... Аброр говорит, что

арыки — это своего рода корни, пущенные человеком в землю, великий дар матушки-природы.

— Как вы, оказывается, красноречивы, милая собеседница ханум! Ваш муж мне тоже говорил об арыках с таким жаром, будто Леонид Леонов — о русском лесе, — полушутливо уколол Шерзод.

— Конечно, аналогия немного смешна, масштабы несоизмеримы. Но есть же и точка соприкосновения, Шерзод. Ведь и в романе Леонова бездушные люди почему зря губят живой лес и оправдываются нуждами технического прогресса. А мы губим живые берега тысяч арыков и тоже объясняем: это, мол, необходимо для НТР, для современной урбанизации!

— Помилуйте, Вазира, да разве я против сохранения живой природы? Но будем же реалистами. Какое там сохранение природы в современном городе с двухмиллионным населением? Кругом столько машин, столько асфальта, стали, стекла!

— Сказать вам начистоту? Я тоже спорю с Аброром, мне тоже кажется, что природа в таком городе, как Ташкент, должна потесниться. Не исчезнуть, я против этого, но — неизбежно потесниться. Но Аброр не согласен и со мной. У него много аргументов.

— Да какие там аргументы?! — воскликнул Шерзод с азартом, показывающим, что он готов их тут же опровергнуть.

— Главный — вода. Ее-то оказалось вдоволь не только в каналах и арыках самого Ташкента, но и за пределами города.

— Ну и что?

— Как что? Значит, наш зной можно победить. Жарким летом в прошлом году из Прибалтики приехали гости: уж не помню, какой семинар проходил. Я их сопровождала. В сорок — сорок пять жары наш фонтановодпад на площади Ленина просто спасал балтийцев. Объявится свободный час, они сразу мне говорят: «Пойдемте в тень Ниагары», — так они окрестили наш фонтан.

— Вон как, Ниагара в центре Ташкента!.. А тень откуда?

Как всякий нынешний ташкентец, он знал мраморную дорожку, проложенную мостиком через бассейн, в который падают с восьмиметровой высоты каскады воды.

И Вазира и Шерзод невольно поежились, будто

сейчас их лиц коснулась прохладная водяная пыль фонтана с искринками всех цветов радуги.

— Вы проходили по этой дорожке, Шерзод, и не заметили тени? Не поверю. Припомните-ка: люди с наслаждением идут в ласковых водяных брызгах, стараются не наступить ногой на трепещущие тени струй. Веселые брызги так ластятся к тебе, что не хочешь, а засмеешься. Даже усталый, хмурый человек невольно улыбнется на этой тенистой дорожке у фонтана. Вот это и есть живая природа в центре большого города.

Даже в манере Вазиры говорить Шерзоду почудился Аброр.

— Ну, ханум совсем подпала под влияние своего отставшего от жизни мужа. Я удивлен, Вазира, куда девалась ваша недавняя независимость?

— А если муж прав? Вы-то наверняка знаете историю этого фонтана...

Шерзод поморщился — ему было неприятно вспоминать, как тогда, семь лет назад, азартно возражал он против идеи воздвигнуть в центре города фонтан-водопад. То было в год землетрясения. Неотложные дела обступали со всех сторон. Но люди хотели видеть центр своего города величественным и красочным.

Шерзод ломал голову над тем, как разместить под площадью Ленина мощные кондиционеры, которые были бы способны поддерживать в пределах нормы температуру и влажность в двух громадных административных зданиях. Эти здания и должны были, по мысли проектировщиков, задать будущей площади величественную масштабность.

Кондиционеры нуждались в большом количестве воды; ее сперва думали гнать по трубопроводу из канала Бозсу, но потом прозрачно-голубую воду обнаружили тут же, неподалеку, на глубине, и решили использовать подземный поток.

А другую задачу — придать площади красочность, колоритность — надеялись решить соответствующей увязкой бассейна, в который будет поступать вода, и сети кондиционеров с рельефом местности. Шерзод предложил легкое и, как он подчеркивал, экономичное решение: укрепить откос дерном, засадить елями, установить красивые современные плафонные осветители. В первые проекты реконструкции площади этот вариант и заложили.

Однако идея эта не удовлетворила других архитекто-

ров. Особенно Аброра. Неужели нельзя, спрашивал он, использовать воду и перепад уровней более оригинально и более эффектно, чем построение простой зеленой горки? Аброру первому и пришла в голову мысль заставить поднятую из-под земли воду ниспадать в соответствии с уступами рельефа.

Однажды поутру, после очередной бессонной ночи Аброра за чертежным столом, Вазира увидела на ватмане черновые эскизы будущего фонтана-водопада. Он еще не виделся Аброру столь внушительным и красочным, как вышло на деле, — фантазии не доставало размаха и дерзости. Казалось, вполне можно довольствоваться ниспадающей по центральной части откоса лентой воды в пятнадцать — двадцать метров шириной. Но идею смело развили коллеги...

Шерзод подыскивал наиболее удобное для себя продолжение диспута с Вазирой (опасный, обоюдоострый он получался, вообще-то говоря, и совсем не наивной оппоненткой оказывалась привлекательная Вазира...).

— Ваш муж оказался тогда правым потому, что природу не противопоставил технике, а, наоборот, нашел путь к разумному единству.

Вазира облегченно вздохнула: если ей не под силу примирить Шерзода с Аброром, то положить конец ненужному, по ее мнению, ожесточению в их борьбе она может быть, и сумеет.

Самолет вздрогнул. Солнце скрылось, за окном белосерыми горизонталями проносились разрезаемые крылом облака. Снова тряхнуло. Из сетки над головой показался край готового вот-вот свалиться черного футляра. Шерзод приподнялся, понадежней уложил футляр на полке, сел поудобней в кресло.

— Если не секрет... что это за проект в футляре?

— От вас секретов нет. Только сначала хотелось бы услышать ответ на мой вопрос, хорошо?

— Пожалуйста!

— От кого вы узнали, что я лечу этим рейсом?

— Вчера я по делам заходил в ваше управление...

Кстати, вас там не нашел.

— Я уже ушла домой собираться в дорогу.

— Мне это и сказали. Так я узнал ваш рейс.

— А вам не сказали, по какому именно делу я лечу в Москву?

— Нет. Управление хранит «военную тайну». Но я сам догадываюсь: интерьеры метро?

— Вы и вправду догадливы... Метро для нас дело новое. Опыта нет. Вот и приходится частенько ездить в Москву за советами и консультациями.

— Я думаю, придется метростроевцам и с нами дела иметь.

— Что вы имеете в виду?

— А разве не предстоит проводить метротоннель под каналом Бозсу?

— Да, это очень сложная проблема.

— В Москве у меня есть знакомый, он тоже проектировал метро. Павел Данилович Катин, знаете, наверное?

— Слышала про одного Катинова, который прокладывал тоннель под Москвой-рекой.

— Он и есть... Павел Данилович о проблемах тоннелестроения и рассказывал. Мы с ним вместе в Японию ездили. В одном номере там жили и подружились. Он и телефон свой домашний дал. Если вам нужны советы такого специалиста — я к вашим услугам.

— Спасибо... возможно, я ими воспользуюсь... А в Японии вы давно были? — оживилась Вазира.

— В семидесятом.

— В Осаке? На Всемирной выставке был показан макет нашего нового Ташкента.

— Ну, как же! В Осаке под макет Ташкента целый зал отвели.

— Неплохо выглядел? Мне тогда самой в Осаку поехать не удалось. Но материалы макета я собирала. А изготовили макет ленинградцы. Из полистирола. Очень красивый... В тот год я не раз в Ленинград в командировки летала. Как сейчас в Москву.

— Не зря летали. Макет Ташкента в советском павильоне пользовался большим, очень большим успехом, весь день посетителей полон зал. Гостиница «Ташкент», театр Навои, площадь Ленина, двадцатипятиэтажные здания — все как на ладони. И все это на фоне оригинальной подсветки снаружи и внутри. И конечно, в зале звучала наша певучая восточная мелодия. Когда вдали от родины видишь и слышишь подобное, охватывает такое чувство гордости, что... словами трудно выразить. Верите мне, Вазира?

— Да, я верю. Шутка ли сказать — макет нашей столицы на Всемирной выставке. На Всемирной...

— Уж кто-кто, а японцы знают, что такое замлетрясение. Учитывая это, примерно, и делали макет. Мину-

ту-другую посетители осматривают нынешний центр Ташкента. Потом вдруг макет переворачивается, и перед глазами то же место города, но до землетрясения. Помните? Неказистые приземистые домишки на берегу Анхора. Старая улица Лахути и так называемая Кашгарка. Сырцовый кирпич кругом. Тесные улочки. А вот и разрушенные землетрясением старые дома. И стены в трещинах... Так минуточку-другую держат панораму прежнего Ташкента, а потом макет снова медленно переворачивается — опять предстает обновленный город. Вообще говоря, Ташкент давно нуждался в перестройке — землетрясение ее ускорило.

Вазира усмехнулась:

— Поняла. Ответ полный и правильный.

Шерзод сам ощутил излишне поучительный тон своего рассказа. Усмехнувшись, спросил:

— Может быть, будет еще и дополнительный вопрос, учительница-ханум?

— Значит, твердую пятерку захотелось? Ну что ж, тогда вот... Говорят, женщины в Японии очень красивые. Кто там побывал, любовались. Ваша точка зрения?

— Японки, вообще говоря, очень красивые, это верно, и слава о них, примерно, не зря идет. Но на вкус... ташкентки красивее!

Вазира невольно зарделась. Подосадовала на себя, но ответила по-былому, по-студенчески, задорно и шаловливо:

— Садись, Ахметка, — пять отметка!

Оба засмеялись.

И время полетело легко и незаметно, в шуточной непринужденности, в спокойствии аэрофлотовского уюта, а для Шерзода еще и в ожидании чего-то приятного впереди, в Москве.

Поднимая все выше правое крыло, самолет стал делать левый разворот. Солнечный луч скользнул по груди Вазиры, задержался на лице.

— О, да здесь, смотрите-ка, Шерзод, совсем ясное небо! — воскликнула женщина, радуясь тому спокойному и доброму, чем была полна ее душа.

— Да, а вон и леса чернеют!

Над дверью в салон вспыхнула надпись по-русски и по-английски: «Не курить! Пристегнуть ремни!»

Шерзод взглянул на часы:

— А быстро мы долетели!

«Все-таки очаровательная женщина, эта Вазира. И

была, и осталась о-ча-ро-ва-тель-ной!» — произнес он про себя, медленно, отдельно, по слогам, словно пролевая удовольствие, получаемое от такой оценки.

Концы серых брезентовых ремней свешивались по обе стороны кресел. Нагнувшись вправо, чтобы достать свой ремень, Вазира непроизвольно оперлась на руку Шерзода, согнутую в локте.

— Я вам помогу...

— Спасибо, я сама.

Уши у Вазира заложило, в глазах чуть потемнело. Она плохо переносила посадку. Поудобнее устроилась в кресле, запрокинула голову, закрыла глаза. Постаралась сидеть не шевелясь.

Шерзод, чуть наклонившись над соседним креслом, любовался красивой шеей Вазиры, ее высокой грудью. Через иллюминатор было видно Подмосковье.

— Здесь все еще весна. И зелень такая свежая... Все-таки хорошо жить в прохладном климате... Вазира, вы в какой гостинице собираетесь остановиться?

— В «России».

Шерзод обрадовался:

— И нам в «России» места заказаны! Значит, втроем в одном такси поедем.

Вазира открыла глаза, увидела близко от себя улыбающегося Шерзода, постаралась выпрямиться... Откинулась смущенно.

— Приземлимся сначала.

И смущение ее показалось Шерзоду очаровательным. Москва, гостиница «Россия», предстоящие «командировочные» дни — все обещало быть мажорно приподнятым и увлекательно приятным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бозсу — недаром так называли эту речку. Она издавна орошала целинные земли, потому и называли «целинная вода». А еще слово «боз» означает — белая чистая ткань. Вода в речке и впрямь такая. Только когда весной дожди зарядят, мутнеет ее вода, а в иные месяцы чистая, прозрачная течет речка, словно гладкое белесое полотно стелется.

Аброр вырос на берегу Бозсу, сызмальства плескался в ее легких нестрашных волнах: на его памяти, у речки появилось другое имя — Анхор, канал Анхор. Во

многих документах и по сей день река Бозсу, протекающая через центр Ташкента, именуется Анхором. Однако это все та же речка!..

Стол окружен сотрудниками архитектурной мастерской, которой руководит Аброр. На чертежном столе Аброра лежит план, выполненный в цвете.

Бозсу голубой ленточкой змеится, петляет, огибает ташкентские холмы свободно и красиво.

Аброр неотрывно смотрит на план, над которым просуществовал дни и ночи, и с тревогой думает: поймут ли его коллеги?

— Аброр Агзамович, Бозсу считается старинным каналом. А у вас тут настоящая своенравная река.

Первая реплика обнадеживает. Аброр отвечает:

— Так строили в старину, тысячу лет назад. У ташкентцев не было тогда техники, вроде современной, они слушали подсказки ландшафта.

— Неужели у Бозсу тысячелетний возраст? — Недоверчивая Лена пожимает плечами, лицо в милых веснушках недоумеет.

— Если не больше, Леночка. Ташкенту две тысячи лет. А ведь никакое поселение в наших природных условиях не может существовать без орошения, стало быть, без арыков, без каналов.

Другой сотрудник, Карим Махкамов, лысеющий полный человек лет сорока (в мастерской его звали в глаза и за глаза Эрудитом), добавил:

— Я где-то читал, что самыми древними каналами Ташкента были Салар и Джун. Не Бозсу.

Аброр поддержал Эрудита. Да, древний Ташкент, знаменитый Шаш, зародился на берегу канала Джун. Сейчас это место находится в южной части города, неподалеку от аэропорта, называется Шаш, а в народе говорят Таштепе. Когда Шаш разрушили кочевники, город передвинулся на пять-шесть километров от старого места к северо-востоку, на берег канала Салар. И стал называться Мингурюк — то есть «тысяча урюка». Сейчас это место — вблизи Музея искусства Ташкента, где швейная фабрика «Заря Востока». Однако этому Мингурюку не суждена была долгая жизнь — в седьмом веке он оказал отчаянное сопротивление арабам, но военачальник халифата Кутейба все-таки сжег его дотла, после чего центр древнего Ташкента ушел еще на несколько километров к северу и возродился под наз-

ванием Бинакет, — это там, где ныне находятся медресе Кукельдаш, цирк и театр «Ёш гвардия»¹.

Рассказывая, Аброр вел незачиненным карандашом по голубой ленте реки на плане. Приглашал сотрудников обратить особое внимание на умело проложенное русло Бозсу древними мастерами. О да, они знали особенности своей земли, знали свои холмы и взгорья, они как бы и не препятствовали естественному, природному течению реки, лишь поправляли его, совершенствуя нерукотворные рукотворным — чуть расширив, или чуть углубив, или несколько спрямив речное русло. С ювелирной точностью учитывали они и угол наклона, и скорость течения, и характер дна под водным потоком, находя соответствие меж подводными пластами земли, каменистыми, твердыми, и неровностями рельефа, создавая умеренное течение, которое сохранялось веками. Если бы канал был прорыт с бóльшим, чем надо, наклоном, течение за сотни лет превратило бы русло в глубокий овраг, в каньон. Бозсу берет начало от порывистых горных речек Угам и Коксуб, а по центру Ташкента и поныне течет так выверенно спокойно, что можно с берега зачерпнуть воду в пригоршню. Чудесна эта близость Бозсу к человеку, древний канал-река — будто прирученный олень.

— Но за парком Победы или пониже, в Бурджаре, оврагов хватает, — вновь возразил Аброру Карим Махамов. Он не только эрудит, но к тому же и дальний родственник директора проектного института, в подчинении которого находилась их мастерская.

— Карим-ака, — мягко заметил Аброр, — мы сейчас говорим о той части Бозсу, которая протекает по центру города. Красиво, не так ли?

— Тут в двух местах Анхор слишком уж петляет, не так ли?

— Но в этом естественном изгибе и есть своя красота. Это как раз и делает канал рекой... Мы же ландшафтной архитектурой с вами занимаемся... Такой рисунок богаче, интересней, чем прямая линия.

— А сколько лишней площади съедят у нас эти петли? В центре города каждый квадратный метр на особом учете.

— По-вашему, русло надо спрямить?

¹ «Молодая гвардия».

— Ну, не мне такие вопросы решать, есть более компетентные люди.

— Но мы ведь с вами творческие люди, наше мнение — мнение специалистов, с нас и спрос особый.

— Не знаю, не знаю... Общую идею этого вашего плана, Аброр Агзамович, не улавливаю.

— Общая идея? Бозсу — это памятник древней культуры, искусства, если хотите. Он создан умом и руками народа, и его нужно беречь, как берегут памятники архитектуры в Самарканде и Бухаре. Когда в Ташкент приезжают туристы и просят показать его исторические места, их везут в старый город, показывают древние усыпальницы, медресе Кукельдаш. Кто спорит, все это — произведения, достойные памяти потомков. Но почему не вспомнить, что есть еще один, тысячелетний памятник — канал Бозсу? Может, потому и не вспоминаем, что Бозсу до сих пор живет и работает? Но вдвойне славно создание народное, раз оно живет тысячу лет и все еще трудится в полную силу... Верно, берега канала во многих местах надо ремонтировать. И русло кое-где подновить, укрепить. Но не спрямлять! Не вольничать по-своему!

Карим Махкамов иронически засмеялся.

— А вы знаете, я где-то читал, что в прошлом веке Бозсу обрамляли такие густые заросли, такое дикое буйство царило здесь, что тигры прижились. Да, да, тигры в Ташкенте, ну, около Ташкента. Об этом писали очевидцы. Вы как, Аброр-ака, не хотели бы восстановить те непроходимые заросли вместе с тиграми?

— Было бы неплохо, Карим-ака! Вы никогда не читали о том, что тигры — гордость леса — благодаря заботе человека вновь стали обживать уссурийскую тайгу? Неподалеку от больших городов, представьте себе!.. Жаль, что в прошлом веке ташкентцы не завели Красную книгу.

Коллеги посмеялись. Правда, Карим Махкамов тут же и нахмурился, отошел к чертежному «комбайну», развернутому вдоль одной из стен мастерской.

Скептицизм Эрудита настораживал Аброра. Чувствовалось, что какая-то невидимая, но крепкая нить связывала лысеющего толстяка с Шерзодом Бахрамовым. Да и почему невидимая? Аброр знал, что Махкамовы и Бахрамовы дружат семьями. Карим Махкамов женат на старшей сестре директора института Сайфуллы Рахманова и, таким образом, превратился в связую-

щее звено между Рахмановым и Бахрамовым. Когда Шерзод добивался выдвижения своей кандидатуры на премию, Карим, разумеется, способствовал этому. И все они торжествовали, когда добились успеха.

Изо дня в день работать в одной комнате с человеком, который каждое твое слово мог преподнести директору в превратном свете и каждый творческий замысел, тот, что пока еще держится тобой в секрете, выдать сопернику, Бахрамову, — это ли не наказание аллаха? Вот и сейчас Махкамов недовольным своим видом показывал, что Аброр проводит время за пустыми разговорчиками, а между тем дирекция нас всех обязала... дала срочное задание...

И впрямь — в ближайшее время мастерская должна была представить рабочие чертежи нового скверика в центре города.

Осторожно свернув план-проект Бозсу, Аброр подал всем знак — разговор, мол, закончен...

Так... Вот они, чертежи скверика... Просто, ясно. И скучно. Что бы тут придумать все-таки?

Аброр взял лист белой бумаги, обозначил легкими параллельными штрихами шумную городскую магистраль — она шла вдоль предполагаемого сквера. «Ну хорошо, расположим по периметру скверика дубы, чинары, клены...» Символические знаки Аброр набрасывал быстрыми, четкими, натренированными движениями, будто обычные буквы при письме. Причем в контурах каждого знака сразу угадывалось, чинара это, или плакучая ива, или клен. Пусть будет больше деревьев, пусть они скроют серую скуку асфальта! Но сопоставим высоту чинар и ширину площади в центре сквера... Аброр рассмеялся: мда, увлекся любитель живой природы, при таком замысле площадь могла оказаться со временем полностью затененной пышными кронами.

Аброр решительно перечеркнул набросок, взял еще один чистый лист. Но на столе зазвенел-загремел телефон. Внутренний, с трехзначным номером. Аброр снял трубку, готовый сердито выговорить тому, кто мешал ему сосредоточиться.

— Алло!.. Аброр Агзамович! — раздался в трубке знакомый басовитый голос.

Говорил директор института. Аброр непроизвольно прижал трубку плотней к уху.

— Я слушаю вас, Сайфулла Рахманович.

— Не могли бы вы на минутку зайти ко мне?

— Сейчас?

— Да... Если вы не очень заняты.

Обычно, когда дело не было очень важным и потому срочным, директор вызывал нужного сотрудника через своего секретаря, из приемной. Сам звонил редко.

— Я и сам думал зайти к вам, Сайфулла Рахманович. Иду.

Сотрудники услышали имя-отчество директора, произнесенное Аброром. Каждый подумал о проекте реставрации Бозсу, тем более что Аброр взял с собой именно этот свернутый в трубку план. У Лены все милые веснушки вспыхнули, когда она вдогонку Аброру пожелала совсем по-студенчески:

— Ни пуха ни пера, Аброр Агзамович!..

Кабинет директора находился на пятом этаже. Аброр неторопливо поднимался вверх по мраморной лестнице со своего третьего. В приемной дожидались очереди четверо.

— Проходите! Вас ждут. — Тамара, девушка-секретарь, кивнула Аброру на дверь.

Сайфулла Рахманович легким наклоном головы ответил Аброру на приветствие, жестом указал ему на свободное кресло. В другом уже сидела миловидная женщина средних лет — заведующая одним из институтских отделов.

— Продолжайте, продолжайте, товарищ Ильхамова...

— Я с нетерпением ждала вашего возвращения из командировки, Сайфулла Рахманович. Путевка в Кисловодск... Я уже и билеты купила. И вот пришла к вам с просьбой об отпуске... Графика он не нарушает, всего на три дня раньше. Заявление я принесла.

— Оставьте. Подумаем.

Ильхамова явно стеснялась в присутствии Аброра говорить о личном деле, но все-таки решилась:

— Сайфулла Рахманович, времени-то у меня в обрез осталось... Через три дня улетать нужно... Пожалуйста... Если вы сейчас подпишете....

— Зайдите потом, — сдержанно, не повысив голоса, прервал ее директор.

— Завтра?

— После выходного.

Женщина покраснела от волнения.

— В понедельник?.. Но мне в воскресенье уже улетать надо, Сайфулла Рахманович! У меня билеты на руках...

Но чем больше беспокойства проявляла Ильхамова, тем сдержанней, невозмутимей становился Сайфулла Рахманович.

— Билеты сдадите. Мы с вами прежде всего обязаны государственное задание выполнить,— проговорил он глухо.— Зайдите в понедельник...

Видно, Сайфулла Рахманович для того и пригласил к себе в кабинет Аброра, чтобы поскорей закончить неприятный разговор с Ильхамовой, которая, поняв, что дальнейшее препирательство бесполезно, упавшим голосом попрощалась с директором и вышла из кабинета.

После ее ухода Сайфулла Рахманович какое-то время молчал. Наклонил голову, будто рассматривая что-то перед собой на столе. Копна его волос густо выбелена сединой, хотя директору нет еще и сорока пяти. Из-под упавшей на лоб седой пряди особенно заметно выделялась чернота бровей. Карие глаза чуть притухшие, лицо гладкое, но сероватое. Какое-то нездоровое. «Наверное, болеет, но скрывает»,— подумал Аброр.

— Как с проектом сквера?— спросил вдруг директор.

— Дня через три-четыре сдадим.

— И то ладно... Развелось, знаете ли, слишком много работничков, которые все больше о себе думают, о том, как бы отдохнуть получше.— Неожиданно директор дал вырваться своему раздражению.— У вас в мастерской не так, слава аллаху.

Покосился на свернутый в трубку лист ватмана, который Аброр держал обеими руками, будто новорожденного.

— Что-нибудь новое?

Аброр заколебался — показывать или нет? Вон ведь как жестко обошелся директор с Ильхамовой. Коли он не в духе, то...

Увидев опасливую нерешительность Аброра, директор улыбнулся:

— Ну, не томите. Говорите да показывайте.

И без того узкие глаза Сайфуллы Рахмановича превращались в едва различимые щелочки, когда он улыбался. Будто человек зажмурился от удовольствия, и лицо его становилось воплощением умиротворенности и благодушия.

Но Аброр только успел развернуть план-проект обновления Бозсу и начал было рассказывать о своей идее, а лицо директора снова приобрело прежнее жесткое выражение.

— Можете не продолжать, — перебил он Аброра. — Я вас понял... Местность вокруг Бозсу — действительно для архитекторов ташкентских главный магнит. Недаром и самое важное учреждение здесь находится — ЦК партии. Со временем Союз писателей к берегам Анхора переедет, и парадный фасад его будет смотреть на канал. А на левом берегу мы воздвигнем здание драматического театра имени Горького... Вот поднимутся эти здания, тогда, соответственно, и будем благоустраивать, как вы предлагаете...

— Сайфулла Рахманович, вы сами часто выступаете против архитектурного разнообразия. В самом деле, отдельные здания, площади, улицы получаются у нас сравнительно хорошо. Но что касается целых ансамблей, то порой они складываются стихийно.

— А мы с вами зачем здесь сидим? Мы что, потеряли способность координировать, да, да, координировать?

— Я так понимаю свою задачу, Сайфулла Рахманович: чем многократно переделывать проекты с учетом объективных требований ландшафта, лучше один раз, но комплексно и самостоятельно разработать план благоустройства этой прекрасной местности. Кстати, лучшей зоны отдыха в Ташкенте, чем берега Бозсу, нет, — почему-то именно этим закончил свою мысль Аброр.

— Кто этого не знает?.. Я тоже люблю Анхор. Такого канала нет ни в Самарканде, ни в Бухаре. Бозсу питают горные воды, а с ними и горный воздух, и прохлада в Ташкент текут. Повторяю: я люблю и ценю этот дар природы... Да и сейчас по мере возможности мы благоустраиваем берега Бозсу, создаем там места для отдыха. Вот — парк Гагарина. Не хуже и парк Победы. Но — по мере возможности. Мы не легкокрылые птицы, а строители-реалисты, и вон сколько выстроили уже прекрасных зданий и тенистых, прохладных парков...

Аброру будто уже заранее послышалось продолжение: «Так что для вашего беспокойства поводов нет. Надо подождать, и все».

— Сколько можно ждать? И до каких пор мы будем мыслить — и хвастаться! — отдельными достижениями? — Аброр уже не старался смягчить свою речь. — Парк Гагарина хорош. Но берега канала от ВДНХ до

Урды запущены, захламлины. И от Укчи до Бурджара дел невпроворот. Одно из красивейших мест канала оккупировал почему-то пивзавод...

— Это все уйдет оттуда. Подождите!

— Само не уйдет, Сайфулла Рахманович! Мы обязаны мыслить комплексно... Я много лет изучал ландшафтную архитектуру... И прошу выслушать меня.

Придав своему лицу выражение внимательной благожелательности, директор сказал:

— Хорошо, давайте просвещайте... по возможности сжато.

— Речь идет, — с жаром заговорил Аброр, — о народных традициях во взаимоотношении человека и природы... Система орошения на Востоке издавна учила, наставляла человека — сотрудничай с природой, особенно с водой, не насильничай над ними, не упрямыствуй! Жаркий климат и скученная жизнь вынуждала древних горожан Ташкента, Самарканда, Бухары ценить, если можно так выразиться, естественную логику воды. Все знаменитые садово-парковые ансамбли во времена Улугбека, Навои, Бабура, все эти Боги Баланд, Боги Шимол, Боги Дилкушо создавались комплексно, это была та самая ландшафтная архитектура, основа которой — не отдельная грядка или клумба, а река, сеть каналов и арыков. В последующие столетия архитектура во многом утратила эти традиции. Но в народе всегда жили изначальные элементы садового зодчества. Даже в небольшом дворике — городском, заметьте, пожалуйста, — деревья и цветы располагались в определенном порядке, организуемом течением воды. Арык всюду служил естественной осью планировки. «Слушай, зодчий, что говорит, что подсказывает тебе свободно текущая вода!» — вот я думаю, какой традицией мы, ташкентцы, должны особенно дорожить. Посмотрите, вот Ганчтепе — естественная возвышенность. Прекрасная по своим формам! — Аброр воодушевленно нарисовал в воздухе плавную, закругленную линию холма. — Здесь Бозсу петляет как настоящая река. Для городской ландшафтной архитектуры это редчайшая находка... Посмотрите — вот тут можно перекинуть широкий мост, над всей петлей, прямо на возвышенность. Ганчтепе сейчас — пыльный пустырь. Там нет воды. Но что нам стоит установить насос, оросить, озеленить окаймленный водой холм, посадить шаровидные карагачи, сосны, плакучие ивы, чинары, разбить клумбы цветов. А на вершине холма можно

построить красивое здание с мозаикой, с изразцами — в стиле самаркандской классики.

— А что будет в том здании?

— Например, музей истории Ташкента. С древнейших времен до наших дней. Вполне уместно, ведь вся история Ташкента связана с орошением.

— Насчет этой петли Бозсу существуют и другие предложения.

— Одно из них я знаю, Сайфулла Рахманович. Предлагают разрубить эту петлю и проложить прямое бетонное русло.

Сайфулла Рахманович нахмурился еще сильнее — уже не сосредоточенно, а мрачно.

— Нетерпимы вы, однако... Неужели все должны думать по-вашему?

Аброр вспомнил Карима Махкамова, родственника директора.

— Я имею в виду предложение Бахрамова. Этот товарищ носится с идеей сплошной бетонизации всех арыков и каналов Ташкента. И во имя торжества бетонной красоты хочет выпрямить Бозсу.

— Оставим Бахрамова в покое... вы с ним привыкли вести рыцарские турниры.— Сайфулла Рахманович обладал редкой способностью мгновенно становиться суровым и тут же смягчаться; сейчас он вновь смягчился.— У меня тоже была идея насчет Ганчтепе. Петлю канала здесь, конечно, надо оставить — тут вы правы. Ну, а с западной стороны холма пустим Бозсу так, чтобы превратить Ганчтепе в красивый островок в центре водяного кольца.

— Интересная мысль...

— Здесь был, как вы знаете, самый эпицентр землетрясения. Потому предполагается — монумент «Мужество». Он будет говорить о подвиге ташкентцев.

— Это просто здорово! Музей истории города и монумент в честь подвига ташкентцев отлично подойдут друг другу... А еще что?

— Город восстанавливала вся страна. Вот почему тут, около холма, встанут гранитные стелы — на языке зодчества и скульптуры воздадут должное всем народам, пришедшим на помощь Ташкенту в его трудный час... Музей на Ганчтепе мы должны сделать идейно насыщенным. Вполне вероятно, что здесь поднимется музей дружбы советских народов.

Лицо директора вдруг сделалось строго-сумрачным.

— Вам, Аброр Агзамович, я вообще советую побольше обращать внимания на идейное содержание проектов. Традиции традициями, но наше новое, социалистическое не менее важно.

— А разве новое, если иметь в виду именно социалистическое, рождается без воздействия добрых традиций?

— Я призываю вас не отказываться от традиций, а не увлекаться ими односторонне.

— Все мы, Сайфулла Рахманович, против односторонности...

— Вот и давайте-ка прервем дискуссию... Вы — творческий человек. У вас свои идеи. Разрабатывайте их у себя дома. Придет время, вопрос созреет, и мы подробно, основательно рассмотрим ваши предложения. А сейчас... сейчас нас с вами ждут неотложные задания. По поводу этого я и пригласил вас. — Сайфулла Рахманович открыл несгораемый шкаф, вытащил оттуда многократно свернутый большой лист бумаги, осторожно развернул его перед Аброром. — Узнаете?

Еще бы ему не узнать план перестройки городского центра!.. Вот площадь Ленина. Среди авторов проекта ее перестройки значились и их имена, Сайфуллы Рахманова и Аброра Агзамова. Шли жаркие споры о принципах перестройки. Предлагалось расширить площадь на северо-восток до проспекта Навои. Но для этого нужно снести очень много домов, целые кварталы. Снести старенькое здание Дома кино. Убрать скверик, площадь Коммунаров и всю Инженерную улицу со зданиями каких-то трестов и даже одного министерства. Аброр сомневался: пойдут ли на все это? Но вот на новом плане-проекте — на этом месте фонтаны, клумбы цветов, аллеи, предложенные Аброром.

— Видите, тут взяла верх наша общая идея, — с довольным видом Сайфулла Рахманович потер ладонь о ладонь. — Ради того чтобы площадь выглядела величественно, горсовету придется в текущем году переселить в новые дома тридцать семей. Плюс семнадцать различных учреждений, здания которых пошли под снос.

— Да, такая площадь уникальна. И величественна, и красочна.

Но что же нового хочет сообщить Аброру директор?

— Значит, так, Аброр Агзамович! Есть решение правительства — памятник Владимиру Ильичу Ленину станет в новом центре площади. Тот, довоенных времен,

теперь рядом с двадцатиэтажной громадиной, конечно, не будет смотреться. Создается новый памятник — гораздо больше и выше прежнего, пропорционально размаху площади. Понятно, что этот новый центр должен быть оформлен самым лучшим образом: гранит и мрамор, редкие цветы, уникальные деревья, вплоть до серебристых елей... И пусть бьют здесь многочисленные фонтаны! — Приподнятую речь свою Сайфулла Рахманович закончил высокой призывной фразой: — В вашей мастерской собраны большие специалисты, Аброр Агзамович. Сами вы — единственный наш ландшафтный архитектор. Доверяем вам ответственное дело, готовьте рабочие чертежи!

Аброр представил себе объем предстоящей работы. А сроки, какие директор даст ему сроки?

— За доверие... спасибо, Сайфулла Рахманович. Мы сделаем все для того, чтобы площадь эта была по-настоящему достойна имени Ленина... Торопливости тут не место, не загубить бы большое дело штурмовщиной.

— Будь это в моей власти, я бы дал вам, Аброр Агзамович, год, но юбилей республики близок, знаете ли. И строителям нужно время, чтобы успеть превратить проект в готовый объект. Словом, нам отпущено шесть месяцев.

— Такую работу за полгода?! Это же невозможно, Сайфулла Рахманович!

— Архитекторы будут не одни. Есть еще группа экономистов-сметчиков. Есть гидротехники. Инженеры по подземным коммуникациям. Познакомьте с ними своих сотрудников.

Директор протянул Аброру толстую папку. Она оказалась тяжелой, и свернутый в трубку проект по Бозсу, с которым он пришел сюда, вроде бы совсем потерял в весе. Сайфулла Рахманович тоже взглянул на свернутый ватман почти откровенно скептически.

— Аброр Агзамович, я поручаю вам самую тонкую художественную часть проекта. Прошу вас не отвлекаться теперь ни на что другое. К проблеме благоустройства Бозсу вернемся потом, после завершения правительственного объекта. Если по этому заданию у вас возникнут вопросы, обращайтесь ко мне в любое время. И даже звоните домой. А уж сюда входите смело, несмотря ни на какие очереди в приемной, я так и Тамаре скажу.

С работы Аброр заехал на базар, потолкался по магазинам и вернулся домой, нагруженный кулками и пакетами со снедью.

Двери открыла Малика. Приняла из рук отца покупки, заахала радостно, затараторила:

— Ой! Горячие лепешки! Ой, огурцы! Черешня!

Из столовой выбежал Зафар:

— Где черешня?

— Да вот, смотри! — подняла кулек Малика. — Папа, а почему вы так поздно?

— Народу в магазинах много...

Втроем они перенесли в холодильник и на кухонный столик кефир, сметану, молоко в треугольных пакетах, сосиски, сыр, еще что-то... Зафар не утерпел, схватил горсть черешни.

— Сначала надо помыть! — строго прикрикнула Малика.

— Помыть, помыть... Подумаешь, ну и помою...

Зафар ел ягоды и выплевывал косточки — проверка меткости! — стараясь попасть в открытое мусорное ведро под раковину.

Аброр уселся на табуретку; усталый, он умиротворенно и даже с интересом следил и за метким Зафаром, и за хлопотуньей дочкой.

— Все в порядке, Малика? Есть новости?

Не отрываясь от дела — она переставляла в холодильнике молочные пакеты в «мамин порядок», — Малика сообщила:

— Дедушка приходил. Он долго вас ждал...

— И ушел? Давно?

— С полчаса назад. Я его чаем угостила. Но он только одну пиалу выпил. Хмурый какой-то был.

— Что-нибудь случилось? Он ничего тебе не сказал?

— Нет. Все вздыхал да вздыхал. Попросил, чтоб вы навестили его.

Аброр встал с табуретки.

— Что же все-таки у них стряслось?.. Пожалуй, я сейчас съезжу, а?

У Зафара сразу возникла захватывающая идея:

— Папа, надо ехать на машине! Возьмите меня с собой, ладно?!

Аброр глянул в окно. На улице темновато, вон уже и свет включили в доме напротив.

— А Малика одна дома останется? — надулась девочка.

— Ты тоже с нами поезжай! — великодушно разрешил Зафар.

Малика почему-то вспомнила, как в прошлый раз бабушка Ханифа ворчливо ее упрекнула: «Ты уже большая, надо теперь подлинней платья носить... А то колени торчат!» Малика терпеть не могла длинных платьев. И сейчас на ней юбка на палец-другой выше колен. Мама ей разрешила. А бабушка снова ворчать станет... Малика отказалась:

— Останусь, телевизор посмотрю.

Аброр вдруг почувствовал, как сильно он устал за сегодняшний день. Язык будто прилип к небу. Руки тяжестью налились. От руля, что ли? И очень хочется пить! Он открыл холодильник; не заглянув внутрь, с нужной полки («мамин порядок») вытянул бутылку простокваши. А стал пить, сморщился: в нос ударил запах бензина. Вот те раз, управлял машину и даже руки забыл помыть... В самом деле, значит, устал.

Аброр пошел в ванную.

— Так что, папа, ужинать будем? — спросила Малика.

— А что? Это мысль! — отозвался Аброр, смывая мыльную пену с рук струей горячей воды. — Только побыстрее собери что-нибудь. Может, сыру поедем? Или сосиски отварим?

— Сосиски! Конечно, сосиски, — решительно заявил Зафар.

И Малика выбрала сосиски.

Аброр подумал, что если уж сегодня ехать к отцу, то поскорее, но не поужинать сейчас с детьми, хоть и есть не хочется, тоже нельзя. Ну, и усталость надо с себя снять. Решил, пока сосиски сварятся, немного передохнуть, прилечь на диван; отправился в комнату, которая именовалась у них гостиной. На обеденном столе увидел раскрытый портфель Зафара, а рядом книги, тетради, чернильница — все в беспорядке разбросано. Небрежно скомканная белая рубашка, которую только сегодня утром старательно гладила брату Малика, свисает обеими рукавами до полу со спинки стула. На другом стуле — шорты. По ковру раскиданы тапочки.

— Зафар! А ну-ка поди сюда!.. Это что за безобразие? Сейчас же все прибери! Положи по местам!.. Да пошевеливайся, а то никуда не поедем.

Обычно юркий, расторопный, живой, как ртуть, Зафар, с недовольным лицом, будто больной, стал, еле-еле

передвигаясь по комнате, медленно собирать свои пожитки.

— Каждый день тебе твердят: надо прибираться за собой, нужен порядок в доме, — строго выговаривал так и не прилегший на диван Аброр. — Где рубашке место? Ступай повесь аккуратно в шкаф... И тапочки надень!.. Почему книги и тетради разбросал?..

— Малика пристаёт, заставляет уроки учить... — Зафар возмущенно засопел.

— И правильно делает, что пристаёт. Ты сегодня по математике что получил? Отвечай!

— Ну, тройку...

— «Ну, тройку», — передразнил сына Аброр. — Что ты за недотепа, из троек не вылезашь. Мы с мамой в твоём возрасте одни пятерки получали.

— Да... знаешь, какая задачка попалась... Я думал-думал... не понимаю, и все!

— Какая задача? Ну покажи!..

Аброр с сожалением глянул на маняще мягкий диван: отдохнуть теперь не придется, но сын есть сын, и, в конце концов, нельзя запускать его воспитание. А математика — это самое важное...

— Папа, Зафар! Идите, ужин готов! — позвала из кухни Малика.

Задача задачей, но есть-пить тоже надо. И чтоб вовремя. Аброр с Зафаром пошли на кухню. Малика держала в обеих руках литровую банку зеленого горошка.

— Папа, откроем?

— Отличная идея — горошек к сосискам! Дай-ка мне открывалку... А чай поставила?

— Ой, забыла! Сейчас-сейчас!

Голова у Аброра гудела, да и эти домашние заботы... ну, куда делся это проклятый консервный нож? Он дергал один за другим ящики кухонного стола, ворошил в них какие-то пробки, защепки, крышки для банок — консервного ножа не было.

— Да вот же он! — Малика достала открывалку из того самого ящика, который Аброр собирался уже задвинуть.

Несколько ложек зеленого горошка, а сверху кусочек сливочного масла... две-три сосиски — объедение, да и только! Аброр поспешно вскочил с табуретки.

— Машина-то на улице осталась!

«Жигули» были тоже вроде члена семьи. Да еще та-

кого, что доставляет больше, чем другие, забот и тревог. В прошлом году он вот так же вечером оставил машину на улице и на минуту поднялся к приятелю. Пока ужинали, говорили о делах, красивые подфарники и маленькие лампочки-указатели поворота исчезли с его «Жигулей». А без них не поедешь, на первом перекрестке автоинспектор тебя остановит. Где пешком, где на такси Аброр тогда весь город из конца в конец прочесал: одно пришлось покупать в магазине, другое втрядорога с рук у слесарей из ремонтных мастерских. С тех пор, раз и навсегда проученный, Аброр стал осторожным и осмотрительным. Сегодня, например, он ведь недаром поставил машину у большого уличного фонаря так, чтобы ее можно было видеть с балкона. А вот посмотреть на машину забыл... Держа вилку в руке, Аброр выскочил из кухни.

Сверху машина напоминала распластанную на асфальте черепаху... Вроде все в порядке... Еще нужно поставить ее в гараж, откуда километра полтора пешком домой топать... Да, но сначала-то — съездить отца повидать. Что же там стряслось? Почему он вздыхал, как сказала Малика?

Аброр торопливо доел сосиски, взял пустой бумажный пакет и положил в него четыре сдобных лепешки. Он никогда не появлялся у родителей с пустыми руками. Открыл холодильник, достал припасенную Вазирой баранину, отделил от нее добрый, килограмма в два, кусок, завернул в целлофан. Хотел было черешни немного отсыпать, но раздумал. Всего-то килограмм купил. Вон и дети с нее глаз не сводят, тоже торопясь расправиться с сосисками.

— Ладно, пусть черешня останется вам. Возьми, Малика, вымой половину.

Между тем закипела вода, зафырчал зеленый эмалированный чайник, задрезжала подбрасываемая паром крышка. Малика насыпала в глубокую миску — касу — черешню, промыла ягоды струей воды из-под крана. Аброр взял несколько темно-красных, влажно-упругих ягод, съел их одну за другой.

— Чай, доченька, сама попьешь. А мне что-то захотелось. Съезжу я к дедушке и бабушке, ладно? А ну, Зафар, пошли!

Зафар на ходу запустил руку в касу — захватить с собой побольше черешни. Свободную руку протянул к бумажному пакету:

— Давай, папа, я понесу.

— Только держи крепче.

Аброр заглянул в гостиную, потом двинулся в прихожую. Квартира ему показалась странно опустелой. Свет из прихожей падал в спальню, высвечивая через проем полуоткрытой двери кровать с белеющей из-под откинутого одеяла простыней и с брошенным поперек постели халатиком. Утром в предотъездной спешке Вазира не успела прибраться... Без нее, без Вазиры, квартира стала сразу пустой и сиротливой.

Аброр остановился, обернулся в коридорчик, что вел на кухню.

— Малика, мама не звонила?

— Нет, — донесся голос дочери.

Аброр поднял к глазам левую руку. Посмотрел на часы — десять минут десятого. В Москве еще, значит, только шесть часов.

— Если позвонит, запиши номер ее гостиничного телефона. Может быть, я потом сам позвоню... Поняла?

— Поняла... Передайте бабушке привет.

Вдвоем спустились во двор. Свет, падавший из окон, изжелтил деревянный забор. Снова вспомнился Шерзод Бахрамов.

Аброр поспешил побыстрее пересечь развороченный двор. Постарался выбросить Шерзода из головы: и без Шерзода хватает забот и волнений.

Вот когда городские улицы становятся посвободней: между предвечерними часами возвращения людей с работы домой и вечером поздним, послетеатральным.

Аброр включил подфарники, настроил радиоприемник на нужную волну — приятной вечерней музыки — и спокойно поехал по яркой магистрали. Промелькнули улица Усмана Юсупова, Рабочий городок, потом осталась позади последняя асфальтированная улица. Машина задрожала, затрепыхалась на ухабах и выбоинах. И ночь стала вроде темнее. Старые улочки, будто нарочно, прятали свои колдобины, и Аброр никак не успевал вовремя разглядеть их: то одно, то другое колесо машины проваливалось неведь куда, весь корпус «Жигулей» немилосердно раскачивало и трясло.

Одноэтажные, крытые шифером домишки, глинобитные заборы, могучие старые тополя, что спустились чуть ли не к самой воде арыков, — все здесь напоминало киш-

лак. Впрочем, нет, в кишлаке просторней, а тут дворы лепятся друг к другу, тут теснота, говорящая, что въехали вы в один из кварталов Старого города.

Вскоре он остановил машину у знакомого ряда пирамидальных тополей, перед выкрашенными в голубой цвет двустворчатыми воротами. Он с Зафаром вышли из машины, открыли калитку, ступили во двор, и тут же на дорожке у дома показалась Ханифа-хола, высокая, в белом кисейном платке и черной бархатной безрукавке поверх простенького ситцевого платья.

— Это ты, Аброр? Что ж стариков навестить времени не выберешь? Пока отец к тебе сам не заявится, ты и ухом не ведешь...

Зафар вежливо поздоровался с бабушкой, протянул ей бумажный пакет:

— Это вам!

— Ах ты, радость моя, радость бабушкина! — расстрогалась Ханифа-хола, прижала Зафара к себе, поцеловала в лоб.

Агзам-ата в задумчивости сидел на чорпое, положив на хантахту сомкнутые в замок руки. Увидев сына и внука, старик выпрямился, привстал на курпаче. Аброр поспешил к отцу, за руку поздоровался с ним, придержал, показывая, что не надо сходить с помоста. Пусть отдыхает Агзам-ата, за семьдесят ему.

Двор у родителей просторный. По двум его сторонам тянутся крытые навесы, а в глубине дом с верандой и пристройками. С веранды в сад льется свет, зажигая на яблонях и урюке желтые плоды среди темной листвы. Виноградные лозы, поднятые на жердях, образуют крытую аллею. Красиво, уютно. И от жизни тут не отстают. Вон под карнизом протянулась газовая коммуникация — труба для плиты. А во дворе — водопроводная колонка.

Аброр взобрался на помост, сел на расстеленные курпачи; ветер донес до него приятный запах; так пахнет добрый табак, но это не табак, это знакомый с детства запах поздней весны, когда цветет виноград. В темноте виноградные лозы напоминали темно-зеленый водопад. С противоположной от ворот стороны не было забора, лишь проволочная сетка, за которой протекала река. Дом стоял на самом берегу Бозсу, но шума воды во дворе не слышно. В широком русле вода бежала быстро, но бесшумно, только тихо плескалась у берега; и веяло от воды влагой, освежающей прохладой.

И когда Аброр вдохнул этого воздуха, этого ветра, настоящего на свежей чистой воде и цветущей лозе, бодрость и вместе с ней умиротворенность овладели душой, волнами разлились по телу.

После обычных расспросов о житье-бытье, о здоровье Агзам-ата глянул на жену и сказал негромко:

— Позови Шакíра.

Ханифа-хола пошла за младшим братом Аброра — Шакиром, который сидел в комнате у телевизора. Агзам-ата примолк, видно обдумывая что-то, пощипывая кончик короткой седой бородки.

Каждый раз, когда они приезжали сюда, Зафар играл то с кошкой, то с курами, то с овцами: мальчик очень любил животных. Бросился он и сейчас искать кошку, но ее нигде не было. А куры давно уже спали в сарайчике на насесте.

— Бабушка, а где кошка? — остановил он Ханифу-холу.

Та не ответила, наверное не расслышав вопроса. Зафар пересек двор, заглянул под навес. Два барашка повернули к нему головы, тряхнув веревками, которыми их привязали. Оказывается, корм кончился, и Зафар пошел к кучке сена, собранного в глубине загона, и принес две охапки. «Хрупайте, барашки, хрупайте, вы такие хорошие».

Зафар гладил то одного, то другого. Барашки были недавно острижены, вон еще следы ножниц видны.

Шакир вышел, поздоровался с братом и подсел на край помоста, вытянув и скрестив ноги. Длинные черные волосы закрывали парню шею. «Словно у девицы какой-нибудь», — подумал Аброр. А вот усики явно шли брату. Плечи у Шакира широкие, в поясе он тонок и гибок. И рубаха по моде приталена. Подумать только, Шакиру уже двадцать пять, осенью Агзам-ата собирался женить своего младшего. Барашки, с которыми забавлялся под навесом Зафар, к свадьбе, видно, и предназначались, заранее откармливались. Аброр уже давно ждал, когда отец пригласит его на семейный совет по поводу предстоящей женитьбы брата.

— Ох, мулла Аброр, мулла Аброр, — глухо заговорил наконец отец, чуть в насмешку величая сына почтительным «мулла», как обычно обращаются к высокообразованному человеку. — Нет, не суждено нам дожить свои дни в этом дворе.

Аброр давно уже сказал родителям, что частные домики, расположенные на берегу Бозсу, будут сноситься.

— Не зря, оказывается, ты говорил, сынок, не зря... Приходили сегодня, постановление исполкома нам читали.

Сегодняшний разговор в кабинете Сайфуллы Рахмановича и вот тут разговор — предмет-то один, да две точки зрения.

— Но здесь-то, кажется, еще не будет строительства? — спросил Аброр у Шакира, который работал на стройке.

— Вроде бы мост собираются неподалеку возводить, — ответил брат, отводя глаза. — Разве Вазира-апа ничего не говорила?

Агзам-ата слушал сыновей, потом с новой надеждой спросил у Аброра:

— Может, сынок, ошибка какая вышла? Ты уж постарайся нам помочь. Зачем зря дворы сносить?

— Этим дворам все равно здесь не быть, — сказал Шакир.

— Но коль мост здесь строить не будут, какая нужда нас сносить? — не сдавался Агзам-ата.

— Да здесь не об одном только мосте речь — строительство целое, — пояснил Шакир.

— А приостановить строительство нельзя?

Шакир уже не смог сдержать раздражения:

— Что значит приостановить, отец? Ведь и Аброр сколько уже раз выступал с призывами: «Превратим берега Бозсу в благоустроенную зону отдыха для населения!» Проекты разрабатывают. А чтобы взяться за их осуществление, надо расчистить ее берега...

— Это и впрямь так? — Агзам-ата пристально посмотрел на старшего сына.

Хоть и скрытый, но укор: «Значит, из-за твоей работы разрушат этот двор, снесут этот дом, где ты сам родился и вырос?!» Аброр хотел было объяснить отцу, что проект, о котором говорит Шакир, разработали специалисты из другого института. Проектных организаций в республике много, и они не докладывают друг другу о том, что собираются делать. Аброр сам впервые от младшего брата услышал про мост через Бозсу. Но утверди соответствующие инстанции не этот проект, а его собственный, старые строения на берегу Бозсу подлежали бы сносу тоже.

Аброр тяжело вздохнул:

— Выхода и впрямь нет, отец, так или иначе, но эти берега будут перестроены.

Подошла к мужчинам Ханифа, принесла и поставила на хантахту чайник со свежесваренным чаем. Никто на нее внимания не обратил.

— Такой большой пост занимаешь!— с укоризной бросила Ханифа старшему сыну.— Неужели ничего не можешь для родителей сделать?

— Раз принято постановление... Шакир, ты читал его? Когда там предусматривается переселение?

— В трехмесячный срок. Выплачивают денежную компенсацию, а тем, кто пожелает, предоставляют равноценные квартиры.

— Значит, успеем до переезда сыграть свадьбу?— спросил Аброр.

— Как ты можешь думать о свадьбе!— с болью воскликнул Агзам-ата.— Мы без крова остаемся, без родного дома.

— Поймите, отец, мне этот дом тоже очень дорог. Как подумаю, что его снесут, сердце болью заходится. Но разве нас одних постановление касается? Сколько старых улиц исчезло после землетрясения, сколько людей в новые дома переселили!

— Что ж теперь, из-за этого землетрясения весь город вверх дном надо поставить?— совсем уже разгневалась мать: упершись руками в край помоста, сверлит Аброра взглядом.— Конец света наступает, что ли? Семь лет прошло, а оно, проклятое, все еще людям покоя не дает!

— Старые дома, старые улицы и без землетрясения снесли бы, мама,— сказал Аброр как можно спокойней.— Еще за десять лет до него по генеральному плану застройки Ташкента берега Бозсу предназначались для зоны отдыха.

Агзам-ата понимал правоту сына. Общую правоту. Но горько было сознавать старику, что его Аброр и его Вазира сами как раз из тех людей, чья работа, оказывается, делает неизбежным разрушение их милого дома, в котором прошла долгая, но ведь не кончающаяся сегодня-завтра жизнь. И потом — не вся правда за Аброром, не вся!

— Благоустроить район — да, предусмотрено!.. А зачем арыки губить, нашими руками выкопанные? Я тридцать лет поливал и растил в Ташкенте деревья,

а такие, как ты, умники, взяли да и вырубili их одним махом... Столько арыков уничтожили! А что дали вместо них? Асфальт и бетон? Где ваши новые сады, где обещанные райские кущи?

Аброр понимал, мало того — разделял душевную боль, которая терзала старика. До землетрясения Агзам-ата был известным в Ташкенте мирабом. Под его началом работали больше двадцати человек. Они следили за своевременным орошением деревьев и цветников. Агзам-ата умудрялся проводить воду и туда, где ее отродясь не бывало: глядишь, на голом, прожаренном знойным солнцем пустыре деревца начинали шуметь — робко, но внятно. Люди говорили: «Агзам-ата заговор знает... Агзам-ата может заставить воду и в гору течь». Мирабское мастерство отца не раз восхищало и Аброра. «Вот и нынешнее русло Бозсу проложили некогда такие же искусные мастера, — думал он. — Прирожденные мирабы».

Мираб Агзам некогда любил ходить пешком по ташкентским улицам. Особенно летом. Шел бы и шел по тротуарам — в густой тени высоких деревьев, что выстроились в бесконечные ряды, под веселое журчание воды в арыках. За определенными улицами закрепляли определенного рабочего, обязанного следить, чтоб на его участке всегда было достаточно воды. Идет, бывало, Агзам-ата по пешеходной тропе, слушает говор воды... чуть где он смолк, мираб направляется туда. Обнаружит, что пересох арык или русло илом занесло, что деревья без воды начинают вянуть, — немедленно за поливальщиком, гневный, решительный. А если помощь окажется нужной, сам первый и поможет. Глядишь, и ожил снова арык, весело зажурчал, зазвенел тугой поток.

— Видно, прошли времена мирабов! Были поливальщики, теперь силесари!.. — Агзам-ата невольно, а скорей даже намеренно исковеркал слово «слесарь». — Нам до силесарей далеко, тянуться да тянуться. Хотя... возьми этот двор... В зелени вроде весь, ухожен неплохо, а? Дай его вам, силесарям, в два счета превратите в пустыню! Железобетона здесь понатыкаете!.. У меня сердце кровью обливается, сынок.

Аброр нервно проглотил слюну: непросто опровергнуть сейчас отца, очень непросто.

— Отец, вы меня не валите в одну кучу с теми горопыгами, кого я и сам терпеть не могу. Я хочу, чтобы берега эти были в десять раз зеленее и краше, чем

нынче. Кстати, сегодня я опять столкнулся из-за этого с нашим директором.

— Что толку от твоих споров и схваток! — буркнул Шакир, глядя в землю. — Переселяться надо... не тянуть с этим делом.

— А где вы квартиру получаете, известно?

— В Юнусабаде выделяют, в новом жилмассиве.

Ханифа почувствовала, что наступает самый ответственный миг на семейном совете, и тоже взобралась на чорпою.

— В новых домах все готовое, — сказал Аброр, посмотрев на мать. — Ни о дровах, ни об угле на зиму думать не надо. Холодная и горячая вода, газ...

— А летом? — перебила Ханифа-хола. — А карабкаться на четвертый-пятый этаж да спускаться оттуда?

— Дадут и на нижнем, если попросишь. — Шакир гнул свое: скорей бы, скорей получить новую квартиру, не тянуть с переездом.

Агзам-ата молчал, сидел, склонив голову да привычно пощипывая бородку.

— Это что же выходит, — продолжала упорствовать Ханифа-хола, — бросай такой ухоженный прохладный двор и давай-ка жарься в вашем доме — душном и раскаленном?.. А тут свадьба на носу. На троих-то нам всего две комнаты дадут. Сколько туда гостей поместится? И двора нет, где бы можно курпачи да паласы расстелить!

— Зато балкон будет! — сказал, усмехнувшись, Аброр.

— Молчи уж про эти свои балконы! Отдохнешь там, как же, подышишь свежим воздухом!.. Пыли наглотаешься, оглохнешь от уличного шума — вот и все удовольствие... А попробуй ночью засни на цементе. Да и духотища.

— Ну, я не знаю... Коль не в новый дом, так куда вы собираетесь переселяться, отец?

Агзам-ата поднял голову:

— Сынок, богу одному известно, сколько нам со старухой жить осталось. Была у меня мечта в этом дворе свой век дожить, а там уж переселили бы меня прямо на кладбище Минор, тоже на берегу Бозсу, рядом... Да, видать, не суждено мечте исполниться... Мы с матерью вашей все равно что деревья, они ведь только на земле растут. Оторви нас от земли — недолго протянем, завянем... Знаю, трудно получить сейчас новый участок, еще

сложней будет стройку на нем затевать... Но деревья лишь в землю корни пускают. В землю...

— Вот и сходите куда надо, пусть участок земли поближе к нам дадут. Отец сорок лет труда отдал Ташкенту. Еще живы те, кто видал, как сам Ахунбабаев орден ему на грудь приколот... Подтвердят, если потребуется! — подхватила Ханифа-хола.

— Да не в ордене дело! — проворчал Агзам-ата. — Зачем орденом козырять?

— В черте города свободной земли на осталось, — развел руками Аброр. — И многоэтажные дома стали теперь плотней, чем раньше, ставить. А участки... их почти прекратили выделять.

— Ну конечно, как до нас черед дошел, у вас все прекратилось! — чуть ли не выкрикнула Ханифа-хола. — А тем, кто деньги предложит, — пожалуйста!

Аброр тоже не сдержался, бросил резко:

— Ну так возьмите и купите!

— Хорошо, купим! — в тон ему ответил отец.

Он слышал, что государство немалые деньги платит тем, чьи личные дома сносят. Представитель исполкома уже подсчитал, сколько у них во дворе деревьев, виноградных побегов, сколько леса ушло в свое время на строительство дома и других материалов, все измерил — от крыши до пола, учел и внутреннюю отделку. Приблизительно прикинув, заверил: «По нынешним меркам самое меньшее семь, а то и восемь тысяч рублей получите». Агзам-ата цифру эту сыновьям не назвал, показалась она ему неоправданно большой. Не дадут столько, но...

— Себя заложу, а участок куплю, — заявил он решительно. — Хоть недостроенный. Есть брошенные участки, где хозяева одни фундаменты успели заложить...

У Шакира от волнения сердце молотком застучало, он соскочил с помоста.

— Страшно дорогое дело затеваете, отец! — воскликнул он. — Участок такой, начатый, еще найти надо, официально все оформить, а потом материалы доставать, а строить во что обойдется?.. Зачем вся эта морока? Жили бы спокойно в нормальной квартире, ее-то без хлопот получить можно!..

— Тебе покой нужен, так ты и иди получай свою квартиру! — отрезал Агзам-ата. — А участок моя забота. Сам управлюсь...

Шакир, конечно не из тех отпрысков, кто может

спокойно полеживать себе в благоустроенной квартире, когда отец будет глину месить да кирпичи таскать. Это Агзам-ата знал. Как и то, что Аброр без помощи тоже не оставит. Да и сам он... пусть ему за семьдесят, но силенки еще есть, слава аллаху. Рабочему человеку стоять надо на своем твердо, не отказываться от задуманного.

Шакир привел последний довод:

— Ладно, будем строить. Но... отсюда мы должны выбраться не позже чем месяца через два, верно? А участок раньше чем за год не обиходить... Где же девять-десять месяцев жить станем?

Аброр промолчал, хотя ясно было, что слово за ним. Ханифа-хола глянула на него исподлобья, заговорила о старшей дочери:

— К Мукамбар подадимся. Не выгонит, наверное, приютит на время.

Мукамбар? С четырьмя детьми, мужем и свекровью, на шестом этаже в девятиэтажном доме? Правда, была еще младшая, Рисолат, она в собственном домике жила. Но Рисолат недавно первенца родила, Ханифа-хола не успела бешик-той справиться и потому о ней ничего не сказала.

— Но ведь семья у Мукамбар... Семь человек в трех комнатах! Да нас еще трое добавится! — изумленно воскликнул Шакир.

— В тесноте, говорят, да не в обиде, — заметил Агзам-ата.

Аброр, конечно, понимал, что родители не хотят стеснять и без того большую семью зятя. И понимал, что стыдно будет ему, Аброру, если родители переселятся к старшей дочери.

— К чему ходить вокруг до около, мама?! — не выдержал он наконец. — Не бойтесь, на улице вы не останетесь! У нас четырехкомнатная квартира. Любую комнату, какую пожелаете, освободим. Живите на здоровье сколько понадобится!

Именно этих слов ждал от сына и Агзам-ата.

— Да, сынок, ежели у тебя можно пожить, станем ли мы зятя стеснять? — облегченно вздохнул он.

Все здесь знали, сколь нелегкую заботу взваливает на себя Аброр. Отношения между Ханифой-холой и Вазирой сложились непростые. Аброр справил свадьбу здесь, в доме, на берегу Бозсу, здесь же Малика с Зафаром родились. За годы совместной, в одну семью, жизни

между свекровью и невесткой накопилось множество взаимных недовольств, непониманий и обид. Конечно, и доброе было: обоюдная поддержка и уступки (больше со стороны Вазиры, правда), а главное — общие радости. Но когда наконец Аброр с Вазирой получили отдельную квартиру, обе женщины вздохнули с облегчением. А теперь снова вместе жить? В просторном дворе после стычки хоть разойтись можно, на глаза друг дружке какое-то время не попадаться, а в обычной городской квартире?..

— Жenuшка снова в Москву уехала? — спросила Ханифа-хола Аброра. И посмотрела на сына жалостливо, будто хотела добавить: «Вот как тебе, бедному, жить-то приходится! Невестка разъезжает по командировкам, дом и детей на мужа бросила!..»

Опасаясь, как бы мать не пустилась в дальнейшие расспросы-допросы, Аброр ответил подчеркнуто односложно:

— Да.

— А вернется когда?

— Скоро... дня через три... Тогда так и договоримся, отец! Я завтра же в нужные учреждения наведуясь, все разузнаю.

— Да, ты, сынок, еще раз все разузнай хорошенько. Переселять нас решили твердо или как? И насчет участка — выделяют иль нет?

— Хорошо, хорошо. Потом заеду к вам, расскажу. А теперь я, пожалуй, домой...

Агзам-ата сложил уже руки в привычный напутственный жест, но тут взгляд его упал на чайник:

— Вай, Шакир... Про чай-то мы совсем забыли!

Видно, прохлада, что веяла от близкой воды, уняла недавнюю жажду Аброра.

— Не хочу я чаю. Ну, отец...

Агзам-ата благословил сыновей, привычно — сверху вниз — провел по лицу сложенными вместе ладонями. Аброр поднялся, глазами поискал сына:

— Зафар, ты где?

Зафар явился из-под навеса с пестрой кошкой на руках.

— Нашел все-таки... Давай собирайся, поехали домой... Тебе бы только кошек до собак подбирать... Отпусти ее!

— Ну, почему? Возьмем с собой!

— Она к этому двору привыкла, у нас жить не будет.

— Тогда я с ней тут останусь.

Ханифа-хола была явно довольна, что внуку не хочется от них уходить.

— Умница!.. Радость ты бабушкина! Оставайся!

— Если б не учеба... — Аброру не хотелось лишний раз перечить матери. — Четверть заканчивается. Скоро начнутся каникулы, вот тогда Зафара привезу к вам.

Несмотря Зафар побрел за отцом на улицу, к машине.

Уже за рулем Аброр глянул в стекло кабины на часть двора, видную через проем калитки, на дом, на виноградник, такой родной, что нельзя было удержаться от тяжелого вздоха... Исчезнет скоро родное гнездо... И вся тяжесть предстоящего, вдруг почувствовал Аброр, легла теперь на его плечи.

Не обращая внимания на тряску, Аброр быстро вел «жигуленка» по узкой извилистой улочке, весь во власти завтрашних забот: прикидывал, куда обратиться по делу об участке, с кем полезно в первую очередь встретиться, какую из комнат удобней было бы освободить для родителей — его кабинет или их с Вазирой спальню? А с ними еще и Шакир. Не станет же молодой парень со стариками в одной комнате куковать... Значит, и Шакиру надо отдельную... А как же они вчетвером в двух остающихся разместятся? Малика уже подросла, она отдельно спать должна... И что еще Вазира на все это скажет? Целый год терпеть у себя в квартире трех взрослых людей... да еще с капризами...

Аброр почувствовал себя виноватым перед женой. Истаяло само собой утреннее раздражение, вызванное поведением Вазире в аэропорту.

Выехав на освещенное место, Аброр поднял к глазам руку с браслетом-часами. Половина одиннадцатого. В Москве еще полвосьмого. Вазира обещала позвонить домой.

Может, успеем приехать к ее звонку?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вазира поселилась в гостинице «Россия» на одиннадцатом этаже, в двухместном номере с окнами на Кремль и Москву-реку. Соседкой по номеру оказалась латышка, высокая худощавая женщина лет пятидесяти. Она приехала в командировку от театрального общества своей республики. Очень энергичная, подвижная

женщина. Быстро познакомилась с Вазирой. Быстро наметила себе программу дня. И, не отдохнув с дороги, к полудню уже ушла куда-то по делам.

А Вазира немного устала. Оставшись одна, скинула платье, прилегла отдохнуть.

И тут же зазвонил голубой телефон на тумбочке у изголовья кровати. Не поднимаясь, Вазира протянула руку и взяла трубку.

— Ну как, Вазирахан, хорошо устроились?

Она узнала чуть измененный телефоном голос Шерзода, непроизвольно поднялась, села на постели, прикрыв одеялом ноги.

— Спасибо, Шерзод, хорошо.

— И там у вас есть все, чем администратор хвасталась?

Когда они приехали в гостиницу и стали оформлять прописку, Вазире сначала собирались дать номер похуже, на тринадцатом этаже. Но вмешался Шерзод:

«Что вы, разве так можно?! Это нас вы поселяйте куда угодно, а такой красивой женщине будьте добры и номер соответствующий выделить!..»

Женщина-администратор рассмеялась, подобрела.

«Ну, хорошо. Вот вам, — вручила она Вазире карточку-пропуск. — Отличный номер с прекрасным видом на Кремль».

Вазира не забыла про заступничество Шерзода:

— Здесь даже лучше, чем было обещано. Не просто Кремль, а даже часы на Спасской башне отсюда видны. Я свои по ним на московское время перевела.

— Ну, поздравляю!

Слышимость была такая, будто Шерзод совсем рядом стоял, даже дыхание его четко различалось.

— А вы на каком этаже? — поинтересовалась Вазира.

— О, не спрашивайте!.. На тринадцатый нас поместили. А мой приятель, наш-то спутник, этой цифры терпеть, оказывается, не может. Окна у нас к тому же на шумную улицу выходят...

— Значит, для меня постарались, а себе во вред?

— Ну, что вы... Знаете поговорку? Если собрался ковер продавать, продай другу, тогда и сам на краешке посидеть сможешь. Надеюсь, вы пригласите к себе в гости?

— Конечно...

Шерзод, видимо, надеялся, что Вазира тотчас и ска-

жет: «Приходите». На какое-то время он замолчал, ожидая. Однако Вазира не торопилась произнести это слово. На ту степень дружеской фамильярности, к которой явно стремился Шерзод, она идти не хотела.

— Сейчас моя соседка... отдыхать легла, — неожиданно для себя солгала Вазира, и ей самой стало неловко и стыдно.

— Ну ничего, — приободрился Шерзод. — Тогда мы сходим пообедаем, ладно?

— Недавно же ели, неугомонный вы какой!

— Что за еда в самолете! Я успел изрядно проголодаться.

Вазира решила твердо держаться от опасности подалее.

— Знаете что, Шерзод? Вы спокойненько пообедайте. Без меня. Договорились? А я вся какая-то разбитая после полета.

— Хотите отдохнуть немного?

— Да. Во второй половине дня мне кое с кем встретиться надо, разговоры непростые будут, я чувствую.

— Может, на такси вас подвезти? А, Вазирахон?

«И в студенческие годы был прилипчивым, и теперь остался таким же», — подумала Вазира. Но Шерзод позабыл: когда кто-то упорно настаивал на своем, чего-то добивался от нее помимо ее желаний, Вазира становилась непреклонной.

— Спасибо, Шерзод, но у вас тоже, наверное, дел немало. Давайте не связывать друг друга ожиданиями да обещаниями. Так нам свободней и спокойней будет. У меня здесь есть подруги. Я могу вечером и задержать-ся.

— Выходит, мы больше не встретимся? — заметно упавшим голосом спросил Шерзод.

— Ну, почему же? Не сегодня, так завтра. Или послезавтра. Вы дайте мне свой номер телефона, я позвоню, как только сумею.

Шерзод назвал номер телефона. Голос его снова звучал мягко, предупредительно:

— Вазира, вообще-то говоря, вы... опасаетесь будто чего-то?..

Вазира решила отшутиться:

— Вообще-то говоря, вы и сами все примерно понимаете...

— Понимаю. Но ведь вы... из тех, кто свободен от предрассудков... Я помню студенческие годы. Вы с по-

другами уже тогда ничего не боялись, обходились без жеманства и ужимок. Или я не прав?

— Видимо, постарела, Шерзод, — почему-то весело заметила Вазира. — Да и свобода женщины не исключает чувства меры, правда?

— Оставьте это, пожалуйста!.. Похоже, ваш муж в слишком жесткие рамки вас заключил.

— Не муж, я сама... все-таки я восточная женщина. Есть границы, которые я не привыкла преступать.

— Эти границы давно устарели, Вазира. Пожалуй-ста, вам пример: моя жена — артистка, она уже месяц как на гастролях, я ни в чем ее не стесняю — разумный, самостоятельный человек, она вольна в своих поступках... Разумеется, у меня тоже полная свобода.

— У каждого свое, Шерзод. Мне нравится быть такой, какова я есть. В этом моя свобода. И давайте друг другу ничего не навязывать. Хорошего из этого не получалось и не получится...

Вазира намекала на случай, окончательно испортивший еще в студенческие годы их отношения. Однажды в лекционном зале они остались вдвоем — «для того, чтобы объясниться», сказал Шерзод, но вместо объяснений он схватил ее за плечи, прижал к себе и хотел насильно поцеловать в губы. Вазира вырвалась, молниеносно отвесила ему пощечину. Но мало того, что Шерзоду было неприятно получить пощечину, этот случай, собственно, и принес победу его сопернику.

— Ах, Вазира, Вазира. — Грустный вздох словно пронзил телефонную трубку. — Я бы только одного желал, чтобы продолжилась наша студенческая дружба. Мне уже сорок, а в эти годы и приходит, оказывается, понимание, как дорога для нас дружба, возникшая в молодости.

Шерзод давал понять, что признает поставленные ему Вазирой границы в их взаимоотношениях, обещает считаться с ее волей. Ведь скорее всего Шерзоду, этому эгоисту Шерзоду, в самом деле не хватает искренних друзей, и тоска его по бескорыстной дружбе вполне может быть искренней. В душе Вазиры колыхнулось что-то вроде сочувствия и даже сострадания к собеседнику, к мужчине, столь уважительному к ней и пусть даже чуточку увлеченному ею. В конце концов, возможна ведь искренняя дружба между женщиной и женщиной. Почему надо всегда предполагать между ними — знакомыми, товарищами по делу — что-то нехо-

рошее, запретное, преступающее границы?.. Вазире захотелось сказать Шерзоду что-нибудь ободряющее.

— Вы целиком правы, Шерзод, мы, однокурсники, нужны друг другу... Вот и сегодня как мы с вами хорошо летели. А одна бы я, честное слово, намучилась, изнервничалась и в пути, и в гостинице...

— А я, Вазира... даже не заметил, как время в самолете прошло. Снова как будто в студенческие годы вернулся. И это вы тому причиной...

Помолчав, Вазира перевела разговор в иное русло:

— Кстати, вы мне назвали сегодня Катинова, метростроевца, я подумала — такой специалист по нашему вопросу действительно нужен.

— Тогда я разыщу его по телефону. Можно, я вам завтра встречу устрою?

— Завтра я буду... сейчас посмотрю свой календарь... занята, к сожалению, весь день. Может, послезавтра?..

— Хорошо, Вазира. Послезавтра.

На этом разговор завершился. Вазира положила трубку на рычаг и снова вытянулась во весь рост на постели. Она испытывала удовлетворение и оттого, что не позволила Шерзоду навязать ей тот стиль отношений, к которому он поначалу столь настойчиво стремился, и потому, что, усмирив его, не оттолкнула, не сделала врагом себе и тем самым, как ей казалось, семье. Маленький успех, который она, может быть, разовьет... Вазира, довольная, улыбнулась, натянула на себя до подбородка простыню и закрыла глаза.

В голове слегка шумело, будто продолжали приглушенно рокотать моторы самолета. Прислушиваясь к этому ровному гуденью, Вазира не заметила, как заснула. Проспала всего минут пятнадцать, ни разу не изменив положения тела, будто спеленутого накрепко. Потом сразу открыла глаза: в окно, перекрывая неясный городской гул, влетел перезвон кремлевских курантов.

Половина третьего. Чувствуя легкость во всем теле, Вазира наскоро умылась, оделась, причесалась. Пять минут прошло — и вот она уже на улице; в руках — черный футляр с чертежами, легкая сумочка на плече... и хорошее, приподнятое настроение!

Ее захватили и понесли могучие и стремительные — московские! — потоки людей и машин. Она вся оказалась во власти непривычных ей ритмов огромного, всегда

спешащего, целеустремленного города. Шла ли она по улице, ехала ли в автобусе, вагоне метро или кого-то разыскивала, перед кем-то отчитывалась, с кем-то советовалась в проектных организациях, связанных с ее учреждением делом, одним только делом, — везде, всюду, всегда нужно было быть внутренне собранной, готовой к немедленным и обоснованным решениям, к быстрым и четким действиям.

В каждый свой приезд в Москву Вазира мучилась тем, что не могла с нужной быстротой освободиться от прежнего ритма. Вот и сегодня она думала к девяти часам вечера вернуться в гостиницу, чтобы позвонить домой... Но в архитектурном управлении ей пришлось задержаться до конца рабочего дня. Привезенные проекты смотрели специалисты, принимавшие участие в создании метрополитена киевского, бакинского, тбилисского. Мнений тут было высказано столько же, сколько людей собралось на обсуждение. Двое из его участников, муж с женой, в течение трех месяцев после землетрясения работали в Ташкенте, не раз бывали у Вазиры и Аброра в гостях. Теперь они пригласили Вазиру «в порядке завершения дискуссии» поужинать с ними на Арбате, в ресторане «Прага». После ужина все пошли пешком через Красную площадь до гостиницы «Россия». Вазира, конечно, не отпустила супругов без ташкентского дастархана; они поднялись в номер на одиннадцатом этаже, выпили по чашке чая — соседка из латвийского театрального общества еще не пришла, — а на прощанье Вазира вручила гостям по дыне в подарок: на память о Ташкенте.

Проводив гостей до лифта, Вазира заспешила в номер, но звонить домой было уже поздно — половина одиннадцатого! В Ташкенте сейчас половина второго ночи. Аброр закончил свой проект, из-за которого не спал ночами, ему надо отоспаться, а он у нее такой, что, разбуди его телефон, потом до утра глаз не сомкнет.

Вазира решила отложить телефонный разговор до утра.

Встала она рано, хотя соседка-латышка уже исчезла. Пока заказала разговор, пока станции соединялись одна с другой, пробило восемь. В Ташкенте, стало быть, одиннадцать часов. Аброр на работе, Малика в школе, а Зафар на улице играет; трубку никто не поднял. Вазира назвала телефонистке номер рабочего телефона

Аброра. Соединили. Но как раз в это время его вызвали в дирекцию. Невезенье, да и только!

Целый день занятая работой, Вазира лишь к вечеру смогла попасть в магазин, чтобы купить заказанную сыном самоходку. До самого закрытия универмагов искала Малике туфли, но так и не нашла. Совсем разбитая торговой толчеей, голодная, она зашла в кафе в Столешниковом переулке перекусить. Добралась наконец до гостиницы снова в одиннадцатом часу. По московскому времени. Вазира представила себе, как ждет ее звонка, как нервничает Аброр. Снова позвонила на телефонную станцию и заказала на завтра разговор с Ташкентом в пять утра по московскому времени. «Соседку потревожу, — подумала Вазира, поглядев на аккуратно прибранную кровать деятельности ВТО (она еще не появилась). — Но как иначе поступить?»

В пять часов, когда Вазира спала будто убитая, пронзительно зазвенел телефон. Вазира потерла заспанные глаза, соскочила с постели, приготовилась говорить.

— Вы заказывали Ташкент? — донесся издали голос телефонистки.

— Да.

— Линия, к сожалению, не работает. Повреждение. Перенесете заказ на другое время?

— Да. — Вазира прикинула, когда сегодня сумеет освободиться. — На три часа дня, пожалуйста.

— Заказ переносится на пятнадцать часов, — подтвердила телефонистка и повесила трубку.

Часов в двенадцать Вазира встретила с Шерзодом в кабинете метростроевца Павла Даниловича Катина: они договорились об этом по телефону с утра.

За левым ухом у Павла Даниловича закреплен датчик слухового аппарата, от которого вниз, к левому боковому карману пиджака, тянется аккуратный белый шнурок. Во время беседы Катин достает из кармана аппарат и подносит его поближе к говорящему: Павел Данилович повредил слух при взрыве, во время проходки одного из тоннелей. Держится метростроевец бодро, энергичен, подтянут. Не старый, чуть за пятьдесят, видный мужчина. Галантно пошутил, обращаясь к Вазире:

— Мы безгранично рады, что столь прелестные женщины становятся музами метростроения!

— Спасибо, Павел Данилович! Только музы... нуждаются в вашей помощи. У них еще маловато опыта.

Вазира рассказала о линии метрополитена, которую предстоит прокладывать под дном Бозсу, о нерешенных вопросах, — по ним-то ташкентцам желательно получить авторитетные советы.

— Вам обязательно следует самому съездить в Ташкент и все посмотреть. Очень вас просим, — сказала Вазира. — Сейчас я только одно хочу узнать. Когда дело станет безотлагательным и мы пригласим вас для консультаций, сможете ли вы приехать дней на пять — десять?

— Съездить хотелось бы. Ташкент я видел только раз, в пятьдесят пятом году. Неплохо бы снова побывать в вашем славном городе.

— Ну, сегодня Ташкент совсем другой!

— Павел Данилович, — включился в разговор и Шерзод, — у меня есть предложение. Сегодняшняя наша встреча — неофициальная. Но это залог будущего сотрудничества — это надо отметить! Как, Вазира, не пригласить ли нам Павла Даниловича на скромный товарищеский ужин в наш московский «Узбекистан»?

Вазире не улыбался этот ресторанный вечер с посторонними... ну, в общем-то, действительно с посторонними ей мужчинами, но голос гостеприимства (Шерзод приглашал в «наш «Узбекистан») не позволил ей сказать «нет».

— Хорошо бы, — согласилась она.

— Знаю, кухня в «Узбекистане» отменная, — сказал Павел Данилович. — Только ресторан-то постоянно переполнен. Мест, боюсь, не найдем.

— А это уж моя забота, — весело рассмеялся Шерзод. — Будут места, будут. Какие захотим.

Павел Данилович засмеялся, и Вазире захотелось, чтобы он под каким-нибудь предлогом отказался от предложения.

— Шерзод Исламович, видите ли... сегодня вечером я иду в театр.

У Вазиры полегчало на душе, но, чтоб не выдать себя, она воскликнула:

— Как жаль!

А Шерзод огорчился искренне: какой еще повод найдешь заманить Вазиру в ресторан.

— Павел Данилович, — продолжал он настаивать, — тогда хоть давайте пообедаем вместе. Скоро перерыв.

— В ресторане? Не успеем за час.

— Без пятнадцати час. Ресторан отсюда недалеко.

Вазира вспомнила, что в два тридцать ей надо быть в гостинице: заказан телефонный разговор с Ташкентом, — весь день в голове держала это, а сейчас чуть не упустила из виду.

— Только мне в третьем часу необходимо снова быть здесь, — предупредил Павел Данилович.

— Обязуемся доставить вас сюда ровно в два, не так ли, Вазира?

«Не успеем», — хотелось сказать Вазире, но... она кивнула:

— Обязуемся!

С улицы Герцена до Неглинной домчались мигом (Шерзод успел поймать такси).

На парадных дверях ресторана висела табличка: «Мест нет». За дверными стеклами виднелась величественная фигура швейцара в черном костюме с золотыми шевронами и лампасами. Тоскливо томила на тротуаре очередь — человек тридцать, не меньше.

Через три минуты после того, как Шерзод исчез за служебным входом, сбоку от главного, — двери распахнулись. Метрдотель пригласил их войти в малый зал.

В очереди зашумели, но швейцар невозмутимо объяснил:

— Места этим гражданам с утра заказаны.

Господи, сколько же времени прошло с тех пор, как она в последний раз была в настоящем ресторане!

Из кухни доносился, дразня аппетит, аромат плова, приправленного тмином: ей ли не знать, как это вкусно! Мимо низеньких столиков, установленных на коврах яркой расцветки на бекасамовых курпачах, мимо зеркал в нишах шли они к своему месту. Павел Данилович не выдержал, воскликнул:

— Красиво оформлено!

В малом зале и народу было мало.

— Мы рады вам! — слегка поклонился метрдотель Вазире и предупредительно отодвинул ее стул, помогая сесть за стол.

Шерзод уже успел «обработать» своего знакомого заведующего залом: «Гости из министерства, знаете ли, знатоки и гурманы, но все-таки постарайтесь их удивить». На столе появился сначала, как и положено за среднеазиатским обедом, душистый зеленый чай в чайнике пунцового цвета и такие же ярко-красные пиалы

на лягане, расписанном цветами белоснежного хлопка, а потом пошли пышные, выпеченные в тандыре лепешки, ломтики казы, пятизвездочный узбекский коньяк, «Хосилот» и «Гулоб»¹.

Шерзод хотел налить Вазире коньяку, но она отказалась:

— Нет-нет, лучше сухого... «Гулоб», пожалуйста.

Павел Данилович снял слуховой аппарат, положил его в карман. Вазире пришлось повысить голос, наклонившись к нему:

— Павел Данилович, обратите внимание... «Гулоб» и в Ташкенте не часто найдешь. Большая редкость.

— Что вы говорите? Тогда и я, пожалуй, с него начну.

Шерзод налил гостю вино в большой фужер. Провозгласил первый тост — за Павла Даниловича, за дружбу и сотрудничество москвичей и ташкентцев. Павел Данилович отпил глоток, зажмурился от удовольствия:

— Божественно!.. Что-то подобное я только в Париже пробовал.

Шерзод тут же припомнил забавные случаи из их, с Павлом Даниловичем, совместной поездки в Японию. Повторил свой «самолетный» рассказ о выставке. Видно было — Шерзод любил ненароком подчеркнуть, что часто бывает за границей. Павел Данилович посмотрел на Вазире, усмехнулся:

— Да, Япония — удивительно своеобразная страна. Но и наши республики способны своей яркой неповторимостью поразить воображение. Узбекистан, например. Это же чудо что за страна! Где еще отыщешь Самарканд, Бухару, Хиву, их удивительную архитектуру, а наряды, блюда, мелодии! Да вот и в этом зале — резьба, узоры, роспись на фарфоре. Какие шелка, ковры — высокое искусство!

В фарфоровых кашах подали маставу, исходящую пряным букетом запахов от разнообразных приправ. Слабым казался «Гулоб», но щеки у Вазире разругались, глаза заблестели. Шерзод налил ей еще вина.

— Павел Данилович, мы с Вазирой Бадаловной вместе в институте учились. И, как видите, студенческая дружба продолжается. При вас я хочу открыть Вазире одну тайну. Проходка линии метро под каналом Анхор

¹ «Хосилот» («Урожай»), «Гулоб» («Розовое») — сухие узбекские вина.

меня очень интересует. Есть и у меня заветные, в сердце выношенные творческие замыслы...

— Вот так новость! — Слова Шерзода почему-то развеселили Вазиру.

— Да-да, не одним ландшафтным архитекторам свойственно мечтать... Чтобы претворить мои замыслы в жизнь, мне тоже надо посоветоваться с вами, Павел Данилович.

— Пожалуйста, Шерзод Исламович, я всегда к вашим услугам.

— Павел Данилович, — заговорил Шерзод погромче, чтобы гость мог все слышать, — все достоинства нашего края, о которых вы красноречиво сказали только что, воплощает в себе Вазира. Вы согласны?

Вазира покраснела, смущенно опустила голову, быстро зашептала по-узбекски:

— Не надо, прошу вас!

— Да, да, это мое искреннее, глубокое убеждение, — продолжал Шерзод, поднимая бокал для нового тоста.

И на Павла Даниловича подействовала привлекательность, женственность Вазиры, особая мягкость ее взгляда, изящество жестов, красивый грудной голос.

— Вы и меня очаровали, Вазира Бадаловна, просто очаровали, — признался Павел Данилович простодушно. А когда Шерзод предложил тост за Вазиру, Катинцов поднялся с места и добавил: — За таких прекрасных женщин мужчины пьют стоя!

Шерзод поспешно вскочил с места и одним махом осушил рюмку.

Подали ароматный, благоуханный плов. Вазире вдруг сделалось грустно, она отставила свой бокал. Шерзод умоляюще прошептал:

— Выпейте, прошу вас... Я сказал искренне, от сердца, уверяю вас.

Вазира сделала глоток. Шерзод налил ей еще, дополнил, взглянул заговорщиком: слова, ждем от вас слова, Вазирахон.

Она смотрела на сотрапезников застенчиво, глаза увлажнились почему-то, став по-особому блестящими. Шерзод подумал, что женщине этой сейчас можно дать двадцать пять, от силы тридцать лет. Он знал, что Вазире тридцать шесть, но никогда так сильно его не влекло к ней, даже в юности. По лицу Павла Даниловича он заметил, что и метростроенец подпал под власть ее обаяния.

— Чтоб высоко ценить других, — заговорила Вазира, — оценивающий должен обладать особым качеством сам.

— Правильно! — взбодрился Павел Даниилович.

— Я впервые вижу вас сегодня, Павел Даниилович, но чувствую, что у вас добрый глаз, что это особое качество доброжелательности вам присуще. Вы умеете дорожить своеобразием других людей... людей других народов, хочу я сказать.

— Ну, а... как же иначе? Своеобразие каждого обогащает нас всех.

— Эту вашу мысль сразу поддержал бы и мой муж, он тоже архитектор...

— Ах, и муж у вас архитектор! — обрадовался Павел Даниилович. — Знаете, по вашему лицу я вижу, что он незримо присутствует здесь.

Шерзод откинулся на спинку кресла, вприщур, будто издали, стал рассматривать Вазиру, ее лицо, руки, грудь.

— Да, архитектор... ландшафтный. — Вазира покосилась на Шерзода. — Я уверена, Павел Даниилович, когда вы познакомитесь с моим мужем, то вы будете с ним дружить... как с Шерзодом Исламовичем. — Впрочем, не могла сегодня Вазира долго сердиться. И не желала, чтобы кто-то в ее присутствии сидел с каменным лицом! — Раз я одна среди двух замечательных мужчин... я сразу скажу и о редких достоинствах другого спутника, моего студенческого товарища Шерзода... У нас, Павел Даниилович, есть слово «джомард», оно соответствует понятию джентльмен. Шерзод — вот такой джомард.

Разве кто-то сидел здесь с каменным лицом? В глазах Шерзода мгновенно вспыхнула живая радость.

— Я была сегодня просто восхищена тем... — продолжала Вазира, — тем мастерством, с которым так быстро и красиво Шерзод организовал вот это застолье.

А Павел Даниилович поражался тому, как мгновенно меняется лицо Шерзода в зависимости от того, что и как говорит Вазира.

— Да, да, удивительно! — согласно кивал головой Павел Даниилович.

— Итак, мой тост — за Павла Данииловича, за его приезд в Ташкент вместе с супругой и за Шерзода

Исламовича, за осуществление его творческих замыслов при содействии Павла Данииловича.

— И при вашем, непременно при вашем, Вазирахан, спасибо вам! — Шерзод чокнулся и с волнением заглянул ей в глаза.

Тост сказала она сама, а по обычаю сказавший тост должен осушить бокал до дна. Вазира выпила и почувствовала, как жаром охватило руки и ноги, как закружилась голова, приятно и страшновато. «Не опьянеть бы! — испугалась она. — Говорят, надо побольше есть». Но тут же и забыла про плов. Выпила одним духом бокал боржомом, который ей был налит все тем же предупредительным Шерзодом.

Обед завершился ровно в два. Когда они проходили через большой зал, Вазира прибавила шагу. В зале сидело много людей из Узбекистана: атласные платья женщин и черно-белые тубетейки мужчин бросались в глаза. Чувствуя, как жаром пылает от выпитого вина лицо, Вазира с опаской думала: «Знакомых бы, не ровен час, не встретить, а то потом разговоров не оберешься, до Аброра дойдет...» Она знала, что так думать старомодно, но ничего поделать с собой не могла, ей все-таки было отчего-то стыдно.

Шерзод задержался, чтоб расплатиться с официантом. А Павел Даниилович быстро догнал Вазиру, помог спуститься в вестибюль.

— Вы просто очаровали меня, Вазира Ба-да-лов-на. И Шерзод Исламович — замечательный человек. И кавалер.

Подоспел Шерзод. Уже на улице Павел Даниилович сказал:

— Мне бы очень хотелось познакомить вас обоих с женой. Вы свободны сегодня вечером? Может быть, с нами вместе в театр пошли бы?

— Пойдем! Спасибо! — сразу согласился Шерзод.

— А в какой театр? — Вазира колебалась, что-то удерживало ее, напоминало о невыполненном каком-то обещании.

— В «Современник».

— Ох, это знаменитый театр! — Вазира всплеснула руками.

— Я бы мог помочь с билетами, — предложил Павел Даниилович.

Шерзод возликовал:

— Замечательно! Там мы и с супругой Павла Данииловича познакомимся.

— Ну что ж... Попробуем, — нерешительно произнесла Вазира.

Шерзод и на этот раз быстро отыскал такси. Вазира села рядом с водителем, мужчины — сзади.

— Отвезем сначала Павла Данииловича, мы ему обещали, — напомнила Вазира.

Шерзод должен был выйти с Павлом Данииловичем. Но остался. Ему не хотелось расставаться с Вазирой.

— Я вас сам отвезу, — сказал он ей. — А вам, Павел Даниилович, позвоню из «России».

Такси миновало площадь Дзержинского и по улице Разина выехало к гостинице. Шерзод наклонился сзади к Вазире, тихо спросил по-узбекски:

— Ну как, вы довольны, ханум?

«Все это ради вас!» — так услышала его Вазира, не обернувшись, ответила вежливо, стараясь не волноваться:

— Столько беспокойства я вам доставила...

— Для меня это радость — беспокоиться о вас, Вазира.

— Не понимаю.

— Я ведь сейчас расплачиваюсь за свою ошибку.

— О какой ошибке вы говорите? Не понимаю.

— О том, что вас упустил... О том, что на другой женился... Я раскаиваюсь... Вы как будто вернули меня в мои студенческие годы.

Шерзод говорил громко и откровенно, словно решаясь на что-то.

Она обернулась. Посмотрела ему в глаза. Он и впрямь сейчас выглядел моложе лет на десять — пятнадцать. И она улыбнулась...

Когда-то, еще двадцатилетней девушкой, Вазира иногда мечтала: этот Шерзод, который думает, что он ее уже покори́л, этот обаятельный самоуверенный эгоист Шерзод, ну-ка пусть пострадает по ней, пусть потерзается от неразделенной любви. Она никогда не любила Шерзода, но его тяга к ней льстила и все-таки ее волновала.

На мгновение ей почудилось, что и она вернулась в то далекое время, когда была взбалмошной девушкой, а Шерзод двадцатилетним красивым джигитом, влюбленным в нее беззаветно (так он говорил) и даже подговоровившим своих родителей, чтоб они высватали Вазиру против ее воли... Против ее воли! И тут же девичьи

сантименты-воспоминания отлетели от нее, а подводные камни, о которые ударил ее поток взрослой жизни, обнажились в неумолимой своей реальности.

— Шерзод, по-моему, вы счастливы... — Вазира от-вернулась, стала смотреть прямо перед собой, в ветровое стекло. — У вас такая жена... красивая и знаменитая! Не напрасно ее считают звездой сцены.

— Вот именно — звездой... есть блеск, нет тепла.

Вазира засмеялась. В шуточной угрозе подняла — все так же, не оборачиваясь, — кулак правой руки.

— Перестаньте, Шерзод! Я не люблю мужей, критикующих своих жен в их отсутствии.

— Да я и при ней это говорю. Чем быть с далекой и холодной звездой, лучше найти хотя бы маленькую свечку, которая дала бы свет и тепло хижине бедняка.

— И вы себя, конечно, считаете таким бедняком, да, товарищ поэт?

— Не надо шутить. Разве вы не видите этого сами, Вазира? У меня в жизни вроде бы все есть. Но я имею в виду жизнь духовную. Она у вас куда богаче в сравнении с моей! И вот теперь, вообще говоря, ко мне пришло пронзительное ощущение: каким богатым душевно и чистым душевно я был бы, шагай всю жизнь рядом с вами.

Глаза Вазиры сияли, Шерзод уловил это в маленьком шоферском зеркальце впереди. Его слова пробивали броню, в которую заранее она себя заковала. Вазира смутилась, отнеслась внутренне благосклонно к его признанию в любви!

— Судьбы наши уже сложились, Шерзод. Переделывать их поздно, — вымолвила Вазира все так же, не оборачиваясь.

— Я понимаю, но...

— А шагать рядом... что ж... студенческие друзья, коллеги... мы и шагаем сейчас рядом... Кстати, ваши проекты тоже имеют отношение к Бозсу? — спросила она, меняя тему разговора. — Для меня это и вправду новость. И, честно, приятная.

Шерзод потер пальцами лоб, собираясь с мыслями.

— Не об этом я хотел, Вазира... О проекте я вам потом расскажу... Ну, не хмурьтесь... Если настаиваете... Суть моего предложения в следующем: на месте нынешнего извилистого, искривленного русла Анхора целесообразно проложить русло ровное, как стрела, и одеть берега канала в мрамор и бетон.

Вазира вспомнила план-проект Аброра... У него тоже очень интересные идеи.

Как бы сама себе ответила:

— С Бозсу работы будет очень много. Всем хватит. И споров будет много, пока не найдем общего решения.

«В самом деле, почему предполагается «или — или», а не объединение интересных идей?» — спросила она себя мысленно.

Такси проехало под эстакадой, вдоль «России», остановилось у гостиничных дверей. Войдя в подъезд, Вазира взглянула на электрические настенные часы: стрелки показывали без двадцати три. И разом все вспомнилось: заказ на телефонный разговор, неудачные до сих пор попытки связаться с Ташкентом, с Аброром. Она заспешила к лифту, почти невежливо обгоняя Шерзода...

Перед открывающимся лифтом Шерзод осторожно придержал ее за локоть.

— Могу я проводить вас в ваш номер, полный чудес?

На Вазире было платье с короткими рукавами. Почувствовав на оголенном предплечье горячую ладонь Шерзода, Вазира отодвинулась в глубь кабины, чуть прижалась к стенке. Шерзод не убрал руку.

— Да, Шерзод, — нарочито спокойно сказала Вазира, когда лифт остановился на одиннадцатом этаже, — вы же за билетами в театр собирались ехать... Так до вечера. — И, высвободив локоть, перешагнула через прорезь между полом этажа и полом автоматически открывшейся кабины.

Шерзод решил не торопиться.

— До скорой встречи. Зайду к вам с билетами, хорошо? Вы пока отдохните. — И Шерзод нажал на кнопку «тринадцать».

Энергичной соседки опять не было дома. Вазира уже вставляла ключ в замок, когда из номера послышались продолжительные телефонные звонки. Она торопливо открыла дверь, вбежала в комнату, схватила трубку.

— Вы заказывали Ташкент? — спросила телефонистка.

— Да!..

— Так почему же в назначенное время вас нет в номере? — раздраженно продолжала телефонистка. — Я уже два раза вызывала... Алло, Ташкент!.. Это Москва. Говорите!

— Кто это? — спросила Вазира. — Аброр?

В трубке раздалось тоненькое:

— Мама, это я, Малика!

— А папы дома нет?

— Нет... Почему вы два дня не звонили? Папа так ждал!..

Слышимость была сносная, а голосок дочери прерывался. Похоже, Малика расстроена, говорит сквозь слезы. Вазира стала объяснять, что была занята, что с утра не работала телефонная линия, потом спросила:

— У вас все в порядке? Папа на работе? Где Зафар?

— Зафар... Зафар... — запинаясь, начала Малика. — Его папа увез.

— Куда увез?

— Это... я в школе была... Соседка наша, тетя Сахиба́, сказала... Мама, когда вы приедете?

Малика плакала, уже не скрываясь.

— Да что случилось, Малика? Зафар заболел?

— Нет... Зафар папу не слушался. И я ему сто раз говорила... В нашем дворе стройка. Зафар все время в соседний двор ходил играть.

— С Зафаром что-то стряслось?

— Собака его укусила.

— Собака? Чья собака?

— Бродячая. У нее нет хозяина. Зафар хотел ее по голове погладить. А она злая была, взяла и укусила.

— За руку?

— Нет, за ногу.

Вазира будто наяву увидела голые, беззащитные, в коротких шортиках ноги сынишки, кровоточащую рану — след укуса бродячей собаки; колени ее задрожали от слабости. Она опустила на край постели, спросила тихо:

— Что... сильно покусала?

— Не знаю. Папа его к доктору повез.

— В больницу?

— Не знаю... И папа не звонит. Уже три часа как уехал. А я жду, жду!..

— Да подожди ты, не плачь. Собака бешеная была?

— Никто не знает. Ее еще не поймали.

— Ну что за напасть такая! — воскликнула в отчаянии Вазира.

— Когда же вы прилетите, мама? Когда?

Конечно, девочка очень напугана всем случившимся. Ее надо бы успокоить, утешить.

Дела в Москве у Вазиры были закончены. Завтра она

собиралась походить днем по магазинам... Никаких театров! Никаких магазинов!..

— Я тотчас в аэропорт! Слышишь, Малика? Я уже собираюсь... Малика, Малика, передай папе, я обязательно прилечу или сегодня вечером, или завтра утром. Пусть меня не встречает. И лечите Зафара!

— Хорошо, мамочка, я все передам, — уже заметно бодрее отозвалась Малика. — И Зафар будет рад. Счастливого вам пути! Поскорее прилетайте!

Положив трубку, Вазира почувствовала: во рту все пересохло. На столе стояла начатая бутылка боржом. Она наполнила стакан, выпила его одним махом, как во время недавнего обеда в ресторане. Ах этот ресторан, этот несносный, настойчивый Шерзод со своими разговорами в такси! С ее беззащитным сынишкой там такое случилось, а она тут по ресторанам ходит, вино пьет, млеет от признаний Шерзода. Стало так больно, ощутимо больно, почти физически, словно и ее, Вазиру, ранили острые собачьи зубы.

Несколько долгих минут женщина сидела неподвижно на кровати, бессильно опустив руки. Потом вскочила, схватила вещи. Побежала в ванную комнату. Умылась, наскоро причесалась, стянула платье с короткими рукавами. Уже спокойная, Вазира переделалась в другое платье.

В дверь негромко постучали.

— Можно?

Шерзод сиял. Он помахивал двумя театральными билетами. Уверенно прошелся по ковру. Огляделся. Встал у раскрытого окна.

— О, какой вид!.. А вот и билеты в театр!.. Где же соседка?

Вазира продолжала набивать чемодан — платья, туфли, тапочки сверху. Коротко бросила:

— Мне сейчас нужен билет на самолет, а не в театр.

Шерзод увидел открытый чемодан, каменное лицо Вазиры. Мгновенно протрезвел.

— Что случилось?

Еле сдерживая слезы, Вазира пересказала то, что узнала от Малики.

— Не надо так расстраиваться, — тут же стал успокаивать ее Шерзод. — Меня в детстве тоже кусала собака. Все обойдется, Вазирахон. Посмотрим сегодня спектакль, а завтра утром я вас провожу прямо в аэропорт.

— Собака могла быть бешеной, Шерзод. Десятилет-

ний ребенок... Нет, не до театра мне, не до театра! Передайте Павлу Даниловичу мои извинения. Он поймет. А я помчусь сейчас прямо в аэропорт.

— А билет?

— Попытаюсь там купить.

Было ясно, что Вазиру уже ничем не остановишь.

— Пятый час... А ближайший рейс?.. Да, дела неважные... Впрочем, погодите! В постпредстве у меня есть товарищ... Попробую ему позвонить.

— Пожалуйста.— Вазира пододвинула телефонный аппарат.

Стоя, Шерзод стал набирать номер представительства Узбекистана в Москве. У Вазиры спросил:

— Вы депутат?

— Райсовета... Это не имеет значения.

— Как это не имеет? Каждый район Ташкента равен областному городу.

Разыскав по телефону знакомого, Шерзод долго, как показалось Вазире, невыносимо долго обменивался с ним любезностями, расспрашивал о здоровье, о детях, о делах, а потом, будто вскользь, заметил:

— У меня к вам есть просьба. Нашему депутату товарищу Агзамовой необходимо сегодня же вечерним рейсом вылететь в Ташкент. Вы, наверное, слышали о ней... Вазира Бадаловна Агзамова... Не смогли бы вы позвонить в Домодедово? Да-да, в счет вашей брони... В зал депутатов? Ну, отлично! Спасибо!— Шерзод положил трубку, повернулся к Вазире:— Все в порядке. Пройдете прямо в зал депутатов.

Вазира захлопнула чемодан. Остановилась перед трюмо, оглядела себя в зеркало. Машинально взяла какой-то флакон. Шерзод понял, что женщине нужно сейчас остаться одной.

— Ну, ладно,— сказал он с глубоким вздохом.— Вы тут завершайте экипировку, а я пока пошел вниз, такси буду ловить.

Тронутая предупредительностью, Вазира положила руку на его плечо:

— Спасибо вам за все, Шерзод.

Минут через десять спустилась вниз и Вазира. Шерзод ждал ее на улице с машиной.

— Позвоните, Шерзод, когда вернетесь в Ташкент,— сказала Вазира.— Знаете... проект, о котором вы рассказывали сегодня, меня заинтересовал. Мы могли бы включить его в наш план.

Конечно, не этого ждал от Вазиры на прощанье Шерзод, но... включить проект в план ее авторитетного учреждения... Ого, как это трудно! Однако у Вазиры сил хватит. На все хватит у нее сил, энергии, дружеской расположенности. Шерзод с нескрываемым обожанием посмотрел Вазире в глаза, поднес к губам ее красивую руку, поцеловал. И, не выпуская ее руку из своей, наконец попрощался:

— Счастливо долететь, Вазира! До встречи в Ташкенте!

ГЛАВА ПЯТАЯ

У Аброра и в мастерской работы было невпроворот, а тут еще хлопоты со сносом родительского дома. Замотался: то туда, то сюда ездить пришлось, бесконечные разговоры... Вот и получилось: о том, что сынишку укусила собака, услышал от соседа, случайно встреченного у дверей райисполкома.

Аброр сразу бросился назад к машине, помчался домой.

Квартира заперта: Малика еще в школе. Аброр позвонил в квартиру напротив. Перепуганный, бледный Зафар сидел там.

Мальчик хотел бы, но не мог преодолеть страх, губы его дрожали, крупные слезы виднелись на щечках. «Папа... папа...» — только и сумел выговорить Зафар.

Аброр бросился к сыну. Соседка уже смазала йодом укушенное выше коленки место и забинтовала ногу мальчика. Аброр спросил:

— Сильно болит?

Зафар кивнул. И тихо заплакал: не столько, видно, от боли, сколько от испуга, от пережитого потрясения.

...В соседнем дворе трое мальчишек гоняли хорошенькую такую, светло-рыжую собачонку, швыряли в нее камни. «Не бейте ее! — закричал Зафар. — Я ее возьму... буду за ней ухаживать!..» Он подбежал к собаке и хотел приласкать ее. А собака зарычала и, будто в отместку за что-то, хватя его за ногу! И убежала.

Аброр пощупал у сына лоб.

— Температуры нет, не бойся, все заживет, — стал он успокаивать Зафара. — Привык играть с кошкой и собакой у дедушки во дворе, вот и к этой побежал, к чужой. Дедушкина собака знает тебя. А разве можно к чужой подходить, да еще гладить? — Аброр похлопал

сынншку по плечу и обернулся к соседке:— Спасибо вам, Сахиба-апа, за помощь.

— Ой, да что вы! Какое там спасибо... У бедняжки Зафарчика только сегодня каникулы начались, и вот на тебе... Хоть бы эта собака, чтоб ей пропасть, бешеной не оказалась!

— А вы сами ее видели, Сахиба-апа?

— Да видела, видела. Чуть больше комнатной... они маленькие такие бывают противные.— Сахиба-апа стала рассказывать, при этом расхаживала, по-утиному переваливаясь, по комнате.— Хотела я позвать ее, ну, кусок какой-нибудь дать, да клички ее, пропади она пропадом, не знаю. «Эй-эй, иди сюда!» — так не идет. И никто не знает, откуда она взялась. Кто-то сказал, что из кишлака прибежала, другой говорит — из соседней махалли. Наверное, старый двор какой-нибудь снесли, хозяин в новый дом переехал, а собаку бросил. Нешто мыслимо это — на этажах дворовых-то собак держать! Вот она по улицам и бродит...— Толстушка Сахиба глубоко и шумно вздохнула.— Доктору показать Зафарчика надо.

Она наконец вспомнила вопрос Аброра.

— Видеть видела, да кто ж ее знает, больная она или здоровая.

Аброр, опасаясь, что собака может быть больной, не дай бог, бешеной, решил немедленно связаться с врачом. Он тут же позвонил в поликлинику, нашел знакомого врача и все ему подробно рассказал.

Врач обеспокоился:

— Плохо, что собака бесхозная, бродячая. Сорок уколов могут назначить мальчику. В нижнюю часть живота. Очень болезненные.

— А нельзя ли вам сперва осмотреть Зафара?

— Нет, для этого существует специальная поликлиника. От вас ехать через улицу Самарканд-Дарбаза, потом свернуть направо, не доезжая до Актеле... И везите ребенка побыстрей. Сначала укол против столбняка надо сделать... Собаку тоже не упустить бы. Ее надо поймать и привязать.

— Может, не стоит поднимать шум?

— Нет, нет, это все очень для жизни опасно. Тут нельзя мешкать.

Аброр положил трубку. Обхватил голову руками. Надо бороться с мыслями. Наметить план действий... Где ветеринаров искать? Нет, сначала поймать собаку. Привязать. Куда ее привяжешь?.. А в мастерской сроч-

ная работа остановилась! Аброр снова взялся за телефон, позвонил к себе в институт. Хорошо хоть там все в порядке, люди заняты делом.

— Я, наверное, задержусь,— сказал он Лене.— Сынишку потребовалось к врачу отвезти. Срочно. А жена в командировке. Если из дирекции спросят, расскажите, пожалуйста, все как есть.

На кухне Зафар пил простоквашу, заедая хлебом. Аброр заставил себя пошутить:

— Ну, как дела, мулла Зафар? Хвост пистолетом? А не так, как у той собачонки — поджатый?

Зафар виновато-застенчиво улыбнулся и кивнул головой.

Время обеда подходило к концу, но Аброру не хотелось есть, хотя перекусить стоило бы: до вечера предстоит еще столько беготни и хлопот!.. Он налил и себе стакан простокваши, стоя опустошил его. Запил холодным чаем прямо из носика чайника. Вышел на балкон и отвязал веревку, на которой Вазира иногда развешивала белье. Потом достал из холодильника колбасу, отрезал несколько кусочков, завернул их в старую газету.

— А ну пойдём, Зафар, покажешь мне свою собаку.

Они спустились, сели в машину. Аброр переехал через широкую улицу, поставил «Жигули» в тени четырехэтажного дома. Здесь они вышли, обогнули дом, вошли во двор. Аброр стал расспрашивать ребятишек, и вот — удача! — быстро разыскали собаку.

И вправду светло-рыжая, маленькие ушки, тоненький хвостик. Спокойно лакает воду из лужи.

На помосте, установленном под деревьями, сидел старичок с короткой белой бородой. Аброр поздоровался, спросил:

— Отец, можно я поймаю эту собаку? — Старичок кивнул. — Никто не знает, как ее зовут. Может, вы слышали?

— Рыженькую-то? Слышать-то слышал. Да вот память, будь она неладна!.. Должно быть, Сиртлан... Бездомная, ничья она.

Аброр подошел поближе к собаке.

— Сиртлан, Сиртлан! — Собака с опаской оглянулась на зов. — На, Сиртлан, на! — Аброр кинул на землю почти рядом с собой два кусочка колбасы.

Собака приблизилась. Аброр вытащил из кармана веревку и стал заходить к светло-рыжей сбоку так, чтоб удобней накинуть петлю ей на шею.

— Папа, укусит! — крикнул Зафар, оставшийся у помоста.

Аброр махнул рукой: мол, не шуми. «А вдруг правда цапнет? Бродячие собаки бывают злые, особенно когда пытаются их приманивать, трогать. Но Сиртлан, видно, не бешеная собачонка. Бешеные боятся воды, к пище не прикасаются. А Сиртлан недавно из лужи пил, да и колбасу вон как уплетает, будь здоров! Голодная, просто бездомная...»

— Сиртлан... Сиртлан... Вот сейчас... Сиртланушка... Лежать! Смирно лежать!.. Сиртланушка...

Аброр выбросил вперед, перед собачьей мордой, обе руки с зажатой в них толстой веревкой и дважды обвязал шею и грудь собаки. Сиртлан попытался вырваться, но петля оказалась крепкой.

Старику на помосте понравилась смелость и ловкость Аброра.

— Молодец, сынок! Ты Сиртлана себе хочешь взять? — приветливо спросил он.

— Нет, папаша, — ответил Аброр, закрепляя веревку на собачьей шее. — Сиртлан этот паршивый вон того мальчика, сынишку моего, укусил. Теперь врач обследовать ребенка должен. Сейчас туда поедем... А пока я собаку к дереву привяжу, ладно? Только как бы ребятишки ее не отвязали. Или дразнить будут...

— Нет, нет, никто не тронет, никто не подойдет, я присмотрю, — заверил старик Аброра, с сочувствием поглядев на Зафара.

— Спасибо, отец!

Аброр привязал собаку к ближайшему от помоста дереву, бросил ей оставшуюся колбасу.

Посреди двора был небольшой фонтанчик. Аброр и Зафар помыли руки.

— Папа, а вы совсем-совсем не боялись! Совсем совсем!.. — с искренним детским восхищением говорил Зафар.

— Бойся не бойся, а поймать Сиртлана надо было.

— Нет, совсем-совсем не боялись!.. Совсем, — гордый за отца, повторял Зафар. Страх у него уже прошел, лицо просветлело, ожило, порозовело.

Облегчение чувствовал и Аброр. Он даже удивился: как же, оказывается, человек, мужчина, отец привязан к ребенку! Когда с сыном что-то случается, он тревожится и страдает больше, пожалуй, чем сам ребенок.

«Жигули» помчались в другой конец города. Ста-

рогородскую Чорсу они миновали мгновенно. Осталась позади и узкая, вся в подъемах и в спусках улица Самарканд-Дарбаза.

Полклиника помещалась в неприглядном старом здании. В коридорах развешаны плакаты, изображения бешеных собак и кошек. Аброр смотрел-смотрел на них, дожидаясь приема, и его снова охватил страх за Зафара. А вдруг светло-рыжая все-таки бешеная? И роковые вирусы уже расплзаются по организму сынишки, готовят ему гибель...

Молодой доктор снял бинты, осмотрел ранку на ноге Зафара, задумался. Аброр стал рассказывать ему про то, как разозлили собаку мальчишки, и про то, как собака после всего случившегося пила воду, ела колбасу.

— Все равно... Бродячая собака есть бродячая собака, — изрек врач. — Поэтому, согласно существующим правилам, мы должны начать серию уколов.

— Это сорок-то уколов?! Ну нет! Зачем напрасно мучить ребенка? Собака ведь не больная.

— У вас есть справка ветврача?

— В данный момент ее нет, но я тут же отвезу собаку на обследование.

Седая медсестра наложила Зафару на ранку лекарство. И собиралась уже бинтовать ногу, но, видимо, лекарство начало сразу действовать, ногу защипало, задергало, и Зафар тоненько ойкнул. Из глаз его покатились горошины слез.

Медсестра повернулась к врачу:

— По нашим данным, в Ташкенте сейчас бешеных собак не обнаружено.

Молодой врач нахмурился:

— Я уступаю. Сделаем пока только укол против столбняка.

Зафар понял, что упрямитесь бесполезно, и стал молча снимать шорты.

— Ну вот, молодец, — похвалил его Аброр. — Спасибо вам за все, товарищ доктор! А теперь подскажите... как мне этот ветеринарный пункт найти?

— Так вы еще не знаете?.. Ну и ну! Раньше он рядом с Туркменским рынком был. А сейчас его на Куйлюк перевели. По маршруту пятого трамвая поезжайте. Далековато отсюда, километров пятнадцать...

Было уже три часа дня, машин тьма-тьмуца. Улица Куйбышева совсем ими забита — и легковыми и осо-

бенно большегрузными, которые будто толкались в очереди, то останавливаясь, то снова медленно продвигаясь вперед, выбрасывая черные клубы выхлопного газа, так что трудно было дышать около их громадных колес. И по эдакой дороге пришлось проехать дважды: туда, в спецбольницу, и обратно, к себе в микрорайон, вместе с ветврачом.

Женщина оказалась знающей свое дело специалисткой. Она молниеносно справилась с привязанным к дереву Сиртланом, упрятав его в крепкий рогожный мешок. И Аброр, и старичок сторож только рты разинули, глядя, как ловко накинула женщина мешок на собаку, как быстро захлестнула горловину мешка специальным шнуром. Сиртлан начал барахтаться в мешке, громко заскулил, но женщина успокоила пленника, окликающая почти ласково по имени, потом повернулась к Аброру и приказала:

— Берите-ка за другой конец мешка! Нет, не здесь, не здесь... Собака все же собака. Может и укусить. Поднимайте, понесли!

Мешок положили в багажник, и Аброру в третий раз пришлось преодолеть тяжкий путь. Во дворе ветпункта было устроено нечто вроде крытого навеса, под которым расположились решетчатые железные клетки. Собак в клетках не было. Сиртлана водворили в одну из них, заперли дверцу. «Совсем как в зоопарке», — подумал Аброр.

— Сейчас у собаки возьмут кровь на анализ, — сказала ветврач.

— Непохоже, что Сиртлан больной, правда? — с надеждой спросил Аброр.

— Выглядит он нормально. Только если собака заразилась недавно, болезнь даст о себе знать лишь через два-три дня. Поэтому ничего определенного сказать сейчас нельзя. За справкой придете через несколько дней.

Пока Зафар на улице присматривал за машиной, Аброр еще раз подошел к врачу и с тревогой спросил:

— А за это время с мальчиком ничего не может случиться?

— Уколы начали делать?

— Один, против столбняка... На другие я не решился.

— Рискованно поступили... Ну, оставьте свой адрес и номер телефона. Если собака окажется больной, я вам сразу позвоню...

Когда Аброр вывел свои «Жигули» в четвертый раз на дымящуюся, загазованную улицу Куйбышева, было уже пять часов. Спидометр отсчитал за сегодняшний день без малого сто пятьдесят километров.

Вконец издерганный Аброр поспешил к себе в институт — надо было во что бы то ни стало успеть приехать туда к концу рабочего дня, забрать домой чертежи, бумаги — все несделанное сегодня — ночь придется просидеть над ними, ничего не попишешь.

Улицы гудели: начался пик автомобильного движения, колыхалось, густело и разрежалось половодье машин. Каждый метр дороги приходилось брать с боем, как говорится. То движущийся черепашим шагом длинный трехосный грузовик никак не удавалось объехать, то какой-нибудь трактор с прицеппной тележкой преградит дорогу. Вишневые «Жигули» Аброра тыкались-мыкались в потоке, будто уже и у машины нервы не выдерживали, — она то стремительным рывком кидалась вперед, то, вздрогнув, останавливалась, то растерянно металась влево-вправо... И, как назло, в такие минуты из всех щелей твоей памяти вылезает все тяжкое, неприятное, нервное, что накапливается в душе.

Ну и деньки, в самом деле, выпали ему на долю, ну и «вчера-сегодня-завтра»!.. Снос отцовского дома на берегу Бозсу... Отвергнутые, отложенные в долгий ящик директором института сокровенные замыслы... И Шерзод, бегущий рядом с Вазирой, будто вихрем унесший ее куда-то в неизвестность, и почему это она целых два дня не звонит домой?.. И напуганный бедный Зафар, укус этот... кто его знает, что еще покажет анализ?.. Аброр посмотрел на рядом сидящего, странно притихшего Зафара. Мальчик будто бы повзрослел за один сегодняшний день, сидит изможденный какой-то, усталый. Аброр в тревоге протянул руку и пощупал сынишке лоб — нет ли жара? Вроде нет, вроде нормально.

Тревоги и заботы сжимали грудь, теснились в сердце потоком, подобно дымящим автомашинам на этой до краев забитой улице.

Наконец все затихло, наступила ночь. В ее тишине отчетливо слышалось тиканье настенных часов. Изредка в окно врвался скрежет трамвайных колес.

Аброр уложил сына на кровать Вазиры, рядом с собой.

В десять вечера Зафар крепко заснул. Аброр дремал, пробуждался, резко вздрагивая, широко открытыми глазами всматриваясь в темноту. Тихо прикоснулся губами ко лбу сына — нет, температуры не было, и это обнадеживало, что все будет в порядке.

А на столе в комнате рядом лежал чертеж-проект аллеи фонтанов. Ей предстояло возникнуть в скором времени в восточной части центральной городской площади.

Он знал, что проект еще схематичен, не найдена та изюминка, благодаря которой аллея заиграет, станет неповторимой, а потому — притягивающей к себе людей. В дневные часы мысль Аброра буксовала, не могла выйти из трясины шаблона. Он сознавал это, и такое сознание было, пожалуй, основной причиной его состояния в последнее время раздражения.

Ночами, как ему казалось, он оказывался способным выбраться из тупика. Вот и теперь... Взял чистый лист белой бумаги, неожиданно для себя стал уверенно набрасывать силуэт сооружения, фантастически легкого, из водяных струй, но сооружения с живой, пульсирующей конструкцией. Несколько быстрых и четких движений карандаша — и возникали ряды таких пульсирующих конструкций, сложный, своеобразный ансамбль-аллея... Пять метров высоты, видимо, будет достаточно. Но струй должно быть очень много, и располагаться они должны густо. Двести, пятьсот, тысяча? Может быть, и две!

Аброр мысленно представил себе ныне действующий фонтан-водопад — там всего около ста тугих струй. Словно длинные шлейфы, непрерывно струятся, разом падают почти с десятиметровой высоты... Нет, аллея... Аллея фонтанов должна создаваться совсем иначе. Высота меньше. Плотность водяных «стен», не ширина, а именно плотность, больше. Две тысячи струй! Косички, ниспадающие с головы, радужно играющие в солнечных лучах... Звонкий говор воды, что изливается на прозрачную гладь бассейна, должен перекрыть дисгармоничную урчащей и фыркающей городской магистрали. Это тоже будет приятно людям, они станут сюда приходить отдыхать, именно отдыхать.

На какой-то миг Аброру показалось, что он слышит в ночной тишине умиротворяющий плеск, ощущает на

лице приятную прохладу водяной пыли, видит из-за сплошной завесы зелени взлет сверкающих струй; сквозь марево их улица предстает размытой, зыбкой, нереальной. Погружаешься в волшебство удивительной красоты, в слияние острого наслаждения и светлого спокойствия — вот этот долгожданный миг в работе!

Душа, разрываемая на части, беспорядочно захлестываемая потоком мелочей, вдруг озаряется одной-единственной мыслью, одним-единственным чувством-порывом. И эта мысль, этот порыв усиливает твое внутреннее зрение: начинаешь видеть то, чего раньше никак не удавалось разглядеть. И тогда отбрасываешь во имя главного все, что сковывало, захлестывало и размывало тебя...

Не забыть, тут опять неровности рельефа — перепад уровней между центральной площадью и предполагаемой аллеей. Перепад использован в прежнем фонтане-водопаде удачно. А здесь что делать? Не повторять же старый прием!

Аброр взял еще лист бумаги, попробовал набросать аллею в разрезе, развернуть ее по горизонтали во всю длину. Так... аллея будет располагаться на два метра выше проспекта, а площадь метра на два выше аллеи. Тогда водяные веера будут каскадом ниспадать и предстанут глазам на трех уровнях.

Сердце Аброра билось учащенно, но голова была ясной, и послушные руки чуть ли не автоматически набрасывали на бумагу новые детали, формы, расчеты. В другое время он мог бы все это искать днями и неделями, искать и вовсе не обязательно найти.

Работа поглотила Аброра. И когда он вдруг услышал сквозь полуоткрытую дверь спальни сдавленные вскрики, то сперва не сразу сообразил, что это и откуда. Потом, как бы издалека, вернулся в свою квартиру, все вспомнил, бегом бросился в спальню.

Зафар дергался, глаза его были закрыты.

— По-о... пошла вон! Пошла отсюда!.. А-а-а!..

Аброр приподнял сына, просунув ему руку под лопатки.

— Зафар! Ты плохой сон увидел? Собаку? Зафар!..

Поднял на руки дрожащего ребенка, прижал к груди... Ну да, Зафару приснилось, что его окружили огромные дворняги и от них нет никакого спасения... Жар? Нет. Аброр приложил губы ко лбу мальчика — температуры как будто нет.

— Днем ты перепугался, сынок, и это все приснилось, — стал успокаивать Зафара Аброр. — Не бойся, это просто сон. Он прошел, и все.

— Папа, я пить хочу.

Аброр налил в пиалу кипяченой воды.

— На-ка, сынок, попей... У тебя нигде не болит?

— Нет. Ой, вы еще не спите, папа?

Аброр понял, что сыну не хочется оставаться в постели одному.

— Больше двух часов... Ай-ай-ай, пересидел... Хорошо, что ты сказал мне. Сейчас ложусь.

В кабинете он собрал в одну стопку рисунки и схемы, прижал их сверху тяжелой металлической линейкой. Затем надел пижаму, погасил свет и лег рядом с Зафаром.

— Папа, а что будет с Сиртланом? — Мальчик, видно, перебил себе сон.

— Пока посидит в клетке. Его проверят...

— А потом в собачий ящик?

Мальчик уже знал, что «собачий ящик» увозил бездомных животных на убой. Чтобы не вызвать у него беспокойства, Аброр ответил, что нет, мол, если Сиртлан окажется здоровым, кто-нибудь его может взять к себе домой.

— Папа, а давай мы его возьмем, а?

Аброр удивился:

— Он же тебя укусил... Еще хочешь?

— Но Сиртлан вообще-то не злой. Вас не укусил. Тетю доктора не укусил. Мы уже знаем его имя... Жалко, если его убьют.

— А где его держать будешь? Сиртлан ведь не комнатный пес, ему нужен двор.

— А двор есть у дедушки.

Аброр вздохнул (разговорчивый Зафарджан опять втолкнул его в мир неотложных забот).

— Скоро тот двор тоже снесут.

— Как это, зачем?

— Ну, это долго рассказывать. Давай-ка лучше спать. Мне утром на работу идти.

Мальчик помолчал. Но не думать о Сиртлане не мог. Заговорил снова:

— Папа, это же мы отвезли Сиртлана туда, ну, в их собачью больницу. Он был на воле, а теперь в клетке может погибнуть. Я этого не хочу.

Тронутый чувствами сына, Аброр пообещал ему, что,

если Сиртлан окажется здоровым так и быть, они вызовут его, в багажнике повезут за город и отдадут каким-нибудь добрым людям, у кого есть двор и кому нужна хорошая собака. Мальчик этому поверил, успокоился и наконец заснул.

Рано утром, когда Аброр еще крепко спал, настойчиво зазвонили в наружную дверь. Протирая кулаком глаза, Аброр еле сполз с постели, медленно потащился в прихожую, спросил недовольным голосом:

— Кто там?

Из-за двери послышался голос Вазиры:

— Я! Это я! Откройте!

Вазира вбежала, оставив чемодан у дверей.

— Как Зафар?

Вздохмаченный Аброр втащил чемодан в комнату, молча уставился на жену: прилетела птица, будто и не улетала вместе с этим Бахрамовым...

— Вы что молчите?!— прерывисто дыша, запричитала она.— Почему? Зафар в больнице?

Аброр помотал головой, теперь-то окончательно стряхнув дурной сон: Вазира обо всем на свете позабыла, кроме сына. И это понятно, это естественно.

— Да спит он. Малика напугала тебя по телефону?

— Ой, сгинуть бы всем дурным вестям!

От голоса матери девочка проснулась, громко закричала из своей комнаты:

— Мама приехала! Зафар! Вставай! Наша мама приехала!..

Малика не сразу выбежала, она уже стеснялась появляться перед отцом в нижней рубашке. А Зафар босиком, в майке и трусах пулей вылетел из спальни.

— Мама! Мамочка! Ура!!!

Вазира, приподняв сына, обняла его и крепко прижала к себе. Зафар повис на шее у матери, и она на руках отнесла его в спальню. За ними побежала уже одетая Малика.

Аброр стоял у окна и растерянно улыбался.

Малика и Зафар наперебой и со всеми подробностями принялись рассказывать матери о том, что произошло, пока ее не было дома.

Аброр подумал, что сегодня надо пораньше прийти на работу,— значит, он сам сейчас приготовит чай, а Вазира пусть власть поговорит с детьми.

По их рассказу выходило, что Аброр самый замечательный, просто выдающийся папа. Особенно усерд-

ствовал Зафар. Его распирало чувство гордости — а как папа ловил и привязывал собаку, а как он защищал его от укулов!.. Аброр только усмеялся, слыша эти восторги, доносившиеся до кабинета, где он собирал свои ночные эскизы в портфель.

— Опять ночью работал, да?.. Ой, а что это за проект?.. Фонтан?

Вазира неожиданно возникла у него за спиной.

— Да. На площади Ленина.— Аброр сдержался, не повернулся к жене сразу.

— Как, и эту работу тебе поручили? — обрадовалась Вазира.— Вот здорово!

— К юбилею, оказывается, успеть надо... Снова штурмовщина.

— Но это задание доверили Аброру Агзамову.. Я поздравляю товарища Агзамова!

Вазира приподнялась на цыпочки и порывисто поцеловала мужа, который соизволил наконец к ней повернуться.

Аброр растаял, конечно. Но не хотел этого показать. Продолжая собирать бумаги, спросил:

— Ну как, удачно съездила?

— Да. К счастью, удалось с делами управиться пораньше. А услышала про Зафара, тут же бросилась в аэропорт. Чтоб ей пропасть, этой паршивой собаке!

— Мальчишка, что ж ему делать, как не бегать. Детскую площадку в нашем доме Бахрамов под строительство отдал. Не сделай твой Бахрамов такой пакости, может, Зафар и не пошел бы в чужой злосчастный двор. А ты прямо на крыльях летишь вместе с ним в эти свои... командировки.

Вазира отстранилась и снова стала серьезной.

— Мне надо было сдать билет, если наш рейс случайно совпал?

— «Наш рейс».— Аброр запихнул бумаги, защелкнул замок портфеля.— Да пусть хоть тысячу раз совпадает, но ты не должна забывать, кто он...

— А кто он? Классовый враг?

— Во всяком случае, нам не друг.

— Но товарищ по работе, коллега. Да и так ли уж надо тебе, Аброр-ака, наживать недругов? Будь хоть слоном, но пусть у тебя и мышь во врагах не ходит.

Аброру хотелось до начала рабочего дня заехать на

площадь Ленина, еще раз тщательно посмотреть места, где будет сооружена аллея фонтанов.

— Ладно, мы потом поговорим. Припомним разные поговорки... Сейчас я спешу.

Вазира кликнула Малику.

— Дочка, а что у тебя есть на завтрак для папы?

— Молоко, творог...

Вазира улыбаясь спросила у мужа:

— Ты все еще любишь ширчай?

— Ну, если... с щепоткой черного перца... то да.

— Хорошо, щепотка перца будет... в соответствии с настроением.

Аброр тоже не сдержал улыбки.

В большой комнате, где стоял телевизор, Зафар уже увлеченно бросал в атаку привезенную мамой самоходку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В конце мая в Ташкенте с утра начинает припекать так, что не только людям, но и машинам спасение одно — в тень деревьев, скорее в тень! Даже могучие «КамАЗы» с прицепами, если не грохочут на солнцепеке в рабочих рейсах, стараются приткнуться свои кабины поближе к высоким чинарам и кленам. Но машин в городе становится все больше, а многолетних, с раскидистой кроной деревьев — все меньше из-за стремительной перестройки кварталов и улиц. Во всяком случае, найти желанное прохладное место, чтоб поставить машину в тень, теперь трудно. И Аброр весьма обрадовался, увидев еще не занятую никем густую тень под столетним дубом на Инженерной улице. Пока он займется своими делами, его верный «жигуленок» будет поистине прохлаждаться и не превратится, к счастью для своего водителя, в раскаленную консервную банку.

Аброр вышел на площадь Ленина.

Раскрыв планшет с уменьшенной копией плана-проекта, Аброр начал придирчиво сопоставлять начертанное на бумаге с реальной местностью. Отсюда, снизу от моста через канал, трамваи поднимались по улице Абдуллы Тукая с натугой, а потом, повернув на восток, уже резво торопились по Инженерной. Обе эти оживленные улицы доживают последние дни.

Ладно, уйдут старые дома, но вот столетние чинары, клены, дубы? Вон там, в сквере Коммунаров, огромная сосна вымахала, выше многих домов... Виднеется, будто шея жирафа, вознесенная над оградой в зоопарке... Сколько труда положили люди, сколько заботы проявили, усердно поливая эти деревья, чтобы выросли они эдакими красавцами! Природа поработала восемьдесят — сто лет, чтобы — с помощью людей! — создать эти величественные чинары. А ему, Аброру, отпустили полгода на проект, в котором вроде бы учтено все, что надо, кроме... Аброр посмотрел на план, где было скрупулезно указано место каждой аллейки, каждого строения, даже крышки каждого канализационного люка. А деревья? Они-то и не были показаны ни единым знаком. Потому что их не привыкли рассматривать как «объекты», они не числились в инвентарной описи — «легенде» плана. Их можно было безжалостно срубить все или по своей прихоти какие-то из них оставить, — за деревья не отвечало ни одно подотчетное лицо, ни одно ведомство.

Могучие с пышной кроной деревья оказывались беззащитными перед людьми, для которых инвентарные описи, цифровые колонки расходов на используемые материалы и затраченный труд значили очень и очень много. По праву много, а порой и не по праву, когда иные люди, размахивая описями и цифрами, забывали о долге своем перед природой. Она дана всем. «Пользуйся мной, но не забывай о совести!» — так говорит нам она. Аброр верил, что в человеке заложен долг перед природой, что естественно веление совести — беречь и любить живое. Иначе, может и наивно рассуждал Аброр, дети, совсем еще маленькие, ну вроде нашего Зафарчика, по сути своей тоже не были бы совестливыми. Вон Зафар ночью после такого испуга все же беспокоится о судьбе Сиртлана. Как же ему, Аброру, не сохранить в себе данное нам вместе с жизнью святое чувство не переступить черту, за которой человек начинает творить природе зло: губить животных или деревья, разрушать живые берега арыков? Наивно? Может быть, может быть... Но он верит: зло, тобой сотворенное, обязательно ударит другим концом по тебе же; и пусть эта скрытая инстинктивная вера, страх перед жестокостью, впитанной с молоком матери, внешне похож на страх богобоязненного человека перед грехом, — нет, в его душе не

религия живет, его чувство всевидящего ока, всеслышащего уха человеческой совести.

Аброр шагами вымерил расстояние между большими чинарами и той высокой сосной-жирафом, что вознеслась над крышами домов. Как ни рассчитывай, а все деревья сохранить тут невозможно. Несколько деревьев, например, росли на том месте, которое отводилось под главный выход воды из-под земли, на самый центр основного фонтана. Да, но если аллею фонтанов сдвинуть метров на пять к западу, тогда... вот этот самый величественный дуб и высоченную сосну удастся сохранить. Аброр твердо для себя решил: «Надо еще поработать над проектом, внести изменения, чтобы легче было убедить в них соавторов, да и руководство...»

С утра Сайфулла Рахманович ездил в горсовет, потом в архитектурное управление. В кабинете Аброр застал его только после полудня.

— Через полчаса мне надо быть в горкоме, — предупредил директор Аброра. — Успеем? Или перенесем разговор на завтра?

Упускать еще один день не хотелось.

— Постараюсь успеть, — сказал Аброр, разворачивая на директорском столе заново вычерченный проект.

Сайфулла Рахманович поднялся из кресла.

— Не слишком ли много струй у фонтанов стало?! У нас около восьмисот струй было... А тут?

— Более двух тысяч. Количество переходит в качество, верно?

— Верно. Только вам самим же работы прибавится.

— Зато, Сайфулла Рахманович, красота фонтанов, интенсивность приносимой ими пользы — прохлада, радиус действия и тому подобные преимущества — искупят наш труд и затраты. Представьте себе на миг: две тысячи звонких струй — хор природы, естественная гармония звуков! — заглушат все уличные шумы, и человек на аллее фонтанов попадет в царство спокойствия и красоты.

Сайфулла Рахманович улыбнулся.

— Вы так поэтично все это описываете, что мне трудно возразить. Единственное опасение — как бы не затянуть сдачу рабочих чертежей. Рабочих, я подчеркиваю. Чтоб от нас — прямо к строителям.

— За сдачу в срок отвечаю я. У вас есть график. Все будет идти по нему.

— Тогда я должен... похвалить вас. Вы взяли на себя лишнюю нагрузку, чтобы аллея фонтанов стала еще грандиозней и прекрасней. Похвально, Аброр Агзамович!

Аброр, осмелев, перешел к более трудной части предложений:

— Вот здесь растут столетние чинары и дубы. Вы знаете, Сайфулла Рахманович, площадь получается очень обширная. Обойти ее по периметру — значит прошагать километра четыре. Если на площади не будет деревьев, тенистых деревьев, обширность эта будет минусом, а не плюсом. Величественно — может быть, но... неуютно. Человека, особенно в знойные летние дни, на голую площадь не очень-то потянет.

— Увеличим число серебристых елей...

— Они не дают тени, Сайфулла Рахманович...

Электрические часы с зеленовато-голубыми светящимися цифрами стояли на столе так, чтобы бросаться в глаза посетителям кабинета; они напоминали им, что здесь, у директора, следует быть лаконичным. Аброр перешел к сути дела.

— Я предлагаю всю аллею фонтанов чуть сдвинуть к западу.

— Это уж очень серьезные изменения по сравнению с тем, о чем есть договоренность. Такие поправки потребуют согласования с архитектурным управлением и с управлением городского благоустройства. Придется просить дополнительные средства. А тут сроки поджимают!

— Сайфулла Рахманович, конечно, легче ничего не менять. Но я взываю к вашему архитектурному вкусу: если будут сохранены богатырские, вековые деревья, если в летнюю жару мы дадим людям благородную тень на самой главной площади города, они прежде всего скажут институту, вам, директору, спасибо!

— Э, я как-нибудь обойдусь без «спасибо» по графе «бытовые удобства». А вот за нарушения графы «экономика средств» или «сроки осуществления» меня по головке не погладят. И потом, я хорошо себе представляю, как в тени прекрасных ваших деревьев валяются газеты, окурки, пустые бутылки.

— Неужели в городе перевелись настоящие культурные люди?..

Нет, конечно, не перевелись. Однако Сайфулла Рахманович видит центральную площадь столицы (подумайте, столицы!) не такой, как видит ее товарищ Агзамов. Строгость, торжественность, величавость! Скверики со скамеечками, чинары или тополя возле них — это на окраинах города, в парках. А центральная площадь — это нечто несоизмеримое, несравнимое, исключительное. Самые редкостные деревья и цветы мира, как бы дорого они ни стоили, — сюда. Кстати, уже есть договоренность с дендрологами города Нальчика. Они продадут несколько сот серебристых елей. Ташкентский дендропарк дает сотню лириодендронов... Ага, не знаете — это так называемые тюльпанные деревья, из магнолиевых. На площади будут высажены и белые березы, и ленкоранские акации, и крымские сосны, и японские сливы — писарди, и греческая софора. Украшенная ими площадь приобретет всесоюзный, даже, можно сказать, всемирный размах. А тут говорят, понимаешь, о тени, о скамеечках!

— Сайфулла Рахманович, я тоже за всесоюзный и за всемирный размах. Пусть будут и серебристые ели, и тюльпанные деревья, и крымская сосна, и белая береза. Но пусть будут наряду с ними и чинары, и шаровидные карагачи, и восточные кипарисы, и джамшидово дерево. Надо же считаться с климатическими условиями Ташкента. Вот в нашем проекте для серебристых елей и белых берез выбрано место прямо в центре площади, на самом солнцепеке. А им нужен мягкий, увлажненный воздух.

— Мы установим под деревьями увлажнители, создадим особый микроклимат!

Директор торопился: его ждали в горкоме. Он горячился, стремясь быстрее закончить спор. Но горячился и Аброр.

— Да нельзя же все время идти против природы! Ботаника, дендрология — это же точные науки, в том смысле, что... флора на солнцепеке не может расти нормально: она и чахнет, и болеет... Длительная жара, сухие ветры будут угнетать ваши ели и березы; ветви серебристой ели станут грубеть, терять блеск, симметричность и красоту, а кора белой березы в нашем климате неизбежно потемнеет, будет казаться желтой и даже грязной.

Сайфулла Рахманович напрягся, с настороженностью спросил:

— Значит, вы предлагаете... — и оборвал вопрос.

— Предлагаю!.. Во-первых, сажать серебристые ели и березы ближе к зданиям, где больше тени и поэтому прохладней. Там они скорее приживутся и лучше будут переносить среднеазиатскую жару.

— Ну-ка, покажите на плане... Так, значит, вы предлагаете отодвинуть их на самый край площади?

Сайфулла Рахманович с опаской посмотрел на дверь. Он желал показать, что, хоть двери кабинета плотно прикрыты, их все же могут сейчас услышать... Ну, кто-нибудь в приемной... Нездоровые настроения Агзамова — вот они, проявились, проклюнулись... Так пусть уж Агзамов раскроется до конца, а потом... разом дадим ему достойную отповедь.

— Ну-у-у, а во-вторых?

— А во-вторых, мы не должны односторонне увлекаться хвойными деревьями. Вот тут в общем проекте указаны сотни мест для посадок туи. И для сосен. Да и ели тоже запланировано высадить многовато. Конечно, хорошо, когда деревья и зимой стоят в зеленом наряде, для местных жителей туя, сосны, ели будут выглядеть своеобразной редкостью. Но, Сайфулла Рахманович, редкость потому и редкость, что ее не много... Мне часто приходится сопровождать в поездках по улицам Ташкента гостей из Москвы, из Киева, из других городов нашей страны. Они спрашивают: где можно увидеть ваши знаменитые шаровидные карагачи? Где растет серебристая джида? А как пахнет джида до время цветения!.. Планируется туя из семейства кипарисовых, окультуренный северо-американский можжевельник... — Теперь и Аброр не без ехидства покосился на двери. — Ну а сам кипарис? Дерево и европейское, и африканское, и американское, и наше — среднеазиатское. Почему у нас почти не виден кипарис? Во времена Улугбека и Навои рос он и в Самарканде, и в Ташкенте. А сейчас кипарис выращивается у нас в дендропарке. — Аброр перевел дух, заговорил спокойней. — И вот наш гость приехал, скажем, из Кисловодска, там он каждый день видит удивительно красивые серебристые ели высотой в десять и даже пятнадцать метров, прекрасные высокие сосны... А у нас эти же деревья еле-еле выхоженные, неказистые, с редкими бесформенными ветвями. Какое останется у него впечатление?..

А вот когда вы с ним приезжаете, скажем, в Ургут и он видит тысячелетние чинары, это его поражает. Или в Хорезме огромный шаровидный карагач-гуджум... Вы верно сказали о всесоюзном размахе, Сайфулла Рахманович. Вот давайте и найдем во всесоюзном размахе место для наших зонтообразных чинар, кипарисов, карагачей, джиды!

— Неужели вы не видели, Аброр Агзамович, как высыхают гуджумы-карагачи, посаженные вокруг театра Навои?

— Видел. Тут не гуджумы виноваты. На них напала болезнь. Надо было их лечить специальным раствором. И потом, шаровидные карагачи очень остро реагируют на загазованность воздуха. А вокруг театра Навои они со всех сторон оказались в окружении больших улиц... Здесь же, на новой центральной площади, мы посадим их поближе к Бозсу, подальше от магистралей, и если будем ухаживать за ними так же, как за серебристыми елями, если будем сбергать их от болезней, то, ручаюсь, они будут хорошо расти.

Сайфулла Рахманович терпеливо выслушал всю эту тираду, выразительно посмотрел еще раз на телефонные аппараты, как бы желая, чтобы и до них дошло каждое его слово, и замедленно веско промолвил:

— Серебристые ели — деревья почета, Аброр Агзамович. Они растут около Кремля. Вы понимаете, почему именно им должно быть отведено самое видное место на нашей центральной площади? Ваше предложение отодвинуть их куда-то на край, в прохладу и тень, я решительно отвергаю. Это предложение неверно по идейной сути!

— При чем тут идеи? Следует учесть особенности серебристых елей. Кстати, и в Москве на Красной площади они растут вблизи кремлевских стен. Надо же считаться с природой!

— Хватит козырять природой! Она для нас не указ, не бог, в конце-то концов! Вопрос о том, где высадить серебристые ели и белые березы, уже согласован, и я больше не намерен его обсуждать. Но чтобы вы учли в своей будущей работе... я должен сказать вам со всей откровенностью: предлагать вместо крымской сосны, например, чинару, или гуджум, или джиду — это, я считаю, отдает местничеством.

У Аброра даже глаза посветлели от гнева и голос задрожал:

— Вы передергиваете, Сайфулла Рахманович! Я сказал не «вместо», а «вместе»!

— Да эта джида растет в любом кишлачном за-коулке. И ее вы хотите притащить сюда! Может быть, нам еще ивняк и тополь сажать в центре центральной площади столицы?

— Несправедливо пренебрегать и талом-ивняком, и тополем. Современному городу нужен кислород. Горожане уже нередко ощущают кислородное голодание. А тополь дает кислорода в семь раз больше, чем хвойные! Есть прекрасные ферганские сорта тополей. Кстати, вы навели меня на хорошую идею: западная часть площади, та, что поближе к Бозсу, просто просится под тополя. Художники наши с любовью воссоздадут пирамидальные тополя, ярко своеобразную деталь пейзажа. Скажете, что эти тополя недолговечны? Что же, есть пирамидальные дубы. По форме они очень напоминают пирамидальные тополя и живут долго. Их мы тоже не смеем забывать — наша площадь, вместе с мировым размахом, должна быть национально своеобразной.

— Вы все сказали? — жестким голосом спросил директор. — Теперь скажу я. Как узкий специалист вы, конечно, знаете свое дело. Но этого недостаточно. Нам нужны специалисты идейно под... кова... подкованные.

В течение всей дискуссии Сайфулла Рахманович и Аброр говорили то по-узбекски, то по-русски. Последнее выражение директор произнес по-русски не без запинки.

— Идейным — да, я хочу быть, но подкова в таких спорах ни при чем — все-таки не человека подковывают, а лошадь, — отпарировал Аброр по-узбекски.

— Вот-вот, у вас и тут завихрение. Вы не понимаете, не принимаете общепринятого выражения. У вас какие-то навязчивые идеи, у вас вечно какие-то трудные вопросы на уме.

— Трудные вопросы особенно нуждаются в правильных решениях. А всякая боль — она не бывает ненавязчивой. Наши русские братья говорят: «У кого что болит, тот о том и говорит».

— Нет, навязчивая идея — это все-таки признак идейного нездоровья. А я как директор отвечаю за своих работников. У вас перегиб в сторону национальной ограниченности. И вам надо поскорей избавиться от нее... И это не только мое мнение!

Аброр хотел возразить, но директор предупреждающе поднял руку:

— Минутку! Однажды, когда зашла о вас речь в кругу весьма ответственных товарищей, один уважаемый человек, знающий вас со студенческих лет, сказал, что, к сожалению, у вас случается перекося в сторону национальной ограниченности. Я тогда не вполне соглашался с ним. Но сейчас вижу, что он имел основания говорить так. Я должен предупредить вас, что этим опасным перегибом вы можете навредить и себе, и институту. Поэтому скажу еще раз: избавляйтесь от нацограниченности, и побыстрее. Это откровенное мое мнение.

— Разрешите мне тоже быть откровенным, товарищ директор?

— Пожалуйста!

— Я не знаю, кто тот уважаемый человек, знающий меня со студенческих лет. Может быть, он из людей типа Бахрамова. У этих людей функционируют особые гормоны мнительности, подозрительности. Гормоны эти, как вы знаете, товарищ директор, принесли нам немало бед в свое время. Многие выработали в себе иммунитет против действия таких болезнетворных гормонов... или вирусов, если вас это больше устраивает,— добавил Аброр, увидев, как замахал руками, выражая свое с ним несогласие, директор.— Но, видно, иммунитетом обладают еще не все... Как иначе можно объяснить, что мое предложение считается с природой различных деревьев, правильно сочетать растения общесоюзных видов распространения с местными видами вдруг квалифицируется как национальная ограниченность? Да, здесь сейчас произошел опасный перекося, вызванный действием вышеупомянутого гормона. Или вируса, уважаемый Сайфулла Рахманович, если вам угодно.

Рахманов резко встал, нервным движением схватил свою папку, выпятил грудь, как на трибуне.

— Я решительно отмечаю эти голословные обвинения. У меня нет больше времени для словопрений с вами. Вы со мной не согласны? Можете обратиться в главное управление. Но при всех условиях буду требовать от вашей мастерской точного выполнения проектного задания и точного соблюдения графика сдачи рабочих чертежей...

Аброр не спеша собрал бумаги. Бледный и прямой, направился к двери. Не проронил больше ни слова.

Он вернулся домой с дикой головной болью и тяжестью в левой стороне груди.

Нервное напряжение не спадало, долго в ушах все звенели и звенели директорские попреки и поучения. Все рабочее время после посещения директора Аброр морщился, будто от занозы, которую никак не удается вытащить. Мысленно он продолжал спор с директором и в машине, по дороге домой. В центре неожиданно-негаданно грубо нарушил правила обгона, его остановил милиционер, пробил «дырку» в талоне. Аброр сначала просил милиционера простить нарушение, потом вздорно пререкался с ним. Весь издерганный, проехал еще два квартала и опять неожиданно для самого себя решил остановиться около гастронома. Постараться бы забыть все к черту, найти способ расслабиться, разрядиться! И вот сейчас в портфеле позвякивают бутылки.

...В прихожей, куда он вошел, тихо открыв дверь своим ключом, Аброр постоял некоторое время молча, настороженно, ожидал, не выйдет ли кто-нибудь навстречу с плохой вестью о болезни Зафара. Неприятности, как правило, в одиночку не ходят. Но тут из кухни вприпрыжку выбежал Зафар. Завидев отца, метнулся обратно.

— Мама, папа пришел! — прокричал радостно.

На душе Аброра чуточку отлегло, и он различил приятный запах тмина и жареного мяса. Вперед, на кухню! Быстрее!

Зафар знал, что отец любит слоеную самсу и потому не замедлил громогласно возвестить:

— Сегодня у нас самса! А вы, папа, опоздали... Ох и наелись же мы!

— И папе ничего не оставили! Почти ничего, — пошутила Вазира, открыла духовку и стала вынимать из нее аппетитные румяные пирожки.

— Будто знал, что отменная закуска будет, купил кое-что... — Аброр устало опустил на глянцево-белую кухонную табуретку, раскрыл портфель. На свет божий выглянули бутылка грузинского коньяка «четыре звездочки» и еще одна — с какой-то малознакомой этикеткой. Вазира взяла эту бутылку в руки:

— Батюшки мои, «Старый замок»! Где это наш папочка сумел достать? Вы просто молодец, папа!

Вазира любила показать себя хорошей хозяйкой и в дни, когда она могла остаться дома, потчевала Аброра его любимыми блюдами. Обращение друг к другу на

«вы» не отдаляло, воспринималось, напротив, как выражение особой, нежной уважительности. В узбекском языке «вы» повседневно и естественно. В случаях разлада между говорящими — а такое, как и во всякой семье, бывало и у них — вместо «сиз» звучало «сен» — «ты». Оно не равно русскому — означает высокомерное отношение одного человека к другому, явное неуважение к нему или даже стремление ударить словом.

Аброр собирался с силами, чтобы настроиться на тон Вазиры, будто хотел укрыть свои тяжелые впечатления сегодняшнего дня в какой-то мешок, который следовало потом выбросить вон.

— Почему вы молчите, Аброр-ака? Опять неприятности?

— Да нет, просто... по дороге домой нарушил правила и вот заработал «дырку» в талоне.

— Ну, из-за этого еще расстраиваться!.. Лучше откройте тайну: где у нас в Ташкенте продают это редкое вино?

— Можно сказать, что этот «Старый замок» я взял с помощью военной хитрости. Знакомый продавец припрятал, оказывается, для себя, в уголок среди прочих бутылок затолкал, а я нечаянно разглядел. А хитрость была в том, что пришлось в нагрузку купить коньяк.

Пока Аброр принимал душ, Вазира накрыла стол — поставила тарелку клубники, свежие огурцы, большое блюдо, полное аппетитной самсы.

Аброр разлил вино в бокалы — их только два стояло на столе, только два. Дети в другой комнате увлеченно смотрели какой-то приключенческий фильм — от телевизора их теперь не оторвать... Два бокала, только два, и их тоже двое. Только двое.

— Вазира, давайте забудем про все и станем сегодня снова женихом и невестой!

— Вернемся на пятнадцать лет назад? — Вазира рассмеялась.

— Нет, не вернемся — вознесемся на высоту, на которой мы пребывали пятнадцать лет назад. Мы тогда всем были довольны, по-настоящему счастливы.

— А сейчас? — посерьезнела Вазира.

— Ну, не будем уточнять. Мой тост за то, чтобы и сейчас у нас было как раньше.

— Согласна, — сказала Вазира, приподняла бокал до уровня глаз, а потом поднесла его к губам.

Аброр был голоден, и вино подействовало быстро; он почувствовал, как проходит усталость, как появилось доброе настроение, когда хочется кого-нибудь или что-нибудь расхвалить, говорить красноречиво, быть остроумным. Аброр взял с блюда пирожок, надкусил, воскликнул в восторге:

— Вот это да! Эдакую самсу одним только счастливым женихам готовят!

— Но и невесты пускай отведают, — отозвалась Вазира и тоже взяла пирожок.

В прихожей зазвенел телефон. Дети, конечно, от телевизора не отойдут. Аброр встал из-за стола, поспешил к телефону.

— Алло! — Подождал ответа, спросил: — Кто это? — Ответа не последовало, Аброр стал дуть в трубку и уже громче повторять: — Алло! Алло!.. — Никто не отвечал, хотя Аброр отчетливо слышал в трубке чье-то дыхание. — Почему вы молчите? Надо быть посмелей!

Наконец ломающийся юношеский басок спросил:

— Малика дома?

— Дома... А вы-то кто?

— Я хотел у нее спросить, что нам на дом задали.

— А не кажется ли вам, молодой человек, что для таких справок время неподходящее?..

— Извините. Но мне необходимо поговорить с Маликой...

— Малика! — позвал Аброр дочь и, понизив голос, добавил: — Передай своим одноклассникам-кавалерам, чтобы в такое позднее время больше не звонили. И вообще...

Малика покраснела. Не поднимая глаз, прошептала:

— Хорошо, папа!..

Потом взяла трубку, поспешно предупредила звонившего: «Сейчас, сейчас», — и унесла аппарат к себе в комнату, благо это позволял сделать длинный провод.

Дочери-то скоро пятнадцать! Аброр покачал головой и вернулся на кухню. Шутливое, доброе настроение оставило его почему-то.

— Кто это звонил? — спросила Вазира.

— Эстафету любви хотят подхватить наши дети. Только не слишком ли рано?

Аброр рассказал про стеснительного и одновременно настойчивого одноклассника Малики.

— Не мешало бы матери поговорить с дочерью! Пусть не спешит...

Вазира промолчала. Аброр переменял тему:

— Замечательное вино... Признаться, давно не пил такого.

— Да,— односложно согласилась Вазира. После паузы добавила:— Только наш «Гулоб» ему, пожалуй, не уступит.

— «Гулоб», «Гулоб»... Название есть, а самого-то вина нигде не купишь. Постоянно в магазинах спрашиваю, и все напрасно. А вы его где видели в последний раз?

Сказать где? Переполох поднимется: как? С Шерзодом? В ресторане?! Ответила нарочито спокойно:

— В Москву, оказывается, иногда его привозят.

Аброр на миг приумолк, будто ожидая, что жена добавит еще что-то. Взглянул Вазире в глаза, понял: в Москве она по какому-то поводу отведывала «Гулоб», но сказать об этом сейчас не решается. Или не хочет?

Вазира перехватила настороженный взгляд мужа.

— Я вам потом... расскажу... во всех подробностях... Обычное наше узбекское гостеприимство. С одним знакомым москвичом, метростроевцем, мы обедали в ресторане «Узбекистан». Там нам и подали «Гулоб».

«Мы обедали...» Аброру вспомнился утренний неприятный разговор с Вазирой, когда упоминался Шерзод.

— Ну, обхаживать нужных людей Бахрамов, конечно, мастер!

Солгать: «Бахрамова с нами не было» — на это идти Вазира не могла и не хотела.

— Можете успокоиться, Отелло. Каким бы ловким на такие дела Бахрамов не был, я в его силки не попала. Ну, а знакомый наш москвич на самом деле ташкентцам нужен.

— Если вы употребили слово «силки» в смысле... любовных сетей... измены... я об этом и мысли не допускаю. Я не Отелло, но одно могу сказать: видеть больше не желаю этого ловкача! И, разумеется, прошу, чтобы вы тоже от него подальше держались.

— Прикажете безропотно исполнять все ваши желания? — Вазира нарочито кротко улыбнулась.

— Нет, зачем же? Вы ведь тоже самостоятельный человек.

— Замечательно и великодушно! Еще вопрос: обязан ли «самостоятельный человек», если этот человек —

женщина, жена, ненавидеть всех тех, кого не любит муж?

— Я не хотел бы сейчас говорить о делах, о заказах, об архитектурных спорах и неприятностях. Но что же делать, если моя любимая жена все шутит, шутит и не видит коварства человека, желающего подрубить под корень лучшие мои замыслы, — придется ей это объяснить.

Когда их профессиональные заботы становились предметом разговора, они чаще всего переходили на русский, на русское «ты».

— Аброр, ты преувеличиваешь опасности, — суховатым тоном возразила Вазира. — Я с Бахрамовым в Москве говорила о тебе. Старые обиды он давно забыл. Относится к тебе вполне корректно, понимает твои творческие намерения.

— Вот как! Он теперь не навешивает на меня ярлыков? Не обвиняет, например, в национальной ограниченности?

Вазира вспомнила эти слова, услышанные от Шерзода еще в самолете. С деланным удивлением спросила:

— Откуда ты это взял?

В свою очередь Аброр не хотел рассказывать жене о сегодняшнем своем столкновении с директором, знал, что рассказ испортил бы ей настроение. Но не смог сдержаться и все ей выложил. Вазира действительно расстроилась. Но иначе, нежели ожидалось.

— У тебя трудный характер, Аброр! Директор доверил тебе такой важный, почетный проект, а ты с ним ссоришься. Зачем ты идешь на явный конфликт?

— Да мы с ним очень мирно разговаривали. Но потом он начал бог знает что плести о серебристых елях и березах. Защищал их от меня, хотя я больше болею душой за эти деревья, чем он! Я хочу, чтобы они росли там, где им будет лучше. А ему все равно, лишь бы на самом видном месте, на показуху, отрапортовать, а потом пусть хоть чахнут.

— Может, ты и прав, но надо же уметь в тактичной форме доказать свою правоту. А Рахманов директор, ему очень многое доверено, к его мнению прислушиваются...

— Пусть и ко мне прислушиваются. И Рахманов, и другие! — Аброр даже пристукнул ладонью по столу. — Хорошо, что сегодня Рахманов открыто высказал мне свои взгляды, ну и я в долгу не остался. Открыто!

Я знаю, они с Бахрамовым нередко бросают на меня тень за закрытыми дверями. Подозрительность — оружие их защиты, а защищают они свои служебные кресла от более достойных и талантливых.

— Так ты не давай им повода для подозрений...

— Легко сказать! Что ж ты хочешь, чтоб я постоянно ловчил, хитрил? Нет, лучше уж держаться подальше от этого Бахрамова. И... я, наверное, обращусь в ваше управление. Оно ведь главное, оно одно стоит над Рахмановым. Хоть какую-то часть своих предложений я должен пробить. Иначе уйду от Рахманова.

— Куда?

— Звали же меня преподавателем в институт. Я ведь все-таки кандидат наук.

— Неужели так далеко зашло? Нет, я думаю... спешить не стоит.

Вазира тщетно подыскивала возможность развеять чем-то агрессивность мужа, вызванную — она с болью осознавала это — тяжелым напряжением в работе, неурядицами вовсе не шуточными. И тут внезапно Малика пришла на помощь матери — открыла дверь кухни. В передней названивал телефон.

— Папа, вас спрашивают!

Аброр чертыхнулся — ни днем, ни вечером от этих звонков нет спасенья! — вышел в прихожую. Звонил старшему брату Шакир.

— Ну как, у вас все в порядке? Вазира-апа вернулась? Теперь поспокойней, наверное?

— Да какой там покой... Вчера я был в райисполкоме.

— Будут сносить?

— Да.

— А с участком как?

— Придется новый покупать... Начнем искать. Как отец?

— Да все так же. Расстроенный, подавленный...

— Как-нибудь все образуется, Шакир. Успокой стариков. Выберу время — приеду. А пока передавай наш привет.

Житейские трудности и так не дают ему покоя. А вот когда переедут родители к ним, жизнь будет еще более осложнена... Аброр решил пока ничего не говорить Вазире. Он знал, что приезд родителей расстроит ее, начнутся споры со свекровью, взаимные обиды. Пусть

пока хоть с Зафаром все уладится, пусть хоть в этом душа уgomонится.

— Шакир тебе привет передавал, — с деланной бод-ростью сказал Аброр.

Вазира готчас почувствовала: муж что-то утаивает от нее. Но все-таки этот телефонный звонок отвлек Аброра. Не стоит выпытывать, какие еще неприятности ждут их с Аброром. Кстати, и ей самой было что до поры до времени скрывать: говорить сейчас Аброру о том, что Шерзод тоже собирается работать над проектом, имеющим отношение к обновлению канала, она не считала нужным. Резко отрицательно настроен Аброр против любых проектов выпрямить извилистое русло Бозсу. Стоит ему услышать, что Шерзод Бахрамов собирается вот-вот переделать русло, одеть его в бетон и мрамор... ох, это все может кончиться ссорой. И между Аброром и Шерзодом. И между Аброром и ею, Вазирой, — идея-то Шерзода показалась ей и интересной, и легко осуществимой, и вполне стыкующейся с ее собственной работой. Так не хватало еще дома мужу и жене служебными вопросами отношения портить! Придет время — Аброр сам все узнает, а будут с его стороны возражения, тогда и она свое мнение выскажет...

— Собирались тихо да мирно попить! Вот тебе и посидели, — вздохнула Вазира, как бы напоминая Аброру о приятном начале их застолья.

— А что! — тряхнул головой Аброр, отгоняя от себя недобрые мысли. — И посидим! Еще как посидим!..

После неприятных разговоров легкое опьянение, которое он ощущал, прошло совершенно.

Забыть все, забыть! Пусть душа на место встанет.

— Вот он, грузинский коньяк! — и Аброр вытащил бутылку на стол.

— А «Старый замок»? — удивилась Вазира.

— От него — как от муравьиного укуса... Ощутимого результата нет. Вино полностью остается для вас, ханум!

Вазира достала из буфета маленькую хрустальную рюмку, протерла ее чистой салфеткой, поставила перед Аброром.

— Смотрите не опьянейте, Аброр-ака. Самсы ешьте побольше.

Снова вместе выпили.

Лицо у Аброра порозовело, глаза засветились живым, задорным огнем. Как некогда, когда он был еще лихим молодым парнем.

— Ну что же, выпьем еще, дорогой жених...

— Спасибо и непременно, невеста любимая...

Аброр обвил рукой талию Вазиры, привлек жену к себе. Поцеловал, чуть отстранил и произнес торжественно-шутливо:

— Годы летят, но они не властны над вами. Ханум, вы становитесь все моложе и краше... И желанней,— шепнул он ей на ухо, целуя и в губы, и в висок, и в шею у подбородка.

В это время в кухню вошел, громко хныча, Зафар:

— Папа, Малика не дает хоккей смотреть! Говорю ей: не выключай вторую программу,— выключает. Балет ей понадобился!.. Мама, скажите, пусть хоккей оставит!

Вот так здорово! Дверь-то на кухню осталась раскрытой. И конечно, сынишка видел, как родители целуются. Чтобы скрыть смущение, Вазира напустила на себя строгий вид:

— Одиннадцать уже скоро! Пора совсем выключать. Никакого хоккея, никакого балета! Малика, я что тебе говорила?

Зафар вернулся в комнату, где стоял телевизор, и, округлив глаза, зашептал сестре:

— Целуются, слышишь... они целовались...

— Тебе-то что? Ябеда!— сердито оборвала Малика.— Тихо, вон мама идет.

Лицо Вазиры помолодело, расцвело.

— Я устала с дороги, доченька. И папа вчера не выспался. Поэтому сегодня давайте все пораньше ляжем.

Дочь, конечно, не поверила. Никакая она не усталая. И отец часто по ночам работает, не только вчера.

— Начинается!— недовольно передернула Малика плечиками.

— Что начинается? А?.. Ну что ты какой-то занозой стала!

Малика, не глядя на мать, нахмуренная, выключила телевизор, бросила недовольно:

— Спокойной ночи...— и ушла в свою комнату.

Зафара уложили спать, как обычно, на диване в гостиной.

Выяснилось наконец, что Сиртлан совершенно здоровая собака, что никаких уколов Зафару делать не нужно. Аброр отвез Сиртлана, как и обещал мальчику, за город,

отдал одному знакомому колхознику — сторожить большой двор.

Вазира не забыла о звонке Шакира. Однажды утром она сказала Аброру:

— Оказывается, тут без меня дедушка приходил. Расстроенный, все вздыхал. Малика рассказывает... А потом вы ездили проведать родителей... А недавно Шакир позвонил... Что случилось? Что вы от меня скрываете?

Последние три дня Вазира была особенно мягкой и покладистой. Аброр решил, что сейчас-то и следует поведать жене о сложной проблеме с родительским участком и домом.

Идя рядом с женой (он сказал, что подвезет ее на работу), Аброр видел только профиль притихшей Вазиры: раз она сразу не возразила, значит, старается понять правомерность его решения.

— Я знаю, Вазира, и без того у нас забот много. Но ведь мать и отец... Можно ли бросить их в беде? Да к тому же... это наши проекты в конечном счете бьют по старым домам и кварталам.

Лицо Вазиры поблекло, осунулось будто. Она молчала.

Подшли к бывшему пустырю. Его расчистили в свое время, разровняли, понастроили десятки металлических коробок-гаражей. На каждый автомобиль по коробке. С краю стоял их «шедевр инженерной мысли», весь в ржавых пятнах от снега и дождя, с облезшей краской. Металлический коробочный городок расположился на пустыре временно. В будущем году (им ли, архитекторам, не знать?!) здесь начнут возводить большой гастроном. Аброру снова придется искать автокран и уже в третий раз перевозить гараж-коробку на новое место. От прежних перевозок задняя стенка пострадала, покрылась глубокими вмятинами. Аброр попытался выровнять поверхность молотком, да только еще больше обезобразил железные стенки. И теперь следы молотка на них — словно раны.

Вазира, глядя на них, почему-то вспомнила о совместной жизни со свекровью в старом доме. Споры и ссоры из-за бытовых пустяков, незаслуженные обиды, резкие, несоразмерные с проступками обвинения свербят болючими шрамами, невыпрямляемыми вмятинами на душе.

Когда они с Аброром получили отдельную квартиру

и Вазира по своему вкусу убрала ее, обставила, создала желанный уют, казалось, можно было облегченно вздохнуть, пожить по-человечески. Но получалось, что эта жизнь неустойчива, она-то и есть временная, вроде этого гаража, которому недолго здесь стоять. Конечно, родителям и снос, и переселение тягостны. Аброр не может и не должен спокойно да привольно жить себе в четырехкомнатной квартире, не помогая родителям, коли все у них так поворачивается. Но почему он не посоветовался с ней? Почему поспешил предложить родителям и брату переселиться в их квартиру? Да еще собирается освободить не одну, а сразу две комнаты. Разве один Аброр хозяин? Ну освободят они две комнаты, так ведь родители не захотят расстаться со своей мебелью, а куда их собственную мебель деть? А на детях как отразится весь этот хаос, связанный даже хотя бы с временным уплотнением?

Аброр успел уже вывести машину из гаража, пока Вазира предавалась своим невеселым мыслям, открыл правую переднюю дверцу:

— Садись, ханум, рядом, вместе думать будем!

Лобовое стекло машины покрылось приметным слоем пыли. Аброр достал из-под сиденья чистую тряпку и стал протирать стекло. Наспех, непривычно суетливыми движениями: чувствовал себя виновным перед Вазирой, ее молчание было тягостным.

Аброр осторожно выехал на проспект, включил радиоприемник. Утренний концерт еще не закончился: задорно пел, восклицал рубоб. Веселая мелодия ударила по нервам, и без того напряженным у обоих.

— Ах, как вы замечательно решили, вы настоящий сын, вы подлинный джомард!— сказала Вазира едко и громко, стараясь перекрыть шум приемника.

— О чем это вы?

— О чем?.. Шакир ведь соглашался квартиру получить. А старшему брату следовало поддержать младшего порешительней! Получили бы все удобную квартиру, и сами не мучились, да и нас бы не...

На светофоре вспыхнул красный глазок. Аброр нажал на тормоз, резко остановил машину, повернулся к жене. Такой мягкой и ласковой была Вазира с утра, а сейчас...

Аброр понял, какая взрывчатка накапливалась за ее молчанием, дай только этой взрывчатке соединиться с горящим фитилем!..

— То, что ты говоришь, я не раз повторял отцу с матерью. Но у них свои доводы. Их не переубедишь: они старые люди — у них свои устои. Если мы не приютим их, они уйдут жить к дочерям. Стать приживалами у зятя, когда есть сын, — это несмыслимый позор для меня.

И Вазире было присуще особое почитание родителей. Это святое, не подлежащее обсуждению чувство. И по отношению к родителям мужа, особенно к отцу Аброра. Пойти против этого чувства, преступить нравственный порог она и сама инстинктивно боялась: обидишь старших, и падет эта обида неожиданным бедствием или позором на тебя.

И все же ей захотелось преодолеть «слепой» инстинкт и в себе, и в муже.

— Все эти старые традиции держат тебя в подчинении у матери, Аброр. А она умеет пользоваться твоей уступчивостью!

На светофоре все горел красный глазок, Аброр продолжал пристально смотреть в лицо Вазире. От ее прежней мягкости и обходительности не осталось и следа! Теперь у Вазире вид словно у тигрицы, глаза ее светятся недобро, колюче. Задорная радиомызыка разозлила Аброра окончательно. Резким движением он выключил приемник.

— Представляю тебе проявить характер, попробовать переубедить стариков. Посмотрим, что из этого получится!

— Посмотрим! Я не сдамся без боя, как ты!

— Без боя! Откровенно сказала... Воевать со старыми людьми, да еще родителями, не желая помочь им в трудный момент, — это неблагородно.

— Выходит, что благородно потакать их капризам? Не хотят брать жилье в многоквартирном доме, им подавай участок с зеленью! Что за причуды? Сколько людей в многоэтажных домах живут! А они, видите ли, особенные.

— Они привыкли жить на земле! Способна ты это понять? Ведь предоставляется же право выбора. Многие тысячи и сейчас живут так же, на участках. Как у тебя язык поворачивается называть их просьбу причудой, привередливостью?!

Аброр и не заметил, как загорелся зеленый свет. Сзади тотчас послышались нервно-настойчивые сигналы

других машин. Аброр рванул машину с места, помчался как оглашенный.

Вазира заговорила сдержаннее:

— Если бы еще с участием можно было просто управиться! А то ведь и год, и два они сами будут в глине по уши и нас заставят. Ты говоришь: покой им нужен на старости лет. Так пусть возьмут квартиру и спокойно живут. Ты любящий сын и при желании сумел бы отговорить их от мучительного шага...

— Повторяю: мне это не удалось, ханум,— чуть остывая, Аброр снова перешел на узбекское «вы». — Может быть, вам, любящей невестке, удастся наставить на путь истины стариков!

...Ясно, Вазира не пойдет разговаривать с родителями мужа по такому деликатному делу. Как на словах ни боролась она против «слепых» инстинктов и старых традиций, позориться перед людьми не станет... Ну, а ее мать Зумрад Садыковна, некогда работница райкомовского женотдела? Вот она-то смогла бы, пожалуй, побеседовать со стариками смело и решительно и сумела бы переубедить их.

Заодно пора и навестить ее.

Миновав мост через Бозсу, Аброр остановил машину на обочине дороги. Вазира всегда выходила здесь и шла до работы по берегу канала пешком.

Она открыла дверцу и, выходя из машины, сухо сказала, не глядя на Аброра:

— После работы я маму проведаю.

Обычно они ездили к Зумрад Садыковне вместе.

— Одна?

— Да. Домой вернусь, наверное, поздно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хмурая Вазира подошла к аккуратному четырехэтажному зданию, открыла парадную дверь. Неподдалеку от входа, за маленьким столиком с телефоном, сидел вахтер. Узнав Вазиру, он вежливо привстал, улыбнулся.

— С приездом, Вазира Бадаловна!

Все, с кем только ни встречалась сегодня Вазира — и в вестибюле, и на лестнице, — все приветливы с ней; рукопожатия, благожелательные раскланивания, добрые, теплые слова, — да, это ее учреждение, ее служба, ее товарищи.

И эти давно знакомые комнаты с табличками, строго глядящими в коридор: «Группа дорог», «Группа мостов»... Какие могут быть за этими дверями недоброжелатели? Они все коллеги, товарищи, заняты общим делом.

Вазира бегло осмотрела развешанные по коридорным стенам новые проекты.

Вот цветная схема будущего зоопарка, вот три варианта конкурсных проектов дворца бракосочетаний, некоторые называют его «Домом счастья». Авторских подписей нет — конкурс закрытый. Но на одном из эскизов в верхнем углу нарисована стилизованная ласточка. Значит, проект идет под девизом «Ласточка». Под другим эскизом — золотой ключ: автор поверил, видно, что выбранный девиз откроет ему волшебную дверь к победе.

Иногда в часы душевных невзгод Вазира старалась сама поднять себе настроение и гордилась тем, что умела этого добиваться, — волевым усилием она все свое внимание сосредоточивала на работе.

Вазира просветленной вошла в свой отдел. Он занимал две комнаты. Ее рабочий стол — в глубине внутренней комнаты, под развешанными на стене эскизами подземных дворцов-метростанций.

На столе всего лишь за несколько дней ее отсутствия успели скопиться новые документы: объяснительные записки, ходатайства, предложения и просьбы различных учреждений. На каждом документе резолюция начальника ее управления: «Тов. Агзамова! Прошу ознакомиться и дать свое мнение». Или: «На усмотрение тов. Агзамовой». Сухие фразы, но для нее-то они красноречивей иных похвал: Вазира действительно пользуется авторитетом, ей здесь доверяют полностью.

Вот в ее руках бумаги (первая страница отпечатана на внушительном бланке), присланные из проектной организации, которую возглавляет Шерзод Бахрамов. В них подробно излагалось предложение о проведении спецтоннеля через Бозсу. После пространного обоснования самой идеи и ее позитивных последствий Бахрамов просил начальника главного управления поручить разработку этого важного проекта именно его, бахрамовской, группе в составе пяти человек, среди которых значился и Сайфулла Рахманович Рахманов, известный специалист, директор профильного института, лауреат и прочее, и прочее. Начальник главного управ-

ления, как и обычно, поручал Вазире «ознакомиться и высказать свое мнение».

Из стопки бумаг Вазира выбрала именно этот документ, чтобы с утра, как говорится, на свежую голову и с карандашом в руках в нем разобраться.

Шерзод собирался переделать нынешнее русло Бозсу; собственно, даже не столько переделать, сколько заменить — пустить воду новым, выпрямленным, как стрела, руслом. По общегородскому плану здесь должна пройти трасса метрополитена, ее надо было, по мысли Бахрамова, прокладывать открытым способом, что по сравнению с подземной проходкой тоннеля обошлось бы в несколько раз дешевле.

Тут на полях читаемой страницы Вазира поставила зеленым карандашом два восклицательных знака.

Из-за искривленности старого русла слишком велика его протяженность, а короткий прямой канал даст большую экономию воды и земельной площади.

И эти строки Вазира пометила зеленым карандашом — его она пускала в ход, когда ей что-то сильно нравилось, чему хотелось бы открыть зеленую улицу.

Потом Вазира задумалась над тем, что в проекте может вызвать возражения.

Если рядом со стадионом трассу метрополитена прокладывать открытым способом, то довольно значительная площадь вокруг будет изрыта, потеряна для зеленых насаждений. Там, например, где будет двигаться кран — а это полоса шириной более семидесяти метров, — не останется ни одного дерева. Могучие чинары, пышные акации — все они будут обречены на уничтожение. Их место займут горы вынутого грунта, а затем — нагромождения железобетонных конструкций.

Вазира представила, как решительно будет возражать против этого плана Аброр. Не удержала в себе мелкого мстительного довода: «Он же решил, не согласовав со мной, поселить в нашей квартире родителей, почему я должна, потакая ему, отвергать эффективный с экономической точки зрения проект?» Тут же одернула себя: «Дело, конечно, не в наших личных спорах! Эти деревья, сотни деревьев по берегам Бозсу, близ стадиона — отрада для тысяч и тысяч горожан! Сколько раз мы сами отправлялись отдыхать туда в благодатную прохладу!» Это возражение самой себе прозвучало в ней голосом Аброра, будто он сейчас сидел у ее стола и смотрел прямо в глаза. «Опять эмоции, — тут же уко-

рила Вазира себя. — Близорукость, когда думают только о сиюминутных благах... близорукость... Если осуществить проект Шерзода, то... ведь можно в будущем вырастить деревья еще красивей и пышней. И до каких пор мы ради синицы в руках будем отказываться от журавля в небе?»

Номер телефона Шерзода, ей помнилось, был записан в карманном календарике. Вазира набрала нужные цифры.

Видимо, Шерзод поручал кому-то срочную работу, потому что в трубке еще до его «алло, я слушаю» раздался сердито-решительный голос:

— ...Идите, и чтоб через два часа все было готово!

А потом Шерзод поднес трубку к уху и, едва заслышав, что это Вазира, разом изменил тон, обрадованно заворковал:

— О, Вазирахон? Неужели? Здравствуйте! Все ли у вас благополучно? Как дома? Сынишка поправился? Как, вообще говоря, дела?

Отвечать на все это было необязательно: ритуал вежливости. Шерзод и задавал все эти вопросы один за другим, без передышки, не дожидаясь ответов. Самое важное — тон голоса, обрадованный, немного игривый, но и уважительный, конечно. Как умелый певец, Шерзод вел мелодию, постепенно набирая высоту и усиливая звучность голоса, чтобы на самой ликующей высокой ноте задержать особое внимание слушателя.

— Ах, Вазира, Вазира! Признаюсь, вернувшись из Москвы, я ждал вестей от вас, звонка... хотя бы из управления... И вот... вы делаете меня счастливым.

— Я получила ваши документы, ознакомилась с ними, — постаралась Вазира вернуть Шерзода к делам, да и неудобно говорить об ином по служебному телефону.

— Бумаги?.. А... про увязку метро и канала? Ну и как? — словно между прочим спросил Шерзод, однако внутренняя тревога чуточку вопрос окрасила.

— Идея ваша... ну, раз уж вы признали, что я приношу вам счастье... мне понравилась...

— О, спасибо, Вазирахон, спасибо!

— Но есть в проекте такие места, что могут вызвать возражения. Потому-то я и хотела бы с вами их обговорить, прежде чем идти к своему начальству.

— Повторяю еще раз, Вазира, вы делаете меня счастливым. Такой дружеский поступок — это... это... я не нахожу слов... А вы сегодня собираетесь идти

к начальству, Вазираxon Может и мое присутствие там необходимо?

— Было бы неплохо, я думаю. У Наби Садриевича могут возникнуть вопросы... Погодите! Я сейчас... — Вазира позвонила по внутреннему телефону в приемную начальника управления. Осведомилась у секретарши: — Тоня, Наби Садриевич у себя?.. Никуда не собирается уезжать?.. До которого?.. До двенадцати? Хорошо, спасибо... Шерзод, вы слышите?.. Наби Садриевич будет у себя до двенадцати часов. К одиннадцати сможете приехать? Сейчас?.. Нет, к одиннадцати... Сейчас десять. Хорошо-хорошо, тогда и поговорим обо всем.

За оставшийся до одиннадцати часов срок ей надо успеть написать и отпечатать на машинке свое короткое предварительное заключение. Только Вазира вернулась из машбюро в отдел, как раздался звонок внутреннего телефона и Тоня сказала, что Вазиру Бадаловну приглашает к себе Наби Садриевич. Вазира подписала перепечатанное заключение, прикрепила скрепкой к бумагам Шерзода, положила в специальную — для начальства — папку с позолоченным, весьма значительно звучащим, хотя и не совсем понятным названием «К докладу».

— Я буду у Наби Садриевича, — сказала Вазира, проходя через первую комнату, мимо стола, за которым работал ее коллега, молодой архитектор. — Когда придет товарищ Бахрамов, Шерзод Исламович, вы его знаете, скажите, чтобы он поднялся в приемную товарища Садриева. Хорошо?

У двери в коридор Вазира на мгновение остановилась перед зеркалом: в отделе работало немало женщин, да и из соседних комнат к ним забегали подружки «глянуть на себя в рабочем порядке». Во многом из-за этого Вазира выбрала для себя вторую комнату, в глубине помещения. Сейчас она придирчиво оглядела себя, поправила ворот белой шелковой кофточки, рукой разгладила темно-серую юбку, чтоб складка к складке была прилажена... Выражением лица осталась довольна: деловое, целеустремленное... Один завиток волос падал на лоб. Зачесывать его Вазира не стала.

У Садриева очень просторный кабинет. На полу — огромный, яркой расцветки туркменский ковер. Кроме рабочего стола с телефонами в глубине комнаты вдоль окон протянулся длинный стол для заседаний.

Наби Садриевич сидел во главе этого стола, когда

Вазира открыла дверь. Вокруг склонились над большими листами чертежей пять человек. Один из них что-то записывал в блокноте, другой вел расчеты на логарифмической линейке, остальные внимательно изучали расстеленные листы сводного проекта. Наби Садриевич повернул голову на звук открываемой двери, кивком пригласил Вазире подойти к своему рабочему столу, встал навстречу.

— Вы пока уточните проработку этих частей проекта, — сказал он сотрудникам. — Здравствуйте, Вазира Бадаловна!

Вазира уже привыкла к тому, что в этом кабинете всегда людно. Дел, которые требовали неотложного решения главного управления, много, очень много. Наби Садриевич (ему сорок пять, ранняя седина, однако, не старит, а, наоборот, естественно гармонирует с его живостью и энергией), чтобы успеть сделать все необходимое, решал более простые и легкие вопросы как бы между другими, более сложными.

Он поздоровался с Вазирой за руку, подвел ее к своему столу, достал из выдвинутого ящика вычерченные карандашом эскизы. Положил перед собой на столешницу. Это были изображения орнаментов для облицовочных плиток различного цвета, которыми предполагалось украсить стены одной из подземных станций метро.

Наби Садриевич был автором этих орнаментов. Вазира по возвращении из командировки подробно рассказала Наби Садриевичу о замечаниях москвичей, увидела, что его обещание подумать над советами коллег выполнено. Замечания эти, судя по эскизам, он принял. Вазира обрадовалась: вот так, по-деловому следовало бы всем работать, без амбиций двигать дело вперед.

— Вы нашли очень удачное решение, Наби Садриевич! — сказала она искренне. — И плитки стали больше, и рисунок крупнее, и сохраняются орнаментальные и даже каллиграфические традиции наших ташкентских мастеров.

Проницательность Вазире и та быстрота, с которой она реагировала на его работу, тронули Наби Садриевича.

— А вы сразу распознали ташкентский стиль!

— Но он же заметно отличается от стиля мастеров самаркандских и бухарских.

— А ведь та позолоченная ажурная резьба, которую

вы предусмотрели в капителях колонн, тоже в стиле ташкентцев, не правда ли?

— Да. Вы говорили, что интерьер каждой станции надо выдерживать в одном стиле. А мне пришлось как раз колоннами заниматься...

— Где нет последовательности в стиле, там нет и не может быть совершенства!.. Теперь эти эскизы следует просчитать в материале, превратить в рабочие чертежи.

«А это всегда требует времени и старательности», — как будто услышала Вазира продолжение. И сама вызвалась:

— Пусть наш отдел займется этим.

Вазира собрала эскизы, сложила их стопочкой под бумаги Шерзода.

Наби Садриевич успел заметить в папке Вазиры бланк с собственной резолюцией.

— У вас, я вижу, ко мне и другое дело есть?

— Наби Садриевич, в ближайшем будущем нам придется столкнуться с вопросом, как прокладывать трассу метро через Бозсу, у стадиона. Я познакомилась с предложением по этой теме.

— Ну и как, заслуживает внимания?

— По существу это эскиз готового проекта, точнее — более подготовленного и обоснованного по сравнению с другими предложениями. Я написала предварительное заключение. И на недостатки указала.

Начальник управления посмотрел на работающих за длинным столом инженеров. Тихо переговариваясь, те продолжали заниматься своими расчетами.

Пробежав глазами заключение, Наби Садриевич сел в кресло, жестом предложил сесть и Вазире. Еще раз перечитал заключение Вазиры, задумался. Поглядел снова на инженеров. Чуть слышно побарабанил пальцами по своему столу.

Он лично придерживался мнения, что оба берега Бозсу должны стать своеобразными бульварами для отдыха, прогулок. Тихие набережные, без машин, ничем и нигде не пересекаемые... Сейчас концертный зал «Бахор» и расположенный рядом с ним трехэтажный дом занимают довольно значительную часть левого берега и настолько близко стоят к воде, что не только для бульвара, но и для узенькой аллейки, по которой можно бы прогуляться, места не осталось. Сносить эти добротные здания жалко. Но если русло сдвинуть здесь метров на пятьдесят — шестьдесят ближе

к стадиону, то искривленные его участки выпрямятся, край левого берега отодвинется от построек, и тогда людям привольно станет ходить вдоль канала — от самой Урды до парка Гагарина и дальше.

Вазира вздохнула и облегченно, и сожалеюще.

— Как мне самой все это в голову не пришло?.. Очень убедительно, Наби Садриевич! Разрешите, я перепису заключение и первым пунктом обозначаю в нем вашу идею.

Наби Садриевич передал Вазире бумаги, еще раз бегло просмотрев их.

— Значит, пойдет по вашему отделу?

Было в этом вопросе и некое предостережение. Вазира усмехнулась.

— Ответственность берем на себя!

Наби Садриевич правилась в Вазире смелость. Да и сама она, эта миловидная женщина, правилась, было в ней особое очарование: по-современному раскованна в слове, а держится сдержанно-застенчиво...

— Устоять перед вами, Вазира Бадаловна, очевидно, невозможно. Зайдите в плановый отдел и от моего имени передайте, чтобы они тоже занялись этим вопросом. Пусть и они на вас поработают... Но продолжайте собирать и изучать мнения других компетентных лиц. И передайте, пожалуйста, Бахрамову — пусть к работе подойдет со всей серьезностью и осмотрительностью. А то он иногда скользит по поверхности, с кондачка решает... Я надеюсь на вас, Вазира Бадаловна.

— Наверное, Бахрамов и сам сейчас в приемной. На всякий случай я пригласила его.

Зашумели за длинным столом. Видно, там действительно без обсуждения было не обойтись. Посматривают с нетерпением, когда начальник освободится от настоящей собеседницы. Наби Садриевич развел руками:

— Мне пора к ним. А вы поговорите с Бахрамовым от моего имени. Будьте требовательной. Спуску ему не давайте! Он должен быть окружен и взят в плен на наших условиях! — Садриев улыбнулся, помахал рукой.

— Спасибо за доверие!

Вазира не успела закрыть дверь в кабинет Садриева, а Шерзод, мыкавшийся в приемной, подскочил к ней и, здороваясь, уже целовал ей руку. Тут же заметил, что у Вазире вид строгий — пальцы так и норовят выскользнуть из его руки.

— Ну как дела? Порядок? Ажур?

— Пойдемте в отдел,— суховаато ответила Вазира, непроизвольно убирая руку за спину и с облегчением убеждаясь в том, что Тоня куда-то вышла из приемной.

По пути, в коридоре, заметила только, что товарищ Садриев предъявил к проекту «бо-о-ольшие требования».

— Но все-таки отнесся к нему со знаком плюс?— спросил Шерзод, когда они уселись друг против друга за рабочим столом Вазиры.

— Плюс, плюс... только всю ответственность за обоснованность проекта мне пришлось взять на себя. Так что учтите...

— Вот и славно!.. А я, вообще-то говоря, боялся, сильно боялся!

Шерзод широко улыбнулся. Пытался острить. Но потом вдруг примолк и принялся сосредоточенно потирать лоб, будто размышляя над тем, как же ему отблагодарить свою собеседницу — уважаемую, редкостно самостоятельную, умеющую, как никто другой, осчастливить человека.

— Вазирахон, недавно вы мне подали прекрасную идею: использовать для будущего сооружения мрамор и каменную крошку. Вы приобрели, вообще-то говоря, большой опыт по интерьерам. А я много лет подряд занимался только проектированием жилья. Гранит, мрамор — все это материалы весьма каверзные. Вот я и подумал: не возьметесь ли за эту часть проекта вы сами?

Куда клонит Шерзод, об этом Вазира пока не догадывалась, но он затевал, судя по всему, серьезный разговор.

— Не скромничайте, Шерзод,— возразила она.— Вы архитектор, как и я. Мы с вами вместе изучали, как использовать крошку, гранит и мрамор..

— Все верно, но теоретические знания — одно, а опыт — совсем другое.

— Ну, если потребуется, я готова быть внештатным консультантом.

— Одними консультациями не обойтись, Вазира... Я прошу вас стать соавтором.

Вазира не сразу ответила. Конечно, быть одним из авторов крупного сооружения в самом центре города — лестно. Верно и то, что вряд ли в группе Шерзода есть достойный специалист по облицовочным мате-

риалам и интерьерным украшениям. Ее творческое честолюбие получало возможность проявиться заметно, крупно. А муж? Она и так пошла, можно сказать, против заветной мечты Аброра, поддерживая проект Бахрамова. Впрочем... Она, Вазира, самостоятельный человек. В служебных обязанностях, в творческих вопросах — тем более... И опять она не могла убить, задавить в себе чувства обиды на мужа, раздражало ее и то, что он потакал капризу своих стариков; ее-то он в расчет не принял, с нею не посоветовался! Это тягостное ощущение будто оправданной мести мужу, которое почти рассеялось после того, как предложение Бахрамова она сумела провести через Садриева, теперь вновь будоражило душу.

Усилим воли она все же его превозмогла. Стать соавтором Бахрамова — это и неловко, и страшновато, и означало бы зайти слишком далеко.

— Шерзод, вы меня ставите в трудное положение.

— Перед Аброром? — прямо спросил Бахрамов.

— Да!

— Наоборот! Я продумал эту деталь. Наоборот, вы окончательно помирите меня с ним. Нам нечего делить — вот что мы ему скажем. Канал протянулся на десятки километров. А в нашем проекте задействован лишь один участок... какой-нибудь километр русла. Прибрежных мест всем хватит. Пожалуйста, пусть Аброр благоустраивает остальное... Соглашайтесь, соглашайтесь, дорогая Вазира!

— Но у вас соавторов и так достаточно. Сайфулла Рахманович ваш соавтор. К сожалению, Аброр сейчас и с ним не ладит.

— Вы возведете мост взаимопонимания между нами. Ведь многое плохое, вообще-то говоря, происходит из-за того, что люди не могут, а порой и не хотят понять друг друга, верно? Вы же так хорошо понимаете и Аброра, и меня. У вас есть удивительная широта во взглядах и редкостный природный такт в обращении с людьми.

Конечно, Вазира чувствовала, что Шерзод напропалую льстит ей, но, если разобраться объективно, думала она, разве слова о ее широте и тактичности совсем лишены оснований? Невольно и потихоньку-полегоньку женская неуступчивость в одном сменялась уступчивостью в другом. Шерзод для нее, Вазиры, только товарищ по работе, но он и в самом деле ценит ее — не только как милую, привлекательную женщину, но

как специалиста. И в конце концов хотелось бы развязать этот запутанный, усложненный недоразумениями узел в отношениях между мужем и Шерзодом, а еще теперь и Сайфуллой Рахмановичем.

Шерзод наседал:

— Эта работа не отнимет у вас много времени, Вазира. Некоторые свои соображения вы сможете высказать просто по телефону, как сегодня. Всю черновую работу выполняют мои люди. Мы же с вами будем подавать принципиальные, оригинальные идеи... Не отказывайтесь, Вазира. Подумайте. Через недельку-другую давайте встретимся, и вы скажете мне свое — да будет оно позитивным! — решение.

Вазира тяжело покачала головой.

— Пусть сначала ваш проект получит полное одобрение. А я при случае с Наби Садриевичем посоветуюсь.

— Так я и сам скажу Наби Садриевичу, какие ценные, неординарные творческие решения вы нам предложили.

— Не делайте этого, Шерзод. Пожалуйста, не ставьте меня в неловкое положение.

— Да почему же, Вазира? Разве это не естественно, не прекрасно, когда архитекторы двух проектных организаций рука об руку работают над одним проектом? Большие наши руководители недаром призывают к преодолению ведомственности, к творческому содружеству всех заинтересованных сторон...

— Хорошо, к этому разговору мы еще вернемся, Шерзод. А пока, я прошу вас, пусть все останется между нами.

Тем самым Вазира как бы признавала, что теперь некая тайна связывает их. Это уже немалая победа. И когда Шерзод прощался с Вазирой, ему снова захотелось прижать к губам тонкие изящные пальцы женщины, немолодой, но, странное дело, манящей его сильнее иных молодых. Однако он прочел в глазах Вазире теперь не строгий запрет, а просьбу: «Не делайте этого». Потому рукопожатие деловое, чуть-чуть нежней обычного, — и он распрощался.

Вазира добиралась к матери по проспекту Руставели. Оживленная и шумная магистраль от палящего солнца к вечеру раскалилась, как сковородка на долгом огне. Нечем было дышать; спертый, неподвижный воздух насыщен едкой бензиновой гарью и горячей пылью. Ва-

зира потом изошла, пока сходила на расположенный неподалеку от магистрали базарчик, чтоб купить матери свежих фруктов, пока дотащилась с тяжелой сумкой в руках до ее дома рядом с Текстильным институтом. Дом этот строился в пятидесятых годах: лифта не было, лестницы крутые, потолок раза в полтора выше нынешних.

Еле дошла до знакомой двери на четвертом этаже, остановилась, отыскивая взглядом кнопку звонка.

Кнопка, оказалось, выпала, а в углублении, где она некогда сидела, торчали искривленные концы проводов. Вазира, оторвав кусочек от бумажного пакета, осторожно до них дотронулась. Прозвенел звонок. Из квартиры доносилась громкая музыка (магнитофон младшего брата Алибека, большого любителя современного грохотанья!), и Вазира поняла, что звонок никто не услышал. «Чем без конца одурманивать себя поп-музыкой, мог бы потратить чуточку своего драгоценного времени, чтоб звонок починить!» — разозлилась она и, смахнув со лба тыльной стороной ладони пот, сильней надавила на проводки. Ударило током, и Вазира испуганно отдернула руку.

Наконец за дверью послышалось шарканье домашних шлепанцев. Открыла сама Зумрад Садыковна. На лестничной клетке было темно, и Зумрад Садыковна, стоя в дверном проеме, долго вглядывалась в гостью..

— Ой, да неужели не узнаете, мама?!

— Вазираджан! — воскликнула удивленно и обрадованно мать. — Заходи, доченька, заходи!..

Они обнялись, расцеловались. Прошли на кухню. Вазира сразу заметила, что глаза у матери потухшие, ноги она переставляет осторожно, будто ослепшая.

— Это что, черешня?

— Да нет, клубника. Ой, вы стали хуже видеть, мама?

— Худо у меня с глазами, Вазираджан. Совсем худо стало, — тяжело вздохнула Зумрад Садыковна. — Ты все занята, уже с месяц времени не выберешь мать проведать, — без видимой связи продолжала она. — А братишка твой всю душу мне вымотал, одно расстройство с ним.

Из комнаты, что напротив кухни, по-прежнему неслись то стихающие, то вновь до боли в ушах громкие надрывные звуки. Вазира видела, что мать сдала, что и от слабости, и от этого крика «хиппарей» губы и руки у нее трясутся.

— Хорошо, что ты приехала. А то уж я хотела от соседей позвонить тебе.

— Случилось что-нибудь? — Вазира присела на табурет около матери.

— Случилось, Вазирочка, случилось... Брат твой собирается разводиться.

— С ума сошел! С кем же он там эту музыку слушает?

— А, нашел себе подобных. Будто мне уличного грохота мало! До полуночи покою нет от этих воплей и топота. Жена, поссорившись с ним, ушла.

— Насибá такая хорошая...

— Да разве хорошая женщина сможет с таким мужем жить? — Зумрад Садыковна понизила голос, продолжала шепотом: — Ведь четыре года уже как женат. Насиба ребенка хочет. А братец твой заладил: «Не нужны они мне, дети эти!» Уже дважды бедняжка лишала себя радости...

— Ой, беда какая! — сокрушенно воскликнула Вазира. — Насиба что же, к матери ушла?

— Да... Сильно плакала, когда прощалась со мной. А брат твой еще какую-то собаку пегую к нам привел. С работы вернется, сразу с ней на улицу — прогуливать, что ли, называется. Большущая, как ишак. Боюсь я ее. Когда на работу уходит, привязывает ее в комнате. А собака скулит. Зайду взглянуть, есть ли у нее хоть вода, а она скачет, прыгает, с привязи рвется. Сердце прямо в пятки уходит: а ну куснет... Да еще четвертый этаж этот! — опять без видимой связи перешла на другое Зумрад Садыковна. — Пока спустишься да поднимешься пешком — душа из тела вон. Раньше мне и жара спать не мешала, и уличный шум нипочем был. А сейчас в духотище сердце заходится... Ты же знаешь, Вазирочка, я им внутреннюю комнату уступила, ту, где потише, а сама осталась в той, что прямо на улицу выходит.

— А я что вам говорила: не делайте этого! Вот все это и называется баловать, нежить, прихотям его потакать!

— Не знаю, Вазирочка, ничего не знаю!.. Ночью трамваи и троллейбусы мчатся по улице, будто по моей голове. До утра глаз не могу сомкнуть... Дней десять уже прошло, как глаза сильно щипать стало. И вижу все хуже. Какое-то бельмо, похоже, прицепилось.

Вазира вспомнила, что у матери лет пятнадцать назад, когда она работала инженером на ситцепечатной

фабрике, тоже разболелись глаза. От химических испарений. Потом она перешла преподавать в институт, где доцентом работал и отец Вазиры, и зрение у Зумрад Садыковны постепенно улучшалось.

— И сейчас щиплет? — спросила Вазира, подмечая, что глаза у матери беспрестанно слезятся.

— Нет, это прошло. Но все время сетка какая-то висит перед глазами. Будто сквозь сито гляжу... Иногда, Вазираджан, такая тоска наваливается, что просто сил нет. Устаю очень быстро.

Вазира встала с табуретки, попросила мать повернуться лицом к окну. В падающем сверху свете разглядела на зрачке ее левого глаза что-то белое. Крохотный белый осколок. «Неужели бельмо! — Сердце у Вазиры чуть не оборвалось. — Показалось, наверное!» — попыталась она себя успокоить.

— Закрой правый глаз.

Зумрад Садыковна прикрыла правый глаз ладонью — тут же вскричала испуганно:

— Ой, не вижу ничего! Что за беда приключилась с моим левым, Вазира? Слепнет он, да?!

Вазира, увидев, как побледнела мать, сказала нарочито спокойно:

— Погодите секунду... Проверим еще раз.

Она включила на кухне электричество.

— Закройте-ка снова правый глаз и гляньте вверх, на лампочку.

Зумрад Садыковна опять поднесла ладонь к правому глазу, подняла голову к потолку.

— Свет различаю, — сказала она. — Но совсем немного. Что же это такое, а, Вазира? Зрение теряю, да?!

Вазира стала говорить быстро-быстро:

— Если свет различаете, пугаться не надо. Небольшое бельмо скорей всего вам мешает. Сделают операцию и удалят его.

— Операция? Легко тебе говорить! Здоровья и так нет. И вторым глазом слабо вижу. Только бельма не хватало!.. Видать, судьба моя такая горькая. Почему отец твой оставил меня одну на этом свете? Забрал бы с собой, от всех тревог избавил бы! Что же это будет, если я на старости лет еще и зрения лишусь, а?! Как же мне жить теперь, слепой и немощной, да еще с сыном... таким непутевым?!

Эти причитания матери разрывали сердце Вазиры.

— Не надо, мама, не преувеличивайте, никакая вы

не слепая и не немощная, — принялась она утешать ахающую мать. — Ну, а с сынком вашим я сейчас сама поговорю!

Вазира стремительно вышла из кухни, рванула на себя дверь, из-за которой по-прежнему неслись, лишь чуть приглушенной прежнего, хриплые звуки и бьющие по нервам ритмы.

В комнате было накурено — не продохнуть, хотя окна раскрыты настежь. На столе — стаканы, одна уже опустошенная бутылка портвейна, вторая выпита наполовину. Трое парней и две девушки: одна чернобровая, с сигаретой в зубах, в короткой юбке, другая — темно-русская.

Музыка оглушила Вазиру. Залихватская какая-то, разухабистая, веселая, но молодежь развалилась на стульях и в креслах — хмурая, скучная, на лицах пресыщение всем на свете до смертной тоски.

Едва Вазира показалась на пороге, огромный пятнистый дог, лежавший у окна, грудь и лапы на ковре, вскочил, напрягся. Длинноволосый, по моде заросший бородой и усами Алибек прикрикнул:

— Лежать!

Потом неторопливо поднялся из кресла. Пояснил приятелям: «Это моя старшая сестра», — подошел к Вазире и вяло протянул ей руку. Вазира окинула взглядом собравшихся:

— Здравствуйте...

Еле-еле процедила свое «здравствуйте» ей в ответ лишь одна чернобровая — та, что в короткой юбке, с сигаретой. Остальные небрежно кивнули. Встать никто и не пытался. Предпочитают, мол, обходиться без всяких церемоний, без устаревших выражений взаимных любезностей.

Вазира, в свою очередь, бесцеремонно повернулась к компании спиной и сказала брату:

— Ну-ка выйди со мной!

Алибеку сразу стало ясно: мать сестре пожаловалась на него, сейчас начнется воспитательная беседа.

— А ты мне что-то сказать хочешь? Так говори здесь. Видишь, у меня гости.

— Я тоже гостя. У меня к тебе серьезный разговор. Скажу и уйду. Пошли...

Извиняющимся жестом Алибек развел руками, пожал плечами.

— Чао, ребятаки! Я быстро вернусь. — И вразвалку пошел вслед за сестрой.

Одет он был в зауженные на бедрах и расклешенные внизу брюки, которыми при каждом шаге словно намеренно мел пол. И манера цедить слова, и шаркающая походка, и пижонская разноцветная бахрома-шнуровка на месте отворотов внизу джинсовых брюк — все в брате раздражало Вазиру, но она старалась сдерживаться. Молча прошла с Алибеком в комнату, где жила мать.

— А ну-ка садись, — показала она брату на диван, сама присела на стул напротив.

Дверь, ведущая из комнаты на балкон, была распахнута, и грохот улицы наполнял комнату. Вазира совсем не хотела срываться на крик, тогда она могла окончательно рассориться с Алибеком: ведь брат, конечно, встанет и уйдет, нужного разговора не получит.

Хоть жарко и душно было в комнате, Вазира прикрыла балконную дверь.

Из кухни, осторожно ступая, пришла Зумрад Садыковна. Еще одно усложняющее обстоятельство, но не предлагать же матери идти обратно.

— Мама, садитесь, посидите с нами.

Разговор с Алибеком пришлось повести издалека:

— Как дела? Все еще на заводе работаешь?

— Нет. Уже в институте работаю.

— Когда же успел?

— Дней двадцать назад перешел, а что?

— Но ты был инженером солидной фирмы — авторитетного завода текстильного машиностроения. Почему ушел? Зарабатывал мало?

— Да так, захотелось. Я свободный человек. Где хочу — там и работаю.

— Бездельничал, поди, как и дома, прогуливал... — не выдержала Вазира. — И кто же ты в институте, можно узнать?

Алибек, отрешенно пощипывая куцую бородку, будто не расслышал вопроса. Вазира повторила вопрос. Вместо Алибека ответила Зумрад Садыковна:

— Младшим лаборантом стал твой братишка!

— Вот это да! — ахнула Вазира. — Младшими лаборантами девчонки работают после десятого класса. А у тебя высшее образование. Семьдесят рублей! Разве тебе хватит? У тебя же семья!

Алибек вытянул ноги в бахромчатых джинсах, откинулся на спинку дивана. Потом выпрямился, принялся сосредоточенно рассматривать руки, чистить непомывенно длинные ногти на обоих мизинцах.

— Что он может тебе сказать, Вазираджан? — подала голос Зумрад Садыковна. — Он последние деньги из моей сберкнижки вытягивает. По десять, по пять рублей, а то и по трешке. И пенсию мою всю до копейки спускает!

— Снова жаловаться начала, да? — вдруг резко вскинулся Алибек. — Жалобы, жалобы, жалобы... Нет, все это, видать, прекратится, лишь когда я уйду из дому совсем!

Алибек знал, что именно этого больше всего боялась мать. Без Алибека она бы дня прожить не смогла. Любила, привыкла, не могла помыслить себя вдали от сына. После окончания института Алибека вместе со сверстниками должны были на год призвать в армию. Так Зумрад Садыковна все пороги в военкомате обила, несколько письменных заявлений подала. «Больная, дескать, одинока, некому больше присмотреть за мной», — и ее ходатайство-просьбу, некогда активной общественницы, «женотделки», человека с заслугами, гуманные люди уважили: сына от призыва освободили. Эгоистичный и хитрый Алибек давно прибрал к рукам старушку мать, давно научился извлекать выгоду из ее материнской любви, привык делать все, что пожелает.

Вот и сейчас Зумрад Садыковна вдруг поспешила отступить перед нахалом:

— Зачем ты так говоришь, Алибекджан? Я тебя разве из дому гоню? Я хочу тебя увидеть настоящим человеком, тебе добра желаю. Тебе уже двадцать пять, сынок. Твои ровесники председателями колхозов работают, начальниками цехов!

— Сколько раз вам говорить, мама, что должности и посты, оклады и прочее меня не интересуют! Я сам себе председатель!

Вазира задыхалась в душной комнате. Усилием воли заставила себя говорить хладнокровно:

— Хорошо, брат, что же тебя интересуют? Что тебе нравится?

— Мне нравится свобода!

— И не стыдно «свободному человеку» пить портвейн, купленный на пенсию престарелой матери?

— Этот портвейн я на собственные деньги купил!

— А вчерашний? А позавчерашний? — Вазира все-таки не совладала с собой. — А все эти тряпки, что красуются на тебе, они на чьи деньги куплены? До каких пор ты в семье баловнем будешь, чужаком каким-то? Пора бы наконец самому отцом стать. А ты вон с женой скандалишь, лишь бы только детей не иметь!

— Вы почему вмешиваетесь в мою личную жизнь, Вазира-апа?

— Мы столько труда и средств вложили, чтоб свадьбу тебе пышную справить! Тогда ты почему-то не возражал против моего вмешательства.

— Женитьба была ошибкой. Моей ошибкой, — надменно сказал Алибек. — В наше время не стоит жениться. Самые современные, высокоразвитые люди нашего атомного века справедливо считают семью и брак явлениями пережиточными.

— Высокоразвитые? Эгоисты безграничные — это да! Как бы ты сам появился, такой «свободный человек», если бы твои родители были «высокоразвитыми»?

— Времена изменились... Плодить детей? А думаешь ли ты о том, что земной шар стоит перед угрозой перенаселения? К двухтысячному году людей в мире будет не меньше семи миллиардов! Целые континенты уже сейчас не могут прокормить себя, а людей пока на земле только четыре миллиарда... А про угрозу атомной войны ты подумала? Растить детей для нее — это гуманно?

— Значит, ты потому детей не хочешь, что о благе человечества печешься?

— Не только, сказать тебе откровенно. Я и себя мучить не хочу!

— Вот в том-то все и дело! Ты лишь о себе думаешь. «Человечество», «перенаселение», «атомная угроза» — болтовня, словесная ширма эгоизма! Оставим в покое человечество и твоих будущих детей. Но о матери, что рядом с тобой живет, ты ведь ни капельки не заботишься. Не стыдно тебе ради собственных удовольствий мучить маму?

— А чем это я ее мучаю?

Вазира вскочила со стула. Распахнула дверь на балкон. Комната сразу наполнилась шумом улицы. Пришлось повысить голос.

— Ты способен понять, что все, все это для нее мучительно? И что ты жену прогнал, и что эдаких дружков сюда приводишь, и что работу меняешь! Да и собака тебе

ни к чему. Все ее терзает!.. Сам обитаешь в тихих комнатах с окнами во двор... Это по совести, по-человечески, гуманно, что больная женщина вынуждена жить в несмолкаемом шуме и духоте?

Алибек тоже вскочил.

— Сестра, ты свои прочувствованные речи при себе оставь. Если для этого меня позвала, то хватит, я пошел!..

Вазира поняла, что брат сейчас действительно уйдет. Она же обещала себе быть сдержаннее.

— Садись-садись! Выслушай меня. Я еще главного не сказала.

От волнения и жары у нее в горле стало першить. Облизнув пересохшие губы, спросила у матери:

— Мама, чайник там у нас не вскипел?

— Вот склероз, и что же это я так... Забыла!

Зумрад Садыковна осторожно направилась на кухню.

Вазира только сейчас заметила, что пуговицы на материнском халате застегнуты неправильно, одна пола оказалась выше другой, воротник перекосялся. Боже мой, боже! Когда-то их мать была красивой, гордой, всегда изящно одетой! Самостоятельным человеком! И вот как сдала — сгорбилась, обмякла вся. Дело не только в старости. Всем своим существом почувствовала Вазира духовный упадок матери, и такая жалость появилась к ней, что пришлось все силы напрячь, чтобы преодолеть спазм, перекрывший дыхание, чтобы не разрыдаться беспомощно и безудержно.

Алибек нехотя присел на диван, процедил чуть ли не сквозь зубы:

— Ну, давай говори... меня гости ждут.

— Ты ничего не замечаешь. У мамы ведь... Она же слепнет!

В глазах Вазиры блестели слезы.

— Говорил я ей! — Кажется, и Алибек почувствовал, в каком состоянии сестра. — Сходи, говорю, к окулисту. Так она слушать не хочет. А сама на каждом шагу спотыкается. Все у нее из рук валится.

— А если видел, почему сразу же к доктору ее не повел?

— Да что я ее, как маленькую, за руку поведу?

— Что с тобой вообще происходит, брат? — Вазира наклонилась к нему и едва слышно заговорила: — Представь-ка себе, она совсем ослепнет, что ты тогда делать станешь? Мать на улицу не выбросишь. Никто

тебе этого не позволит, даже если ты захочешь ее в богадельню отдать. Заставят содержать, ухаживать. Вот тогда ты узнаешь, что значит за руку водить!

— А почему только я должен водить? Ты, между прочим, тоже дочь ей!

И такие слова после всего, что она постаралась объяснить брату?! На секунду Вазира будто дара речи лишилась. Значит, Алибек стал таким наглым, бесстыжим? Вместо кожи на нем, значит, броня непробиваемая, и все слова — и острые, и душевные, и разумно-логичные — рассыпаются в прах?..

Но и на сей раз она подавила в себе гнев.

— Я старшая у матери и побольше твоего о ее судьбе думаю. Поэтому и пришла сюда. Хочу вместе с тобой, лоботрясом, беду предотвратить!

— Поскорей к доктору ее, и все дела!

— Этим я сама займусь. Завтра же. Но ты-то хоть сколько-нибудь будешь заботиться о матери или нет? Ответь прямо.

— А что я могу?.. — пожал плечами Алибек.

Вазира поняла — проку от такого разговора не будет, если она в требованиях своих к брату не проявит настойчивость и твердость.

— Маме сейчас нужен покой. Когда ты уходишь на работу, собака действует маме на нервы, выводит ее из себя. Кстати, где ты ее взял?

— Товарищ дал.

— Какой товарищ? Он сейчас здесь?

— Да, тот, с гитарой.

— Так вот что, братец Алик, пойди сейчас к своим приятелям и объясни им, что мама заболела. Проводи всех по-хорошему. И собаку хозяину верни...

Алибек поморщился. Но тут из кухни с чайником в руках появилась Зумрад Садыковна. Он увидел, как неуверенно, будто на ощупь ступает мать по полу.

— Хорошо! Сделаю. Но больше ничего от меня не требуй. Все! — Алибек встал с дивана.

— Об остальном поговорим потом.

Встала и Вазира.

— Мама, в кухне, кажется, прохладней, чем здесь. Пойдемте туда чай пить.

Алибек какое-то время еще посидел у себя с приятелями, потом вышел из дому проводить их. Увел на поводке и собаку.

— Мама, комната ваша никуда не годится, — ре-

шительно заявила Вазира. — Сегодня же мы переселим вас в другую, ту, что окнами во двор. Там будет поспокойней.

— Ой! — испугалась Зумрад Садыковна. — Гляди, с братом потом греха не оберешься. Нельзя его вещи трогать. Скандалить начнет!

— Не бойтесь, — успокоила Вазира старушку и направилась в комнату, где недавно сидел с товарищами Алибек.

Чтобы выветрился дым, мало было настежь раскрыть окна и двери внутри квартиры; дверь на лестничную площадку Вазира запахнула тоже. Собрала окурки, пустые бутылки, обрывки бумаги и выбросила в мусорное ведро весь этот хлам.

Алибек занимал, собственно, целую квартиру в квартире: из одной его комнаты шел ход в другую, смежную, где стояли кровати. Покойный отец любил, чтобы все комнаты были отдельные, оттого и в этой спальне еще одна дверь вела в небольшой коридор-прихожую. После того как Алибек с женой заняли обе комнаты, дверь из спальни в прихожую наглухо заколотили, а изнутри заставили платяным шкафом. А уже потом Алибек прорубил из спальни ход в ту самую комнату, где пировал с приятелями и приятельницами и где гремела сегодня музыка. Вазира решила, что стоящий здесь диван больше подойдет маме, чем тот, который стоит сейчас у нее: тот — узкий, с жесткой спинкой, а этот — раскладной, пошире и поудобней.

Вазира вымыла комнату и почти всю пыль в ней вытерла к тому времени, когда вернулся Алибек. Втроем они сели за круглый стол в чистой и прибранной комнате.

— Мама, а вы заметили, что Алибек вернул собаку хозяину?

— Ой, спасибо тебе, сынок! — воскликнула искренне обрадованная Зумрад Садыковна. — Проснулась в тебе совесть, а, Алибекджан?

Алибек исподлобья глядел на женщин, но молчал. Похвалила, называется! Да и вообще не нужны ему похвалы, он в них не нуждается.

— Ваше здоровье, мама, нам всего дороже, — продолжала между тем Вазира. — Завтра суббота. С утра мы сходим с вами к глазнику.

— Далеко тебе, хлопотно будет... — пробурчал Али-

бек. — Машина-то у Аброра работает?.. А чего он сегодня с тобой не приехал?

Вазире припомнились все те язвительные слова, которых она достаточно много наговорила сегодня утром Аброру. Да, ведь она ехала к матери за помощью: отец Аброра обычно считался со сватьей!.. А оказалось, мать сама нуждается в дочерней помощи, причем неотложной. Нужно будет здесь участие и Аброра.

Утренняя ссора с мужем показалась никчемной.

Стараясь не выдать перед матерью своего состояния — раскаяния перед Аброром за резкость, надежды на поддержку мужа и в то же время не прошедшей до конца обиды на него, все вместе, — Вазира сказала:

— Занят был сегодня Аброр, завтра придет. А до того мы с Аликом должны еще одно дело сделать для вас, мама.

— Какое? — насторожился Алибек.

— Комната, где мама сейчас живет, очень шумная. Мы с тобой говорили, мучается она там, заснуть не может. А пока лето еще минет, пусть-ка она сюда переберется.

Алибек только и нашел что сказать:

— Но ведь эту комнату мама мне сама уступила!

— Ты будешь в спальне жить. Раскроем там дверь, что в прихожую ведет. А эту дверь можешь совсем заколотить. Как было раньше.

— Но здесь магнитофон с колонками, другие мои вещи!

— Если они в спальне не поместятся, вынеси в ту, где мама сейчас живет.

— А товарищи мои придут, я их что, в ту шумную комнату поведу?

— Да у тебя как было, так и останется две комнаты. Дружки посидят в комнате с балконом. Соревнование устроите, кто кого перекричит — вы улицу или она вас! — Заметив, что Алибек опять раскалется, Вазира снова, очнувшись, перешла на тон увещевания: — Вы молодые, что вам шум?! А старому больному человеку он очень вреден.

— Выходит, все лучшее — старикам, а что похуже — молодежи? Вот это и есть один из противных восточных пережитков! Молодежь только и обязана, что почтительно кланяться старикам, ступать за ними след в след, не обгоняя, доедать за ними объедки.

Да еще толковать о священных традициях, опыте отцов и дедов и прочее.

— Опять «современная теория»! — снова Вазира повысила голос. — Ты один, современный молодой мужчина, будешь занимать две удобные тихие комнаты, а больная мать пусть мучается в этой раскаленной духовке... Вот уж пережиток так пережиток!

— А не желаете, чтоб она мучилась, заберите ее к себе домой, — с хладнокровием, которое могло довести до бешенства, предложил Алибек. — У тебя тоже очень спокойная, тихая квартира — четыре комнаты!.. Она и тебе мать!

— Ну и негодяй!.. Пойдемте, мама, я вас заберу с собой. Пусть живет один как прокаженный! Дайте ему годик хотя бы пожить одному. Пусть поймет... И надо же до такого бесстыдства дойти — старостью человека попрекать! Ну и негодяй!.. Вставайте, мама, поедем к нам!

Зумрад Садыковна медленно поднялась.

— Куда же я на ночь глядя подамся? — нерешительно запротестовала она. — Ведь вас, Вазира, четверо... И привыкла я здесь, в своей квартире, столько лет... — И она заплакала.

— Тогда я переведу вас сейчас же в эту комнату!

— Не спешила бы ты так, доченька. Как-нибудь мы и сами порешим с Алибеком. Вот он пса уже увел, для меня большое облегчение.

Зумрад Садыковна привыкла не только к квартире, но и к грубостям своего сына. «Без меня с ним беда какая-нибудь приключится обязательно, обязательно... — шептала она. — Как это вдруг уйти, бросить сына одного?»

Вазира была в отчаянье.

— Сын ваш так жестоко поступает потому, что вы ему во всем без конца потакаете. Будьте построже с ним, подумайте о себе, все мы один только раз на свете живем!

И теперь уже сама Вазира расплакалась.

Добираясь через ночной город домой, она никак не могла выбросить из головы образ своей вспылчивой и сварливой свекрови. «Нет, и впрямь, видно, лучше быть как Ханифа-хола, чем такой уступчивой и безвольной, как мама».

Аброр уже несколько раз отрывался от экрана телевизора, оборачивался и поглядывал на настенные часы. Скоро десять, а о Малике ни слуху ни духу. Да и Вазира уехала к матери — как в воду канула. Вернулся Аброр с работы, а Зафар дома сидит один. Малика, спросив разрешение у матери вернуться позже, ушла к подружке на день рождения. И что только можно делать столько времени? А вдруг там и те ребята, что с утра вызванивали дочери по телефону?

На душе у него стало тревожно, и он встал. Только вышел в прихожую, послышалось, будто кто-то снаружи вставляет ключ и открывает дверь. И тут вошла Вазира. Вид у нее совсем не тот, что утром, — уставшая, расстроенная, подавленная. Она молча сняла туфли, надела домашние тапочки.

Аброр первым нарушил молчание:

— Ну как там? Ничего?

— Да-а... — Вазира неопределенно махнула рукой. — А Малика вернулась?

— Нет. Уже десять. Напрасно вы ей разрешили вернуться позже обычного.

Вот еще одна забота. Этого только не хватало! С тяжелым вздохом Вазира присела на стул около телефонного столика. Долго рылась в записной книжке и, найдя клочок бумаги, на который Малика записала ей номер телефона подружки, нервно стала его набирать.

— Алло!.. Извините, пожалуйста... Это квартира Дильдоры?.. У вашей дочери сегодня день рождения? Поздравляю!.. Я мама Малики... Дочь моя у вас?.. Поздно уже, и мы беспокоимся. Ну, конечно, конечно... Спасибо вам! А вы не могли бы Малику к телефону позвать?..

Трубку взяла Малика, и тогда Вазира уже больше не смогла сдержаться:

— Я тебе что сказала?.. Что значит «рано, мамочка»? Десять часов для тебя рано! Как это — не отпускают? Пять часов уже прошло. Хватит с тебя. Сейчас же собирайся!.. А это меня не касается! Хватит! Немедленно домой!

Со стуком бросила трубку на рычаг. Аброр стоял, опершись о дверной косяк, и не узнавал жену.

— Ханум, такая резкость может дать обратный результат. У Малики переходный возраст.

— Значит, надо потакать и уступать ей?

— Я тоже за строгость. Но разумную. Крайность способна вызвать другую крайность... Сегодня вечером мне звонила ее классная руководительница, Сабирова.

— У Сабировой тоже есть претензии к нашей дочери?

— Видишь ли, Малика осмелилась выступить на каком-то собрании с критикой своей учительницы. Педагоги требуют от учеников скромности, воспитанности, но это не значит, сказала наша Малика, что учащиеся должны придерживаться отсталых взглядов. Сабирова же мне говорит с тревогой, что за пределами школы образуются какие-то компании, некоторые мальчишки и даже девочки их школы курят, пьют вино.

— Ну, она сейчас появится, и мы узнаем, какие это компании! — раздраженно ответила Вазира, уходя к себе в спальню переодеться.

Все тело ныло от усталости. Сменив платье на легкий халат, она решила чуточку прилечь, подождать дочь. Вот-вот раздастся звонок... Но нет, звонка не было. Прикрыв глаза, она почувствовала, как неприятно кружится голова, а в ушах стоит долгий глухой гул. Перед глазами мелькают круги, и в них, будто на размытых фото, вставленных в круговые рамки, мелькали обрывки пережитых за день встреч.

Наконец раздался звонок. Дверь пошел открывать Аббор. Вазира с трудом поднялась с кровати и, застегивая на ходу халат, вышла в прихожую.

Малика почти вбежала домой, щеки у нее покраснелись, глаза возбужденно блестели. От быстрой ли ходьбы или от чего-нибудь горячительного?

— А ну, иди сюда, — бросила Вазира и повела ее на кухню.

В гостиной Зафар продолжал смотреть телевизор. Вазира села на табурет, другой поставила напротив. Вскоре появился на кухне отец, прикрыв за собой дверь. Малика почувствовала, что собирается гроза над ее головой; не присев, сбивчиво заговорила:

— Я давно собиралась уйти, а Дильдора не пустила. Шурицу поздно приготовили. Потом шашлык... А плов только готовить начали. Без плова, как положено, не отпускали...

— Зачем же вам, девчонкам, шурпа, и плов, и шашлык — такое обильное угощение да еще в поздний час?

— Мы это говорили маме Дильдоре. А она все твердила и твердила: обычай такой.

— И мальчики, конечно, были?

— Да, одноклассники наши... Я хотела уйти. Но все Дильдора... «Обижусь,— говорит,— всю компанию расстроишь!»

— Ах, у вас компания!— Вазира потянула дочь за руку, рывком усадила ее на табурет. Почувствовав запах не то вина, не то табака, спросила: — И понемножку курили? И выпивали, наверное?

Малика призналась не сразу.

— Нет, не курили и не выпивали.

— Не ври! Я знаю!

— Ну... шампанского чуточку-чуточку, мама. На десять человек одна бутылка... Капелька досталась...

— Капелька! С нее-то все и начинается. Капля камень точит!

— Но я уже не маленькая, комсомолка. Папа!— Малика стала искать защиты у отца.— Разве я не имею права в день рождения подружки...

— Погоди, погоди, Малика,— как можно мягче начал Аброр,— комсомольцы помнят не только права, тем более такие сомнительные,— они помнят и обязанности. Ты на наш обычай ссылаешься: мол, не отпускают без плова. Но есть еще более важный обычай: сдержат слово. Ты обещала маме вернуться к десяти. А сколько сейчас? Ты подружку обидеть не решилась, а нас с мамой заставила ждать и нервничать. А пить вино — разве у наших девочек бывал такой обычай? А курить?

Малика молчала.

— Сколько было мальчиков? Честно отвечай!— Лицо Вазиры мрачнело все больше и больше.

— Четверо.

— А девочек?

— Тоже четверо.

— Значит, парами собираетесь. Вы и к другим ученикам вашей школы всей компанией в гости ходите?

— Но ребята у нас хорошие... Мы вместе в комсомол вступали.

— Наверное, домой нам все время звонят они же, кто-то из этих парней?— спросил Аброр.

Малика покраснела, опустила глаза.

— Выходит, и на переменах вы той же восьмеркой

удиняетесь, чтобы посмеяться над остальными учителями?

— Что ж теперь, совсем не разговаривать?

— Кто от тебя этого требует? — оборвала Малику мать. — Ты пока лишь восьмой класс заканчиваешь! Если с этих лет начнешь компании водить, на вечеринках посиживать, вино пить, что с тобою дальше будет?

— Никаких компаний я не вожу! — вдруг взорвалась Малика. Губы ее задрожали, запрыгали, на лице выказалось настоящее страдание. — Вы ничего не понимаете! Мы все просто дружим. Почему дружить девочкам с мальчиками считается зазорным? Почему?

— Кто это считает зазорным? — спросил Аброр. В глазах у Малики заблестели слезы.

— Учительница наша, Карима-апа... На собрании Дильдору стала осуждать ни за что ни про что.

— А ты стала защищать подругу и критиковать учительницу?

— Стала! Зачем она пережитки старого защищает?

— Какие, например? — продолжал допытываться Аброр.

— Ее дочь с нами учится. И вот девочка чего-то там не сделала, что ей мама велела, или по-своему сделала, так Карима-апа зашла на перемене в наш класс и при всех дала дочери пощечину. Весь класс остолбенел... И нас она запугать хочет. Разве страхом можно заставить уважать старших? Разве такое «уважение» не пережиток прошлого? Я и сказала об этом на собрании в нашем «клубе девочек».

Вазира совсем не ожидала от дочери такого гнева. Замолчала, все смотрела и смотрела на нее, дивилась. Ее Малика, ее девочка стала выступать на собраниях, отстаивать справедливость! Значит, она и впрямь становится взрослой, серьезной. Но тут же вспомнился Вазире брат Алибек, его самоуверенные речи о «пережитках», эгоистические рассуждения о перенаселении земли... Дай сейчас Малике волю, не дойдет ли постепенно и она до подобных «теорий»? Нет, нет, предупредить, пресечь, это своеволие.

— Ты прежде всего о себе, о своем поведении думай! — сказала она. — Если Карима-апа в чем-то ошиблась, то директор школы есть, чтобы ее поправить, на недостатки ее указать. Педсовет существует. А ты всего-навсего ученица восьмого класса, и тебе еще рано о старших судить, тем более учительницу осуждать!

Выступать на собрании, подрывать ее авторитет — это невоспитанно и бестактно!.. Ну, а за то, что ты сегодня вернулась домой позже дозволенного тебе времени, да еще и вино пила, — я должна тебя наказать. Ни на какие дни рождения к подругам больше не пойдешь! И ребятам, что звонят нам домой, передай: пусть тебя больше не тревожат. Раз пошли среди людей разговоры, значит, есть на то причина. Дыма без огня не бывает! И эта компания, чувствую, до добра тебя не доведет!

— Вы почему каким-то посторонним верите? Почему не хотите мне поверить? Кариму-апу слушаете, а меня не хотите! — готовая вот-вот расплакаться, воскликнула Малика. Потом, снова обращаясь за поддержкой к отцу, спросила: — Как можно запрещать дружить?

Аброр не успел ничего сказать, как Вазира резко оборвала дочь:

— Тебе мало того, что я сказала?! В твоей компании еще и курят. Заразишься еще этим поветрием!.. Дай тебе волю... Нет, больше никаких вечеринок с мальчишками, ни единой! А попробуешь пойти хоть раз, в наш дом можешь не возвращаться! На порог не пущу — иди тогда куда хочешь!.. А сейчас ступай к себе! Все!

Малика вышла из кухни вся в слезах.

Побледнев, Вазира схватила пиалу и наполнила ее прямо из крана холодной водой. Аброр с нарастающей тревогой глядел, как дрожали у жены руки, когда она подносила пиалу ко рту, как лихорадочно блестели глаза.

— Что с вами, Вазира?.. И зачем так грубо вы обошлись с Маликой? Она же не понимает ваших опасений, она же еще ребенок.

— Не защищайте ее!.. Я сегодня сыта по горло «проблемами молодежи». Моего брата Алибека так избаловали... Мама теперь просто погибает от его распушенности и своеволия. Я сама увидела сегодня, до чего доводит родительская снисходительность. Сердце у меня кровью обливается.

— Что случилось-то? — уже не на шутку встревожился Аброр.

И Вазира стала сбивчиво рассказывать мужу, что у матери на глазу бельмо и она почти ничего не видит... что брат разрушил свою семью и катится по наклонной... что она готова была увезти Зумрад Садыковну к себе. В рассказе жены беды наслаивались одна на другую, приобретая размеры непоправимой катастрофы. Вазира

сидела опустив руки, глаза ее уставились в одну точку — полное отчаяние, изнеможение, обессиленность. Она почти прошептала:

— Что же делать, Аброр? Ах, если б мама могла быть построже с ним!.. Так нет, она все еще защищает и заступает за этого нахала и наглеца.

Аброр молча шагал по кухне из угла в угол...

Так решительно отправилась к матери за помощью, а вернулась еще более расстроенная и подавленная. Теперь, наверное, поняла его, Аброра, правоту и не будет мешать ему временно приютить родителей. Но только убедил ее не он, а жестокосердие Алибека. Не хочет быть она похожей на своего брата. И еще Вазира знала, что без помощи Аброра не выручить ей мать из беды. Да и за брата она в ответе не меньше — ведь она старшая сестра. С кем же делиться ей горестями, если не с мужем?

Аброр уже не чувствовал раздражения против Вазиры, все утреннее, неприятное выветрилось, и ему стало жаль ее.

И Вазира почти не помнила утренней их размолвки... В конце концов, не на всю жизнь приедут к ним свекровь и свекор!.. И разве не прав Аброр и в том, что резко обошлась она сейчас с Маликой, слишком строга была с ней, а девочка у них растет хорошей, честной и чистой...

Из глубины смятенного ее сознания выплыло вдруг, будто и не к месту совсем, воспоминание о встрече с Наби Садриевичем и... с Шерзодом. Его предложение стать соавтором проекта, который идет явно вразрез с замыслами Аброра. Она пыталась усилием воли отогнать это воспоминание от себя, чтобы оно не усугубляло и без того сложного, смятенного состояния ее души. Но воспоминание зацепилось за что-то такое, чего она стыдилась...

После довольно долгого молчания Аброр как бы про себя сказал:

— Да, беда и впрямь не ходит одна... Но почему же вы не поговорили с друзьями Алибека?

— До них ли мне было?! И говорить с ними очень уж неприятно. Слишком они развязны.

Аброр вспомнил, как сам однажды попробовал поговорить с ними. Даже стакан портвейна выпил, хотя крепленого вина не любил. Большинство дружков — разведенные. От жизни хотят только брать и ничего не хотят ей давать...

«Ну, ладно, — думали вместе и Вазира, и Аброр, — корни тут глубокие, а что сейчас вот делать, как вырвать Алибека из этой компании? Скажи-ка попробуй: «Дружки у тебя плохие», — так он сразу на стену полезет. Слова тут не помогут».

— Может быть, его в Фергану или Самарканд отправить с женой, ну, найти повод... чтобы как-то оторвать от дружков? — неуверенно спросила Вазира.

— А я вот думаю, сначала с Насибой нужно поговорить, — как бы размышляя вслух, сказал Аброр. — Раз они в ссоре и разводиться собираются... сперва этот узел как-то развязать. Или подтянуть — не знаю, как и сказать...

— Дома у нее телефона нет. Но я Насибу разыщу.

Решили позвонить Насибе завтра на работу. А с утра съездить к классной руководительнице Малики — и этот узел ждет, чтобы к нему прикоснулись чьи-то здоровые руки... Да, еще Вазира с утра маму к врачу должна повезти.

Аброр мысленно добавил к перечню дел и заботы своих стариков: они ведь ждут его. Он должен помочь им найти подходящий участок для нового дома... Пошла сумасшедшая какая-то полоса жизни, когда запутанные узлы все множатся. И среди них еще споры его с директором — Рахмановым. Аброр уже набросал черновик письма начальнику главного управления, думал завтра, в субботу, посидеть над ним, подумать, переписать набело. Но, видно, завтра часть дня уйдет по графе «семейные заботы». Остается для дела только ночь.

И Аброр направился в кабинет, включил настольную лампу, найдя в себе силы думать, писать, одним словом — работать.

Вазира решила не ужинать, есть совсем не хотелось. Она приняла душ, выпила холодного кефира. Устала, конечно, очень, выдохлась за день, но спать не хотелось. Стиркой она занималась обычно по субботам. Но на этот раз, зная, что суббота уже вся расписана, она отобрала часть белья и стала стирать. Спать легла уже после полуночи...

Утром в субботу Аброр отвез тещу в поликлинику на консультацию. А оттуда завез Зумрад Садыковну и Вазиру домой. Теперь очередь была за его родителями.

День становился все жарче. Вишневые «Жигули»

все раскаленной — и от знойных лучей солнца, и от расплавленного асфальта. Аброр гнал на большой скорости; нагревались шины, источая запах горелой резины.

С особой силой этот запах ударил Аброру в нос, когда он, почти в полном изнеможении, остановил машину у отцовской калитки, в тени деревьев, которые некогда посадил Агзам-ата. От Бозсу на этот раз не веяло прохладой и свежестью: запах резины победил все другие.

Рассиживаться было некогда. Аброр наспех поел маставы. Этот кисловатый суп хорошо утолял жажду. Посадил в машину отца и младшего брата. Помчались в квартал Шофайзи, расположенный за старым ташкентским районом Кукчи на северо-западной окраине города. Здесь их ждал толстый высокий человек, он знал местность, в которой хотел приглядеть себе участок Агзам-ата. Машина заметно осела, приняв еще одного пассажира, ее рессоры заскрипели. И все же — давай, давай! — снова помчался вишневый, вроде и устали не ведающий «жигуленок».

Там, где до землетрясения простирались колхозные угодья, появились теперь по-городскому тесно друг к другу прижатые дома. Жители кварталов Кашгарка и Шайхантаур, оказавшихся в эпицентре, все переехали сюда: возвели новые дома, вырастили новые деревья; некоторые по привычке окружили себя высокими глиняными заборами — дувалами. Много оставалось здесь и участков земли, не занятых или не вполне занятых под строительство. Улицы не благоустроены, а то и вообще их не было здесь, улиц. Грузный человек, который сел в машину в квартале Шофайзи, сделал Аброру знак:

— Езжайте по этой улице вон туда... Там живет аксакал, заберем и его.

Аксакал — тоже грузный, внушительного вида и веса старец — устроился на заднем сиденье. Бедный «жигуленок» так и присел.

Вдоль так называемой улицы шел ров, выкопанный для прокладки газовых труб. Проехать тут было нельзя, и Аброр начал вынужденный разворот. Вдруг послышался скрежет. Аброр вылез из кабины посмотреть, что случилось. Оказалось, выхлопная труба автомобиля, задев какой-то крупный булыжник, покорежилась. Аброр чуть слышно ругнулся и снова сел за руль.

Машина с почти касающимся земли днищем еле-еле стронулась с места.

— Будь осторожней, сынок, не спеши,— сказал Агзам-ата.

Как ни старался Аброр ехать осторожнее, ничего из этого не получилось: перегруз велик, да и дорога незнакомая. Дважды «Жигули» садились днищем на исковерканную, всю в ухабах дорогу. Аброр при ударах о землю страдал так, будто не машину бьют, а его самого. Но ничего не говорил, терпел, чтоб не думали люди, что слишком уж он болеет за свою железяку.

Так они миновали несколько вконец разбитых транспортном улиц, полупустыррей, наконец добрались до нужного места — одного из начатых и брошенных строек.

На этом участке заложен был основательный фундамент, и даже стенка поднялась на несколько кирпичей в высоту. Выяснилось, что хозяин участка внезапно умер, а вдова не в состоянии продолжать строительство. Вот потому и продает.

Агзам-ата заинтересовался участком, обошел его.

— Неправильно арыки проложены,— сказал он.— Откуда поступает вода? Далеко ли до канала?

— Нет, недалеко.

— Газа нету,— с нарочитой грустью заметил Шакир.

— Водопровод же есть,— вмешался аксакал.— Электричество тоже есть.

— А канализация? — спросил Шакир.

— Это что такое?

Шакир объяснил. Аксакал рассмеялся.

— Да сами яму выкопаете. Это вам не центр.

Аброр стоял в тени, под ширококромной урючиной. Не вмешивался в разговор, отдыхал. Ему нравился здешний воздух. Будто в поле. И тишина.

— Очень далеко от автобуса,— сказал, продолжая гнуть свое, Шакир.— Отец, если есть другие участки, давайте посмотрим.

— Есть более благоустроенные места?— спросил Агзам-ата у провожатых.

— Найдутся... Поехали, посмотрим.

Снова двинулись по ухабам и рыввинам, снова машина билась днищем о землю.

Аброр терпеть не мог эту торговлю участками,

но желание отца — закон для сына. Не пошлешь ведь старика маяться, пешком ходить по участкам.

И второй, и третий участок не пришлись по душе. Грузные пассажиры-проводники утешали: есть еще не застроенные места и вдоль речки Карасу, и в той стороне, что за концом улицы Луначарского, — вот они, адреса.

Приближался вечер.

— Отец, меня ждет Вазира, — сказал Аброр. — Она у своей больной матери.

— А, так оставим наши дела на завтра. Воскресенье завтра, и ты, наверное, свободен. Семь раз отмерь, а один раз отрежь. Верно, сынок?

— Верно. Завтра продолжим.

Аброр подвез отца домой, когда уже смеркалось.

— Брат, подождите минутку, поедем вместе, ладно? — Шакир пошел домой, быстро возвратился в праздничной рубашке, новых туфель. Аброр подвез его к театру Навои в центре города.

Брат все приглаживал свои непокорные волосы. На лице Аброра заиграла улыбка — он все понял.

— На свидание?

— Да... — сконфуженно ответил брат.

— Просто так встречаешься или всерьез?

— Да, нет... вроде у нее всерьез.

— У тебя?

— Тоже.

— Давно знакомы?

— Уже три года.

Аброр все-таки выведал у ставшего немногословным Шакира: девушка работает техником-агрономом в управлении городского благоустройства, даже знает его.

— Погоди, погоди... Отец ее переводчик, да? За границей работал? У них еще «Волга» своя, верно? Как зовут девушку?

— Нигора.

— Э, да я ее видел!.. Симпатичная...

— Вазиру-апа она тоже знает. Вы все, оказывается, учились вместе — вместе с дядей Нигоры.

— А кто этот дядя?

— Он тоже архитектор. Сейчас крупный пост занимает. Фамилия его Бахрамов.

— Шерзод Бахрамов?!

— Да, кажется, Шерзод.

Шакир ждал, что брат порадует, узнав в дяде

своего одноклассника. Но Аброр, как ни старался, скрыть огорчения не мог.

— Вот ведь незадача... Слышал, что Бахрамов хотел пристроить в кооперативном доме около нас своего родственника. Видно, для сестры и зятя лез из кожи... И мы можем породниться с этой семьей? Вот это да!

— А что, они плохие люди? — встревожился Шакир.

Аброр коротко рассказал брату о некоторых стычках, происшедших между ним и Шерзодом, этим самым омрачив Шакира.

— Я этого не знал!

— Вот ведь как в жизни бывает... Ты от него подальше, а он тут как тут. А девушка, Нигора твоя, хвалит дядю или как? Не говорила с тобой о Шерзоде?

— Говорила... Так, между прочим, конечно. С гордостью, мол, большой человек, лауреат и все такое...

— Ты будь откровенен с ней. Родственники, знаешь, это и опора для человека, а порой и груз тяжелый. А бывает, и преграда для начала самостоятельной жизни. Если вы и в самом деле любите друг друга, то вместе сумеете преодолеть всякие преграды. Я тебя не пугаю, но считаю, что лучше тебе все это прояснить заранее.

— Хорошо, что я все это узнал. Пока не поздно...

— Не будь мнительным, Шакир, не ищи недостатков дяди в племяннице. Они могут быть людьми совсем разными.

— Конечно, конечно... Ну все, я пошел.

Аброр за целый день так намаялся, что едва не задохнулся, поднимаясь по крутой лестнице на четвертый этаж, где его ждала Вазира с матерью. Такого раньше с ним не бывало. Сердце глухо и часто стучало. Не хватало воздуха.

Ну вот наконец нужная дверь и звонок без кнопки.

Аброру открыла стройная молодая женщина; в глаза бросились короткая стрижка под мальчика и ярко-красные босоножки. Это была жена Алибека — Насиба. Аброр вежливо поздоровался с ней, обрадованный, что Вазира все-таки привела беглянку домой.

В комнате было шумно: Зафар с упоением занимался машинами, подаренными бабушкой. Вазира с Насибой успели приготовить манты и теперь накрывали на стол в комнате, которую облюбовал для себя Алибек и которую у него хотела отвоевать Вазира. Большое расписное

фарфоровое блюдо — ляган — исходило в центре стола ароматным паром: манты лежали грудой, и над ними стояло аппетитное облако, особенно ясно видимое глазу голодного человека.

Аброр и был таким сверхзорким человеком.

Что до хозяйина квартиры, то сам Алибек лежал во внутренней комнате на кровати в верхней одежде и жевал чуингвам (так говорил он), или попросту резиновую жвачку (так называли ее все ташкентские ребяташки). Алибек увидел Аброра еще из спальни в полуоткрытую дверь и не спеша поднялся. Вышел к родственникам с обычным своим независимым видом, держа руки в карманах джинсовых брюк.

— Привет, почча! — и протянул руку.

Аброр нахмурился. Вазира возмутилась:

— Выплюнь эту заразу, когда с людьми-то разговариваешь!

— Много ты понимаешь, — невозмутимо сказал Алибек. — Выкинули бы лучше из своих голов пережитки. Чуингвам укрепляет зубы. Вон в институте один наш преподаватель даже в президиуме сидит и жует, потому что ему так доктор посоветовал.

— Ишь ты, предписания врачей зауважал. Так брось курить и прекрати к портвейну прикладываться.

Алибек посмотрел на Аброра:

— Видишь, почча, каждый день вот так, и по многу раз! Я же не ребенок, чтобы меня постоянно учили!

— Замолчи! — прикрикнула Вазира. Потом повернулась к двери, распахнутой в коридорчик: — Насибахон, мама, к столу, к столу! Зафар, пойдешь на кухню...

Насиба присела за дальний от Алибека угол стола; муж и жена старались не глядеть друг на друга. Значит, решил Аброр, они до сих пор в ссоре, и Насиба пришла сюда, очевидно, услышав о болезни свекрови. По доброте своей душевной... А Вазира, конечно, нарочно положила ужин в один ляган — все-таки надеялась помирить брата с Насибой.

Догадка оказалась правильной. Об этом просила дочку и Зумрад Садыковна. И Вазира уже успела поговорить с Насибой. Та не хотела развода, она все еще любила мужа. Но жить по-прежнему не могла, ибо не знала, как отвадить Алибека от дружков-собутыльников.

— Ападжан, я хочу быть матерью, — шептала Насиба Вазире, когда они готовили манты на кухне, и слезы

наворачивались на глаза молодой женщины. — Волнуюсь сейчас, но брату вашему ничего об этом не говорю. Если узнает, то снова... вынудит аборт сделать... поэтому я и ушла к матери... Соседи удивляются, всякие небыхицы про меня распускают. Будто мне не суждено матерью стать. Будто я неполноценная, как они говорят...

Вазира тем более осознала сегодня, что первый шаг к примирению должен сделать ее брат.

Вот сегодня Алибек, кажется, настроен благодушно, и она решила действовать.

— Ну как манты? — спросила она.

Братец с завидной быстротой поглощал горячие манты. Обернулся к сестре, ответил, подмигнув:

— О'кей, будь здоров!..

Когда манты были съедены, Вазира снова потянула нить своего разговора:

— Если манты — о'кей, то скажи спасибо своей Насибе. Руки у твоей жены золотые...

Алибек улыбнулся, взглянул на жену:

— Ладно... Мерси-мерси тем, кто готовил манты.

— Ну, мулла Алибек, перейдем теперь к серьезному разговору, — неожиданно для всех начал Аброр. — Вы и в самом деле уже давно не ребенок. Настала пора по-настоящему встать во главе этой семьи.

Алибек снова улыбнулся, процедил в ответ:

— Я не люблю быть начальником, главой, ответственным. Вчера я об этом уже говорил сестре.

— Каждая семья, — Аброр решил не обращать внимания на подобные реплики, — это, как говорится, лодка, плывущая по морю жизни. — С плохим рулевым и ей плохо. Морские течения могут вынести ее на камни или посадить на мель. Штормовые волны могут ее перевернуть. Неуправляемой лодке не добраться ни до какой цели. Она неминуемо потонет... Это истина.

Алибек невозмутимо почесывал бороду длинным-предлинным ногтем мизинца. Он его вырастил специально — особо его холил.

— А вы хотите этого... крушения? — спросил Аброр.

Алибек посмотрел на свой ноготь, подул на него.

— Почча! Сегодня вы здорово помогли моей матери. Спасибо, сенькью... А в мои личные дела вам нет смысла вмешиваться. Управлять своей лодкой — семейной, я имею в виду — предоставьте уж мне самому.

— Ваша лодка сидит на мели. Если ее экипаж не

спасти, он погибнет. Мать, жена... все трое вы разойдетесь в разные стороны. Я еще раз спрашиваю: неужто вы этого хотите?

Алибек бросил быстрый взгляд на мать:

— Мать от меня никуда не уйдет.

— Почему? Ей надо лечь в больницу: так нам сказали сегодня на консультации. Сначала на исследование, а потом на операцию... А после операции надо окрепнуть. На все это потребуются самое малое месяца три...

Зумрад Садыковна прервала Аброра.

— Ты подумай, Алик! Если будешь продолжать жить так, мне этого не пережить, ты можешь остаться один...

Аброр положил ладонь на ее локоть:

— Не горячитесь, мама. Давайте побеседуем спокойно. По душам всегда беседуют спокойно, только спокойно... Ну, Алибек, на минуту представь себя в моей шкуре. — Аброр говорил намеренно медленно. — Сложная у меня сейчас полоса в жизни. И на работе. И дома: то вот с Зафаром... то у Малики непорядки. Сегодня вон с утра мы уже в школе побывали. А потом, сам знаешь, по всему городу мотались — дважды в поликлинике, в глазной больнице, потом я к своему отцу поехал, у него тоже хлопот полон рот... Когда посмотрел на спидометр, то, поверишь, за день набралось около двухсот километров!.. Как, по-твоему, Алибек, ради чего все это я делаю?

— Ну ясно же, — съехидничал, хотя и осторожно, Алибек. — Чтоб добрые люди о почче хорошо говорили и чтоб мы благодарны ему были...

Аброр ответил ему в тон:

— Конечно, ты бы, Алибек, не снизошел до этой сентиментальности. По-твоему, это несовременно. Но это ведь ты — человек без предрассудков и без пережитков. А я простой смертный. Я многое делаю инстинктивно, по привычке. Если б я сегодня не сделал того, что сделал, точил бы себя, не был бы, уж извини за хорошие, но старомодные слова, порядочным человеком... Впрочем, я верю, что в каждом из нас, в каждом, есть тяга к высокому. Только кто-то карабкается туда сознательно, кого-то совесть толкает, даже если он сопротивляется ей... — Аброр незаметно для себя увлекся и вышел за пределы своих педагогических намерений. — Хочется чувствовать себя честным, порядочным специалистом на работе, достойным отцом и мужем.

добрым сыном для родителей. И еще хочется чувствовать себя,— Аброр усмехнулся,— твоим старшим братом. Ты пойми меня правильно...

— Я стараюсь. Продолжайте.

— Ташкент наш в сейсмически опасной зоне. Поэтому в домах предусмотрены соответствующие антисейсмические пояса: это такие гибкие стальные полосы, ленты, помогающие несущим конструкциям выстоять. Их не видно, они остаются под облицовкой. Но во время землетрясения, когда у многих домов штукатурка осыпалась и эти пояса обнажились, видно стало, как крепко они держали стены даже в старых домах. И хорошие семьи держатся, по-моему, чем-то таким, что напоминает эти защитные пояса. В нравственном, конечно, смысле. Прости, может, скажу, выпреенное, но... я вот убежден: все чистое, доброе, прекрасное, что мы перенимаем у родителей, наследуем у народа, все наши лучшие традиции, благородные инстинкты и привычки как раз и входят в состав этого — я назову его так — алмазного пояса.

Алибек нарочито беззаботно спросил:

— Дорогой почча, вы хотите сказать, что у нас в семье тоже должен быть такой... алмазный пояс?

— В идеале — да! Именно это я хочу сказать.

— Но алмазы... они такие дорогие. Они мне не по карману. Я бедняк...

— Бедность не порок. Но быть бедным душой... нищим духом... это страшно! Алмазы, о которых я тебе говорил, их не купить. Их добывать по крупицам надо, всю жизнь.

— Это не для меня! Понятно вам или нет? — Алибек отбросил свою мнимую невозмутимость, повысил голос.

— Понятно! Но что ты понимаешь, если говоришь, если смеешь говорить, что не сделал ничего плохого ни Насибе, ни родной матери! — Аброр тоже почти закричал.

— Ну, а что же я сделал плохого? Маме, например?

— А что хорошего ты сделал для своей матери?! Отпустил бороду? Отрастил ноготь... я вижу, ты все время заботишься о чистоте своих длинных ногтей...

Вскинулась Вазира:

— Я вчера говорила, убеждала тебя: давай переведем маму в эту комнату, где ей спокойнее жить. Сегодня прихожу, вижу — ты не желаешь уступить тихую ком-

нату. Это разве не доказательство, что ты больше заботишься о своих отполированных ногтях, чем о матери!

Алибек вскочил с места:

— Вы все против меня! Хватит! Мне надоело! Я уйду! — И выбежал из комнаты.

Аброр развел руками. У Зумрад Садыковны задергалось лицо, пошло вдруг пятнами. Вазира растерянно кусала губы, не зная, что теперь делать.

Медленно привстал Насиба.

— Раз не действуют слова, — глухо проговорила она, — давайте... будем действовать. В этой квартире я тоже прописана. По закону одна из этих трех комнат принадлежит мне. Маму, Зумрад Садыковну, я беру сюда, в эту комнату. Шумная пусть будет в резерве.

— Все правильно! — воскликнула Вазира. — Вот эта комната, где мы сейчас сидим, пусть и останется за Насибой. Сейчас же мы переведем мать сюда! — И тут же встала из-за стола.

— Думаю, решили правильно, — поднялся и Аброр.

Алибек, сидевший в соседней комнате, слышал все. Он вынул из кармана новую пачку жвачки, разорвал целлофановую обертку и начал яростно жевать.

— Как бы хуже не стало! — робко сказала Зумрад Садыковна.

— Раз большинство пришло к такому решению... Хватит уже колебаться, мама! — сказала, словно отрезала, Вазира.

Они быстро отодвинули диван в угол, внесли в комнату кровать Зумрад Садыковны.

Алибек громко расхаживал по спальне. Вазира обратилась к нему через приоткрытую дверь:

— Эй, свободный человек! Магнитофон сам заберешь или занести?

Алибек подошел к двери и начал кричать:

— Почему вы тут хозяйничаете?! Идите к себе домой и там наводите порядок!

Аброр ответил настойчиво-громко, будто вколачивал гвозди:

— Мы не хозяйничаем. Мы помогаем Зумрад Садыковне и Насибе. Мы защищаем закон. А он защищает справедливость... Севшую на мель лодку надо с нее стащить!

— Тогда я уйду отсюда! Найдутся девушки! Даже с квартирами!

— Циник, дрянь! — крикнула Вазира. — Если тебе не стыдно продаться за квартиру, убирайся!

Алибек ворвался к ним, пробежал по комнате, ногой распахнул дверь, миновал коридорчик, открыл наружную дверь. Потом с силой хлопнул ею и исчез.

— Вазираджан, зачем мне нужен этот скандал? Лучше жить спокойно впроголодь, чем со скандалами сытым...

— Будьте тверже, мама!

— А если твой брат что-нибудь сделает над собой?

— Алибек сделает, да? — зло засмеялась Вазира. — Самовлюбленный эгоист, которому ноготь дорожке всего на свете?

Насиба усмехнулась горько-горько:

— Сейчас побежит к собутыльникам. Портвейн вернет ему душевное равновесие... Давайте откроем и вон ту дверь.

Отодвинули шкаф в спальне, открыли дверь (еще отцовскую) в коридор. С двух сторон занесли в Алибекову комнату («Нашу спальню», — горько подумала Насиба) вещи непутевого сына и мужа, снова задвинули шкаф — в обеих комнатах получились теперь отдельные входы. Удивительно быстро. Да и много ли вещей было у Алибека...

Вазира обняла невестку, прижала к себе:

— Насибахон, милая! Маму свою доверяю вам. Защитите ее, умоляю.

Горько было на душе Насибы, горько. Алибек ушел к своим собутыльникам. Это еще полбеды. Но есть ведь и девушки, ни перед чем не останавливающиеся. Угроза Алибека не пустая. Сойдется с какой-нибудь из них. Тогда что будет делать она, брошенная мужем Насиба?

— Вазира-апа, кажется, мы с вашим братом не помиримся, — сказала она. — Вся моя надежда была на вас. И на заводе в свое время пытались добрые люди его уму-разуму научить. Но без пользы. А теперь и вас он не послушался. Видно, к разводу... лодку нашу несет.

Насиба посмотрела на Аброра. Вазира тоже. Зумрад Садыковна тихо, ни на кого не глядя, плакала.

— А если его уговорить работать в другом городе? — как-то безнадежно спросила Вазира.

— По своей воле Алибек ни за что не поедет в другой город, — ответил Аброр. — Да и вообще не захочет

менять свой образ жизни. Снова сюда вернется и будет портить всем жизнь... Один только выход я вижу — надо, чтобы его призвали в армию! Военская дисциплина — великое начало — научит уму-разуму. Я помню: в армии мы не таких «героев» видали — ой-ей-ей, а после пяти-шести месяцев службы и они начинали задумываться и тосковать по дому. Вот так постепенно начинали понимать кое-что в жизни...

Аброр говорил, а думал о том, что же он скажет в военкомате, где ему покажут прощение об отсрочке от призыва.

— С военными людьми разговаривать нелегко, но попробую. Если я скажу, что невестка будет ухаживать за матерью, они ведь потребуют доказательств. Пойдете в военкомат, Насибахон? Не станете возобновлять свою просьбу, Зумрад Садыковна? В одной лодке надо всем держаться вместе, дружно.

— Насибе не стоит ходить туда, — сказала Вазира. — Алик узнает, трудно им будет потом помириться.

— Тогда принесите мне свой паспорт, Насибахон, и если есть какая-нибудь справка с места работы, прихватите тоже.

Насиба, преодолевая предательскую дрожь в коленях, открыла сумку и протянула Аброру и паспорт, и удостоверение с места работы. Она рисковала, но выхода другого не видела.

А она еще любила непутевого Алибека.

В кабинете Садриева за длинным столом, установленным вдоль стены, собрались специалисты. Во главе стола место было свободно, рядом сидел внушительных габаритов человек в очках — один из руководителей городского управления по благоустройству. Аброр занял место неподалеку от него. Собрались обсудить спорные вопросы, возникшие между Агзамовым и Рахмановым. Правда, сам Сайфулла Рахманович прибыть на дискуссию не смог, прислал вместо себя Яминова, своего заместителя, — толстоватого, лысеющего и, судя по тому, как он сейчас рылся в бумагах, весьма нервозного человека лет пятидесяти. Рядом с Яминовым сидела Вазира. Поддержав предложения Шерзода Бахрамова, она сумела на сей раз помочь и Аброру. Это по ее просьбе Наби Садриевич прочел соображения, изложенные Аброром в специальной докладной записке, и решил их сегодня обсудить.

За своим небольшим рабочим столом Садриев закончил телефонный разговор, плавно положил трубку на рычаг, так же спокойно нажал кнопку селектора:

— Антонина Ивановна! В течение получаса прошу никого ко мне не пускать. И по телефону ни с кем не соединять.

Садриев подошел к длинному столу, сел в свое кресло, придвинутое к торцовой части продолговатого стола.

— Ну что же, начнем... Товарищ Яминов, вы представитель дирекции института, в то же время один из соавторов институтского проекта. Прошу. Коротко, суть дела.

Яминов начал со значения перестройки Ташкента, с высокой оценки, которую получила их работа в Москве, с высказываний представителей различных стран о центре Ташкента. Бумаг перед ним лежало много, читал он медленно.

— Эти размышления оставьте для какого-нибудь торжественного собрания, — прервал его Садриев, — пожалуйста, переходите к существу обсуждаемых вопросов.

— Тут вот... товарищ Агзамов предлагает внести в наш проект значительные изменения, — запинаясь, заговорил Яминов. — Если мы примем его предложения... то на площади Ленина... то есть предложение увеличить посадки деревьев местных видов. Они, Агзамов говорит, дают больше тени... Такие деревья в каждом кишлаке, в каждой махалле растут. А наша центральная площадь, это уже товарищ Рахманов говорит, должна быть особенной, во всей Средней Азии не будет подобной! Мы должны руководствоваться этой, как вы сказали... сутью. Поэтому я не могу присоединиться к Агзамову.

— Просьба к вам — покороче! — сказал Садриев, предоставляя затем слово Аброру.

— После землетрясения вдоль Аллеи парадов были высажены чинары. Посмотрите сейчас: за какие-нибудь семь лет они вымахали под стать двухэтажным домам, дают вокруг себя густую тень. Еще через несколько лет чинары станут величественными деревьями, достойными нашей центральной площади. Почему, спрашивается, мы не должны высаживать их и дальше? Только потому, что они «местный вид» флоры?

— Я не чинары называл «местным видом»! — покраснев, бросил реплику Яминов. — Я имел в виду тополя и тальник.

— Не надо пренебрегать и тополями, и тальником. В России тальник чаще всего — это заросли мелкой вербы, ивняк; у нас они бывают довольно высокими, — продолжал Аброр. — В кишлаках, махаллях, вдоль дорог — у нас эти неприхотливые деревья всюду, они прошли, можно сказать, испытание временем. Пять-шесть лет назад мы перестали сажать тополя из-за их пуха, видите ли. Воздали должное дубам, т.е. Конечно, эти благородные деревья нам очень нужны. Но пока они подрастут до того, как начнут давать густую тень, проходит десять — пятнадцать лет. Кроме того, саженцы дуба и чинары очень нежные, чуть больше припечет солнце, они засыхают. А тополь и тал растут очень быстро. Некоторые породы — по пять метров в год. Чем плоха тень тополей и верб, особенно пока ждать приходится, когда вырастут чинары и дубы?.. Поэтому я и предлагаю: в той части площади, которую наш институт сейчас проектирует, кроме красивых елей высадить и чинары, и плакучие ивы, и лучшие сорта тополей. Пусть не пустует и прибрежная часть площади, примыкающая к Бозсу. Ведь людям везде кислород нужен!

Садриев слушал и утвердительно кивал головой. Аброр решил сказать и о скамейках — ясный, кажется, вопрос, да вот директор поднял его на высоту «принципиальных» разногласий. Он, Аброр, недавно был свидетелем необычного явления. Кто не знает в Ташкенте площадь Иски Джува, ту, где установлен памятник Михаилу Ивановичу Калинин? Место высокое, прохладное, ветерок продувает, место тенистое, ну потому и стояло там несколько скамеек. Ничем не примечательных. Но достаточно удобных и, главное, нужных. Пенсионеры, рабочие после смены отдыхали на них, беседовали, читали газеты, просто дышали свежим воздухом... Недавно Аброр проходил по этому скверу. В самое жаркое время дня. И видит — старые люди прислонились к стволам деревьев, сидят прямо на земле. Скамеек нет. Заметно по развороченной почве, что железные скамейки выдирали с большим трудом. Аброр обратился к двум старикам, что сидели под чинарой, подстелив под себя газеты: «Что случилось, куда скамейки девались?» Оказывается, какие-то пьяницы по

ночам облюбовали эти скамейки для своих попоек, шумели, нарушали, словом, общественный порядок. Участковый несколько раз гонял их оттуда, но сие мало помогало. И тогда прибыл автокран, скамейки выдрали «с корнем». Так вот за безнравственность некоторых были наказаны... скамейки... и наши уважаемые старики.

Все рассмеялись.

— Послушайте, что дальше было, — продолжал Аброр. — Хорошие люди, привыкшие отдыхать на этих скамейках, пошли с жалобой в райисполком. «Разве это называется борьбой за порядок? — спросили они. — Вместо забудыг наказали нас!» Вскоре по распоряжению райисполкома скамейки привезли обратно и даже покрасили заново... Какой вывод следует из этой эпопеи? Комментариев, вероятно, не надо.

Аброр заметил, что его слова многим пришлись по душе. Почувствовал это и Яминов, лихорадочно зашуршал бумагами, не зная, как возразить, если уж к рахмановским «идейным мотивам» тут, оказывается, не прислушались.

— У меня к Яминову, представляющему проект в целом, есть такой вопрос, — сказал Садриев. — Если принять предлагаемые Агзамовым изменения, то насколько увеличатся расходы при осуществлении проекта?

— Точного расчета еще нет. Приблизительно...

— Приблизительно нам не нужно. — Садриев обернулся к Аброру: — Вы, Агзамов, инициатор, вы подсчитали?

— Да, расходы по составлению рабочих чертежей уточненного проекта в среднем увеличиваются на пятьсот рублей.

— А по строительству?

— Расходы по осуществлению проекта уменьшатся. Это объясняется тем, что предусматривается сохранить определенное количество старых деревьев, дубов преимущественно, имеющих очень глубокие корни и не нуждающихся в орошении. К ним не надо прокладывать трубы.

Садриев посмотрел на сотрудницу, которая вела протокол, — успевает ли она записывать. Потом медленно произнес:

— Итак, вывод напрашивается следующий: проект Аллеи фонтанов на площади Ленина, представленный институтом, принимаем. С изменениями и уточнениями,

которые предлагает архитектор Агзамов. — Увидел, как помрачнел Яминов. Спокойно, доброжелательно добавил, что в основе своей общий проект не меняется, что касается «зеленого обрамления», то пусть будут и ели, и сосны, и плакучие ивы, и чинары, и дубы. В тенистых местах площади, своеобразных островах для отдыха населения, безусловно, нужно установить удобные скамейки. — Я согласен, что деревья, подобные карагачу и тополю, нельзя считать «кишлачными». Вдоль канала площадь с архитектурно-градостроительной точки зрения еще не освоена. Имеет смысл высадить здесь ряды тополей. У них есть еще своя особенность: когда воздух раскален и неподвижен, ветви деревьев замирают, не шелохнутся. Кроме тополей! Даже когда солнце в зените, листья тополя потихоньку колеблются...

— Народ так и называет тополь — «дерево, притягивающее к себе ветерок», — произнес кто-то за столом.

— Вот именно, — подтвердил Наби Садриевич. — На листья тополя не садится пыль, они узкие и гладкие, сами себя очищают. Поэтому в тени тополя человек отдыхает спокойно, с наслаждением... Но, конечно, и тополь надо сажать разумно. Тут Яминов в принципе прав...

Садриев посмотрел на снятые с запястья и положенные на стол наручные часы. Тридцать минут прошло.

— Будем закругляться, товарищи?.. Значит, Агзамов сдает все рабочие чертежи в прежний срок. Расходы, связанные с его предложением, надо покрыть за счет плановой экономии. Отдельные детали общего проекта поручить товарищу Яминову, еще и еще раз уточнить в самом институте в процессе работы. Когда увижу Сайфуллу Рахмановича, скажу ему о том же. Впредь не будем, товарищи, увлекаться дискуссиями — сроки не позволяют. Большие дела надо делать в согласии. Верно говорю, товарищ Агзамов?

Яминов ушел из главного управления в одиночестве.

В райвоенкомате второй отдел — а в его ведении находился призыв в армию молодежи, получившей высшее образование, — возглавлял майор, молодой, высокий, подтянутый человек с несколько усталым выражением лица и внимательным взглядом.

— Товарищ майор, я пришел к вам по делу... необычному.

Представившись, Аброр коротко рассказал о поведении Алибека и о том, как переживает это вся семья.

Майор тут же нашел в картотеке документы Алибека Бадалова.

День был очень жаркий — сорок два градуса в тени. Аброр то и дело вытирал лицо и шею платком. А молодой майор в сапогах да еще в португее через плечо, казалось, не замечал жары вовсе. Он спокойно перелистал бумаги в папке Алибека. Вытащил ту злополучную с просьбой не призывать его в армию из-за болезни матери.

— Алибек Бадалов, товарищ майор, хочет разводиться с женой. Хотя жена и прописана в этой квартире, но она какое-то время не жила со свекровью, ушла от мужа. Но официально развода до сих пор нет. И скорей всего не будет. Невестка вернулась, со свекровью будет жить... Муж, Алибек, ушел сейчас из дому. Но думаю, что ненадолго... Отсрочка от призыва кончается. Невестка обязуется присматривать за Зумрад Садыковной... Спасая Алибека, сумеем, может быть, и семью спасти.

— Вы правильно сделали, товарищ Агзамов! Разрешите вам сказать это... Вы свой гражданский и человеческий долг правильно поняли! Отсрочка его вот-вот кончится. Так что на днях получит повестку.

...Спустя два дня в райвоенкомате появился Алибек, вызванный повесткой.

Майор бросил внимательный взгляд на длинящиеся волосы парня, на его бородку и руки.

— Садитесь, Бадалов. Вот на этот стул... Где работает ваша жена?

— В школе. Учительница.

— Живете втроем, вместе с матерью?

— Да.

— Почему вы представили справку о том, что посмотреть за вашей больной матерью некому?..

— Не я представлял, мать представила.

— Вы заставили мать это сделать, а сами спрятались за ее спиной.— В голосе майора прозвенел плохо скрываемый гнев.

— Я не прятался!— с раздражением воскликнул Алибек.— У меня были особые обстоятельства, которые не хочу здесь излагать.

— Я знаю эти обстоятельства...

— Это мое личное дело!

Глаза майора словно огнем вспыхнули:

— Младший лейтенант запаса Бадалов! Встать!

Алибек проходил военную подготовку и что такое воинская команда — знал.

Бадалов быстро встал со стула. Энергично поднялся из-за стола и майор. Еще более жестким голосом скомандовал:

— Смирно-о!.. В соответствии с советскими законами за уклонение от воинской службы вы, Бадалов, должны быть отданы под суд... Статью и срок знаете?

Наполовину заросшее бородой лицо Алибека побледнело.

— Товарищ майор, я не уклоняюсь от военной службы.

— А эта дезертирская справка?

— Я не дезертир!.. Товарищ майор, я... готов служить...

— Отставить разговоры! В течение двух часов постричься. Бороду сбрить. Обрести облик человека, призывающегося в Советскую Армию! Как поняли?

— В течение двух часов... Обрести облик призывающихся в армию...

— Как надо отвечать командиру?

— Есть, товарищ майор.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Если бы вишневые «Жигули» могли говорить! Они бы в это лето непрерывно жаловались на свою судьбу и даже кричали «караул!».

Ручной тормоз все еще не исправлен, искорежена выхлопная труба, померк блеск на крыльях капота. Аброр никак не мог выбрать время привести машину в порядок. Он гонял ее без отдыха, да и себя не жалел.

Раза четыре пришлось ездить из одного края Ташкента на другой, с юга на север, с востока на запад, пока наконец не удалось найти сносный участок для отца с матерью. Цена оказалась вполне доступной, сам участок располагался в довольно тихом и уютном месте, к тому же неподалеку от воды, на высоком берегу Бурджара.

Сбросив с себя эти хлопоты, пожалуй самые тяжелые, Аброр поздно вечером вернулся домой, где его новыми заботами встретили дети.

— Папа, Алишер едет в «Первое мая». И я хочу в «Первое мая». А в «Зорьку» не поеду!

В детской комнате Вазира, просматривая заранее составленный список, собирала вещи Зафарчика для пионерлагеря. Малика свои вещи уже собрала.

— Это что за «Первое мая»? Где это? — спросил Аброр сына.

— За Чимганом. Мама знает.

— Они хотят поехать в горы, — объяснила Вазира. — А в нашем управлении путевки только в «Зорьку», под Ташкентом. Туда Малика тоже не хочет ехать.

Малика подтвердила:

— Из этой «Зорьки» убежим! Что за лагерь — город и город...

Издерганный за день Аброр прикрикнул:

— Хватит болтать! В какой лагерь есть путевки, туда и поедете!.. — И пригрозил Малике: — Будете лето сидеть дома.

Дети притихли. Вазира почувствовала, что у мужа нервы на пределе, и поспешила на кухню.

Спасение наше от всех бед — чай. До еды — чай, после еды — чай, без еды, вместо еды... Прихлебывая душистый напиток, несколько успокоившийся после душа, Аброр рассуждал:

— Всем-то надо угодить! Всем что-то должны сделать, на просьбу чью-то откликнуться... Там родители выбирают участок. Здесь дети выбирают лагерь.

Вазира поставила перед мужем глубокую тарелку супа, заправленного кислым молоком.

— Когда есть из чего выбирать, люди выбирают. Хуже, когда нет выбора.

— У нас с тобой нет выбора... Снова обивай пороги, проси путевки! Наверное, и по твоему списку мы еще должны уйму вещей купить в магазинах?

— Да, Аброр-ака, не без этого... Приехали бы вы пораньше, еще один маршрут пришлось бы сделать в «Детский мир». Одежда для походов... Парадная форма... Кеды, тапочки — все надо обновить.

— Как мне все это надоело!

Аброр, не доев суп, встал с места.

Душно, очень душно... Бетонные стены дома целый день впитывали жар, раскаляясь, будто поверхность

нечи, а вечером и ночью источали его — в квартире духота-духотища. Чуть ли не все двадцать четыре часа. Аброр открыл все двери и окна, долго проветривал комнаты. Но так и не смог заснуть до двух часов ночи. Двор на берегу Бурджара, помост во дворе под тенистым урюком — вот где прохладно! И в Чимгане сейчас, куда собираются на отдых его дети, свежая, даже бодрящая прохлада! Самые дорогие люди стремятся в хорошие места, на природу — ну как же им не помочь? Кто, если не он, поможет?

Эта мысль незаметно примирила Аброра с предстоящими новыми заботами, и он заснул.

А на другой день, когда пришлось после работы бегать по магазинам, им снова овладело раздражение. На всех и вся. Даже машина раздражала. Ему казалось, не слушалась руля. Рычаг не переключался на нужную скорость. И руки не подчинялись шоферу... Машина вихляла, двигалась неровно, будто новичок сидел за рулем.

Как бы там ни было, а «жигуленок» и на сей раз выручил. Без него Вазира не закупила бы необходимого детям для лагеря всего за три вечера. Правда, будут или не будут путевки в Чимган, не было известно чуть ли не до часа отъезда. Лагерь принадлежал другой организации, и лишь перед самой отправкой автобусов с детьми Вазире наконец продали две горящие путевки — их держали для детей каких-то важных товарищей, но они тоже, может быть, поменяли их на другие места отдыха.

Оформление путевок требовало времени, автобусы уже ушли, и Аброру теперь предстояло отвезти детей вдогонку опять же на безмолвном, многострадальном «жигуленке».

Путь неблизкий... Перевал через Чимган... Серпантин на двухтысячечетровой высоте. Уйдет весь остаток рабочего времени на поездку. А в мастерской его ждут неотложные дела, сроки сдачи рабочих чертежей поджимают. Он усадил в машину детей, поехал к себе в институт, отпросился там с условием, что дела, которые надо было сделать сегодня, он заберет домой и снова наверстает за ночь.

Подхватили по дороге маму — Вазира тоже отпросилась у своего начальства. Ну конечно. Наби Садриевич не может ей отказать! Поехали... Перевалы, жару, серпантин, плохое настроение — все преодолели, за два часа доехали до «Первого мая».

Здесь прохлада. Склоны гор блестят. В чистом воздухе будто каждый кустик, каждый камень излучает свет.

Вазира пошла с детьми к начальству лагеря. Аброр вытащил из багажника складной брезентовый стульчик, устроился в тени. Смотрел на снежные вершины гор, которые хранили тишину и вековое спокойствие... Напряжение, однако, не спадало. Во всем теле он еще ощущал скорость движения машины, ее нескончаемое кружение на серпантинах; суета города не отпускала его, хотя внешне казалось, он был спокоен и расслаблен.

Вазира возвратилась и, взглянув на часы, заторопила:

— О, уже больше четырех! Давайте-ка, Аброр-ака, поехали.

— Посидим немного, посмотрим на горы, ханум... В багажнике есть еще один стульчик. Достать?

— Я вдоволь налюбовалась горами по пути сюда. На обратном пути еще насмотримся.

— То мельканье, дорогая моя ханум...

— Ну вот, опять вы недовольны. Раньше люди на конях добирались сюда за два-три дня из Ташкента. А вы...

— А я завидую им. Они двигались с утра до вечера, не спеша, наслаждались красотой природы, на привалах размышляли о жизни, о вечности... А мы теперь мчимся, мчимся, мчимся, и эти горы проходят стороной.

— Ну ладно, ладно, философ, я должна успеть на работу, а вечером сходим к матери.

— Вот и вы, ханум, все куда-то мчитесь, мчитесь. — Аброру не хотелось подыматься и снова садиться за руль.

— Уже без малого пять, мама ждет. А вечером вы ведь еще хотели поработать дома!

И снова в путь, снова помчались по горным дорогам.

Когда они спустились к Бостанлыку, руль вдруг начало тянуть вправо. Аброр остановил машину на обочине, вышел посмотреть, не ослабло ли крепление переднего колеса. Нет, с креплением было все в порядке, но с левого переднего колеса потихоньку стекала тормозная жидкость. Понятно. Из-за того, что тормоз левого колеса не держал, машину при нажиме на педаль заносило вправо.

— Нашей спешки не выдерживает даже железо! — буркнул Аброр жене, которая тоже вышла из машины.

Аброр осмотрел и остальные колеса. Тормоза их еще держали, только сильно перегрелись. Аброр поднял крышку капота, в пластмассовом цилиндре тормозной жидкости оставалось на доньшке... Если не держит один из тормозов, но держат другие, ехать можно.

Аброр залил цилиндр тормозной жидкостью из бутылки, припасенной для подобных случаев, и, махнув рукой, сел за руль. Двинул дальше.

Он надеялся как-нибудь добраться до Ташкента.

Вдруг перед машиной (дорога шла по высокому берегу реки Чирчик) выскочил теленок и побежал, задрав хвост, поперек дороги, по диагонали. Аброр со всей силой нажал на тормоза. И сразу сообразил: ошибка, он сделал ошибку! Когда выходит из строя тормоз одного колеса, никак нельзя жать так сильно. Машина качнулась, краем правого борта зачиркала по земле, сошла с асфальта и продолжала двигаться к обрывистому речному берегу... Слава аллаху, гравий гасил это движение. Аброр резко отпустил тормоза, уцепился за руль, завертел-завертел им. Теперь стоп!

Машина остановилась у края обрыва.

В лице Аброра ни кровинки. Еле слышным голосом спросил:

— Дайте... воды.

Вазиру бил озноб. Она обернулась, из чехольного кармана, приделанного к спинке переднего сиденья, вытянула бутылку. От той воды, что они утром взяли в путь для детей, осталось совсем чуть-чуть. Вазира зубами (руки не слушались) вытащила пробку.

Аброр глотнул и ладонью вытер губы.

— Еще метр — и мы бы полетели в Чирчик.

— Но почему так... вдруг?

— Это все из-за тормозов.

— Что же будем теперь делать?

— Если хотим жить, надо тут же исправить тормоза. Понцем мастера. Бостанлык тут рядом... рай-центр.

Аброр осторожно повел машину. Въехали в рай-центр. Пока они нашли мастерскую, расспросив множество людей, солнце склонилось к закату. Мастер по ремонту уже ушел домой. Аброр посадил в машину молодого парня, согласившегося показать дорогу к мастеру, и еще долго, осторожно и медленно, ехал,

пока добрался куда было нужно. Пожилой мастер осмотрел колеса.

— Тормозами заниматься не имею права, — сказал он поначалу. — В Ташкенте это сделают в мастерских, куда вы прикреплены. А тут... Видите, пломба. Если кто-то ее сорвет, то потом мастерские вас обслуживать не станут.

— Знаю... Но не могу же я эту колыхагу на плечах нести до Ташкента. Там ведь тоже люди. Объясню, что случилось это на дальней дороге. Сделайте, пожалуйста, прошу вас.

Наконец мастер сдался. Что надо — сделал.

Теперь машину не заносило. Но Аброр ехал с чрезвычайной осмотрительностью. «Хватит мчаться! Хватит вечной спешки! — говорил он себе. — Доберемся домой благополучно, так разобьюсь в лепешку, но в эту же субботу займусь машиной всерьез, отдам в мастерскую».

Осуществить это благое намерение Аброру, однако, не удалось: переезд родителей пришелся как раз на субботу.

Боже ты мой, сколько же добра накопилось! Всякие ведра, казаны, корыта, железные кровати, столы и столики, деревянные лестницы, даже старые коромысла, уже не нужные при водопроводе, — ничего не хотела оставлять в покидаемом дворе Ханифа.

— Ну что вы будете на третьем этаже делать с коромыслом, мама? — раздражался Аброр. — Зачем нужна керосиновая лампа?

— Делай свое дело, а я буду — свое... Мало ли что? Все это может понадобится, — возражала Ханифа-хола, загружая машину.

Родителям Аброра Вазира отвела комнату с балконом; диван, стол и стулья выносить в другие комнаты не стали, так что старики въезжали, в общем-то, на готовое. Им оставалось захватить с собой постельные принадлежности, одежду да посуду. Остальное имущество было нагружено на грузовик и отправлено к родственнице, которая жила в пригороде; туда же отправились два барана, предназначенные для свадьбы Шакира. Агзам-ата попросил Аброра отвезти большие деревянные пары и две железные кровати сразу на новый участок — пусть постоят во дворе у соседей... Конца не было пиалам и чашам, разных размеров чайникам, бес-

численным кастрюлям и кастрюлькам. Ханифа-хола желала забрать их все. Пришлось взять большую часть. Аброр нагружал завернутой в бумагу посудой картонные коробки разных размеров, багажник и салон «Жигулей» быстро наполнялись этими коробками. От раннего утра до полудня в субботу безответная машина сновала между старым отцовским участком и квартирой Аброра. Вслед за посудой поехали подушки, одеяла, ковры и коврики.

Поднимать на третий этаж коробки, узлы, чемоданы Аброру помогали соседские молодые парни. Уже к обеду Аброр устал до дрожи в коленях. Неприятная тяжесть скапливалась в левой стороне груди, будто только сейчас он стал ощущать сердце.

Комнаты и коридоры в квартире до отказа забиты всяким хламом. Вазира взмолилась:

— Уже негде по-человечески жить, Аброр-ака, хватит, больше ничего не привозите!

Аброр организовал второй грузовик, чтобы отправить тяжелые вещи к сестре на Кукчу. А Ханифа все подтаскивала и подтаскивала к «Жигулям» какие-то мешочки и узелки.

— Оставьте место хоть для самих себя... Отец, да скажите вы маме — не влезете ведь!

Агзам вырвал из рук Ханифы узел с каким-то тряпьем, кинул через борт в кузов грузовика.

И дом, и двор опустели.

Аброр пошел в конец двора, остановился на берегу. Разрушается махалля, сносятся старые строения, развал кругом, а река Бозсу по-прежнему красива, свежа и прохладна. Аброр вдыхал чистый воздух и с тоской думал о том, что жизнь, проведенная им около Бозсу, уже никогда не вернется, даже некуда теперь будет приезжать, чтоб прикоснуться к природе, к этой вечной ташкентской реке, с детства такой родной. Он будет преобразовывать, обновлять Бозсу. И тосковать по тому, что было.

Тяжелый комок подкатил к горлу.

И Ханифа в последний раз вошла в опустелые комнаты своего дома.

— Боже! Кто здесь зажжет теперь свет? — И заплакала. — Коли души умерших явятся сюда... А мы...

Продолжая беззвучно плакать, Ханифа вышла из дому во двор, приблизилась к очагу, по краям которого были положены заранее обернутые ватой щепочки. Вы-

лила на них из бутылки остатки масла. Чиркнув спичкой, подожгла.

— О аллах, пусть души умерших не гnevаются на нас! И пусть там, где мы будем жить, не погаснет огонь!..

Во дворе перед домом Агзам-ата, Аброр, вернувшийся с работы Шакир уселись на корточки в ожидании, когда Ханифа-апа закончит заклинание. Агзам-ата, в свою очередь, пробормотал нечто вроде молитвы в память отцов, дедов, прадедов, некогда здесь живших.

— Аминь!— Все провели ладонями по лицам и встали.

Пора было ехать. Они покинули дом, двор, а щепочки у очага все еще продолжали гореть.

Сам не свой Аброр сел за руль...

Машина была забита до отказа. Всюду — мешочки, свертки, кульки. Ханифа на заднем сиденье еле-еле могла повернуться среди узлов и сумок. Чугунные посуды и алюминиевые кастрюли в багажнике позванивали. Шакиру места не хватило, и он уехал на грузовике.

Солнце только что село, душный зной не спадал. Кругом множество народа: измученные жарой, люди не желали сделать нескольких шагов, чтобы дойти до перехода. Переходили улицу где вздумается.

Вперед Аброра шла крытая грузовая машина. Перед глазами плясали огромные буквы: «Мебель». Тащиться за ней у Аброра не хватило терпения. Он повел «Жигули» влево, включил лампочку правого поворота-обгона. Посмотрел вперед. Издали шел навстречу, и очень быстро, огромный «Икарус». Аброр посчитал, что успеет обогнать мебельный фургон.

Нажал на газ... Пот заливал глаза. Хотел протереть глаза ладонью, но пальцы были мокрыми.

Аброр дважды провел правой ладонью по рубашке сверху вниз. Протер глаза... «Жигули» шли пока рядом с «Мебелью». Аброр ошибся: машина-перевозчик оказалась не обычным фургоном — она была длинная, как рефрижератор. Притормози сейчас Аброр — и «Икарус» свободно и спокойно прошел бы своим путем. Но Аброр решил во что бы то ни стало обогнать «мебельщика».

«Икарус», раскачиваясь, приближался. «Заденет — расплющит!» — подумал Аброр. Шофер «Икаруса» начал яростно сигналить. Руки и ноги Аброра будто сами сделали то, что надо: крепко вцепились в баранку, нажали на газ.

Маленькие «Жигули», обгоняя «Мебель», успевали выскочить из опасной зоны сближения двух больших машин. И тут-то вдруг перед «Жигулями» возникла женщина с большой хозяйственной сумкой — она перебежала улицу. Мебельная машина показала ей неопасной, а «Жигули» она не видела.

О собственной жизни, об отце и матери, которые сидели рядом, в этот миг он не подумал... Чтобы не сшибить женщину, он резко повернул руль вправо. Женщина с клетчатой сумкой мелькнула перед его глазами очень близко. «Жигули» прошли в считанных сантиметрах от нее, но при обгоне «Мебели» из-за резкого поворота вправо «Жигули» не смогли оторваться на нужное расстояние, бампер «мебельщика» стукнул по заднему крылу «Жигулей». И словно что-то взорвалось внутри машины, а тело Аброра будто обожгло.

Уже почти ничего не осознавая, не различая вокруг, он повернул машину к обочине дороги и остановился. «Мебельщик» тоже остановился чуть сзади, у тротуара. Придя в себя, Аброр оглянулся и увидел испуганных отца и мать. Сидят они, подавшись друг к другу, живые-невредимые.

Аброр быстро вылез из кабины. Оказалось, что правое заднее крыло погнуто, много вмятин, несколько трещин. Наделал дел «мебельщик»!

Шофер «Мебели» открыл дверцу, но продолжал сидеть в кабине. Аброр накинудся на него:

— Ты увидел женщину раньше, чем я! Почему же не тормозил?!

Сидевший в кабине шофер, сравнительно молодой парень, взялся за клеенчатый козырек спортивной шапочки и приподнял ее.

— Эй, ака, скажите лучше спасибо. А кричать нечего... Если б я не тормознул, вся ваша правая сторона полетела бы к черту... Вызывайте милицию! — вдруг вскинулся шофер. — Я еще и виноват... Где я нажал на тормоз, пусть установят по следу!

Как водится, вокруг начал собираться народ. Появился, словно из-под земли вырос, автоинспектор с планшеткой через плечо.

— Кто водитель «Жигулей»? — спросил он грозно.

Аброр предстал перед почерневшим на солнце рослым инспектором. Милиционер приложил руку к фуражке:

— Сержант Тухтасынов. Ваши документы!

Отдать документы просто, а получить обратно? К тому же с «дыркой», имеющейся в талоне?

Пока Аброр, вздыхая, вынимал из заднего кармана брюк желтый бумажник, доставал шоферскую книжку и техталоны, Агзам-ата освободился от мешочков-узелочков и тоже вылез из машины.

— Сынок, родной, поверьте, — заговорил он, обращаясь к инспектору. — Аброр спасал эту женщину и потому ударился... Он сумел повернуть, авария спасла женщине жизнь. Я видел своими глазами!

Инспектор посмотрел на «дырку» предупреждения.

— И раньше вы нарушали правила, просечку вот получили, товарищ Агзамов.

Аброр огляделся по сторонам: так-с, нигде нет знака, запрещающего обгон.

— Товарищ сержант, почему вы меня обвиняете? Скажите, какое правило я нарушил

— Это мы сейчас скажем. — Инспектор положил в карман документы Аброра, открыл планшет, достал оттуда шариковую ручку и большой бланк. Взгляд Аброра упал на бланк. «Протокол аварии», — прочитал про себя Аброр. Так-с, доездились, доперевозились!

Унавшим голосм Аброр сказал:

— Товарищ сержант, зачем протокол? Надо наказывать — наказывайте здесь, штрафуйте.

— Сынок, родной, пусть бог даст вам столько же лет, сколько их у меня, — говорил Агзам-ата, тронув сержанта за плечо. Потом, осмелев, схватил его правую руку. — Зачем писать? Зачем сыну протокол? Влипнешь в бумагу — скоро не отделаешься.

В желтом чесучовом кителе и брюках, с красиво подстриженной седой бородкой, Агзам-ата показался сержанту человеком весьма и весьма почтенным.

— Ладно, отец! Только сначала отпустите мою руку, пожалуйста. И поймите, отец, в чем тут дело... Машина вашего сына основательно побита. Проедете чуть дальше — вас остановит другой инспектор. «Где произошла авария?» — спросит. Начнет выяснять, не было ли трагического случая...

— Будет спрашивать — ответим, — сказал Аброр. — А с протоколом обивать пороги ГАИ и лишаться прав на три-четыре месяца мне ни к чему.

— Вы ведь не знаете, о чем я хочу написать в протоколе. Вы хотите отремонтировать машину или ездить в таком виде?

— Ремонтировать, конечно! В мастерской, разумеется.

— Ну, а мастерская, коль не будет нашего протокола, в ремонт вашу машину не примет. Вам это известно?

Аброр слышал об этом правиле, слышал. Но... В таком случае надо вписать в протокол ту женщину, которая переходила дорогу. Вот свидетели. Они подпишутся в протоколе.

Аброр показал на шофера «Мебели». Однако шофер в белой шапочке с козырьком вовсе не желал попадать в протокол. Ни при каких обстоятельствах.

— Товарищ сержант, мне можно уехать? — спросил шофер. — У меня ведь заказ — доставка грузов населению...

— Ладно, ладно, доставка... — чуть заметно усмехнулся сержант. — В протоколе вы должны подписаться в любом случае.

— Так я ж ни при чем!

— Вы уже дали показание... Что в руках у женщины была большая клетчатая сумка!

Наконец протокол написан. Аброр прочитал его. Кажется, сержант недостаточно подробно изложил происшествие.

— Добавьте еще, товарищ сержант, — попросил Аброр. — Тут вот про женщину есть... Но навстречу еще шел «Икарус», а про него ничего нет... У меня же не оставалось другого выхода...

— Это все вы сами напишете. ГАИ потребует от вас письменное объяснение.

Аброр представил себе, как придется в ГАИ писать объяснение, — хлопот не оберешься. Он надеялся получить обратно свои документы. Поэтому не стал надоедать сержанту возражениями и расписался под протоколом. Потом как свидетели расписались шофер в белой шапочке и Агзам-ата.

Сержант аккуратно сложил лист вдвое, положил в планшет, достал еще один бланк, поменьше, заполнил его и протянул Аброру:

— Это предъявите в мастерской.

— Спасибо, товарищ сержант. Теперь бы мои документы...

— Права останутся у меня, я их сдам вместе с протоколом в ГАИ. Там вы их и получите.

— Как же я буду ездить без прав, товарищ сержант?

— Ладно, ладно... — Черным фломастером сержант написал что-то прямо на талоне с «дыркой». — С этим документом вы можете ездить без шоферской книжки в течение пятнадцати дней, начиная с сегодняшнего. Написанное сержантом не обрадовало: «Шоферская книжка отобрана из-за совершения аварии».

Пора было уезжать. Сержант достал из кармана сигареты, закурил. Аброр жадно посмотрел на сигарету.

— Закурите? — Сержант протянул пачку Аброру. Тот помедлил, потом, будто преодолев какую-то внутреннюю преграду, резко махнул рукой и взял сигарету.

После первой затяжки табачный дым всегда неприятен. И новичку, который только начинает отравлять себя табаком, и бросившему курить. Но после второй и третьей Аброр почувствовал, как что-то начало согревать его, на душе стало полегче, отделились треволения и тревоги.

Однако, садясь в побитую свою бедную машину, Аброр заметил, как дрожат руки, и почувствовал, что дергается веко на левом глазу. Он бросил на асфальт недокуренную сигарету. Всем лицом уткнулся в чашу сомкнутых ладоней, застыл в таком положении.

— Сынок, не расстраивайся. Ведь могло быть хуже! — проговорил Агзам-ата.

На неровностях дороги разбитое заднее крыло жалобно стонало. Ныли и стонали душа и тело самого Аброра, усталые, словно тоже разбитые аварией.

Подъехали к дому, начали разгружать машину. Конечно, собрались вокруг соседи. Со всех сторон посыпались ахи и охи.

Вазира в квартире расставляла, распахивала по углам вещи, привезенные ранее. Свекровь и свекра она встретила не во дворе, а внизу у лестницы. Помогла Ханифе внести на третий этаж большую сумку. Отворила настежь дверь:

— Добро пожаловать!

Ханифа-хола зашла в комнату вслед за Агзамом-ата. Войдя, громко воскликнула:

— Бисмиллахи рахмонир рахим!¹

— Наши ноги сюда добрались, пускай беда не доберется! — произнес нужные слова отец.

Вазира подхватила:

¹ Слава создателю!

— Да будет так... Отдохните немного теперь. Вещи потом разместим.

Агзам-ата присел на краешек полумягкого стула в уютной гостиной с телевизором. Он чувствовал себя стесненно.

Аброр был доволен тем, как жена встретила его родителей, и не осмелился сказать ей об аварии.

После того как все умылись, попили чаю, Аброр заявил:

— Пойду отведу машину в мастерскую.

Вазира встревоженно обернулась к мужу:

— В мастерскую? Так поздно?.. Вид у вас как у больного. Что-нибудь случилось?

— Машина немного забарахлила. Давно пора показать мастеру.

Агзам-ата вмешался в разговор:

— Сынок, сегодня ты очень устал, завтра отведешь. Отдохни.

— Завтра воскресенье, отец, мастерская не работает. А послезавтра я не смогу уйти со службы, и так слишком часто отпрашивался.

— Пусть едет, — сказала решительная Ханифа. — Сыну нашему сорок, вторая молодость мужчины. Потом отдохнет...

Обычно машину Аброра в мастерской осматривал и, если надо было, слегка ремонтировал «костоправ» Вали, веселый бойкий парень, между прочим умело похваливающий щедрых людей с открытой, как он говорил, пятерней. Чтобы ускорить предстоящее дело, Аброр готов был проявить себя щедрым человеком «с открытой пятерней». По пути он остановился у гастронома, купил бутылку коньяка, четыре бутылки «ташкентской» минеральной, сыру, колбасы, хлеба.

На большой, с полгектара, заасфальтированной площадке в мастерской стояло множество автомашин. Некоторые из них изуродованы были куда страшней, чем машина Аброра.

Вали, голый до пояса, мылся у водопроводной колонки. Аброр подошел к нему.

— Чего так поздно приехал? — спросил Вали.

— Ты работу кончил? — вопросом на вопрос ответил Аброр. — Тогда давай откупорим... вот это, — приоткрыв портфель, показал Вали содержимое.

— О, вот спасибо! — Вали ловко вытащил из портфельного зева две бутылки «ташкентской», ловко снял

пробку с одной бутылки железной пробкой второй. — Ну и жара была сегодня! Сорок три в тени! — И одним глотком, не отрывая горлышка ото рта, опустошил бутылку. Посмотрел на коньячные звездочки. — Хорошо. Но на работе нельзя... Найдем место потом... Где машина-то?.. Ударил? Сам или тебя?.. Идем, показывай.

Вали вместе с Аброром вышел из ворот мастерской, осмотрел вишневые «Жигули».

— Крыло сам найдешь? За десять дней сделаю. Если согласен, заводи во двор.

— Вали, неужто на это уйдет десять дней?

— Милый человек, я что, без дела сидел, ждал, когда пожалуешь ко мне? У меня заказов навалом. Один вот срочный, сам начальник мастерской передал. Пока я ту колымагу не закончу, за твою не возьмусь. Ну, так как, найдешь крыло?

Они зашли в контору, оформили нужные документы, получили разрешение поставить машину Аброра во дворе.

Старик сторож открыл ворота. Вали выбрал хорошее место, чтоб сторожу легче было последить за машиной. Потом Вали взял из рук Аброра портфель, позвал какого-то своего товарища и вручил портфель ему: иди, мы за тобой.

Из мастерской они пошли к высоким кленам, что росли вдоль арыка. Выбрали тенистое место. Товарищ Вали сходил к ближнему киоску, где торговали газировкой, принес два граненых стакана. «Третьего не дала!» — мрачно сказал товарищ. Разлили коньяк. Товарищ ничего не ел, только пил и вместо закуски курил сигарету за сигаретой. Вали помалу наслаждался коньяком, вдумчиво жевал сыр, потягивал из бутылки минеральную воду, будто рот полоскал, а потом снова делал глоток коньяку. Градус наслаждения поднимался постепенно. Наконец Вали потрепал Аброра по плечу, похвалил:

— Ты замечательный человек! Щедрый, с открытой пятерней. Не думай ты о своей машине! Не переживай. Будет как новенькая.

— Трудно крыло найти, — мрачно сказал Аброр.

— Тебе трудно — я тебе помогу. Договорились? Не переживай! Давай-ка бери!

Аброр тоже выпил коньяку. Почти целый стакан. Потом и ему показалось, что градус наслаждения можно

поднять еще выше, и он выкурил сигарету, попросив ее у товарища Вали.

А потом, сосредоточенный, он шел к трамвайной остановке и думал, что без машины непривычно, что в ближайшую десятидневку суеты прибавится, что вот до сих пор машина служила ему, а теперь он должен послужить машине.

По пути купил пачку сигарет. Закурил. Табачный дым помог расслабиться. Самому себе Аброр казался слабовольным и был противен. Но все время держать себя в узде, пытаться быть хорошим, добрым, ровным, рассуждал он, и тяжело, и тоже противно... Нестерпимо противно...

Вазира ничего не могла с собой поделаться: ей, уравновешенной, сдержанной в выражении чувств горожанке казалось, что она осталась без машины именно из-за переезда родителей мужа. Сразу возродились в душе былые упреки к мужу, и Вазира стала почти неосознанно дуться на Аброра. А он свою досаду гасил в табачном дыму: только начинал раздражаться, сразу же доставал из кармана сигареты, спички и дымил. Вазира не переносила табачного запаха, а если Аброр курил дома, злилась:

— У нас уже занавески пропахли табаком! Человек никогда не берет в рот то, что выплюнул! Вы же бросили курить. Обещали, что навсегда. И закурили... Есть у вас воля?

Аброр понимал правоту жены, а потому раздражался еще сильнее:

— Не учите меня! Когда мне надо — я курю, когда не надо будет — брошу.

Чтобы Агзам-ата перебранку не слышал, Вазира уходила на кухню. Если еще Ханифа-хола услышит, как она, Вазира, упрекает мужа, тогда... только держись: мало того, что Аброра защищать будет, но и упреки примет на свой счет. «Невестка и меня вместе с моим сыном хочет в глазах людей выставить плохой», — будет говорить обиженно. Подобные размолвки изрядно надоели Вазире еще там, в старом доме. Поэтому здесь, в своей квартире, она ходила чуть ли не на цыпочках, чтобы избежать стычек со свекровью.

Аброр и Вазира, боясь опоздать на работу, выходили эти дни из дому на час или минут на сорок раньше,

чем обычно. Самые жаркие недели лета, зной уже с утра начинает мучить; солнце, поднимаясь до зенита, доводит температуру воздуха до сорока пяти в тени. Оказывается, в автомобиле и жара, и воздух с парами бензина переносятся легче, чем когда идешь пешком или толкаешься в трамвае.

В жару, когда свыше сорока градусов, нелегко, конечно, вычерчивать проекты, сгибаясь над столом. Но сейчас Аброру работа казалась спасением от бесконечно надоевших мелочей быта. Проект центральной площади, которая становилась поистине исторической для нового Ташкента, собирал его разбросанные душевные силы вокруг одной — большой и прекрасной! — цели, вносил смысл в существование.

Огромный проект Аброр по частям распределил между сотрудниками, но приучал их, да и самого себя, не упускать из виду целого...

Бегать при такой-то работе в мастерскую, где ремонтировались вишневые «Жигули», да еще в ГАИ на уроки автомобилевождения, казалось, и бессмысленно, и тошно. К тому же приходилось отпрашиваться каждый раз у Рахманова или его заместителя Яминова... Однажды Аброр взял такси и поехал в ГАИ в свой обеденный перерыв.

Шоферов, у которых отобрали права, толпилось множество, сидели, бедняги, у разных дверей, сумрачно ожидая своей очереди вызова на «проработку».

Капитан в летней белой форме принял Аброра последним. Который уж раз видел Аброр приснопамятный протокол и свое письменное объяснение аварии.

— Вы уважаемый человек, архитектор... Сами должны понимать, не молодой лихач какой-нибудь. Так почему же шли на обгон в узком месте трассы? Верно, там не было знака, запрещающего обгон. Но сами подумайте, зачем так рисковать? Вы ведь могли погубить и себя, и родителей...

Несколько недель назад, подумалось Аброру почему-то совсем о другом, некий майор в военкомате вот так воспитывал Алибека, и Аброр тогда торжествовал, а сейчас он сам примерно в таком же положении: стой перед милицейским капитаном и слушай, не перечь, будь благодарен за поучения.

— Товарищ капитан, я здорово тогда наказал себя и сейчас сделал все нужные выводы. Уж поверьте.

— Вы известный человек,— продолжал нудить ка-

питан. — Поэтому на первый раз мы вас накажем не так строго, как нужно было бы. Придете в субботу на комиссию и заплатите штраф. Потом я вам верну права.

С облегчением вздохнув, Аброр вышел на улицу. Время приближалось к четырем часам. Он нашел такси и, приехав в институт, торопливо поднялся к себе. Тут же его вызвали к Яминову.

Заместитель директора сидел в глубине обширного своего кабинета за столом, чуть нагнувшись, подставляя лицо под ветерок вентилятора.

— Товарищ Агзамов, где это вы пропадаете в рабочее время? — спросил он, не изменив позы.

— Я об этом говорил Сайфулле Рахмановичу.

— А вы не помните, что говорил Сайфулла Рахманович о государственной дисциплине. По какому делу и в какое государственное учреждение вы ходили, представьте об этом дирекции письменное объяснение... Мне кажется, что у наших сотрудников — у некоторых, разумеется, — в рабочее время появляется неотложная нужда заняться личными делами. Вы заведующий отделом, вы должны показывать другим сотрудникам пример. Положительный пример!

Аброр догадывался, что небезызвестный Эрудит доводит до институтского начальства сведения об его отлучках.

— А что, Гайрат Яминович, если время, которое мне придется потратить на письменное объяснение, я посвящу основной работе? — явно иронически спросил Аброр. — А вам я объясню устно: меня вызывали в ГАИ.

— Ваша машина попала в аварию, институту это известно, однако в этом вины института нет, не правда ли? Письменное объяснение соблаговолите принести сегодня же. Мы обсудим этот вопрос в дирекции и доведем свои выводы до сведения партбюро. Вы коммунист, пусть знают о вашей недисциплинированности и в партбюро!

— Зачем из мухи делать слона? Почему бы вам не сказать членам партбюро о том, что институтские задания я, бывает, делаю дома по ночам!

— Я этого не знаю! Объяснительную записку прошу...

— Вы мстите мне за критику? Я сам сейчас пойду в партбюро и расскажу обо всем!

Секретарь партбюро Сергей Адамян работал на четвертом этаже. Адамян был один, когда Аброр зашел

к нему. Сидел в задумчивости, читал какую-то рукопись, держа карандаш в руке.

— А-а, Аброр, ты как раз мне и нужен!

Адамяну еще не было и тридцати, но из-за бороды и усов он выглядел гораздо старше. Короткая черная борода красиво охватывала полукруглием нижнюю часть полноватого лица; черные усы чуть свисали по краям рта.

— Сергей, ты сперва можешь выслушать меня? Адамян знал про семейные заботы Аброра.

— Что-нибудь дома?

— Да нет, теперь здесь.

И он пересказал разговор, происшедший между ним и Яминовым.

— Ты ведь знаешь, проект готовлю по графику, утвержденному дирекцией. До сих пор еще ни разу с графика не сбился. Ну что он ко мне пристаёт?

— Дисциплина важна во всем, Аброр. Как стало жарко, так появилось у нас немало любителей мест попрохладней да потенистей, под разными предложениями исчезают в рабочее время.

— Ты хочешь сказать, что я из таких?

— Нет, не хочу. Я-то знаю, как ты отца перевозил, как боролся за семью брата Вазирьхон. Я даже не назвал бы это лишь личными делами. И об этом скажу в дирекции. Рахманов не такой мелочный, как Яминов. Но ты не задирайся. Лучше объяснить попробуй.

— Значит, писать объяснительную записку?

— Я же тебе говорю: не задирайся. А что касается объяснений... Дай-ка ты мне объяснение по другому поводу... Ты интересовался ташкентскими каналами и арыками, правда?

— И сейчас интересуюсь.

— Ну так смотри...— Адамян начал перелистывать рукопись.— Представляешь, площадь нашего города разрослась настолько, что длина его арычной сети превышает сейчас тысячу километров.

— Сколько, сколько? — не поверил Аброр.

— Больше тысячи! Вот здесь все подсчитано. Перестроить арычную сеть такой длины — задача огромная, правда? Не под силу одному тресту. Поэтому недавно создано городское управление водного хозяйства. Министерство водного хозяйства республики выделило в его распоряжение большие материальные ресурсы, технику, рабочую силу.

— Тогда дела пойдут быстрее,— заметил Аброр.

— Темпы-то ускорятся, но каково будет качество работы? В спешке как бы не наломали мы дров, дорогой, и с этой точки зрения вполне правомерно, что Союз архитекторов хочет тоже изучить и обсудить разного рода проекты, в том числе и этот.— Адамян потряс рукописью.— И ты, о ландшафтный наш архитектор единственный, тоже должен принять участие в предстоящем обсуждении. Возьми и хорошенько изучи.

Работы у Аброра было по горло. Но он взял у Адамяна большую картонную папку, раскрыл обложку, пробежал глазами по фамилиям авторов, по цветным надписям, выведенным чертежным четким почерком.

Ну, ясно: среди них — фамилия «Ш. Бахрамов». Узнал Аброр и подпись Шерзода, которая стояла рядом со словом «Утверждаю». Значит, он один из руководителей проекта.

— Сергей, ты сам-то познакомился?

— Может быть, мне пока не надо говорить, чтобы не повлиять на твое мнение, авторитетное и независимое?

— Перестань шутки шутить. Ты же знаешь о моем отношении к водным артериям Ташкента!

— Тут все наоборот по сравнению с твоими идеями... Предлагают Карасу, Койковус и подобные большие арыки одеть в бетон. На их берегах живут сотни семей. Авторы предлагают всех их переселить, по берегам проложить так называемую «инспекторскую дорогу». Представляешь, лучшие, пожалуй, места отдыха покроются асфальтом и бетоном, то есть летом превратятся в печку, которой нам, ташкентцам, очевидно, не хватает.

— Зато, как известно, Бахрамов любит передовые индустриальные методы, быстрые темпы, еще больше любит докладывать о досрочном выполнении... А как мне было больно, Сергей, покидать родной дом на берегу Бозсу! Теперь на этом месте, на месте виноградников, вырастут бетонные берега и асфальтированная «инспекторская дорога»?

— Вот, чтобы этого не допустить, мы и привлекаем тебя, Аброр, к обсуждению проекта бахрамовых. В Союзе архитекторов, видно, тоже не одни его сторонники

будут. Только проанализировать надо аргументированно, спокойно... Не задираться!

Вес портфеля значительно увеличился, когда Аброр засунул в него большую картонную папку. Но на душе у Аброра все-таки полегчало.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ханифа-хола не привыкла жить в квартире как в клетке. Ей нужно свободное пространство двора, ей нужно видеть людей, с соседями поговорить... Топоча кавушами по ступенькам лестницы, она по нескольку раз в день спускается с третьего этажа, выходит из подъезда, смотрит по сторонам...

По тротуару мимо нее идут люди. Окна домов, выходящие во двор, все открыты, то в одном, то в другом из них показываются люди. Стоять на дорожке без дела да глазеть вокруг — неудобно. Ханифа-хола медленно шагает вперед, куда асфальт приведет... Вот на улице магазин «Универсам».

Не собиралась чего-нибудь покупать, но обошла все его отделы. Вернулась во двор своего дома.

Подъезды, лестницы, квартиры — везде тут как две капли воды похожи друг на друга. Бывает, Ханифа-хола иногда ошибется и заскочит не в свой подъезд. Пока не доберется до третьего этажа, не заметит, что ошиблась. Подойдет к двери, ну уж тогда... Дверь та же, как у Аброра и Вазиры, но что-то не то: или обита другого цвета дерматином, или у порога другой коврик, чтоб ноги вытирать, или, наконец, номер квартиры не разберет.

— Ну что я за разиня! — восклицает Ханифа и снова сходит вниз.

Надо всегда смотреть на деревья, посаженные вдоль тротуара. Тогда легко найти свой подъезд — по молодому урюку, что рядом со входом.

Снова поднимается Ханифа-хола на третий этаж. Во внутреннем кармане кофты нащупывает пристегнутый булавкой ключ.

Все четыре комнаты пусты. Аброр и Вазира на работе. Внуки в лагере. Агзам как уйдет рано утром на участок, так до позднего вечера его нету.

Ханифа заходит в кабинет сына Аброра.

На стенах — цветные рисунки. На книжном шкафу сверху стоит написанный масляными красками порт-

рет Вазиры. Красивый портрет. Толстые косы спадают на плечи. Большие глаза смотрят ласково. Лицо нежное, и губы пухлые — признаки молодости. Сразу заметно: с большой любовью к жене Аброр рисовал этот портрет.

А напротив висит портрет Аброра. Там ему тридцать лет, самое цветущее время. В глазах огонь горит. Густые, пышные волосы торчком. И шея в распахнутом воротнике рубашки видна — сильная, крепкая шея. Этот портрет Вазира делала. Объясняла свекрови, помнится, так: «Каждый архитектор должен уметь рисовать, без этого нам нельзя. Мы чертим, проектируем красивые здания. Но самое совершенное в мире — лицо человека. Мы должны уметь нарисовать человека, чтобы красивей была наша работа». — «Тогда моего старика и меня рисуйте».

И Вазира сразу же, помнится, согласилась. Аброр тоже несколько раз брался за портреты отца и матери. Да вот ничего у них не получалось. То ли времени не хватало, то ли интерес пропадал, — словом, до сих пор портретов нет.

А вот друг для друга у них хватило и времени, и интереса. Ханифа-хола не раз думала обо всем этом. «Вот она такая и есть, жизнь матери. Твои мысли о сыне, а мысли сына — о жене».

Подняла Ханифа-хола занавеску оконную — солнышко уже день повело на вторую половину! Время полуденного намаза вот-вот пройдет... А молитва просветляет и смягчает душу.

Вот и теперь, помолившись, она принялась вспоминать, как Аброр перевозил их сюда, какие неприятности пережил из-за аварии. «Нет, хороший у меня сын, слава аллаху. Лишь бы здоровым был. О аллах, дай ему счастья!»

В прошлый выходной, когда свекровь с невесткой остались одни, решила Ханифа-хола искупаться как следует в ванне. Вазира ей помогла, терла спину мочалкой. Умиленная, свекровь заявила:

— Сватья моя, Зумрадхон, хорошо воспитала вас, невестка моя... Я вот с переездом никак не могу выбрать время и провести сватью-то свою. Когда вы собираетесь к ней в больницу?

— Сегодня вечером.

— Тогда и я с вами пойду, Вазирахон. Давайте самсу приготовим.

Наварили, напекли и самсу, и манты. Пошли в больницу. Вывели Зумрад Садыковну в тенистое местечко на больничном дворе, долго, долго, хорошо разговаривали и с ней, и друг с другом...

Сейчас Ханифа-хола, убирая в своей комнате молитвенный коврик, думала: «Нельзя бога гневить неблагодарностью: невестка моя хорошая, а в последнее время стала еще лучше».

Ободренная этим выводом, начала споро готовить ужин.

Вечером машхурду, которую приготовила Ханифа-хола, Аброр и Вазира ели да похваливали.

— Зафарджан тоже очень любит машхурду! — сказала Ханифа-хола. — Напрасно ты, Аброр, детей в лагерь отправил.

— Почему? Лучше им там отдохнуть, чем томиться от жары в городе.

— Малика уже невеста скоро... По пословице — не одно добро, а и зло живет на земле... Как бы там не испортили ее.

— Недавно мы их проведали. Не беспокойтесь, мама. Им там хорошо.

— А вы подумайте, дети мои, мне-то каково: целый день одна, не знаю, куда себя деть, хоть лопни от скуки! Вазира с Аброром переглянулись.

— Их беготня и шум тоже вам надоест. Если и на каникулах они с утра до вечера дома...

— Э, невестушка, что я, никогда детей не видела? Слава аллаху, четверых вырастила. И ваших детей поставила на ноги. Разве я из тех бабушек, кто избегает внуков?

— Мы все соскучились по детям, да ничего, они уже скоро будут здесь, — вмешался Аброр. — А пока, мама, делайте то, что вы любили. Шейте, например.

— Я рубашки пошила и батистовый халатик для сынишки Рисолат, колыбельное все уже тоже готово, Аброрджан... Ох, соскучилась я по своей младшенькой... А не могу ехать к Рисолат. Стыдно.

— Это еще почему?

— Разве не знаешь, сынок? Мы же сперва бешик-той должны справиться. А потом мне туда дорога откроется.

— Ах, да! — кивнул головой Аброр: в своих заботах и про древний обычай забыл.

Бешик-той — особый праздник, «колыбельный». Бабушки, дедушки, родственники матери покупают

бешик — нарядную качалку-колыбельку, — украшают ее шелками и бусами, готовят плов, самсу, сладости — много всякой еды для званых гостей. Подготавливают подарки отцу и матери новорожденного — бывает, дорогие подарки, — и все это под звуки сурная доставляют в дом виновника торжества. Мужчины помогают сделать бешик-той, но принимают в нем участие косвенное, празднуют бешик-той женщины, то есть матери, бабушки и дети.

— Мама, в другое время сам бы готовил ваш бешик-той. Но сейчас... сами знаете, обстраиваем участок. Хлопот много.

— Хлопотам никогда конца не будет. И участок будете обстраивать еще целый год. А кто бешик-той решил справлять, справляет не позже трех месяцев после рождения младенца. Позже уже не полагается. Люди смеяться будут.

Аброру нечего было возразить.

Вазира молчала... Когда у них родился Зафар, Зумрад Садыковна не стала устраивать бешик-той, считала это устаревшим, ненужным обычаем. Привезла подарок ребенку — коляску, распашонки — и ограничилась этим. Ханифа-хола долго обижалась на Вазиру, чувствовала себя униженной, потому как сватья и согласная с ней невестка лишили ее большой радости — бешик-той по случаю рождения внука. Ежегодно наспех отмечаемые дни рождения Зафара, конечно, не заменят праздника, который отмечают один-единственный раз в жизни человека. А потому и готовят его так, чтобы на всю жизнь запомнился. Не младенцу, понятно, а матери и ее родне. И главное — бабушке. Скупиться на расходы для бешик-той — это значит уронить родню в глазах и всех родственников, и всей махалли. Таково было твердое убеждение Ханифы-холы.

Аброр не решился открыто возразить, сказал только: — Отец приедет, с ним еще посоветуемся.

Агзам-ата вернулся поздно и очень усталый. Еще бы! Целый день проработать под солнцем, да и путь от Бешкайрагача до Юнусабада немалый, ну и возраст сказывается, что ни говори. К концу дня еле хватало сил подняться на третий этаж.

Агзам-ата долго не мог отдышаться; сидя на курпаче после живительного чая, заговорил:

— Очень уж трудна дорога проклятая... Если вскорости закончим стены, времянку построим и осенью

переедем на участок. Шакир сегодня остался на Кукче у Рисолат. Сырцовые кирпичи готовит.

Ханифа поставила перед стариком машхурду:

— Отаси, я так хочу повидать Рисолат... А навесить ее и внучка не могу, путь закрыт.

— Да, из-за бешик-тоя... мне тоже неловко перед ней. Остались в долгу, это верно.

— А как мы молили бога, чтоб ниспослал Рисолат ребенка. Ведь пять лет она его ждала. Радость-то какая! Родился сын... Люди ждут, когда мы бешик-той справим.

— Но люди видят, что мы остались без родного дома, приютились у сына, как сироты.

— Почему это мы сироты? У родного-то сына? Мы тут не чужние. Отаси, у вас два сына, два льва. У Аброра собственная машина. И они не помогут нам бешик-той справиться?

Агзам отодвинул касу с недоконченным супом:

— Ты мне теперь покоя совсем не дашь, да? Ну, позови тогда Аброра.

А за закрытыми дверями кухни спорили меж собой Аброр и Вазира.

— Вашей маме скучно, вот и придумывает разные бешик-той. А вы опять готовы уступить ей?

— Что с вами, Вазира? Ведь мы же не те люди, которые могут свои древние обычаи забывать. Достойным образом отметить рождение нового человека, отдать дань уважения материнскому началу — это благородно... для всех времен.

— Выходит, вы тоже жаждете этого бешик-тоя? Разве у вас есть на это время?

— Ну, кто это жаждет? Если старики согласятся, мы, конечно, обойдемся без бешик-тоя. Или отложим его.

«Не обойдемся ли...», «не отложим ли...» — это все Аброр повторил и отцу.

— Аброрджан, железо куют, пока оно горячо, — мягко говорил Агзам-ата сыну. — А когда остынет, то, сколько ни бей молотом, все зря... Бешик-той кует спаянность людскую: в нашем народе всячески почитают родителей, почитают старших. А начинается все с почитания детей, новорожденных. Сначала родители и бабушки-дедушки показывают пример, как высоко надо уважать достоинство пусть крошечного, но человека. А потом, шести лет, сажают мальчика на красиво убранного жеребенка... Ты помнишь, как тебе подавали жеребенка, сынок?

Да, Аброр этого никогда не забудет. Никакие игрушечные кони — железные, глиняные, из пластмассы, расписанные красками, с хитрыми механизмами — не заменят живого жеребенка-однолетка. И подарили ему, Аброру, бабушка и дедушка. Подарили само счастье! Аброр кормил и поил жеребенка, запрягал и седлал, а когда садился верхом, чувствовал себя настоящим героем. Только потом, став постарше, узнал, в какое трудное послевоенное время был куплен жеребенок.

Дедушка с бабушкой и родители, Агзам с Ханифой, залезли тогда в долги, но все равно устроили своему мальчику незабываемый, «личный», праздник. Правда, месяца через три, когда Аброр поостыл к живой игрушке, жеребенка продали и часть долгов погасили. Но щедрость, уважительность старших к нему, малолетке, оставили в памяти неизгладимый след.

И сейчас Аброр чувствовал всю степень правоты отца, когда тот толковал о взаимно почтительных отношениях между поколениями. Их и должно ковать с самого раннего возраста.

— В бешик-тое есть еще один важный смысл, Аброрджан, — мягко продолжал Агзам-ата. Когда-то, в годы первых выборов в Верховный Совет, его недаром сделали агитатором, умел он доносить свои мысли до самых разных людей. — Вот мы подарим отрез хорошей материи Рисолат. Это ей поддержка, даже, скажу, поощрение, чтобы она еще детей заводила: не бойся, мол, мамаша, родня тебя без помощи не оставит. И зятю сделаем хорошие подарки. Тоже помощь. И ребенку необходимые вещи надо дарить. Молодые родители, сам знаешь, очень нуждаются в поддержке. Наше государство ведь тоже дает пособие при рождении ребенка. Поощряет, значит.

— Но можно ведь и через год устроить день рождения, отец, и сделать подарки.

— Можно. Только это уже не бешик-той будет. Просто день рождения. Мы должны справить настоящий бешик-той. Мы с матерью твоей зарок себе давали: если Рисолат родит сына, зарежем одного из двух баранов. А Шакиру потом прикупим. Мы должны свое слово сдерживать, Аброрджан.

До поры молчавшая, мать подлила масла в огонь:

— А зачем тянуть? Все колыбельное я давно приготовила. В воскресенье соберем близких родственников и посоветуемся, договоримся, кто за что из нас берется.

Шакир пусть покупает коляску. А мы, старики, понесем бешик с приданым.

— Сурнай, наверное, тоже надо? — спросил Агзам.

— А как же без сурная? Сейчас рождение отмечают иные не то что сурнаем, карнайчи нанимают, у них карнай ревет!

— Праздников много, карнаи да сурнаи очень дорого обходятся, а нам хватит, если один сурнайчи поиграет, — сказал Агзам-ата. — Аброр, сынок, давай в это воскресенье соберем родню, а в следующее воскресенье устроим бешик-той, ладно?

Ханифа заговорила уже умиротворенно:

— Верно задумал, отаси. До того успеем и зятю купить рубашку, тубетейку. Потом костюм поприличнее, туфли, макинтош...

— Макинтош? Плащ сам себе купит, — отрезал Аброр. — Что он, опять в жениха превратился?

— Стыдно же! Люди все несут — и пальто и кофты, с головы до ног одевают.

И снова Агзам-ата взял сторону Аброра:

— Жена, не расходишь. Груз не под силу возьмешь — позвонок ломаешь. Без плащей-макинтошей обойдется. Хватит с зятя нового костюма.

— И туфли тоже ни к чему, — сказал Аброр.

— Уж раз мы по обычаю одеваем отца новорожденного с головы до пят, как без туфель? — возразил Агзам-ата. — А макинтошей не надо. Найдем хорошие туфли, и все. Аброрджан, как машина, исправили или еще нет?

— Завтра будет на ходу.

— Возьми тогда бумагу и карандаш. Все надо записать. С машиной все достанем быстро.

Аброр медленно встал со стула. Ханифа-хола вслед ему бросила:

— И Вазиру позови, вместе решим.

Вазира много из их разговора слышала (дверь-то не закрывали); о том, что дальше будет, догадывалась. Когда Аброр вошел в кабинет взять карандаш, Вазира, плотно закрыв за собой дверь, тихо сказала:

— Так, уступили?

— Пробовал возражать, ничего не вышло. А буду оспаривать — обиды начнутся.

Из пачки на столе Аброр достал сигарету, взял в руки спичечный коробок. Но не закурил: дал слово Вазире в доме не курить.

— Где ваша воля, Аброр-ака? — Вазира с болью смотрела на мужа. — Вы ведь можете быть твердым, как алмаз, на работе и директору не уступаете, а перед родителями гнетесь, словно ветка тала.

Аброр поморщился. Да, взглянуть со стороны — в одной руке блокнот и карандаш, в другой незажженная сигарета, на лице растерянность, — он и впрямь не мужчина с твердым характером, а... черт знает что... Хочется закурить — не смеет: обещал Вазире. Хочется сесть за стол, заняться серьезным делом, а вместо этого пойдет записывать какую-то ерунду.

— Не хочу я обижать своих стариков, Вазира. Они — гости наши, не говоря уж... — сдержанно ответил Аброр.

— Разве мы не уважаем их как гостей? А тем более как ваших родителей? Но пускай и они нас поймут... Всю суету с этим бешик-тоем они почему-то сваливают на наши головы. Нельзя же так, Аброр.

— Вазира, мы с тобой отвыкли от таких традиций и видим только их суетную сторону. Но в них есть глубокий гуманный смысл! Отец мне так хорошо это растолковал. Рациональность, рациональность... мы так прониклись этим современным понятием, что убиваем в себе живое чувство. Тут есть своего рода сверхзадача... Пойдем к ним, Вазира, ты тоже послушай. И мама звала тебя. Пойдем.

— Я не хочу ссориться с мамой. Вы ее должны убедить. До каких пор их устои будут нами управлять? Вы — член партии, интеллигент, а отыскиваете современный смысл в обычаях старины, а может, и в пред-рассудках.

Аброр зло чиркнул спичкой о бок коробка, закурил сигарету.

— Вы что, на собрании, ханум?.. Отмечать день рождения младенца — это предрассудок?.. Если пожилые люди, меня родившие, воспитавшие, просят у меня помощи, то я — коммунист, интеллигент — могу отойти в сторонку, и лишь потому, что теперь иначе отмечают день рождения?

— А если они нас замучают своими просьбами? Лето уже на исходе, а у нас еще не было ни одного свободного дня, чтобы выехать за город и подышать по-человечески на природе! И дети в Чимгане нас ждут!

Аброр рассчитывал, закончив ремонт машины, в ближайшую субботу поехать с Вазирой в Чимган — про-

ведать детей в лагере, искупаться в Куксу. Суббота, воскресенье — целых два дня покоя и беззаботности. А раз начинаются хлопоты с бешик-тоем, значит, за выходные дни они устанут больше, чем на работе.

Было, право, отчего расстроиться, но Аброр уже не находил другого выхода, кроме как... уступить родителям.

— Ладно, Вазира, и это как-нибудь переживем. В августе поедем с детьми в Хумсан... Праздник по случаю рождения ребенка есть у всех народов. В той или иной форме. У нас по-своему... А может, после бешик-тоя и вам захочется еще одного ребенка? У меня ведь какая принципиальная позиция? В нормальной семье советских интеллигентов должно быть не менее трех детей. А, ханум? — Аброр пробовал и шуткой, и лаской смягчить Вазиру, привлек ее к себе. — Ну, пойдем к старикам!

— Я не пойду! — Вазира высвободилась из его объятий. — Так будет лучше.

Аброр бросил острый взгляд на ее лицо. Не идет, чтоб не поссориться со свекровью. И вправду, так будет лучше, и не стал больше настаивать.

— Ладно. Только прошу вас — наберитесь терпения. Два, ну три месяца они будут жить у нас. Давайте сделаем все, чтобы у нас был мир и лад.

— Скажите это и своей матери. Пускай не выискивает нам забот. Мы не бездельники. И кроме всяких обычаев нам есть о чем подумать и чем заняться. Если они меня не жалуют, пусть хоть пожалеют сына!

Аброр срывал свою досаду тем, что яростно затягивался сигаретой.

— Я оказываюсь между двух огней, Вазира. — Аброр снова затянулся. — Вы должны меня понимать лучше, чем мама. Не может она посмотреть на себя со стороны. А мы должны быть хотя бы немного педагогами. Поэтому я еще раз прошу вас: будьте пошире душой, и нечего раздражаться по мелочам. Пройдут эти напряженные дни...

И, втянув голову в плечи, Аброр пошел к родителям.

Похоже на то, что он сейчас и у матери будет просить «широты души», сдержанности и прочего... Зеленый еще из него педагог. Женских ссор больше всего на свете боится. И отец такой же: чтобы избежать скандалов, всю жизнь уступал жене.

Аброр вдруг обнаружил, что матери боится больше, чем отца. С давних пор так было, и вот пожалуйста — сорокалетний мужчина такую привычку сохранил. Конечно, со стороны — посмотреть глазами Вазиры, например, — это странно. Ей могло казаться, что Аброр попросту неискренен: лавирует или приспосабливается то к ней, то к матери...

Прошло довольно много времени, прежде чем Аброр со своим блокнотом вернулся наконец к Вазире. В весьма подавленном настроении. Судя по выражению лица, мать и отец нагроулили его всякими бешик-тойными заботами сверх головы... Вазира приготовилась к трудному разговору, но Аброр молчал.

Весь остаток дня молчал. А ночью вдруг сказал:

— Если завтра получу машину, то к вечеру съездим проведать Зумрад Садыковну. Хорошо?

Неожиданная «смена курса» удивила Вазиру:

— Да где же взять время для моей матери?

— Для вас и вашей матери я всегда время найду! — миролюбиво ответил Аброр. И завернулся с головой в одеяло.

...А на следующий день Аброр вывел машину из авторемонтной мастерской, и первый маршрут был в больницу.

Полосатый больничный халат был Зумрад Садыковне немного великоват, на плечах висел мешком. К тому же за последний месяц, пока находилась в клинике, она еще больше похудела и словно вытянулась. Уже первый этап операции оказался для нее тяжелым. Вазира три часа просидела во дворе в ожидании. Хирург вышел усталый, едва переступая. Зумрад Садыковна, признался он, во время операции от боли сознание потеряла, но ее быстро привели в чувство уколами.

С тех пор прошло десять дней. Аброр видел, что отек с лица тещи еще не сошел, большой глаз слезился по-прежнему. И Аброр был вынужден обратиться к лечащему врачу.

— Пусть исчезнет отек. Через недельку выпишем, — сказал хирург.

— А что будет с бельмом?

— Выдержать две операции кряду она не в состоянии. Человек уже старый. Организм ослабевший, пускай дома сил наберется... Помните, профессор-консультант тоже говорил об этом... А осенью привезете ее снова.

Зумрад Садыковне и самой порядком надоела больница, она хотела поскорее вернуться домой, к невестке. И конечно же беспокоилась за Алибека, который недавно написал, что живет где-то в тайге, служит сапером и борется главным образом с гнусом и мошкаррой.

— Алик у нас слабый. Как бы не заболел там!

— Слабый?! — Вазира улыбнулась. — Что вы, мама? Вы больше думайте о себе. Вам надо набраться сил для новой операции. Ешьте побольше фруктов... Вот, возьмите, Аброр для вас купил.

В конце встречи виноград, персики, горячие лепешки с кунжутом она отнесла матери в палату. Пообещав через три-четыре дня снова ее проведать, Аброр и Вазира попрощались с Зумрад Садыковной.

Настроение у Вазиры заметно улучшилось, и Аброр по дороге предложил ей заехать в универмаг, купить некоторые подарки к бешик-тою.

— Ваши родственники должны собраться у нас на совет в воскресенье?

— Да, да.

Вазира подумала о том, как ей предстоит принимать родственников, угощать или занимать беседой. Но возражать, опять и опять идти в наступление — ни сил, ни желания у нее не было.

В универмаге было полно народу. Аброр и Вазира ходили с этажа на этаж, из отдела в отдел — искали модные полуботинки для отца и велюр для матери новорожденного. Ни того, ни другого не нашли.

На следующий день после работы Аброр побывал на ярмарке и в Чиланзарском торговом центре, еще в пяти-шести магазинах. Наконец подходящие ботинки нашлись в магазине для молодоженов на улице Шота Руставели.

А вот велюра на платье не было нигде. Вазира с горечью и обидой наблюдала, как безрезультатно носится Аброр по городу в поисках этой «роскоши».

— Не ищите, свадеб сейчас много, и всем нужен велюр.

— Что же делать? Не у спекулянтов же покупать.

Вазира открыла дверцу комода, достала оттуда велюровый отрез нежного бледно-розового тона и положила на стол.

— Для себя покупала в Москве.

Аброр благодарно поцеловал жену.

— Я потом от себя куплю вам еще лучше.

В субботу утром Аброр отвез отца на старый базар. Агзам-ата выбрал бешик крепенький и пестренький. Ко-лыбелька радовала глаз переливами всех семи цветов радуги. А сын закупил все необходимое, чтобы достойным угощением встретить родственников.

Вазире ничего не оставалось, как заниматься уборкой в доме.

Ханифа-хола поручила Шакиру оповестить родственников. И все почти пришли. И среди двадцати человек были такие, о которых Аброр никогда не слышал.

Гости в одной комнате не помещались, и потому женщины расположились в комнате у стариков на курпачах, угощаясь фруктами и орешками. А мужчины сидели в гостиной за столом. Словом, разговоров было допоздна.

Вдобавок к жару целый день горел на кухне газ. Вазира раскраснелась, голова у нее кругом шла. Из кухни к гостям то и дело надо было подносить чайники с настоящим чаем, мاستаву, фрукты, сладости. Иные родственницы порывались помочь Вазире, но Ханифа-хола, важно восседавшая в центре, не разрешала:

— Сиди, да буду я твоей жертвой, отдыхай, ты наша гостья, милая.

Ханифа-хола, которая любила укреплять родственные чувства, была очень рада, что сегодня у них собралось столько родни и что такой почет оказан ей самой, старейшей. Все видели, каким уважением пользуется она в доме старшего сына, как достойно ведет она себя в доме.

Плов был съеден, потом арбузы и медовые дыни. Снова пили кок-чай. Наконец стали обсуждать тонкости, связанные с бешик-тоем. По договоренности один из родственников в следующее воскресенье должен был пригнать к их дому грузовик. Другой купит маленькую кроватку, третий — pedalный велосипед «Ракета» (это ничего, что ребенок сможет на нем ездить через три-четыре года, — забота важна, дорог подарок); еще кто-то взялся обеспечить младенца большой деревянной лошадкой. Все это вместе с нарядной радужной колыбелькой и коляской будет погружено в машину. У одного из дядюшек был «Москвич». «Жигули» Аброра и этот «Москвич» должны были доставить к месту праздника женщин поважнее и посolidнее, девушки и моло-

духи поедут на украшенном грузовике, постелив кошмы на пол в кузове, а на задний борт — ковер.

Да, укреплять родственные отношения — задача важная и непростая, убеждалась Вазира. Много ведь значит, когда люди собираются вот так вместе и одной семьей берутся за проведение большого дела. Как было бы трудно молодым собрать столько необходимых вещей! А теперь и хлопоты распределены между родственниками, а сообща хлопотать — легче и веселее.

Ханифа-хола выбрала трех пожилых родственников, чтобы Аброр отвез их после застолья по домам.

Устал Аброр за эту неделю, измотался, да, конечно, и выпил немного со всеми. Но тем не менее домой развез всех.

Его долго не было, Вазира беспокоилась.

— Мама, напрасно вы послали сына. Совсем недавно авария была, и он только-только отремонтировал машину.

— Ничего, ничего. В глаз, слишком береженный, скорей соринка попадет. Ничего с ним не случится по воле аллаха.

«Неужто мать может быть такой безжалостной, — думала Вазира. — Ничуть не волнуется. Почему? Оттого, что сидит дома и не представляет, как сложна и трудна работа Аброра? Хвастается, что ее сын «ари-хи-тек-тор», а превращает его в шофера».

Сколько же недовольства накопила у себя на душе Вазира, как трудно сдержаться и не высказать их... Слава богу, Аброр явился невредимый.

— Зачем же вы сели за руль после выпивки, — стала Вазира упрекать мужа. — Дать бы им по три рубля и отправить на такси. Разве так нельзя было сделать? Или опять не по обычаю?

— Я и сам сидел за баранкой как на иголках... Но отказать не мог. Гости же, да еще так редко у нас бывают.

Аброр молча закурил сигарету и вышел на балкон.

Когда перевалило за двенадцать, он направился в спальню. Но заснуть не мог почти до трех часов ночи: не спадала напряженность, чувство тревоги, воспоминание о том, как неуверенно вел он машину. Несколько раз Аброр выходил на балкон, курил, пил воду, даже принял душ.

А под утро, когда охватил его крепкий сон, Ханифа-хола, стуча своими кавушами, невольно разбудила.

Вазира купила свекрови тапочки с мягкой подошвой, однако Ханифа-хола не пожелала расстаться со своими грохоталами. Сама-то она днем, когда дома никого нет, сладко выспится, а потом чуть свет просыпается и с шумом и звоном свершает предмолитвенное омовение, ходит по комнате и на кухню, стуча кавушами и хлопая дверьми. Все это раздражало Вазирю, не говоря уж о том, что не давало ей выспаться.

— Эй, Аброр, вставай, до ухода на работу съезди-ка на базар, сынок. Лучшее казы продают по прохладе, утречком. Для бешик-тоя сделаем нарын.

Значит, не невольюно разбудила сына. Опять заботу на него перекладывает.

Агзам-ата тихим голосом ворчит на жену:

— Э, чтоб тот нарын остался на твои поминки! Тише ты, пусть парень отдохнет немного! Вчера заставила его ишачить в три смены... Совесть у тебя есть? Всю ночь человек не спал. А ему еще на работу надо. Он же не домохозяйка!

Обычно тихий Агзам-ата, если рассердится... ох, не приведи аллах, Ханифе ли об этом не знать.

— Не ворчите, ладно, пускай спит, не стану будить! — сказала Ханифа-хола и ушла в свою комнату.

Однако Аброр уже проснулся. Встал с головной болью, он старался не курить до завтрака, но сейчас вышел на балкон, задымил натошак.

Надо было купить на базаре все необходимое для плова на пятьдесят — шестьдесят человек, а также самых разнообразных лепешек (патыр, ширмой); съездить за город, там должны зарезать барана. Взять мясную тушу, доставить сюда, а часть вместе с рисом и морковью отправить в дом Рисолат, равно как и несколько тазов, наполненных самсой, нарыном, баурсаком...

Аброр каждый вечер по несколько раз ездил на базар, в магазины, туда-сюда... Дни стоят знойные. Он входит в дом, словно обожженный изнутри, достает из холодильника что-нибудь похолоднее, пьет воду со льдом. Горло охрипло, законтилось табачным дымом; Аброр кашляет и жалуется:

— В горле першит, будто бритвой скоблят.

И ложится без сил, вышив перед сном теплого молака.

Назавтра снова беготня, снова потный, снова пьет холодные напитки и беспрестанно курит.

Вазира до глубокой ночи печет слоеные лепешки,

баурсаки, Ханифа-хола, конечно, помогает. Раскатывает тесто. А потом уходит в свою комнату и занимается украшением колыбельки.

Она сшила треугольный матерчатый талисман, положила внутрь душистый имбирь, снаружи прикрепила две бусинки и повесила на бешик, к той стороне, где будет лежать головка младенца. Летнее покрывало Ханифа-хола сделала из легкого атласа, а зимнее — из красного бархата, на подкладку пошел красный ситец.

Ах, как она любит бешик! Нынешние молодые мамы не знают, как им пользоваться... А вот тут горшочек есть и деревянное приспособление к нему. И не надо тебе без конца стирать и сушить бесчисленные мокрые пеленки... Ежели ребенок привыкнет лежать в бешике, он доставляет матери забот в десять раз меньше, чем в коляске. Говорят, бешик неудобен. Наоборот! Чтобы покормить ребенка, не надо его из коляски-то поднимать, брать на руки. А бешик так устроен, что мать обопрется руками на верхнюю перекладину и свободно даст ребенку грудь. Она-то, Ханифа-хола, даже засыпала иногда средь ночи в таком положении... А как удивительно красив, разряжен бешик... И разве не умно придумано, что матрасик набит не ватой, а зерном проса? С ватой — значит, через два-три месяца матрасик станет жестким. А просо пересыпчатое — одна сторона намокнет, подними за другую сторону, просо внутри матраса потечет, и опять ребеночек на сухом лежит. Ханифа всех своих детей вырастила в такой колыбельке. И такой же бешик есть и у таджиков, она это знает. А недавно в кино показывали — подобной колыбелькой пользуются матери на Кавказе. А теперь говорят — пережиток! По ее-то мнению, кто в бешике не лежал и не слышал в детстве звуков сурная, тот растет непослушным, беспутным... Да, не забыть бы: Аброр должен найти еще сурнайчи.

— Эй, отаси, а сурнайчи нашел?

— Будь он неладен, твой сурнайчи! Аброр не один раз к нему домой ездил, нету его, говорят, и все. Ушел, говорят, на свадьбу. Поехали прямо на свадьбу. А там выяснилось, что десять дней он будет занят: каждый день в трех-четыре-х домах играет — уже задатки взял.

— У людей по два сурнайчи, а вы и одного не можете найти.

— Э, жена, что нам тягаться с теми, кто с жиру бесится? Я спросил у сурнайчи: «Сколько берете за игру

на бешик-тое?» Говорит, восемьдесят рублей. А играет от силы два часа. И люди платят!.. Вот какие времена настали, денег у людей много стало, не знают, на что потратить.

А Ханифа-хола с каких еще пор мечтала посадить около пестренького, ярко разукрашенного бешика сурнайчи и через весь город проехать под колыбельную мелодию «Алла, болам» — «Спи, мой малыш».

— Аброр, тебе жалко денег, да? Я тогда возьму займы у старшего зятя!

— Чуть что — «старший зять, старший зять»! Не о деньгах только речь. Зачем нам вообще этот сурнайчи-обдирала?

— Не будет сурная, и бешик-той — не бешик-той. Вот и все!

Вазира ждала, что Аброр вот-вот скажет: «Ну и хорошо, не надо так не надо». Но где там... Аброр тяжело завздыхал, снова задымил. И тут Вазира пришла на помощь:

— Мама, хватит уже гонять бедного Аброра! Из-за какого-то сурная теперь... Отец и сын ваш замучились уже — бегают туда-сюда. Пожалейте их. К тому же Аброр простужен, кашляет.

— С чего это они замучились? Машина есть! Мы вот вырастили вашего мужа на своей ладони. Вот это было мукой! Пока я превратила кусок мяса в человека, чего только не пережила!

— И мы растим детей, мама! И нам тоже трудно.

— Значит, хотите отменить бешик-той, невестушка? «Живешь приживальщиком, так знай свое место» — это хотите сказать?!

Ну, сейчас начнется! Аброр встал между женщинами:

— Мама, да погодите, мама! Кто вам говорит, что вы приживальщики? Вы живете в доме сына, а значит — в своем доме.

— Ты лучше послушай, о чем говорит твоя жена! Ей трудно, тебя замучали... Она стала тебе ближе и родней, чем я, да?

Вазира отвернулась и ушла на кухню. Уже там слышала, как Аброр говорил:

— Мама, оставьте вы обиды свои... Нельзя без сурнайчи — ладно, найдем, с отцом сейчас съездим еще в одно место. Ну, все?

Возвратились они уже поздно вечером, часов около одиннадцати.

— Можешь успокоиться, — сказал Агзам жене. — С одним сурнайчи договорились за сто рублей. Пусть пропадут вместе с ним!

Ханифа продолжала молча украшать бешик.

Вазира на кухне жарила баурсаки. Весь в поту, Аброр вошел в ванную, освежил себя душем и прямо в майке ввалился на кухню. Но кашель не давал покоя.

— Уф-ф... Дерет горло.

Вазира не откликнулась. Молчит, брови сдвинув.

— Хоть вы не мучайте меня, ханум.

— А вам меня мучить вдвоем с матерью можно?

— Что мы такого сделали ужасного?

Баурсаки в казане жарились, краснели и шипели. Вазира выбирала дуршлагом готовые и укладывала их в огромную миску.

— Я делаю все, что могу, даже то, что она должна делать, а вместо благодарности слышу от вашей матери одни колкости. Я что в доме, служанка?

Конечно, подумал Аброр, характер у мамы не мед, и Вазира тяжело переживает незаслуженные обиды.

— Но я благодарен вам, Вазира. Очень благодарен... Разве этого мало?

— Вы сначала сумейте сами себя защитить! Если ваша мать начинает наступать, вы заискиваете перед ней... как... как... нашаливший мальчишка. А если я выражаю вам недовольство, то вы соглашаетесь со мной, стараясь сбалансировать, равновесие соблудности. Это разве достойно вас?

— Надоело мне, честно говоря, держать все время это равновесие.

— А мне равновесие не нужно вообще... Мне больно и обидно видеть, во что превращает вас мать...

Во рту Аброра совсем пересохло. Кашляя, он подошел к кухонному столу, взял в руки большой пупцовый фарфоровый чайник, вылил остатки холодного чая в пиалу.

— Я все понимаю, Вазира. Но характер матери нам уже не изменить. Приходится мириться.

— Но мириться — не значит исполнять все ее капризы! А вы... даже когда она несправедлива, все равно ее защищаете!

— Глупое положение! Нравится матери — не нравится жене. Если вам хочу угодить, то мать обижается. —

Аброр изо всех сил старался соблюсти тон мирного супружеского разговора. — Бывают ли счастливые, поступки которых нравятся и матери, и жене?

— Неужели я такая же взбалмошная, как ваша мать, что вы на одну доску ставите мое поведение и ее?

Слово «взбалмошная» царапнуло ухо Аброру. Он отставил пиалу, рука дрожала. Поднялся, наглухо закрыл дверь кухни.

— Давайте-ка, Вазира, прекратим эту перепалку!

Но Вазире хотелось выплеснуть сейчас все, что накипело и что она так долго избегала, высказать свежрови:

— Моя мать всю жизнь прощала взбалмошность и избалованность Алибеку. И что из этого получилось, вы видели. Как это подвело самого Алибека, вы знаете... Что бы он ни требовал — пожалуйста, сыночек! И чем больше делали ему хорошего, тем хуже он себя вел! Вместо благодарного чувства — себялюбие и эгоизм!.. Чем больше отступаешь, тем крепче садятся тебе на голову. Это закономерно! — Вазира передохнула и, набрав воздух, продолжила: — Разве ваша мать не поступает точно так же? Мы относимся к ней с почтением. Чем она платит? Черной неблагодарностью? Так почему же справедливая требовательность к Алибеку у вас была, а к своей матери нет?

— Вазира! Что вы тут наговорили! Что за путаница! Корыстный эгоизм Алибека и поступки моих родителей? Ведь не для себя они дают этот бешик-той, а для дочери и для внука!

— Ничего подобного! Ваша мать делает это для себя, чтобы похвастать перед людьми, почваниться!

— Неправда! Она выполняет долг перед родившимся внуком. Для нее это — дело чести!

— А моя мама не справляла бешик-тоя в честь Зафара. Выходит, она, да и мы нарушили правила чести?

— Я этого не говорю. У вашей матери другие убеждения... Кстати, они способствовали Алибеку стать тем, кем он стал... У нас есть о чем поспорить... И серьезно. Если для Алибека все народные традиции уже устарели, то, конечно, можно и деторождение объявить ненужным, старым предрассудком. Говорил же так ваш Алибек!

«Ваш Алибек...» Значит, и она, Вазира, недалеко ушла от «своего» Алибека. А то, что именно она прояви-

ла характер и спорила с наивными «теориями» своего отца, — об этом ее почтенный, умный муженек предпочел забыть!

— У вашей матери свои «заветные желания». Борода и длинные ногти у Алибека тоже свои «заветные желания». Один — за «свободу», другая — за «обычай». Столько дней мучить нас своим обычаем — чем не эгоизм?

Аброр положил дрожащую ладонь на крышку пунцового чайника.

— Столько лет прожил, а не знал, что моя жена способна клеветать... Я измучился, понимаете вы, измучился от всех ваших дрызг, а вы снова и снова перец подсыпаете, да погорячее, поядовитее...

— Это она источает яд!

— Нет, нет, ты змея ядовитая! — крикнул Аброр, обхватил сверху пузатый чайник, поднял его, чтоб швырнуть им в Вазиру, но в последний миг — то ли неудобно держала чайник рука, то ли волна ярости откатилась — шмякнул чайник об пол, прямо под ноги себе. Чайник разлетелся вдребезги, мокрые чайники разлетелись комочками по полу. Аброр посинел, стал неузнаваемо страшным.

Вазира, отшвырнув ногой черепки в сторону, почти задыхаясь выкрикнула:

— Хватит! Я оставлю этот дом вам с матерью! — Рванула с себя фартук, оборвав тесемки, закинула его на подоконник и стремглав выскочила из кухни.

В спальне она быстро переоделась. Сложила в сумку нужные вещи... То, что она не будет участвовать в завтрашнем празднике, — это было ясно. Но, чтобы не думали, будто она пожадничала и ничего не подарила, она вытащила из комода нежно-розовый велюр, который показывала недавно мужу, бросила отрез на стол; окинув беглым взглядом комнату, с каменным лицом вышла из квартиры.

Аброр задыхался, ему не хватало воздуха, из кухни он почти бегом побежал на балкон. Агзам-ата спал в своей комнате. Шакира, как всегда, дома не было: уходил рано, приходил поздно — дело обычное, молодое. Ханифа, увлеченная бешиком, не слышала и даже не предполагала, что произошло на кухне.

Ах, какой бешик! Какая красота!.. А завтра в две легковые машины сядут они, Ханифа и другие уважаемые женщины, а молодежь и сурнайчи вместе с колы-

белькой и подарками воссядут в кузов грузовика, застеленного коврами. И вот три машины одна за другой засигналят и под мелодию сурная поедут через весь город.

На бешик-тое мужчинам чего делать? Пусть будут... как это? «На-булю-да-те-ли». Аброр отвезет на праздник мать, сестру, жену и тетю, а сам уедет на работу. Потом вечером приедет за ними.

Сурнайчи не заходит в дом новорожденного. Женщины войдут в дом Рисолат и станут там устраиваться, а сурнайчи пусть играет во дворе и на улице... Вот женщина-дастарханщица с разукрашенной колыбелькой на голове и с песней «Алла, болам» на устах направляется в комнату, где лежит младенец. А со двора доносятся звуки сурная... Вот с машины выгружаются подарки, игрушки, угощения... Ее, почтенную Ханифу, которая привезла столько дорогих вещей и яств, встречают с безграничным уважением, готовы поднять до небес. Ах, как хорошо!..

Аброр, пытаясь унять дрожь, все стоял и стоял на балконе, курил сигареты — одну за другой. А Вазира по ночному городу уходила все дальше — к матери, к невестке Насибе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мраморная лестница ведет в подземную станцию метро... Вазира берет логарифмическую линейку, еще раз пытается точно высчитать площадь белой полосы — по проекту должна пройти посередине лестницы и окаймляться с обеих сторон черным гранитом. Вазира чувствовала себя разбитой, внимание рассеивалось, по всему телу разлилась непонятная вялость. Расчет снова отличался от предыдущих. Или в чертежах ошибка?

Вазира долго смотрела на чертеж. Зазвонил телефон. Аброр?

Сердце вздрогнуло. От боли. От воспоминания о яростно, вдребезги расколотом чайнике и о лице мужа, искаженном, жуком.

Она бросила на телефон болезненный взгляд. Не хотелось снимать трубку... Разъяренный Аброр, бешеные его глаза, его крик: «Ты змея ядовитая!» Аброр вдруг стал тогда очень похож на мать, когда она гневалась или с кем-нибудь ссорилась. «Что мать, что сын —

одинаковы!» — подумалось Вазире, и чувство протеста и почти презрения к обоим захлестнуло ее.

А вместе с тем ей казалось, что и скверное настроение, и боль, давящая на сердце, могли бы притухнуть и отпустить, если б муж поспешил с раскаянием, искренне извинился, попросил прощения. Нет, она бы не смогла сразу простить его: она права, а правота не должна быть снисходительна. И все же, сама того не признавая, она ждала звонка Аброра.

— Я слушаю...

— Вазира Бадаловна, это Адамян, — заговорил в трубке знакомый бас, — интересуюсь, когда вы сдадите свои чертежи, от них ведь и наша работа зависит...

— Сметчики нам осложняют дело. Говорят, слишком много черного гранита — габбро. В смету, мол, не укладываются...

— Может быть, они правы? Габбро дорогой материал. Если мы под ноги проходим расстелем шелковый ковер, это обойдется дешевле, пожалуй, а?

— Но этот гранит будет служить сотням тысяч людей, Сергей Вартанович. И кроме того, габбро Севасая и голубовато-белый мрамор Нураты очень гармонируют друг с другом.

— Тогда, может быть, сделать гранитные полосы поуже?

— Некрасиво.

— Но, Вазира Бадаловна, раз мы с вами не можем уложиться в смету... значит, надо... уложиться в смету. Хотя бы за счет экономии в других материалах.

— Я сейчас как раз подыскиваю другие возможности, Сергей Вартанович. К сожалению, Наби Садриевич в отпуске...

— Если через два дня не найдете, наша работа станет.

— Послезавтра я вам позвоню, хорошо?

Вазира подперла ладонями подбородок, пальцами прикрыла глаза. Долго просидела так... Для светильников намечено использовать анодированный алюминий и медь. Сэкономить на светильниках? Что еще сделать?.. Палочка-выручалочка не отыскивалась, и она вновь вообразила картину ссоры с Аброром и даже бешик-той, который должен был состояться вчера и на котором она, разумеется, не была.

Ее отсутствие на бешик-тое, наверное, ошеломило всех. «Почему нет Вазире? Почему она ушла? Куда?» —

эти вопросы родственников, конечно, изрядно помучили и Аброра, и его родителей. Выкручивались, наверное. Не стала же Ханифа-хола кричать, что невестка была против бешик-тоя.

Раньше бывало так: уйдет Вазира в обиде на мужа, на свекровь, уйдет прогуляться, успокоиться, мать навестить — и через несколько часов Аброр начинал ее искать, беспокоиться. Теперь... вот уже второй день ее нет дома, а он даже не звонит, не интересуется, что с женой, где жена? Неужто мать остается всеильной и для совсем взрослого самостоятельного мужчины?

Что теперь делать?

Живо вообразила себе Вазира лица детей. Сердце прямо зануло от тоски по ним. Она взяла телефонную трубку, набрала номер пионерлагеря, хотя и знала, что Малика и Зафар возвращаются только через два дня. Решила еще раз проверить, не изменилось ли что-нибудь в сроках... Нет, никаких изменений. Послезавтра в три часа дня детей привезут на ту самую площадь, с которой уехали в горный лагерь.

А как она встретит детей, куда поведет? Аброр, наверное, и не знает, когда возвращаются дети. Если Вазира приведет Малику и Зафара домой, свекровь не утерпит, чтоб не позлорадствовать: «Уходить уходила, а все равно сама пришла!» Отвести к матери — значит, расстроить и мать, и Насибу. Она ведь скрыла от них, что поссорилась с Аброром. Насиба часто завидовала их слаженной семейной жизни, повторяя: «Ах, если б и наша была такой же, как ваша!» Ночью, заявившись к Насибе, Вазира не могла сказать правды — заставила себя солгать:

— Аброр с последним рейсом улетел в Самарканд, проводила его, а на обратном пути решила переночевать у вас.

— Как хорошо вы сделали, апа! Наш дом близко к аэропорту...

Конечно, Вазира не спала всю ночь: нервы разгулялись, да и шум с улицы донимал.

На другой день было воскресенье, и утром они с Насибой отправились в глазную больницу.

Отек на лице Зумрад Садыковны спал, шов от операции затянулся так, что почти совсем незаметным стал. Зумрад Садыковне разрешили выписаться, и бумаги для этого были готовы уже в субботу.

— А почему вчера не пришли, Вазира? — спросила мать. — Где Аброрджан?

— Уехал в командировку... Вчера не могла выйти из дому... Вы с Насибой собирайте пока вещи, а я сейчас пойду за такси.

Операция и пребывание в больнице так ослабили Зумрад Садыковну, что, доехав до дому, она еле-еле поднялась на свой четвертый этаж: часто останавливалась на ступеньках, ее покачивало из стороны в сторону.

— Вазираджан, свекровь тебя не обидела? — вдруг спросила из соседней комнаты мать.

— Соскучилась я по детям, мама.

— Да, понимаю... И Аброра нет... Пока дети придут, поживи у нас, ладно?

Когда Вазира уходила на работу, Насиба сказала ей то же самое:

— Вечером обязательно возвращайтесь к нам. Сделаем самсу, научите меня, ладно, ападжан?

...Вазира подняла голову, посмотрела на циферблат настенных часов... Уже четвертый час. Развернутый на столе чертеж все еще ждал какой-то новой мысли. Красивая мраморно-гранитная лестница по-прежнему не укладывалась в смету допустимых расходов.

Сосредоточиться, надо сосредоточиться!

Городской телефон зазвонил снова. Вазира насторожилась. После третьей заливистой трели подняла трубку.

— Алло?.. — сказала она, чувствуя, как сердце проваливается куда-то.

— Вазира Бадаловна, ассалом алейкум! Вы живы-здоровы? Как дома? Хорманг, хорманг!

Конечно, человек, который сыпал вопросы, не давая возможности ответить на них, — это Шерзод Бахрамов. Его только и недоставало ей сейчас! Но как ни странно, ощутила вдруг вместе с досадой и некое облегчение душевное, прилив сил, что ли.

— Есть дело, о котором мне надо срочно посоветоваться с вами, Вазира Бадаловна. Вообще-то говоря, если я сейчас приеду, не прогоните? Вы не очень заняты?

— Занята, конечно... Но приходите.

Не прошло и пятнадцати минут, а белые «Жигули»-люкс, ярко сверкая на солнце никелированными поясками, уже остановились у дверей главного управления.

Шерзод сразу нашел, куда поставить машину, быстро поднялся в комнату Вазиры.

Лицо Шерзода лучилось и сверкало, как его «Жигули». Загорелое, словно он возвратился с курорта. В левой руке Шерзод держал папку, правой осторожно взял тонкие пальцы Вазиры, воровато оглядел комнату, усмехнулся, наклонился, поцеловал. Сначала пальцы, потом ладошку, потом... Вазира освободила руку. Ею же и на стул показала:

— Садитесь, садитесь, Шерзод-ака. У вас все хорошо?

— У нас всегда все хорошо. Спасибо за внимание к нам, Вазира Бадаловна. Вы еще не были в отпуске? Те, кто знает цену жизни, сейчас в отпусках, кейфуют на курортах. Ноу траблз, ноу проблемз¹. И нам бы можно было... Так вот, — резко перешел Шерзод к другой теме, видя, что Вазира нахмурилась, — ирригационные работы все больше усложняются. Воды мало. Арыки в Ташкенте... сами знаете... какие. Каждый день меня вызывают... в высокие учреждения... — Шерзод открыл папку, начал показывать Вазире чертежи. — Видите? Наш проект обсуждался — кстати, с участием Аброра — в Союзе архитекторов. Вот, взгляните в конец протокольной записи. Во время обсуждения Аброр и его единомышленники отвергли наши предложения начисто...

Вазира пробежала глазами по протоколу, нашла рядом с подписью «Агзамов» вывод-предложение: «Проект необходимо коренным образом переделать».

— Конечно, наш проект не лишен недостатков, но мы их исправим по ходу дела. Было обсуждение в министерстве. Заместитель министра предложил некоторые изменения. Мы их приняли. Теперь проект надо утвердить в вашем управлении. Наби Садриевич... кажется, в отъезде? Его заместитель меня совсем не знает.

— А вы не можете подождать, пока приедет Наби Садриевич?

— В том-то и дело, что не могу. Нас вызывают каждый день и спрашивают: «Где проект?» Пока вы не утвердите, строители не могут приступить к работе. Все сроки горят! Все у меня стораает, Вазирахон, и сроки, и... ну... не буду, не буду...

¹ Ни забот, ни проблем (англ.).

Вазира собрала свои чертежи, убрала их в ящик стола.

— Ладно, я попытаюсь помочь вам, пойдемте вместе.

Заместитель начальника главного управления заявил им сразу же, что он в курсе дела.

— Мне уже звонили по данному поводу из министерства, — сказал он. — Преобразовать Койковус и Карасу — неотложная задача. Однако из-за спешки не следует наносить ущерб нашему замечательному городу. Во время обсуждения в Союзе архитекторов было высказано много замечаний принципиального характера.

— Мы учли все эти замечания. Пожалуйста, посмотрите.

Заместитель всмотрелся в проект и увидел в нем волнообразно-плоское бетонное сооружение на берегу Койковуса.

— Где ж это вы учли? Говорилось, что скаты городских каналов не могут быть плоско срезанными, как в степи. А вы опять проектируете простую бетонизацию деформированного берега.

— Тургун Ибрагимович, на иное решение... не дали согласия товарищи из Управления водного хозяйства. Укрепление естественных отвесных берегов обойдется очень дорого. Затрудняется использование техники. Затягиваются сроки строительства.

— Вы оставили «инспекторскую дорогу», — тут же бросил упрек заместитель. — А разве для этого не потребуется еще одна статья расходов? Мы живем в городе, в большом городе, и должны экономить площадь, не давать Ташкенту разрастаться бесконечно. А по вашему проекту выходит, что придется дополнительно переселить... сколько семей... вы подсчитали?

Этот довод высказывал ей, Вазире, и Аброр, критикуя идею «инспекторской дороги».

В воображении Вазире снова возникло страшное лицо Аброра, когда он хотел бросить в нее чайник. Лицо точь-в-точь как у его гневливой матери: злое и непримиримое.

— Тургун Ибрагимович, без техники, без возможности свободного маневра для нас такие большие дела невозможно сделать в намеченные сроки, — вступилась Вазира, прижимая руки к груди. — Честно скажу, иного выхода, чем тот, что предлагает товарищ Бахрамов, я не вижу.

Заместитель задумался. Если он задержит проект, снова будут звонки из министерства.

— Тургун Ибрагимович, то, что вы говорили здесь, мы, безусловно, учтем. В процессе строительства учтем! — стал горячо заверять Шерзод. — Разрешите нам начать. Сроки ведь...

Заместитель взял ручку.

— Я могу разрешить, но с одним условием, что вы в процессе изготовления рабочих чертежей устраните отмеченные серьезные недостатки... то есть плоское бетонирование.

— Устраним, даем слово, Тургун Ибрагимович! Не будет плоского, Тургун Ибрагимович!

Вазире было неприятно слышать от Шерзода это бесчисленно льстивое «Тургун Ибрагимович».

Свое условие заместитель мелкими буквами вписал там, где надлежало быть подписи, утверждающей проект. Ему хватило места и пространства и для мелко, но разборчиво выведенной подписи: «Ибрагимов».

— Если не будет выполнено это условие, будете отвечать вы, товарищ Бахрамов.

— Обещаю, Тургун Ибрагимович, обещаю! Спасибо вам большое!

Наконец Шерзод и Вазира вышли из кабинета в коридор. Лицо Шерзода излучало победное сияние.

— Вы чудо, Вазирахон! Без вас... Вы такая смелая. И тонко понимаете людей... По сравнению со своим мужем, вообще-то говоря, вы человек, который... во сто раз великодушнее!

Иногда и Вазира считала так же. Это когда ее рациональность помалкивала. Услышать такую похвалу со стороны — что тут скрывать — ей было приятно. Вазира опустила глаза:

— Спасибо за комплимент, Шерзод. Но... я не люблю жен, которые принижают своих мужей.

Шерзод посмотрел на нее с ясно обозначенным восхищением:

— Вы настоящий человек, Вазирахон!

Прощаясь, Шерзод снова приник губами к руке Вазире. И на этот раз она не препятствовала.

Настроение Вазире улучшилось, и рабочее настроение тоже вернулось к ней. Вдруг в глаза бросился приклеенный к какой-то стеклянной двери в коридоре листок яркоцветной бумаги. И в памяти всплыла станция «Новослободская» в московском метро, украшенная

цветным стеклом. Красивые, оригинальные узоры! Цветное стекло дешевле мрамора во много раз. Может быть, это выход?

Она быстро перелистала справочник с описанием свойств и цен различных стройматериалов. Сделала самый первый, предварительный расчет. Решительно подняла телефонную трубку и набрала номер Адамяна.

— Сергей Вартанович, вы слышите?.. Да, это я. Есть идея... У нас на стенах станции предусмотрена облицовка сплошь из дорогого газганского мрамора. А что, если на некоторых участках, например по боковым стенам лестничного спуска, мы воспользуемся не мрамором, а цветным стеклом? Если изузорить и осветить изнутри, будет очень красиво...

— Дельное предложение! Национальный орнамент...

— Да, это придаст дополнительный эффект и мраморной полосе лестницы. Если сэкономленные таким путем средства пойдут на габбро, то все... ляжет в смету.

— Вы уже рассчитали? Ну, коли так, вы гениальная женщина! Значит, дело теперь за эскизом панно из стекла. Эскиз должен быть в цвете, верно? Иначе не будет смотреться.

— Хорошо, я начну сегодня же.

О, Вазира любила чертить орнаменты еще в детстве, в школе... Где-то должна быть книга с образцами национальных орнаментов. Вазира поискала ее в ящиках стола, поискала в шкафу. Потом вспомнила, что книгу на прошлой неделе унесла домой.

Вот ведь досада! Ссора с мужем, оказывается, еще и так вот может помешать работе.

А Аброр все не звонит. Похоже, что он полностью принял сторону своей матери. Ну что ж...

Вазира решительно подняла телефонную трубку.

— Шерзод Исламович, вы уже доехали до своего начальственного кресла? — Вазира пыталась быть ироничной, но голос выдавал ее волнение, пока еще Шерзоду непонятное. — Я звоню вам... из-за одной книги... мне она срочно нужна.

Вазира назвала книгу, хорошо знакомую всем архитекторам республики.

— Для вас, конечно, найдем, Вазира Бадаловна! — радостно откликнулся Шерзод. — А когда именно она вам нужна?

— Чем быстрее, тем лучше.

— Ну, если так, то я сейчас же велю ее найти. Есть тут у меня ребята — чего хочешь достанут, хоть из-под земли выкопают. Я сам завезу ее к вам.

— Может быть...

— Я сам, я сам. Договорились? Ждите моего звонка.

Она почти целый час ждала телефонного звонка. Теперь от Шерзода. Что за спешка? И день рабочий уже кончается. В конце концов, заказала бы книгу завтра в научной библиотеке. «Что с вами, ханум?» — как спросил ее тогда, перед ссорой, Аброр.

— Вазирахон, простите, я заставил вас долго ждать. — Шерзод позвонил-таки, хоть и перед окончанием рабочего дня. — Доставили мне ее из дому. Сейчас выезжаю.

— Я подожду вас внизу.

Вазира не думала возвращаться снизу обратно в свой отдел. Немного прогуляется и пойдет домой... Белые босоножки, белая кофта, коричневая юбка, изящная белая сумка, в которую она и намеревалась положить книгу орнаментов, — все было в тон, все шло ей. Выходя из первой комнаты отдела, Вазира посмотрела в зеркало и осталась довольна собой. Чуть-чуть нос припудрить, и все.

Шерзод уже приехал, ждал ее у дверей, в тени здания. Как только показалась Вазира, он быстро вылез из машины, быстро двинулся навстречу с книгой в цветной обложке. Двумя руками протянул ее Вазире. Вазира посмотрела ему в глаза, улыбнулась, сердечно поблагодарила за услугу.

— Буду работать дома, в вечерней прохладе, — сказала Вазира.

— Прямо домой? — спросил Шерзод.

— Нет, не прямо... Я должна зайти к матери.

— Я отвезу вас.

— Нет, спасибо, и так вы из-за меня потеряли столько времени! Я прогуляюсь...

— Ну, Вазирахон, наградите меня хоть чем-нибудь! Доставьте мне удовольствие похитить вас.

Шерзод знал, что у Аброра есть машина и что муж всегда заезжал за Вазирой, когда кончался рабочий день. Он ждал, что именно об этом скажет ему сейчас Вазира. Однако Вазира ничего такого не говорила, выглядела расстроенной. Может быть, она в ссоре с мужем?

Шерзод открыл переднюю дверцу машины, еще раз пригласил ее сесть.

— Прошу вас, Вазирахон, покатайтесь и на моей машине!

— Обычно... обычно,— сказала Вазира, борясь с собой и не без напряжения улыбаясь,— впереди сидит или жена, или телохранитель.

— Вот как? Я бы многое мог сказать, вообще-то говоря, о моем... ангеле-хранителе, но боюсь вызвать ваш гнев. Садитесь, пожалуйста, Вазирахон,— и Шерзод решительно открыл заднюю дверцу «Жигулей».

Машина блестела не только снаружи, но и изнутри. Чехлы на сиденьях были новенькие и стерильно чистые. Шерзод и сам сегодня был как новенький — блестел и лучился.

Вазира села в машину, он закрыл дверцу мягко, почти беззвучно.

Когда проезжали через центр, Вазира нарушила молчание:

— Как поживает ваша жена?

— Э, не спрашивайте, Вазирахон... Дома бывает редко. Сейчас опять на гастролях. В Алма-Ате. Дочка у матери. Сизу дома один как сыч... А вы... вы не видели нашу квартиру?

— Нет.

— Отсюда недалеко... Давайте устроим экскурсию. Обязуюсь быть хорошим гидом.

Шерзод шутил, но Вазира чувствовала, что шутки эти могут завести слишком далеко, если она хоть как-то, хоть намеком на них отзовется. Ей вдруг стало на миг жалко Аброра и очень жалко себя. «Переступить черту»,— вспомнилось ей московское выражение Шерзода. Тогда они тоже ехали в машине...

— Спасибо за приглашение, Шерзод-ака. К сожалению, я спешу к матери.

И вновь она, словно нарочно, не заговаривала об Аброре. «Может быть, от мужа-то она и ушла к матери?» — недоумевающе подумал Шерзод. Тогда, значит, и Вазира, как он сам, Шерзод, на сегодня в одиночестве.

— Вазирахон, дома я как раз и делаю проект тоннеля под Бозсу. Я говорил Наби Садриевичу о том, чтобы вы стали нашим соавтором.

Вазира даже удивилась такому повороту разговора.

То про семейную свою жизнь, то вдруг опять о делах. Поинтересовалась:

— И что же Наби Садриевич?

— Он-то не против. Необходимо ваше собственное согласие. Так по рукам, Вазира?

Притормозив на красный свет у светофора, Шерзод обернулся, многозначительно посмотрел на Вазиру.

После двух бессонных ночей она выглядела старше своих лет. Под глазами — какие-то синие круги, лицо немного осунулось. В глазах нет обычного для нее задора.

Шерзод, честно сказать, вздохнул с облегчением, когда Вазира сказала, что спешит к матери. Согласись она заехать к нему, пришлось бы спешно ее выпроводить, галантно поцеловав ручку. Сегодня вечером он ждал другого ангела-хранителя, двадцати трех лет, кровь с молоком. Шерзод даже как-то некстати рассмеялся от удовольствия, предвкушая встречу с прелестной молодой женщиной...

— Чего вы молчите, Вазира? Или все еще боитесь Аброра?

Вазира вздрогнула. Аброр так и не позвонил ей. Все еще, видно, перемывает ей косточки вместе со своей матушкой.

— А чего мне его бояться?

— Все-таки... идти против воли мужа...

— У каждого из нас своя воля, Шерзод. Я опасаюсь другого — что не смогу тянуть воз соавторства наравне с вами.

— Никаких возов вам тянуть не придется, Вазира. Да и я не допущу этого! Вы будете давать советы... Наш советник по эстетическим вопросам, звучит? Я уже говорил: вам будет достаточно держать с нами связь по телефону, так сказать. Все остальное сделаем мы сами. Ну так как, Вазира?

Вспыхнул зеленый свет. Сзади начали сигналить нетерпеливые шоферы. Шерзод выдержал паузу, продолжая смотреть на Вазиру настойчиво и уже требовательно.

Но в самом деле, почему это она, дипломированный специалист, должна чувствовать себя связанной отношениями, которые, вообще-то говоря, к делу не относятся? В данном случае — семейными отношениями. Почему ее держит в страхе какое-то табу, инстинктивное табу, какая-то боязнь преступить черту даже

в вопросе профессиональном, чисто деловом, архитектурском. Какая противная это вещь — остатки психологии рабыни, рабыни семьи, мужа. Будто родилась она с такой наследственностью! И все же, оказывается, до сих пор не может жить полнокровно свободной жизнью! Разве из нынешнего сложного душевного тупика ее может вывести что-то, кроме решительной встряски, решительного самостоятельного поступка?

Машины начали объезжать их белые «Жигули», некоторые шоферы бросали на них вопрошающие взгляды.

Шерзод этого словно не видел. Но и Вазира не видела сейчас никого, кроме Шерзода, ничего, кроме его правой руки, протянутой к ней (левая — на баранке руля).

— Ну, Вазира, по рукам?

Вазира слегка ударила по ладони Шерзода:

— Пусть будет так... По рукам!

Шерзод успел схватить комчики ее пальцев, вытянулся всем телом, перегнулся через сиденье. Поцеловал, каждый палец поцеловал, все, что успел схватить, — указательный, средний, мизинчик. Его радость будто передалась машине, она бодро взревела, резко проскочила перекресток перед снова вспыхнувшим зеленым, весело помчалась по проспекту.

Вазира откинулась на спинку заднего сиденья. Произошло что-то большое, способное что-то изменить в ее дальнейшей семейной жизни. Впрочем, история с бешик-тоем, ссора, разбитый чайник — все это как-то разом отодвинулось, начало удаляться от нее, уменьшаться в размерах и прежней своей давящей тяжести.

А табу и «запретная черта» если и отзывались в ней теперь, то лишь каким-то неясным и темным предчувствием.

Аброр лежал в гостиной на диване весь в жару. Пахло валерьянкой и еще каким-то лекарством. Высокая температура не спадала.

Проводив врача до самой машины «скорой помощи», Шакир вернулся к брату. Посмотрел на его потрескавшиеся губы. Удивился, как быстро, всего за два дня болезни, изменился, сдал Аброр. Голос его совсем пропал.

Шакир нагнулся над больным:

— Ничего, Аброр-ака, у вас просто сильная простуда. Пройдет быстро.

Аброр покачал головой, еле слышным шепотом, с остановками, проговорил:

— Зря... накричал на Вазиру, вот и лишился... голоса. Наказание мне, брат!

Аброр попытался улыбнуться, но губы оказались неспособными изобразить улыбку, слишком заеклись. Еще что-то хотел сказать растроганному брату Аброр, но приступ кашля не дал ему говорить.

Шакир хотел закрыть до того настужь распахнутые окна, но Аброр рукой дал знак: не делай этого. Преодолев приступ кашля, еле слышно прохрипел:

— Воздуха... воздуха не хватает.

Гнойная ангина вместе с пневмонией долго держали высокую температуру. Давило на сердце. Поднимешь голову — сразу же начинается тошнота.

Капли каплями — их Шакир наливал больному регулярно, — а надо было начинать назначенные врачом уколы.

Шакир вспомнил про знакомую медсестру, которая жила через два подъезда в их доме. Когда Зафар болел корью, она делала ребенку уколы. Агзам-ата пошел за медсестрой.

...Ханифа принесла пиалу теплого молока с медом, собралась на ночь ставить горчичники Аброру — привычные заботы матери, для нее он как бы опять стал прежним мальчиком.

Когда вдвоем с Шакиром помогала Аброру добраться из гостиной в спальню, на кровать, мать не на шутку испугалась за сына: Аброр еле двигал ногами, согнулся весь, как старик, его шатало, кружилась голова. Ханифа долго и нежно стирала марлей холодный пот с лица и шеи Аброра. Что за болезнь, которая может за два дня согнуть и превратить в старика такого крепкого мужчину? Вирусные гриппы — их Ханифа очень боялась почему-то — Аброр переносил на ногах, без температуры, не признавал раньше никаких ангин. И вот тебе на!

Шакир снова воткнул под мышку Аброра градусник. Когда вынул и глянул, непроизвольно вздрогнул. Тридцать девять и восемь. Это после жаропонижающих!

— Сколько? — спросил Аброр.

— Немножко меньше стало: тридцать восемь и шесть, — солгал Шакир.

Мать вскипятила воду и поставила Аброру горчичники на спину и на грудь. В коридоре Агзам одними

глазами спросил: как, мол, там? Отец сильно страдал из-за болезни сына.

— Ничего, поправится, — успокоила мужа Ханифа.

— А может, Вазиру-то позвать? Она ведь не знает о болезни.

— И пусть не знает!.. Зато о бешик-тое она прекрасно знала. Ушла, подвела всех нас! Все спрашивали про нее. Не знала, что отвечать. Опозорила меня, а теперь вот Аброр от этого позора свалился больной!

— Сама ты больше других его мучила последние дни. Все вы, женщины, хороши!

Ночью, когда Шакир пошел спать, Агзам-ата и Ханифа-хола остались дежурить около постели Аброра.

Временами Аброр так задыхался в кашле, что Агзам-ата совсем пугался. Подбегал к сыну, осторожно прикасался к вискам, приподымал голову с подушки. Всю ночь Аброр горел словно в огне. Все время просил пить, то отсылал, то звал отца. Агзам-ата сидел если не рядом, то в соседней комнате у двери и появлялся у постели больного при малейшем шорохе. И ждал, не скажет ли Аброр о Вазире, — наверняка она присмотрела бы за ним лучше, чем он со своей взбалмошной старухой. Но Аброр ни разу не вспомнил о жене. А утром, когда после уколов и теплого молока у него чуть-чуть прорезался голос, Аброр сказал отцу о детях: Малика и Зафар сегодня должны были вернуться из лагеря.

В полдень на широкую площадь к большому девятиэтажному дому прибыла вереница автобусов. Их тут же окружили люди. Среди родителей была и Вазира. В полуоткрытом окне автобуса она увидела загорелого веселого Зафара, кинулась к нему, застучала по стеклу.

Автобус разгрузился. Уже найдены и разобраны все рюкзаки и чемоданчики детей. Вазира собралась уводить своих чадушек к матери, придумывая, как она объяснит детям, что не домой они направляются. И вдруг Зафар закричал:

— Мама, смотри, смотри, вот и дедушка пришел!

И побежал к дедушке. Обрадованный Агзам-ата опустил перед внуком на корточки и широко раскрыл руки. Потом к деду подошла и Малика. Агзам-ата выпрямился, обнял ее за плечи, поцеловал в лоб.

Рослый и худощавый, в своих неизменных легких брезентовых сапогах и чесучовом кителе, Агзам-ата

смотрел чуть поверх Вазиры. Они поздоровались друг с другом спокойно, только Вазира, испытывая какую-то странную робость, не выдержала взгляда свекра, опустила глаза, будто признавала свою вину в чем-то. Зафар искал взглядом среди машин знакомые «Жигули» вишневого цвета, но Агзам-ата повел их всех с рюкзаками к салатового цвета «Волге»-такси.

— А где папа? — спросила у Вазиры Малика.

Вазира насупилась, ничего не сказала. Малике ответил Агзам-ата:

— Папа заболел, детка. «Скорую помощь» вызывали.

— А что у него, дедушка?

Агзам-ата рассказывал о болезни сына, о том, как они с Ханифой всю ночь не спали, и краем глаза следил за Вазирой. Агзам-ата заметил, что у Вазиры снова изменилось выражение лица: теперь оно стало и озабоченным, и растерянным.

Когда все уселись в машину, Вазира в смущении призналась свекру:

— Отец, я хотела бы повезти детей к маме.

— Ладно, дочка. Если так нужно, поедem к Зумрадхон.

Дети знали, как далеко живет «мамина бабушка». Им хотелось скорее домой.

— Ну, мама, — Зафар сделал кислое лицо, — давай лучше домой!

— К папе! Ведь он же болен, — поддержала его Малика.

Агзам-ата в душе был, конечно, на их стороне, но хотел уважить невестку.

— Детки, оттуда поедem домой, оттуда... Такси немножко подождет.

Но усатый водитель возразил:

— Мне некогда будет там ждать. Ищите другое такси.

И это вроде бы все решило.

Вазира представила себе больного Аброра, совестно стало ей и перед свекром, который, несмотря ни на что, готов понять и извинить ее.

— Ладно, тогда поедem к маме потом, — и она назвала таксисту свой адрес.

Тяжелей всего было Вазире увидеться со свекровью. Но соскучившаяся по внукам Ханифа-хола так обрадовалась их приезду, так обнимала, целовала

ла, тормошила их, что на Вазиру вроде бы и внимания не обратила. Для порядка упрекнула, будто лишь некоторое время спустя заметив, что с детьми вместе явилась их мама:

— Ой, невестушка, где это вы пропадали? И зачем бешик-той мне испортили?

Агзам-ата сказал твердо и ясно:

— Бешик-той у тебя прошел как надо, жена, никто ничего не испортил. Как Аброр?

— Весь огнем горит! Врач приходил, хотел в больницу увезти. Аброр упросил дать отсрочку на денек.

Вазире после этого известия еще тяжелей стало переступить порог спальни, но и тут дети облегчили положение, первыми побежали к отцу. Такие шумные, пропитанные жарким солнцем, брызжущие здоровьем! Их тут же отогнали от постели больного. Они бегали по квартире как свежий, чистый ветерок, разгоняя спертый, душный воздух взаимных обид, к которым столь серьезно относятся взрослые.

...Этой ночью Аброр немного поспал, и к утру температура у него начала спадать. А через дней десять уже отправился на работу и вечером привез домой картонную коробку, где вместе с красивым фарфоровым чайником лежал целый набор — шесть пиалушек, ляган и каса. Все одинакового пунцового цвета. Вручая коробку Вазире, он шутливо заявил, что это расплата за тот разбитый чайник. И Вазира приняла подарок.

Как будто все у них должно было пойти, как раньше, на лад. Но Вазира чувствовала, что это лишь перемирие, а не мир, что внутри у каждого из них что-то сдвинулось и не укладывалось в прежнее русло.

Обычная супружеская жизнь, нежность, сладкие ночи, сладкие больше для тела, но открыть перед Аброром душу настужь, как прежде, Вазира теперь опасалась. Соавторство с Шерзодом было ее тайной. Знала она, что брат Аброра Шакир по-прежнему встречается с племянницей Шерзода, знала и поддерживала их дружбу, надеялась, что они поженятся, что Аброр станет родственником Бахрамова и мужу тогда будет легче примириться с Шерзодом. И с ее соавторством тоже. Но и этот замысел стал ее тайной, к тому же со свадьбой нельзя было торопить — молодым негде было бы жить. Дом на участке, купленном свекром, все еще строился.

Четвертый день подряд Агзам-ата не приходил домой — ночевал прямо на участке, под открытым небом. А шел уже сентябрь, ночи стали прохладными. Обеспокоенный Аброр после работы поехал на новый отцовский участок.

За лето многое там изменилось. В тени урюкового дерева уютно устроилась супа. Вокруг этого благословенного места Агзам-ата высадил райхон. Дальше в строгом порядке изо всех сил тянулись вверх саженцы айвы, инжира, кусты граната. С трех сторон участка шли в рост пирамидальные тополя. С высокого берега Бурджара видно далеко вокруг — дома большого города словно в гости двигаются сюда.

Бурджар — это одно из разветвлений Бозсу. И арычок, что тихо журчит в середине участка, — тоже маленькая веточка от ствола Бозсу.

Может быть, арычок-то и примирил отца с утратой старого дома. Так думал Аброр, чувствуя, что отец любил участок, что он решил во что бы то ни стало сделать так, чтоб на новом дворике было не хуже, а то и лучше, чем на прежнем.

Аброр привез отцу любимый его нарын. По пути сюда завернул на базар, купил винограду и теплых свежих лепешек. Суп Агзам-ата варил вечером сам...

Агзам-ата сразу стал выспрашивать Аброра о здоровье. Он знал, что у сына три кардиограммы подряд выходили плохими, что врачи строго запретили сыну курить.

— Как сердце? Что доктор в последний раз сказал?

— Да о болях в сердце я уже начал забывать, отец. Дел много. Проект — помните, я рассказывал? — скоро надо сдавать. Юбилей республики ведь совсем близко.

— Больше не куришь?

Аброр рассмеялся, помотал головой.

— А курить хочется? — допытывался отец.

— Еще как! Сегодня ночью приснилось: жадно затягиваюсь сигаретой. Неужто, думаю, снова начал курить? Испугался и проснулся.

— Хороший сон ты видел, сынок. Если так сильно хочешь курить, значит, выздоровел. По себе знаю: ба-

ловался насваем, а заболел — в рот ёго не хотелось брать. Выздоровел — опять потянуло.

Помолчали. Оглядели двор.

Агзам-ата уже все кирпичи заготовил. Но нужно — и очень много — досок, оконных рам, щитовых дверей, косяков дверных. Да мало ли еще чего! А откуда взять столько денег? Он, Агзам-ата, думал-думал и решил подработать — устроиться ночным сторожем.

— Тут близко стройка. Там и ночевать буду.

Аброр встревожился: если отец не будет знать отдыха ни днем, ни ночью, замучает себя. Пенсию получает, на житье хватает, а остальное — на стройматериалы... Есть же у него сыновья!

— Твой груз не легок, сынок. А я... коли к пенсии каждый месяц буду получать еще восемьдесят рублей, дело, глядишь, и пойдет, вот тебе и дверь, вот тебе и окно... Я же не кетменем иду махать. Сиди-посиживай да поглядывай. Буду ночевать не здесь, а там. Всего и разницы.

Конечно, бодрился отец для виду, перед сыном. Щеки у старика ввалились, борода совсем побелела. Ханифа-хола всего на три года моложе мужа, а выглядела крепкой, сильной женщиной, черные волосы почти скрывали седину.

— Отец, вы беретесь еще за одну работу, а кто же тогда за вами присматривать будет, еду хотя бы готовить? Мать у нас в квартире от безделья томится, сама так говорит. Может, привезти ее сюда, как вы думаете?

Белобородый Агзам-ата медленно обвел взглядом свою стройку:

— Ей здесь пока жить негде. Несподручно женщине возиться в глине. Оставь мать у себя.

Да, отец Аброра никогда не позволял жене слишком тяжелое носить, таскать воду, колоть дрова. Как в юности был жомард, так и остался им в старости: неторопливый, со строгой осанкой аксакал всегда был ко всем внимателен и добр.

Аброр ощутил прилив горячей привязанности к отцу.

— В воскресенье придешь? — спросил вдруг Агзам-ата.

— А что, есть работа?

— Хочу созвать друзей Шакира — строителей — на хашар... Баран один остался. Зарежем его. Вот тогда пусть твоя мать и Вазира приедут приготовят угощенье

для тех, кто нам̄ поможет. Привези и детей. Для них хашар как праздник будет.

— Хорошо, отец. А сколько парней вместе с Шакиром придут?

— Шакир сказал, что человек пятнадцать.

— О! Можно тогда горы своротить! И встретить их надо как следует, конечно. Я куплю на базаре все, что нужно. Вазира дома сварит годжу...

— Да, в жаркий день годжа будет кстати.

...Вазира еще в субботу вечером привезла моркови для плова, потом в большой, литров на тридцать, эмалированной кастрюле сварила годжу. А в воскресенье всей семьей встали чуть свет. Машину заполнили до отказа, по пути завернули на базар, а потом в магазин.

Когда приехали на участок, увидели друзей Шакира: пятнадцать молодых парней одевались в рабочую одежду — в спецовки. Не парни — богатыри!

Агзам-ата собрал их в круг, за веревку вытянул в центр круга откормленного барана, огляделся, подождя тишины, сказал:

— Джигиты, дорогие мои, вы знаете, у нас принято в честь добрых гостей резать лучшего барана. Вот его, — Агзам-ата дернул веревку, баран чуть ворохнулся, прижатый к ноге хозяина, — мы хотим зарезать в вашу честь. Вы пришли к нам на хашар, чтоб вместе поработать — возвести стены нового дома. Так дайте мне фатиху!

По обычаю, люди, пришедшие на хашар, должны были дать ее хозяину фатиху — разрешение на то, чтобы в их честь животное лишили жизни. Парень постарше, знающий, видно, толк в таких делах, раскрыл ладони, сблизил их, поднял к лицу.

— Омин, яхшиллика буюрсин!¹ — произнес он нужные слова, и все остальные тоже ладонями провели по лицам.

И Вазира, и Малика, а Зафар особенно смотрели на все как на диковину. Потом, когда Агзам-ата, завязав ноги барану, свалил его наземь, обнажил острый нож, Аброр по знаку Вазиры отвел Зафара в сторону — поди, испугается современный городской ребенок при виде крови, хлещущей из перерезанного горла барана.

Работа началась — и дружно. Один месил глину, другие подтаскивали кирпичи, каменщики занялись

¹ Аминь, да будет к добру!

кладкой, умело командуя помощниками, среди которых оказался и Шакир.

Аброр наполнял ведро раствором и подавал тем, кто воздвигал стены дома.

Зафар не мог, конечно, усидеть на месте и тоже начал подтаскивать кирпичи, те, что полегче.

Архитектору Аброру доверена была еще одна работа — проверять правильность кладки. Для этого его снабдили сложнейшим из инструментов — бечевкой, к которой был привязан камешек. Архитектору не пришлось поправлять строителей: привыкшие делать кое-что и посложней этой работы, они безошибочно определяли места для окон и дверей, вели кладку ровно, будто по линейке.

По звону посуды и по запаху поджариваемого мяса можно было догадаться, что на другом конце двора Вазира и Ханифа тоже не дремали: под брезентовым навесом они готовили из только что зарезанного барана кавурдак, мудрили над пловом. Агзам-ата кипятил воду для живительного чая да любовался силой и мастерством молодежи.

— Молодцы, сыны мои, молодцы! Пусть еще крепче станут ваши руки! Спасибо отцам вашим! — то и дело растроганно повторял он.

Перед самым обедом ларни немного сбавили темп.

Полная холодной годжи огромная коричневая кастрюля, которую привез в багажнике Аброр, манила к себе. Вазира умело набила большую сумку блюдами, чашками, плошками.

Вазира быстро, как заправская бригадная повараха, наполнила касы годжой, первую протянула Аброру, а Аброр передал отцу, сидевшему, скрестив ноги, на помосте. Расположились там и остальные. Свесив с помоста ноги, принимали касы вежливо, неторопливо. Охлажденная кислым молоком годжа возбуждала аппетит, некоторые джигиты попросили добавки — ведь годжа теперь такая редкость!

Зафару не хватило касы и ложки. Вот было здорово, когда он отпивал суп прямо из дядиной чаши! Кислое молоко разукрасило ему нос и подбородок — добрый смех, вызванный Зафаром, прибавил всем доброго настроения.

— Давайте, друзья, договоримся: если мы сегодня не закончим стены, будем считать, что провели день напрасно! — Здоровенный, черный как негр парень соско-

чил с супа. — Объявляем соревнование между четырьмя стенами... четырьмя командами. Ну, все готовы?

— Готовы! — сказал Шакир. — Аброр-ака, вы проектировщик, за вами контроль. Идет?

— Идет! — Аброр засмеялся и потряс бечевкой с грузилом-камешком. — Участки работы для каждой бригады будут разделены поровну.

— Тем, кто выиграет соревнование, — плов и чай, а тем, кто проиграет, — щи из кислой капусты и лимонад в неограниченном количестве.

То и дело вспыхивал смех. А когда работаешь с праздником в душе, сама работа идет быстро.

К вечеру все четыре стены поднялись в рост человека. Кавурдак, чай и спасительные шутки подкрепляли силы строителей, и в конце «смены» дом уже приобрел вид дома, только без крыши.

— Рахмат, спасибо, сыны мои, молодцы вы, хватит, кончай работу! Нас ждет плов, — сказал Агзам-ата.

Парни умылись, поливая друг другу на руки, сняли рабочие спецовки, переоделись и чинно расселись за дастархан.

Стены были почти закончены, осталось уложить два-три ряда кирпичей, а затем возводить стропила. Агзам-ата намеревался нанять мастера, сведущего в том, как покрыть крышу и установить окна-двери.

— Ну и ну, столько сделать за один день! Вот что значит хашар! — удивлялась Малика.

Да и Вазира тоже удивлялась, видя, как весело и споро шла работа и как празднично и весело расходились друзья Шакира после работы, уставшие, конечно, но приятно возбужденные и всем сделанным, и уважением, к ним проявленным. «Вот что значит хашар!» — повторяла про себя Вазира, думая и о том, что, видно, в бешик-тое тоже есть доброе начало, приятно возбуждающее, поднимающее настроение, чего она тогда не поняла. Умеют же люди делать добрые дела бескорыстно, умеют, когда захотят!

— Говорят, что и Большой Ферганский канал строили до войны вот так же, хашаром, да? — спросила Вазира мужа, заранее зная, что Аброру приятно будет ответить.

Аброр, конечно, догадался, с какой целью спрашивает его Вазира.

— О ханум, все ли вы знаете о хашаре? Знаете ли, например, что писатель Петр Павленко и великий кино-

режиссер Эйзенштейн хотели сделать фильм о всенародном ферганском хэшаре?

— Стройка была такой экзотичной для Эйзенштейна...

— Не экзотичной, а человеческой, Вазира! Когда души столько людей разъедает эгоизм, равнодушие, корыстолюбие, нежелание хоть чуточку утруждать себя, разве мы не должны ценить нашу традицию хашара? Ведь это же здорово, что люди могут запросто собраться, чтобы подарить друг другу свое внимание, свое время, свои сбережения, свое душевное тепло, свою... мускульную силу, наконец! И вот великий Эйзенштейн почувствовал это и захотел снять об этом фильм. Я благодарен ему уже за одно желание. Он уже тогда оказался прозорливей нас. Да-да, иные хорошие народные традиции мы и сегодня бездумно называем предрассудками...

— А это камень, конечно, в мой огород... — Вазиру раздражал менторский тон мужа.

— Конечно, ханум! Чтобы вы поняли: наш бешиктой был тоже вроде бескорыстного семейного хашара.

— Но он не был таким, — жестко сказала, словно отрезала, жена и отошла от Аброра туда, где стояла посуда.

Проект был сдан вовремя. И строители не подвели. 27 октября, в день пятидесятилетия Советского Узбекистана, среди тысяч и тысяч демонстрантов, заполнивших площадь Ленина, были празднично разодетые Аброр, Вазира, Зафар, Малика.

Вазира показала детям на Аллею фонтанов:

— Запомните, всю эту красоту придумал ваш отец.

— Ну, не я один... — возразил Аброр.

Но мысль о том, что среди этих многих был он, и то, что Вазира сочла нужным сказать о его работе детям, наполнили сердце светлым чувством...

После того как отшумели юбилейные торжества, Аброр выбрал минуту, когда Садриев был один, пришел к нему с большой папкой.

Заветные эскизы строений вокруг голубого Бозсу, эскизы, которые раньше висели на стене мастерской Аброра, из-за срочного задания, связанного с Аллеей фонтанов, перекочевали в папку. Красивое здание в стиле восточного зодчества. Плоская крыша его покрыта не железом и не шифером, а аркой из зеленой травки,

в которой горят алые тюльпаны. Это напоминало некоторые старые ташкентские дома с маками на плоской крыше. Садриев и за рубежом видел строения такого типа. Кстати, современные железобетонные конструкции позволяют делать подобные крыши водонепроницаемыми.

— Крышу хорошо продумали,— сказал Садриев Аброру.— Ну, а вот этот эскиз... кипарисы в нашем городе, наверное, не будут расти.

— Наби Садриевич, они уже растут. Да, пока только в ботаническом саду. Там им созданы микроусловия. Кипарисы боятся зимних холодов. Но на берегу Бозсу и зимой будет тепло — вода проходит через агрегаты ТашГРЭС; охлаждая их, сама нагревается. Я думаю, это обстоятельство следует использовать в помощь природе. Растут же у нас крымские сосны, а кипарисы растут в Крыму. Вы наверняка их видели.

— Видел. Но надо будет об этом еще подумать.

Следующий эскиз: огромное красочное колесо, напоминающее «колесо обозрения» в парках. Только вместо сидений для людей большие красивые чаши... Ну, понятно, колесо кружится, чаши поочередно опускаются в канал, наполняются водой, а потом поднимают ее и питают таким образом отводной арык, берега которого сплошь в зеленой траве и цветах. А какая сила движет колесо? Само течение Бозсу. Принцип традиционного чархипалака, заменявшего когда-то водяные насосы.

— Так, используете и развиваете, значит, традиции,— усмехнулся Садриев.— А тут у вас что, водяная мельница? И рисорушка есть? Значит, целый комплекс.

— Целый ансамбль.— Аброр улыбнулся.— Вы помните, что на берегах Бозсу и Карасу раньше было немало водяных мельниц, крупорушек и рисорушек?

— Да, помню, но сейчас-то они зачем нужны? Теперь элеваторы, рисозаводы...

— Но на одном из совещаний вы сами говорили, Наби Садриевич, что мы должны в приемлемой форме сохранить этнографический бытовой комплекс, который давал бы полное представление о прошлом Ташкента.

— Против этого ничего не скажешь. В Прибалтике, например, большой опыт по этой части накоплен... И все-таки не жалко ли воды для декоративных мельниц?..

Аброр разъяснил:

— В эскизе сохранена лишь внешняя форма мельниц. Вода, забираемая из Бозсу, подводится по задерненному арыку к мельничному стоку. Оттуда она падает на лопасти колеса и вращает его, уходя по отводам обратно, так что вода никуда не забирается. Вместо настоящих тяжелых жерновов будут легкие, пластиковые. А над ними установим обычную карусель. На пять-шесть мест. Движение воды по стоку регулируется с электропульты управления аттракционом. Нажимается кнопка, и вода с шумом обрушивается вниз, «мельничные жернова» начинают вращаться вместе с каруселью. А создается впечатление, что карусель вращает вода из Бозсу... Рисорушка тоже внешне выглядит как прежние рисорушки, но внутри все будет приводиться в движение током, вплоть до транспортерных лент, по которым будут двигаться порции плова для посетителей этих кафе.

— Да, фантазия у вас работает, Аброр Агзамович! — с улыбкой сказал Садриев. — В будущем мы думаем создать этнографический комплекс недалеко от телецентра. Вот тогда ваши эскизы могут здорово пригодиться. А пока у нас много других, более неотложных дел.

— Телецентр довольно далеко от Бозсу. А мои эскизы посвящены этой водной артерии. Вся история Ташкента связана с Бозсу. Мы гордимся, что городу нашему две тысячи лет, а такой исторический памятник, как Бозсу, еще не благоустроен.

— Почему? Вот Ганчтепе скоро станет одним из красивейших мест отдыха на берегах Бозсу. О благоустройстве зоны Бозсу думаем не только мы с вами. И самые большие руководители нашей республики дают нам хорошие советы. Прекрасный парк имени Гагарина... у него много соавторов, так сказать.

— А восточная сторона стадиона «Пахтакор», Наби Садриевич?

— Берег, где «моржи» купаются?

— Да. Чуть выше их купальни есть совсем заброшенные места. Я бы хотел... вот этот мой ансамбль в эскизах... нельзя ли его привязать к ним?

— Нет, эти места уже использованы в другом и более неотложном проекте.

— Каком это?

— Вы, должно быть, запомнили, Аброр Агзамович!

вич... Агзамова Вазира — это же ваша супруга? Бахрамовым и его соавторами, среди которых и Агзамова, подготовлен проект переустройства...

— С Шерзодом Бахрамовым? — перебил Аброр. — Наби Садриевич, это, очевидно, другая Агзамова.

— Нет, Вазира Бадаловна... Она работает по интерьерам метро... Вы не в курсе дела? Странно... Их проект мы недавно рассматривали здесь, в этом кабинете. Супруга... не сказала вам о результатах обсуждения?

Садриеву пришлось коротко рассказать о проекте нового русла длиной около километра.

— Я давно выступал против такой идеи, — выпалил Аброр.

— Ну, если Вазира Бадаловна знала о вашем отношении, то, возможно, потому и не сказала вам, что мы в главке их проект приняли.

Садриев собрал эскизы Аброра, положил их обратно в папку, протянул ее Аброру. Тот резко вскочил со стула, взял папку в руки.

Ошеломленный, вышел он из кабинета. «Бахрамовская группа... Бахрамовская группа... Неужели Вазира дошла до того, что предала мужа, вошла в бахрамовскую группу?..»

Вазира, закончив работу и выйдя к условленному месту, с изумлением обнаружила там вишневого цвета «Жигули»: чаще всего Вазира приходила сюда раньше мужа, и ей приходилось ждать.

Довольная столь ранним приездом Аброра, она бойко открыла переднюю дверцу машины и весело воскликнула:

— Ура! Видно, сегодня солнце взошло с вашей стороны.

Аброр холодно бросил:

— А вы, наверное, привыкли думать, что солнце восходит только со стороны Шерзода Бахрамова?

Вазира даже не успела понять иронического смысла услышанного, но обиду и раздражение в голосе мужа сразу уловила.

— Что-что?

— Говорят, вы стали соавтором Бахрамова. И будто благодаря вашим усилиям проект бахрамовской группы утвержден главком... Когда-то влюбленный в вас и не

достигший цели Бахрамов... как он сейчас, наверное, торжествует!

Произнес все это зло и яростно, Аброр тем не менее ждал, надеялся, что вот-вот Вазира скажет ему, что все это ложь, наговоры на нее, что если кто и болтает о чем-то, то с низкими целями! Ах, если бы она это сказала, если б сказала... он бы тотчас обнял и поцеловал Вазиру, забыл свою злость, обругал бы себя громогласно.

Вазира не отвела в сторону своего взгляда.

— Вы чем, собственно, недовольны? И в чем подозреваете меня? Да, я стала соавтором Бахрамова... стало быть, по-вашему, я сразу превратилась и в его любовницу? Вы уже об измене подумали?

Нет, он, Аброр, не мог подозревать в эдаком жену, с которой прожил, худо-бедно, шестнадцать лет.

— Да неужели вам непонятно после стольких-то лет нашей совместной жизни: для меня измена душевная еще хуже, чем... чем... — Аброр задохнулся от гнева. — Чем если бы вы провели ночь с Бахрамовым!.. Почему вы скрыли от меня свое соавторство?!

— Надо было проявить терпение, и я бы сама все рассказала... Эту работу поручили Бахрамову в прошлом году, и поручение шло через мой отдел. Садриев распорядился: курируйте проект, помогайте. Я сделала три-четыре эскиза...

— Все это лисьи хитрости!.. Нет, я имею в виду не вас, а Шерзод — этого лжелва¹. Он просто хочет хотя бы вот так одержать надо мной победу. При вашей помощи!

— Что за мнительность! Что за самолюбие! Будто все люди только и думают о том, как бы одержать над вами победу! Этот проект вообще не имеет к вам прямого отношения!

— Почему это не имеет? Другие не знают, но жене-то пристало знать, что ее муж не спит по ночам, разрабатывает проекты по благоустройству берегов Бозсу!

— Думать о благоустройстве Бозсу — не ваша монополия. Об этом думают и другие... Вот и мы сделали свой проект. Мы тоже хотим, чтобы берега канала стали красивыми! Места для работы там хватит всем!

Аброр на большой скорости повел машину не домой, а к мосту через Бозсу, потом повернул направо. Подъ-

¹ Ш е р з о д — букв.: рожденный львом.

ехав к западной стороне стадиона «Пахтакор», резко за-
тормозил.

— Ну что ж... вот этот участок... вашего с Бахрамо-
вым проекта. Давайте посмотрим, где тут будут ваши
красивые берега.

Они вышли на берег. По воде плыли осенние ли-
стья. Их становилось все больше: с веток высоких
чинар печально-шорохливо осыпались сухие листья,
падали на воду и землю.

Вазира резкими взмахами руки обозначила направ-
ление будущего выпрямленного в этом месте русла.

— А по берегам будут сооружены гранитные пара-
петы, с этой стороны пройдет вдоль канала широкий
тротуар, он будет вымощен красивыми плитами.

— Значит, вы хотите провести русло именно
здесь? — будто не слушая ее, переспросил Аброр. —
И долой эти ветвистые чинары и дубы со стволами в три
обхвата, да? — Неподалеку росла большая орешина.
Аброр показал и на нее: — Вот тут будете укладывать
бетонные плиты? Неужели гибель столетних деревьев
для вас ничего не значит?

— А зачем паниковать? Через несколько лет здесь
вырастут деревья покрасивей этих.

— Не через несколько лет, а через десятилетия!

Нет, к деревьям Вазира была всегда равнодушна.
Влюбленная в геометрические орнаменты, она не чув-
ствовала, видимо, красоты естественной. Когда они ез-
дили в Акташ или Чимган, попадали в лесные чащобы,
Вазира, выйдя из машины, несколько минут проха-
живалась по лесу, и вскоре ей становилось скучно.
Возвращалась в машину послушать радио или садилась
в прохладной тени какого-нибудь красавца чинара,
чтобы, не обращая на него никакого внимания, по-
крутить все тот же транзистор. «Радио можно слушать
и дома, в городе, а такую тишину нигде не сыскать,
прислушайтесь к ней, ханум», — говорил Аброр, но Ва-
зира отмахивалась. Природа ее словно утомляла, в го-
роде же она могла крутиться без устали много-много
часов. Вазира с детства привыкла к асфальту.

Вот и здесь, на берегу канала, красота осенних де-
ревьев ее не трогала. И грустное шуршанье сухих
листьев под ногами тоже не трогало. И неровности бе-
регов канала, их то плавные, то почти замысловатые
повороты, которые для Аброра значили так много,
вызывали в его воображении картины естественно

прекрасного соединения земли и воды, для Вазиры представляли собою лишь... неровности рельефа, свалки пожухлых листьев и мусора, неприятную тень светлой городской жизни.

— Да вспомните вы Неву в Ленинграде! — крикнула в сердцах Вазира. — Все ее берега одеты в гранит. И как это красиво! Повсюду чистота, опрятность!

— Неужели вы не видите разницу между климатическими условиями Ленинграда и Ташкента? Ленинград весь стоит на воде. Его окружают море, реки, озера. Там самой природе необходим гранит, словно охраняющий жизнь от сырости, топей, зыбкости почв. Здесь у нас, наоборот, воздух сухой, лето жаркое, люди стремятся поближе к воде, к прохладе.

— Вот и будут лестницы. Кто захочет, тот спустится по ним к воде.

— При чем тут лестницы? Бозсу — исторический памятник. Переделывать его русло никто не имеет права!

— Мы хотим лишь исправить ошибки, которые допустила история!

— Исправлять историю не дело бахрамовской группы, — с презрением вымолвил Аброр. — Не начаты ли с исправления самих себя, а, ханум? Своих собственных недостатков!

— О каких именно моих недостатках ты говоришь, Аброр? — спросила по-русски Вазира.

— Хотя бы о тех, что привели вас к единомышленнику Бахрамову! — Аброр продолжал говорить по-узбекски.

— Не поняла.

— И вы, так же как он, молитесь на железо и бетон. И совсем глухи к трепету живой природы. Внешний порядок, рациональные конструкции!.. Да ведь в течение веков и природа, и люди приспособлялись к местности, а землю вокруг — к движению воды, и так возникла естественная река со всеми ее поворотами и излучинами. Это ведь тоже порядок, гармония, рациональность. Только не прямолинейная, как палка. Вы лишены чувства природы, а это ли не душевная глухота?..

Аброр говорил, не сдерживаясь ни в словах, ни в жестах. Редкие в этот час и в этом месте прохожие уже оглядывались на странную пару.

— Вот я и стала душевно глухой, — грустно про-

изнесла Вазира.— А когда-то здесь, на берегу Анхора, мне объяснились в любви, и восторгались моей красотой, и превозносили до небес мою душевность. Забыто? Пусть напомнит Бозсу...

— Откуда я мог тогда знать... что моя жена нанесет мне удар в спину!

Вазира первой заметила, как к ним присматриваются и прислушиваются.

— Любопытно им, видно, глядеть, да еще бесплатно, на семейную драму...

Аброр только сейчас заметил интерес посторонних людей к их ссоре. Молча повернулся, двинулся к машине. Муж и жена опять пошли рядом, избегая касаться друг друга.

Вазира в глубине души осознавала, что причинила боль мужу. Впрочем, она ведь и хотела причинить ему боль, но в меру. Аброр излишне обостренно воспринимает случившееся. Излишне горячо. И надо бы немного остудить его.

— Я же не стараюсь навязывать тебе свои идеи, — на ходу говорила Вазира. — Но ведь и мне нужна свобода мысли, творческих поисков. По-твоему выходит, что я останусь хорошей, только если буду работать так, как нравится тебе. Но тогда давай признаем: ты архитектор, а я нет! Ты этого хочешь?

Они сели в машину, Вазира — на заднее сиденье.

— Все это не так. И то, о чем мы говорим, не имеет отношения к вашей профессиональной самостоятельности... Да разве бахрамовский проект — ваша работа? Вы сели на телегу этого Бахрамова и запели, как и вся его группа, его песню!

Аброр нажал на газ. «Жигули» взревели и помчались нервно, рывками.

— Прошу вас, давайте кончим этот разговор, — снова перейдя на узбекский, попыталась утихомирить Вазира мужа. — Я не пою чужих песен. Чтобы вы были спокойны... я клянусь своими детьми, что предана и верна своей семье! Всё!

Да, Вазира считала себя правой. Аброр это видел. Словами и впрямь не переубедить ни ей его, ни тем более ему ее.

Аброр свернул на улицу Усмана Юсупова.

Вазира заметила, что дорога домой опять осталась в стороне.

— Куда мы собрались ехать?

— В светлое будущее вашего проекта, — съязвил Аброр.

Им оказалось высохшее русло Койковуса и забетонированный берег. Аброр остановил «жигуленок» у самых бетонных плит.

— Видите? — Аброр обернулся через сиденье к Вазире. — И эта... пустыня... возникла по проекту Бахрамова. Во время обсуждения говорилось, что на берегах необходимо высадить деревья, что берега не должны быть плоскими. А что на деле? Посмотрите, опять срезы, выложенные бетоном... А ваша «инспекторская дорога». Срезали неровности, сдернули траву, выкорчевали деревья, затрамбовали и забетонировали, видно, для того, чтобы и впредь на этих берегах не было ничего живого. Экономичность, рациональность, индустриальные методы! Сколько громких слов! Ради собственных интересов не пренебрегаете никакими средствами.

— Бетонирование берегов Койковуса тоже личные интересы Бахрамова?

— Да, да! Представьте себе, что да! Бетонирование по шаблону гораздо легче, чем творческая, оригинальная реконструкция берега древнего канала. Бахрамов всегда работает по принципу — лишь бы отчитаться и побыстрее отчитаться. А что потом — его не интересуется. Он сегодня получает премии!

— Вы готовы повесить на человека, которого невзлюбили, все смертные грехи!

— А за что его можно возлюбить? Неужто вы забыли его безобразный поступок, когда он работал в райисполкоме?

— Какой это?

— Вы уже забыли... А припомните-ка скверик, который надо было превратить в цветник. Нам сказали, что завтра придет городское начальство и будет принимать работу. Все мы вышли на субботник. На площади — помните? — лежали разбитые бетонные плиты до двух тонн каждая. Решили найти подъемные краны и вывезти их. Однако техника нашлась не так быстро, как мы рассчитывали... Помните? Что же вы молчите? Помните, как нагрянули самосвалы с землей для цветника? И как Бахрамов, не долго думая, дал команду выгружать землю прямо на плиты. И разровнять потом площадку. А потом заставил посадить на эту площадку цветущие канны. Ну, вспомнили? Пришли

руководители, все осмотрели. Канны цветут, Бахрамов сияет. С рабочими не поговорили — ушли. Цветы сразу же погибли. Но это потом, а сегодня оперативный Бахрамов получил похвалу, а затем и повышение по службе. Настоящим благоустроителям работы, конечно, добавилось, пока убрали высохшие цветы, вытащили бетонные плиты, заново разрыхлили землю, снова завезли чернозем и цветы... Ну, теперь-то вспомнили? То был маленький скверик, маленькая площадка, а тут предполагается обезобразить берега Бозсу.

— Наш проект совершенно другой! Когда его воплотят в жизнь, сами это увидите!

— Поздно будет. Очень боюсь, что будет поздно.

— В самом деле уже поздно. Заводите машину, пожалуйста. Дома нас ждут не дождутся дети. — И уже в машине, на большой проезжей улице, Вазира добавила: — Для меня дискуссия закончилась, разговор о работе пускай и остается на работе. Терпеть не могу мужей и жен, которые без конца спорят о работе и дома, и на улице. Дома хватает домашних забот!

— И все же...

— И все же я не могу отказаться даже ради вас от своих идей, от проекта, который уже, кстати, утвержден управлением!

И Аброр, и Вазира всю дорогу молчали. Поставили машину в гараж, пошли к дому. Все молча.

Кооперативный дом напротив родного подъезда снова напомнил Аброру о Шерзоде Бахрамове.

Еще прошлой осенью были возведены стены и крыша дома. Правда, темные провалы, предназначенные для окон и балконных дверей, зияли еще целый месяц. Деревянный забор вокруг строящегося здания — помеха и пешеходам, и автомобилистам — искривился и долго мозолил глаза. Наконец сравнительно недавно окна и двери были вставлены на свои места, закончились внутренние отделочные работы, сняли и надоевший деревянный забор. Двор очистили от строительного мусора, посадили цветы и деревья, так что теперь двор приобрел несколько более приличный вид. Дети начали играть во дворе, не опасаясь грузовиков и падающих кирпичей. Во все квартиры нового дома вселились жильцы, и стало в общем дворе многолюдно до тесноты. Два дома оказались слишком близко друг к другу, и это становилось причиной многих неудобств, хотя бы по-

тому, что шум из окон одного дома наслаивался на шум из другого.

Аброр каждый раз раздражался при виде дома-соседа, назойливо близкого и к тому же архитектурно не вписывающегося в комплекс. Но что поделаешь — приходится к нему привыкать, как привыкают, например, к родимым пятнам.

Сегодняшний спор с Вазирой разбередил старую рану. Бездарный, халтурно сооруженный «шедевр» нашел «посадку» в их дворе благодаря Бахрамову. И это еще больше раздражало и настраивало Аброра против Шерзода и против Вазеры.

Он не касался теперь ее соавторства. Но ее согласие войти в бахрамовскую группу громоздилось меж ними невидимой стеной даже тогда, когда они были наедине.

И мужа, и жену мучила бессонница.

— Запомните, Вазира, — сказал как-то ночью Аброр, — мы можем крепко столкнуться с вами на рабочей тропинке нашей жизни! Я ведь не отступлю...

— Не стоит меня пугать. Лучше не вмешивайтесь в это дело, советую.

— Ну что ж, посмотрим...

На другой же после их спора на берегу канала день он разыскал знакомых инженеров, проектирующих метрополитен. Они работали в тесном одноэтажном здании напротив «Детского мира». В конце длинного коридора в малюсеньком кабинетике нашел голубоглазого Фариды Галиева. Аброр знал, что именно Галиев занимался проходкой тоннеля по дну канала и что именно Галиеву управление передало все чертежи и документацию бахрамовского проекта.

— Вы согласились принять проект нового русла Бозсу?

— Принять-то приняли, но, говоря откровенно, сейчас нам не до него. Вопрос практической его реализации будет рассматриваться в будущем году.

— Вот как... Значит, сроки снова отодвинулись?

— Да, не хватает бетона. А там ведь предлагают забетонировать новое русло длиной с километр. Зачем тратить столько, когда у нас и другие работы уже стоят из-за недостатка бетона.

— Выходит, ты против бахрамовского проекта?

— Да я-то что... У него много противников. Я вон разговаривал с ирригаторами. Новое русло ни к чему,

говорят. Шутка ли, двинуть с места Бозсу? Целую реку, в общем-то.

— Фарид, дружище, я тоже придерживаюсь такого мнения! — И Аброр рассказал Фариду все, что накопилось на душе. — Давай встретимся после работы. Ты пригласи своих ирригаторов. А, Фарид? Посоветуемся!.. Мы все-таки ташкентцы! Нельзя же позволять наш город портить!

— Вообще мнение моих друзей очень близко к твоему.

— Ну вот видишь... Где встретимся? У меня, а?

— Нет, лучше к нам приезжай домой. Запиши адрес...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Агзам-ата, Ханифа и Шакир переехали наконец на новый участок.

Рановато, конечно. С крыши дома свисали султаны камышового покрытия, стены оштукатурили наспех, только в одной комнате были настланы полы. Воду приходилось таскать со двора ведрами. Газ не подведен.

Ханифа разжигала дрова, дула на робкое пламя, и в глазах ее вскипали слезы.

Когда Аброр приехал навестить родителей, он увидел, что все трое новоселов сидят в одной комнате, согреваются у танчи. Ханифа-хола принялась тут же упрекать старшего сына:

— Сами в раю живете, а мы тут... умрем от холода, так вам, видно, все равно будет!

— Сами же мне уши прожужжали: поедем на свой участок да поедем! Вот вам и свой участок! Не нравится, вон машина стоит, садитесь, отвезу опять на квартиру.

— Да поди-ка ты со своей квартирой! У нас тут свои заботы есть, глянть, сколько саженцев тянется!

Ханифа-хола любила груши. Осенью Агзам-ата посадил четыре деревца, а между ними (когда-то еще груши дадут плоды!) разместил персиковые саженцы.

— Персики начнут давать плоды раньше, а постепенно войдут в силу и груши, — объяснял он жене.

— Да будь они неладны, персики твои да груши! Доживу ли до них? Сначала вы газ проведите! Жить не могу из-за дыма этого! — сказала Ханифа, закашлявшись.

— Потерпи, жека, потерпи, насчет газа Аброр хлопчет!

Агзам-ата не оставил во дворе ни клочка пустой земли. Посадил клубнику, высеял даже ячменно-люцерновой смеси немного. «Летом люцерна хорошо пахнет».

Любил Агзам-ата заниматься крестьянским трудом, не говоря уж о труде мираба, а вот прокладывать железные трубы, провести в дом газ, настилать полы, застеклять окна, оборудовать разные двери — это для него было сущим наказанием. Не потому, что очень уж тяжело всем этим заниматься, а потому, что такие работы пожирали массу денег. И материалы влетали, как говорится, в копейчку. И газовщики с плотниками не скромничали, запрашивали втридорога. Шакир отдавал отцу почти всю зарплату. Помогал каждый месяц деньгами и Аброр. Но денег все равно не хватало.

Агзам-ата всю зиму проработал сторожем на соседней стройке. Весной строительство значительно расширилось, и ему потребовался еще один сторож. Агзам-ата ухитрился вторым сторожем оформить свою Ханифу, а подменять ее сплошь да рядом приходилось самому. Чуть ли не каждые сутки с шести часов вечера до восьми утра он был занят теперь там, а потом придет и, не зная отдыха, вкалывает на участке.

К тому же Ханифа каждый день еще и пилила его насчет газа. А что тут сделаешь, коли на их улице газ еще не дали, труб ждут не дождутся. Аброр побывал в разных учреждениях, ему пообещали, он поверил, ждал до самой зимы, но ничего не вышло. Тогда он на свои деньги взял и купил баллоны с привозным газом. Тот день, когда Ханифа-хола начала готовить пищу на газе, был просто праздником. Мать на редкость щедрой оказалась в благодарностях:

— Спасибо тебе, Аброрджан, милый ты мой сынок, спасибо! Дай бог, чтобы и ты увидел добро от своих детей, а я так прямо ожила!

В субботу Аброр снова навестил родных. Заехал на стройку за отцом. Тот вышел к машине, заложил руки назад, согнулся, еле-еле на ногах держится.

Аброр остановил машину рядом с отцом, изнутри открыл заднюю дверцу.

— Ух! Совсем из сил выбился... Не знаю, что со мной случилось. Давеча вышел из сторожевой будки, голова странно как-то закружилась. И задыхаться на-

чал. Испугался, что упаду. Присел на штабель досок, слава аллаху, отошло.

С тревогой и жалостью смотрел Аброр на отца. Щеки просто провалились, лицо пожелтело.

— Зачем вам все это надо, отец? Хватит сторожить. Посидите спокойно дома.

— Я и сижу в сторожевой будке... спокойно. Изредка обхожу площадку строительную. Работа не тяжелая. Оплачивается хорошо.

— Недосыпаете вы — вот в чем дело.

— Что же делать, Аброрджан? Неналаженная жизнь — это как пещера, там живет ненасытный дракон, все проглатывает... Ты помогаешь нам. Шакир хорошо зарабатывает. А денег все равно не хватает. Еще Шакира надо женить. Можно ли привести в неустроенный дом невестку?

Свадьба Шакира должна была, по родительским расчетам, состояться еще в прошлом году. Но переезд и строительство нового дома заставили отодвинуть сроки еще на год.

Весной, когда созрел урюк, Ханифа-хола приготовила лагман. Агзам-ата сидел вместе с сыновьями, ел да похваливал.

— Э-эх! — воскликнул он внезапно, схватился за щеку, потом вытащил изо рта двумя пальцами маленькую косточку. — Вот те на! Оставалось у меня всего-навсего три зуба, так один из них выпал. Разве от лапши зуб может сломаться?

Лагман был съеден. Приступили к чаю. Агзам-ата заговорил грустно и тихо:

— Сыны мои, кажется, подходит срок... За семьдесят уже... Сожалеть мне не о чем, все, что можно, уже сделал. Почти все. Вот участок до конца не обиходил. Да это уж вы как-нибудь сделаете без меня. Но давайте-ка побыстрее сыграем свадьбу Шакира. Коль умру, то ведь свадьба-то опять отложится.

— Не говорите так, отец. Вы еще будете нянчить детей Шакира.

— Нет, Аброрджан, нет. Неважно себя чувствую, неважно. Пока глаза мои не закрылись, хочу увидеть, как Шакир обзаведется семьей... Ты разузнай у него насчет невесты, — сказал он Аброру совсем тихо, почти шепотом на ухо. Шакир деликатно отвернулся. — На будущей неделе и посватаем, а?

Шакир стеснялся рассказывать родителям о Нигоре.

Иное дело — старший брат. Аброр с прошлого года, с того самого часа, когда он отвез младшего брата на свидание, успел немало узнать о невесте Шакира, оказавшейся — увы, но ничего не поделаешь! — племянницей Шерзода Бахрамова. Впрочем, Нигора самостоятельная и разумная девушка. Бахрамов не сможет помешать ее свадьбе, даже если бы захотел: родители девушки знают Шакира и одобряют выбор своей дочери.

— Кажется, тут проблем нет, Шакир? — спросил Аброр, когда младший брат провожал его до калитки к машине.

— Оно-то так, но вот свадебные обряды... обычаи всякие... их, оказывается, так много, и все они такие канительные... Как подумаю, сколько чего надо учесть, голова кругом идет.

— Да, тут старое с новым переплелось накрепко, наслонилось друг на друга, так что и не оторвешь. Со старыми обрядами и расходов, и хлопот становится вдвое больше. А пользы никакой. Вы с Нигорой должны избежать ненужной показухи.

— Но как избежать? Все ведь зависит от родителей, — заметил Шакир.

— Ну, не все... Пусть-ка Нигора поговорит со своими родителями. Я с отцом поеду сватать. Если они дадут согласие, то никаких промежуточных обрядов делать не станем. Фатыха-той, помолвка, к примеру, зачем? Резать барана, везти мешок риса, печь до двухсот лепешек — кому все это нужно задолго до свадьбы? А вот такой обычай, как «аксор» — «белый знак», мне лично нравится. Это когда сторона невесты посылает жениху кусок белого шелка и сладости. Сладости раздаются соседям жениха, а белый шелк означает пожелание светлого пути будущей семье. В этом есть какая-то поэтичность.

— Ну, не уверен. Не возьму в толк, зачем каждый раз привлекать к нашему личному делу соседей, чуть ли не всю махаллю?

— Тут есть своя логика, Шакир. Строится новая семья. Вот вы и должны видеть и помнить: множество рук клало кирпичи в это новое здание. А то ведь как бывает? Четыре человека соберутся, поставят на стол две бутылки, и все. Семью, создаваемую столь легко, боюсь, разрушить тоже нетрудно. В иных городах половина всех молодых семей оказывается непрочной. А в наших махаллях разводов, сам знаешь, мало бывает,

из десяти семей, может, одна рушится. Так ведь?.. А трудностей, — Аброр решил закончить разговор шуткой, — трудностей на собственной свадьбе не пугайся. Испытаешь их вдоволь, тем верней будешь: не захочешь вторично жениться.

А Нигора, оказывается, жила в кооперативном доме, так неуклюже поставленном в их дворе. С тех пор как Аброр об этом узнал, сам этот «шедевр архитектурной мысли» стал пробуждать в нем иногда и теплые чувства.

Однажды вечером Аброр вошел в этот дом вместе с отцом и старшим зятем, мужем старшей своей сестры; празднично одетые, степенные, хотя и немного смущенные ролью сватов, они медленно поднялись на третий этаж.

И одним из первых, кто вежливо вышел им навстречу, кто учтиво ожидал их на лестничной площадке, был Шерзод Бахрамов. Дядя Нигоры. Младший дядя, но, видимо, пользуется уважением в доме.

Все вошли в гостиную. На одной из стен висел большой красивый шелковый ковер. Сервант, до отказа заполненный японским фарфором и чешским хрусталем, сверкал вовсю. На мягких стульях бросались в глаза красные бархатные накидки. Белоснежность скатерти подчеркивали умело расставленные по столу виноград, урюк и груши; здесь же зажаренные целиком куры, нарын с тонко нарезанными кружками конской колбасы.

Чинно расселись за столом. Принесли шурпу. После двух-трех ложек супа заговорили о молодых.

— Звезда вашей дочери сошлась со звездой нашего братишки, — начал витиевато Аброр. — Иначе мы не смогли бы встретиться за этим прекрасным дастарханом. Как говорится, если суждено, то в скором будущем станем и родственниками.

Отец девушки — среднего роста, полный, представительный мужчина лет сорока пяти — приложил ладонь к сердцу, склонил курчавую голову:

— В добрый час!

Съели плов. Посуду унесли на кухню. После этого заговорил старший дядя девушки:

— Если махаллю не угостим пловом, будет нехорошо, согласны? Наши переехали сюда недавно. Чтоб познакомиться с соседями, сделаем плов человек на

двести. Утром перед свадьбой, согласны? Для этого купим сообща мешок риса, барана, соответственно и муку, продукты.

Аброр обдумывал, как бы деликатно отказаться от этой идеи, но Агзам-ата опередил:

— Согласны, согласны. Еще какие у вас пожелания? Говорите, не стесняйтесь.

Опять старший дядя взял слово; бесконечные его «согласны?» звучали совсем не вопросительно.

— Мать с большими надеждами растила свою дочь. Есть обычай, вносить молочные деньги... Немного... Четыреста рублей, согласны?

Установилась неловкая тишина.

Аброр исподлобья посмотрел на Шерзода, будто приглашал его раскрыться, определить свое — современное! — отношение к услышанной нелепости. Шерзод повернулся к старшему брату, с видимой иронией спросил его:

— Как это понять, ака? Вы просите у сватов калым?

— Да нет! Какой там калым — четыреста рублей? В кишлаках, бывает, мно-о-го тысяч берут, вот это калым! Мы говорим только о молочных деньгах... матери за ее молоко, согласны?

Агзам-ата посмотрел на Аброра: говори, мол, ты.

— Это что, какой-то новый обычай или забытый из старых? — спросил Аброр.

— Раньше такого обычая не было, — сказал Агзам-ата тихо.

— Свадьба требует больших расходов. Матерям тоже нужны деньги, согласны?

— Если для свадебных расходов, — намеренно, с видом облегчения вздохнул Аброр, — четыреста рублей мы дадим. От души. Как подарок. Пятьсот дадим. Только просьба наша такая: не называть это молочными деньгами. Потому что материнское молоко нельзя продавать за деньги. Мы так думаем. Вы с этим согласны?

Глаза отца Нигоры затуманились — ему было стыдно.

— Вы правильно сказали, не надо эти деньги так называть... Теперь мы готовы услышать пожелания и наших гостей... Вот, например, фатыха-той...

— Для нас выполнять этот обычай кажется обязательным. Правильно, отец? — Аброр обратился к Агзаму-ата.

Агзам-ата утвердительно кивнул головой. Отец

девушки тоже тотчас согласился: нет так нет, зачем лишние хлопоты.

Старший дядя посмотрел на Шерзода, который до поры до времени сидел молча, теребил салфетку.

— Не очень ли все упрощаете, а? Как бы не возникло сплетен да насмешек.

Шерзод не сразу ответил. Посмотрел на отца Нигоры, тот напряженно посмотрел на него, Аброр понял, что все будет так, как скажет сейчас Шерзод.

Шерзод обратился к сватам с видом человека, который дает займы большие деньги:

— Если вы так хотите, мы идем на эту уступку. Однако не забывайте, что наша племянница достойна самых больших свадебных торжеств.

— Правильно! Нигора — первая у отца и матери. Потому... у них немало заветных желаний, — подхватил старший дядя. — На свадьбе должны быть пара карнаев, пара сурнаев, барабан-нагара. И двух знаменитых певцов с музыкантами надо пригласить. Договориться заранее, согласны?

Аброр спросил у Шерзода, вспомнив, что когда-то Шерзод выступал против таких свадебных концертов с микрофонами:

— Как вы на это смотрите, Шерзод Исламович? Мы, конечно, можем пригласить. Но микрофоны... лишний шум...

Шерзод уклонился от прямого ответа:

— Вопрос о карнаях и сурнаях будем решать позже, времени у нас еще много: после того как молодые подадут заявление в загс, пройдет полтора месяца. Сейчас о другом, вообще говоря, надо подумать... Свадьбу назначим...

Он вынул из кармана маленькую книжку-календарь. Полистал ее. Выбрал субботний день, что попал на середину августа. Отец Нигоры и старший дядя сразу согласились с Шерзодом. Сторона жениха тоже ничего не имела против этой даты.

Наконец по знаку Шерзода вынесли из внутренних покоев три шелковых бекасамовых чапана. Старший дядя поднялся со стула. Первый чапан он надел на свата Агзама, два других — на остальных сватов.

— С богом, поздравляю вас!

— Вот и стали родственниками, ата! — Шерзод среди всех гостей выделил отца Аброра.

В свою очередь Агзам-ата понял, что в этом доме Шерзод играет главную роль, вежливо поклонился ему:

— Спасибо, сынок, дай бог вам счастья! Пусть молодые до конца жизни будут вместе, пусть у них будет много детей и внуков, пусть живут в счастье и любят друг друга! Аминь!

Все провели ладонями по лицу и встали с мест.

Когда вышли уже на улицу и начали прощаться, перед расставанием Шерзод многозначительно заметил, обращаясь к Аброру:

— Это ведь только начало. Хорошо то, что хорошо кончается.

— Самое главное, молодые любят друг друга.

— Да, но их счастье зависит и от нас с вами.

Аброр только сейчас съел плов, приготовленный в семье Нигоры, только что надел чапан, подаренный ему старшим дядей Нигоры.

Он должен был ответить не иначе как вежливо:

— Будем делать все, что от нас зависит.

А возвращаясь домой, думал: «Шерзод намекает на то, что может испортить дело со свадьбой... Как было бы хорошо, если бы те проекты лежали без движения еще месяца два-три. Мы бы успели сыграть свадьбу до того, как начнется схватка с Бахрамовым! Пусть бы молодые успели расписаться! А схватки ему все равно не избежать...»

Вазира, услышав от Аброра, что свадьба назначена на август, встревожилась:

— Ай, как неудачно выбрали время! Надо было назначить или на июль, или на сентябрь. Первая половина августа — время, когда Малика будет сдавать приемные экзамены в институт. Конкурс страшный!

Аброр, поглощенный разными заботами, почти совсем об этом забыл.

Малика закончила десятый класс, получив похвальную грамоту. Уже перегнавшая ростом мать, она от тревог, что надвигались на нее, стала по-взрослому серьезной. Лицо вытянулось, шея удлинилась. А глаза расширились, смотрели на мир тоскливо и тревожно.

Аброр жалел дочь, глядя, как она днем и ночью, без усталости и отдыха, с отчаянием каким-то готовилась к экзаменам.

Аброр с Вазирой, не откладывая визита, постарались побывать у проректора и у декана. Таких, как они, «просителей» оказалось много, и обещать им никто ничего не стал. Оставалось одно: создать для дочери все условия для занятий, следить, чтобы она вовремя ложилась и вовремя вставала — тогда голова будет всегда свежей.

Вазира отдала дочери самую тихую комнату в квартире, следила за ее питанием, ложилась спать после того, как засыпала Малика. Первый экзамен — письменная работа по математике. Результата ждали четыре дня. Вазира не спала две ночи. Узнали наконец, что Малика по письменной математике получила тройку. Если она все остальные экзамены не сдаст на пять, то в институт не попадет.

Вазира так расстроилась, что у нее начались постоянные головные боли, в глазах стали мелькать черные мушки. Поднялось кровяное давление, и пришлось принимать таблетки, прописанные врачом. Вскоре давление сбили, но головные боли не исчезли. Снова записаться к врачу Вазира не удосужилась, никак не могла выкроить время: приближалась свадьба Шакира, собралась на совет родня — решать, кто какую долю расходов, подарков возьмет на себя.

В сундуке Ханифы лежали несколько отрезков на платья из шелка и атласа. По обычаю, все наряды невесте должна была подарить сторона жениха, а все наряды жениху — сторона девушки. Штук восемь самых лучших отрезков из сундука будущей свекрови будущая невестка должна отнести к портному, сама выбрать фасоны, какие ей захочется, а стоимость шитья обязан оплатить опять-таки жених. Предназначенные для Нигоры пальто, плащ, кофты и другие вещи решили купить сестры Шакира и их мужья. Достать дефицитные белые туфли на высоком каблучке и сапожки на платформе выпало на долю Аброра: у него же машина, ему поискать легче будет.

В разгар всех этих хлопот пришел в движение проект нового русла Бозсу, подготовленный бахрамовской группой, строительство метро подошло близко к Бозсу, вопрос о прокладке трассы через канал стал неотложным.

— Вазирахон, вы слышали неприятную новость? —

Шерзод позвонил Вазире на работу. Голос его звучал встревоженно.

— О чем это?

— Ну, как же... Ваш супруг вместе с несколькими метростроевцами готовит, оказывается, свой проект, противоположный нашему. Подводит, так сказать, мину.

Таким образом открылось Вазире, что значили долгие разговоры Аброра с метростроевцем Фаридом Галиевым, его уходы из дому вечерами на долгие часы. Аброр не говорил Вазире, какими делами занят. Мало того, однажды, когда Вазира обиделась на него, что, мол, у вас за военные тайны от ревнивой жены, Аброр вполне серьезно ответил ей злым встречным: «Когда вы стали соавтором Бахрамова, вы разве не скрыли этого от мужа?»

Вазира чувствовала, что Аброр намеренно не выходит в разговорах с нею за пределы домашних забот, что в отместку ей он готовит что-то к их домашней жизни не относящееся. Подозревать мужа в том, что он, как говорят иные дамы, «завел себе женщину», у нее не было оснований. Значит? Значит, Шерзод попал в самую точку.

Спокойным голосом Вазира ответила Шерзоду:

— Пусть они даже и подготовят что-то... проект все равно придет в главное управление. А Наби Садриевич одобрил наш. Почему вы беспокоитесь?

— Строители метро наш проект не одобряют. А у них очень большие права. Не считаясь с решением главка, они могут пойти напрямик в весьма высокие инстанции, где к мнению строителей метро прислушиваются.

— Если вам мало мнения Наби Садриевича...

— По-моему, настала пора пригласить из Москвы...

— Павла Даниловича?! — Вазира тут же эту идею подхватила, подумав, что Бахрамов в самом деле человек ловкий. «И умный администратор», — добавила она мысленно.

— Конечно. Я только что звонил ему. Если главное управление пригласит, то он приедет.

— Фамилия его Катинов, да?... Хорошо, что вы напомнили мне о нем, Шерзод. Я сейчас же найду к Наби Садриевичу.

Вазира положила трубку, взяла бумагу и ручку. Коль приглашать за счет управления специалиста

из Москвы, надо письменно обосновать необходимость вызова, с готовым текстом приказа идти к Садриеву. С красиво оформленной заявкой все в той же красивой папке, на которой вытеснено: «К докладу».

Садриев внимательно прочитал текст приглашения. Прикусив нижнюю губу, посидел минуту молча, не глядя на красивую Вазиру — на сей раз лишил себя этого обычного удовольствия.

— М-да, ваш проект не нравится строителям метро, — сказал Садриев.

— Видимо, потому, что есть другой проект, который сбивает их с толку, Наби Садриевич.

— Кто же смеет переступить вам дорогу? Кто сии храбрецы?

— Точно не могу сказать. Один из них, кажется, инженер-метростроитель. Другой — из ирригаторов... — Вазира не решилась сказать начальнику об Аброре — язык не повернулся. Вместо этого заверила: — Наби Садриевич, если из Москвы прибудет Катинов, очень и очень авторитетный специалист, вопрос будет решен... с пользой для нашего общего дела.

— Вы уверены? Приглашенный специалист будет на вашей стороне?

— Мы разговаривали с Катиновым еще в Москве...

— Да, перед вами трудноато устоять, Вазира Бадаловна... — усмехнулся Наби Садриевич. Помолчал. Решил: — Ну что ж, будем защищать честь своего мундира.

В тот же день в Москву на имя Катинова ушла телеграмма-приглашение.

Только возвращаясь домой, вспомнила Вазира, что сегодня ее дочь ушла сдавать второй экзамен.

Вазира открыла дверной замок, вошла в квартиру. Первым, кого она увидела, был Аброр, который чистил в коридоре бьюки.

— Малика вернулась?

Из кухни появилась Малика. Устало улыбающаяся. Аброр обернулся к Вазире:

— Можете ее поздравить.

— Четыре? — спросила мать, боясь произнести «пять».

— Нет, пять, — ответила Малика.

Вазира обняла дочь, начала целовать ее. И почему-то расплакалась.

Оказалось, что и Шакир у них; он вышел из гости-

ной, раскрыл кожаную папку, которую держал в руке, достал пригласительный билет с рисунком розы и свадебными золотыми кольцами.

— Ишь ты, уже раздаете пригласительные билеты? И папка шикарная, прямо «к докладу». И билеты очень красивые, Шакирджан.

Вазира не смотрела на Аброра. Не могла повернуть к нему свое заплаканное лицо.

— Если не начать сегодня, Вазира-апа, потом не успеем всех пригласить. Через пять дней уже в загс.

— Давай, Шакир, пошли... — это сказал Аброр. Ему непонятно было, отчего вдруг пролились слезы Вазиры, но спрашивать ее не хотелось.

Машина вишневого цвета стояла у дома. Братья спустились вниз. Пока садились в машину, что-то говорили друг другу. Вазира грустно наблюдала за ними с балкона.

В самом деле, отчего это она пустила слезу? Аброр, ее Аброр, муж ее, спокойно и буднично разговаривает дома об экзаменах Малики, о заботах, связанных со свадьбой брата, а исподтишка готовит таран, нужный ему, чтобы разбить, разгромить проект, ее проект, и все это держит в тайне от жены. И Вазира в свою очередь не хотела даже намекнуть мужу о том, какие они в главке приняли сегодня меры, чтобы перечеркнуть его замыслы, его проект. Тайная схватка между ними приобретала все более непримиримый характер, занимала все больше места в душе, наполняла Вазиру равнодушием ко всему иному. Она бы и хотела радоваться пятерке дочери, но радость эта не трогала души, не доходила сегодня до сердца. Нет, нет, нельзя и дальше жить так: дома они одни, а на работе другие. Взрывное напряжение копилось в ней. Казалось, нервы, как струны, непрерывно натягиваются. Однако ослабить их напряжение было уже не в воле Вазиры. Соавторство с Шерзодом, поддержка Садриева, на которого она имела определенное влияние, телеграмма в Москву — отнесило Вазиру все дальше и дальше от мужа, и течение событий, казалось, неостановимо, как неостановимо течение реки.

Она знала, что и Аброр уже не может отступить, — проект, подготовленный им вместе с ирригатором и инженером-метростроевцем, поддержали строители метрополитена, однако Садриев еще идет против них, защищая проект Вазиры (или ее, Вазиру?).

День, когда Вазира услышала о предстоящем обсуждении проекта «на самом верху», был днем наибольшей тревоги за себя и наибольшего отдаления ее от мужа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Они вошли в зал заседаний, не глядя друг на друга. Словно чужие люди. Каждый — в группе своих соавторов.

В этом здании, полном света в коридорах и на мраморных лестницах, с сияющими паркетными полами и строгими ковровыми дорожками, в здании, где внимательные улыбающиеся милиционеры проверяли документы входящих, Аброр испытал прилив сил и желание постоять за свою идею; Вазиру же не отпускало гнетущее чувство душевной тревоги.

В красивом светлом зале, наполовину занятом рядами кресел, столом и кафедрой-трибуной, предстояло пройти обсуждению.

Проект бахрамовской группы был выполнен в цвете, проект группы Агзамова походил на произведение черно-белой графики. Павел Даниилович — он прилетел из Москвы вчера, но уже успел на машине Шерзода объехать чуть ли не весь Ташкент, побывать на берегах Бозсу, предварительно ознакомиться с конкурирующими проектами — сейчас прямо-таки прилепился к этой черно-белой графике: видимо, намереваясь поддержать Вазиру и Шерзода, продолжал искать слабые места в проекте Аброра.

Первое слово было предоставлено начальнику Метростроя. Вазира сразу насторожилась: все знали, что метростроевец сторонник проекта Аброра, и вот он начинает обсуждение. Довольно сильное впечатление произвели экономические цифровые выкладки оратора: осуществление проекта агзамовской группы должно обойтись в два раза дешевле, чем проект группы бахрамовской.

С вниманием слушали и Садриева.

— Товарищи, что такое Бозсу? — начал он. — Это канал-река. Когда течет такая большая вода, под ней прокладывать метротоннель представляется делом необыкновенной трудности...

Садриев тоже не поскупился на расчеты, и его циф-

ры звучали тоже убедительно. В конце речи сказал, что управление пригласило из Москвы для консультации крупного специалиста Павла Даниловича Катинова, того самого товарища Катинова, который сталкивался с проблемами прокладки метрополитена под дном Москвы-реки и Яузы.

— Сталкивался и успешно разрешал эти проблемы! — с пафосом заключил Наби Садриевич.

Председатель обратился к Павлу Даниловичу, сидевшему в первом ряду:

— Пожалуйста, товарищ Катинов, слово вам!

Павел Данилович быстро встал с места, но к трибуне не пошел.

— Уктам Рахимович, разрешите один вопрос?

— Пожалуйста.

— Можно ли остановить Бозсу на месяц-два? Как посмотрит на такую возможность руководство республики?

Остановить? Вазира затаила дыхание, ожидая ответа.

— Если ато сделать зимой, при небольшой воде, то можно, — спокойно сказал Рахимов. — Многие наши большие каналы зимой почти бездействуют.

— Есть две гидроэлектростанции, работающие на воде Бозсу. Если они остановятся, город не останется без электричества? — Голос Павла Даниловича напрягся. Катинов нервно поправил слуховой аппарат в ожидании ответа.

— Если две маленькие ГЭС остановятся... объем энергии, вырабатываемый ими, пожалуй, столь незначителен, что их временный простой не должен отразиться сколько-нибудь серьезно на энергобалансе Ташкента. Но, конечно, тут слово за специалистами. Так, слушаем вас, товарищ Катинов.

Павел Данилович стоял растерянный.

— Похоже, я еще не готов выступить. Разрешите попозже. Мне, конечно, неловко, но... Хотел бы послушать мнения других.

Вазира вздрогнула. Ее-то главная надежда была на Катинова. Неужели Катинов начинает отступать?

— Хорошо! — Уктам Рахимович оглядел собравшихся. — Кто же следующий?

Еще четыре человека выступили, сравнивая оба проекта, и трое из них взяли сторону Аброра и Галиева.

Павел Даниилович, выйдя наконец к трибуне, начал неожиданно:

— Шерзод Исламович, Вазира Бадаловна, дорогие мои друзья.— Он посмотрел на Агзамову и Бахрамова виновато, словно извиняясь.— Я приехал, чтобы защищать вашу точку зрения. В Москве она была для меня весьма убедительной. Но это был взгляд издалека. Ради нашей дружбы я должен, я обязан сказать правду, как она мне открылась теперь... Берега Бозсу удивительно красивы. Будет хорошо, если вы сохраните эту естественную красоту!.. Когда в Москве строили первые линии метро, мы не располагали возможностями обезвоживания речного русла. Ради метро нельзя остановить и осушить Москву-реку на месяц или на два. По этой причине мы прокладывали тоннели на большой глубине, с большими предосторожностями, и это обходилось очень дорого. А в Ташкенте иная ситуация... Если есть возможность остановить Бозсу на зимнее время, сохранить естественные берега, то зачем прокладывать бетонное новое русло, в спешке выпрямлять, портить реку?.. У второго проекта тоже есть недостатки. Но в целом проект Агзамова лучше, рациональнее, на мой взгляд, товарищи.

Павел Даниилович говорил что-то еще, но Вазира уже не слушала его. Шум в голове, темные круги и полосы перед глазами. Она сидела будто оглушенная, собирала силы, чтобы понять, что происходит с ней.

Оцепенение немного отпустило ее в момент, когда Рахимов обратился к Шерзоду:

— Ну, товарищ Бахрамов, послушаем вас...

Шерзод вскочил с места. Быстрый, ловкий, находчивый... Вазира пришла в себя: уж этот ее соавтор, Шерзод Бахрамов, найдет что сказать, сумеет защитить их совместный труд.

— Уктам Рахимович, прежде всего разрешите мне выразить вам огромную искреннюю, от сердца идущую благодарность за то, что вы нашли возможность уделить и вообще уделяете так много времени и внимания нашей архитектуре, нашей работе. Наш красавец Ташкент...— тут Шерзод вдруг сбился с тона, вспомнив, что коллеги обходились без «красавца Ташкента», а ему как-никак задан прямой вопрос.— Сегодняшнее обсуждение для всех нас большая школа... а для меня и горький урок. Лично я готовил проект по поручению главного управления, по плану главного управления,

не говоря уже о том, что проект был утвержден в главе... Но сегодняшнее обсуждение показало мне... вскрыло новые и, на мой взгляд, верные и перспективные возможности решения проблемы. Позвольте заверить вас, Уктам Рахимович, что из сегодняшней критики я... все мы сделаем нужные выводы.

И снова зал закружился перед глазами Вазиры. Это говорит Шерзод? Оправдывает себя, сваливает вину на управление? Но что значит — управление? Это она поддержала проект, а ее поддержал Наби Садриевич. Значит, Шерзод обвиняет ее?

Аброр сидел во втором ряду с краю. Он бросил реплику:

— Но ведь не управлению, а вам, Бахрамов, принадлежит идея бетонизации и выпрямления русла Бозсу. Я правильно говорю, Наби Садриевич?

— Правильно! — ответил Наби Садриевич, покраснев. — Мы еще не забыли, как Бахрамов вился вокруг управления нарядным мотыльком... добился-таки включения своего проекта в план, добился...

— Не с вашей ли все-таки помощью, товарищ Садриев? — спросил Рахимов.

Все притихли.

— Есть грех, Уктам Рахимович. Не проверил лично, поверил и Бахрамову... и... не только Бахрамову.

Подводил итоги обсуждения Рахимов:

— Надо видеть, во имя чего мы строим, во имя чего работают все наши управления, все архитекторы, инженеры, все мы и каждый из нас. Забота о человеке — главное! Метро — для этого. Берега Бозсу — тоже для этого. Для отдыха, для радости. Объем строительства поистине огромен, есть множество проблем, и все они взаимосвязаны, поэтому необходим комплексный подход. Вы, товарищ Садриев, вместе с авторами первого проекта, подошли к проблеме односторонне, чисто технологически. Товарищи критиковали вас правильно...

Вазира не помнила, как вышла из зала. Словно в тяжелом дурманном сне видела она людей, торопливо покидавших зал после окончания обсуждения. Голова раскалывалась, что-то тяжелое давило на веки. В коридоре она почти столкнулась с Наби Садриевичем. Вазира хотела, очень хотела бы взять всю вину на себя, но вымолвить она смогла только невнятицу:

— Наби... Садриевич... из-за меня... выслушали такое...

— Да, это вы меня подрубили под корень! — гневно, несдержанно зашептал ей Садриев. — Вы пробивали проект этого... Бахрамова! Вы скрыли от меня, что ваш муж готовил контрпроект!

«Неправда! — вскрикнула Вазира мысленно. — Неправда! Их проект уже был утвержден, когда Аброр... Ах, как кружится голова!»

— Вы старались для Бахрамова! И этот... специалист из Москвы... Не ожидал... Доверился вам и вот... опозорился!

...Она едва различала дорогу, по которой шла пошатываясь. Лестница, еще лестница... Людей вокруг нее нет. Избегают... В руках и ногах сил нет. Да что это с нею?

Напряжением воли Вазира выпрямилась, кивнула милиционеру у входа и, еле открыв дверь, шагнула на улицу.

Это что? «Жигули», Аброр?

— Садись, Вазира!

Это его голос. Его рука открывает дверцу.

Вазира отшатнулась. Он вышел, силой усадил ее в машину и повез домой. Скорее домой.

Вазира чувствовала себя все хуже. Идти по лестнице у нее не было сил. Упала грудью на перила. Аброр осторожно повел ее вверх.

Вазира начала задыхаться. Он поднял ее на руки, понес.

Хорошо, дети (заигрались, что ли?) оставили дверь незакрытой. Аброр ногой растворил ее, добрался до дивана.

Вазира громко вскрикнула. Слева в груди сдавило так больно, что трудно стало дышать. Она рывком дернула ворот кофточки.

— Воды!.. Воды! Умираю!..

Аброр побежал на кухню. Из соседней комнаты, оставив книжки и тетрадки, на крик матери выскочила Малика. Растерянная, дочь стояла у дивана, не зная, что делать.

— Держи, Малика!

Чуть приподняв голову Вазиры, они пробовали напиться ее. Прохладная вода принесла облегчение, маленькое и слабое. Звенящая боль в голове не проходила — словно из какого-то скрытого логова выползает чудовище и кусает, кусает. Было так больно, что Вазира заплакала.

— Ой! Умираю!.. Воды!

Аброр снова побежал на кухню. Он взял из настенной аптечки валерьянку, дрожащими руками накапал в пиалу с водой капель тридцать.

Малика крепко держала мать за руку, гладила ей грудь.

— Мама! Ма-ама! Ма-а-мочка!

Валерьянка не помогла.

Аброр выскочил в коридор к телефону. Набрал «ноль три» — занято, снова и снова набирал. И ругал себя:

— Будь прокляты все эти раздоры и споры!.. Алло!.. Алло!.. «Скорая»? — Прикрыл трубку ладонью. — Боюсь, не инфаркт ли это. Состояние очень тяжелое!

Аброр назвал фамилию, адрес.

С улицы, ведя за руль любимый свой «Орленок», вошел потный, разгоряченный Зафар. Услышав стоны матери из соседней комнаты, Зафар бросил велосипед, подбежал к ней. Вслед за сыном вошел и Аброр.

— Сейчас врач приедет, Вазира. Не полегчало?

От боли в груди Вазира корчилась и стонала. Ни Аброр, ни дети ничем ей, конечно, не могли помочь.

— Мамочка! Успокойся! Мамочка! — все повторяла Малика, едва сдерживая слезы, и гладила матери грудь, руки.

Аброр видел, как наполнились слезами глаза сына.

— Зафар, иди-ка со мной. Что это такое? Велосипед валяется, сейчас врачи придут, а он дорогу загородил...

...Врач вышла в коридор после того, как больная перестала стонать. Аброр и Зафар, каждый по-своему, тревожно смотрели на женщину в белом халате — она должна была вымыть руки.

— Перепугались, да? Ну и правильно перепугались. Такой приступ мог плохо кончиться.

Аброр подал ей чистое полотенце.

— Нелегко женщине и работать, и все по дому делать. На работе были какие-нибудь неприятности?

— Да... Я, знаете ли, испугался... Не инфаркт?..

— Нет. У вашей жены гипертонический криз. И острый сердечный невроз. Опасный приступ. Хорошо, что вы сразу вызвали нас. Могла случиться беда.

— Спасибо вам! А ей лучше, доктор?

Аброр стоял около двери с тревожным и виноватым видом. Женщина помедлила с ответом, начала изда-лека:

— Эти стрессы... их так много... Целыми днями мы на «скорой» ездим по городу. Тут невроз, там инсульт, там инфаркт. Так в горах бывает... Тихо-тихо, а вдруг крикнешь — и отзывается отовсюду, наращивается, голос твой приобретает страшную силу... будто звуки помножили свою силу на силу тишины.

— Да, я тоже такое замечал.

— У стрессов... вот такая сила. Мы всего насмотрелись... Иногда думаешь: боже мой, ведь эти стрессы, как бои на фронте, уносят массу жизней! Инфаркты, инсульты, словно снайперы с оптическим прицелом, ждут удобного момента.

Аброр встревожился еще больше. Такие слова не сулят в устах врача ничего хорошего.

— Доктор, а ей сейчас лучше? Скажите откровенно.

— Скажу... Мы сделали больной все нужные инъекции. Она должна уснуть. Хорошо, если будет спать до вечера. Не будите! На ночь дайте ей теплый сладкий чай, кислое молоко... можно куриный бульон. Потом пусть примет таблетки, которые я выписала. Я поставлю ее на контроль. А если она не сможет заснуть и ей станет хуже, сразу звоните нам. Сразу! Тогда придет реанимационная машина, увезет вашу жену в больницу.

Аброр побледнел.

«Победитель! — со злобой подумал он о себе. — Нет, пусть все победы пойдут к чертям, если расплачиваться за них надо такой ценой!»

Врач и сестра ушли. В гостиной, где лежала Вазира, было тихо. Аброр боялся почему-то зайти туда, сидел с Зафаром на кухне. Минут через двадцать к ним присоединилась Малика.

— Мама заснула! — прошептала она.

Бледная была сейчас Малика, похожа на заботливую мать, укладывающую спать тяжело больного ребенка.

Вазира к вечеру проснулась. Слабым голосом звала Малику. В комнату, где она лежала, вслед за Маликой вошли Аброр с Зафаром. Втроем поставили у изголовья дивана журнальный столик, расстелили скатерку и поставили на столик разрешенные медициной сладкий чай, кислое молоко и бульон.

Вазира оставалась вялой, будто оглушенной. Руки и ноги — непослушными. Немота и безразличие.

Несколько раз глотнула поданный Аброром слад-

кий чай. Когда разлилось по телу тепло, возродилась и память: припомнилось обсуждение и особенно последние слова Наби Садриевича. Какое же все-таки она ничтожество! Самонадеянная, глупая женщина. Достойная презрения мужа. А он? Заботой отвечает на все.

— Ничтожество!.. Я ничтожество... Не стою ваших забот.

Аброр смахнул указательным пальцем крупные слезы жены с ее бледного, осунувшегося лица.

— Вы стали для меня дороже, чем прежде, Вазира. Между нами стояла невидимая стена. Сегодня она рухнула.

Вазира представила себе галантного Шерзода, хамелеона, ловкача Шерзода. Она громко зарыдала:

— Какая я дура! Самонадеянная дура! Мне стыдно! Боже мой, как мне стыдно...

Ресницы Зафара (ничего он не понимал, слава богу!) увлажнились, губы задрожали. Малика взяла брата за руку, они вышли из комнаты.

— Ладно, Вазира, поплачьте, быть может, полегчает,— сказал Аброр, сел рядом и обнял ее.

Вазира продолжала рыдать, сотрясаясь всем телом.

Аброр не выдержал, прикрикнул:

— Хватит! Возьмите себя в руки, Вазира! Дети боятся. Малика завтра должна экзамен сдавать. Подумайте и о себе. Приступ может повториться.

Последние слова подействовали. Постепенно Вазира успокоилась.

— Матери сообщите. Пусть Малике поможет. У девочки ведь экзамены.

То, что Вазира вспомнила о матери и Малике, несколько успокоило Аброра. Он позвонил Малику, попросил ее подежурить еще немного, а сам (с Зафаром) сел в машину и в уже густых вечерних сумерках отправился к теще.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

...Новая кнопка звонка — белая, квадратная — сразу привлекла внимание Аброра. Он нажал на нее; зазвонело приятно — «бим-бом, бим-бом, бим-бом». «Ишь ты, Алибек, как вернулся из армии, решил все вокруг обновить!» — подумал Аброр с удовольствием.

Дверь открыла Зумрад Садыковна.

— Вай, Аброрджан!.. Заходите, заходите! Ой, какая радость, и Зафар к нам пожаловал!

Зумрад Садыковна поочередно обняла гостей, поцеловала каждого в лоб. Появился на своих двоих малыш, подошел вразвалочку к бабушке, вцепился в подол ее юбки.

— Ай да молодец, Тимурбек, начал ходить! — Аброр поднял малыша на руки.

Из комнаты слева в прихожую вышел Алибек. Глаза, брови, лоб годовалого сынишки были точь-в-точь отцовские.

Алибек поздоровался с Аброром, осторожно взял из его рук Тимурчика. Поставил на ноги, слегка шлепнул по мягкому месту:

— Иди-ка походи. Мы его не приучаем к рукам. А то избалуется.

— Правильно! Сам отец вырос баловнем, а сына не хочет баловать! — рассмеялся Аброр.

— В следующем поколении природа должна отдыхать... и от гениальности, и от пороков поколения предыдущего. — Алибек произнес это с видимой серьезностью, почесывая густую бороду.

После демобилизации он бросил свое «непыльное» лаборантство, вернулся на завод сменным инженером. Сейчас дела у него шли неплохо. От предармейского прошлого осталась разве что эта борода, тщательно ухоженная, полукольцом окаймляющая лицо (усы теперь Алибек сбирвал).

Из кухни навстречу гостям вышла, вытирая руки о фартук, и Насиба. После родов она, как водится, пополнила и ростом, казалось, стала поменьше. Густой бас диктора телевидения доносился и в прихожую. В гостиной Аброру сразу бросился в глаза широкий экран цветного телевизора.

— О, цветной приобрели! И давно?

— На прошлой неделе, — ответил Алибек не без гордости.

— «Радуга»? Наверное, дорого?

— Около семисот. Купили в кредит.

— Отважные люди!

Аброр знал, что весной, когда Насибе покупалось трехсотрублевое модное пальто, Алибеку новые туфли и кримпленовый костюм, больше половины денег было взято в долг в кассе взаимопомощи. И вот, гляди,

купили дорогой телевизор, еще не рассчитавшись с прежними долгами. Вещи теперь многих приманивают к себе, причем дорогие вещи, и на что только иные не идут, чтобы занять их.

Зумрад Садыковна разгадала, о чем сейчас думал Аброр.

— Современная молодежь очень уж охоча до удобства да одежды, дорогой Аброр... Век, говорят, такой: что дешево — то не мило.

— Ну и что? Надо хорошо жить! — Алибек с ходу ринулся в контратаку. — На заводе я немало получаю за свой труд. Только за труд!.. — подчеркнул он нужное слово. — И Насиба берет в школе определенное количество часов. Будем стараться побольше зарабатывать. С долгами рассчитаемся. Это ясно. Потом будем собирать деньги на машину. Через несколько лет и я куплю «Жигули».

— А книги? — спросил Аброр.

— Я вот предлагаю собирать библиотеку, да Алибек не соглашается, — ввернула Насиба.

— Сначала машину, книги начнем собирать потом. Сделаем красивые полки... Застекленные книжные шкафы купим.

Да, Алибека все еще манит внешний блеск жизни. Конечно, человек меняется медленно.

Аброр повернулся к Зумрад Садыковне, осведомился о зрении.

— Правый глаз почти совсем перестал видеть.

— Бельмо? А оперированный как?

— Он-то меня и спасает, Аброрджан. Хорошо, что прошлой осенью вы повезли меня на операцию! Что бы я сейчас делала? Подумаю обо всем этом и прямо не знаю, как благодарить вас и Вазиру. И долгой жизни желаю профессору Камилову! Операцию провел очень удачно. Вон видите — очки надеваю и одним глазом газету читаю. И сама шью, коли что необходимо.

Из другой комнаты было слышно, несмотря на включенный телевизор, как Зафар с Тимурчиком занимались автогонками: игрушечные машины ревели как настоящие.

— Почему сестра не пришла, почча? — спросил Алибек.

— Заболела Вазира... Лежит в постели.

— Поднялось давление? — с тревогой спросила Зумрад Садыковна.

— Да. Врач уколы назначил, строгий постельный режим. А тут еще экзамены у Малики. Трудные... Скоро физика.

Зумрад Садыковна когда-то преподавала физику в институте.

— Я поеду к вам, помогу Малике!

И пошла переодеваться.

Насиба внесла блюдо с ток-дулмой, тарелки. Целый день Аброр ничего не брал в рот, теперь с удовольствием поел, попил чаю.

— Хорошо, что у вас сейчас благополучие и мир.— Аброр был искренне доволен.— Я душой здесь отдыхаю. А у нас... И болезнь Вазиры, и забот полон рот! Свадьба Шакира на носу. Поступление Малики в институт. Год назад мы могли поддержать других, а теперь сами ждем поддержки.

— А чем помочь? Вы только скажите,— вскинулась Насиба.

Алибек нахмурил брови:

— Свадьба-то, наверное, по-старому? Нет, почта, у меня нет никакого желания быть там на побегушках, подносить да убирать посуду...

— Вот так раз! При чем тут посуда, мулла Алибек?.. На свадьбе почет нужен жениху... Приходите, просим, послезавтра в парадной одежде, поедете сопровождать новобрачных в загс. Идет?

— Послезавтра суббота? Можно. Насиба отпросится в школе. Вместе и поедем.

Аброр посадил Зумрад Садыковну в машину и увез ее к себе.

На следующий день рано утром, еще семи часов не было, Аброра, проспавшего полночи на балконной раскладушке, разбудил резкий звонок. Зумрад Садыковна спала в гостиной, ближе к двери, она ее и открыла.

Аброру послышался голос брата. Наспех оделся, сполоснул водой лицо и руки; вытираясь на ходу, вышел в гостиную, где его ждал Шакир.

— Что так рано?

— Что вы там натворили? — Шакир даже «здравствуй» не сказал.— Вся родня Нигоры отвернулась от нас. Вернули подарки. И свадьбу хотят отменить.

— Ну-у-у!.. Это уже работа Шерзода Бахрамова.

Я тебя предупреждал, брат... А ты, видно, Нигоре не все объяснил...

— Исчезла Нигора, понимаете! — в отчаянии воскликнул Шакир. — Я ее ждал вчера вечером около фонтана целых два часа. Как договорились. А она не пришла. Дома у них телефона нет... А завтра в загс надо...

— И пригласительные все розданы. Вот шуму-то будет на весь город, если Бахрамову удастся отменить свадьбу.

— Я еще боюсь и за отца, Аброр-ака! Он так переживает. Всю ночь не спал. Охает, вздыхает без конца. Такой позор на старости лет он может не выдержать.

— Ну ладно, надо действовать! Надо найти Нигору и обо всем договориться, и только с ней. Она же не отвернулась от тебя?

— А кто ее знает!.. Вчера и на работе не была. Может, она заболела? Или ее заперли? Их дом-то рядом. Может быть, Вазира-апа ходит к ним домой?

— Вазира больна. У нее строгий постельный режим. Малика вроде тоже знакома с Нигорой. Ты напиши записку, она отнесет.

...Уже в восемь утра Малика пошла в соседний дом, но тут же вернулась. Ее не пустили к Нигоре. Мать девушки встретила Малику надменно-неприятно, записку Шакира отказалась передать дочери. Сказала только: «Пусть ваши найдут себе другую невестку».

— Ах, так! — мстительно сжал кулаки Аброр. — По обычаю я не должен приходить к ним в дом до свадьбы. Но раз свадьбу хотят сорвать, я плюну на обычай и пойду сейчас к ним сам!

Он быстро побрился, надел новые светлые брюки, самую красивую свою рубашку. Подходя к кооперативному дому, увидел в его тени белые «Жигули» с блестящими металлическими полосками по бокам. Машина Шерзода. Значит, он уже здесь, у племянницы. Аброр приостановился было, чуть не повернул домой — очень уж не хотелось видеть Бахрамова после обсуждения. Но если уйти — значит, оставить Нигору в его распоряжении... Бахрамов может наговорить ей какое... что...

Нет! Надо идти сейчас и лицом к лицу...

Аброр успокаивал себя, намеренно не спеша поднялся на третий этаж. На звонок вышел отец девушки — полусонный вроде, еще не бритый.

Аброр решительно вошел в прихожую. Протянул руку:

— Через порог неудобно! Здравствуйте, Мухтар-ака!

Мухтар смущенно подал руку Аброру, а сам оглянулся назад, где в глубине коридора появились жена и Шерзод; они напряженно и неприязненно смотрели на Аброра.

— Я приходил сюда сватом и потому позволил себе явиться снова, чтобы разобраться в возникших осложнениях.

Аброр говорил громко, уверенно, не запинаясь. Он ожидал, что откроется еще какая-нибудь дверь в коридор и покажется сама Нигора. Все свои слова он целил в нее. Но двери были плотно закрыты.

— Когда вы приходили сватами, — начала мать девушки, с нарочитым презрением кривя губы, — мы и встречали вас с почетом, чапаны надевали. Думали тогда, что вы достойные люди!..

— А мы оказались недостойными? Чем же? — опять-таки громко спросил Аброр.

— Мы от вас, от свата и будущего родственника, себе добра ждали. А вы натворили... столько зла причинили моему брату! Я вот только сегодня узнала, как вы хотели лишить его премии, чтобы самому стать лауреатом! А вчера при больших начальниках вы напали на моего брата, чтобы лишить его высокого поста. Вы просто завидуете Шерзоду! Если вы такой завистник, человек с черным нутром, то поищите себе других родственников!

— Уважаемая... соседка! Не спешите навешивать на меня ярлыки! Кто завистник с черным нутром — мы выясним. Ваш любимый брат Шерзод Бахрамов — мой однокашник, я знаю его со студенческих лет. Как правило, завидуют талантливым людям. А черная зависть свойственна бездарностям. Верно? Если я бездарный, а Шерзод — яркий талант, то давайте сейчас вот при вас и проверим; дайте нам два листка чистой бумаги, два карандаша, мы сядем рядом... Что хотите, чтоб мы сделали: рисунок двора, чертеж, ваш портрет? Посоревнуемся при вас: у кого выйдет лучше! Ну давайте?

Шерзод подал голос:

— Что за детские забавы? Время таких смешных конкурсов для нас с тобой прошло, дорогой Аброр.

— Ты уходишь в кусты, дорогой Шерзод. Наши

с тобой конкурсы не кончились. Вчерашний ты проиграл, потому что у тебя не творческое, а стереотипное мышление. Зачем ты вообще пошел в архитектуру? Ты способен мыслить только стандартными кубиками да бетонными плитами. А вот когда надо нарисовать или воспроизвести что-то индивидуальное, неповторимое — тебя не хватает. Я видел десятки твоих рисунков, чертежей. Они все однотипные, ты это знаешь сам. И потому замахваешься на все живое, губишь его.

Аброр все это выпалил залпом. Но и расчетливо громко и остро: за стеклянной дверью, что вела в одну из боковых комнат, он заметил легкое движение. Нигора там. Ну так пусть она слышит все.

— Какая наглость! — взвизгнула сестра Шерзода, а сам он ядовито-иронично спросил:

— Ты, Агзамов, стало быть, яркий талант, а я бездарь, так?

— Не о себе говорю. А ты, Шерзод, весьма нужный человек, нужный винт, как некогда считалось... Произносили раньше речи о маленьком человеке, необходимом человеке-винтике. Ты, конечно, большой человек, — стало быть, большой винт. Чем винты хороши? Да тем, что подходят под стандарты, их можно легко заменять, удобно вынуть из одного паза и вставить другой с той же нарезкой. Не потому ли ты и кочуешь с места на место? С одного солидного поста на другой? Но ты еще и честолюбив, Шерзод, ты используешь административный пост, чтобы выдвинуться и по творческой линии; творческие лавры, по праву принадлежащие талантам, — вот что не дает тебе покоя. Тогда ты отодвинул молодого талантливого архитектора Хатама Юлдашева, хотел занять в списке его место. Так или нет? Скажи своим родным правду. После того как я выступил в защиту Юлдашева, он получил премию или нет? Молчишь? А он получил-таки премию! Талант был достойно вознагражден... Вот и рассудите, уважаемые соседи и будущие родственники, — повернулся Аброр к смущенному вконец Мухтару, — кто из нас завистник с черным нутром?

Сестра Шерзода, хоть и растеряла значительную часть прежнего пыла, все-таки вновь вступила в бой:

— Завистник тот, кто вчера пытался сбросить моего брата с высоты. Не для того ли, чтобы самому взгромоздиться в это кресло?

— Да пусть он сидит в нем еще сто лет. А вчера...

своим выступлением я спасал доброе имя своей жены, на которую Шерзод пытался свалить вину за свой ничемный проект.

Аброр коротко рассказал о том, что вчера случилось с Вазирой на обсуждении и после обсуждения, не скрыв и того, что она сейчас лежит больная: будущие родственники должны и это знать.

Тут вдруг приоткрылась дверь с шелковой занавеской, на ручке двери показалась изящная девичья рука. Нигора не стала выходить в коридор, постеснялась показаться Аброру в домашнем халатике и с заплаканным лицом. Но молчать она больше не могла:

— Извините нас, Аброр-ака!.. Столько неприятностей и мучений мы вам всем причинили... Передайте, пожалуйста, Шакиру... Завтра я пойду в загс, чего бы это ни стоило, пойду!..

— Пойдешь, если мы тебе разрешим,— жестко осадила мать.

— Мамочка, вы тоже все слышали... Зачем вы вернули свадебные подарки?

— А почему они... почему такой ширпотреб покупают? Мы для жениха из заграничной парчи чапан шили. Костюм японский купили... А они какого-то местного производства кофты-мофты послали... Не будет наша дочь одеваться в тряпье!

— Ничего не надо, мама! Зачем вы все в торговлю превращаете?! Мне стыдно! Стыдно! — Нигора громко заплакала за дверью, но продолжала говорить сквозь рыдания: — Если вы... не прекратите... уйду из этого дома! Убегу! Выброшусь с балкона... Мне стыдно!

Шерзод сделал знак сестре, и та исчезла в комнате за стеклянной дверью. Аброр вопросительно посмотрел на Мухтара.

— Аброр Агзамович... вправду... вышло нехорошо.— Мухтар развел руками.— Дело не в подарках, конечно, но... надо было все недоразумения выяснить... Хорошо, что вы зашли... Пройдемте в гостиную... а то в коридоре все стоим... Шерзод Исламович, пригласите и вы нашего гостя в комнату.

— В другой раз, Мухтар-ака, спасибо. Сейчас я спешу на работу.

— Ну... — Шерзод замялся, прислушался к тому, как затихал плач Нигоры.— Раз молодые крепко держатся друг за друга... мы... вообще-то говоря... хотим того или нет, но оказываемся в одной упряжке.

— Вы верно сказали, Шерзод Исламович! — Мухтар сразу ухватился за эти слова. — Свадьбу сыграть надо.

— Но достойно! — Шерзод бросил на Аброра неприязненный взгляд. — Ты же любишь разглагольствовать о верности традициям, Аброр. Щедрость и широта — вот наши традиции.

— Душевную щедрость и нравственную чистоту — вот что я прежде всего ценю в традициях! В этом и будем проверять наши взаимоотношения, верно, Мухтар-ака?

Мухтар согласно кивнул головой.

Приостановленная было «свадебная машина» снова заработала. В субботу молодые должны были отправиться в загс. Вазира хоть и встала с постели, но ехать с молодыми не могла — врачи не разрешили выходить на улицу. Шакир сидел (томясь от сорокаградусной жары!) в своем черном парадном костюме. В час дня трое его друзей прикатили на новеньком «рафике». К ним присоединился Алибек с Насибой. Аброр ехал во главе на своих вишневых «Жигулях».

Договорились, что в загс поедут по пять человек со стороны жениха и столько же со стороны невесты. Но у подъезда, откуда должна была выйти Нигора, собралось гораздо больше молодых людей. Они окружили наряженную в белое невесту.

Шествием невесты руководил, конечно, Шерзод. Он небрежно кивнул в ответ на приветствие Аброра, строго заметил Шакиру:

— Транспортom жених обязан обеспечивать всех гостей. Истина известная. Это ведь свадьба, а не просто собрание...

Отец Нигоры до блеска надраил свою и без того новенькую белую «Волгу». По распоряжению Шерзода эту машину обтянули лентой, впереди, над бампером, взгромоздили модный символ — пластмассовую куклу.

Мухтар-ака отдал Шерзоду ключ от своей «Волги» — она предназначалась жениху с невестой. Шерзод, прежде чем сесть за руль, произнес перед кружком шоферов маленькую инструктивную речь:

— Будете следовать за мной. Как только тронем-ся с места, сразу же пускайте в ход клаксон. До тех пор, пока не выедем на трассу, понятно? Пусть все во

дворе и в домах знают, что происходит большое событие!

Шоферы засмеялись:

— Понятно!

— Погудим!

В машину к Аброру сели Алибек с Насибой. «Жигули» следовали за «Волгой» через две машины. Аброр не сигнализировал, конечно. Ворчал:

— Чего расшумелись? Стыдно...

— Это, видно, какой-то новый обычай, — предположила Насиба. — Раньше так сигнализировали, когда умирал какой-нибудь таксист и товарищи провожали его на кладбище.

— Для Бахрамова и в этой церемонии главное показуха, — заметил Аброр.

А сколько пришлось вытерпеть Аброру, пока Шакир с Нигорой регистрировались в загсе! Фотограф по указке Шерзода то и дело останавливал жениха и невесту, множество раз щелкал аппаратом, едва ли руку не протягивал за деньгами после каждого кадра. Стороне жениха, то бишь Аброру, знай только расплачивайся. Затем новобрачные и гости зашли в уютный зал кафе при Доме бракосочетаний. Людей там было немного, большинство столов стояли свободные. По просьбе Аброра официантка соединила четыре стола вместе. Жениха и невесту посадили на почетное место. Насиба взяла из рук Нигоры роскошный букет алых роз и поставила его в вазу посередине стола. В глубине зала сверкал стеклом и никелем буфет, откуда принесли несколько бутылок шампанского, минеральной воды. На столе появились бутерброды, пирожные, фрукты.

Уверенный в том, что всем еще предстоит большой пир в ресторане, Шерзод сказал Аброру:

— Хватит, хватит, здесь мы посидим всего несколько минут.

— Как хотите! — Аброр протянул официантке деньги, отправил ее к шашлычнику на улицу, где вкусно дымил мангал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Аброр вернулся домой в веселом настроении.

Вазира разговаривала по телефону:

— Павел Данилович, одну минуточку... Вот он приехал... Я ему передаю трубку. — Закрыв микро-

фон ладонью, шепнула Аброру: — Наш московский гость... Я его приглашала... Обещала познакомить с вами...

И он, Аброр, хотел бы поближе узнать человека, который столь неожиданно поддержал его на обсуждении, да еще и против себя, против своих первоначальных намерений не побоялся пойти.

— Павел Данилович, как хорошо, что вы нашлись! Я раза три звонил вам в гостиницу! — закричал в трубку Аброр.

С того конца провода послышался сильный гудящий голос:

— Да я мало бываю в гостинице. Друзья-метростроевцы то на консультацию, то на прогулку зовут... скучать в номере некогда.

— А сегодня вы свободны? Мы с Вазирой очень хотели бы видеть вас у себя.

— Я бы с удовольствием... Но, знаю, Вазира Бадаловна прихворнула. — Катинев заговорщицки понизил голос. — Мы, мужчины, толстокожи, да-да... я как узнал подробности, почувствовал себя неловко. Недогадливый пень, ей-богу. Приехал защищать, а выходит — страшно подвел женщину да еще не сразу это и понял.

— Совсем наоборот, Павел Данилович, вы сделали доброе дело не только для меня, но и для Вазир. Если вы приедете к нам, она сама вам это же скажет.

— Ну, пусть сперва Вазира Бадаловна окрепнет хоть малость. Впрочем... я собираюсь уезжать послезавтра, мог бы завтра с утра нанести вам, так сказать, кратковременный визит.

Аброр прикинул: свадебные хлопоты не один день занимают, завтра — самая кульминация. А что, если...

— Павел Данилович, завтра мы женим моего младшего брата. Вот и приглашаем вас не просто домой, а на свадьбу. Согласны?

— А я не буду вас отвлекать от забот? Не помешаю?

— Я думаю, ваше участие, наоборот... поднимет тонус.

— Ну, вы настоящий обольститель, Аброр Агзамович: мне очень хочется увидеть узбекскую свадьбу, о которой я столько слышал.

Аброр обещал заехать за Павлом Даниловичем в восемь.

Кооперативный дом оставил от прежнего большого двора лишь лоскутки свободной площади, но аксакалы изловчились и выкроили площадку, чтобы можно было проводить по обычаю свадьбы и другие многолюдные торжества. Старый тандыр для выпечки лепешек был перенесен в какой-то закуток общего двора. Знаменитый пекарь, он же водитель «поливалки», сегодня ночью приготовил тесто, рано утром развел огонь в тандыре, и — вот вам более двухсот лепешек, вдыхайте их аромат, радуйтесь, люди добрые!

С вечера появились на площадке табуретки, длинные столы — путешественники со свадьбы на свадьбу, скамейки. Установили все это хозяйство из расчета на двести человек... И закипела работа на общем дворе! Парни всей махалли резали морковь для плова, в чугунном котле жарили мясо, тоже для плова. На столах уже утречком расстелили льняные скатерти, появились фрукты, горячие лепешки. Прямо на земле стоял, пуская пар, сорокалитровый самовар, купленный на общие деньги. Сорок фарфоровых чайников и сотни пиал готовы были дать людям спасительный напиток.

Еще до восхода солнца человек сорок аксакалов пришли первыми отведать плов. По одну сторону — отец невесты и старший дядя, по другую — Агзам-ата и его старший сын Аброр, почтительно приложив к груди руки, встречали гостей-аксакалов.

Потом Аброр помчался в гостиницу за Павлом Даниловичем.

Во дворе играла музыка, выделялся высокий протяжный звук сурная, нервно отбивала ритм нагара — грушеобразный барабан... Все это было ново и интересно для Павла Даниловича. Сперва поливали ему воду на руки из красивого медного кувшина, дали чистое полотенце, и он тщательно вытер их. Потом посадили его на одно из почетных мест, перед большими атласными и бархатными коврами — сюзане, на которых красовались удивительные узоры, вышитые разноцветным шелком.

Аброр протянул Павлу Даниловичу пиалу:

— В жару хорошо пить зеленый чай, Павел Данилович. И фрукты берите... У нас сегодня традиционный плов. Подчас мы жалуемся — зачем с утра есть жирный плов? Но этот обычай придуман не интеллигентами, сидящими за письменными столами. Чтобы целый день махать тяжелым кетменем, нужно было

много физических сил. И лучше было поднабрать их с утра.

— Да и нам врачи советуют самые калорийные блюда есть с утра.

— Тогда вот, пожалуйста, Павел Данилович... Тут сверху плова кружочки вроде колбасы. Это казы.

— Из конины, знаю, знаю... Я пробовал казы в Москве в ресторане «Узбекистан».

Аброр начал есть плов с блюда, которое было представлено между ним и Павлом Даниловичем.

— Из одного блюда — лягана, по-нашему, — плов едят обычно двое. Но, может быть, вам удобней с отдельной тарелки?

— Нет-нет, как положено, так и будем есть. И хорошо, что без выпивки, Аброр Агзамович. А то с утра в такую жару...

— Да, только плов, фрукты и чай.

Павел Данилович обратил внимание, что те кто приходил на утренний плов, не засиживались более двадцати минут: исполнили долг, отдали дань уважения, а потом вставали, благодарили и уходили по своим делам.

На небе уже с утра ослепительно сияло солнце, день обещал жару до тридцати пяти градусов в тени! Но воздух был сухой — дышалось легко. Павел Данилович чувствовал себя уверенно и весело. И во дворе, и потом в квартире Аброра, где гостя и мужа уже ожидала Вазира.

Стол был накрыт. Павел Данилович обратил внимание на то, как скромно одета Вазира и как трогательно смущенно она держится, не думая о том, что и это смущение ей очень идет, она кажется совсем юной.

Аброр открыл шампанское, разлил его по бокалам.

— Павел Данилович, вы сейчас находитесь, как говорится, в восточной семье. Семейная жизнь здесь, на Востоке, для посторонних глаз подобна невидимой стороне луны. Но так случилось, что вы своим приездом и своим выступлением там, на... дискуссии, невольно оказали воздействие на невидимую сторону...

Аброр увидел, как опускает глаза Вазира, как зарделось ее лицо. Вазира, перехватив нить разговора, продолжала:

— Давайте подыдем бокал за нашего гостя. Сами того не ведая, Павел Данилович, вы помирили меня

с мужем... Его победу сейчас я чувствую, как свою. Так вот, мой тост... Чтобы этого больше никогда не было и чтоб каждый из нас поступал всегда так же принципиально, благородно, как Павел Данилович. За нашего гостя!

Павел Данилович поднял бокал с приятно охлажденным шампанским. Что греха таить: он любил добрые напитки, придающие человеку веселое, приподнятое настроение. Он любил красоту жизни, природы, дружеского застолья. А тут на столе переливались то мягкими, то пылающими красками персики, золотистый инжир, алые ломти арбуза, кисти матово-черного винограда, и рядом сидели — Павел Данилович чувствовал это — по-настоящему искренние люди.

— У вас какое-то сказочное изобилие, Вазира Бадаловна! Скажу вам откровенно: готовился услышать от вас упреки... ну, пусть скрытые, пусть намеком. А вы такое мне сказали, что уж и не знаю... Праздник в душе, и все тут!.. Сказка? Нет, я вижу, добро и красота вполне и в жизни совместимы.

Прерывая Катинава, загредел звонок в коридоре. Слышно было: Малика вышла открывать дверь, ее приглашение войти перебил глуховатый голос Агзама. В гостиной появился Зафар и по-узбекски сказал Аброру тихо, что дедушка просит на минутку выйти к нему.

Аброр извинился перед гостем, пошел к отцу. Агзам-ата сидел на кухне, сгорбленный, никак не мог отдышаться после того, как поднялся к ним на третий этаж.

Ах эти свадебные хлопоты! Уже несколько дней Агзам-ата почти не спит. Вчера у себя на участке они задали утренний плов для двухсот человек. Вчера же Агзам-ата ездил на загородный базар — за баранами для свадебного пира. Сегодня тоже с пяти утра на ногах: у дома невесты встречал и провожал тех, кто приходил на утренний плов. Часам к одиннадцати думали завершить все это дело, и Агзам-ата рассчитывал, что с его плеч упадет груз забот, появится возможность вздохнуть с облегчением. Да тут на своих белых «Жигулях» прибыл Шерзод Бахрамов. Хмуро посмотрел на отца Нигоры, что встретил шурина тоже без особого восторга. Но распорядитель свадьбы есть лицо важное.

— В багажнике у меня усилитель с микрофонами, выгрузите их.

Выгрузили из машины аппаратуру, упакованную в картонные коробки. Шерзод между тем взялся за Агзама:

— Ата, почему вы... позорите нас?

— Э-э... как так... что мы сделали плохого?

— После загса все уважаемые люди устраивают обед-банкет в ресторане. А ваш сын Аброр поспешил!

— Не говорите так! В нашем роду нет скупых. Вот сегодня... большого барана, мешок риса... и другие продукты... всего на пятьсот рублей привезли сюда. А помните, вы просили денег для подарков матери, и мы дали эти четыреста рублей!

— А наряды невесты? Ваши кофты и пальто никуда не годятся! Мы идем вам во всем навстречу, а вы... Вон ваша жена пожелала, чтоб на головном уборе жениха красовались совиные перья, — так наши измучились, пока их отыскивали, все улочки Старого города обегали, но нашли наконец, купили — по пятнадцать рублей за пару перьев!

— Будь она неладна, моя старая... вполне могли обойтись без этой совы...

— Нет, не могли. И мы пошли навстречу... А вы обещали, что пригласите знаменитых певцов. Что же оказывается? Мы узнали, ваш сын пригласил ребят из самодеятельного кружка! Это просто издевательство! Чем хуже других девушек моя племянница?

— Тот знаменитый певец, который обещал к нам прийти, заболел. Что нам оставалось делать?

— Он разве единственный, других знаменитых певцов нет, что ли? Тот, кто не скупится, находит... Или вам помочь деньгами, ата?

Агзам побледнел.

— Э-э... Бахрамов, сколько хотите возьмите денег с нас, а оскорблять не надо! Пригласите того певца, которого вы... ждете!

— Если у вас еще есть деньги, отдайте их вашему сыну! Пусть найдет певца сам.

Агзам-ата уже истратил все свои, вчера занял у младшего зятя триста рублей. Подумав о том, что возьмет в долг еще и у старшего зятя, бросил:

— Хорошо! Мы найдем!

— Вечером, когда приедете за невестой, — продол-

жал приказывать Шерзод, — с вами должны прибыть карнайчи и сурнайчи — в барабаны чтоб били — тоже двое. Иначе не примем жениха! Запомните, ата!

Агзам-ата наконец рассердился. Встал с места, давая понять, что больше говорить не желает.

— Э, сын Ислама, внук Бахрама! Говоришь, словно торгуешь на скотном базаре! Ради своей невестки мы сделаем все, что надо. Агзамовы не из тех, что дрожат над рублями и тряпками!

Агзам-ата рассказывал обо всем этом Аброру с негодованием и волнением.

— Да плюньте вы на этого Бахрамова! — вспыхнул Аброр. — Все будет как надо! Все идет хорошо! Пойдемте выпейте с нами чаю.

— Нет, дай мне здесь, на кухне, пиалу холодной воды, да побегу я к старшему зятю.

— Лучше выпейте чаю. Посидите с нами, отдохните. Гость очень хороший человек. Он же слышал вас и видел. Его не надо стесняться.

Аброр взял отца под локоть, привел в гостиную.

— Вот, Павел Даниилович, вы говорили о празднике... о сказке. А мой отец возвращает нас в реальный мир.

И пока Агзам-ата пил зеленый чай, Аброр пересказал гостю, что происходит.

— У нас свадьба... много хлопот, добрый гость, — подтвердил Агзам-ата. Он хорошо все понимал, но говорил по-русски не без труда. — Надо — дом свой заложить, но что просит семья невесты — сделай... Иначе не джигит!.. И карнай-сурнай нужно, артист знаменитый нужно, найдем!

— Но это предрассудок, отец! — возразил Аброр. — Зачем развращать артистов легкими большими деньгами? Тысячи рублей за вечер выбросить! Кто это может? Спекулянты, вообще те, кто с жиру бесятся! Пригласим музыкантов. А певцов знаменитых не надо, отец!..

— Нет, Аброр, я слово дал! Если ты не разыщешь, я сам пойду искать!..

— Хорошо, отец, я постараюсь. Вы успокойтесь, отдохните, посидите вот с нашим гостем.

Агзам-ата выпил еще чаю и тяжело поднялся.

— Мне надо сейчас к сурнайчи, сынок. Не один, оказывается, — пара сурнаев сегодня вечером должна играть.

Еще раз Агзам-ата пригласил Павла Даниловича на вечерний той. И ушел неверным шагом, усталый, измученный.

Павел Данилович сказал Аброру:

— Сказка сказкой, а видно, везде есть корыстолюбцы. Любую прекрасную традицию можно извратить...

— Бахрамов, кажется, не случайно выбрал моего отца своей мишенью. Я теперь боюсь за старика. Ведь Бахрамов только внешне кажется мелким и неопасным. А по сути он тихо подкрадывающийся охотник. Он сумел найти беззащитное звено в нашей семейной цепи и играет на предрассудках.

— Ну теперь, Аброр Агзамович, поедете искать знаменитых артистов-певцов? — спросил Павел Данилович.

— Не поеду! Не нужен нам этот тысячерублевый предрассудок! Успокоил отца, и ладно. Нехорошо — понимаю. Но уступить Бахрамову — еще хуже! И так уж сколько других излишеств в этой свадьбе вынужден брать я на себя из-за бахрамовского распорядительства!

Узнав, что невеста Шакира приходится племянницей Бахрамову, Павел Данилович вдруг встрепенулся:

— О, тогда я должен рассказать вам один эпизод... Прилетаю я из Москвы, и тотчас Шерзод Исламович повез меня к себе домой. Прямо из аэропорта. Говорит, тетюшка из кишлака привезет свежий кумыс. Когда мы приехали к ним, дверь в квартиру оказалась закрытой. Ключа нет. Оказывается, десятилетняя дочь Бахрамова его потеряла. Старая женщина с цветным мешком сидит на ступеньках лестницы. И девочка сидит. И тетя и девочка друг друга корят. Бахрамов достает из кармана ключ, хочет открыть замок. А ключ не лезет в отверстие. Оказывается, девочка, потеряв ключ, попыталась открыть замок гвоздем. А гвоздь сломался, и часть его осталась в замке... Отец с дочкой разговаривают по-русски, я все понимаю. А старая тетя из кишлака говорит только по-узбекски, жестикулирует, что-то бурно объясняет Шерзоду Исламовичу. Девочка обвиняет ее: это она, мол, заставляла открывать замок гвоздем. А та отнекивается. Потом Бахрамов мне объяснил. Произошло, мол, между ними недоразумение.

Девочка не знает по-узбекски, а тетя не знает по-русски. Они и не поняли друг друга... Ну, в общем-то, Шерзод Исламович нашел выход: залез через соседний балкон к себе в кухню, при этом рисковал упасть с третьего этажа на бетонку внизу. Запертую стеклянную дверь кухни кое-как тоже преодолел, замок открыл изнутри. Вот с такими приключениями мы попали к нему домой. Но я не о них рассказываю. О другом. Ну, сели, попили кумыс — он оказался на редкость вкусным, от него шел удивительный запах трав. А девочка и тетя все дуются и дуются друг на друга. Я знал, что жена Бахрамова тоже узбечка, ну так спрашиваю у него, почему же это дочка, живя в Ташкенте, не знает языка родителей? Тут Шерзод Исламович отвечает: «Мы дома разговариваем только по-русски. Так привыкли». Говорит это Бахрамов и смотрит на меня так, будто я должен прийти в восторг от его слов. Не знаю, за кого он меня принимал. Русскому человеку приятно видеть, что люди другой национальности наряду с родным языком владеют и русским: говорят, читают, тянутся к нашей культуре. Вот у вас в семье слышу и узбекскую речь, и русскую. Вы легко, естественно переходите с одной на другую. Я даже удивляюсь этой легкости.

— Да мы и сами не замечаем, как это происходит, — сказал Аброр. — Верней, не задумываемся... Оба языка для нас... ну как две руки.

— Язык своего народа — это вроде ключа от собственного дома, — улыбаясь, продолжал Павел Данилович. — Потеряешь его — и придется лезть через балкон, как Бахрамов... И смешно было, и в то же время я чувствовал себя тогда с ним неловко. Уж очень льстец большой. Я это сразу понял. И не без корысти, конечно. Я был нужен Шерзоду Исламовичу как сторонник его проекта, так вроде бы считалось. Ну, а после обсуждения он меня уже не узнает.

— Да, Павел Данилович, мы еще не представляем себе, до какой степени корыстолюбие и эгоизм способны осквернить святыне наши понятия. Использовать их то как ширму, то как щит, то как палку, чтобы ударить неугодных людей, а порой и обвинить в чем-либо, например, в национальной ограниченности.

— Я про вас, Аброр Агзамович, многое успел услы-

шать хорошего. Мне крепко запомнился утренний наш разговор в машине,— задумчиво сказал Павел Данилович.— Ну, об антисейсмических поясах ташкентских домов... когда вы сравнили их с прочным, как алмаз, нравственным «держателем» каждой настоящей семьи.

Вазира заметила:

— Да, это его любимое сравнение.

— Вот и мне оно понравилось, Вазира Бадаловна. Семья... если взять ее пошире... все народы нашей страны живут в единой семье, не так ли?.. Вчера вот гуляю я по Ташкенту, по улице Ленина, ну, фактически по бульвару — целому парку в центре города. Там я увидел чорбог. «Четыре сада» буквально, да? Вы знаете, конечно, узбекский чорбог в классическом стиле немного по-другому делался, но здесь взята основная идея. Четыре разновидности сада как четыре стороны света — восток, запад, юг, север. На востоке — японский сад. Я сразу узнал его характерные приметы по каменным завалам, вроде беспорядочным, и струящейся воде. На западе — французский. Он тоже вполне узнаваемо сделан. В северной стороне — русский пейзаж с белой березой. А рядом — узбекский сад с пирамидальными тополями и навесом из виноградных лоз. Чорбог — интересная задумка! Так вот, весь Ташкент — это сад, скрепленный алмазно прочным поясом братства и дружбы... Я хочу выпить, друзья, за Ташкент!

Аброр налил в бокалы игристое шампанское.

— Надо выпить, Павел Данилович, обязательно надо. Только можно мне, ташкентцу, добавить? Новый Ташкент строила вся страна, каждый народ внес в его сокровищницу свой алмаз, превратив нашу столицу в великий алмазный пояс.

Павел Данилович поднял бокал:

— Так за алмазный пояс Ташкента!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В четыре часа ночи Аброр пробудился от сна: резко и тревожно звонил телефон. Спотыкаясь обо что-то в темноте, он добрался до аппарата на столе, ощупью нашел и снял трубку.

— Аброр-ака... быстрее приезжайте к нам...

— Шакир? Это ты?.. Что случилось? Почему ты так...

— Отец... Был совсем здоров... Вчера даже ходил сторожить... А ночью... внезапно...

Аброр не хотел верить в смерть отца, хотя мысль о смерти молнией пронеслась в еще отуманенном сне мозгу.

— Доктора вызвали? Или мне привезти доктора?

Шакир плакал, уже не скрывая слез от брата:

— Я сейчас... Сейчас!

Проснулась и вскочила с постели Вазира. Включив свет, подошла к мужу и увидела, как мелко дрожит Аброр. Налила ему холодного чая из чайника, смутно догадываясь о случившемся.

— Выпейте... успокойтесь... хоть немного...

Аброр побоялся спросить у брата, жив ли еще отец, но сердце подсказало ему, что произошло самое худшее.

И пока они спешно с Вазирой собирались, пока в темноте шагали к железному гаражу, оставив дома сладко спавших Зафара и Малику, перед внутренним взором Аброра не переставая вспыхивали и гасли кадры: усталый отец на строительстве участка; изможденный отец с винтовкой в сторожевой будке среди большой стройки; бегаёт-снует отец на свадьбе Шакира... Уже неделя, как отшумела свадьба. Аброр, встревоженный состоянием здоровья отца, хотел показать его докторам, но вновь нахлынули заботы с Маликой. Хотя она последние экзамены сдала прекрасно, опасались первой тройки. Да и Вазира еще толком не оправилась от болезни. И вот только вчера наконец выяснилось: по решению приемной комиссии Малика стала студенткой...

— Все надо было бросать к черту,— говорил сейчас Аброр в горечи и ярости,— а отца везти к докторам!

— Но и сам он мог бы сходить к докторам, просто он их не признает, не любит к ним обращаться.

Вазира говорила о свекре как о живом человеке, и это звучало как-то обнадеживающе. Успокаивает его? А может, и правда еще не поздно?

Однако, вылезая из машины у ворот дома на Бешкайрагаче, они услышали безнадежные рыдания Ханифы.

На свадьбе младшего сына Агзам-ата чувствовал себя очень скверно. Думал, придет в себя, отсидев одну смену в сторожевой будке. Пошел на работу, как обычно, на вторую стройку. «Хватит, отец, хватит, дом-то уже стоит!» — сказал ему вчера Шакир. Отец же ответил: «А долги? Вот рассчитаемся с ними, тут же брошу работу». Вчера ночью, когда обходил стройплощадку, внезапно потемнело в глазах. Присел на грудку кирпичей, перевел дух. Но тяжелая боль в груди не исчезла. До дома-то от ворот было метров двести всего, но ему не хватало воздуха, и дважды по пути он останавливался, переживал, когда пройдет острый приступ боли.

Дома не помогли ему ни заботы Ханифы, ни чай. Агзам-ата потерял сознание, и когда Шакир прибежал с врачом, что жил на соседней улице, отец был уже мертв.

— Он сгорел словно свеча. — Врач сокрушенно покачал головой. И добавил, помолчав: — Хорошо жил и умер по-мужски... Не надо горевать и убиваться...

Аброр увидел безжизненное тело дорогого человека, еще вчера ходившего по земле, делавшего столько добра людям, и навзрыд заплакал:

— Отец!.. Я не успел!.. Отец!

Но и от этих рыданий взрослого сына Агзам-ата не открыл глаза и ничего уже не сказал любимому старшему своему. Отца, мудрого от природы человека, всегда готового помочь каждому, не стало. Ощущение безвозвратной потери, беспощадности, с которой обошлась судьба, постепенно охватывало Аброра.

Перед неотвратимостью смерти все житейские заботы казались мелкими и ненужными. Но они были и есть, а теперь еще больше их стало...

К обеду весь двор заполнили люди. По обычаю тело, обмыв, завернули в белый саван, открытым оставили одно лицо. Положили тело на широкие носилки, покрытые материей, а поверх набросили новый бекасамовый чапан. Агзам-ата всего два раза и надевал его. Плач и рыдания женщин взметнулись ввысь, когда носилки выносили со двора. За ними шло много людей — больше трехсот человек. Аброр, Шакир, другие самые близкие родственники покойного в тонких летних чапанах, подпоясанных матерчатыми кушаками,

шли на десять — пятнадцать шагов впереди. Встречные автомашины и даже трамваи останавливались перед похоронной процессией, неподвижностью и молчанием своим отдавая дань уважения покойному.

Так всю трехкилометровую дорогу от Бешкайрагача до кладбища Кукчи носилки переходили с плеч на плечи, с рук на руки и ни разу не были опущены на землю.

Но вот старики закончили свои обряды. Тело покойного опустили в могилу. Старший зять собрал в кушак немного земли, раздал тем, кто нес носилки. Потом снова собрал эту землю и высыпал ее на могилу. Чтоб тепло ладоней тех, кто пришел отдать последние почести, перешло земле.

После того как тело было укрыто в нише и вход в нее закрыт кирпичами, могилу, глубиной в рост человека, засыпали землей. По обычаю первыми это должны были делать сыновья. Аброр взял в руку кетмень, обрушил вглубь на краю лежащий ком земли; и от этой жестокости, когда родной сын собственными руками должен зарывать отца, у Аброра, быть может впервые, вдруг онемели ноги и закружилась голова... Аброр передал кетмень кому-то, а сам с трудом отошел в сторону.

А во дворе, где совсем недавно играли свадьбу, теперь справляли поминки. И опять был расстелен дастархан, и опять светлый большой самовар пускал пар, в маленьких чайниках заваривался чай для всех тех, кто приходил сюда, чтобы сказать слова соболезнования семье покойного, опять люди ели лепешки, а на столах красовались фрукты и сладости.

Все было, только не было больше мираба Агзама. Как примириться с мыслью, что уходят лучшие?.. Эти чертовы стрессы, полосы житейских переутомлений, невзгод... Не полосы. Штормовой силы волны. Сам Аброр выздоровел, поднялся — Вазира заболела. Вазиру удалось спасти, а вот отца... Аброр чувствовал, что трудно отцу, не выдержать ему, но упустил время... Почему не сумел опередить, подготовиться отразить эту волну?

Безответные вопросы вызвали неутраченную боль в душе. Лишь на время Аброр возвращался к действию.

тельности, вспоминал проблемы, которые не исчезали продолжали существовать.

Директор Сайфулла Рахманович, позабыв все прежние их с Аброром стычки, явился рано утром в день похорон, шел вместе со всеми пешком до кладбища. Были здесь и Сергей, и Фарид, и Хатам Юлдашев, и сослуживцы. И каждый говорил:

— Надо привыкать, Аброрджан, родители уходят...

— Будьте мужественны, Аброр Агзамович...

— Мы разделяем ваше горе!

Среди родственников, которые встречали и провожали пришедших, вьюном крутился и Шерзод Бахрамов. Он тоже был опоясан, правда не поверх халата, а по тенниске опущенным шелковым белбогом — траурным кушаком. Лицо он старался делать скорбное, но иногда бросал украдкой на убитого горем Аброра едва ли не злорадный взгляд. А, обращаясь к людям, Шерзод, как подобает, демонстрировал всепрощающую свою мягкость.

Вечером после похорон приехали в дом покойного представители главного управления во главе с Садриевым. Шерзод первым поспешил к ним на улицу, остановился перед машиной.

Садриев хмуро с ним поздоровался, начал искать глазами Аброра. Шерзод тут же сообщил:

— Аброр Агзамович во дворе. Я сейчас его позову. Вы заходите во двор, Наби Садриевич, пожалуйста!

Аброр увидел Садриева, когда тот входил в ворота. Пошел навстречу гостю. Садриев быстрым шагом приблизился к Аброру, пожав руку, выразил свои соболезнования. Между тем Шерзод подозвал из группы женщин, находившихся на террасе-айване, Вазиру. Знаком показал ей на Садриева.

Вазира была в легком черном платке и черном платье. Траурный наряд особенно подчеркивал бледность ее лица. Садриев чувствовал себя сейчас виноватым перед этой усталой, поникшей и даже сейчас красивой женщиной. Она всегда привлекала его, вызывала внутреннее восхищение своим умом, независимостью.

— Вазира Бадаловна, примите мои соболезнования. Очень тяжело, но так уж мир устроен, — сказал

Садриев. — В этот час мы все решили быть рядом с вами...

— Благодарим.

Шерзод сообщил Вазире:

— Наби Садриевич двух молодых парней в помощь вам прислал и на два дня дал «рафик». Чтоб машина дежурила здесь.

Вазира еще раз выразила свою признательность Садриеву. Внимательно посмотрела в глаза Шерзоду. Учтивый родственник... Другой бы мучился угрызением совести — ведь это он, Шерзод, совсем недавно безжалостно гонял свекра за музыкантами да певцами... А сейчас делает вид, что сочувствует. «Бетонный человек, — так его Аброр однажды называл. — Защитился от мук душевных и рефлексий плитой эгоизма и живет себе припеваючи». Поймала себя на мысли, что думает точно так же, как муж.

Она беспокоилась уже за мужа, хотела поговорить с ним наедине, ободрить.

Вазира почему-то вспомнила и другое выражение Аброра — «озоновая защита». Она, эта защита, простирается над всей землей, над всем живым на ней. Но и в душах людских она необходима: от того, какими будут души человеческие, зависит благополучие планеты.

Вазира искала глазами Аброра. Как плохо он выглядит, как мучительно переживает потерю отца! Тихо, чтобы муж не слышал, попросила начальника:

— Наби Садриевич, поговорите с Аброром, пожалуйте... отвлеките его, прошу вас...

Наби Садриевич с пониманием кивнул. Вазира тихонько вернулась назад, на айван, к женщинам.

До машины Садриева провожали безучастный Аброр с одной стороны и Шерзод — с другой.

Садриев взял Аброра за локоть:

— Аброр Агзамович, добрая весть в трудный момент поднимает дух человека. Я бы хотел сообщить вам и Вазире Бадаловне одну новость...

— Позвать жену?

— Лучше вы ей сами потом передадите... Ну, у всех в памяти, конечно, дискуссия. Справедливо нас тогда ударили... И сейчас мне больно оттого, что я слишком сурово упрекнул Вазире Бадаловну.

— Но вы тогда, примерно, тоже были правы, — заметил Шерзод.

Садриев отвернулся от него. Говорил дальше так, будто Шерзода здесь и не было:

— Вы интересовались судьбой Ганчтепе — возвышенности на берегу Бозсу, помните?

Аброр будто из другого мира возвращался к давним спорам:

— Да, помню, мы говорили как-то об этом холме с нашим директором.

— Так вот, там вскоре будут устанавливать памятник жертвам землетрясения — «Мужество». И наше предложение, чтобы на Ганчтепе построить музей Дружбы народов, одобрено в инстанциях. С правой стороны комплекса решено проложить небольшое новое русло.

Это известие явно обрадовало Шерзода. Агзамов же отнесся к новости весьма сдержанно, но несколько улучшилось его настроение, когда Садриев добавил, что историческое русло Бозсу будет здесь сохранено, живописные излучины его останутся, какими были издревле, а по новому бетонированному руслу потечет лишь часть воды канала, давая возможность лучше регулировать общий водосток, образовав островок с красивыми пешеходными мостками-связками.

— Ландшафтно-архитектурную часть работы над всем этим комплексом мы просим принять на себя вас, Аброр Агзамович. Ну, и раз в этом комплексе будет частично использована идея нового русла Бозсу, то в составе авторской группы будет и Вазира Бадаловна... и товарищ Бахрамов. — Садриев наконец взглянул и на Шерзода. — Мир... Тесен мир, Аброр Агзамович. — Садриев попытался улыбнуться. — Вот вы даже стали родственниками с Шерзодом Исламовичем. И все мы работаем в одном творческом союзе. Чинары, посаженные рядом, бывает, отклоняют ветви друг друга, а всю жизнь все-таки растут рядом.

Аброр безучастно кивал головой. Думал о чем-то своем, далеком. Шерзоду опять пришлось отвечать на задушевные слова Садриева, словно от всей, породненной теперь, семьи:

— Вы совершенно правы, Наби Садриевич! Мы должны работать дружно, в одной упряжке! И тогда нет проблем, которых...

— Нет, и проблемы, и заботы есть... товарищ Бахрамов. Раз в одной упряжке, так и арбу тащить надо всем честно.

Замечание Садриева заставило примолкнуть Шерзода.

Аброр же смотрел сейчас на все текущее, сегодняшнее из какой-то далекой-далекой дали, откуда впервые отчетливо дошло до него понимание того, как коротка жизнь человеческая и как преходяще и маловажно многое, из-за чего люди волнуются, спорят...

Аброр сказал глухо и размеренно:

— Наби Садриевич, спасибо вам за участие. Добрую вашу весть я передам Вазире.

— Держитесь крепче, Аброр Агзамович! Вы же мужественный человек! Впереди у вас много хорошего... Недалек день, когда мы будем претворять в жизнь и проект вашего культурно-этнографического комплекса. Помните, конечно, одно из любимых ваших детищ?

Как-то очень отдаленно подумал Аброр и об этом своем проекте. Вблизи, прямо перед глазами, все время стояли кадры-воспоминания: отец, отец, отец... Где ты теперь, отец?

В этот вечер Аброру несколько раз приходила на память одна картина... Мальчиком еще он вместе с отцом следил за пролетающими журавлями. Это было за городом, весной, в дождливый день. Небо затянули облака, и журавли летели очень низко. Аброр тогда впервые увидел, какие у них длинные шеи, какие это большие птицы.

Журавли быстрее обычного взмахивали длинными крыльями. Раз-два, раз-два, раз-два! Клин то разрывался почти надвое, когда птицы отдалялись одна от другой, то снова сжимался, становился единым целым. Порой один или два журавля вообще отставали, а потом снова догоняли сородичей.

«Почему они летят так беспокойно, папа?»

«Сам удивляюсь. Наверное, крылья намокли. Видно, долго летят под дождем».

«А почему они не спустятся отдохнуть?»

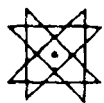
«Тут кругом дома. Вот, смотри, повернули к Бозсу. Может, там спустятся».

Да, журавли тогда летели беспокойно, тяжело; вершина и концы треугольника-клина перемещались то вправо, то влево. Но курлыканье больших птиц, как

обычно, звучало ясно и чисто. Они привыкли к таким трудностям за время длительных своих перелетов. И сколько бы страданий им ни выпадало, спокойными, мирными голосами переговаривались они меж собой и продолжали полет.

Последние годы жизни отца напоминали Аброру тот, из детства, полет журавлей. У него, у сына, характер отцовский, это Аброр знал, об этом ему многие говорили. Ну что ж, значит, надо теперь суметь жить и за себя, и за отца.

1975—1982

Стр. 10. *Хондамир* (Хондемир) Гияс-ад-дин ибн Хумам-ад-дин аль-Хусейни (1475—1535) — персидский историк. Сначала придворный историк Тимуридов, после 1507 — шаха Исмаила I Сефевиды, с 1528 — Великих Моголов.

Стр. 15. *...бежал через Куву* — древняя крепость между Ферганой и Андижаном. Остались руины от крепости. Ныне кишлак в Ферганской области Узбекской ССР.

Стр. 20. *...в крепости Ахсы*. — Крепость в 80 км от Андижана. От крепости остались руины, но рядом возродился поселок.

...кашгарский властитель. — Речь идет о кашгарах (уйгурах), проживавших в Западном Китае.

Узген — город в Ошской области.

Стр. 21. *Отец Тахира в страхе ухватился... за ворот рубахи*. — Жест, выражающий сильный испуг.

Герат — город на северо-западе Афганистана. Основание Герата приписывается Александру Македонскому. Наивысшего расцвета Герат достиг в XV в. при Тимуридах, стал крупнейшим торговым, ремесленным, культурным центром.

Стр. 32. *...как Рустам*. — Герой эпической поэмы «Шахнаме» Фирдоуси. Символ мужества и храбрости.

Стр. 35. *...долголетие шейха Саади!* — Персидский писатель и мыслитель Саади (1203—1292).

Стр. 36. *Из Исфары*. — Город в Ленинабадской области Таджикской ССР.

Стр. 48. *...сдали врагу Ходжент!* — Пржнее название г. Ленинабада — одного из древнейших городов нашей страны.

Стр. 83. «*Былое*» — так первоначально называлась книга, которую Бабур писал на протяжении всей жизни, знаменитая впоследствии «*Бабурнаме*».

...в Канибадаме — ныне город в Ленинабадской области.

Стр. 84. *...подобно мирзе Улугбеку...* — Улугбек Мухаммед Тарагай (1394—1449) — узбекский астроном, математик, правитель Самарканда.

Стр. 85. ...поэмы *Навои*. — Низамиддин Мир Алишер (1441—1501) — классик узбекской литературы, мыслитель, государственный деятель. Автор поэм «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Искандерова стена» — эти поэмы объединены в «Пятерицу смятенных».

...строил *Фархад*. — Герой поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин».

Стр. 87. В *Герате Мир Алишер построил знаменитую троицу: Ихлосия, Халосия, Унсия*. — Ихлосия — «Дом преданности», Халосия — «Дом исцеления», Унсия — «Дом дружбы».

Стр. 111. *Гори Ошикон* — «Пещера влюбленных», около самаркандских ворот Феруз.

Стр. 113. *Караван из Джизака...* — город в Сырдарьинской области Узбекской ССР, расположен на Большом Узбекском тракте.

Стр. 115. *Махмуд Кашгари* — среднеазиатский ученый-филолог XI в. В 1072—1074 гг. составил «Словарь тюркских наречий». *Абдуражман Джами* (1414—1492) — персидский и таджикский философ и писатель. Учитель Навои.

Стр. 120. *Ура-Тюбе* — город в Ленинабадской области.

Карши — центр Кашкадарьинской области Узбекской ССР.

Стр. 121. *Шахрисябз* — город в Кашкадарьинской области.

Стр. 136. *Хорасан*. — В III — XVIII вв. историческая область на Среднем Востоке, включавшая северо-восточную часть современного Ирана, Мервский оазис, оазисы юга современного Туркменистана, северные и северо-западные части современного Афганистана.

Стр. 137. ...со стены в *одинадцать слов*. — Каждый слой кладки примерно 70 см.

Стр. 152. *Ургут* — город в Самаркандской области Узбекской ССР.

Стр. 156. *Ходжа Аббор* — известный реакционер, спровоцировавший убийство Улугбека, предводитель влиятельного религиозного ордена накшбендиев.

Стр. 162. *Султаны манзитов, кунгратов, кушчи...* — Все эти племена входили в состав тюркоязычных народов Мавераннахра. Племена «найман», «кунграт», «кипчак», «дурмен» и др. вошли позднее в состав как узбекского, так и казахского, каракалпакского и частично киргизского народов.

Стр. 163. *Узбек-хан* — хан Золотой орды в 1312—1342 гг.

Стр. 164. *Рум* — тюркское название Византии, завоеванной турками-османами.

Лутфи (1366/1367—1465/1466) — классик узбекской литературы.

...второй *Искандер*. — На Востоке Искандером называли Александра Македонского. Он был популярен своей идеей соединения народов Запада и Востока.

- Стр. 172. *Пянджикент* — город в Ленинабадской области.
- Стр. 176. ...«джокая» по-кипчацки... — В тюркских языках есть «джокающие» и «йокающие» говоры.
- Стр. 188. *Гузар* — райцентр в Кашкадарьинской области.
- Стр. 197. *Дабусия* — «Железная крепость». Место, где сейчас находятся развалины крепости, известно под названием Зиявуддин.
- Стр. 216. ...подобно *Искандеру Зулькарнаю* — имеется в виду Александр Македонский.
- Стр. 224. ...как *Джамшид*. — — Мифический царь древнего Ирана и его основатель, повелитель людей и духов, обладатель сказочной чаши («Джами-Джем»), глядя в которую можно было видеть все, что происходит в мире; Джамшид якобы научил людей многим ремеслам; при нем люди не знали ни болезней, ни смерти.
- Стр. 230. ...*Бабур закрыл голые... ноги...* — Во время молитвы или ритуального чтения Корана тело мусульманина должно быть закрыто одеждой.
- Стр. 233. ...на горе *Осмон Яйлау*. — Осмон — небо, яйлау — пастбище. — Небесное пастбище.
- Стр. 246. *Мерв* — один из древних городов Средней Азии. Ныне город Мары в Туркменской ССР.
- Кандагар* — город на юге Афганистана, у подножия Западного Гиндукуша.
- Стр. 249. ...*переваливайте скорей через Гиссар*. — Гиссарский хребет в Средней Азии в западной части Памиро-Алайской системы.
- Стр. 250. ...к берегам *Мургаба...* — река в Туркмении и в Афганистане.
- Стр. 253. ...*медресе Гавхаршод-бегим...* — Гавхаршод-бегим — мать Улугбека. Она построила в Герате медресе, похожее на медресе Биби-ханум в Самарканде.
- Стр. 255. ...*закончил «Хамсу»...* — Хамса — «пятерица», цикл из пяти поэм, — распространенная форма в восточной поэтической классике, форма объединенных сюжетом самостоятельных произведений.
- Стр. 254. *Безад* Камалиддин (1455—1535/36) — крупнейший мастер гератской школы миниатюры, которая оказала сильное влияние на миниатюру Ирана, Индии, Средней Азии.
- Стр. 259. *Шахрух* (1377—1447) — младший сын Тимура, унаследовавший обширную часть империи с центром в Герате. Отец Улугбека.
- Стр. 272. *Газни* — город на юго-востоке Афганистана.
- Стр. 273. *Астрабад* — до 1930 г. название города Горган в Иране.
- Стр. 287. ...*во имя великого дела двенадцати имамов...* — Двенадцать имамов, потомки Али, зятя пророка Мухаммеда, почитаются шиитами и отрицаются суннитами. Последний, двенадцатый, имам, считают шииты, не умер, а тайно скрывается до своего часа,

когда окончится его состояние «скрытого имама», он явится в мир в роли *Махди* — мессии, осуществляющего справедливость и воздающего людям заслуженное ими.

Стр. 305. ...люди дар-уль-ислама страдали и мучили бы друг друга до сих пор... — У пророка Мухаммеда было четверо сподвижников. Самый молодой из них, Али, был его двоюродным братом и мужем единственной дочери Мухаммеда, Фатимы. Считается также, что Али первым после жены Мухаммеда уверовал в божественность его проповедей. После смерти пророка, когда возник вопрос о том, кто из четырех его сподвижников должен встать во главе новообразованного исламского государства и продолжать распространение ислама, одержали верх сторонники Абу-Бекра — самого старшего из сподвижников, к тому же отца второй жены Мухаммеда; Абу-Бекр стал первым халифом (правда, всего в течение двух лет). Сторонники Али убивают следующих двух халифов — Омара и Османа. Наконец халифом становится Али. Но раскол в халифате углубляется. Перевес получает Муавия, двоюродный брат Османа, продолжатель халифской династии Омейядов. Через пять лет Али терпит поражение. Сторонники Али, *шииты* (иные по-арабски сторонник), провозглашают главою мусульманского мира его сыновей Хасана и Хусейна, рожденных Фатимой. Но имам Хасан умирает от болезни, а имам Хусейн погибает от рук суннитов в Кербеле. Имамы, относящиеся к роду Али, уничтожаются один за другим.

Стр. 307. ...бадахшанские рубины... — очень почитались на Востоке.

Стр. 308. ...мелодию «Сарви наво» — вид классической восточной музыки.

Стр. 322. ...отвратительные существа Гог и Магог... — В иудейской, христианской и мусульманской мифологиях два диких народа, нашествие которых должно предшествовать «страшному суду».

...на целый данг. — Данг — одна часть золота. Вес таньги (монеты) был 4,6 грамма. Шейбани увеличил его до 5,2 грамма.

Стр. 328. *Хатги Бабури* — алфавит Бабура.

Стр. 340. ...ни Сухраб, ни Алпамыш... — Сухраб — герой поэмы «Шахнаме», Алпамыш — герой одноименного эпоса.

Стр. 342. ...с плеча моего Хумо... — Хумо — птица счастья. Хумаюн — обладающий счастьем.

Стр. 345. ...сигнакийский дар... — От г. Сигнак на берегу Амударьи.

Стр. 346. ...в стиле «савт» — вид классической восточной музыки.

Стр. 349. ...еще одна книга... «Мухтассар» — очерк теории стихосложения — аруза.

Стр. 355. ...о державе Лоди... — Лоди — династия правителей Делийского султаната из афганского рода Гильзаев; основатель Бахлул (1451—1489) сменил тюркских правителей, связанных с Тимуридами.

Стр. 360. *Баги Вафо* — «Сад верности».

Адинапур — город на юге Афганистана.

Стр. 362. *...но и дочери ваши прославили свои имена!* —

Гульбадан-бегим стала последовательницей прозаика-мемуариста Бабур. Она написала книгу о жизни и деятельности своего старшего брата, назвав ее «Хумаюннаме». Это единственное в своем роде произведение мемуарного жанра, написанное женщиной-мусульманкой той эпохи.

Стр. 368. *...хорезмиец Бируни.* — Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (973—1048/1050) — среднеазиатский ученый-энциклопедист. Родился в Хорезме.

Хосров Дехлеви — великий поэт Хиндустана. Его отец Амир Махмуд был предводителем племени лочин (сокол). Это племя жило между Самаркандом и Шахрисябзом. Уходя от нашествия Чингисхана, добралось до Северной Индии, где и родился поэт.

Стр. 386. *В каждом месяце праздника.* — Это удивительно для мусульман, поскольку у них только два праздника в году — ураза-байрам (праздник после поста), курбан-байрам (праздник жертвоприношений).

Стр. 387. *А ее пять даров угодны богу Шиве.* — «Пять даров коровы» согласно шиваистской ветви индуизма — это молоко, масло, простокваша, навоз, моча.

Стр. 388. *Хайбарские ворота.* — Имеется в виду Хайбарский проход в хребтах Сафедкох (Спингар) к югу от ущелья реки Кабул, близ границы между Афганистаном и Пакистаном. Перевал находится на высоте 1030 м.

Стр. 395. *Кохинур* — «скала света». Один из самых знаменитых алмазов. Ученые установили, что история его «странствий» начинается с 1304 г. Сейчас этот алмаз находится в Лондоне.

Стр. 432. *«Хашт Бихишт»* — восемь райских садов. По мусульманским верованиям, в раю вкушают восемь видов плодов и ягод: виноград, гранат и т. д.

Стр. 440. *Среди воинов моих из-за недавних происшествий...* — Имеются в виду первые военные успехи Рано Санграма, его победы над отдельными военачальниками и вассалами Бабур.

Стр. 455. *Бабур теперь был готов к встрече.* — То, что говорил Бабур своим эмирам и бекам, передавая престол Хумаюну, изложено в книге Гульбадан-бегим «Хумаюннаме». В частности, она приводит слова отца о том, что он давно задумал сделать сына шахом, сам же хотел жить в «приюте уединения» в саду Зеравшан.

Стр. 458. *Бабур отыскал глазами Семь Братьев, неподвижную Золотую Ось и... веселую гурьбу созвездия Хулькар.* — Семь Братьев — Большая Медведица, Золотая Ось — Полярная звезда, Хулькар — Плеяды.

Стр. 459. *Тадж-Махал* — выдающийся памятник индийской

архитектуры периода Великих Моголов, сооруженный около 1630—1652 гг. на берегу реки Джамны близ Агры. Стены выложены белым полированным мрамором, с инкрустацией из самоцветов.

Стр. 466. *Юнусабад* — название северной части Ташкента.

Стр. 467. *Бешагач* — один из старинных районов Ташкента.

Стр. 505. *Урда* — один из старинных районов Ташкента.

Стр. 509. *Папа, а почему вы так поздно...* — В узбекских семьях дети с родителями, родители между собой почтительно обращаются друг к другу на «вы».

Стр. 513. *Усман Юнусов* (1901—1966) — советский государственный и партийный деятель.

Стр. 520. *Ахунбабаев* Юлдаш (1885—1943) — Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Стр. 588. *Встать никто и не пытался.* — Это свидетельство невоспитанности. Гости встречают почтительно, обязательно все встают с места.

Стр. 620. *Бурджар* — букв.: «Волчий яр» — приток Бозсу, который проходит по западной части Ташкента.

Стр. 626. *Кукча* — квартал в северо-западной части Ташкента.

Стр. 643. *Отаси* — отец моих детей. Так обращается жена к мужу. Прозносить имя мужа или жены у узбеков было не принято.

А.ЯКУБОВ
СОВЕСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Атакузы нагрянул неожиданно, показав, как всегда, широту и размах, подобающие председателю колхоза-миллионера. Домла¹ Шамуратов, кряхтя и одергивая широкую пижаму, вышел на улицу. Перед воротами стояли две «Волги» — цвета «белая ночь» и «морская волна». Следом подкатил еще и газик.

Из белой «Волги» вылез сначала сам раис Атакузы — высокий, жилистый, обожженный степным солнцем, проявленный ветрами. За ним — худощавый мужчина средних лет в хорошо сидящем заграничном костюме. На темно-смуглом лице незнакомца были особенно заметны серьезные серые глаза. Из зеленовато-синей «Волги» легко, будто птичка из клетки, выпрыгнула дочь Атакузы — Тахира.

Атакузы расправил широкие плечи, лихо надвинул на лоб новую тюбетейку и, приветливо сияя смуглым, будто выкованным из меди лицом, широко шагнул к домле:

— Здравствуй, дядя! Как поживает моя тетушка?.. Прошу познаться: Абрар Шукуров, наш новый секретарь. Руководитель молодой, но серьезный.

Шукуров поклонился с долей робости. То ли смутила его неуместная похвала Атакузы, то ли поразил необычный облик старика. Ученый, почтенный домла казался не по летам могучим, крепко сколоченным. Может, в заблуждение вводила мешковатая, в полоску пижама? Но голова! Шукуров взглянул, отвел глаза и опять посмотрел: перед ним была голова древнегреческого мудреца. Желтый, будто обтянутый сафьяном, бугристый череп — как у Сократа. Крупный нос придавал широкому, скуластому лицу непреклонно-суровое выражение.

На приветствие Шукурова домла ответил сердечно:

— Спасибо, сынок, спасибо... — Тут же он перевел глубоко запавшие глаза на Тахиру, ласково подергал ее за коротко подстриженные волосы и, будто спохватившись, опять повернулся к гостю: — Прошу вас, товарищ Шукуров, прошу, — и засуетился, засеменял, пропуская гостей в калитку.

Во дворе шофер газика догнал Атакузы:

— Хозяин!

Атакузы круто повернулся:

— Сколько раз тебе говорить... Какой еще «хозяин»!

¹ Домла — ученый человек.

— Виноват, Атакузы-ака,— шофер хлопнул себя по лбу.— Как быть с грузом?

— С грузом?.. Ящик огурцов и ящик помидоров оставишь здесь. Остальное отвези по списку, куда указано. Понял?

Шофер, должно быть, хорошо знал «указанные места». Согласно кивнул, побежал к машине. Атакузы, скрипнув новыми брезентовыми сапогами, повернулся к Шукурову и опять засиял улыбкой.

Посредине большого двора, затененного пологом из виноградных лоз, возвышался многооконный особняк. Воздвигали его некогда с размахом, но давно оставленный без ухода дом обветшал, штукатурка потрескалась и кое-где отвалилась. На айване — открытой террасе — хлопотала маленькая, чистенькая старушка в платке из белоснежной кисеи, одетая в зеленое шелковое платье, из-под которого виднелись крошечные, как ложечки, тапочки — кавуши. Гульсара-ая — так звали старушку — подняла глаза, обведенные черной сурьмой, и, приветствуя гостей, сложила руки на груди. Выждав паузу, обернулась к Тахире:

— Ай, милая, дай хоть посмотрюсь на тебя! Как же я соскучилась, ненаглядная!

Шукуров, все еще чувствуя неловкость, собрался было примоститься где-нибудь в уголке, но Атакузы взглядом остановил его.

— Дядя, я хотел показать уважаемому гостю вашу библиотеку. Можно?

— Пожалуйста, пожалуйста,— разрешил старик.— Веди сам, я сейчас приду...

Просторная, чуть сумрачная комната была вся набита книгами. Резные книжные шкафы и полки подпирали высокий, украшенный старинной резьбой потолок. И книги, всюду книги... Они теснились на полках, лежали на стульях, на столе, громоздились на тумбочках и подоконниках... Книги в новых золоченых переплетах, а рядом тяжелые тома, потемневшие от времени фолианты с арабской вязью на корешках.

Шукуров, не отводя глаз от книг, спросил:

— Ваш дядя, кажется, ученый технического профиля?

— Да. Он из первых ученых-иригаторов... Но, знаете, интеллигент старой школы... Учился в медресе знаменитого Мадихан-ишана в Ташкенте. Потом белый царь не поладил с Германией, и отец дяди, владелец галантерейной лавки в кишлаке, в один год стал бедняком. Ну и сын его, то есть мой дядя, вмиг вылетел из «султанов». Пришлось пойти в мардикеры¹. С фронта возвратился большевиком. В гражданскую тоже воевал. Потом в кишлаке бился насмерть с кулаками и баями. А как поутихло, поехал учиться в Москву... Вернулся инженером — первым инженером-водником в республике.

— Сколько же ему лет?

— Помнится, девяносто шестого года рождения. Выходит, уже семьдесят семь.

— А крепкий еще...

¹ Мардикеры — рабочее ополчение в царских войсках.

— По виду — да. Но возраст свое берет. Однако вот что, пойдете сюда, разговор есть. — Атакузы распахнул двухстворчатую дверь смежной комнаты.

И здесь были книги. Вдоль двух стен от пола до потолка выстроились небольшие картонные коробки, перевязанные белыми тесемками.

— Старик давно собирает книги для молодежи кишлака, — Атакузы сказал это с такой гордостью, будто все книги собрал он сам. — Хочет перевезти свою библиотеку в кишлак, да и сам, думаю, не прочь переехать.

— Можно? — Шукуров развязал тесемки на одной из коробок и вынул пачку книг в новеньких темно-синих переплетах с золотым тиснением. — Навои! Прекрасное издание! — Глаза гостя загорелись. — Надо, надо ему помочь. Он еще работает?

— Работает. Консультант Института водного хозяйства. Год назад проехал на машине от Арала до Оби! Вот вам и возраст. Пойдемте.

Атакузы вернулся в первую комнату и подвел Шукурова к массивному столу на изогнутых ножках. Он был, как скатертью, покрыт начерченной на ватмане огромной картой с трассой будущего канала Обь — Средняя Азия. Склонившись над столом, Шукуров вглядывался в карту. Она была пересечена красными и синими извилистыми линиями, вдоль которых пестрели разноцветные кружки, непонятные знаки. И всюду, начиная от северных рек до самого Аральского моря, по всей трассе торчали, как накрепко вбитые колышки, жирные восклицательные и вопросительные знаки. А рядом паутинным узором вились мелкие записи, затейливая вязь — домла по старой привычке писал арабскими буквами.

— Занимается проблемой переброски сибирских рек в Среднюю Азию?

— Чем только он не занимается! — сказал Атакузы.

— Колоссальная проблема! — Шукуров выпрямился. — Мой тесть тоже работает над этим.

— Вахид Мирабидович? — В уголках губ Атакузы, прикрытых коротким треугольником усов, вспыхнула и тут же погасла усмешка. — О, сейчас многие и говорят и пишут об этом!

— Да. Но... — Шукуров с недоумением посмотрел на Атакузы. — В таком случае зачем же ему ехать в кишлак?

— Ну, книги свои он может писать и там. Так сам мне сказал. Думаю, дело не только в этом. Не со всеми он тут, по-моему, ладит. Характер у старика — дай бог! К тому же одиноки они. Вы же видели, как обрадовались нашему приезду!

— У них никого нет?

— Сейчас нет. Был сын, Джаббар. Погиб в сорок третьем. Может, слышали, Герой Советского Союза...

Атакузы кивнул на фотографию в траурной рамке, висевшую над столом. С фотографии устало смотрел горбоносый, смуглый до черноты парень в офицерских погонах. Слабая улыбка чуть тронула впалые щеки.

— Да, замечательный джигит, — вздохнул Атакузы. — Учился на

третьем курсе железнодорожного института. По уши был влюблен в Фазилатхон... Вы ее видели, клубом у нас заведует. Красавица была в ту пору — не описать!

— Вот как!

— Да, пташка была подходящая!— Атакузы подмигнул.— Как и Джаббар, училась в Ташкенте, я говорю о Фазилатхон. А когда летом приезжали в кишлак, ваш покорный слуга — мне было тринадцать лет — бегал от одного к другому почтальоном... Э, да что там говорить, невероятные творились дела!— Атакузы, взволнованный воспоминаниями юности, смотрел на Шукурова и не видел его.— Есть один большой человек, вы его знаете, Джамал Бурибаев. Тот, что третьего дня приезжал в степь...

— Представитель «Сельхозтехники» из Ташкента?

— Какой там представитель — начальник большого управления! Занимал одно время даже пост заместителя министра водного хозяйства!.. А тогда, в войну, был у нас председателем райисполкома. Джаббар-ака, значит, на фронте, а Фазилатхон вернулась в кишлак... Вы только представьте: такая едва распустившаяся роза.

Шукуров поморщился:

— Все ясно...

— Терпение!— рассмеялся Атакузы.— Самое интересное еще впереди. Джаббар-ака в это самое время получает звание Героя Советского Союза и приезжает в отпуск. Представляете, что было! Стрелял в Бурибаева!.. К счастью, не попал.

Волнение Атакузы передалось и Шукурову:

— Ну? А дальше?

Атакузы раскрыл уже рот, чтобы продолжить рассказ, и вдруг будто спохватился. Наморщил лоб, невнятно забормотал:

— Да, были дела. Пришлось после этого ехать на фронт и Бурибаеву. Да вы еще услышите.

— Ваш Джаббар-ака погиб на фронте?

— Погиб,— вздохнул Атакузы.

— А этот вернулся цел и невредим?

— До самого Берлина дошел. Получил два ранения! Я, конечно, не судьба тому, что было. Должно быть, на фронте проявил себя — вся грудь в орденах.

Шукуров ничего не сказал, рассматривал фотографию в траурной рамке, потом, чуть прищутив большие серые глаза, поглядел на Атакузы:

— А что, этот тоже родственник вам?

— Кто?— не понял Атакузы.

— Да тот самый... Джамал Бурибаев. Вы, помнится, сватом называли его?

— Ах да...— Почувствовав, что сболтнул лишнее, Атакузы внутренне выругал себя.— Дело в том... У него от Фазилатхон осталось двое детей: сын и дочь.

— А что, разве разошлись?

— Давно! Но дети держат связь с отцом. Так вот, дочь наша Тахира подружилась с их сыном Кадырджаном. А старший мой, Хайдар, тот,

что завтра защищает диссертацию, полюбил их дочь Латофат. Что поделаешь!— Атакузы широко развел руками и беспокойно прошелся по комнате.— Ничего не поделаешь!

Латофат... Всего час назад Атакузы видел ее. И сейчас стоит перед глазами. Проезжали мимо университетского скверика, вдруг Тахира, сидевшая сзади, рванулась вперед:

— Дададжан! Остановите машину!

Едва успел Атакузы, сидевший за рулем, притормозить, Тахира тут же соскочила на обочину и с криком «Латофат!» побежала куда-то. По аллее, обсаженной молоденькими тополями, шла Латофат, невеста его сына. Шла не одна. Рядом вышагивал тощий, длинный как жердь, весь какой-то черный мужчина с ворохом взлохмаченных волос.

«Фазилат!»— мелькнуло в голове Атакузы при виде будущей невестки. Так похожа была на свою мать эта девушка с высокой, будто гнездо аиста, прической. Те же шелковисто-черные, прямые брови, огромные, невеселые глаза, та же яркая, броская красота чуть округлого смуглого лица. Только одета иначе, не так, как одевалась когда-то ее мать. На Латофат было короткое, не доходящее даже до колен, ситцевое платье, на ногах белые тупоносые туфли. Голые стройные ноги, оголенные до плеч смуглые руки... И потому ли, что она так напоминала молодую Фазилат, а может, потому, что шла рядом с этой жердью, с этим черномазым парнем, Атакузы пронзила давняя, не раз тревожившая его мысль: «Не устроила бы какой-нибудь фокус Хайдару, как мать ее устроила Джаббару-ака!»

И сейчас, вспомнив сегодняшнюю встречу, Атакузы помрачнел лицом.

— Ох уж эта молодежь. В жизни не думал, что случится такое. А тут еще старики. Как они отнесутся к новой родне? Вот и думаю-гадаю, Абрар Шукурович.

Шукуров промолчал. Атакузы наблюдал краем глаза за неожиданно замкнувшимся лицом секретаря. Подумал с досадой: «Э-э, раис, раис, простота! Разболтался хуже базарной бабы. Откуда знать ему, что говорил от души. Пожалуй, подумал: плевать тебе на твоих стариков, на их родительскую боль, рад породниться с большим человеком. Дурья башка! Под пятьдесят уже, а все как юнец лезешь, все открывничаешь!»

Еще не прошло и месяца, как Шукуров приехал в район. И сразу стало понятно: этот сравнительно молодой, немногословный человек — прямая противоположность прежнему секретарю райкома, к которому все давно привыкли. Прежний был прост, сердечен, как говорится, весь на виду. Порой, верно, любил показать свою власть председателям, поставить раисов по стойке «смирно» на бюро райкома, ухарски распечь их. Однако поругает, а вотом и утешит. После бюро садится вместе с председателем, получившим нагоняй, в машину и отправляется в его же колхоз. А там, в саду, где-нибудь у хауза — у прохладного водоема, окруженного раскидистыми чинарами, продолжит беседу. Оно как ведь полезно, в дружеской обстановке за дастарханом! А этот... За весь месяц, правда, еще ни одного раиса не «проработал» на бюро. Но зато ни у кого и не погостевал еще. В колхозах бывал, с людьми

беседовал, но тут же садился в машину и отправлялся восвояси. А там, в садах, на щедро раскинутых дастарханах, у зеркально чистых хаузов, тосковали нераспитые пятизвездные коньяки, бляели откормленные для шашлыка бараны. Председатели, привыкшие к манере прежнего секретаря после беспощадной головомойки на бюро продолжать беседу за дастарханом, веселить душу хорошеньким анекдотом, были крайне озабочены непривычным поведением нового начальства. И Атакузы, понятно, не на шутку встревожился вчера, когда Шукуров вызвал его в райком. Тем более что через своих людей знал причину вызова. Один из старых райсов «накапал» в райком: он-де, Атакузы, перехватил несколько машин дефицитных мраморных плит, которые предназначались для строящегося в соседнем колхозе Дворца культуры. Атакузы насторожился. А что, если «новый» отнесется к делу формально? Но все обошлось. Атакузы объяснил: ничего, мол, не перехватил. Добился, чтобы мрамор был предоставлен ему раньше, чем другому рансу, он ведь позарез нужен именно в его кишлак — там воздвигали памятник в честь погибших воинов. И Шукуров проявил понимание, тут же распорядился прекратить дело. Дальше совсем пошло хорошо. Во время разговора выяснилось, что Шукуров приходится зятем известному ученому-воднику Вахиду Мирабидову. А этот домла Вахид — научный руководитель Хайдара, сына Атакузы. Атакузы как раз собирался в Ташкент — послушать, как сын будет защищать свою диссертацию. И Шукуров очень кстати направлялся тоже в Ташкент. Поехали вместе. По дороге выяснилось еще одно приятное обстоятельство: Шукуров, оказывается, читал какую-то книгу дяди и с той поры питал глубокое почтение к домле. Правда, дядя и Вахид Мирабидов не очень-то ладили меж собой. Но Шукуров, видимо, не знал ничего, так что, когда Атакузы предложил познакомить его с дядей, с радостью согласился. Все шло как по маслу. И надо же, разоткровенничался! Свалил в одну кучу нужное и ненужное...

Шукуров наконец оторвал взгляд от карты и обернулся к Атакузы:
— После таких событий старикам должно быть тяжело.

— Да. Но что остается мне делать? Молодые ведь сами нашли друг друга...

Атакузы не успел договорить — открылась дверь и вошел домла.

— Что это ты, Атакузы? Чай ведь совсем остыл! Прошу вас, товарищ Шукуров, прошу к столу...

2

Стол под пологом из высоко поднятых виноградных лоз давно уже был накрыт белой накрахмаленной скатертью. Шумно кипел электрический самовар. Тахира, видно, успела упорхнуть, вокруг стола хлопотала только тетушка Гульсара. При виде гостей она снова приложила руки к груди:

— Проходите, милые, проходите... и ты, Кузуджан!¹... Как пожива-

¹ Кузуджан — ласкательное от «Атакузы».

ет моя невестка Алияхон? А мои маленькие верблюжата? Я так соскучилась по ним, так соскучилась...

— Раз соскучились, давайте махнем к нам!— сказал Атакузы.— Если дядюшка откладывает свой отъезд в кишлак, пусть остается один или пусть ищет себе другую старушку!

Гульсара-ая, мягко улыбаясь, взглянула на своего старика. Видно было, ей тоже хочется ответить шуткой, но голос ее дрогнул:

— Как же я оставлю бедного моего старика? Теперь уж, видать, суждено нам до гроба быть вместе...

В словах старушки, в печальном взгляде ее обведенных сурьмой глаз, в ее личике, напоминающем круглую иссохшую лепешку, сквозили и самоотреченная преданность, и затаенная боль. Так бывает у людей, если долго прожили вместе и объединяет их одна большая беда.

Шукуров поспешил повернуть разговор в другое русло.

— Замечательные книги у вас собраны,— обратился он к домле.— Кстати, когда я работал в Каршинских степях, мне однажды попалась ваша книга об освоении Голодной степи. Меня поразила одна деталь.

— Ну-ну...

— Неужели знаменитый декрет Ленина об освоении Мирзачуля¹ оставался неизвестным до тридцать седьмого года?

— Да, это было именно так.

— И вы нашли этот документ?

— Что значит «нашел»? Декрет, разумеется, существовал, был напечатан. Но по каким-то причинам не входил в то время в собрание сочинений Ильича. И надо сказать, не отыщешь этот декрет... положение вашего почорного слуги было бы плачевно.

— Как так?

— А так... нашлись люди, которые хотели выглядеть самими, ну, что ли, преданными. Норовили навесить на ученых, выступавших за освоение Мирзачуля, всякие ярлыки. И выходило, что эти самые ученые чуть ли не враги советской власти...

Шукуров весь подался вперед:

— Вот что!

— Сейчас, наверно, это покажется просто неправдоподобным. Но попробуйте перелистать газеты предвоенных лет. Многое поймете. В одной из них и про меня есть. Собственными глазами можете прочитать.

— У вас сохранилась эта статья?

— Нет! — голос домлы неожиданно зазвучал сурово и гордо.— У меня нет привычки хранить всякие кляузы!

Атакузы, знавший, в кого метит домла, заерзал на стуле.

Шукуров, почему-то бледнея, тихо спросил:

— И сейчас еще живы эти самые... «преданные»?

— Живы...— Едкая улыбка искривила губы старика.— Вот он знает одного...

Шукуров быстро взглянул на Атакузы. Тот опустил глаза.

¹ Мирзачуль — Голодная степь.

— Ну к чему сейчас об этом? Говорят же: прошлым делам — забвение.

— А ты что думаешь, я собираюсь ворошить это прошлое? Товарищ Шукуров спросил, я и ответил. И только.— Домла, насупив редкие седые брови, метнул взгляд на притихшую старушку.— Иди носи обед!— И к Шукурову:— Раз вы интересуетесь книгами, пожалуй, могу дать вам одну. Хотелось бы, чтобы вы, как партийный работник, прочитали. Книга о проблеме химизации. Острейшая проблема дня.

— Совершенно верно, это всех сейчас волнует,— оживился Шукуров.

— Всех, говорите? Вот мой племянник — председатель знаменитого колхоза, а как он смотрит на эти вещи, не знаю...

И опять дядя больно задел Атакузы. Может, потому особенно больно, что заявил это при новом секретаре.

— Эта проблема в тысячу раз сложнее, чем вы себе здесь представляете!— попытался отбиться раис и, заметив испытующий взгляд Шукурова, невольно отвел глаза.

— А кто сказал, что эта проблема простая? Потому все и хлопочут, что она сложная!— старик дрожащими пальцами разгладил скатерть и встал.— Так посмотрим книгу, товарищ Шукуров?

— Да, да!— заторопился тот.— Кстати, я видел вашу карту переброски сибирских рек и кое-что хотел спросить...

В усталых глазах старика, оплетенных мельчайшей паутиной морщинок, заиграли насмешливые огоньки.

— Карта эта не моя. Вот вопросительные знаки — мои!

Домла и Шукуров, предупредительно уступая друг другу дорогу, пошли в дом.

Атакузы не тронулся с места, сидел у дастархана, покручивая в руке пиалу с остывшим чаем. Он был недоволен собой. И что сегодня с ним случилось? Что ни скажет — все невпопад. Хочет навести брови, а выбит глаз. И старик тоже хорош! Надо ему — иронизирует, язвит. А ведь впереди такой серьезный разговор! Прежде всего надо переговорить с дядей о завтрашней защите. Тоже ведь задача! Научный руководитель Хайдара как раз и есть тот самый, как выразился дядя, «преданный». Верно, Вахид Мирабидов когда-то обвинял, «разоблачал» дядю. Но ведь сколько времени утекло. Интересно, как старик смотрит на эту историю? Не выкинул бы завтра чего-нибудь. Если этот разговор пройдет спокойно, Атакузы закинет удочку и насчет предстоящей свадьбы. А если нет?..

Из летней кухни вышла Гульсара-ая:

— Все готово. Подавать на стол?

— Подождем, пусть они выйдут. Присядьте, отдохните...

Гульсара-ая бесшумно подошла к столу и, сложив ладошки на дастархане, подняла кротко-грустные глаза на Атакузы:

— На защиту Хайдарджана приехал?

— А кто сказал про защиту? Тахира?

— Хайдарджан сам приходил...

Атакузы облегченно вздохнул.

— А дядя что?

Тетушка Гульсара опустила глаза, под зеленым шелковым платьем чуть заметно приподнялась и опала ее плоская грудь.

— Что дядя?.. Вы же знаете характер своего дяди, Кузыджан!

«И когда только наступит конец этой дурацкой стариковской вражде?— помрачнел Атакузы.— Не пострадал бы Хайдарджан из-за их распри».

Да, Атакузы хорошо знает характер дяди. Там, где старик считал себя правым, никого никогда не щадил.

С той самой поры, как Хайдар стал учеником Мирабидова, домла Нормурад заметно охладил к нему, да и сам Хайдар редко теперь заглядывает в этот дом. Эта холодность — болезненное место Атакузы. А все потому, что любит он старика, несмотря на все его странности и чудачества, на всю резкость характера. Да и дядя — Атакузы это знал наверняка — тоже любит своего внучатого племянника. Любить-то он любит...

Атакузы поморщился и разом осушил остывшую пиалу чая.

— Не понимаю дядю! Неужели он из-за этого... Мирабидова подведет Хайдара?

Пиала в сухих пальцах старушки мелко задрожала.

— И я вашему дядюшке то же самое твержу. Но вы же знаете...

— Знаю!— Атакузы до боли стиснул зубы.— Вот и думаю все — как быть?

Голова в белом сиянии низко склонилась.

— Кузыджан, что я могу поделать? Устала повторять вашему дядюшке: и в радости, и в лихие дни он один у нас — Кузыджан, только он, говорю, и заботится о нас! И его хотите вы обидеть. Останемся на старости лет одни, всеми покинутые...— Плечи старушки затряслись, она тихо заплакала.

Атакузы растерялся:

— Видит аллах, я не в обиде на вас, дорогая тетушка, но что остается делать мне? Ведь говорят же: недруг, отзывчивый на доброту, лучше того, кто в тебя по дружбе плюет.

Атакузы придвинулся к Гульсаре-ая, обнял ее худые, как у мальчика, плечи. Сказать или не сказать о свадьбе?

Обычно трудные вопросы он предварительно «согласовывал» с теткой и лишь после того, как она подготавливала старика, говорил с ним. Но как заикнуться о сватовстве? Чтобы ненавистные старикам Фазилатхон и Бурибаев вдруг стали им родней! Тут не только перед дядей — и перед старушкой не посмеешь открыть рта.

— У меня нет секретов от вас, тетушка,— начал Атакузы.

— Знаю, милый.

— Вы уже слышали?

— Разве в наше время что-нибудь укроется, Кузыджан?

— И что же дядя, как он?

— А что он? Чего скрывать? Расшевелили давнее...— Взгляд старухи засветился печалью, как одинокий огонек ночью в степи.— Ах, пусть остается с нами наша боль. Не вернется же наш Джаббарджан оттого, что не состоится свадьба. Пусть идет все, как идет... Да ниспошлет аллах счастье молодым!

И такая боль, такая горечь слышались в ее словах, что Атакузы не рад был, что начал этот разговор. Удивительное дело: в то время как в каждом слове, в тихом, срывающемся голосе прорывался стон ее души, мягкий взгляд проливал на Атакузы поток любви. И только теперь, в эти минуты, почувствовал он по-настоящему, каким непомерным грузом лягут на стариков эти будущие двойные узы родства.

— Что же делать? Молодежь,— попытался было оправдаться, но слова застряли у него в горле.

И в это время в дверях показались дядя и Шукуров.

3

В руках Шукуров нес целую кипу книг. Оба — и он и домла — стали еще любезнее и предупредительнее друг с другом. Должно быть, в библиотеке постояли минуту-другую над картой, поговорили и о переброске сибирских рек,— усаживаясь за стол, старик метал теперь стрелы в тех, с позволения сказать, ученых, как он выразился, которые в угоду моде ухватились за эту проблему и, не помышляя о глубоком, всестороннем изучении, вдруг сделались ее ярыми пропагандистами. Затем вернулись к книге, за которой пошли в библиотеку, заговорили о вреде ядохимикатов в хлопководстве, о расширении площадей под садами, о том, как важно сохранить в чистоте родники и реки. Нормурад Шамурадов называл новые книги о биологической борьбе с вредителями, объяснял, убеждал — говорил громко, возбужденно. Шукуров не отрывал от него влюбленных глаз и на все согласно кивал.

«Хочет понравиться,— не без раздражения подумал Атакузы.— Оно легко здесь, за столом, разливаясь соловьем в защиту природы, слушать песни о биологических способах! А не сегодня завтра, как подопрет беда, нагрянет совка, не задумаешься — сам прикажешь: «Сыпьте, сыпьте ядохимикаты!» Прикажешь ты, а виноваты будем опять-таки мы!»

В воздухе сладко и остро запахло жареным мясом, приправленным луком, перцем и пряностями.— Гульсара-ая несла на поднятых руках целое блюдо жареной баранины. Разговор оборвался.

После угощения Шукуров стал прощаться. Домла не задерживал его. Забыв о своем почтенном возрасте и учености, пошел вместе с Атакузы проводить гостя до ворот. Всегда он так: покажется старику, что ты с ним подозрительно любезен,— тут же осадит, не пожалеет. А сам — если кто понравится — пластом готов стелиться.

Шли обратно через двор. Атакузы с тревогой думал о предстоящем разговоре.

Как только уселись за стол, дядя повел свою речь; усмехнулся краешком губ и сказал не без подковырки:

— Опять приволок целую гору винограда и овощей? Собираешься умаслить кого-нибудь?

Называется, дал передышку!

— А что делать? Не подмажешь — не поедешь!

— Это кто же так говорит?

— Дядя, дорогой!— взмолился Атакузы.— Не будем об этом! Во-первых, все из моего собственного сада. Во-вторых, будь это и колхозное добро — для нашего колхоза машина фруктов и гроша ломаного не стоит.

— Гроша не стоит, а вот попадешься однажды... Как подумаю иной раз об этом, ночами не сплю!

Раздражение Атакузы как ветром сдуло. Услышал такие слова старика, и на душе вмиг потеплело.

— Попадусь — надеюсь, поймут. Не для себя старался. Вы даже не представляете, какое громадное хозяйство на моих плечах, сколько забот!

Домла устало махнул рукой:

— Ну, делай как знаешь...

— Дядя, дорогой, не обижайтесь!— сказал Атакузы примирительно.— Сколько уже раз говорили мы с вами. Лучше ответьте — прочитали вы работу Хайдара? Он, кажется, приходил к вам?

— Да, приходил...— Нормурад Шамурадов погладил бугристую темя, глубоко вздохнул.— Знаешь что, мой дорогой, не ввязывай ты меня в это дело!

Только что слова дяди так согрели Атакузы — и вот уже минутной оттепели как не бывало. Чувство горчайшей обиды схватило за горло. Да, да, ему теперь понятно все! Из-за застарелой ненависти к этому Вахиду Мирабидову дядя готов предать — кого?— своего родного джигана... А он, Атакузы, еще жалел несчастного одинокого старика. Бедняга, мол, ни детей, ни близких не осталось — забыт, не обласкан судьбой. И вот, пожалуйста: ничего не видит, все гнет свою правду! Спасибо! Понимать такую правду Атакузы отказывается.

Не сказал, процедил сквозь зубы:

— Стало быть, отворачиваетесь от Хайдара?

Домла Шамурадов устало махнул рукой:

— Говорю же, оставь, ну оставь меня в покое...

— Вы думаете, может, что я ничего не понимаю?

— А что ты понимаешь?

Тяжело опираясь руками о стол, Атакузы поднялся и всем корпусом наклонился вперед:

— А вот что я понимаю: обиду на Ису вымещаете на Мусе! Кому ставите палки в колеса! Из-за чего! Из-за вашего старого соперничества с Вахидом Мирабидовым! Вот где зарыта собака!

— Хватит, не будем об этом,— простонал домла.— Соперничество!— повторил он и, оторвав взгляд от горящих гневом глаз племянника, обхватил голову руками.

Так всегда: лишь речь заходила о Вахиде Мирабидове, об этом развеселом, компанейском человеке с неизменно сияющей улыбкой набитого золотом рта,— перед глазами вставала все та же давняя статья в республиканской газете. Броский, набранный крупным шрифтом заголовок: «Невежество или злой умысел?»

Вот уже более тридцати лет минуло с тех пор, но стоит только намекнуть на давнее дело, и перед взором домлы Шамурадова уже пляшут огненно-черные буквы.

Возможно ли освоение Мирзачуля?— так автор ставил вопрос. И тут же отвечал категорическим: «Нет! Прожектерство! Утопия!» А начальник Управления водного хозяйства Народного комиссариата земледелия Нормурад Шамурадов, который считал освоение Голодной степи возможным, выставлялся как ученый-невежда и даже как скрытый недруг советской власти. Но самое ужасное было то, что под статьей стояла подпись главного инженера этого же управления Вахида Мирабидова.

До сих пор памятен этот день. Сложными были предвоенные годы, ох сложными. В то утро Нормурад ни о чем еще не знал. Просидев ночь над докладом народного комиссара о строительстве Большого Ферганского канала, он пришел на работу чуть позже обычного. Пришел — и сразу почувствовал: что-то не так. Коллеги, прежде любезно раскланивавшиеся, теперь шарахались в сторону, будто сам провозвестник смерти Азраил заступал им дорогу. Сотрудники управления, подчиненные Нормурада, встретили его мрачным, каменно-гробовым молчанием.

Заныло в груди от недоброго предчувствия, молча прошел он в свой кабинет. На столе, на зеленом сукне, лежала развернутая газета. Еще не садясь, охватил взглядом черный заголовок — и опустился, нет — упал в кресло.

Пробежал глазами статью, занимавшую чуть ли не полполосы, и понял: да, конечно, острее ее направлено против него, Нормурада Шамурадова. Это он в своей книге поднял разговор о засоленных землях Голодной степи, бесплодных, веками пустующих. Он утверждал, что эту проклятую родом человеческим целину можно освоить, можно превратить в поля и сады. И все это автор статьи называл невежеством, прожектерством. Кто способен выдвинуть такую идею?— спрашивал он и отвечал: только человек, далекий от экономических расчетов, полный невежда, или же... классовый враг, вознамерившийся нанести непоправимый ущерб экономике страны! Доказательства? Какие еще нужны доказательства? Мирзачуль освоить нельзя — это истина, не требующая доказательств! Во все века нога людская обходила стороной эту жуткую, безжизненную, пустынную степь — вот это и есть высшее доказательство. А тот факт, что руководитель крупного управления наркомата Нормурад Шамурадов ссылается на попытки царского правительства освоить Мирзачуль,— это лишний раз говорит о несостоятельности его предложений!

Вот в чем обвиняли Нормурада Шамурадова. И кто? Главный инженер, всегда предупредительный молодой красавец с неизменно благосклонной улыбкой.

В тот день, с того самого номера газеты, где была опубликована статья Вахида Мирабидова, жизнь Нормурада перевернулась вверх дном. Бесконечные собрания, обсуждения, статьи, отмежевание коллег. И наконец — уволен... Вначале Нормурад пытался еще защищать себя, свою книгу. Но вскоре убедился — попытки его ни к чему не приведут. Умолк.

Прошел месяц — без работы. Нормурад отправил в кишлак Гульсару с сыном. Сам задержался в городе — ждал решения партийного

бюро. Останется ли он в партии?.. Однажды вечером вдруг зазвонил телефон. Как жутко звенит телефон после месячного молчания...

Нормурад схватился за грудь от неожиданности. Книга, которую читал, упала на пол. Осторожно, будто к змее, протянул руку к трубке. Она сейчас же завибрировала высоким, взволнованным голосом:

— Кто это? Нормурад? Это я, Мухамаджан!..

Мухамаджан был давний друг Нормурада. В то время он учился в Москве, в Институте красной профессуры.

— Мухамаджан? Когда приехал?

— Сегодня, сейчас! — Мухамаджан почему-то сильно волновался, было слышно, как прерывисто дышит в трубку. — Я только что с поезда. Говорю с вокзала. Все знаю. Прочитал эту дурацкую статью! Еще в Москве! Ты вот что, не бойся! Слышишь меня? Не бойся. На твоей стороне сам Ленин...

— Знаю, — сказал Нормурад. — Правда на моей стороне.

— Да помолчи! Я тебе не вообще говорю. Точно: есть ленинский декрет о Мирзачуле...

— Какой декрет?

— Декрет об освоении Мирзачуля! Еще в восемнадцатом, в самые тяжелые годы, для этого дела намечалось выделить пятьдесят миллионов рублей. Золотом!

Нормурад задохнулся от нетерпения:

— В ленинских томах этот документ есть?

— В том-то и дело, не вошел, оказывается, в прежние издания. Обнаружили недавно. Я привез тебе один перепечатанный экземпляр! Ты слышишь? Привез перепечатанную копию!

Нормурад, не в силах сказать и слова, привалился к стене.

— Нормурад! Почему ты молчишь?

— Голова! — едва слышно проговорил Нормурад. — Держишь в руках такой документ, подпись самого Ленина! Чего же ты сидишь на вокзале! Мчись же сюда, верблюд безмозглый!

Всю ночь Нормурад читал и перечитывал эту бумагу. Еле дождался следующего дня. Помчался с документом сначала в наркомат. За полчаса до начала бюро выложил копию декрета на стол секретаря райкома. Вот эта-то птица счастья, неожиданно прилетевшая из рук Ленина, и спасла его.

Родной племянник называется! Нашел что придумать — домла соперничает с Вахидом Мирабидовым! С этим Вахидом, который сверкает золотом прямо в лицо! Домла считает ниже своего достоинства даже напомнить этому болтуну о прошлых его делах. А кто и захотел бы напомнить — все равно ничего не выйдет. Случилось невероятное — тот самый Мирабидов, что некогда так категорически припечатал свое «нет» Мирзачулю, сегодня он — доктор наук и получил эту степень, разрабатывая проблемы освоения Голодной степи!

Десятки статей написал, так же рьяно утверждая то, что прежде клеймил. Интересный случай вышел на его защите: кто-то — не Нормурад, конечно, нет, кто-то из старых ученых-иригаторов — напомнил Мирабидову о той давней его статье. Вахид Мирабидов и тут не растерялся. Закатил такую страстную саморазоблачительную речь, так

поносил себя за верхоглядство, за поспешность — не жалея сил на самого себя лил потоки грязи. Нормурада же Шамурадова, наоборот, превознес за дальновидность и прозорливость, так высоко поставил как ученого, что стало даже неловко. Домла Шамурадов давно махнул рукой на этого сладкоголового соловья.

Но упрекать его, Нормурада, этим презренным словом «соперничество»!..

Домла разжал руки, поднял голову. Атакузы не было на месте. Он снимал пиджак, висевший на ветке яблони, — видно, собрался уходить.

— Подожди! Ты же не дослушал меня...

— А чего мне слушать? — Замкнутое лицо Атакузы еще больше потемнело, угрожающе заиграли желваки. — Я знаю, что легло между вами. Он сам мне рассказал. Но обстоятельства ведь какие были...

— Обстоятельства?

— А вы будто не помните? Это же было сложное предвоенное время...

— Вот оно что! — Бугристая, обрамленная белым пушком голова Нормурада Шамурадова мгновенно сделалась пергаментно-бурой. — Это же привычка всех подонков — сваливать свои подлости на обстоятельства, на время! А что, если какой-нибудь мерзавец наврет на тебя три короба, и ты упадешь... А потом свалит все на обстоятельства!.. Как ты на такое посмотришь, хотел бы я знать, дорогой мой племянник?

— Я?

— Да, ты! Впрочем, ты, кажется, сам многие свои дела привык оправдывать обстоятельствами! Слышал я, собираешься будто бы породниться с этим... с Джамалом Бурибаевым? Тоже, наверно, обстоятельства?

Атакузы, никак не попадая в рукава пиджака, вплотную подошел к столу. В яростно горящих глазах блеснула усмешка.

— Вы бы хоть посмотрели на мою будущую невестку!

— Достаточно насмотрелся на ее мать. И, если хочешь знать, даже бабушку твоей невестки все еще помню! Младшую жену знаменитого торгаша Кудрат-ходжи.

— Ах, дядя, дядя! — вздохнул Атакузы, будто не домла был перед ним, а несмышленное дитя. Устало опустился на стул. — Вот вы — мудрый человек, вы — домла, а не хотите понять простую вещь: молодежь знать не хочет о старых передрыгах. Разве я не понимаю, как больно вам! Но что мне делать, мой сын...

— Вот именно — твой сын! — перебил старик с горечью. — Ты думаешь, мне безразлична его судьба, его работа? А ты сам хоть знаешь, что он плетет в своей диссертации под мудрым руководством своего наставника?

— Проповедует идеи насилия и убийства?

— Хватит чепуху городить! — прикрикнул домла. — Он призывает вторично использовать воды, накопленные в коллекторах после промывки засоленных земель! Использовать рассол для полива! Понимаешь ты хоть это?

— Так-так...

— Утверждает, что можно употреблять воды, засоленность которых доходит до пяти граммов на литр! Ты же сам осваиваешь новые земли в степях. Скажи-ка, что будет с такой землей через десять лет, если...

— А вы думаете, сейчас не используют такие воды?

— Да, используют! Приходится! Но утверждать такое в диссертации, оправдывать высоким авторитетом науки!.. Это же преступление! — голос домлы сорвался с грубоватого баса на неестественно тонкий фальцет. — И все это идет от него, от твоего закадычного. Ему сегодня выгодно это. Потому как много еще руководителей, живущих лишь сегодняшним днем! Таких же, как и этот, с позволения сказать, доктор наук. Сегодня он ломится в передовые, а что будет завтра — плевать. Вот зародилась идея переброски сибирских рек в наши края. И он уже бьет в барабан! Книгу успел написать. А как отразится переброска рек на климате, на всей природе края? Изучить, взвесить все «за» и «против», подумать о подготовке к этому делу наших земель — некогда. Потом будем каяться, произносить саморазоблачительные речи! А твой сын, с ним что станет?..

— Вот что, дядя, мне сейчас не до сибирских рек! — заговорил неестественно спокойно Атакузы. — Своего отношения к домле Вахиду я не изменю. Он, по крайней мере, знает цену дружбе! А вот вы, — Атакузы рывком поднялся и тут же увидел тетушку Гульсару.

Старушка стояла в дверях летней кухни, бледнее белого платка на ее голове. Она, должно быть, слышала их перепалку — ужас застыл в глазах, голова мелко тряслась.

— Если вы, — Атакузы угрожающе выпучил глаза, — вместо того чтобы помочь, будете совать палки в колеса... тогда лучше забудем, что вы мой дядя, а я ваш племянник!

Нормулад Шамурадов с силой ударил кулаком по столу:

— Кто сует палки в колеса твоему сыну, глупец?

— Я понял все, благодарю вас! — не слушая, грохотал Атакузы. — Раз дело дошло до такого... Пропaday наше родство! Не будем друг друга знать: ни в жизни, ни в смерти, ни в радости, ни в беде.

Атакузы с треском порвал подкладку, попал наконец в рукава, натянул пиджак и зашагал к воротам. У ворот его догнало отчаянное:

— Кузыджан! Родной мой, погоди!..

Атакузы не остановился, даже не обернулся, с силой пнув сапогом калитку, пулей вылетел на улицу.

Калитка, грохнув, захлопнулась, Нормурад-ата с опаской оглянулся. Гульсара-ая как села на ступеньки при последних словах племянника, так и осталась сидеть. Насурьмленные глаза смотрели жалобно, была в них тихая скорбь — как в глазах безнадежно больных людей. Она съежилась в маленький комок, возьми в пригоршню — вся уместится.

Домла Шамурадов, не выдержав, отвел глаза, медленно поднялся со стула. Остановил его дрожащий голос:

— О домладжан! Зачем вы так? Один только человек хоть справ-

лялся о нашем житье-бытье... И того оттолкнули. Остались теперь одинокие в этом проклятом доме...

Нормурад-ата стоял, воинственно набычив упрямый лоб. Он не хотел, боялся встретить тоскливо-скорбный взгляд жены.

И всегда она была такой. Добрая, отзывчивая, всей душой тянулась к его родичам, к близким. О муже своем заботилась как о ребенке, любила и почитала. Но никогда не могла понять ни труда его, ни замыслов. Семья и родные — вот что главное для нее в жизни. Но что тут скажешь? Если раньше не успел ее переделать...

— Перестань, старуха! — сказал с болью. — Не суйся, ради аллаха, туда, где ничего не смыслишь!

— Я и правда не смыслю. А вы, вы во всем смыслите, и что же вы натворили. Соблюдаете свой п р и н с и п... — старушка словно проглотила с трудом что-то горькое. — Держите этот свой п р и н с и п и потеряли всех родных...

— Да прекратишь ты или нет! Хватит! — От удара кулаком по столу чуть не подскочил самовар. Старуха уколола в самое больное место. — Я уже говорил тебе — оставь мои принципы в покое! Ты же не понимаешь, они — он и его сын — пошли не по той дороге, вот что мучит меня, не дает спать, а ты... — домла сипло задышал.

Гульсара-ая не проронила ни звука. Она комочком сжалась на ступеньках, уткнув подбородок в колени.

Нормурад Шамурадов, тяжело топя, словно желая пробить землю, пошел к дому. Поднялся на айван, открыл уже дверь, и в этот момент сзади послышался тот же раздирающий душу голос:

— Все люди поступают неправильно, только вы один правильный! Если так, кто же придет в наш смертный день, кто похоронит нас?

Старик резко обернулся:

— Не волнуйся! Помрешь ты раньше — сам позабочусь, похороню. А когда я... Если уж без этих племянничков мое тело некому будет предать земле, пусть останется непогребенным.

Домла с шумом захлопнул дверь и без сил прислонился к стене. Он уже корил себя. Как у него вырвались эти жестокие слова? Старушка и без того вечно носит при себе свою боль. А сегодня переполнилась душа, вот и выплеснула каплю. Если бы Джаббар был жив... Каждый раз, когда кто-нибудь несправедливо обходился с Гульсарой, обижал, это «если бы», он знал точно, горело в ней новой болью. Да и с ним бывает то же самое.

Нормурад прошел в библиотеку, подкрался к окну.

Гульсара-ая все еще сидела на ступеньке, белоснежный кисейный платок сбился набок, открылись редкие пепельно-седые волосы. Судорожно вздрагивали худые, острые плечи. Она плакала.

И вдруг словно холодом повеяло. А что, если он не прав? Что, если и впрямь отстал от жизни, не понимает того, что понимают они — его племянник и этот ученый ловкач? Но нет... Он тут же отбросил эту мысль. Беспринципность и нечестность всегда и во все времена были и остаются беспринципностью и нечестностью. И все же, все же... Не слишком ли долго носит он обиду?

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Ничто так не облегчает душу, как окончание большой работы. Труд готов. Передан на суд знатоков. И пусть судьба его еще не определена, но — с плеч долой груз, давивший долгие годы! Именно это чувство легкости и радости владело в последние недели Хайдаром.

Месяц назад поставил он последнюю точку. Работу просмотрел научный руководитель Вахид Мирабидов, официальные и неофициальные оппоненты, потом автореферат был разослан в научно-исследовательские и проектные институты, в вузы, в министерства сельского и водного хозяйства. И вот наконец Хайдар мог вздохнуть. Только теперь и понял, как доконала его эта диссертация. Разослав автореферат, на второй же день махнул в кишлак. Впервые за много лет погулял с друзьями в горах. Вернулся освеженный, набравшись сил. Теперь осталась только защита. Но тут Хайдар был спокоен: все пройдет успешно — это он знал наверняка.

Час назад из кишлака приехал отец. Был он необычно мрачен. Едва поздоровался, тут же к телефону — звонить Вахиду Мирабидову. И пока тот не приехал — ни слова с сыном. Встревоженный Хайдар только и слышал: «Министерство строительства?», «Мелиорация?..» Положит трубку, побарабанит по ней черными пальцами и опять: «Министерство сельского хозяйства?», «Госплан?», «Трест?»

Иногда разговор прерывался ненатурально громким смехом отца: «Да будет вам! Что значит для председателя-миллионера ящик фруктов? Видит аллах — из собственного сада! Перестаньте, обижусь на всю жизнь!»

Наконец явился Мирабидов; как всегда, на круглом лице его светилась радость. Отец сразу же заперся с ним в спальне.

Хайдар взволновался не на шутку: уж не случилось ли что-нибудь непредвиденное? Но вскоре они вышли, оба довольные друг другом. Хайдара отослали в его комнату — пусть готовится к завтрашнему выступлению, а сами повели речь о весьма существенном и приятном — не о защите, а о связанной с ней художественной, как выразился отец, части. Вахид Мирабидов, то и дело хохоча, сдерживал отца: нет, стол надо накрыть поскромнее... Ах эти раисы! Сейчас не одобряются пышные торжества... Члены ученого совета хотя и не прочь, конечно, погулять на таком банкете, но не имеют права... Отец возражал:

— Это уж предоставьте мне, уважаемый домла! Как же это так — мой первенец становится кандидатом наук, и чтобы я, председатель прославленного колхоза-миллионера, не обмыл это дело как надо? Пусть члены вашего совета не ходят на банкеты других кандидатов, но уж на нашем торжестве обязательно должны быть! Не беспокойтесь: ваш директор сам приведет их всех. А вы будете тамадой!

— Bravo! Bravo! — кричал Вахид Мирабидов на весь дом. — Вот это хватка! А насчет должности тамады — ничего не поделаешь, раз уж мы послужили вашему сыну на ниве познания, придется послужить и в художественной части!

Хайдару нравились и льстивые слова Мирабидова, и чуть грубоватые шутки отца, и споры о том, в каком ресторане устраивать банкет и кого пригласить. Отложив в сторону текст своего выступления, он прислушивался к веселому разговору в соседней комнате и сам каждый раз невольно присоединялся к доносившемуся из-за двери смеху.

Хайдар любил отца, гордился им. В любых случаях отец умеет быть твердым, в работе забывает себя. Даже его ухарские замашки нравились сыну. Во всем хотелось быть похожим на отца. И конечно, он уже ясно видел и славу и власть раиса-миллионера. Ведь и впрямь не сыщешь таких дел, чтобы были не по плечу отцу!

Несколько лет назад отец сказал: «Кончишь институт, устрою в аспирантуру». И устроил. И еще сказал: «Руководителем твоим будет самый авторитетный ученый». И добился своего! Обещал достать квартиру для сына и для Тахиры в городе — слово сдержал. А теперь говорит: как женишься, эта квартира останется тебе, а Тахире, когда понадобится, достанем другую. Выполнит и это обещание! Хорошо сейчас Хайдару! Лишь одно... Одно-единственное тревожит: Латофат! Отец годом раньше предупредил: «До каких пор будешь ходить бобылем? Запомни: через месяц, как защитишь диссертацию, сыграем свадьбу!» Теперь вплетается еще и свадьба сестры. Отец задумал оба тоя устроить за один раз, вместе. Тахира, сестра Хайдара, и братец Латофат, Кадырджан, нашли общий язык. Сейчас Кадырджан работает старшим инженером в управлении у своего отца Джамала Бурibaева, в «Сельхозтехнике». Тахира — единственная дочь в семье. Отец души в ней не чает. Кадырджана почему-то недолюбливает. И если решил выдать ее за него, то делает это исключительно ради Хайдара. Хочет надежней скрепить предстоящий союз сына с Латофатом. А Латофат...

Что-то случилось с ней в последнее время. Что именно, Хайдар не знает, но чует сердце — что-то происходит!..

Хайдар резко отодвинул стопку бумаг на столе, встал и, сунув руки в карманы брюк, подошел к окну.

Небольшой тенистый двор, стесненный многоэтажными домами, был полон детьми. Две девочки раскачивались на качелях, привязанных к длинному суку огромной ярко-зеленой шелковицы. Они взлетали высоко, до балконов третьего этажа, и с визгом летели вниз, к земле. А у арыка стоял бритоголовый мальчуган лет четырнадцати и влюбленно смотрел на девочек, на их парашютом надутые платья...

Хайдара позабавили и расплывшееся в улыбке лицо мальчика, и визжащие от восторга девочки. Давнее, сладчайшее воспоминание затуманило голову.

Лет пять назад, перед сессией, в начале лета, он приехал в кишлак. Ночью долго веселился с друзьями детства в саду под старым тутовым деревом. Хорошо выпили, посудачили о кишлачных девушках, посмеялись вдосталь. Там же под деревом и заснул под утро на застланном одеялами помосте. Его разбудил треск ломающихся веток и отчаянный крик сестры:

— Ой, дададжан! Латофат!..

Хайдар как был, в трусах, вскочил на ноги и увидел: атласное платье Тахиры алым стягом полыхало где-то в поднебесье, у самой вершины старого, могучего дерева, а прямо над Хайдаром, в трех-четыре метра от земли... висела, крепко схватившись руками за ветку, девушка в ярко-цветастом шелковом платье... И первое, что бросилось в глаза и сладко обожгло, — оголенные, длинные, со ссадинами в нескольких местах, стройные ноги — белые, не тронутые солнцем на бедрах.

Это было так неожиданно и так жгуче откровенно, что Хайдар задохнулся от горячей волны, подступившей к горлу.

— Прыгай! — он протянул руки.

Девушка испуганно взглянула вниз, торопливо оторвала одну руку от ветки, потянулась к задремавшему подолу и... с тихим вскриком упала в объятия Хайдара. Каждой клеткой своей он ощутил молодое, трепещущее тело, увидел близко-близко испуганные, неправдоподобно черные зрачки ее больших глаз, чистую, нежную смуглость лица и, не помня себя, принялся целовать ее губы, царапины на шее и на плечах. Девушка, казалось, поддалась его необузданной ласке, на миг вся прильнула к нему. И тут, как нарочно, раздалось неуместное глупое «вай!» спрыгнувшей на землю Тахиры. Девушка, упершись коленками в его живот, резко рванулась, выскользнула и бросилась в гранатовые кусты за шелковицей.

Это и была Латофат. Красавица Латофат, о которой в ту ночь толковали кишлачные джигиты. Хайдар и раньше видел ее, когда приезжал на каникулы. Но никак не думал, что за год-другой она может так расцвести.

Весь день Хайдар ходил ошарашенный. Стоило на миг остаться одному и закрыть глаза, как снова всем существом ощущал ее молодое, трепетное тело, видел нежную, бархатную черноту бровей и ресниц. Томился, места себе не мог найти. Да что говорить о былых временах, даже вот сейчас, в эту минуту, только вспомнил тот поцелуй — случайный дар судьбы — и снова обожгло, места себе не находит.

Хайдар отвернулся от окна, но сесть за стол теперь он просто не мог.

Да, что-то стряслось с Латофат в последнее время. И глаза совсем стали другие, огромные глаза, что так смотрели на Хайдара в то счастливое утро. Теперь при встрече с ним становятся холодными, чужими. Скрытная стала, что-то есть у нее на уме. Что-то есть...

Из соседней комнаты донесся возбужденный голос отца:

— Все! Эта ваша защита уже сидит у меня вот где! Дай бог сыну выйти целым и невредимым из этой кутерьмы — через неделю закачу два тоя.

Хайдар улынулся. Отцовское «закачу два тоя» прогнало его тревогу. Поистине, нет таких дел, чтобы отец не уладил. Лишь бы он был жив и здоров, все остальное обойдется...

— Тахира! Покушать г а т о п, моя сладкая? — снова раздался довольный голос отца.

И опять улыбнулся Хайдар: «гатоп» — слабость отца, любит, если хорошее настроение, вставить в речь русское слово.

— Гатоп, дададжан! — голосок Тахиры звенел радостно, и Хайдар понял: на кухне, кроме Тахиры, был и Кадырджан.

— Несите сюда!

Пол сотрясся от тяжелой, твердой поступи, дверь комнаты Хайдара широко распахнулась.

На пороге стоял Атакузы: ноги расставлены, руки — в бока, новая, с необмятыми швами, черная тюбетейка победно сдвинута на лоб. На смугло-коричневом, поблескивающем, как медь, возбужденном лице разлито довольство. Он смотрел на сына, отцовская гордость так и выпирала из него. И во всем его облике — в уверенной осанке, в жилистой, сильной фигуре, в хмельных, лихорадочно блестящих глазах — неумная сила, вера в себя.

— Хватит! Кончай свои доклады-поклады! Отдохни, сил наберись перед завтрашним сражением! Правда, твой домла уверяет — диплом у тебя в кармане. Спасибо за ваши труды, домла. Вот вы действительно огулбола.— Атакузы подошел к сидящему Вахиду Мирабидову и побратски обнял его.

И «огул-бола» — настоящий мужчина — расцвел самой яркой из своих золотых улыбок. Мирабидов подмигнул Хайдару. Видно, продолжая разговор, который вели в гостиной, сказал:

— Не расстраивайтесь из-за вашего дяди. Он старый человек, и взгляды его... как бы это сказать?... несколько отстали...

— Эти взгляды у меня вот где сидят!..— Атакузы показал на затылок.

— Ладно уж, будем великодушными, дорогой! Вспомним, сколько бед перенес Нормурад Шамурадов! Простим ему заблуждения. По правде сказать, мне его жаль!

Сияние на круглом румянном лице затянула тучка печали. Домла Мирабидов чуть наклонил голову с розовыми просветами в редящих пепельно-серых волосах — предался на миг думам. Ростом он доходил всего лишь до плеч Атакузы и заметно начал полнеть, однако живота не отрастил и казался просто плотным, крепким мужчиной. Одежда молодила его: модная, хорошо сидящая голубая тенниска, тщательно отутюженные брюки с острыми, как лезвия, складками. И совсем уж по-молодецки — яркий розовый галстук на шее.

— Да, друзья, не обижайтесь на старика. Нормураду Шамурадовичу пришлось нелегко в жизни...— повторил Мирабидов.

— Это конечно... Вот только...— лицо Атакузы горько сморщилось.— Он же дядя мне, а ведет себя хуже чужого.

— Не надо, отец! — Хайдар, под стать своему руководителю, степенно склонил голову.— Не будем обижаться на старика...

Хайдар и сам мог бы помнить обиду. Неделю назад заходил к старику, а ушел от него как в воду опущенный. Но сейчас... Не хотелось вспоминать о неприятностях. Да и в самом деле, старик сейчас казался таким беспомощным и жалким. А Вахид Мирабидович — как благородно, осторожно погасил он обиду отца!

— Идет! — сказал Атакузы. — Не будем портить настроение в такой день. Тахира! Где же твой хваленый плов?

— Иду, иду, дададжан! — Тахира вошла, неся целое блюдо мелко нарезанных огурцов и помидоров. Ее гладкие, ровно подрезанные волосы мягко рассыпались по белой шее, на порозовевшем лице играли ямочки, и оно походило на круглую румяную лепешечку, только что вынутую из тандыра. Тахира была явно взволнована, возбуждена. Видно чувствуя сама, как покраснелась, не зная, куда деть сияющие счастьем глаза.

Вслед за Тахирой появился долговязый, весь красный от жары Кадырджан, он нес на вытянутых руках огромное блюдо с горой розового, дымящегося плова. Комната наполнилась острым и пряным ароматом жареного лука, перца, чеснока и мяса. В узких, по-кошачьи зеленоватых глазах Кадырджана, в резко выступающих скулах таилась торжествующая улыбка. Почувяв причину его довольства, Атакузы метнул сердитый взгляд на дочь. Но сели за стол, и тосты один за другим рассеяли понемногу тучу. Пили за завтрашнее торжество, за профессора Мирабидова, его зятя Шукурова, прекрасного человека и талантливого, как выразился Атакузы, руководителя. Подобрел, Атакузы познакомил Вахида Мирабидова с Кадырджаном и даже поднял бокал в честь предстоящей «двойной свадьбы». Тут уж и Кадырджан не остался в долгу. Забавно шевеля кончиком крючковатого носа, предложил тост за его лучшего друга Хайдара, достойного сына Атакузы-ака. Кто еще, если не Атакузы-ака, мог вывести отсталое хозяйство в миллионеры. Он, Хайдар, достойный сын и Алияхон-апа, чьей любовью и заботой выпестована эта чудесная семья.

Хайдар знал, что его будущий родич Кадырджан ловкий шайтан, но никак не предполагал за ним такого таланта. Ну и дипломат! В одном тосте сумел объять необъятное — возвеличил столько людей, упомянул при этом и своего отца Джамала Бурибаева... Отец, по его словам, будет безгранично рад породниться с такой семьей.

Вахид Мирабидов до этого не очень-то замечал Кадырджана, а тут с места привстал и, чокаясь с Атакузы, полушутя воскликнул:

— О, выходит, и с этой стороны порядок — священный союз со старым другом! Хотя и бывший, но все же замминистра!

Атакузы шлепнул по столу большой, смуглой до черноты ладонью, тоже полушутя ответил:

— Пусть этим гордится ваш бывший заместитель министра, пусть радуется, ведь становится родичем не кого-нибудь — самого Атакузы Умара-оглы!..

Тахира, засмушавшись, побежала на кухню. За ней вслед рванулся было и Кадырджан. Атакузы не выдержал — рыкнул:

— Что это вы так цепляетесь за подол, уважаемый зятек! — Медно-красное лицо его окаменело. — Простите нас, но джигит должен быть джигитом, соблюдайте достоинство. Сыграйте сначала той! Оформите все законно, тогда и увивайтесь себе вокруг жены сколько захочется! Правильно я говорю, домла?

Вахид Мирабидов попытался свернуть разговор на шутку:

— Разве вы бываете не правы, дорогой? Но молодежь...

— Я ничего не имею против молодежи, домла! Пусть влюбляются и веселятся! Но выходить за рамки приличий — это нет! Вы уж извините нас, стариков, Кадырбек. Мы не скрываем, что думаем, так-то лучше — открыто.

Кадырджан как ни в чем не бывало проглотил укор будущего тещя:

— Нет, нет, что вы, дададжан! Не из-за чего нам обижаться...

— Ладно, с этим — точка! — Атакузы еще раз поднес свой бокал к бокалу Вахида Мирабидова: — За вашу славу! — Выпил и внезапно встал: угощение закончено.

Встал и Хайдар — собрался было проводить своего руководителя. Атакузы властно остановил:

— Занимайся своим делом. Домлу отвезет Кадырбек!

Гости ушли. Атакузы стоял посреди комнаты, заложив руки за спину. Верный признак: отец чем-то недоволен.

— Этот парень... — чеканя каждое слово, начал он, — переходит всякие границы. Я говорю про будущего зятя. Не слишком ли бесстыдно милуется с твоей сестрой.

Хайдар смутился.

— А что я могу сделать? Ваша дочь...

— Моя дочь, верно, но тебе она сестра! Почему до сих пор не подкрутил им хвоста? Подумаешь, сын Бурибаева! Если бы не его сестра, без которой ты, кажется, жить не можешь, мне бы и в голову никогда не пришло, чтобы мою дочь — этому... паршивому козлу... А у тебя самого, кстати, как дела?

— Мои дела... Домла же сказал, все будет в порядке...

— Не о тех, не о тех делах речь! — нетерпеливо перебил Атакузы. — Говорю о делах на твоём... личном фронте! Что-то ты тормозишь, а?.. Будем играть свадьбу или нет?

Хайдар развел руками:

— Я даже не знаю...

— А что ты знаешь? — Атакузы представил себе утреннюю встречу: Латофат, а рядом совсем незнакомый мужчина — и крепко сжал кулаки. — Тряпка! Уж не позволил ли кому отбить ее? Что молчишь?

— Да ничего с ней не случилось.

— Не случилось? Так почему ее брат отирается здесь, а сестры не видно? У тебя же завтра защита! Где твоя невеста?.. Могла бы и прийти помочь, раз у вас заведено так!

Хайдар побледнел. Слова отца хлестнули его.

— Она тоже недавно защищала диплом. У нее своих дел по горло...

— Дел по горло? А может, что другое случилось? — Атакузы весь ошетинился, уставил свои глаза прямо в глаза сына.

Он втайне гордился им. Хайдар был очень похож на него: высокий рост, медно-смуглое продолговатое лицо, красивый, с горбинкой нос — будто копия Атакузы! Было! Был похож! А сейчас? Округлился, даже брюшко как будто начало наливаться! И лицо не нравится — хоть и чуть-чуть, но уже лоснится от жира. А главное — сын его,

Атакузы, будущий кандидат наук, не может уломать какую-то девицу! В свое время Атакузы предупреждал: ведь Латофат — точная копия матери, той молодой Фазилатхон, а народ не зря говорит: «Когда выбираешь ткань, смотри на кромку; выбирая дочь, смотри на мать». Отговаривал сына, убеждал — нет, не послушался, уперся... Ну уперся, так действуй же! А он тянет, волочит за ней впустую! Атакузы вконец обозлился:

— Ах вон что? Она тоже, значит, защищала диплом? А может, не в дипломе дело, может...

— Ладно, отец, — Хайдар пошел к двери. — Как-нибудь уладится...

— Нет! — Атакузы одним шагом заступил ему дорогу. — Меня не устраивают эти бабьи слова! Я объявил — в этом году играем двойную свадьбу! А теперь из-за твоего слюнтяйства слова не сдержу! Не будет такого! Не можешь уговорить, так я сам...

— Что?! — неожиданно громко крикнул Хайдар. Вот теперь он был похож на отца вполне и кулаки сжал с гневом, так же, как отец. — Это вам не ваши колхозные дела!

Смуглое лицо Атакузы внезапно посветлело, он довольно заулыбался, глаза тепло смотрели на сына.

— Вот это мужской разговор. Иди бери машину и — айда к ней. Но помни: отступлению не бывать! И вообще пусть завтра приходит на защиту и на банкет. Пусть помогает! Все!

2

В странном состоянии вышел от домлы Шукуров. Сначала, когда Нормурад обрушился на ученых-верхоглядов, которые вместо научного подхода к сложнейшим проблемам решают их, подчиняясь утилитарным задачам, Шукурову показалось, будто домла имеет в виду его тестя Вахида Мирабидова. Он слышал о каком-то их застарелом споре. И когда же кончится эта бессмысленная распря? Но домла говорит так горячо, с такой силой убежденности и с такой прямоотой, что Шукуров постепенно склонился на его позиции. А затем рассказ об этой злосчастной статье!.. Больше всего Шукурова поразила боль в голосе старика. Этой боли поверил он вполне.

Да и старушка долго еще не выходила из головы. Маленькая, чистенькая старушка с печальными глазами.

У Шукурова в Ташкенте были две задачи: забрать жену и детей — они уже с полмесяца гостили в доме тестя — и еще побывать в целом ряде министерств, как говорится, «выбить» из них минеральные удобрения и строительные материалы для района. Эти дела не входят в его прямые обязанности. Но что поделаешь? Очень уж много обещаний начальству надавал бывший секретарь. Не учел возможностей района. И теперь стоит Шукурову заговорить с любым из райсов, как тот, подобно голодному птенцу, широко разевает клюв — требует: «Удобрения, удобрения». А заведешь речь о благоустройстве, райсы тут же наперебой: «Лес, цемент, кирпич!»

По дороге в Ташкент Шукуров наметил первым делом зайти в «Узсельхозтехнику», направился было туда, да вспомнил, что при-

дется обращаться к Джамалу Бурибаеву, и отложил: видно, подействовал рассказ Атакузы, не хотелось сейчас встречаться с этим человеком. Он тут же и посмеялся сам над собой, но «хождение» свое начал с Госплана.

На собственном опыте Шукуров знал, как трудно вершить дела в столице. Но у него был козырь: район, куда он приехал работать, упирался в бескрайние степи, а там организовывались новые целинные совхозы. Вот он и нажимал на слово «целина». Благодаря гипнотической силе этого слова его без очереди приняли и в Госплане, и в министерствах сельского строительства и водного хозяйства. Правда, просьбы удовлетворяли не всегда, но принимали неплохо.

Шукуров вышел из Министерства сельского строительства. Стрелки часов приближались к пяти. Он только что звонил председателю «Сельхозтехники», но тот, сославшись на какое-то совещание, назначил свидание на семь. Образовалось «окно» — целых два часа. Теперь наконец можно вернуться к своим.

Еще издали Шукуров увидел двусторчатые голубые ворота гаража и застекленную веранду — балахану над ними. Подъехал ближе — у ворот стояла знакомая белая «Волга».

«И раис уже здесь!» — подумал он. В этот момент раскрылась калитка, из нее вышел, отряхивая пыль с одежды, шофер Атакузы, а за ним — сам Вахид Мирабидов.

Шофер кивнул Шукурову и тут же укатил. Тесть, рассиявшись золотом рта, раскрыл объятия:

— Сын мой Абрарджан! Наконец! С утра ждем вас — слух дошел, что приехали в наши края. Где это вы пропадаете?

Вахид Мирабидов был чем-то взволнован — больше, чем обычно, сиял, громче говорил, но в остальном подтянут, как всегда, и одет с иголки.

Расцеловал зятя, обдав запахом коньяка.

— Махбуба! Ханум! Где вы? — крикнул в калитку. — Гость долгожданый пожаловал! Карнаи, сурнаи громче! Зурны! Пусть играют зурны!

В дверях дома показалась белоликая, вся круглая, пышная Назокат-биби. Легкая, подвижная, хоть ей уже пятьдесят, быстро засеменила к зятю, обняла за плечи.

— Разве можно так? Заставили себя ждать, милый зятек!

— А где же Махбуба? — снова крикнул Вахид Мирабидов.

Назокат-биби кокетливо приподняла тонкие ниточки бровей.

— Махбуба не выйдет. В обиде она на вашего зятя! Целую неделю ждет уже, никак не дождется...

-- Кончай критику! Не забывай — зятя почитал сам пророк!

Шукуров шел между тестем и тещей, осыпаемый их развеселой трескотней, и невольно заулыбался.

Посредине просторного двора зеркалом сверкал выложенный белым кафелем большой водоем с фонтаном. Справа над водой хауза возвышался на высоком цоколе бело-голубой аккуратный дом. Казалось, он только что отстроен, так свеж и ярк был облицовочный кирпич стен. По левую руку, опять же над хаузом, красовалась простор-

ная летняя терраса. У воды пышно цвели розы, аккуратно подрезанная виноградная лоза обвивала террасу. Все блестело чистотой, порядком, ухоженностью.

Шукуров еще у калитки заметил несколько ящиков с крупными желто-золотистыми абрикосами, виноградом и мелкими, будто подобранными один к другому — особый сорт! — огурцами.

«Успел раис!» — промелькнуло в голове, и в это мгновение он увидел Махбубу — она стояла, свежая, похорошевшая, на ступеньках бело-голубого дома.

Тоненькие, как у матери, брови чуть приподняты, большие серые глаза, подведенные нежными синими тенями, кокетливо сощурены. Казалось, Махбуба не в Ташкенте гостила, а отдыхала на курорте.

— Махбуба! Дочь моя! Встречай супруга. А вы, ханум, займитесь угощением! — И Вахид Мирабидов, словно боясь помешать свиданию влюбленных, с подчеркнутым тактом взял под руку Назокат-биби и повернул ее к летней кухне — за террасу.

Шукуров от всей этой суеты чувствовал себя неловко.

— Здравствуй, Махбуба! — подошел к жене.

Махбуба спрятала за спину белые оголенные руки с длинными ярко-красными ногтями...

— Нет, нет, не хочу здороваться с вами.

— В чем же вина вашего покорного слуги? — Шукуров шутливо склонил голову.

— Он еще спрашивает! Целая вечность прошла, а ваше сиятельство не соизволили хотя бы раз поинтересоваться, что с вашей женой!

— Я вижу, жена неплохо чувствовала себя здесь и без супруга! — Шукуров скользнул взглядом по ее новому снежно-белому платью из кримплена, по новым, тоже белым, лакированным туфлям и вдруг почувствовал: в душе шевельнулось что-то похожее на ревность. Так с ним почти всегда бывало, когда Махбуба гостила у родителей.

— И в самом деле! — засмеялась Махбуба. — У нас сегодня бал. Сейчас придут подружки. Между прочим, есть очень даже премиленькие! Хотите, познакомлю?

В ее шутке была и вера в себя, и намек: «Я вас ни к кому не ревную!» И эта ее самоуверенность неприятно задела Шукурова. Он хотел уже ответить в ее тоне: «Ну что ж, с удовольствием!» — но тут на террасе зазвонил телефон, послышался голос тестя, говорившего с кем-то, потом тесть закричал: «Сюда давайте, сюда!» — и Шукуров понял: зовут его.

Вахид Мирабидов сидел за столом. Перед ним на огромном — не обхватить рукой! — бледно-голубом обливном блюде высоко возвышалась пирамида из золотисто-желтых абрикосов, а с тарелок манили тонко нарезанные свежесрезанные ломтики помидоров и огурчики — несомненно из ящиков Атакузы.

Вахид Мирабидов пригласил зятя сесть рядом и подал пиалу чая.

— Друг мой звонил, Атакузы... Вы, я слышал, уже познакомились с ним, Аббарджан? Это хорошо! Замечательный человек. К тому же один из могущественных раисов вашего района! — Мирабидов строго

и значительно округлил глаза.— Я, помнится, говорил вам — мы с ним давние друзья! Завтра его сын защищается. Он, естественно, волнуется. Я только что от него, а он уже звонит. В ресторан приглашает, в «Гулистан». Между прочим, будут большие, деловые люди. Съездим?

«Большие люди». Слова эти напомнили Шукурову разговор, который только что состоялся в Министерстве сельского строительства. Принял его сам министр. Любезно принял, но так же любезно и отказал в помощи. По словам министра выходило — район исчерпал все выделенные фонды стройматериалов. Шукуров засомневался, попросил показать документы. И, проглядывая бумаги, несколько раз наткнулся на фамилию Атакузы. Оказалось, раис урвал львиную долю материалов, выделенных району. Помогли ему письма, подписанные секретарем обкома по сельскому хозяйству Бекмурадом Халмурадовым. «Большие люди»...

В первую же неделю, как прибыл в район, Шукуров побывал в колхозе «Ленин юлы»¹ — в колхозе Атакузы. Осмотрел новый поселок. Слава о красоте и благоустройстве этого поселка гремела по всей республике. И вот увидел собственными глазами, и то, что увидел, превзошло все его ожидания. Шукуров тогда же от души поздравил председателя-миллионера. А потом пришла жалоба на Атакузы от старого раиса: будто бы перехватил у него дефицитные мраморные плиты. Атакузы привел тогда доводы достаточно веские, но не тот ли самый новый поселок сыграл главную роль, когда он, Шукуров, распорядился «закрыть» жалобу. А пожалуй, надо было разобраться...

Шукуров помрачнел.

— Спасибо, я не смогу,— ответил тестю.— Мне еще в «Сельхозтехнику».

— Тем более надо ехать в ресторан! — рассмеялся Вахид Мирабидов.— Туда непременно придет и Джамал Бурибаев, а он один из столпов этой самой «Сельхозтехники». Вот случай познакомиться с ним — пригодится. Человек с головой. Недаром Атакузы хочет породниться с ним...

— Да, да... Атакузы-ака рассказывал о нем. Поразительная история...

— Какая же?

— Что-то там произошло во время войны между этим... Джамамом Бурибаевым и сыном домлы Шамурадова. Раис говорил как-то неопределенно.

— А-а... Вы об этом! С кем не бывает в молодости! — Вахид Мирабидов украдкой метнул взгляд в сторону летней кухни и заговорщически подмигнул зятю.— Жила там в кишлаке девушка неопишуемой будто бы красоты. Ну, сын этого самого... моего закадычного друга Нормурада Шамурадова любил ее. Да уехал на фронт. Появляется Джамал Бурибаев — молодой, горячий, собой видный. Ну и... не устояла... Вы же знаете женщин... Нагрязнул этот самый парень. Да еще со звездой на груди. Другой махнул бы рукой. Мало на свете красивых

¹ «Ленин юлы» — «Ленинский путь».

девушек? А этот, видно, был такой же гордец, что и папаша, — полез, понимаете, в драку! Даже стрелял, говорят, в Бурибаева. Не попал, к счастью!

Шукуров занялся разливанием чая — неловко было смотреть на возбужденно-раскрасневшееся лицо Вахида Мирабидова. Рассказ тестя неприятно удивил его. Даже не столько сам рассказ, сколько ужимки, тон Мирабидова и то, как маслянисто блестели его глаза. А как он отозвался о сыне Шамурадова! Шукурову вспомнилась прямая, откровенная речь домлы Нормурада и кроткие, печальные глаза его жены. Слова тестя показались мелкими, недостойными. Шукуров чуть было прямо и не выложил ему это. Но осекся. Он же гость в этом так приветливо встретившем его доме. Но почему-то даже счастливый смех жены, доносившийся до него, покорибил. Запала в душу та же грусть, что окутала дом старика Шамурадова. А здесь — здесь с избытком всего: и достатка, и веселья. Сам тесть цветет, задает всему тон. Какая разница между той, меченной бедами, семьей и этой — счастливой и беззаботной. И еще было что-то, в чем Шукуров не мог разобраться, но что говорило о скрытой несправедливости судьбы.

Вахид Мирабидов стукнул пиалой о стол, поставил ее верх дном — кончил чаепитие! — испытующе глянул на зятя.

— Вы, я слышал, были у моего друга... — при слове «друг» он широко осклабился и сделал паузу, — у Нормурада Шамурадова?

— Да, заходил вместе с Атакузы-ака.

— Ну и о чем же беседовали?

— О разном, — Шукурову не хотелось продолжать этот разговор. — В основном о проблемах экологии. Домла, оказывается, очень интересуется этими вопросами...

Вахид Мирабидов состроил кислую мину:

— Чем только этот домла не интересуется! Слышал я, даже пишет книгу о горной арче. Утверждает, будто стоит покрыть все горы Средней Азии арчей, как было в древности, и проблема воды решится сама собой! И переброской сибирских рек ни к чему заниматься. Ну разве не дилетантство!

И была в словах Мирабидова такая неожиданная неприязнь, таким железом зазвучал обычно мягкий голос, что Шукурова вдруг осенило: «Не его ли имел в виду домла, когда говорил об авторе чуть не сгубившей его статьи?»

Эта догадка была неприятна, Шукуров попытался быстрее отмахнуться от нее.

— Я видел у него карту предполагаемой трассы будущего канала...

— Ну и что?

— Работает над ней, всюду понаставил вопросы и восклицательные знаки, заметки.

— Вот-вот! — нервно рассмеялся Вахид Мирабидов. — Вопросительные знаки! Он только и знает, что ставит их везде. Как говорится, один дурак может задать столько вопросов, что и сто мудрецов не

ответят. Между прочим, прочли вы мою книгу о переброске сибирских рек в Среднюю Азию?

— А она уже вышла?

— Вышла! О ней уже говорят! — Раздражение мигом покинуло Мирабидова, и круглое, розовое лицо его засияло почти детской радостью, счастьем. — Пойдемте, пойдемте, дорогой! Сейчас я подарю вам ее с автографом!

3

Кабинет Мирабидова просторный, очень светлый, огромные окна распахнуты в тихую, малолюдную улицу. Как и кабинет домлы Нормурадова, уставлен книжными шкафами. Первое, что бросилось сейчас в глаза Шукурову, когда он вслед за тестем вошел сюда, — огромная, закрывшая полстены карта. Такая же самая, что лежит на столе у домлы Шамурадова, с теми же красными и синими четкими линиями, струящимися сверху вниз — от зеленых лесов до желтых песков, окруживших синь Аральского моря. Однако здесь не было ни вопросительных, ни восклицательных знаков, ни мелкой арабской вязи на полях. Прямо на карте висел двухструнный дутар из коричневого урюкового дерева, искусно инкрустированный слоновой костью. Шукуров знал: тесть часто берет его в руки. Виртуоз. Но как не вязалась эта затейливо украшенная игрушка с проблемной картой! Шукуров невольно улыбнулся.

Вахид Мирабидов прошел к старинному квадратному столу меж окон, заваленному ворохом папок и рукописей. Взял из высокой стопки одну не слишком толстую, но и не тонкую книгу в твердом, черном переплете. Молча, все с той же улыбкой показал ее и, не садясь, настроил надпись. Был он в этот миг внушителен, исполнен достоинства.

— Вот. Надеюсь, будет время перелистать! — и удовлетворенно опустил в глубокое вертящееся кресло. С мягкой улыбкой выжидающе посмотрел на зятя.

Книга называлась «Жажда и надежда древней земли». На первой странице крупным, небрежно-размашистым почерком тесть начертал:

«Дорогому сыну моему Абрарджану с надеждой, что и вы, и ваши дети, мои любимые внуки, увидят претворенными в жизнь идеи, заключенные в этом скромном труде».

Шукуров с детства привык смотреть на книгу как на чудо. Люди, творящие это чудо, всегда казались ему особенными, он невольно склонялся перед ними. И сейчас, держа в руке книгу, да еще с такой надписью, Шукуров почувствовал внезапную теплоту.

— Спасибо, дада! Новых творческих удач вам!

— Благодарю, сынок! — Вахид Мирабидов задорно крутанулся в кресле и спросил: — А все же что наговорил вам мой друг по поводу этой проблемы? — он показал пальцем на книгу.

Шукуров украдкой взглянул на часы — оставалось еще минут тридцать до семи — и присел на кожаный диван.

— Да ничего особенного...

— Но все же?

— Помнится, говорил, что необходимо глубоко изучить возможные последствия переброски рек. Тревожится: что станет с окружающей средой на севере, на юге...

— Общие слова! Чтобы сказать такое — не надо быть большим мудрецом. Еще?

Шукуров озадаченно потер лоб.

— Ну, словом, он считает, что спешить здесь нельзя. Что это тот случай, когда надо семь раз отмерить...

— Обычные доводы перестраховщика! — Вахид Мирабидов, как мяч, подпрыгнул, вскочил с кресла, сунул руки в карманы брюк, выставил по-петушину грудь, пробежался по кабинету. — Есть, есть еще у нас такие горе-ученые. К сожалению. Узколовые! Никакой фантазии! Ни капли смелости! Не говоря уже о масштабном государственном подходе к большим, научным проблемам. Как чеховский «человек в футляре»: как бы чего не вышло! А чего требует от нас жизнь? Дерзновенных мыслей, смелости. Даже, если хотите, риска!

Шукуров, водя глазами, следил за воинственно-петушиными пробежками тестя, с интересом слушал его страстные тирады и вдруг поймал себя на мысли: тесть начинает ему нравиться. Смутная тревога, что легла на душу, когда беседовали на терраске, улетучилась. По всему видно, подозрения были скороспелыми. Шукурову захотелось, чтобы Вахид Мирабидович еще логичнее утвердил свою мысль.

— Да, вот еще что говорил домла: до переброски сибирских рек надо обновить всю оросительную систему Средней Азии. Говорит, если привести в порядок имеющуюся сеть каналов, у нас окажутся большие резервы...

— «Большие резервы!» — передразнил Вахид Мирабидов. Прищурив загоревшиеся глаза, он накинулся на Абрара Шукуровича, будто перед ним на диване сидел не зять, а сам Нормурад Шамурадов. — А о таких подсчетах он вам не говорил? Используй хоть все родники, даже растопи ледники Тянь-Шаня — к восемьдесят пятому, максимум к девяностому году все равно исчерпаются все возможности освоения новых земель! С учетом даже всех построенных и строящихся водохранилищ и каналов мы сможем освоить еще миллион, от силы полтора миллиона гектаров. А потом? Что потом? Полный застой экономического развития! Вот что наступит потом. И это при наличии огромного запаса — многих миллионов га плодороднейших земель. А как с ростом населения? Растем ведь невиданными темпами! Тоже немаловажный фактор. Понятно вам, почему надо приступить к осуществлению этой идеи? А все мелкие споры, сомнения лучше всего немедленно, сейчас отбросить. И без того на составление реальных проектов и на строительство самого канала, даже с учетом мощи современной техники, уйдет не менее пятнадцати лет! Говорил он вам об этом или нет? — наскакивал на зятя Вахид Мирабидов.

Шукуров засмеялся:

— Мне же не по чину вести с ним такую дискуссию!

Домла замер перед зятем и тоже вдруг захохотал:

— Забылся, кричу, будто передо мной сидите не вы, Абрарджан, а сам Нормурад Шамурадов, мой старый любезный друг!.. А знаете, почему так горячусь? — Мирабидов погрузился так же внезапно, как и развеселился. — Умеет, умеет он пыль в глаза пускать. Послушать моего друга — нет ученого более честного, принципиального, чем он! И представьте себе, находится кое-кто, поддаются его краснобайству! И не только несведущие в тонкостях науки... А впрочем, мне его жаль. И знаете, хватит о нем, поставим точку. Вижу, вы поглядываете на часы. Значит, не будете в ресторане?

— Спасибо, не могу.

— Я тоже, наверно, не буду. Посижу подумаю о завтрашней защите. Хоть мне и необязательно держать большую речь, все же хочу высказаться по некоторым спорным вопросам. Да и этот мудрец, пожалуй, может выкинуть номер.

— Так я пойду... — сказал Шукуров.

— Да, да, только вот... Что-то хотел я вам сказать? — тень напряженно сжал губы. — Да, вот что, Абрарджан. Вы молоды, а стали руководителем большого района. Хочу дать вам маленький совет. Знаете, как говорится, что неведомо ангелу, ведомо старости. Учтите: такие люди, как Атакузы, вам очень пригодятся! Надеюсь, тень еще не легла между вами? И не должна лечь. — заявил тень решительно. — Вы честный, прямой человек, Абрарджан. Я это знаю и ценю. Но не спешите, когда перед вами такие люди, как Атакузы. Подумайте, прежде чем идти на обострение... Атакузы — мой друг, а вы мне сын родной! Запомните: люди, подобные Атакузы, способны на все. Человек он неплохой, замечательный организатор, при этом по-настоящему любит свое дело, но, если что ляжет ему поперек дороги, ни перед чем не остановится. Запомните это! А вы молоды, вам еще расти и расти, сын мой!

Шукуров молчал. Он уже при первой встрече понял силу Атакузы. Вся же мера его могущества почувствовал сегодня. Куда бы ни заходил — везде протянулись незримо нити его связей. Там, в области, — секретарь обкома Бекмурад Халмурадов; здесь Джамал Бурибаев, в министерствах, в институтах, в управлениях — всюду свои люди. Такой человек и впрямь, если что, ни перед чем не остановится...

В глубине души зашевелилось что-то похожее на тревогу. Шукуров резко встал. «Обострение? Наоборот, я уже прикрываю его!» — хотел отмахнуться шуткой, но, пожалуй, обидишь тестя. Ведь от души говорил старикан, добра желал.

Зять и тень вышли на веранду и невольно остановились. Во дворе, на голубой террасе, где недавно они сидели, собрались молодые женщины. Они стояли колеблющейся толпой, ритмично хлопали в ладоши, а в центре под легкие вскрики магнитофона танцевала Махбуба. Плавнo неся белые округлые руки, покачивая бедрами, она легко плыла по тесному кругу. Махбуба чуть-чуть начинала полнеть, но это даже шло ей, высокий рост скрадывал намечавшуюся тяжеловатость. Вахид Мирабидов почувствовал отцовскую гордость, по-

веселел, не заметил, как сам начал пританцовывать. Но тут из боковой комнаты вышла Назокат-биби и страшно округлила глаза:

— Идите, идите к себе, спугнете девушек! — Как колобок подкатилась и лодким движением подтолкнула мужа к двери. А зятя пригласила: — Может, посидите с гостями?

— И рад бы посидеть, да дела! — Шукуров виновато улыбнулся и поспешил проститься с тестем и тещей.

Вахид Мирабидов поплелся обратно в кабинет, нехотя опустился в свое любимое вертящееся кресло. Он был доволен собой: удачно поговорил с зятем. Видать, произвел на него впечатление. Доволен был и дочерью, и ее гостями на голубой терраске. О, были бы сейчас там, на терраске, его сверстники и их жены, взял бы Вахид в руки дутар, ударил бы по струнам, распотешил бы компанию! О работе не хотелось думать. Да и к чему? Все и без того будет как надо. В голову пришла шальная мысль: как-то там их величество Нормурад Шамурадов, пожалуй завтра на защиту? Не собираются ли чего отколоть по старой привычке, покрасоваться своей знаменитой принципиальностью? «А, пусть приходит! — усмехнулся Мирабидов. — Пусть выступает против. Очень будет хорошо. Пусть вывернется наизнанку перед своими родичами!» Вахид Мирабидов почувствовал, что к сражению он готов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Латофат в общежитии не было. В вестибюле сидела толстая, краснощекая вахтерша и тянула из пиалы чай, посасывая леденец. Хайдар обратился к ней и тотчас же пожалел.

— Спрашиваете про девушку из восьмидесят шестой? Какая из них? А, красавица недотрога, все парни за которой бегают! Отправилась с этим, как его... с преподавателем. Может, знаете, такой хиленький, черномазый.

Хайдар бросился на улицу, вахтерша успела ввернуть вдогонку:

— Просто удивляюсь! При таком джигите-беркуте мотаться с этим занкой!..

Солнце уже село. И хотя еще было светло, площадь вокруг огромного цветника с потрескивающим фонтаном посредине и утонувшие в листе улицы, днем многолюдные, почти опустели. Лишь на чугунных крашеных скамейках под сенью деревьев сидели парочки, слышался тихий говор, негромкий смех...

Хайдар зашагал к цветнику рядом с общежитием. Плотно сжал губы. Нет, он, конечно, не ревнует Латофат. Да и не такая она. Легкомыслие и ветреность ей вовсе не свойственны. Могла бы даже быть чуточку шаловливее, веселее.

В компаниях Хайдар не раз встречал девушек, которые приехали в город из далеких кишлаков. К ним очень подходило выражение: вырвались. Действительно, вырвавшись из-под строгой опеки роди-

телей, они очертя голову бросились в вихрь городской жизни. Как необузданный поток — прорвал плотину и летит себе, не разбирая пути. Однажды Хайдара не на шутку увлек один такой поток. Подумывал даже порвать с Латофат — устал от ее странностей. Но узел оказался слишком тугим. Скрутила их вместе непонятная сила — не разорвать.

Отец вот посчитал его размазней. Находит, что Хайдар робок с прекрасным полом. Какое там «робок»? Раньше скольким кружил, бывало, голову. А вот встретился с Латофат, и что-то приключилось с ним. Прямо болезнь какая-то.

Этот хилый занка, о котором говорила вахтерша, — ну что может в нем найти Латофат? Конечно, кандидат наук, но ведь мужчине за тридцать. Занимается на биофаке какими-то насекомыми, паутинными клещами. Мечтатель-дервиш! И надо же, вскружил голову ей высокими речами, теперь она жить не может без его букашек-мукашек — уму непостижимо!

Хайдар понимал: эти букашки — предмет их науки, и уж наверно там могут быть интересные находки. Но этот кандидат вон куда загнул — сумел придать их работе некий романтический ореол. Труд их будто бы имеет всемирное значение! Вот какой подход! И ведь не сбить спесь с этого дервиша. Заикнуться даже нельзя, не то что открыть ей всю беспочвенность его хвастовства. Латофат терпеть не может шуток на его счет. Забудешься, ляпнешь — побледнеет, замолчит, и не вытнешь из нее больше ни слова.

В молодежном кафе за общежитием вздыхал и постанывал джаз. Хайдар прислушался. Модная в последнее время песня «Ялия-яли»... Она напоминала недавний неприятный случай. Произошло все в этом же кафе, в день защиты диплома Латофат.

Собрались не только подружки и друзья-однокурсники Латофат. Пришли и ее брат Кадырджан, и Хайдар, и Тахира. И — что было для Латофат неожиданностью — пришел ее отец Джамал Бурибаев. Латофат ведь так и не помирилась с отцом, вела себя с ним отчужденно.

После защиты направились «обмывать» в это самое кафе, откуда сейчас доносится мерное постукивание джаза.

Когда компания шумно подошла к кафе, оттуда выпорхнула... нынешняя супруга Джамала Бурибаева: в руках цветы, на лице улыбка. Но, видно, не легко этой сравнительно молодой, холеной женщине давалась улыбка. Лицо ее как бы застыло, а букет, предназначенный падчерице, слегка дрожал в руке. С заледеневшей улыбкой женщина приблизилась к Латофат и нерешительно подставила губы для поцелуя. Только что смеявшаяся Латофат побледнела. Протянутые маечхой цветы взяла, но подставленных губ не поцеловала, прошла мимо нее в кафе. Маечеха так и осталась стоять в неловкой позе, с протянутыми для поцелуя губами. Опомившись, жалобно заморгала, подняла глаза на мужа. Джамал Бурибаев сделал вид, будто ничего не случилось, взял жену под руку, повел к столикам. Но торжество уже дало трещину. Даже залихватский танец, предпринятый Тахирой и Кадырджаном, чтобы сгладить «инцидент», не смог развеять

холод. Мачеха выждала для приличия немного времени и вскоре поднялась — ушла, прихватив с собой и мужа. Друзья и преподаватели тоже почувствовали неловкость, начали прощаться. Лишь главнокомандующий всеми мошками и букашками Сакиджан Абидов ничего не замечал. Пил себе, ел, наслаждался. И, удивительное дело, захмелев, перестал заикаться! То и дело вскакивал, чтобы провозгласить тост в честь Латофат. Пел ей гимны: какая она умница! Не увлекается парнями, у которых снаружи все блестит, а внутри пустота, вакуум. Разрушила общепринятое представление о красивых девушках: о ней ведь никак не скажешь — «птичка» или «мотылек». В общем, да здравствует жрица науки Латофат! Хайдар терпел-терпел, а под конец не выдержал, вскочил с места, попросил преподавателя Абидова «выйти на минуточку». Эта выходка, собственно, и положила начало размолвке с Латофат. Впрочем, размолвка началась раньше, в тот день он только подлил масла в давно тлевший очажок. Но что это там?

...У общежития остановилось такси. Из него показалась сначала толстая папка, а затем, несуразно извиваясь, вылез Сакиджан Абидов. И вслед за ним — Латофат!

Латофат и Абидов не заметили Хайдара. Сидел он недалеко — на лавке у цветника напротив общежития. Они продолжали какой-то разговор, увлекшись, будто во всем мире не существовало никого, кроме них. Впрочем, говорил один Сакиджан Абидов — горячо объяснял что-то, помогал себе свободной рукой и заикался, давясь словами. Латофат, слегка наклонив голову, мягко улыбаясь, внимала. Наконец она чему-то рассмеялась и протянула Абидову руку. Абидов, должно быть, испугался, что сейчас девушка уйдет, ухватился за ее локоть, забормотал:

— П-п-послушайте, Латофатхон! П-п-прошу вас...

Хайдару даже почудилось, будто этот рехнувшийся дервиш собрался обнять ее. «Латофат!» — крикнул и тут же выругал себя за малодушие.

Оба разом обернулись. Сакиджан Абидов нервно передернул костлявыми плечами, Латофат свела брови.

— А-а... это вы? — сказал Абидов. — Здравствуйте.

Латофат стояла с прижатым к губам букетом душистого базилика, чертила носком туфли по земле. Ее хмурый вид не предвещал ничего доброго. Видно, решила, что Хайдар выслеживает ее.

— Простите, домла, — сказал Хайдар. — У меня к Латофат дело. Абидов взглянул на девушку и криво усмехнулся:

— Что ж, до свидания...

Латофат едва заметно кивнула в ответ и молча направилась к скамейке, с которой только что встал Хайдар. Он невольно залюбовался ею.

Короткое яркое платье с крупными темно-синими и красными цветами при каждом шаге высоко открывало стройные ноги. А эти тупоносые туфли на высоких каблуках — в них ее маленькие ступни казались еще меньше. Была она среднего роста и довольно хрупкого сложения, но в этот вечер словно бы выросла. Может быть, за счет

каблуков и высоко взбитой прически, в которую уложила свои мягкие каштановые волосы. А может быть, гнев, уязвленная гордость так выпрямили ее.

Они сели на скамейку, и, словно это было сигналом, над ними вспыхнули белые полоски ламп дневного света — все вокруг окунулось в мягкое лунное марево.

Латофат плотно сомкнула длинные загорелые ноги, букетом базилика прикрыла колени. Соединенные у переносицы бархатно-черные брови и особенно прямой аккуратный нос придавали ее чуть продолговатому лицу с матовой, смугло-пшеничного оттенка кожей горделивое и даже надменное выражение.

— Я слушаю,— сказала Латофат.

Хайдар еле удержал рвавшийся наружу крик: «Где ты пропадала с этим...»

Сказал совсем другое:

— Ты же знаешь, завтра у меня защита. Придешь?

Латофат поднесла к лицу букет базилика.

— А мой приход обязателен?

И сам вопрос, и тон показались обидными. Хайдар опять с трудом справился с собой.

— Что с тобой? Может, изменились твои намерения?

— Я не понимаю, о чем вы?

— Что тут непонятного? Я говорю о наших с тобой намерениях, о нашей жизни. Серьезны наши отношения или нет, в конце концов? Если серьезны, неужели трудно тебе прийти на мою защиту? Ведь я... как бы там ни было, столько лет готовился к ней! Сколько сил положено! Я ведь тоже человек! — воскликнул Хайдар и снова мысленно выругал себя: «Не хватало только слезами выпрашивать у нее любовь!»

Латофат, не поднимая головы, еле слышно проронила:

— Простите...

Ее дрожащий, виноватый голос растрогал Хайдара, горечь с души мгновенно сняло.

— Почему ты стала такой, Латиф? — он взял руку девушки в свои, приблизил лицо. Совсем близко, у самых своих глаз, как в то давнее летнее утро под тутовым деревом, увидел бархатистую черноту ее бровей и густых, пушистых ресниц, чистую смуглость ее лица, шеи, плеч и вдруг почувствовал: знакомая, не раз испытанная нежность, смешанная с глухой ревностью, поднимается в нем.— Ну, скажи, в самом деле, что произошло? Откуда взялся этот... Этот вот жалкий дервиш?

Латофат высвободила свои пальцы из рук Хайдара.

— Я еще раз прошу вас: не говорите так об этом человеке,— сказала это с тихой угрозой.

— Почему же не говорить? Что ты в нем нашла? Кроме кандидатской степени?!

— Он не бахвалится своим кандидатским званием. А человек, если хотите знать, золотой. Вы бы только знали, какой это человек!

— Знаю, морочит тебе голову высокими словами, а ты...

— Не надо, хватит!

В глазах Латофат блеснули слезы, она закусила губу.

«Не надо, хватит!» Хайдара покоробил этот, как ему показалось, крик. Мол, что тут говорить — все равно ничего не поймет! Борясь со вспыхнувшим гневом, глухо произнес:

— Да говори же ты, не скрытничай!

— О чем говорить?

— Обо всем, что скрываешь...

— Скрываю! — Латофат проглотила слезы. — Только что вы сказали «я тоже человек». С обидой сказали. А не думаете вы, что то же самое могу сказать и я? Хоть раз заговорили вы со мной о моих планах, моих делах? В вас я вижу одно лишь презрение к тому, чем я занимаюсь!

— Да какое там презрение, просто...

— Я же вижу, вижу! А недостойный скандал в кафе? И вообще зачем вы пригласили отца, да еще с мачехой? Ведь вы собрались устраивать празднество сами, а оказалось, всем командовали отец с мачехой!..

— Латиф! — Хайдар облегченно засмеялся, взял в руки, стал перебирать пальцы девушки с нежно-красными — от хны — ногтями¹. Я рад был бы взять на себя не один, а сто таких банкетов! Но Джамал Бурибаевич не разрешил. Ведь он, что бы там ни было, отец тебе. Откуда я мог знать...

— Вот о том я и говорю! Сколько лет мы вместе. Вы постоянно заявляете о ваших будто бы серьезных намерениях и не знаете, чем я живу. Этот человек, называющийся моим отцом... Вы даже не поинтересовались, как жили мы с матерью, сколько боли причинил он нам. Сколько обид!.. Уверены, что я ваша, и ладно! Знаете, что не посмею разорвать круг, очерченный вами... Ведь вам с вашим всемогущим отцом все под силу...

И зачем сказала Латофат такие слова?! Ведь сердце Хайдара начало уже таять. А теперь?.. Хайдар вскочил:

— Оставь в покое моего отца! Мой отец еще никому не делал зла! И потом, что ты этим хочешь сказать? Я заставляю тебя против твоей воли идти за меня?.. Да если у тебя другие планы, пожалуйста...

— Я не сказала, что у меня другие планы...

— Пожалуйста, можешь...

— Хорошо! — прервала Латофат, глаза ее неожиданно заблестели. — Завтра я приду на вашу защиту! Все?

— Благодарю! Как знаешь: хочешь — приходи, хочешь — нет! — Хайдар круто повернулся и зашагал прочь от скамейки.

2

Латофат прошла мимо вахтерши, которая что-то со сладкой улыбкой сказала ей. Что-то ядовитое. Тихо вошла в свою комнату. Здесь было пусто, одиноко. Все разъехались на каникулы.

Не зажигая света, подошла к окну. Дома университетского обще-

¹ Отваром из цветов хны красят ногти в нежно-красный цвет.

жития стояли на окраине города. Небо здесь было ясным, как в степи. Крупные звезды блестели так ярко, словно кто-то протер, начистил до блеска каждую. Весь студенческий городок вокруг в сиянии белых неоновых свеч, и цветник под окном в серебристых брызгах фонтана, и машины, бесшумно скользящие вдаль, и длинные лучи от их фар — все в этот покойный сиреневый вечер представлялось необычным, таинственным. Издалека, видно из кафе за общежитием, долетала бездумная, легкая музыка. Весь мир, казалось, подхватили волны радости и счастья. Только она, Латофат, не рада ничему. Недаром парни-однокурсники назвали ее за вечную грусть «зимним солнцем». Неужели и впрямь «зимнее солнце»? Светит, но не греет...

Ну и пусть себе так думают. Откуда им знать о ее радостях и печалях? Ведь даже человек, который собирается соединить с нею свою судьбу, не знает, а может, и не хочет знать о ее жизни.

«Он же твой отец, как бы там ни было!» Отец! У Латофат при одной мысли о нем холодеет сердце и в ушах долгий-долгий, похожий на похоронную песню, плач матери.

В детстве Латофат боялась этого человека пуще Азраила — провозвестника смерти. Пугала даже его одежда — всегда черная: черное кожаное пальто, черная кожаная фуражка, длинные голенища — тоже черные. Каждый раз, как только, переночевав в их доме, он уезжал, мать не помня себя бросалась на пол и рыдала. А потом, чуть повзрослев, какой только грязи не слышалась Латофат от своей матери и об этом человеке. Было время, собиралась даже бежать из кишлака!

А случилось это, когда была она то ли в восьмом, то ли в девятом классе. В ту пору Латофат не просто читала — «проглядывала» книги о подвигах чистой, самоотверженной любви. О том, как во имя этого чувства молодые люди шли на виселицу, бесстрашно отправлялись в ссылку или, подобно Кумуш-биби¹, героически спасали нареченного. И вот в такое-то время однажды услышала особенно оскорбительные пересуды о матери. Вернулась домой сама не своя. Было стыдно за мать. Да и как не стыдиться? Джаббар Нормурадов, джигит, которому не было равных, мужественный, благородный, Герой Советского Союза, полюбил Фазилат, а она предала его. И как — поддалась лести и обману этого страшилища в черной коже! И такой благородный джигит, красавец и герой, из-за этого подлого человека, из-за измены матери погиб на фронте! А осталась бы ее мать верна своему возлюбленному, как знать, может, Джаббар и не погиб бы. И тогда отцом Латофат был бы не этот мелкий, нехороший человек, а благородный батыр Джаббар Нормурадов!

Позднее, став биологом, Латофат не раз в душе смеялась над наивностью своих детских грез. Но в тот день ей было горько от всего, а от этой мысли особенно. Как побитая прибежала домой, бросилась на сури — деревянный помост, стоявший во дворе. Долго билась и рыдала она, думалось, не перенести ей горя. Мать работала в то время в правлении. Возвратилась поздно. И как, бедняжка, испугалась, увидев дочь в слезах.

¹ К у м у ш - б и б и — героиня первого узбекского романа.

— Что с тобой, что случилось? — подседа к дочери.

Латофат, вздрогнув, будто коснулась ящерицы или скорпиона, отодвинулась в сторону.

— Почему вы так поступили? Почему?! — захлебывалась слезами.

Вопрос Латофат был неожиданным, но Фазилат тут же поняла все. Поблуднев, с трудом шевеля губами, спросила:

— Ты о чем это, доченька?

Латофат привстала на месте.

— Сами знаете о чем, а еще спрашиваете! — отрезала с той жестокостью, на которую способна лишь юность. — Сейчас, конечно, свалите вину на... Джамала Бурибаева! Лучше молчите, все равно не поверю! Если бы вы сдержали слово, если б до конца сохранили верность, то... джигит Джаббар Нормурадов не погиб бы на фронте!

— Дочь моя! — взмолилась Фазилат. — Доченька!

Она протянула перед собой руки, как бы защищаясь от ударов камчи. Широко раскрытые глаза молили: пожалей! Но откуда было ожидать пощады, милосердия? Латофат горела негодованием.

— Замолчите, все неправда! — бросила неумолимо, спрыгнула с сури и кинулась в дом. — Я презираю, презираю вас обоих! — крикнула с крыльца.

Двор молчал. И вдруг послышался тихий, будто звук флейты, жалобный плач. Мать горько плакала, приговаривала что-то сквозь всхлипы. В другое время Латофат не выдержала бы, обвинив, как в детстве, руками шею матери, вместе с нею выплакала бы их общую горе. Но в ту минуту даже этот плач, эта мольба, способная расплавить камень, не тронула Латофат. Она словно оледенела от страшной людской молвы.

Брата Кадырджана не было дома, он уже учился в городе. Ничто, кроме плача матери, не нарушало тишины утонувшего в густых сумерках большого двора.

Потом мать притихла. Послышались быстрые шаги. Со скрипом открылась дверца хлева. Латофат бросилась к окну. Мать вышла из хлева, что-то держала в руках. «Веревка...» — догадалась Латофат. Мать выбежала на улицу.

В ужасе, босоногая, полураздетая, как была, с открытой головой, Латофат выскочила из дома.

Тогда еще не было нового поселка. Сбоку от их двора шла узкая, пыльная улица. Она тянулась вдоль русла реки, бесшумно летевшей к мельнице. Латофат не приметила, в какую сторону побежала мать. Не думая, кинулась вслед за тяжелыми речными струями. Сердце не обмануло. Разбив в кровь ноги, Латофат добежала до мельничного колеса и там увидела мать. Фазилат привязала большой камень к веревке, петлюю накинутой на шею. Истошным, пронзительным криком перекрывая однообразный мельничный шум, с разбега бросилась наземь, обняла ноги матери:

— Простите, мама! Простите!

Мать и дочь до полуночи просидели в обнимку около запруды и все

говорили, говорили под равномерное хлюпанье воды, бегущей по мельничному желобу. В ту ночь мать открыла ей все. Оказалось, этот высокий, белолицый, холодный красавец, ее отец, достигший теперь больших чинов, ради своих нечистых минутных желаний пошел на обман, на преступление. Здесь, на берегу черного омута, поняла Латофат, что так точит ее исстрадавшуюся мать, какие муки терпит она, в чем себя винит. И поняла, почему ее мать, женщина, которой не было тогда и сорока, так рано поседела. А Хайдар говорит: «Как-никак, а он все-таки твой отец». Придет время, Латофат, может, и расскажет обо всем Хайдару, но не теперь, потом. Пока что и самой страшно подумать. Одно лишь знает она твердо: мать не виновата. Что бы там ни сочиняли про нее, она не была виновата. Латофат известно теперь все, и потому не хочет она знаться с отцом, даже имени его не хотела бы слышать. Она и с братом Кадырджаном долго не разговаривала. Брат сразу же, как приехал в Ташкент, поспешил отыскать отца и так успел сблизиться с ним — водой не разольешь. Откуда только взялись у Джамала Бурибаева отцовские чувства? Что-то не было у него интереса к детям, пока бегали маленькими. А теперь, как увидел взрослого сына, вдруг стал проявлять заботу. Помог Кадырджану поступить в институт, поддерживал все годы учебы, а только лишь сын окончил институт, сразу устроил работать в Ташкенте под своим крылом. Неожиданная близость Кадырджана с отцом и с мачехой добавила матери немало тайных мук. Латофат видела это.

Не раз Джамал Бурибаев пытался приголубить и Латофат, стал было присылать на каждый праздник дорогие подарки — то через Кадырджана, то через кого-нибудь из знакомых. Предлагал и деньги. Настойчиво зазывал к себе в дом. Латофат все отвергала. Даже в годы ученья не брала от него ни денег, ни подарков. А ведь так хотелось хорошо одеваться.

И в дом к нему пришла лишь однажды, да и то поневоле: сказали, будто отец сильно болен, зовет ее.

Джамал Бурибаев жил на окраине города. Занимал красивый двухэтажный коттедж из красного кирпича, построенный после ташкентского землетрясения. Открыла дверь мачеха, молодая, надменная. Цветастый шелковый халат до пят, на ногах золоченые кавуши — шлепанцы. Эта ухоженная, уверенная в себе женщина встретила Латофат сдержанно, молча провела к отцу.

В просторной комнате с окнами, выходящими на речку, чего только не было: и бухарские ковры, и старинного узора напольные керамические вазы. На книжных, блестящих лаком полках — уродцы-идолы, вывезенные из-за моря, разные диковинки. Они стояли так плотно, что книг почти и не видно было. Низкие кресла в современном стиле, а рядом потемневшее от времени резное бюро со множеством выдвижных ящичков и полочек... Джамал Бурибаев лежал на диване, обложенный большими пуховыми подушками в пестрых ситцевых наволочках — тоже дань моде. Трудно было понять, обрадовался он приходу дочери или остался равнодушным. Странная вещь поразила Латофат тогда в поведении отца. Стоило

мачехе выйти из комнаты, он тут же менялся — виновато улыбался, начинал расспрашивать о житье-бытье и все повторял: «Доченька, дочка моя». Угощал чаем, фруктами. Но вот появлялась жена — улыбка вмиг исчезала и на лице застывало холодно-непроницаемое выражение.

Латофат пробыла у них недолго. Кое-как выпила пиалу чая и простилась с отцом. Так, в этот визит, открылось ей еще одно в Джамале Бурибаеве — то, о чем она давно уже слышала. Его, Джамала Бурибаева, крепко держит в руках жена — ведь поднялся на высокие посты он только ее стараниями, благодаря ее могущественным родственникам!

Больше нога Латофат не переступала порог этого дома. Сколько раз упрашивали и брат и отец — не пошла. Брат хочет ходить — пусть ходит. У него есть свой расчет. Но Хайдар... Как понять Хайдара? Что ему Джамал Бурибаев? А туда же: «Твой отец!» Ведь он-то не нуждается ни в чьем покровительстве. Под крылышком у своего отца. Никого за человека не считает, даже ее. А собирается соединить с нею судьбу! Как он отзывается о людях, хотя бы о том же преподавателе Абидове? Вечно кривится, стоит лишь заговорить о нем. Не словами, так видом дает понять: «У тебя есть такой джигит, а интересешься какой-то букашкой!» Между тем у Хайдара нет никаких оснований ревновать ее. Абидов для нее только ученый и еще — настоящий человек.

Он пришел на кафедру прошлой зимой, сразу как окончил аспирантуру Московского университета. Занимается биологическими методами защиты растений. Уж как смеялись на факультете, когда он впервые заявился, особенно девушки. В самом деле, точно из старого фильма — чудаковатый, нескладный Паганель! Равнодушный к своей внешности, вечно ходил обросший, в поношенном пиджаке, который к тому же висел на нем мешком. А уж туфли его — знаменитые на весь биофак туфли! Даже в летние ясные дни были они облеплены грязью. Ко всему прочему еще и заикался, долго хватал воздух, прежде чем что-то сказать. Но бывали минуты, когда сядет он на своего любимого конька — глаза неожиданно вспыхнут, и тогда красноречивее Абидова нет оратора. Если уж посчитать этого домлу влюбленным, то был он очень старомодным рыцарем, верным одной лишь любви — к перепончатокрылым семействам Chalcidoidea рода Trichogramma, то есть к тем самым мошкам и букашкам, о которых с такой иронией отзывался Хайдар! Когда Абидов говорил о предмете своей страсти, он становился настоящим поэтом, пламенным оратором, самим Цицероном. Правда, девушки посмеивались и над его гимнами во славу трихограммы. Нашлись на факультете и художники — изображали Сакиджана в обнимку с его букашками. А вот Латофат понимала, какую пользу может принести работа над этими мошками. Она выросла в кишлаке и хорошо знала, что такое ядохимикаты. Не раз своими глазами видела погибших птиц, мертвую рыбу, всплывшую в реке, когда летом, в дни нашествия вредителей, над хлопковыми полями летал самолет и на посевы опускалось ядовитое облако. Да не только птицы и рыбы — страдали и люди.

Вот почему рассказы Сакиджана Абидова о божьей коровке и мушке трихограмме звучали для нее подлинными дастанами. А сам Абидов, этот «юридичивый», по мнению Хайдара, худосочный домла в стоптанных, заляпанных грязью туфлях, ей и впрямь казался человеком необычным, благородным и даже поэтом! Впрочем, в последнее время в Сакиджане Абидове что-то стронулось. Начал вдруг следить за собой — догнал в этом известных щеголей факультета. И опять над ним потешались, теперь над его слишком зауженными брюками и узорчатыми рубашками. А происшедшую перемену связывали с именем Латофат!

В прошлом году она проходила преддипломную практику под Наманганом. Руководил студентами Сакиджан Абидов. Стояла теплая весна. Клеверные ковры успели уже застелить землю. На эти клеверные поля в окрестностях Намангана они ездили охотиться за бабочками, божьими коровками и светлячками. С сачком в одной руке, с корбой в другой гонялись за насекомыми, переходили с одного поля на другое. Так, без передышки, обегали, «обкосили» сачками все бескрайние зеленые равнины. Хоть Латофат и выросла в кишлаке, но лишь в ту весну, бродя по росистым полям Намангана, словно впервые увидела всю красоту знакомой с детства природы. Насладилась запахом клевера — нежным, еле уловимым, с горьковатым привкусом степных трав. Не верила глазам — так ярка была изумрудная зелень люцерны. Там же, в Намангане, она стала свидетельницей споров Абидова с агрономами, которые собирались опрыскивать клевер каким-то ядом. Потом всю зиму вместе работали в лаборатории, бились над тем, чтобы размножить нужных им насекомых. Особенности хлопоты доставляли личинки мушки трихограммы. Трихограмма — гроза совки, злейшего врага хлопчатника. Летом этого года они собираются провести опыты с этими мушками в каком-нибудь крупном хлопководческом хозяйстве. Может, даже в колхозе будущего свекра, если, конечно, он не воспотунится. А вообще Абидов советует ей остаться при университете, поступить в аспирантуру. Только вот Хайдар... Ни о чем и слышать не хочет — только о свадьбе. Ее будущий свекор, оказывается, решил за нее: после свадьбы она поживет в кишлаке. Как-то Хайдар полушутя-полусерьезно спросил ее:

— Отец предлагает тебе после университета должность директора школы. Как ты к этому отнесешься?

Слова о директорском кресле Латофат приняла как шутку. Шуткой и ответила:

— Что же, не стану отказываться, но с одним условием: если в руководимой мною школе вы согласитесь быть учителем!

— А найдется место для кандидата наук в вашей школе?

— Выходит, вам, товарищ кандидат наук, место в городе, а мы, простые смертные, должны прозябать в кишлаке?

Хайдар обнял ее за плечи, рассмеялся:

— Годик-другой, не больше, милая! Родителей тоже можно понять. Хочется, чтобы невестка пожила немного рядом, показала себя, так сказать, примерной хозяйкой!

Нет, Латофат не боится кишлака, она родилась и выросла там.

и родителей его готова понять. Только вот жаль начатых с Абидовым работ, да, признаться, и разговоры об аспирантуре ей не безразличны.

Латофат вздрогнула: кто-то постучал в дверь.

— М-можно? — Сакиджан Абидов стоял на пороге и виновато теребил отрастающую щетину усов.— А к-к вам, ок-казывается, ст-трожайший запрет! Г-грозят п-позвать милицию, если задержусь. Так что п-прошу на минутку в-выйти. П-подожду вас на улице.

Абидов ждал ее на той самой скамейке у фонтана, где недавно она сидела с Хайдаром. Увидев девушку, вышедшую из подъезда, он вскочил, зачем-то подал руку, хоть сегодня виделись уже. И сразу спросил:

— Ну и как? П-поговорили?

— Поговорили. Остается все по-прежнему. Будет свадьба. Вот и все.

— По-поздравляю!— с деланной веселостью воскликнул Абидов.— Т-той на весь мир! Песня яр-яр! Бой барабанов! С-счастливые влюбленные за шелковым занавесом! И п-прощай наука, прощай университет! А тут не успела повернуться, как новый той — родился первенец! Н-ну и в итоге счастливейшая мать-героиня в окружении г-галдящих отпрысков! П-поздравляю!— Абидов сделал такой стремительный вираж вокруг фонтана, будто вместо ног у него выросли колеса. Скрестив руки на груди, остановился перед девушкой.— П-поражаюсь! Да появятся ли у нас, наконец, истинные таланты, люди, готовые принести блага жизни в жертву великим целям? Только вас я считал способной студенткой среди всех этих бездарностей. А вы?..— Абидов разгорячился и совсем перестал заикаться.— А вы — нет чтобы думать о науке — все та же мечта о свадьбе, о детишках! Речь идет о большом, благородном деле, о долге! Неужели так и не поняли этого? Ведь от вашей работы зависит будущее узбекского хлопкороба, великого труженика! Може, сомневаетесь в успехе наших начинаний?

— Дело не в сомнении.

— Сейчас мои слова могут показаться только мечтой. Но пусть даже это пока несбыточная мечта — все же мечта благородная и заслуживает того, чтобы посвятить ей жизнь! Неужели вы, с вашим умом и сердцем, не в состоянии понять таких вещей? Были бы просто красивой куклой, стал бы я уговаривать вас?

Латофат еще ниже склонила голову:

— Я-то понимаю, домладжан, а вот вы...

— Так в чем же дело, черт побери?! Держит страх, что этот ваш... сынок раиса, если свадьба задержится на год, женится на другой?..

— Не надо,— еле слышно проговорила Латофат.— Бесплезно...

— Ну в таком случае, раз бесполезно... мы выходим из игры!

Абидов стремительно крутанулся и помчался прочь, споткнулся обо что-то и скрылся в темноте.

Латофат, жвав виски ладонями, еще долго сидела в обезлюдевшем скверике.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Приглашение на защиту диссертации для Атакузы не новость. Но сегодня защищается его собственный сын, — наверно, потому и взволнован так знаменитый раис. Да к тому же еще вчерашняя нелепая стычка с дядей тоже не дает покоя.

Атакузы приехал на машине вместе с дочерью и будущей невесткой. Девушки заглянули по пути на базар, купили целую охапку цветов. Вид у них был очень эффектный — обе в одинаковых алых атласных платьях, в черных лакированных туфлях, у обеих в руках букеты. Когда Атакузы в сопровождении двух юных красавиц подходил к зданию института, все обернулись в их сторону, а молодые люди, курившие у входа, посторонились, уступая дорогу.

Зал, где должна была проходить защита, оказался внушительным, просторным, светлым, да еще и с глубоким куполом, который удваивал его объем. Хайдар стоял на сцене. С помощью Кадырджана он развешивал какие-то диаграммы и чертежи со столбцами громоздких цифр и формул, о которые сам черт мог сломать зубы! Кадырджан, увидев родичей, помахал рукой. Хайдар лишь кивнул, — видимо, ему было сейчас не до приветствий.

В огромном зале, окнами выходящем во двор института, было еще малоллюдно. Атакузы сел поближе к широким окнам. Потрогал откидную доску-пюпитр. С потеплевшей душой, с гордым сознанием предстоящего события смотрел на входивших людей. Все это были ученые — о том говорили их лысины, очки на бледных, нервных лицах, небрежная, даже неряшливая одежда... С тем же горделивым чувством он незаметно оглядел дочь и будущую невестку.

Тахира так и сияла, кругленькое белое миловидное лицо порозовело, радость переполняла ее. Она то и дело поправляла едва достигающие до плеч черные как смоль волосы, вертела головой — оглядывала зал, будто пришла не в научное учреждение, где должна решаться судьба брата, а в театр на премьеру. Латофат была полной ее противоположностью. Сидела, сложив на коленях смуглые руки с покрашенными хной тонкими пальчиками, задумчиво уставясь большими грустными глазами в сад. Ох уж этот ее печально-задумчивый вид! Казалось, пришла сюда не затем, чтобы разделить радость близкого человека, а лишь по принуждению!

«Что это она? — Атакузы с трудом подавил шевельнувшуюся в груди неприязнь. — О чем печалится? Не принесла бы несчастья в мой дом эта ее красота...»

Мысли Атакузы перебила Тахира:

— Дададжан! Джамал-ака идет.

Джамал Бурибаев шел в окружении нескольких таких же солидных представительных мужчин.

Атакузы не успел подняться — Джамал Бурибаев прибавил шаг и был уже рядом.

— Эге, сам раис-ака пожаловали! Превосходно!

Бурибаев все еще был привлекателен, как и тридцать лет назад. Если, конечно, отбросить заметную уже седину и некоторую полноту стана. Он наклонился к Латофат:

— Как поживаешь, дочь моя?

Латофат внезапно побледнела и так же внезапно залилась краской.

А перед Бурибаевым уже расшаркивался долговязый человек в огромных очках.

— Прошу вас пройти вперед, товарищ Бурибаев, прошу. О, и вы здесь, раис-ака!.. Прошу и вас, пожалуйста, вперед...

Это приглашение было, конечно, лестно. Однако Атакузы не последовал за Джамалом Бурибаевым. И, как оказалось, к лучшему. По рядам, как ветер, прошел легкий шумок, и в зал торжественно вступили члены ученого совета во главе с директором института Артемом Прохоровичем Поликарповым. Но прежде чем подняться на сцену, директор задержался возле Атакузы.

Раис хорошо знал Поликарпова с самого детства. Он был сыном Прохора, чудаковатого старика, который служил егерем в лесничестве, по соседству с кишлаком Атакузы. Бывало, вместе играли в костяшки. Так что и Артем Поликарпов, который вот уже несколько лет руководит институтом, конечно, помнил Атакузы. Но дело было не в этом. Он, директор, в эту минуту в зале, переполненном учеными, так выделил Атакузы, оказал ему высокую честь! Вот что главное! И члены ученого совета, увидев такое уважительное отношение директора к Атакузы, не остались безразличными. Их строгие лица милостиво заулыбались, кто-то даже пошутил: «Эге, сам раис-ака прибыл, значит, угощение будет отменным!» И Вахид Мирабидов, помолодевший, улыбаясь круглым, сияющим как полная луна лицом, подмигнул: «Все идет преотлично, можешь не волноваться!»

Защита началась. Очкарь, который предупредительно изгибался перед Бурибаевым, оказался ученым секретарем. скрипучим голосом он стал докладывать, кому и куда был разослан автореферат, от кого и от каких организаций получены отклики и письменные заключения. Говорил долго и монотонно, наконец закруглил всю эту мякину, и Поликарпов дал слово Хайдару. Атакузы облегченно вздохнул, а вместе с ним и весь зал.

Хайдар, несмотря на жару, весь в черном, с длинной указкой в руках, легким, уверенным шагом поднялся на трибуну, будто шел не защищать свою научную работу, а читать лекцию собравшейся аудитории. Но тут произошла заминка. Только было он хотел начать, как Поликарпов, приподнявшись с места и глядя в конец зала, позвал:

— Нормурад Шамурадович!

Все в зале, в том числе и Атакузы, как по команде обернулись. В задних рядах заскрипели стулья, и оттуда послышался чуть хрипловатый знакомый голос:

— Благодарю. Продолжайте, продолжайте...

— Нет-нет! Пройдите, пожалуйста, сюда,— настойчиво приглашал директор института.— Прошу вас, Нормурад Шамурадович!

Домла Шамурадов в светлой сорочке, осыпанной крапинками, и в старомодных широченных брюках, чуть сутулясь и слегка покаш-

ливая от смущения, прошел в президиум. Большая, лобастая голова его с белым, легким пухом у висков лоснилась от пота, темные щеки втянулись, резко выступили крупные скулы, глаза глубоко запали, как у человека, не спавшего много дней.

«Что случилось со стариком?»— с тревогой подумал Атакузы. Он и минувшей ночью беспокоился о дяде, не мог заснуть. Конечно, домла обидел его, но, что ни говори, родной ведь. Однако эту тревогу тут же вытеснила другая, более острая. Только что душа так убогатворилась вниманием Поликарпова, а тут опять где-то внутри заскребло неясное, щемящее беспокойство.

Наконец Хайдар заговорил. Атакузы показалось, что держится сын уже не так уверенно, движения стали резче и голос неровен.

Домла Шамурадов сидел рядом с Поликарповым, положив на стол, накрытый зеленым сукном, большие черные руки, и устало глядел в зал из-под нависших век. Весь он будто поник, даже нелепый громадный нос, обычно гордо торчавший на широком лице, как бы отяжелел, опустился.

Вдруг старик наклонился, широко раскрыл спрятанные под веками глаза, точно увидел что-то ужасное. Сердце Атакузы опустилось — он понял, кого увидел дядя.

На один миг, на долю секунды впился старый домла колючим взглядом в Джамала Бурибаева и, будто лишившись сил, откинулся на спинку стула, закрыл глаза.

«О аллах! Одного лишь взгляда хватило — и дядя лишился сил. Что же станет с ним, когда накрепко свяжут нас с Бурибаевым родственные узы?»— подумал Атакузы и тоже закрыл глаза.

В зале зашумели, захлопали откидные доски, несколько человек поднялись. Только тут Атакузы сообразил, что Хайдар закончил свое слово. Было непонятно. Он ожидал — защита будет внушительнее, солиднее. Работа его сына должна была взбудоражить всех этих важных ученых.

Поликарпов привстал, обратился к залу — нет ли вопросов к диссертанту? Недолгое перешептывание в первых рядах, и три члена ученого совета — один за другим — задали несколько вопросов.

Каждый раз, когда в тишине звучал очередной непонятный вопрос, Атакузы чувствовал на своих коленях теплую, вздрагивающую ладонь дочери. Тахира, будто ожидая удара, прижималась к отцу. Страх дочери передался Атакузы, он тоже весь напрягался, и даже Латофат, такая, казалось, безразличная, всем корпусом подавалась вперед, крепко сжимая руками поручни кресла.

Атакузы был теперь доволен сыном. На вопросы Хайдар отвечал свободно. Он, как видно, преодолел уже начальную робость, голос звучал уверенно. А как держался! Атакузы узнавал в сыне свои черты: твердость и даже властность.

Да, отец Атакузы, погибший на фронте, тоже мог бы гордиться своим сыном. Он, Атакузы, не только сам выбилась в люди, но и детей сделал людьми! Вот Хайдар, плоть от плоти, кровь от крови, защищает научную работу в этом ученом зале, среди прославленных людей, мудрецов! То поднимаясь на трибуну, то скользя указкой по столбцам

цифр, легко объясняет сложнейшие формулы. «Молодец, сынок! Ты оправдал мой хлеб и соль!»

Атакузы украдкой смахнул наворачнувшуюся слезу, улыбнулся, посетовал про себя: «Как жаль, что нет Али!...»

Вопросов больше не было. Хайдар белоснежным платком смахнул с лица крупные капли пота, скромно спустился вниз, устроился в ряду, где сидели Джамал Бурибаев и Кадырджан.

«Молодец, сынок! Утер нос дорогому дяде».

Теперь председательствующий представил слово научному руководителю диссертанта Вахиду Мирабидову.

Атакузы хоть и дружил с этим развеселым человеком, однако серьезным ученым его не считал. Сказывалось, видно, влияние милейшего дяди. Да и сам Вахид Мирабидов способствовал тому. О научных проблемах говорил мало, все больше шутки, анекдоты. В застольях играл на дутаре, читал газелы. Бывало, что и в пляс пустится... домла!

Мирабидов легко, уверенно прошел на кафедру и попросил у почтенной аудитории извинения: он намерен говорить не столько о диссертации, научная ценность которой и так бесспорна, а хочет воспользоваться столь представительным ученым форумом, чтобы поделиться некоторыми своими мыслями относительно перспектив водного баланса республики. Прежде чем перейти к сути вопроса, Мирабидов разрешил себе сделать захватывающий экскурс в далекое прошлое, к тем драматическим, как выразился он, событиям истории, которые до сих пор живут в памяти народа...

Он говорил о мертвых городах, о песчаной пустыне, поглотившей некогда цветущие оазисы, оживленные долины, о целых государствах, исчезнувших с лица земли. Зал слушал затаив дыхание. Докладчик не жалел красок — изобразил, что ждет в не таком уж далеком будущем их благословенный край. Безводье! Пески! Пустыня! И, наконец, раскрыл проблему переброски сибирских рек во всей ее сложности и масштабности. Лишь разъяснив всю глубину задачи, показав, как катастрофически убывают запасы воды, приступил к оценке работы молодого ученого. Оказалось, труд диссертанта — серьезный вклад в названное выше дело. После такой страстной речи работа Хайдара засверкала, будто драгоценность, с которой смахнули пыль.

Профессор кончил. Весь красный, разгоряченный, промокая большим клетчатый платком пот с лица, шеи, головы, не спеша сошел с трибуны. Он устал, но собою был доволен. Как только сел, несколько человек — Атакузы это заметил издали — незаметно пожали ему руку.

Сегодня Атакузы впервые убедился, что этот человек большой ученый, к тому же еще и прекрасный оратор.

Зал оживленно гудел. Один лишь дядя сохранял свою угрюмую позу, сидел согнувшись, вперив взгляд глубоко ввалившихся глаз неведомо куда. Нельзя было понять, понравилось ему выступление старого соперника или нет. Казалось, он даже не видел людей, сидевших в зале, так был озабочен своими, известными одному ему мыслями.

После Вахида Мирабидова выступили официальные оппоненты. Оба поддержали научную работу Хайдара, о нем самом отозвались с похвалой: вдумчивый, многообещающий молодой ученый, прекрасный

товарищ и тому подобное. Правда, был момент — Тахира снова прижалась к отцу. Это когда выступал второй оппонент. Невзрачного вида, болезненно бледный, высоким, детским голосом сначала похвалил, а потом чувствительно покритиковал, особенно то место диссертации, где говорилось о вторичном использовании сточных вод. Но наконец и эти тягостные минуты остались позади.

Кончили оппоненты, и тут поднялось несколько рук. Атакузы был теперь спокоен. Его жизненный опыт говорил: руки желающих критиковать не поднимаются так быстро, они тянутся нерешительно, робко, после заметных глазу колебаний!

Так и вышло. Говорили и о Хайдаре, и о Вахиде Мирабидове, проявившем отеческую заботу о молодом ученом, только хорошее.

Прошло уже около двух часов. В зале стало жарко, люди все чаще поглядывали на часы. Уже третий оратор кончил петь хвалы диссертанту и его руководителю. Поликарпов предложил: «Кто желает еще выступить?» Отовсюду послышались возгласы: «Достаточно! Прекратить прения!»

Именно в эту самую минуту, когда, казалось, все до конца было высказано, дядя, погруженный в свои думы, неожиданно встрепенулся и, будто вспомнив о чем-то неотложном, поднял свою нелепую черную ручищу.

По залу пронесся неодобрительный гул. Был бы новый оратор иным человеком, председатель, скорей всего, согласился бы с мнением зала. Но, видно, из уважения к старому домле Поликарпов пропустил ропот аудитории мимо ушей.

— Вы хотите выступить, Нормурад Шамурадович? Пожалуйста, подойдите на кафедру.

— Нет, нет, лучше здесь. Я только хотел... хотел спросить... — Нормурад Шамурадов суетливо встал со стула. Он, похоже, раскисался, что попросил слова. Заговорил нерешительно: — Мой вопрос не к диссертанту, а к его руководителю, к уважаемому профессору Вахиду Мирабидову...

Старик перебирал в руках какие-то бумаги и старался не смотреть в зал, точно боялся встретиться глазами с Атакузы.

— Я хочу сказать, работа диссертанта неплохая... Он молод, его надо, разумеется, поддержать. Но у меня вопрос к почтенному коллеге...

— Пожалуйста, пожалуйста, — подбодрил Поликарпов.

— Один из основных выводов научной работы — это возможность повторного использования сточных вод для полива при концентрации солей в них до пяти граммов. Так я понял?

— Именно! Да, да!

— А каким будет воздействие этой воды на почву при такой высокой концентрации солей?

Мирабидов соорудил насмешливую гримасу, громко спросил:

— А вообще-то вы читали диссертацию?

— Читал ли я? — глядя в сторону, с улыбкой переспросил домла. — Я не ослышался?

Тут его повеселевший взгляд встретился со взглядом Атакузы.

Раис вздрогнул, торопливо отвел глаза в сторону. В этот миг услышал сзади чей-то ехидно-радостный смешок: «Ну, поехали, сейчас начнется представление!»

— Ведь выводы молодого ученого не из воздуха взяты, они основаны на балансовых расчетах. Взгляните — таблицы висят перед вами на доске!

— Да, да, висят, висят... — кивая, подтвердил старик. — Но дело в том, говорю... диссертант еще молод, жизненного опыта у него нет, а вы... вы же ученый, доктор наук...

— Иными словами, вы сомневаетесь в этих расчетах, не верите, что молодым ученым проведены достаточные исследования? — Вахид Мирабидов угрожающе повысил голос. И странное дело, угроза подействовала совсем не так, как ожидал Атакузы.

Старик вдруг распрямил костлявую спину, резко повернул к Мирабидову большую лысую голову, мрачно сдвинул брови.

— Дело не в моих сомнениях. В этих расчетах, в этих диаграммах учтено все, кроме одного...

— А именно?

— А именно вот что: мы привыкли смотреть на почву как на неживое тело, индифферентное к любому насилию. А между тем почва — живой организм. Как мы с вами, дорогой доктор, и так же, как в нашем теле, в почве идут сложнейшие физико-химические и биологические процессы. Вы это и сами знаете... И насилие с нашей стороны в любой форме, в том числе и увеличение дозы минеральных солей...

— Да о каком насилии идет речь! — крикнул Вахид Мирабидов. Он побагровел, вскочил с места. — Я утверждаю со всею ответственностью! Я утверждаю! Все расчеты основаны на трехлетних опытах, которые были проведены в лучших хозяйствах республики. А что касается состояния микроорганизмов при повышенной концентрации минеральных солей — эта сторона тоже исследована всеми доступными нам методами...

— Доступными методами? Я вижу...

— Я тоже вижу! Вижу, вы стараетесь ревизовать методы инженерного расчета! — повысил голос Вахид Мирабидов. — А ведь вам, как ученому, известно, что ту идеальную картину биологических процессов, которую вы хотите получить здесь на доске, не даст сегодня и кибернетическая машина...

— Но разве вам не известно, что есть новейшие методы исследования — методы, основанные на теории физико-химической гидродинамики?..

— Я утверждаю, что метод инженерного расчета, примененный молодым ученым...

— Я говорю не о молодом ученом! Речь о вас идет, почтенный. Это вы учите его скользить по верхам. Большие проблемы, требующие всестороннего изучения, вы подчиняете утилитарным задачам дня! Это не его — ваш метод! — отрезал домла. — Я прочитал вашу книгу о проблемах переброски сибирских рек...

— Мою книгу прошу не трогать! — взвизгнул Вахид Мирабидов. Он снова как ужаленный вскочил с места. — Ваше всестороннее изуче-

ние не что иное, как перестраховка! А что станет хотя бы с Аралом, пока подобные вам мужи будут заниматься «всесторонним изучением»? Вы можете это сказать?

— Вот именно! — пророкотал домла Шамурадов. — Нет сомнения, огромные массы сточных вод ежегодно накапливаются во всех коллекторах и дренажных сетях Средней Азии. Так почему бы не направить их в Аральское море? Оно, глядишь, и продержится еще лет двадцать. Решение просится в руки! А за это время можно создать и научно обоснованные, оптимальные варианты переброски сибирских рек... Вот за что бороться следует — за целенаправленный слив засоленных вод в Аральское море...

Дребезжание колокольчика Артема Прохоровича остановило могучий рокот старика.

— Простите, Нормурад Шамурадович, но мы, думается, немножко отвлеклись.

— Да, да, отвлеклись, отвлеклись. Прошу прощения... — Старик вдруг мелко затряс головой и, ступевавшись, сел на место.

Поликарпов повернулся к Вахиду Мирабидову:

— Вы что-то хотите сказать? Только если по существу...

— Постараюсь, — Вахид Мирабидов, сердито чеканя шаг, поднялся на трибуну. Он готов к ответному удару — было написано на его лице.

Шум и смятение в зале постепенно улеглись, снова воцарилась чуткая, настороженная тишина. Атакузы ощутил на своем колене горячую, трепетную руку дочери, осторожно погладил ее. Он не смотрел ни на дядю, ни на поднятую с вызовом багровую голову Вахида Мирабидова. Неотрывно глядел на сына, страдал за него. Как он сник, присмирел! И в голове Атакузы вихрилась, металась одна-единственная мысль: «О дорогой дядя! Спасибо вам, удружили! Тысячу раз спасибо!»

— Уважаемые члены ученого совета... — Вахид Мирабидов отпил глоток воды и скорбно посмотрел в зал. — Наши споры с уважаемым Нормурадом Шамурадовичем, как вам известно, не новы. Это очень давние, принципиальные споры. Допускаю, я в своих работах не всегда, может быть, прав. Безгрешен лишь аллах — так говорили в старину. Но одного не могу понять. Как это можно: ради того только, чтобы досадить своему, скажем так, давнему оппоненту, безжалостно зачеркнуть многолетние поиски талантливого — я произношу это слово со всей ответственностью, — безусловно талантливого молодого ученого?..

При словах «безжалостно зачеркнуть» дядя резко и воинственно вскинул голову. Атакузы теперь с горечью наблюдал за ним, но тихий всхлип дочери отвлек его внимание. Тахира глотала слезы, кусала губы — старалась подавить рыдание. И Латофат низко склонила голову, ее тонкие пальчики нервно рвали алые лепестки огромного цветка. Атакузы потянулся было обнять дочь, успокоить, и вдруг сзади снова хлестнул все тот же смешок:

— Пошла проповедь о человеколюбии, хе-хе!..

Атакузы, словно от неожиданного укола, резко повернулся к насмешнику.

— Зарубите себе на носу, дорогой! Человек должен быть прежде всего человеком, а потом уже ученым. Вы поняли меня? — Атакузы

встал, стукнул откидной доской и сразу понял: не надо бы так — все головы повернулись к нему. Но теперь уже поздно, не исправишь. Провожаемый десятками взглядов, твердо стуча подковками сапог, Атакузы пошел к выходу.

2

Нет, никаких вопросов домла Шамурадов задавать не собирался. Он и на защиту не думал идти. Но, во-первых, привязалась Гульсарая, молила со слезами: пойди да пойди! А во-вторых, и правда нехорошо получалось — у внучатого племянника, у родного джиена, такое событие, а дядя дома сидит.

Нормурад-ата всю ночь мучился, обдумывал решение, поворачивал его и так и этак и под конец все же решил на защиту сходить. Выступить, конечно, не собирался. При тайном голосовании хотел поддержать Хайдара. С таким решением и вышел из дому.

И что его дернуло поднять руку? Как сорвался злополучный вопрос? Все это золоторотый! Его речи, звонкие, как пение соловья, пустые, как арбы без груза. Слушал их, слушал, душа и не выдержала. К тому же и вывод из диссертации! Хайдар поторопился, не проверил как надо поставленные опыты. Молод, конечно! Ну, а этот соловей, научный руководитель, он-то о чем думал?

А каков демагог! Как повернул! Выходит, он, Нормурад Шамурадов, против переброски сибирских рек в Среднюю Азию! Да ведь домла никогда не подвергал сомнению эту идею. Он предостерегает лишь от спешки, очень опасной в этом деле!

Слава аллаху! Теперь Вахид Мирабидов и подобные ему не отваживаются в открытую лепить ярлыки. К счастью, прошло то время. Правда, против Мирабидова никто не выступил, но результаты голосования все же кое-что показали. Люди поддержали Нормурада-ата. Более четверти состава ученого совета проголосовали против диссертации! Именно это обстоятельство больше всего и потрясло Нормурада Шамурадова! Когда домла, после долгих колебаний, задал свой вопрос, у него и в мыслях не было нанести удар Хайдарджану! Хотел только чуть спустить на землю пустобреха Мирабидова. Думалось: и молодому ученому полезно будет послушать — может, поймет, к чему придут поспешные выводы...

Ах, не надо было начинать: разгорячился — и понесло. Как всегда, сорвался. Старый дурак!

— Ата, мы приехали к конечной остановке!

Домла Шамурадов, очнувшись, растерянно заморгал. «Икарус» стоял на незнакомом месте. В окно видны были зеленые, розовые, оранжевые балконы многоэтажных домов, и новый поток людей уже хлынул в пустой автобус.

Домла недоуменно посмотрел на кондукторшу:

— Где мы находимся, дочка?

— Это конечная остановка, ата. Вам где выходить?

— В рабочем поселке...

— Так вы проехали лишних четыре остановки!.. Не волнуйтесь, сейчас поедет обратно...

Домла сел на свое место, закрыл глаза и тут же забыл и про изнуряющую летнюю жару, и куда он едет — все выскочило из головы. Опять подхватили его те же горькие мысли.

Нехорошо получилось! Ох нехорошо! Понял это, как только объявили результаты голосования.

Хайдара окружила толпа друзей. Конечно, и Вахид Мирабидов, и Джамал Бурибаев были тут же. Начали поздравлять. Сестра Тахира и еще одна девушка, красивая, — должно быть, дочь Бурибаева, о которой говорил Атакузы, — преподнесли цветы. Кто-то крикнул: «Да подними ты голову! Для ВАКа даже лучше, когда защита проходит не на сто процентов, значит, не оставила людей равнодушными!» Домла Шамурадов, оставленный всеми, растерянный, вышел из зала последним. Атакузы усаживал людей в машины, видно, увозил на банкет. И тут увидел дядю. Решительно двинулся навстречу, стук его подкованных сапог больно отдавался в ушах домлы.

— Спасибо вам, дядя, — сказал, подергивая кончиками коротких треугольных усов. — Вы сделали все, что могли. Такое не забудется во веки веков! Благодарим вас, дядя... — говорил он чужим голосом, и какая же горькая обида звенела в его словах!

У домлы совсем душа упала... Да, нехорошо получилось. Нехорошо. Хотя, если подумать, он не сказал ничего такого, что шло бы вразрез с его совестью. И все же... Вышло так, будто он, родной дядя Атакузы, подставил ногу его сыну. Должно быть, все так и подумали. Его не пригласили на банкет — бог с ним, с этим банкетом! Но вот что: никто даже не попрощался с ним, только та красивая девушка с большими печальными глазами жалостливо, будто сочувствуя, посмотрела на него. Последними садились в машину Атакузы с Джамалом Бурибаевым. Бурибаев кивнул в сторону одиноко стоящего домлы, что-то сказал. Атакузы лишь брезгливо шевельнул усами, и Бурибаев в ответ нехорошо, криво усмехнулся.

Да как ты смеешь!.. Домла вспомнил эту кривую ухмылку, и Бурибаев — цветущий, дородный, словно откормленный гусь, — снова возник перед глазами. Тут же закололо в сердце. Старик сразу узнал эту вечную непроходящую боль. Вместе с болью, как всегда, пришло тоже вечное, незатухающее: «Если бы Джаббар был жив!»

Да, кто знает, был бы Джаббар жив, может, и не случилось бы все эти неприятности. Был бы он жив... Он мог, должен был остаться в живых. Ведь Джаббар одним из первых узбеков получил Звезду Героя, приехал в отпуск! Встречать Джаббара на вокзал пришли, помнится, не только простые люди, прибыло самое высокое начальство. Выстроились в линейку девушки-студентки с букетами цветов, пионеры...

Как он был красив — Джаббар! С новыми погонами офицера на плечах, с Золотой Звездой Героя на груди, густые волосы растрепались на ветру. А улыбка его! Смущенная улыбка на смуглом, обветренном дочерна лице. Вышел из вагона — и на перроне вдруг грянул оркестр, крики «ура!» сотрясали небо.

Сколько было людей! Нормураду и Гульсаре лишь через полчаса удалось обнять его.

Столица гордилась своим сыном-героем, не хотела его отпустить,

требовала новых торжеств. Но Джаббар отложил до времени все встречи. На следующий же день помчался в кишлак на свидание с любимой. С Фазилатхон. А через два дня в Ташкент пришла страшная весть. Нормурад ушам не верил: будто Джаббар стрелял в человека по фамилии Бурибаев. Этот человек, как выяснилось потом, силой, обманом овладел девушкой Джаббара. Хорошо еще, пуля не попала — Бурибаев успел выпрыгнуть в окно. А Джаббар? О, Джаббар... Он больше не приехал в Ташкент. Прямо из кишлака отправился на фронт. Отец с матерью не успели даже вдоволь наглядеться на сына.

Джаббар, чистый юноша, не вкусив радостей жизни, пал вскоре смертью храбрых на поле брани. А этот Бурибаев прошел потом, говорят, всю войну и вот возвратился целым и невредимым, с полной грудью орденов и медалей.

Нет, Нормурад никому не желает зла. Кто знает, может, этот тип устыдился, может, потому и подался на фронт. А там, может, и правда показал себя с достойной стороны. Чего только не бывает! И все же... Ходил слух, будто какая-то бумага пришла в прокуратуру, и Бурибаеву посоветовали скорее бежать в военкомат... А потом? Ирония судьбы! Иначе не скажешь. Три года назад домла снова столкнулся с этим человеком. Бурибаев уже сидел в кресле замминистра водного хозяйства. Нормурад Шамурадов чуть лоб не расшиб, пробиваясь сквозь стену бюрократизма Бурибаева. Чуть было не пришлось уйти из института. Да, к счастью, вскоре за какие-то грехи Бурибаева понизили в должности, перевели на другую работу...

— Что же вы, отец? Рабочий городок!..

— Спасибо, доченька, я сейчас, сейчас...

Ворота были приоткрыты. На улице, у края арыка, на самодельной скамеечке сидела Гульсара-ая, рыхлила землю под базиликом. Нет, только казалось, что рыхлила. Топорик-теша¹ повис в ее руке, старушка глубоко ушла в свои думы.

Услышав шаги, подняла маленькое сморщенное лицо. Домла не узнал лица жены — горькая тоска были в нем и беззвучный упрек. Сердце его сжалось от дурного предчувствия.

— Что с тобой, Гульсара?— нагнулся к жене.

— Со мной?.. Приходит Атакузы... заехал за портфелем,— сказала она, и вдруг из глаз часто закапали слезы.— Вы, значит, все же сделали по-своему...

— Как это так я сделал?— домла выпрямился. Нежность и боль, вдруг нахлынувшие на него, заступил гнев.

— Еще спрашиваете как... Что вы наделали!— Гульсара терла глаза платком.— С единственным племянником разлучили...

— Хватит! Кто хочет судиться, в родичи не годится! Слышала такое? Твой дженен не желает видеть, где правда, где лесть. Не нужен мне такой дженен!

— Хорошо, поступайте как знаете! Я только хотела...

— Хватит, говорю тебе!— Нормурад Шамурадов поднял вверх

¹ Теша — инструмент в виде топорика, которым колют дрова, рыхлят землю.

огромный, как булава, темный кулак. — Оставишь ты меня в покое или нет? И без твоих упреков тошно, поняла — тош-но! — крикнул он и неожиданно замер на месте с поднятым над головой могучим кулаком.

Старушка выпустила из рук тещу, попыталась что-то сказать, но лишь беззвучно облизнула губы и тихо соскользнула с низенького стульчика на кусты базилика...

Домла застыл на месте, как большой, грубо обкатанный камень. Потом, леденея всем телом, опустился на корточки перед женой.

Гульсара-ая!.. Единственный его свет. Путеводный ночной огонек затерявшегося в степи домика — так всегда казалось Нормураду, когда в тяжелую минуту взглянет, бывало, на ее лицо. А теперь?.. С тихой печалью, без укора смотрела на него его Гульсара. «Что будет с вами?» — читал он в ее взгляде.

— Гульсара! — молил старик. — Что с тобой? Что ты делаешь? Подожди! Что с тобой, душа моя?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

В первые дни своего председательства Атакузы выработал для себя правило: если дело не ладится, не мучь себя понапрасну, а брось все, махни в степь или в горы — к чабанам, отведешь душу, а там, глядишь, и дело пойдет на лад.

И на этот раз последовал своему правилу. Возвратившись из города с тяжелой душой, не стал задерживаться в кишлаке. Забежал в правление, узнал у секретаря парткома Халидахон, что все спокойно, и махнул в степь. С собой прихватил главного механика колхоза Наимджана.

Вот уже два года, как Атакузы одной ногой в кишлаке, другой — в степи.

В позапрошлом году, узнав, что строительство канала в степи подходит к концу, взял на себя нелегкое обязательство: освоить несколько тысяч гектаров целинных земель. Тогда же заложил на новом месте и фундамент первых домов.

За его инициативу с радостью ухватились и в районе, и в области. Да что там говорить, на самом высшем уровне было принято специальное постановление, по которому строительство городка в степи, проведение арыков и дорог отдали в руки министерств и их отделов на местах. Закладка первого кирпича под первый дом будущего городка в степи превратилась в праздник, сюда слетелись журналисты, представители радио и телевидения.

Осенью того же года колхоз посадил на нескольких сотнях гектаров молодые деревца шелковицы, чинары и тала — для защиты от лихих степных бурь. В прошлом году получили уже неплохой урожай кукурузы. Такое начало окрылило Атакузы. Нынешней весной он отправил в степь три бригады, они засеяли хлопчатником более семисот гекта-

ров. И сейчас там — на хлопковых полях и в садах — их тоже успели заложить — работает не меньше двухсот человек. Живут в землянках. Хлопок растет неплохо, хотя в первое время Атакузы боялся за него — семена с большим трудом пробивают землю. В общем, дело двинулось. Особенно радуют саженцы — вымахали в рост человека. А вот строительство ползет черепащим шагом. Вначале строительные организации взялись за дело горячо. А как поутих шум в газетах и журналах, заметно охладели. Пришлось Атакузы устроить в степи свой «штаб». В нем день и ночь дежурит кто-нибудь из членов парткома. Да, кстати сказать, и сам он большую часть времени проводит в штабе. Только так и удается хоть чего-то добиться от строителей. Всеми правдами и неправдами, ругаясь и ссорясь, толкает, не дает работе застопориться. Пропустишь день — обязательно что-то случится, какой-нибудь прорыв — и дело встанет.

На этот раз Атакузы не показывался целых четыре дня. И очень беспокоился — как-то там в степи?

Машина вырвалась из зелени сплошных садов, взлетела на последний холм — он отделял этот зеленый оазис от степи. И вот уже всё — и помолодевшие после ночного дождя сады, и большой, весь белый, новый поселок, и омытые росой изумрудные хлопковые поля — все осталось позади. Впереди только степь, от подножия этого холма и далеко за горизонт — бескрайняя песчаная, с редкими кустиками травы степь.

После густых темно-зеленых садов, веселых клеверных полей и ярко-зеленых полос хлопчатника эта вылезшая из-за холма унылая полупустыня-полустепь отпугивает человека. Пепельно-серые барханы делают ее похожей на омертвевшее море.

Солнце уже склонилось к далекому горизонту и било в глаза. Приставив козырьком ладонь, Атакузы осматривался вокруг. Порой ему казалось, будто волны песчаных барханов тронулись с места, зашевелились, надвигаются с обеих сторон, грозят поглотить черную ленту асфальта. Голая, слившаяся с далеким маревом, унылая степь! Как похожа она на поверхность Луны со снимков из космоса. И в этой пустыне именно он, Атакузы, а не кто-нибудь другой собирается создать жизнь. Поля раскинутся до самого горизонта, зацветут сады, зашумят рощи, вырастет новый современный городок. Все это его гордость, и он таит ее в душе. Правда, теперь, когда пришла вода, здесь и без него создаются поселки, но это совхозы, строит их государство. Атакузы же добивается всего сам, по своей собственной инициативе.

Вон, впереди, там, где горизонт сливается с небом, завиднелись постройки, красные пятнышки домов из кирпича. Это первые здания будущего городка! Пепельно-серые барханы здесь нехотя отступают с обеих сторон дороги. Вместо них, будто солдаты в строю, стоят саженцы — тальник, тополь, чинара. А за строем саженцев ярко зеленеют поля хлопчатника. Вон и тракторы ползут по грядкам, в руках девушек и парней поблескивают на вечернем солнце кетмени.

Атакузы велел Наимджану — он сидел за рулем — остановить машину. Вылез, вдохнул степного воздуха, огляделся вокруг, залюбовался хлопчатником и — верное ведь средство! — почувствовал: на

душе посветлело. Хлопчатник посеяли заново всего лишь месяц назад — первые посевы погибли, побилло градом. И вот уже успел подрасти на полвершка, зашумел листвой. А полезащитные полосы! Как вытянулись деревца! Правильно, что в позапрошлом году никого не послушался, сделал все по своему разумению. Когда осенью закладывали эти полосы, нашлись умники — советовали ему сделать расстояние между ними не меньше пятисот метров. Однако Атакузы, зная дикий нрав песчаных барханов, сократил расстояние вдвое. И хорошо сделал — весной, в буран, молодые саженцы встали плотной ратью, сберегли хлопчатник. Без этих зеленых стен здесь вообще ничего бы не выросло.

В приподнятом настроении Атакузы поехал дальше. Теперь он надеялся, что и у строителей хоть немного продвинулось дело вперед, ведь перед отъездом в Ташкент он успел крупно поговорить с их начальством. Но картина открылась иная: каменщики лежали в тени, прохлаждались, задрав ноги вверх, — ни одного кирпичика с кирпичного завода не поступило; бульдозеры стояли без дела — вышли из строя, не было запчастей; из пяти самосвалов, подвозивших гравий к строениям дороги, работали только три.

Атакузы вскипел. Попробуй не вскипи! Хлопкоробы трудятся и в жару и в холод, себя не жалеют. А строители? Разве не их забота создавать хлопкоробам нормальные условия жизни? Есть на них управа или они и аллаха не убоятся?

Первой мыслью Атакузы было сесть в машину и махнуть в район к Шукурову. Пусть помогает, если, конечно, в силах. А нет, так пусть хоть поймет, каково ему работать!

С Шукуровым Атакузы не встречался с тех пор, как расстались они в доме домлы. Вахид Мирабидов, захмелев на банкете, что-то пел про свою дочь и ее мужа, то хвалил зятя, то сетовал на него, а потом попросил Атакузы захватить Махбубу с детьми, отвезти в районный центр.

Махбуба сразу понравилась ему. Она и внешне, и веселым нравом была точной копией своего отца. Озорная улыбка ни на минуту не угасала в обведенных синевой светлых глазах, играла ямочками на розовых, как спелые яблоки, щеках. От Ташкента до самого района она беспрестанно говорила, шутила, сама хохотала, заставляла хохотать и Атакузы, и шофера, и детей. Когда подъехали к дому, пригласила Атакузы, но Шукуров отсутствовал, и Атакузы не стал заходить. Прощаясь, Махбубахон сказала:

— Прошу в гости вместе с супругой! Вы, оказывается, большие друзья с отцом. Давайте и мы с вами познакомимся ближе.

Ну что же, Атакузы, пожалуй, воспользуется приглашением. Он и сам хотел подружиться с первым секретарем домами еще с тех пор, как тот принял его сторону в истории с мраморными плитами. Пусть и Алия познакомится с Махбубой...

Атакузы зашел в штаб, протянул уже руку к телефону, чтобы позвонить жене, как вдруг с пугающим свистом налетел ветер. Захлопали двери, окна. Легкий финский домик мелко задрожал, качнулся. Тут же в штаб ворвался Наимджан, крикнул с порога:

— Буран, раис-ака! Черный буран!

Атакузы выскочил из домика. Полукруг заходящего солнца, только что ярко алевший на горизонте, закрыло красновато-черным маревом. Оно росло на глазах, захватывало весь горизонт, грозно двигалось на них. Огромные барханы, неподвижно вздымавшиеся вокруг, вдруг заколыхались как живые, задымились. И, двигаясь, будто из утроб своих выбрасывали горячий сыпучий песок.

— Кто еще в штабе? Где бригадир? Беги в степь! Ни одна душа не должна остаться в песках! Всех в землянки! Всех!

Люди и без приказа бросились в укрытия, многие бежали к штабу.

Еще мгновение — и черный смерч, закрыв небо, тяжелой лавиной обрушился на штаб. Зыбкий деревянный домик заскрипел. Полетели сорванные задвижки, осколки разбитых стекол посыпались на пол. Свет погас. Наступила крошечная тьма.

Строители притащили доски и фанеру, наскоро загородили оконные проемы, для плотности завесили одеялами, кто-то зажег керосиновую лампу-молнию.

Атакузы сел на свое председательское место у телефона. Теперь не было нужды куда-то бежать, что-то налаживать: буран набирал силу, бесновался, превратив пустыню в кипящий котел с песком. И штаб, казалось, носился и нырял в этом котле как щепка.

Прошел час. Наконец появились бригадир-усач Али-Майлов и Наимджан. Сбросив с лиц платки, выплюнули песок и доложили: в степи ни одной живой души, все укрылись в землянках.

Хоть это успокоило Атакузы. Но тут же нахлынули нерадостные думы. Не в первый раз налетает эта беда. Месяц назад, в конце апреля, такой же свирепый буран засыпал песком весь хлопчатник, выращенный с великим трудом. Размыл арыки, занес коллекторы. Атакузы снял тогда людей со всех остальных работ, бросил исправлять разрушенное. Не смыкая глаз, три дня и три ночи работали люди: засеяли заново поля, очистили от песка арыки и каналы, и Атакузы все трое суток был вместе со всеми. А что будет на этот раз? Пожалуй, еще хуже. Хорошо, если из семисот гектаров хлопчатника останется хоть десятая часть. А дальше? Если и дальше пойдет так, не окажется ли все начатое пустой затеей? Не поторопился ли Атакузы, предприняв такое трудное дело? Может, надо было сперва вырастить, укрепить лесные полосы и только потом сеять хлопчатник? Но кто тогда поддержал бы его инициативу, дал технику, средства? И вообще вряд ли кто дал бы зеленую улицу его замыслам...

Буран продолжал бесноваться, ревел, сотрясая маленький деревянный домик. Атакузы поставил локти на стол, крепко сжал пальцами виски. Да, весь его труд, начатый с позапрошлого года, похоже, оказался напрасным. Налетела дикая стихия — и все уничтожено, исковеркано! Но только ли стихия? А каковы эти министерства, что не выполняют заданий правительства? А строительные организации? Ведь обязаны были к этой весне закончить по крайней мере двадцать домов. А не сдан ни один!

Вот сейчас здесь, в штабе, лежат вповалку, где пришлось, молодые парни, девушки — дремлют, привалившись друг к другу. Больше года

проработали они в этой черной пустыне. Были бы готовы обещанные дома, разве валялись бы они здесь? А водопровод? Уже давно пора проложить его из канала. А дороги асфальтовые? Закрытые коллекторы? Не сдано пока и метра закрытых канав. Открытые дренажи ничего не дают: сегодня их очистишь, завтра засыплет песком. Напрасный труд!

Только что Атакузы собирался к Шукурову. Но что это даст? Районному руководству строители не подчиняются. Уж если ехать, то прямо в обком, к самому секретарю.

«Однако кто же принудил тебя к этой работе? Кто заставил тебя поднимать целину среди этих сыпучих песков?»

И так достиг многого. Начал руководителем небольшого колхоза, потом постепенно, один за другим присоединил несколько соседних. И пожалуйста — вот он уже во главе гигантского хозяйства. Одни только хлопковые поля — больше трех тысяч гектаров! А какой поселок построил! Не уступит иному городу — прославил имя Атакузы на всю страну. Чего еще не хватает?.. Разве только одного — Золотой Звезды.

Есть у Атакузы в обкоме давний друг — секретарь по сельскому хозяйству Бекмурад Халмурадов. Еще в позапрошлом году по секрету говорил: будет у раиса «Ленин юлы» на груди Золотая Звездочка. Но что-то застопорилось, до сих пор тянут. Так неужели без этой целины не получил бы в конце концов Героя? А ведь если покопаться в душе, Атакузы потому и кинулся на свой целинный подвиг, чтобы показать им там, в верхах, на что он способен. Да за одно ли это дело взялся? Близ кишлака у них есть урочище Минг булак. Минг булак — значит тысяча родников. Там и правда их больше тысячи. Место обильно водой, травами. Подходящее место. Атакузы задумал развернуть здесь большое строительство. Правда, мешают густые тугаи, горная арча. Но заложил уже фундамент гигантского животноводческого комплекса — тоже ведь целый мир забот и хлопот! И здесь никто не принуждал, сам придумал себе все эти заботы, хлопоты. Не может без того, чтобы не кипело вокруг. Ну и, если быть совсем уже честным перед самим собой, Золотая Звездочка тоже манит. Предпринял, так сказать, генеральный штурм верхов. А если рассудить — зачем ему на пороге пятидесятилетия новая слава, новый почет? Живи да поживай в своем уютном доме, прохлаждайся в тенистом саду! Покой и достигнутая уже слава — что может быть лучше.

...На плечо Атакузы легла чья-то рука. Он очнулся. Над ним склонился Наимджан. Оказывается, раис задремал, уронив голову на ладони.

— Буран прошел, раис-ака! Пойдемте, светает!

Тусклая лампа еле освещала комнату, люди все еще лежали на полу, прижавшись друг к другу. Храп и тяжелый человеческий дух стояли в штабе.

Атакузы, растирая затекшие ноги, поднялся с места.

Буран и в самом деле утих, на небе высыпали крупные белые звезды. И покойно так стало в степи, звезды мерцали так ясно — трудно было и представить себе, что полчаса назад здесь буйствовал

буран. Но громоздившиеся за ступеньками штаба песчаные гряды, каждая с юрту, сразу же напомнили о пронесшемся смерче.

Было еще темно. Но Венера уже ярко сияла на горизонте — близился рассвет. Откуда-то издали доносились пение петухов и лай собак.

Что за расчудесный человек этот Наимджан! Долговязый, неуклюжий с виду, молчалник, а в работу всю душу вкладывает. Оказывається, успел уже собрать механизаторов. Вон стоят у песчаных бугров, будто у могильных холмов, о чем-то тихо переговариваются.

Атакузы поежился от холода. Наимджан набросил ему на плечи свою телогрейку, зажег карманный фонарик.

— С чего начнем, раис-ака? Ребята собрались идти на поле, хотят посмотреть, что там делается.

— Да разве увидим в темноте?

— Уже рассветает, фонари возьмем.

Подошли молодые джигиты, дружно поддержали Наимджана:

— Все равно не заснем, раис-ака... Посмотреть бы, осталось хоть что от посевов?

Теплая волна благодарности согрела Атакузы, он спустился со ступенек.

— Правильно, все равно не заснем. Пошли, джигиты!

Обходя песчаные холмы, наметенные на дорогах, перебираясь через полусасыпанные арыки, добрались до хлопковых полей.

Все как и думал Атакузы: поля лежали под слоем песка, дренажные канавы и арыки во многих местах сровнялись с землей. Даже саженцы, так недавно радовавшие нежной зеленью, оказались под песком.

Восток постепенно белел. Пока говорили, совсем рассвело. Тут и открылась во всей своей молчаливой мощи ночная работа бурана: вместо радующего глаз порядка, устроенного человеком, — желто-серое море, застывшее в самый грозный момент бури. Хлопковых грядок нет — исчезли, засыпаны песком. От семисот гектаров поля остались невредимыми едва ли двести, а может, и того меньше! Если б не молодые деревца — они все же как могли заслонили поля, — и того не осталось бы!

Хлопкоробы молча смотрели на Атакузы. Он чувствовал — ждут от него слова, движения, команды. А он не в силах оторвать глаз от скрытых под песком грядок.

«Как же быть? Неужели все сначала?.. И будет ли толк, если начать заново?»

— Что будем делать, раис-ака? — спросил Наимджан, потирая старую тюбетейкой бритую голову. — Может, съезжу в кишлак?

Атакузы с удивлением глянул на своего главного механика — тот стоял перед ним, не зная, куда деть свои длинные руки-жерди. Глаза на его грубом обветренном лице светились детской искренностью.

— А что в кишлаке?

— Так надо же привезти людей! Как пересевать будем?

Атакузы, увязая по колено в песке, выбрался на дорогу.

— Пошли!

Атакузы шел к штабу, а вокруг — удивительное дело! — бульдо-

зеры и скреперы уже приступили к работе, отгребали с асфальта песчаные наносы. И рабочие трудились так деловито, будто исполняли привычные повседневные обязанности.

В штабе Атакузы тяжело опустился на стул, окинул взглядом пришедших с ним людей. И опять поразился: с головы до пят осыпаны песчаной пылью, глаза ввалились от бессонницы, а ничего — посмеиваются, подтрунивают друг над другом, шутят.

Атакузы подождал, пока уляжется веселье. Насупил брови, сказал:

— Нынче у нас двадцать первое мая. Хочу спросить, вы же все из здешних дехкан, как считаете, можно еще пересевать хлопок?

Короткое молчание. Послышались голоса:

— Можно!.. Бывало, и позже пересевали!

Не такие, правда, уверенные голоса, как хотелось бы Атакузы.

— Хорошо! Тогда сделаем так: я — в район за семенами, а ты, Наимджан, — в кишлак. Передашь парторгу Халиде: пусть каждая бригада выделит по десять человек и по трактору, и чтобы сразу, немедленно сюда! Али-Муйлов! Ты останься здесь, будешь до приезда Наимджана руководить. Очистите арыки и дренажные канавы, подготовите поля для посева. Задача ясна? Ну, раз ясна, разговор окончен! Приступайте к делу!

2

Сев закончился на третий день вечером, уже в сумерках. Атакузы не спал две ночи подряд. Он устало шагал в штаб — к телефону, надо было доложить в район. Шел, высвечивая путь карманным фонариком. Недалеко от штаба повстречал старика сторожа, — оказывается, тот спешил ему навстречу.

— Вас к телефону зовут, сынок. Похоже, келин¹ звонила...

Дрогнуло сердце: не стряслось ли чего?

Не успел поднять трубку, сразу же услышал тревожный голос жены:

— Алло! Кто это? Алло!..

— Я! — ответил Атакузы. — Что-нибудь случилось?

— Атакузы-ака! — Алия всхлипнула. — Тетушка Гульсара... бедная старушка.

— Да говори же! Что ты тянешь?

— Умерла она...

Атакузы обеими руками вцепился в трубку.

— Когда? Кто передал?..

— Тахира сейчас звонила. Умерла сегодня утром. Бедный старик... дядя, один там, потерял голову...

Слова жены камнем упали на сердце. В памяти мгновенно, с поразительной ясностью ожила Гульсара-ая — такая, какой видел ее в последний раз. В тот несчастный день Атакузы и не думал заходить в дом дяди. Пришлось все же забежать на миг за портфелем — забыл у них, закутился с этой защитой. Заехал, рассчитав наверняка, что

¹ К е л и н — так называют жену уважаемого человека.

старик еще не успел вернуться. Атакузы увидел Гульсару-ая на улице; старушка задумчиво сидела у арыка. Как же она засуетилась, поднялась навстречу Атакузы. Вся лучась добротой, спросила:

— Ну как там? Благополучно ли прошло у Хайдарджана?

— Дайте мне мой портфель!— вместо ответа рубанул Атакузы.

Гульсара-ая испуганно посмотрела на него и заторопилась к дому. Спотыкалась, бедная, на ровной земле. Вынесла портфель и, видно не справившись с собой, снова спросила:

— Сказал бы, милый, что там?..

— Что было там, у дорогого дяди узнайте! Кстати, передайте ему, ноги моей больше в этом доме не будет! — Атакузы круто повернулся и пошел к выходу.

— Кузыджан! — услышал он позади полный мольбы и страдания голос.— Кузыджан!

Но не остановился, ушел, громко хлопнув калиткой.

А вдруг упала тогда, в тот миг? Что, если убила ее именно его грубость? Нет, нет, не может быть...

— Слушай, Алия!— Атакузы сжал темный кулак.— Сейчас же позвони в партком, Халиде. Скажи — пусть попросит в автобазе «Латвию». И еще три или даже четыре легковых машины пусть подготовит! Ты тоже займись, приготовь что нужно. Старушка... Она завещала мне...— Атакузы на миг замолчал.— Завещала, когда умрет, похоронить ее в кишлаке. Я привезу ее сюда. И траур будет здесь! У нас! Поняла?

Из степи до кишлака двадцать километров, оттуда до Ташкента — двести пятьдесят. Время перевалило уже за девять. Если выехать не мешкая — часам к двум ночи будут в Ташкенте. Передохнут и — обратно. Пожалуй, так можно поспеть до солнца — как раз к бомдоду¹. Все будет по обычаю, как она просила, и похороны начнут в урочный предутренний час молитвы.

Халида молодая, но старательная: к приезду Атакузы успела повернуть все. Машины стояли, выстроившись в ряд. Отдав последние распоряжения Алии, у которой глаза распухли от слез, Атакузы немедленно тронулся в путь.

Он сидел на заднем сиденье «Волги», откинувшись на спинку, закрыв глаза. Тело ныло от усталости, но сон покинул его.

Вот уже больше часа, как Атакузы услышал тяжелую весть, а из памяти ни на миг не уходит Гульсара-ая, ее светящееся добротой кругленькое личико, приветливые глаза, обеденные сурьмой. Как она сидела у арыка, как испуганно посмотрела... Сердце его так и леденеет от мысли: не тогда ли, не от его ли окрика!.. Упала, а потом уже в больнице... Нет, нет! Ведь в последнее время совсем сдала... Одиночество, горькие думы о сыне доконали ее. А он, Атакузы, всю желчь свою обрушил на голову этой бедняжки. Ах, нехорошо, нехорошо... Впрочем, и дядя тоже постарался. Правдолюб! Да пусть он хоть тысячу раз прав, Хайдар ведь не чужой ему. Не зря говорится: если хочешь в друж-

¹ Бомдод — моление до восхода, к которому приурочивают похороны.

бе жить с родным человеком, называй его батыром. Родичи должны поддерживать друг друга. И все же... да пропади она пропадом, эта диссертация! Не перевернется же Земля от того, что Хайдар не станет кандидатом! Это же самое Атакузы говорил в тот день и сыну, и зятю — будущему зятю! Так и заявил: чем быть на побегушках у очкарей-профессоров да всю жизнь корпеть над бумагой, ехали бы лучше в степь! Стяните потуже пояса, засучите рукава — и по-молодецки на бой с пустыней. Наставлял их он уже после банкета, когда остыл от речей и вина. А на самом торжестве, пропустив рюмку-другую, наворочал такого, что тяжело и вспомнить! Развязно предложил тост за здоровье ученых мужей. И понес, и пошел плести: за тех, что избегают говорить правду открыто, зато потом, при тайном голосовании, дают человеку подножку. И как еще земля держит таких, у которых в душе — одно, а на языке — другое? — удивлялся он громогласно. Молодежь — друзья и товарищи Хайдара и Кадырджана восторженно слушали, рты до ушей! Поддакивали одобрительно. Но гости посOLIDнее, потемнев, стали подниматься, покинули зал...

Да, в тот день он не смог обуздать свою гордость. Хотел даже пойти к дяде, «крупно поговорить» с ним. Хорошо еще, Тахира остановила, тем только и убедили, что, мол, обидит он не столько дядю, сколько тетушку Гульсару! Во хмелю, во гневе набил бы он там кувшинов...

Атакузы почувствовал, что задыхается, расстегнул ворот, выставил голову из окна под ветер.

Машины цепочкой светлых точек мчались по равнине, погруженной в тихий, спокойный мрак. Высокое бархатно-черное небо было полно звезд: хоть бери пригоршнями и заново по небу рассыпай... Ясная, тихая ночь! А Гульсара!.. Бедная!.. Ушла из брэнного мира, так и не узнав счастья!..

Атакузы снова откинулся на спинку сиденья. Вспомнились вдруг студенческие годы. Уже после войны. Дядя жил тогда в центре Ташкента, на улице Карла Маркса. В годы войны, когда в Ташкент начали прибывать эвакуированные, он передал свой просторный дом горсовету, оставив себе небольшую комнатенку. В этой сумрачной, полной книг сырой боковушке отыскалось место и для Атакузы: вечерами он ставил за огромной голландкой раскладушку, а утром выносил в маленький сарайчик во двор.

Домла ложился рано и рано вставал. Гульсара-ая давно приспособилась к образу жизни мужа. Но с приездом Атакузы изменила свой распорядок, подстраивалась уже под племянника. Все ждала, когда Атакузы возвратится из института, дремала у печки, собравшись в комочек. А чуть услышит шаги — сразу, бывало, вскочит. Встречала, грела ему ужин. Пока он ел, сидела, подпирая подбородок, не отрывала от Атакузы добрых усталых глаз. И так целых пять лет!..

Любила Гульсара-ая Атакузы еще и за то, что он знал тайны Джаббара — бегал в детстве почтальоном у Джаббара и Фазилатхон.

С каким вниманием слушала рассказы об их любви. Атакузы, конечно, обходил злополучную историю, связанную с Бурибаевым. Рассказывал, как Джаббар приезжал в кишлак, чтобы встретиться

с Фазилатхон, про письма его к ней, про ответы девушки. Особенно занимали Гульсару-ая подробности: где, когда и как встречались. Она, казалось, так и впитывала его слова, боялась упустить мельчайшую подробность. А потом смахнет слезу, просветлеет лицом и мягко укоряет:

— А в прошлый раз ты об этом не говорил. Вот, значит, как оно было...

Да, в те годы Атакузы не раз давал себе клятву до конца своей жизни служить старикам, во веки веков не забывать их доброту. Где она, эта клятва? Сделал ли он им хоть что-нибудь хорошее на старости лет? Утешил ли, поддержал, согрел ли их одиночество? Обзавелся семьей, детьми и забыл о своей клятве. Увяз в мелочных заботах, в делах. Дела! Они, наверно, кончатся лишь со смертью!

Трогаясь в путь, Атакузы собирался прямо, никуда не сворачивая, ехать к дяде. Теперь, под тяжестью горьких дум, в нем росла неуверенность. Как же это все-таки произошло с Гульсарой? Атакузы ведь ничего толком не знает. Как поведет себя дядя, когда племянник подкатит с вереницей машин? По прямоте своей вполне может обрезать: «Сделал свое черное дело, а теперь появился со слезами? Живую не ценил, так нечего тебе делать и на похоронах!»

От старика можно ожидать и такого!

Дом, где жил Хайдар, стоял неподалеку от шоссе. Атакузы велел шоферу остановиться. Подождали, пока подойдут остальные машины, и затем все подъехали к дому Хайдара.

Уже давно перевалило за полночь, в окнах Хайдара не было света. Может, он у дяди?

Дверь открыл Кадырджан. Должно быть, хорошо «поддал», глаза распухли, волосы растрепаны. Увидел Атакузы и весь съезжился. Атакузы отстранил Кадырджана, стремительно прошел в комнату. Так и знал — на столе пустые бутылки, остатки закуски, огрызки яблок. Дверь из спальни приоткрылась, показалась голова Хайдара.

— Тахира где? — спросил Атакузы, темнея.

— Она... у дяди.

— Ты узнал, как это случилось?

— А как еще могло случиться? Старик сам виноват. В тот день, как пришел, поссорились они, раскричался. И бедная Гульсара-ая... Сердце ведь у нее большое... Два дня еще пролежала в больнице, да толку что. Так в себя и не пришла.

Атакузы невольно почувствовал облегчение. Укорил сына:

— Родная бабушка умерла, а ты здесь дрыхнешь?

Хайдар опустил глаза.

— После того, что произошло, я не хочу...

— Что-что? Что ты там бормочешь?

— Могу и громко сказать. После того, что устроил ваш дядя на моей защите...

— Мерзавец! — Атакузы подскочил к сыну, с размаху плеснул ладонью по лицу. — Такое горе навалилось на твоего родича, а ты со своей несчастной защитой! Катись она ко всем чертям! А ну,

собирайся! И ты!— Атакузы с ненавистью взглянул на Кадырджана.— Есть в вас хоть капля совести?.. Сейчас же спускайтесь вниз!

...Дядя, как и думал Атакузы, сидел перед воротами сгорбленный, перетянутый траурным пояском. Рядом стояли и сидели еще несколько человек, должно быть соседи.

Поворачивая в эту улочку, Атакузы распорядился замедлить ход машин. Медленно, освещенный тусклым уличным фонарем, приближался согнутый, поникший старик. Атакузы смотрел на него и вспоминал похороны своей матери. Давно это было. Дядя, оповещенный телеграммой, приехал в кишлак в тот момент, когда выносили из дома гроб. И домла, большой, грузный, одетый по-городскому, в шляпе и макинтоше, вдруг громко, во весь голос запричитал: «Сестра моя, родная! Единокровная, ненаглядная моя сестра! Зачем ты безвременно покинула нас?» Те, кто нес гроб, невольно приостановились. И так необычен был этот горящий большеголовый человек, что все — и стар и млад — вместе с ним громко зарыдали.

Атакузы вспомнил ту горестную картину и, выпрыгнув из медленно движущейся машины, сам громко запричитал:

— Тетушка моя, вы согрели, приветили меня, сироту! Тетушка моя, вы мне родную мать заменили! Ах, тетушка, тетушка моя, сгорели вы от тоски-печали по единственному сыну! Зачем оставили нас, покинули навек сиротами?

Домла шевельнулся.

— Где ты? Где ты, племянник мой? Вот и разлучились с незабвенной Гульсарой...

И зарыдал, как малое дитя, уткнулся в грудь Атакузы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Наступал сороковой день со дня кончины старой Гульсары, последний день траура.

Стояла тихая лунная ночь. Громадное кладбище, окруженное белыми от лунного света, высохшими карагачами, тутовником и чинарами, глядело пугающе мрачно.

Здесь все казалось мертвым. Большие деревья и даже молодые побеги, пробившиеся из старых корней, были совсем сухими — ни зеленой веточки, ни листочка. Холмики, хранившие мертвых, покрывала желтая, сухая трава. Только верблюжья колючка росла привольно, ей не нужна людская забота, не страшны ни засуха, ни жара. Люди, казалось, забыли про это кладбище. Может быть, темп работы Атакузы захватил их, не оставил времени позаботиться о мертвых? Домла Нормурад грустно оглядывал унылые заброшенные могилы. Хотя бы зелено было вокруг, хоть бы одно дерево живое, а на холмиках плиты — дань и память усопшим. Но он же философ — что такое эти плиты и зелень перед беспощадностью смерти? И скромные плиты, и все великие гробницы — что такое они перед бесконечностью?

Ученый человек, много повидавший на своем веку, Нормурад не боялся смерти. Естественный, закономерный итог жизни. И все же... Смерть Гульсары, он чувствует это, жестоко согнула его!

В стороне чуть слышно кашлянул Атакузы:

— Получается нехорошо...

— Что тут нехорошего...

— Как-никак траур не закончился. Люди все еще приходят. А вы и вчера пропадали здесь, и сегодня опять.

— Вот что, дорогой, оставьте меня в покое!

— Ну что ж, поступайте как знаете,— покорно согласился Атакузы, но резкость дяди, видимо, задела его.

Дверца машины, как выстрел, хлопнула на все кладбище. Резко и враждебно зашумел мотор в мертвой тишине, ослепительно яркий луч фар саблей рассек темноту, высветил на миг одинокую, чуть согнутую, но все еще крепкую фигуру старика, и машина, как бы спеша нырнуть в свой собственный убегающий свет, исчезла во мраке.

Домла понял, что напрасно обидел племянника, на миг понурился и тут же забыл обо всем.

2

Он медленно двинулся вниз по знакомой тропинке, заросшей янтаким и верблюжьей колючкой. Плотная, чуткая тишина окружала его. Лишь сверчки стрекотали да вниз, в кишлаке, квакали лягушки. А сам кишлак, утонувший в лунном сиянии, казался огромным темным лесом.

Домла медленно спускался. Но что это? Его лица коснулся нежный, едва уловимый ветерок, тихо зашелестели листья. Он поднял голову: перед ним была могила местного «святого» — Куйгана-ата. Удивительно, все кругом иссохло, обуглилось, а здесь два огромных тутовых дерева стояли полные свежести, зеленели, шумели листвою. А ведь прожили долгу жизнь, раза в три, наверное, дольше домлы.

В пору детства Нормурада сюда, на могилу «святого», привозили для исцеления больных, потерявших разум. К этим двум шелковицам их приковывали цепями. Дикие вопли несчастных по ночам до дрожи пугали детей и женщин...

Домла зашагал быстрее — уйти от жуткого места. В самом шелесте листьев теперь слышались ему стоны безумцев. Прошел немного, еще одно далекое воспоминание всплыло в памяти...

Шел девятьсот шестнадцатый год — год змеи. Весной не выпало ни капли дождя, и осенью ничто не уродилось. Надвигались голодные дни. Скот началдохнуть. К этому времени умер отец Нормурада. Мелкий торговец, он вмиг разорился, как только началась война с немцами. После смерти отца Нормураду лишь одно и оставалось — идти в мардикеры — ополчение, объявленное белым царем, Николаем Вторым.

Перед смертью отец выполнил свой святой долг — женил сына на Гульсаре. И вот Нормурад, не слушая рыданий молодой жены, лишь вчера перешагнувшей порог его дома, не внимая слезам матери, ступил на этот единственный возможный для него путь...

Стояла поздняя осень. Здесь, на кладбище, вечером, перед заходом солнца, собрались сто джигитов. Это были новобранцы-мардикеры, пришли сюда за день до отправления в армию, чтобы прослушать напутственную молитву — ак-фатиху. Таков обычай.

Весельные кишлака — из тех, кто вместо своих сыновей нанял в мардикеры сыновей бедняков, — устроили у кладбища угощение: зарезали для такой цели барана, а в жертву, как полагалось при ак-фатихе, забили еще и вола.

Отслужили намаз, джигитам подали на блюдах шавлю — рисовую кашу. Ишан прочитал из Корана напутственную ак-фатиху, и все тронулись с места. В этот-то момент один из парней, Ураз-Хураз, и крикнул: «Э, народ!» Бойкий был парень Уразкул, прозвище «Хураз», что значило «петух», получил за петушиный задор, ухарство.

— Судя по слухам, — начал он, когда все остановились, — отцы кишлака прочат нам в юзбаши Кудратходжу, сына Вахидходжи. А что нам Кудратходжа? Только тем и знаменит, что из богатого рода! Послушайте моего совета, джигиты, давайте выберем в юзбаши нашего друга Нормурада. Подходящий будет сотник. И из семьи хорошей, и в медресе учился, видел город, разбирается, где черное, где белое! Что бы вы сказали на это, мумины?

Мумины — истинно верующие молодые парни — ответили в один голос:

— Правильно!

— Знаем Нормурада!

— Честный он джигит!

Известно, последнюю просьбу приговоренного к смерти принято уважать. Джигиты шли на фронт, и предложение Уразкула, поддержанное почти всеми мардикерами, начальство не отклонило. Так Нормурад стал сотником — юзбаши кишлачных джигитов. Прибыли в Россию, сошли в городе Пензе, и здесь на плечи молодого юзбаши навесили погоны — утвердили в звании сотника!

Домла вышел за ограду кладбища, откуда начиналась дорога на кишлак. Она круто спускалась вниз. Идти стало легче. Вот впереди в лунном свете забелели первые дома, глиняные дувалы, огораживающие дворы, зашелестели сады, повеяло свежим ветерком. Картины далекого прошлого одна яснее другой вставали перед ним. Он шел как во сне — ярком, тревожащем душу.

Ночь. Большая комната совсем пуста. Все вещи, посуда — все продано, нет, не продано, выменано на фунт-другой ячменной или кукурузной муки. Старая бархатная занавеска — чимилдик — отгораживает угол новобрачных. Там в отсвете тусклой масляной лампы видна Гульсара. Она уронила голову на руки, беззвучно плачет, плечи ее дрожат. Гульсара небольшого роста, хрупкая и очень еще юная. Нормураду кажется — плачет маленькая девочка, всхлипывает от горькой обиды. Он нежно обнимает жену, гладит мягкие шелковистые волосы, от них пахнет базиликом. Ее волосы всегда так пахли... Нормурад что-то шепчет ей на ухо. Гульсара уткнула лицо, мокрое от слез, в его грудь и зарыдала еще сильнее...

От полутемного угла большой комнаты, от переполненных слеза-

ми глаз Гульсары мысли домлы перескакивают совсем в другое место, в другое время...

Здание вокзала, напоминающее старую русскую церковь. Огромная площадь перед ним и вся степь за нею до самого горизонта полны народом, кричащих верблюдов, ревущих ослов, кокандских арб на огромных колесах, ржущих коней. Всюду говор и плач. Женщины с завешенными черными лицами причитают, словно над покойником. Один из провожающих высоким голосом, как муэдзин, читает молитву, призывая аллаха не оставить милостью их детей... Резкий, долгий свист паровоза! Ударяет колокол под куполом вокзала. Рыжебородые казаки-усачи, играя плетками, теснят джигитов к вагонам. Отчаянный, немислимый вопль оглашает степь, вздымается к небесам.

Огненная арба, так называли в кишлаках паровоз, издав последний пронзительный свисток, тяжело пыхнула паром, загромычала — все чаще, чаще, и вот бесконечная цепь красных вагонов потянулась за паровозом. И вся огромная толпа двинулась вслед. Кто на коне, кто на осле, на верблюде, на волах и пешком, вопя и причитая, побежали, поскакали за вагонами, словно в силах были остановить эту огненную арбу.

Очень скоро отстали пешие, ушел поезд и от тех, кто погонял ослов и волов. Лишь несколько конных да старик киргиз на одногорбом верблюде долго еще скакали вслед, и долго еще видны были их фигуры, нелепо размахивавшие руками, пока совсем не исчезли из виду.

Да, было дело. Мало кто остался в живых из тех джигитов, с кем отправился он в мардикеры. Большая часть их давно ушла из этого мира, да будет их сон спокойным. Оставшихся в живых можно пересчитать по пальцам. Жив еще Уразкул, тот самый Ураз-Хураз, что предложил его в сотники. И между прочим, в живых ходит и сын Вахидходжи — Кудратходжа. С этим человеком в начале коллективизации жизнь свела его снова. Нормурад послан был в кишлак на борьбу с кулаками, и именно ему пришлось раскулачивать Кудратходжу! Своими руками вытаскивал из его лавок кованные сундуки, набитые товаром. Высланный тогда же, в тридцатые годы, Кудратходжа пропал без вести, исчез, как в воду канул. Но в середине пятидесятых вдруг объявился — цел и невредим, воротился из далеких краев. С тех пор живет в кишлаке, дурманит голову водкой да анашой. Как придет Нормурад в кишлак, от анашиста прохода нет: увидит, поймает за рукав и начинает о «высоких материях...». Жив еще и Прохор Поликарпов. Служил тогда толмачом среди мардикеров. Сейчас работает в горах, в лесничестве.

Прохор ждет не дожидается встречи с Нормурадом. Уж как рад бывает, когда Нормурад, не часто правда, навещается к нему в горы.

Нормурад приостановился, показалось, гудит мотор... И тут же понял: шумит вода на кишлачной мельнице.

Значит, он уже спустился в лошину. Ранней весной река бурлит, прыгает, точно вздыбленный конь, а теперь русло пересохло, превратилось в зеленый, с высокой травой луг. Хорошее пастбище. Вот и сейчас в темноте слышно — поскакивают стреноженные кони, тяже-

ло вздыхают залегшие в траве коровы. А с той стороны лощины ветер доносит мельничный шум.

Знакомый с детства шум воды, стекающей по желобу, тихо хлюпают лопасти мельничного колеса! И вот уже ход мыслей повернулся.

Здесь, у этого колеса, теперь уже никому не нужного, трудился отец Гульсары. А чуть выше, в начале плотины, стояла их, Шамурадалавочника, мельница. В кишлаке эти места так и прозвали: куш тегирмон — две мельницы...

Зимой семьи жили в узких, сырых домах за старой крепостной стеной. Теперь ее уже нет. Атакузы все перестроил. Тесно и уныло жилось в тех домах. Зато весной, в половодье, когда на деревьях лопались почки, народ выезжал в сады, разбитые вдоль лощины. Они и сейчас бушуют по склонам. Что это был за праздник для детворы! Нежная, чистая, словно вымытая, трава покрывала берега речки, голова кружилась от весенних запахов: мята, клевер, клейкие желто-зеленые листочки, по-весеннему красная кора на стволах тала — все слало свой особый аромат. Нормурад, кажется ему, никогда уже потом не дышал такой полной грудью. Пора детства!..

А сколько было анстов в те далекие времена! На верхушках каждого тополя, каждой чинары и даже на куполах мечетей — огромные гнезда. Все небо над кишлаком — высокое, весеннее небо — словно в белых облаках, — это в вышине плыли на широко расправленных крыльях белоснежные прекрасные птицы.

Память подбрасывает и иную, тоже давнюю картину. Нормурад после трех лет учебы в Ташкенте вынужден был вернуться в кишлак. Разоренный отец умирающий лежал в постели. Мельницу купил Вахидходжа. Он пригнал людей спиливать тополя у плотины. Невдомек было богатею, что через каких-нибудь десять — двенадцать лет сын разоренного Шамурада конфискует и мельницы, и лавки его собственного сына Кудратходжи!

...Солнце высоко стояло над мельницей, небо было безоблачно. Нормурад так отчетливо видит все, будто случилось это вчера. Люди с арканами, с топорами подошли к тополям. Аисты словно поняли, почуяли беду. С тревожным «гач-гач!» взлетели с гнезд. Обеспокоенные их криками, поднялись и аисты из соседних садов, с куполов мечетей, а за ними и с кладбищенских вязов. Все небо заполнилось облачно-белыми птицами. Их крики, казалось, должны разбудить весь мир. И в этот миг от нижней мельницы донесся отчаянный вопль:

— Нормурад-ака! Велите им, чтобы не рубили! Велите!..

Кричала Гульсара! Она прижалась к стене мельницы и плакала — высоко, пронзительно, жалобно. Но белый тополь, подпиленный людьми Вахидходжи, уже клонился набок, уже подминал огромным стволом соседние тополя, ломал как бы падающими с небес могучими ветвями шелковицы и карагачи. Рухнул старый тополь, и содрогнулась земля! Гнездо аиста, пока падало дерево, отделилось от его вершины и на миг повисло в воздухе, потом медленно перевернулось, полетели вниз сухие хворостины, перья, высохшая шкура змеи — к ногам онемевшей Гульсары...

Еще он помнит...

Хватит! Зачем бредишь душу воспоминаниями, Нормурад? Подумал бы хоть теперь, старый воробей, как протянуть в покое остаток жизни. Переехал наконец в родной кишлак — об этом же мечтал последние годы. Хотел создать здесь библиотеку, просвещать молодежь, вот и займись этим.

Не так представлял домла свое возвращение в кишлак раньше. Рядом с ним должна была жить Гульсара. Он видел себя в очках, в свободном, просторном халате — беседует с ребятами, которые пришли за книгами, а старушка хлопочет, готовит чай. Как она хотела жить с ним в кишлаке, на покое, в тишине, вдали от тревог, чтобы можно было наконец с утра до ночи заботиться о нем.

Что же делать? Не сегодня, так завтра и ты покинешь этот мир. Но до того дня, до того последнего дня, когда закроются глаза, надо жить! И надо доводить до конца начатое дело. Кончай, старик Нормурад, брось терзать себя. Терпи, старик, терпи!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Люди с поминок уже разошлись. В большом доме Атакузы светилось лишь одно окно. Зато новый дом в глубине двора, построенный для Хайдара, весь был пронизан яркими огнями. Из открытых окон неслась музыка, слышались взрывы звонкого девичьего смеха.

«Ах, молодежь, молодежь!— вздохнул Атакузы.— Приспичило! Не могут подождать день-другой!»

Осторожно, стараясь не шуметь, поднялся на айван большого дома. Отсюда, с открытой веранды, хорошо видна была гостиная. У самого окна, чуть наклонив голову, прикусив нижнюю губу, Алия гладит рубашку. Знакомая с молодости привычка. Всегда так склоняет голову и прикусывает губу, когда сосредоточится на каком-нибудь деле. Теплая волна поднялась в душе. Алия переступила уже порог сорокалетия, родила ему троих сыновей и дочь — а все еще по-девичьи тонка. И лицо молодое, лишь на щеках у тонкого прямого носа и на лбу обозначились первые морщинки да что-то в глазах стала заметна усталость.

Атакузы бесшумно открыл дверь.

Алия взглянула на мужа:

— А где же дядюшка?

— На кладбище. Видно, хочет испросить прощения у тетушки за грехи молодости...— Атакузы улыбнулся, но его остановило серьезное лицо жены. Подошел, обнял нежные узкие плечи.— Спасибо тебе, мать!

— За что это?— Алия широко раскрыла глаза, продолжая гладить.

— А как же... Нелегко было тебе. Вот уже полтора месяца что ни день — всё люди.

— Ладно уж,— Алия сильно провела утюгом по белью.— Кто же

еще, кроме нас, поможет бедному дяде? Был бы жив их сын... Ночью как подумала, так и не смогла уснуть...

— Ну, мы сделали все, больше даже, чем родной сын!— Атакузы наморщил лоб.— Весь народ видел. Не было человека, кто не сказал бы мне спасибо. Да оставь ты свой уют. Давай поговорим!— Атакузы присел на диван, сунул под бок подушку. В запавших от бессонницы глазах блеснула озорная улыбка, и лицо, чуть скуластое, загорелое дочерна, подобрело, смягчилось.— Ну, как там двигаются дела, ханум? О свадьбе говорю. Что думают молодые?

— Молодые...— Округлое, белое лицо Алии зарумянилось.— Зятек наш будущий торчит тут с утра до ночи. Интересная пошла молодежь! Не стыдятся ни тещи, ни тестя.

— А дочь где?

— Веселится вместе с ними!

Густые брови Атакузы на миг сошлись на переносице и тут же разгладились.

— Ладно! Их время сейчас! Пусть делают как знают! Ну а что твоя будущая невестка, тоже здесь? Нет? Отчего так? Или эти чересчур современны, а она, вроде тебя, отсталая?— Атакузы встал, выпрямил спину, поправил ремень на плоском животе.— Хорошо! Поговорю с ними сам. Но и ты скажи своей сватье... Фазилатхон. Если дочь будет хорохориться, то и для сына ее не будет моей дочери!

— Бедняжка, разве она сама может решать...

Вчера утром возле правления Атакузы неожиданно встретил Латофат. Она не такая шеголиха, как Тахира, но надо отдать должное — хороша. И опять напомнила она ему Фазилат в пору ее цветения. Та же яркая, бросающаяся в глаза красота. И, как всегда при встрече с Латофат, тревожно заныло сердце. А тут еще узнал, что будущая невестка ненаглядная надумала дальше учиться и сюда приехала не одна, а с научным руководителем из Ташкента, с тем самым — с жердью. Собирается ставить здесь какие-то опыты! Ставь, ставь... Если что, то и братцу твоему не видать Тахиры.

— Бедняжка... Тоже мне!— Атакузы нехорошо усмехнулся.— Я говорю серьезно. Пусть только отколет какое-нибудь коленце.— Атакузы решительно вышел из комнаты.

Полумесяц, только что сиявший в небе, спрятался в гуще деревьев, небо было полно белых крупных звезд, одна ярче другой. Атакузы прошел мимо густых гранатовых кустов в глубь сада. Там, в глинобитном дувале, темнела калитка в соседний двор с четырехкомнатным домом. Здесь поместил Атакузы своего дядю. А раньше здесь жил главный механик колхоза Наимджан со своей семьей. Атакузы переселил его в один из новых домов на окраине кишлака. Наимджан, парень простой, добродушный, как будто ничего не имел против, только жена у него горластая, уперлась, как коза: никуда отсюда не перееду. Потом вроде бы примирилась, но, когда переезжала, навешала, что называется, на раиса всех собак. Уж такой шум подняла! Было чему порадоваться недругам Атакузы. Есть такие — денег не пожалеют, только подай скандал. Скверно, что и Атакузы не удержался. Пригрозил: мол, если захочет, не только из дома — из кишлака выселит. А еще хуже —

не владеет он собой в гневе — перевел мужа ее на работу в степь. Правда, для этого предлог нашелся — укрепить надо хлопководческую бригаду. Но ведь и Наимджан тоже не дурак, понял, конечно, что к чему.

И кто же мог знать, что дело дойдет до такого скандала? Запросто устроил бы дядю в другом месте. В другом? А кто бы там присматривал за ним? Кто ухаживал бы на старости лет?

Только что отремонтированный дом еще не совсем просох, в нос ударило острым запахом свежей краски. Атакузы нащупал в темноте выключатель, зажег свет. Направо из коридора шла дверь в небольшую комнату — спальню. Налево — в гостиную. Здесь сейчас горой лежали книги.

Атакузы опустился на корточки, не без волнения потрогал аккуратно перевязанные белыми тесемками пачки книг. Он любил книги, особенно по истории государств. Ведь в свое время окончил исторический факультет, мог бы историком стать. Да вот завяз... Алия тоже знала цену книгам. Но собранные им и его женой книги — капля по сравнению с тем, что у старика. И десятой части не составляют от его библиотеки.

Да, если вдуматься, большой человек дядя! Целый кладезь знаний. И при всем при том есть в нем много такого, что Атакузы не может понять.

Домла пусть не каждый год, но, во всяком случае, через год-два обязательно навещал кишлак. И всякий раз его приезд становился для Атакузы испытанием. Казалось, не было такого дела, куда бы дядюшка не сунул нос!

Ведь это он, Атакузы, все оттягивал переезд стариков в кишлак — все колебался, хорошо знал характер дяди. А теперь, после смерти жены, пришлось перевезти, не оставишь же одного. Атакузы — единственная его опора. Покойная мать при жизни не раз говорила: «Он один только и остался из наших родных, твой дядя. И судьба обидела его. Ты уж сделай все, согрей его старость, сынок!»

Однако что это? Кажется, кто-то зовет?

— Отец! К телефону! Из обкома...

«Шагай, Атакузы, дела ждут!» — скомандовал себе.

2

Алия встретила его на айване.

— Халмурадов... — сообщила шепотом.

«Должно быть, получил уже мое письмо».

Неделю назад Атакузы послал на имя Бекмурада Халмурадовича жалобу — доняли-таки его стробительные организации. В прошлом году Халмурадов собственной рукой заложил угловой кирпич под фундамент первого дома будущего городка в степи. Должен бы помочь...

Атакузы, стараясь не показать волнения, сказал:

— Видит бог, не хотел я тревожить вас, Бекмурад Халмурадович. Но ведь вы стояли у истоков дела, своей рукой заложили первый

кирпич. И вот теперь... Все застопорилось, ни шагу вперед, только назад, назад...

— Ладно, ладно,— перебил Халмурадов.— Через пару дней соберем у вас в степи руководителей строительных организаций, проведем летучку,— пожалуйста, выкладывай все, что на душе.

— Спасибо, тысячу раз вам спасибо!

Атакузы собрался уже попрощаться, но услышал легкое покашливание секретаря обкома.

— Есть еще один разговор. Вы слышите меня, Атакузы-ака?

— Слышу, слышу...

— Дело в том... Возможно, на днях к вам заглянет комиссия.

Сердце Атакузы екнуло. Еле перевел дух.

— По какому вопросу?

— Не телефонный разговор. Потом. Но...— в трубке опять покашливание. Видно, Халмурадов что-то тянул, недосказывал.

Атакузы лихорадочно, мучительно перебирал: кто мог наклеузничать? Может, снова всплыли мраморные плиты? Или... Недавно был с Шукуровым разговор насчет стройматериалов... Может, он и наговорил чего...

— Нет-нет,— перебил его Халмурадов. Оказывается, Атакузы высказал свою мысль вслух.— Шукуров, по-моему, уважает вас,— продолжал секретарь.— Словом, не слишком беспокойтесь. Комиссии могло и не быть. Жалоба попала в руки первого. Да, может, еще никто и не придет. Не расстраивайтесь. Вы слышите меня, Атакузы-ака?

— Бекмурад Халмурадович! Товарищ секретарь обкома!— Атакузы обожгла обида.— Освободите меня от этой работы!

— Вот тебе на!..

— Я серьезно говорю. Видит аллах, все эти комиссии...

— Хватит! Не нойте!— В трубке резко щелкнуло; должно быть, секретарь обкома ударил рукою по столу.— Чтобы больше я не слышал такого! Вы не ребенок! Даже если комиссия — это еще не значит, что мы вам не верим! Сам разговор мой с вами доказывает обратное. Понятно? Так что работайте и не сбавляйте темпов. Всего хороше...

Частые гудки в трубке прервали последнее слово. Атакузы не успел даже сказать «до свидания».

Секретарь не сообщил ему ничего нового, не впервые Атакузы слышал такое. И все же до самого рассвета не сомкнул он глаз. В ушах звенело часто и тонко: пи-пи-пи!

Вот уже более двадцати лет Атакузы председатель. За эти годы он забыл, что такое покой. А уж настроил, наворочал сколько! Один поселок чего стоит — белый, благоустроенный, красивый современный городок. А было: грязный, запущенный кишлак Йиглаган-ата. Узкие кривые улочки, на площадях горы золы и мусора — все это вместе с развалинами крепостных стен, с руинами древнего кургана — всю эту рухлядь Атакузы снес с лица земли. Новые, светлые дома стоят теперь на прямых широких улицах. Густые тенистые аллеи и даже парки к услугам жителей нового кишлака. Зловонные хаузы засыпаны землей, вместо них вырыты и обсажены деревьями новые хаузы — чистые, прозрачные пруды. Атакузы не устает расширять

колхоз. В позапрошлом году взял обязательство освоить три тысячи гектаров земель в степи, по соседству — там, куда пришла вода. Там тоже будет новый городок, сады и парки. И за все, за все старания что он получает? Одна жалоба за другой, кляуза за кляузой! В первое время Атакузы плевал на жалобы, на комиссии — их тут достаточно побывало, проверяли. Но, видно, возраст берет свое. Обидно, все ведь силы и здоровье отдал колхозу, ноет душа от людской неблагодарности, не из камня же он. Тоже ведь человек!.. Да и громадное дело, которое сейчас затеял, многого требует. Приходится иной раз и обойти инструкции. Ничего не поделаешь. Если крепко держаться за букву закона, останешься с пустыми руками! Например, обязан он дать по плану пятнадцать тысяч тонн хлопка. Страшно даже подумать — из легчайшего пуха, по граммам собирать эти тысячи, и не килограммов, не центнеров — пятнадцать тысяч тонн! Чтобы добыть их, нужна тысяча тонн удобрений! А отпускают не больше пятисот. Вот и доставай как знаешь, хоть из-под земли. А не достанешь — уплывут твои пятнадцать тысяч тонн, и стой тогда осенью по стойке «смирно» на бюро райкома, а то и самого обкома!

Все это он недавно выложил Шукурову.

А было так. Весть, что его приглашает Шукуров, нашла Атакузы в степи. Время приближалось к вечеру, и Атакузы совсем некстати было ехать в район. По дороге у шалаша первой бригады наткнулся на Наимджана. Он, как перевели его в степь, замкнулся, ходит понурый, мрачный. А на этот раз — что такое? — улыбается во весь рот. Наимджан взвешивал в руках две большие, каждая с чайник, желто-зеленые дыни-скороспелки — хандаляшки по-местному.

Атакузы загорелся, выскочил из машины:

— Поспели?

— Еще как! Мед! Попробуете? — Наимджан выхватил из ножен, висевших на пояске, небольшой кривой нож, ловким, быстрым взмахом провел по дыне. Ломтики таяли во рту, а уж пахли — сладость!

И тут вдруг осенило Атакузы:

— Найдется с десяток?

— Десять — нет, штук пять сыщем.

— Давай сюда! — весело потребовал Атакузы.

С этими дынями-скороспелками он и прикатил к дому Шукурова. Уж как удивилась Махбуба этим нежно-золотистым хандаляшкам, сколько было радости! А две ее дочки просто визжали от восторга, так и накинулись, схватили по дыньке. В это время подъехал и сам Шукуров:

— Что тут происходит?

— Это? — сказал Атакузы и подмигнул Махбубе. — Это взятка, Абрар Шукурович. Узнал, что опять по жалобе вызываете, ну и решил подсластить ваши уста...

Шукуров взял золотистую хандаляшку, повертел в руке, засмеялся:

— Хороша взятка!

Атакузы хотел было продолжить шутку, но вовремя сдержался:

— Первый плод нашего труда в степи!

— Но-о? Это здорово! — Шукуров сгреб своих визжавших дочек

в охапку, понес во двор.— А вы угадали насчет жалобы,— улыбнулся через плечо.

— Не иначе, опять настрочил старый хрыч Аксакал — белобородый?

— Нет, на этот раз строчили не белобородые, а чернобородые хрычи!— снова засмеялся Шукуров.

Так удачно началась беседа. Потом за столом выпили по рюмке вина, и Шукуров объяснил: есть, мол, разговоры, будто Атакузы норовит отхватить жирный кусок за счет соседей. Вот тут Атакузы и выложил все свои обиды.

Шукуров ни разу не прервал его, выслушал до конца. Но все-таки, хоть и мягко, пожурил:

— Я понимаю, не для себя стараетесь. Но вы же не один в районе.

Выходит дело, и этот не понял. А теперь комиссия. Нет, видимо, как ни старайся, все равно не оценят! Хоть все здоровье положи, жизнь отдай ради нужного дела — никто даже спасибо не скажет. Так к чему стараться, зачем ему это?

Атакузы ворочался, гнал думы, но сон не шел. В конце концов поднялся, вызвал машину.

3

Шофер у Атакузы лихой. Недаром прозвали Учар. Летун, одним словом. По взгляду умеет угадывать волю раиса. Он уже ждал у ворот. Атакузы коротко процедил:

— В степь! — И вдруг передумал: — Погоди, прокатай сначала по кишлаку.

— По какому кишлаку?

— По нашему! Начинай с правления, потом — по всем улицам!

Учар вскинул брови: «Интересно получается». Нажал на газ.

Восток только начал светлеть, и даже рано пробуждающийся кишлак все еще спал.

Посередине большой площади перед правлением, сплошь покрытой ярким, никогда не вянущим газоном, взмывал в небоobelisk в честь погибших в войну джигитов кишлака. Атакузы залюбовался убегающей ввысь мраморной стелой. Темно-зеленый мрамор, тот самый, что удалось вырвать из рук белобородого!

По одну сторону двухэтажного здания правления сплошная стена витрин — универмаг, по другую — колонны комбината бытового обслуживания, напротив красовался тяжелый, отделанный тем же зеленым мрамором портал Дворца культуры. А чуть поодаль влево, в глубине фруктового сада, белели два новых двухэтажных дома. Они смотрели друг на друга, разделенные двумя детскими площадками. Один дом — для детсада, другой — для яслей. Дальше шел котлован будущего огромного хауза, на дне громоздилась гора железных труб.

Оба дома Атакузы начал строить еще осенью — в ответ на постановление ЦК о дошкольных учреждениях. Халмурадов тогда одобрил его начинание, похвалил: «Правильно, поставил дело на широкую ногу.

Будешь у нас примером для всех. Проведем совещание. Напишем в газетах!»

А главное — появилась возможность пробить никак не пробиваемое — провести в кишлак природный газ: для яслей! Сколько нервов, хитрости, лести, бесконечных поездок стоили те вон трубы, что лежат в котловане хауза, припрятанные от недобрых глаз. Поймут ли люди его старания? Скажет ли кто спасибо? А может, так: его делами его же самого и начнут бить?

Сделав круг по площади, машина свернула мимо Дворца культуры направо. «Волга» стремительно неслась по прямой как стрела улице. По обе стороны мелькали — один под стать другому — стройные, будто свечи, тополя. Убегали назад одноэтажные дома — чистенькие, словно только что побеленные.

Объехав несколько улиц, «Волга» вылетела на плоско срезанную вершину высокого холма. Здесь была еще одна площадка. Еще просторнее первой.

— Стой! — Атакузы рывком открыл дверь, выпрыгнул из машины.

В двухстах шагах от места, где он стоял, сверкало стеклом и алюминием трехэтажное здание школы. Правее школы — пологий спуск к огромной чаше стадиона, слева рядами сбегали вниз деревца — фруктовый сад, заложенный самими школьниками.

С каждой минутой все отчетливее выступал просыпающийся под холмом кишлак. Солнце уже освещало улицы, дома, укрытые деревьями, лощину за садом и большое кладбище вдали за лощиной... Справа от кладбища, за холмами, как будто рядом, сверкали белозной снежные вершины, а у подножия горной гряды что-то клубилось, голубело в утреннем тумане — арчовые леса урочища Минг булак.

Там, на холмистых склонах урочища, гордость Атакузы — гигантское строительство животноводческого комплекса.

Он оглядывал с высоты свое хозяйство, любовался делом своих рук. Всмотривался жадно, будто в последний раз видел и эти сады, и поля, и утонувший в зелени кишлак. Будто прощался...

Глаза раиса загорелись, он посмотрел на шофера:

— Учарбай, помнишь, что было здесь лет пятнадцать назад?

— Как ни помнить! Одни развалины только и были.

— Спасибо тебе, сынок! Ну, поехали!

Учар искоса взглянул на председателя:

— Чем-то расстроены, раис-ака? Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего особенного! — успокоил Атакузы, но простые слова Учара еще крепче растравили раны.

Кляузники... Бог с ними! На то они и кляузники. А вот в обкоме! По должности своей ведь обязаны быть справедливыми. Так разберитесь, поставьте ябедников на место! Нет же, шлют комиссию за комиссией, позорят имя его! Спасибо! Он выходит из игры! Сделал все, что мог. Народ не забудет его заслуг. Имя Атакузы навсегда вписано в историю кишлака, в каждую песчинку, кирпич, в каждый листик любого здесь дерева.

Машина вынырнула из зеленого массива сплошных хлопковых по-

лей, птицей взлетела на холм — последний холм, отделяющий кишлак от безжизненной степи.

Вот она, эта тревожащая душу Атакузы бескрайняя пустыня. Вот оно — серое мертвое море песка. И сердце — что сделаешь с ним? — опять забилося. Он вдруг словно увидел: там, в пустыне, вместо серых, мертвых барханов зеленели сады, молодо шумели на ветру.

«Да, все будет так! — Атакузы упрямо выставил вперед лоб, совсем как его дядя-домла. — Сначала закончу, что задумал. А уж потом, пожалуйста, заступай любой, кого пожелаете назначить! Вот так!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Скрипнула дверь. Фазилат подняла голову.

— Не спите, мама?

— Сынок, я сейчас...— Нашарив в темноте шлепанцы, зажгла свет.

У порога, широко улыбаясь, стоял Кадырджан.

— Найдется что поесть?

— Плов остался. Подогреть?

— Давайте, давайте. Со мной Хайдарджан...

— Как это?... Как можно — до свадьбы?..

— Свадьба не за горами! Ждали конца траура, сами знаете, старушка нас задержала. Так что отец, — произнеся это слово, Кадырджан ухмыльнулся, — намечает той к концу месяца. Вы говорили с Латофат? — Под скулами заиграли желваки, серо-зеленые глаза холодно и жестко блеснули.

«Вылитый Джамал!» — подумала Фазилат.

— Говорила...

— Ну что она?

— Не знаю, ничего прямо не говорит...

— Не понимаю, что с ней стряслось? Может, снюхаться с кем успела?

Фазилат испуганно покосилась на дверь внутренней комнаты.

— Откуда ты взял?

— Откуда взял? Зачем она привезла сюда этого... заику?

— Он же ее учитель. Они думают...

— Вот, вот — думают! — передразнил Кадырджан, тряхнув длинными космами. — Поддерживайте ее. Где ей взять пример скромности... — не договорив, Кадырджан пошел к выходу, но у дверей остановился. — Как только Хайдар уйдет, я сам поговорю с ней!

Фазилат опустила веки, не смогла вынести холода серо-зеленых глаз сына. Попросила:

— Дождемся утра, сынок.

— Нет. Ни минуты больше не хочу ждать!

Фазилат вышла под звездное небо, направляясь в кухню, почув-

ствовала — в черной тени под виноградным пологом сидел Хайдар. Прикрыла лицо платком. В кухне действовала быстро — подогрела на газовой плите плов, оставшийся с вечера, поджарила яичницу, все передала сыну и пошла к себе.

Вот и сын, которого она вскормила, вырастила, заговорил о ее прошлом, корит мать.

А насчет дочки — Фазилат и без Кадырджана трясется со страха, глядя на ее странное поведение. Да и как не трястись, ведь все это на глазах у Атакузы!

Фазилат и боялась Атакузы, и любила его. Ведь письма Джаббара носил ей Атакузы. Босоногий, с нечесаной головой, с лукаво-озорными глазами. Потом началась война. Джаббар ушел на фронт. От тех счастливых лет осталась лишь связка писем, написанных его рукой.

Был ненастный зимний вечер, была последняя встреча с Джаббаром. Похоронка оказалась ложью. «Погибший смертью храбрых» неожиданно постучал в дверь. Фазилат чуть не упала на пороге, и лучше бы ей было упасть, умереть! Но умер Джаббар. Пал смертью храбрых. А вот Джамал Бурибаев вернулся цел и невредим. К тому времени у нее родился первенец — живой такой, смысленый мальчик... Что было делать? Она сама испытала, что значит безотцовщина, и не хотела такой же нелегкой судьбы сыну. Да и не только в нем было дело, сама Фазилат стала уже не та, не прежняя, надломилось в ней что-то. Так и сошлась она с Бурибаевым. А судьба первенца оказалась печальной. Семь лет ему исполнилось, такой озорной, такой сорванец был, в первый класс пошел... И попал под машину.

Потом родились еще дети.

И вот сын, ею вскормленный родной сын, попрекает мать прошлым. По слухам судит. Сплетни злых на язык людей принимает за правду. А может, и отец что наговорил. Ловок выходить сухим из воды, не намочит даже подола рубашки. Понадобится — очернит любого. Обманом ведь взял и Фазилат. Подлым обманом, да еще и силой. А как стала Фазилат ему поперек пути — отбросил и ушел к другой. Эта уже третья по счету будет. Говорят, из семьи с большими связями, вот и ушел к ней. Пусть! Фазилат, по правде сказать, даже обрадовалась, не стала и алименты требовать — не знать бы, забыть его совсем. Одна, без помощи, выкормила, вывела в люди детей. А теперь снова замаячила его черная тень!..

В глубине души Фазилат хранила надежду — когда-нибудь выпадет такой случай, откроет она сердце сыну, все расскажет ему. Была ведь уже минута отчаяния — выплакала свое горе дочери. Но ведь то дочь, дочь всегда ближе к матери. А как заговоришь с сыном, со взрослым мужчиной? Все откладывала, душу переворачивало от одной мысли о прошлом. А теперь бьется — поздно, поверит ли? Сколько воды утекло, даже подлость с годами стирается и блекнет, люди склонны все забывать. Ведь вот и Атакузы, он-то уж знает, как было дело. И не только простил Бурибаева, норовит породниться с ним...

В год, когда Атакузы стал рансом, Фазилат работала в колхозе счетоводом. Атакузы в первую же неделю перевел ее из конторы, послал в овощную бригаду табельщицей. То ли припомнил старое, а может,

остерегался недобрых толков — Фазилат в то время была молода и все еще хороша собой. Но так или иначе — с глаз долой! Фазилат слова не сказала, больше пятнадцати лет проработала в той бригаде. Два года назад раис неожиданно вызвал ее в правление. Это было как раз, когда сын его влюбился в Латофат. Поговорил, пошутил, вспомнил про то, про се — и вдруг назначил заведующей клубом!

В прошлом году Кадырджан «нашел общий язык» с дочкой Атакузы Тахирой. Тогда раис поручил Фазилат еще и библиотеку, прибавил зарплату, и довольно заметно.

Месяца два назад Атакузы снова вызвал ее к себе. Опять начал с шуток, назвал «кудагай» — сватьей, а потом, посмеиваясь в усы, взял быка за рога:

— Ну так как же, кудагай! Играем свадьбу?

— Как хотите...

— Будь по-моему, так сегодня бы! — Атакузы упер руки в бока, по-ястребиному сверкнул взглядом. — Вот и Тахира закончила ученье, ожидаем на днях. Ну, а как наша ненаглядная невестка? Получила диплом? Когда приедет?..

Фазилат робко отвела глаза. Неделю назад пришло письмо от дочери. Ни слова о свадьбе, пишет, что преподаватели советуют ей идти в аспирантуру.

— Ну? — не отставал Атакузы.

— Не знаю, когда приедет. Хочет дальше учиться.

— Ах вот оно как! — Атакузы молча прошелся по кабинету, покашлял. — Вот что скажу, кудагай, — заговорил глухо и веско. — Вы знаете, сын мой Хайдар на днях защитил диссертацию. Станет кандидатом наук. И все-таки я хочу перетянуть его сюда. В степи начинаем большие дела. Да и в самом кишлаке, слышали, наверно, за рошей Минг булак возводим большой животноводческий комплекс. Так что и у нас есть где развернуться. Все это я собираюсь сказать и Хайдару, и Кадырджану! Пусть поработают год-два на этих стройках! А там глядишь — один уже директор комбината, другой — главный инженер! — Атакузы оскалил белые, крепкие зубы и тут же убрал улыбку. — Не в высоких должностях, конечно, дело. Хочу, чтобы поварились в большом котле! Так вот, напишите дочери: учеба не убежит. Пусть приезжает, поработает у нас год-другой. Через год, даю слово, моя невестка, ваша дочь, станет директором школы.

Фазилат робко подняла глаза. Нет, Атакузы не смеялся. Он стоял у окна — руки скрещены на груди. Он не шутит, давно уже взвесил каждое сказанное сейчас слово — это ясно отпечатано на его жестком, темно-смуглом лице.

— Что же я могу сказать...

— Зачем говорить? Напишите ей, и все! Да что с вами? Нелюдямая какая-то сегодня, хмурая! Улыбнитесь же, кудагай моя! Вот так! — Атакузы приветливо попрощался с Фазилат, в дверях задержал: — Да, забыл... Придется пригласить на той и этого... как его... Бурибаева.

Фазилат сжалась, будто охватило ее сквозняком.

— Я не знаю... Так ли уж это надо?

— Есть, есть такая необходимость. И большая.

— Да и дочь моя, Латофат, сторонится отца...

— Надо ей объяснить.— Атакузы заговорил чуть мягче: — Сказать по правде, и мне не очень по душе этот человек. Но жизнь сложнее, чем мы с вами думаем, кудалай.

В тот же день Фазилат написала дочери. И вот Латофат уже здесь. Но не одна — приехала с преподавателем из их института и с двумя подругами. Будут ставить какие-то опыты. Изменилась, совсем не прежняя Латофат. Все больше молчит, видно, не хочет раскрыть матери своего сердца. И Фазилат тоже не начинает разговора, боится — а вдруг с нею что стряслось? А как посмотрит на ее нынешнее положение Атакузы? Стоит лишь подумать об этом — Фазилат так и холодеет вся.

Кто-то стукнул калиткой. Наверно, Хайдар. Потом послышались четкие шаги. Дверь распахнулась, в комнату вошел Кадырджан.

2

— Подняли Латофат?

— Сынок...— взмолилась мать.

— Разбудите! Я же сказал, сам с ней поговорю.

Отец! Вылитый Джамал Бурибаев!

Заныло сердце у Фазилат, встала с места, и в этот момент дверь распахнулась. Латофат вышла сама — в длинном цветастом халате, ноги сунула в легкие тапочки, высокая прическа, похожая на гнездо, распустилась, и волосы, мягкие, волнистые, упали на грудь.

Быстрым движением руки отбросила легкую прядь со лба, недоуменно глянула на мать, на брата:

— Не спите? Что случилось?

Кадырджан сложил руки на груди — совсем как его будущий тесть.

— У нас — ничего, а вот тебя хотим спросить. Садись.

Латофат послушно присела подле матери.

— Что с тобой происходит? Что это за штучки?

— Какие штучки? — Латофат широко открытыми глазами посмотрела на мать.

— Брось прикидываться овечкой! Зачем приволокла с собой этого юродивого дервиша?

— Не смейте так говорить! — вспыхнула Латофат.— Он приехал сюда работать. Ставить опыты! Если вашему другу это не нравится, что ж, мы можем выбрать другой колхоз!

— Нет уж! Если так вам приспичило — работайте здесь, хоть на виду у нас будете!

— Это слова вашего друга? "

— Да, так говорил Хайдар — твой жених! Он хочет знать — будет свадьба или нет?

Латофат отвела взгляд от холодновато-зеленых глаз Кадырджана. Куталась в халат, рука ее дрожала.

Накануне, чуть свет, она получила записку от Тахиры. Подруга просила ее прийти немедленно, сейчас же, к арыку под старым тутовым

деревом. «По очень важному делу», — писала она. Латофат давно здесь не была. Увидела старую, знакомую шелковицу, даже ветку узнала, с которой пять лет назад сорвалась, собирая ягоды, и в груди что-то всколыхнулось, потеплело. На миг показалось — не тогда, давно, а сейчас, сию минуту, все случилось, вот-вот с сури под деревом вскоплет Хайдар, и она, босая, легкая, кинется бежать по росистому клеверу, унося на шее, на лице ожоги от его горячих поцелуев...

Подруга ждала у арыка. Что же это с веселой, беспечной Тахирой? Сидит вся сникшая, перекинув через плечо мохнатое полотенце. Притянула Латофат к себе, усадила рядом, горько зарыдала. Сквозь слезы, всхлипывая, призналась: беременна, ох, если дойдет до отца, плохо ей будет. Просила, умоляла Латофат не тянуть, не откладывать свадьбу.

Очень некстати для Латофат было это признание. Можно сказать, вся ее жизнь поставлена в зависимость от опрометчивого поступка подруги. Но Тахира так горько, так искренне плакала. Жалко стало. Вот и в день защиты Хайдара Латофат так же размякла. Увидела, как он вдруг растерялся, сник, и что-то дрогнуло в душе. Потянулась к нему. Несколько дней были вместе, пыталась поддержать... И Тахиру, конечно, успокоила, что все будет хорошо. А на душе было совсем, совсем не хорошо...

Обратно Латофат пошла вдоль арыка, боялась: не нарваться бы ненароком на будущего свекра. И, выходя из сада, лицом к лицу столкнулась с Хайдаром.

Он, видно, шел с веселого сборища — опух, оброс щетиной. Заметно пошатывался. Латофат попыталась ускользнуть в сторону, но Хайдар решительно загородил дорогу, зло прищурил красные, отекавшие глаза:

— Настояля-таки на своем, привезла этого... дервиша!

Латофат невольно отступила назад.

— Вы же сами согласились...

— Согласился — это верно. Лучше уж здесь, на глазах, если без него не можешь. Пойдут теперь разговоры в кишлаке...

— И вы так боитесь сплетен?

— Не боюсь. Но не хочу, не желаю! — крикнул Хайдар. — Не хочу, чтобы ты расхаживала здесь с ним! Не хочу, чтобы люди видели вас вместе! Поняла ты меня?

— Нет, не поняла! И никогда не пойму! — Латофат перепрыгнула через арык и побежала по саду...

Нерадостные воспоминания. Кадырджан будто читал ее мысли — шевелил кулаками в карманах брюк.

— Молчишь? Не понимаю тебя! Сама ведь льнула к нему! Что же теперь отворачиваешься? Джигит как джигит! Кандидат наук! Умница! Чего тебе еще надо?..

Латофат молчала. Сидела, закрыв руками лицо.

— И обговорено уже все. И мать, и отец наш...

— «Отец!» Как можете вы называть этого человека отцом! После всего... после того, что сделал он с вашей матерью!

— Не к чему ворошить прошлое. Известно, прошлому прощение.

— А я не прошу! Я никогда не забуду слез матери!

Кадырджан неуверенно пробормотал:

— Что ж... в жизни всякое случается.

— Всякое? — Латофат вытянулась в струну. — Не сваливайте на жизнь, он, этот человек, нужен вам, нужен!

— Хватит! — Кадырджан так и вытаращился. — Уж очень умничать стала! На словах гладко получается, а жизнь — другое дело. О матери печешься, а что с ней будет, если откажешься от Хайдара! Об этом ты подумала? Тебе известно, кто такой Атакузы-ака? Представляешь себе хоть, с кем имеешь дело?

— Да, он всемогущ и способен на все! И ваш друг Хайдар тоже в отца пошел. Уверен, что может силой сломить меня.

— И сломит! Так что лучше одумайся. Или всех нас хочешь под удар?.. Если наплевать на меня, подумай хоть о матери!

— Не вмешивай меня, оставь! — Фазилат ударила кулачками, запричитала: — Уж лучше бы мне умереть! Чтобы из-за меня стала несчастной доченька моя!..

— Кончайте, мама! — от крика Кадырджана задрожала посуда в нишах стены. — Это же той, не похороны. Все — одни глупости Латофат! Где она еще найдет такого парня, как Хайдар!..

— Ладно! — Латофат с неожиданной решимостью поднялась. — Можете передать своему приятелю — я согласна. Только пусть он знает: иду за него... не по любви, просто боюсь его всемогущего отца. Вот так! Если твоему кандидату наук не претит такая свадьба — пускай будет! — Латофат хлопнула дверью.

Кадырджан исподлобья досадливо покосился на дрожащие плечи матери.

— Значит, разговор окончен, начинайте приготовления. Да бросьте вы ваши слезы. Норовите превратить свадьбу в траур. — Он подошел к выключателю, погасил свет. — Ложитесь спать.

— Сынок!..

Кадырджан не услышал, был уже за дверью. А может, не хотел слушать ее...

«Латофат, доченька! Единственная надежда, радость, ниспосланная небом! Неужели и ты, как мать, свяжешь судьбу свою с нелюбимым и тоже станешь несчастной?» — Фазилат бессильно упала на постель, уткнулась лицом в подушку.

Ей казалось — она виновата перед дочерью. Вдруг вспомнилась поговорка: «Выбираешь ткань — гляди на кромку, выбираешь дочь — гляди на мать». Ох, недобрые люди выдумали эти слова — будто нарочно для Фазилат.

Разве не видела она, как Латофат страдает из-за нее? Сплетни, кривотолкли сделали дочь нелюдимою. Когда приезжала на летние каникулы, не ходила, как ее подруги, по кишлаку, не красовалась нарядами, не гуляла на свадьбах, избегала девичьих вечеринок. Все больше сидела дома. До поздней ночи, бывало, не отрывает глаз от книги и все думает, думает о чем-то. Грустные у нее были думы...

«Ладно!.. Я согласна! Но пусть он знает: иду за него не по любви...» Нет, это она сказала сгоряча. Сердце матери чует. Латофат

не такая, чтоб уступить чьей бы то ни было силе. Это она, Фазилат, в конце концов не выдержала, покорилась Бурибаеву. Кто знает, может, это от матери перешло, от Айнисы? Правда, Фазилат совсем не помнит мать. Всего-то ей было три года, когда мать выкрал богатый торговец Кудратходжа. Не помнит и отца — бедный, безропотный человек, повесился с горя. А Фазилат потом взял к себе амаки — дядя по отцу. Но она много раз слышала, что мать ее не только не противилась Кудратходже, а будто бы стала даже любящей женой. Нет, Латофат не будет... Не покорится. Чтобы дочь Фазилат тоже стала несчастной... Подумать страшно. К кому бы пойти поговорить, посоветоваться? К Атакузы?.. Одна мысль об этом приводит в трепет! А что, если к домле Шамурадову? Он же не знает всего... Рассказать, как было, — про то, давнее, и потом... Ему бы рассказать — лучше всего. Только он — отец Джаббара...

И опять поднялось все, что пряталось в тайниках души...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Домла проснулся. Комната еще тонула в темноте. Лоскут неба в открытом окне пестрел яркими, крупными звездами. Далеко, должно быть за ложиной, утробно ревели ослы. Петухи протяжно кричали, состязаясь друг с другом.

Накинув на плечи поношенную, но удобно просторную пижамную куртку, старик включил свет. И в комнате, и на старом массивном письменном столе все было так, как оставил ночью после работы: стопка листов, исписанных арабской вязью.

В последнее время домла работал над двумя рукописями — над монографией о горной арче и над книгой об обновлении всей оросительной системы республики Средней Азии. Директор института Артем Поликарпов просил его сосредоточиться пока на оросительной системе. Очень способный мелиоратор этот Артем Прохорович, сын старого друга домлы. Приехал в кишлак на траур по Гульсаре-ая. Надо же, при жизни ее только беды сыпались на голову мужа, а теперь, после смерти ее, пришла вдруг хорошая весть. Оказывается, докладная записка домлы в правительство «О комплексном решении проблемы переброски сибирских рек и обновлении оросительных систем республик Средней Азии» заинтересовала министерство. Вот почему Артем Поликарпов и попросил ускорить работу именно над этим. Через несколько дней прислал лаборантку из отдела водного баланса с материалами, которые запросил домла.

Нурмурад Шамурадович вспомнил разговор с Поликарповым и усмехнулся. Всегда было так: пока не нажмут сверху или не заставит сама жизнь, не очень-то прислушиваются к разумным советам. А уж как давно твердит он — и в выступлениях, и в статьях с подробными расчетами — все об одном и том же: об огромной экономии воды,

которую дадут обновление и техническое переоснащение устаревших оросительных систем. А какие резервы имеются в действующей системе гидротехнических сооружений! Хотя бы Чардарьинское водохранилище. Сливные отверстия в его плотине пропускают до тысячи восьмисот кубометров воды в секунду. А куда идет эта вода? Почему бы не использовать ее разумно? То же и с Сырдарьей. Паводок здесь в иной год дает до шести тысяч кубометров в секунду. Опять вопрос — куда девается эта вода? Попусту сбрасывается в Арнасайскую впадину, и там уже образовалось огромное соленое озеро! Почти то же самое произошло и в Туркмении. Грунтовые воды двух областей — Хорезмской и Ташаузской — создали Сарыкамышское озеро. И тоже соленое. А ведь стоило провести отводной канал в одном случае, а в другом — сбросить дренажные воды в Амударью ниже по течению, стало бы легче тому же Аралу!..

Домла поднялся. Заныла спина, и голова стала не та, гудит. Шаркая тряпичными шлепанцами, вышел из дома.

Громадный, заросший деревьями двор все еще тонул в полутьме, но кишлак уже просыпался: в соседнем саду слышался плач ребенка, с разных сторон доносилось мычание коров, бляение овец и ягнят.

Домла открыл калитку, выглянул на улицу. Там было безлюдно, тихо. Но что это? Кто там пристроился на супе — глиняной лавке — у ворот? Спит себе, укрывшись стеганым чапаном, а под голову сунул новую вельветовую шляпу.

Пожав плечами, домла осторожно тронул спящего:

— Кто это по ночам сторожит мой дом?

Человек будто только и ждал его прикосновения, вскочил тут же — маленький, тошенький. Стоял, ощерив беззубый рот, прищурил красные глаза.

— Это ты, Кудратходжа?!

— Хвала твоей памяти — узнал! — Кудратходжа насадил на голову свою вельветовую шляпу, довольно осклабился. — Вечером пришел, хотел прочитать молитву по твоей старушке, да вижу — на воротах замок с лошадиную голову...

Домла не знал, как и быть. Пригласить Кудратходжу в дом — начнет морочить голову, «философствовать». Не пригласить нельзя — нарушишь обычай, нехорошо.

— Ну, раз пришел на фатиху, заходи...

— А не рассердишься, если прочту Коран? Ты, помню, не верил в аллаха.

Домла угрюмо взглянул на плюгавенького человека — тот явно паясничал и все еще щерил беззубый рот.

— Послушай, Кудратходжа! У меня нет ни времени, ни охоты болтать с тобой. Хочешь — заходи, не хочешь — иди на все четыре стороны.

— А ты хоть и профисор теперь, но, как я вижу, все тот же грубиян. Что ж, зайду ради памяти покойной Гульсары-биби. Добрая была женщина, не то что ты! О, голова трещит! Найди хоть каплю вина, профисор! Да вон у тебя же есть...

На полу террасы стояла недопитая бутылка водки, забыли рабочие,

которые ремонтировали дом для Нормурада. Рядом на подносе — зачерствелая лепешка, сухой сыр, расклеванная птицами кисть винограда.

Кудратходжа дрожащими руками вцепился в бутылку, запрокинул голову и начал пить прямо из горлышка.

Брезгливо наблюдал Нормурад-ата за судорожными, жадными глотками ходжи. Неожиданно всплыла в памяти совсем иная, далекая картина. И с чего это вдруг неприятно засосало под сердцем?..

Стоял холодный осенний день. Кажется, девятьсот двадцать восьмого года. На базарной площади у знаменитой куполовидной мечети собрался весь кишлак — смотрели, как будут отправлять на выселение баев и кулаков.

Среди тех, кто стоял, погрузив пожитки — мешки и хурджуны — на арбы, и ожидал команды, был и Кудратходжа. Сухощавый, статный, в тяжелой шубе из лисьих шкур. На голове дорогой бобровый тельпек — ушанка, на ногах — новые хромовые сапоги. Кудратходжа стоял чуть в стороне. Не горевал, не плакал, подобно другим, не показывал слабости перед родственниками — они притащились на площадь, еле поборов страх. Стоял — грудь колесом, черные усы вызывающе закручены, казалось, собрался не в изгнание, а в долгожданное путешествие. Гневно шурясь, играя желваками, оглядывал стоящую перед ним толпу, кольцо конных милиционеров вокруг площади, активистов кишлака. Среди них был и Нормурад. В гордом, злом взгляде Кудратходжи читалось: «Погодите, еще посмотрим! До конца еще далеко...»

Внезапно базарную площадь рассек горький пронзительный вопль. Толпа качнулась, в образовавшийся проход кинулась молодая женщина. В каком она была виде! Иссиня-черные волосы распустились и упали до самых шиколоток, паранджа сползла набок, чачвана — покрывала — и вовсе не было на голове. Омытое слезами открытое лицо было прекрасно. Она птицей подлетела к Кудратходже, повисла на его шее.

Эта молодая женщина с ясным, как солнце, ликом, чуть ли не до пят обвитая бархатно-черными волосами, была Айниса!

За год до тех событий Кудратходжа отнял ее вместе с трехлетней дочкой у одного бедняка. Когда торговца раскулачивали, ему припомнили и это злое дело. И вот ведь как нехорошо получилось. Та самая Айниса, которая, по мнению людей, страдала и мучилась в когтях насильника, эта самая Айниса висела теперь на шее Кудратходжи, рыдала и билась в страшном горе.

Народ на площади сначала растерянно приумолк, а потом загудел, заволновался от никогда не виданной срамоты. Тогда Нормурад Шамурадов, чтобы прекратить этот позор, крикнул милиционерам: «Гоните этих гадов!» Кудратходжа, с почернелым чугунным лицом, резко, одним движением оторвал от шеи руки жены, отшвырнул ее от себя и первым встал в колонну. Айниса как свалилась от руки мужа на землю, так и осталась лежать, словно подбитая птица.

Помнится, весь кишлак тогда отвернулся от Айнисы. Но Нормурад не побоялся, протянул руку молодой женщине. Как-никак это была

дочь бедняка, обманутая Кудратходжой, враждебным элементом. Прошло немного времени, и стала она активисткой. Нормурад помог ей и на учебу поехать, в Ташкент. Кончив рабфак, Айниса так и не вернулась в кишлак. А дочку, ту самую Фазилат, в которую потом влюбился, на свое несчастье, Джаббар, оставила родне своего первого мужа. Говорят, в третий раз вышла замуж, уехала куда-то в Хорезм...

А раскулаченный, высланный в дальние дали торговец вынырнул цел-целехонек из-под каменных жерновов и продолжает ползать по земле!

Кудратходжа ожил, словно не водки глотнул, а осушил пиалу «оби-замзам» — живой воды. К впалым щекам прилила кровь, красными стеклышками заблестели глазки. Вытирая реденькие усики, заговорил:

— Зачем стоишь как вбитый кол? Садись! Или, думаешь, ты главная опора этого мира: тронешься — и все рухнет без тебя? А, профисор?

Домла невольно усмехнулся и сел в плетеное кресло на террасе. Хмельная болтовня Кудратходжи начала его забавлять.

— Я хоть и не мудр, как ты, Кудратходжа, все же понимаю: мир ни без меня, ни без тебя не рухнет!

— Э, тавба, как хорошо сказал! — Кудратходжа уселся во второе кресло. — Похоже, не я один поумнел, ты тоже.

Домла чувствовал, куда клонит ходжа, и все же не удержался от улыбки:

— Лучше поздно, чем никогда, Кудратходжа!

— Да, да, таков этот мир... — глубокомысленно вздохнул ходжа. Беззубыми деснами оторвал кусок лепешки, принялся мять во рту. — Неразумным рождается дитя человека и долго ходит слепым. А когда открываются глаза и начинает он различать, где белое, где черное, — оказывается, одна нога уже в могиле!

Не раз слушал Нормурад подобных доморощенных философов. Единственный козырь их в борьбе с «гордецами» и «неверующими» — смерть, недолговечность человеческой жизни. Обычно домла не ввязывался в такие ни к чему не приводящие споры. Отчего же сейчас этот вздох старого пьяницы задел его, тронул какую-то струну в душе?

— Послушай, Кудратходжа! Что ты хочешь сказать этими давно избитыми словами? Что я ничего не добился, хоть и боролся за новую власть? Старался с корнями вырвать баев и кулаков вроде тебя, а теперь все равно стою на краю могилы? Это ты хочешь сказать?

Кудратходжа ослабил, громко чавкая, приподнял новую мягкую шляпу, насадил на остренькое колено.

— Не-ет! Судя по этим словам, ты не умрешь! Будешь жить во веки веков!

— Почему же? Умру, и, может, еще раньше тебя...

— Ужели и большевик смиряется перед смертью?..

— Не совсем так. Жизнь и смерть — законы природы. И если ты пришел пугать меня смертью и надеешься, что я раскаюсь в своих

делах, то ты горько ошибаешься, ходжа! — Домла приподнялся в волнении и снова сел. Пожал плечами: «Чего это ради я так распинаюсь перед ним?»

— Ах да, я и забыл! — Кудратходжа хлопнул себя по лбу.— Ведь настоящий большевик должен быть непреклонным!

— Верно! — Нормурад-ата рассмеялся.— Вот ведь какой грамотный стал. Но смотрю на тебя и одного понять не могу...

— Чего, дорогой профисор?

— Как такого ехидного, злого на язык человека могла полюбить Айниса?

В глазах-стеклышках вспыхнул и погас недобрый огонек.

— У меня шайтан есть! — хихикнул он.— Знаешь, между ног.

И тут домла почувствовал — непрощеная жалость вдруг сразу растаяла.

— Ты и есть шайтан! — процедил сквозь зубы.— Вижу тебя насквозь! — Он поднялся, отодвинул кресло.

— Стой! — Кудратходжа, придерживая на коленях поднос с едой, вытянул тонкую, пупырчатую, как у старой курицы, шею, с угрозой заговорил: — Не пугай меня такими словами. Ты и подобные тебе сослани меня, а советская власть освободила.

— Верно! Советская власть дала тебе свободу, а ты...

— У меня нет обиды на советскую власть! Но вот такие... — он смерил ненавидящим взглядом домлу.— Помнишь, когда меня выселяли из кишлака, в тот день на базарной площади, у мечети. Когда прибежала Айниса... — Замигав красными глазами, уронив поднос, Кудратходжа приподнялся с кресла, растер непослушной, дрожащей рукой слезы на маленьком, с ладонь, лице.— Ты спросил: почему Айниса полюбила меня? А ты припомни, ведь в одном кишлаке росли. Помнишь, когда она, рыдая, как дитя, бросилась ко мне на шею... Ты, Нормурад, не дрогнул. А ведь она не притворялась. Не сжалился ты, заорал: «Гоните этих гадов!» Ты не забыл этого, Нормурад?

Домла не верил своим глазам. На миг показалось, что перед ним не жалкий пьяница, тот, что сегодня лежал, как нищий, у ворот, свернувшись в клубок. Перед ним возник другой Кудратходжа, как две капли воды похожий на того, что сорок лет назад стоял на базарной площади, гордо выпятив грудь. Это он не дрогнул ни единым мускулом лица, когда прибежала и бросилась ему на шею молодая красавица жена.

С трудом поборов в себе непрощеное видение, домла сказал:

— А чего бы ты хотел? Чтобы мы жалели подобных тебе баев и кулаков? Как бы ты сам поступил, если бы мы пощадили вас?

— Расстрелял бы! — выпалил Кудратходжа, и глаза его засверкали ненавистью и восторгом одновременно.— Я бы поставил тебя к стенке у той мечети, прижал бы ствол пятизарядки к твоей груди и спустил бы курок, не раздумывая!

Домла невольно похолодел — так страшно сверкнула ненависть в глазах ходжи. Заставил себя улыбнуться.

— Благодарю за откровенность. Но в твоих словах нет логики,

ходжа. Ты меня расстрелял бы, прижав к стене мечети, так почему же я должен был жалеть и гладить тебя по головке?

— Погоди! Не пугай мою мысль! — Кудратходжа поднес было ко рту бутылку и тут же со злостью швырнул ее в сад. Пустая бутылка прохлестнула сквозь ветки яблони, разбилась вдребезги о стенку кухни. — Что я хотел тебе сказать? Да! Вижу, ты еще не задумывался о своем конце. Но запомни, профисор: он, конец, у нас с тобой один! Как говорится: ал касосил миналхак — ничто не останется без возмездия! Мы еще встретимся в день Страшного суда! Тебе тоже придется, как и мне, пройти через Сират-куприк¹. Посмотрим, Нормурад-ишан, кто из нас удержится на том мосту, а кто сверзится в ад. Да!

Опять все та же баня и тот же таз! Чего только он связался в спор с этим пьянчужкой! — досадовал про себя домла, и все же слова о мосте Сират задели его.

— Э, ходжа! Ты же знаешь, я не верю в твои сказки. Ты, видно, хочешь сказать, что я, мол, совершил несправедливость? Так заруби себе на носу — совесть моя чиста. И если осталась у тебя хоть крупинка чести, выйди на улицу, оглянись вокруг — посмотри на новый кишлак, на жизнь людей в нем! Ради этой-то жизни, ради этих людей мы и поступали, как ты считаешь, жестоко. Я не раскаиваюсь ни в чем. Я готов вместе с тобой ступить на любой мост, где испытывается справедливость, в том числе и на мост Сират, если он существует. И мы еще посмотрим, кто достигнет берега, а кто свалится! — домла выговорил все на одном дыхании.

Разгорячившись, собрался уже крикнуть: «Хватит, катись отсюда!» — и в это время увидел молодую женщину. Она вошла во двор, ведя за руку пяти-шестилетнего мальчика. Домла невольно осекся.

Женщина остановилась у ворот, поставила на землю плетеную корзину, опустила голову в поклоне.

— У меня тут на летней кухне осталась кое-какая мелочь, можно я заберу, отец?

«Хозяйка этого дома», — молнией блеснуло в голове домлы.

— Пожалуйста, доченька, пожалуйста, — засуетился он.

Молодая женщина прошла с сынишкой в глубину двора — мимо приветливо улыбающегося ей головастого старика и второго — этот сидел нахохлившись, но, увидев ее, словно проснулся.

Проводив женщину глазами, Кудратходжа многозначительно покачал головой:

— Надира, невестка Уразкула.

— Какого Уразкула?

— Да того самого, который в памятный нам обоим год мардикерства отнял чин сотника у твоего покорного слуги и передал его тебе, почтенный профисор! Неужели забыл? Эта женщина — его невестка. Муж у нее механизатор. В их доме ты и живешь. Одним-единим приказом всемогущий Атакузы вытурил их. Для тебя старал-

¹ Сират-куприк — мост, по которому будто бы в судный день безгрешные люди проходят в рай. Грешники падают с моста в ад.

ся, почтенный активист. Потому как ведь у нас равенство и справедливость...

Домла почувствовал во всем теле неожиданную слабость, прислонился к стене. Разве просил он Атакузы, чтобы дали ему этот, такой большой, дом! Да и зачем он старику, у которого одна нога на земле, а другая — в могиле?

В дверях летней кухни показалась женщина, она тащила за собой сынишку. Мальчик упирался, хныкал:

— Не хочу уходить, не пойду... Наш сад! Хочу здесь...

— Замолчи, кому говорю! Сейчас придет раис! Услышит — прибьет!

Кудратходжа снова хихикнул. До чего же у него противный, дребезжащий смешок!

— «Придет раис»! Бывало, детей пугали шакалом, а теперь хватает имени твоего племянника, почтенный профисор.

Домла весь дрожал, но не говорил ни слова.

Женщина грустно оглядывала большой чистый двор, утопающий в зелени, заново побеленные стены, застекленную веранду — айван, залюбовалась свежей, нежно-голубой краской ажурных переплетов.

— Хороший вы сделали ремонт. Мы тоже собирались в этом году перестроить кухню. Мечтали...

Кудратходжа мотнул головой на тонкой шее:

— Не печалься, дочь моя! В этом ли доме жить, в другом ли — все равно нам уготован один дом — кладбище. Все туда придем...

Надира не ответила ему.

— До свидания, домла. Я просто так... Прожили здесь десять лет, привыкли. Каждое дерево, каждый цветок в этом дворе сажала своей рукой. Потому и болит душа.

Домла засмушался, закашлял:

— Я понимаю, доченька, я все понимаю.

— Что ж делать, пусть вам живется здесь долго! — Надира потянула за руку продолжавшего хныкать мальчонку и вышла со двора.

Кудратходжа громко цокнул языком:

— Вот она, твоя справедливость! Тут она вся! Не было ее раньше, не будет и теперь!..

Домла резко обернулся. Злобный смех Кудратходжи унес все его сомнения.

— Нет! — крикнул он, выпрямившись во весь рост. — Была, всегда была справедливость! И ты ее, между прочим, отведаль сполна. Она была и тогда, когда ты понаоткрывал лавки в годы нэпа, сдирал шкуру с бедняков! Она была, эта справедливость, и когда ты выкрал красавицу Айнису у бедняка дехканина! Только ты не следовал ей. А помнишь ты, ходжа, что случилось с несчастным мужем Айнисы, когда со своими подкупленными головорезами ты увез ее? Бедный парень повесился на кладбищенской чинаре. Ты помнишь это, ходжа?..

— Помню, профисор, как не помнить. Но только...

— Вон с глаз моих! — зарокотал Нормурад.— Вон, пока не встретимся на том свете на твоём мосту Сират!

Нормурад-ата был страшен. Большой, весь взъерошенный, с поднятым над головой кулаком. Кудратходжа, ощерясь, попятился от айвана к воротам. Нормурад Шамурадов, не опуская кулака, шагнул за ним и вдруг бессильно опустил на ступеньку, в сердце резко и больно колынуло. Старик долго сидел, уронив голову. Внутренний голос терзала, терзал душу. Он, Нормурад Шамурадов, конечно, прав, тысячу раз прав! Обидно, что не смог сейчас положить на лопатки ходжу. А причиной тому Атакузы — этот дом, этот сад! Ходжа, шелудивый пес, подхватил оброненную кость и твякает теперь на весь свет.

Он приподнялся, чтобы встать, и в этот момент открылась садовая калитка — пришла Алия. Она сразу поняла, что дяде плохо, быстро подбежала к нему:

— С сердцем нехорошо? Сейчас принесу лекарство...

— Не надо, пройдет. Уже лучше... Атакузы дома?

— Уехал в степь, еще затемно,— Алия, склонив голову к плечу, с нежностью глядела на старика. Домле всегда нравилась эта ее особенность — склонять голову.— Не беспокойтесь, все будет хорошо, Атакузы-ака уже велел привести в порядок ваши книги.

— Я не о книгах. Этот дом он взял с согласия хозяев?

Голова Алии опустилась ниже.

— Не знаю. Они получили квартиру на краю кишлака. Только там еще нет водопровода и газ не провели.

— Так зачем было их сгонять с насиженного места?

— Он думал о вас...— На лице Алии выступил румянец.— Вам же нужен уход...

Слова ее и то, как она произнесла их — робко и нежно,— снова тронули старика.

— Спасибо вам, доченька,— сказал он мягко.— Вы не думайте, я ценю вашу доброту. Очень ценю ее. И все-таки не надо было из-за меня обижать людей. О! — застонал Нормурад-ака.

Лицо Алии вспыхнуло.

— Пойдемте чай пить, дядя... К нам приехал Уразкул-ака, ждет вас.

«Наверно, по этому же делу пришел. Дожил я, дожил!..»

2

Каждый раз, заходя в дом Атакузы, домла чувствовал себя неловко. Из-за Хайдара. Он сейчас в отпуске и задержался в доме отца. Хотелось побеседовать с джиеном, поехать вместе в степь — посмотрели бы оросительные работы и там, на месте, заново обсудили его диссертацию. Но Хайдар будто не замечал домлу, не здоровался. Вот и сейчас — чуть ли не нос к носу столкнулись у колодца. И Хайдар круто свернул в сторону.

Домла остановился в нерешительности, думал пойти обратно, но Уразкул, сидевший на айване, уже заметил его, встал с места.

В озорных, как прежде, глазах, на свежих, будто румяное яблоко, щеках, в уголках губ под редкими усамн запрыгала лукавая улыбка:

— Зачем согнулнсь так, мулла Нормурад! Кто же за унылого старика замуж пойдет?

— Что-что? — не понял домла.

— Еще притворяется! А ушам нравится, как сливочное масло желудку. Да распрями, говорю, распрями плечи! Сейчас и старухи стали разборчивыми, не за богатство идут, выбирают с фигурой!

— У меня одна надежда — скорее бы соединиться с моей старушкой.

— Нужен Гульсаре-биби такой мямля! Думаю, ей тоже понравится старик пободрее! — рассмеялся Уразкул. Но тут же посерьезнел: — Собирайся в путь. Вижу, ты совсем извелся. В горы поедем, проветришься хоть немного... Правду сказать, прихворнул там наш Прохор. Поедем, навестим больного, заодно и проветримся.— Улыбка в уголках губ Уразкула медленно угасла.— Немного нас осталось. Раз-два — и обчелся. Надо держаться друг друга, дорогой Нормурад!

Насчет дома Уразкул не проронил ни звука. .

Между друзьями должно быть все открыто, недомолвки портят дружбу. Домла собрался уже завести прямой разговор, да подумал: «Поговорим по дороге, там будет свободнее».

Он переоделся, вышел на улицу. Уразкул ждал у ворот, держа под уздцы двух серых ослов.

— «Волги» поданы! — объявил, посмеиваясь.

Нормурад на миг заколебался. «Пророк на осле! Пожалуй, попадешь ходже на зубок». И сразу одернул себя: какое это имеет значение? Взял в руки плетку.

— Когда же это мы доберемся до гор на твоих «Волгах»?

— Садись, садись, всего-то каких-нибудь девять верст, доплетемся!

Солнце уже успело подняться выше тополей, асфальтированная дорога, политая водой, блестела, точно покрытая лаком. Улицы оставались в тени. Кроны чинар и белых тополей слились так, что и солнечному лучу не пробиться.

Уступая дорогу грозно ревушим самосвалам и легким, бесшумно скользящим «Москвичам», старики неторопливо ехали у самой обочины. Не так то уж и давно, кажется, люди глазели, разинув рты, на автомобили, а теперь те же люди, так же разинув рты, смотрят на двух старцев, восседающих на ишаках, и подмигивают друг другу.

Асфальтированная дорога оборвалась перед лощиной. Друзья поехали вдоль русла, свернули к горам.

Домла надеялся, хоть после кишлака убавится движение машин. Но нет, груженные гравием самосвалы, тяжелые «МАЗы» со строительными материалами непрерывным потоком шли в сторону Минг булака, дико ревели, отравляя свежий утренний воздух черным выхлопным дымом.

Домла нервно потряс головой:

— Что тут происходит, Уразкул? Разве в горах открыли какие-нибудь залежи?

Уразкул ехал чуть впереди, медленно покачиваясь в такт шагам осла. Не оборачиваясь, ответил:

— А ты до сих пор не знаешь? В Минг булаке будет животноводческая ферма.

Домла слышал: где-то между кишлаком и горами задумали строить гигантский животноводческий комплекс, хотел даже поехать туда посмотреть, но так и не собрался, отвлекли другие заботы. А сейчас услышал, и кольнуло под ложечкой, заныло.

Два места в кишлаке особенно дороги были ему. Одно — русло лощины, вдоль которой ехали сейчас, где когда-то на берегу речки стояли две мельницы-соседки. Другое — урочище Минг булак, с его джидовыми и арчовыми рощами.

Рожденное самой природой, нетронутое, полудикое урочище одним краем своим уходило в степь, другим упиралось в горы. Внизу — громада вечнозеленой рощи, а по склонам пояс из горькой арчи, карагача. Тополи, тутовник, джида спускались к прозрачным, как стекло, бесчисленным родникам. Родники — тысяча родников! — били из-под земли и сливались друг с другом в небольшие озерца-хаузы, в целые цепочки хаузов. Вода в них была особенная — ледяная, чистая, зеркальная. Человек, окунувшись в такое озерцо в самом жарком месяце — саратане, молодец на десять лет. Трава на полянах среди родников — густая, пахучая, сочная, не увядала, не желтела даже в пору саратана. Колхоз все лето косил и не мог скосить здешние луга...

У богачей в кишлаке, вроде Вахидходжи — отца Кудратходжи, было заведено летом выезжать на Минг булак. Ставили у родников громадные белые юрты — изделия соседей-киргизов, в душистых, сочных лугах привязывали белых кобылиц и посиживали, потягивали кумыс. Вечерами, особенно ближе к осени, устраивали в степях за Минг булаком улау — козлодранье. Земля, бывало, тряслась от конского топота, степь оглашало гиканье наездников, ржание могучих аргамаров...

А сколько там было птиц! На белых тополях селились аисты, вили свои огромные, похожие на чалмы гнезда; бесчисленные перепелки сновали в траве... В каждом кусте шелкал соловей, а среди зарослей камыша водились дикие утки, гуси. Из степи слетались к воде чернобрюхие рябчики, фазаны... А как передать запах джиды в Минг булаке! Серебристо-нежная джида расцветала поздно, накануне лета, и в те дни не только Минг булак — всю округу, весь мир заполнял тончайший, ни с чем не сравнимый аромат.

Едет-покачивается на осле домла и вспоминает былое. В конце двадцатых годов в кишлаке был организован «Союз бедняков». Председателем его стал Нормурад. Однажды летом выехал с семьей сюда, в урочище. Поставил юрту. Впоследствии пришлось ему немало выслушать упреков за эту самую юрту в Минг булаке — баям подражает. Но то лето с его рассветными часами, когда водил под

уздцы кобылицу по росистому пахучему лугу, на всю жизнь осталось в памяти. Как радовался, прыгал шестилетний Джаббар, когда шли ставить силки на перепелок.

Не только Нормурад, во всей округе не было человека, который не зачерпнул бы тибетейкой, не отведал воды из родника. Кто не спал бы хоть раз сладчайшим сном в летний зной в прохладных его зарослях под сенью арчи или джиды, под щебет и трели его птиц!

Что же это за люди! Здесь, именно здесь собрались строить свой животноводческий комплекс! Неужели не нашлось иного места, кроме этого чуда, созданного самой природой?

Дорога обогнула Минг булак и зазмеилась, поднимаясь в горы. Когда одолели первый виток подъема, Уразкул остановил ослика:

— Гляди!

Отсюда, сверху, было хорошо видно почти все урочище. Домла натянул поводья. Он посмотрел назад, куда указывал Уразкул. Широкий, покрытый гравием тракт, саблей прорезав зеленые луга Минг булака, поднимался на холм. Там сновали, как муравьи, люди, двигались десятки машин.

Домла беспокойно заерзал, будто в седло попала колючка. Этот тракт, по которому с надсадным ревом двигались груженные самосвалы, эти деревья, поваленные на землю, напоминали Нормураду о некоем пожелтевшем бумажном листе. Его передал домле в позапрошлом году Прохор, выудивший откуда-то редкий документ.

Это была телеграмма, заверенная туркестанским генерал-губернатором и адресованная белому царю. Подписали ее знаменитый андижанский богач Миркамилбай и заводчик-миллионер Морозов. Учитывая тот факт, сообщалось в телеграмме, что из-за бесконечных забастовок в шахтах империя страдает от нехватки угля, верно-подданные его величества Миркамилбай и Морозов заготовили миллион кубических саженой угля из арчовых деревьев. Этот уголь по калорийности не уступает каменным углям и может обеспечить топливом паровозы на несколько лет вперед.

Прохор надеялся, что домла выступит со статьей, которая была бы вдвойне полезна. Еще раз открыла бы лицо купцов-хищников, безжалостно губивших природу, но главное — привлекла бы симпатии читателей и начальства к любимице Прохора — горной арче. «Надо смотреть в будущее,— говорил он,— очень боюсь нынешней техники!»

Нормурада телеграмма взволновала не меньше Прохора. Он обещал написать статью. Но вышло иначе. Роясь в архивах, он натолкнулся на новые материалы, на голову бедной арчи выпадали еще большие беды, и притом с незапамятных времен. Начало их уходило в глубь веков, когда полчища Чингисхана нагрянули в цветущие оазисы Средней Азии. Уже тогда немало горных хребтов было оголено. Зимние холода и голод не щадили пришельцев, а они не щадили лесов.

Всю жизнь бился домла над проблемой растущего дефицита воды. Дотошно изучив исторические документы, он лишний раз убедился — эта проблема в значительной степени связана с оголе-

нием горных массивов. Теперь уже пришлось писать не статью, а целую книгу. Он и начал эту книгу, но работа затянулась. Прохор конечно же спросит о статье.

— И надо же! — воскликнул Уразкул, словно отвечая мыслям домлы. — Нашли место, где строить фермы!

«Вредительство! Вражеская рука!» — подумал домла, загораясь гневом. И одернул себя: эти обвинения когда-то пришлось выслушать и ему. Какие там враги! Просто безмозглые недотепы, равнодушные к родной земле.

— А ну-ка, друг, подстегни своего аргмака, — сказал Уразкул. — Подъезжаем к Прохору.

Лесничество от Минг булака отделял всего лишь один холм. За холмом начинался небольшой сай — лощина, она переходила в миндалевую рощу, — там и располагалась «резиденция» Прохора.

Старики одолели лощину, где россыпью белели юрты, паслись стреноженные кони, и теперь подъезжали к миндалевой роще. Чуть в стороне на берегу речушки стояли два газика. У машин беседовали несколько человек — городские, со шляпами в руках. Говорили громко. Вдруг их голоса покрыл визгливо-дребезжащий крик, он доносился из рощи:

— Нет! Спасибо! И на похороны мои можешь не приезжать!

— Прохор! — Уразкул удивленно покачал головой. — Что-то он разбушевался!

В группе, стоявшей у машин, был и директор института Поликарпов, сын Прохора. Он первый заметил известного профессора, восседавшего на ишаке, и на миг растерялся. Но только на миг — заулыбался приветливо, поспешил навстречу:

— Нормурад Шамурадович! Как здоровье?

— Спасибо, сынок... Что тут у вас происходит?

— Да ничего особенного, — смутился Поликарпов. — Вы же знаете своего старого друга. Попросил меня кое о чем, я сказал: ничем не могу помочь, вот ваш друг и раскричался.

— О чем речь?

— Очень кстати мы встретились, — сказал Поликарпов, будто не расслышав вопроса. — Докладная ваша пошла из министерства еще выше.

— Так-так... — заволновался домла.

— Сейчас знакомятся на самом верху. — Поликарпов блеснул глазами. — Как только будут новости, мы сразу пришьем кого-нибудь. Словом, кончайте скорее монографию.

— Я хотел бы поговорить...

— Я тоже. Но... Извините, домла, там ждет министр. — Поликарпов повернулся к машине. — Мы в степь. Я еще приеду. Обязательно.

Пришлось домле проглотить обиду. Собрался было поговорить о работе, но куда уж тут — министр!..

За миндалевой рощей, на склоне горы, там, где росли, борясь за каждый клочок каменистой почвы, горная арча, лещина, боярышник и дикие яблони, белели три домика лесного хозяйства. У ближнего под громадным вязом стоял сухопарый старик среднего роста и угрюмо

смотрел на гостей. Рыжеватые волосы его были взлохмачены, совсем как у современного модника.

— Вот это да! — рассмеялся Уразкул. — Мы спешим, мы торопимся к больному, а больной ржет и роет копытом землю!

Прохор ударил по воздуху рукой, пошел навстречу гостям.

— Ты что это так раскипятился? — спросил домла.

Прохор снова резко, наотмашь рубанул воздух.

— Видели Минг булак?

— Ну?

— Если видели, должны понять. О том и разговор. Я сказал сыну — вред ведь какой! Объяснил — плохое дело здесь затевают. Ты, говорю, тоже не пешка, директор института как-никак. Замолви слово где надо!

— И что же он? Говорит, теперь уже бесполезно?

Прохор с удивлением посмотрел на Уразкула:

— Ты-то откуда знаешь?

— А я все знаю, брат!

— Нет, не все! — В голубых глазах Прохора зажглись искры, рыжеватые усы встопорчились. — Бесполезно или нет, но я это дело так не оставлю. Писать буду! До самой Москвы дойду! Да, кстати... — Прохор вдруг уставился на домлу. — Кстати, как там со статьей?

— Статья... Статья пишется.

— Два года пишется! Признался бы: не пишется она у тебя, племянничка любимого бережешь.

— Слушай, Прохор!..

— Слушай, достаточно слушал! Нету прежнего Нормурада, умер. Наш Нормурад не сидел бы сложа руки. Что там племянника — сына не пощадил бы. А племянник твой хорош! Умный ведь, кажется, человек...

— Это ты про Атакузы? — спросил Уразкул. Он стреножил ослов и подошел к вязу. — Был, как говорится, умным, а стал умником!..

Домла вспомнил только что увиденный кишлак: прямые как стрелы улицы, празднично белые дома. Сказал горько:

— Нет у людей совести, вот что, Уразкул. Племянник мой покоя не знает — какой кишлак построил...

— Построил-благоустроил... Ну и что? Теперь можно и людей топтать?

Домла опустил голову. Все ясно. Под большой чашей скрыта маленькая. Дом!..

— Я понимаю твою обиду, Уразкул...

— Брось, не за дом я обижен, — Уразкул, тряся реденькой бородкой-клином, наскочил на домлу как петух: — Если хочешь знать, я и невестку отругал, чтоб не устраивала скандалов из-за какого-то дома. Живи себе в нем на здоровье. Речь не о том, про Атакузы говорю. Человека он ни во что ставит. Покажется ему, что кто-то поперек дороги стоит, — вздохнуть не даст. За что, скажи, сына сослал в степь? Да не тараша, не тараша ты на меня глаза, Нормурад. Пусть Атакузы тебе хоть сто раз племянник, плевал я! — Гневно взметнув лапами чапана, Уразкул зашагал к поляне, где паслись стреноженные ослы.

Прохор остолбенел — очень уж неожиданно грянул скандал. Во-

дил глазами — на растерянного Нормурада, на Уразкула, а тот уже седлал своего осла.

— Эй, Уразкул, ты что, взбесился на старости лет? — очнулся Прохор.

— Хватит с меня! Покорно благодарю!..

— Только и недоставало, чтобы еще мы перессорились.— Домла мешком упал на пень, посмотрел с мольбой на Прохора: — Задержи этого упряйца, Прохор! Прошу тебя!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Уже у калитки Шукурова остановил голос жены:

— Товарищ Шукуров!

Махбуба так называет мужа, когда она в шутовском расположении духа. Это повелось еще с первых дней брака.

Шукуров обернулся. Махбуба только что поднялась с постели — яркий шелковый халат, ноги в легких босоножках. Поправляя на ходу белыми оголенными руками рассыпавшиеся волосы, она спешила к мужу.

— То все ночами ждала, не могла дожждаться вашего величества, а теперь по утрам приходится караулить, уходите ни свет ни заря.

От нее веяло теплом постели и еле уловимым цветочным ароматом. Большие серые глаза озорно блестели. Шукуров невольно поддался шутовскому настроению жены, подхватил:

— Ваш покорный слуга хранил сон своей ханум. Потерпите немного, пройдут эти суматошные дни, начнем отчитываться перед вами за каждую минуту, вам еще надоест, ханум.

— Премного благодарны! — Махбуба, продолжая улыбаться, низко поклонилась.— Что ж поделать? Приходится нести бремя супруги первого секретаря. Все понимаем.

— Люблю сознательных женщин!

— А как гость из обкома? Приедет?

— Должен приехать. Только мы с ним махнем прямо в степь.

— Не зазимуете же в степи? — Махбуба звонко залилась, довольная своей острогой.— И Джамал-ака вроде бы приехал. Хоть и бывший, а как-никак заместитель министра...

Шукуров успел уже наслышаться о Бурибаеве, и сейчас мгновенно всплыли в памяти эти разговоры. Если правда хоть десятая доля того, что слышал, выходит, Атакузы, рассказывая о нем в Ташкенте, умолчал о главном, скрыл самое страшное — преступление, на которое пошел Бурибаев, чтобы заполучить приглянувшуюся девушку. Видно, Атакузы наступил себе на язык, вспомнив о предстоящем родстве.

Прощаясь с тестем в его ташкентском доме, Шукуров и не предполагал, что в тот же день встретится с Джамалом Бурибаевым. Однако председатель «Узсельхозтехники», который принял Шукурова, пере-

слал его просьбу Бурибаеву. И вот встретились. Из-за стола к Шукурову шагнул солидный, привлекательный с виду человек. Несмотря на заметную полноту, Бурибаев казался статным, молодежавым. Лишь серозеленые глаза навывкате оставляли ощущение некоего холодка, настораживала излишняя ухоженность гладкого белого лица.

Просьбу Шукурова выслушал внимательно. Правда, ничего конкретного не обещал, отделался общими словами, вроде «учтем», «постараемся помочь». Провожая к двери, держался с тактом, показал даже уважение к посетителю. Однако вот уже два месяца прошло, а ничего так и не сделал. Мгновенно вспомнив все это, Шукуров спросил жену не без раздражения:

— А зачем приглашать его в гости? Может, чем-то обязаны ему?

— Ничем не обязаны. Просто случай такой, приехали уважаемые люди из столицы, из области. Как же не пригласить? Сколько времени, как мы тут, а все затворниками живем. Кое-кто из руководящих уже намекал: пора бы встретиться и на нейтральной почве...

— С каких это пор руководящие работники стали обращаться к вам с такими намеками?

Перегнула! Махбуба мгновенно уловила это. Перевела поскорее разговор на шутку:

— Не волнуйтесь, не сами руководящие намекают. У них жены есть.

— Так пусть они и приглашают, раз им...

— Им неудобно.

— Это почему же?

— Потому что...— Махбуба улыбнулась: какой наивный, простых вещей не понимает! — Потому что... ну, вы первый человек в районе. Они стесняются...

— Очень хорошо, пусть стесняются! Это тоже не вредно.— Шукуров резко повернулся, открыл калитку.

Верхушки пирамидальных тополей, обступивших улицы, уже купались в лучах солнца, но низкорослые шелковицы, обрубленные весной, а теперь вновь зазеленевшие, оставались еще в тени. Прохожих было мало, встретился лишь сторож у магазина да около райкома дворник поливал из шланга цветник.

Райком располагался недалеко от дома, Шукуров ходил на работу пешком. Шел обычно не торопясь, здоровался с людьми, приходилось перекинуться и словами. На этот раз шагал, ничего не замечая. Из головы не выходил разговор с женой, мешал сосредоточиться на делах.

Получилось не очень хорошо. Молодая ведь женщина, естественно, ей хочется пригласить гостей, расширить круг знакомых. Пускай увидят, какая щедрая хозяйка. Что тут плохого? Ведь делит же без ропота нелегкую жизнь кочевника-мужа. Сейчас-то она попала в хороший, благоустроенный район. А приходилось и потуже, когда он работал на целинных землях Каршинской и Сурхандарьинской областей. Махбуба и там делила с ним все тяготы. А главное, было же время, он готов был отдать жизнь ради одной ее улыбки. Да, да, отдать жизнь! Это чистая правда. Тогда он, рабочий парень, круглый сирота, трепетал перед отцом Махбубы, боялся, что солидный ученый, известный человек не

отдаст за него любимую дочь! Было такое, было... И все же, все же... И Махбуба теперь не та, не прежняя Махбуба. Что-то переменялось в ней. Откуда это новое, непонятное ему желание «быть первой»?

Она врач-гинеколог. Везде, где бы они ни жили, работала по своей специальности. И здесь тоже. Работала спокойно, хорошо. И вдруг с месяц назад заявила в райком.

Нарядилась будто в театр: руки — в кольцах, уши — в серьгах. Была она чем-то взволнована, в глазах необычный блеск. День выпал приемный. Народу полно. Пришлось попросить извинения у посетитель, увести жену в соседний кабинет.

— Что случилось?

— Ничего... — Махбуба засмеялась, сияющими глазами повела вокруг. — Просто захотелось поглядеть на ваш кабинет! В общем, товарищ Шукуров, есть одна просьба к вам. Только... — Махбуба зарделась. — Только не рассердитесь?

— Ну!

— Нет, нет, товарищ Шукуров! Обещайте, что...

— Ну, хоп, обещаю!..

— Спасибо. Так вот... Наш главный врач уходит на пенсию, вы знаете?

— Ну и что? Хотите кого-то предложить?

— Да...

— Вот как! Этот вопрос решает не райком, а облздрав. Неужели те, кто послал вас сюда, не знают? Ну, предположим, не знают. Кого же они хотят предложить?

— Меня.

— Что-о? — Шукуров готов был расхохотаться. Но, взглянув на жену, осекся — она побледнела; прищурив глаза, серьезно, ожидающе смотрела на мужа. — Вот что, ханум, бросьте эти шутки...

— Почему же шутки? — В глазах Махбубы неожиданно блеснули слезы. — Вы думаете, я не смогу справиться с этой должностью? Считаете, я глупее других?

Шукуров все еще не мог отделаться от шутливого настроения. Жена пришла к нему в райком просить высокий пост! Да разве это можно было принять всерьез?

— Нет, ханум, вы конечно в тысячу раз умнее, красивее других...

— Ничего смеяться!

— Зачем же вы сами смешите?..

— Разве то, что я сказала, так смешно?

— Если не смешно, то из рук вон плохо! — неожиданно для себя отчеканил Шукуров. — Приходите ко мне, к своему мужу. И зачем? Я должен вам устроить место главного врача! Надо же додуматься!

У Махбубы обиженно задрожала нижняя губа. Попыталась было что-то сказать, но не смогла, выскочила из кабинета.

Вечером того же дня Абрам Шукурович долго беседовал с женой. Махбуба вроде бы поняла, что перегнула палку, и даже сама посмеялась над нелепой своей просьбой.

Но все-таки удивительно — раньше за ней не наблюдалось такого. Во всяком случае, он не замечал, чтобы она так жадно желала быть

первой, чтобы стремилась к роскоши, блеску. Может, сработали дремавшие в ней родительские гены? Шукуров вспомнил: ведь не раз уже он подмечал в доме тестя некоторую чрезмерность во всем: и в обстановке, и в самом поведении доктора наук Мирабидова...

Шукуров шел, углубленный в свои думы.

— Абрарджан! — прервал его мысли чей-то голос. У небольшого фонтана на площади перед новым двухэтажным зданием райкома стоял тот самый старый председатель колхоза, Аксакал, который вскоре по приезде Шукурова приходил к нему с жалобой на Атакузы по поводу мрамора.

Аксакалом, то есть белобородым, его прозвали не только из-за почтенного возраста, но и за длинную, заботливо соблюдаемую серебристую бороду. Раис сегодня оделся что-то очень торжественно — новый просторный китель весь увешан орденами и медалями, над ними поблескивает маленькая Звезда Героя, хромовые сапоги отполированы, на бритой голове новая тюбетейка, а уж как сегодня промыл и расчесал пышную белую бороду — каждая волосинка блестит.

«Ага, прискакал уже!» — подумал Шукуров, вспоминая не совсем приятный разговор, который на днях вышел у него с первым секретарем обкома.

— Я слышал, вы там обижаете нашего почтенного Аксакала, — прямо в упор начал секретарь.

Шукуров не сразу и сообразил, о ком идет речь. Поняв, начал было объяснять суть дела. Но секретарь не стал слушать.

— Я, конечно, понимаю. Атакузы Умаров толковый хозяин, и мы всячески поддерживаем его. И заслуги...

— Дело не в заслугах, — не выдержал Шукуров. — Беда в том, что я сам очутился в положении Атакузы Умарова.

— Не понял вас.

— Плохо со снабжением, из рук вон плохо! Это и толкает людей на разное... ну, что ли, предпринимательство.

— Надеюсь, вы лично еще не преуспели в таких делах?

— К сожалению, начисто лишен предпринимательского таланта, — засмеялся Шукуров. — Зато и положение в районе — катастрофическое. Особенно с удобрениями.

— Ну, насчет катастрофы вы, конечно, преувеличиваете. Я прочел вашу записку. Рассмотрим ее на бюро. А пока прошу подумать вот над чем. Не слишком ли много валим мы на эти самые неурядицы? Некоторые из раисов в вашем районе разрешают себе куда больше дозволенного, не стесняются и закон нарушать. Есть один нехороший сигнал, касается Атакузы Умарова. К вам на днях придет Бекмурад Халмуратович. Разберитесь! А Аксакала не обижайте!..

И вот уже Аксакал здесь. Шукуров пропустил раиса в дверь своего кабинета на втором этаже.

«Даст он себя в обиду! Дождитесь! Тот же Атакузы — одно тесто, разве что разной выпечки. Любопытно: скажет, что был у первого, или промолчит?»

Промолчал. Маленькие глазки хитро сияли из-под густых нависших бровей. Пришел он просто проведать уважаемого нового секретаря.

Может, у дорогого Абрарджана есть какие-нибудь замечания по его работе? Ведь не зря говорится: ум не от возраста зависит, а от головы. Он считает — очень правильные эти слова. Вот и сам он, несмотря на почтенный возраст, впадает иной раз в ошибки, глупостей делает немало.

Тонкий ход! Спешит опередить возможный упрек. Абрар Шукурович улыбнулся. Пословица пословицей, но вот он, секретарь, действительно нередко ошибается, ему бы очень кстати были советы таких умудренных опытом руководителей, как Аксакал. Дипломатический ход, видимо, удался, и раис приступил к делу. Оказывается, опять пришел с жалобой. И опять на Атакузы, хоть и преклоняется перед его умом, хозяйственной хваткой и дерзостью. Выяснилось — Атакузы снова перехватил то, что предназначалось колхозу Аксакала. На этот раз — дефицитные трубы для газификации кишлака.

Шукуров дал слово — разберется. Записал при Аксакале в блокнот. Под конец не удержался и от шутки:

— Как же это вы так, бывалый раис, уважаемый всеми аксакал — и дали обойти себя Атакузы?

Сказал — и сразу пожалел. В маленьких глазках-стеклышках, прикрытых седыми бровями, мгновенно заиграли ехидные огоньки. Улыбаясь в пышные усы, Аксакал ответил:

— У него ведь хандаляшки! Много хандаляшек!

Вот оно как! Шукуров поспешил закруглить разговор. Проводив раиса, он долго ходил по кабинету.

Аксакал в своей жалобе на Атакузы, конечно, прав. Прав и первый — не годится вершить незаконные дела, прикрываясь хозяйственными неурядицами. Но ведь и сами неурядицы существуют — это тоже правда, от которой не уйти. Именно они и толкают на разные хитрые ходы. Значит, в первую очередь надо бороться с причиной, которая привела к нежелательному следствию. Об этих неурядицах Шукуров писал и в обком, и в Госплан, а результат, как говорится, равен нулю!..

В дверь тихо постучала секретарша:

— Тут пришли двое. Говорят, из Ташкента.

— Из Ташкента? («Не тесть ли?» — подумал Шукуров.) Пусть заходят.

В кабинет вошел длинный, тощий мужчина лет тридцати, с загорелым дочерна лицом. За ним — девушка с высокой прической из мягких каштановых волос.

— Доцент Абидов,— представился темнолицый посетитель.

Девушка подняла большие печальные глаза на Шукурова и тут же низко опустила голову.

— Пожалуйста, присаживайтесь...

— Спасибо,— девушка села на стул, одернула подол короткого ситцевого платья без рукавов.

— В-вот что... Мы к вам с просьбой! — Доцент, волнуясь, пригладил свою взлохмаченную густую шевелюру.

Шукуров не сразу разобрал, в чем его просьба. Наконец понял следующее: он, доцент университета Сакиджан Абидов, уже много лет работает над биологическим методом борьбы с вредителями хлопка и

теперь приехал к знаменитому миллионеру-председателю (при слове «миллионер» доцент саркастически усмехнулся), хочет в колхозе, где широко поставлено хлопководство, испытать результаты своей работы. Есть и еще одна причина, почему выбрал именно этот колхоз. Вот эта девушка, Латофат. Здесь ее родной кишлак, здесь она родилась и выросла. В этом году окончила университет...

Латофат... Он уже слышал это имя. И не так давно. Ах да, это же дочь Бурибаева и той красавицы, из-за которой погиб сын домлы Шамурадова. Будущая невестка Атакузы!..

Шукуров, не поворачивая головы, искоса взглянул на Латофат. Удивительные глаза — огромные, грустные. Ну, если мать ее в молодости была такой же, можно представить себе боль и горечь джигита. Джаббар — так, кажется, звали его...

— Простите, товарищ Шукуров, я вижу, вам не интересна наша идея... — доцент Абидов дернулся к двери.

— Нет, нет, очень интересна. Так что вы собираетесь здесь делать?

— Я уже сказал — испытывать биологический метод борьбы с вредителями, в частности с совкой. Кому-кому, а вам должно быть известно, какое это зло для хлопчатника. Надеюсь, вы представляете себе, что ядохимикаты — палка о двух концах. Бьют не одну только совку. А мы привезли вот что, — он вынул из кармана стеклянную банку с какой-то зеленовато-желтой пылью, потряс ею перед Шукуровым. — Здесь мушки-трихограммы. Мы развели в нашей институтской лаборатории. Злейший враг совки. Трихограмма обыкновенная, яйцеед. Вы, может быть, замечали — на нижней части стебля иной раз приклеена цепочка блестящих желтых яичек, вроде пшена? — Доцент увлекся и теперь совсем не заикался. — Это яички совки. Вот мы придем с этой банкой на поле и выпустим своих мушек. Ветер быстро их разнесет... А через неделю приходите, увидите: желтые яички совки станут черными. И из них теперь не совки вылетят, а такие же трихограммы. Вот и все! Трихограмма может уничтожить до девяноста процентов яиц вредителя. А то и до ста. Представляете? — Абидов торжественно замолчал, наблюдая, какое действие его слова произвели на хозяина кабинета.

Шукуров с неожиданно вспыхнувшим интересом следил за странноватым доцентом.

— Очень интересно, — повторил он. — А с председателем вы уже говорили?

— Да, все в порядке. У нас договор. Колхоз отвел нам небольшой участок...

— Так в чем нужна моя помощь? Может, свести вас с руководителями районного отдела защиты растений?

— Благодарю вас, спасибо! — тонкие губы Абидова насмешливо искривились. — Нам известны эти паникеры!

— Паникеры? — не понял Шукуров.

— А как же иначе? Появится в поле один-единственный клеш или бабочка — и уже поднимают шум на весь мир: спасите, горим! Известна причина этого шума!

— И в чем она?

— Да в том... выполнять нужно план! План по протраве! Ядами травить поле надо. А чтобы разрешили сыпать ядохимикаты, шумят, пугают: погибаем, весь мир заполонили совки!

Узкое, обтянутое темной кожей лицо Абидова пылало румянцем, глаза светились. «Дервиш! Дервиш, беседующий с нечистой силой!» — мелькнуло в голове Шукурова. Но этот «дервиш» заинтересовал его. Говорил о вещах, которые и самого Шукурова тревожили. Он невзначай взглянул на Латофат. Что с нею случилось? Чистое, нежное, цвета пшеничного зерна лицо порозовело. Печальные глаза странно блестящие, в них был восторг. Этот тощий, темнолицый заика, похоже, задел что-то в ее душе!..

— Ладно! — Абидов махнул длинной рукой. — Сейчас я к вам по другому вопросу. Латофатхон окончила недавно университет. Специалист она способный, вполне могла бы стать хорошим ученым, если бы захотела...

— А разве она не хочет? — Шукуров улыбнулся Латофат.

— Не хочет! Собирается замуж за сына того самого...

— Домладжан! — девушка умоляюще сложила руки.

— За сына самого передового, самого сознательного, самого лучшего председателя-миллионера. Ну, не будем об этом! — Абидов странно дернул шеей. Шукурова поразила боль в его голосе. — Хочет замуж — пусть выходит. Это личное дело. Но чтоб она не затерялась в апартаментах своей свекрови-миллионерши, прошу вас помочь в одном деле.

— А именно?

— А именно открыть здесь лабораторию, где можно было бы исследовать биологические процессы, происходящие на ваших полях, и размножить личинки той же мушки-трихограммы. Я понимаю, задача эта не входит в компетенцию района. Такими делами занимается Министерство сельского хозяйства. Но в ваших возможностях подсказать им, подать, так сказать, идею. Вы же знаете, сейчас во всем мире, и в нашей стране в том числе, серьезно занялись вопросами биологического метода борьбы с вредителями сельского хозяйства...

Глаза девушки снова засияли. Шукурову очень захотелось помочь ей.

— Дело перспективное. Но пока...

— Раз перспективное, зачем же тянуть, надо сейчас уже закладывать фундамент! — подхватил Абидов. — Вы не думайте, для этой лаборатории не потребуется много средств. Достаточно трех-четырёх работников. Латофатхон, к примеру, будет заведовать. Потребуется еще лаборантка-методист и агроном, энтомолог... Годовая зарплата на всю лабораторию, включая сторожа и уборщицу, не составит и десяти тысяч рублей.

— А оборудование?

— Да что там оборудование! Один холодильник, два термостата, колбы-молбы, шкафы-мафы — вот и все оборудование!

Шукурова все больше удивлял этот доцент. Он, как видно, знал дело досконально. Сам Шукуров масштабы расходов на лабораторию представлял себе совсем иными.

— А вы не пробовали говорить об этом в министерстве?

— Сколько колхозов в районе? — доцент, казалось, не услышал вопроса.

— Девять колхозов и шесть совхозов...

— Столько хозяйств! Неужели они не смогут выделить двадцать тысяч рублей ради такого нужного и благородного дела?

— Атакузы-ака... — начала было девушка и покраснела, — может помочь.

— Ну что ж, это все хорошо. Но так или иначе вопрос надо ставить перед министерством...

— Вот вы и поставьте! Самый передовой секретарь самого передового района, кому же еще, как не вам...

— Откуда взяли, что я передовой секретарь?

Абидов снова скривил тонкие губы:

— Первый раз встречаю человека, которому не нравится слово «передовой»!

Шукуров не успел ответить — зазвонил телефон. Секретарь обкома Халмурадов, оказывается, приехал уже в колхоз Аксакала и ждет его. Шукуров начал собирать бумаги.

— Вот что, домла Абидов. Если вас не затруднит, зайдите еще раз. Поговорим обстоятельно.

Посетители ушли. Шукуров достал из сейфа папку с копией своей записки в обком, стоя перелистал ее. Нашел страницу, где говорилось о неурядицах в снабжении, об опасном разрыве между планом и реальностью в работе хозяйственных и строительных организаций. В одном месте упоминалось и имя Халмурадова. «Секретарь обкома по сельскому хозяйству Халмурадов и подведомственный ему отдел не всегда четко и оперативно решают наболевшие вопросы...»

Предстоял нелегкий разговор.

2

Атакузы был доволен вдвойне. Созванная обкомом летучка прошла в его штабе — это первое, а второе — перед летучкой секретарь обкома в сопровождении съехавшегося из обкома и райкома начальства обошел его хлопковые поля, участки, засеянные клевером и бахчевыми.

Молодые деревья, освобожденные от песка, подросли; хлопчатник, оберегаемый ими от горячих степных ветров, зеленел во всей красе. Поля Атакузы очень выигрывали по сравнению с чахлыми посевами вновь созданных совхозов. Известно, рядом с некрасивой девушкой всего лишь миловидная и та покажется красавицей. Вот так и у Атакузы — по сравнению с посевами новых совхозов его поля казались райскими садами. А то, что совхозы начали работу недавно, можно сказать, весной этого года, — кому до этого дело? Раз начальству нужны примеры — такие мелочи обычно в счет не берут, Атакузы знал это.

Особый восторг вызвали хандаляшки. Атакузы подвел гостей к дынному полю и предложил каждому выбрать хандаляшки и попробовать. Что тут началось! Взрослые, солидные люди побежали, как дети, к грядкам, хватали круглые, золотистые дыньки, радостно крича, пере-

брасывали друг другу. Халмурадов, выбрав хандаляшку, там же, на поле, разбил ее о камень — вспомнил детство — и съел всю, причмокивая, качая головой. Словом, пока все шло как нельзя лучше.

На летучку кроме руководителей строительных организаций были приглашены председатели колхозов и директора совхозов района. Неширокая тень штабного домика не могла вместить всех собравшихся.

Секретарь обкома Халмурадов, проходя к столу президиума, взял под руку Атакузы. На глазах всего народа прошел с ним к столу. А ведь пригласили в президиум лишь секретаря райкома Шукурова да начальника управления «Сельхозтехники» из Ташкента Джамала Бурибаева. Так что многие руководители областного масштаба проводили глазами счастливец райса. Аксакал, давний соперник Атакузы и неизменный член всех президиумов, так и остался сидеть «внизу».

Бекмурад Халмурадов вот уже несколько лет работает секретарем обкома по сельскому хозяйству, и Атакузы дружит с ним. Как и Шукуров, Халмурадов из молодых руководителей, но с Шукуровым его не сравнишь: куда представительнее. И речь, и манера держаться, и походка — все как положено. Ко всему еще и прекрасный оратор. Что сегодня Халмурадов подержит его, Атакузы не сомневался. Но испытанный друг превзошел все ожидания.

Начал речь с целинников. Говорил о людях, о славных хлопкоробах колхоза «Ленин юлы». «Творят чудеса в суровой пустыне!» — так и сказал. Все трудности нарисовал, показал самоотверженность здешних людей и только тогда перешел к критике руководителей строительных организаций. Пропесочил их как надо. Нет чтобы проявить заботу о героях — он не боится этого слова, да, да, о героях, — нет чтобы создать им сносные условия труда и быта! Так что они делают? Волокиту тянут, забюрократились! Постепенно так разгорячился, так разделал их — не знали, куда и глаза прятать, готовы были, казалось, нырнуть хоть в нору суслика.

Сколько раз Атакузы бился с начальником Ирсовхозстроя. Этот самодовольный истукан одно только и делал — наполнял карман пустыми обещаниями. А сейчас обмяк, осунулся — вся спесь слетела. Самодовольный бюрократ теперь, приложив руку к груди, на все вопросы секретаря обкома лепетал одно и то же:

— Выполним, товарищ секретарь! Будет сделано, товарищ Халмурадов!

Рта хоть бы не открывал! Халмурадов даже умолк, посмотрел на него удивленно:

— Будет сделано? Так почему же не сделали до сих пор?

А тот снова выпалил:

— Будет сделано, товарищ секретарь!

Тут уж никто не удержался, на всю степь захохотали, даже президиум не удержался.

Как следует досталось и управляющей облбытом — гладкой, кокетливой женщине. Ей под сорок, но сохранилась хорошо, красоту блюдет, времени не жалеет. Она вначале не растерялась, отвечала бойко, речисто. Но как взял ее Халмурадов в оборот, подняла к небу

обведенные синей краской глаза и стала жаловаться на свое министерство.

Эта модница, берегущая каждую свою ресницу, прошлой весной, когда закладывали фундамент быткомбината, говорила совсем другое. Ее прямо-таки зажигательная речь вызвала гром аплодисментов. А потом уехала и забыла. Ни разу не побывала на подшефном строительстве. И вот, не краснея, перекаладывает всю вину на других.

Атакузы так разволновался — сам не заметил, как вскочил с места.

— У меня вопрос по ходу выступления, можно?

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Я хотел бы узнать... как идут дела со строительством бытовых предприятий в городах, и в частности в областном центре?

Управляющая облбытом, видно, не уловила подвоха в словах раиса, замигав черными, в комочках туши, ресницами, сказала:

— В центре? Дела идут неплохо. План выполняем.

— Вот как? Там, значит, дела движутся хорошо, а здесь плететесь черепашьим шагом? В чем причина такого разрыва, товарищ Шакирова?

— Причина? — Шакирова поправила локон, упавший на лицо, в волнении нечаянно растерла на щеке густые румяна.

По лицам собравшихся пробежала улыбка.

— Я назову вам причину! — перебил Атакузы. Шумно вздохнув, посмотрел на секретаря обкома.

— Пожалуйста, говорите, — Бекмурад Халмурадович исподтишка бросил взгляд на Шакирову.

— Причина проста — в городе работать легче! В тени да в прохладе и план выполнить нетрудно. Но если вы... если у вас есть совесть... — Атакузы долгим, суровым взглядом обвел руководителей строительных организаций, и они под его взглядом вдруг засуетились, зашевелились, казалось, не знали, куда деться от гневных глаз раиса. — Если у вас есть хоть капля совести, то выполняйте свои планы в первую очередь здесь — в этом пекле! Вон, посмотрите туда! — Атакузы резким взмахом руки указал на мрачные, черно-пепельные барханы. — Пятьдесят моих девушек, нисколько не хуже вас, товарищ Шакирова, днем и ночью трудятся здесь. Они вырачивают хлопок! Вы простите меня, товарищ Шакирова, там в тени да прохладе, выполнив свой планчик, живете в свое удовольствие, а здесь люди, не разгибая спины, изнывают в жаре! Так что же, у них нет права на хорошую жизнь?

— Я, кажется, не сказала, что у них нет прав...

— Еще бы вам сказать! Но вы, именно вы лишаете их этого права! Я ли не обивал ваш порог, я ли не сидел часами в вашей приемной, не кланялся вам в ножки! А вы...

На ресницах Шакировой повисли слезы. Атакузы дернул кадыком, будто заставил себя проглотить слова, готовые сорваться с языка, и повторил:

— Нужно иметь совесть. Совесть!

Слезы спасли Шакирову. Бекмурад Халмурадович ободряюще кивнул ей:

— Не расстраивайтесь. Наш уважаемый раис был несколько резок,

но и вы должны понять его. Ведь он прав — молодежь работает в поте лица здесь, в пустыне, она хочет и должна жить хорошо.

Кончили с Шакировой, и град критики посыпался на голову управляющего дорожным строительством, за ним попало связи, после связистов принялись за коммунальное начальство. И все они, такие спесивые, как гуси, важные — не подступись, стояли по стойке «смирно» и, словно попугаи, заученно повторяли:

— Выполним! Будет сделано! Выполним!

Атакузы по опыту знал: от их «выполним» толку бывает мало. Но, во-первых, хоть и мало, да что-нибудь все же перепадет, а во-вторых, эти хитрые лисы-хозяйственники стояли в струнку не где-нибудь, а у порога его штаба, здесь, на его территории, повторяли как попугаи «будет сделано». Атакузы, когда придет время, отлично использует это, напомним любому из этих непревзойденных мастеров волокиты, если опять будут тянуть: «А как стояли навтыжку перед моим штабом в степи, забыли? Смотрите, как бы вам не постоять так же на бюро обкома!» — вот каким оружием запасся он!

Потом выступил Шукуров. Он не так красноречив, как Халмурадов. Говорил с расстановкой, потирал порой лоб, подыскивал слова, но и его выступление оказалось неплохим. Одобрительно отозвался о начинаниях Атакузы. Призвал использовать его опыт по созданию лесозащитных полос: «Лесозащитные полосы товарища Умарова уже на деле показали себя. И это бесценный урок для всех целинных совхозов». Но по-настоящему мужское слово сказал Джамал Бурибаев.

Выступал он последним. Без всяких оговорок, прямо заявил: то, что творит Атакузы здесь, в пустыне, должно стать примером и для района, и для области. И даже для республики в целом. И он от имени «Узсельхозтехники» обещает оказать ему серьезную помощь.

Атакузы сидел за столом президиума рядом с Бекмурадом Халмурадовичем. Ему пришлось скромно опустить голову, боялся, как бы не выдать свое торжество. А хотелось поднять голову высоко, поглядеть на хозяйственников, на тех, кто чинит преграду его великим планам, на Аксакала-доносчика, который сидит хоть и в первом ряду, а все же «внизу». Ишь ты, спрятал свои хитрые бусинки, обмахивается платком — жарко ему, видишь, стало. Не от похвалы ли в адрес Атакузы?

Выходит, все же не зря боролся, побеждал безводье, степной, все кругом испепеляющий ветер-суховей. Страдания и победы Атакузы, его саженьцы, хлопковые плантации, городок, первые дома которого поднялись над барханами, — словом, его труд и пот не пропали впустую. Человеческое дитя нуждается в ласке. Одно лишь доброе слово — и Атакузы готов забыть все пережитые муки, все трудности. Лечит душу доброе слово. Но где-то в уголке точит беспокойство. Только бы не поверили клевете и наветам всяких ябедников и бездельников, не помешали бы Атакузы возродить эту проклятую богом и людьми землю. А то шлют и шлют комиссию за комиссией!

И не зря, оказалось, шевелилась в его душе тревога.

После легучки Атакузы пригласил гостей в кишлак «на пиалу чая». Халмурадов с неожиданной сухостью сказал: «Подождите, раис». Взял под руку Шукурова и ушел с ним за штаб. Целый час Атакузы смирен-

но вышагивал у штаба. Наконец подошел инструктор райкома, пригласил его к секретарям.

Шукуров и Халмурадов сидели в тени недавно законченного двухэтажного здания за штабом. Оба сумрачные, насупленные, Халмурадов почему-то отвел взгляд от спрашивающих глаз Атакузы, кивнул на штабелек кирпичей — «присаживайтесь».

— Так, раис... Мы ценим вашу работу, ваш организаторский талант. И в кишлаке, и здесь, в степи. Именно поэтому...— Халмурадов на секунду запнулся, сдвинул брови.— Поэтому мы и должны беречь вас от ошибок.

— От каких? — нетерпеливо перебил Атакузы.

— Что за скандал произошел у вас с домом?

— С каким домом?

— Известно стало, что вы самовольно выселили механизатора из его дома и вселили туда своего дядю.

«А-а... Надирахон настрочила-таки жалобу. Всего-навсего!» — Атакузы вздохнул: гора с плеч!

— Прежде всего, я не выселил этого механизатора, а только переселил. Переселил по его же согласию!

— Однако жена подала жалобу. Она к тому же многодетная мать. И вообще — если понадобилось вам жилье, неужели нельзя было найти другой дом?

Темное лицо Атакузы сделалось чугуново-черным, сухие, смуглые пальцы, нервно поглаживавшие колено, сжались в кулак.

— Другой дом мне не подходил. Удивляюсь, товарищ Халмурадов,— в голосе Атакузы слышалась глубокая обида.— Вы спросите: какого человека я вселил в этот дом? Он делал революцию в нашем кишлаке. Он создавал здесь колхоз. Единственный сын его — Герой Советского Союза — погиб на фронте! Неужели это преступление?..

— Никто не называет ваш поступок преступлением,— заговорил Шакуров.— Но можно было дать жилье и в другом месте...

— Другое место не годится!

— Почему же?

— Почему? — Атакузы не сдержал раздражения.— Вы же знаете, у старика никого нет. Кто еще, кроме моей семьи, будет присматривать за ним? Не понимаю вас, Абрар Шукурович. Домла Нормурад большой ученый, подарил колхозу огромную библиотеку. А мы?.. Боимся создать ему маломальские условия для работы, прислушиваемся к мелким разговорчикам. Вы бы побеседовали с ним, Бекмурад Халмурадович, посмотрели бы его библиотеку.

— Вот оно как,— сказал Халмурадов с явным облегчением.— Я, например, не знал этой стороны дела. Ну хорошо, а почему сняли с работы механизатора?

Атакузы шумно вздохнул:

— Тоже к вам с жалобой?

— Да, жена его...

— Не знаю, что наговорила вам жена, но я его с работы не снимал. Перевел сюда, в степь.

— Почему? Насколько нам известно, он числился хорошим специалистом, был у вас даже за главного механика...

Атакузы краем губ усмехнулся, но тут же мгновенно погасил усмешку.

— Да потому и перевел, что он хороший механизатор. Не бездельников же ставить сюда. Сделал бригадиром...

— А можно его позвать? — спросил Шукуров.

— Нет! Уехал в область за запчастями. Не думал, что будет такой разговор, послал бы другого. Впрочем, он может письменно подтвердить все, собственноручно напишет...

— Ясно, — Халмурадов повеселел. — А вас, Абрар Шукурович, прошу поговорить с этой женщиной лично. Объясните ей все. И вообще нужно ее успокоить, уговорить, дорогой раис...

Атакузы чуть не выпалил: «Да пропади она пропадом!» С трудом выдал из себя:

— Ладно, товарищ Халмурадов. Успокоить ее, конечно, успокоим, но...

— Что «но»?

— Неужели это справедливо? Мы трудимся, не знаем покоя, не ведаем отдыха. А стоит какому-нибудь бездельнику настроичить кляузу, и все забыто, весь наш труд обращается в прах!

— Полноте, раис, не прикидывайтесь обиженным ребенком. Вы не из тех, кто даст себя в обиду. Знаем! — рассмеялся Халмурадов и встал. — Так как же, чай ваш готов? Ну, поехали! Кстати и с вашим дядей познакомимся. Да, где же Джамал Бурибаевич? Пригласили его? Вот и отлично. Пусть он тоже познакомится с вашим дядей...

Шукуров быстро взглянул на Атакузы. Тот пошевелил было губами, но ничего не сказал.

Халмурадов и Джамал Бурибаев сели в «Волгу» Атакузы. Пригласил раис и Шукурова, но тот не захотел стеснять гостей, поехал на райкомовской машине.

Пепельно-серые барханы остались позади. Машины птицами летели по асфальту. По правую сторону дороги над горизонтом круто поднимались в дрожащем мареве величественные горы, чуть ближе, за заставшими гребнями, смутно вырисовывались первые высокие холмы...

Абрар Шукурович откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. Он был недоволен и собой, и Халмурадовым. Два вопроса обсуждались с ним наедине и перед летучкой, и потом, когда сидели за штабом. Первый — о записке Шукурова в обком. Халмурадов вел себя странно, что-то крутил, будто бы соглашался: в планировании и снабжении действительно много путаницы и неразберихи, не отрицал, что это мешает нормальной работе и открывает дорогу нечестным на руку хозяйственникам. А зашла речь о конкретном — решительно отказался помочь, мягко отклонил все, о чем просил Шукуров. Притом и виду не подал, что задет критикой его, был подчеркнуто вежлив, тактичен. Отказывал в помощи — улыбаясь. Ссылался на повсеместные задержки в снабжении. Единственно, что обещал, — поддержать идею строительства второй очереди кирпичного завода в районе. Но кирпичный за-

вод был уже «на мази» и без него. По «вопросу» Атакузы он вел себя так же странно. Ушел от обсуждения промахов раиса.

Шукуров слышал, что они давние и закадычные друзья. Но так хвалить, так превозносить перед собранием!.. Правда, потом, когда говорили с Атакузы о жалобе многодетной матери, секретарь обкома вроде бы переменялся: повысил голос, помрачнел (видно, первый наказал, чтоб был построже), но с какой готовностью принял доводы раиса, как обрадовался! Был строг по принуждению — это ясно. Впрочем, доводы оказались достаточно вескими. И надо признаться, сам Шукуров тоже симпатизировал Атакузы. Даже в обкоме пытался оправдать его неумный «аппетит» и то, что раис нередко утоляет его за счет других. Что делать, если хозяйственные и планирующие органы нерадивы? Ведь и он сам, Шукуров, страдает из-за неурядиц в снабжении. Какого труда стоит хоть чего-то добиться для района! И все-таки он чувствовал: Атакузы переходит границы. Взять хотя бы только что состоявшийся разговор. Как держал себя, каким тоном говорил!.. Шукуров не раз встречал раисов, которые на первых порах работали с размахом, поднимали отсталое хозяйство. А потом — похвалы, поощрения, «пример для других», и потерял человек голову, занесся. Все они начинали задавать пиры по нужным и ненужным поводам, устраивали большие и пышные свадьбы. Шукуров видел их роскошные дома. Чуть кто заикался против — всеми путями стремились убрать такого прочь с дороги. Конец зазнавшихся раисов бывал обычно печальным. Их непоколебимая вера в силу власти и денег терпела крах. Не всякого можно подкупить, и далеко не всегда можно даже с помощью денег обойти закон. Но, к сожалению, уроки жизни большей частью проходят даром.

Атакузы... Шукуров еще до конца не разобрался в нем. Очень уж он разный. Иногда даже кажется наивным. Голову с ним можно сломать. То — эгоист, способный убрать с дороги любого, то, посмотришь, — одинокий путник, уставший от тягот нелегкой дороги.

Вот и в истории с домом. Будто бы не так уж он и виноват. Ведь Шукуров хорошо знает положение домлы Шамурадова. Действительно, старик будет полезен кишлаку. И все-таки есть что-то безнравственное в том, как Атакузы выкрутился из неловкого положения — прикрылся стариком. Потом его слова: «Покою не знаем, отдыха не ведаем». А вы, мол, прислушиваетесь к жалобам всяких кляузников. Есть, разумеется, доля истины и в этом, можно понять — задержали человека. Но Атакузы как бы ставит условие: «Хотите — принимайте меня со всеми моими причудами, какой я есть, не хотите — как хотите!» Надо поговорить с ним посерьезнее, одернуть. Но как это сделаешь? Секретарь обкома сам готов его выгородить, рад, когда Атакузы подкинет хоть малейшее оправдание своим поступкам... Нет, зачем валить на Халмурадова? В нем самом, в Шукурове, сидит давно известная так называемая интеллигентская мягкость!..

...Степь кончилась, пепельно-серые песчаные барханы оборвались крутым склоном бурого холма. За ним сразу открылся оазис. От подножия холма начинались яркие, нежно-зеленые клеверные поля и уходящие вдаль кукурузные плантации — в них мог бы заблудиться человек... В ноздри ударил чуть горьковатый, душистый запах клеверного

сена, горчака, диких степных трав. Машины пронесли мимо стогов пахучего сена, промчались среди хлопковых полей и вот уже нырнули в прохладу фруктовых садов.

Белая «Волга», ехавшая впереди, свернула влево — не к правлению, а к стеле обелиска.

Гости выходили из машины, когда Шукуров настиг их. Отсюда, с холма, очень выгодно открывался поселок — весь белый, нарядный, новый кишлак утопал в густых, как лес, садах.

Халмурадов, пригладив черные вьющиеся волосы, сияющими глазами оглядывал все вокруг.

— Да это город! Настоящий город! Вы просто молодчина, раис! — Он взял под руку Атакузы, подвел его к выходящим из машин Бурибаеву и Шукурову. — Каково, друзья мои, а? Надо было пригласить всех председателей! У меня возникла одна мысль, Абрар Шукурович. Хорошо бы созвать здесь совещание по вопросам строительства в масштабе района, как вы на это смотрите?

Шукуров все еще был в плену мучительных раздумий, сам не заметил, как вырвалось:

— Может, в масштабе всей области?

Халмурадов уловил иронию — насупился. Секундную размолвку сгладил Джамал Бурибаев:

— А что, этот кишлак стоит того, не только области, хватай выше — в масштабе всей республики!

Все рассмеялись, а Халмурадов подхватил:

— Можно бы, конечно, провести здесь совещание даже в масштабе всей страны, но боюсь, у раиса головокружение пойдет от успехов! Шутки шутками, — прервал он смех, — а в районном масштабе это надо осуществить, Абрар Шукурович.

— У меня одно слово, товарищ Халмурадов, — вмешался Атакузы. Он вдруг подтянулся, посерьезнел. — Спасибо за доброту. Я не против того, чтобы у нас провели совещание, но есть к вам одна просьба.

— Слушаю вас.

— Пока, до совещания, помогите, пожалуйста, насчет газификации кишлака. Я уже вам говорил, газ до сих пор возим в баллонах. Магистрального все еще нет. В районе он есть, подвести сюда не трудно. Но почему-то управление коммунального хозяйства тянет...

— И правильно делает, что тянет! Дай вам волю, вы и газ перехватите у соседа, как перехватили строительные материалы! Правильно я говорю, Абрар Шукурович? — подмигнул ему Халмурадов. — И вообще согласуйте это с товарищем Шукуровым.

«Ну и хитрец! Помнит предупреждение первого, знает, кому сбыть хлопотное дело», — подумал Абрар Шукурович.

Атакузы широко развел руками:

— А что нам остается делать, товарищ секретарь обкома? Судите сами, — он указал рукой в сторону правления. Там, недалеко от площади с монументом, белели два новых двухэтажных здания. — Помните, я вам говорил, строим новые помещения для детсада и яслей? Уже готовы.

— Да, да, конечно, помню, это хорошее дело. Выполняйте постановление ЦК! Надо показать всем районам.

— Да, но что значит детсад и детясли без магистрального газа?

«Вот бестия! Умеет вставить к месту слово!» — пронеслось в голове Шукурова.

Халмурадов засмеялся:

— Я думал, вы нас в гости пригласили, а оказывается, рассчитываете хоть что-нибудь выколотить... Ладно. Подумаем!

Атакузы шлепнул себя по лбу:

— Ну и хозяин! Затеял о делах чуть ли не за дастарханом. Поехали, друзья!..

Во дворе райса, около колодца, разговаривали две женщины. Одна, небольшого роста, худенькая, склонив голову к плечу, слушала, что говорила ей пожилая. Гости шумной ватагой вошли во двор. Пожилая взглянула и вдруг попятилась в дом, будто увидела страшилище. А худенькая, хозяйка, мягко улыбаясь, направилась к гостям. Шукуров проводил глазами ту, что скрылась в доме. Приятной округлостью лица и особенно большими черными и очень грустными глазами она напомнила ему девушку, что приходила сегодня с тем странным доцентом в райком.

«А-а... Фазилатхон! — Он уже видел ее однажды — заведующую клубом, но почти не запомнил. Это было в самом начале его здешней работы, сразу после приезда. — Кажется, это она!» Шукуров невзначай взглянул на Джамала Бурибаева. Тот со странной, размытой улыбкой на губах, важно неся голову, — откормленный гусак! — шел навстречу миловидной, нежного облика женщине.

— А вы все цветете, Алияхон! Как роза!

Атакузы раскатило, на весь двор захохотал:

— Настоящий мужчина не даст состариться ни коню своему, ни жене! Ха-ха-ха!..

Халмурадов задержал руку Алияхон в своей:

— Отчего же ваша подруга, так испугалась нас, Алияхон-апа?

— Ха-ха-ха! Она испугалась Джамала Бурибаева!

— Почему?

— Да так уж! Грехи молодости... Хе-хе-хе, Джамал Бурибаевич, так ведь?.. Прошу вас, товарищ секретарь, сюда...

Из сада, смежного со двором, тянуло сизым дымком. В глубине, под старой раскидистой шелковицей, трое парней с засученными рукавами колдовали над шашлыком. Чуть поодаль, на лужке у шумного арыка, стоял длинный стол, и там на дастархане были собраны, играли живыми красками плоды земли: горы розовых, готовых пролить сок персиков, янтарно просвечивающие гроздья винограда, пирамиды свежего салата, помидоры, мелкие, похожие на пальчики, огурцы и еще что-то яркое, сочное...

Атакузы пригласил гостей к столу. Но Халмурадов выразил желание осмотреть сначала библиотеку Нормурада Шамурадова, хотя ему и сказали, что домла куда-то уехал.

Соседний двор значительно уступал размерами двору райса. В боль-

шой гостиной громоздились неразобренные картонные коробки с книгами — те самые, что видел Шукуров в Ташкенте.

Халмурадов присел на карточки, развязал тесемку на одной из коробок, вытащил несколько книг.

— Мда... Такие книги сейчас и за золото не сыщешь!

Лицо Атакузы расцвело, глаза засветились.

— Не сегодня завтра установим полки, и старик начнет... — Атакузы не успел договорить: в кабинет вбежала молодая смуглолицая женщина:

— Можно?

— А, вот и Халидахон! — радостно встретил ее Атакузы. — Познакомьтесь, товарищ Халмурадов, это наш парторг. Можно сказать, наш комиссар.

Черноглазая Халидахон, с приятными ямочками на смуглых щеках, блеснула белизной зубов. Поздоровалась сначала с секретарем обкома, а затем с Шукуровым, — все это с легкой вольностью, так обычно здороваются молодая женщина, уверенная в том, что недурна собой.

— Добро пожаловать в наш колхоз!

Атакузы сдвинул тюбетейку, посадил ее еще задорнее, взглянул на секретаря обкома:

— Она у нас — я говорю про Халидахон — молодой способный агроном с высшим образованием. Коммунистка. Молодая, да удалая! Все наши политические и культурные дела забрала в свои руки!

Халидахон почти в точности повторила слова председателя, сказанные пять минут назад, — будто заранее отрепетировали.

— Наверно, Атакузы-ака уже говорил вам: этот дом мы собираемся превратить в библиотеку. Не сегодня завтра приведем в порядок, установим полки... По инициативе Атакузы-ака...

— А разве нельзя объединить дар домлы с колхозной библиотекой? — перебил Халмурадов.

— Нет! — твердо сказал Атакузы. — Старик мечтает сам, своей рукой выдавать книги, объяснять молодежи...

— Ну что ж, это, пожалуй, хорошо, — немного подумав, согласился Халмурадов. — Очень досадно, что мы не смогли побеседовать с домлой.

— Так я пошлю человека...

— Спасибо, нет времени. Вы, пожалуйста, не забудьте того, что мы решили. Женщина многодетная, ее можно понять. Объясните ей... Вы, должно быть, в курсе? — секретарь обратился к Халидахон. — Хозяйка этого дома подала жалобу в обком...

Шукуров с интересом взглянул на Халидахон.

— Да, да, как же. Это склочная женщина, очень нехорошая, товарищ Халмурадов! — Резкость тона Халидахон совсем не вязалась с недавней ее улыбкой. — Хороший человек так бы не поступил. Не уважила Атакузы-ака, так хоть бы пожалела старика, большого ученого, профессора. Ведь этот человек революцию делал в нашем кишлаке!

Шукурову стало как-то неловко, и он торопливо отвел взгляд от ясных, прозрачных глаз Халидахон.

— И все же,— с нажимом сказал Халмурадов,— независимо от ее человеческих качеств, прошу поговорить с ней, успокоить...

Халидахон хотела еще что-то сказать, но Атакузы перебил:

— Будет сделано, товарищ секретарь. Прошу к столу, чай остывает.

«Опять выкрутился. Понял, что тут можно поскользнуться. Ловок, надо отдать должное. И где только отыскал эту красивую куклу? Молодой агроном с высшим образованием! Молодая, да удалая, «наш комиссар»!.. Но ведь у этого «молодого комиссара» ни по одному вопросу нет собственного мнения. Разумеется, раису такой попугай вполне подходит. Но как райком мог рекомендовать ее на ответственную должность? Неужели там не заметили меда, который так и каплет с ее уст, лишь произнесет имя Атакузы?»

Шукуров почувствовал: тугой узел, который возникал перед ним всякий раз, когда он пытался разобраться в личности Атакузы,— этот узел затянулся еще туже.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Хайдар проводил высокого гостя — будущего тестя — до райцентра. Бурибаев с сыном поехали дальше, а Хайдар на своем «Москвиче» повернул обратно. Поставил машину в гараж у входа во двор и, слегка пошатаваясь — угощение было на славу! — направился в конец сада прямо к арыку. Солнце уже поднялось и как бы лежало на верхушках тополей блюдом, полным расплавленного добела металла. Оно уже успело раскалить землю, босиком не ступишь — обожжет. Арык был полон чистой родниковой воды — из Минг булака, она быстро катилась, ударяя струями о камни, отливая то голубишной неба, то зеленью подводных трав. Вода манила прохладой и свежестью. Хайдар на ходу скинул одежду, босой, в цветных плавках, подбежал к арыку, подпрыгнул и, зажмурившись, бултыхнулся в ледяную родниковую воду. Отчаянно забарахтался, захватывая, как норовистый конь, но уже через минуту успокоился — ухватился за ветку тала, лег на спину, закрыл глаза. Теперь казалось — не вода, а чья-то нежная рука гладила истомленное жарой тело, и каждый нерв успокаивался, каждая клетка... Он вышел из арыка, прилег на полянке под старым тутовым деревом. Ни во дворе, ни в саду не было ни души. Голова тонула в высоком, по колено, густом клевере, у самых ушей в мохнатых фиолетовых цветах лениво жужжали пчелы. Над Хайдаром носились белые, бледно-голубые бабочки, а наверху, в ветвях шелковицы, тысячеголоса чирикали воробы, вели разговор горлинки...

Всем существом отдался Хайдар густой, обволакивающей душу тишине. Вдыхая тонкий, тепловатый аромат клевера, устало прикрыл глаза. О, эти деньки, когда гостил у них Джамал Бурибаев! Пролетели как во сне, застолье здесь, в саду, тянулось с вечера до рассвета. Уши гостей улаждали музыка и пение. Играли и пели не какие-нибудь киш-

лачные умельцы — отец пригласил известных певцов и музыкантов. Потом поездка в горы — в колхозный санаторий, расположенный в арчовых рощах за лесничеством. Там — купанье, рыбная ловля в горных речках и снова дастархан. Целые туши баранов, запеченные на пахучих ветках арчи в земляных печках — тандырах. Шурпа — наваристая, особая, горьковатая, приправленная целительными травами тех мест, свежий кумыс, чуть-чуть — для аппетита и настроения — разбавленный чистым спиртом... И настроение, надо сказать, было преотличным — все мелкие неурядицы, все неприятности, томившие Хайдара в последние месяцы, улетучились, вылетели из памяти, и душа расправилась, свободная от тисков, от раздумий. Иногда, правда, по утрам, перед новым застольем, возвращались нерадостные думы. Это все из-за будущего тестя. Стоило увидеть, как тот в дорогом халате важно и задумчиво расхаживает по аллеям санатория или неторопливо спускается к речке с махровым полотенцем на плече, — тут же вспоминается Латофат, то, что говорила она о Бурибаеве. Муторно, нехорошо становится на душе. Но эту встречу устроил ведь не он, а отец Хайдара, ата знает, что делает. Да и сам Джамал Бурибаев совсем даже не плохой человек. Был с ним мягче, добрее даже, чем с Кадырджаном. Поигрывая выпуклыми зеленоватыми глазами, называл «зятек». А то и «дорогой мой зятек!» Кадырджан не сводил с отца восторженно-влюбленных глаз. Вышел однажды у них с Хайдаром откровенный разговор. Хайдар передал ему слова Латофат насчет их отца. Кадырджан только рукой махнул:

— Да что она понимает в жизни! Ты же сам видишь, отец — добрый, душевный человек. Ну, были, были грехи. У кого не бывает в молодости! — он рассмеялся. — Зато теперь — какой человек! А сколько сделал для меня! И для тебя постарается.

— Не в том загвоздка. Она...

— Да чего ты все: она да она! Известно, витает в небесах! Думает, в жизни как в книжках. Я говорю тебе, ты с ней не очень-то... На твоём месте я бы давно ее... — Кадырджан не договорил. Больше слов сказало скуластое загорелое лицо. Длинный нос-серп опустился к верхней губе, кошачьи зеленоватые глаза сузились.

Как вспомнил Хайдар эту звероватую улыбку — сразу стало не по себе.

Где-то неподалеку дружно засмеялись девушки. Хайдар поднял голову. Смех повторился. Во дворе домлы? Странно. Что за девушки собрались у старика?

Хайдар торопливо натянул брюки, перешел через мостик. Укрываясь за деревьями, приблизился к высокому глинобитному дувалу, заглянул через него, сквозь вишневые ветки.

Посреди двора, под ветвистой молодой яблоней, на высоком сури, застеленном шелковыми стегаными одеялами, восседали старик и доцент Абидов. А в настезь раскрытых окон дома мелькали девичьи лица. Там были и Латофат с Тахирой. По-видимому, разбирали и приводили в порядок книги. Но вот чудеса! Из дома вышли мать и... Фазилат-апа. Старик, похоже, не удивился этому — как ни в чем не бывало беседовал с Абидовым. Женщины, о чем-то толкуя, прошли к воротам.

Хайдар встряхнул мокрыми волосами, одернул рубашку — сейчас он нагрянет туда неожиданно. Хорошо бы сказать при этом что-нибудь интересное, остроумное. И тут до его слуха долетел тонкий, нервный тенорок Сакиджана Абидова:

— Д-да, к-конечно, чудо природы, домла! Н-настоящее чудо! Вот и я говорю, надо быть... ну, полным г-головотяпом. Подумать только — с-строить там животноводческий комплекс!

Старик сидел понурый, низко опустил голову и молчал. Доцент же вдруг вскочил. Размахивая длинными руками, прошелся вокруг сури.

— В-вот вы говорили о горной арче. Сказали, что пишете к-книгу. Очень п-правильно! Я тоже пишу. Замечательное, уникальное дерево! Нельзя дать исчезнуть ему. Уничтожили варвары, полчища Чингисхана, а теперь замахнулись свои, так называемые передовые люди. Это строительство в Минг булаке! Н-нельзя допустить, нельзя!

Домла еле слышно сказал:

— Вы правы... Я поговорю с Атакузы, обязательно поговорю.

«Поговорю!» Хайдар резко повернулся, зашагал обратно. Сел в тени у арыка, задумался.

Только вчера отец показывал гостям место на склоне Минг булака, где должен быть построен животноводческий комплекс. Уже начали рыть котлован под будущее громадное, с километр в длину, здание. С каким вдохновением рассказывал отец о стройке. Приводил на память цифры. Оказывается, именно здесь, в Минг булаке, такое строительство даст беспримерную экономическую выгоду. И вода, и корм, и пастбища — все рядом, все под рукой. А этот Абидов полнейший профан в хозяйственных делах, а туда же — разводит демагогию. И любимый отцов дядя — нет чтобы одернуть, по всему видно — вторит этому одержимому... Мало ему, что внуку ногу подставил, теперь на племянника замахивается, поддакивает сплетням. Спелись, что называется. Чокнутый доцент, юридивый, он уже и так в печенках сидит у Хайдара. Таскается хвостом за Латофат. Вот и сюда заявился. Кишлячные джигиты, друзья детства, уже спрашивали о Сакиджане Абидове — что за тип, почему Хайдар позволяет Латофат ходить с посторонним мужчиной?.. Конечно, они просто кишлячные ребята, у них старые мерки. Хайдар мог бы и не обращать внимания на их намеки. А все же...

Кто-то пробежал по мостику — тук-тук-тук...

— Тахира!

Тахира спешила по тропинке домой. Остановилась, посмотрела на брата и медленно, будто опасаясь чего-то, пошла к нему. Глаза, в кругах усталой синевы, смотрели жалостливо, испуганно.

— Что с вами, братец?

— А что? — Хайдар, не понимая, провел рукою по груди, по брюкам.

— Да лицо будто опухло, глаза какие-то красные...

— А! — рассмеялся Хайдар. — Сама же знаешь — высокого гостя провожали, нелегкое дело! А вы тут что делаете? На хашар собрались, помогать?

— Да вроде этого. Приводим в порядок книги.

— Гм... Интересно. А Фазилат-апа как же?

— Да так... — улыбнулась Тахира. — Всех нас привела Халидахо-ана. Тетушка Фазилат не хотела идти, боялась. Но она заведующая библиотекой. Халидахо-ана так и представила ее. Дедушка сначала насутился, ушел в себя. А потом ничего, обошлось вроде.

— Интересно! — Хайдар сурово сдвинул брови, помрачнел. — А этот тип... доцентик, что он тут делает?

Тахира пожала плечами:

— Не знаю. Он же биолог.

— Ну и что?

— Латофат говорит, он хотел поговорить с дядей насчет Минг булака. Беспочинется, что там...

— Ладно! — перебил Хайдар. — Иди. Вызови сюда Латофат!

Тахира боязливо взглянула на Хайдара:

— Братец! Ну зачем вы так?..

— Как? — не понял Хайдар.

— Будьте с ней поласковее. Она же хорошая, добрая...

Хайдар с удивлением смотрел на сестру. Веселая, ветренная Тахира сегодня казалась странно робкой, как-то сникла. Круглое лицо, обычно розовое, цветущее, с ямочками на щеках, побледнело, выступили мелкие веснушки. И одета по-кишлячному — в широком длинном платье из дешевого атласа, на ногах матерчатые шлепанцы. Ох, нехорошо! Вспомнил слова Кадырджана: «Да ты с ней посмелее...» Странная догадка ударила в голову... Закусил губу, словно от боли. «Да, мне, конечно, не хватает многого — мягкости, доброты... А вот тебе, сестрица моя, — гордости!»

— Ну, иди!..

Он, как и отец, не слишком-то любил Кадырджана. И если терпел и даже по видимости дружил с ним, то все только ради Латофат. И к Тахире не дал бы подойти, если бы не Латофат. Но каков Кадырджан! Как ведет себя в последнее время! Ох, поломал, видать, девчонку, смял ее. Без совести человек. И на службе обнаглел, пользуется тем, что отец его там командует. Открыто метит на чужое место — начальника отдела. Да и насчет отца своего циничен, дал ведь понять — нужен ему для карьеры, и только! Нехорошо получается. Любит сестра младшего Бурибаева или нет, теперь ничего не поделаешь — вынуждена торопиться со свадьбой. Но Латофат... Никак не может Хайдар поладить с ней...

Тахира пробежала обратно, на ходу крикнула: «Сказала!» Сердце у Хайдара забилося, как при первом свидании. «Да еще и опух... На кого же я сейчас похож!» Поскорей стянул с себя безрукавку, содрал брюки и бросился в арык... А ведь неспроста сестра так уставилась на него, действительно вид не тот: появился животик, да и весь оброс жирком. А тот юродивый доцентик худ, строен и в последнее время следит за собой. Шеголем гуляет по кишлаку. Нет, так нельзя. Э, Хайдар!.. Пьешь много, обрюзг, опустился, брат...

Застучали зубы — доняла родниковая вода. Хайдар выскочил на берег, пробежал босиком по теплomu, нагретому солнцем клеверу к старому деревянному сури под шелковицей. Взял за концы полотенце, растер тело до красноты. Оделся. Теперь — причесаться. Поднял мок-

рую голову — и опять эта знакомая, сладкая боль! Увидел обломанную ветку, а чуть пониже ту, другую, за которую тогда, пять лет назад, ранним утром ухватилась Латофат... Захотелось сейчас же, сию минуту увидеть ее, заглянуть в большие ясные глаза. Такая хрупкая, нежная и загадочная в своей странной печали. Нет, не должен он с ней быть грубым...

Хайдар подошел к дувалу, замирая раздвинул ветку вишни.

Домла все еще сидел на своем месте, перелистывая какую-то книгу. Чуть дальше, под другой яблоней, стояли Сакиджан Абидов и Латофат. Они о чем-то разговаривали. Абидов горячо доказывал что-то, размахивая руками. Латофат слушала, чуть склонив голову набок, опустив глаза к земле. Поговорив с минуту, доцент взял ее под руку и повел по аллее дальше, под урючину в конце двора. Нагнувшись к ней, зашептал на ухо...

«Ах вот как? Ясно... Зачем ей торопиться ко мне!..»

Толи кровь ударила в голову, то ли хмель не выветрился — потемнело в глазах у Хайдара. Сам не заметил — одним прыжком перемахнул дувал.

— Эй, Абидов!

Один вид Хайдара мог напугать — ворот безрукавки распахнут, волосы растрепаны, в них застряли вишневые листочки. Да еще свалился откуда-то с дувала, резко, хрипло окликнул.

— Слушай, доцент! Она что, законная жена тебе? Как смеешь брать ее за руку? Куда тащишь?

Домла как сидел с раскрытой книгой, так и замер. Латофат пыталась что-то сказать, но губы не слушались. Закрыла лицо ладонями, отвернулась. Сакиджан Абидов, больше, чем всегда, заикаясь, попробовал урезонить Хайдара:

— П-послушай м-меня, д-дорогой!

— Уже наслушался! С меня хватит! — Хайдар вобрал голову в плечи, пошел на доцента. — Это тебе не Ташкент, там твори что захочется. А здесь веди себя прилично, а то придется привести тебя в порядок...

— П-приводить в п-порядок — это вы можете. Это я з-знаю...

— Еще смеешься, ничтожество? — Хайдар рванул с себя безрукавку, швырнул прочь.

Тахира вбежала во двор, бросилась к нему:

— Братик мой, родной!

— Отойди, Тахира! Надоел мне этот ухажер!..

— Хватит! — ударил книгой о помост домла. — Что ты там мелешь, глупец?

— А-а, вы?.. Нечего вмешиваться в мои дела, дорогой дедушка! Один раз подставили мне подножку, и хватит...

— Братик! Любимый! — Тахира пыталась ладонью закрыть ему рот.

Хайдар отмахнулся и снова пошел на Сакиджана:

— Немедленно... Сегодня же катись отсюда!

— П-послушайте меня, молодой человек! Если вы даже купили этот кишлак...

— Купил я или нет, разговор один — здесь, в этом кишлаке, или ты будешь, или я!

Алия — будто из-под земли возникла — наседкой подлетела к сыну, повисла на шее:

— Сыночек мой! Что с тобой?

— Подождите, мать не мешайте! Ничего вы не знаете! Этот заика...

— Перестаньте! — Этот стон Латофат заставил замолчать Хайдара. Дрожа, пылая глазами, девушка рванулась к нему. — Перестаньте сейчас же! Прекратите эту недостойную возню, или я на всю жизнь... не взгляну на вас!

— Латиф! — Хайдар вдруг обмяк. — Латиф...

— Мне больше нечего сказать вам! — Латофат снова закрыла лицо руками и побежала к воротам.

Как раз в это время с улицы входила Фазилат с большим блюдом в руках, завернутым в дастархан. Латофат с ходу наскочила на мать и, не останавливаясь, выбежала на улицу.

Во дворе все молчали. Слышалось только тяжелое дыхание Хайдара да всхлипы Тахиры.

Алия провела рукой по мокрым от слез щекам. Посмотрела на Абидова — он так и стоял с опущенной головой под яблоней, потом на Нормурада-ата, все так же сидевшего на сури, и остановила взгляд на замершей у ворот Фазилатхон.

— Фазилатхон, милая! Никто не слышал этого разговора! Никто! Хайдаржан ничего не говорил, и вы ничего не слышали. Дядюшка, вы поняли меня? Дядюшка!..

Домла не двинулся. Молчал.

2

Фазилат не находила себе места: вот уже несколько часов, как Латофат заперлась в своей комнате. Так было и в ту ночь — после разговора с Кадырджаном. Ни слова не вымолвила, не всплакнула. Уж лучше бы плакала, выговорила свою боль, освободила душу от всей этой копоти!

Странный парень Хайдар. Взрослый, без пяти минут ученый, а ведет себя как юнец. Будто уличный хулиган, скандал учинил, обозвал приезжего всякими словами. И это перед самой свадьбой! К кому ревнует невесту? Разве это соперник — ни виду, ни положения, да и за тридцать уже перевалило.

А все Атакузы. Ведь он за людей не считает ни Фазилат, ни ее сына, ни даже Латофат. А Кадырджан все это видит, вот и распоясался. У Атакузы только на языке — кудагай, на самом же деле Фазилат для него — пустое место. Аллах знает, может, еще и стыдно ему, что роднится с ней. Дает понять всем: истинный сват его — Бурибаев! Вон куда гнет.

Потому и устроил царский прием Бурибаеву, в горы возил, барана зарезали в его честь. А вчера, как вернулся с гор, еще барана зарезали. Музыканты, которыми тешил гостей, уехали в город, так он школьных учителей заставил, есть там такие — хорошо умеют играть и петь. До самого утра пировали в саду. Фазилат уснуть не могла, ее дом через

улицу — все слышно. Под их музыку вспоминала прошлое. Проплакала всю ночь. Кадырджан — дай бог, чтобы жизнь его была долгой! — не отходил от отца, вместе с ним веселился, а утром уехал провожать. А Латофат, как и мать, не сомкнула глаз. До самого рассвета слышны были шаги в ее комнате, и свет то зажигался, то гас. Через улицу из сада Атакузы неслись пьяные крики: «Молодцом, Джамал Бурибаевич! Пусть живет Джамал-ака сто лет!»

Как ведь обидно... В детстве Атакузы был такой добрый, отзывчивый. А теперь что с ним стало! Ну хорошо, допустим, не считается с нами, с женщинами, не берет во внимание ни Фазилат, ни дочь ее, уверен ведь — никуда им не деться. Но бедный старик, его родной дядя! О нем хоть бы подумал.

Фазилат не видела домлу Нормурада с самой войны. А месяц назад посмотрела на него в день траура и несколько дней не могла прийти в себя. Ничего не осталось от прежнего Нормурада. Тогда, до войны, он казался большим, крепкий такой был, коренастый. Красивый был мужчина. А лицо какое! Робела смотреть на него — такая была в лице его мудрость.

Сегодня Фазилат еще раз увидела домлу, теперь уже вблизи, и опять зануло сердце. Посреди комнаты с книгами стоял маленький, сгорбленный старик с усталыми, глубоко запавшими глазами, и лишь большая лобастая голова напоминала прежнего Нормурада Шамуродовича.

И не такой уж он суровый, как представляла себе раньше. Будь она на его месте, не пустила бы ее, Фазилат, и на порог. Ведь откуда было ему знать правду — что случилось с ней. А если и слышал что, так это еще хуже, чего только люди не наговорят...

* * *

Странно, каждый раз, когда Фазилат думает о Джаббаре, в памяти всплывают не счастливые дни первых свиданий, не тайные поцелуи в кишлачных садах, нет, вспоминалась другая — тревожная встреча на Комсомольском озере в Ташкенте.

Прошла неделя после начала войны. В тот день по радио выступил Сталин. С неожиданной откровенностью прозвучали его слова, и люди все поняли и содрогнулись...

Знаменитый сейчас парк у Комсомольского озера в то время только-только открылся. Каждый вечер устраивались в нем народные гулянья, гремели литавры, пели карнаи и сурнаи, канатоходцы показывали свое искусство — по тросу, протянутому над озером, переходили с берега на берег.

Фазилат пришла в парк задолго до условленного времени. Здесь будто ничто не изменилось: было многолюдно, гремели литавры, трубно взывали к гуляющим карнаи и сурнаи, а под канатами в нетерпении гомонила детвора. Но для Фазилат все стало иным: и литавры словно присмирели, и карнаи не пели, а стонали, плакали, словно провожали на войну.

На аллее показался Джаббар. Она сжалась — он тоже был не тот.

В зеленой гимнастерке, перехваченной ремнем, в тяжелых кирзовых сапогах — не узнать. Снял пилотку — пугающе суровой показалась новая короткая стрижка.

В груди заныло...

— Вы тоже... на фронт?

— Нет, пока что на строительство. Но скоро должны отозвать.— Джаббар испытующе взглядывался в глаза Фазилат. Потом взял ее руку.— А что ты собираешься делать?

— Я... Закончатся экзамены — поеду в кишлак.

— Правильно! — Джаббар обрадовался.— Очень будет хорошо, если ты до моего возвращения поживешь в кишлаке.

Глаза Фазилат наполнились слезами.

— Зачем так говорите? Будто сегодня уже едете на фронт...

— Фронта не миновать. Ты же умная девушка, должна понять.

— Значит... мы больше не увидимся? — у Фазилат задрожали губы.

— Ничего не могу сказать тебе сейчас, Фазил. Когда призовут, постараюсь повидать тебя. Хоть на час — обязательно приеду.— Джаббар взял в ладони ее мокрое, заплаканное лицо.— Запомни одно, Фазилат: где бы я ни был, в какие бы переплеты ни попал, ты всегда будешь со мной. Я буду драться с врагом, потому что ты меня ждешь. И постараюсь вернуться с фронта живым, потому что ты меня ждешь. Запомни это, Фазил!

Джаббар стал целовать ее глаза, брови, губы. Как он ее целовал! Весь горел, будто от предчувствия разлуки и беды.

На следующий день Джаббар уехал на строительство, куда — не сказал, наверно по специальности. В тот год он закончил второй курс института железнодорожного транспорта.

Фазилат, сдав последний экзамен, отправилась в кишлак. Дыхание войны чувствовалось и там.

Не каждый день, но в неделю раз кишлак провожал своих джигитов на фронт. Призывники собирались на базарной площади перед куполовидной мечетью, и стены древней крепости сотрясались от плача матерей, невест и старух. Шумела, путалась в ногах детвора. «Илохи омин! — Да благословит вас аллах!» — напутствовали джигитов старики.

Всю неделю перед прощальным днем в кишлаке играли свадьбы. Уходящие на фронт торопились соединиться со своими подругами. Плакали карнаи, сурнаи, женщины тянули печальные свадебные «яр-яр» — это как обычно. А потом джигиты поднимались на стены древней крепости, и до самого рассвета кишлак слушал их песни. Эти песни! Чуть хмельные голоса, печаль и удаль в них — как все это разрывало сердца девушек, особенно тех, кого война уже разлучила с милыми...

Фазилат не гуляла на свадьбах. По вечерам, сидя дома у амаки — дяди по отцу, невольно прислушивалась к печальным свадебным «яр-яр». И потом, ночью, грустно-удалые песни джигитов не давали ей спать. Все думала о Джаббаре, и ей казалось — он уже давно на фронте.

Джаббар продолжал работать в степи, там проводили железную

дорогу. Почти каждый день приходили от него письма. Их приносил ей Атакузы, приносил тайком, потому что амаки строго следил за нею. Какне это были письма! Горячие, как его поцелуи, грустные, как увядшие стебли степной травы, вложенные в них.

Кажется, шли последние дни октября. Однажды вечером Фазилат сидела за книгой под тусклым светом семилинейной лампы — не могла уснуть. Неожиданно постучали в окно. К стеклу прильнуло лицо Атакузы.

— Джаббар-ака приехал!

Фазилат, ничего не видя перед собой, кинулась к вешалке, где висел ее платок, потом к сундуку — за камзолом. Секунды не прошло, выбежала в тенистый сад.

Джаббар ждал ее в дальнем углу за арыком. Они кинулись навстречу друг другу, обнялись и замерли, зэстыли.

Ломоть холодного полумесяца то смотрел сквозь редкие темные облака, то прятался в них. С гор дул, повистывая, холодный ветер, и большой оголенный сад глухо шумел. Наконец Фазилат оторвала голову от груди Джаббара, жадно всматривалась в обросшее щетиной, незнакомое, испуганное лицо. Робко спросила:

— Вы уже на фронт? Как же так?

— На фронт, — сказал Джаббар и еще крепче обнял ее. — Остаться не могу, даже если будут оставлять. Ты же умница...

— Когда?.. Когда уезжаете?

— Завтра. Но отсюда я должен уехать сейчас. Надо успеть на двенадцатичасовой поезд.

Фазилат испугалась — вот она, настоящая разлука, сейчас, сию минуту он уйдет от нее. Обхватила его плечи, забилась, зарыдала.

— Фазил! Фазил! Не мучь меня! — Джаббар сам еле сдерживал слезы. — Я должен уйти сейчас, немедленно. Приехал на секунду, посмотреть на тебя. И благодарю судьбу, увиделись. — Он сжал ее лицо ладонями, как в прошлый раз, на озере, и стал целовать в губы, в глаза. — Ты помнишь, что я сказал тебе тогда на озере? Ради тебя я постараюсь выжить! И до тех пор, пока что-нибудь не случится...

— Джаббар-ака! — взмолилась Фазилат. — Не надо, Джаббар-ака.

— До свиданья, Фазил! Милая, единственная моя, будь терпелива. Я вернусь. Я обязательно вернусь!.. Атакузы! Где ты? Отведи ее домой! — Джаббар с силой оторвал от себя Фазилат, одним махом перепрыгнул арык и побежал к поджидавшим его в темноте всадникам.

Некоторое время Джаббар учился на курсах танкистов, где-то на севере Казахстана. И вскоре, в феврале сорок второго, отправился на фронт... Пять месяцев шли от него письма. Треугольники, исписанные химическим карандашом... Бывало, получит такой треугольник Фазилат и оживает, как земля в засуху под летним дождем. И плакала, и улыбалась, читая. А потом целый месяц не было писем. И Атакузы куда-то пропал, исчез. Ровно через месяц он шальным ветром ворвался в класс — Фазилат учила детей в школе. Босой, без шапки, подняв треугольное письмо выше головы, крикнул с порога:

— Жив Джаббар-ака! Он ранен. В госпитале сейчас!

Фазилат не смогла сдержаться. Притянула бритую голову Атакузы к себе и на глазах у класса расплакалась.

Джаббар писал, что ранен в ногу, что «если будет суждено, скоро увидимся».

В этой надежде прошло еще два месяца, настало лето. Почти все мужское население кишлака ушло на фронт. Ушел и председатель колхоза. На его место райсом поставили амаки Фазилат, ее дядю. Слабый он был человек, нерешительный.

Однажды амаки вызвал Фазилат в правление:

— Ты уж оставь на время школу. Боюсь, и счетовода заберут на фронт. Поработай с ним. Подучись у него немного.

Так Фазилат оказалась в конторе колхоза. Вот тогда-то и появился в кишлаке Джамал Бурибаев.

Как-то Фазилат сидела одна в конторе, считала. На улице зацокали о каменистый грунт копыта. Фазилат подошла к окну. У дверей конторы остановилась пара сытых вороных, запряженных в старинный фэтон. Из фэтона вышел рослый, статный мужчина — новая военная гимнастерка, военная фуражка. Чекая шаг, поскрипывая хромовыми сапогами, он шел прямо к ней. Первой мыслью было — «Джаббар!», но тут же поняла — ошиблась.

Незнакомец остановился у открытого окна, стал в упор разглядывать Фазилат.

— Где раис?

— В степи. На жатве, — с трудом шевельнула губами.

— А вы кто такая?

— Я... помощник счетовода...

Снял с головы фуражку, пригладил черные волосы — они так блестяли, словно приезжий только что вынырнул из воды. Усмехнулся:

— Молодцом раис! Знает, кого взять в счетоводы.

Фазилат покраснела:

— Он мой амаки.

— Ах вот оно как... Зачем же ваш амаки прячет от нас такую племянницу? Как тебя зовут, красавица?

— Фазилат.

— Фазилатхон, значит. И имя красное. Ну, складывай быстрее свои бумаги и садись в фэтон!

— Я? Зачем?

— Хочу прокатить тебя! — рассмеялся военный, но сразу же нахмурил брови. — Я — Бурибаев! Может, слышала?

— Ой, председатель райисполкома?..

Бурибаев довольно улыбнулся:

— Вот видишь, мы, выходит, знакомы. Значит, покажешь нам дорогу в степь. Поторопись, пожалуйста!

В широком фэтоне с огромным откидным зонтом они сидели вдвоем. Старик кучер торчал на облучке. Фазилат стало не по себе, забралась в самый угол. Бурибаев придвинулся, пошутил:

— Хотя слово «бури» и означает «волк», у меня только фамилия Бурибаев. Если сама не захочешь, я тебя не съем!

Всю дорогу Бурибаев рассказывал разные истории, старался разве-

селить Фазилат. То смеялся, а то вдруг делал вид, что грустит: тяжело вздыхал, хмурил брови. Фазилат почти не слушала его шуток, ни разу не улыбнулась. Она сидела, пугливо прижавшись в угол, ей было не по себе, казалось, в чем-то поступила нехорошо. Скоро убедилась, что и другие думают так. Фазтон проехал мимо поля. Там жали ячмень женщины. Они зашушукались, поглядывая на нее. И совсем уже вышло нехорошо, когда на хирмане — гуме встретились с Атакузы.

Мальчишка прутиком погонял волов, тянувших волокушу. Старая рубашка намочла от пота, штаны засучил до колен, закрылся от солнца войлочным киргизским колпаком допотопных времен. Увидел Фазилат, как она выходит с Бурибаевым из фазтона, и сначала застыл, открыв рот, а потом в сердцах стегнул волокушу и резко отвернулся.

И тогда Фазилат, встретив презрительный взгляд Атакузы, дала себе зарок — никогда больше Бурибаева не подпускать. Но чем больше она его избегала, тем упорнее он искал встреч. Зачастил в кишлак и каждый раз непременно заглядывал в контору. А потом и еще придумал: стал вызывать Фазилат в район, в канцелярию исполкома — помощь, мол, там нужна.

И странное дело: каждый раз, как звонили от Бурибаева, в конторе поднималась суматоха. Бегали, искали Фазилат, если ее не было на месте. Амаки собственноручно снаряжал арбу. Сам отправлял ее в район. Несчастный дрожал при одном имени Бурибаева. И конечно, когда она приезжала, Бурибаев находил предлог, покидал свой кабинет и подолгу сживал в канцелярии. Пытался пригласить ее на вечеринку, в парк. Туманно намекал: им надо «быть вместе». От вечеринок, от прогулок Фазилат решительно отказывалась. Она если не каждый день, то раз в неделю получала письма от Джаббара и с нетерпением ждала — скоро приедет. Но Джаббар не приехал. Три месяца лечился в госпитале, а потом пришло письмо — отправили на фронт. И еще одно письмо было. Писал: «Не сегодня завтра вступим в бой». Его последнее письмо! Спустя два месяца — был конец октября — амаки робко заговорил с ней о Бурибаеве. Уверял, что плохого тот ей ничего не сделает. Помыслы у него самые чистые, готов даже разойтись с женой.

Фазилат бросилась в слезы, заявила прямо — не желает и слушать про Бурибаева, будет ждать только Джаббара, всю жизнь ждать. А, не дай аллах, не вернется, все равно за Бурибаева не пойдет. Амаки расстроился, хлопнул дверью.

И еще месяц минул. Шел конец ноября. Какой страшный был день! Пришла утром на работу и увидела на столе конверт. Нет, то был не долгожданный, свернутый руками Джаббара треугольник, а настоящий почтовый конверт с большой печатью.

Фазилат посмотрела и взмокла от холодного пота. Дрожа раскрыла конверт. Почитать не смогла — в глазах потемнело, пошатнулась. Схватила за стул, а потом опомнилась уже на полу. Это было «черное письмо» — похоронка.

Неделю, а может, и больше ходила не помня себя. Когда немного опомнилась, подумала вдруг — а почему это «черное письмо» пришло не к родителям Джаббара в Ташкент, а сюда, к ней, на ее имя? Побежа-

ла на почту. Там объяснили: «Должно быть, в кармане Джаббара нашли твой адрес и твою фотографию, поэтому и похоронку адресовали тебе. Война!»

Прошел месяц, странный месяц. Фазилат будто не жила. Двигалась, работала, говорила с людьми, но все это делала не она — ее руки, ее ноги исполняли привычное дело, она же сама была далеко... Плохо помнит Фазилат то время. И в эти дни амаки не отставал от нее. Упрашивал, уговаривал, кричал, топал ногами, грозил, бросался перед ней на колени. Наконец в ход были пущены слезы. Он умолял Фазилат согласиться, говорил: если она откажет Бурибаеву, тот снимет его с работы, пошлет или на фронт, или в рабочий батальон.

Тут она будто очнулась. Амаки, пожилой мужчина, плакал перед ней, просил. О чем? Не все ли ей равно? Для нее все погибло. Несчастный амаки, чем она могла помочь ему? Что ответила ему, Фазилат не помнит. Помнит только, что амаки усаживал ее в арбу, совал бумаги, бормотал — вызывают в район с отчетом. Она поехала. Там все и случилось. Кто-то встретил ее в пути, о чем-то говорил, повернул арбу совсем на другую дорогу. Она не успела даже испугаться... Ей было все безразлично...

Бурибаев не забрал Фазилат в город. Устроил в домике с двумя комнатами рядом с правлением. Там и маленький той справил, пригласил только счетовода и амаки. Все тихо, тайно.

Вначале приезжал каждый день, большей частью за полночь. Входил, скрипя сапогами, охлопывая камчой полушубок, стряхивая снег, нетерпеливо дергал задвижку.

Была в нем жестокая черта: он совершенно не терпел слез. Его раздражал печальный вид Фазилат. Громко, по-хозяйски стуча сапогами, играя плетью, заходил в дом, и не дай бог — она не встретит его с улыбкой, а еще хуже — обронит слезу. Мгновенно выходил из себя, бледнел, командовал:

--- Кончай траур, ханум! Сейчас, может быть, в эту самую минуту, тысячи джигитов гибнут на войне. Тысячи молодых женщин остаются вдовами. А мы с тобой целы и невредимы, живем в тепле и уюте. Надо благодарить судьбу, ханум. Каждый день — на вес золота! Дорожить этим золотом надо. А ну, подавай на стол. Своею нежной ручкой налей-ка вина в пиалу. Улыбнись! Вот так, ханум.

Фазилат все больше молчала, подчинялась без ропота. Она боялась Бурибаева. Он был для нее действительно бури — волк. Не только что ронять при нем слезы — обиду высказать не смела, когда по неделям не приходил. Даже странно — чувствовала себя вдвойне оскорбленной, после всего взял и бросил. Порой ей представлялось — все это мрачный, нескончаемый сон, блуждает она во мгле и не может найти просвета...

Наступил январь сорок третьего. Кишлак утонул в глубоком снегу, дома стали как бы ниже, улицы уже. На весь колхоз лишь в одном месте — в правлении — было радио, да и там громкоговоритель оживал раз в сутки, и то на час. Газеты приходили раз в неделю. Но стоило хоть двоим встретиться, разговор сразу заходил о фронте. У всех на устах было одно слово: Сталинград!..

Фазилат сидела в холодной конторе, стучала озябшими пальцами на счетах. За окном промелькнула стайка мальчишек. Дверь шумно хлопнула, и ребята ватагой ввалились в комнату. Впереди — Атакузы. В руках — газета «Кзыл Узбекистан», в глазах — восторг. Но когда Фазилат встретилась с ним взглядом, она увидела в глазах его отчаянный мальчишеский гнев.

— Вот! — Атакузы покрутил газетой над головой. — Джаббар-ака жив! Джаббар-ака — Герой Советского Союза! Посмотрите сюда — весь Ташкент встречал его! Девушки красивее, чем вы, в сто раз и лучше в сто раз встретили его с цветами!

Атакузы бросил газету на стол перед Фазилат и, боднув головой стоявших в дверях друзей, выскочил на улицу. Фазилат не могла двинуться. Она не отрывала глаз от газеты.

Атакузы говорил правду. В газете она увидела снимок: толпа девушек с цветами встречала выходящего из вагона Джаббара, а над снимком — крупные буквы: «Узбекский народ приветствует своего сына-героя!...»

Вечером в сумерках явился Бурибаев — слегка во хмелю. Походка нетвердая, беспокойные глаза так и бегали.

Фазилат проплакала весь день и теперь лежала на кровати без сил, неподвижно уставившись в потолок. Джамал Бурибаев ворвался с вихрем холода, спросил, еще не сняв полушубка:

— Выходит, уже слышала, ханум?

Вместо ответа она прижала платок к глазам. Наполнив комнату снежной пылью, Бурибаев скинул с себя полушубок, швырнул на него бровровую ушанку, изо всей силы топнул:

— Хватит реветь! Не затевай траура, пока я жив! Плачь после моей смерти. А теперь поговорим о похоронке...

— Похоронка? Вы же сами забрали ее у меня...

— А ты слушай! — Бурибаев заложил руки за спину, прошелся по комнате. — Таких случаев, когда приходит похоронка, а потом человек оказывается в живых, сколько угодно. Ничего не поделаешь — война! Этот герой, говорят, приехал в отпуск. Если зайвится сюда, zapomни: ты не знаешь меня, а я тебя! Только до его отъезда, а потом будет порядок. Если же что узнал и пристанет с расспросами, отвечай: вышла за меня по любви! Полюбила, ясно? А насчет похоронки — не помнишь, куда сунула. Может, даже сожгла. Ты поняла меня?

Фазилат с горя онемела. Прижавшись к стене в углу постели, она смотрела на него расширенными, огромными глазами. При его последних словах не выдержала — зарыдала.

Бурибаев молча стоял над ней. Сквозь слезы Фазилат видела плотно сжатые кулаки и странно прыгающую ногу в блестящем сапоге. Трус! В эту минуту она не боялась Бурибаева. Хотела, ждала — пусть бы повалил ее, начал бить. Пусть душит, растопчет вот этими начищенными хромовыми сапогами. Но Бурибаев вдруг разжал кулаки, прогнал гнев с лица. Он не кричал, не командовал, как обычно. Нагнувшись, поправил ее рассыпавшиеся волосы, осторожно погладил их. Фазилат вздрогнула и невольно, будто ее коснулась змея, отодвинулась в сторону. Он и тут не вышел из себя. Тихо сказал:

— Не бойся, дорогая! Все это ненадолго. Приходится поступать так, пока этот человек не уедет обратно. А потом... потом все встанет на свое место. Я официально оформлю наш брак. Заберу тебя в город. Ты же знаешь, я не могу без тебя. Одна только просьба: не забудь того, что я сказал,— ты ко мне пришла по любви. И все. Иначе нам будет плохо. Особенно тебе. Я-то мужчина, как-нибудь выкручусь, но ты — о себе подумай. Нам надо действовать с умом.— Бурибаев робко, нерешительно погладил плечи Фазилат, надел полушубок и вышел.

Прошел час, не больше. В дверь снова постучали. Особым чутьем, присущим лишь женщине, Фазилат, еще не тронувшись с места, поняла — Джаббар! И не обманулась. На пороге, чуть не доставая фуражкой до притолоки, в шинели с золотыми погонами стоял Джаббар! А за ним — верный Атакузы.

Смуглое лицо, ввалившиеся щеки и странно спокойные, прищуренные глаза — Джаббар не гневался, не укорял. Он испытующе и, как ей показалось, брезгливо смотрел на нее. Она пошатнулась, а может, и упала — не помнит. Потом оказалось, сидит на кровати, а Джаббар все так же беспощадно смотрит на нее.

— Я все знаю,— Джаббар отвернулся к оледенелому окну.— Вы, значит, три месяца не получали моих писем?

«Четыре! Не три, четыре месяца не получала!»

Фазилат не помнит, то ли выкрикнула эти слова, то ли они лишь в мыслях пронеслись. Скорее всего, молчала. Почему же иначе Джаббар так и не оторвал взгляда от затянутого ледяным узором окна? Глухо сдерживая себя, сказал:

— Я выясню причину. Завтра же выясню. Знаете, не было дня, когда бы я не писал вам!

— А я? А мои письма?

— Нет, не получал. И это тоже узнаю. Но не в письмах дело. Говорят, вы получили извещение о моей смерти? Где оно?

Вместо ответа Фазилат бессильно упала на колени, простонала:

— Похоронка!.. Он только что говорил про нее.

— Кто «он»? Бурибаев?

— Да...

— Вы ему отдали похоронку?

— Он сам взял. Давно. Может, порвал, сжег. Да вы же... Вы же ничего не знаете...— Фазилат упала ничком, прижалась лицом к ковру, хотела заглушить плач.

Джаббар молчал. Потом она услышала одно лишь слово:

— Ладно...

Раздались чугунно-тяжелые шаги, и кончилось, все кончилось...

Целую ночь и весь следующий день Фазилат пролежала дома, уставившись в потолок. Вечером не зажигала лампу. В поздний час амаки постучал в дверь:

— Фазилат, где ты, детка моя? Почему не зажигаешь свет? — Ощупью пробравшись в комнату, амаки засветил лампу.— Что с тобой, детка? Вставай, оденься. Пойдем к нам. Тетушка твоя приготовила ужин, ждет тебя.

Фазилат молча поднялась, молча надела свое, еще со студенческих лет, пальто и послушно пошла за амаки.

О амаки, этот амаки!..

На улице ее ждали двуконные сани Джамала Бурибаева.

Фазилат двигалась как заведенная. Амаки сел впереди, она сзади и тут вдруг увидела за углом в темноте двух всадников.

— Товарищ Бурибаев! На минутку! — раздалось оттуда, из мрака.

Джаббар! Это был Джаббар. Амаки узнал его — взмахнул плеткой, изо всей силы стегнул коней. Оставляя за собой снежный вихрь, сани помчались вперед.

Когда Фазилат вошла в дом амаки, Джамал Бурибаев был уже там. Большую гостиную освещала тридцатилинейная лампа-молния. Но углы тонули в темноте. Посреди комнаты на маленьком столике — хантахте — стояла початая бутылка водки, рядом — две кукурузные лепешки, на тарелке яблоки и гранаты.

Из неосвещенного угла гостиной навстречу Фазилат нетерпеливо выступил Бурибаев. Подоспевший амаки жестом отозвал его в сторону. С минуту они пошептались во мраке коридора. Бурибаев вернулся в гостиную, торопливо накинул на себя сброшенный на кровать полушубок и, застегивая ремень, сказал:

— Вот что, ханум! Этот самый Джаббар, оказывается, побывал сегодня в районе. Проверял насчет почты. Возможно, завтра тебя вызовут туда. Прошу — отвечай, как условились, ты...

Он замолчал на пороге. С грохотом распахнулась дверь, и на пороге вырос Джаббар.

Амаки ринулся было из дому. Джаббар движением пальца остановил его, всем телом загородил дверь. А сам не сводил глаз, глядел в темный угол, куда затравленным зверем отступил Бурибаев.

— А, товарищ начальник! Мы вас ищем целый день, а вы, оказывается, здесь пропадаете...

Из темного угла — глухой голос Бурибаева:

— Если у вас дело ко мне, пожалуйста, в исполком...

— Мы и здесь можем потолковать. Где мои письма, которые я посылал с фронта?

— Странный вы человек! Откуда мне знать про ваши письма!

— Вот как? Значит, не знаете? Наверное, скажете, и к извещению о смерти моей не причастны? Кто сочинил похоронку?

Бурибаев пытался что-то сказать.

— Стой! Не перебивай меня, прохвост! Я... мы сражаемся на фронте, кровь свою проливаем за Родину, за народ, а ты!.. Такие сволочи, как ты, здесь, в тылу, творят пакостные дела! — Джаббар нагнул голову, молодым бычком пошел на Бурибаева.

Бурибаев, перебирая руками по стене, стал медленно отходить вбок. Вдруг схватил со стола бутылку и со всего размаха бросил ее под потолок — в лампу, кинулся к окну, ногой вышиб раму и под градом посыпавшегося стекла прыгнул в проем. Джаббар, опрокинувший в темноте столик-хантахту, успел, должно быть, ухватить беглеца за полу полушубка. С шумом и треском Бурибаев рухнул в темень сада.

— Стой, подлец!

Яркие звезды в черноте окна на миг заслонила широкая фигура Джаббара, и он исчез во тьме.

— Стой, стрелять буду!

Тяжелый топот бегущих людей, два резких пистолетных выстрела...

Слезливый стон амаки — последнее, что услышала Фазилат. Она, будучи раненная теми выстрелами, упала на ковер.

Сколько прошло времени, не знает. В желтом свете керосиновой лампы увидела упавшего на колени амаки, он дрожал как в ознобе. Против него над опрокинутым столиком стоял Джаббар. Услышала, как ей показалось, издавдала тяжелые, как удары молота, слова Джаббара:

— Увернулся, гадина, от пули. Удрал! По всему видно, законченный гад. Ну, а вы... как же вы-то, раис! Как могли?

— О сынок! Вы не знаете!..

— Знаю! Трясетесь за свою голову! Да цена-то велика. Подумайте, как взглянете в глаза людям после войны.

Может быть, он услышал тихий стон Фазилат. На нее не посмотрел, только сказал:

— Ладно, будьте здоровы! Будьте здоровы, Фазилатхон!

Его последние слова. На следующий день Фазилат узнала, что он уехал на фронт и к родителям в Ташкент не заглянул...

Всю неделю Фазилат не выходила из дома амаки. На седьмой день в сумерки явился Бурибаев. Вместо полушубка на нем была шинель, вместо бобровой шапки — фуражка. Он заметно сдал, осунулся.

Долго не рассиживался, наспех выпил пиалу чая и заспешил.

— Я отправляюсь на фронт,— подошел к Фазилат (с того памятного дня она не вставала с постели).— Не знаю... если в чем виноват, то только в том, что полюбил тебя. Искуплю вину своей кровью. Так я им сказал — в райкоме обсуждали наше с тобой дело. Видишь, еду на фронт. Будем живы, может, еще и увидимся...

Да, так уж несовершенен, оказывается, этот мир. Немного времени прошло, услышала она — погиб Джаббар. Похоронка пришла на этот раз в Ташкент, к его родителям. Погиб смертью храбрых в ожесточенных боях на подступах к Харькову. Так, говорили, было написано. На этот раз «черное письмо» оказалось правдой. А Джамал Бурибаев?.. Он вернулся летом сорок пятого. На плечах — погоны старшего лейтенанта, на груди ордена и медали, планка-нашивка — два раза был ранен. Пришел, по-геройски выставив грудь...

А у нее был первенец. Родились один за другим еще двое детей. Первенький-то погиб, бедняжка, попал под машину. Ради детей терпела унижения, обиды. А потом столько лет несла нелегкую долю брошенной женщины. Жена не жена, вдова не вдова. А он, тот, кто принес ей столько горя и унижения, он всегда на коне. Вот и сейчас — главный гость Атакузы, главный сват, ему — все почести. И сын Кадырджан, дай бог, чтобы голова его была крепка, как камень,— заодно с отцом, нет в нем ни гордости, ни сострадания к матери. Зато дочь!.. Дай бог ей долгой жизни, выросла честной, отзывчивой. Чуткая душа! И девушка гордая. Неужели у дочки жизнь будет такой же горькой, как и у матери... Как отвести беду? К кому пойти?

Сон не придет — поняла Фазилат и поднялась с постели. Ей было душно. Прошла по двору, но и двор показался тесным. Набросив на голову платок, вышла на улицу...

Перевалило за полночь. Чуткая к ночным звукам тишина повисла над безлюдной улицей, легкий шелест листвы тополей да тихий говор воды, бегущей по арыку, не мешали ночному покою. Лишь изредка нарушал его лай собак. Погас свет в домах. Но одно окно светило. По ту сторону улицы, немного левее двора Фазилат, в одном из окон горел свет. Это домла не спит. Беседует с доцентом? А может, как и она, сидит один, растревоженный стычкой в саду?

Фазилат будто кто-то за руку повел. Перешла улицу и в густой тени деревьев медленно приблизилась к освещенному окну.

Оно было раскрыто. Прямо перед ним, за широким письменным столом, сидел домла. Положил локти на цветную карту, расстеленную вместо скатерти. Что-то писал, обложенный большими папками и стопками бумаг. Нет, он только держал ручку, уставился в темноту — весь во власти своих, видно, невеселых дум.

Настольная лампа высветила глубокие борозды на просторном выпуклом лбу, резкие складки у большого, мясистого носа, сетку мелких морщин в углах задумчиво-усталых глаз. Громадная лобастая голова домлы всегда приводила Фазилат в трепет, но сейчас он казался ей таким одиноким и грустным, что не сдержала жалости, сама не заметила, как тихо всхлинула.

Домла встрепенулся, будто вспугнутая большая птица, широко раскрыв глубоко запавшие глаза:

— Кто это там?

— Я, отец, Фазилат...

— Фазилат? — переспросил старик, отодвигая в сторону настольную лампу. — Какая Фазилат?

— Та самая... — Фазилат хотела сказать: «Та самая, несчастная Фазилат», но, не удержав себя, громко зарыдала...

— А, Фазилат... — Он замигал ничего не выдающими в темноте глазами, привстал с места. — Что случилось? Опять этот глупец? Скандалист?

Фазилат не ответила. Она боролась с собой, пыталась удержать всхлипы, душившие ее. Опершись руками о стол, Нормурад-ата всем телом подался вперед. Он только теперь увидел за окном женщину, она припала к стволу тополя, обняв его.

— Что случилось? Говорите же в конце концов!

Фазилат вытерла концом платка слезы.

— Простите, простите, ради аллаха... — и снова не сдержалась, заплакала.

Домла молча глядел в темноту. В лице его все больше проступала нерешительность, а потом и сострадание.

— А ну, найдите-ка сюда. Пожалуйста...

Фазилат не знала, куда скрыться от стыда и раскаяния. Уже хотела

бежать, но тут открылась дверь, смутно замаячила в чуть освещенном проеме фигура старика.

— Где вы? Фазилатхон! Ну-ка, идите сюда, идите...

Прикрывая концом платка губы, пошла за домлой. Старик, наткнувшись на груды книг, провел ее в свой кабинет:

— Сюда, сюда... Пожалуйста...

Фазилат осторожно присела на край стула у самых дверей.

Беспорядок в доме, сиротливо-жалкий вид самого домлы снова сжал ей горло.

— Так что же? Опять приходил Хайдар?

Фазилат молчала.

Лохматые седые брови старика сошлись на переносице, лицо сделалось сурово-холодным.

— Стоите ночью у меня под окнами, плачете... Говорите, чтобы простил. Если собрались вспоминать прошлое — не надо.

— Да, да, не надо! — горячо подтвердила Фазилат. — Я вас понимаю. Вы не думайте, я не затем пришла, не оправдываться... Сама не знаю, случайно. Захотелось немного пройтись. Вижу — горит свет в окне. Подошла, увидела вас и...

— И не надо... — шепнул домла. Опять неуверенность на миг отняла у него силу.

— Я понимаю, что не надо. И все же... все же я виновата перед вами, перед вашим сыном, навсегда виновата...

Тяжелая черная рука Нурмурада Шамурадова сжалась в кулак, он хотел крикнуть: «Хватит, ни к чему все это!» И тут вдруг вспомнились строки из письма старушки: «Сыночек, родненький, не сердись ты на отца. Вернешься живым и здоровым — соединишься с возлюбленной. Лишь бы голова твоя была как камень крепкой». Пальцы домлы сами собой распрямились.

— Ладно, доченька, не надо трогать старую рану, не мучь ни себя, ни меня...

— Я же не хотела трогать... — осторожно стала оправдываться Фазилат. — Видит бог, не хотела. Только вот... Если б вы знали, как все было! Если б знали!

— А я знаю, доченька...

— Нет, не знаете вы, отец! Не знаете! — И такая боль, такая тоска послышались в отчаянном крике женщины, что старик замолчал.

Долго в эту ночь не ложился домла — все слушал путаную, горячую исповедь Фазилат. Вот уж никогда не думал, что придется снова услышать ту горькую и нечистую историю, да еще из уст самой Фазилатхон. Он всегда закрывал уши, не желая знать подробностей. Боялся, что, узнав, еще больше возненавидит виновницу их беды. А вот слушает. Ни разу не перебил, не переспросил ни разу. Сердце ныло, иногда только стискивал зубы, чувствовал, что задыхается от гнева. Но не на эту рано поседевшую женщину с горестным лицом был направлен его гнев. «Будущий сват» — вот кто заставил его мелко дрожать, сжимать кулаки. Откормленный гусак! Она же... Домле захотелось обласкать, погладить поседевшие волосы. Успокоить хотя бы добрым словом...

Но опять вспомнил Бурибаева, его козлиный голос. Оцепенев, застыл, уставился куда-то вдаль, сквозь стену. Только губами шевелил.

— Попался бы ты мне под руку... В двадцатом... А ты-то что молчала? Учительница! Простила ему? Почему не поехала сразу в райком?..

— Так он же...

— «Он же»!.. В обком почему не кинулась? В Ташкент! К ногтю, к ногтю их надо, таких!.. — это в нем уже ревел красный конник двадцатых годов.

— Отец... Как кинешься? Кто он и кто я...

Она смотрела на него удивленными, покорными глазами. Такими знакомыми грустными глазами, напоминающими одинокий огонек в ночной степи.

И перед домлой вновь почему-то возникла Гульсара. Отчетливо увидел — сидит на берегу арыка. А он, гневный, переполненный своей великой правдой, грозно сжимает кулаки. Гульсара испуганно и покорно смотрит на него, кротко, без слов валится на кустики базилика...

Домла обхватил голову руками и вдруг тихо затрясся всем телом...

Много слез видела Фазилат. Плакали, бывало, и мужчины в годы войны. Но профессор Нормурад Шамурадов, такой суровый, один вид его приводил в трепет... Плач домлы пугал и хватал за душу. Фазилат вскочила с места, заметалась, хотела подать воды, но домла вдруг очнулся, торопливо провел платком по глазам, сердито кашлянув, хрипло и как-то неуверенно, непонятно заговорил:

— Сколько лет прожили с ней... Сам тоже хорош... Лучше всех... Нет, не мне трогать людские раны...

— Я совсем не хотела трогать. Просто то, что делает ваш племянник, переполнило сердце...

— А что он делает?.. О чем вы говорите?

— Я маленький человек. Хоть и завлюбом. Но вот он, Атакузы-ака, зачем призвал сюда этого человека? Величает сватом, превозносит до небес. А нас с дочкой и за людей не считает. Неужели он забыл, как все было?

Домла поглаживал мягкий седой пух на висках и молчал. «О доченька, доченька! Разве только с вами? Со мной, со своим дядей, перестал он считаться... Что делать, доченька, что делать?»

Сегодня утром домла выехал из лесничества с твердым намерением поговорить с Атакузы — спокойно, по душам, как отец с сыном. Теперь для такого разговора появилась дополнительная причина. Они — домла, Прохор и Уразкул — написали письмо в защиту Минг булака. Это произошло, когда удалось успокоить разбушевавшегося Уразкула.

Сначала старики долго спорили: куда адресовать письмо? Прохор предлагал не размениваться на мелочи, направить прямо в Москву. Уразкул спустился чуть пониже, предложил подать жалобу в Ташкент. Домла же объяснил, что начинать полагается с низшей инстанции, уговорил их сначала обратиться в райком. И письмо сочинил так, чтобы не очень больно задело Атакузы.

В сущности, письмо было не очень уж плохим для Атакузы. Они

ратовали лишь за то, чтобы сохранить это чудо природы, Минг булак, и с этой целью рекомендовали перенести строительство животноводческого комплекса чуть подальше. Даже указали подходящее место. И все-таки домла чувствовал себя так, будто занес над головой близкого человека камчу. А все потому, что знал: вряд ли Атакузы правильно поймет его поступок. Оттого и хотел поговорить поскорее с племянником. Отослали письмо, и домла помрачнел, места себе не находил. Все три дня, что жил у Прохора, промучился, а сегодня утром попросил отвезти его в кишлак. Прощание с Уразкулом вышло натянутым, и домла твердо решил вернуть его сыну дом. Ехали на мотоцикле Прохора. По дороге попросил вернуть в степь. Если решил поговорить, думал домла, то надо говорить, имея полное представление обо всех делах Атакузы. И правильно поступил. Стало ясно, Атакузы замыслил в степи грандиозное дело. И городок строился продуманно — удобный будет для жизни и красивый. И поля толково распланировал, обсадил деревьями против степных ветров. Хлопок уже начинал цвести... И перед Прохором не стыдно. Как бы ни ошибался племянник, а если глаза есть, смотри: работать этот раис умеет, мыслит широко! Одно все же огорчило домлу: дренажи строили не закрытые, уже проверенные жизнью, а прокладывали по старинке открытые канавы. Видно, экономил средства. И вот уже они во многих местах засыпаны песком, засолились. Правда, на полях у Атакузы белесые пятна выступили не везде. Зато в соседних совхозах земля местами совсем белая, будто припорошена легким снегом. Было очевидно, воды недостает, и берут для полива сильно засоленные воды из коллекторов. Надо бы приехать сюда вместе с Хайдаром, подумал домла, посмотрели бы вместе на эти поля, поговорили бы. Может, и отойдет у парня душа. В конце концов, не враги же они.

И так захотелось домле поскорее, не откладывая, поговорить с Атакузы, развеять все недоразумения, что еще по дороге решил: «Поеду прямо к нему домой». Но у двора племянника стояли машины, — видно, принимал гостей. Пришлось отложить разговор. Прохор подвез домлу к его дому, тут же простился и укатил, тарахтя прогоревшим глушителем мотоцикла. Потирая затекшие ноги, домла двинулся к калитке. Рядом, во дворе племянника, дружно, раскатисто захохотали. Ворота распахнулись, и оттуда вывалилась во главе с хозяином оживленная толпа гостей. Люди солидные, представительные, гладкие, лоснящиеся лица выражали довольство, губы блестели от плова. Атакузы вел под руку Джамала Бурибаева.

Нормурад-ата заторопился открыть калитку и никак не мог попасть ключом в замок. Ушей достиг дребезжащий, будто визг немазанных колес, смех Бурибаева:

— Такой грех не возьму на душу! Кхе-хе-хе! Буду, конечно, буду на свадьбе, раис!

-- Вместе с супругой, Джамал Бурибаевич, обязательно! — гремел Атакузы. — А всякие суды-пересуды побоку, дорогой сват. Жизнь ведь! А в жизни чего только не бывает. Я дам телеграмму домле Мирабидову. Приезжайте вместе.

--- Благодарю, Атакузы-ака, благодарю. Ну, будьте здоровы!

— Нет, нет, я провожу вас до города. Вовсе не потому, что вы начальник управления. Свата поеду провожать. Ха-ха-ха!..

Домла вдруг ощутил — как он устал! Еле доплелся до своей комнаты, бросился на диван...

Так было днем. А теперь вот — ночная гостья. Племянник и впрямь крутится вокруг этого Бурибаева, а тут еще Хайдар скандал устроил. Несчастливая женщина!.. Домла грустно склонил голову, сказал:

— Да, да, я понимаю вас, доченька!

— Сват не считается с нами, и сын берет пример с отца. Вы сами видели, как будущий мой зять ведет себя, как унижает мою дочь, — жаловалась Фазилат.

Старик молчал. Пришло на память все, что слышал в последнее время про Атакузы. Сам того не замечая, грустно качал головой: жалоба этой женщины и разговоры о ловкости и тяжелом характере раиса — одного корня ростки...

«Что же происходит с Атакузы, в самом деле? Когда, где растерял он простые человеческие чувства? Когда успел стать таким черствым, бессердечным?»

Фазилат, видно, по-своему поняла молчание домлы, заговорила с неожиданной твердостью, гордо:

— Не подумайте чего плохого про мою дочь! Она не против свадьбы. Просто... больно ей, больно...

«Напугал племянник беднягу. Сильно напугал! Зачем, с какой целью этот глупец старается нагнать страх на всех?»

Поглаживая пушистые завитки над ухом, Нормурад-ата встал.

— Что я могу обещать вам, доченька... Единственное, что в моих силах, — сказать про все Атакузы. И я скажу. Не бойтесь, от себя, своими словами скажу.

Фазилат тоже поднялась. Набрасывая на плечи кисейный платок, склонила голову:

— Спасибо вам за доброе слово. Хоть на душе полегчало...

Домла проводил нежданную гостью до ворот. Рассвет был близок. В кустах, в травах, в щелях стен — повсюду, как в степи, стрекотали сверчки. В арыках квакали лягушки, издали доносился мирный шум воды, стекающей по мельничному желобу. Все вокруг погрузилось в грустную, трепетно-чуткую тишину. Человека еще не было слышно, и казалось, вся природа, от листьев деревьев и до густо рассыпанных по небу ярких белых звезд, бережно хранит эту светлую тишь... Лечит душу такая тишина, грустное мерцание звезд, запах цветов, прелых яблок, базилика и даже рев ослов не мешает, не тревожит покой. И сердце Нормурада-ата забилось ровнее. Природа будто бережной рукой осторожно огладила его, усмирила...

Домла медленно вернулся во двор, хотел было прилечь на сури под яблоней, и вдруг мир нарушился. За дувалом раздались быстрые беспорядочные шаги, с хрустом сломалась ветка и мелко застучали падающие на землю яблоки. Сквозь этот стук домла услышал женский голос:

— О аллах, сынок мой ненаглядный, что с тобой?

Домла застыл — узнал голос Али.

— Что же это с тобой случилось? Откройся родной матери!
Ответил пьяный, надрывный вопль Хайдара:
— Не мучьте меня, мам! Ничего вы не знаете! Не знаете, и все!
— Да знаю я, знаю! Оставь ты лучше эту девушку! Бог с ней, с ее красотой! Другую найдешь! Смотри же, совсем измотался, жеребеночек мой!
— Нет, мама! Лучше мне умереть, не могу так жить! К черту все!..
— Что ты говоришь, сыночек, родной мой! Встань скорей, встань! Пойдем! Сердце кровью обливается. Пойдем, поспи, поспи, мой жеребеночек...

Хайдар грубо выругался, застонал. Алия умолкла, упрашивала его, шептала о чем-то... Наконец сын сдался — шаги затихли.

Домла долго стоял, держась за ручку двери. Покоя на душе опять не было, снова все перемешалось, перепуталось.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Алия с трудом успокоила Хайдара, уговорила — заснул наконец. Теперь лежала с открытыми глазами, сон не шел к ней. Когда последний раз плакал ее сын? Грудным младенцем? Плакал и позднее, мальчиком. Не часто, но бывало такое, расплчется от обиды, от мальчишечьего горя. И вот мужчиной стал — и снова плачет. Сын, который давно уже отмахивается даже от поцелуя матери. А как тяжело матери смотреть на муки взрослого дитяти, особенно если не знает, отчего они. Конечно, пришел он сегодня навеселе. Толком ничего не рассказывает. Но чувствует сердце: нависла над головой сына беда. Да и не только сына — над всей семьей маячит недоброе. Ссора на защите, неожиданная смерть бедной старушки, нелады между Хайдаром и будущей невесткой, мелочные, но пугающие душу пересуды о муже. Одно к одному...

Раньше в их семье все было проще. Начнет что беспокоить, Алия тут же поделится с мужем, и муж со вниманием прислушивался к ее словам. Сразу после института она пошла учительницей в школу. Директором там был Атакузы. Самый молодой в районе и самый деловитый директор — такая о нем шла слава. И как легко всем работалось с ним! Что бы он ни делал: вел ли в классе урок, хлопотал ли вокруг новых школьных построек, расширял ли школьный сад, — за все принимался весело, работал от всей души. Сам таскал кирпич, месил глину, рыл землю, и, конечно, никто не мог уже стоять в стороне — сообщался за дело. Любили и уважали директора за открытый нрав. И потом, когда избрали председателем, остался таким же. За дело взялся горячо, по неделям, а то и месяцам не показывался дома — пропадавал в горах, на пастбищах, ночевал где придется. Домой приезжал обросший, кожа да кости, лицо черное, как чугун. Зато какой ласковый, озорной, веселый; не было человека счастливее, чем он. Играл, дурачился с детьми, сам, как ребенок, смеялся и проказничал. А ночью прос-

нется, бывало, разбудит Алию и до рассвета все рассказывает, рассказывает о своих делах. И никаких тайн, никаких секретов от нее.

А то и так случалось: заявится среди ночи и с порога:

— Поднимайся, Алия! Надо съездить тут к одним.

— В такой поздний час? Кто же это нас ждет не дожидается?

— Понимаешь, какое дело... Есть один парень, поливальщиком работает. Обидел я его! Поедем, извинения попросим...

— Вы, значит, обижаете, а извиняться — я?..

— Не ты, я сам повинюсь перед ним. Просто парень недавно женился, посидим вместе семьями, поговорим, смотришь — и отойдет у него от сердца. Что у тебя там есть? Винцо найдется? Ну и прекрасно. Захватывай все, и поехали!

В дом обиженного Алия входила первой. Заговаривала с хозяйкой. Но и Атакузы не стоял за углом, не боялся, что унизит себя извинением. А потом такой затевался искренний да задушевный разговор! Известно ведь — повинную голову меч не сечет. И расставались закадычными друзьями...

Бывало, идут Алия и Атакузы по кишлаку, а старики глаза утирают, говорят им вслед: «Пусть будут здоровы на наше счастье!»

Радость ли, беда у кого в кишлаке, Атакузы всегда там, первый. Не только веселье — умел разделить и горе. Случись где траур — Атакузы опоясывался по-старинному зеленым расшитым кушаком — белбагом, стоял у ворот покойного вместе с близкими и конечно же помогал всем, чем можно. Сколько раз Алия слышала, как говорили односельчане: «Дай бог, чтобы остался таким, не сглазили бы!» Алия на такие слова улыбалась, а глаза влажнели. Ночами, просыпаясь, целовала усталое, черное лицо мужа. Все-таки что-то тайлось в нем незнакомое. Гладила жесткие, рано начавшие седесть волосы, задумывалась, просила у неба: «Пусть сбудутся слова людей, лишь бы не сглазили его!» Да вот не сберегла, сглазили.

Кажется, перемена началась, когда стал раисом укрупненного хозяйства. Первый колхоз поднял и поставил, и к нему тут же присоединили второй — маломощный. Как вспоминает теперь Алия, именно тогда выступили в муже новые черты, которых она не знала раньше. Взгляд сделался орлино-суровым, и походка изменилась: начал ставить ноги твердо, упруго. Года два спустя прибавили еще и третий колхоз. В руках Атакузы оказалось огромное хозяйство. Пять с лишним тысяч человек жило теперь в кишлаке. Помнится, в том же году, осенью было дело, Атакузы пригнал машины с кирпичом и цементом, созвал людей крушить старую крепость. И начал возводить новый кишлак. Не кишлак — город! В газетах замелькали портреты раиса, гуртом нагрязнули журналисты, телевизионщики... Да, да, началось, кажется, с этого... Правда, продолжал бывать на свадьбах и поминках. Стоял у ворот покойника, перепоясавшись белбагом. Но теперь не на все приглашения отвечал, ходил только к самым влиятельным в кишлаке людям — к «нужным».

Он по-прежнему не знал, что такое отдых, не давая покоя ни себе, ни Алие. Но не тянулся излить, как бывало, жене свою душу, не спешил поделиться сомнениями. Впрочем, это не пугало Алию. Ведь раис уже

возмужал, стал одним из самых опытных, знающих руководителей, его уважали, с ним считались. И только когда однажды он поступил вразрез с указаниями районного руководства и молва о том дошла до ушей Алии, она тихонько намекнула мужу: не надо бы... Атакузы решительно отмахнулся: «Если нужно мое место, пусть забирают! Я и сам не знаю, как отвязаться от этой проклятой работы».

А уж как рос авторитет Атакузы в последние годы, особенно после того, как в позапрошлом году, в пустыне Сарсан-кум начал осваивать целинные земли! Член обкома, депутат облсовета! Прошлой осенью пошли слухи, что метят его в Герои. Но что-то там, в верхах, не заладилось, слухи не оправдались, и Атакузы долго ходил в сильной обиде, одно время даже запер.

Ладно, не стал Героем, и не надо. Была бы голова тверда как камень, а тибетейка найдется. Другое пугает Алию. Атакузы для кишлака выкладывает себя всего, покоя не знает ни летом, ни зимою, ни днем, ни ночью. Так почему все реже и реже слышит она те добрые слова, которыми награждали, бывало, мужа: «Дай бог ему здоровья на наше счастье!» Что случилось, кого винить? Винават ли муж, или это просто извечная, людская неблагодарность? Двадцать лет жизни, нет, больше двадцати сгорели ради колхоза, ради кишлака, ради людей. Ну, есть у Атакузы, бывают, конечно, капризы, и упрям иной раз, все верно. Но ради его больших дел, ради преданности колхозу ужели нельзя простить такую малость?

А тут еще Хайдарджан мучает. И дочка Тахира, такая беда, сошлась с этим... с сыном Фазилат, забеременела до свадьбы. Атакузы пока не знает. Что-то будет, что? Алиа скрывает, мучается...

Да, темные призраки — призраки беды — маячат вокруг ее семьи. А муж и усом не ведет, живет себе, как раньше.

Успела Алиа сомкнуть веки или нет, не знает. Услышала зычный голос мужа, поднялась.

Уже наступило утро. Атакузы разговаривал у колодца с Тахирой, наспуленный, мрачнее тучи. Увидел Алию, отстранил дочь, поднялся на айван.

— Что тут у вас происходит? Не успел гостя проводить — и уже новости.

— Дочь, наверно, уже сказала, что тут произошло?

— Сказала, имел удовольствие слышать. А сын что? Не сына, а размазню, тряпку родила мне! Поди позови его сюда!

Алиа вспомнила ночные думы, тихо вздохнула:

— Что с вами сделалось?

— Со мной ничего, с вами вот...

— С порога нож обнажаете, а говорите — ничего! Ничего бы и не было, кабы не полезли в кумовья к вашему бывшему замминистра...

— При чем тут замминистра?

— А при том... Из-за него вся затея. Вам, видать, и невдомек, что Фазилатхон с дочерью проплакали до рассвета, пока вы пировали с ним в саду.

— «Проплакали до рассвета!» — передразнил Атакузы. — О женщины! Когда только научитесь смотреть дальше своего носа?

— Вы вог далеко видите, а считаться с людьми не хотите, не думаете об их чувствах...

— О чьих же это чувствах ты говоришь? Не о Фазилатхон ли речь? — Атакузы криво усмехнулся. — Иди лучше позови сына!

Атакузы сел на диван, привалился к подушке, закрыл глаза. Почувствовал себя вдруг очень усталым, одиноким. Алия никогда так не разговаривала с ним. Что с ней случилось? Что делается в этом доме? Неужели он и правда очерствел, не чувствует боли близких? Что ж, пожалуй, надо поласковее поговорить с сыном.

Так решил Атакузы, но вышло иначе. Хайдар вошел, волоча ноги, взлохмаченный, лицо опухло. Отец снова вскипел:

— Что у тебя за вид? Посмотри хогь на себя в зеркало, кандидат наук!

— Кандидат наук? Смеетесь!

Атакузы топнул ногой изо всей силы.

— Если не стал, так станешь! Нужно будет, сам поеду в этот, как там называется... в твой ВАК. Поеду, сделаю тебе диплом! Ходишь в таком виде, мокрая курица!.. Да ты недостойн этого диплома!

Хайдар сник еще больше.

— Что с тобой делается? — уже мягче заговорил отец. — Почему молчишь? Может, этот заика?.. Почему устроил скандал? Не понимаешь, что позоришь невесту?

— Я понимаю... Но этот юридический ее с пути сбивает. Еще в Ташкенте прожужжал все уши: талант! Должна остаться в аспирантуре! И тут подбивает: поезжай в район. Лабораторию, видите ли, для нее должны открыть.

На губах Атакузы заиграла улыбка.

— Слыхал, секретарь райкома говорил мне об этой самой лаборатории. Аллах знает, выйдет ли еще что. Но, предположим, она станет работать в той лаборатории, так что? Может, собираешься после свадьбы в клетку запереть?

Хайдар весь вспотел.

— Какая там клетка? Я не хочу, поймите, не хочу, чтобы он вмещивался в мои личные леда!

— Твои личные дела — в твоих руках! Нет девушки без капризов. А как войдет за брачный занавес — конец. Тут уже все будет зависеть от тебя. Ходишь мокрой курицей. Подними, подними голову! Держись джигитом со своей невестой. Скажи ей: две недели даю — и свадьба! И чтобы никаких разговоров!..

2

Алия хлопотала на айване у газовой плиты. Муж прогромыхал мимо.

— Не успели приехать, а уже опять собираетесь из дома?

— Да, думаю к младшей жене заглянуть.

Знакомая шутка. Обычно Алия отвечала тоже шуткой: «Передайте привет моей сопернице!» А сегодня смогрит на мужа чуть прищуренными глазами и не улыбка в них — укор.

— О вас справлялся дядя, несколько раз заходил.

И улыбка на губах Атакузы погасла, густые, обожженные солнцем брови сошлись на переносице. Этот дядя! Вчера утром Шукуров показал письмо, что-то вроде жалобы — печалится о судьбе Минг булака. Не там, оказывается, начато строительство. Погибнет «чудо природы» — вечные их доводы. Шукуров тактично прикрыл рукой подписи. Да глаз Атакузы острый, с первого взгляда узнал почерк дяди. Знакомые изящно-чеканные буквы. Увидел — и будто огнем ожгло все внутри.

Атакузы не спасовал. Доказал реальными цифрами, насколько выгодно строительство животноводческого комплекса именно в Минг булаке. Так убежденно говорил, с такой железной логикой доказывал, что Шукуров заколебался. Но не в Шукурове дело. Дядя — вот орешек! Подумать только, мало на Атакузы жалоб, так теперь еще и родной дядя взялся строчить письма...

— Ну, а чего он хочет, мой любезный дядя? — кольнул взглядом жену.

— Не знаю... кажется, насчет дома что-то...

— Да будь проклят этот дом! Сидит уже у меня в печенках! Передай ему: не желает тут жить — пусть освободит! И все!

Атакузы резко повернулся, зашагал к воротам. Через минуту на улице свирепо взвыла машина. Не стал даже вызывать шофера. Выехал на большак и нажал педаль газа. Не замечал дороги, не видел ничего. Горькие мысли закружили голову, в груди стало горячо от обиды.

Да кто бы мог выдержать? Другой на его месте, пожалуй, завыл бы в голос. Мало крикливой жены этого размазни Наимджана. Так теперь свой прицепился, дважды родной, трижды любимый тагаджан — дядюшка! Всем Атакузы не угодил! И эта видавшая виды кудагай тоже в обиде. Видите ли, не по душе ей, что подружился с Джамалом Бурибаевым!.. Хотя вовек бы не знать ему этого Бурибаева. Но что поделаешь, жизнь есть жизнь. Дела и будущее детей — вот что заботит Атакузы. Плохой ли Бурибаев, хороший ли, но в его руках большое и очень важное в нынешней жизни учреждение. Снабженец — одно слово. Можно ли пройти мимо такого человека? А что касается прошлого — воевал он на фронте? Воевал. Оправдал себя? Оправдал. Иначе не поднялся бы до высоких постов. А потом, разве он теперь тот, прежний Бурибаев? Жизнь и его, видать, поломала, давно уже раскаялся. Третьего дня, слегка захмелев, отозвал в сторону Атакузы и как горько сетовал на свою жизнь, жаловался на молодую жену, на детей от нее. Со слезами на глазах говорил. Признался, тянет его к первым детям, к тем, что от Фазилат.

— Сын меня радует, раис, — говорил Бурибаев, то и дело вздыхая. — Мой Кадырджан все понимает. И я ничего не пожалею для него. Сделаю все, что от меня зависит. Знайте, раис, ваша дочь будет моей дочерью, и ваш сын... Надеюсь, ваш сын тоже станет мне родным сыном. Но дочь, родная дочь! Кровь от крови моей... Не хочет понять меня. Если бы поняла, если бы пришла ко мне! Этими вот руками поднял бы ее до неба. Вся надежда моя на вас, раис!

Со стороны поглядеть — такой неприступный, важный, кажется,

доволен и собой, и жизнью. А вот Атакузы видел, как слезы душили его. Так страшно качался и всхлипывал, что у Атакузы даже мороз пробежал по коже...

Жена твердит: не считаешься с людьми. А Джамал Бурибаев, что же он — не человек? Тоже не камень и не ком глины. Справедливо ли осуждать его на всю жизнь за одну, пусть и серьезную, ошибку? Вот и под самого Атакузы роют, выискивают какие-то не стоящие выеденного яйца грехи!

Машина взревела, Атакузы очнулся, торопливо убрал ногу с газа.

Кишлак остался позади. «Волга», ненасытно пожирая черный асфальт, нырнула в толпу пепельно-серых барханов.

Яркое белое солнце повисло над вершинами гор. Казалось, небо опрокинуло на землю котел раскаленной лавы, и теперь пустыня тихо докипала под небесным огнем. Мысли Атакузы то текли, перекачивались, точно волны песка, то вдруг начинали бурлить, подогретые внутренним огнем. Что сказал ему вчера утром Шукуров? Больно, обидно и вспомнить.

Он не собирался встречаться с секретарем райкома, но настоял Джамал Бурибаевич:

— Неудобно так уезжать. Надо засвидетельствовать свое уважение. Как-никак первый — глава района!

Час был ранний, и Бурибаев предложил подождать в райкоме. Но Атакузы решил по-своему: раз уж ехать к Шукурову, то лучше будет встретиться за дастарханом, — и взял курс прямо к нему домой. Прикапали не с пустыми руками — Атакузы припас на такой случай ящик «дамских пальчиков».

Гостей встретили радушно, особенно жена его. Махбубахон была в цветастом шелковом халате, очень он шел к ее полноватой статной фигуре. Она засуетилась, забегала — белые легкие туфельки так и мелькали. Вмиг устала дастархан под виноградной лозой всем, что только нужно для души.

Двор звенел ее веселым смехом — очень похожа веселостью на отца. За какие-нибудь полчаса, вот так шутя и смеясь, сумела и приготовить, и подать гостям на огромном блюде лагане — сочное, пахучее жаркое. Пока руки хлопотали, уста смеялись, успела высказать свою маленькую обиду:

— Нехорошо, Атакузы-ака! Вы скрываете, а мы узнали ваш секрет. Теперь ждите, приедем на свадьбу, даже если не пригласите.

Атакузы на лету поймал удобное для него слово:

— Да вы будете самой почетной гостьей! Только бы ваш хозяин разрешил сыграть той. Вы уж похлопочите, а за мной дело не станет — осыплю подарками с ног до головы!

— Идет! — засмеялась Махбубахон.

И Шукуров улыбнулся шутливо:

— Не бойтесь, ханум? Я с себя снимаю ответственность. За свадьбу в страду отвечать будете вы!

— Согласна! — еще звонче расхохоталась Махбуба.

Словом, первая часть встречи прошла неплохо. Спасибо Махбубахон. Подошло время прощаться. И тут Абрар Шукурович взял под руку

Атакузы, отвел в сторону и вконец испортил настроение раису. Показал то несчастное письмо про Минг булак, а потом снова заговорил о жалобе Надирахон и опять про ее мужа: мол, Атакузы за письма жены про дом наказал мужа -- выслал в пустыню.

Атакузы очень разобиделся. Думал, этим жалобам положен конец, а первый их снова вытащил. Ну Атакузы и вспыхнул:

— Да неужели вы всерьез принимаете кляузы базарной бабы?

Шукуров как-то странно посмотрел на него и сказал тоном, не терпящим возражения:

— Это не кляуза. Вам было поручено уладить все, и вы должны, если потребуется, даже извиниться перед ней.

— Хорошо,— неожиданно спокойно согласился Атакузы.— У вас все?

— Нет...— Шукуров потер лоб и заговорил о притязаниях Аксакала на газовые трубы.

Атакузы опять же спокойно, но твердо отказался отдавать трубы. Во-первых, деньги уже перечислены. Во-вторых, ведь он припас трубы для дачада и яслей для детей, не для кого другого, нужны. Если что, к самому первому поедет, в обком! Шукуров чуть смягчился, попросился довольно тепло.

А когда выехали с Бурибаевым за город, Учар вдруг остановил машину. Подмигнул хозяину: выйдите, мол, на минуту!

Атакузы вышел. Учар зря не вызовет на разговор с глазу на глаз.

— Секретарь завернул обратно ящик винограда. Тот, который вы велели оставить им.

Атакузы в упор посмотрел на шофера:

— Сам, что ли, вернул?

— Нет, шофер его вынес.

— Ты сказал, что виноград из моего личного сада?

— Да. Ну шофер ни в какую. Хозяин его, говорит, приказал вам больше не делать таких...— Учар замялся, украдкой взглянул на сидевшего в машине Бурибаева.

— Подарков, что ли? — досказал Атакузы.— Ну и черт с ним... с виноградом. А ты тоже хорош. Из-за всякого пустяка машину останавливаешь. Поехали!

Атакузы совсем расстроился. Уж если не захотел брать, мог бы сам и сказать, а то через этих языкатых шоферов! Расхотелось ехать в Ташкент, да Бурибаев уговорил — обещал помочь насчет минеральных удобрений и запчастей и сдержал свое слово. Вчера же устроил Атакузы несколько сот тонн удобрений и вполне приличный комплект запчастей. Между прочим, очень даже кстати пришелся ящик отборного винограда, того самого, от которого отказался Шукуров. Вот как бывает в жизни...

Атакузы конечно же понимает, что действует незаконно. А что поделаешь? Упрекаете в ловкачестве? Законы нарушаю? Наведите порядок, планируйте разумно, обеспечьте всех как надо, тогда и говорите! Если кого и призывать к порядку, то хозяйственников, снабженцев, а не трудяг-раисов. Пора положить конец бесхозяйственности, а не долбить: нехорошо, незаконно! Еще не родился на свет председатель, который

может выдать план без минеральных удобрений. И инженера такого не сыщешь, чтобы без запчастей заставил бесперебойно работать машины. Слушать кляззников слушают, а план, между прочим, не снижают. Ни тонны не сбрасывают с плана! Раньше все же было проще. Прежний секретарь все понимал. А этот не хочет ломать голову над трудностями. Ему и хлопок подавай, и от правил ни в чем не отступись. Сам попробуй!

Тяжелые думы, голова даже разболелась. Атакузы затряс головой, будто отгоняя назойливых мух.

Пепельно-серые барханы расступились, и впереди, у горизонта, среди мертвого моря неожиданно всплыл зеленый островок. Вот он — его город, окруженный зелеными саженцами, его стройка! Вагончики, палатки, камышовые шалаши среди хлопковых полей, а кое-где поднялись уже и кирпичные стены. Атакузы только взглянул на этот чудо-островок, и все обиды, все горестные мысли улетучились, пропали — мир посветлел.

3

От магистрали отходили дороги к землянкам бригад, и на этих боковых дорогах там и сям чернели холмики. Гудрон! Наконец выгрузили! Рабочие, человек десять, расстилали его лопатами, громадный самоходный каток утрамбовывал.

Атакузы на радостях выскочил из машины:

— Хорманглар! Не уставать вам, молодцы!

— Спасибо! — молодые парни, как по команде, выпрямили черные мускулистые тела, блестящие от пота, с интересом посмотрели на раиса.

— Рад вас видеть на моих землях, дорогие!

— Что поделаешь? — рассмеялся рыжеволосый парень с ясным наивно-голубым взглядом. — Кто силен, тот и отхватил, так ведь? Вот и нас сняли с восьмого совхоза, перебросили к вам.

— Есть еще одна — русская поговорка, дорогой: «Дитя не плачет, мать не разумеет». Уж я ли не плакал!

Рыжеволосый блеснул полоской зубов:

— Что-то вы не очень похожи на тех, кто плачет, раис-ака!

Его товарищи дружно захохотали.

— Умеем и поплакать, и посмеяться. Вот закончите асфальт — сразу устрою сабантуй. Повеселимся, джигиты!

У дверей штаба Атакузы встретил бригадир колхозной строительной бригады. Растянул рот до ушей.

— Чему так разулыбался? Кирпич привезли?

— Привезли — не то слово. Четыре самосвала со вчерашнего дня ездят без передышки! Помните ту красавицу, ее еще на летучке пробирали...

— Начальника облбыта? Ну-ну!

— Сегодня чуть свет примчалась с помощниками. Осмотрела все и дала задание своим...

— Попробовала бы не приехать! Вчера в обкоме я им накрутил хвоста! — приврал на радостях Атакузы и тут же подумал: «А ведь и впрямь надо бы зайти в обком, утрясти с газом».

Вместе с бригадиром обошли городок. Да, сомневаться не приходилось: после летучки работа в степи закипела не только на участках Атакузы. И в соседних совхозах, и на канале гудом гудели механизмы. Намного больше стало машин, кранов, бульдозеров. В степи стоял невообразимый — а какой уж отрадный! — грохот, сновало множество незнакомых людей.

Атакузы расправил плечи, почувствовал себя победителем. Теперь можно было поговорить и с Наимджаном.

Наимджан уже больше месяца работал здесь на месте бывшего бригадира Али-Муйлова. Тот теперь в кишлаке. Тихий Наимджан; безропотный, всегда со всем согласен. Это жена его мутит, не дает покоя.

Солнце жарило вовсю. Подставишь неосторожно щеку или шею — будто пламенем лизнет. Был перерыв. Люди попрятались в землянках. Только повариха у котла возилась под камышовым навесом.

— Наимджан здесь?

— Здесь, раис-ака, в землянке.

Атакузы шагнул в полумрак землянки и как в рай попал — прохладно, хоть дышать можно. В одном углу обедали девушки, подстелили камышовые циновки. В другом углу прямо на земляном полу расположились парни.

— Хорманглар, милые девушки! Бог на помощь, джигиты!

Все поднялись с места.

— Добро пожаловать, раис-ака!

Атакузы с трудом различил в сумраке Наимджана, присел рядом, взял с дастархана кусок лепешки.

— Как поживаешь, бригадир? Как дела, джигиты?

— Сами видите. Живем-поживаем под вашим заботливым крылом, прямо как на курорте!

Атакузы узнал голос — он уже сталкивался с этим парнем. Демобилизовался год назад из армии и прямо сюда. Весной в буран ходил вместе с раисом, осматривали с фонарем в руках поля. Парень не раз жаловался — условия жизни, мол, здесь плохие, в пустыне...

— Значит, опять за старую песню? — Атакузы прилег около Наимджана.

Парень посмотрел на раиса и осклабился:

— Я же говорю — курорт, а вы — старая песня!..

— Брось ехидничать, хватит!

— А вы не больно пугайте, раис-ака! А то, пожалуй, и с трактора слезу.

— Значит, хочешь испугать меня? Думаешь, трактор останется без тракториста? А на что ты рассчитывал, когда ехал сюда? Мечтал с ходу в рай попасть?

Парень со стуком отодвинул миску, привстал.

— Вам тоже не следовало бы ехидничать, — сказал, и голос его дрогнул. — Я-то знал хорошо, что здесь не рай! А вы... Где ваши обещания? Вот уже год, как мы тут. Разве это жизнь? Парней не жалко, так хоть девушек пожалели бы.

В землянке все замерло. Какая тяжелая тишина, слышно только,

как бурно дышит бывший солдат. Все головы опущены, никто не хочет смотреть на раиса.

Атакузы не ожидал такого поворота, да и удар оказался неожиданным. Только что был в прекрасном настроении. И будто кетменем хвятили по башке. Даже кусок лепешки застрял в горле, еле проглотил. Собрался уже прикрикнуть на парня: «Не мути, брось свои мелкие разговорчики!» — а тут из другого угла землянки, где кучей сбились девушки, послышался тихий всхлип.

Головы повернулись туда. Девушки — не различишь, которая где, — все в просторных платьях, широких шароварах, в громоздких кирзовых сапогах. Невозможно понять, которая из них плачет, — сидят, опустили платки на глаза. Будто плакальщицы собрались на траур.

«По какому праву ты так говоришь с ними? — одернул себя Атакузы. — Разве не их руками вырастили из твоих саженцев тутовую рошу, которой ты так гордишься? Не они спасли хлопчатник, выходили кукурузу? А кто трудится здесь и в дождь, и в пургу, в жару и в холод? Вот и сейчас пекло адское. Их ведь труд, сознайся, принес тебе славу. За их счет срываешь на всяких собраниях аплодисменты. Где твоя совесть? Какое имеешь право обманывать их да еще кричать при этом?»

— Дети мои! — голос Атакузы помимо его воли задрожал. — Не думайте, что я ничего не вижу. Вижу и знаю. Вам тяжело. Но... Кто-нибудь из вас сегодня был в штабе?

Наимджан, сопевший в своем углу, поднял голову:

— Я был...

— Видел, как машины возят кирпич?

— Видел...

— Так вот, ребята, я обещаю вам: в этом году, до наступления зимы, вы — вы все будете жить в настоящих домах!

— Такое слово вы уже давали, еще весной прошлого года. Вспомните, раис-ака!

— Помню, дорогой солдат, все помню. Но не всегда могу. Ты же сам видишь — идет громадная стройка. В этой пустыне нет ни клочка земли, где бы не рыли, не строили. Не успевают. Но теперь говорю твердо, в последний раз: разобьюсь, а будет в этом году у вас жилье! Если не умру, если доживу до зимы, сдержу свое слово.

Из кучки девушек послышался тонкий взволнованный голос:

— Да продлится вовеки ваша жизнь, раис-ака!

Что-то перехватило горло Атакузы, он резко поднялся, жестом показал Наимджану: «Иди за мной!» — и стремительно вышел из землянки.

«Что же это я в тот день не всех пригласил на летучку? Пусть бы кто-нибудь из них сказал свое слово. Красавице из облбыта не вредно бы послушать».

Снаружи жгло так, будто всю пустыню охватило пожаром. Атакузы кинулся под навес. Подошел Наимджан, длинный, нескладный, смущенно потирая старой, замусоленной тюбетейкой бритую голову. Было заметно, чувствовал себя виноватым: не сумел предотвратить неприятный разговор в землянке.

— Что ж это получается, товарищ бригадир? Хромает у вас пропаганда, очень даже хромает...

Наимджан не знал, куда деть длинные, чуть не до колен, ручищи, виновато улыбнулся:

— Да вот... Молодые очень они, раис-ака, сами видите...

— Молодые должны быть как огонь, а у тебя — мокрые курицы. Как огонь! Понял?!

Что случилось с медно-черным, длинным лицом Наимджана? Незаметная раньше упрямая складка сошлась у бровей.

— Это они, вы говорите, мокрые курицы? Они...

— Да не трогаю я их. Просто хочу сказать: надо поднять у них настроение. Понятно? А теперь...— Атакузы обломил ветку тала, ударил ею по сапогу.— Хотел вот спросить про жену твою. Когда она кончит со своими клязузами?

— С какими клязузами?

— Овечкой прикидываешься? Хочешь сказать, жена твоя строчит жалобы, а ты сам по себе — ничего не знаешь, не ведаешь?

Грубо вытесанное лицо Наимджана менялось на глазах. Упрямая складка выступила резче. И глаза не опускал, смотрел в лицо раису.

— Я не могу приказывать жене...

— Ты что — мужчина или баба? Тюбетейка на твоей голове или платок?..

— Послушайте, раис-ака...— медленно начал Наимджан, но Атакузы прервал его:

— Этот несчастный дом! С твоего согласия я взял или нет?

— Согласен-то я был согласен...

— Глава дома согласен,— значит, аллах согласен, так ведь? Так чего же твоя жена трещит всюду: мужа ее я сослал сюда, в пустыню! Мало ей сплетен про дом. «Сослал!» Разве ты не сам дал согласие поработать здесь?

Наимджан опустил голову и неожиданно прыснул. И этого тоже никогда не разрешил бы себе прежний Наимджан — смирный, безответный.

— Согласие, его ведь тоже получают по-разному...

— Ах, вот оно что! Выходит, жена твоя правду говорит, значит, я выслал тебя в эту степь?

— Не выслали, конечно, я...

— А я-то рассчитывал: молодой, думал, наш Наимджан, в груди еще не остыл жар. Пусть, думаю, поработает здесь год-другой, покажет себя.

— Я и не бегу от работы. Сами видите...

— Спасибо, хоть не бежишь. А я-то, дуралей, мечтал, покажет себя парень, вырастет. Ну, думаю, вознесу его до небес! Героем сделаю! А ты даже со своей болтливой бабой не упрямишься, пляшешь под ее карнай!

— Мою жену не трогайте, раис-ака! Прошу вас.

Не просьбу, а угрозу услышал Атакузы в голосе механика.

— Вот как! — Атакузы дрожал. Дрожал каждой жилкой своего тела.— Я так понимаю: ты и слова не можешь промолвить поперек

своей ненаглядной. А я тебя в бригадиры. Нет, не могу размазне доверить бригаду.

Огромная черная ладонь Наимджана сжалась в кулак.

— Не надо насмехаться, раис-ака! Ваша воля, забирайте бригаду, но насмехаться над человеком не имеете... А места много под небом. Не здесь, так еще где найдется.

— Как хочешь! Я-то принимал тебя за своего, думал, скромный парень, тихий. Ну что же, пиши заявление.

Наимджан выпрямился во весь свой длинный рост и прямо в глаза взглянул раису. Уголки толстых, растрескавшихся от жары губ скривила насмешливая улыбка.

— Нет уж, извините. Дураков нет! Писать заявление не буду.

— Тем хуже для тебя, освобожу без заявлений.

— Пожалуйста, как знаете.

— Сегодня же вечером будь в правлении. Получишь приказ.

Вот так тихий, смирный парень! Атакузы не верил своим ушам. Постоял, подождал немного, — может, одумается.

— Ну что ж!.. — процедил сквозь зубы, резко повернулся и зашагал к стоящей за арыком «Волге».

4

Хлопнула калитка. Атакузы, шатаясь, словно изможденный болезнью, медленно дошел до навеса из виноградных лоз и бросился в плетеное кресло у колодца. Шитье выпало из рук Алии. Она сбежала с айвана. Под большими лампами, висящими среди виноградных листьев, замкнутое, осунувшееся лицо мужа показалось бледным как полотно. Алиа, похолодев, кинулась к нему:

— Что с вами, что случилось?

Атакузы нехотя поднял голову, долго смотрел на жену, будто не узнавал. Встал словно бы через силу, устало подошел к колодцу, опрокинул на голову ведро воды.

Алиа подала мужу полотенце — успела принести.

— Похоже, обильное застолье было?

— Да, вдрызг напился сегодня! — Атакузы грустно улыбнулся, вернул жене полотенце и неожиданно приказал: — А ну, одевайся!

Алиа широко раскрыла глаза:

— Что еще придумали на ночь глядя?

— Дело есть! Говорю, одевайся, без шуток.

— Да что стряслось, в самом деле? Скажите наконец!

— Ничего особенного. Надо пойти к этой самой, ну, как ее, к жене Наимджана. Должен ваш раис упасть перед ней на колени, умолять, просить прощения. Приказ сверху!..

— Хорошо, — неуверенно согласилась Алиа. — Раз надо, так надо. Но поймет ли она? Я говорю о Надирахон.

— Поймет, не поймет — должен пойти к ней, и баста! — Атакузы резко мотнул головой: — Нет! Дело в том... Обидел я мужа ее, Наимджана. Несправедливо поступил, обидел ни за что!

Чудо! К Алии вернулся прежний Атакузы — искренний, горячий.

Вот таким нетерпеливым всегда бывал, когда в чем-нибудь расканивал-ся. Как легко стало Али! Заторопилась, засуетилась.

— Сейчас, милый, я сейчас. Может, прихватить что с собой?

— Прихвати. Вина возьми, если есть. Еще что-нибудь такое, съедобное. И быстро!

Алия вбежала в комнату. Задыхаясь от неведомо почему нахлынувших слез, то кидалась к холодильнику, то шарила в чемоданах под кроватью. Набила сумку, переоделась.

Атакузы задумчиво прохаживался по двору. Что-то в нем успело измениться за те минуты, что Алия собиралась. Решимость в движениях спала, лицо снова помрачнело. Алия тревожно взглянула на мужа:

— Я готова, захватила все, что надо.

Атакузы не ответил. Молча дошли до ворот, молча сели в машину, молча тронулись с места.

Алия только теперь поняла по-настоящему, как тяжело мужу, как он страдает. Нет, прежний Атакузы не вернулся, и желание искупить вину тоже было не прежним. Он как бы сам себя тащил силком на аркане. Почему так мучается? Зачем так терзает себя? Надирахон и Наимджан тоже люди, должны понять его.

Атакузы словно мысли жены прочитал:

— Да, повинную голову меч не сечет! — и вдруг резко затормозил машину, глаза его подозрительно заблестели — не слеза ли в них? Задыхаясь от обиды, быстро-быстро заговорил: — Кто перед кем должен гнуть повинную голову? За какие грехи?.. С какой стати должен я ломать колени перед этой ябедницей? За то, что двадцать лет не знаю отдыха, что отдал всю жизнь, здоровье ради этого колхоза?

— Дорогой, милый мой, вы же обидели Наимджана, сами сказали, понапрасну обидели...

— Нет! Он уже не прежний Наимджан! Ты бы послушала, что говорил он мне.— Атакузы со злостью крутанул руль, машина со скрежетом и стоном повернула назад и стремительно помчалась обратно.— Я скажу Халиде, она парторг, пусть сама и поговорит с ним.

— Милый!..

— Нет! Ни за что!.. Пусть снимают с работы, сейчас, сегодня же пусть снимают! Выгонят — устроюсь в школу: хоть завхозом, хоть сторожем!

— Зачем же так...

— Что, не возьмут, думаешь, в сторожа? Ну, если они не возьмут, ты-то хоть согласишься взять в работники! — неожиданно расхохотался Атакузы.

Машина остановилась у ворот, Атакузы выскочил первый и предупредительно открыл заднюю дверцу:

— Прошу вас, моя ханум! А теперь пойдете, приготовьте своими прекрасными ручками прекраснейший в мире плов! Но смотрите, мой дорогой дядя не должен знать, что я дома. Ни одна живая душа пусть не знает. Все они сидят у меня вот где! — хватил ребром ладони по затылку.— Человек я, в конце концов? Так позвольте мне хоть раз отдохнуть по-человечески!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рассвет был близок. За окном посерело. Но комната оставалась еще темной. Домла проснулся не сразу, медленно приходил в себя. Вспомнилось вчерашнее, вечером опять заходил доцент Абидов. Он и Прохор приходят беречь и без того ноющую рану.

— Я только что из М-минг булака,— доцент заикался больше обычного.— Никаких перемен к лучшему. Вы же понимаете, уважаемый домла: если строительство не перенесут, погибнет вся арча лесхоза!.. Просто поразительно, как ваш племянник, прославленный председатель, не разумеет простых вещей. Арча — это чудо природы. Тысячи лет арчовые леса охраняют горы от эрозии, берегут водный запас. Наши родники, реки зависят от арчи!

Нашел кому растолковывать! Кто-кто, а домла знает все это и без нервических подергиваний и монологов Абидова. Он столкнулся с этой проблемой не как биолог — как водник. Понял ее значение, оттого и взялся за книгу об арче, с головой ушел в историю... Исторические материалы убедительно свидетельствовали о том, что в далекие времена, когда горы и холмы Средней Азии покрывали густые арчовые леса, реки и речушки были полноводнее, а озера и моря переливались через край... Домла и в своем научном труде, связанном с переброской сибирских рек, выделил проблему арчовых лесов в отдельную главу.

Подумал о своей работе, о телеграмме, которую получил вчера. На душе сразу потеплело.

Домла встал с постели, нажал кнопку настольной лампы, надел очки. Такую телеграмму стоит перечитать, хоть и так знает почти наизусть.

«Уважаемый Нормурад Шамурадович тчк Ваша записка Правительство внимательно изучена верхах тчк Первой декаде августа созывается совещание поднятым вами проблемам тчк Просим выступить обстоятельным докладом тчк При необходимости командирuem вам научного сотрудника зпт телеграфируйте тчк Уважением Поликарпов тчк».

Очень хорошая телеграмма, а еще лучше, что принес ее Хайдар. Во всяком случае, домла, проведив до угла возбужденного Абидова, в сумерках разглядел Хайдара у своей калитки. Он возился у почтового ящика. Это было неожиданно и странно, Нормурад-ата даже остановился в недоумении:

— Над чем ты тут трудишься?

Хайдар, хмурясь, смущенно пробурчал:

— Телеграмма пришла вам. Хотел опустить в ящик...

— Телеграмма? — Похлопав по карманам и не найдя очков, домла попросил: — А ну прочитай, сынок.

Хайдар нехотя прочитал и, не глядя на домлу, протянул телеграмму. Он собрался уйти, но домла снова очень мягко попросил:

— Подожди, сынок. Давно хочу сказать тебе слово. Не откажи старику. Пойдем, выслушай меня...

В голосе Нормурада-ата была мольба,— может быть, поэтому Хайдар согласился, а может, и другое что толкнуло. Парень хоть и не-

хотя, но пошел за дедом. Они расположились под яблоней на сури, застеленном ковром, и проговорили битый час, а может, и все три. Вернее, говорил один домла. Хайдар больше молчал — слушал, не соглашаясь и не отрицая. Сидел, низко опустив голову. Никак не похож был на парня, учинившего дикий скандал в саду. Должно быть, сам теперь страдал, стыдась того злосчастного дня. Да и вид у него совсем иной — подтянулся, одет аккуратно.

Наконец-то домла смог высказать внуку все, о чем так часто с тревогой думал в последние месяцы. А главное, получилось, как и мечтал: говорил спокойно, искренне, душевно. Как и положено говорить с родным.

Начал с извинения. Признал, что в день защиты был не прав. Не прав в одном смысле — ему, как ученому и близкому человеку, задолго до защиты следовало заняться Хайдаром. Должен был предотвратить ошибки или хотя бы помочь, чтобы Хайдар устранил их. А не сделал ни того, ни другого, — значит, не надо было и выступать на защите, тем более так, как он выступил.

— Во всяком случае, я должен был понять, — сказал домла, — что мое выступление может нанести тяжелый удар молодому, еще не окрепшему ученому. А я сгоряча не подумал об этом и поэтому прошу: пожалуйста, прости своего деда...

Домла собрался было заговорить о сути ошибок Хайдара и заодно раскрыть ему, кто такой Вахид Мирабидов, что он представляет собой как ученый. Но вовремя придержал язык. Нет, Хайдар может понять не так. Вместо этого сказал просто, что никогда не сомневался в искренности намерений Хайдара. А заблуждений у кого не бывает.

— У тебя есть способности, ты можешь стать настоящим ученым. Но, мне кажется, ты слишком уверился в силе твоего отца. Подумай, а не мелькала у тебя мысль: какой, мол, он всемогущий, все сделает как надо. Вот ты и не брал глубоко, не напрягал голову. Боюсь, есть в тебе такая уверенность, и незаметно для самого проявляется она, мне кажется, и в твоих отношениях к людям, и вообще во всей твоей жизни.

Хайдар все так же смотрел вниз и молчал. И тогда домла решил чуточку тронуть Атакузы. Родной, единственный племянник, тот, кому надлежит опустить его прах в землю, кто, подпоясавшись белбагом и взяв в руки посох, будет сопровождать гроб дяди на кладбище, — этот вот племянник и тревожит домлу.

— Когда я слышу доброе слово про твоего отца, радости моей не бывает границ, когда же слышу плохое, боль долго не покидает мое сердце. Как говорится, ударишь по рогам — заноеет в копыте. Отец твой, не очень зная, что у меня на душе, частенько гневается на мои слова. Бывает, отмахивается, а то и, разобидевшись, месяцами не разговаривает. Я — старик, я не держу обиды, Хайдарджан, — продолжал домла, — знай, сынок, я горжусь твоим отцом. Кто еще мог столько сделать в таком запущенном колхозе, кто еще мог так преобразить мой родной кишлак?! Я горжусь, что мой племянник завоевал и здесь, и в районе, и дальше уважение и почет. Но есть одно, и это одно волнует, очень волнует меня. Народная мудрость говорит: уважение приходит золотниками, а уходит фунтами. И я теперь дорожу, боюсь, как бы

авторитет и почет, добытые твоим отцом не сразу — многолетним честным трудом, — не пошли растрачиваться фунтами. Беда в том, что твой отец, мой родной племянник, не чувствует опасности. А я — старый волк, я наблюдал не раз в жизни и взлеты и падения. Я отчетливо вижу теперь эту опасность и не могу быть равнодушным.

Словом, домла высказал все, о чем он думал уже давно. Сказал и о Минг булаке, о том, кто и почему протестует против затеянного там строительства. Не утаил и ночную беседу свою с Фазилатхон, ее обиду на будущего зятя...

Хайдар и это выслушал молча. Только раз, когда домла заговорил о Минг булаке, быстро взглянул на деда и снова опустил голову, не очень уверенно, но все-таки попытался защитить отца. Потому он и строит там, что ферма принесет невиданные выгоды колхозу. У отца — точные экономические расчеты.

— А ты в детстве купался в родниках Минг булака? — спросил домла. — Лазил по джиде, собирал ягоды? Ну вот, запомни, сын мой, — торжественно сказал старик, — дети твои и дети детей твоих могут на веки веков лишиться этой радости.

Под конец попросил Хайдара:

— Подумай над тем, что я тебе сказал. Особенно об отце. Вспомни, не заметил ли ты какой-нибудь перемены в нем? Не наблюдал, как относятся к нему теперь в кишлаке? Обдумай все и помоги ему... Давай вместе, общими усилиями попробуем предотвратить беду. Знай, — сказал домла, — если родители ответственные перед своей совестью за судьбу детей, то и дети, когда становятся взрослыми, тоже должны отвечать за судьбу своих родителей...

Была уже глубокая ночь. Хайдар молча встал. У ворот простились, и внук сказал одно лишь, единственное слово: «Спасибо». Да и сказал как-то странно: тихо, как бы нехотя. Но одного этого слова хватило, чтобы отогреть душу домлы. Он впервые отчетливо понял, что Хайдар попал в лапы Вахида Мирабидова и по его вине. Правда, отдал мальчишку Мирабидову не он, а Атакузы. Но как повел себя родной дядя? Нет того, чтобы наестся на племянника, отговорить, объяснить. Откуда было знать Атакузы, что за «жрец» науки Мирабидов? А дядя разобиделся: «Как так? Почему племянник подружился с моим давним противником?» Вот и получилось: сердясь на блоху, сжег и одяло.

Ночью, проводив Хайдара, домла долго сидел, перечитывая свою записку в правительство республики, размышлял. Перелистал и книгу Мирабидова и еще раз убедился, насколько он поверхностен как ученый. Все, что понаписал, легковесно, вредно. Нет, домла ни в коем случае не против переброски на юг части стоков сибирских рек. Да и в своей записке не отрицает эту проблему. Но — аллах! — сколько тут нерешенных или решенных наспех вопросов! Ведь эти воды, если даже правительство сегодня примет решение, придут не раньше чем через пятнадцать — двадцать лет. А за это время республика успеет стать пустыней. Так надо же думать об этом!..

Домла несколько раз отмахивался от назойливо дребезжащего звука. Наконец сообразил: это телефон! Уже наступило утро.

Звонила Халидахон. Домла не сразу вспомнил ее, хоть и назвала

свое имя и должность. И только когда сказала, что на сегодня назначена его встреча с читателями, — припомнилась молодая смуглолицая женщина с приятными ямочками на щеках. Ага, это которая привела к нему Фазилатхон и девушек — разбирать книги. Халидахон уже тогда говорила: надо организовать его встречу с читателями. В тот раз домла вежливо отказался: он же не знаменитый писатель, ни к чему ему эти встречи. Но Халидахон и слушать не захотела. И вот опять тот же разговор.

Домла сердито бросил трубку. Не прошло и часа, как в дверях появилась Халидахон. Демонстрируя чистейшую белизну зубов и ямочки на смуглых щеках, Халидахон заговорила с порога, опередив возражения домлы:

— Не будьте так скромны, Нормурад Шамурадович! Вы ничуть не меньше любой знаменитости. Так что прошу, собирайтесь. Сейчас за вами придет машина.

Полевой стан оказался под стать всему, что делал Атакузы: двухэтажное здание из белого кирпича в тени могучих, старых талов. К дому пристроена веранда — просторный айван. На стане было безлюдно. Только кругленький краснощекий повар копошился у большого хауза — помешивал в котле огромным черпаком.

Машина вплотную подкатила к белому двухэтажному дому. На айван вышел, будто на прогулку, Абидов в новой — да еще какой! — пижаме. На спине, груди — повсюду выглядывали из причудливых джунглей львы и леопарды. Абидов радостно заспешил навстречу домле:

— Э-э... милости п-просим, уважаемый домла, каким это ветром вас сюда занесло?

Нормурад Шамурадович с любопытством оглядел модную пижаму, болтающуюся на худых плечах Абидова, его легкие брезентовые сапожки и невольно заулыбался:

— А вы, товарищ Абидов, чувствуете себя здесь как на курорте!

Абидов насмешливо поклонился стоявшему тут же на айване Али-Муйлову:

— Низкий п-поклон благодетелю. Создал нам тут и курорт, и п-прекрасные условия!..

Доцент бесцеремонно отстранил Муйлова и повел гостя на хлопковое поле. По дороге сообщил: отряд биологов готов к «наступлению». Только от «врага» — от хлопковой совки — все еще нет вестей. Абидов очень беспокоился по этому поводу.

Али-Муйлов, идя за ними, испуганно прислушивался. На всякий случай трижды плюнул:

— Тыфу, тыфу, тыфу, домладжан! Да оградит нас всевышний от такой напасти!

Абидов нервно рассмеялся:

— В-вам, бригадир, выходит, наплевать на наши опыты?

— Не думайте, домла. Справку мы вам выдадим. Почему наплевать? Напишем: хорошие опыты. Все как нужно.

— Да, я вижу, вы мастер писать справки.

Усач не ответил, махнул рукой и зашагал обратно к полевому стану. Доцент, глядя ему вслед, задумчиво вздохнул:

— Непостижимые вещи творятся на белом свете!

— Например?— поинтересовался Нормурад.

— Пожалуйста, могу и пример. Хотя бы вас взять. Большой ученый, человек бывалый. Правильно я говорю?

Нормурад-ата остановился.

— Ну и что?

— А вот что. Вы приехали, кажется, на встречу с читателями, так ведь? А подумали о том, есть ли у этих людей время для чтения?

С широкого скуластого лица домлы схлынула кровь. Мгновенно набухли вены на висках.

— То есть вы хотите сказать... Моя беседа здесь о пользе книги — напрасный труд?

— Нет, зачем же? Я всегда за книги. Хочу лишь одно сказать: хлопкоробы наши работают от зари до зари. Когда им читать? Вот о чем я тревожусь, уважаемый профессор!

— Послушайте, доцент!— Лицо домлы побагровело, на выпуклом большом лбу росинками заблестели капли пота.— Человек, если он стремится к знаниям, всегда найдет время почитать. А тот, кто равнодушен...

— Вот как? — тонкие губы Абидова язвительно искривились.— В теории вы, может, и правы. Но попробуйте-ка восемь-девять часов помахать кетменем, да еще в этом пекле, хотелось бы взглянуть — останется у вас охота к чтению или нет?

— Я еще раз повторяю! — загромыхал домла.— У меня достаточный жизненный опыт. Я уверен, кто жаждет знаний...— тут Нормурад-ата сгоряча споткнулся о небольшой камень и умолк.

Нет, этот Абидов вовсе не таков, каким показался при первой встрече. Скорее всего, он из тех мелочных правдолюбов, которые везде и во всем только и ищут недостатки. Выскивает кривизну в конском волосе. Можно, пожалуй, понять и Атакузы. Нелегко ему приходится, если вокруг подобные типы.

Абидов между тем повернул назад. Домла возмущенно крикнул:

— Погодите, товарищ Абидов! Разговор не окончен!

Доцент нехотя остановился:

— Я не желаю продолжать такой разговор!

— Почему же?

— А потому...

Возмущение домлы сменилось растерянностью. Он с удивлением смотрел на этого странного человека. А у того вдруг задрожали губы, как у обиженного ребенка.

— Я думал, вы — большой ученый, настоящий человек, открыл душу. А вы?... Исказили мою мысль, не захотели понять. Накричали. Это я-то враг знанию!..

Домла окончателы'о растерялся:

— Прошу простить меня. Но ведь вы сами наговорили такое...

— Да что такого я сказал? Беседовали о культуре. Я уже целую неделю, как приехал сюда, только об этом и думаю.

— И что же?

— Низкая у нас культура, очень низкая, особенно культура труда. Вот возьмите здешних хлопководов. В нашей стране столько изобретено машин для них! Есть прекрасные тракторы, сеялки, культиваторы, хлопкоуборочные машины. Они должны помогать дехканину! И в этом хозяйстве, где мы с вами находимся, техники предостаточно.

— Ну-ну...

— А теперь, к примеру, возьмем Али-Муйлова! Ведь он, по старой привычке, чуть свет гонит людей на работу и, пока не стемнеет, не выпустит их с поля. К чему же тогда вся эта техника, если бригадир предпочитает ей кетмень? Вот он идет, Усач наш! — показал Абидов на приближающегося к ним Али-Муйлова. — Спросите-ка у него — когда люди выходят на работу и когда кончают?

— И что, думаете, он скажет?

— Скажет, и скажет с гордостью: приходят на поле до рассвета и уходят с закатом. А почему?

— Да, в самом деле — почему? — Этот злой на язык и желчный человек заинтересовал домлу.

— Да потому, что бригадир, — Абидов с нажимом произнес «бригадир», — до сих пор живет представлениями тридцатых годов, считает, что труд должен быть именно таким. Поел, поспал — и снова вкалывай! У него даже в мыслях нет, что не сытостью одной жив человек, что отдых дается не только для обеда, что есть на свете так называемый духовный мир! Но такой вот Али удобен раису. Когда бы ни нагрязнул кто из начальников — работа кипит! Но тогда для чего колхозу большая техника?

Нормурад-ата не отвечал. Ощутил во всем теле усталость — это в последнее время с ним случалось нередко. Внезапно ослабли ноги, он осторожно присел на берегу арыка. Абидов устроился рядом и заговорщически прошептал:

— Вот он идет, наш уважаемый М-муйлов. Задайте же, непременно задайте ему вопрос!

Усач преобразился: в новой нейлоновой сорочке, усы подкручены, концы их стали острее, подбородок гладко выбрит. Подошел к застенчиво-угодливой улыбкой:

— Зачем же так, домладжан! Отдохнуть вам надо на полевым стане, а вы сидите здесь, в жаре. Прошу вас, домла, прошу...

— Спасибо, дорогой. Вопрос тут у нас один возник: когда ваши люди идут на обед?

— Люди... — Али-Муйлов устремил глаза-бусинки в небо, посмотрел на тень от дерева. — Рановато еще, домла. Через часок, пожалуй, пойдут.

— А утром? Когда выходят на работу?

Усач, видно, почувствовал: неспроста спрашивает гость, но не мог понять, куда он клонит. Озадаченно потер новой тюбетейкой гладко выбритую голову.

— Люди... золотые у нас люди, домладжан. Чуть свет — все, как один, на поле.

— А вечером?

— И вечером тоже. Пока не стемнеет, ни один с поля не уйдет.

Сакиджан Абидов неожиданно вскочил, захохотал, ударил по бедрам, будто петух крыльями. Али-Муйлов растерянно хлопал глазами, улыбался. Не обращая внимания на доцента, домла продолжал:

— Так что же получается, работают от зари до зари? Когда же отдыхают?

Али-Муйлов обрадованно закивал: «Я, мол, вас понял».

— Вот сейчас будет обед, и отдохнут. Мы создали все условия, домладжан.

— Например?

— Например, горячая еда...

— А еще?

— А еще... у нас всегда бывает горячая еда,— повторил Усач. Круглое его лицо, блестящее, как намазанная маслом лепешка, отразило полное довольство.

Горячая еда! Этим, по его мнению, сказано все. Предел желаний человека! Да, выходит, этот доцент прав. Но что творится с Атакузы? Такому красоту развел в кишлаке, целый город построил, прекрасные полевые станы, проложил дороги. Атакузы, который понимает, чувствует, ловит новое... Зачем он держит этого тупого человека?

Али-Муйлов между тем отошел в сторонку, а потом заковылял к полевому стану. Доцент, глядя ему вслед, снова не удержался:

— Просто не понимаю! Иметь такую мощную технику и во главе бригады поставить тупицу, этого разжиревшего Муйлова! Я сам видел: и тракторы, и хлопкоуборочные машины. Да что говорить! Был бы я здесь бригадиром, обязательно дал бы женщинам по два дня отдыха в неделю. И будьте уверены — выполнили бы план! Правда ведь?

Домла не успел ответить. По тропинке с поля к ним шла молодая женщина. Она, видно, очень спешила: то и дело спотыкалась, поправляла сползавший на затылок цветастый платок.

«Кажется, невестка Уразкула...— Нормурад-ата узнал ее.— Так и есть, это она, Надирахон...»

Надира подошла, приложила к груди большие, мозолистые, как у мужчин, руки, склонила голову:

— Салям вам, атаджан!

— Многих лет жизни вам, доченька. Как живет-поживает ваш отец, Уразкул?

— Отец, он поехал к вам...

— Мда-а...— Домла озабоченно потер блестящий от пота лоб.— Вот беда, не удалось мне еще переговорить с Атакузы...

Надира настороженно взглянула на Абидова. Тот понял ее взгляд и незаметно отошел. Поглядев на поникшую голову домлы, Надира вздохнула:

— Пока вы собирались поговорить с племянником, он успел сделать еще одно «доброе» дело: муж мой теперь без работы. Сначала выслал в степь, а теперь и вовсе прогнал. И в степи, оказывается, ему не место.

— Но почему же?

— А вы его спросите — почему? Видать, я виновата, не проглотила обиду, пожаловалась в обком...

«Что он творит? Что с ним происходит?»

— Передайте своему племяннику, — с металлом в голосе сказала Надира. — Скажите ему: я и теперь не отступлюсь. Дойду до самого верха. Возьму за руки детей своих, в центр поеду!

Домла долго не поднимал головы. Вот захрустели камешки под ногами, и шаги затихли. Должно быть, Надира ушла. Домла ухватился за низко висящую ветку молодого тутового дерева, с трудом поднялся и медленно побрел к полевому стану.

Да, нынешний день преподал ему хороший урок. Воображал, что знает жизнь! С детства как будто близок к труду хлопкороба и вот, оказалось, смыслит маловато. Видно, слишком завяз в книгах, потонул в своих проблемах...

К полевому стану кто-то подъехал, у хауза остановилась «Волга», раздался знакомый голос Халидахаон:

— Велели вы людям, чтобы приоделись?

— Велел, велел.

— А здесь почему нет порядка? Посмотрите, что за мусор! Как вам не стыдно? Что скажет домла?

«Суетятся, будто я большой начальник!»

Халидахаон уже спешила навстречу ему:

— О, домладжан, на вас лица нет! Напрасно вышли на солнце. Скорее в помещение, отдохните...

— Спасибо, доченька. Если можно, отвезите меня домой.

— Как же так? Ведь сейчас начнется встреча...

— Нет, нет! Отложим до другого раза. Я должен сначала поговорить с одним человеком, — и Нормурад-ата, не ожидая ответа, пошел к машине.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Давно, давно было пора навестить зятя на его новом месте. При этом, как говорится, приятное совмещалось с полезным. Собираясь в путь, Вахид Мирабидов рассчитывал одним выстрелом поразить несколько точек. Первым делом не вредно поближе познакомиться с районом, где зять теперь стал первым секретарем. Там широко осваивают целинные земли, а ведь это как-никак одна из главных задач дня. Вот и съездит, посмотрит кстати системы водоснабжения, орошения. Такие поездки бывают приятны — полезный деятельный отдых! Визит доктора наук Мирабидова к зятю конечно же не останется незамеченным, это он точно знает по своему скромному жизненному опыту. Найдутся люди, готовые носить ученого на руках. Одним из таких людей, само собой разумеется, будет старый друг, отец его ученика, знаменитый Атакузы. Правда, неурядицы с работой Хайдара вызвали легкое похолодание. Но, во-первых, Атакузы же сам видел: виноват был не Вахид Мирабидов — навредил им их же дядя. Во-вторых, Вахид Мира-

бидов затеял переговоры с нужными людьми, и, конечно, переговоры эти принесут плоды. На этом свете все зависит от добрых отношений! Жизненный путь Вахида Мирабидова не раз подтверждал эту истину, а как-никак прожито уже шестьдесят годков!

Таковы были общие, так сказать, планы. Но у Вахида Мирабидова имелась еще одна весьма деликатная, заветная цель. Его книга — она вышла еще весной — вызвала много разговоров. Обратили на нее внимание не только специалисты, не остались в стороне и широкие, как говорится, читательские массы. В газетах, журналах, напечатали несколько положительных рецензий. Друзья и знакомые не раз говорили: этот труд достоин Государственной премии. И в самом деле, почему бы нет? Если и не во всесоюзном масштабе, то, по крайней мере, в республиканском. Правда, положительные рецензии и выступления — все это не без личной инициативы самого автора. Но, как нередко бывает, автор в конце концов полностью уверовал в значительность своего произведения. А уверовав, стал помышлять и о материализации, так сказать, идеи — о премии. Но чтобы двинуть дело, надо дать толчок. Кто-то мог бы проявить инициативу. И лучшая кандидатура — конечно же Атакузы! А как же иначе: в книге Вахида Мирабидова, помимо переброски сибирских рек, затрагивались и другие проблемы. Например, освоение целинных земель, строительство дренажей, промывка засоленных почв. Вполне естественно: Атакузы организует встречу своих целинников с автором книги, а там кто-нибудь из передовых механизаторов или ирригаторов предложит выдвинуть книгу на премию. Ничего предосудительного — труду ученого воздается должное.

Правда, в последнее время вмешалось одно небольшое, но все же неприятное обстоятельство. На днях директор института проводил совещание и между прочим сказал, будто в верхах с большим вниманием отнеслись к докладной записке Нормурада Шамурадова. Вахид Мирабидов знал, что его давний, мягко говоря, оппонент утверждал противоположные идеи. Но не так уж это и страшно. Как бы там в верхах ни отнеслись к старому спорщику, все равно записку спустят вниз, к ним в институт. И в этом случае предложение целинников будет весьма и весьма кстати. Выйдет, что книгу поддержали практики, те, кто непосредственно заинтересован в осуществлении ее идей. Попробуй не посчитайся с таким аргументом!

Словом, как только Вахид Мирабидов вышел из машины и поздоровался с дочкой, он тут же распорядился пригласить в гости Атакузы.

Зятя не было дома — уехал в обком, Махбубе удалось лишь к вечеру, часам к семи, дозвониться до мужа. Он только что вернулся из области и у себя в кабинете просматривал бумаги, накопившиеся за время отлучки.

— Ой, где вы пропадаете, товарищ Шукуров? С самого утра ищут — не могу сыскать вас!

Радостно возбужденный голос жены удивил Шукурова.

— Что такое у вас?

— Ничего особенного. Просто гости собрались. Отец с матерью приехали из Ташкента. И Атакузы-ака уже здесь. Приезжайте поскорее.

Надеюсь, сегодня вечером у вас нет никаких там собраний-совещаний?

— Хорошо, хорошо, сейчас подъеду.

Шукуров стоя досмотрел бумаги. Он и сам сегодня чувствовал радостный подъем. Побывал с утра в облисполкоме, обкоме, был на приеме у первого. А главное — разговор с первым получился на редкость искренним, откровенным. Немолодой уже, роста небольшого, полноватый, лысый человек. Напомнил Шукурову его учителя — старого, усталого ученого. Как он внимательно, спокойно слушал, задумчиво поглаживая седые брови. Шукуров начал горячась, но постепенно взял себя в руки и толково, а главное, начистоту выложил все, что накопилось за несколько месяцев работы. Все свои планы, трудности, сомнения — все открыл этому похожему на старого учителя человеку. Не утаил и довольно резко сказал о неувязках в работе плановых и хозяйственных органов области.

Первый, поглаживая то брови, то лысину, задумчиво кивал, делал пометки в настольном календаре, а когда очередь дошла до просьб, вдруг лукаво сверкнул глазами:

— А вы думаете, только у первого секретаря райкома такие трудности? Считаете, первому секретарю обкома легко? Вам надо, скажем, пять тысяч тонн удобрений или там цемента, а мне требуются все пятьдесят, дорогой мой! — он засмеялся.

И все же позвонил по ВЧ в Ташкент, сначала в Госплан, а потом еще двум министрам. С министрами разговаривал по-приятельски.

— Мы с тобой старые стали, ленивые, инициативы уже нет. Пора на пенсию, — так начал с одним из них. — А вот пришел ко мне новый секретарь в район — горячий парень! Грандиозные строит планы. И представь себе, не просит, а требует: район, мол, какой — целинный! Не может получить человек положенное по закону. Как так? Вот и проверь своих! Да, да, проверь и подкинь что-нибудь. Что-что? Ну какой ты министр без резерва? Не прибедняйся. — Положил трубку и подмигнул Шукурову: — Это я своему фронтовому дружку по-свойски.

Сказал, надзор за делом поручит Бекмураду Халмурадовичу, Шукуров очень досадовал, что Халмурадов оказался в отъезде. Хотелось поговорить с ним в присутствии первого, надо бы разобраться в некоторых делах. Уже прощаясь, первый вдруг спросил:

— А как там Атакузы Умаров?..

И снова внимательно, не торопя, не прерывая, выслушал все «за» и «против».

— А не слишком ли вы либеральничаете с ним?

Шукуров невольно улыбнулся:

— Может быть. Но ведь и сам обком...

— Что обком?

— В промышленном отделе мне, например, сказали, что обком дал указание ускорить газификацию именно его поселка. А помнится, вы просили, чтобы я не обижал Аксакала...

— Хорошо, я разберусь. Бекмурад Халмурадович говорил мне — Атакузы Умаров построил прекрасные ясли, детсад. Неплохо ведь. Очень даже хорошо. И постановление ЦК было по этому поводу. А многие наши председатели, и притом не из бедных, все еще не хотят утруж-

дать себя. Так что передайте вашему Умарову спасибо от моего имени тоже. Пригласите к нему в колхоз других раисов — пусть перенимают опыт. Но тем не менее каким бы передовым ни был Умаров — это не значит, что ему дозволено больше других. Законы писаны для всех! Кстати, разберитесь на месте и насчет Минг булака. Но учтите: животноводческий комплекс — дело очень нужное, полезное...

Странное ощущение не покидало Шукурова. Всю обратную дорогу он думал о разговоре с первым. Подействовали не обещания его, а сама личность. Но в то же время как понять это, разберитесь сами? Видно, шутка насчет пяти и пятидесяти тонн удобрений — наболевшая, горькая шутка. И он сталкивается с теми же трудностями, что и секретарь райкома. А что касается Атакузы, разобраться, конечно, придется. Хоть, надо сказать, теперь, когда сам чуть не задыхается от навалившихся забот, Шукуров стал больше понимать и Атакузы, и других раисов.

Вот он, секретарь райкома, требует от них хлопка, беспрекословного выполнения плановых заданий... А сам в глаза не может им посмотреть. И как посмотришь, когда требовать требуешь, а дать то, что нужно для того же хлопка, не можешь. Не сами ли мы толкаем раисов на обходные пути с хандаляшками?

Однако правда и то, что Атакузы переходит уже все границы. Ведет себя будто владетельный князь.

...Шукуров собрался уже уходить, но секретарша принесла еще одно письмо. Подписано Халмурадовым. Ответ на запрос о районной биологической лаборатории. Обком считает не очень целесообразным создавать районную лабораторию. Однако, если в районе чрезмерно размножилась хлопковая совка, этот вопрос можно поставить перед Министерством сельского хозяйства.

«Ловко! — усмехнулся Шукуров. — Выходит, или заткнись, или признай: да, недосмотрел — и хлопок гибнет от совки».

Вспомнились неистовый доцент и его подопечная — с большими печальными глазами. «Надо помочь, — решил Шукуров. — Пусть Халмурадов думает, что ему угодно, но лабораторию мы откроем!»

Он захлопнул папку и попрощался с секретаршей.

Через несколько минут был уже около своей калитки, толкнул ее — и не узнал двор. Готовилось какое-то пышное торжество. Собрались женщины, должно быть соседки, пеки лепешки в тандыре, чуть поодаль двое мужчин в белых халатах, подвесив тушу барана — и преогромную! — на суку яблони, разделявали ее, сверкая лезвиями ножей. От летней кухни уже остро ипряно тянуло жареным луком и мясом.

Первой увидела Шукурова Назокат-биби. Полненькая, крепенькая, она засеменила к зятю. Поцеловала в лоб, провела несколько раз белыми пышными руками по его плечам и затараторила:

— О ненаглядный мой зятек! А вы загорели и, знаете, возмужали!

Вслед за Назокат-биби выпорхнула из дома Махбуба. Стряхнула со лба специально уложенные в «поэтическом беспорядке» локоны, подставила для поцелуя ликующе-радостное лицо.

Шукуров поцеловал сияющую счастьем жену и невольно улыбнулся, хоть был и недоволен приготовлениями к непонятному торжеству.

— Приветствую вас, ханум!

— Спасибо. И я вас!— Махбуба, ласкаясь, взяла мужа под руку, повела в дом.— Пойдемте, переоденьтесь.

Шукуров поймал невзначай взгляд тещи. Глаза Назокат-биби, все ее гладкое, без единой морщинки лицо светилось безграничной гордостью. Это была гордость матери, увидевшей счастье любимого дитяти.

— А вам не кажется, не слишком ли размахнулись?

— Почему же слишком?— опустила чуть подсиненные веки Махбуба и отвела со лба и бровей легкие пряди.

— Я вижу, целый той готовите!

— Ну и что? Из такой дали приехали родители, а вы...

— Я не против, надо, конечно, хорошо встретить. Но к чему баран, мясники...

— Баран с базара, можете не бояться.

— Я и не боюсь. Просто неловко как-то, нескромно.

— Почему это нескромно?— всерьез обиделась Махбуба.— Понижаю, были бы голодные годы. Сейчас, кажется, всего предостаточно. Ведь говорят же: если хлеб твой честен, ешь его хоть на улице.

«На самом деле, не чересчур ли я?..» — одернул себя Шукуров. Он переоделся и вышел к гостям.

Вахид Мирабидов и Атакузы удобно расположились на сури под виноградными лозами, полулежали на пышно настеленных атласных стеганых курпачах. Два низких столика — хантахты перед ними ломились от яств — тут были и жареное мясо с влажно-коричневой корочкой, и горы нежно-румяной самсы — мясных пирогов, и круглые маслянистые лепешки, и белые, целиком отваренные куры. Бутылки выстроились в ряд, как солдаты в почетном карауле, играли разноцветным стеклом.

В сторонке, на берегу маленького хауза с фонтаном, за другим столом сидела жена Атакузы Алия и Назокат-биби. Пылавшая румянцем Махбуба давала указания поварихам.

Атакузы, смеясь, поднялся навстречу Шукурову:

— Впервые вижу такого хозяина, Абрар Шукурович! В доме гости, а вы где-то проводите собрания!

Рот Вахида Мирабидова блеснул ярким солнцем.

— Не будем придиричивы, раис. Недаром говаривали в старину: правителей не судят! Приходится прощать недостатки.

— Ха-ха-а! Слова сами слетают у вас с языка, когда хотите выгородить зятя! — Атакузы хмелел то ли от вина, то ли от своих остроумий. Смех привыкшего к степным просторам раиса гремел на весь двор.— Так из какой бутылки прикажете вам налить, товарищ хозяин? Из белой или красной?

Шукурову показалось, что Атакузы чем-то взвинчен: смех нарочито громок, движения слишком резки, а сам напряжен.

— Позвольте отдышаться.— попросил Шукуров и потянулся было к чайнику, но Атакузы опередил:

— Нет, уж простите! Раз опоздали, подчиняйтесь тамаде. Слово тамады — священо, так ведь? Вы большой человек в своем районе,

и там мы вам подчиняемся, слушаем вас. Но здесь, за дастарханом, вы должны слушать нас, гостей. Правильно говорю, домладжан?

Шукурову пришел на память разговор об Атакузы в обкоме, но тут же он одернул себя: «Чего ты, в самом деле, взъелся? Встретились два товарища. Они же дружат давно. Ну и позволили себе слегка... Это же твои гости!»

Он опустил на мягкую, шелковисто-прохладную курпачу, затолкал под мышку белоснежную подушку и неожиданно почувствовал необыкновенную сладостную легкость. Все заботы дня, давившие на душу, вмиг улетучились, стало легко, будто скинул камень с плеч.

— Да, тамаде не откажешь. За дорогих гостей!— он опорожнил рюмку.

— Вот это по-нашенски!— торжествовал Атакузы.— Ну-ка, домла, теперь ваш черед, не отстаньте от зятка!— Он по-свойски обнял Мирабидова.— Не беспокойтесь, Вахид-ака. Вашу просьбу мы обязательно провернем. Слово целинников, их поддержка тоже чего-то стоит. Собрание созовем, проведем предложение с аплодисментами. Можете считать, премия у вас в кармане!

— Какая премия?— Шукуров с удивлением посмотрел на тестя.

Атакузы открыл было рот: «Да это насчет книги...» Но тесть со словами: «Скажу потом»,— одним махом осушил рюмку, обернулся к хаузу:

— Доченька, подай мне дутар. Да забудутся сегодня треволнения этого бренного мира! Как считаете, тамада?

— Хвала вам, домла!— еще больше развеселился Атакузы и снова наполнил рюмки.

Махбуба вынесла из дома дутар. Вахид Мирабидов вытянул вперед одну, потом другую руку — засучил рукава. Настроивая дутар, подмигнул Назокат-биби:

— А ну-ка, ханум! С чего начнем, с «Лязги» или же хочешь «Тановар»?

— Что вы, домладжан! У нас тут молодые найдутся,— она посмотрела на Махбубу, а сказала:— Вот сидит Алияхон.

Вахид Мирабидов прикрыл глаза. Раскачиваясь всем телом в такт музыке, заиграл знаменитую «Рохат». Назокат-биби, хоть и отказывалась, не выдержала, чуть изогнув тонкие брови, будто не своей силой поднялась с места.

Вся кругленькая, пухленькая, поводя искусно подкрашенными глазами, шелкая короткими, унизированными золотом пальчиками, Назокат-биби поплыла по кругу. Да так легко и изящно, что Атакузы от восторга крикнул во весь голос:

— Яшанг! Да сбудутся все мечты ваши, Назокат-биби!

Махбуба тоже умилилась — подбежала к матери, звонко чмокнула ее в слегка наруганные щеки (нет, Назокат-биби не подавалась летам!). Алия тоже хотела поддержать общее веселье. Она мягко улыбалась, но улыбка ее была почему-то вымученной, печальной.

Шукуров всегда удивлялся жизнерадостности своих тещи и тестя. Как умели они отдаваться веселью! У него так не получалось, и этот недостаток он в себе знал. Оттого, наверно, и ценил такие качества в

других. И сейчас, в эту минуту, он никак не мог приладиться к общему веселью. Одергивал себя, убеждал: он хозяин, они гости, им и веселиться — ничего не помогало. Слишком было заметно — с Атакузы что-то произошло. Что именно — Шукуров не мог понять. А тут еще намек на какую-то премию. Успел, хитрец, с тестем договориться. Неладное что-то во всем этом...

Мирабидов самозабвенно играл теперь легкую, быструю, как бег лани, «Лязги». Махбуба, прервав кружение, с громким смехом подбежала к Али, потащила танцевать. Но тут из кухни позвали: «Махбуба-апа! Шашлык готов!» — и танец сразу расстроился.

Махбуба пригласила всех к столу у хауза. Над водой загорелись лампочки, струи фонтана вспыхнули разноцветной дугой. Атакузы, возбуждаясь все более и более, разливал «красавицам» шампанское, «джигитам» — коньяк. Вот он высоко поднял свою рюмку:

— Так давайте поднимем наши бокалы за то, чтобы в этом бренном мире человек мог хоть изредка отвести душу, повеселиться вдоволь! Все заботы — к чертям!

Шукуров незаметно бросил взгляд в сторону кухни. Атакузы что-то уж слишком разошелся. Неужели специально, чтобы услышали соседи, которые хлопочут на кухне? Есть такие люди — любят довести до всех ушей: «Вот посмотрите, какой я свой человек в этом доме!» Но Атакузы... Ему-то зачем? Шукуров с трудом подавил вспыхнувшее недоверие, заставил себя любезно улыбнуться.

Атакузы не заметил тени, мелькнувшей на лице хозяина. Мгновенно осушив рюмку, собрался было наполнить снова, но Алия быстро прикрыла ее ладонью:

— Не надо, пожалуйста, хватит на сегодня!

— Что? — Атакузы напряженно хохотнул. — Сегодня я как раз имею право пить сколько хочу! Имею право веселиться и гулять сколько пожелаю!

Шукуров попытался свести разговор к шутке:

— За какие же заслуги, дорогой раис? Может, выполнили план хлопкозаготовок?

— Нет! Сегодня я выполнил другое, еще более важное задание секретарей обкома и райкома!

— А именно?

— Вы что же, забыли? Приказ ваш выполнил! Выбросил на улицу старого ученого со всеми его книгами. А дом передал той самой ябеднице, которая обивала ваш порог...

— Послушайте, Атакузы-ака! — Шукуров привстал. Теперь он уже не думал о сковывавшем его долге гостеприимства. — Бросьте ваше кривлянье. Мой дом — не сцена, а вы — не артист, и мне не по душе подобные представления.

— При чем здесь представление? — Атакузы отодвинул стул и тоже встал.

Алия выбросила вперед дрожащие руки:

— Атакузы-ака! Дорогой мой!

Наступила долгая давящая тишина. Слышалось лишь тяжелое сопение Атакузы да тихое журчание фонтана. Шукуров опустил глаза.

— Вот что, давайте кончим этот разговор. Я вас считал человеком серьезным...

— Ошиблись, значит!— сказал Атакузы.— Какой я серьезный? Я — самый несерьезный, самый... нечестный, самый бессовестный, самый, самый бессердечный человек!— Он потянулся к коньяку.

Шукуров перехватил бутылку:

— Хватит! Да что, в самом деле, случилось?

Атакузы не ответил. Он тяжело, как-то боком плюхнулся на стул. Уперся лбом в его спинку, закрыл глаза. В памяти сразу всплыла картина сегодняшнего утра. Он застонал от резкой боли в голове.

2

Стычка с дядей произошла неожиданно и самым нелепым образом.

Утром, наскоро позавтракав, собрался уже ехать в степь. И тут у садовой калитки показался Нормурад-ата:

— Атакузы!

Атакузы нехотя повернул назад. Домла в неизменной полосатой пижаме, повисшей на нем как мешок, в старых шлепанцах на босу ногу, кряхтя, шел ему навстречу. Дядя и племянник сошлись у колодца, молча подали друг другу руки.

— Все-таки повезло мне, поймал тебя!

— А что случилось?— Атакузы вспомнилось письмо о Минг булаке, написанное рукою дяди. На душе стало мутрно.

— Есть о чем поговорить!

— Хорошо. Но лучше отложим до другого раза. Сейчас тороплюсь в степь...

— Степь твоя никуда не убежит!— неприязненный холодок в голосе старика стегнул будто плетью Атакузы.

— И ваш разговор, думаю, тоже никуда не сбежит.

— Стой!— приказал вдруг домла.— У меня сейчас сидит Уразкул! «Ах, вот как — Уразкул! Понятно».

— Дядя! Я знаю, зачем он пришел. Но не сейчас, я...

По голому черепу домлы начала медленно разливаться краснота, будто от пролитых красных чернил.

— Ох, дорогой мой, дорогой! Знаешь, значит. Так зачем же понадобилось тебе втягивать меня в это... дело?

— В какое такое дело?

— Еще спрашивает — какое? Может, это я просил, чтобы ты отобрал у людей дом и отдал мне?

Атакузы так и застыл на месте. Вот она, человеческая неблагодарность! Перевез к себе, думал обласкать на старости лет... И что же! Чем платит за добро родной дядя? Мало Атакузы неприятностей от начальства. Да разве он не знает своего дядю?! Всегда был такой. Одной ногой в могиле, а все бьет себя в грудь: «Вот я какой честный, бескорыстный, благородный!» И письмо про Минг булак то же самое — надо продемонстрировать принципиальность: смотрите, не шажу даже своего племянника! Да знал ли этот человек хоть когда-нибудь, что такое пощада, милосердие?

— Так!.. Вы меня не просили, чтобы я освободил этот дом для вас? Не просили? А почему живете в этом доме? Почему не освободили его?

Большой, похожий на бугристый огурец нос домлы угрожающе уставился на раиса.

— Я и не собираюсь жить в этом доме!

— Не собираетесь? Так поскорее освободите его!

— Освобожу, но я хотел поговорить...

— Сегодня же и выезжайте!— отчеканил Атакузы, не слушая.

Из кухни выбежала Алия. Босиком, на ходу лоя сползший с головы платок, бросилась к мужу:

— Опомнитесь, Атакузы-ака! Опомнитесь!

Багрово-красная голова домлы тряслась. Он с болью сказал:

— Ах, глупец, глупец! Совсем потерял голову, раис.

— Благодарю покорно! Будь проклят тот, кто делает добро! Сегодня же оставьте этот дом, этот кишлак!

В саду градом посыпались яблоки, из-за деревьев выскочил Хайдар — в майке и трусах.

— Отец!— схватил Атакузы за руку.— Одумайтесь, отец!

— Хорошо, я покину...— Увидев Хайдара, старик сразу как-то сник.— Дом я покину, но кишлак... Возомнил себя хозяином кишлака, глупец!

— Вот, вот, все глупцы, все невежды, один лишь на свете мудрец — вы!

Хайдар подошел сзади, крепко обнял отца, оттащил от домлы:

— Да опомнитесь же наконец!

Атакузы вырвался из сильных рук сына. Не помня себя, закричал:

— Только вы, вы мудрец!..— и вдруг замер с полуоткрытым ртом.

Старик, странно шаркая ногой, спотыкаясь, поплелся к себе — горбленный, жалкий. Атакузы опустил голову, сделал было шаг вслед дяде, остановился, махнул рукой и быстро пошел к воротам.

Шофера Атакузы отпустил, сам сел за руль и помчался в степь. У последних домов кишлака повернул обратно. Вспомнил: надо съездить в трест к газовикам — что-то застопорилось с газопроводом. С полдороги опять повернул назад, сообразил: пожалуй, сгоряча набьет там кувшинов.

В полдень лежал в штабе один, уставившись в потолок. Зазвонил телефон, потянулся, не вставая снял трубку.

— Дядя... дядя переезжает...— услышал взволнованный голос Али.

— Куда?— спросил устало, безразлично.

— В школу. Комнату ему там будто бы дали.— Алия всхлипнула.

— Ну и прекрасно!— Атакузы бросил трубку на рычаг.

Минуты через три телефон опять задребезжал. Снова Алия!

— Что тебе еще?

— Звонили от Шукурова. У них гости из Ташкента. Домла Мирабидов с супругой. Просят вас приехать!

— Да?— Атакузы вскочил на ноги, захлебываясь, будто получил счастливую весть, сказал:— Тогда и ты готовься! Переоденься! Я сейчас буду. Поедем вместе!..

...Атакузы сидел, грудью навалившись на спинку стула. Но вот он встрепенулся, встал, грузными, твердыми шагами пошел к хаузу, подставил голову под струю фонтана. Обмыл лицо, похлопал мокрыми ладонями по шее. Вытерся — Махбуба подала полотенце. Теперь он был совсем трезв, будто и не пил вовсе.

— Простите, Абрар Шукурович. Обрадовался неожиданной встрече с Вахидом Мирабидовичем и позволил себе лишнее...

— Нет-нет,— заерзал, заюлил Вахид Мирабидов,— все хорошо...

Атакузы оставил без внимания эту суету, смотрел только на мрачного Шукурова.

— Если разрешите, мы поедем, Абрар Шукурович.

Подбежала, покачивая плечами, Махбуба:

— Что вы, Атакузы-ака! Сейчас подам плов!

— Спасибо за все. А ну, ханум!..

— Я готова...— Алия, словно прося извинения, застенчиво улыбнулась.

Абрар Шукурович остановил поднявшегося тестя:

— Не беспокойтесь. Я сам провожу гостей.

У ворот он отвел Атакузы в сторону:

— Куда переехал домла?..

— В школу. Дом, как вы и приказали, вернули этой самой Надирахон. Мужа восстановили на прежней работе. Я извинился перед ним. Надеюсь, сделал все?

— И страдаете от гордости? Самолюбие пострадало?

— Дело не в самолюбии. Я, кажется, устал.— Атакузы стоял, печально опустив голову, непривычно тихий.— Устал, Абрар Шукурович. Хочешь сделать что-то хорошее — мешают, не дают развернуться.

— Это вам-то не дают развернуться?

— Я сделал все, что вы приказали,— уклонился от ответа Атакузы.— Можете проверить...

— Я приеду к вам. Поговорим.

— Понятно,— усмехнулся Атакузы.

Алия хотела бы уговорить мужа, чтобы не садился за руль, но знала — бесполезно. В такие минуты Атакузы никогда не отступает от своего. Собственно говоря, Алия вовсе и не боялась, что может произойти несчастье, даже не думала об этом. Всем сердцем чувствовала, как страдает муж.

Алия знала его натуру: сначала обидит человека, а потом сам терзается. Но то, что случилось сегодня!.. Такого не должно было быть. Даже Хайдар, он ведь дуется на деда, и то возмутился, напал на отца. И потом пошел помогать старику, когда услышал, что тот переезжает.

Алия тоже побежала к дяде, плакала, упрасивала: «Подождите, одумайтесь. В гневе, сами знаете, что только не слетит с языка. Потерпите до возвращения Атакузы-ака!» Но Нормурад-ата не захотел ждать, твердо стоял на своем. Все в той же полосатой пижаме-мешке, в старых шлепанцах таскал вещи, устраивался в машине. Алия бо-

ялась, как бы старик в сердцах не прогнал Хайдара. Но нет, обошлось, даже рад был его помощи.

В полдень, когда позвонила мужу, Алия по голосу поняла, насколько ему тяжело. Но по-настоящему почувствовала всю силу его страданий, когда он вернулся из степи.

Во двор Атакузы вошел пошатываясь — и сразу к колодцу. Припал к ведру. И, будто убегая от неприятных новостей, заспешил обратно на улицу. Только бросил на ходу: «Не возись, побыстрее!» За один день весь почернел. Стал похож на обуглившееся дерево. До самого районного центра не проронил ни звука. Гнал и гнал машину — страшно было взглянуть на спидометр.

И вот он опять гонит «Волгу», словно нарочно кидает ее в ямы, в колдобины, скачет по ухабам. Сюда мчались хоть днем, посветлее. А теперь, в сумерках, и не разглядишь, как мелькают дорожные знаки. Только подкидывает на рытвинах и буграх. Атакузы не замечал ничего. Встречные машины включали, выключали свет, а он, будто их вовсе не было, гнал, не уступая дороги, вел прямо в лоб и так стремительно, будто только и желал одного — на безумной скорости разбиться!

Нет, Алию пугала не катастрофа, которая могла произойти в любой момент. Нет! Она украдкой глядела на суровое чугуно-черное лицо мужа, на ходившие ходуном желваки, а слезы так и жгли, туманили глаза...

Что за времена пошли!.. Родные дядя и племянник не могут понять друг друга. А другие?.. Неужели никто так и не поймет? Так и не узнают, что творится в душе Атакузы. Но как же он казнит сейчас себя, как казнит!

Алия вовсе не выгораживает мужа. Он слишком занесся — это да. Особенно в последние два года. Она сама замечала. Все чаще бывает круг и несправедлив — это верно. Но верно и то, что не такой уж он злодей, как думают некоторые. И сейчас за что ни возьмется — все только для людей. Доброе не так бросается в глаза, как дурное. Но Алия никого не винит. Захвалили его сверх меры — вот что. У тех, кто хвалит, свой расчет, раис ведь тоже может кое-кому оказаться полезным. Но она... Она — жена, и именно она прежде всего виновата. Недоглядела, не спохватилась вовремя, тревогу не забила. Ведь как-никак тоже — учительница, с высшим образованием, и начинала с ним вместе. Поддалась, подстроилась под него...

В уши Алии ударил дикий рев, похожий на зов взбесившегося в пустыне верблюда. Ревело что-то огромное. Слепя двумя ярчайшими глазами, надрывно гудя, оно шло прямо на них. Атакузы и не подумал свернуть в сторону. Летел вперед — сейчас будет удар...

Алия отчаянно кинулась на руль. Атакузы очнулся, резко крутанул баранку. «Волга» как неслась на всех своих ста с лишним километрах в час, так и прыгнула на той скорости в темноту. Несколько раз подскочив, словно стреноженный конь, перелетев через ямы и арыки, замерла, скособочившись, на склоне невысокого пригорка. Атакузы рывком открыл дверцу, вышел из машины.

Алия долго еще сидела. Никак не могла прийти в себя. Незаметно поплевала по сторонам, как самая простая кишлачная женщина, и тоже вышла.

Ревущий «МАЗ» давно проехал. Все кругом потонуло во тьме. Только далеко, там, откуда они ехали, светились огни — словно бусинки, нанизанные на ниточку. Там остался город.

Атакузы курил, навалившись на капот машины. В частых вспышках папиросы возник короткий треугольник усов и кончик чуть загнутого орлиного носа с нервно вздрагивающими ноздрями.

Алия бесшумно подошла к мужу. Атакузы ласково положил руку на ее плечо. Сказал:

— И тебя я замучил, бедняжка.

— Больше всего себя...

Атакузы погладил плечи жены: осторожно, нежно, будто просил прощения.

— Я хотел бы... я готов на колени встать перед стариком. Только знаю — не простит он теперь...

Алия схватила тяжелую мозолистую лапищу мужа. Глотая сбежавшие на губы соленые капли, сказала:

— Простит! Вы не знаете его, простит.

— Сужу по себе, я бы на его месте — ни за что...

— Не знаете его,— повторила Алия.— Он не такой, он не держит обиды!

Атакузы помолчал, потом заговорил задумчиво, будто сам с собой:

— Что-то я и в самом деле загордился. Слава и почет, видно, и впрямь сбили с пути, закружили голову...— Словно обессиленный горем или болезнью, тяжело опустился около машины, растянулся на иссохших кустах полыни.

Алия села рядом, положила голову мужа на колени, прижала к груди.

— Милый мой! Бросайте вы эту каторгу! Ведь говорили же сами недавно: и без этого председательства проживем!..

— Бросать? Оставить, не достроив то, что начато? Пустить по ветру четверть века жизни? Нет, не могу, родная, невозможно. Мне одно надо: работать не мешали бы. Не понимают, не хотят понять.

«Опять заладил свое!»

— Я не знаю, как насчет работы... Но с людьми — нельзя так. С Наимджаном, с его женой как поступили... Родной, так же нельзя! И секретарь — я говорю про Шукурова,— не желает он вам плохого. По глазам вижу — хочет добра вам.

— Ты так думаешь?..— Атакузы замолчал.— Может быть...— Проговорил задумчиво: — Запутался я...

Опять набежали слезы. Алия нагнулась к мужу, стала целовать его в щеки, в висок, в лоб...

Атакузы закрыл глаза. Лежал тихо, чуть слышно дыша, будто даже своим дыханием боялся спугнуть эту минуту. Поддался ласке — большой ребенок — истосковался по любви!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

— Вставай, сынок, тебя отец спрашивает...

Хайдар раскинулся на широком сури в излюбленном своем уголке сада под старой туютой. Он спал мертвым сном.

Солнце уже взошло, но сад все еще оставался в густой тени, лишь верхушки пирамидальных тополей вдоль ограды — садовых стражей — купались в первых розовых лучах.

— Вставай, говорю, отец зовет, — достиг наконец сознания голос матери.

Хайдар нехотя поднялся. Вчера весь день помогал дяде, домой пришел в полночь. Потом долго лежал, смотрел на звезды — все не мог заснуть, тревожили разные думы.

Вообще был странный день. Нелепая ссора отца с дедом. Директор школы без разговора выделил старику комнату из «хозяйственных помещений». Потом, как узнал, что домла собирается подарить школе свою библиотеку, добавил еще одну. А дальше начались совсем уж странные вещи: сбежались и знакомые и незнакомые. Перетаскивали коробки с книгами, вещи, помогали грузить, путались под ногами. Соседи несли чай, разную еду. Словом, получился самый настоящий хашар — каждый хотел помочь, внести свою дань. И Латофат с подругами помогала, укладывала книги. А вечером принесли целое блюдо плова.

Конечно, разве плохо, что люди так заботятся о домле? Оказалось, многие относятся к нему с уважением и любовью. Хайдара беспокоило другое. Он заметил среди тех, кто пришел на незванный хашар, Кудрат-ходжу и еще нескольких человек из тех, кто любит мутить воду. Шакалы! Им только бросить кость — поднимут вой на весь свет. У Хайдара как бы открылись глаза: неожиданное и всеобщее сочувствие к домле, старания людей поднять его дух — в этом чувствовалось открытое и тоже всеобщее недовольство. Кем?.. Хайдар не сразу решил ответить себе. Тяжело было признать: люди недовольны его отцом, раисом Атакузы! Лежал долго с открытыми глазами, смотрел на звезды и думал, пока не одолел сон. А теперь отец зовет — о чем будет говорить?

Атакузы, заложив руки за спину, медленно вышагивал по коридорчику из виноградных лоз от айвана к летней кухне. У колодца на большом круглом столе стояло глиняное блюдо, на нем гора лепешек. Две касы сметаны были непочаты, не тронут и виноград на подносе. Видно, хозяину было не до еды.

— Садись! — продолжая расхаживать вперед и назад, Атакузы исподтишка взглянул на сына. Глаза раиса ввалились, черные щеки запали, движения были замедленные, вялые. — Ну что, рад старик переезду?

— Удивительные вещи спрашиваете, отец, — сказал Хайдар. — С чего ему радоваться?

Уголок рта Атакузы насмешливо скривился.

— Вижу, и ты перешел в стан деда?

Хайдар готов был съязвить в ответ, но его остановило незнакомое жалкое выражение ввалившихся глаз отца. Ответил сдержанно:

— Ни в чей стан я не перешел, и дело не в этом...

— А в чем же?

— Если говорить честно, вы были не правы...

Атакузы с удивлением взглянул на сына:

— А дядя? Он, значит, по-твоему, прав? Я делаю для него все, забочусь как о родном отце, принимаю на свою голову все камни, а он... Не будем говорить о благодарности, но подставлять ногу!..— Атакузы закрыл глаза, помолчал. Потом сказал изменившимся голосом: — Ладно, не будем больше об этом. Я позвал тебя по другому делу. Что я хотел сказать?.. Да! Приехал твой учитель.

— Кто?

— Руководитель твой. Вахид Мирабидов! Гостит сейчас у зятя. Вчера мы виделись. О тебе говорил, о твоей работе. Обнадеживает. Уверяет, что все будет в порядке.

— Да ладно уж!..

— Что-о? — Атакузы остановился перед сыном, испытующе посмотрел в глаза.

— Ничего особенного, я что-то остыл к той работе...

— Остыл или нет, но диплом получить надо, — тон отца не допускал возражений. — В жизни еще пригодится! Словом, мы должны принять его у себя в доме, на высоте... — Атакузы почему-то замялся, почесал за ухом. — Да, вот еще что. Вчера твой учитель просил об одном деле. У него есть, говорит, какая-то книга о сибирских реках.

— Ну?..

— Так вот, значит, такое дело... Он сказал, желательно бы по этой самой книге... провести... совещание, что ли. Среди целинников. Хорошо бы, говорит, чтобы выдвинули ее на соискание премии...

— Какой премии?

— Не знаю. Говорит, есть какая-то премия для ученых. Имени Беруни, так, что ли?

Хайдар не поверил своим ушам, переспросил:

— И он сам сказал вам об этом?

— Да, конечно, сам. Как бы нам это дело проверить?

Хайдар, наверно впервые в жизни, с удивлением посмотрел на отца: неужели он всерьез? Его отец, умный, все понимающий, — и говорит такие вещи, берется за дело, которое ему совсем не к лицу да и не под силу!

— Не представляю, дада. Никогда не сталкивался с подобными вещами.

— Гм... А дядя, наверно, знает, как все это делается?

Хайдар громко расхохотался:

— Не хватало только вашего дядю просить, чтобы выступил с докладом об этой книге перед целинниками!

Что было на уме у отца — непонятно. Видно, наконец понял, какую чушь городит. Умолк, лишь рукой махнул.

Хайдар в раздумье побрел в конец сада к арыку, зачерпнул в при-

горшню ледяной воды, плеснул в лицо — раз, другой. Еще тяжелее, чем ночью, давили думы. Прилег на сури.

Большой сад, засеянный между яблонями клевером, уже прогрелся в лучах солнца. Лишь раскидистое старое дерево туты — громадный шатер — уберегало уголок сада от зноя.

Хайдар лежал в тени этого зеленого шатра и вспоминал. Когда же эти гнетущие думы привязались к нему? В день, когда случился скандал с доцентом? Нет, пожалуй, позже. Они пришли после неожиданной-негаданной беседы с дядей.

Встреча и в самом деле получилась неожиданной. Почтальон оставил телеграмму у них, и Хайдар хотел незаметно опустить ее в ящик старика. Да вот наткнулся на него самого. А дальше и не заметил, как подчинился — то ли ясному уму, то ли душе этого человека, его воле, — так и не понял. Конечно, телеграмма сделала свое дело — дед попросил прочитать ее вслух. Да и голос старика был неожиданно ласковый, искренный. И конечно же его слова...

Тогда, после беседы со стариком, Хайдар тоже ворочался всю ночь. Слова деду то казались справедливыми, а то вдруг жестокими. Так до рассвета Хайдар и проспорил мысленно с ним. А потом — нелепая стычка отца с дедом... Сам видел вчера, как старик сгорбился от дикого отцова окрика, как пошел, шаркая шлепанцами. Душа так и перевернулась. Но осунулся за ночь и отец, стал непохож на себя.

Особенно тяжело было смотреть, как пытается он глядеть прежним Атакузы, гордым и недоступным. Видно, что-то надломилось в нем.

А насчет своей работы Хайдар сказал отцу неспроста. Он действительно к ней остыл. И дело даже не в том скандале, что разгорелся на защите. Нет, не с потолка взята эта идея о повторном использовании сточных вод. Долгие три года провел Хайдар в Каршинских степях, в новых совхозах Мирзачуля, в знойных просторах Язьяванских степей. Испытал влияние сточных вод на почву. В его научной работе даны карты тех мест, схемы, приведены результаты опытов и есть заключения специалистов — все это имеется. Ошибся он лишь в одном — в процентном соотношении минеральных солей. Вот тут-то и сказались «помощь» Вахида Мирабидова. Он ведь и предложил это самое соотношение.

Впрочем, не к чему Хайдару валить всю вину на руководителя. Он и сам во многом виноват. Старик прав: поторопился Хайдар. А в другом он прав еще более. Уверовал Хайдар в могущество отца, в непогрешимость и силу руководителя. Сел на чужие плечи! А жизнь повернула иначе. Все оказалось куда сложнее, запутаннее.

Хайдар встал, прошелся по саду.

Дома ни души. Младшие братья в горах — в лагере. И Тахира с матерью куда-то ушли, скорее всего по свадебным делам.

Свадебные дела!.. Латофат!..

Так нужно поговорить с ней Хайдару. Решил сходить к деду. Вчера вечером Латофат с подругами до полудня работала в библиотеке старика. Но поговорить не удалось, — после той стычки она избегает его. Может, и сегодня будет там и все-таки согласится выслушать его?

Не успел выйти за калитку, сзади окликнул взволнованный голос Латофат:

— Хайдар-ака!

Стремительно подъехала на велосипеде, затормозила прямо перед Хайдаром. Видно, очень торопилась. Высокая прическа рассыпалась, волосы разметались по груди. В лице ни кровинки. В затененных густыми ресницами глазах — отчаяние.

— Отец ваш... Атакузы-ака дома?

— Нет, куда-то уехал. Что случилось?

— А куда? Не знаете?

— Нет. Да что же случилось?

— И в конторе его нет... — Латофат, занятая своим, не отвечала на вопросы Хайдара. — И парторга нет. Что же делать?..

— Да что случилось, наконец?!

— Наш бригадир Али-Муйлов посадил домлу Абидова!

— Посадил? Сакиджана Абидова? Это куда же?

— Домла не давал ему сыпать ядохимикаты! — Сплетая и ломая тонкие пальцы с нежно-красными от хны ногтями, Латофат оглядывалась по сторонам. — Что же теперь делать? Как нам быть?

Хайдару понадобилась лишь секунда. Решительно скомандовал:

— Ставь свой велосипед во двор! Сейчас выведу машину.

Он побежал в гараж, через минуту выехал на «Москвиче»:

— Садись! Говоришь, в конторе отца нет? Сейчас найдем!

Хайдар резко нажал педаль. Машина рванулась вперед.

А случилось вот что.

Вчера утром доцент Абидов со своими помощниками собрался, как всегда, в поле. И вдруг тяжело притопал весь красный, запыхавшийся Али-Муйлов. Обычно висящие подковой усы топырились в стороны. Дико вращая глазами, залопотал, заикаясь пуще Сакиджана Абидова:

— С-совка, домла! Хлопковая с-совка!

К удивлению его, эта весть не привела в ужас Абидова. Даже будто обрадовала:

— Превосходно! Превосходно! Где же она, совка? Скорее ведите меня!

Али-Муйлов всполошился не зря. На краю поля, как раз на опытном участке, отведенном группе Абидова, появились верные признаки хлопковой совки. Несколько веток хлопчатника пожелтели. На изрешеченных листьях по краю выеденных дыр приклеились мелкие розово-желтые гусеницы. Эти личинки несколько не обеспокоили Сакиджана Абидова.

— Не тревожьтесь, Муйлов! — потирал он руки. — Не делайте из мухи слона. Мы тут наблюдаем, изучим...

— Ч-что-что? — заикаясь, взыв Усач. — Что вы сказали, д-дорогой мудрец?

— Н-не бойтесь, я вам говорю. Мы посчитаем, сколько совок придется на квадратный метр, примем меры...

— Сахар вашим устам! Он еще собирается считать хлопковую совку!.. Хотите, чтобы вместо хлопка я сдал государству эти самые личинки?

— Так участок же по договору отведен нам!

— А я по плану должен хлопок сдавать и с твоего участка! — разъяренный Али-Муйлов пригвоздил взглядом Абидова.

Через несколько минут он промчался мимо на отчаянно тарактевшем мотоцикле.

А Сакиджан Абидов приступил к работе. Открыл колбы, отсыпал в бумажные пакетики по щепотке желтой пыльцы — личинки трихограммы, раздал помощникам. Надо было разложить под кустами пакетики с этой пылью — в этом и состояла особенность метода, разработанного Абидовым. Не заметили, как прикатил и Али-Муйлов с колхозным агрономом. Тот посмотрел на пожухлые кусты, и глаза его полезли из орбит. Абидов и его успокаивал, показал договор на проведение опытов, заверил: все меры будут приняты...

Вчера было спокойно. Поэтому вечером Латофат и ушла помогать Нормураду-ата.

А наутро, когда девушки, ни о чем не подозревая, пришли на работу, они даже к полю не смогли подойти: над всей бригадой, и, конечно, над их участком, висел остро пахнущий туман. Трактористы в противогазах ездили по полю, распыляли яд.

Непонятно, то ли Али-Муйлов приказал обработать препаратом без разбора все поля, то ли трактористы по ошибке прихватили и опытный участок, — так или иначе, но над всем бригадным полем растянулось едкое желтовато-серое облако.

— Домла наш где? Где домла?.. — Девушки кинулись к полевому стану.

Там — никого. Один лишь Усач, заложив руки за спину, удовлетворенно вышагивал вокруг хауза, усы правильной подковкой свисали вниз.

— Скажите, Алиджан-ака, где наш домла?

— Ваш домла... — Муйлов усмехнулся, кивнул на двухэтажный каменный дом: — Он там, в подвале, рассказывает крысам, как совок считать.

Латофат подбежала, наклонилась к маленькому, забранному решеткой окошку подвала.

— Домладжан! — Латофат принялась трясти железные прутья.

Сакиджан Абидов стоял у окна, сложив руки на груди. Увидев Латофат, молча отошел в темный угол подвала.

Девушка просила, требовала, плакала:

— Выпустите домлу! Сейчас же откройте! Я к рансу пойду!

— Хоть к самому министру беги! — усмехнулся Муйлов. — Пусть выгонит меня, если им урожай не нужен!

...Машина вылетела из киш-така. Латофат думала, что они едут искать раиса. Но нет, Хайдар свернул на Минг булак. Значит, гонит прямо в бригаду.

«Что он задумал? Разве Али-Муйлов послушает его?»

«Москвич» с грохотом скакал через ухабы, выбоины. В сощуренных глазах Хайдара, в смуглых, напряженно втянутых щеках Латофат почудилось что-то от его отца — твердое, суровое, незнакомое раньше

выражение. Вот так — суровый, не сбавляя скорости — он и подлетел к стану, затормозил.

Али-Муйлов все еще прохаживался вокруг хауза — руки за спиной, под усами улыбка. Вдруг увидел: сын Атакузы выходит из машины. Засеменил к нему:

— А, Хайдарджан! А я смотрю, кто это едет...

— Где доцент Абидов? — строго перебил Хайдар и, не дожидаясь ответа, прошел вслед за Латофат к подвалу. Увидел на двери большой замок. — Кто это вам дал право запирать домлу?

— Да нет, Хайдарджан, у нас и мысли такой нет, чтобы запирать. Только, сами подумайте, что было делать? Работать же не давал! Прямо под трактор бросался.

— Не давал вам работать!

Хайдар отступил и изо всей силы ударил ногой в дверь. Разбежался и еще раз ударил. Дверь с грохотом сорвалась с петель, повисла на замке. Нагнувшись, Хайдар спустился в подвал. Сакиджан Абидов сидел в темном углу на пустом ящике.

— Извините, Сакиджан Абидович...

Абидов не проронил ни звука. Молча прошел мимо Хайдара и Латофат, поднялся по ступенькам, направился к хаузу. Али-Муйлов стоял под чинарой, прижав руки к животу. Хайдар не думал, что удастся так просто решить дело. Муйлов славился суровым нравом. Но, видать, суров он был только у себя в бригаде. А здесь — сын самого Атакузы! Выходит, он опасается не только раиса, но даже его детей. Уронил голову, смиренно сложил руки на отвислом животе.

— За такие дела можете и под суд пойти! — сурово бросил ему Хайдар.

— А? Под суд, говорите? — Али-Муйлов растерянно оглянулся на женщин — они собрались у хауза. — Зачем же под суд? Я ведь не ради себя — ради бригады, ради плана, дорогой Хайдарджан!

«Ради плана!» Что толку спорить с этим недалеким человеком? Хайдар подошел к Абидову. Тот сидел у хауза на корточках, умывался.

— Простите, Сакиджан Абидович. Я сегодня же поговорю с отцом, расскажу обо всем.

Абидов устало вздохнул:

— К чему? Теперь уже бесполезно, дорогой.

Подошла Латофат. В глазах ее все еще стояли слезы. Что они значат? Жалеет домлу Абидова? Или, может, раскаивается в чем-то, кого-то благодарит?..

2

Не напрасно слова «жахл» — гнев и «жохил» — невежество стоят в словаре рядом. Не зря, видно, сказано мудрецами: «Гнев — оружие невежд».

Когда Нормурад-ата переселился в новую комнату, в эту самую, где сейчас сидит за столом, он ничуть не сомневался в своей правоте. Кипел, шептал все время что-то, кстил племянника и так и этак, винил во всем. Сомнения, беспокойство пришли ночью. Гости разошлись, он

остался один в своей комнатухе. Тут-то и накинудись на него думы. В ушах, правда, все еще гремел грубый окрик Атакузы. И каждый раз будто что-то обрывалось внутри, как только вспоминал слова, брошенные племянником. И все же волна первых сомнений уже прихлынула, накатилась.

Атакузы загордился выше всякой меры — это правда. Не заметил, как разбух от похвал. Слава — большая, малая ли — кружит слабые головы. Все это так. Но Атакузы единственный родич, тот, кто предаст тело домлы земле, кто посадит деревце на могиле. Можно же было спуститься чуть пониже, поговорить с ним спокойно, по-человечески!

«Ты, Нормурад Шамурадов, должен был выслушать его, а потом спокойно, разумно, как разговаривал с Хайдаром, высказать все, что думаешь. Кто же еще, как не ты, обязан открыть ему глаза, образумить...»

И еще было одно. Это кололо особенно больно. Он знал своего племянника, знал, что тот ходит где-то сейчас и страдает не меньше его самого. Так было и на защите Хайдара. Атакузы тогда разобиделся ужасно, смотреть не хотел на дядю. И все же, узнав о кончине Гульсары, прилетел — на трех машинах примчался. А как рыдал, как истязал себя! Люди думали — провожает не янгу, жену дяди, а родную мать. И самого дядю к груди прижал, забыл все, хлопоты взвалил на свои плечи — от похорон до последнего траурного дня. Разве не так?

Домла всю ночь — первую ночь на новом месте — просидел у окна. Пропели первые петухи, потом вторые... Показалось, кто-то топчется за дверь. Может, Атакузы? Раскаялся, пришел к дяде, а войти не осмеливается, бродит в тоске по саду?.. Нормурад-ата потихоньку, чтобы не спугнуть, ошупью пробрался наружу, вышел в молодой, посаженный школьниками фруктовый сад.

Безлунная, но полная звезд, светлая ночь... Кишлак спал. Издалека, от Минг булака, доносились ночные звуки — квакали лягушки, стрекотали сверчки. Временами в кишлаке взлаивал обеспокоенный чем-то пес.

Нормурад-ата долго стоял, жадно тянул в себя прохладный воздух, вдыхал аромат сухого сена и клевера. Всмотривался пристально в темный сад. Никого не было видно. Можно было уйти. Но в чуткой тишине то треснет сучок, то упадет яблоко, и домле все еще казалось: за темными стволами чернеет чья-то тень. Не Атакузы ли?..

Несколько ночей провел так — почти без сна. Сегодня, еще не взошло солнце, пришла Алия. Принесла молока, кувшин сметаны, миску теплых — только что из тандыра — лепешек.

Робко, не сразу открыла дверь. Боялась — вдруг не понравится дяде, что пришла, встретит окриком или выгонит вон... На бескровном, взволнованном лице застыла смущенная улыбка, в глазах — виноватость.

— Здравствуйте, дядюшка...

Домла посмотрел в ее несмелые, грустные глаза — она словно просила прощения. Сердце так и упало, захотелось сказать хоть несколько слов. «Почему же ты не сказал их? Что тебе помешало сделать хоть это?» Нахмутив брови, лишь кивнул слегка — и все! И с Хай-

даром вчера обошелся точно так же. А ведь чувствовал, хочется Хайдару поговорить, может, и пришел-то джиен, чтобы раскрыть душу. А он?.. Сделал вид, будто ничего не заметил. Вот как...

Ушла Алия. Домла разложил на столе свои папки, подобрал нужные книги, бумаги, документы. Решил набросать для начала короткие тезисы доклада — не много дней осталось до конференции. Будут обсуждать его записку в министерство. Работа — верное средство — отвлекает от навязчивых дум. Счастье, когда у человека есть такая отдушина. Вот так и сидел, писал. Вдруг в комнату влетел директор школы. Маленький человек, любитель поговорить. И всегда-то ласково-суетливый, директор сейчас суетился больше обычного.

— Как вы себя чувствуете, домла? Все ли хорошо? Ну и слава аллаху! А к нам в школу приехал секретарь райкома. И вас тоже пожелал навестить. Ну-ка, давайте немного приберемся в комнате...

Азиз-заде не только убрать — договорить не успел. За окном во дворе зашаркали шаги.

Домла посмотрел в окно и сжался: Шукуров шел не один. По одну сторону от него шагал Хайдар, по другую — Вахид Мирабидов.

Кого-кого, а уж Вахида Мирабидова он никак не расположен был принимать у себя. «Не по институтским ли делам приехал?» — мелькнула мысль и тут же пропала. Нет, Поликарпов не прислал бы Вахида Мирабидова.

А тот, наверно, и не рассчитывал на радушный прием, сделал вид, что не приметил холодок во взгляде домлы. Стараясь особо не блистать золотым ртом, напустил на распаренное от жары лицо облачко печали. Сочувственно наклонил голову:

— Да, хорошая была женщина Гульсара-ая. Пусть земля ей будет пухом! Все мы смертны.

Но не растопили лед слова незваного гостя. Домла лишь суровее сдвинул брови, только для приличия кивнул головой. Исподлобья недобро взглянул на Хайдара: «Чего тебя угораздило привести этого человека?»

Вахид Мирабидов все заметил, тоже замкнулся. Кое-как выпил пиалу чая, попросил разрешения уйти.

— Хорошо, идите, я вас догоню.— Говоря это, Шукуров уже двигал свой стул к домле. Совсем иным, мягким голосом спросил: — Как ваше здоровье? Как самочувствие, Нормурад Шамурадович?

— Благодарю, товарищ Шукуров,— сказал домла, как отрезал.

Секретарь райкома не ожидал такого подчеркнуто официального тона. Замолчал, не сразу нашелся, как дальше вести речь. Но дело важнее личных обид.

— Мы занялись сейчас вплотную Минг булаком...

Домла метнул взгляд на секретаря, глубоко запавшие глаза быстро замигали.

— А правы ли мы? Жизнь так стремительно меняется. Нам, старикам, понять ее нелегко...

— Я еду оттуда,— Шукуров будто не расслышал.— Мы всё изучим, всё взвесим. Но мне лично кажется, вопрос поднят правильно. Жаль,

конечно, что работа уже начата. Однако попробуем что-нибудь предпринять, попробуем...

Шукуров вызывает на откровенность. Это ясно, вот и тестя выпроводил — хочет остаться один на один с домлой. Нормурад-ата все отметил с благодарностью. Но что может сказать он сейчас? Чернить Атакузы?

Домла мучительно раздумывал. Очень хотелось поговорить откровенно.

Молчание затянулось.

— А удобно ли вам здесь? — попробовал разрядить неловкость Шукуров. — Может, сказать раису...

— Нет, нет, не надо! — перебил домла. — Скоро начнутся школьные занятия. Я буду рядом с детворой, с юношеством. Мне достаточно этого... Только знаете... Есть у меня одна просьба.

— Да, да? — встрепенулся Шукуров.

— Не совсем обычная просьба... Помогите Атакузы! — И, словно боясь возражений, сбиваясь и захлебываясь, заторопился: — Помоему, он сам запутался. Я не собираюсь отрицать его недостатки. Должно быть, и вправду зазнался человек. Но ведь кто-то ему в этом немножко... гм, не мешал... Я надеюсь, вы не станете отрицать и его достоинств — он человек дела, труженик. Так помогите ему!

Шукуров сосредоточенно глядел в одну точку. Весной, когда он впервые встретился в Ташкенте с домлой, старик поразил его лобастой, как у Сократа, лысой головой, своенравным, гордым и прямым характером. Сейчас перед ним сидел тот самый старик, только согнула его нелегкая — бок о бок с племянником — жизнь. Между ними, вероятно, произошло что-то серьезное. Домла, видно, не хочет распространяться об этом. Значит, лучше проститься.

— Насчет Атакузы не беспокойтесь. Он ведь и сам не из тех, кто даст себя в обиду. Но я понял вас. Нет-нет, не вставайте, ата, не провожайте...

И опять домла долго сидел, мучился думами. Опять был недоволен собой: человек, по всему видно, пришел поговорить по душам. Но этот Вахид Мирабидов!.. Замутил душу старый прилипала. Зачем он тут? Приехал разноухать что-нибудь в связи с предстоящим совещанием? И Хайдар... Суетился вокруг своего учителя. Значит, так и не сделал выводов из их ночной беседы? Ох, Нормурад, Нормурад! Опять валишь вину на других.

— Можно, дедушка?..

Хайдар!.. Домла встрепенулся.

— Как же ты оставил своего учителя? — спросил ревниво.

Хайдар сел на стул у большого кожаного дивана, где только что сидел Шукуров.

— Мне показалось, вам нездоровится, вот я и...

— Нет, нет, все хорошо, сынок, все хорошо.

«Смотри-ка, выходит, все-таки кое-что извлек. А может, просто так пришел, ради приличия?»

— Зачем он пожаловал? Я говорю про твоего учителя.

— Он приехал...— Губы Хайдара дрогнули в усмешке.— Планы моего учителя грандиознее планов Наполеона...

— Как так? — не понял домла.

— О, у него — сверхзадача! Организует себе премию. Государственную премию имени Беруни, не больше и не меньше.

— Это каким же образом? — в усталых глазах Нормурада-ата загорелся знакомый огонек.

— Вы же знаете, у него есть книга о переброске сибирских рек...

— Да, да...

— Так вот, он хочет, чтобы целинники выдвинули ее на премию. Отец говорит...

— Про отца потом,— старик опустил веки, задумчиво поглаживал кустистые брови.— А ты сам читал его книгу? — бросил быстрый взгляд на внука.

— Да.

— И что скажешь?

Хайдар пожал плечами:

— Мне трудно судить. Я же не занимался этой проблемой. А так — читается легко...

— Вот именно — легко! — вскинулся домла, встал было пройтись по привычке из угла в угол — и сразу наткнулся на книжный шкаф. Комната и так тесная, а в ней еще пять шкафов! — Вот что, сынок,— он сел на диван против Хайдара.— Помнишь, мы ночью беседовали с тобой? Хотел я тогда сказать кое-что об этом человеке, да подумал — не время еще. Боялся, решишь, пожалуй, что соперничаем, что завидую его успехам... Я не касаюсь его научной карьеры. Придет время, надеюсь, ты и без меня все узнаешь, все поймешь. Но книга его... Ты принес тогда телеграмму, сам и прочел мне. Помнишь, что было в ней? А я ночью, в связи с той телеграммой, еще раз проглядел книгу Вахидова и снова убедился, насколько она легковесна, несерьезна с научной точки зрения.— Домла снова встал, рванулся пройтись, но остановился.— Вот один, всего лишь один пример. Есть в книге расчеты... Во сколько станет эта переброска государству. И сроки, в которые она окупится. При этом твой учитель забывает, если можно так сказать, опыт строительства таких каналов-гигантов, как Аму — Бухара, Иртыш — Караганда. Ведь там фактическая стоимость намного выше, чем в проекте. А он, говоря об эффективности, использует те же методы расчета, которые не оправдали себя. Да разве это допустимо? А все для чего? Чтобы снизить проектную стоимость переброски! Но так ведь можно ввести в заблуждение государство! Понимаешь — в заблуждение ввести...

Хайдар глядел на дядю и поражался: как необычен был сейчас его вид, как красив стал вдруг старик — сгорбленные плечи распрямились, лобастая голова откинута назад, глаза горят, как у юноши. Удивительно! Почему раньше Хайдар не замечал в нем эту незаурядную мощь, особую, вдохновенную красоту?

— Ладно! — сказал домла неожиданно.— Бог с ней, с книгой. Допустим, она безупречна с научной точки зрения, даже достойна награ-

ды. Но вот бегодня автора вокруг этой премии... Как ты сам смотришь на суету твоего учителя?

Хайдар рассмеялся:

— Во всяком случае, очень странно.

— Гмм... — Нормурад-ата сел на диван. — Я не решался говорить с тобой об этом человеке. Слава аллаху, вижу, ты сам начинаешь понимать! Но твой отец!.. Вот уже несколько ночей не сплю, все думаю о нем. Страдаю, жалею его. Боюсь, что и он страдает, а может, и стыдится своих поступков. Но почему же по-прежнему гнет свое? Неужели так ничего и не уразумел? Передай отцу... Нет, лучше сам поразмысли, подумай.

3

Как непонятно устроена жизнь! Светлое так часто соединяется в ней с темным. Счастье шагает бок о бок с несчастьем. Атакузы на себе испытал это в последние дни.

Позвонил Шукуров. Сообщил — совещание руководителей колхозов и совхозов района по вопросам благоустройства решено провести в «Ленин юлы». Часа через два и сам прикатил. И не один, с высоким гостем — профессором Вахидом Мирабидовым. Тестя оставил в колхозном саду, а сам даже за дастархан не сел, повез Атакузы смотреть детсад и ясли. Оттуда проехали по бригадам, раис показал полевые станы. Секретарь шутил, смеялся — похоже, остался доволен. Атакузы уже собирался открыть рот: мол, там, в саду, остывает плов, но гость вдруг предложил поехать на Минг булак. И покой сменился тревогой.

Шукуров молча долго стоял в ложине среди высокой травы, пил пригоршнями холодную воду из родников Минг булака, любовался джидой, плакучими ивами, бродил в зарослях горной арчи. Не спеша, поглядывая вокруг, поднялся на косогор — отсюда видней был котлован, который рыли под здания животноводческого комплекса.

Уже с самого начала, с того момента, как Шукуров спустился в ложину, Атакузы понял, чью сторону примет первый секретарь. Это было заметно по сосредоточенной грусти, с которой обходил он роши Минг булака, по тому, как задумчиво останавливался у прозрачных, окруженных арчой родников, с каким наслаждением пил воду. Да, он примет сторону жалобщиков. Это ясно. Правда, Шукуров и здесь, на месте, внимательно слушал расчеты и доводы Атакузы в пользу гигантской стройки. Возражать не стал. Но когда покидали ложину, в последний раз окинул задумчивым взглядом сочные зеленые луга, окруженные сплетенными меж собой деревьями, чистые родники, зеркальными осколками блестящие меж зарослей высокого камыша, и сказал:

— Надо подумать. Пришлите, пожалуйста, проект стройки. Посоветуемся со специалистами. Если что-то можно еще сделать, надо это сделать обязательно!

Больше он ничего не сказал, да и говорил мягко, как бы и сам еще не уверенный в своей правоте. Но душа уже была растрожена, — слишком много ждал Атакузы от этого начинания.

После Минг булака тучи несколько развеялись. Шукуров с тестем

навестили старика, а потом хорошо посидели в саду у Атакузы. Вахид Мирабидов сначала был несколько мрачноват, но это у него долго не держится. Забыв неприятную встречу с домлой, развеселил застолье, выложив целую дюжину новейших, «девственных», как он выразился, анекдотов. Опрокинул рюмку, другую и вошел окончательно в свою «струю»: с вдохновением читал Омара Хайяма, газели, воспевающие красавиц и вино. Словом, как всегда, украсил беседу. Потом Шукуров с Атакузы ходили в контору. Секретарь райкома пожелал увидеть Наимджана с женой. Атакузы был спокоен: вчера после звонка Шукурова он восстановил Наимджана на работе, успел и поговорить с ним. Шукуров хотел поговорить с обиженной четой наедине. Когда, основательно потолковав с секретарем, оба ушли и Атакузы опять зашел в контору, Шукуров сказал удовлетворенно:

— Вот это — поступок мужчины, достойно и справедливо!

Так хорошо сказал, что Атакузы даже растрогался. И надо же: в этот самый момент — всегда так бывает в жизни! — будто нарочно, в комнату как снег на голову ввалился ташкентский дервиш — Сакиджан Абидов!

В одной руке раскладушка, в другой набитая чем-то хозяйственная сумка, за плечами вещевой мешок. Волосы растрепаны. Ввалился без спроса, стуча громче чем надо большими кирзовыми сапогами.

За ним вбежала Халидахон:

— Погодите! Послушайте меня!

Халидахон пыталась удержать Абидова. Но такого разве удержит? С грохотом кинул на пол раскладушку.

— Да не хочу я вас больше слушать, распрекрасная ханум! И вообще, разве нельзя нашему брату попроситься с высокочтимым раисом? Или не положено? — Абидов, должно быть, только тут заметил стоявшего в стороне Шукурова и пошел паясничать пуще прежнего: — Вот это повезло! И наш высокоуважаемый секретарь, оказывается, здесь! Счастлив видеть ваш светлый лик!

Шукуров с недоумением посмотрел на Халидахон и Абидова и, переменявшись в лице, спросил:

— Что это за кривлянье? Не теряйте достоинства, домла, объясните по-человечески, что случилось?

— Об этом у раиса-ака спросите. И у этой вот ханум! — Абидов уселся на вещевой мешок и пятерней еще больше растрепал волосы. — Весь наш труд, на который мы потратили не один год, — все пошло прахом, товарищ Шукуров! А помучились мы основательно, пока размножили этих, как говорит почтенный Али-Муйтов, букашек-мукашек, которых он отправил на тот свет, да пребудет их душа в раю! И сам ваш покорный слуга чуть не вознесся в сады эдема!

— Простите, домла. До меня плохо доходит ваш эзопов язык. Обработали ядохимикатами ваш участок, так я понял?

— Сейчас все объясню, Аббар Шукурович... — Это Халидахон, чтобы восстановить истину, вышла вперед. — Произошло недоразумение. Наш бригадир допустил ошибку. Атакузы-ака уже принял...

Шукуров, не слушая дальше, обернулся к Атакузы:

— Как же так случилось, раис-ака?

Атакузы смущенно поскреб затылок:

— Правду говорит Халидахон, недоразумение...

— Недоразумение? А может, все было заранее продумано?

Атакузы потом не мог вспомнить, что больше всего обидело его, суровый ли тон Шукурова или несправедливость его слов. Он тоже вдруг переменялся в лице и сказал не менее резко:

— Прошу прощения, товарищ секретарь! Но я хочу спросить: осенью райком будет требовать от нас выполнения плана? Или, может, изменилось что?

— Потребуется! Но это не значит...

— А если потребуется,— невежливо перебил Атакузы,— то хочу вас спросить: представляете вы себе, что такое хлопковая совка?

— Наверно, не представляю!

— Напрасно иронизируете, Абрар Шукурович...

— И вы не менее напрасно иронизируете насчет плана! Я знаю, что такое совка. Но что раис «Ленин юлы» может уйти в кусты, когда жизнь призовет к ответу,— этого я не знал. Домла Абидов работал у вас по договору. Спрашивается, зачем вы этот договор заключили? К чему понадобилось морочить людям голову? Вы же должны понимать, с какой важной проблемой связана была эта работа, такая нужная для будущего всего хлопководства, для всех нас! — Шукуров сказал все с непонятной для Атакузы обидой и решительно повернулся к Абидову: — Пойдемте, домла!

Сколько ни упрашивал Атакузы, Шукуров не остался. Посадил с собой в машину Абидова и тут же уехал.

Атакузы не понимал первого секретаря. Али-Муйлов поступил неправильно. Атакузы действительно вызывал его перед приездом Шукурова, отхлестал словами как только он умел, хуже, чем камчой. Но что поделать? Разбитый кувшин не склеишь. Бывают ошибки. И все же почему так взвился Шукуров? Может, и важны опыты этого дервиша, может, труд его и необходим потомкам. Атакузы тоже кой-чему учился в своем институте. Однако, как бы там ни было, сейчас речь идет не о будущем. Хорошо секретарю гневаться. А если Атакузы не выполнит план по хлопку? Этот же самый Шукуров и поставит его по стойке «смирно» на бюро райкома.

Хуже степных колючек такие думы — Атакузы всю ночь проворочался, метался в постели. А утром совещание. И опять: то вверх, то вниз — все запуталось, все переместилось.

Съехались руководители всех колхозов и совхозов района, секретари партийных организаций, работники просвещения, заведующие детскими садами — словом, более двухсот человек!

Первым делом осмотрели новые двухэтажные здания детсада и яслей. Сто пятьдесят детишек уже играли на площадках под навесами. Сад и ясли Атакузы успел открыть перед самым совещанием. Затем гости поехали в бригады, дивились благоустройству полевых станков. Подготовку к совещанию-смотру Атакузы поручил Халидахон. Она в таких делах дока. Сделала так, что хоть в лупу рассматривай — и пятнышка не найдешь. Особенно дивились гости чистоте и порядку в детсаду и яслях. Девушки-воспитательницы — одна краше другой —

в белоснежных халатах, детишки принаряжены, умыты — ну просто куколки! Постели аккуратно заправлены голубым и розовым. Только вздохнули да рты разинули. Двухэтажные полевые станы тоже, конечно, поразили. Комнаты отдыха — с дорогими телевизорами и радиоприемниками, ковры; столовые с зеркально чистой посудой, отменной едой. Надо сказать, и сам Шукуров повеселел, глядя на то, что натворил в колхозе Атакузы. Подобрел и, когда подводили итоги, сказал в адрес раиса немало теплых слов. Призвал брать с него пример. Лишь под конец чуть-чуть ушпинул, и то получилось, будто выискивал кризису в конском волосе.

— Только одно хочу заметить,— Шукуров хитро улыбнулся.— Хороши у Атакузы-ака полевые станы! Но похоже, как для парада — гостя дорогого чествовать в этих залах. Обжитости нет, уюта. Полевой стан должен быть вторым домом хлопкороба, просторным — это есть, удобным, уютным — а этого еще нет. Хлопкороб должен чувствовать себя здесь как дома. А признаться, и мне было страшновато ступить по этим роскошным коврам. Боюсь, хлопкороб посмотрит-посмотрит, да и пойдет отдыхать к арыку...— Кончил он речь такими словами: — Мы восторгались всем тем, что сумел создать Атакузы-ака. Теперь давайте сообща обсудим, как распространить этот опыт. Надо добиться, чтобы и в других хозяйствах руководители уделяли больше внимания быту, культуре, благоустройству.

Зашевелился Аксакал. «Ага, выходит, не простые слова сказал Шукуров, с зацепкой», — мелькнуло у Атакузы. Давний соперник его до этого, казалось, спокойно дремал в президиуме. Большой, грузный, склонил седую голову на грудь, к Золотой Звездочке Героя. И вдруг будто очнулся, пряча улыбку в пышных усах, попросил слова:

— У меня к вам вопрос, товарищ Шукуров. Вот вы тут хвалили Атакузы. Очень хвалили. А теперь призываете, чтобы мы переняли его опыт. Согласен. Заслуги Атакузы я ни в коем случае умалить не собираюсь. Дельный раис, ничего не скажешь. Но... что там ни говори, он у нас на особом положении. Не кажется ли вам, что и другие молодые раисы, по адресу которых вы прошлись, кое-что могли бы сделать, будь у них его льготы?

Атакузы вспыхнул. Сам не заметил, как закричал:

— А какие это льготы, дорогой Аксакал?

— Ну, не будем уточнять, дорогой,— Аксакал подмигнул залу.— Зачем вспоминать про мрамор, про лес, про трубы, которые утащил из-под моего носа? Хороший ты парень. Не хочу я сегодня портить твой праздник. Однако боюсь, что и газ пройдет мимо меня. А ведь путь его лежит сначала через мой кишлак, а потом уже он должен прийти к тебе. Ой, боюсь, и этот кусок вырвешь из моего рта!..

Что тут началось! Зал взорвался. Люди хотали, били в ладоши. Их смех наглухо закрыл рот Атакузы. Шукуров ответил на ехидные вопросы старого лиса тоже шутивно: мы, мол, не волки, зачем же вырывать куски друг у друга? С этими повадками надо кончать. Он спускался уже с трибуны, когда в зал вошел Халмурадов.

Его сегодня не ждали. Секретарь обкома любил иной раз нагрнуть

неожиданно, без шумихи. Упадет как камень с неба — и прямо в самое слабое место угодит.

Вот и тут — оказывается, успел уже один, без сопровождения, осмотреть хозяйство Атакузы. Но так как выступил с ходу, не зная, что говорили перед ним, его речь пришлось несколько вразрез. Взошел на трибуну — молодой, курчавый, в ловко сидящей финской куртке цвета хаки, в ярком модном галстуке, веселый, уверенный в себе.

Начал шутовлю: он-де, нарочно не сказавшись, приехал. А то раисы спешат всегда встретить. Ну, думал, выковырнет без хозяина какой-нибудь орех. Нельзя же все хвалить, иногда и поучить знаменитого раиса тоже не вредно. И что же: искал, искал, да так и не нашел изьяна!

Странно было слушать такое после слов Аксакала и ответа Шукурова. В зале на миг наступила мертвая тишина, а потом — новый взрыв смеха и еще более громкие хлопки. Халмурадов уловил, что слова его пришлось, видно, невпопад. Тут же перестроился, подобрался, продолжал уже серьезно:

— Я позволил себе, товарищи, начать с шутки. Но все же скажу: районный комитет поступил правильно, собрав вас всех именно в этом колхозе. Мы всегда говорили и будем говорить: деятельность Атакузыака по части строительства и благоустройства колхоза — образец не только для этого района, но и для всей области.

До чего же странное существо человек! Все так же весело и бурно поддержали секретаря обкома. И Аксакал хлопал в ладоши. У Атакузы даже горло перехватило, как во время летучки в степи. Да, что бы ни болтали, а добрые дела, пот, пролитый для блага людей, не пропадают даром.

После совещания Атакузы устроил в своем саду небольшой ужин. Он удался на славу.

Весной этого года речники преподнесли раису редкостную рыбину. Вытащили в реке. Огромная, метра полтора. Уже тогда потянула больше двух пудов. Атакузы пустил ее в большой проточный хауз у себя в саду, откармливал для свадьбы сына. Но Халмурадов взволновал и расстрогал его. Вот и решил попотчевать гостей этой чудо-рыбой. Блюдо получилось что надо. Рыба сама таяла на языке, исходила жиром. Гости только хвалили да пальцы облизывали.

Но и тут не обошлось без ложки дегтя. Торжество было в самом разгаре, люди — один за другим — поднимали бокалы в честь Атакузы. Только Шукурову не сиделось. Встал из-за стола, взял под руку секретаря обкома и увел в глубину сада.

Атакузы сразу почуял — речь у них пойдет о нем. Так хорошо все складывалось. Душа, можно сказать, сняла, раис торжествовал, опять был наверху. И вот — мигом погас праздник. Атакузы не выдержал, тоже встал. Поторчал у колодца, потоптался и отправился вслед за секретарями в сад.

Шукуров и Халмурадов стояли за яблонями, на берегу арыка. Раскидистые ветки скрывали лица, но по голосам было заметно — оба взвинчены до предела.

-- Вы что же, только себя считаете умным и справедливым? А мы,

выходит, и неразумны, и не гуманны? — Это голос Халмурадова. В нем слышались обида и отчасти угроза.

— От разговора уклоняетесь,— не менее жесткий голос Шукурова.— Аксакал нам только что преподавал хороший урок. Почти те же слова говорил мне и...— Шукуров назвал имя и отчество первого.

— А я считаю, передовые хозяйства — маяки — нужны! Они призваны служить образцом для всех. Передовые хозяйства были и будут всегда. Что касается первого, то думаю, вы не совсем объективно доложили ему про здешние дела.

— Точнее...

— Точнее? Возьмите хотя бы Минг булак. Мне кажется, вы упускаете исключительную важность, которую представляет собой данное строительство в развитии животноводства всей области... Прошу не перебивать! Не вы один, мы тоже, представьте себе, любим нашу природу и хотели бы сохранить Минг булак. Но существует еще и так называемый экономический фактор. Сбрасывать его со счетов мы не вправе. И как раз это хорошо понимает раис, которого вы критикуете. Умейте ценить талантливых руководителей, товарищ Шукуров, не принижайте...

— Никто не принижает его. Но и чрезмерно возвышать... так можно любого сбить с пути. Раис готов был прислушаться, внять критике. А после вашего выступления...

— За свое выступление я и отвечаю!

— Ну что ж...

Атакузы незаметно отступил назад. Когда секретари вернулись к столу, он уже сидел с гостями. Секретари — районный и областной — были явно не в духе: красные, хмурые, глаза опущены. Не смотрят друг на друга. Вскоре Шукуров поднялся — дела у него в Ташкенте. Попросил прощения и уехал. Районный уехал, а областной остался! Такого еще в этих краях не бывало, очень уж получилось неуважительно. Халмурадов тут же попросил разрешения у хозяина и тоже собрался покинуть застолье. Улучив момент, он, как бы прохаживаясь в ожидании машины, взял под руку Атакузы и увлек его в сад.

Чувствительно задел Халмурадова Шукуров. Областной шел, странно подпрыгивая ногами, нес высоко свое гладко выбритое, красивое лицо. В глазах — холодная гордость. Таким Атакузы его еще не видел.

— Хотел вас спросить,— начал Халмурадов, приглаживая рукой густые черные кудри.— Что за козочка пробежала между вами?

Атакузы нервно передернул плечами:

— И сам не пойму, товарищ секретарь обкома. Стараемся по мере сил своих и даже больше. Выполняем все государственные задания. Бывают, конечно, ошибки. Слушаем советы старших товарищей — исправляем. Если насчет дома моего механика, я же вернул его хозяину, извинился.

Атакузы начал тихо, даже робко. А потом вспомнил неприятности последних дней и разволновался — выложил все, что накопилось на душе.

Халмурадов стоял и, поигрывая веточкой с бутоном розы — сорвал ее в цветнике,— хмурил брови и молчал.

— Вот что,— принял наконец решение, голос сделался ровным, властным, как и приличествует большому руководителю.— Не горячитесь, Атакузы-ака. Этот человек гнет свою линию, хочет удивить первого новшествами. Пусть удивляет. А вы делайте свое дело, как раньше. То, что дом вернули, это очень хорошо. И насчет Минг булак не слишком упирайтесь, посоветуйтесь с проектировщиками, может, еще не поздно что-то сделать. Ну, истратите лишних пятнадцать — двадцать тысяч, что же делать, придется. Раскиньте мозгами — нельзя ли перенести строительство чуть в сторону от урочища. Не забывайте — Шукуров все же первое лицо в районе. Приходится с ним считаться. Лично я всегда поддерживал вас, буду поддерживать и впредь. Завтра же доложу обо всем первому. Попытаюсь уговорить, пусть придет. Посмотрит собственными глазами, а то ведь давно не был у вас, все отсталых навешает. Будьте готовы принять.

— Спасибо! — Атакузы с трудом скрыл дрожь в голосе, крепко обеими руками пожал дружескую руку Халмурадова.

Провожать высокого гостя отправились все, кто пировал у Атакузы. Далеко растянувшейся цепочкой машины торжественно проследовали до границы соседнего района. Возвратился Атакузы с проясненной душой. Казалось, рассеялись наконец тучи, нависшие в последние недели над головой. Да, хорошего, верного друга приобрел он себе. Халмурадов — молодой, энергичный руководитель областного масштаба и, по всему видно, с большим будущим. А что Шукуров?.. Правда, и Шукуров, если по-честному, не так уж плох к нему. Но слова Халмурадова: «Передовые хозяйства — маяки, образец для всех — были и будут всегда!» — крепко засели в голове раиса.

Лесья близка душе человека, а у Атакузы была обыкновенная человеческая душа.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Вот уже четыре дня, как Вахид Мирабидов с Назокат-биби отдыхают в горах в санатории колхоза «Ленин юлы».

Прекрасное место для здравницы. Внизу Минг булак с его целительными родниками. Вверху — снежные горы, справа — миндалевые и арчовые рощи хозяйства, слева — многоводная горная речка.

Санаторий рассчитан на двадцать человек. Но сейчас работа в колхозе еще в разгаре, и, кроме Мирабидова с супругой, никого нет. Просторные домики с айванами на берегу бурной речки — выбирай любой! Яблоневые рощи и виноградники с уже созревшими золотистыми плодами — протяни руку и ешь! Пенистый кумыс от стреноженных в высокой траве кобылиц — все в распоряжении домлы Вахида и Назокат-биби. Для них стараются повара, их покой охраняет сторож санатория. Почему же Вахид Мирабидов ходит сам не свой? Почему так непривычно мрачен?

Не первый раз приезжает он в эти края. Отдыхать здесь случалось и раньше, и довольно часто. Но никогда не был он так одинок. Обычно по одну руку от него неизменно был его шагирд¹ Хайдар, по другую — сам Атакузы. К приезду уважаемого профессора готовились: резали баранов, приглашали музыкантов, танцовщиц. Съезжались руководители района, и пиршества длились нередко до рассвета. Пировали обычно в укромном уголке миндалевой роши, у прохладного веселого водопада. Главным запевалой, неизменным тамадой бывал, конечно, он — профессор Вахид Мирабидов. И чего бы ни пожелала душа — все исполнялось как в сказке. А на этот раз...

В санаторий их привез Хайдар и тут же укатил обратно — какие-то у него появились дела. И, похоже, глаза прячет. Что с ним случилось? Пытался поговорить по душам — ускользает, скрытничает. А сам Атакузы? Кажется, мог бы улучшить время, заглянуть — за четыре-то дня! Нет, пропал, ни разу не наведлся. Правда, позвонил, поинтересовался, как живется гостям, попросил извинения — в его колхозе начинается большое совещание. Что же оно — с утра до утра? Нет-нет, что-то изменилось, не тот стал Атакузы. Но больше всего угнетало пренебрежение, которое выказывал зять. Атакузы, как бы ни дружили они, все-таки не родич. С чужого, что там ни говори, спрос невелик. Но что произошло с зятем — вот ведь вопрос! И дочка не приезжает. Но она хоть разговаривает по телефону с матерью. А вот Аббарджан даже позвонить не изволит...

Вахид Мирабидов собирался и отдохнуть здесь, и поработать. Надо было набросать план выступления. Недолго уже осталось до совещания в Ташкенте. Беспокоиться, конечно, причины нет. Будут разные точки зрения, будут споры, ну и что? Посмотрим еще, кто победит! Одно настораживает: в верхах что-то слишком внимательно отнеслись к докладной Шамурадова. И директор института все еще держит с ним связь, считается с его мнением. Казалось бы, старик давно на пенсии, консультантом лишь числится, да и живет теперь этот кишлачный консультант, можно сказать, на краю света. Пора бы махнуть на него рукой. Так нет же, носятся, ставят в планы его научный труд — одному аллаху известно, когда этот труд будет завершен. Разговоры тянутся вот уже десять лет. Понятно, этот древний осел утвердился в своей учености и на совещании упрется, будет стоять на своем как чурбан. Давно бы пора сделать выводы из жизни, подумал бы — конец ведь уже близок. Куда там — как был твердолобым, так и остался.

А Вахид Мирабидов готов забыть все обиды, протянуть дружескую руку. Пошел же, можно сказать, на поклон, с искренним сочувствием к горю домлы. Вид старика даже расстроил его. И что? Чем ответил Нормурад Шамурадов? Даже в жалком своем положении не смирился. Не пожелал глаз поднять на гостя. А зять? Родной зятек не заметил унижения тестя, остался! Долго проторчал там, шушукались — о чем? Можно догадаться...

Вахид Мирабидов, наблюдая в последнее время за дочерью и зятем, подумал было даже: а не наступило ли между ними охлаждение?

¹ Шагирд — ученик, последователь.

Назокат-биби уверяет, что все в порядке. Но, может, Махбуба не делится с ней? Как бы там ни было, Вахид Мирабидов решил: если зять не заглянет сегодня — все! До свиданья! Позвонит Атакузы, попросит машину и — прямо в Ташкент, а к дочери даже не заедет. Пусть обижается. Благодарим! Вахид Мирабидов не из тех, кем можно пренебрегать.

Однако кто-то, похоже, приехал. Сквозь шум речки донесся негромкий говорок мотора. Наконец-то!

Наверху, в санатории, поднялась суматоха, беготня, слышались громкие голоса, какая-то команда. Гадать пришлось недолго. На узкой тропинке показался сам Атакузы.

Успел приобрести курортный вид: в длинном халате из старинного шелковистого банораса, грудь распахнута. Яркая узорная тюбетейка сдвинута на лоб. На бронзовом скуластом лице — белозубая улыбка. Ухарь-джигит!

— Э-э, домладжан! Я к вам с повинной головой, надеюсь, не отсечете? — Широко, как крылья, раскинув руки, Атакузы обнял Вахида Мирабидова, покружил разок и поставил на место.

Лицо Мирабидова посветлело.

— Кстати прибыли! Я вот сидел здесь, посиживал и думал: если раиса и сегодня не будет — уеду.

— Потому я и здесь! Угадал ведь, что у вас в голове, дорогой профессор! — Атакузы захохотал так, что отдалось в горах. — Никаких отъездов, Вахид-ака! Через неделю, в следующую субботу, свадьба вашего шагирда!

— Ах, вон оно как!

— Именно! Вам заготовлено место во главе застолья.

— Благодарю за высокую честь. Но целую неделю...

— Что такое неделя? Пролетит как миг. Если вашему сиятельству надоел горный воздух, махнем в степь. Очень будет кстати, предстоит ведь встреча с целинниками.

Вахид Мирабидов как будто смутился. Задумчиво потер круглую румяную щеку и заговорил вкрадчиво:

— Я здесь поразмыслил насчет того вопроса... дорогой. Нужно ли вообще что-то предпринимать?

— Очень даже нужно! — отрезал Атакузы и посмотрел на тропинку.

Оба умолкли.

От санатория спускался повар, в руках — большой круглый поднос. Вот он подошел, поставил поднос на плоский камень у речки. Чего там только не было: и увесистые кисти золотистого винограда, и бархатные персики, и печеное, и вареное, и бутылки, и рюмки. Повар мигнул Атакузы. Раис прошел с ним несколько шагов обратно по тропинке. Вернулся, загадочно улыбаясь.

— Большая новость, домла! Звонил ваш зять, едет, оказывается, сюда с Махбубахон. Я тут тоже, между прочим, с женой.

— Большая новость, говорите? Почему так?

— Да так как-то, к слову пришлось. Боюсь, не знает, что и я тут с вами.

Рука Вахида Мирабидова с янтарно-прозрачной виноградной застыла у рта.

— А что, снова поссорились?

— Как вам сказать... Мы тут с вами посиживаем, а он вот придет, и, пожалуй, мне попадет: кто вам дал право прохладиться в этом санатории для трудящихся? — Снова хохот Атакузы раскатился по горам. — А ну, за ваше здоровье, профессор! — одним махом раис осушил рюмку. Схватил с подноса горсть винограда. Веселые искорки в глазах вдруг потухли, на лоб набежали морщины, в углях рта прорезались горькие складки. — Хочу, дорогой домла, спросить про вашего зятя, давно уже собирался. Что он за человек, Вахид-ака?

Вахид Мирабидов подсел к Атакузы, оторвал от вареной курицы ножку.

— Сказать по правде, я и сам не понимаю его. Странноватый он человек.

— Странноватый? Не то слово. Этот странноватый человек вконец замучил меня, домладжан!

— А чего он требует?

— В том-то и дело — сам не поймет, что ему надо. Вроде как умный человек, все видит, все понимает, а придирается к каждой мелочи. Будто сам не понимает сложности жизни. Только сложности и толкают нас на... на некоторые шаги, — Атакузы вскочил, разгоряченным конем пробежал вокруг камня. Остановился и снова налил рюмку. — Не подумайте, пожалуйста, что специально зазвал вас в горы, чтобы открыть свои болячки. Нет, само собой вышло. Просто ценю и уважаю вас больше, чем родного дядю.

— Благодарю, мой друг! — Глаза Вахида Мирабидова ласково засияли. Он выпил вторую рюмку и поближе придвинулся к Атакузы. — Мы сделаем вот как. Провернем с вами это дело (не решился сказать: «премию») ...это дело провернем, ваш семейный той отпразднуем, и тогда я на свободе поговорю с Абрарджаном, идет? Можете быть спокойны, все ему разъясню...

Наверху, там, где сквозь яблоневую рощу белел санаторий, пропел сигнал машины.

— Приехал, кажется! — Атакузы встал было — идти навстречу, но Вахид Мирабидов потянул его за полу халата:

— Сидите, дорогой. Он хоть и старше вас по чину, зато вы старше по возрасту. Дойдет сам.

И правда, вскоре по извилистой тропинке к ним спустился Шукуров.

Он шел и чему-то улыбался. Озирался, поднимал восторженные глаза на снежные горы, любовался склонами, покрытыми арчой. Так, с улыбкой, и подошел к речке.

— Да-а... не плохо, я вижу, эта пара устроилась здесь, в райском местечке!

Атакузы быстро взглянул на Вахида Мирабидова:

— Ну что, домла, угадал я, что скажет вам зять?

— А может, я прочел ваши мысли, Атакузы-ака?

— Еще как прочли! Попали в самую точку, Абрар Шукурович!

Шукуров сел на камень рядом с тестем, кинул шляпу на траву. Еще раз обвел взглядом горы, леса, ручьи вокруг и рассмеялся, как смеются дети, — просто от радости жизни.

— Правду говоря, и я сейчас не расположен к серьезным разговорам. Но хотите, раис, отгадаю еще одну вашу мысль?

Глаза Атакузы озорно вспыхнули, он остановил протестующий жест Вахида Мирабидова, с интересом подался вперед:

— Ну-ну?

— И чего этот человек прицепился ко мне как овечья колючка? Так ведь думаете?

— Угадали, так оно и есть! — Вновь эхо в горах от хохота Атакузы. — А теперь я — хотите отгадаю, что у вас на душе?

— Пожалуйста! — в глазах Шукурова тоже заиграли огоньки.

— Как мог этот неглупый человек так потерять голову от успехов! Верно?

— А вы, наоборот, считаете, что, несмотря на успехи, остались самым скромным человеком в мире.

— Да бросьте наконец ваши скучные споры! — крикнул Вахид Мирабидов.

Но Атакузы уже не остановить. Прихлопнул ладонью сдвинутую на лоб тюбетейку.

— Хотел бы я знать, товарищ Шукуров, в чем состоит моя нескромность?

Шукуров взял с подноса яблоко, разломил пополам и неожиданно попросил:

— А ну-ка, налейте и мне! — Под одобряющий смешок раиса выпил рюмку, неторопливо вытер губы, устало улыбнулся: — До чего же день сегодня тяжелый! Может, отложим?

День и впрямь выдался нелегкий. С утра договорились с Махбубой, что после обеда вместе поедут к старикам (и правда, получилось нехорошо, за целую неделю ни разу не смог выбраться). Но нагрянул начальник главка из Министерства водного хозяйства, а с ним председатель облисполкома. Втроем и поехали в степные совхозы, оттуда — на горные пастбища, а затем еще к Аксакалу. Вернулся только часам к шести.

Махбуба все еще ждала — нарядная, в новом (опять в новом!) золотисто-солнечном атласном платье. Оно выгодно оттеняло белизну лица, шеи, оголенных до локтя рук. Черные, сплетенные из ремешков лакированные туфельки довершали наряд. Утомленная долгим ожиданием, встретила мужа обиженно-холодно, отвернулась, не ответила на ласковое слово.

Шукуров растерялся, но только на миг. Посмотрел на нарядную жену, и вдруг его осенило.

— Махбуба, милая, ты же была такая разумница, неужели не догадалась, за кого выходишь замуж? — он засмеялся.

Махбуба сердито отбросила со лба челку.

— А теперь, считаете, поглупела?

— Наоборот, еще больше поумнела. А похорошела как! — добавил Шукуров. — Но почему-то не понимаешь простых вещей. Не

замечаешь, как устал, адски устал твой любимый, извини, некогда любимый супруг!

— Это я — некогда! Я! — Махбуба захлебнулась, большие, серые, обведенные нежно-голубой краской глаза налились слезами.

Шукуров сел рядом с женой, тихонько обнял, поправил челку на лбу. Эта ее челка! Он любил, как он любил вот так же поправлять ее в юности. Что-то теплое перехватило вдруг горло.

— Ну, прости, Махбуб! Конечно, я виноват кругом. Ты даже не знаешь, как я благодарен тебе. Что было бы со мной, если бы тогда, в наши молодые годы, ты отвернулась от меня?..

— Глупышка была, потому и пошла за вас.

— Не говори, самой умной была на свете!

Проговорили битый час. Шукуров считал, что у него появилось за последнее время право быть недовольным женой: захотелось ей почестей должностных, жизни послаще. А оказалось, и у жены «наболевших вопросов» не меньше — изменился к семье, забыл детей, погрубел, не хочет понять ее, и вот итог всем обидам — «разлюбил». Как только ни оборонялся: и объяснял, и шутил, но она все говорила и говорила, пока не выложила все, не выплакала слезы.

— Ну? Можно теперь мне? — он крепче обнял ее.

— Пожалуйста, начинайте свои...

— Нотации, хочешь сказать?

— Не знаю, нотации или другое, но все, что вы скажете, я заранее знаю.

— Телепатия? — засмеялся Шукуров.

— Может быть... Ну ясно... мешанка, обывательница, жажду роскоши, почитаю чины...

Шукуров вскочил с места:

— Вот это правдолюбка! Молодец! А ведь не угадала, что я хотел тебе сказать.— Снова сел рядом, взял ее руки в свои.— Вот что, Махбуба. Я хочу спросить тебя, но сначала обещай ответить честно. И не вилить...

Махбуба достала надушенный платочек, осторожно — как бы не задеть краску — промокнула дрожащие слезинки на ресницах и настороженно уставилась на мужа.

— Скажи, Махбуб, помнишь, как ты пошла за меня? Родители были против. Шла за бывшего детдомовца, студента с неопределенным будущим. Скажи, была ты тогда счастлива? Только честно...

Махбуба опустила голову и вдруг тихо всхлипнула.

— К чему вы? Будто не знаете...

— Пожалуй, побоялся бы спросить, если б не знал! Мы с тобой оба были счастливы. Так вот: наши тщеславные желания быть первыми людьми в районе (он осторожно сказал «наши»), стремление жить на широкую ногу, приобретать то, чего не могут приобрести другие,— все это гроша ломаного не стоит перед нашей с тобой любовью. Любовь нас соединила, и я бы хотел донести ее до конца наших с тобой дней...

Махбуба быстро взглянула на мужа. Глаза засверкали.

— Вы хотели бы... Неправда! Не верю! — Она кулачком забара-

банила в его грудь.— Где же вы были все эти дни? — и кинулась на шею ему...

Потом они ехали в машине. Молчали, но обоим было хорошо. «Как много теряют люди от недосказанности, от нежелания выслушать друг друга»,— подумал Шукуров.

Он устал сегодня, но давно не был в таком добром расположении духа. И так не хотелось терять это настроение. Зачем только Атакузы затеял спор?

— Давайте отложим этот разговор,— повторил Шукуров.

— Ладно,— согласился Атакузы.— Но есть у меня к вам одно слово.

— Если только одно,— улыбнулся Шукуров.

— Вот вы, видимо, считаете себя самым правильным, самым честным человеком, Абрар Шукурович...

— По-моему, каждый видит себя таким.

— Ну, я вижу, здесь началось заседание бюро! Пойду лучше на дочь посмотрю,— Вахид Мирабидов махнул рукой и стал подниматься по тропинке к санаторию.

— ...докладываете первому секретарю обкома,— Атакузы продолжал, не обратив внимания на Мирабидова,— докладываете обо мне, о моих делах. Искажаете истину, вводите в заблуждение.

«Успел и с ним потолковать. Ну и человек! — подумал Шукуров о Халмурадове.— Что им движет? Хочет создать свой собственный маяк? Только ли это?»

— Что я могу ответить? Если скажу, что никого не вводил в заблуждение, вы же не поверите.

— А вы докажите! — усмехнулся Атакузы.

— Чем? Может, поддакивать вам во всем?

— Поддакивать мне незачем! Все, что я делал и делаю,— все это только ради колхоза, ради людей...

— Послушайте меня, Атакузы-ака,— перебил Шукуров. Заговорил медленно, сосредоточенно, останавливаясь, чтобы подобрать нужное слово.— Мне пришлось в жизни немало повидать рансов способных, талантливых. Иной хорошо начнет работу, а потом, смотришь, потерял голову. Не думайте, я знаю все трудности, которые вам приходится преодолевать. И хозяйственные, и прочие. Каждый день сам сталкиваюсь с ними. Каждый день. Вы скажете: тем хуже, все знает, а цепляется. А я всего-навсего хочу помочь вам. Вы не можете представить даже, как я был рад, когда вы отважились попросить прощения, вернули дом этому механизатору. Я ценю вашу энергию, ваш организаторский талант. Поверьте мне, я хочу сохранить лучшее, что есть в Атакузы Умарове. Именно потому и лезу с неприятными замечаниями, как вы говорите, цепляюсь. Боюсь, очень боюсь, как бы вы не споткнулись. Хотите верить, хотите нет! Все! Я кончил. И вас лишаю слова! — Шукуров встал, снял пиджак, бросил его, не глядя, в сторону.— Устал, черт побери! — вздохнул, распрямил плечи.— Приехал сюда, думал отойти немного, подышать воздухом, послушать шум реки. Где ваше знаменитое гостеприимство? Или оно не для тех, кто вас критикует?

— Ха! — Атакузы тоже встал, тоже расправил широкие плечи.—
Дернул меня шайтан с моими обидами. А ну их...

Он не договорил, вдали на тропинке снова показался повар:

— Раис-ака! К вам еще гости!

Запахавшись — так спешил — поднялся к санаторию. Его встрети-
ла Алия, она укоризненно качала головой:

— Зачем вы это придумали, Атакузы-ака?

— Что такое?

— Пригласили Джамала Бурибаева. Только что от нас звонил.
Да еще был бы один, а то и жену привез с собой!

Атакузы и сам понимал: Бурибаев явился некстати. Но что поде-
лаешь? Не выставишь же гостя.

— Иди скажи сыну, пусть везет их сюда. А там что-нибудь
придумаем...

2

Хайдар отвез гостей в горы и, не задерживаясь, вернулся в
кишлак. Поставив «Москвич» в гараж, вышел во двор. В доме настой-
чиво звонил телефон. Успел добежать, снял трубку.

— Хайдар-ака! — Это была Латофат.— Где вы пропадаете? Я уже
несколько раз звонила вам... Дедушке плохо! Я вызвала врача...

Хайдар помчался в школу. Но врача уже не застал. Огромный
кожаный диван был застлан белым. Нормурад-ата лежал на спине.
Возле него сидели Латофат и директор школы. Хайдар робко подо-
шел:

— Как чувствуете себя, дедушка?

— Спасибо, сынок.

Директор встал, уступил место Хайдару.

— Не беспокойтесь, атахон,— директор почтительно склонил голо-
ву.— Мы примем все меры, этот анашист, пьяница больше не будет
беспокоить вас!

Домла сморщил, словно от боли, лицо и закрыл глаза.

День сегодня у домлы начался радостно. Утром почтальон
принес письмо в необычно большом и твердом конверте — из Цент-
рального Комитета. Это был ответ на записку в правительство. Раньше
прислали телеграмму, а теперь вот и письмо. Подписал его секретарь
ЦК. Ответ был очень благоприятный, доброжелательный. Домла в ра-
достном волнении целый час ходил по комнате и вокруг дома. Наконец
успокоился; сел за стол, углубился в рукопись. Сколько времени
прошло — не заметил. Дверь осторожно приоткрылась, в комнату
заглянул Уразкул. Домла встал встретить друга, но Уразкул обер-
нулся назад, позвал:

— Где ты там, Ходжа? Заходи, не стесняйся, ты ведь тоже не
чужой Нормураду.

Эти слова неприятно задели домлу. Гостей встретил сухо. Зачем
Уразкул притащил за собой Кудратходжу? Если не хотел идти один,
пригласил бы Прохора или хоть кого другого. Но ходжу... Домла сразу
помрачнел. «Что нужно Уразкулу от меня? — думал с раздражением.—

Кажется, сделал все, что он требовал. Сын его с семьей опять у себя дома. Чего еще надо?» Урузкул заметил, что домла не в духе. Поскорее завел разговор об их молодости. О службе в мардикерах. Думал отвлечь от дурных мыслей, знал — Нормурад любит вспоминать те годы. Но домла продолжал мрачно листать бумагу, думал о чем-то своем. Урузкул завел было свое обычное — о «распрекрасных старушках», но тут Кудратходжа раскрыл беззубый рот — черную нору — и захихикал:

— Ты думаешь, Урузкул, молла Нормурад печалится из-за старухи?

— Конечно, из-за чего же еще?

— Ошибаешься. Нормурад-ишан делал революцию, верой и правдой служил советской власти больше пятидесяти лет, и вот награда — сидит в этой... — Кудратходжа, должно быть, не решился сказать, где сидит домла, вместо этого снова наставил на него свой гнилой рот: — Ха-ха!

Странное дело: эта ехидная подковырка не уколола, как обычно, Нормурада. Домла неожиданно рассмеялся:

— Ты все тот же, ходжа, все меришь на аршин твоего отца.

— А что, разве неправду говорю? За твою верную пятидесятилетнюю службу наградили этой сырой, хе-хе, кельей!..

Если бы не Урузкул, домла не стал бы продолжать явно никчемный разговор — жалко времени. Но зачем-то Урузкул ведь привел ходжу, и это неприятно царапнуло. Специально ведь привел. Кудратходжа не унимался:

— Вот видишь — задумался. Правильно, правильно, подумай. Тебе и в келье есть о чем поразмыслить, Нормурад-ишан.

Домла подошел к окну, распахнул обе створки, полной грудью вдохнул свежий утренний воздух и вдруг, посветлев лицом, подо звал Урузкула:

— Подойди сюда, дорогой. А воевали мы с тобой недаром! Хорош кишлак, ничего не скажешь, верно говорю? А школа. Не школа — дворец! Помнишь, мечеть здесь стояла, муллы забивали народу головы, все для кулаков старались и для торговцев, вроде отца Кудратходжи...

— Чего тебе дался мой отец? Честный человек был. Торговец как торговец. Торговцем и назывался. Ты лучше на своего племянника посмотри, интересные дела творит.

— Не тебе, анашисту, критиковать моего племянника. Ты лучше посмотри в окно — не его ли рук дело весь этот поселок, эта новая жизнь?!

— А что, неплохо сделано. Умеет, умеет размахнуться твой племянник. Любит показать товар лицом. Кому честь и слава? Ему, конечно, Атакузы. О нем гремят карнаи, ему мед течет в уста. Неплохо, неплохо устроился.

— Вот ты и обрадовался, кулацкий прихвостень. И затывквал. Рад бы укусить, да зубов нет...

— Почему затывквал? Я не тывкаю — говорю, как и ты, профисор, на нашем родном языке. А все же подумай, что-то твой племянник

сильно разгулялся: все у него пиры да сабантуи. Гляди-ка, этот самый Атакузы с голым задом по кишлаку бегал, а теперь совсем как бухарский хан! Ты тут в своей келье поразмысли, полезно будет, молла Нормурад.

Ходжа долбил в самое больное место. Нормурад-ата прохрипел:

— Вон отсюда, шура кулацкая!

Он был страшен: весь почернел, задыхался, лицо сделалось белым, как листы книги, в которую вцепились его руки. Домла занес тяжелый том, стукнул по столу. Ходжа попятился, хихикнул и выскочил из комнаты.

Уразкул укоризненно качал головой:

— Ты что, Нормурад, не видишь, что он анаши наглотался?

— Ладно, дорогой, оставь меня в покое.— Домла прилег на диван, опустил тяжелые веки.— Оставь, оставь меня в покое, дорогой,— устало повторил он.

Уразкул не знал, что и предпринять. Торчал посреди комнаты, теребил куцую бородку. Посматривал на друга — что с ним? Наконец, тяжело вздохнув, вышел. Домла не двинул даже бровью. Сквозь слабость, сквозь шум в ушах где-то далеко брезжило: «Пожалуй, опять обидел старого друга. Единственный ведь оставшийся в живых товарищ детских и юношеских лет». Но остановить Уразкула, поговорить с ним по душам не было уже сил.

Ладно, пусть идет! Даже он не знает, что сейчас творится в душе Нормурада. Что они все, в самом деле! Нормурад тоже ведь человек. Не бесчувственный ком глины. Но где понять этому ходже, отравленному ненавистью и анашой, что не в личном довольстве высшее счастье.

Сегодня утром Нормурад был счастлив. Не тем, что, признав правильной именно его идею, авторитетный орган поставил домлу Нормурада Шамурадова над домлой Вахидом Мирабидовым. Нет, Нормурад-ата рад, что своей работой окажет пусть небольшую, но все же услугу родной земле. Вместе с Уразкулом, с Прохором и с другими друзьями, которых уже нет в живых, он боролся за счастье своего народа. И теперь, если увидит вдруг, что кто-то хочет оседлать завоеванное, подчинить своему личному интересу, он готов броситься опять на борьбу. Не укусы Кудратходжи — молчание Уразкула, укор в глазах друга детства так растревожили сердце домлы. Он понимал: Уразкул порицает его за Атакузы. «Атакузы все выше голову дерет, бог знает во что превращается, а ты сидишь, пальцем боишься шевельнуть!» — вот что прочел в глазах старого друга домла. Но не знает Уразкул одного: и без его укора Атакузы — главная боль Нормурада Шамурадова.

Домла собрался было сесть за стол и вдруг увидел в окне Кудратходжу. Качая маленькой, с кулачок, иссохшей головой, тот пытался заглянуть в комнату, подсмотреть. Нелепость, пустяк? Но и пустяк может быть последней каплей. Домла не заметил, как вскочил на ноги. Не слышал, как крикнул:

— Вон, вон отсюда!

Прижал к груди руку и медленно опустился на диван. Какая боль! Будто игла вошла в сердце!..

* * *

Домла лежал на застеленном белым диване. В комнате дежурили Хайдар и Латофат. «Врач сказал, особенно страшного ничего нет, пройдет,— услышал шепот Латофат.— Разволновался сильно, от нервов все».— «Да, да, от нервов, от нервов»,— согласился Нормурад-ата и открыл глаза.

Хайдар и Латофат сидели у окна и тихо разговаривали.

«Мирно беседуют — значит, в согласии, это хорошо,— подумал домла.— Хорошо. Хайдар будто другой стал! Такой задумчивый, тихий. Осунулся, бедняга, смотри, как почернел. И исхудал сильно. Но ничего, зато мальчишкой быть перестал, получился стоящий человек».

Домла шевельнул бровью, поморщился.

«Да, необузданный ты старик, Нормурад. Одним неосторожным словом поломал крылья молодому ученому, а ведь он только-только собирался в полет. Надо было иначе. А он вот сидит здесь. У твоего изголовья. Кто говорит, что в людях не осталось совести, сострадания? Вот сидит около больного старика, беспокоится о нем. А много ли он слышал ласковых слов от этого деда. Не говоря уже о заботах».

Латофат торопливо подошла к дивану:

— Опять болит, дедушка?

— Нет, нет, я просто... с Хайдаром хотел поговорить. И ты сиди, доченька, ты нам не помешаешь.

Хайдар придвинул стул, нагнулся к домле:

— Я слушаю вас, дедушка...

Домла тяжело, с шумом вздохнул.

— Лежу вот и думаю — нехорошо поступил с тобой.

— Зачем вы, дедушка? Не волнуйтесь, все прошло. Я и сам теперь иначе смотрю на всю ту историю.

— Ладно, не буду. Собирался вот поехать с тобой в степь...

Хайдар грустно улыбнулся:

— Не на встречу ли моего учителя с целинниками?

— Аллах с ним, с Мирабидовым. Есть более важные дела. Хотел вместе с тобой проехать по полям, там строятся коллекторы и дренажи... Поездили бы, понаблюдали, как поливают сточными водами и что из этого получается... Хотелось проехать вместе и поговорить, обсудить с тобой твою работу. Да вот не знаю, удастся ли еще это сделать...

— Удастся, дедушка, конечно, удастся. Все будет хорошо.

— Ладно,— согласился домла.— А теперь вот что. Там на столе две рукописи о горной арче. Как влияет арча на климат, на водный баланс наших земель. «Древом жизни» я назвал ее. Эта работа уже готова. Вторая связана с переброской сибирских рек. Ее я не дописал еще. И не знаю: закончу ли...

— Закончите, обязательно закончите...

— Погоди, не перебивай. Я бы очень хотел, чтобы ты взял обе

эти рукописи и прочитал внимательно, понял? А теперь возьми вон ту зеленую папку. Открой ее.

Хайдар взял папку, развязал тесемки.

— Так. Видишь письмо? Ну-ка, читай.

Хайдар достал письмо на бланке со штампом: «Центральный Комитет Коммунистической партии Узбекистана». — быстро взглянул на старика.

— Прочти, прочти, — повторил домла и, видимо утомившись, опустил веки.

Хайдар быстро пробежал бумагу. Там говорилось:

«Уважаемый Нормурад Шамурадович!

По поручению ЦК ученые и специалисты внимательно изучили Вашу докладную в правительство республики и пришли к следующему заключению.

Большинство Ваших предложений, особенно в необходимости комплексного решения проблемы переброски и одновременном осуществлении широких мероприятий по обновлению всей оросительной системы, о техническом оснащении ее, что само по себе даст огромную экономию воды, вполне обоснованно. Обоснованны и Ваши предложения о том, чтобы направить накопившиеся в коллекторах и впадинах, таких, как Арнасай и Сарыкамыш, вешние и сточные воды в Аральское море через обводные каналы. Проблема переброски сибирских рек в Среднюю Азию — это сколь важная, столь и сложная проблема. И наше государство понимает, что это именно тот случай, когда надлежит семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Поэтому при решении проблемы будут учтены мнения всех сторон, особенно мнения таких опытных ученых, как Вы. Мною даны указания о дальнейшем детальном изучении Вашей записки во всех заинтересованных в проблеме министерствах, проектных и научных учреждениях.

С уважением

Секретарь ЦК...»

У Хайдара заблестели глаза, он посмотрел на домлу:

— Дедушка, да что же вы молчите? В руках у вас такое письмо, а вы ни слова!

Нормурад-ата насупил брови:

— А что же, по-твоему, я должен кричать на весь мир — какое, мол, письмо получил! И тебе показываю вовсе не для того, чтобы погордиться. Хочу, чтобы ты понял всю важность этой проблемы и принципиальность наших споров с Мирабидовым. Вот для чего и письмо дал тебе почитать. Ты понял, сынок? Ну, а если понял, то можете идти.

Латофат, пока Хайдар читал, стояла, прислонившись к стене. Теперь потихоньку, боясь скрипнуть половицей, подошла к дивану:

— Дедушка! Мы еще побудем...

— Нет-нет, уже стемнело, идите, доченька, идите...

Латофат вышла первая. Хайдар на минуту задержался, потушил свет, поправил простыню на диване, посмотрел еще раз на деда и тоже вышел.

Кишлак погрузился в стон. Прямо над головой, в провале темного густозвездного неба, блестел отточенный серп трехдневной луны.

Тихая ночь. Голубоватый туманный свет звезд и луны. Тонкая фигура девушки у ворот. Латофат показала Хайдару одинокой, печальной. Теплая, незнакомая нежность перехватила дыхание.

— Латиф!..

Латофат взглянула на Хайдара — в глазах были слезы — и уткнулась лицом в его грудь.

— Латиф! Что с тобой, Латиф? — Хайдар задыхался от нахлынувшей нежности, привлек девушку к себе и стал целовать в соленые щеки и губы, в глаза.

Латофат что-то говорила, очень тихо, неразборчиво, казалось, просила о чем-то. И как эта девушка была непохожа на ту Латофат, что в последнее время обдавала холодом. Вернулась прежняя Латофат — открытая, любящая, какой была она в раннюю пору их дружбы. Та же нежность, те же шемающие душу глаза, та же доверчивая ласка!

Странная вещь жизнь! Почему Хайдар только сейчас разгадал, что нужно и ей и ему для их любви? Не дорожил доверием и сам не доверял ей. Зачем, поддавшись чувству странной какой-то гордости, мучил и ее и себя? Оказывается, достаточно одного ласкового слова, простого искреннего слова — и холод пропал.

Хайдар осторожно прижал девушку к себе. Так, обнявшись, медленно пошли вниз. Латофат шла притихшая, успокоенная.

Они подходили к дому Хайдара. Полутемную улицу вдруг рассек свет фар. К воротам подлетела и со скрипом затормозила «Волга».

— Отец ваш! — Латофат испуганно отпрянула.

— Это ты, Хайдар? Пойдем! Разговор есть...

— Хорошо, ата, я сейчас...

Хайдар довел Латофат до калитки. На улице, перед домом Фазилат, стоял газик. Латофат шепнула: «Кажется, и брат здесь», торопливо подставила губы, скользнула во двор. Хайдар повернул обратно. Темный газик вдруг взвыл и стремительно, с грохотом пролетел мимо. Хайдар уже подходил к дому. Его догнали легкие, быстрые шаги.

— Братик!

— Тахира?

Сестра беззвучно прильнула к нему:

— Я рада, братик. Рада за вас! Так рада!.. — Она дрожала, плакала.

— Что с тобой, Тахира?

— Ничего... Я рада за вас, за Латофат!..

— Да что с тобой? В машине был Кадырджан?

— Да, он поехал в горы. — Тахира всхлипнула. — О братик, он не любит меня! Не любит! — Маленькая фигурка в темном платье прильнула к нему.

Сердце недобро екнуло. Хайдар обнял дрожащие плечи сестры, пригладил растрепанные волосы:

— Не волнуйся, все обойдется, сестричка...

— Нет, нет, он не любит, я знаю, братик, знаю!

— Ну и черт с ним, если не любит! — рассердился Хайдар.

А Тахира уже не всхлипывала — она громко и горько рыдала.
— Вы не знаете, братик!.. Если б вы знали!..

Хайдар до боли сжал зубы. Он догадывался... Но что мог он сказать этому маленькому, любимому с детства существу?

За дувалом послышался глухой кашель.

— Отец ждет. Не плачь, Тахира, все обойдется, мы еще поговорим.

Атакузы нервно прохаживался у колодца. Сосредоточенный, мрачный, с крепко сжатыми губами. Увидел: сын и дочь идут вместе, молча прошел в дом. Направился прямо к холодильнику, достал бутылку минеральной воды, ударом о край стола открыл, пил прямо из горлышка большими глотками.

— Еду в обком...— сказал, как только Хайдар подошел.

— Что-нибудь случилось, отец?

— Этот подонок! — Атакузы сердито швырнул в темный проем окна пустую бутылку.— Этот любитель легкой жизни! Я говорю про Бурибаева. Не зря, оказывается, прикатил. Весной выделил нам тонн триста удобрений и запчасти, не так уж и много. А теперь приехал обрадовать: какой-то там шум поднялся.

По спине Хайдара будто холодный уж прополз.

— И серьезно все это?

— Не знаю. Думаю, голову не снимут. Не на свой же огород я сыпал те удобрения! Но, видно, что-то случилось, раз этот тип не смог сам уладить, ко мне прилетел. На всякий случай хочу поставить Халмурадова. Не забудь, разговор этот — не для чужих ушей.

— А может, не стоит ехать, отец? — сказал Хайдар.— Он ведь отпускал, пусть сам и отвечает. И вообще напрасно вы...

— Напрасно или нет — об этом не время! А ехать надо. Другого выхода нет, придется улаживать самому. Словом — еду. Гостей не привози. Пусть до моего приезда побудут там.

3

Фазилат вышла за ворота — проводить соседок. Они теперь каждый день приходят помогать ей. И надо же так получиться, в это самое время, как нарочно, у ворот остановился знакомый «Москвич». Из машины выпрыгнула Латофат и сразу смутилась, увидев соседок, — она была в белом свадебном платье. И Хайдар — он сидел за рулем — поспешил поддать газу, стремительно тронулся с места. Латофат пробежала в калитку, женщины задумчиво смотрели ей вслед, должно быть вспоминали молодость.

— Дай бог им счастья!

— Очень подходят друг другу!

— Да вознаградит их счастьем аллах!

Сладко матери слышать такие слова, хорошо, что люди увидели дочь вместе с будущим зятем, в его машине. Так получилось хорошо! Теперь соседки закроют рот сплетницам, а такие есть, завидуют счастью дочери.

Вот уже неделя прошла в свадебных хлопотах. И как дружны стали

между собой дочь и Хайдар, словно подменил их кто. Фазилат не знает, что случилось, в чем причина такой перемены. Да и зачем ей знать? Смотрит на жениха и невесту и не может нарадоваться. Три последних дня Латофат с Хайдаром каждый день ездят в районный центр. Там, говорят, открывается лаборатория. Хайдар отвозит Латофат и сам же привозит обратно. Удивительно, даже к доценту Абидову переменялся. Нередко и Абидов приезжает с ними на машине. Бывает, втроем засиживаются допоздна за беседой. А Фазилат... У нее голова кружится от неожиданного счастья. Ей приходилось бывать на тоях, на празднествах у соседей, но сама ни разу не созывала гостей. Странной своей судьбы стыдилась. И как же радуется теперь: наконец настал день — и она может отплатить людям за радушие. Атакузы по непонятной ей причине отказался от прежних планов, не хочет пышной свадьбы. Однако на расходы не поспешил. И на одежду, и на еду — на все дал. Фрукты, мясо, вино, рис — все, что нужно, для свадьбы есть. И теперь на дворе у Фазилат с утра до вечера люди: соседки стегают одеяла для приданого, джигиты в саду готовят дрова, ладят тандыры — много ведь придется напечь лепешек. А вечерами собираются подружки дочкины — шьют платья, веселятся, танцуют, песни поют, как в старину пели перед свадьбой.

Правда, пробежало недавно маленькое облачко, сын Кадырджан, дай бог ему здоровья, приехал в отпуск на днях и привез с собой отца и мачеху. Фазилат две ночи проворочалась до рассвета, будто на колючках лежала. Но вчера Латофат сообщила новость: Джамал Бурибаев на свадьбу не останется. Отдохнет денька два в горах и назад. А Хайдар сказал, будто Атакузы перестал уважать Бурибаева.

А вот и Латофат — переоделась, вышла из дома. Включила свет под виноградными лозами, расстилает скатерть на сури. Сейчас должны прийти подружки-помощницы. Радует Латофат, но неясная тревога с самого утра нет-нет да и засосет. Откуда она? Подошла мать. Только хотела расспросить, как там в городе с лабораторией, и в этот момент у ворот угрожающе завизжали шины... С шумом распахнулась калитка, во двор влетел Кадырджан.

Он бежал, будто спасаясь от страшной беды. В растерзанной рубашке, лохматый, глаза дико блуждают. Фазилат даже не узнала собственного сына, попятилась назад. Но тут же бросилась к нему:

— Что с тобой? Сыночек мой!

Кадырджан прислонился к двери, рывком разорвал ворот рубахи, обнажил черный поджарый живот, провел пятерней по лицу.

— Кончено! — прохрипел, то ли смеясь, то ли плача. — Все погорело...

— Да говори же, что случилось?

— Человека сшиб! Насмерть, кажется. Все! И свадьба, и праздник, и счастье наше — все к шайтану!

Фазилат взглянула на застывшую под виноградным навесом дочь, глазами молила о помощи... и вдруг бессильно опустилась на землю. Латофат, будто стряхнув страшный сон, кинулась к матери, схватив на ходу медный кувшин у арка.

Кадырджан, пьяно пошатываясь, подошел к водопроводу,

подставил голову под струю. Одним резким движением освободил худое жилистое тело от рубашки, сел прямо на землю, заговорил. Несвязные слова с хрипом вылетали из глотки. Будто умом тронулся, разговаривает сам с собой.

— Гости... возил на охоту. Да... Подстрелили архара. А тут, как его... корноухий сторож лесхоза... Прохор, что ли, зовут. Увидел, погнался на мотоцикле. Я уже оторвался... И тут у Минг булака налетел на того, будь он проклят! На Кудратходжу. Анашист, пьянь проклятая! Что ему нужно в Минг булаке? Сидел бы дома...

Фазилат попыталась встать, но не смогла. Опираясь на руки, поползла к сыну:

— Какой Кудратходжа? Что ты говоришь?

— Тот самый. Кулацкий прихвостень! Из-за него, из-за подонка, меня... Нет! Не хочу! Почему я, жизни еще не повидав, должен погибать из-за этого раскулаченного. Он же враг, враг! Нет, Атакузы-ака поймет. Может уладить, замять все! Анашист проклятый! Сам был пьяный как свинья! Мама! — Кадырджан вскочил на ноги, потрянул, будто конь, лохматой гривой.— Мама! Бегите к Атакузы-ака! Сейчас же бегите. Объясните все! Не даст он засудить меня, не оставит Тахиру на всю жизнь несчастной.

Фазилат приподнялась, упала на грудь дочери, запричитала:

— Ой, сыночек, да что ты наделал! Что натворил, сыночек ты мой!

— «Сыночек, сыночек!» — передразнил Кадырджан. По-бычьи нагнув голову, со сжатыми кулаками пошел на мать, на полдороге опомнился, перевел безумные глаза на сестру: — Латиф! Сестрица! Иди позови Тахиру. Пусть сама поговорит с отцом. Беги! Я ей все сам скажу.

4

Джамал Бурибаев и Вахид Мирабидов, запыхавшись, ворвались во двор. Через несколько минут Атакузы уже знал все. Кудратходжу привез в кишлачную больницу егерь лесного хозяйства Прохор Поликарпов. Однако было уже поздно. Еще по дороге в больницу ходжа отдал богу душу. Атакузы тут же связался по телефону с главврачом:

— Где Прохор? У вас еще?

— Нет, он ушел.

— Куда?

— Не знаю. Сказал, если понадобится, найдем его у домлы Шамурарова.

«Понятно, Прохор поехал докладывать своему приятелю. Нашлась у старого хрыча новая тема для разговора!»

— Что будем делать, раис-ака? — спросил главврач.— Полагается немедленно сообщить в милицию.

— Вот что,— Атакузы овладел собой.— Кудратходжа, я слышал, был вдрызг пьян. Вы сделали экспертизу?

— Нет...

— Сделайте! Исследуйте как надо и запротоколируйте!

— Если был пьян, то конечно...
— Я же говорю вам — он в стельку был! Ясно?
— Да, но... насчет милиции как? А вот и сам участковый. Дать ему трубку, раис-ака?

— Нет-нет! Скажите ему сами, пускай не спешит. Не к чему шумиху устраивать. И вы тоже не очень... Не паникуйте. Я еще позвоню.

— Простите, не совсем понял вас, раис-ака. Вы сообщите в район?..

Атакузы не ответил, бросил трубку на рычаг.

Пока на айване шел телефонный разговор, Бурибаев, заложив руки за спину, нервно прохаживался вокруг колодца. Вахид Мирабидов как упал в плетеное кресло, так и сидел, обхватив голову подрагивающими пальцами. Когда трубка стукнула о рычаг, Бурибаев замер на полпути. Вахид Мирабидов поднял голову. В глазах у обоих вспыхнули искорки надежды.

— Ну что нового, раис? Говорите! — Бурибаев, слабея, ухватился за сруб колодца.

Атакузы с яростью смотрел на его жалко увядшее лицо. Ведь вот как сник, обмяк. Трус несчастный!

— Новость отличная! — отрубил беспощадно. — Сшибли насмерть старого человека и бросили на дороге. Не оказали даже помощи!

Вахид Мирабидов слезно промышчал что-то и снова обхватил голову руками. Бурибаев пошатнулся, будто его ударили в грудь.

— О молодежь, молодежь! Я предупреждал Кадырджана...

— Кадырджан мальчишка. А вы, где вы были? Какого черта вас туда понесло? Разве время сейчас охотиться на архара?

— Виноваты! Виноваты! — стонал Джамал Бурибаев. — Но, раис! Вы должны что-нибудь придумать! Найдите выход! Вы можете утрясти дело. Вам все под силу! Подумайте, если мы попадем под следствие... Нет, нет, что-нибудь придумайте, дорогой!

Джамал Бурибаев шагнул из-под темного листового навеса. Что за вид! Голову покорно склонил, просительно смотрит на Атакузы. Куда осанка девалась! Где гордо-холодная мина на лице, от которой робели и тряслись посетители, — ничего не осталось. Старик, суетливый старикашка! Дутый пузырь, нытик!

А он, Атакузы, совсем ослеп, дядю своего не щадил, столько боли причинил старому человеку. Из-за кого! Ну, натворил дел, нарушил закон — так тебе же не шестнадцать, хоть держись достойно. Да и не впервой творить грех. Однако, видать, фронт тебя не очистил, нет, не очистил... И второй дрожит, как пойманный заяц. Домла! Ученый муж!

Атакузы брезгливо поморщился.

— Хотите, чтобы я придумал что-нибудь? Вы творили беду, а я расхлебывай! — Атакузы задыхался. — А что же вы третьего дня ничего не придумали, когда надо было помочь мне? Не только не придумали, а, наоборот, постарались свалить со своей головы на мою. Весной, когда распорядились выдать удобрения и запчасти, держались так, будто вынули из собственного кармана. Не беспокойся, мол,

Атакузы, бери, даю из особого фонда! Это в глаза. А за глаза — взяли и записали на счет района. Из-за вас я вчера краснел в обкоме, не сегодня завтра придется краснеть и на бюро райкома...

— Дорогой мой! — кинулся к нему Буринбаев, попытался схватить за руку. — С удобрением утрясем как-нибудь, все устроим, дорогой. Только этот вопрос уладьте. Вы же умный человек, понимаете: если попадет в милицию, плохо будет и вам, и нам. Вы тут хозяин, у вас авторитет. И товарищ Шукуров вас ценит...

«Товарищ Шукуров!» Вахид Мирабидов будто проснулся, поднял голову:

— Да, да. Конечно, Шукуров. Я тоже поговорю с Абрарджаном. Машину мне! Сейчас же поеду...

Кто-то с треском распахнул ворота, громко протопал по двору, хлопнула дверь кухни. В окнах зажегся свет, кто-то отчаянно зарыдал. Ну денек!

Атакузы проглотил душившие его слова, кинулся в дом.

— Что еще случилось? Кто там вопит?

— Дочь ваша... — Алия заступила дорогу.

И без того взвинченный Атакузы взорвался:

— Чего она так убивается, твоя дочь? Не найдет себе мужа? Цепляется за подонка. Ничтожный сын ничтожного отца!

Алия отвела взгляд от страшных, налитых кровью глаз мужа.

— Вы не знаете, ничего не знаете...

— Что там еще?

— Дочь ваша... дочь...

— Да не тяни ты резину!

— Беременна она...

— Подлец! — Атакузы прижался лбом к косяку двери. — Где он, сам поговорю с ним. Не он ли пробежал сейчас по двору? — Атакузы сверкнул глазами, сжал зубы. — Где этот мерзавец? Я хочу...

Он не кончил. Дверь робко отворилась, вошла Тахира.

Густые черные волосы, обычно падавшие на плечи, были растрепаны, глаза опухли от слез. Тахира тихо, беззвучно подошла к отцу, опустилась на колени и мокрым от слез лицом прижалась к его сапогам.

— Дададжан, папочка мой милый, любимый...

5

Потом, когда все кончилось, Атакузы не раз вспоминал последний свой разговор с дядей. Но почему-то путь до школы начисто стерся из памяти. Не помнил, как вышел из своего дома, как очутился у дяди... Одно лишь каждый раз вставало в глазах — дочь, Тахира. Тихо, беззвучно приближается к нему, молча опускается на колени, прижимает лицо к его сапогам...

У Нормурада-ата он застал Прохора и Хайдара. Домла сидел за большим письменным столом, подперев руками тяжелую голову. Прохор ходил взад-вперед по узкому проходу между книжными шкафами. Он был в больших кирзовых сапогах, в старом, потертой гимна-

стерке, с потускневшей бурой каской мотоциклиста на голове. У окна, прислонившись к стене, стоял Хайдар.

Все трое, как по команде, повернулись к Атакузы, едва тот вошел. Нормурад-ата настороженно поднял на него глубоко ввалившиеся глаза.

Атакузы набрал полную грудь воздуха.

— Дядя! Я виноват перед вами..

Домла все глядел на него усталыми глазами. Хайдар опустил голову, Прохор стал одергивать гимнастерку, расправил складки под широким кожаным ремнем.

— Я сильно виноват перед вами! — повторил Атакузы и, стараясь унять волнение, глухо кашлянул.— Но сейчас я пришел не для того, чтобы просить прощения. За этим я еще приду. На коленях буду просить...

Домла вдруг заморгал глазами:

— Не надо, не надо...

— А сейчас я пришел, чтобы...— он опять набрал полную грудь воздуха,— чтобы просить совета у вас, у двух уважаемых аксакалов!

Атакузы медленно обвел глазами всех троих. Ни поддержки, ни сочувствия — ничего не встретил в ответных взглядах, только настороженность. Голос Атакузы дрогнул:

— Я знаю, случилось ужасное! Такое, что трудно простить.— И жестче: — Но и сам этот анашист, я говорю про Кудратходжу, и сам он был в дымину пьян! Дня ведь не проходило, чтобы не пил, да еще и анашой обкуривался. А разговоры его? Сами слышали, сбивал молодежь с пути...

— Все! — прервал Прохор. — Понятно! Он пьяница, он наркоман. Он кулацкий элемент. Значит, не стоит и огород городить! Все шито-крыто.— Прохор насмешливо блеснул синевой глаз, оглянулся на Нормурада-ата и Хайдара.

Те сидели, уставившись в пол.

Атакузы весь подобрался, готовый кинуться на этого кривоногого мотоциклиста, будто коршун на осмелевшего петушка.

— А что, по-вашему, не был он кулаком?

— Если и был, то не мы с тобой, Атакузы, а советская власть и наказала его. Советская же власть и помиловала.

— Словом, по-вашему, из-за этого навозного жука, из-за вражьего отребья, подстрекателя будем губить жизнь двух молодых людей?

— Ого! — Прохор замигал синими чистыми, как у ребенка глазами.— Раз он пьяница, так замнем преступление? Ваши дружки убили человека. Попирая законы, подстрелили архар. А вы, значит, их — под свое крыло!

— Что ж, по-вашему, архар дороже людей?

— Ого! — повторил Прохор.— Одним запрещено, а другим — можно! Да существуют ли для вас, в конце концов, законы и правила? Или, думаете, законы писаны для других? А вы можете творить, что вам вздумается? — Весь побледнев, по-петушиному вытянув шею, посмотрел на Нормурада.

Но тот молчал. Большая медно-красная голова была по-прежнему опущена, только вены сильнее набухли у висков да темные большие руки, лежавшие на коленях, начали мелко-мелко дрожать.

— Хорошо! — сказал Атакузы. — Раз так, разговор кончен. Но я скажу вам, кто вы!..

— Отец! — крикнул Хайдар.

Нормурад-ата встал, тяжело опираясь о стол. В широком, скуластом лице не осталось ни кровинки.

— Ох ты, дорогой, дорогой мой племянник! — сказал, тяжело ворочая языком. — А я сию радуюсь: уразумел мой Атакузы кое-что. Все последнее время камни так и падали вокруг тебя. Надо бы извлечь урок, да представляешь ли хоть себе, о чем ты говоришь с нами? Ты начисто, Атакузы, забыл об одном: есть на свете совесть, есть честность!

Дядя трясся, как в приступе падучей. Атакузы крепче сжал зубы. Выйти бы хоть молча! Чувствовал — откроет рот, проклянет дядю. Закрыл глаза. И снова увидел Тахиру. Дочка, любимая дочка, снова беззвучно упала перед ним на колени. Боль вырвалась наружу.

— Совесть! — выкрикнул. — Ладно уж, дядя! Чужая боль не ранит тела. Пусть я кажусь вам самым бессовестным человеком на свете. Пусть! Но говорил вам и еще повторю: чужой, сочувствующий беде, лучше бессердечного родича!

Хайдар, побледнев, шагнул к отцу:

— Остановитесь, отец! Есть же границы...

— Отойди, размазня!.. Спасибо, дядюшка! Есть такая поговорка: беркут, состарившись, становится коршуном. Коршуном клюете родню свою! Спасибо! — Атакузы отшвырнул в сторону сына, пинком распахнул дверь и исчез во тьме.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Кудратходжу собирались хоронить на следующий же день. Но, непонятно почему, тело увезли вдруг в район, на экспертизу. Продержали два дня. Лишь на третий разрешили предать земле. На похороны собралось человек двадцать пять, все больше старики. Пришли и Прохор с Уразкулом. Был и Хайдар. Он не хотел идти, но дядя настойчиво присил:

— Сходи. Издавна говорили: на покойников обиды не держат. Я бы и сам пошел, да, видишь, занемог.

Всю дорогу с кладбища домой Хайдара не оставляла тревога. Вызывали в район Қадырджана — на допрос. Сегодня и отца вызвали то ли в милицию, то ли в райком. В доме неспокойно. Тахира не перестает — плачет, мать места себе не находит.

Хайдар вошел во двор и невольно остановился. Тихо, безлюдно, словно брошенный очаг. И еще сильнее подступила тревога. Прошел в

конец сада к арыку. Солнце уже спряталось за горизонтом, но жара все еще не спадала, воздух оставался горячим, а в саду даже было душнее, чем днем.

Хайдар поплескался в арыке, чуть освежился. Поднялся было, чтобы уйти, и невольно вздрогнул. Высокие, в рост человека, камыши по ту сторону арыка раздвинулись, и в них показалась растрепанная лохматая голова с лихорадочно горящими глазами. Кадырджан, в распахнутой до пупа серой рубашке, в потертых джинсах, мрачно глядел на Хайдара.

— Я жду Тахиру. Ты мне тоже нужен!

Кадырджан, легко подпрыгнув, ухватился за ветку тала и, перелетев арык, очутился рядом с Хайдаром:

— Что уставился на меня? Не узнаешь?

— Трудно узнать... Что тут делаешь?

— Я же сказал: жду Тахиру.

— Тахира не выйдет.

— Ты так думаешь? — усмехнулся Кадырджан. — Пока не свалилась беда на мою голову, я был нужен! В зятки торопились записать. А попал в беду — так вы в кусты, дорогие родичи? А?

Хайдар чуть отступил назад.

— Послушай, Кадырджан, чего ты от меня хочешь?

— От тебя лично — ничего. Я отца твоего прошу, Атакузы-ака! Мог бы замять дело. Мог бы!.. — Последние слова Кадырджан выкрикнул высоким плачущим голосом.

Хайдар брезгливо посмотрел на него:

— Плетешь, Кадырджан, не знаю что. Насмерть ведь сшиб человека. А теперь просишь отца, чтобы собой прикрыл тебя. На что толкаешь его! Он и без того страдает — из-за тебя, из-за отца твоего. Сегодня вызывали в район...

— Подумаешь — вызывали! Если захочет, все уладит.

— Вижу, тебе не Тахира нужна, а тещь. Да ты хоть любил ее?

— А какая теперь разница: любил я ее или нет? — Зеленые кошачьи глаза Кадырджана сузились, кончик длинного носа странно шевельнулся. — Не пойму вашу семью. Неужели вам, тебе и отцу, безразлична судьба Тахиры? Подумали бы, что станет с ней без меня. Ведь она уже... Дошло до тебя?

— На этом выехать хочешь? — Хайдар двинулся на него. Он был страшен в эту минуту. Высокий, гораздо выше Кадырджана, лицо налилось темной кровью. — Да, дошло до меня. Дошло: ты — сволочь последняя! Раньше я еще сомневался. Спасибо, открыл глаза. Мерзость, а не человек! — Он сгреб в кулак ворот рубашки Кадырджана. Затрещала ткань.

Оставив в руках Хайдара большой лоскут, Кадырджан отскочил. Снова ухватился за ветку тала, перемахнул через арык.

— Хорошо, ладно, я мерзость, — грозился, стоя по ту сторону арыка, — но запомни, дорогой сородич, запомни: если меня засудят, не видать тебе Латофат! Как своих ушей!

Хайдар молча повернулся, зашагал к дому. Подальше от этих

кошачьих глаз. Они так и манили — броситься через арык и наотмашь, наотмашь, справа и слева по этой шакальской физиономии...

Бедная Латофат! Вчера ночью они опять вместе шли от дяди. Оба молчали. Думали об одном и том же. Но что сказать, чем успокоить ее? Подошли к дому, Латофат прижалась к Хайдару — искала защиты.

— Я знаю, брат все переживет, еще молод,— заговорила с тоской.— Но мать... Что будет с матерью? Я боюсь...

Хайдар молча отвел с ее лица легкую прядь, осторожно поцеловал лоб, губы. И сейчас видит, как уходила она: тихая, поникшая...

На айване шла непонятная возня. Мать крепко держала Тахиру, а та куда-то рвалась. Алия увидела Хайдара, отпустила дочь.

— Спроси, спроси ее, куда она бежит! — сказала, вытирая слезы.

Тахира сухими глазами затравленно смотрела на брата:

— Пойду, мне надо поговорить.

Хайдар загородил дорогу:

— Я уже говорил с ним. Можешь не ходить. Я скажу, чего он от тебя хочет. Он хочет, чтобы любимая дочка поднажала на отца. Ему надо, чтобы Атакузы прикрыл преступление. Чувствуешь, куда он нас толкает?

Тахира, закрыв руками лицо, склонилась на курпачу, волосы упали черным занавесом.

— Доченька, ну что ты?..— уговаривала Алия.

Но сын глазами показал: «Оставьте нас вдвоем». Опустился на курпачу рядом с сестрой. Осторожно обнял за плечи:

— Тахира, сестричка, ты же сама говорила... Он же не любит тебя. Может, боишься — что скажут люди? Выкинь это из головы. Мы все — с тобой. Ты же взрослый человек...

— Нет, нет! Я не могу, не могу без него! — затряслась Тахира.

Руки Хайдара медленно сползли с дрожащих плеч сестры. Он смотрел на нее с удивлением и неприязнью:

— Такого полюбить! Он же думает только о себе!

— Пусть! — Тахира откинула волосы с лица, с яростью взглянула на брата.— Ну и пусть! И пусть плохой!..

— А ты... Нет у тебя ни достоинства, ни гордости. Родного отца толкать на преступление! Да ты сама такая же эгоистка! — крикнул Хайдар и вдруг увидел отца: Атакузы молча стоял у колодца под виноградным шатром.

Тахира тоже увидела, вскочила на ноги, с рыданием кинулась к нему.

— Ну, ну, не надо, успокойся, доченька, успокойся.— Атакузы погладил ее плечо и прошел мимо Хайдара в дом.— Пойдем, разговор есть, сынок.

Подошел к окну, широко распахнул створки и долго стоял — глядел в сад, на красные в закатном солнце деревья. Будто вылитое из бронзы лицо было сурово. Как он осунулся, какие горькие складки пролегли по обе стороны орлиного носа!

— Зачем вас вызывали, отец?

Атакузы тяжело вздохнул:

— У дочери беда. Плачет, убивается, а я ничем не могу помочь.

Почти четверть века жизни своей отдал делу, лучшие годы жизни — и вот, не могу помочь ни ей, ни себе...

Хайдар смотрел с недоумением. Он не понимал отца. Так уже было однажды — когда отец заговорил с ним о премии для Мирабидова.

— Ваши четверть века, отданные делу, и беда Тахиры... Какая тут связь? — спросил осторожно, боясь причинить боль.

— Да? Ты так думаешь? — Атакузы не глядел на сына, он по-прежнему смотрел в сад.

— Избаловали мы ее. Никого и ничего не хочет признавать, считается только с собой.

— Вот как? — Атакузы повернулся спиной к окну, с ног до головы измерил сына долгим, мрачным взглядом.— Ты заговорил языком товарища Шукурова,— усмехнулся.— Откуда это у тебя? К деду все бегаешь?

Хайдар опустил голову. И опять тихо, чтоб не слишком задеть больное место, сказал:

— Зачем вы так? Ведь если он и говорил что-то не совсем приятное, то ведь добра желал... Помиритесь с ним!

Атакузы отвернулся:

— Помириться, говоришь? Ну что же, помирюсь. Вот не сегодня завтра снимут с работы. Тогда и пойду помирюсь...

Тяжело сел на диван, опустил голову на руки. Вчера опять был разговор с Шукуровым, трудный и длинный, и сейчас этот разговор в мельчайших подробностях всплыл в памяти.

2

«Эх, Атакузы-ака, Атакузы-ака! Весной мы были с вами в доме вашего дяди Нормурада Шамурадова в Ташкенте. Помните? Вы повели меня в его библиотеку и там рассказывали кое-что о Бурибаеве. Должен признаться, я тогда уж подумал: зачем Атакузы-ака ищет дружбы с этим человеком? Не зря же говорят: кто к казану притронется — измажется непременно. Зачем же вам было обнимать этот черный казан? Как могли вы, Атакузы, давать ему взятки?»

«Какие там взятки, Абрар Шукурович, фрукты-мрукты, мелочь, так сказать...»

«Да если бы даже даром он давал вам запчасты и удобрения, как могли вы идти на это? Запускали руку в карманы своих друзей!»

«Вы не знаете, товарищ Шукуров. Он уверял меня, говорил — из другого источника. Если б я только знал, что все это он отнесет за счет района...»

«Будто и не знали! У него что — собственные заводы удобрений и запчастей? Как тут ни крутись, а облагодетельствовать вас он мог только за счет других.»

«Да, теперь я вижу. Поступил нехорошо. Но не для себя старался, товарищ Шукуров, ради своего колхоза.»

«Странная у вас логика. Подумайте, что получится, если каждый будет стараться только для своего колхоза.»

«Спасибо, товарищ Шукуров. Вы всегда изрекаете одни лишь истины. Вас послушать — в жизни вы ни разу не оступились, очень правильный вы человек. Но хочу вас спросить, товарищ Шукуров: чем вы оцениваете нашу работу, работу райсов?»

«Да, мы оцениваем вашу работу по выполнению плана. «Хлопок — наша гордость» — не просто фраза. Все, чем живем мы в республике, что выкладываем на дастархан, — все зависит от хлопка. Но это вовсе не означает, что надо делать план всеми, в том числе и недозволенными средствами!»

«Простите, но вы требуете плана, не подкрепив это требование материально. Может, вы думаете, у райсов есть собственные заводы удобрений и запчастей? Жесткое требование и толкает нас на те недозволенные средства».

«Есть еще трудности, да, есть... Снабжение хромает. Я не отрицаю. Но при чем здесь лично вы? Только ли о плане думали, пускаясь в обходные пути? Может, все-таки славы хотелось? Может, это подталкивало? Вот и не заметили, и до личных выгод дело дошло. Ну и, соответственно, до недозволенных средств. Не заметили, как...»

«Закружилась голова — это вы хотите сказать?»

«Напрасно усмехаетесь. Между прочим, именно так оно и есть. Не будем трогать ваши прежние срывы. Возьмем самое последнее. Близкие вам люди совершили преступление. Как вы поступаете? Жмете на врачей, принуждаете дать ложное заключение о смерти. Уничтожаете акты сотрудников ГАИ. Запугиваете егеря лесхоза Поликарпова. Прикрываете браконьеров. Словом, попираете все законы! Так что иронизировать насчет заводов не время. Скажите сами, только честно: что мне остается делать при наличии всех этих фактов?»

«Этого я сказать не могу. Моя судьба в ваших руках. И не только моя. Ко мне вы можете быть безразличны, однако подумайте о своем тесте. Ведь и он в числе браконьеров!»

«Что же, законы писаны для всех».

«Вот как?.. Вы, товарищ Шукуров, хотите во всем быть прямым как палка. Однако и палку можно согнуть. Жизнь — не бетонное шоссе. Встречаются ведь и ухабы, и очень крутые иной раз повороты. Не такие — куда более крупные промахи люди поправляют без шумихи!»

«Интересно вы говорите. Но это не для меня!»

«Да, вижу, не для вас. Креслом дорожите».

«Опять кресло! Кому что, а старухе мерещатся только ее калоши! Обижаться, конечно, легче. Не хотите думать, все бегаєте к товарищу Халмурадову. Вы простите меня, Атакузы-ака, но скажу откровенно: ваш закадычный друг очень помог вам прийти к сегодняшнему дню. Река портит берег, а излишняя похвала — человека! Слыхали такое? Это самое я сказал и вашему другу Бекмураду Халмурадовичу!»

«Благодарю за откровенность!»

«Могу вас порадовать — своих позиций он не сдал. Все еще защищает, считает вас незаменимым!»

«А вы, конечно, ответили — незаменимых не бывает».

«Нет, на этот раз ошиблись. Оставить вас райсом невозможно».

Но кого поставим на это место? Не знаю. Секретаря парткома? Но ведь она просто кукла, танцует под ваш бубен...»

«А у других? У других не танцуют».

«Подумайте сначала о себе».

«Ну что ж, так издавна ведется: того, кто упал, все топчут».

«Хватит ныть! Батыр, даже пораженный стрелой, остается на поле брани. Не теряйте лица, Атакузы-ака! Признать свои ошибки может только человек мужественный, благородный. Я знаю и ваши хорошие стороны. По-человечески сочувствую вам, но обманывать не хочу. Завтра состоится бюро, и нет никакой надежды, что вы останетесь на месте...»

«Неужели никакой? Правда, я сейчас упрямылся. Не знаю почему, но трудно так сразу все признать. Но поверьте — за эти дни я передумал, пересмотрел многое. Если оставят меня, искуплю все грехи. Трудом бы я смог оправдать себя».

«Нет, Атакузы-ака, теперь это невозможно. Вы перешли все границы. Люди не поймут нас, если все это останется без наказания. Могу посоветовать лишь одно: выше голову, Атакузы-ака! Лихому джигиту — лихая жизнь!..»

3

Шукуров открыл глаза — ему послышался голос Махбубы — и удивился: он сидел на диване, привалясь к подушкам. Как сидел ночью, так и заснул — даже не раздевался.

В комнате было уже светло. Со двора доносились приглушенные голоса. По-видимому, теща и тестя готовились к отъезду.

Шукуров вспомнил о ночной стычке, на душе стало опять нехорошо. Махбуба... Приходила и она — еще до тестя. Села рядом, робко спросила, пряча глаза:

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Ничего, — ответил он и отвел глаза от ее просящего взгляда. — Может, кто другой и сделал бы, а вот я не могу.

— Он уже старый. Пятно ведь на всю жизнь...

— Пусть особенно не волнуется. Ну оштрафуют, ну узнают в институте. Что ж делать? А обходить закон — новое преступление. Так, по крайней мере, честнее.

Жена незаметно вздохнула. Он взял ее руку в свои:

— Махбуб, ты должна понять: дело не в том, что я боюсь, не решаюсь предпринять что-либо. Но это тот случай, когда вступает в силу моральная сторона.

Махбуба ничего не ответила, вышла молча. Он надеялся, жена объяснит все родителям. Может, не сумела убедить? Так или иначе, неприятный разговор с ними состоялся. Точнее сказать — с тещей. Подключив в дело ее, тестя как-то стухивался. А уж Назокат-биби «выдала» на полную мощность.

Начала издали: в этом мире не дождешься, чтобы платили за добро добром. Закончила сетованиями на зятя: отдали ему любимое дитя, доверили. Откуда такое отношение к ним? Чем они его заслужили? И наконец, рыдания и угрозы: увезет дочь, заберет внучек...

...Дверь осторожно открылась, вошла Махбуба. В припухших глазах следы бессонницы, лицо побледнело, осунулось — тоже нелегко.

— Родители собрались уезжать. Отец хочет вам что-то сказать, можно ему войти? — Махбуба подавила всхлип, не стала ждать ответа.

Не успела закрыться за нею дверь, явился Вахид Мирабидов.

— Можно, сынок? — Вид напроказившего мальчишки, глаза жалобно моргают, руки покорно сложены на животе. Редкие пепельно-серые волосы, обычно так благопристойно обрамлявшие лик, сплелись и взлохматились. Встал перед зятем, сиротливо склонил голову.

У Шукурова невольно сердце сжалось:

— Прошу вас, отец, садитесь.

— Благодарю, сынок. Пришел вот попрощаться и... извините уж старика, снова я об этом надоевшем вопросе. Надеюсь, мой возраст...

— Я слушаю вас...

— Я, собственно, о... о вашей милиции. Оставят они меня, старика, в покое, учтут мою седину или будут еще вызывать, трепать нервы? — Вахид Мирабидов робко, как-то даже воровато взглянул на зятя и сразу отвел глаза.

Шукуров молча посмотрел в окно. Опять за свое! Снова старый халат да старый кушак! Когда только, по какой причине родилась в нем и пустила корни уверенность, что секретарю райкома все под силу? Ведь вот как сказал — «ваша милиция»! Думает, что так и должно быть в жизни. И не темный же, безграмотный простак — ученый, солидный человек! То-то и есть — ученый ли?.. Шукурову припомнился ташкентский разговор с домлой Шамурадовым. Как он тогда говорил: с позволения сказать, ученый. Это ведь о Мирабидове. Шукуров теперь точно знает. А как хотелось бы Шукурову видеть своего тестя таким же чистым и великодушным, как домла Шамурадов. За шестьдесят тестю перевалило, а все норовит свернуть на кривую дорожку.

Шукуров с трудом подавил тяжелые мысли.

Вахид Мирабидов по-прежнему стоял у порога — руки на животе, глаза просительные, терпеливо, с робкой надеждой ждал. Вразумлять этого человека — напрасный труд. Но обидные слова все же сорвались с языка:

— Удивляюсь я вам, отец!

— То есть?

— Вы же ученый, а мыслите... Считаете, можно обойти любой закон...

Слова зятя отняли последние силы. Вахид Мирабидов беспомощно опустился в кресло у дверей.

— Прошу вас, сынок... Не будем касаться юридического аспекта...

— Да я и не собираюсь. Просто удивительно: когда в вас завелось все это, все эти взгляды? — воскликнул Шукуров. И вдруг вырвалось: — Может, когда писали свои статьи против домлы Шамурадова?

Глаза Вахида Мирабидова округлились.

— Нормурад Шамурадов! — застонал он. — О аллах! И вам, мой сын, уже донесли. Не спешите судить. Вы же знаете, что это были за годы. Да и сколько я уже перенес за ту свою ошибку. Как я сам казнил себя, как терзал! Неужели еще мало?

Из глаз Вахида Мирабидова капнули слезы. Шукуров сжал губы, удерживая готовые вырваться слова. Перевел дыхание.

— Простите, может, я не прав... Но мне хочется видеть вас прямым и честным, отец. Теперь, когда вы уже немолоды, должны же наконец подумать, как говорится, и о душе.

— Хорошо, сынок, хорошо. А теперь разрешите откланяться...— Вахид Мирабидов торопливо попятился к двери, словно бежал от беспощадных слов зятя.

«Кажется, я перегнул палку,— подумал Шукуров. И сам же отвел эту мысль: — Каждый жнет то, что сеет». Шумно вздохнув, будто освобождаясь от тяжести, вышел вслед за тестем. Что бы там ни было, а гостей полагается проводить. Этого требовали и долг хозяина, и простое приличие.

4

Домла Шамурадов почувствовал, что летит в бездонную пропасть, и очнулся.

В комнате было полутемно. В углу, под зеленым абажуром, Латофат читала книгу, как школьница подперев подбородок руками. Уловив беспокойное движение домлы, она обернулась:

— Вам что-нибудь подать, дедушка?

— Нет, спасибо. Где Хайдар?

— Его вызвали в город. Задерживается что-то...

«Почему эта девушка здесь? Каждый день приходит, дежурит до полуночи. Наверно, Хайдар попросил. Одна с больным стариком. Напрасно он так делает».

Нормурад-ата почувствовал себя плохо в ночь после бурного разговора с Атакузы. «Предынфарктное состояние»,— определил врач и приказал: лежать и не двигаться. А он-то рассчитывал поработать...

— Может, чаю подать?

— Нет-нет...

— Вы просили почитать Герцена...

— Да, да, почитать,— сказал домла.— Почитаешь попозже...

Омар Хайям и Навои — их стихи лежали на столике у дивана. Но и раньше, и теперь — всего ближе был домле Герцен, особенно «Былое и думы». Эта книга в последнее время стала его постоянным собеседником. Книга рассказывала о тяжелых днях человека, о страдании, и все — с мудрой, грустной улыбкой. Это как раз и нужно было домле. Книга лечила его собственную грусть, вводила от горьких воспоминаний. Но сейчас и она...

Странно, вот домла снова закрыл глаза и сразу опять начал опускаться все в ту же бездонную черную пропасть. Там, на дне пропасти, он увидел Гульсару-биби; она подняла на него печальные насурьменные глаза. Что это — бред? Нервы шалят — так сказал врач из города, его приглашали осмотреть домлу. Прав врач, расстроились нервы от горьких дум. А думы все о том же, об Атакузы!..

Нормурад-ата знает, что племянника вызывали и к следователю, и в райком, что в колхозе началась ревизия. Черные тучи над головой Атакузы уже сгустились, вот-вот грянет гроза. Одна и та же мысль не

дает покоя: он, Нормурад, не сумел отвести беду! Сколько раз начинал говорить с Атакузы и всегда срывался. Конечно, Атакузы сгубило тщеславие. Когда только подцепил он эту хворь?.. Э, брось, старик! А сам ты не был ли заражен той же болезнью? Тебя возмущала даже мысль, что могут перечить тебе — известному человеку, ученому! Вот откуда все, вот почему и орал, гремел! Тоже — громовержец! Неужели так все и кончится? Поговорить бы с ним, с родным человеком, по душам!.. Теперь он сумел бы это сделать. Откроет племяннику самые заветные мысли. А если не успеет? Что тогда? Нести все с собой в могилу? Все, все может случиться. Недаром, наверно, мерещится ему Гульсара, все зовет и зовет к себе.

Опять, опять подступает знакомая боль в груди. Домла крепко сжал зубы, терпел. Вот начало затихать. Позвал Латофат:

— Дитя мое, возьми из ящика стола бумагу... и ручку... Сядь вот здесь, мне надо кое-что продиктовать...

Латофат поставила на столик у дивана зеленую лампу, приготовилась писать. Какие тревожные, настороженные у нее глаза. Надо отпустить домой...

Он зажмурился — обдумывал. Вот уже больше недели мысленно разговаривает то с Атакузы, то с Шукуровым. Сейчас, когда подзвал Латофат, казалось, слова собрались на самом кончике языка. Странно, куда они вдруг исчезли?!

Латофат, обеспокоенная молчанием, нагнулась:

— Дедушка! Может, подать лекарство?

— Нет.— Нормурад-ата открыл глаза, посмотрел на Латофат и, будто вдруг схватив нужную мысль, заторопил: — Пиши! «Дорогой Абрарджан!» Нет, лучше так: «Первому секретарю районного комитета партии товарищу Шукурову».

Нормурад Шамурадов на миг замолчал, перевел дыхание и, уставившись в одну точку, начал медленно, спокойно диктовать, обдумывая каждое слово:

— Уважаемый Абрар Шукурович!

Вы, я знаю, в курсе моих дел, и потому обращаюсь именно к Вам. За свою жизнь я собрал довольно основательную библиотеку. Подбирал с расчетом на молодого человека. В ней есть книги по науке и технике, философские труды. Особенно много художественных произведений и книг по искусству. Эту библиотеку более чем в десять тысяч томов я подарил, Вы знаете, средней школе колхоза «Ленин юлы». Очень прошу Вас — проследите, чтобы книги не попали в руки случайного человека. Надо подыскать такого, кто ценит и любит книгу. Лишь тот, кто сам стремится к знаниям, может помочь молодому поколению кишлака воспользоваться этой, скажу без скромности, редкой и ценнейшей коллекцией... Это моя первая к Вам просьба. А теперь о второй...

Нормурад-ата перевел дыхание, подождал.

— Как мне стало известно, на днях бюро райкома будет обсуждать персональное дело моего племянника, председателя колхоза «Ленин юлы» Атакузы Умарова.— Тут домла закашлял, заговорил глухо.— Вы знаете, как я, будучи коммунистом, отношусь к его ошибкам, Вам известна моя критика по его адресу. Я никоим образом не соби-

раюсь, да и не имею ни морального, ни иного права оказывать какое-либо влияние на решение райкома.

Мне, старику, приходилось сталкиваться с опасным явлением: обсуждая ошибки человека и при том решая его судьбу, иной раз нечисто отбрасывают его прежние заслуги. Раньше такое бывало нередко. Оттого и взял на себя смелость заговорить здесь об объективности. И еще у меня просьба лично к Вам, товарищ Шукуров: какое бы решение ни вынесло бюро, как бы строго коммунисты ни осудили Атакузы, прошу — не отвернитесь от него, не махните на него рукой.

К несчастью, жизнь так сложилась, что между дядей и племянником не вышло близости. Мне, как человеку, умудренному жизнью, полагалось быть более терпимым. Нет, не к его ошибкам, — я должен был бы внимательно выслушать его, выяснить корни ошибок и, главное, понять, что толкало на неправильные поступки. Тогда, может, я и успел бы предпринять что-нибудь. Но, как говорится, горбатого могила исправит. Мое упрямство подвело и меня, и племянника. Очень прошу Вас теперь, когда Атакузы окажется на перепутье, помогите ему. И то, чего не сделал я по ослиному своему упрямству... (Слова «по ослиному» зачеркни-ка, доченька!)... сделайте Вы. Прошу Вас, станьте его советником и наставником. Если бы Вы исполнили мою просьбу, я мог бы умереть спокойно.

Не знаю почему, но с первого раза, как Вас увидел, меня потянуло к Вам. И знаете, показалось, будто повидал своего сына Джаббара. Человек я необщительный, порою и резкий, немало обидел людей. Боюсь, не сказал ли и Вам резкого слова, — простите старика, если что было, товарищ Шукуров. (Слова «товарищ Шукуров» зачеркни.) Прошу простить меня, сынок. С глубоким уважением профессор Нормурад Шамурадов... Слово «профессор» уберите...

— Дедушка! — Латофат бросила ручку на стол и, кусая дрожащие губы, наклонилась к Нормураду-ата.

Недовольный взгляд остановил ее.

— Садись, доченька. Мне надо еще кое-что сказать. Возьми другой листок.

Латофат не узнала Нормурада-ата. Глаза пылали, на острых скулах зажглись два темных пятна, иссохшие губы шептали о чем-то. Комната, наполненная зеленоватым светом, погрузилась в тишину, слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание старика.

— Пиши! «Моему племяннику»... Нет, не то. Начинай так:

Родной мой Атакузы!

Всю жизнь я не любил тех, кто сначала обидит человека, а потом кается. И вот приходится самому. Такая у меня судьба. Но поверь, мои слова идут от души. Мы оба с тобой иной раз не щадили друг друга. Знай, дорогой, в моем сердце нет к тебе ни капли обиды. Только благодарность. Ты в дни нашей с Гульсарой старости и одиночества поддерживал нас и согревал наши души.

В последнее время я постоянно думал о тебе. Свои думы, беспокойство о твоём будущем я изложил в письме к Шукурову. Хочу надеяться, вы с ним найдете общий язык.

У тебя очень хорошая жена, дорогая моя невестка Алия, да пребудет

такую во веки веков. Я всегда видел от нее только одно хорошее. Ничто не остается без ответа в этом мире: ни добро, ни зло — все возвращается с лихвой. Да обернется вам в тысячу раз умноженной ее ласка и доброта.

Нормурад-ата замолчал. Стараясь победить дрожь в голосе, продолжил:

— Я благодарен Хайдарджану. Он имел полное право обижаться на меня, а вот сумел подавить в себе обиду, утешил в дни тяжелой болезни. Страшно подумать, как было бы мне одиноко без него. Так пусть он будет счастливым в жизни! Да станут счастливыми дни его с нареченной. Во веки веков!

Теперь о деле: на книжке у меня хранится около трех тысяч рублей. Две тысячи отдай школе. Хочу, чтобы купили новые полки для книг. Останется тысяча — ее истрать на похороны.

Мой дом в Ташкенте завещаю Хайдарджану, пусть живет там вместе с молодой женой. Пусть Хайдар там продолжит свою научную работу. Он теперь на верном пути. Мои рукописи, законченные и незаконченные, отдаю в полное его распоряжение...

Домла начал было говорить о своем предстоящем докладе, но что-то забубулкало в горле, он поперхнулся, замолк.

Латофат отбросила ручку, припала к груди старика:

— Зачем вы себя надрываете, дедушка? Еще успеете, вы будете жить! Жить! И на нашей свадьбе будете, будете!

Нормурад-ата с усилием приподнялся, уперся локтем в подушку, провел рукой по лбу девушки, по ее распустившимся волосам.

— Да, да, буду. Это я просто так, письмо пусть лежит, детка.

Какая милая девушка! Ведь вот как убивается по старику. И что у нее за глаза! Недаром говорят: глаза — душа человека. Очень искренние. Сейчас в них любовь и мольба. И все это к нему обращено, к Нормураду-ата, его просят, умоляют — живи! Домла еще раз погладил волосы Латофат.

От волнистых, мягких волос так хорошо пахло. Нет, не базиликом — другими цветами. Но все равно Нормурад-ата вспомнил Гульсару, и вдруг снова пришла уже посещавшая мысль: «Такое же чистое, нежное создание могло бы родиться и у Джаббара...»

Домла снова нежно провел рукой по волосам Латофат:

— Дитя мое, у меня был сын, звали его Джаббар...

Латофат улыбнулась сквозь слезы, закивала головой:

— Знаю, дедушка, знаю. Ваш сын был настоящим героем, замечательный человек...

— Когда я в первый раз увидел тебя, посетовал на судьбу: почему не у моего сына родилась эта славная девушка?.. А ты так заботишься обо мне, столько вижу от тебя любви, наверно больше, чем если бы была моей внучкой. Ну, что плачешь? Все станет на место... Иди отдохни, детка, отдохни...

Латофат подняла мокрое от слез лицо, попросила:

— Не прогоняйте, пусть сначала Хайдар-ака придет, а потом...

— Нет, нет, пусть и Хайдар отдохнет. Ничего не случится. Мне уже лучше, даже очень хорошо. Выключи свет и иди. Я немного отдохну...

В самом деле, после писем стало вдруг легко и светло на душе. Дом-ла ласково кивнул Латофат, будто тяжесть свалил с себя, и закрыл глаза.

5

Колхоз «Ленин юлы» от райцентра отделяло тридцать километров. Помнится, в военные годы, когда Атакузы работал в колхозе арбакешем, тратил, чтобы доехать до города, чуть ли не целый день. Сейчас «Волга» за полчаса домчит его до места. Но и этот срок часто казался томительно долгим, и он обычно подгонял Учара — быстрее, быстрее! Сегодня же впервые за последние двадцать лет ему не хочется быстроты. Не по душе даже широкая, прямая как стрела асфальтированная дорога. Оказаться бы сейчас на пыльном, ухабистом проселке, как в детстве. Пусть бы «Волга» превратилась в старую, запряженную волами арбу. Атакузы потихоньку, не спеша доскрипел бы к вечеру до города. А там волов предоставил бы самим себе — так делал всегда, когда работал арбакешем, — и развалился бы на мешках зерна. Можно было бы не спеша обдумать все. Глядишь в безмятежное — ни облачка! — небо и спокойно, не торопясь думаешь. Только так и нужно оглядываться на почти полувековой путь.

Сегодня в двенадцать часов бюро райкома. Атакузы нарочно выехал всего за полчаса — до этого успел заглянуть в Минг булак. Незачем ему встречать сожалеющие взгляды людей — тех, кто прежде готов был кланяться даже его тени. Не хочет видеть тонких улыбок соперников. И для утешающих слов друзей уши свои закрыл. К чему? Знает уже наверняка — судьба его решена. Бесконечные проверки и ревизии не оставляли надежды — всё стали валить на него: и незаконно приобретенные удобрения, запчасти, трубы для газопровода, и то, что дал колхозный газик будущему своему зятю, на котором тот задавил человека. Словом, обвинили во всех грехах, какие только есть на белом свете. Все эти проверяющие еще вчера стояли перед ним, смиренно сложив руки на животе, сквозь пальцы смотрели на всякие мелочи. Вот по их изменившейся позе, по их рвению, как копаются во всякой чепухе, Атакузы и знает — все уже решено. Иначе разве позволили бы себе эти люди такой тон в разговоре с ним. Да раньше Атакузы и с места бы не встал — разговаривал бы, развалился на диване!

Что же делать? Ничего не поправишь! Пусть! Эта тяжелая ноша надоела Атакузы. Он и сам уже не раз просил, чтобы его освободили от проклятой должности. Но, оказывается, одно дело — просить самому, зная наперед, что тебя не только не освободят, а, наоборот, еще будут уговаривать, чтобы остался: «Нет, нет, если вы уйдете, что станет с хозяйством? Небо опрокинется на землю!» И ты, все еще упираясь: «Я не могу», диктуешь свои условия. Совсем иное дело, когда, не спрашивая твоего согласия, те же люди сами снимают тебя с работы. Бросив в лицо твои ошибки, унизив, сбрасывают с достигнутой долголетним трудом высоты. Нет, дело даже не в этом. Самое печальное, что Атакузы только теперь, после того как «кувшин разбился», понял не только весь горький смысл своих ошибок, но — и это главное! — понял, на что он способен. Как много доброго мог еще сделать в жизни!

Только бы не сняли, только бы оставили! Он вытерпит все: все обвинения, суровый нагоняй, выговор. Сам признает свои ошибки. Атакузы доказал бы всем, таких бы дел натворил — весь мир бы ахнул.

Он понимал — нет никакой надежды, сознавал всю безысходность своего положения, и все-таки где-то в уголке души еще теплилось — а вдруг! Ведь почти четверть века отдал этому колхозу, не зачеркнул же всех его добрых дел.

Машина мчалась. По обе стороны дороги тянулись бесконечные хлопковые поля. Сады приветствовали его веселым шумом, темно-зеленой краской. Проплывали клеверные поля, виноградники! Но Атакузы не видел ничего.

6

Нормурад-ата удивленно озирался вокруг. Где он? Неужели это его комната такая светлая, веселая? Казалось, очутился в другом мире.

Да, вот лампочка на столе, чайники и пиалы в шкафу, и зеркальце, как полагается, висит на стене. Но эти знакомые вещи, и комната, и сам он, наверно, — все озарено необыкновенно ярким, ликующим светом. И на душе так хорошо, легко. Кажется, чья-то добрая рука сняла тяжелый камень, тот самый, что уже больше недели давил на грудь.

Домла, сам не веря себе, приподнялся на диване, посидел немного. Что же это за чудо случилось с ним за ночь? Вчера он продиктовал свои письма и тогда же, вечером, почувствовал внезапное облегчение. Сегодня впервые за неделю спал спокойно и проснулся легко. Кстати, где эти письма-завещания? Пусть их пока никто не видит.

Письма были спрятаны в выдвижной ящик, а на столе под абажуром лежала записка:

«Дедушка! Мы приходили. Вы так хорошо спали, не захотелось будить. В холодильнике — сметана, молоко, в термосе — чай. Мы поехали в район, к отцу. Вернемся вечером.

Хайдар, Латофат».

От этой маленькой записочки еще светлее стало на душе.

Долго же он спал. Солнце вон как высоко стоит. Домла умылся, достал из холодильника сметану, взял лепешку, налил чаю из термоса и впервые за последнюю неделю с аппетитом позавтракал. Вдруг его внимание привлекла строчка из записки: «Мы поехали в район, к отцу», — и сразу вернулась тревога.

«Может, уже сняли с работы? Сняли и исключили... Нет, этого не может быть! Снять, конечно, могут. Ошибки серьезные. Но чтобы исключить из партии — нет, такого быть не может!»

И тут во дворе резко, рая слух, затрещал мотоцикл. Через минуту, стуча сапогами, вошел Прохор.

Знакомая старая каска, неизменная гимнастерка и большие кирзовые сапоги — вот он весь тут, стоит посреди комнаты, моргая невинными синими глазами.

— Что я вижу, товарищ профессор? Мы думали, вы соскучились по Гульсаре-биби, торопитесь к ней, а вы сидите — ну совсем молодой беркут! Поздравляю, дорогой, поздравляю!

Прохор подошел, обнял домлу, отстранился и еще раз осмотрел друга с ног до головы:

— Молодец, старина. Вот теперь можно поверить, действительно ты был сотником и мардикером! Крепок, крепок! Есть порох в пороховнице...

— А ты как?

— Я тоже не жалуюсь, здоровье — слава богу! — Прохор присел рядом с домлой. Принимая пиалу из рук Нормурада-ата, весело подмигнул: — Да-а... заскучает там Гульсара-биби, дожидаясь такого...

— Не в моей Гульсаре — в тебе все дело! — грустно пошутил домла. — Совсем собрался уже отдать душу аллаху, да подумал: надо сначала дописать заказанную Прохором книгу, а то ведь и на том свете найдет, не даст покоя! — Нормурад-ата взял со стола толстую папку, на которой было выведено четкими буквами: «Древо жизни», положил перед Прохором. — Вот, кончил наконец! Можешь прочитать, дорогой, тут все про твою любимую арчу, — удовлетворенно и не без гордости посмотрел на друга.

— Ладно уж, зачем... — Прохор поставил пиалу с чаем на стол. — Что толку теперь от этой твоей книги...

Вот уж не ожидал домла таких слов! Снова кольнуло в самое сердце.

— Это почему же ты так считаешь? — деревянным голосом произнес, пытаясь скрыть обиду.

— Причина простая. С Минг булаком опоздал, там все по-прежнему. Так и останетя, пока твой племянник сидит на своем месте. Теперь хоть десяток таких книг напиши — толку не будет. — И встал, нервно теребя рваное ухо.

Опять Атакузы! О, дорогой мой Прохор! Попадаешь в самое больное место. Домла вынужден был замолчать — ждал, пока немного утихнет частый перестук в груди. Тихим голосом, будто берег что-то внутри себя, проговорил:

— Племянник мой уже не будет раисом, можешь быть спокоен. Не знаю, изменится ли дело с приходом другого...

— Не волнуйся, раиса твоего не так легко ссадить. Я час назад видел — катается на своей «Волге» по Минг булаку и... — Прохор не успел договорить, замер.

Побелевший Нормурад-ата, пошатываясь, встал со стула:

— Поехали!

— Послушай, Нормурад...

— Поехали, я тебе говорю! — рявкнул вдруг домла. И совсем тихо: — Сам, своими глазами посмотрю. И если только Атакузы там, при тебе скажу ему...

Не слушая, вышел из комнаты, не дожидаясь хозяина, полез в люльку мотоцикла.

«Поторопился ты, старик. Опять пошел на поводу у своего гнева.

Видно, так и останешься неразумным до конца своих дней. Доедешь ли ты еще до Минг булака?»

Мотоцикл трясся, подскакивал на неровностях, и каждый раз в груди больно кололо. Но вот, кажется, и Минг булак. В лицо подуло свежим ветерком. Знакомые запахи — скошенное сено и арча, вдохнул — и будто чуть полегчало.

Чудо, чудо земное — Минг булак! Места, где прошли далекие, но так запавшие в память годы детства! Вот они — луга, где он бегал босиком, весь мокрый от росы. Такими видел их и месяц назад — не изменился вечно свежий, благоуханный Минг булак. Луга все так же ярко зеленели, их не тронул и зной, будто выкупались в здешних прозрачно-чистых родниках...

Домла смотрел и не мог насмотреться на чудо, знакомое и любимое с детства. Не мог надышаться ароматом арчового леса и скошенных трав...

Не было видно ни людей, ни машин. Но вот свернули с дороги и выскочили на поляну. Ее пересекал гравийный тракт. Здесь стояло несколько самосвалов. Краны отвешивали над ними усердные поклоны. Было непонятно, то ли грузят огромные, в обхват человека, трубы, то ли складывают на машины сваленные у дороги деревья. Однако работа шла — над поляной стоял пчелино-ровный гул моторов, звенели голоса рабочих. У первого крана, в стороне от тракта, заметно выделялся среди других краснолицый великан. Он то прикладывал руки к усам-подкове, то передвигал на голове старую, измочаленную тубетейку и что-то говорил рабочим. Али-Муйлов — узнал домла. В грязной рубашке, в разбитых сапогах, но лицо круглое, красное, как спелое яблоко.

«Выходит, после скандала с Абидовым с бригадирства сняли. Перевосили сюда!» Нормурад-ата подал знак Прохору.

Мотоцикл подкатил к самому крану. Увидев стариков, сходящих с мотоцикла, рабочие приостановили работу, с интересом уставились на них. Али-Муйлов вдруг засуетился, видно, узнал домла, заулыбался, приложил руки к груди:

— Э-э... почтенный домла, какими молитвами в наших краях?

Нормурад-ата сделал шаг, и вдруг земля под ногами качнулась. Пришлось схватиться за руль мотоцикла.

— Где Атакузы?

— Атакузы-ака? Они уехали в город, на райком. Только сейчас и уехали...

— А вы что тут делаете?

— Мы? — переспросил Али-Муйлов и еще больше расплылся в улыбке. — Работаем, почтенный домла.

— Работаете! — Нормурад-ата затрясся, двинулся на Али-Муйлова.

— Нормурад! — Прохор попытался остановить его, но домла вырвал руку и закричал, трясаясь и багровея:

— Когда только наша земля избавится от таких тупиц, как ты! Прекрати! Сейчас же прекрати безобразие! — хотел что-то еще сказать — и не смог. Земля, небо, деревья, люди — все заходило, закру-

жилось, и он, хватая руками воздух, всей тяжестью рухнул на подбежавшего Прохора. Последнее, что услышал,— писклявый голос Али-Муйлова, он доносился словно издалека:

— Мы переезжаем, переезжаем, домла... Из Минг булака переезжаем. Атакузы-ака велел...

7

Редкий случай — члены бюро были все налицо. Обычно едва натягивали до кворума, а тут, похоже, сто процентов. Атакузы отметил это сразу, с одного взгляда, как только вошел в кабинет первого секретаря. Молча, никого не приветствуя, пробрался на заднее место.

Оживленный говор и смешки — он слышал их, еще подходя к двери,— как по команде, смолкли. Наступила тишина.

Шукуров встал. Окинул взглядом членов бора, посмотрел на Атакузы и не выдержал, отвел глаза. Больно было видеть, как за короткий срок скрутило этого сильного человека. Глаза в глубоких темных впадинах, скулы обтянуты, худое лицо еще больше почернело.

— Товарищи! — начал Шукуров, и в этот момент засипел телефон. Шукуров раздраженно поднял трубку, хотел уже оборвать: бюро идет, не мешайте! Внезапно лицо его побелело.— Не может быть... Когда?

Осторожно опустил трубку. Постоял с опущенной головой.

— Товарищи!— сказал тихо.— Скончался один из первых и активнейших организаторов колхоза «Ленин юлы», большой ученый, профессор Нормурад Шамурадов... Бюро откладывается. Прошу минутой молчания почтить его память...

8

Кто-то тронул плечо. Атакузы поднял голову. Над ним стоял Хайдар:

— Пойдемте, отец. Пойдемте! Люди уже пошли к нам на фатиху...

Атакузы, не видя, смотрел на сына красными, воспаленными глазами. Фатиха? Люди? Он оглянулся по сторонам. Народ, только что заполнявший и кладбище, и весь караул-тепе¹, хлынул вниз. В кровавом отблеске вечерней зари длинная вереница людей — кто пешком, кто в машине, а кто и на лошади — двигались, как отступающее войско.

— Ладно, ты иди, иди, сынок. Я приеду попозже...

— Как же так...

— Иди!..

Полные слез глаза отца и весь его горестный вид заставили Хайдара отойти.

¹ Караул-тепе — сторожевой холм.

Атакузы еще раз оглядел опустевшее громадное кладбище, багровое зарево над караул-тепе, опустил голову, прикрыл глаза. Опять, будто издали, слышался чуть приглушенный, взволнованный голос Шукурова: «Бывают люди, жизнь которых, их деяния, пройденный ими путь навсегда остаются для нас высоким образцом. Таким человеком был большой ученый, старый коммунист, наш дорогой атахон Нормурад Шамурадов. Он прожил большую честную жизнь, полную борьбы и благородных свершений во имя счастья людей...»

Голос Шукурова затих, его заглушил другой — громкий, отчаянный. «И в маршиках, и в боях за советскую власть, и в радости, и в беде мы были вместе,— это над могилой рыдал Прохор.— Я надеялся, что и из жизни мы уйдем тоже вместе. Почему так несправедливо обошелся со мной? Почему оставил меня одного в тоске и печали, дорогой мой Нормурад? Привык принимать все удары на себя, и смерть тоже ты принял первым. Зачем, зачем только я повез тебя в Минг булак? Прости, прости ради нашей шестидесятилетней дружбы, прости, незабвенный мой товарищ!»

Много добрых слов было сказано. Уразкул вспомнил прошлое домлы Нормурада. Слова благодарности сказал директор школы. Говорил и представитель института — приехал за докладом домлы и вот попал... на похороны...

Добрые речи словно повернули что-то в голове Атакузы. Вспомнилось письмо дяди, и он плотно сжал зубы, застонал.

Еще когда читал письмо-завещание, чувствовал, будто что-то оборвалось внутри. Главное, что мучило,— не успел покаяться, попросить прощения. Дядя хоть в письме излил душу. Сказал свое последнее прости! А вот он, Атакузы,— кому он выскажет все, что так и осталось в нем? Пусть были между ними обиды, но он же любил старика, как родного отца любил! Надеялся — в душе всегда надеялся — когда-нибудь склонит перед ним колени, выскажет все, что накопилось за последние нелегкие месяцы. Кому теперь он откроет свою боль? Этой холодной могиле, безмолвному камню на ней? Или будет носить — до конца своих дней — этот тяжелый груз?

Раскаялся, говоришь? Любил? Разве не тобой нанесенные обиды омрачили его последние дни? Разве не ты из мелкого самолюбия, дрожа за свой несчастный авторитет, оттолкнул его добрые слова? И даже сейчас, когда уже грохнулся лбом об стену,— и сейчас не торопишься усмирить свою гордость! Не к нему — к себе любовь твоя. Бередишь раны — тешишь свою боль. Хоть теперь, над этой свежей могилой, отважься, скажи себе правду и сам оцени свои дела. Есть на свете честность и совесть, Атакузы. Только ими и жил твой дядя.

Да, это так! От человека остаются лишь его добрые дела. А все остальное — пустой прах, приходит и уходит бесследно. Вот что понял Атакузы. Поздно, но понял. И горько — не сможет сказать об этом дяде, опоздал...

Думы перебил шум мотора.

Кругом уже стояла тьма. Небо играло звездами. У дороги остановилась машина. Хлопнула дверца, тишину нарушили чьи-то шаги. Кто-то подбежал.

— Отец! Поедем!..

— Атакузы-ака!— позвал от машины глухой голос.— Пойдемте, нельзя же так!

«Шукуров!»

Атакузы уперся руками в землю, тяжело встал.

Он еще раз склонил голову перед свежим могильным холмом у ног, посмотрел на уходящий в темноту, будто в бесконечность, ряд могил и устало зашагал к дороге.

Теперь осталось лишь одно — нести в жизнь то, что сегодня здесь, на кладбище, понял. Нелегкое это будет дело. Но таков его долг. Люди и совесть требовали этого.

Ташкент
1974 — 1978

СОДЕРЖАНИЕ

АЙБЕК

Священная кровь. Р о м а н. Перевод с узбекского Н. Ивашева 21

КАДЫРОВ П.

Алмазный пояс. Р о м а н. Перевод с узбекского Ю. Суровцева 257

ЯКУБОВ А.

Совесьть. Р о м а н. Перевод с узбекского В. Дубинцева 465

Айбек (Муса Ташмухамедов)

СВЯЩЕННАЯ КРОВЬ

Пиримкул Кадырович Кадыров

АЛМАЗНЫЙ ПОЯС

Адыл Якубов

СОВЕСТЬ

Редактор

Э. О. Ашитов

Художественный редактор

А. С. Томили

Технические редакторы

З. Б. Хамидулина и Ю. Н. Чистякова

Корректор

С. Б. Блауштейн

ИБ № 6611

Сдано в набор 29.12.87. Подписано к печати 04.10.88.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Литературная
гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 43. Уч.-изд.
л. 51,66. Тираж 200 000 экз. (2-й з-д 40 001—100 000 экз.).
Заказ № 12. Цена 3 р. 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писа-
тель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

А 36 АЙБЕК. Священная кровь. КАДЫРОВ П. Алмазный пояс.
ЯКУБОВ А. Совесть: Романы. Пер. с узб.— М.: Совет-
ский писатель, 1988.— 688 с.

ISBN 5—265—00096—8

В основу романа известного узбекского поэта и прозаика Айбека «Священная кровь» легли события первой мировой войны и жизнь узбекского народа в этот период.

Действие романа Пиримкула Кадырова происходит в наши дни. «Алмазный пояс» — так поэтично назван автором замысел узбекских архитекторов, украшающих столицу своей республики не только уникальными зданиями, но и поясом зеленых насаждений, арыков, водоемов, органично входящих в общий ансамбль.

Современной жизни узбекских колхозников посвящен роман Адыла Якубова «Совесть».

4702620201—389

А ————— 345—88

083(02)—88

ББК 84 Уз 7

**В 1989 ГОДУ
ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ**

АМИНОВ Н.

Ангелы-обманщики:

Повести. Пер. с узб.— М.: Сов. писатель,
1989 (11 кв.)— 20 л.— ISBN 5—265—00970—1 (в пер.):
2 р. 20 к., 30 000 экз.

Действие этой трагикомической повести происходит в узбекской районной глубинке. Герои ее — глупый, тупой проходимец, местная номенклатура — порождение эпохи, фальши и безвременья. Быт и нравы тех лет изображены автором со всей беспощадностью. Внешне неприятная, в простоте своей почти фарсовая история деградации маленьких начальничков и их окружения полна остросатирического обличения всего того, что позже стало бедой большой республики в целом.

МАНСУРОВ И.

Вечная дуэль:

Роман, повесть. Пер. с узб.— М.: Сов. писатель,
1989 (II кв.).— 19 л.— ISBN 5—265—00845—4: 1 р. 50 к.,
30 000 экз.

Книга узбекского прозаика Мурадждана Мансурова на русском языке издается впервые. Главные действующие лица его остросюжетного романа «Вечная дуэль» и повести «Все хотят жить» — люди, которые совершили в Узбекистане социалистическую революцию и с оружием в руках отстаивали завоевания новой жизни. В этих произведениях изображены и наши современники, которым приходится решать трудные жизненные проблемы. Нередко попадают они в экстремальные ситуации, где все определяет нравственный выбор. Бескомпромиссна авторская позиция: он всегда на стороне тех, кто честно делает свое дело, чей труд служит людям и доставляет радость.

ТАТУР С.

Периферия:

Романы.— М.: Сов. писатель,
1989 (1 кв.).— 29 л.— ISBN 5—265—00846—2 (в пер.):
1 р. 50 к., 100 000 экз.

Сергей Татур — известный в Узбекистане прозаик, автор острых, проблемных романов.

Открыто, с партийной непримиримостью обнажает писатель в романе «Периферия» теневые стороны жизни большого города, критически изображает людей, которые используют свое общественное положение ради собственной карьеры.

Сложные социальные и семейные конфликты исследуются и в романе «Наедине с собой». Стремление разобраться в жизни и ее переменах присуще главному герою, который, путешествуя по родным местам, вспоминает прошлое и сравнивает его с днем сегодняшним, когда люди проникнуты новыми устремлениями к социальным преобразованиям.

ХАШИМОВ У.

Войти и выйти:

Роман. Пер. с узб.— М.: Сов. писатель,
1989 (II кв.)— 31 л.— ISBN 5—265—00847—0 (в пер.):
2 р. 50 к., 30 000 экз.

Новый роман узбекского прозаика Уткура Хашимова изображает картины жизни тридцатых — семидесятых годов. Автор прослеживает непростые, подчас трагические судьбы и жизненные пути героев, в которых отразилась история узбекского села последних десятилетий. Давно минувшее ненавязчиво перекликается с сегодняшним днем, проясняя истоки тех негативных явлений, которые вскрылись в недавнее время в республике.

Роман удостоен республиканской Государственной премии имени Хамзы.
